Эрик Фрэнк

РАССЕЛ

Часовые Вселенной

Эрик Фрэнк

РАССЕЛ

Часовые Вселенной

Эрик
Фрэнк
РАССЕЛЛ

Оса

•

Часовые Вселенной

•

Считайте его мертвым

•

Ближайший родственник

•

Зловещий барьер

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2010

Эрик Фрэнк

РАССЕЛ

Часовые Вселенной

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Р 24

Eric Frank Russell

SINISTER BARRIER
©1939 by Eric Frank Russell

SENTINELS FROM SPACE
©1953 by Eric Frank Russell

CALL HIM DEAD
© 1955 by Eric Frank Russell

WASP
© 1958 by Eric Frank Russell

NEXT OF KIN
© 1959 by Eric Frank Russell

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Серия основана в 2001 году

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино».

Расселл Э. Ф.

Р 24 Часовые Вселенной : [пер. с англ.] / Эрик Фрэнк Расселл. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 944 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-40930-3

Эрик Фрэнк Расселл знаменит не только тем, что он первым из британцев заслужил престижную премию «Хьюго» и что его имя занесено в списки Зала славы научной фантастики и фэнтези. Из-под его пера вышло и разлетелось по всему свету множество увлекательных, пронизанных юмором и добротой историй, и они уже давно считаются классическими.

Данную книгу составили лучшие пять крупных произведений этого своеобразного английского писателя. В их числе «Зловещий барьер», получивший титул одного из самых фантастичных и потрясающих воображение романов.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-40930-3

© В. Межевич, М. Науменко, Т. Науменко, К. Плешков, перевод с английского, 2010
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Oca

Посвящается Эсте Дороти Кэтц,
любящей матери

Глава 1

Он проскользнул в комнату и, не говоря ни слова, уселся в предложенное ему кресло. На лице вошедшего застыло недоумение; он до сих пор не понимал, что же, собственно, происходит, и эта загадочность порядком надоела ему.

Здоровенный тип, сопровождавший его с самой Аляски, удалился, тихо прикрыв за собой дверь, и он остался наедине с мужчиной, восседавшим за обширным письменным столом. Небольшая табличка, прикрепленная к столу, извещала, что его владельца зовут Вильям Вулф. Имя не слишком соответствовало его наружности: он смахивал скорее на лося, чем на волка.

Вулф произнес, спокойно и жестко:

— Полагаю, мистер Моури, вы имеете право требовать объяснений.— Он сделал паузу и добавил: — Вы их получите.— И не мигая уставился на собеседника.

Целую минуту Джеймс Моури выдерживал этот испытующий взгляд. Затем спросил:

— Когда?

— Скоро.

Вулф продолжал рассматривать его. Неприятный, оценивающий взгляд словно проникал под кожу; а лицо собеседника было столь же теплым и выразительным, как гранитная поверхность могильной плиты.

— Вы можете встать?

Моури поднялся со стула.

— Повернитесь.

Он нехотя повернулся.

© Перевод В. Межевич.

— Пройдитесь по комнате.

Он сделал несколько шагов.

— Гм...— промычал Вулф, и в этом междометии не ощущалось ровным счетом ничего — ни одобрения, ни досады.— А теперь, мистер Моури, постарайтесь не удивляться. Я прошу вас, выгните ноги колесом... Да, да... А теперь сделайте несколько шагов в таком положении... Я не шучу, уверяю вас.

Вывернув колени насколько это было возможно, Моури неуклюже заковылял по комнате. Казалось, он скачет на невидимой лошади. Затем Джеймс снова уселся на стул и веско произнес:

— Надеюсь, что мне, по крайней мере, заплатят за это. Не в моих правилах кататься за три тысячи миль только затем, чтобы бесплатно покривляться на потеху публике.

— Не надейтесь. Здесь деньгами не пахнет, и вы не получите ни цента. Правда, если повезет, останетесь в живых.

— А если не повезет?

— Умрете.

— Вы чертовски откровенны,— отметил Моури.

— На этой работе приходится быть откровенным.— Вулф еще раз придирчиво оглядел гостя.— Вы справитесь. Да, я уверен, вы справитесь.

— Справлюсь с чем?

— Сейчас объясню.— Открыв ящик, он достал несколько листков и протянул их через стол.— Для начала прочтите вот это. Так вы лучше поймете, чего мы, собственно, хотим от вас.

Моури взглянул на листки. Перед ним были машинописные копии газетных репортажей. Устроившись поудобнее на стуле, он медленно и внимательно прочитал их.

В первой заметке сообщалось об одном типе, учинившем переполох в Румынии. Сделал он это таким образом: встал посреди улицы, увлеченно уставился в небо и при этом громко выкрикивал нечто вроде: «Голубые огни! Смотрите, голубые огни!» Собрались зеваки, и некоторые из них тоже начали что-то кричать.

Скоро скопилась целая толпа. Народ прибывал с каждой минутой.

Вот уже зрители запрудили магистраль, затем все соседние улицы... Полиция пыталась разогнать толпу, но это только прибавило суматохи. Какой-то идиот вызвал пожарную команду. В толпе нашлось немало истериков, которые клялись, что видят или видели что-то странное над облаками. К месту происшествия устремились корреспонденты и фоторепортеры. Слухи росли, как снежный ком. Правительство послало военных летчиков на разведку. Паника распространилась на двести квадратных миль, а тот, кто вызвал ее, предусмотрительно смылся.

— Забавно, если не сказать больше,— заметил Моури.

— Читайте дальше.

Второй репортаж был посвящен дерзкому побегу из тюрьмы двух отъявленных убийц. Они угнали машину и успели проехать шестьсот миль, пока их не схватила полиция. На свободе они пробыли ровно четырнадцать часов.

В третьем подробно описывалась автомобильная катастрофа: трое погибли, один получил серьезные увечья и через девять часов скончался, машина полностью разбита.

Возвратив бумаги, Моури спросил:

— А я-то здесь при чем?

— Рассмотрим заметки в том порядке, в котором вы их прочитали,— начал Вулф.— Они подтверждают некое, давно известное нам, правило, хотя вы, возможно, его не знаете. Возьмем случай номер один. Этот румын не делал ничего противозаконного, абсолютно ничего — смотрел на небо и бормотал какие-то глупости. Но тем не менее он заставил засуетиться правительство. Да что там засуетиться! Они запрыгали, как блохи на раскаленной сковородке! Следовательно, при определенных условиях действие и реакция на него могут иметь абсолютно несопоставимые масштабы. Не делая ничего особенного, можно достичь результатов несравнимо больших, чем затрачивая значительные усилия.

— Ну, допустим,— согласился Моури.

— Теперь о сбежавших из тюрьмы. Их действия совершенно ординарны: перелезли через стену, схватили первую попавшуюся машину, гнали, как сумасшедшие, пока у них не кончился бензин, и наконец сдались полиции.— Вулф наклонился вперед,

и тон его стал многозначительным: — Но в течение четырнадцати часов в поисках было занято шесть самолетов, десять вертолетов, сто двадцать патрульных машин, бесчисленное количество телефонных линий и каналов радиосвязи, не говоря уже о полиции, депутатах, отрядах добровольцев, охотниках, следопытах, лесничих и национальных гвардейцах. Общее число участвовавших в операции в трех штатах составило двадцать семь тысяч человек.

— Фью! — присвистнул Моури, подняв брови.

— И наконец, рассмотрим автомобильную катастрофу. Ее причина известна. Пассажир, умерший через несколько часов, перед смертью успел рассказать, что машина шла на высокой скорости и водитель не справился с управлением, потому что отмахивался от залетевшей в окно осы.

— Однажды со мной чуть не случилось то же самое.

Не обратив внимания на это замечание, Вулф продолжал:

— Вес осы — несколько граммов. Ее размеры по сравнению с человеком ничтожны, а силу можно вообще не брать во внимание. Единственное ее оружие — крошечное жало с каплей муравьиной кислоты, причем в данном случае она им даже не воспользовалась, тем не менее убила четырех взрослых мужчин и превратила большую мощную машину в груду металлолома.

— Понимаю,— согласился Моури,— но все-таки при чем здесь я?

— При том,— ответил Вулф,— что вы должны стать осой. Мы так хотим.

Откинувшись на спинку стула, Моури внимательно посмотрел на собеседника.

— Этот громила, который притащил меня сюда, был агентом секретной службы — я видел его документы. Я нахожусь в правительственном учреждении, и вы, несомненно, чиновник высокого ранга. Но мне все же сдается, что вы сошли с ума.

— Возможно,— сухо ответил Вулф,— но я так не думаю.

— Вы хотите, чтобы я что-то сделал?

— Да.

— Что-то необычное?

— Да.

— Сопряженное с риском для жизни?

— Боюсь, что так.

— Причем бесплатно?

— Именно так.

Моури встал и потянулся за шляпой.

— Не знаю, как вы, но я пока не спятил.

— Вы спятили,— тем же бесцветным голосом сказал Вулф,— если вас устраивает перспектива быть уничтоженным сири.

Бросив шляпу, Моури снова сел.

— Что вы имеете в виду?

— Идет война.

— Кто ж этого не знает? — Он пренебрежительно махнул рукой.— Мы воюем с Сирианской империей уже десять месяцев. Так пишут газеты. Так сообщает радио. Так трезвонят по видео. Так утверждает правительство. И я не вижу причин им не доверять.

— Если вы так доверчивы, то, возможно, проглотите и кое-что еще.

— Что же именно?

— Население Земли не склонно беспокоиться, пока война идет где-то далеко. Правда, враг уже дважды атаковал Солнечную систему, но обе атаки были отбиты. Общественность верит в неуязвимость нашей обороны, и эта вера оправданна. Никакие силы противника не смогут сломить ее.

— Ну так о чем же речь?..

— Войны выигрывают или проигрывают, третьего не дано. Но ведь обороняясь, мы не достигнем победы! — Неожиданно он с силой стукнул кулаком по столу, от чего ручка подлетела в воздух на два фута.— Нам нужно сделать гораздо большее! Мы должны захватить инициативу, уложить противника на обе лопатки и разделать под орех!

— Надеюсь, когда-нибудь так и произойдет...

— Может быть,— сказал Вулф.— А может быть, и нет. Это зависит от многого.

— От чего же?

— Например, от того, сумеем ли мы разумно распорядиться нашими ресурсами — и в первую очередь людьми. В том числе такими, как вы.

— А если конкретнее? — предложил Моури.

— Видите ли, в техническом отношении мы опережаем Сирианскую империю. В некоторых областях наше преимущество незначительно, в других мы намного их обогнали. Следовательно, мы способны создать лучшее оружие и более эффективные средства обороны. Но есть кое-что, о чем наша общественность не подозревает — просто потому, что никто не счел нужным ее проинформировать. Враг превосходит нас численно — на каждого землянина приходится двенадцать сири. Соответственно, они обладают количественным перевесом в вооружении в той же пропорции.

— Это точно?

— К сожалению, абсолютно точно, хотя пропаганда замалчивает подобные факты. Наш военный потенциал имеет качественное превосходство, у сири же преимущество количественное. Очень серьезная проблема; следует знать о ней и пытаться разрешить всеми возможными способами. Но мы же не можем начать плодиться как мухи!

— Понятно.— Моури закусил нижнюю губу и задумался.

— Однако,— продолжал Вулф,— наше положение уже не выглядит столь безнадежным, если вспомнить, что один бездельник сумел вызвать переполох в правительстве, двое — на четырнадцать часов связать силы целой армии в двадцать семь тысяч человек, а крошечная оса уничтожить четверых гигантов и их огромную машину.— Он помолчал, наблюдая, какой эффект произвели его слова, и закончил: — Отсюда следует, что если подходящий человек в подходящем месте и в подходящее время нацарапает на стене пару слов, то сможет вывести из строя целую дивизию врага, будучи вооружен лишь куском мела.

— Хм... Вы собираетесь вести войну совершенно нетрадиционными методами...

— Это делает их еще более эффективными.

— ...и у меня хватает цинизма, чтобы воздать им должное. Такие фокусы всегда меня привлекали.

— Нам это известно,— сказал Вулф. Он взял папку со стола и перелистал страницы.— Когда вам исполнилось четырнадцать, вы были оштрафованы на сто сирианских гильдеров за то, что выразили свое мнение об одном из местных чиновников прямо на стене его дома, буквами в двадцать дюймов высотой. Ваш отец

принес извинения, со ссылками на юношеское легкомыслие. Сири были оскорблены, но все же замяли дело.

— Я утверждал и продолжаю утверждать, что Разадут — продажный толстопузый лжец,— заявил Моури. Потом он уставился на папку.— Что это там у вас — моя биография?

— Да.

— Не слишком ли вы любопытны?

— Приходится. Считайте это частью платы за выживание расы.

Отложив папку, Вулф продолжал:

— Мы обладаем информацией о каждом жителе Земли. Не вдаваясь в технические детали, скажу, что мы почти мгновенно можем выяснить имена всех, имеющих вставные зубы, всех, кто носит обувь одиннадцатого размера, или всех появившихся на свет от рыжеволосых женщин... ну и конечно, выловить парней, которые попытаются увильнуть от призыва. Без особых хлопот мы можем выбрать любую нужную нам овцу из стада.

— И что, я и есть та самая овца?

— Это только сравнение. В нем нет ничего оскорбительного.— Его губы судорожно искривились, что означало, видимо, улыбку.— Сначала мы отобрали около шестнадцати тысяч человек, свободно владеющих несколькими сирианскими диалектами. После исключения из списка женщин и детей он сократился до девяти тысяч. Затем, шаг за шагом, мы отсеяли престарелых, немощных, слабых, ненадежных, не подходящих по темпераменту, слишком низкорослых, слишком высоких, слишком толстых, слишком худых, слишком тупых, слишком безрассудных, слишком осторожных и так далее. У нас осталось совсем немного кандидатур на роль «осы».

— Какие требования к ним предъявляются?

— Несколько, но главное — кандидат должен быть человеком невысокого роста, способным ходить чуть вывернув ноги, с ушами, плотно прилегающими к голове, и лицом сизого цвета. Другими словами, он должен выглядеть так, чтобы у сири не возникло никаких сомнений по поводу его внешности.

— Ни за что! — воскликнул Моури.— Ни за какие деньги! У меня розовая кожа, есть зубы мудрости и уши оттопыриваются!

— Лишние зубы можно вырвать. Хирурги удалят часть хряща и прилепят ваши уши к голове, не оставив никаких следов

операции. Процедура безболезненная и простая, все заживет за две недели. Это мнение медиков, так что не спорьте.— Его губы снова искривились.— Что касается цвета кожи — с этим нет затруднений. Лица некоторых землян благодаря выпивке приобретают такой оттенок, который и не снился сири. Мы покрасим вас с гарантией на четыре месяца, а потом вы сможете поддерживать нужный цвет с помощью специального препарата.

— Но...

— Послушайте. Вы родились в Машаме, столице Дираkты, материнской планеты, с которой началась космическая экспансия сири: ваш отец вел там торговые дела. Вы жили на Диракте до семнадцати лет, а затем вернулись на Землю. Сейчас вам двадцать шесть, ростом и телосложением вы не отличаетесь от сири, вы все еще великолепно говорите на их языке. Причем с превосходным машамским акцентом, что добавляет правдоподобия. Около пятидесяти миллионов сири отличаются таким же произношением. Мистер Моури, вы прекрасно подходите для той работы, которую мы собираемся вам поручить.

— А что, если я пошлю поручение к черту, да и вас заодно? — с любопытством спросил Моури.

— Было бы весьма жаль,— ответил Вулф холодно.— Военные времена заставляют вспомнить старую поговорку: один доброволец стоит тысячи призывников.

— Намекаете, что готовы сцапать меня по повестке? — Моури сделал раздраженный жест.— Дьявольщина! Так вот, добровольно я могу — но не терплю, когда меня заставляют что-то делать!

— Здесь об этом сообщается,— сказал Вулф, указывая на папку.— Джеймс Моури, двадцати шести лет, нрав — беспокойный, упрямый. Если загнать его в угол, способен обломать рога Сатане.

— Ну, слышу голос моего старика. Это что, он вам сказал?

— Наша служба не распространяется относительно своих источников информации.

— Хм.— Моури погрузился в мрачные размышления, затем спросил: — Предположим, я соглашусь. И что дальше?

— Мы направим вас в школу. Там в течение шести-восьми недель вы пройдете подготовку по специальному курсу, очень

интенсивному и сложному. Предупреждаю, что заняты вы будете под завязку. Вас напичкают всем, что может пригодиться: оружие, взрывчатые смеси, саботаж, пропаганда, психологическая война, картография, ориентирование по компасу, маскировка, дзюдо, средства связи и еще добрая дюжина предметов. К концу обучения вы получите достаточно знаний, чтобы как следует попортить нервы противнику.

— А потом?

— Вас тайно забросят на одну планету, колонию сири, и ваша задача будет заключаться в том, чтобы доставить им максимум неприятностей.

Последовало долгое молчание. Наконец Моури произнес с некоторым сожалением:

— Однажды, когда мой отец был сильно не в духе, он сказал: «Знаешь ли, сынок, дураком ты родился, дураком и помрешь».— Он глубоко вздохнул.— Старик оказался прав. Ну что ж, я согласен.

— Мы знали, что вы примете такое решение,— невозмутимо ответил Вулф.

Они снова встретились через два дня после окончания тяжелого курса, который Моури прошел вполне удовлетворительно. Вулф приехал в школу и зашел в его комнату.

— Ну, как учеба?

— Садизм чистейшей воды,— ответил Моури, скорчив гримасу.— Эти два месяца меня доконали; я чувствую себя разбитым душевно и телесно.

— У вас будет масса времени для отдыха — путешествие продлится довольно долго. Вы отправляетесь в четверг.

— Куда?

— К сожалению, не могу сейчас сообщить. Вашему пилоту вручен запечатанный пакет с указанием пункта высадки, который он вскроет на заключительном этапе пути. В случае аварии или нападения противника он должен уничтожить пакет.

— Какова же вероятность, что нас могут перехватить?

— Небольшая. Ваш корабль намного быстрее, чем любой вражеский эсминец. Тем не менее мы должны застраховаться от случайностей. Вы знаете о зловещей репутации сирианской

службы безопасности — Кайтемпи. У них и гранитный валун исповедуется во всех смертных грехах. Если Кайтемпи схватит вас по дороге и сири узнают, куда вы направляетесь, они предпримут контрмеры и попытаются обезвредить вашего преемника прямо по прибытии на место.

— Моего преемника? По этому поводу у меня есть вопрос, на который, кажется, никто не собирается отвечать. Может быть, хоть вы меня просветите?

— Что за вопрос? — спросил Вулф.

— Я буду на той планете один или вы посылаете туда и других агентов? Если там работают наши люди, то как я могу с ними связаться?

— Считайте, что вы — единственный землянин на многие миллионы миль,— ответил Вулф.— У вас не будет контактов. Но зато вы не сможете никого выдать Кайтемпи. Что бы они ни делали, им не выжать из вас информацию, которой у вас нет. Возможно, вы изойдете кровавым потом, охрипнете от воплей и наврете им с три короба, лишь бы от вас отстали, но ничего полезного из вас не выжмут.

— Я предпочел бы, чтобы вы не смаковали эту перспективу,— заметил Моури с укором.— И все же я хотел бы знать, будут ли подобные мне «осы» действовать на других планетах сири. Это послужило бы мне утешением и моральной поддержкой.

— Но вы же не единственный курсант, проходивший тут обучение, не правда ли? Другие занимались здесь не только для того, чтобы составить вам компанию.— Вулф протянул руку.— Удачной охоты! Надеюсь, вы станете проклятием для наших врагов — и благополучно вернетесь назад.

— Я вернусь, хотя, кажется, это будет нелегко,— заверил его Моури, а про себя подумал: «Кажется, это вообще нереально...»

Рано или поздно Кайтемпи нападет на его след. И замечание Вулфа о «вашем преемнике» говорило, что потери учтены и запланированы — как и меры по замене тех, кому не повезло.

Тут ему пришло в голову, что он сам тоже является чьим-то преемником. Может быть, там, куда он направляется, какой-нибудь бедняга уже потел и вопил под пытками в застенках Кайтемпи. В таком случае служба безопасности сири уже ожидает его прибытия. Возможно, именно сейчас радары обшаривают небо,

а Кайтемпи облизывается в предвкушении следующей жертвы, остолопа по имени Моури, двадцати шести лет, беспокойного и упрямого.

Ну что ж, он добровольно дал согласие, пути назад нет. Похоже, ему предстоит стать героем именно потому, что у него не хватило смелости отпраздновать труса. Размышляя на эту тему, он постепенно пришел к философскому смирению и предавался ему несколько недель, пока не настал срок и капитан корвета не пригласил его в центральный салон.

— Хорошо спали?

— Только не последние дни,— признался Моури.— Двигатели грохотали сильнее, чем обычно. Ваш корабль так сотрясался, что вместо того, чтобы спать, приходилось изобретать новые ругательства.

Капитан криво усмехнулся.

— Вы преуспели бы в этом больше, если бы знали, что за нами гнались четыре сирианских эсминца. Мы вышли на предельную скорость, и они отстали.

— А вы уверены, что сири и теперь не следят за нами?

— Они исчезли из поля видимости наших детекторов — значит, нас они не видят. Их приборы менее совершенны.

— Слава богу,— сказал Моури.

— Я вскрыл пакет. Мы будем на месте через сорок восемь часов.

— Где?

— Планета называется Джеймек. Слыхали?

— Да, ее изредка упоминали в сирианских программах новостей. Это один из пограничных миров их империи, если я не ошибаюсь, с небольшим населением и еще не освоенный полностью. Я никогда не встречал жителей Джеймека и почти ничего о нем не знаю.— Он почувствовал раздражение.— Вся эта секретность, конечно, замечательная штука, но гораздо легче освоиться на планете, получив о ней информацию заранее. Мое положение и так чертовски опасно, а отсутствие нужных данных может стоить мне головы. Возможно, это мелочь, но я почему-то дорожу своей головой.

— Вы получите всю информацию о Джеймеке, которая у нас есть. Вместе с приказом в пакет были вложены эти материалы.—

Капитан бросил на стол пачку бумаг, несколько карт и больших фотографий. Затем он указал на аппарат, стоявший у стены.— Это стереоскопический проектор. Воспользуйтесь им, чтобы подыскать подходящее место посадки. Выбор целиком за вами. Мое дело — высадить вас в целости и сохранности в выбранной вами точке и незаметно убраться.

— Сколько у меня времени?

— Вы должны указать нужный пункт не позднее чем через сорок часов.

— А выгружаться? У меня есть кое-какое оборудование...

— На это дается двадцать минут, и ни секундой больше. Мне очень жаль, но ничего не поделаешь. Если мы приземлимся в штатном режиме посадки — останется заметный след, который вскоре обнаружат с воздуха, и тогда за вами начнется охота. Придется зависнуть на антигравах. А они берут слишком много энергии, поэтому стоит поторопиться. Двадцать минут — самое большее, что мы можем себе позволить.

— Хорошо.— Моури пожал плечами в знак согласия, взял бумаги и начал читать.

Капитан вышел.

Джеймек, девяносто четвертая планета, колонизированная Сирианской империей. Масса — семь восьмых массы Земли, но площадь суши почти в два раза меньше земной; остальное пространство занимает океан. Первые поселенцы появились в этом мире два с половиной столетия назад; в настоящее время население насчитывает около восьмидесяти миллионов. Несмотря на существование городов, железных дорог, космодромов и всех остальных признаков цивилизации, большая часть планеты пока не освоена и пребывает в первозданном состоянии.

Моури провел немало времени у стереоскопа, тщательно изучая поверхность Джеймека, не переставая при этом удивляться качеству и величине снимков. Кому-то пришлось здорово рисковать, занимаясь аэрофотосъемкой планеты с такого близкого расстояния. Во всякой войне на одного прославленного и увешанного орденам и героя приходится сотня неизвестных, но не менее мужественных людей.

Через сорок часов он сделал выбор. Принять решение было нелегко. Любое место имело свои недостатки, еще раз подтверж-

дая тривиальную истину, что идеальных укрытий не существует. Одно, великолепно расположенное со стратегической точки зрения, казалось легкодоступным для любопытных, другое было превосходно замаскировано, но слишком удалено от индустриальных центров.

Капитан шагнул в салон со словами:

— Надеюсь, вы выбрали место на ночной стороне, иначе придется кружить около планеты до наступления темноты, а это нежелательно. В таких случаях лучше всего совершить посадку и сразу же взлететь — прежде, чем они успеют засечь корабль и поднять тревогу.

— Здесь.— Моури показал точку на фотоснимке.— Правда, этот пункт гораздо дальше от дороги, чем мне бы хотелось,— около двадцати миль, и все по девственному лесу. Каждый раз, когда мне что-нибудь понадобится, придется целый день добираться до тайника. Но с другой стороны, вряд ли туда кто-нибудь сунется, а это самое главное.

Вставив фотографию в проектор, капитан включил его и, сосредоточенно нахмурившись, стал разглядывать снимок.

— Вот тут, над обрывом?..

— Нет, у подножия скалы. Видите — рядом с выходом скальной породы. Кстати, что это такое — здесь, чуть-чуть к северу?

Капитан взглянул еще раз.

— Трудно сказать наверняка; похоже на пещеры.— Он отошел от проектора и взял микрофон внутренней связи: — Хэм, зайди, пожалуйста, в центральный салон.

Хэмертон, главный штурман, появился через минуту. Внимательно посмотрев на фотографию, он нашел отмеченное место и сравнил снимок с картой полушарий Джеймека. Затем он сделал быстрые вычисления.

— Мы успеем приземлиться тут в ночное время. Однако придется поспешить.

— Вы уверены?

— Если направиться прямо в эту точку, то останется даже пара часов в запасе. Но это непозволительный риск — их радарная сеть определит место высадки с точностью до полумили. Поэтому придется сначала опуститься к самой поверхности за нижнюю границу зоны действия радаров и двигаться на неболь-

шой высоте. Отвлекающий маневр займет некоторое время, но если повезет, успеем завершить высадку за полчаса до восхода солнца.

— Давайте отправимся прямо на место,— предложил Моури.— Это уменьшит ваш риск, а меня, возможно, и не зацапают. Ведь я все равно рискую, не так ли?

— Чушь! — отрезал капитан.— Мы вошли в зону видимости их радаров. Они уже запрашивают нас, но мы не можем ответить, не зная кода. Очень скоро до сири дойдет, кто мы такие. Тогда они выпустят целую тучу самонаводящихся ракет, но, как обычно, слишком поздно. А как только мы опустимся ниже границы действия их радаров, они начнут поиск в радиусе пятисот миль вокруг точки нашего неожиданного исчезновения.— Капитан хмуро посмотрел на Моури.— И ты, приятель, будешь в самом центре этого круга.

— Похоже, вы в этом деле собаку съели,— заметил Моури, надеясь, что его собеседник попадется на удочку и кое-что прояснит.

Не обратив внимания на приманку, капитан продолжал:

— Пока мы летим чуть выше верхушек деревьев, сири нас не засекут. Поэтому мы нырнем вниз за пару тысяч миль от места высадки и будем двигаться зигзагами. Моя задача — высадить вас в указанной точке так, чтобы об этом никто не узнал. Если мне не удастся ее выполнить, экспедиция теряет всякий смысл. Положитесь на меня. Идет?

— Конечно,— смущенно согласился Моури.— Как скажете.

Офицеры вышли, и он глубоко задумался. Внезапно прозвучал сигнал тревоги. Моури успел схватиться за поручни и висел на них, пока корабль бросало из стороны в сторону. Моури ничего не видел и не слышал, кроме глухого гула двигателей, но его воображение рисовало зловещий пучок инверсионных следов, которые оставляли несущиеся вверх ракеты, пятьдесят сверкающих стрел, устремившихся на запах чужого металла.

Сигнал тревоги звенел еще одиннадцать раз — и каждый раз он сопровождался воздушной акробатикой. Теперь можно было услышать слабый свист; это означало, что они вошли в верхние слои атмосферы. Корабль опускался, и свист постепенно перешел в негромкое гудение. Поверхность планеты приближалась.

Моури посмотрел на свои руки. Пальцы не дрожали, но ладони покрывала испарина, в позвоночнике покалывало, колени подкашивались, желудок сводили спазмы. Не дай бог, стошнит при посадке на виду у всей команды. Хорош же он будет в таком случае...

Где-то далеко, на другом краю черной космической пустыни, находилась некая планета, и жители ее здорово наловчились использовать компьютерный банк данных, а поэтому придется ему теперь засунуть голову в львиную пасть. Про себя он проклял компьютеры, тех, кто придумал их, и тех, кто ими пользовался. Выругавшись, он почувствовал себя лучше, но дрожь в коленях осталась.

Теперь, когда цель была так близка, философское восприятие ситуации, поддерживающее его до сих пор, улетучилось. Не находя себе места, он бесцельно слонялся по салону, иногда хватаясь за поручни, и от всего сердца мечтал послать эту затею к черту.

Когда болтанка наконец прекратилась и корабль неподвижно замер на антигравах над заданной точкой, Моури начал испытывать фаталистическое нетерпение человека, обреченного врачами на сложную операцию, избежать которой невозможно. По нейлоновой лестнице он быстро соскользнул вниз, на землю. За ним последовали двенадцать членов экипажа корвета, которые тоже очень спешили, но по другой причине. Они работали как сумасшедшие, поминутно озабоченно поглядывая на небо.

Глава 2

Скала была частью высокого плато, вздымавшегося на четыреста футов над лесом. У ее подножия бурлил извилистый ручеек, окаймленный валунами и мелкой галькой. В скале неподалеку от берега виднелось отверстие, служившее входом в узкую глубокую пещеру.

В нее и перенесли тридцать дюралевых цилиндров, выгруженных из кормового отсека корабля, аккуратно составив их у дальней стены крышками вверх — так, чтобы Моури мог легко разобрать оттиснутые на них номера. Закончив работу, двена-

дцать членов экипажа с обезьяньим проворством вскарабкались вверх по лестнице, которую тут же втянули за собой. Офицер помахал Моури рукой из открытого люка и крикнул на прощание:

— Задай им перцу, сынок!

Дюзы корвета фыркнули пламенем, и поток раскаленного воздуха взъерошил вершины деревьев на целую милю вокруг. Это был дополнительный, но неизбежный риск. Листья могли обуглиться, завять или изменить цвет — для патрульного самолета это послужит гигантской стрелкой, указывающей на место посадки. Корабль удалялся, быстро набирая скорость; он двигался над самой землей — сначала прямо, потом, следуя за изгибом долины, повернул к северу.

Провожая его глазами, Моури догадывался, что корвет еще не скоро выйдет в открытый космос. Ради его безопасности капитан пойдет на дополнительный риск — корвет увидят в небе над несколькими городами и особо важными военными объектами Джеймека. Если повезет, с помощью этой тактики им удастся убедить противника в том, что земной корабль занимается аэрофотосъемкой и не собирается высаживать десант.

Клюнут ли сири на подобный трюк, станет ясно днем, а сейчас только занимался рассвет. Если начнется прочесывание местности с воздуха, значит, несмотря на все ухищрения, у врага возникли подозрения. Впрочем, охота может начаться и в другом месте, вне поля его зрения и слуха.

Взглянув на темневший за ручьем лес, Моури решил, что пробираться по таким дебрям в полумраке не стоит. Он сел на валун и, ожидая восхода солнца, бросил взгляд в ту сторону, куда улетел корабль. Пожалуй, даже за мешок бриллиантов он не согласился бы оказаться сейчас на месте капитана корвета. Но, возможно, сам капитан не захотел бы поменяться с ним и за два мешка.

Через час он забрался в пещеру, открыл контейнер и вынул из него изрядно потертый кожаный чемодан, в сирианском происхождении которого не усомнился бы ни один эксперт. И неудивительно — ведь это был его собственный чемодан, купленный в Машаме на Дираkte много лет назад.

Легко перепрыгнув через ручей, Моури вошел в лес и направился на запад, время от времени проверяя направление по кар-

манному компасу. Против ожидания лес оказался не таким уж непроходимым и идти было сравнительно легко. Огромные деревья росли близко друг к другу, их кроны переплетались, образуя плотный навес, в просветах которого лишь изредка проглядывали клочки неба. К счастью, подлесок был редким. Он быстро шагал вперед, стараясь не спотыкаться о выступающие корни. Путешествие почти не утомляло его; вскоре Моури сообразил, что на Джеймеке его вес стал фунтов на двадцать меньше — и в такой же пропорции уменьшился вес его багажа.

Одолев двадцать миль и лишь раз устроив себе привал, чтобы перекусить, он выбрался к дороге, за два часа до захода солнца. Поставив чемодан за деревом у обочины, он уселся на него и насладился пятнадцатиминутным отдыхом, не спуская глаз с дороги. Пока он не заметил ни одного разведывательного корабля, бороздящего небо в поисках десанта с Земли. На дороге тоже было тихо; пока он отдыхал, никто не проехал ни в том ни в другом направлении.

Передохнув, Моури привел себя в порядок, стряхнул грязь и листья с одежды, повязал свой шейный платок типичным сирианским узлом и, достав зеркальце, придирчиво оглядел себя с ног до головы. Его костюм, точная копия сирианского, не вызовет никаких подозрений; в этом он не сомневался. Сизая физиономия, приплюснутые уши и машамский акцент тоже были вполне убедительны. Но главная его защита — предубеждение, коренящееся в сознании любого сири: никто не заподозрит в нем переодетого землянина просто потому, что это покажется слишком нелепым.

Удостоверившись, что он вошел в роль на все сто процентов, Моури выбрался из-под навеса густых ветвей, уверенно перешел дорогу и с другой стороны внимательно осмотрел место, где он вышел из леса, стараясь тщательно его запомнить. Лес надежно скрывал убежище, и одному богу было ведомо, когда ему придется в спешке нырнуть сюда.

В пятидесяти ярдах на обочине дороги возвышалось огромное дерево, его ствол и толстые корявые ветви причудливо обвивала молодая поросль. Моури постарался в точности запечатлеть его в памяти, а для большей верности вывернул из земли плоский камень и установил вертикально рядом со стволом.

Получилось похоже на одинокое надгробие. Он с тоской посмотрел на камень и легко представил высеченную на нем эпитафию: «Джеймс Моури — уроженец Земли, двадцати шести лет, беспокойный и упрямый. Задушен Кайтемпи». Возможно, это было предзнаменованием, знаком того, что он подписал свой смертный приговор. Но Моури не верил в предзнаменования, и это его утешило.

Стараясь не думать о Кайтемпи, он двинулся вдоль дороги; теперь походка Моури намекала, что ноги его обладают должной степенью кривизны. С этого момента ему необходимо стать сири — физически и психически. Он — Шир Агаван, лесничий, сотрудник джеймекского Министерства природных ресурсов, государственный чиновник, освобожденный от воинской обязанности. Впрочем, он мог изготовить соответствующие документы и стать кем угодно.

Моури шел быстро и легко; солнце тем временем начало клониться к горизонту. Он собирался поймать попутную машину, но хотел сделать это как можно дальше от места, где вышел из леса, чтобы ненароком не привлечь к нему внимания. Как все разумные расы, сириане имели языки. Причем одни их распускали, а другие держали за зубами. А были и такие типы с невыразительными физиономиями, которым хорошо платили за то, что они внимательно слушали. И эти мрачные личности, сложив два и два, неизменно получали четыре. Сейчас Моури угрожали не ружья и орудия пыток, а слишком болтливые языки и внимательные уши.

Он успел пройти больше мили, прежде чем навстречу ему один за другим проехали два динокара и газовый грузовик. Он прошагал еще милю, прежде чем его догнала попутная машина. Это был еще один газовый грузовик, огромное, грязное, дряхлое чудовище, двигавшееся с грохотом, лязгом и фырканьем.

Встав на обочине, он поднял руку и напустил на себя ту высокомерную важность, которая производила безотказное впечатление на сирианских мелких сошек. Грузовик резко затормозил, окутав его облаком выхлопных газов. В кузове лежало тонн двадцать съедобных корнеплодов. Из кабины на него уставились два сирианца. Работяги — в обтрепанной мешковатой одежде, покрытой грязными пятнами.

— Я — государственный служащий,— важно сообщил Моури, окинув бедняг презрительным взглядом.— Мне нужно в город.

Сидевший с его стороны открыл дверь и подвинулся к водителю, освободив место. Моури взобрался в кабину и втиснулся на деревянное сиденье, которое было слишком узким для троих. Свой чемодан он поставил на колени. Грузовик взревел и двинулся вперед; сидевший посередине сири тупо уставился на чемодан.

— Похоже, вы — машамец,— осмелился начать разговор водитель.

— Правильно. Кажется, мы не можем рта раскрыть, не выдав себя.

— Никогда не был в Машаме,— продолжал водитель. Он говорил с певучим акцентом, характерным для уроженца Джеймека.— Хотел бы я прогуляться туда когда-нибудь. Говорят, замечательное место.— Он бросил взгляд на своего соседа.— Верно, Снат?

— Ага,— согласился Снат, все еще пожирая глазами чемодан.

— К тому же в Машаме, да и вообще на Дираете, гораздо безопаснее, чем здесь. Может быть, мне там больше бы повезло. День сегодня выдался плохой, просто отвратительный. Правда, Снат?

— Ага,— подтвердил Снат.

— Почему? — спросил Моури.

— Этот соко, этот проклятый грузовик три раза ломался с утра и дважды застрял в грязи. Последний раз нам пришлось разгрузить его, чтобы вытащить, а затем загрузить снова. Нелегкая работа с таким грузом. Было чертовски тяжело.— Он сплюнул в окно.— Верно, Снат?

— Ага,— буркнул Снат.

— Случается,— сказал Моури сочувственным тоном.

— Ну, остальное вы знаете,— сказал водитель сердито.— Плохой сегодня был день.

— Что знаю? — осторожно спросил Моури.

— Да о новостях, будь они неладны!

— Я с самого утра в лесу. Там не узнаешь новостей.

— В десять утра по радио сообщили об увеличении военного налога. Как будто мы и так мало платим! Затем в двенадцать часов передали, что корабль спакумов шпионит в нашем небе.

Им пришлось признать это, ведь мы не глухие, чтобы не слышать, как палят пушки, и не слепые, чтобы не видеть, куда они стреляют.— Он подтолкнул своего приятеля.— Правда, Снат?

— Ага,— промямлил Снат.

— Вы только представьте, вонючий спакумский корабль шныряет прямо над крышами! Вы понимаете, что это значит? Они определяют мишени для бомбардировок. Ну, я думаю, им не удалось улизнуть. Надеюсь, каждый спакум, пролезший сюда, нарвется на наши заграждения.

— Я тоже,— сказал Моури, усиленно изображая патриотизм.— А ты, Снат? — Он ткнул своего соседа под ребра.

— Ага! — Снат и на этот раз не имел возражений.

Итак, водитель продолжал жаловаться на неудачи и тяжелую жизнь, на тупоумие инженеров, проектирующих грузовики, на тяготы и дороговизну войны, а также не переставал удивляться наглости спакумов, появившихся над Джеймеком средь бела дня. Все это время Снат, стиснутый меж двух попутчиков, не сводил глаз с кожаного чемодана Моури и бурчал свои односложные ответы, когда его, что называется, тянули за язык.

— Можете остановиться здесь,— объявил Моури, когда они миновали городские пригороды и пересекли широкий проспект.

Грузовик затормозил, и он спрыгнул, пробормотав на прощание:

— Долгих вам лет.

— Долгих лет.

Моури стоял на тротуаре и задумчиво наблюдал за громыхающей машиной, пока она не скрылась из виду. Ну что ж, он прошел первое небольшое испытание и не вызвал никаких подозрений. Ни водителю, ни Снату и в голову не пришло, что он и есть тот самый «спакум» — «клоп». Это уничижительное прозвище землян не вызывало у Моури никаких отрицательных эмоций. С чего бы? Сейчас он был Шир Агаваном, стопроцентным сири, уроженцем Машамы.

Моури огляделся вокруг. Он прибыл в Пертейн, столицу Джеймека, город с населением, превышающим два миллиона человек. Крупнейший город планеты, центр гражданского и военного управления Джеймека, ядро вражеского укрепленного района. Именно поэтому потенциально он был самым опас-

ным местом для деятельности разведчика — и в то же время самым многообещающим.

Достигнув центра города, Моури бродил там до сумерек, изучая расположение и внешний вид нескольких маленьких отелей. Наконец он выбрал один, на боковой улочке, что отходила от основной магистрали. Пожалуй, эта тихая, скромная на вид гостиница сгодится на первое время, пока он не найдет лучшего пристанища. Однако Моури не торопился требовать номер.

Сначала он хотел удостовериться, что с его документами все в порядке: если что-нибудь окажется не так, он сунет голову в петлю. Его снабдили микроскопически точными копиями документов, имевших хождение в Сирианской империи девять или десять месяцев назад. Возможно, за это время произошли какие-то изменения и его бумаги уже недействительны.

Моури не хотел, чтобы это произошло в гостинице, за закрытыми дверями, словно в мышеловке. Улица казалась ему менее опасной. В крайнем случае он сможет бросить чемодан, а заодно и свою нелепую походку, и дунуть куда-нибудь, словно дьявол, преследующий девственницу. Итак, он спокойно прошел мимо отеля, исследовал близлежащие улицы и наконец наткнулся на полицейского. Быстро оглядевшись вокруг и наметив путь возможного отступления, он подошел к представителю местной власти.

— Простите, офицер, я здесь впервые,— сказал он, старательно изображая туповатого простака.— Я прилетел с Дираkты несколько дней назад.

— А, так вы заблудились?

— Нет, офицер... Право, мне очень неловко...— Он пошарил в кармане, вытащил удостоверение личности и протянул его полицейскому. Мышцы на ногах у Моури напряглись; в любую минуту он был готов дать деру.— Понимаете, приятель из Пертейна сказал, что мое удостоверение недействительно. Теперь, говорят, требуют фотографию в голом виде. Но он, знаете ли, такой шутник... постоянно меня разыгрывает. Не знаю, верить ли ему.

Нахмурившись, полицейский внимательно изучил лицевую сторону плотной карточки, затем перевернул ее и не менее тщательно обследовал оборотную. Затем он вернул удостоверение Моури.

— Ваши документы в полном порядке. Передайте своему приятелю, что такого дурацкого правила не существует. И лучше бы ему поменьше болтать на эту тему.— Полицейский нахмурился еще сильнее.— Если он будет продолжать в том же духе, то скоро пожалеет. Кайтемпи не церемонится с теми, кто распространяет лживые слухи.

— Да, офицер,— сказал Моури, притворяясь испуганным.— Я скажу ему, чтобы он не валял дурака. Долгих лет.

— Долгих лет,— сухо ответил полицейский.

Ура! Он распахнул дверь отеля с таким видом, словно был его владельцем, и с достоинством обратился к портье:

— Мне нужна комната с ванной на десять дней.

— Ваши документы.

Он подал карточку.

Портье списал его фамилию, вернул документ и протянул Моури регистрационную книгу.

— Распишитесь здесь.— Он указал на строчку.

Первое, что сделал Моури, очутившись в номере,— с удовольствием вымылся. Затем обдумал ситуацию. Итак, он забронировал номер на десять дней, он сделал это для отвода глаз; в его планы вовсе не входило так долго оставаться на одном месте. Если порядки империи действуют на Джеймеке, то еще до конца недели его судьба могла оказаться в руках какого-нибудь любознательного агента, регулярно проверяющего регистрационную книгу; он знал, что такие типы любят задавать коварные вопросы. Конечно, у него на все был готов ответ, но осе, забравшейся в чужой улей, не стоит привлекать внимание хозяев.

Он прибыл в Пертейн слишком поздно, чтобы в тот же день найти идеальное убежище. Завтра он приступит к поискам квартиры — лучше всего в районе, обитатели которого не имеют привычки совать нос в чужие дела. А сегодня он может посвятить вечерние часы осмотру города, изучению местности и прикидке своих будущих действий.

Перед тем как выйти из гостиницы, он хорошо закусил. Для уроженца Земли пища показалась бы довольно странной и почти несъедобной. Но Моури поглощал ее с аппетитом, вспоминая о детстве. Покончив с ужином, он подумал, что здесь и самый опытный разведчик мог бы провалиться. Сирианская пища вызвала бы у него приступ тошноты.

Оставшуюся часть вечера он знакомился со столицей Джеймека, причем не столь поверхностно, как могло показаться со стороны. Он бродил по городу с напускной беззаботностью, запоминая все, что представлялось ему интересным и полезным. Но главная задача Моури заключалась в анализе общественного мнения и состояния умов различных групп населения.

В любом обществе, вступившем в войну, власть правительства — сильна она или нет — все же не абсолютна. В любой войне, насколько праведными ни казались бы ее цели, нельзя полностью мобилизовать общество на их достижение. Никогда в истории не велось еще военных действий, в которых высшее командование было едино, а рядовые сплотились, все как один, под его руководством.

Всегда существует недовольное меньшинство, которое выступает против войны по самым разнообразным причинам, таким как эгоистическое стремление спасти свою жизнь; страх перед страданиями и болью; философское или моральное отрицание насилия; недоверие правительству; нежелание играть второстепенные роли; неуверенность в победе и боязнь поражения; психологическое неприятие ситуаций, когда на тебя могут орать по любому поводу, и еще по тысяче и одной причине.

Ни одна политическая или военная диктатура не достигла стопроцентного успеха в выявлении и подавлении недовольных, которые обычно прячутся за стеной молчания и ждут своего часа. Итак, по теории вероятности, часть населения Джеймека должна иметь подобные настроения. К тому же кроме пацифистов и псевдопацифистов существуют преступные элементы, чья жизненная философия сводится к поискам легкой наживы и которые всеми силами пытаются избежать таких неприятных вещей, как массовые игрища на военном плацу.

«Оса» вполне может использовать всех тех, кто равнодушен к звукам боевой трубы и не желает маршировать под дробь барабанов. Даже если нельзя непосредственно обнаружить и использовать этих людей, важен сам факт их существования. Но сначала надо убедиться, что среди населения Джеймека действительно есть недовольные.

К полуночи Моури вернулся в гостиницу, уверенный, что в Пертейне имеется достаточное количество козлов отпущения. В автобусах и барах он перебросился парой фраз с тремя-четырь-

мя десятками жителей и подслушал обрывки разговоров еще сотни человек.

Их высказывания казались весьма патриотичными, и ни одно слово нельзя было истолковать как прямое предательство или подрывную деятельность. Сильный, глубоко укоренившийся ужас перед Кайтемпи заставлял недовольных придержать языки; никто не жаждал привлечь к себе внимание этой организации. Но в речах многих можно было уловить легкий, почти незаметный оттенок крамолы. Когда два таких человека вступали в разговор, заговорщицкий вид выдавал их с головой, любой соглядатай распознал бы их в толпе с пятидесяти метров; однако их тон, жесты и полунамеки не представишь трибуналу в качестве состава преступления.

Да, все они — недовольные, алчные, самовлюбленные эгоисты, трусы и преступники — все они могут быть использованы в целях землян. Если не хватает собственных сил, следует воспользоваться слабостями противника.

Забравшись в постель и мысленно перебирая услышанное в этот вечер, Моури зачислил всех этих инакомыслящих в ряды мифической подпольной организации под названием Дирак Ангестун Гесепт — Партия Свободы Сириуса. Затем он назначил себя президентом ДАГ, ее секретарем, казначеем и исполнительным директором в планетарном секторе Джемейка. То, что члены партии понятия не имели о ее существовании и не участвовали в выборах президента, его ничуть не смущало.

Моури также абсолютно не беспокоило их нежелание своевременно уплачивать взносы в виде собственных голов, которые рано или поздно начнет собирать Кайтемпи. Если ему удастся заставить одних сири выслеживать и душить других, а те, в свою очередь, будут тратить энергию только на то, чтобы скрываться и отстреливать душителей, на долю представителей далекой земной цивилизации останется меньше грязной работы.

С этой отрадной мыслью Джеймс Моури, он же Шир Агаван, заснул. Его дыхание было слишком медленным и ритмичным для сири, всхрапы — слишком басистыми, и вместо того, чтобы спать на животе, он растянулся на спине. Но в запертой комнате никто не мог увидеть беззащитного землянина, спавшего глубоким сном.

Когда один человек вынужден заменять целую армию, волей-неволей приходится быстро передвигаться, использовать любой шанс и не тратить зря времени. Моури нужно было обследовать город и подыскать себе убежище получше. Но чтобы сделать первые ходы в игре, ему все равно пришлось бы исходить город вдоль и поперек. Поэтому он решил объединить обе задачи.

Моури открыл чемодан, воспользовавшись специальным ключом с изолирующей прокладкой. Он прекрасно знал, как надо обращаться с чемоданом, и все же тонкая струйка пота скатилась у него по спине. Замок, таивший смертельную опасность, выглядел абсолютно невинно. Но Моури не мог отделаться от ощущения, что однажды изолирующий пластик сотрется и ключ сыграет роль металлического запала. В таком случае взрыв уничтожит все в радиусе ста ярдов.

Кроме заминированного замка в чемодане находилось с десяток небольших свертков и изрядное количество образцов земного полиграфического искусства в виде денег и листовок с клейким слоем. Денег было очень много. Если исчислять его состояние в сирианских гильдерах, он был миллионером.

Моури извлек пачку листовок — не слишком большую, но вполне достаточную, чтобы загрузить его работой на целый день. Затем, опять обливаясь потом, он осторожно закрыл чемодан.

Постоянная возня с взрывным устройством, которое в любой момент может разнести тебя в клочья,— не очень-то приятное занятие, однако это дает определенные гарантии безопасности. Если какой-нибудь ретивый сыщик вздумает обыскать комнату и проверить содержимое чемодана, все улики будут уничтожены. К тому же взрыв вызовет такой переполох, что владельцу опасного багажа все станет ясно за три квартала от дома.

Покинув отель, Моури сел в двухъярусный автобус, пересекавший город из конца в конец, и прилепил первую листовку к заднему стеклу верхнего салона, оказавшегося пустым. Он вышел на следующей остановке, с удовлетворением наблюдая, как десяток пассажиров садится в автобус. Примерно половина из них поднялась наверх.

Текст листовки был набран крупными, отчетливыми буквами: «Война приносит богатство избранным, несчастье — большинству. Придет время — и Дирак Ангестун Гесепт отомстит разжиревшим негодяям и утешит обездоленных».

В этот день подобный призыв подействует сильнее, чем месяц назад. Моури повезло — его прибытие совпало с увеличением военного налога. Похоже, джеймекцы достаточно накалены, чтобы не сорвать листовку в порыве патриотического негодования. Возможно, они расскажут знакомым о появлении загадочной организации, бросающей вызов правительству, военным властям и Кайтемпи. При пересказе новость обрастет дополнительными подробностями, словно снежный ком. Подобные слухи имеют свойство распространяться очень быстро.

Через пять с половиной часов Моури избавился от восьмидесяти листовок, ухитряясь оставаться незамеченным. Несколько раз он рисковал и едва не попался, но ему везло. Пятьдесят шестая листовка доставила ему особенное удовольствие.

Помогла суматоха, вызванная столкновением двух грузовиков. Водители затеяли злобную перебранку, их окружила толпа зевак. Тем временем Моури шлепнул пятьдесят шестую листовку прямо в центр витрины магазина — в тот момент, когда разгоряченные зрители прижали его к стеклу. Сделав свое дело, он затесался в толпу и был уже далеко, когда кто-то заметил новое украшение витрины. Позабыв про аварию, люди повернулись к прозрачному стеклу, на котором четко выделялся белый бумажный прямоугольник. Моури стоял в задних рядах.

Обнаруживший листовку тощий пучеглазый сири ткнул в нее пальцем и, запинаясь, пробормотал:

— Вы только посмотрите! Да они чокнулись в этом магазине! Кайтемпи их всех упрячет за решетку!

Моури продвинулся немного вперед, чтобы лучше видеть, и стал читать листовку вслух:

— «...Те, кто сегодня открыто призывает с трибун к продолжению войны, завтра взойдут на эшафоты и будут в слезах молить о пощаде. Дирак Ангестун Гесепт».

Он нарочито нахмурился:

— Вряд ли это сделал кто-то из магазина. Они бы не посмели.

— Н-но кто-то в-все-таки осмелился,— резонно заметил пучеглазый.

— Да.— Моури подозрительно посмотрел на него.— Ты заметил первый. Так, может быть, это ты?

— Я? — Пучеглазый полиловел, что соответствовало смертельной бледности.— Я ее и не касался. Вы что, д-думаете, я спятил?

— Тем не менее кто-то же сделал это!

— Это не я,— взволнованно заявил пучеглазый; он выглядел очень испуганным.— Какой-то придурок...

Другой сири, помоложе и побойчее, прервал пучеглазого:

— Нет, на психа не похоже. Тут кое-что посерьезнее!

— С чего ты взял? — Казалось, глаза у тощего сейчас выкатятся из орбит.

— Если бы у парня поехала крыша, он, скорее всего, просто писал бы на стенах. Дураки так и делают. А это,— он кивнул в сторону витрины,— напечатано в типографии. Кто-то здорово рисковал головой, чтобы прилепить здесь листовку. Я уверен, что за ловкачом стоит подпольная организация...

— Тут так и написано,— перебил его чей-то голос,— Партия Свободы Сириуса.

— Никогда о такой не слыхал,— заметил кто-то.

— Вот и услышал теперь, верно? — заметил Моури.

— Н-нужно что-то д-делать,— заявил пучеглазый, бестолково размахивая руками.

Принимать меры входило в обязанности полицейского. Страж порядка, вообразивший, что произошло убийство, уже проталкивался к витрине сквозь толпу. Он посмотрел на тротуар, разыскивая тело, потом нагнулся и стал шарить по асфальту — очевидно, думая, что покойник оказался невидимым. Ничего не обнаружив, полицейский выпрямился, обвел взглядом собравшихся и рявкнул:

— Ну, в чем дело?

Пучеглазый снова ткнул пальцем — на этот раз с таким видом, словно ему был вручен патент на изобретение:

— Взгляните, офицер, что тут налеплено на витрине.

Полицейский взглянул — и увидел. Он по крайней мере дважды прочитал листовку, причем лицо его из сизого стало фиолетовым, а потом багровым. Покончив с чтением, достойный страж порядка повернулся к толпе:

— Кто это сделал?

Никто не знал.

— У всех вас есть глаза — вы что, внезапно ослепли?

Очевидно, дело обстояло именно так.

— Кто заметил первым?

— Я,— сказал пучеглазый гордо.

— Но ты не видел, кто это наклеил?

— Нет.

Полицейский выставил вперед подбородок:

— Ты уверен?

— Да, офицер,— выдавил пучеглазый, начиная нервничать.— Тут случилась небольшая авария, и мы все смотрели, как два в-в-во...— От страха он начал заикаться сильнее и уже не смог продолжить фразу.

Отмахнувшись от пучеглазого, словно от назойливой мухи, полицейский обратился к толпе; голос его звучал угрожающе:

— Тот, кто будет уличен в сокрытии личности преступника, разделит с ним вину и получит такое же наказание.

Стоявшие в первых рядах отступили на несколько шагов, а те, кто находился подальше, сразу же вспомнили о своих делах и поспешили удалиться. Лишь около тридцати самых любопытных — и Моури в их числе — не сдвинулись с места.

— Может быть, в магазине что-нибудь видели? — скромно предположил Моури.

Полицейский огрызнулся:

— Не лезь не в свое дело, коротышка!

Затем он громко фыркнул, вошел в магазин и потребовал управляющего. Этот почтенный гражданин вышел на улицу и с ужасом воззрился на свою витрину, после чего стал проявлять симптомы глубокого нервного потрясения.

— Мы-мы-мы ничего не знаем, офицер. Я уверяю вас... уверяю, что мы тут ни-ни-ни при чем. Ведь эта... эта гадость наклеена снаружи, а не изнутри! Кто-то из прохожих устроил такую мерзость, ясно же! И я ума не приложу, почему он выбрал нашу витрину... наш патриотизм ни у кого не вызывает сомнений и...

— Кайтемпи понадобится не больше пяти секунд, чтобы это проверить,— с ухмылкой заявил полицейский.

— Но я сам офицер запаса в...

— Заткнись.— Полицейский ткнул толстым пальцем в возмутительную листовку.— Сорвать!

— Будет сделано, офицер! Так точно, офицер! Я немедленно очищу витрину!

Управляющий подцепил край листовки и попытался оторвать ее от стекла. Но не тут-то было; земная технология достигла совершенства в создании клеящих веществ. После нескольких неудачных попыток управляющий смущенно посмотрел на полицейского, зашел в магазин, взял нож и снова принялся за работу. Ему удалось оторвать по маленькому треугольному кусочку по углам; текст при этом не пострадал.

— Принеси горячей воды и попытайся ее размочить,— скомандовал полицейский, быстро теряя терпение.

Он повернулся к толпе и приказал всем убираться. Любопытные неохотно двинулись прочь.

Перед тем как завернуть за угол, Моури оглянулся: управляющий возил тряпкой по стеклу витрины; рядом стояло ведро, над которым подымался пар. Моури ухмыльнулся: вода, особенно горячая, легко вступала в реакцию с гидрофлуоресцирующим веществом, входившим в состав типографской краски.

По пути Моури прилепил еще пару листовок — там, где их трудно не заметить, где они могли вызвать приличный переполох. Прошло двадцать минут; вода уже должна была прореагировать с краской, и он не устоял — вернулся к злополучному магазину.

Листовки на витрине уже не было, но на ее месте четкие белые буквы красовались прямо на стекле. Теперь уже не только ведро, но и полицейский с управляющим исходили паром; они метались около витрины и яростно орали то на дюжину граждан, пытавшихся прочитать текст, то друг на друга.

Проходя мимо, Моури слышал, как полицейский вопил:

— Мне плевать, что твоя поганая витрина стоит две тысячи гильдеров! Или забей наглухо, или меняй стекло! Либо то, либо другое!

— Но, офицер! Две тысячи...

— Делай, как тебе сказано! Умышленно или нет — ты предоставил свою витрину для подрывной пропаганды! Это серьезное преступление во время войны!

Моури не спеша удалился; его никто не видел и ни в чем не заподозрил. У него еще оставалось восемнадцать листовок, так что работы хватило до темноты. В этот день он нашел себе подходящее убежище.

Моури остановился у гостиничной стойки и с деланым сожалением обратился к портье:

— Ох уж эта война! Все так сложно, ничего нельзя планировать заранее! — Он всплеснул руками; земляне в подобном случае пожимают плечами.— Я должен уехать завтра, может быть, дней на семь. Так неудачно все сложилось!

— Вы хотите отказаться от номера, господин Агаван?

— Нет. Я забронировал его на десять дней и заплачу за это время.— Моури вытащил из кармана пачку гильдеров.— Если я вернусь вовремя, то смогу снова занять свой номер, в противном случае...— Он опять сделал руками волнообразный жест и добавил: — Ну что ж, не повезет так не повезет.

— Как вам будет угодно, господин Агаван,— ответил портье, выписывая квитанцию и протягивая ее постояльцу. Речь шла о чужих деньгах, и его ничуть не волновало, как постоялец их растранжирит.

— Спасибо,— поблагодарил Моури.— Долгих лет!

— Долгих лет,— ответил портье, но, судя по интонации, скончайся клиент прямо у стойки, он бы и глазом не моргнул.

Моури зашел в ресторан и поужинал. Затем поднялся в номер, вытянулся на кровати, дав отдых гудящим ногам, и стал ждать наступления темноты. Когда погасли последние блики заката, он достал из чемодана новую пачку листовок, взял кусок мела и вышел.

На этот раз все было намного проще. Тусклое уличное освещение было ему на руку; к тому же теперь он был хорошо знаком со всеми заслуживающими внимания местами и мог не отвлекаться на поиски квартиры. В течение четырех часов Моури постарался обезобразить листовками как можно больше стен и витрин самых шикарных магазинов, которые днем особенно привлекали внимание прохожих.

Выйдя из отеля в семь тридцать, к полуночи он наклеил ровно сто листовок и вывел большими четкими буквами «ДАГ» на двадцати четырех стенах.

Надписи были сделаны особым мелком земного производства, очень похожим на обычный, но с одной интересной особенностью — мел въедался в поры кирпича при попытке смыть

его водой, и чем больше тратилось усилий, чтобы избавиться от надписи, тем ярче она проступала на стене. Существовал единственный способ уничтожить надпись — снести стену и построить новую.

Утром Моури позавтракал и покинул отель вместе со своим заминированным чемоданом. Игнорировав динокары, что ждали пассажиров у двери отеля, он влез в автобус. Моури пересаживался девять раз, меняя направления и маршруты без всякого плана. Пять раз он оставлял чемодан в автоматической камере хранения и путешествовал без багажа. Возможно, не стоило так тщательно запутывать следы, но — кто знает! — все могло случиться; он был обязан не только скрыться от реальной опасности, но и предупредить возможность ее появления. Например, вполне возможен такой вариант:

«Мы из Кайтемпи. Предъявите-ка регистрационную книгу... Хм... вроде имена те же, что и в прошлый раз... Кроме этого Шир Агавана. Кто он такой, а?»

«Из службы лесной охраны, офицер».

«Вы узнали это из его документов?»

«Да, офицер. Они были в полном порядке».

«В каком учреждении он служит?»

«В Министерстве природных ресурсов».

«Вы видели печать министерства на его личной карточке?»

«Не помню... Возможно... но я не могу точно сказать».

«Следует обращать внимание на такие вещи. Вы ведь знаете, что ими заинтересуются при проверке».

«К сожалению, офицер, я не могу запомнить каждую деталь документов, которые проходят через мои руки за неделю».

«Не мешало бы вам посерьезнее относиться к работе... Правда, с этим Агаваном все, кажется, в порядке. Сделаю на всякий случай запрос о его личности. Где тут у вас телефон?»

Любопытный агент набирает номер, задает несколько вопросов, бросает трубку и раздраженно обращается к клерку:

«В списках сотрудников министерства Шир Агаван не значится! У этого типа фальшивые документы! Когда он покинул отель? Был ли встревожен? Не говорил, куда направляется? Отвечай, идиот! И ключ от его номера, быстро! Он взял динокар? Опиши мне его поподробнее. Так, у него был чемодан... Какой, а?»

С подобным риском неизбежно сталкиваешься, когда ищешь пристанища в местах известных, находящихся под постоянным наблюдением. Риск невелик, но все же он существует. Когда приговоренный к смертной казни шпион будет ожидать исполнения приговора, мысль о том, что его поймали чисто случайно, покажется не особенно утешительной. Чтобы продолжать борьбу и победить, воин-одиночка должен всегда и во всем быть хитрее врага.

Довольный, что теперь самый настырный сыщик не сможет проследить его маршрут по городу, Моури втащил свой чемодан на четвертый этаж грязной и тесной многоквартирной коробки, вошел в нанятую вчера двухкомнатную квартиру, и в лицо ему ударил спертый воздух — комнаты пропахли какой-то кислятиной. Остаток дня пришлось посвятить уборке.

Найти его здесь будет непросто. Хозяин, тип с подозрительно бегающими глазами, не потребовал никаких документов, сдавая квартиру Густ Хуркину, мелкому железнодорожному служащему, честному, трудолюбивому, простому парню, который станет платить регулярно и в срок. Хозяин ничего не имел против сомнительных постояльцев — в этом квартале темные личности пользовались уважением: как правило, у них было гораздо больше гильдеров в карманах.

Закончив с уборкой, Моури купил газету и изучил ее от корки до корки в поисках каких-либо упоминаний о его вчерашних похождениях. Но об этом в газете не было ни слова. Сначала Моури почувствовал разочарование, но, поразмыслив, приободрился.

Выступление против войны и открытая оппозиция правительству — это не та новость, которую станут расписывать в передовых статьях; ни один редактор не пропустил бы подобную информацию. Конечно, будь у него выбор... такая сенсация! Но выбора-то у местных журналистов как раз и не было; все их материалы наверняка подвергались цензуре. Это означало, что его деятельность была замечена и уже приняты кое-какие меры, пока еще самые простые.

В любом случае, игра только начиналась. Негромкое жужжание крылышек «осы» уже заставило правительство придержать прессу. Мера недостаточная и неэффективная. Она не срабо-

тает, потому что к ней прибегли с единственной целью потянуть время, пока соответствующие органы выработают план действий.

Чем дольше правительство будет умалчивать о событиях вчерашнего дня, тем активнее они станут обсуждаться населением, перемешиваясь с невероятными слухами, заставляя задуматься многих. Чем дальше и прочнее молчание, тем более многозначительным начнет оно казаться людям, осведомленным о случившемся. А в военное время самый деморализующий вопрос: «Что же еще они от нас скрывают?»

Сотни граждан зададут его завтра, послезавтра и на следующей неделе; имеющие странную силу слова «Дирак Ангестун Гесепт» подхватят тысячи людей, передавая их из уст в уста,— и все потому, что, какова бы ни была реальная мощь этой организации, правительство боится о ней сообщать. Так станет ли простой человек доверять руководству, которое твердит о своей неустрашимости, а само боится рассказать о том, что случилось в столице? Резонный вопрос, не так ли?

Болезнь выглядит более зловещей, когда принимает характер эпидемии и поражает отдаленные районы. Именно поэтому первой вылазкой Моури из его нового убежища стала поездка в Радин, город в двухстах сорока милях на юг от Пертейна. Население — триста тысяч; важный промышленный центр — гидроэлектростанция, добыча бокситов, алюминиевый комбинат.

Моури выехал утренним поездом, переполненным самыми разнообразными типами, согнанными войной со своих насиженных мест; тут были угрюмые рабочие, скучающие солдаты, чванливые мелкие начальники, бесцветные личности неопределенного рода занятий. А прямо напротив Моури сел свиноподобный тип, ходячая карикатура на министра продовольствия Джеймека.

Поезд тронулся и понесся вперед. Пассажиры входили и выходили на промежуточных остановках. Свинорылый, не удостаивая Моури вниманием, с вельможной рассеянностью взирал на мелькавший за окном пейзаж, а вскоре заснул, приоткрыв во сне рот. При этом он стал еще больше походить на борова; для полного сходства оставалось только засунуть ему в пасть лимон.

Когда до Радина оставалось тридцать миль, дверь в соседний вагон со стуком распахнулась и появился полицейский в сопро-

вождении двух плотных субъектов в штатском. Эта троица остановилась около ближайшего пассажира.

— Ваш билет,— потребовал полицейский.

Пассажир протянул кусочек плотного пластика; на лице его появилось испуганное выражение.

Полицейский внимательно с обеих сторон изучил билет и передал его своим спутникам, которые проделали то же самое.

— Удостоверение личности.

Документ был осмотрен столь же тщательно, правда, полицейский проверял его довольно небрежно, но зато оба типа в штатском старались вовсю.

— Ваш пропуск.

Он тоже подвергся тройной проверке и был возвращен вместе с билетом и документами. Пассажир облегченно вздохнул. Полицейский ткнул пальцем в следующего:

— Ваш билет!

Моури, сидевший в другом конце вагона, наблюдал за проверкой с любопытством и смутным чувством тревоги. Однако, когда тройка взялась за седьмого пассажира, он встревожился не на шутку.

По неизвестным причинам парочка в штатском разглядывала документы этого человека значительно дольше. Несчастный пассажир начал заметно нервничать. Проверяющие с подозрением уставились на его напряженное лицо. В глазах у них появился хищный блеск.

— Встать! — рявкнул один из них.

Пассажир вскочил и, дрожа, вытянулся перед ними. Хотя вагон не слишком сильно трясло, он шатался. Под присмотром полицейского типы в штатском с профессиональной ловкостью обыскали пассажира. Они вывернули содержимое его карманов, осмотрели и засунули обратно; потом ощупали беднягу с ног до головы, не смущаясь присутствием окружающих.

Один из них, не обнаружив ничего, достойного внимания, выругался сквозь зубы и прикрикнул на пассажира:

— Ну, чего дрожишь?

— Я не очень хорошо себя чувствую,— ответил несчастный слабым голосом.

— Неужели? Что с тобой такое?

— Меня укачивает. Мне всегда плохо в поездах.

— Выдумываешь ерунду! — Тип в штатском посмотрел на своего напарника и, потеряв терпение, махнул рукой: — Да садись ты!..

Пассажир, тяжело дыша, опустился на место. От ужаса он весь покрылся фиолетовыми пятнами.

Полицейский задержал на нем взгляд еще на секунду, фыркнул и обратился к номеру восьмому:

— Билет.

До Моури оставалось еще человек десять.

Он не имел ничего против проверки документов — не мешает лишний раз убедиться в их надежности, но обыск! С полицейским наверняка не будет хлопот, зато двое других явно из Кайтемпи; стоит им заглянуть в его карманы — пиши пропало. Пройдет какое-то время, пока на Земле поймут, что его молчание — молчание могилы, и каменноликий Вулф примется обрабатывать очередного простофилю:

— Повернитесь! Пройдитесь, искривив ноги! Мы хотим сделать из вас «осу»!

Тем временем большинство пассажиров уже прошло контроль и теперь сосредоточенно наблюдало за тем, что творилось в конце вагона, стараясь при этом придать своим лицам выражение максимальной лояльности. Моури украдкой взглянул на Свинорылого, который мирно покачивался напротив, свесив голову на грудь и приоткрыв рот. Спит или только притворяется?

Моури не мог этого точно определить, но времени на колебания не осталось — троица уже приближалась, и он решил рискнуть. У себя за спиной он нащупал узкую, но глубокую щель в обивке кресла между спинкой и сиденьем. Не спуская глаз со Свинорылого, Моури вытянул из кармана пачку листовок и два мелка и затолкал их поглубже в щель. Спящий не шевелился.

Через две минуты полицейский грубо ткнул Свинорылого в плечо, отчего тот громко всхрапнул и открыл глаза, тупо уставившись на контролеров.

— Ну? В чем дело?

— Ваш билет,— потребовал полицейский.

— Транспортная проверка? — отозвался Свинорылый с неожиданным пониманием.— Ну ладно.

Мясистыми пальцами он извлек из нагрудного кармана пеструю карточку в прозрачном пластике и протянул ее тройке с та-

ким видом, будто это был ключ от райских врат. На лице полицейского появилась заискивающая улыбка. Громилы в штатском вытянулись, как будто их застали спящими на посту.

— Прошу прощения, господин майор,— промямлил полицейский.

— Все в порядке, вы находитесь при исполнении служебных обязанностей,— заметил Свинорылый снисходительно-презрительным тоном. И он обвел глазами вагон, явно наслаждаясь сознанием своего недосягаемого превосходства над простыми смертными.

Наблюдая за этой сценой, Моури едва сдерживал отвращение. Его правая нога зачесалась от желания дать кое-кому хорошего пинка по жирной заднице. Чтобы случайно не выдать себя, он крепко прижал ее к полу.

Теперь полицейский, раздраженный публичным унижением, занялся Моури.

— Билет.

Моури предъявил его, стараясь выглядеть спокойным и слегка утомленным. Маска безразличия давалась ему нелегко, так как теперь он находился в центре всеобщего внимания. К тому же его пристально разглядывал Свинорылый и сверлили взглядами двое агентов в штатском.

— Удостоверение!

Оно подверглось тройной проверке.

— Пропуск!

Моури протянул пропуск, внутренне готовясь к команде «Встать!».

Но таковой не последовало. Стараясь поскорее избавиться от начальственного взгляда жирного майора, троица быстро просмотрела документы. Моури засунул карточки в карман и, стараясь не показать своего облегчения, обратился к соседу:

— Странно, с чего это вдруг такая проверка?

— Не твое дело,— отрубил Свинорылый самым оскорбительным тоном.

— Конечно, конечно,— поспешил согласиться Моури.

На этом разговор и закончился. Свинорылый смотрел в окно и, похоже, спать больше не собирался. Про себя Моури пожелал ему провалиться в ад; не так-то просто будет вытащить листовки, пока этот идиот бодрствует.

Дверь с грохотом захлопнулась — полицейский и агенты Кайтемпи закончили проверку и перешли в следующий вагон. Вдруг поезд остановился так резко, что несколько пассажиров оказались на полу. В хвосте поезда послышались крики.

Тяжело поднявшись, Свинорылый встал, открыл окно, высунул голову наружу и посмотрел назад — туда, откуда доносился шум. Вдруг, выхватив из кармана пистолет, он с удивительным для своих габаритов проворством пронесся по проходу и выскочил из вагона. Крики стали громче.

Моури выглянул в открытое окно. Вдоль путей бежало несколько человек во главе с полицейским и агентами Кайтемпи. Он заметил, как они вскинули руки, и в утреннем воздухе раздался звук выстрелов. Было невозможно разглядеть, в кого они стреляли.

Позади всех, пытаясь догнать своих коллег, тяжело трусил Свинорылый. Из всех окон торчали головы любопытных. Моури спросил у ближайшей головы:

— Что случилось?

— Эти трое пришли проверять документы. А какой-то тип, как их увидел, сразу бросился к другой двери и спрыгнул с поезда. Они остановили состав и погнались за ним.

— Он не разбился, когда прыгал?

— По нему не скажешь. Во всяком случае, бежал он, как чемпион по мейке. Навряд ли его догонят.

— Кто же он такой?

— Понятия не имею. Наверное, преступник, которого разыскивают.

— Да уж,— заметил Моури,— если бы за мной гнались люди Кайтемпи, я бы драпал как последний спакум.

— Еще бы! — согласился собеседник.

Моури покинул свой наблюдательный пост и сел на место. Остальные пассажиры приклеились к окнам, полностью поглощенные происшествием. Момент был подходящий. Моури незаметно запустил руку в тайник, вытащил листовки с мелками и засунул их в карман.

Поезд стоял около получаса, но ничего интересного больше не произошло. Наконец состав тронулся; тут же в проходе появился Свинорылый и тяжело плюхнулся на сиденье. Лицо тол-

стяка было таким кислым, что этой кислоты вполне хватило бы, чтобы замариновать всю его жирную тушу.

— Поймали, господин майор? — спросил Моури как можно почтительнее.

Свинорылый посмотрел на него с открытой враждебностью:

— Не твое дело!

— Конечно, конечно, господин майор,— выдавил Моури.

Они снова замолчали и не проронили ни слова до конца пути. Радин был конечной станцией, и вагон опустел. В толпе пассажиров Моури направился к выходу из вокзала, но не спешил начинать обработку витрин и стен.

Вместо этого он стал следить за Свинорылым.

Оставаться при этом незамеченным не составляло труда. Вряд ли Свинорылому могло прийти в голову опасаться слежки. Он шествовал, как живое олицетворение закона, для которого простые смертные значили не больше, чем пыль под ногами.

Выйдя из-под арки вокзала, Свинорылый свернул направо и тяжелой поступью направился к автостоянке. Там он остановился у длинного зеленого динокара, нашаривая в кармане ключи.

Спрятавшись за выступ стены, Моури наблюдал, как «объект» открыл дверцу и втиснулся внутрь. Тогда он бросился к стоянке такси и забрался в первую свободную машину. Зеленый динокар еще не успел скрыться.

— Куда вам? — спросил водитель.

— Не могу сказать точно,— начал Моури,— я, видите ли, был здесь только однажды и довольно давно. Но дорогу помню и буду говорить, куда ехать.

Мотор загудел, машина набрала скорость; Моури не отрывал взгляда от зеленого динокара и время от времени давал краткие инструкции. Конечно, гораздо проще было бы приказать двигаться вслед за зеленой машиной. Но тогда водитель свяжет его со Свинорылым или, по крайней мере, с его динокаром. А в Кайтемпи превосходно умели выколачивать подобную информацию. Моури избрал более сложный способ, зато таксист ничего не заподозрит.

Они миновали центр Радина; наконец зеленая машина резко повернула налево и по пандусу съехала в гараж многоквартирного дома. Такси промчалось еще пару сотен ярдов, прежде чем Моури показал шоферу на ближайшее здание:

— Приехали.— Моури вылез из машины, доставая деньги.— Неплохо иметь хорошую зрительную память, верно, приятель?

— Ага,— протянул шофер.— С вас гильдер шестьдесят.

Моури протянул ему два гильдера и провожал машину взглядом, пока она не скрылась за поворотом. Быстро вернувшись к нужному дому, он вошел в огромный вестибюль и, усевшись в кресло, откинулся на спинку и прикрыл глаза. Он выглядел как человек, дремлющий в ожидании приятеля; неподалеку сидело еще несколько таких же посетителей. Никто из них не обратил на Моури внимания.

Не прошло и минуты, как в противоположном конце вестибюля из двери, ведущей в подземный гараж, показался Свинорылый. Не удостоив никого взглядом, он втиснулся в один из лифтов. На световом табло над дверью замелькали огоньки. Наконец вспыхнула цифра «семь», затем отсчет пошел в обратном порядке; загорелся «ноль», дверь автоматически открылась, лифт был пуст.

Еще через пять минут Моури зевнул, потянулся, взглянул на часы и покинул здание. В ближайшем телефоне-автомате он набрал номер коммутатора дома.

— Я должен был встретиться с одним человеком внизу, в вестибюле, почти час назад,— объяснил он.— К сожалению, я задерживаюсь. Если он все еще ждет, я хотел бы передать ему, что не смогу прийти.

— Этот человек — наш жилец? — осведомилась телефонистка.

— Да, конечно, но я никак не могу вспомнить его имя... у меня, знаете ли, такая плохая память на имена... Он полный, тяжелые черты лица, живет на седьмом этаже. Майор... майор... ну и дырявая же у меня голова!

— Это, наверное, майор Саллана,— подсказала телефонистка.

— Верно! — радостно воскликнул Моури.— Все время в голове вертелось...

— Не вешайте трубку. Я посмотрю, ждет ли он еще.

Последовала минутная пауза, затем вновь послышался голос телефонистки:

— Нет, он уже ушел. Я набрала номер его квартиры, но никто не ответил. Ему что-нибудь передать?

— Нет, не нужно. Ему, наверное, надоело ждать. Да и дело не очень важное. Долгих лет.

— Долгих лет,— отозвалась женщина.

Значит, никто в квартире не снял трубку. Похоже, Свинорылый забежал домой и почти сразу же вышел — если только не залез в ванну. Что маловероятно — он бы не успел за это время наполнить ее, раздеться и плюхнуться в воду. Если же толстяк действительно отсутствует, то у Моури есть блестящая возможность, которую, несомненно, не стоит упускать.

Хотя интуиция подсказывала ему, что нужно поторопиться, Моури не сразу направился к дому. Он посмотрел на улицу сквозь стекло телефонной будки. Удостоверившись, что никто не наблюдает за ним, он налепил одну из своих листовок на дверцу и удовлетворенно усмехнулся: теперь ее заметит каждый, кто зайдет сюда позвонить. Листовка гласила: «Войну развязали властолюбцы. Дирак Ангестун Гесепт покончит с войной и с ее поджигателями!»

Снова войдя в подъезд, Моури с напускной уверенностью пересек вестибюль и шагнул в свободный лифт. Он повернулся, собираясь закрыть дверь, и краем глаза заметил, что кто-то спешит к лифтам. Свинорылый собственной персоной! Моури вздрогнул.

Майор пребывал в состоянии глубокой задумчивости и еще не увидел Моури, но неизбежно узнал бы его, стоило им столкнуться лицом к лицу. Моури понял, что должен торопиться. Он моментально захлопнул дверь и нажал кнопку третьего этажа. Лифт заскользил вверх, потом остановился. Не открывая дверь, Моури услышал, как соседняя кабина прошла мимо, тогда Джеймс спустился вниз и вышел из здания. Расстроенный и злой, он тихо чертыхался, проклиная свое невезение.

До самого вечера он как сумасшедший носился по городу и наконец успокоился, украсив стены и витрины Радина сотней листовок и дюжиной надписей. Ему удалось избежать свидетелей, хотя несколько раз он, как обычно, едва успел унести ноги.

Решив, что на сегодня достаточно, он выбросил в канализационный люк половинку исписанного мелка и почувствовал себя в большей безопасности. Теперь если его остановят и обыщут, то не найдут никаких улик.

В десятом часу Моури наконец поел — первый раз после завтрака. Покончив с этим занятием, он нашел в телефонной книге номер Салланы и позвонил, но никто ему не ответил. Тогда он решился. Направившись к знакомому дому, он, как и в первый раз, вошел в вестибюль и без помех поднялся на седьмой этаж. Бесшумно ступая по ковру, устилавшему коридор, Моури читал таблички на дверях, пока не нашел нужную квартиру.

Он постучал.

Молчание.

Он постучал еще раз, погромче, но так, чтобы не привлечь внимания соседей.

Никто не отозвался.

Тут он применил полученные в разведшколе знания. Вытащив из кармана связку ключей, на первый взгляд ничем не примечательных, он занялся замком, и через тридцать пять секунд дверь открылась. Скорость была чрезвычайно важна: войди сейчас кто-нибудь в коридор, его поймали бы с поличным. Но, к счастью, никто не появился, и Моури без помех проскользнул внутрь, осторожно закрыв за собой дверь.

Он сразу же быстро осмотрел квартиру — в ней не оказалось ни спящих, ни пьяных. Все четыре комнаты были пусты; майор Саллана отсутствовал.

Вернувшись в первую комнату, Моури внимательно оглядел ее и заметил лежащий на шкафчике пистолет. Пистолет оказался заряженным, и Моури сунул его в карман.

Затем он вскрыл громоздкий секретер и начал рыться в ящиках, действуя со скоростью и сноровкой профессионального взломщика,— этому его научили в школе.

Когда Моури выдвинул четвертый по счету ящик и увидел его содержимое, волосы у него на голове зашевелились. В квартире майора он рассчитывал найти объяснение столь подобострастного поведения полицейского и агентов Кайтемпи. Несомненно, для этого была причина — и теперь она находилась у него перед глазами.

Да, ради этого стоило пойти на риск! В ящике лежала толстая пачка официальных бланков с надписью вдоль верхнего края: «ДИРАК КАЙМИНА ТЕМПИТИ ЛЕШАН РАДИН».

В переводе это означало: «Сирианская секретная полиция — сектор Радин». Неудивительно, что эти головорезы готовы были лизать пятки толстому майору! Свинорылый оказался большой шишкой в Кайтемпи, выше по рангу, чем армейский бригадный генерал, а может быть, и командующий космическим флотом! Да, тут было чем поживиться!

Это открытие заставило Моури поторопиться. Из кучи вещей, сложенных в дальней комнате, он вытащил небольшой чемоданчик, вскрыл его и вышвырнул на пол хранившуюся там одежду. Затем запихнул в него все бланки из ящика. Чуть позже он обнаружил небольшую машинку, которая при нажатии на ручку оттискивала на бумаге буквы «ДКТ», увенчанные крылатым мечом. Машинка тоже отправилась в чемоданчик.

Покончив с секретером, Моури занялся шкафчиком для бумаг; ноздри у него раздувались, как у почуявшей след гончей. Он выдвинул верхний ящичек — и вдруг уши его уловили какой-то слабый звук. Он замер, внимательно прислушиваясь. Это был скрежет ключа в замочной скважине. Похоже, с первого оборота замок не сработал; скрежет раздался опять.

Моури прижался к стене рядом с дверью так, чтобы, открывшись, она заслонила его. Ключ снова заскрежетал, замок щелкнул, и Свинорылый ввалился в квартиру.

Толстый майор сделал несколько шагов, прежде чем до него дошло, что случилось. Он остановился как вкопанный и недоуменно воззрился на взломанный секретер. В это время дверь за его спиной захлопнулась, и, обернувшись, Свинорылый оказался лицом к лицу с грабителем.

— Добрый вечер,— холодно приветствовал его Моури.

— Ты? — Свинорылый уставился на него с видом оскорбленного достоинства.— Что ты здесь делаешь? Что все это значит?

— Я — просто вор. И это значит, что вас ограбили.

— Да знаешь ли ты, мерзавец, что я...

— В таких случаях,— прервал его Моури,— обязательно кто-то становится жертвой. На этот раз ваша очередь. Не вижу причины, почему вам должно постоянно везти,— философски заметил он.

Свинорылый шагнул вперед.

— Сидеть! — резко приказал Моури, вскинув пистолет.

Но майор не сел, хотя и остановился. Он твердо стоял на ковре, его маленькие глазки злобно сверлили гостя, лицо потемнело. Наконец он сказал, сдерживая ярость:

— Брось пистолет!

— Это вы мне? — переспросил Моури.

— Ты сильно рискуешь,— заявил Свинорылый с непробиваемым апломбом человека, долгие годы внушавшего ужас окружающим.— Стоит тебе узнать, кто я такой...

— Я это знаю,— не дал ему закончить Моури.— Ты — жирная крыса из Кайтемпи. Профессиональный мучитель, платный палач, бесстыжий соко, готовый пытать и убивать за деньги и из садистского удовольствия. В кресло — живо!

И все же Свинорылый не подчинился. Хотя принято считать, что все задиры — трусы, майор, видимо, был исключением. Как многие люди подобного сорта, он обладал своеобразной жестокой отвагой. Глаза его сверкнули ненавистью; он сделал неуклюжий, но быстрый шаг в сторону и сунул руку в карман.

И все же глаза, которые так часто и с таким спокойствием наблюдали за агонией жертвы, на этот раз выдали его. Пистолет Моури коротко рявкнул: тр-р-р-рат — негромко, но весьма эффективно. Несколько секунд Свинорылый, пошатываясь, оставался на ногах; на его лице застыло выражение крайнего изумления. Наконец колени толстяка подломились, и он грохнулся на пол. Комната содрогнулась.

Осторожно приоткрыв входную дверь, Моури выглянул в коридор и прислушался. Все было тихо. Ни шагов, ни криков; никто не бежал за помощью, не спешил узнать, что случилось. Если до соседних квартир и долетел приглушенный звук выстрела, там, видимо, приняли его за шум уличного транспорта.

Убедившись, что оснований для беспокойства нет, Моури закрыл дверь, склонился над трупом и внимательно осмотрел его. Свинорылый был мертвее мертвого — короткая очередь из автоматического пистолета оставила семь дырок в его тучном теле.

Моури разочарованно вздохнул. Не каждый день в его руки попадался крупный чин Кайтемпи! Он предпочел бы каким-нибудь способом вытрясти из этого типа ответы на некоторые важные вопросы. Правда, неизвестно, удалось бы это ему или нет, но стоило, по крайней мере, попытаться. Он многое хотел знать.

Например, имена несчастных, которых сейчас обрабатывала Кайтемпи, их физическое состояние и места заключения. Коренные жители планеты, спасенные из петли, были бы лучшими помощниками для «осы».

Но труп не может поделиться информацией, и Моури оставалось только сожалеть об упущенных возможностях.

В целом же он был вполне доволен. Во-первых, ему удалось убрать одного из палачей Кайтемпи — и, следовательно, оказать немалую услугу не только Земле, но и самим сирианам. Во-вторых, дерзкое убийство идеально вписывалось в его план действий; трудно придумать лучшее подтверждение содержавшихся в листовках угроз, чем окровавленный труп. Такое свидетельство существования оппозиции трудно оставить без внимания.

Он обыскал труп и нашел сокровище, о котором мечтал с той самой минуты, когда агенты в поезде подобострастно замерли перед Свинорылым. Яркая карточка, запрессованная в прозрачный пластик. На ней имелись знаки, печати и подписи, удостоверяющие, что предъявитель сего — майор Секретной полиции. Однако имя и приметы владельца не указывались; вместо них стоял длинный кодовый номер. По-видимому, в Кайтемпи не слишком доверяли даже друг другу, и Моури мог теперь воспользоваться этим.

Он снова занялся шкафчиком для бумаг. Большинство документов не представляло интереса — их содержание было известно земной разведке. Но зато Моури обнаружил три папки с делами осужденных, имена которых также были закодированы. Очевидно, Свинорылый взял их из местного управления, чтобы изучить на досуге.

Моури быстро просмотрел несколько страниц. Насколько он мог судить, эта безымянная троица оказалась в немилости из-за своих непомерных политических амбиций. Осужденные были потенциальными соперниками лиц, находившихся у власти. В документах ничего не говорилось об их казни, и Моури решил, что они еще живы,— иначе Свинорылый не стал бы тратить время на изучение этих бумаг. Во всяком случае, их исчезновение может доставить неприятности властям.

Он сунул папки в чемоданчик. Затем быстро осмотрел квартиру еще раз, боясь пропустить что-нибудь важное, обыскал одеж-

ду, висевшую в спальне и прихожей, но не обнаружил ничего интересного. Наконец он занялся уничтожением улик, которые могли бы навести Кайтемпи на его след.

Он положил пистолет в карман, взял чемоданчик и остановился на пороге, бросив взгляд на мертвое тело.

— Долгих лет!

Свинорылый не удостоил его ответом.

Майор в полном молчании возлежал на полу. Его пухлая рука судорожно сжимала листок бумаги с надписью: «Казнен Партией Свободы Сириуса».

Глава 4

Удача не покидала Моури: он успел на вокзал как раз к отправлению поезда в Пертейн. Это было весьма кстати, так как вокзальная полиция от нечего делать могла прицепиться к засидевшемуся в зале ожидания пассажиру. Конечно, ничего не стоило предъявить документы или, в крайнем случае, воспользоваться похищенным удостоверением Салланы; но в его положении лучше было не привлекать к себе лишнего внимания.

Подошел поезд, и Моури проскользнул в вагон; ни один из полицейских, что шатались по перрону, не обратил на него внимания. Вскоре состав тронулся и с громыханием покатил в ночь. В такой поздний час большинство мест в вагоне пустовало. Моури на всякий случай устроился подальше от соседей. Среди них всегда найдется какой-нибудь тип с острым глазом и хорошей памятью. Джеймс поудобнее устроился в кресле, глаза его слипались. После трудного дня Моури был не прочь вздремнуть, надеясь, в случае проверки, на надежность своих документов, удостоверение Кайтемпи или пистолет.

Одно было ясно — если труп обнаружат в течение трех-четырех часов, в местном курятнике начнется изрядный переполох; тогда, скорее всего, поезд остановят и всех пассажиров тщательно обыщут. У Кайтемпи нет описания Моури, но стоит заглянуть в его чемоданчик — и все станет ясно даже самому тупоголовому агенту.

Моури беспокойно дремал под гипнотический перестук колес. Каждый раз, когда хлопала дверь или дребезжало окно, он

просыпался, сжимаясь как пружина. В голове у него вертелась мысль о том, что вот-вот срочная радиограмма догонит поезд:

«Остановить и обыскать всех пассажиров поезда 11.20 из Радина!»

Однако проверок не было. Состав замедлил ход и, лязгая колесами на стыках, подкатил к перрону столичного вокзала. Сонные пассажиры, в скудном голубоватом свете люминесцентных ламп похожие на трупы, столпились у выхода. Моури помедлил, чтобы оказаться в самом конце. Он неторопливо тащился по проходу среди нескольких кривоногих бездельников, пытаясь разглядеть, не поджидает ли его на вокзале батальон ухмыляющихся полицейских.

Если его действительно ждет засада, остается только два варианта действий. Во-первых, можно бросить чемодан с драгоценной добычей, первым открыть стрельбу и попытаться исчезнуть в поднявшейся суматохе. В случае успеха он отделается легкими ранениями.

Второй вариант не многим лучше — подойти к самому свирепому верзиле-полицейскому и, сунув кейс ему в руки, сказать с видом простака: «Простите, офицер, но один из пассажиров бросил этот чемодан прямо мне под ноги. С чего это он вдруг?» Если сразу поднимется шум, есть шанс добраться до ближайшего угла, а там броситься бежать со всех ног.

Моури успел взмокнуть от напряжения, пока дошел до конца перрона и убедился, что страхи его были напрасны. Ему впервые пришлось убить человека, и за этот грех он расплачивался страхом, представляя полчища мчавшихся по его следам агентов Кайтемпи,— в то время как охота даже не началась. На перроне у барьера стояли двое полицейских, не проявляя ни малейшего интереса к потоку пассажиров; они зевали от скуки, лениво перебрасываясь фразами. Их взгляды равнодушно скользнули по лицу проходящего мимо Моури.

Но радоваться было рано. На вокзале его чемодан не привлекает внимания, но когда он появится с ним на улице ночного города, полиция вполне может заинтересоваться, куда и зачем направляется прохожий с чемоданом в столь поздний час.

Конечно, можно взять такси, но это тоже небезопасно. Водители имеют хорошую память и любят поговорить. А на допро-

се в Кайтемпи даже самый молчаливый из них станет весьма разговорчивым.

«— Это вы взяли пассажира с чемоданом, прибывшего поездом в одиннадцать двадцать из Радина?

— Да. Молодой парень, в руках — небольшой чемоданчик.

— Заметили что-нибудь подозрительное? Может быть, он нервничал или выглядел усталым?

— Пожалуй, нет. Обычный пассажир. Он не местный. Говорил с настоящим машамским акцентом.

— Помните, куда отвезли его, а?

— Да, могу показать».

Немного подумав, он сунул кейс в автоматическую камеру хранения и решил дойти до дома налегке. Теоретически, чемодан мог спокойно оставаться там в течение суток. Но если его обнаружат, то используют как приманку.

В обществе, где для компетентных органов нет ничего недоступного, у Кайтемпи имеются ключи от всех замков. Ее агенты могут вскрыть и обыскать каждый почтовый ящик, каждую камеру хранения в радиусе тысячи миль от места происшествия, если кому-то придет в голову, что это поможет найти убийцу. Когда он вернется за чемоданом, нужно будет держать ухо востро — не исключено, что около камер хранения случайно окажутся несколько мускулистых ребят.

Он быстрым шагом приближался к своему дому. До подъезда оставалось уже ярдов пятьсот, когда от темной стены на противоположной стороне улицы отделились два полицейских.

— Эй, ты!

Моури остановился. Они перешли дорогу и молча уставились на него. Затем один перевел взгляд на сверкающее звездами ночное небо, оглядел пустынную улицу и снова уставился на Моури.

— Поздненько гуляешь, а?

— А что здесь такого? — ответил тот извиняющимся тоном.

— Здесь мы задаем вопросы,— отрезал полицейский.— Где это ты был до сих пор?

— В поезде.

— Откуда?

— Из Камасты.

— Куда направляешься?

— Домой.

— На такси вышло бы быстрее, верно?

— Да,— согласился Моури.— Но я опоздал. Уже поздно, все машины разъехались. Так не повезло! — Он сокрушенно вздохнул.

— Ну, целая история!

Тут вмешался второй полицейский. Он решил допросить подозреваемого по форме номер семь: угрожающе сузил глаза, выставил челюсть и заговорил хрипловатым голосом. Иногда ему удавалось таким образом добиться виноватого взгляда или, наоборот, выражения абсолютной и потому крайне подозрительной невинности. Он был большим специалистом по части тактики номер семь, постоянно тренировался на жене и репетировал в спальне перед зеркалом.

— А может, парень, и духу твоего не было в Камасте, а? Может, ты любишь гулять по ночам и что-нибудь клеить на витрины и стены?

— Нет, что вы, офицер,— сказал Моури, внутренне содрогнувшись.— Что мне, делать нечего? Разве я похож на психа?

— Пожалуй, это не слишком бросается в глаза,— признал полицейский.— Но какой-то тип, ненормальный или совсем наоборот, начал развлекаться такими делами.

— Ну конечно, я понимаю, вы хотите его поймать. Я и сам психов не люблю. Меня от них прямо трясти начинает.— Он сделал нетерпеливый жест.— Если собираетесь делать обыск, то, может, приступим? У меня был тяжелый день; устал, знаете ли, как собака и хочу поскорее домой.

— Нет, думаю, это лишнее. Покажи документы.

Моури достал карточку. Первый полицейский только взглянул на нее, а второй даже не стал себя утруждать.

— Ладно, иди. Но учти, если будешь разгуливать по ночам — нарвешься на неприятности. Идет война, понятно?

— Да, офицер,— ответил Моури робко.

Он спешил убраться от них подальше, возблагодарив Бога и судьбу за то, что предусмотрительно избавился от багажа. Если бы чемодан был при нем, вряд ли удалось бы отделаться так легко. Если бы полицейские попытались обыскать чемодан, ему пришлось бы предъявить реквизированное у Салланы удосто-

верение. Но Моури не хотел с этим торопиться — пока убийство Свинорылого не обнаружат и скандал не поутихнет.

Добравшись до своего жилища, он разделся, но уснул не сразу. Лежа в постели, он еще раз внимательно рассмотрел удостоверение Кайтемпи. Это был документ исключительной важности, и теперь Моури разрывался между двумя противоречивыми желаниями: избавиться от него или поскорее использовать.

Если учесть особенности социально-политической системы Сирианской империи, то удостоверение Кайтемпи, несомненно, может наводить ужас на любой принадлежащей сири планете. Один вид крылатого меча заставит девяносто девять процентов гражданского населения бухнуться на колени и прославлять тайную полицию, зарывшись носом в грязь. В этом для «осы» и заключалась ценность подобного документа. Однако Земля не снабдила Моури подобным оружием — он сам добыл его. Очевидно, земная разведка не располагала оригиналом такого удостоверения.

Там, среди звезд, на зелено-голубоватой планете под названием Земля, способны сделать дубликат чего угодно, кроме человеческой жизни; да, пожалуй, и с нее могут снять копию. Возможно, там нуждаются в этом удостоверении. Ведь таким документом можно снабдить каждую «осу» и спасти многих разведчиков, обреченных в иных обстоятельствах на мучительную смерть.

Но для него пожертвовать удостоверением в пользу своего земного начальства равнозначно потере ферзя в шахматной партии. Он долго колебался, но перед тем, как заснуть, все же решил в первое же посещение пещеры отправить подробный отчет о своих успехах и уникальном документе, который ему удалось добыть. Пусть Земля решает, что с ним делать.

В полдень Моури вернулся на вокзал, послонялся там минут десять, делая вид, что встречает кого-то. Придав лицу слегка утомленное, скучающее выражение, он внимательно изучал обстановку. Пятьдесят или шестьдесят пассажиров, с таким же безразличным и утомленным видом, находились неподалеку от камер хранения. Казалось, за камерами никто из них не наблюдал. По вокзалу болталась дюжина типов весьма мускулистого сложения, в манерах которых проглядывало нечто официальное; однако они, в основном, следили за пассажирами на перроне.

Наконец он решил рискнуть, неторопливо подошел к своей ячейке и вставил ключ в скважину, жалея, что не имеет третьего глаза на затылке. Открыв дверцу, Моури вытащил чемоданчик и оглянулся. В этот момент, держа в руках улики своего преступления, он чувствовал себя крайне неуютно. Если что-то должно произойти, то именно сейчас. Тяжелая лапа опустится на его плечо, раздастся торжествующий рев, и люди с хищным оскалом и безжалостными глазами сомкнутся вокруг него.

Но этого не случилось. Он медленно двинулся к выходу, настороженный, как лисица, заслышавшая вдали лай гончих. За вокзальными воротами он вскочил в рейсовый автобус и забился в угол, бросая по сторонам осторожные, внимательные взгляды.

Возможно, никто не заметил его, никто им не интересовался, никто не шел по его следам, и люди Кайтемпи все еще безуспешно обшаривают Радин, не имея ни малейшего представления, где продолжать поиски. Но Моури не мог успокоиться, опасаясь недооценить их профессионализм. Оставался один шанс из тысячи, что он ничего не заметил и привел их прямиком к камере, что его решили оставить на свободе, надеясь выйти на остальных членов мифической Партии Свободы Сириуса.

Он наблюдал за пассажирами, входившими и выходившими на остановках, за пролетавшими мимо динокарами и даже за небом, словно ожидал, что над автобусом с минуты на минуту зависнет полицейский вертолет. Он пересаживался раз пять, протащил чемодан по темным закоулкам, по проходным дворам и галереям трех универмагов, которые покидал через незаметные боковые выходы.

В результате всех этих маневров Моури убедился в отсутствии слежки; тогда он отправился домой, сунул кейс под кровать и глубоко, облегченно вздохнул. Его предупреждали, что деятельность разведчика способна доставить массу сильных впечатлений. Похоже, так оно и есть.

Вновь покинув квартиру, он купил стопку конвертов и дешевую пишущую машинку. Остаток этого дня и весь следующий он прилежно трудился, печатая краткие послания на фирменных бланках Кайтемпи. Моури не боялся оставить на письмах отпечатки пальцев; их подушечки были обработаны особым способом, так что на бумаге не обнаружат ничего, кроме расплывчатых неясных пятен.

Закончив эту работу, он целый день провел в библиотеке, кропотливо выискивая нужную ему информацию, делая подробные выписки, а вернувшись домой, надписал конверты и наклеил марки.

К вечеру Моури успел отправить более двухсот писем редакторам газет, дикторам радио, высшим офицерам и важным правительственным чиновникам, шефам полиции крупнейших городов, известным политикам и членам кабинета министров.

Послание, вызывающе напечатанное под грифом Кайтемпи, снабженное печатью с крылатым мечом, было кратким, но содержательным:

Саллана первый. За ним последуют другие. Список у нас длинный.

Дирак Ангестун Гесепт

Итак, первая фаза операции была завершена. Моури сжег коробку из-под конвертов и выбросил пишущую машинку в речку, выбрав место поглубже. Если ему придется еще раз заняться письмами, он купит другую и избавится от нее таким же образом. Если потребуется, он сможет купить и выбросить сотню пишущих машинок. Чем больше их будет, тем забавнее. Пусть в Кайтемпи занимаются анализом его посланий; они обнаружат различные шрифты, принадлежащие неизвестным пишущим машинкам, и решат, что имеют дело с гигантской организацией. К тому же каждая сделанная им покупка ведет к дестабилизации экономики Джеймека, наводняя планету фальшивыми деньгами.

Следующим шагом стал визит в контору по прокату динокаров. Он нанял машину на неделю под именем Шира Агавана и дал адрес отеля, в котором остановился в первый день. С помощью динокара Моури избавился от пятисот листовок, расклеив их в шести городках и тридцати деревнях вокруг столицы. Работа здесь была связана с большим риском, чем в Пертейне или Радине. В деревнях приходилось труднее всего, и чем меньше было селение, тем больше опасностей его подстерегало. В городе, где обитают сотни тысяч или миллионы людей, никто не обращает внимания друг на друга; но в местечке с населением в несколь-

ко сотен человек незнакомца заметят, запомнят, проследят за каждым его шагом.

Во многих случаях деревенские зеваки облегчали Моури задачу, давая возможность налепить листовку, пока все их внимание было приковано к машине. Дважды кто-то записывал номер его динокара — очевидно, просто ради интереса. Он поступил весьма предусмотрительно, использовав псевдоним, к которому не собирался возвращаться впредь. Очень скоро полиция свяжет появление листовок с немногословным и таинственным незнакомцем, исколесившим округу на динокаре ХС-17978.

В конце четвертой недели Моури заложил последнюю листовку в фундамент мифического джеймекского подполья. И тут он упал духом.

Газеты и правительственные радиостанции хранили гробовое молчание о подрывной деятельности на Джеймеке. Ни словом они не обмолвились об убийстве Салланы — Свинорылого. Казалось, правительство нисколько не беспокоило ни жужжание «осы», ни таинственная и грозная, но — увы — воображаемая Партия Свободы Сириуса.

Моури не видел никаких результатов своей деятельности и не знал, есть ли они вообще. Иногда вся эта бумажная война казалась ему чепухой — несмотря на утверждение Вулфа, что целую армию можно поставить на колени с помощью двух-трех пропагандистских заклинаний. Получалось, что он, Моури, размахивает кулаками в темноте — возможно, ему и удалось зацепить кого-то по носу, но противник даже не удосужился нанести ответный удар.

В результате первоначальный энтузиазм Моури несколько поостыл. Чтобы подогреть его снова, требовалось какое-то проявление эмоций противоборствующей стороны — крик боли, проклятье или угроза: тогда он поймет, что удар попал в цель. Хотя бы тяжелое дыхание врага!.. Но Джеймс не слышал и этого.

Он больше не в силах был переносить одиночество. Не было товарищей, с которыми он мог бы разделить тяжкий груз неясных предположений и тревожных предчувствий; товарищей, которые нуждались бы в его поддержке и одобрении, а в нужный момент были бы готовы прийти на помощь. Никого, никого рядом... ни одной живой души, разделяющей с ним опасности не-

легального существования в чужом мире... ни единого человека, с кем можно перебросится словом... или хотя бы посмеяться... В роли осы он мог рассчитывать только на собственные душевные силы, а их требовалось поддерживать зримыми свидетельствами успеха его операций — но этого как раз и не было.

Вскоре его хандра превратилась в депрессию такой силы, что Моури целых два дня не выходил из дома, мрачно слоняясь по квартире из угла в угол. На третий день им внезапно овладело растущее чувство тревоги. Моури не стал с ним бороться: в разведшколе ему сотни раз твердили о необходимости прислушиваться к интуиции.

«Осознание того, что на вас ведется серьезная охота, может вызвать аномальное обострение психического восприятия — вплоть до проявления шестого чувства. Именно поэтому матерых преступников так трудно поймать. Многие рецидивисты, которых разыскивала полиция, умудрялись неожиданно улизнуть в самый последний момент, проявляя чудеса изобретательности. На самом деле такой тип вдруг чуял, что пахнет жареным и пора уносить ноги. Для спасения собственной шкуры делайте то же самое. Если вы почувствуете, что кто-то сел вам на хвост, не ждите, не проверяйте, не тяните время — сматывайтесь!»

Да, именно так его учили. Он вспомнил, как в свое время размышлял о природе этого странного чувства — предвидения опасности. Может быть, в его основе лежала телепатия?

Полиция не устраивает облаву без предварительного наблюдения за преступником. Агенты, которым поручена слежка, сосредоточивают внимание на предмете своих забот, и жертва иногда ощущает некие исходящие извне импульсы, которые воспринимаются на уровне подсознания и создают ощущение опасности.

Нечто подобное Моури чувствовал сейчас. Поэтому, взяв свои вещи, он покинул квартиру с черного хода. Никто не слонялся поблизости, никто не видел, как он выходил, никто не заметил, куда он направился.

Незадолго до полуночи во дворе его бывшего дома появилось четверо крепких парней; они расположились так, чтобы блокировать черный ход. У парадного подъезда со стороны улицы остановились две машины с такими же типами; дверь рас-

пахнулась под сильным ударом, и агенты устремились наверх. Они пробыли там часа три и чуть не прикончили хозяина, прежде чем убедились в его полной невиновности.

Моури об этом ничего не знал. Его деятельность вызвала наконец ответную реакцию, но, к счастью, он сумел проворонить столь явное доказательство успеха своих операций.

Он выбрал новое убежище в полутора милях от старого — длинную узкую комнату на верхнем этаже полуразвалившегося здания в самом опасном квартале Пертейна, в районе, где тротуары очищали единственным способом — спихивая мусор на мостовую. Документы здесь никого не интересовали; одна из самых похвальных привычек обитателей этого квартала заключалась в том, что они не лезли в чужие дела. Чтобы снять комнату, оказалось достаточным предъявить купюру в пятьдесят гильдеров. Взамен он получил старый ключ.

Моури пользовался им недолго — он сразу же приобрел надежный замок и врезал его в дверь. А также поставил новые шпингалеты на окно, хотя оно находилось в сорока футах над землей и к нему было трудно пробраться. И наконец, он сделал небольшой люк на крышу, которым предполагал воспользоваться, если лестница будет заблокирована агентами Кайтемпи.

В таком районе стоило опасаться только мелких воришек — крупные не станут размениваться на комнаты в трущобах. Моури решил, что новый замок и шпингалеты на окне окажутся для них серьезным препятствием. Он доверял своим беспокойным соседям не больше, чем сами соседи доверяли друг другу.

Пришлось затратить немало времени на уборку, чтобы привести комнату в жилой вид. Если он когда-нибудь попадет в застенки Кайтемпи, то там будет не до соблюдения правил гигиены; но на свободе ему хотелось жить в чистоте. Когда он закончил свой труд, комната стала такой опрятной, какой, видимо, не была с тех пор, как из нее ушли строители.

Депрессия и чувство нависшей опасности наконец покинули Моури. В хорошем настроении он вышел из дома и бодро зашагал по улице, которая упиралась в заваленный мусором пустырь. Поблизости никого не было; оглянувшись, он положил конфискованный у Свинорылого пистолет на краю тротуара — так, что его не заметил бы только слепой. Затем, сунув руки в карманы, чуть искривив ноги, он двинулся обратно. Ярдах в семи-

десяти ему попался подходящий подъезд; Моури встал там в небрежной позе, с видом человека, не столь глупого, чтобы утруждать себя честным трудом. Такая манера считалась весьма модной в квартале, избранном им для проживания.

Джеймс бездумно созерцал противоположную сторону улицы, но время от времени бросал цепкий взгляд на пистолет, валявшийся на тротуаре.

Дальнейший ход событий еще раз подтвердил, что люди редко смотрят себе под ноги. За четверть часа тридцать человек прошли мимо пистолета, ничего не заметив; один даже наступил на него. Наконец оружие увидел парень со впалой грудью, ногами, кривыми, как колесо, и темно-сизыми пятнами на лице. Он застыл на месте, глядя на пистолет; потом наклонился, чтобы разглядеть его получше, и уже протянул было руку к оружию, но в последний момент передумал и поспешил убраться. Кривоногий парень перешел улицу перед носом Моури; на лице его застыло выражение неудовлетворенного желания и страха.

«Не прочь стащить, но боится»,— решил Моури.

Прошли еще двадцать прохожих. Из них двое заметили пистолет, но притворились, что ничего не видят. Не решились они и вернуться, чтобы завладеть оружием, когда поблизости никого не будет. Вероятно, они догадались, что пистолет был опасной уликой, от которой кто-то счел нужным избавиться, и не горели желанием таскать такую штуку в своем кармане.

Человек, в конце концов поднявший пистолет, похоже, не боялся ничего. Крепко сбитый, с квадратной челюстью и раскачивающейся походкой, он даже не замедлил шагов, хотя сразу же заметил оружие. Остановившись на углу ярдах в пятидесяти, он оглянулся с видом человека, заблудившегося в незнакомом районе, затем вытащил из кармана записную книжку и притворился, что ищет в ней адрес. Тем временем его острые маленькие глазки обшаривали улицу; однако Моури, укрывшегося в тени подъезда, он не заметил.

Через несколько минут он пошел обратно, ловко уронил записную книжку на пистолет, сгреб и то и другое одним движением и спокойно двинулся дальше. В руке его осталась только записная книжка; пистолет исчез куда-то с непостижимой скоростью, свидетельствовавшей о долгой практике в такого рода делах.

Позволив незнакомцу удалиться на достаточное расстояние, Моури выскользнул из подъезда и последовал за ним. Он надеялся, что идти недалеко. Этот тип с квадратной челюстью был серьезным клиентом; в случае длительной слежки он обнаружит преследователя и попытается отделаться от него любым способом. Моури очень не хотелось упускать свою с таким трудом выслеженную добычу.

Квадратная Челюсть бодро ковылял по тротуару, потом юркнул направо в узкий грязный переулок, а на следующем перекрестке повернул налево. Он шел уверенно и спокойно и, казалось, не подозревал, что за ним следят. В конце улицы Квадратная Челюсть вошел в дешевый ресторан с пыльными окнами и вывеской, настолько облупившейся, что ее невозможно было прочесть. Чуть позже Моури решительно распахнул дверь и вошел.

Воняло потом, прогорклой пищей и зисом. Бармен с желтовато-сизой физиономией встретил Моури неприветливым взглядом, видимо специально приготовленным для незнакомцев. Дюжина посетителей, сидевших в полумраке у заляпанной некрашеной стены, смотрела не ласковее. Вид у них был довольно-таки кровожадный.

Моури небрежно оперся о стойку и обратился к Железной Роже, стараясь говорить внушительно:

— Неплохо бы выпить чашечку кофе, а, приятель?

— Кофе? — Бармен дернулся, словно его кольнули шилом.— Клянусь кровью Джеймы, это же спакумское пойло!

— Ага,— согласился Моури.— И я собираюсь облевать им весь пол.— Он хрипло рассмеялся.— Проснись, паренъ, и налей мне зиса!

Бармен оскалился, оценив шутку, достал с полки стеклянную кружку, которую, несомненно, мыли не чаще раза в неделю, налил до краев низкосортным зисом и протянул Моури:

— С тебя шесть десятых.

Расплатившись, Моури понес кружку к маленькому столику в самом темном углу; двенадцать пар глаз внимательно следили за ним. Усевшись, он внимательно осмотрел зал, не обращая внимания на повисшую мрачную тишину. Он вел себя так, словно был завсегдатаем в подобных трущобах. Взгляд его уткнулся в Квадратную Челюсть — как раз в тот момент, когда сия до-

стойная личность, встав с кружкой в руке, прошествовала через зал и уселась за его столик.

Этот акт признания сразу же разрядил обстановку. Напряжение спало, головорезы у стены потеряли всякий интерес к Моури, бармен облегченно переступил с ноги на ногу, снова раздался тихий шелест голосов. Очевидно, Квадратная Челюсть был одним из почетных клиентов этого заведения и его знакомые пользовались неограниченным доверием.

Сидевший напротив Моури головорез представился:

— Меня зовут Архава, Бутин Архава.— Он подождал ответа, которого так и не последовало, затем продолжал: — Ты не отсюда. С Дираkты. И конечно, из Машамы, судя по акценту.

— Ловко подмечено,— отозвался Моури.

— Приходится ловчить... дураки обычно кончают в петле.— Он хлебнул из кружки.— Будь ты местным, ты не зашел бы сюда. А может, ты — из Кайтемпи?

— Да ну?

— Нет, не похоже... Они не рискнули бы послать сюда тебя одного. Они бы отправили шестерых, а может, и больше. Им известно, что в баре «Сузун» всякое случается.

— Меня,— сказал Моури,— это вполне устраивает.

— А меня — еще больше.

Бутин Архава шевельнулся, и над краем стола показалось дуло пистолета Свинорылого; оно было направлено прямо на собеседника.

— Я не люблю, парень, когда за мной следят. Учти, если эта пушка случайно бабахнет, никто здесь даже не пошевельнется... ну а ты навсегда избавишься от волнений. Так что лучше рассказывай. Зачем ты за мной шел, а?

— Выходит, ты все время знал, что я за тобой иду?

— Конечно! И что с того? — Квадратная Челюсть поиграл пистолетом.— Ну, говори!

— Ты вряд ли поверишь, когда я скажу.— Склонившись над столом, Моури усмехнулся прямо в оскалившуюся рожу: — Я хочу дать тебе тысячу гильдеров.

— Очень хорошо,— сказал Архава с полным равнодушием,— просто прекрасно.— Его глаза сузились.— И ты готов прямо сейчас полезть в карман и вытащить денежки, не так ли?

Моури кивнул, все еще улыбаясь.

— Несомненно — если ты достаточно храбр, чтобы позволить мне это.

— Не купишь, не на такого напал,— огрызнулся Архава.— Хозяин положения — я, и им останусь, ясно? Давай лезь в карман, но если ты вытащишь пушку, тебе же будет хуже. Ну, давай! А я послежу.

Под дулом нацеленного ему в лоб пистолета Моури сунул руку в правый карман, вытащил пачку новеньких двадцаток и протянул через стол:

— Вот, все твои.

Секунду Квадратная Челюсть смотрел на деньги, выкатив глаза; затем сделал неуловимое движение, и пачка исчезла. Пистолет тоже был убран. Архава откинулся на спинку стула и изучающе уставился на Моури; он казался озадаченным и был полон самых черных подозрений.

— А теперь скажи, парень, чего ты хочешь от меня?

— Ровным счетом ничего,— заверил Моури.— Считай, что это — от твоего поклонника.

— И где же он?

— Перед тобой.

— Но ты ведь меня видишь в первый раз, клянусь пятками Джеймы!

— Я надеюсь узнать тебя получше,— сказал Моури.— Я надеюсь познакомиться с тобой настолько близко, чтобы решить для себя один очень важный вопрос.

— А именно?

— Достоин ли ты получить,— Моури хлопнул себя по карману,— значительно большую сумму.

— Не пудри мне мозги, парень!

— Что ж, прекрасно. Разговор окончен. Приятно было познакомиться. А теперь — двигай на свое место.

— Не бухти! — Облизнув пересохшие губы, Архава осторожно оглядел зал и перешел на шепот: — Сколько?

— Двадцать тысяч,— произнес Моури.

Его собеседник всплеснул руками, будто отбивался от назойливой мухи.

— Ш-ш, не так громко.— Квадратная Челюсть опять настороженно покосился в сторону других посетителей бара.— Ты действительно сказал «двадцать тысяч»?

— Ага.

Архава глубоко вздохнул:

— Кого надо пришить?

— За эту цену — только одного.

— Ты серьезно?

— Я только что дал тебе тысячу гильдеров — куда уж серьезнее. Можешь проверить: перережь горло кому надо и получи гонорар — только и всего.

— И ты говоришь, это только начало?

— Да. Если твои услуги меня устроят, то у тебя и дальше будет работенка. Тут целый список,— Моури снова коснулся кармана,— и за каждого я плачу двадцать тысяч наличными.

Он внимательно поглядел на собеседника, сделал паузу и произнес предостерегающим тоном:

— Если продашь меня Кайтемпи, получишь тысяч десять без всякого риска, но потеряешь выгодную работу и огромные деньги — миллион или даже больше.— Моури снова помолчал и добавил с явным сарказмом: — Не стоит закапывать золотоносную жилу, верно?

— Конечно нет — если ты не псих и все это правда.— Архава явно был возбужден; Моури почти физически ощущал, как мысли в голове бандита скакали, словно блохи на раскаленной сковородке.— А с чего ты взял, что я — профессиональный убийца?

— Это мне неизвестно. Но я догадываюсь, что ты — тертый парень и не раз имел дело с полицией. Иначе ты не сидел бы здесь и вряд ли поднял бы мой пистолет.— Квадратная Челюсть вздрогнул, и Моури засчитал себе очко.— Мне нужен именно такой человек, способный сделать для меня грязную работенку или, в крайнем случае, познакомить меня с кем-нибудь подходящим... Лично мне все равно, кто займется делом, ты или твой дядюшка Сматси. Отсюда попахивает деньжатами,— Моури в третий раз хлопнул по карману,— и тебе нравится их запах. Но чтобы нюхать их в свое удовольствие, придется пошевелиться.

Архава медленно кивнул, сунул руку в карман и пощупал пухлую пачку двадцаток. В его глазах зажегся странный огонек.

— Я не занимаюсь такими делами, они не совсем по моей части, знаешь ли... К тому же их не провернешь в одиночку... Но...

— Но что?

— Пока ничего. Мне нужно подумать. И обсудить все это с парой друзей.

Моури поднялся.

— Я даю тебе четыре дня, чтобы подобрать команду и обмозговать мое предложение. Но через четыре дня ты должен решить — да или нет. Я буду здесь в такое же время.— Он легко, но властно дотронулся до плеча собеседника.— И учти, я тоже не люблю, когда меня выслеживают. Лучше не ходи за мной, если хочешь стать богатым и дожить до старости.

С этими словами Моури вышел. Архава послушно остался сидеть, в задумчивости глядя на дверь. Через некоторое время он заказал еще один зис. Голос его звучал необычно хрипло.

Бармен, подвинув кружку к локтю Архавы, спросил без особого интереса:

— Твой приятель, Бутин?

— Ага... Некто Дасам Хайн.

Так сириане называли коллегу земного Санта-Клауса.

Глава 5

Ранним утром Моури зашел в контору по прокату динокаров и взял машину на имя Морфида Пайса, проживающего в Радине. Это было другое заведение. Он не мог рисковать и пользоваться два раза подряд услугами одного и того же агентства; скорее всего, полиция уже побывала в первом и задала немало вопросов хозяину. Если он снова сунет туда нос, его обязательно опознают и постараются задержать под любым предлогом, а сами бросятся звонить в полицию.

Моури неторопливо выехал из города, внимательно управляя машиной, чтобы случайно не привлечь внимание одного из патрульных динокаров, снующих по трассе. Вскоре он остановился у дерева с причудливой кроной и увидел под ним большой валун, похожий на могильную плиту. Сделав вид, что возится с машиной, он подождал несколько минут, пока дорога не опустела. Затем быстро съехал с обочины на траву и углубился в лес ярдов на пятьдесят.

Потом он вернулся пешком к шоссе и убедился, что машину не видно в зарослях густого кустарника. Ногами и длинной вет-

кой расправил примятую траву, чтобы скрыть следы колес на въезде в лес. Проделав все это, Моури быстро двинулся к пещере.

Он добрался туда во второй половине дня. Еще в лесу за полмили до места он почувствовал, как начало пульсировать кольцо на среднем пальце его левой руки. Пульсация усиливалась по мере приближения к тайнику. Теперь он мог не блуждать в чаще, а выйти прямо к цели. Кольцо реагировало на сигнал, излучаемый из контейнера под номером двадцать два. В случае, если бы некий посторонний объект размером с человека оказался в пещере, излучение бы прекратилось.

В пещере было еще кое-что, кроме невидимой системы предупреждения. Возможно, любознательных парней, обнаруживших тайник, заинтересует содержимое хранящихся в нем дюралевых цилиндров, включая тридцатый контейнер. Шутки с ним, несомненно, кончатся таким взрывом, что он будет слышен даже в далеком Пертейне.

Добравшись до тайника, Моури вскрыл контейнер номер два и, пока не зашло солнце, поспешил насладиться настоящим земным обедом. Он не был особенным чревоугодником, но успел проголодаться и, подобно изгнаннику, тосковал по домашней пище. Вкус консервированного ананасового сока показался ему божественным — он растянул маленькую баночку на двадцать минут, смакуя каждую каплю.

Поев, он приободрился; затерянные в космической бездне силы, что стояли за его спиной, теперь казались уже не столь призрачными и далекими.

С наступлением темноты Моури выкатил из пещеры контейнер номер пять и установил его на крошечном пляже у ручья. Высокий серебристо-серый цилиндр был направлен к звездам. Сдвинув сегмент обшивки на его боковой поверхности, Моури извлек маленькую рукоятку, вставил ее в паз около основания цилиндра и с силой надавил. Из контейнера послышалось равномерное успокаивающее гудение.

Он снял с цилиндра верхнюю крышку, для чего ему пришлось приподняться на цыпочки, потом уселся на ближайший камень и застыл в ожидании. Наконец в аппарате что-то щелкнуло и звук стал громче. Моури знал, что теперь цилиндр излучает беззвуч-

ные сигналы, которые мчатся все дальше и дальше, преодолевая безбрежные просторы космоса:

«Вирруи-дзт-пам! Вирруи-дзт-пам! — Вызывает Джеймек! Вызывает Джеймек!»

Ему оставалось только терпеливо ждать. Передача шла не на Землю, родная планета была слишком далеко для прямой связи. Она предназначалась для космической станции связи и оперативного штаба, которые находились гораздо ближе — возможно, в пределах Сирианской империи. Он не знал их точного местонахождения и, следовательно, как любил повторять Вулф, не мог выдать эти сведения врагу.

Моури не надеялся на быстрый ответ. Там, на станции, затаившейся в космической тьме, одновременно принимали сотни сигналов на сотнях частот, и линии связи были заняты, пока не закончится обмен информацией с очередными абонентами. Приходилось ждать своей очереди.

Прошло три часа; цилиндр, стоявший на галечном пляже, продолжал издавать еле различимое гудение. Вдруг наверху, рядом с крышкой, замигал маленький красный огонек.

Проклиная свой маленький рост, Моури на цыпочках потянулся к откинутой верхней крышке и вытащил что-то вроде обычной телефонной трубки. Прижав ее к уху, он произнес:

— Джи Эм на Джеймеке.

Прошло несколько минут, прежде чем ему ответили. Голос в трубке дрожал и прерывался, но это был голос землянина, и слова звучали на родном языке. Моури услышал:

— Готовы записать ваше сообщение. Валяйте.

Моури предпочел бы говорить сидя, но соединительный шнур оказался слишком коротким, и ему пришлось стоять. Не слишком удобно для длительной беседы, поэтому он старался говорить побыстрее. «Осиные истории простака Моури»,— подумал он невесело и начал подробно излагать состояние дел. Ответа снова пришлось ждать долго. Наконец голос в трубке прожужжал:

— Прекрасно, вы отлично поработали!

— Да? Что-то мне так не кажется. Я всю планету обклеил бумагой, и никакой реакции!

— Реакция есть, и какая! — возразил далекий голос. Его тембр ритмически менялся пять раз в минуту — в такт со сменой ча-

стоты передачи. Эта предосторожность затрудняла перехват сигналов противником.— Нам со стороны виднее.

— И что же вам видно?

— Котел закипает медленно, но верно. Их войска уже очень разбросаны; тем не менее идет крупное перемещение частей из центра империи на периферию. Они постепенно выдыхаются и все больше распыляют свои силы, боясь потерять внешние планеты. Чем шире они рассредоточиваются, тем слабее их оборона. Чем слабее оборона, тем легче захватывать их планеты. Подождите, я проверю, какова ситуация у вас.— Голос замолк и через несколько минут раздался снова: — Да, как я и предполагал, они не осмеливаются выводить войска с Джеймека, хотя солдаты очень нужны в некоторых других местах. Возможно, сюда даже будут переброшены дополнительные силы с Дираkты. И все из-за вас!

— Что ж, приятно слышать.— Неожиданная мысль пришла к нему в голову, и он с надеждой спросил: — Послушайте, кто вам это сообщил?

— Служба наблюдения и расшифровки. Они прослушивают вражеские каналы связи.

— А-а-а...— разочарованно протянул Моури. Он надеялся услышать еще об одном агенте земной разведки на Джеймеке. Впрочем, если бы даже такой агент и существовал, ему бы об этом не сказали. Они не рискнут давать информацию, которую из него могли бы выжать в Кайтемпи.— А как быть с удостоверением и штампом Кайтемпи? Вы заберете или оставить их у себя?

— Подождите, я выясню.

Передача прервалась больше чем на час, затем Моури услышал:

— Простите за задержку. Огромные расстояния требуют времени для связи. Вы можете оставить эти вещи у себя. Мы недавно получили такие же — их приобрел один из наших агентов.

— Приобрел? Как?

— Ценой собственной жизни. А чего стоило ваше удостоверение?

— Жизни майора Салланы, как я докладывал.

— Да, такие документы обходятся недешево.— Последовала пауза. Затем: — Заканчиваю связь. Удачи!

— Спасибо.

Моури неохотно повесил трубку, выключил передатчик, поставил крышку на место и закатил цилиндр обратно в пещеру. Он был готов до утра слушать все, что угодно, лишь бы ощущать невидимую связь с далекой родиной.

— Удачи! — сказал голос в трубке, не подозревая, насколько это слово было привычнее и ближе, чем чуждое «долгих лет».

Вскрыв один из контейнеров, Моури вытащил несколько пакетов и небольших свертков; часть он распихал по карманам, другие засунул в холщовую сумку, какие носили сирианские фермеры. Он решил не дожидаться рассвета. Теперь он лучше знал лес и был уверен, что найдет дорогу даже в темноте. Идти будет труднее и дольше, но Моури не терпелось поскорее добраться до машины.

Перед тем как покинуть пещеру, он нажал потайную кнопку на контейнере номер двадцать два, прекратившем излучение, как только Моури очутился в своем тайнике. Через минуту невидимый барьер, который никто не мог преодолеть незаметно, будет восстановлен.

Он быстро вышел из пещеры, нагруженный тяжелыми свертками, и к тому времени, когда кольцо на среднем пальце снова начало пульсировать, успел пройти ярдов тридцать. Моури медленно пробирался вперед, осторожно нащупывая путь. По мере удаления от пещеры пульсация ослабевала; наконец, когда он отошел на восемьсот ярдов, она прекратилась совсем.

После этого ему пришлось по крайней мере сотню раз сверяться с компасом, вглядываясь в слабо люминесцирующий циферблат. К шоссе Моури вышел в полумиле от машины — вполне приемлемое отклонение для двадцатипятимильного перехода, две трети которого проделаны в темноте. Через два часа после рассвета он добрался до места; глаза у него слезились от напряжения, ноги болели. Он с облегчением влез в машину, незаметно вывел ее из леса и покатил по шоссе к ненадежному убежищу, которое считал своим домом.

День, на который он назначил рандеву Архаве, начался довольно примечательно. По радио и телевидению, через газеты и систему оповещения населения правительство выступило с одним и тем же объявлением. Моури услышал, как загрохотал

громкоговоритель за два квартала от его дома; пронзительные крики разносчиков газет раздавались на улице. Спустившись вниз, он купил газету и прочитал ее за завтраком.

«В соответствии с Указом о военном положении приказом Министерства обороны Джеймека устанавливается: все организации, общества, партии и прочие корпоративные союзы должны пройти регистрацию в Центральном регистрационном бюро Пертейна не позднее двадцатого числа сего месяца. Их руководителям необходимо в деталях указать цели и задачи соответствующих организаций, обществ, партий и других корпоративных союзов, сообщить адреса, по которым проводятся собрания, и полный список членов.

В соответствии с Указом о чрезвычайных полномочиях правительства в военное время и настоящим приказом Министерства обороны Джеймека устанавливается: после двадцатого числа сего месяца любая организация, общество, партия, союз, не прошедшие регистрацию по каким-либо причинам, в соответствии с вышеизложенным приказом будут считаться нелегальными. Членство в нелегальной организации, оказание помощи и сочувствие любому из ее членов будет считаться преступлением против государства и караться смертной казнью».

Итак, они наконец-то сделали ответный ход. Дирак Ангестун Гесепт должна либо официально заявить о своем существовании, либо подвергнуться уничтожению. С помощью простой законодательной уловки они расставили хитроумную ловушку, оставив только две возможности: смерть или моральное уничтожение. Этот психологический трюк выбьет всех слабых и колеблющихся из рядов ДАГ.

У слабых развяжутся языки. Они заговорят. Они выдадут одного за другим всех членов от рядовых до главарей. Смертельная болезнь поразит партию; гниль, появившись в одном месте, распространится на весь организм, уничтожая его. Так обстоят дела — по крайней мере, в теории.

Ухмыльнувшись, Моури еще раз перечитал сообщение, наслаждаясь каждым словом. Правительству придется попотеть, пока оно отыщет провокаторов в рядах ДАГ. Не очень-то много

информации можно выжать из людей, которые даже не подозревают о своем членстве в Партии Свободы Сириуса. В несуществующей армии предателей не бывает.

Например, Бутин Архава нанят партией — и с хорошим жалованьем, надо заметить,— но даже не подозревает об этом. Никто не счел нужным ему об этом сказать. Кайтемпи может схватить его и разрезать на куски — но палачи не услышат ни одного слова о Партии Свободы Сириуса.

В середине дня Моури заглянул в Центральное регистрационное бюро. Как и следовало ожидать, очередь тянулась от двери до самого барьера, за которым два надменных чиновника выдавали бланки. Очередь, состоящая из руководителей и служащих торговых союзов, обществ любителей зиса, видеоклубов и других всевозможных организаций, продвигалась медленно. Худощавый старик, скучавший в конце очереди, был региональным секретарем Сирианской ассоциации любителей ящериц. Коренастый толстяк, пыхтевший перед ним, представлял пертейнский клуб ракетомоделистов. Никто во всей очереди, казалось, не был способен даже плюнуть в спакума, не то что заниматься антиправительственной деятельностью.

Встав в очередь, Моури обратился к тощему старику:

— Ну и чушь придумали, правда?

— Ага, одной Джейме известно, зачем это нужно.

— Вероятно, хотят выделить граждан с особыми талантами,— предположил Моури,— радиолюбителей, фотографов и прочих в том же духе. Правительство могло бы с толком использовать людей с техническими познаниями в военное время...

— Так бы прямо и сказали,— нетерпеливо перебил его старик.— Опубликовать список профессий и заставить всех зарегистрироваться — только и всего.

— Да, пожалуй, вы правы.

— Наша ассоциация интересуется ящерицами. Чем мы можем быть полезны?

— Понятия не имею. А чего в них вообще интересного — в ящерицах?

— Вы когда-нибудь пробовали за ними наблюдать?

— Нет,— признался Моури без особого стыда.

— Тогда вам не понять, какое это захватывающее занятие.

Толстячок повернулся и произнес с чувством собственного превосходства:

— Мой клуб строит модели ракет.

— Детские забавы! — огрызнулся старик.

— Это вы так думаете. Но любой из наших парней — потенциальный инженер-ракетчик, а во время войны такие ребята — ценный товар.

— Продвигайтесь,— сказал старик, подтолкнув его в спину.

Они сделали несколько шагов вперед. Старик спросил Моури:

— А ваши чем занимаются?

— Гравировкой по стеклу.

— Ну, это высокое искусство! Я видел несколько очень красивых работ. Но слишком роскошных и дорогих. Такие вещи недоступны человеку со средним достатком.— Он громко фыркнул.— Как могут способствовать граверы по стеклу нашим победам?

— Попробуйте догадайтесь,— отозвался Моури.

— Возьмем ракеты,— снова встрял толстячок.— Уж они-то необходимы в космической войне и...

— Продвигайтесь! — снова скомандовал старик.

Они добрались до барьера, на котором громоздились стопки бланков, и получили по одному. Затем каждый двинулся в свою сторону, а очередь из вновь пришедших все тянулась и тянулась от двери к барьеру. Моури отправился на главпочтамт и, присев за свободный стол, аккуратно и четко заполнил бланк. Он получил особое удовольствие, использовав для этого государственные чернила и государственную ручку.

Название организации: «Дирак Ангестун Гесепт».

Цель организации: «Уничтожение существующего строя и прекращение войны с Землей».

Обычное место собраний: «Любое, где Кайтемпи не сможет нас найти».

Список членов: «Шутить изволите!»

Подпись: «Джейма Шалапутра».

Последнее заставит кое-кого посинеть от злости. Это было рассчитанное оскорбление глубоко почитаемого священного изваяния Джеймы. В вольном переводе подпись звучала как «Джейма Каменная Задница».

Моури купил конверт и уже собрался отослать свое творение в бюро, когда ему пришла в голову еще одна мысль. Он взял заполненный бланк, вернулся в квартиру и с помощью украденного в Радине штампа украсил его печатью Кайтемпи. В таком виде он его и отправил.

Эта затея доставила ему огромное удовольствие. Еще месяц назад было бы чистым ребячеством тратить время на подобные проделки: на письмо, скорее всего, не обратили бы внимания, посчитали бы выходкой сумасшедшего. Но теперь — другое дело. Власти обнаружили свою озабоченность, если не страх. В таком настроении вряд ли они проигнорируют его послание. Пожалуй, этот издевательский выпад только подогреет их гнев, что пойдет на пользу делу, так как в ярости человек не способен трезво оценивать ситуацию и мыслить логически.

Тот, кто затеял бумажную войну, использует бумажное оружие — и оно с течением времени может стать не менее разрушительным, чем взрывчатка. Однообразие материала отнюдь не ограничивает выбор тактики. Бумага может содержать замаскированное предупреждение, открытую угрозу, тайный искус, призыв к неповиновению; бумага — это плакаты на стенах, наклейки на окнах, листовки, тысячами разбрасываемые с крыш, карточки, оставленные на сиденьях автобусов или незаметно засунутые в карманы... наконец, деньги.

Да, деньги.

За деньги можно купить дела, подтверждающие слова. Эти разноцветные клочки бумаги заставят сири уничтожать друг друга, избавляя землян от подобной неприятной обязанности.

В назначенный час он отправился в бар «Сузун».

Оказалось, однако, что власти пока что вполне способны оценивать ситуацию и мыслить логически. Ответный удар не ограничивался утренним распоряжением. Они пошли гораздо дальше, организовав облавы на улицах.

Моури чуть не попался с первого же раза. К счастью, ему удалось увернуться, но праздновать успех было рано: избежав одной ловушки, он рисковал попасть в другую. Шансы на печальный исход были велики, так как главная опасность заключалась в непредсказуемости следующего удара.

Он шел к месту назначенной встречи, когда улицу вдруг перегородила цепь полицейских. Вторая цепь выстроилась в четы-

рехстах ярдах за первой. В онемевшую толпу, оказавшуюся в оцеплении, врезалось несколько человек в гражданском — несомненно, агентов Кайтемпи. Они тут же начали с профессиональным искусством обыскивать всех, кто попал между двумя кордонами. Тем временем полицейские внимательно следили, чтобы никто не нырнул в подъезд и не сбежал через черный ход.

Возблагодарив судьбу за то, что оказался вне зоны обыска, Моури повернул назад и заспешил домой. Поднявшись в квартиру, он сжег все документы на имя Шира Агавана и растер пепел в пыль.

Все. С этой личностью отныне и во веки веков покончено, аминь! Больше он никогда не воспользуется столь звучным именем.

Распечатав один из свертков, Моури достал новые документы, удостоверявшие, что их владелец — Крег Вулкин, специальный корреспондент одного из ведущих информационных агентств Дираты. В некотором отношении его новая легенда была лучше предыдущей. Она вполне объясняла его машамский акцент. К тому же проверка этих документов займет целый месяц, так как придется запрашивать метрополию.

Вооруженный новыми бумагами, он снова вышел из дома. Хотя Моури в какой-то степени обезопасил себя на тот случай, если ему придется отвечать на каверзные вопросы, риск, что они будут заданы, значительно возрос. Он шел по улице, и странное предчувствие попавшего в облаву зверя овладело им.

Какую цель преследовала Кайтемпи, устраивая повальные обыски? Возможно, ее руководители надеются выловить распространителей подрывных материалов? Или они ищут «соко» — предателей, организовавших ДАГ? А может быть, таким образом пытались изловить мифического Шира Агавана, на чье имя был взят динокар? Но как бы там ни было, ясно было одно: кто-то из джеймекских шишек потерял терпение.

К счастью, до бара он добрался без приключений. Он сразу заметил Архаву, который сидел с двумя приятелями за дальним столиком. Их скрывал полумрак, но сами они прекрасно видели всех входящих.

— Ты опоздал.— В тоне Архавы одновременно послышались упрек и почтительность, пропорциональная размерам предполагаемой сделки.— Мы думали, ты уже не придешь.

— Меня задержала облава. Полиция свирепствует. Вы что, ребята, взяли банк или похитили любимую наложницу военного министра?

— Нет, мы тут ни при чем.— Архава покачал головой и ткнул пальцем в своих компаньонов: — Познакомься — Гурд и Скрива.

Моури слегка кивнул, внимательно рассматривая головорезов. Они были очень похожи, скорее всего — братья. Плоские лица, тяжелый взгляд, заостренные уши плотно прилегают к черепу. Судя по виду, каждый готов продать другого в рабство, если за это хорошо заплатят.

— Мы не услышали твоего имени,— процедил Скрива, ощерившись. У него были редкие острые зубы.

— И не услышишь,— ответил Моури.

— Да ну? — взвился Гурд.

— Это вас не должно волновать,— сказал Моури.— Если твой котелок варит хоть немного, тебе должно быть ясно — не имеет значения, кто снабжает гильдерами; важно, что они есть.

— Да, он прав, парни,— вступил в разговор Архава; глаза у него заблестели.— Деньги остаются деньгами, откуда бы они ни появились. Заткнитесь.

— Мне просто хотелось знать,— смущенно промямлил Гурд.

Архава продолжил разговор с настойчивостью дельца, почуявшего выгодную сделку:

— Я рассказал парням о твоем предложении. Они заинтересовались.— Квадратная Челюсть повернулся к приятелям.— Не так ли?

— Ага,— кивнул Скрива и уставился на Моури.— Тебе нужно кого-то пришить. Так?

— Мне нужно убрать одного человека; каким способом — меня не интересует.

— Что ж, это мы можем...— На его лице появилось выражение такой свирепости, что Моури понял: этот тип еще в младенчестве был достойным клиентом для тюрьмы.

Затем Скрива добавил:

— За пятьдесят тысяч.

Глубоко вздохнув, Моури встал и шагнул к двери.

— Долгих лет!

— Вернись! — Скрива вскочил, замахав руками.

Архава был явно напуган и выглядел так, словно любимый дядюшка неожиданно лишил его богатого наследства. Гурд нервно облизнул губы.

Открыв дверь, Моури остановился на пороге:

— Ну что, будем говорить серьезно или нет?

— Конечно,— взмолился Скрива.— Я просто пошутил! Иди сюда, садись!

— Принеси-ка нам четыре зиса,— обратился Моури к бармену, скучавшему за стойкой. Затем он вернулся за столик.— Только без глупых шуток. У меня нет чувства юмора.

— Забудем об этом,— с готовностью предложил Скрива.— У нас есть несколько вопросов.

— Выкладывай,— милостиво разрешил Моури. Он взял у официанта кружку с зисом, глотнул и покровительственно посмотрел на Скриву.

Тот спросил:

— Кого нам нужно прихлопнуть? И как мы получим деньги?

— Для начала займитесь полковником Хейгом Ридартой.— Моури нацарапал что-то на листке бумаги и протянул его Скриве.— Тут его адрес.

— Ясно,— произнес тот, взглянув на листок.— А деньги?

— Пять тысяч — сейчас, в знак моего доверия; остальные — когда дело будет сделано.— Моури остановился и предостерегающе поднял палец.— Но вашего отчета мне недостаточно. Об убийстве должны сообщить в новостях, а до тех пор я не дам ни гроша.

— Не очень-то нам доверяешь, да? — сказал Скрива, нахмурившись.

— Не больше, чем следует.

— Мы тоже.

— Послушайте,— произнес Моури, стараясь говорить убедительно,— нам придется иметь дело друг с другом, нравится это вам или нет. У меня имеется длинный список. Если вы справитесь с первым заданием и я вас обману, полагаю, вы не будете работать дальше, ведь так?

— Да.

— Вы можете меня заложить, но тогда денег вам не видать — больших денег. Намного больше, чем заплатят в Кайтемпи за

десяток таких, как я. Понимаете? Я плачу намного щедрее, чем Кайтемпи, парни. Вы что, не хотите разбогатеть?

— Мне противно даже помыслить о такой глупости,— заверил Скрива.— А где же пять тысяч?

Моури передал под столом пакет. Трое головорезов, шурша бумажками, пересчитали деньги. Затем Скрива поднял голову, лицо его разрумянилось.

— Считай, ты нас купил. Кто этот соко, Хейг Ридарта?

— Один жук, который слишком зажился на этом свете.

Тут было не слишком много правды. В справочнике Хейг Ридарта значился как командир отряда космической обороны. Но его имя упоминалось в одном письме, которое Моури нашел в квартире Свинорылого. Очевидно, Хейг Ридарта был сотрудником Кайтемпи, в чине не ниже старшего офицера; следовательно, он являлся весьма подходящей кандидатурой для намеченной акции.

— Почему тебе захотелось его убрать? — спросил Гурд, все еще надутый и подозрительный.

Прежде чем Моури успел ответить, Скрива зашипел на него:

— Заткнись! Это не твоя забота. Ты можешь не раскрывать пасть хотя бы за двадцать тысяч?

— Мы их еще не получили,— резонно заметил Гурд.

— Получите, не сомневайся,— успокоил его Моури.— И даже намного больше. В тот день, когда газеты или радио сообщат о смерти Хейга Ридарты, я приду сюда в это же время, принесу пятнадцать тысяч и сообщу имя следующего клиента.

— Да уж, советую тебе не задерживаться,— сердито пробурчал Гурд.

У Архавы был свой интерес:

— А какая доля пойдет мне — за то, что я нашел ребят?

— Не знаю.— Моури повернулся к Скриве.— Сколько вы собираетесь ему дать?

— Кто? Я? — Скрива был очень удивлен.

— Да, ты. Этот господин хочет получить комиссионные. Или, по-твоему, я должен ему платить из своего кармана? Думаешь, я печатаю деньги?

— Кому-то из вас придется раскошелиться, не то...— начал Архава, и это было его роковой ошибкой.

Скрива наклонился к нему, дыша прямо в лицо:

— Не то — что?

— Ничего,— просипел Архава, отпрянув.— Абсолютно ничего.

— Так-то лучше,— одобрил Скрива; в его голосе зазвучали стальные ноты.— Так намного лучше. Сиди тихо, будь умницей, Бутин, и тебе достанутся крошки с нашего стола. Если начнешь суетиться, не сможешь проглотить даже крошек. Боюсь, ты уже очень близок к этому. А ведь как плохо, когда парень не может глотать. Тебе бы это не понравилось, правда, Бутин?

Архава сидел неподвижно, прикусив язык. На лице у него проступили багровые пятна.

Снова наклонившись к нему, Скрива прошипел:

— Кажется, я задал тебе вопрос? Тебе бы это не понравилось, а?

— Нет,— хрипло ответил Архава, отодвигаясь вместе со стулом, чтобы оказаться подальше от жуткой физиономии Скривы.

Моури решил, что, пожалуй, наступило время удалиться. Он даже набрался смелости сказать Скриве:

— Смотри, никаких фокусов, если хочешь остаться в деле.

С этими словами он вышел. Но не думал, что кто-то из бандитов рискнет пойти за ним. Они побоятся отпугнуть такого клиента — лучшего из лучших за всю историю существования преступности на Джеймеке.

Моури шел быстрым шагом, обдумывая результаты встречи. Он решил, что поступил мудро, не проявив особой щедрости. Вряд ли бандиты станут больше его уважать, если он начнет швырять деньгами направо и налево — что он вполне мог себе позволить в случае необходимости. Они будут торговаться, пытаясь выжать максимальную сумму, что в конце концов приведет только к раздорам.

Пожалуй, он поступил верно, не выделив ничего для Архавы и оставив их препираться из-за денег. Показательная реакция. Группа, даже такая маленькая, сильна настолько, насколько сильно ее слабое звено. Любой из них, готовый заложить всех Кайтемпи, мог сорвать операцию. Очень важно заранее обнаружить потенциального предателя. И тут поведение Бутина Архавы вселяло опасения: «Кому-то придется раскошелиться, не то...»

Проверить эти подозрения можно будет только тогда, когда деньги будут заплачены и сообщники поделят добычу. Ну что ж,

если обстоятельства потребуют, его список несколько изменится: следующим в нем будет Бутин Архава. Моури не чувствовал ни жалости, ни угрызений совести. Для него все сириане оставались врагами, и ни один не был ни хуже ни лучше другого.

Моури двигался к дому, погруженный в свои размышления и не замечая ничего вокруг. Он уже решил, что, пожалуй, придется перерезать Архаве горло, когда тяжелая лапа внезапно опустилась на его плечо и чей-то голос рявкнул прямо в ухо:

— Руки за голову, мечтатель! Сейчас посмотрим, что у тебя в карманах. Пошевеливайся! Ты что, глухой? Руки за голову, я сказал!

В состоянии шока он поднял руки и почувствовал, как чьи-то пальцы умело ощупывают его одежду. Рядом с ним стояли в той же позе сорок или пятьдесят застигнутых врасплох прохожих. В ста ярдах от них улицу перегородила шеренга флегматичных полицейских. С другой стороны маячила точно такая же равнодушная цепь. На этот раз он угодил прямо в ловушку.

Глава 6

Моури стоял с поднятыми руками; мысли лихорадочно метались у него в голове. Слава богу, он избавился от денег, было бы трудно объяснить, зачем у него при себе такая сумма. Если эти типы ищут Шира Агавана, то им крайне не повезло. В любом случае нельзя допустить, чтобы его забрали для выяснения личности. Если только это возможно... Большинство из тех, кому удалось пережить допросы в Кайтемпи, остались калеками. Придется оглушить мерзавца, который его обыскивает, и мчаться как ветер, полагаясь на удачу. Смерть от пули полицейского быстрее и легче, чем в камере пыток...

— О! — перебил его мысли громкий возглас. Тип в штатском, проводивший обыск, держал открытый бумажник Моури, разглядывая удостоверение Свинорылого. Суровое выражение исчезло с его тяжелого лица, словно его стерли тряпкой.— Один из наших? Офицер? — Он внимательно посмотрел на Моури.— Но я вас не знаю.

— И не можете знать,— высокомерно произнес Моури.— Я только сегодня прибыл из штаба на Дираkte.— Он скорчил гримасу.— И вот какой прием меня ожидал!

— Ничего не поделаешь,— извиняющимся тоном объяснил агент.— Подрывную деятельность нужно подавить любой ценой, а здесь, как и на других планетах, это реальная угроза. Вы же знаете, как обстоят дела в Дираке,— так вот, на Джеймеке не лучше.

— Ситуация вскоре изменится,— авторитетно заявил Моури.— В ближайшем будущем мы планируем большую чистку. После нее хлопот поубавится. Движение недовольных захлебнется, если покончить с руководителями. Когда отрубают голову, тело умирает.

— Надеюсь, вы правы. Нам хватит войны со спакумами, и ни к чему лишняя возня с предателями в тылу.

Он закрыл бумажник и протянул его Моури. В другой руке агент держал документы на имя Крега Вулкина, в которые он даже не заглянул. Подождав, пока Моури засунет бумажник в карман, он вернул ему остальные бумаги и ухмыльнулся:

— Держите ваши фальшивые документы.

— Ничто, выданное в законном порядке, не может быть фальшивым,— сказал Моури, неодобрительно нахмурившись.

— Да, конечно, я просто не подумал.— Агент стушевался, стараясь побыстрее закончить разговор.— Простите, что пришлось подвергнуть вас обыску. Я рекомендую вам как можно скорее зарегистрироваться в местном штабе, чтобы они разослали вашу фотографию и мы знали бы вас в лицо. Иначе вас будут часто останавливать и обыскивать.

— Я так и сделаю,— пообещал Моури, не в силах представить что-либо менее соответствующее его намерениям.

— Простите, но я должен заняться другими.— Агент кивнул ближайшему полицейскому и переключил внимание на человека с кислой физиономией, который ожидал обыска. Тот неохотно поднял руки и позволил агенту обшарить его карманы.

Моури направился к цепи полицейских; они разомкнулись и дали ему пройти. В такие минуты, подумал он, необходимо сохранять невозмутимость и спокойствие, излучая неколебимую самоуверенность, которой он, кстати, вовсе не испытывал.

Он прошел ярдов шестьсот и находился уже на углу, когда какое-то инстинктивное предчувствие заставило его оглянуться. Полицейские все еще блокировали улицу, а за их цепью собра-

лись четыре агента Кайтемпи и что-то обсуждали. Один из них — тот самый, что выпустил Моури,— показал в его сторону. Остальные трое повернули головы, потом продолжили спор, яростно жестикулируя. Им потребовалось еще десять секунд, чтобы принять решение:

— Остановите его!

Полицейские в шеренге начали с удивлением озираться; глаза их пытались обнаружить убегающего преступника. Моури почувствовал, как напряглись ноги; он был готов припустить вперед на максимальной скорости. Усилием воли он заставил себя идти ровным шагом.

На улице скопилось довольно много народу; одни глазели на проверку, другие торопились туда же, куда двигался сам Моури. Большинство старались не обращать внимания на происходящее и поскорее унести ноги. Моури шел вместе со всеми, спокойно и не спеша. Такая тактика обманула полицейских; в течение нескольких драгоценных секунд они не шевелились, сжимая оружие и пристально всматриваясь в толпу, чтобы определить виновника переполоха.

Это позволило Моури выиграть время, повернуть за угол и скрыться из виду. В тот момент агенты Кайтемпи наконец сообразили, что полицейские ничего не понимают. Потеряв терпение, они сами бросились в погоню. Полдюжины стражей порядка тяжело топали сзади, все еще не представляя, почему и за кем идет погоня.

Поравнявшись с молодым парнем, который неспешно брел по тротуару, Моури хлопнул его по спине:

— Быстрее! Они гонятся за тобой! Кайтемпи!

— Почему? Я же ничего не..

— Это ты им потом скажешь! Беги же, дурак!

Юноша колебался несколько мгновений — пока не услышал приближающийся тяжелый топот и вопли преследователей, которых пока скрывал угол дома. Он побледнел и рванул по улице с такой скоростью, что мог спокойно обогнать зайца.

Моури не спеша вошел в ближайшую лавчонку — это была кондитерская. Ткнув пальцем в сторону полок, он как ни в чем не бывало попросил:

— Дайте, пожалуйста, десять вон тех пирожных с орехами и еще...

Пятьдесят служителей закона выскочили из-за угла. Они промчались мимо магазина, издавая торжествующие вопли. Моури понял, что полицейские заметили бегущего человека, и с видом полного недоумения уставился в окно. Толстый сирианец за прилавком тяжело вздохнул.

— Что происходит? — спросил Моури.

— Гонятся за кем-то,— поставил диагноз толстячок. Он снова вздохнул и почесал выпирающее брюшко.— Они вечно за кем-нибудь гонятся. Ну и жизнь! Ну и война!

— Несладко теперь приходится, верно?

— О да! Каждый день, каждую минуту что-нибудь происходит. Если верить новостям, вчера вечером мы разбили спакумские космические силы в десятый раз. Сегодня мы преследуем остатки флота, который был уничтожен вчера. В течение нескольких месяцев мы с триумфом отступали под натиском полностью деморализованного противника...— Он с отвращением махнул пухлой рукой и вздохнул в третий раз.— Простите, я слишком толстый, и мозги у меня заплыли жиром... Вы, кажется, что-то просили?

— Десять пирожных с жареными орехами.

Последний полицейский тяжелой трусцой продолжал погоню из чистого упрямства. На бегу он для важности два раза выпалил в воздух.

— Вы понимаете, что я имею в виду? — сказал толстячок.— Итак, вы просили...

— Десять этих маленьких пирожных с жареными орехами. Еще я хочу заказать особый праздничный торт, который должен быть готов через пять дней. Возможно, вы покажете мне образцы или что-нибудь порекомендуете?

Моури ухитрился провести в лавочке минут двадцать, что стоило ему несколько лишних гильдеров. Он мог бы проболтать с хозяином еще дольше, но, по его расчетам, за двадцать минут погоня ушла достаточно далеко. Не имело смысла больше тянуть время, так можно попасть в руки раздосадованных полицейских, когда они вернутся, чтобы прочесать район.

На полпути домой он едва поборол искушение отдать пирожные мрачному блюстителю порядка, который попался ему навстречу. Но время детских игр прошло, и нужно было соблюдать осторожность. Чем чаще ему приходилось уворачиваться

от ударов правительственной мухобойки, тем меньше удовольствия он получал от роли «осы».

В своей комнате Моури не раздеваясь бросился на постель и попытался подвести итоги дня. Он выбрался из капкана, но был на волосок от гибели. Можно было только догадываться, что заставило агентов Кайтемпи броситься за ним. Возможно, вмешательство какого-то начальника, заметившего, как он прошел через кордон.

«— Кого это вы отпустили?

— Офицера, капитан.

— Что вы хотите сказать? Какой еще офицер?

— Офицер Кайтемпи, капитан. Я его не знаю, но удостоверение у него в порядке. Он сказал, что только что прибыл с Дираты.

— Удостоверение, да? А вы запомнили номер?

— Когда ж я успел? Да оно подлинное, не сомневаюсь. Попробую вспомнить... да, кажется, CXB80313... или, может быть, CXB80131... Я не уверен.

— Удостоверение майора Салланы значилось под номером CXB80131! Ты, безмозглый соко, в твоих руках был убийца майора!

— ОСТАНОВИТЕ ЕГО!»

Если все так и было, они поймут, что упустили настоящего убийцу Салланы. До сих пор полицейские даже не представляли, где начать поиски; им была известна лишь мифическая таинственная ДАГ. Теперь у Кайтемпи есть три важные нити. Они знают, что убийца в Пертейне. У них есть его описание. Один из агентов Кайтемпи может его опознать.

Другими словами, ему придется туго. Бесчисленные глаза станут выслеживать любого человека, похожего на него. Участятся облавы, сети начнут расставляться все шире и затягиваться все плотнее. А ему тем временем придется ходить по улицам, таская в карманах такие вещи, от которых у Кайтемпи потекут слюнки. Нужно будет посещать бар «Сузун», имея при себе кучу денег, и в случае обыска вряд ли удастся доказать, что это милостыня для нищих.

Итак, по крайней мере в Пертейне, от пыточной камеры его отделяет теперь всего один шаг. Моури даже застонал. Он никогда не требовал от жизни слишком многого. Так, пустяки: не-

большой дворец, уютный диван, на котором он мог бы растянуться под опахалами преданных слуг... и этого хватит. Но оказаться в сирианской камере смертников... полузамерзшим да к тому же выкрашенным в цвет переспелой сливы... Нет, знаете ли, не к тому он стремился всю жизнь.

Чтобы немного отвлечься от мрачных мыслей, он вспомнил обрывок разговора: «Подрывная деятельность... подавить любой ценой... реальная угроза. Вы знаете, как обстоят дела на Дираксе... на Джеймеке не лучше».

Это говорило о многом: он понял, что Дирак Ангестун Гесент не просто нелепая выдумка Вулфа, состряпанная специально для администрации Джеймека. Нет, у партии был имперский размах; ее деятельность вёлась более чем на ста планетах, она обладала колоссальной мощью — вернее, псевдомощью — на Диракте, в сердце Сирианской империи. Ее влияние было в сто раз больше, чем казалось ему с этой отдаленной периферийной планеты. Для сирианских властей партия представляла огромную опасность, подстерегающую у задней двери, пока земляне пытаются высадить переднюю.

Чудесно! Дуйте в трубы, бейте в литавры! Значит, другие «осы» тоже усердно трудятся, и, хотя их разделяют чудовищные расстояния, они делают общее дело.

Какой-то важный чин из Штаба верховного командования — психолог или законченный циник — сообразил, что жесткие порядки сильно остудили патриотический пыл гражданского населения. Непрерывный поток чрезвычайных приказов, декретов, постановлений, запретов, служебное рвение агентов полиции и Кайтемпи, обыски, проверки, допросы — все это привело к той вялой, пессимистической покорности, которую продемонстрировал толстячок из кондитерской. Упавший боевой дух требовалось как-то поднять. Что ж, если у граждан есть хлеб, следовательно, им недостает зрелищ.

Для восполнения этого недостатка было разыграно целое шоу. Радио, телевидение и газеты дружно взялись за дело.

Великая победа в секторе Центавра!

«Вчера крупные космические силы землян были блокированы в районе альфы Центавра. Яростно атакуя, они пытались вырваться из окружения. Четвертый, шестой и седьмой импер-

ские флоты неожиданным маневром отрезали им путь к отступлению. Враг понес колоссальные потери. Данные уточняются, пока известно, что мы потеряли четыре фрегата и легкий крейсер; всех членов экипажей удалось спасти. Уничтожено более семидесяти кораблей противника».

Это сообщение постоянно звучало в эфире; победные реляции заполнили газеты. Прилагались фотографии фрегата «Хашим» и тяжелого крейсера «Джеймек»; снимки членов их экипажей, сделанные год назад во время отпуска; портрет генерала Пент-Гурхана, приветствующего одного из промышленных воротил; статуя Джеймы, бросающая тень на распростертое у подножия знамя Земли; и наконец — настоящий шедевр, фотография пятисотлетней давности, запечатлевшая группу хмурых, ободранных бандитов с монголоидным разрезом глаз, снабженная подписью: «Космонавты с Земли, спасенные нашими парнями из подбитого и потерявшего управление корабля».

Один обозреватель мастерски возместил недостаток фактов патетическим описанием героизма космических десантников, спасших землян от смерти в ледяном мраке космоса, растянув его на половину газетного листа. В конце отмечалось, что недостойным землянам очень повезло с противником — столь самоотверженным и благородным.

Моури прочел весь этот хлам, но так и не решил, что это: подтасовки или откровенная, стопроцентная ложь. Пренебрежительно фыркнув, он пролистал газету, не надеясь найти что-либо стоящее. Но на последней странице оказалась маленькая заметка:

«Полковник Ридарта, командир семьдесят седьмого космического отряда сил обороны, прошлой ночью найден мертвым в своей машине. Он был убит выстрелом в голову. Пистолет, из которого произведен выстрел, обнаружен рядом с машиной. Версия о самоубийстве отпадает. Ведется расследование».

Итак, тандем Гурд—Скрива не терял времени даром. Да, деньги — замечательная штука, особенно если земные печатные станки могут производить их в неограниченном количестве и с не-

большими затратами. Деньги — страшное оружие, способное наносить врагу потери за миллионы миль от линии фронта.

Эта неожиданная исполнительность создавала новые затруднения. Чтобы продолжить столь успешно начатое сотрудничество, нужно поскорее расплатиться, но на дороге к кафе его может снова подстерегать ловушка. И теперь его не спасет удостоверение Свинорылого, хотя за пределами Пертейна оно еще может быть полезным. Документы на имя Крега Вулкина, специального корреспондента, в полном порядке, но если его обыщут и найдут деньги — пиши пропало.

Пока он колебался, Верховное командование Джеймека решило эту проблему за него. Оно затеяло грандиозное представление — парад победы. Под трубы и барабаны трех оркестров плотная колонна войск, танков, самоходных орудий, передвижных радарных установок, огнеметов, ракетных батарей и другой боевой техники вошла в Пертейн с запада и с лязгом и скрежетом двинулась на восток.

Вертолеты и реактивные самолеты плыли над самыми крышами домов, стремительные космические разведчики кружили на головокружительной высоте. Тысячи горожан высыпали на улицы, приветствуя войска скорее по привычке, чем из энтузиазма.

Моури понял — этот шанс послан ему свыше. Облавы могут устроить на периферийных улицах и в городских трущобах, но их не будет на главном проспекте, пересекающем Пертейн с востока на запад, по которому движется вся эта впечатляющая выставка. Стоит ему добраться до проспекта — и он может выехать из города. Он начнет действовать в других местах, пока не настанет время снова сосредоточить внимание на столице.

Моури заплатил своему угрюмому домохозяину за два месяца вперед, что вызвало у того только радостное удивление. Проверив, на месте ли его фальшивые документы, он торопливо засунул в чемодан пачки гильдеров, запас свежих листовок, несколько небольших свертков и наконец вышел из дома.

На пути к центру города ловушек не оказалось: полицейские не могли всюду поспеть. Затерянный в толпе зевак, он шел со своим чемоданчиком по проспекту. Идти было трудно, толпа запрудила тротуар до самых домов. Время от времени ему прихо-

дилось проталкиваться за спинами поглощенных зрелищем людей.

По дороге ему часто попадались забитые досками витрины — те, что он украсил своими листовками. В некоторых стекла уже заменили, и Моури по пути шлепнул на них двадцать семь прокламаций, пока потенциальные свидетели тянулись на цыпочках, чтобы лучше видеть процессию. Одну листовку он прилепил на широченную, ровную, как стена, спину полицейского: искушение было слишком велико. Бравый страж порядка зачарованно глядел на колонну танков и не обратил внимания на слабый нажим сзади, а в результате был украшен транспарантом от плеча до плеча:

Кто заплатит за эту войну? Те, кто ее начал. Они расплатятся своими деньгами и своими жизнями.

Дирак Ангестун Гесепт

Через три часа толкотни и давки он добрался до предместий. Хвост процессии все еще шумно тянулся. Зрителей заметно поубавилось, хотя самые рьяные продвигались вместе с войсками.

Дома здесь были слишком шикарными, чтобы привлечь внимание полиции и Кайтемпи. За ними начинались поля, и проспект переходил в шоссе, ведущее в Радин. Моури шел по нему вслед за замыкающими процессию войсками, пока колонна солдат и машин не повернула налево, в сторону Камасты, где находилась крупная военная база. Зеваки отстали. Сжимая ручку чемодана, Моури шагал в сторону Радина.

Настроение у него было паршивое. Он никак не мог отвязаться от мысли, что его выжили из города, и это ему не нравилось. Казалось, с каждым своим шагом он отступает дальше и дальше, сдает позиции противнику. Он предпочел бы встретить опасность лицом к лицу, а не избегать ее. Но выбора не было.

В разведшколе ему не раз повторяли:

«Возможно, собственное упрямство приводит вас в восторг. Ну что ж, в одних обстоятельствах это качество называют отвагой, в других — глупостью. Нам не нужен бессмысленный героизм. Никогда не забывайте об осторожности, даже если она выглядит как трусость. Настоящее мужество — это способность

преодолеть собственный характер ради выполнения задания. Именно этого мы хотим от вас. Мертвый герой не может быть полезен своей родине».

Хм! Легко сказать, но нелегко сделать! Погруженный в невеселые размышления, он подошел к металлической табличке на обочине. На ней значилось: «Радин — 33 дена». Моури осмотрелся — дорога была пуста. Достав из чемодана небольшой пакет, он зарыл его у основания столбика.

В тот же вечер он въехал в самый дорогой отель Радина. Если Кайтемпи все же удалось напасть на его след в столице, они наверняка заметят его пристрастие к самым бедным и грязным районам и, скорее всего, начнут перетряхивать трущобы и притоны. Пожалуй, дорогой отель — последнее место, куда им придет в голову заглянуть. Но все же не следует забывать про регулярные проверки гостиниц, которые время от времени устраивает полиция или Кайтемпи.

Забросив в номер чемодан, он сразу же вышел. Время поджимало. Моури шел быстро, не беспокоясь о возможных облавах,— по какой-то неизвестной причине они проводились только в столице. Из телефонной будки в миле от гостиницы он позвонил в Пертейн. Ему ответил неприветливый голос, экран остался темным.

— Бар «Сузун».

— Скрива тут?

— Кто его спрашивает?

— Я.

— Мне это о многом говорит. Почему бы тебе не включить сканер?

— Слушай, ты,— прорычал Моури, не спуская глаз с темного экрана,— позови Скриву, и пусть он сам разбирается в своих делах! Ты что, его секретарь?

В трубке фыркнули, затем последовала долгая тишина и наконец послышался голос Скривы:

— Кто это?

— Включи свой экран, и я включу мой.

— Я понял, узнаю по голосу,— сказал Скрива. Он включил сканер, и его не слишком приятная физиономия появилась на экране. Моури сделал то же самое. Увидев его лицо, Скрива на-

хмурился.— Я думал, ты встретишься с нами здесь. Почему ты звонишь?

— Мне пришлось убраться из города. Я не могу вернуться.

— Вот как? — недоверчиво и угрожающе протянул бандит.

— Да, именно так,— отрезал Моури.— И не пытайся разговаривать со мной таким тоном, на меня это не действует, понятно? — Он сделал небольшую паузу чтобы слова его казались более значительными.— У вас есть динокар?

— Возможно,— уклончиво ответил Скрива.

— Если ты хочешь получить свое, забудь про недоверие и пошевеливайся.

Моури поднес свою трубку к экрану, постучал по ней и дотронулся до ушей, напоминая о том, что разговор может подслушиваться.

— Поезжайте по радинскому шоссе и поищите под дорожным указателем тридцать третьего дена. Не берите Архаву с собой.

— Эй, когда ты...

Он повесил трубку, прервав раздраженную тираду Скривы, и отправился на поиски местного штаба Кайтемпи, адрес которого обнаружил в корреспонденции Свинорылого.

Вскоре он поравнялся с массивным серым корпусом. Стараясь не подходить слишком близко, Моури шагал по другой стороне улицы, исподтишка разглядывая острую крышу; само здание его не интересовало. Еще час он слонялся по городу без всякой видимой цели, изучая крыши домов.

Удовлетворенный результатами, он разыскал городскую ратушу и тоже внимательно обозрел ее верхнюю часть. Еще немного побродив по улицам, явно восхищаясь звездами, он вернулся в отель.

На следующее утро Моури вытащил из чемодана небольшой пакет, засунул его в карман и направился к огромному административному зданию, замеченному накануне вечером. С деловым видом он вошел в вестибюль и поднялся в лифте на последний этаж. Там он обнаружил пыльный, редко используемый проход; в конце его с потолка свешивалась складная лестница.

Вокруг не было ни души. Даже если кто-нибудь появится, вряд ли он проявит излишнее любопытство. Впрочем, Моури

заготовил ответы на любые вопросы. Опустив лестницу, он быстро вскарабкался по ней и вылез через люк на крышу. Из пакета он достал крошечный приборчик с зажимами, соединенный длинным тонким кабелем с вилкой на другом конце.

Взобравшись на невысокую мачту, он пересчитал телефонные провода, закрепленные на фарфоровых изоляторах, проверил направление седьмого из них и прицепил к нему свой приборчик. Затем Моури слез с мачты, протянул кабель до края крыши и аккуратно спустил его вниз — так, чтобы он на всю длину свешивался вниз. Его раздвоенный конец болтался в метре от тротуара.

Пока он сидел на крыше, с полдюжины человек прошло мимо болтающегося кабеля, не проявив к нему никакого интереса. Двое мимоходом глянули вверх и, увидев, что кто-то возится на крыше, равнодушно отправились дальше. Никого не интересует рабочий, лазающий по крышам или спускающийся в люк, если только он делает это достаточно уверенно.

Моури вернулся в вестибюль и вышел из здания без всяких помех. В течение ближайшего часа он беспрепятственно повторил эту операцию на другой крыше. На следующий день он приобрел новую пишущую машинку, бумагу и конверты. Было еще далеко до вечера, когда Моури вернулся в гостиницу и приступил к работе. Она заняла остаток дня и значительную часть следующего. Потом машинка нашла вечный покой на дне радинского озера.

В результате запасы Моури пополнили двести двадцать писем, предназначенных для отправки в будущем; еще двести двадцать он немедленно послал тем, кто уже получил первое предупреждение:

Хейг Ридарта стал вторым. Список у нас длинный.
Дирак Ангестун Гесепт

Он надеялся, что получатели не придут в восторг от второго письма, а ведь их ожидало еще и третье!

После обеда Моури наконец нашел время просмотреть вчерашние и свежие газеты, но не нашел в них ожидаемого сообще-

ния. Ничего не говорилось о безвременной кончине Бутина Архавы. Может быть, случилось что-нибудь непредвиденное? Не заартачились ли Гурд и Скрива, узнав имя новой жертвы? Или, возможно, они просто тянут время?

Среди новостей не было ничего необычного. Победа приближалась с каждым днем. Потери в реальном или мифическом сражении у альфы Центавра получили официальное подтверждение и составили одиннадцать сирианских боевых кораблей и девяносто четыре земных. Эти цифры смаковали передовицы всех газет.

На одной из последних страниц затерялась крохотная заметка, сообщавшая, что сирианские силы по стратегическим причинам покинули Федиру и Федару, сорок седьмую и сорок восьмую планеты империи. Намекалось, что возможен отход и с Гумы, шестьдесят второй планеты, чтобы спрямить линию фронта.

Ну вот они и признали то, что больше невозможно скрывать: с двумя планетами пришлось расстаться, и третью ждет такая же участь. Хотя об этом и не упоминается, совершенно ясно, что земляне захватили все упущенное сирианами. Моури усмехнулся, вспомнив слова продавца в кондитерской: «Месяцами мы с триумфом отступаем перед деморализованным противником, наступающим в полном беспорядке».

Он дошел до телефонной будки и позвонил в «Сузун»:

— Вы забрали деньги?

— Да,— сказал Скрива,— а ты запаздываешь с оплатой второго дела.

— Я ничего не прочел об этом.

— И не прочтешь. Вряд ли покойного можно опознать.

— Ну что ж, я плачу, когда есть подтверждение. Пока ты его не предоставишь, говорить не о чем. Нет доказательств — нет денег.

— Не бухти, получишь свои доказательства. Можешь взглянуть в любой момент.

Моури быстро обдумал это предложение.

— У вас динокар недалеко?

— Ага.

— Тогда я буду ждать вас на той же дороге у отметки восьмого дена. Часов в десять вечера.

Машина появилась вовремя. Моури прислонился к столбику с металлической табличкой — смутная тень в ночном полумраке на фоне полей и деревьев. Динокар подъехал ближе, свет его фар разрезал темноту. Скрива вышел, вытащил из багажника небольшой мешок, открыл его и показал содержимое Моури.

— Боже праведный! — воскликнул тот, чувствуя спазмы в желудке.

— Грубовато сработано,— согласился Скрива.— Шея у него оказалась крепкая, нож был тупой, и Гурд торопился.— Бандит посмотрел на посеревшее лицо Моури.— В чем дело? Ты что, такой чистоплюй?

— Пожалуй, крови могло быть поменьше... Что вам стоило просто пристрелить его?

— Соблюдение санитарных норм ты нам не оплачиваешь. Хочешь, чтобы все было чисто и элегантно,— подними расценки.

— Ну что ж... а впрочем, я не жалуюсь.

— Надеюсь, что нет. Бутин начал тащить одеяло на себя.— Скрива пнул мешок.— Ведь так, Бутин?

— Уберите это. У меня портится аппетит.

Мрачно усмехнувшись, Скрива забросил мешок в придорожную канаву и протянул руку:

— Деньги!

Отдав бандиту сверток, Моури молча ждал, пока тот с помощью Гурда пересчитает в машине купюры. Головорезы ласково ощупывали каждую бумажку, причмокивая и обмениваясь поздравлениями.

Закончив, Скрива насмешливо оскалился:

— Мы получили двадцать тысяч ни за что, парень.

— Почему? — спросил Моури.

— Мы все равно бы его пришили — за твои денежки или бесплатно. Бутин собирался нас заложить. Глаза у него бегали... у этого вонючего соко... Ведь верно, Гурд?

Гурд ограничился жестом, полоснув ребром ладони по шее.

Облокотившись на дверцу машины, Моури сказал:

— У меня есть для вас новая работа. Как, возьметесь? — Не дождавшись ответа, он показал еще один сверток: — Здесь десяток приспособлений, снабженных зажимами; к ним прикреплены мотки тонкого кабеля. Я хочу, чтобы вы подсоединили эти устройства к телефонным линиям в центре Пертейна. Их нужно

закрепить так, чтобы сами приборчики оставались незаметными, а кабели свешивались на улицу.

— Но,— возразил Скрива,— если видны провода, то рано или поздно кто-нибудь обнаружит и сами устройства. Не пойму, зачем прятать то, что все равно неизбежно будет найдено?

— Не пойму, зачем я плачу вам хорошие деньги за такие пустяки,— отозвался Моури.— Пять тысяч гильдеров за штуку. Пятьдесят тысяч за все.

Скрива беззвучно присвистнул.

— Я сумею проверить, выполнена ли работа на самом деле,— продолжал Моури,— поэтому не пытайтесь меня одурачить. Учтите, мы в одном деле. Не будем портить отношения.

Выхватив пакет, Скрива процедил:

— Думаю, ты ненормальный, но кто я такой, чтобы жаловаться при таких ставках?

Зажглись фары, машина взревела и умчалась. Моури смотрел вслед динокару, пока тот не скрылся из виду, затем побрел обратно в Радин, добрался до телефонов и позвонил в местный штаб Кайтемпи. Он не включил сканнер и постарался придать своему голосу распевные интонации, характерные для уроженцев Джеймека.

— Кто-то лишился головы, начальник.

— Что?

— У отметки восьмого дена по дороге в Пертейн лежит голова. Отрезанная, в мешке.

— Кто говорит? Кто...

Моури повесил трубку. Без сомнения, они проверят звонок. В его планы входило, чтобы власти нашли голову Архавы и опознали ее. Он заставит Кайтемпи подыграть ему — и это доставило ему злорадное удовлетворение. Вернувшись в отель, он взял очередной пакет, снова вышел и отправил двести двадцать писем:

Бутин Архава был третьим. Список у нас длинный.

Дирак Ангестун Гесепт

Покончив с этим, Моури в течение часа гулял перед сном, расхаживая по улицам и обдумывая сделанное за день. Очень скоро кто-нибудь заинтересуется свисающими с крыш проводами

и вызовет электрика или телефонного техника. Это повлечет спешную проверку всей телефонной сети на Джеймеке — и тогда обнаружатся еще несколько подключений.

В такой ситуации перед властями встанут три довольно неприятных вопроса: кто подслушивал, как долго и что ему удалось узнать?

Он не завидовал жертвам этой мистификации, чья власть с каждым днем становилась все более призрачной — в то время как земляне, согласно официальной версии, терпели поражение за поражением, занимая одну за другой сирианские планеты. Беспокоен сон венценосца — особенно если в его постель забралась оса.

Незадолго до двенадцати Моури свернул на улицу, где находились его шикарные апартаменты, и резко остановился. У ярко освещенного подъезда выстроилась шеренга сверкающих динокаров, пожарная машина и «скорая помощь». Между машинами сновали полицейские. Мускулистые парни в штатском вели наблюдение за окрестностями.

Двое из них, появившись в темноте, подошли к Моури.

— Что случилось? — спросил он тоном надзирателя в воскресной школе.

— Не твое дело. Предъяви документы. Пошевеливайся, чего ты ждешь?

Глава 7

Моури осторожно сунул руку во внутренний карман. Агенты внимательно следили за ним, ожидая подвоха, готовые мгновенно отреагировать, если вместо документов увидят что-нибудь другое. Он вынул удостоверение со штампом Диракты и визой Джеймека и протянул его агентам. Оставалось надеяться, что этим дело и кончится.

Но этого оказалось мало. Агенты, видимо, готовы были рыть землю, лишь бы кого-то сцапать. Явно случилось нечто из ряда вон выходящее.

— Специальный корреспондент,— процедил парень покрупнее, презрительно выпятив губу. Он поднял взгляд на Моури: — Что еще за специальный корреспондент?

— Я командирован сюда с заданием освещать военные новости в ракурсе Джеймека. Меня не интересуют гражданские дела. Ими занимаются обычные корреспонденты.

— Понятно.— Агент окинул Моури долгим пронзительным взглядом. Его глаза были холодными и какими-то скользкими — как у человека, привыкшего наносить удары исподтишка.— Откуда вы получаете информацию о ходе военных действий?

— Из официальных источников, в основном — из отдела военной информации Пертейна.

— У вас нет других источников?

— Конечно есть. Я прислушиваюсь к разговорам и сплетням.

— И что вы делаете с этим материалом?

— Я анализирую его, готовлю статью и посылаю рукопись в отдел цензуры. Если они ее одобряют, значит, мне повезло. Если нет... ну что ж,— он беспомощно развел руками,— я начинаю работать над новой.

— Следовательно,— коварно предположил агент,— вас хорошо знают и в отделе военной информации, и в отделе цензуры? Они удостоверят вашу личность, если их попросить, а?

— Без сомнения,— заверил Моури, моля бога, чтобы это побыстрее кончилось.

— Прекрасно! Назовите имена тех сотрудников, которых вы знаете лучше всего, и мы с ними немедленно свяжемся.

— Что, ночью?

— Не стоит волноваться по поводу позднего времени: речь идет о вашей шкуре.

Это переполнило чашу. Моури врезал ему в переносицу, быстро и яростно, вложив в удар всю силу. Агент покачнулся, упал и неподвижно замер на тротуаре. Однако второй парень не был рохлей. Не мешкая ни секунды, он подскочил на своих кривых ногах к Моури и ткнул ему в лицо пистолет.

— Подними лапы, соко, не то я...

С отчаянием человека, которому нечего терять, Моури стремительно пригнулся, схватил агента за кисть, завел его руку за плечо и с силой дернул. Агент пронзительно вскрикнул и сделал кульбит в воздухе. Его пистолет упал на асфальт. Моури подобрал его и помчался так, как не бегал никогда в жизни.

За угол, вдоль по улице и — в переулок. Он оказался позади отеля и, пробегая мимо, заметил, что там, где находилось окно его номера, в стене красуется огромная дыра. Перепрыгнув через кучу битого кирпича и деревянных обломков, он пролетел до конца переулка и свернул на соседнюю улицу.

Вот оно. Его вычислили — возможно, в результате одной из проверок регистрационной книги отеля. Они обыскали комнату, затем попытались открыть чемодан железной отмычкой. Тутто и грохнуло! Если в комнате было много народу, взрыв прикончил не меньше дюжины... Это им надолго запомнится! Но если они до него доберутся... Он бежал так быстро, насколько хватало сил, сжимая пистолет и прислушиваясь, не началась ли уже погоня. Вскоре по радио передадут сигнал тревоги, затем перекроют все выходы из города: железные дороги, шоссе, автобусные линии. Он должен любой ценой оказаться по ту сторону кордона раньше, чем сделают оцепление.

Моури бежал, стараясь избегать главных улиц, где снуют патрульные машины с вооруженными сыщиками. В этот поздний час на улицах было пустынно, в толпе не затеряешься. Дороги опустели, законопослушные граждане уже спали, и бегущий человек с оружием в руках выглядел более чем подозрительно. Но ничего не поделаешь. Если двигаться прогулочным шагом с невинным видом, ловушка захлопнется раньше, чем он успеет выскочить.

Кроме быстрых ног ему помогала темнота. Моури мчался по аллеям, пересек шесть улиц и уже собрался проскочить седьмую, но вдруг замер в тени деревьев. По улице медленно ехала машина, набитая полицейскими и агентами Кайтемпи, которые высовывались из окон, пытаясь смотреть сразу во все стороны.

Он притаился в своем укрытии; сердце учащенно билось, грудь ходила ходуном, струйки пота катились по спине. Как только охотники скрылись из виду, он метнулся на другую сторону улицы и припустил дальше. Еще пять раз, проклиная задержку, он ждал, пока проедет патрульная машина.

В шестой раз Моури остановился по другой причине. Он притаился в подворотне, заметив свет фар автомобиля, поворачивающего на аллею из поперечной улицы. Забрызганный грязью динокар остановился в двадцати ярдах от него. Из машины вы-

лез человек, шагнул к ближайшей двери и вставил ключ в замок. Моури выскочил из подворотни с быстротой кошки, прыгнувшей на воробья.

Дверь открылась, когда взревел мотор и машина рванулась с места, набирая скорость. Пораженный хозяин потерял полминуты, с открытым ртом глядя вслед стремительно удалявшейся собственности. Затем он громко выругался и бросился в дом — очевидно, к телефону.

«Фортуна изменчива»,— думал Моури, сжимая руль. Нет худа без добра, и надежда вдруг начинает подмигивать, когда дела из рук вон плохи. Повернув на широкий, хорошо освещенный проспект, он снизил скорость.

Два грузовика, полные полицейских, промчались ему навстречу, третий обогнал его динокар. Их не заинтересовала забрызганная грязью машина и ее пассажир, спешащий домой в поздний час. Они охотились за взмокшим от страха и усталости парнем, который, по их предположениям, все еще метался по городу. Моури прикинул, что у него есть минут десять, пока по радиосвязи не объявят об угоне. Пожалуй, стоило пристрелить владельца автомобиля: это дало бы несколько лишних минут. Но сожалеть было поздно.

Через семь минут за окнами промелькнули последние дома Радина, впереди была незнакомая дорога. Машина неслась вперед, свет фар неровно разрезал темноту, стрелка спидометра приближалась к предельной отметке. Еще двадцать минут — и он проскочил большую деревню, темную, погруженную в сон. Через милю за поворотом показался белый шлагбаум поперек дороги, на обочинах блеснули пуговицы и металлические шлемы. Моури стиснул зубы и, не снижая скорости, направил машину прямо в центр шлагбаума. Динокар разбил деревянную планку и помчался дальше, в сторону брызнули обломки. Моури ощутил пять ударов по корпусу автомобиля; в заднем стекле появились два круглых отверстия, третье — на стыке лобового стекла и крыши.

Очевидно, по радио передали сигнал тревоги, и силы безопасности попытались оцепить максимальную территорию вокруг города. Он обнаружил себя, прорвавшись через кордон. Теперь им стало известно, в каком направлении он движется; несомненно, об этом они могут судить гораздо лучше, чем он сам. Ему

никогда не доводилось ездить тут — окрестности казались совершенно незнакомыми, и не было карты, чтобы сориентироваться. Что еще хуже — он остался без документов и почти без денег. Взрыв чемодана лишил Моури всего снаряжения — кроме того, что было в карманах. Правда, есть еще краденая машина и пистолет.

Вскоре он выехал на перекресток; на обеих сторонах дороги тускло поблескивали указатели. Резко затормозив, Моури вылез из машины и подошел к ближайшей табличке. На ней значилось: «Радин — 27 ден». На другой — «Валапан — 92 дена». Так, значит, он едет в Валапан. Конечно, вся полиция там уже поставлена на ноги и попытается на этот раз его не упустить.

С левой стороны на указателе было написано: «Пертейн — 51 ден». Он снова сел в машину и повернул налево.

Хотя признаков погони не ощущалось, но это еще ни о чем не говорило. Возможно, именно сейчас какой-нибудь умник с радиопередатчиком и большой картой рассылает патрульные машины так, чтобы заблокировать его динокар, и ждет поступления новых данных.

У отметки девятого дена Моури увидел еще один перекресток, место было знакомое. Впереди уже виднелось зарево ночных огней Пертейна, а где-то справа начиналась тропа, ведущая к пещере в лесу. Рискнув проехать еще несколько миль в сторону Пертейна, он расстался с машиной. Когда ее найдут, наверняка сделают вывод, что беглец решил затеряться в большом городе. Прекрасно — они зря потратят время и силы на розыски в столице.

Он пошел назад, к лесу, по обочине дороги. Чтобы добраться до дерева с надгробной плитой, понадобилось еще два часа. За это время он одиннадцать раз нырял в лес, прячась от патрульных машин, битком набитых полицейскими. Похоже, целая армия поднята на ноги среди ночи и направлена на его поиски — отличный результат, как сказал бы Вулф.

Наконец он углубился в лес, направляясь к пещере.

В пещере все было без изменений. Моури возблагодарил небеса, добравшись до нее; здесь он чувствовал себя в большей безопасности, чем где-либо на этой враждебной планете. Вряд

ли агентам Кайтемпи удастся проследить его путь через двадцать миль девственного леса — даже если они вылезут из кожи.

Присев на один из контейнеров, он некоторое время колебался между долгом и желанием. В соответствии с инструкцией при каждом посещении пещеры ему следовало включать передатчик и посылать на базу отчет о проделанной работе. Моури прекрасно представлял, что произойдет, если он подчинится инструкции. Последует приказ оставаться в убежище и не предпринимать больше никаких действий. Потом за ним пришлют корабль и перебросят на какую-нибудь другую сирианскую планету, где он сможет начать все сначала. На Джеймек доставят его преемника.

Моури такая перспектива не устраивала. Можно долго толковать о несомненных преимуществах замены засветившегося агента новым — для разведчика это означает провал, поражение. Он, Джеймс Моури, отказывается считать себя побежденным. Пошли они к дьяволу! Возможно, Кайтемпи что-то и учуяла, но это еще не значит, что им удастся его схватить!

Кроме того, уже выполнен первый этап плана и даже часть второго. Остается третий этап — наращивание давления до такой степени, что противник не сможет защищать переднюю дверь, всецело занятый обороной задней.

Третий этап заключался в бомбардировке стратегических объектов — как его собственными силами, так и с помощью нанятых людей. Моури располагал необходимым снаряжением для первого и деньгами для второго. В еще не распакованных контейнерах денег хватит на покупку дюжины боевых кораблей — и еще останется команде на сигареты. В одном из серых цилиндров хранились сорок безобидных на вид игрушек, каждая из которых могла поднять на воздух что угодно — в нужном месте и в нужное время.

Он не мог начинать наступательные действия без приказа, так как обычно третьему этапу предшествует массированная атака космических сил Земли. Но можно продолжать готовить почву для дальнейших действий, все время напоминая о существовании Дирак Ангестун Гесепт, устроить еще несколько покушений, забросать столицу листовками. Это и есть его главная цель — вызывать головную боль у власть предержащих.

Нет, он не выйдет на связь. Надо еще немного поработать — и плевать он хотел, схватит его Кайтемпи или нет. Им удалось выкурить его из Кадина — но они не заставят Джеймса Моури покинуть планету! Это уж слишком.

Вскрыв пару контейнеров, он разделся и застегнул на талии широкий пояс, набитый гильдерами,— отчего сразу же потолстел. Сверху Моури напялил плохо скроенное громоздкое одеяние — обычный костюм сирианских фермеров. Пара накладок, закрепленных под скулами, сделала его лицо шире и круглее. Затем он выщипал брови, сделав их кустистыми, а волосы подрезал на сельский манер.

Свое преображение Моури завершил с помощью краски, которая придала его лицу неровный лиловатый оттенок, характерный для сириан с плохой кожей. Последним штрихом была инъекция в щеку, около правой ноздри — через два часа на этом месте будет красоваться оранжевое родимое пятно.

Теперь он превратился в средних лет фермера, грубого работягу, любителя хорошо поесть и опрокинуть лишнюю кружку зиса. В соответствии с новыми документами его звали Ратан Гусулкин, землепашец. В них также значилось, что он эмигрировал с Дираkты пять лет назад. Это объясняло его машамский акцент — единственное, чего он не мог скрыть.

Прежде чем начать новую жизнь — и новую роль,— он с удовольствием поел и позволил себе четыре часа сна — роскошь, которой ему так не хватало в последние сутки. Затем Моури отправился в путь. Не доходя мили две до Пертейна, он закопал пакет с пятьюдесятью тысячами гильдеров под южной опорой моста. Где-то поблизости на дне реки покоилась его пишущая машинка.

Он позвонил в «Сузун» из первой же будки, встретившейся ему в Пертейне. Трубку сняли сразу; голос был незнакомый, резкий, экран оставался темным.

— Это бар «Сузун»? — спросил Моури.

— Да.

— Скрива здесь?

После небольшой паузы последовало:

— Он где-то здесь, наверху либо на заднем дворе. Кто его спрашивает?

— Его родная матушка.

— Ну, загибаешь! Я ведь слышу, что...

— Какое тебе дело? — рявкнул Моури в трубку.— Скрива здесь или нет?

Тон голоса внезапно изменился, став вдруг неестественно ласковым:

— Не вешай трубку. Я сейчас попробую его найти.

— Не стоит беспокоиться. А Гурд здесь?

— Нет, его не было сегодня. Подожди минуточку, я пошел за Скривой. Он или наверху, или...

— Послушай, парень! — приказал Моури и, вытянув губы, оглушительно свистнул. Затем швырнул трубку на рычаг, вышел из будки и пошел прочь — быстрым шагом, но так, чтобы не привлекать внимания.

Напротив в дверях магазинчика торчал скучающий продавец, разглядывая Моури с ног до головы. Его заметили и четверо парней, оживленно болтавших у витрины лавки. Пять свидетелей, пять описаний внешности Ратана Гусулкина.

«Не вешай трубку!» — настаивал незнакомец, тщетно пытаясь скрыть привычную властность. Это был не бармен, и в голосе не чувствовалось нагловатой развязности, характерной для завсегдатаев «Сузуна». Он говорил повелительным тоном, как полицейский или агент Кайтемпи. Да, не вешай трубку, дурачок,— мы еще не вычислили, откуда ты звонишь!

Пройдя триста ярдов, Моури вскочил в автобус. Обратили ли внимание продавец и люди у магазина, как он уехал? Автобус затрясся по разбитой мостовой, патрульная машина поравнялась с ним и резко затормозила у телефонной будки. Автобус свернул за угол. Моури подумал, что был на грани провала.

Без сомнения, в баре «Сузун» засада. Стремительность, с которой у будки появились полицейские, подтверждала это. Оставалось только гадать, что заставило их заняться баром в районе трущоб. Возможно, нитью послужила отрубленная голова в мешке.

А может быть, попались Гурд и Скрива, развешивая провода над улицами. Он живо представил, как они топали тяжелыми башмаками по крышам, поднимая шум на всю округу. Ослепленные жаждой наживы, они были там заметны так же хорошо, как пара подвыпивших слонов.

Если их поймали, то заставят говорить. Когда щипцами один за другим отрывают ногти или тыкают электроды в уголки глаз,

даже самые непрошибаемые становятся разговорчивыми. Да, они заговорят. Но не смогут рассказать ничего интересного. Только странную историю о ненормальном типе с машамским акцентом и бездонным кошельком. Ни слова о Дирак Ангестун Гесепт. Ни звука о земной интервенции на Джеймек.

Но есть еще пятеро, которые могут сообщить кое-что поинтереснее.

«— Видели, кто только что вышел из будки?

— Ага. Деревенщина, толстый такой. Вроде спешил.

— Куда он направился?

— Вон туда. Сел в сорок второй автобус.

— Как он выглядел? Опишите-ка его поподробнее. Ну, живо!

— Среднего ро́ста, средних лет, круглолицый, еще цвет лица такой нездоровый. Брюхо у него — будь здоров. На щеке родинка. Меховая куртка на нем и коричневые холщовые брюки, на ногах — тяжелые башмаки. Ну, знаете, типичный фермер.

— Достаточно. Джалек, гони за автобусом. Где микрофон? Надо передать его приметы. Если поторопимся, поймаем его.

— Хитрый, гад! Сразу почуял неладное, когда Латим снял трубку. Свистнул ему в ухо и слинял. Держу пари, не поехал он на этом автобусе. Где-то здесь у него машина.

— Хватит трепаться, давай за автобусом! Двоих уже упустили, упустим третьего — придется объясняться.

— Ага, знаю».

Моури вышел из автобуса и тут же пересел в другой, идущий в обратную сторону. Но на этот раз он не собирался колесить по городу, запутывая следы. Теперь все было значительно забавнее: у Кайтемпи почти наверняка есть его описание, и на ноги, похоже, поднят весь Джеймек.

Пересаживаясь в третий раз, он попал на экспресс, идущий за город. Из экспресса он вышел, не доезжая милю до места, где были спрятаны пятьдесят тысяч,— для тех, кому, если трезво сопоставить факты, оставалось жить не более пятидесяти часов. Он вновь направлялся к заветной пещере в лесу.

Но сейчас было не время заботиться о деньгах. Того и гляди на дороге покажутся патрульные машины. Поиски толстопузого фермера вряд ли ограничатся одним Пертейном. В любой момент может начаться прочесывание пригородов. Пока светло,

лучшее, что он мог предпринять,— исчезнуть и больше не показываться в прежнем обличье.

Двигаясь быстрым шагом, Моури без помех добрался до леса. Некоторое время он шел по обочине дороги, скрываясь за деревьями всякий раз, когда слышал шум мотора. Но движение становилось все более интенсивным, и он наконец потерял надежду найти свой ориентир до наступления темноты. К тому же он очень устал, глаза слипались, ноги гудели.

Забравшись подальше в лес, он нашел удобную, хорошо замаскированную ложбинку и, удовлетворенно вздохнув, растянулся на мягком мху. Он долго лежал, задумчиво глядя на небо в просветах между листьями.

Вулф уверял, что один человек может отвлечь на себя целую армию. Интересно знать, сколько человек поднято сейчас на ноги и какая от этого польза. Самое трудное в одинокой жизни «осы» — невозможность выглянуть из-за кулис и оценить, хотя бы приблизительно, реакцию противника на представление.

Сколько драгоценных человеко-часов стоила врагу его деятельность? Тысячи? Десятки тысяч? Миллионы? Куда бы пошли эти человеко-часы, если бы он не заставлял использовать их с другой целью? Этим в конечном счете и измеряется успех его пребывания на Джеймеке.

С такими мыслями он и заснул. Уже опустилась ночь, когда Моури проснулся, свежий и полный сил. Настроение его улучшилось. Все могло быть хуже, значительно хуже. Например, если бы он отправился в «Сузун», прямо в распростертые объятия Кайтемпи. А там бы быстро разобрались, что за рыбка угодила в сети,— применив свои излюбленные методы получения информации. Моури далеко не был уверен в своей стойкости. В Кайтемпи молчат лишь те, кто успел покончить с собой, прежде чем начался допрос.

Пробираясь в темноте к пещере, он благодарил судьбу, мудрость или интуицию, надоумившую его позвонить в бар. Затем его мысли обратились к судьбе Гурда и Скривы. Если их поймали — что очень важно,— у него больше нет союзников, опять придется действовать одному. А найти им замену будет не так легко.

Если же им удалось унести ноги, то как с ними связаться? «Сузун» был единственной явкой. Они, вероятно, тоже жаждут встре-

титься с ним. Но в таком большом городе, как Пертейн, можно искать друг друга месяцами. Эту проблему надо как-то решить.

Добравшись до пещеры на рассвете, Моури снял башмаки, сел на гальку у ручья и опустил гудящие ноги в воду. Он все еще прикидывал, как разыскать Гурда и Скриву, если те по-прежнему на свободе. Когда-нибудь Кайтемпи снимет засаду в баре — либо удовлетворившись достигнутым, либо потеряв терпение. Тогда можно будет зайти туда и попытаться что-нибудь разузнать. Но когда это случится — через месяц? Через год?

Конечно, в новом обличье он сможет побродить около бара, пока не встретит кого-нибудь из завсегдатаев, знакомых с Гурдом и Скривой. Но это рискованная затея: вполне возможно, «Сузун» на долгое время останется в центре внимания Кайтемпи и агенты в штатском будут хватать всех подозрительных в радиусе полумили от бара.

Потратив целый час на обдумывание различных вариантов, он наконец нашел приемлемый способ установления контакта с братьями — если только они на свободе и способны соображать. Может быть, что-нибудь и выйдет. Этих головорезов дураками не назовешь, к тому же надежда на неиссякаемый поток гильдеров должна стимулировать их природную хитрость.

Он оставит им записку на прежнем месте, под отметкой тридцать третьего дена по дороге в Радин. Ведь за последнее задание им причитается пятьдесят тысяч гильдеров — вполне достаточно, чтобы подстегнуть их умственную деятельность.

Тем временем взошло солнце, его лучи пробились сквозь кроны деревьев, и в пещере стало тепло. День был прекрасный, Моури не смог противостоять искушению устроить себе выходной и отложить все дела на потом. Он нуждался в отдыхе: постоянное бегство, тревожный сон и нервное напряжение измотали его до предела.

Целый день он грелся на солнце рядом с пещерой, наслаждаясь тишиной, покоем и привычной земной пищей. Никто его не беспокоил, патрули не прочесывали лес, в небе не шныряли самолеты-разведчики.

Очевидно, противнику не приходило в голову устраивать поиски в лесной глуши — ведь он действовал только в густонаселенных районах. Что ж, с их точки зрения, такой вывод логичен.

Дирак Ангестун Гесепт слишком большая разветвленная организация, чтобы поместиться в пещере.

Оса выросла до таких гигантских размеров, что никто не будет терять время на ее поиски в кроличьих норах.

Этой ночью он спал крепко и спокойно, как ребенок. Следующее утро Моури провел в приятном безделье, в полуденную жару искупался в ручье. Ближе к вечеру он занялся туалетом и для начала коротко постригся на армейский манер. Еще одна инъекция — и родимое пятно на щеке исчезло. Он перекрасился с ног до головы; цвет кожи стал светлее, с легким пурпурным оттенком. Специальные пластинки, заменившие удаленные зубы мудрости, сделали его лицо шире, челюсти — массивнее.

Он полностью сменил одежду. Туфли военного образца, гражданский костюм из дорогого магазина, шейный платок, повязанный так, как носили офицеры космического флота. Картину довершили часы в платиновом корпусе и платиновый браслет, на котором болтался покрытый орнаментом опознавательный жетон.

Теперь он выглядел как человек из высших слоев общества, новый набор документов, покоившийся в кармане, подтверждал это. Их владелец, полковник Крисна Халопти, сотрудник Управления военной разведки, имел право требовать содействия со стороны любых сирианских властей.

За незаконное присвоение высшего офицерского звания полагается смертная казнь, но какое это имеет значение — он и так приговорен. Нельзя умереть дважды.

Удовлетворенный результатами своих усилий, Моури уселся на контейнер и написал короткое письмо:

«Я пытался встретиться с вами в баре, но там было полно соко. Деньги для вас я закопал у основания левой южной опоры моста Асако. Если вы свободны и хотите еще поработать, оставьте записку с вашими координатами».

Не поставив подписи, он сложил записку и засунул ее в пластиковый конверт. В карман он положил маленький бесшумный автоматический пистолет. Оружие было сирианского производства, и среди документов Моури имелось поддельное разрешение на него.

Новая роль была еще опаснее предыдущих. Проверка официальных списков состава вооруженных сил мгновенно выведет

его на чистую воду. Зато будет на руку традиционное преклонение сири перед чинами и званиями. Если вести себя достаточно самоуверенно и надменно, даже Кайтемпи не осмелится его заподозрить.

Часа через два после наступления темноты Моури нажал кнопку на двадцать втором контейнере и отправился в путь. На этот раз его чемодан был больше и тяжелее, чем обычно. Ему снова предстоял изнурительный двадцатимильный переход — угораздило же его выбрать убежище так далеко от дороги. Но в конечном счете это не слишком дорогая плата за безопасность.

На этот раз идти пришлось дольше: Моури не хотел сразу выходить на дорогу — полковнику военной разведки не пристало ловить попутку. Поэтому он двинулся вдоль лесной опушки к перекрестку, где находилась автобусная остановка.

Стоя за деревьями, Моури дождался скоростного экспресса, на котором доехал до центра Пертейна. В течение получаса он обзавелся динокаром. Но этот раз Моури не стал брать машину напрокат — она была нужна ненадолго. Прогуливаясь, он нашел дино, который его устраивал, забрался в кабину и уехал.

Выехав из столицы по дороге на Радин, у отметки тридцать третьего дена он остановился, подождал, пока шоссе не опустело, и зарыл письмо у столбика. Затем вернулся в Пертейн и аккуратно припарковал машину там, откуда ее угнал. Все это заняло чуть более часа; вероятно, хозяин даже не заметил пропажи автомобиля и никогда не узнает, что им кто-то воспользовался.

Следующей целью был Центральный столичный почтамт. Моури вытащил из чемодана полдюжины тяжелых свертков, надписал на них адреса и отправил. В каждой из посылок находился массивный металлический ящик, внутри которого лежали дешевые часы и листок бумаги. Часы зловеще тикали — достаточно громко, чтобы привлечь внимание мнительного человека. На листке было краткое послание:

Эта коробка могла бы убить вас.

Две такие коробки в подходящее время в подходящем месте, соединенные, могут убить сотню тысяч. Кончайте с войной, или мы покончим с вами.

Дирак Ангестун Гесепт

Бумажные угрозы, больше ничего, но достаточно серьезные, чтобы еще больше растревожить противника. Эти посылки напугают получателей и зададут новую работу Кайтемпи. Без сомнения, военные предоставят телохранителей каждой большой шишке на Джеймеке — только для этого понадобится целый полк.

Начнут проверять почту и вскрывать все подозрительные посылки в специальной камере. Перевернут весь город в поисках компонентов атомной бомбы. Силы гражданской обороны приведут в состояние боевой готовности, на улицах начнут хватать людей с подозрительными свертками и пакетами. Воцарится хаос.

Да, после трех убийств и обещаний продолжить список власти не посмеют отмахнуться от угроз ДАГ и не сочтут их бредом сумасшедшего. Им придется считаться с возможностью замены игрушечных бомб на настоящие.

Шагая по улице, Моури представлял себе, как его адресаты в панике швыряют посылки в ведра с водой, пока их секретари названивают в саперную часть. Увлеченный этим занятием, он не сразу обратил внимание на резкий свистящий звук, раздавшийся над столицей. Остановившись и оглядевшись по сторонам, он, однако, не заметил ничего необычного. Казалось, что народу на улицах убавилось, но многие, как и он сам, стояли и растерянно озирались по сторонам.

Глава 8

И тут полицейский хлопнул его по плечу:

— Спускайся, ты, остолоп!

— Спускаться? — Моури недоуменно посмотрел на него.— Куда? В чем дело?

— В убежище! — заорал полицейский, размахивая руками.— Ты что, не узнаешь сигнал воздушной тревоги?

Не дожидаясь ответа, он ринулся дальше, крича другим прохожим:

— Спускайтесь! Все вниз! Вниз!

Повернувшись, Моури направился к ближайшему административному зданию и по узкой крутой лестнице спустился в подвал. Он с удивлением обнаружил его полным народу. Не-

сколько сотен человек собрались в убежище, не дожидаясь напоминаний. Они сидели на деревянных скамьях, стояли, прислонившись к стенам, толпились посередине подвала, и Джеймсу пришлось сесть на собственный чемодан.

Сидевший рядом с Моури старичок, уставившись на него слезящимися глазами, раздраженно сказал:

— Воздушная тревога! И что вы думаете по этому поводу?

— Ничего,— ответил Моури.— Что толку об этом думать? Все равно от меня ничего не зависит.

— Но ведь мы недавно разбили спакумский космический флот,— заверещал старичок, обращаясь в лице Моури ко всем, находившимся в убежище.— Об этом тысячу и один раз твердили по радио и в газетах. Спакумский флот уничтожен! Так почему же объявляют тревогу, а? Ну-ка, объясните мне.

— Возможно, это учебная тревога,— попытался успокоить его Моури.

— Учебная? — Старик в ярости плюнул.— Кто сказал, что учебная? Да и зачем нам учебные тревоги? Если спакумские силы разбиты, незачем нам прятаться! Нам не от кого прятаться! И нам не нужны учебные тревоги!

— Что вы ко мне привязались? — сказал Моури; въедливый старикан уже утомил его.— В конце концов, не я же дал сигнал тревоги.

— Но какой-то поганый идиот его дал! — настаивал старичок.— Какой-то лжец, соко, который вкручивает нам, что война почти закончена, хотя до этого еще очень далеко! Откуда нам знать, сколько правды в их словах? — Он опять плюнул на пол.— Сначала блестящая победа в секторе Центавра, потом объявляют воздушную тревогу. Они, наверное, думают, что мы — сборище...

Тут к нему подскочил коренастый, плотный мужчина и заорал:

— Заткнись!

Но старичок слишком увлекся своими излияниями, чтобы сохранять осторожность, слишком разгорячился, чтобы обратить внимание на властные нотки в голосе коренастого. Он каркнул в ответ:

— Не собираюсь! Я шел домой, а меня сюда затолкали — какому-то болвану, видите ли, приспичило включить сирену и...

Коренастый мужчина отвернул лацкан куртки, под которым обнаружился значок тайной полиции, и свирепо гаркнул:

— Я сказал, замолчать!

— Что вы себе позволяете? В моем возрасте я не собираюсь...

Резким движением коренастый выхватил резиновую дубинку и изо всех сил ударил старика по голове. Тот упал как подкошенный.

Кто-то выкрикнул из толпы:

— Какой позор!

Несколько человек что-то пробормотали, люди заволновались, но никто ничего не сделал.

Ухмыляясь, коренастый обвел толпу вызывающим взглядом и дважды пнул старика — в лицо и в живот. Подняв голову, он уставился на Моури и с вызовом спросил:

— Ну?

Моури спокойно произнес:

— Вы из Кайтемпи?

— Предположим. Тебе-то что за дело?

— Просто решил полюбопытствовать.

— Совершенно ни к чему. Не суй нос куда не следует, парень.

Толпа снова зашевелилась и неодобрительно загудела. В убежище спустились двое полицейских и уселись на нижней ступеньке лестницы, вытирая вспотевшие лица. Нервы у них, похоже, были на пределе. Агент Кайтемпи присоединился к ним, вытащил из кармана пистолет и положил на колено. Моури загадочно улыбнулся. Старик все еще не пришел в сознание, дыхание с хрипом вырывалось из его горла.

Постепенно в подвале воцарилась полная тишина, снаружи не доносилось ни звука. Люди напряженно прислушивались, стараясь уловить любой шорох, доносившийся с улицы. И вот через полчаса послышались отдаленные хлопки пусковых установок, затем — резкий пронзительный вой ракет противовоздушной обороны.

Напряжение сразу же увеличилось — всем стало ясно, что это не салют. Где-то недалеко находится спакумский корабль, и его смертоносный груз может в любой момент обрушиться на их головы.

Еще один ракетный залп. Снова тишина. Полицейские и агент поднялись, прошли в глубь подвала и сели лицом к лестнице. В убежище было слышно только учащенное дыхание людей; некоторые дышали судорожно, словно им не хватало воздуха. На всех лицах читался страх, в воздухе кисло запахло потом. Моури подумал, как чертовски нелепо будет погибнуть под бомбами земного корабля.

Через десять минут пол содрогнулся, стены заходили ходуном и все здание затряслось. С улицы долетел звон бьющегося стекла — очевидно, докатилась ударная волна. Но других звуков не последовало — ни грохота мощного взрыва, ни монотонного рева двигателей промчавшегося в стратосфере корабля. И эта тишина была на редкость зловещей.

Только через три часа раздался сигнал отбоя. Облегченно вздыхая, люди поспешили наружу, равнодушно переступая через тело старика — он так и остался лежать в убежище. Полицейские отправились налево, коренастый агент Кайтемпи — в другую сторону. Моури нагнал его и вежливо произнес:

— Отделались легким испугом. Полагаю, взрыв произошел достаточно далеко.

Агент что-то буркнул.

— Я хотел поговорить с вами,— продолжал Моури,— но в убежище было слишком много народу.

— Да? Ну давай поговорим.

В ответ Моури вытащил удостоверение, офицерскую карточку и показал их коренастому.

— Полковник Халопти, военная разведка.

Просмотрев документы, агент несколько смягчился.

— Так что же вы хотели сказать — что-нибудь об этом упрямом старом болване?

— Нет, он свое получил. Здорово вы с ним разделались.— Моури отметил самодовольное выражение, появившееся на лице агента, и добавил: — Такой старикашка вполне мог завести всю толпу.

— Да, это так. Лучшее средство управления этим стадом — вовремя обезвредить заводил.

— Когда прозвучал сигнал тревоги, я направлялся в городской штаб Кайтемпи — просить в помощь себе надежного аген-

та,— объяснил Моури.— А вы, я вижу, парень не промах — как раз такой мне и нужен. Как вас зовут?

— Саграматолу.

— А, так вы из системы К-семнадцать. Там у всех такие сложные имена.

— Да. А вы, как я понимаю, с Дираkты. Халопти — дираkское имя, и к тому же у вас машамский акцент.

Моури рассмеялся.

— Экие мы с вами проницательные — ничего от нас не скроется!..

— Да уж.

Коренастый посмотрел на Моури с явным любопытством и спросил:

— Зачем я вам понадобился?

— Я собираюсь взять руководителя одной из ячеек ДАГ. Все надо сделать быстро и без шума. Если послать за ним полсотни человек — его дружки успеют лечь на дно. Лучшая тактика — хватать их по одному. Как говорят спакумы, «тише едешь, дальше будешь».

— Да, так лучше всего,— согласился Саграматолу.

— Я мог бы справиться и один, но мне нужен человек на случай, если этот тип попытается смыться через черный ход.— Он сделал паузу, дав возможность собеседнику вникнуть в смысл его слов, и закончил: — Если вы сможете мне помочь — это украсит ваш послужной список.

Глаза у агента сузились и сверкнули; слова Моури явно воодушевили его. Коренастый кивнул головой.

— Я был бы рад, если только в штабе не возражают.

— Можете спросить их,— небрежно ответил Моури, внутренне похолодев.— И знаете, что будет?

— Что?

— Они не разрешат пойти вам и подсунут мне офицера постарше чином.— Моури сделал презрительный жест.— Я сам — полковник, но в данном случае предпочитаю, чтобы со мной был крепкий опытный работник, которого я выберу лично.

Коренастый выпятил грудь.

— Да уж, можете получить такого кадра... Знаете, офицеры бывают разные.

— Вот именно! Ну так что, вы пойдете?

— Конечно! Мне достаточно вашего слова. Когда мы начнем?

— Немедленно.

— Прекрасно,— сказал Саграматолу, что-то соображая про себя.— Во всяком случае, еще три часа я на дежурстве.

— Замечательно. У вас есть динокар гражданского образца?

— Все наши дино не должны отличаться от обычных.

— На моем — военная эмблема,— солгал Моури.— Лучше возьмем ваш.

Коренастый согласился без возражений — еще бы, такой шанс отличиться!.. Палачи, служившие в Кайтемпи, страдали особой формой алчности — их не могла не соблазнить возможность найти еще одну жертву.

Они вышли к стоянке, и Саграматолу сел за руль большого черного дино. Забросив чемодан на заднее сиденье, Моури сел рядом. Машина выехала на улицу.

— Куда?

— Южный район, за заводом Рид Энджин. Дальше я покажу.

Театрально рубанув рукой по шее, коренастый сообщил:

— Мы уже по горло сыты мерзавцами из ДАГ. Давно пора с ними разделаться. Как вы их выследили?

— Мы засекли эту ячейку на Дираете. Один из них попался нам в руки и заговорил.

— Пришлось с ним повозиться? — причмокнув, предположил Саграматолу.

— Да.

— Только так можно что-то выколотить из них.— Он свернул за угол, еще раз причмокнул.— Если хорошенько поработать, у них развязываются языки. Правда, это не спасает их от смерти.

— Само собой,— одобрительно подтвердил Моури.

— Недавно мы забрали дюжину в баре, что в квартале Лаксин,— сообщил Саграматолу.— Тоже раскололись. Но пока что не сообщили ничего дельного. Сознались во всех мыслимых преступлениях, кроме членства в ДАГ. Утверждают, что об этой организации им ничего не известно.

— Как вы вышли на этот бар?

— Одному болвану отрезали голову — с трудом его опознали. Оказалось, он был завсегдатаем заведения. Мы навели справки и схватили несколько его любящих друзей. Шестеро уже сознались в убийстве.

— Шесть человек? — Моури нахмурился.

— Да. Они прикончили своего приятеля в разное время, в шести разных местах, имея на то шесть разных причин. Грязные соко, конечно, врут, но мы из них выжмем правду!

— Судя по вашим словам, больше похоже на обычные бандитские разборки. Где же здесь политические мотивы?

— Не знаю. Начальство это с нами не обсуждает. Вроде бы точно известно, что с тем типом расправилась ДАГ, значит, кто бы это ни сделал, он связан с организацией.

— Может быть, бандитам просто заплатили,— предположил Моури.

— Возможно. Их тоже могли обмануть.— Коренастый с отвращением фыркнул.— Нам и с войной достаточно хлопот, а тут еще эти подпольщики... Просто с ног сбились. Так больше продолжаться не может.

— А как облавы на улицах, дали что-нибудь?

— Сначала нам вроде бы везло, но потом о них стало всем известно. Мы решили прекратить облавы дней на десять. Пусть мерзавцы успокоятся и почувствуют себя в безопасности. Тут-то мы их и накроем!

— Отличная мысль! Да, в наше время приходится шевелить мозгами!

— Не без этого, полковник!

Моури тронул агента за плечо.

— Вот мы и приехали. Сейчас налево, а потом сразу направо.

Машина промчалась мимо ограды машиностроительного завода, въехала на узкую ухабистую улицу и свернула в другой переулок. Вокруг тянулись полупустынные кварталы трущоб — ветхие здания, перемежающиеся пустырями и помойками. Они остановились и вышли из динокара.

Оглядевшись, Саграматолу сказал:

— Типичный рассадник всякой заразы. Пару лет назад мы выкурили отсюда шайку религиозных фанатиков. Они справляли свои мерзкие обряды в одном из старых складов.

Моури брезгливо сморщился:

— Вы хотите сказать, что они исповедовали религию спакумов?

— Да, настоящие верующие! Но на виселице языки у них вываливались не хуже, чем у любого грешника.— Сграматолу ухмыльнулся — воспоминания, видимо, были приятными. Потом он взглянул на Моури.— Теперь куда?

— По этому переулку.

Моури первым вошел в длинный грязный переулок, заканчивающийся тупиком. Через несколько минут они уперлись в глухую двенадцатифутовую стену. Переулок был пуст, лишь слабый гул движения на ближайшей магистрали да скрип ржавого дорожного указателя, раскачивающегося на ветру, нарушали тишину.

Моури кивнул на дверь в стене:

— Черный ход. Мне нужно две-три минуты, чтобы обойти кругом и добраться до парадного подъезда. А потом могут быть любые неожиданности.— Он попытался открыть дверь, но она не поддавалась.— Заперта.

— Лучше открыть, чтобы ему было куда бежать,— предложил Сграматолу.— Когда он поймет, что приперт к стенке, то может попытаться застрелить вас, чтобы улизнуть с главного хода. Тогда я не смогу помочь. Эти соко становятся опасными, когда им нечего терять.— Агент полез в карман и вытащил связку отмычек. Ухмыляясь, он добавил: — Лучше позволить ему сбежать — тогда он попадет прямо мне в руки.

С этими словами Сграматолу повернулся к двери, оказавшись спиной к Моури, и начал возиться с замком. Моури оглянулся.

В переулке никого не было.

Вытащив пистолет, он спокойно, с расстановкой произнес:

— Ты пнул старика, когда тот валялся без сознания.

— Да, конечно,— отозвался агент, все еще пытаясь открыть замок.— Надеюсь, этот придурок уже сдох.— Внезапно Сграматолу осекся: офицер понял всю неуместность замечания Моури. Агент обернулся, опираясь рукой о дверь; дуло пистолета смотрело ему в лоб.— Что это? Что... что ты...

Выстрел был не громче хлопка пневматического пистолета. Мгновение Сграматолу держался на ногах, во лбу у него зияло

голубоватое отверстие. Его рот раскрылся в идиотской гримасе. Потом колени агента подогнулись, и он рухнул лицом вниз.

Сунув пистолет в карман, Моури склонился над телом. Не теряя времени, он обыскал труп коренастого, проверил содержимое бумажника, но взял только полицейский значок. Быстро покинув переулок, он сел в машину, доехал до центра города и затормозил неподалеку от магазина подержанных динокаров. Он прошел пешком остаток пути до площадки, где стояло множество видавших виды машин. К Моури мгновенно подскочил тощий сири, его хитрые глазки блеснули, когда он оценил дорогой костюм, часы и платиновый браслет клиента,— тут пахло поживой!

— Вам повезло,— вкрадчиво объявил тощий.— Вы попали в единственное место на Джеймеке, где можно купить за бесценок хорошую вещь. Торгуем чуть ли не в убыток себе. Не теряйтесь! Идет война, цены вот-вот подскочат, в любом случае не прогадаете. Вот, взгляните на этого красавца! А цена! Подарок, просто подарок! Это...

— Со зрением у меня все в порядке,— прервал его Моури.

— Да-да, конечно! Я только хотел обратить ваше внимание...

— Я знаю, что мне нужно,— оборвал продавца Моури.— И не собираюсь ездить на такой развалине. Я не самоубийца.

— Но...

— Как вы заметили, идет война! И очень скоро запчасти будет совершенно невозможно достать. Мне нужна машина, которую я мог бы разобрать на детали.— Он показал на ближайший динокар.— Например, вот эта. Сколько?

— Она в прекрасном состоянии,— принялся расписывать продавец, стараясь не встречаться с Моури взглядом.— Мотор совсем новенький. И посмотрите на номер... прошла перерегистрацию...

— Это я вижу!

— ...и ни одной дырочки в корпусе... Я ее даром отдаю, просто даром...

— Сколько?

— Девятьсот девяносто,— сказал продавец, еще раз взглянув на костюм и платиновые безделушки.

— Грабеж,— ответил Моури.

Они торговались с полчаса, и в итоге Моури заполучил дино за восемьсот двадцать. Он заплатил и уехал на новой машине. Приобретение Моури так скрипело, дребезжало и стонало, что было ясно: Джеймса надули по крайней мере на двести гильдеров. Однако сожалений он не испытывал.

Проехав с милю, он остановился на пустыре, заваленном металлоломом. Здесь, вдали от свидетелей, Моури начал трудиться над своим дино: разбил фары и лобовое стекло, снял колеса и номерные знаки, разобрал мотор — одним словом, превратил его в ободранный остов. Затем, подогнав к пустырю машину убитого агента, он погрузил в нее свою добычу.

Через полчаса, утопив в реке колеса, номерные знаки и еще кое-какие части с динокара Саграматолу, он поставил на него новые номера и отбыл. Итак, обмен номеров стоил ему восемьсот двадцать фальшивых гильдеров — пожалуй, не слишком дорогая плата за безопасность.

Зная, что облав пока опасаться нечего, Моури мотался по городу до наступления темноты. Поставив машину в подземный гараж, он купил газету и прочитал ее за ужином.

По версии этого печатного органа, единственный земной истребитель, упоминающийся не иначе как «трусливый налетчик», сумел прорваться через линию космической обороны и сбросить бомбу на укрепленный арсенал в Шугруме. Взрыв произвел незначительные разрушения, а «налетчик» был тут же уничтожен.

Если верить статье, налет был не опаснее блошиного укуса — вдобавок блоху немедленно прихлопнули. Интересно, сколько читателей проявили подобное легковерие? Шугрум находился на расстоянии трехсот миль от столицы — и тем не менее Пертейн изрядно тряхнуло. Поглядеть бы, что осталось после взрыва... скорее всего — кратер пару миль диаметром...

На второй странице газеты сообщалось, что силами охраны правопорядка и законности схвачены сорок восемь предателей — членов Партии Свободы Сириуса. Ведется следствие. Однако ни подробностей, ни имен, ни конкретных обвинений в статье не было.

Такая практика характерна для общества с тайным судопроизводством, где любого могут схватить прямо на улице и никто

никогда больше не увидит его. В Сирианской империи не существовало института присяжных заседателей и открытых судебных процессов. Если арестованный родился под счастливой звездой, его, возможно, и выпустят — искалеченного, без извинений и возмещения ущерба. Но, как правило, родственники несчастного не получали даже урны с прахом.

Сорок восемь схваченных обречены — независимо от того, кто они на самом деле или за кого их принимают. С другой стороны, вся эта газетная писанина — вранье. Власть имущих наконец допекло, и они нашли шестерых козлов отпущения, объявив их членами ДАГ и для пущей важности умножив их число на восемь. Циничное искажение фактов — обычный пропагандистский прием в военное время.

На одной из последних страниц в крохотной заметке сообщалось об отступлении сирианских сил с планеты Гума — «чтобы более эффективно использовать их в зоне боевых действий». Отсюда следовало, что захваченная Гума расположена далеко от линии фронта,— нелепость, очевидная для любого читателя, способного мыслить логически. Но девяносто процентов населения не трудились размышлять; они проглатывали любую предложенную им чушь — и были вполне довольны.

Но гвоздем номера была редакционная статья. Эта помпезная проповедь строилась на утверждении, что для полной победы необходимо напрячь все силы и, следовательно, в политической жизни империи нет места плюрализму. Все до единого должны сплотиться и активно поддержать решение правительства вести войну до победного конца. Сомневающиеся и колеблющиеся, ворчуны и нытики, лентяи и тунеядцы — такие же предатели, как шпионы и саботажники. С ними надо покончить раз и навсегда — быстро и безжалостно.

Да, это уже вопль паники — хотя Дирак Ангестун Гесепт прямо не упоминалась. В военное время все пропагандистские материалы спускаются сверху — и там, наверху, кое-кто явно почувствовал себя крайне неуютно. Оса невелика, но жалит больно. Возможно, некоторые из этих типов получили маленькие, неприятно тикающие посылочки, и им не слишком понравился переход от общих угроз к конкретным действиям.

Когда наступила ночь, Моури направился к себе на квартиру. Он пробирался туда крайне осторожно — любое убежище неожиданно может превратиться в ловушку. Помимо агентов полиции или Кайтемпи приходилось опасаться хозяина, который безусловно заинтересуется, увидев в комнате нового жильца, да еще такого респектабельного на вид. Хозяин, конечно, изрядный пройдоха и умеет держать язык за зубами, но в Кайтемпи он расскажет что угодно, лишь бы спасти свою шкуру. Доверять ему не стоит. Как, впрочем, и никому другому в этом враждебном мире.

Вокруг дома все было чисто, засады не было. Моури незаметно проскользнул к себе. В комнате все было так, как он оставил, никаких следов обыска. Он растянулся на кровати, вытянув гудящие ноги, и принялся обдумывать положение дел. Очевидно, теперь придется приходить и уходить из дома только в темноте. Можно, правда, попытаться найти другое пристанище — в квартале поприличнее, более соответствующем его новому обличью, но Моури не хотелось терять время, да это и не было столь необходимо.

На следующий день ему пришлось не раз пожалеть о взорванном в Радине чемодане и его содержимом. Моури был вынужден провести целое утро в публичной библиотеке, занимаясь кропотливой и скучной работой по восстановлению списка имен и адресов. Следующие два дня ушли на подготовку нужного количества писем, и, когда работа наконец была завершена, Моури с облегчением вздохнул.

Сагграматолу — четвертый. Список длинный.
Дирак Ангестун Гесепт

Итак, он убил одним выстрелом нескольких зайцев. Во-первых, отомстил за несчастного старика, что доставило ему огромное удовлетворение. Во-вторых, нанес Кайтемпи еще один удар, разделавшись с ее агентом, а заодно приобрел машину, которую невозможно опознать. И наконец, он еще раз подтвердил решимость ДАГ во что бы то ни стало прорваться к власти.

Чтобы джеймекская администрация не расслаблялась, вместе с письмами Моури отослал еще шесть посылок. Внешне они

не отличались от предыдущих: внутри слышалось такое же тихое тиканье, но на этом сходство и заканчивалось. Через определенное время — от шести до двадцати часов после отправки — или при попытке вскрытия каждая посылка взорвется с такой силой, что адресата размажет по стенам.

На четвертый день после возвращения в свою квартиру в Пертейне Моури незаметно выскользнул из здания, взял машину и наведался к отметке тридцать третьего дена по дороге на Радин. Несколько патрульных машин обогнали его по пути, но их экипажи не проявили интереса к одинокому динокару. Доехав до отметки, Моури слегка разворошил землю у основания столба и нашел свой собственный целлофановый пакет, в котором теперь лежала маленькая карточка. Он прочел: «Асако 19-1713».

Сработало!

Остановившись у первой же телефонной будки, Моури отключил сканер и набрал номер. Незнакомый голос зазвучал в трубке, но экран остался темным. Очевидно, на другом конце соблюдали те же меры предосторожности.

— Это девятнадцать—семнадцать—тринадцать,— раздалось в трубке.

— С Гурдом или со Скривой можно поговорить? — спросил Моури.

— Подождите,— приказал голос.

— Только недолго,— предупредил Моури,— или до свидания.

В ответ что-то буркнули. Моури сжимал трубку в руке, одновременно наблюдая за дорогой, готовый выскочить из кабины, как только интуиция подскажет ему, что пора сматываться. В разведшколе ему советовали всегда прислушиваться к подсознательному чувству опасности. И наверное, его ангел-хранитель все время порхал где-то поблизости — раз Моури до сих пор жив и на свободе.

Джеймс уже собирался удрать, когда услышал низкий голос Скривы:

— Кто это?

— Твой благодетель.

— А, ты! Что-то я ничего не получил от тебя!

— А я от вас. Ты что, перепугался? В чем дело?

— Не телефонный разговор,— сказал Скрива.— Нам лучше встретиться. Ты где?

В голове Моури пронеслись разные мысли. «Ты где?» Что, если Скриву используют как наживку? Они вполне могли добиться от него добровольного сотрудничества — если дали ему понять, каковы будут последствия отказа.

С другой стороны, вряд ли Скрива стал бы спрашивать, где он находится. В Кайтемпи давно определили бы, откуда он звонит. Более того, в их интересах подольше задержать его у телефона, а Скрива явно спешил закончить разговор. Да, пожалуй, все чисто.

— Ты что — онемел? — рявкнул Скрива в трубку; голос его был полон нетерпения.

Это окончательно убедило Моури, что все в порядке.

— Я думаю. Что, если мы встретимся у столбика, где ты оставил номер своего телефона?

— Годится.

— Только ты и Гурд,— предупредил Моури,— никого больше.

— Кажется, кто-то перепугался? — спросил Скрива.— Я сейчас буду.

Снова подъехав к отметке, Моури остановил машину на обочине и стал ждать. Через двадцать минут появился динокар Скривы. Бандит вышел, сделал несколько шагов и в нерешительности остановился. На его лице появилась растерянная ухмылка, затем он сунул руку в карман и торопливо огляделся. Но других машин поблизости не было.

Моури усмехнулся:

— Что тебя беспокоит, парень? Нечистая совесть или пустой кошелек?

Шагнув поближе, Скрива воззрился на него с нескрываемым удивлением.

— Так это ты! Что это с тобой?

Не ожидая ответа, он обошел вокруг машины и сел на переднее сиденье.

— Тебя и не узнать.

— Так и задумано. И тебе не мешало бы измениться к лучшему. Сильно озадачишь полицейских.

— Может быть,— отозвался Скрива, затем, помолчав, сказал: — Они схватили Гурда.

Моури напрягся.

— Как? Когда?

— Этот придурок спустился с крыши и угодил прямо в лапы двух агентов Кайтемпи. Мало того, он еще полез за пистолетом.

— Он должен был выдать себя за электрика... или сказать, что проверяет телефонную линию. Может быть, тогда ему удалось бы выпутаться.

— Гурд никогда ничего не умел объяснять,— возразил Скрива.— Он просто так устроен — не умеет работать языком. Мне все время приходилось вытаскивать его из всяких историй.

— Но тебя же не тронули?

— Я был на другой крыше, за квартал от него. Они меня не заметили. Все кончилось прежде, чем я смог спуститься на помощь Гурду.

— Что с ним случилось?

— То, чего следовало ожидать Не успел он сунуть руку в карман, как получил дубинкой по голове. Потом его запихали в фургон.

— Не повезло парню,— сочувственно произнес Моури. Немного подумав, он спросил: — А что стряслось в баре «Сузун»?

— Точно не знаю, В тот момент мы с Гурдом были далеко... и один приятель посоветовал не показываться там. Говорят, туда вломились человек двадцать из Кайтемпи, зацапали всех парней и устроили засаду. Я в «Сузуне» больше не показывался. Наверное, какой-то соко распустил язык.

— Может быть, Бутин Архава?

— Каким образом? Гурд снес ему башку раньше, чем он мог проболтаться.

— Возможно, он сумел кое-что рассказать уже после того, как пообщался с Гурдом... Знаешь, потерял голову и...

Скрива прищурился:

— Ты это о чем?

— Ладно, не обращай внимания. Ты забрал сверток под мостом?

— Ага.

— Хочешь еще или уже так разбогател, что гильдеры тебя больше не волнуют?

Глядя на Моури и что-то подсчитывая в уме, Скрива спросил:

— Сколько у тебя денег?

— Хватит, чтобы оплатить твои труды.

— Мне это ни о чем не говорит.

— Не говорит — и не надо,— заверил бандита Моури.— Так что же ты думаешь?

— Мне нравятся деньги...

— Вполне разумно,— согласился Моури.

— Я их просто обожаю...— продолжал Скрива таким тоном, словно рассказывал притчу.

— А кому же не по вкусу гильдеры?

— Ага, кто же их не любит? Вот и Гурд...— Скрива замолчал, потом добавил: — Если кто к ним безразличен — он либо дурак, либо покойник.

— Ближе к делу,— нетерпеливо отозвался Моури.— Хватит ходить вокруг да около, мы не можем торчать здесь весь день.

— Я знаю одного парня, который тоже очень любит деньги.

— Ну и что?

— Он тюремщик,— многозначительно добавил Скрива.

Отодвинувшись к краю сиденья, Моури внимательно посмотрел на него.

— Давай напрямую. Чем он может помочь и сколько это стоит?

— Он говорит, что Гурд и несколько наших старых друзей сидят в одной камере. Их пока не пропустили через мясорубку, но рано или поздно это произойдет. Кайтемпи обычно дает время поразмыслить о будущем... потом легче развязываются языки.

— Обычный метод,— согласился Моури.— Сначала из них сделают психопатов, а потом — калек.

— Да, вонючие соко.— Скрива сморщился и сплюнул в окно.— Когда приходит время, из Кайтемпи приезжают за нужным человеком в тюрьму, показывают ордер и забирают его к себе для допроса. Иногда его привозят обратно через несколько дней... уже инвалидом. А чаще не привозят. Тогда они присылают в тюрьму свидетельство о смерти для отчетности.

— Дальше.

— Этот парень, любитель гильдеров, сообщит мне номер камеры Гурда и обычное время визитов Кайтемпи в тюрьму. Еще он раздобудет экземпляр официального бланка — ордера на выдачу заключенного.— Сделав паузу, Скрива закончил: — Он хочет сто тысяч.

Моури беззвучно присвистнул.

— Думаешь, стоит попытаться вытащить Гурда?

— Ага.

— Я не знал, что ты так его любишь.

— По мне, пусть он сгниет там,— раздраженно сказал Скрива.— Он расплачивается за собственную тупость. С какой стати я должен беспокоиться о нем?

— Ну и пусть сгниет. А мы сэкономим сто тысяч.

— Да,— согласился Скрива,— но...

— Но что?

— Мне не помешала бы его помощь... и там есть еще два подходящих парня. Они бы и тебе пригодились, если найдется работенка. К тому же в тюрьме Гурд заговорит, а он слишком много знает. Лучше его вытащить — пока Кайтемпи не взялась за него. Подумай... и что такое для тебя сто тысяч?

— Слишком большая сумма, чтобы выбрасывать на ветер,— резко ответил Моури.— А к тому же... Где гарантия, что ты не врешь?

Лицо Скривы потемнело от гнева.

— Так ты мне не веришь, да?

— Нужны доказательства.

— Может быть, организовать тебе экскурсию в тюрьму?

— Очень остроумно. Ты, похоже, забыл, что Гурд сообщит массу интересного о тебе, но не сможет ничего конкретного рассказать обо мне — даже если будет орать до посинения. Вот так, приятель. Я трачу деньги — мои деньги — на решение своих проблем, а не твоих.

— Так тебе на нас с Гурдом наплевать?..— спросил Скрива все еще угрожающим тоном.

— Я этого не говорил. Я только подчеркнул, что не намерен бросаться деньгами за просто так. Я плачу за результат.

— Что ты имеешь в виду?

— Скажи этому жадному мерзавцу, что мы заплатим ему двадцать тысяч за ордер Кайтемпи. Из рук в руки: нам — бланк, ему — деньги. Остальные восемьдесят тысяч он получит после того, как Гурд и остальные парни будут на свободе.

На угрюмой физиономии Скривы промелькнуло удивление, затем — нечто похожее на благодарность и, наконец, сомнение:

— А если он не согласится?

— Тогда ничего не получит.

— Предположим, он согласится, но не поверит, что я смогу достать остальные деньги? Как мне убедить его?

— Даже не пытайся,— посоветовал Моури.— Для того чтобы подзаработать, ему, как и всякому другому, придется раскинуть мозгами. Если не захочет, останется в нищете.

— Возможно, он предпочтет бедность риску.

— Сомневаюсь. Он ничем особенно не рискует и прекрасно знает об этом. У него есть шанс нагреть нас, но вряд ли он им воспользуется.

— Какой шанс?

— Предположим, мы приезжаем с ордером — а нас уже поджидает Кайтемпи. Значит, парень нас продал. В Кайтемпи ему заплатят не больше пяти тысяч за голову — итого десять плюс наши двадцать за бланк. Так?

— Так,— согласился Скрива, еще не очень понимая, в чем дело.

— Но он потеряет обещанные восемьдесят тысяч. Разница достаточно велика, чтобы служить гарантией его честности — до момента, когда он зацапает всю сумму.

— Так,— повторил Скрива, заметно повеселев.

— После этого — вжик! — сказал Моури.— Сразу рвем когти, и чем быстрее, тем лучше — так, чтобы и дьявол нас не догнал.

— Дьявол? — Скрива удивленно уставился на него.— Это же спакутское ругательство!

Моури покрылся испариной, но ответил как ни в чем не бывало:

— Естественно. Во время войны каких только словечек не подцепишь! Особенно на Дираkte.

— А, конечно, на Дираkte,— повторил Скрива, успокоившись. Он выбрался из машины.— Я поеду встречусь с этим тюремщиком. Надо торопиться. Звякнешь мне завтра в это время, идет?

— Хорошо.

Когда динокар Скривы скрылся из виду, Моури вырулил с обочины и поехал в Пертейн.

Глава 9

На следующий день Моури предстояла довольно легкая и не очень рискованная работа. Он намеревался поболтать с пертейнскими сплетниками — в точном соответствии с методикой постепенного воздействия, которой его обучили в школе.

«Сначала необходимо создать внутреннюю оппозицию. Не важно, существует ли она на самом деле, главное — убедить противника в ее существовании».

Это он уже выполнил.

«Во-вторых, нужно заставить власти опасаться этой оппозиции. Пусть они в панике начнут наносить удары вслепую».

Этого он тоже добился.

«В-третьих, необходимо отвечать на удары противника открытым сопротивлением, чтобы заставить его действовать так же открыто, привлечь внимание общественности к этой борьбе и создать впечатление, что оппозиция уверена в своих силах».

И этого он достиг.

«Четвертый этап осуществят наши космические силы. Мы нанесем мощные удары, чтобы развеять миф о неуязвимости обороны противника. В результате моральное состояние населения станет нестабильным».

Налет на Шугрум создал нестабильность.

«Пятый этап — распространение слухов. Люди будут готовы поверить им, начнут передавать слухи — и эти истории ничего не потеряют при пересказе. Искусная полуправда, распространившись среди больших групп населения, может посеять тревогу и неуверенность на значительной территории. Но аккуратно выбирайте собеседников. Если вы нарветесь на фанатичного патриота, вам конец».

В каждом городе на обитаемой планете в любой части галактики местный парк — прибежище праздношатающихся и болтунов. Именно туда и направился Моури угром. Парк пользовался популярностью в основном у стариков и старух. Молодежь и люди средних лет предпочитали держаться подальше от таких мест: их всегда могли спросить, почему они не на работе.

Усевшись рядом с мрачным, громко сопевшим стариком, Моури уставился на клумбу лохматых цветов и упорно разгля-

дывал их, пока Сопун наконец не повернулся к нему и не произнес, желая начать разговор:

— Вот и еще двух садовников забрали!

— Да? Куда же?

— В армию. Если заберут остальных, я не знаю, что станет с этим парком. За ним должен кто-то присматривать.

— Да, тут надо потрудиться,— согласился Моури,— но я думаю, война сейчас — главное.

— Конечно, война всегда на первом месте,— отозвался старик с некоторым неодобрением.— Пора бы ее кончать. Но она все тянется и тянется. Иногда я сомневаюсь, кончится ли она вообще когда-нибудь.

— Да, это вопрос,— поддакнул Моури.

— Все наверняка не так здорово, как они сообщают,— продолжал Сопун ворчливо.— Иначе с войной уже давно бы покончили. Она не тянулась бы так долго.

— Лично я думаю, что дело плохо.— Моури помедлил и продолжал доверительным тоном: — Я даже знаю это наверняка.

— Вы знаете? Откуда?

— Возможно, не стоит рассказывать такие вещи... впрочем, скоро это все равно станет известно всем.

— Что именно? — настаивал старик с настойчивым любопытством.

— Да о том, что случилось в Шугруме. Мой брат вернулся оттуда сегодня утром и рассказал мне.

— Ну, что же он рассказал?

— Он поехал туда по делам, но не смог добраться. В сорока денах от города поставлено оцепление, и его завернули. В зону не пускают никого, кроме военных, спасательных отрядов и врачей.

— Неужели?

— Мой брат сказал, что встретил одного парня... ему удалось спастись: убежал в чем мать родила — вся одежда сгорела... Он рассказал, что Шугрум почти стерт с лица земли. Камня на камне не осталось. Триста тысяч погибших. Тошнит от зловония. Говорит, все настолько ужасно, что газетам запретили давать репортажи с места событий... даже упоминать об этом.

Уставившись прямо перед собой, сопящий старичок помалкивал и казался здорово напуганным.

Моури добавил еще несколько красочных деталей, посидел немного и отчалил. Все, что он рассказал, обязательно будет повторено, в этом он мог не сомневаться. Дурные новости распространяются быстро. Чуть позже, в полумиле от старичка, он подцепил на крючок человека с выпученными маленькими глазками и злым лицом — такие обыкновенно рады услышать о какой-нибудь беде.

— Даже в газетах боятся упоминать об этом,— закончил Моури очередной вариант своей истории.

Пучеглазый нервно сглотнул.

— Если один спакумский корабль смог прорваться и сбросить мощную бомбу, смогут и другие.

— Да, правда.

— На самом деле они ведь могли бы сбросить и не одну бомбу. Почему они этого не сделали?

— Возможно, они проводили пробный налет. Теперь, убедившись, что это нетрудно, они вернутся с настоящим грузом. Тогда от Пертейна мало что останется.— Моури потянул книзу мочку правого уха и цыкнул; на Земле в подобном случае он провел бы ребром ладони по горлу.

— Но кто-то же должен о нас позаботиться,— занервничал пучеглазый.

— Я собираюсь позаботиться о себе сам,— сообщил Моури.— Выкопаю за городом щель поглубже.

Оставив собеседника парализованным от страха, Моури пошел дальше и вскоре выбрал похожего на труп типа, очевидно владельца похоронного бюро на пенсии.

— Мой близкий друг — командир эскадры космического флота — рассказал по секрету, что спакумская атака превратила Гуму в практически необитаемую планету. Он думает, что спакумы не разбомбили Джеймек только потому, что собираются в ближайшее время его захватить.

— И вы в это верите? — спросил Гробовщик.

— Не знаешь, во что верить, когда правительство заявляет одно, а получается совсем другое. Но, конечно, это только личное мнение моего приятеля. Правда, он служит в космическом флоте и знает много такого, о чем мы и понятия не имеем.

— Но ведь было официально заявлено, что спакумский флот уничтожен.

— Да, они еще повторяли это, когда бомбы уже падали на Шугрум,— напомнил Моури.

— Верно! Я сам почувствовал взрыв! В моем доме вылетело два стекла и бутылка с зисом грохнулась со стола.

К середине дня жуткие истории о катастрофах в Шугруме и на Гуме, а также советы опасаться кошмарного бактериологического оружия и других ужасов услышали тридцать посетителей парка. Получившие эту информацию явно не собирались держать ее при себе. Уже к вечеру тысяча человек узнает невеселые новости. А к полуночи не меньше десяти тысяч начнут распространять панические слухи. К утру их будет сто тысяч — и так далее, пока слухи не захлестнут весь город.

В условленное время он позвонил Скриве:

— Какие новости?

— Бланк у меня. Деньги готовы?

— Ага.

— Надо заплатить до завтрашнего утра. Что, если мы встретимся на старом месте?

— Нет,— сказал Моури.— Привычки вредят здоровью. Давай выберем другое место.

— Где?

— Есть некий мост, под которым ты нашел деньги в прошлый раз. Как насчет пятой отметки за мостом в южном направлении?

— Годится. Можешь приехать сразу?

— Мне нужно еще взять машину. Это недолго. Жди меня в семь.

Он добрался до отметки вовремя; Скрива уже ждал. Передав деньги, Моури взял ордер и внимательно изучил его. С первого взгляда было ясно: сделать копию ему не по силам. Бланк был так густо покрыт сложным орнаментом с замысловатыми завитушками, что походил на банкноту большого достоинства. Конечно, его могли бы скопировать на Земле, но ему с этим не справиться — даже при помощи обширного инструментария для подделки документов, который хранился в пещере.

Бланк был использован три недели назад, его, видимо, выкрали из тюремной картотеки. В нем содержалось указание об

отправке на допрос в Кайтемпи заключенного по имени Мабин Гаруд, но оставалось место еще для десяти фамилий. Число, имя и номер заключенного были напечатаны в соответствующих графах. Внизу красовалась размашистая подпись чернилами — очевидно, чиновника Кайтемпи.

— Ну, бумага в наших руках,— начал Скрива.— Что же дальше?

— Я не смогу скопировать ордер,— сообщил Моури.— Слишком трудно и займет много времени.

— Ты хочешь сказать, нам не удастся его использовать? — В голосе Скривы прозвучало сердитое разочарование.

— Я этого не говорил.

— Так что же делать? Заплатить этой вонючке двадцать тысяч или вбить бланк ему в глотку?

— Можешь заплатить.— Моури еще раз тщательно осмотрел документ.— Думаю, поработав сегодня ночью, смогу вытравить дату, имя и номер. Подпись, конечно, оставим.

— Рискованное дело! Подчистку легко обнаружить.

— Да, когда это сделано не мной. Я смогу восстановить поверхность бумаги и стертые линии рисунка.— Моури сделал паузу и задумчиво проговорил: — Пожалуй, без этого можно будет обойтись. Если немного повезет, новый текст ляжет на старое место. Вряд ли они станут рассматривать бланк через микроскоп.

— Будь они столь предусмотрительны, мы бы не гуляли до сих пор на свободе,— философски заметил Скрива.

— Мне понадобится пишущая машинка. Придется утром купить.

— Я могу достать тебе машинку на вечер,— предложил Скрива.

— Да? К какому времени?

— К восьми часам.

— В хорошем состоянии?

— Практически новая.

Моури с удивлением воззрился на бандита.

— Не мое дело, конечно, но зачем тебе пишущая машинка?

— На продажу. Я продаю разные вещи.

— Вещи, которые случайно попадают тебе в руки?

— Именно так,— подтвердил Скрива без тени смущения.

— Впрочем, меня это не интересует. Главное, ты ее достанешь. Встречаемся в восемь.

Машина Скривы тронулась. Подождав, пока она скроется из виду, Моури тоже поехал в город. Он перекусил и к восьми вернулся к отметке на шоссе. Вскоре появился Скрива с пишущей машинкой.

— Мне нужны полные имена Гурда и двух его приятелей,— сказал Моури.— Кроме того, необходимо узнать их тюремные номера. Можешь это сделать?

— Я их уже знаю.— Вытащив из кармана клочок бумаги, Скрива назвал номера, а Моури записал их.

— Тебе известно, когда из Кайтемпи обычно приезжают за заключенными?

— Да. Обычно между тремя и четырьмя часами дня. Раньше — никогда, очень редко — позже.

— Сумеешь ли ты выяснить к завтрашнему полудню, находятся ли еще Гурд и остальные парни в тюрьме? У нас будет бледный вид, если мы приедем за заключенными, которых уже отправили в Кайтемпи.

— Я проверю,— заверил Скрива. Его лицо напряглось.— Ты что, собираешься на дело завтра?

— Когда-нибудь все равно придется. Чем дольше мы станем откладывать, тем больше риск. А чем тебе не нравится завтра, а?

— Ничем, просто я не думал, что мы начнем так скоро.

— Почему?

— Я считал, что на подготовку уйдет больше времени.

— Готовить больше нечего,— заявил Моури.— Бланк есть. Я подделаю ордер на выдачу трех заключенных. Затем — либо они нам поверят, либо нет. Если да — все в порядке. Если нет — стреляем первыми и сматываем удочки.

— Можно подумать, это так легко,— возразил Скрива.— Все, что у нас есть,— поддельная бумага. Ее недостаточно, чтобы...

— Да, этого мало, согласен. К тому же десять против одного — в кутузке удивятся, увидев незнакомые лица. Придется принять дополнительные меры.

— Какие еще меры?

— Не беспокойся, это мое дело. Раздобудь только пару помощников. Парням придется лишь сидеть в машинах с серьезным видом и не болтать. Каждому — пять тысяч.

— Пять тысяч? Да за такие деньги я наберу целый полк! А пожалуй, и два полка. Не знаю только, хороши ли они будут в бою.

— Это неважно, лишь бы ребята солидно выглядели. И предупреди — им не надо изображать крутых парней, как в баре «Сузун», понятно? Они должны походить на агентов Кайтемпи.— Моури подтолкнул локтем своего собеседника.— То же самое относится и к тебе. Когда мы приступим к операции, все трое должны быть чистыми и опрятными, в отглаженных костюмах и аккуратно завязанных галстуках. Я хочу, чтобы вы выглядели так, словно собрались на свадьбу. И если ты меня с этим подведешь — я выхожу из игры. Можешь сам выручать своих дружков — я тебе не помощник. Начальник тюрьмы наверняка не такой идиот, чтобы не отличить уголовников от полицейских.

— Может, нам серьги в уши вдеть? — ядовито поинтересовался Скрива.

— Лучше бриллиант на пальце, чем грязная шея,— отрезал Моури.— По мне, так пусть будет перебор с украшениями, лишь бы вы не выглядели как шайка бродяг. Ваш шикарный вид никого не удивит — многие ищейки обычно любят пустить пыль в глаза.— Он сделал паузу, ожидая, что Скрива что-нибудь ответит, но тот молчал. Моури продолжил: — Кроме того, ребята должны быть надежные, а то, боюсь, получив по пять тысяч от меня, они захотят получить еще столько же в Кайтемпи.

Тут Скрива был в своей стихии. Он мрачно усмехнулся и пообещал:

— Никто из них не скажет ни слова — это я тебе гарантирую.

Такое заявление прозвучало достаточно зловеще, но Моури пропустил его мимо ушей.

— И последнее: нужны два динокара. Можно воспользоваться нашими, но тогда придется менять номера. Что скажешь?

— Угнать пару дино не сложнее, чем выпить кружку зиса. Фокус в том, чтобы освободиться от них как можно раньше. Чем дольше мы будем их использовать, тем больше шансов, что нас заметут.

— Придется поторапливаться,— сказал Моури.— Возьми их перед самой операцией. Мы оставим наши машины на стоянке с другой стороны моста Асако. Как только выедем из тюрьмы — прямым ходом туда и пересаживаемся на свой транспорт.

— Ага, так лучше всего,— согласился Скрива.

— Тогда договорились. Я буду ждать у восточных ворот городского парка завтра в два часа. Ты заедешь за мной со своими ребятами.

Тут Скрива почему-то забеспокоился; его взгляд внезапно стал подозрительным. Он нервно потер ладони, открыл и закрыл рот. Моури, с интересом наблюдая за ним, спросил:

— Ну, в чем дело? Ты что, передумал?

Скрива сделал усилие, стараясь собраться с мыслями, и выпалил:

— Послушай, что тебе Гурд? А тем более другие? Зачем ты платишь хорошие деньги и рискуешь своей шкурой, чтобы вытащить их из тюрьмы? Мне этого не понять.

— Многое в жизни трудно понять. Например, непонятно, кому нужна война, но мы увязли в ней по уши.

— Плевать на войну! При чем здесь это?

— При том,— возразил Моури,— что мне она не нравится, как и многим другим. И если почаще пинать правительство, ему она тоже придется не по вкусу.

— А, так вот в чем дело! — Скрива рассматривал его с искренним изумлением; очевидно, в голове у бандита не укладывалось, что кто-то может рисковать жизнью и деньгами из политических соображений.— Значит, ты хочешь насолить властям?

— Ты против?

— Мне абсолютно наплевать,— сказал Скрива и добавил с достоинством: — Политика — грязная игра. Каждый, кто лезет в нее,— просто псих. В итоге он не получит ничего, кроме бесплатных похорон.

— Ну, это будут мои похороны, а не твои.

— Конечно. Потому-то мне и наплевать.— Скрива явно испытывал большое облегчение, выяснив сокровенные мотивы щедрости Моури. Он кивнул и завершил разговор: — Встречаемся у входа в парк завтра.

— Не опаздывай. Если вас не будет вовремя, меня не ищи.

Как и в прошлый раз, он подождал, пока машина Скривы скрылась из виду, и только тогда направился в город. Он подумал: хорошо, что Скрива обычный уголовник. Его просто не интересуют политика, этика, патриотизм и другие подобные материи, если на них нельзя заработать. Очевидно, свою деятельность

в последнее время он рассматривает как весьма прибыльную, хотя и противозаконную; однако ему не приходит в голову назвать ее предательством. Различие между уголовщиной и изменой выше его понимания.

Любой мерзавец из компании Скривы продаст Кайтемпи родную мать — но не из чувства долга перед отечеством, а просто за пять тысяч гильдеров. С такой же легкостью они продадут Моури и удовлетворенно положат деньги в карман. Они не заложили его с потрохами только потому, что им невыгодно сворачивать шею курице, несущей золотые яйца. Так что, если Скриве удастся раздобыть помощников и машины, завтра он появится на месте вовремя. В этом Моури был уверен.

Ровно в два часа дня большой черный динокар остановился у восточных ворот парка; Моури сел в машину, и дино рванул с места. Другой дино, более потрепанный, следовал чуть позади первого.

Скрива, сидевший за рулем, был таким нарядным и респектабельным, каким вряд ли его когда-нибудь видели. От него слегка попахивало модным лосьоном, и, казалось, чувствовал он себя не в своей тарелке. Не отрывая взгляда от дороги, он ткнул через плечо большим пальцем в парня, расположившегося на заднем сиденье. Этот тип с нависшими бровями и квадратной челюстью был вымыт, выбрит и отполирован не хуже Скривы.

— Познакомьтесь с Литором. Самый шустрый верт на Джеймеке.

Моури повернул голову и вежливо кивнул. Литор ответил ему пристальным взглядом. Моури потер лоб, вспоминая, что же такое «верт». Кажется, он никогда раньше не слышал этого слова, а сейчас не решился спросить, что оно означает. Быть может, это не просто местный жаргон; слово могло войти в обиход за годы его отсутствия. Проявлять свое невежество, пожалуй, не стоило.

— Парень в другой машине — Брэнк,— пояснил Скрива.— Тоже классный верт. Правая рука Литора. Так, Литор?

Самый шустрый верт на Джеймеке что-то проворчал в ответ. Надо отдать ему должное, он очень походил на угрюмого агента Кайтемпи.

Изрядно попетляв по боковым улочкам, они выехали на главную магистраль и остановились. Мимо двигалась колонна тяжелых грузовиков, набитых солдатами и военной техникой. Казалось, она никогда не кончится; машины тянулись нескончаемым потоком. Скрива начал тихо бормотать ругательства.

— Посмотри, как эти парни глазеют по сторонам,— заметил Моури, наблюдая за солдатами.— Должно быть, их только что перебросили сюда.

— Ага, с Дираkты,— подтвердил Скрива.— Сегодня приземлились шесть транспортов. Ходят слухи, что вылетело десять, но добрались только шесть.

— Неужели? Плохи же здешние дела, если, не считаясь с такими потерями, сюда перебрасывают дополнительные силы...

— А что вообще есть в жизни хорошего... кроме пачки гильдеров в два моих роста? — Скрива оскалился и плюнул в окно в сторону громыхающих грузовиков.— На сколько они нас еще задержат? Так и будем торчать здесь, пока двое придурков не поднимут шум из-за пропавших машин? Полиция решит, что мы специально ее дожидаемся.

— Ну и что? — спросил Моури.— Ведь твоя совесть чиста, не так ли?

Скрива опять презрительно сплюнул. Наконец колонна военных грузовиков прошла. Динокар рванулся с места, вылетел на дорогу и помчался вперед.

— Полегче, приятель,— посоветовал Моури.— Будет очень обидно, если нас остановят за превышение скорости.

Скрива затормозил неподалеку от тюремных ворот. Второй динокар встал рядом. Бандит повернулся к Моури.

— Прежде чем идти, я хотел бы взглянуть на бумагу.

Вытащив ордер из кармана, Моури протянул его Скриве. Тот внимательно изучил бланк и передал Литору.

— Кажется, порядок. Как ты полагаешь?

Литор бесстрастно взглянул на своего шефа.

— Либо сойдет, либо нет. Скоро узнаем.

Почувствовав что-то зловещее в этом замечании, Скрива вновь засомневался. Он повернулся к Моури.

— Значит, входим, показываем бумагу и ждем, пока не приведут парней, так?

— Именно так.

— А что, если кроме бумаги они потребуют показать удостоверения?

— Покажем.— Моури хлопнул себя по карману.— Специально припас для такого случая.

— Да? И откуда же?

— Какая разница? Выглядит оно вполне убедительно,— ушел от ответа Моури.— А ты прикрепи на лацкан эту штуку.— Он протянул Скриве значок Сагграматолу.— При необходимости сунешь им в нос.

С удивлением рассматривая значок, Скрива спросил:

— Где ты его взял?

— Подарил один приятель из Кайтемпи. Я очень обаятельный, понимаешь?

— За дурачка меня держишь? Никто из этих вонючих соко даже не подумает...

— С ним случилось несчастье,— вставил Моури.— Ну а дальше, сам понимаешь... Мертвые агенты обычно очень любезны.

— Прикончил его?

— Не надо быть таким любопытным,— нравоучительно заметил Моури.

— Да какое тебе дело? — подал голос Литор с заднего сиденья.— Не стоит терять время. Давайте шевелитесь, и покончим с этим или плюнем на все — и по домам.

Взбодренный этим замечанием, Скрива нажал на газ. Но чем ближе была их цель, тем больше Моури мучился сомнениями. Неудача означает петлю... А если и повезет, поднимется такой шум, что придется отсиживаться в норе целый месяц. В результате он получит трех недотеп... возможно, лишнюю обузу на свою шею.

Он уже жалел, что затеял всю эту историю. Без Гурда с приятелями, пожалуй, было бы безопаснее... Конечно, четыре головы лучше, чем одна, и три лишних пистолета тоже не повредят, но он прекрасно обошелся бы без тарарама, который поднимется из-за побега. Вся эта шумиха потянется за ним, как хвост за кометой.

Но отступать было поздно. Они приближались к тюрьме, ее стальные ворота уже поблескивали впереди на фоне каменной

стены. Подкатив к ним, обе машины остановились. Моури вышел. За ним следовал Скрива, серьезный и внушительный в своем парадном костюме.

Моури нажал на кнопку звонка. Маленькая дверца, врезанная в стальную створку ворот, приоткрылась с пронзительным скрипом. Вооруженный охранник вопросительно смотрел на них, стоя в дверном проеме.

— Ордер Кайтемпи на выдачу трех заключенных,— объявил Моури с приличествующим случаю высокомерием.

Кинув взгляд на машины и сидящих в них вертов, охранник пропустил Моури со Скривой, закрыл дверь и задвинул засов.

— Что-то вы сегодня рановато.

— Да, много работы. Мы торопимся.

— Сюда.

Они двинулись за охранником; Скрива шел позади, держа руку в кармане. Охранник провел их в административное здание, где, миновав коридор с решетчатой раздвижной дверью, они оказались в небольшом кабинете. За столом восседал дородный сири с угрюмой физиономией, перед ним красовалась табличка: «Комендант Торник».

— Ордер на выдачу для допроса трех заключенных,— официально заявил Моури.— Вот документы, комендант. Мы очень торопимся и будем признательны, если их приведут поскорее.

Торник нахмурился, взял бланк и, не посмотрев на него, потянулся к телефону. Набрав номер, он отдал распоряжение привести троих заключенных в кабинет. Затем комендант откинулся на стуле и без всякого выражения уставился на посетителей.

— Я вас раньше не встречал.

— Конечно, комендант. Это естественно.

— Да?

— Дело в том, что эти заключенные не обычные преступники. Мы имеем основания подозревать, что они являются боевиками Дирак Ангестун Гесепт. Поэтому их будут допрашивать и в военной разведке, и в Кайтемпи. Я — представитель ВР.

— Да? — отозвался Торник; лицо его по-прежнему оставалось бесстрастным.— К нам никогда раньше не приезжали сотрудники ВР. Вы можете предъявить удостоверение?

Достав документ, Моури протянул его Торнику. Все шло не так быстро и гладко, как он надеялся. Очевидно, комендант любил потянуть время.

Быстро проглядев документы, Торник вернул удостоверение и заметил:

— Полковник Халопти, ситуация несколько необычная. Ордер в порядке, но я обязан отправлять заключенных только в сопровождении агентов Кайтемпи. Это очень строгое правило, и я не могу его нарушить даже ради полковника Военной Разведки.

— Но меня сопровождают люди из Кайтемпи,— ответил Моури. Он бросил на погруженного в прострацию Скриву многозначительный взгляд. Тот пришел в себя и отвернул лацкан пиджака, демонстрируя нагрудный знак. Моури добавил: — Мне дали трех агентов, пояснив, что их присутствие обязательно.

— Да, все правильно.— Открыв ящик стола, комендант вытащил солидного вида бланк и заполнил его, списав все данные из предъявленного Моури ордера. Закончив свой труд, он с сомнением хмыкнул, посмотрел на бланк, потом перевел взгляд на Моури.— Боюсь, что ваша подпись тут не годится, полковник. Только представитель Кайтемпи имеет право удостоверить расписку о выдаче заключенных.

— Я поставлю свою подпись,— с готовностью предложил Скрива.

— Но у вас только значок, а не офицерское удостоверение,— возразил Торник.— Вы всего лишь агент.

Проклиная про себя идиотскую приверженность коменданта к формальностям, Моури вмешался в разговор:

— Агент — из Кайтемпи и временно находится в моем подчинении. Я — офицер, но не из службы Кайтемпи.

— Да, но...

— Расписка о выдаче заключенных должна быть удостоверена офицером и представителем Кайтемпи. Следовательно, все условия будут соблюдены, если мы оба ее подпишем.

Торник глубоко задумался, уставившись в стену остекленевшими глазами и мысленно листая страницы инструкций. Наконец он очнулся и кивнул головой.

— Да, надо соблюдать... соблюдать все правила. Распишитесь оба.

Тут дверь распахнулась, впустив Гурда с приятелями; все трое дружно позвякивали ручными кандалами. За ними в комнату вошел охранник, вытащил ключ и снял наручники. Гурд, изможденный и равнодушный, не отрывал глаз от пола; выражение лица у него было довольно кислое. Второй парень, видимо — прекрасный актер, по очереди мерил презрительным взглядом Торника, Моури и Скриву. Третий, охваченный телячьим восторгом, блаженно разулыбался, так что Скриве пришлось на него цыкнуть. Улыбка исчезла. К счастью, ни Торник, ни охранник ничего не заметили.

Моури уверенным росчерком подписал бланк; Скрива быстро поставил внизу свою закорючку. Трое заключенных стояли молча. Гурд все разглядывал пол, второй парень злобно кривил рот, третий весьма ненатурально изображал горе. Вид у него был, как на похоронах богатой тетушки. Моури решил, что номер третий — глуп и его ждет ранняя кончина.

— Благодарю, комендант.— Моури повернулся к двери.— Пошли!

В крайнем изумлении Торник подскочил на своем стуле и воскликнул:

— Как, без наручников, полковник? Вы не привезли с собой наручники?

Гурд напрягся, номер второй сжал кулаки, номер третий почти упал в обморок.

Обернувшись, Моури сказал:

— В специализированном транспорте ВР стальные кандалы крепятся к днищу машины.— Он улыбнулся с видом превосходства.— У нас в военной разведке полагают, что для побега преступнику нужны ноги, а не руки.

— И то верно,— согласился Торник.

Они вышли вслед за тем же охранником, который привел их в кабинет. Моури и Скрива сопровождали заключенных, замыкая шествие. Опять по коридору, через решетчатую дверь, через главный вход и по двору. Вооруженные охранники, патрулирующие по стене, окружавшей тюрьму, безразлично смотрели на них. Пять пар ушей напрягались, пытаясь уловить крики или

топот ног из административного здания: пять пар кулаков были готовы в любую минуту оглушить провожатого.

Подойдя к воротам, охранник уже протянул руку к засову, собираясь открыть маленькую дверь, когда кто-то снаружи нажал на звонок. Неожиданный резкий звук ударил по нервам. Скрива наполовину выдернул пистолет из кармана. Гурд шагнул к охраннику с искривившимся от злобы лицом. Актер подпрыгнул, словно его стегнули. Простак открыл рот и едва не вскрикнул от испуга — однако только судорожно сглотнул, когда каблук Моури придавил ему ногу.

Только охранник сохранял спокойствие. Повернувшись спиной к остальным и не замечая их реакции на звонок, он трудился над засовом. Наконец дверь открылась; за ней стояли четыре мрачных типа в гражданском.

Один из них кратко сообщил:

— Кайтемпи! За заключенными.

По причине, известной только ему, охранник не счел странным, что одна делегация Кайтемпи сменяет другую. Он пропустил во двор четверку вновь прибывших и придержал дверь, пока выходили те, кто приехал раньше. Однако агенты не направились сразу в административное здание. Правда, они сделали несколько шагов в этом направлении; но потом, будто сговорившись, одновременно обернулись и уставились на Моури и его спутников. Необычный вид заключенных и неописуемый ужас на лице простака привлекли их внимание.

До того как дверь захлопнулась, выходивший последним Моури успел услышать, как агент рявкнул на охранника:

— Эй, ты! Откуда эти типы?

Он не расслышал ответа, но вопроса было вполне достаточно.

— Быстрее! Бежим! — приказал он.

Они бросились к машинам, подгоняемые нетерпением и страхом. Рядом с их динокарами стоял еще один большой неуклюжий автомобиль; за рулем никого не было. Литор и Брэнк проворно распахнули дверцы.

Влетев в первый динокар, Скрива завел мотор; Гурд влез на заднее сиденье и плюхнулся на колени Литору. Двое остальных забрались в машину Брэнка.

Моури, задыхаясь, крикнул Скриве:

— Подожди! Я посмотрю, удастся ли угнать их дино!

Он бросился к третьей машине и яростно дернул дверную ручку. Она не поддавалась. Внезапно ворота распахнулись и кто-то закричал:

— Стоять! Стоять, не то...

Брэнк быстро высунул руку в боковое окно и выпалил четыре раза подряд. Он промазал, но своего добился — кричавший юркнул обратно за ворота. Моури помчался назад и нырнул на сиденье рядом со Скривой.

— Проклятая колымага! Заперта! Сматываемся, живо!

Машина рванулась вперед и помчалась по дороге; Брэнк следовал за ними. Глядя через заднее стекло, Моури видел, как четыре человека выбежали из тюремных ворот и торопливо бросились к своему динокару. Они потеряли несколько драгоценных секунд, пока открывали дверцы и рассаживались в машине. Моури повернулся к Скриве.

— Эти соко погонятся за нами,— сказал он.— И оповестят по рации патрули.

— Да, но пока нас еще не сцапали.

Глава 10

Гурд спросил:

— Никто не додумался прихватить лишнюю пушку?

— Возьми мою,— ответил Литор, протягивая оружие.

Гурд жадно схватил пистолет и с неприятной улыбкой посмотрел на верта.

— Не хочешь, чтоб тебя поймали с оружием, да? Лучше, если меня с ним сцапают? Настоящий верт, точно!

— Заткнись! — огрызнулся Литор.

— Это кто просит меня заткнуться? — завелся Гурд. Он говорил с трудом, словно у него болело горло.— Парень делает на мне деньги — иначе бы духу его здесь не было! Сидел бы дома, в тепле, да проверял свои запасы левого зиса, а меня бы душили в Кайтемпи. И он еще советует мне заткнуться! — Наклонившись вперед, Гурд похлопал Моури по плечу дулом пистолета.— Сколько он получит с дела, машамец? Сколько ты ему обещал?

Его резко качнуло; машина повернула за угол, пронеслась по узкой улочке, взвизгнув шинами по асфальту, свернула направо, затем налево. Динокар Брэнка на такой же скорости сделал первый поворот, второй, но налево за Скривой не последовал. Его машина понеслась прямо, и вскоре они потеряли ее из виду.

Свернув еще раз, они оказались в переулке с односторонним движением, промчались по нему и выехали на параллельную улицу. Преследователей не было видно.

— Мы потеряли Брэнка,— сказал Моури.— А остолопы из Кайтемпи, кажется, потеряли нас.

— Пожалуй, они гонятся за Брэнком. Когда мы разъехались, им пришлось выбирать, за кем гнаться. А Брэнк был к ним ближе...— Скрива ухмыльнулся.— Нас это устраивает, не так ли?

Моури ничего не ответил.

— Вонючий верт велит мне заткнуться,— пробормотал Гурд.

Они ныряли в темные боковые улочки, мчались, запутывая следы, но не встретили ни одной патрульной машины. Последний поворот — и они устремились к мосту, за которым оставили свои дино. Внезапно сзади раздался резкий сильный щелчок. Моури обернулся, готовый увидеть полицейскую машину, севшую им на хвост.

Однако их никто не преследовал. На заднем сиденье Литор навалился боком на дверцу, как будто спал. Над правым ухом у него красовалась маленькая дырочка, из которой сочилась струйка крови.

Гурд ухмыльнулся Моури и буркнул:

— Одним вертом меньше... А нам спокойнее.

— Теперь в этой машине будет еще и труп,— вздохнул Моури.— Как будто и без того мало хлопот. Не вижу, в чем смысл...

Скрива перебил его:

— Парни из Кайтемпи поторопились, стреляя наугад... Жаль, что они уложили Литора. Он был самым лучшим вертом на Джеймеке.

Он резко затормозил, выпрыгнул из машины, перебежал через площадку и полез в свой дино. Гурд последовал за ним, не выпуская пистолета из рук и не заботясь о том, что его может кто-нибудь увидеть.

Моури задержался у дверцы, пока Скрива заводил машину.

— А как же Брэнк?

— Что — Брэнк?

— Если мы оба уедем, он не сможет найти другую машину!

— Смеешься? В городе, набитом динокарами?

Скрива медленно тронул с места.

— Брэнка здесь нет, и остальное — его забота. Пусть сам справляется со своими трудностями. А нам, пока нет погони, нужно поторапливаться в одно безопасное местечко. Поезжай за нами.

С этими словами Скрива нажал на газ. Моури подождал, пока он не удалится на четыреста ярдов, и последовал за ним, постепенно увеличивая дистанцию. Стоит ли ехать с Гурдом и Скривой, чтобы попасть в очередной бандитский притон? Операция с тюрьмой завершена, он достиг своей цели, продемонстрировав возможности ДАГ. Брэнк потерялся, Литор мертв, так что вертам платить не надо. Если ему понадобятся услуги Гурда и Скривы, у него есть телефон, а также их секретный почтовый ящик под дорожным указателем.

Были еще соображения, по которым ему стоило побыстрее расстаться с братьями. Во-первых, документы на имя полковника Халопти больше не стоят ни гроша; к вечеру в результате проверки выяснится, что они фальшивые. В Пертейне опять становилось слишком жарко. Лучше выбираться из города, пока не поздно.

Во-вторых, ему давно пора передать очередной отчет; он чувствовал угрызения совести из-за того, что не выполнил эту работу в прошлый раз. Если не послать отчет в ближайшее время, другого случая может не представиться. А Земля должна находиться в курсе его дел.

К этому времени первая машина почти скрылась из виду. Повернув направо, Моури двинулся назад, в город. На улицах заметно прибавилось полиции, подкрепленной к тому же войсковыми частями. Патрульные машины сновали, как мухи, но никто не счел нужным остановить и допросить его. Прохожих на тротуарах было меньше, чем обычно, и выглядели они измученными, запуганными, мрачными.

Остановившись у тротуара возле какого-то заведения, Моури сидел в машине, как будто ждал кого-то, и наблюдал за происходящим на улице. Полицейские, некоторые в форме, дру-

гие — в гражданском, патрулировали парами. Армейские держались группами по шесть человек. Их главная задача, казалось, состояла в том, чтобы бросать на прохожих устрашающие взгляды, а также задерживать, обыскивать и допрашивать каждого, кто им не нравился. Они внимательно наблюдали за машинами, разглядывали сидящих внутри, записывали номера динокаров.

Пока Моури сидел в своем дино, на него обратили внимание по крайней мере раз двадцать. Он выдерживал все изучающие взгляды со скучающим видом — и, вероятно, сыграл удачно, поскольку к нему ни разу не подошли. Но так не могло продолжаться вечно. Какой-нибудь особо ретивый агент решит проверить его — хотя бы потому, что этого не сделали другие. Находясь тут, он испытывает судьбу.

Моури отъехал, стараясь аккуратно вести машину, чтобы не привлекать внимание многочисленных полицейских. Случилось, без сомнения, что-то серьезное. Может быть, правительству наконец пришлось признать, что дела на фронте складываются не в пользу империи? Или же слухи о Шугруме, которые он распространял, оказались настолько близки к истине, что факты больше невозможно скрывать? А что, если парочка важных чиновников вскрыла его посылки и оказалась размазанной по потолку? Ясно было одно: недавний побег не мог вызвать такой переполох, хотя, возможно, и послужил его причиной.

Моури нетерпеливо свернул в густонаселенный район, где снимал квартиру. Он собирался взять вещи и смыться как можно быстрее. На улице, рядом с его домом, как обычно, подпирали стену несколько бездельников, бросая по сторонам равнодушные взгляды. Но что-то в них было не то. Грязная одежда и ленивые позы, обычные для мелкой местной шпаны, но уж больно эти молодчики были упитанными... и посматривали вокруг слишком высокомерно.

Волосы у него встали дыбом и по спине пробежал холодок, словно у почуявшего ловушку зверя. Однако Моури продолжал вести машину так, словно эта улица была для него всего лишь еще одним отрезком долгого, утомительного пути. Взгляд его скользнул вдоль шеренги домов. Около фонаря стояли два загорелых парня в одних рубашках. Неподалеку еще четверо подпирали стену. Шестеро болтали, расположившись вокруг старого, полуразвалившегося грузовика, который приткнулся к тротуару

как раз напротив его дома. Еще трое стояли в подъезде. И все они проводили Моури долгим тяжелым взглядом, когда он с безразличным видом проезжал мимо.

Итак, здесь устроена засада, но у них явно отсутствует описание его внешности. Возможно, это всего лишь фантазии, обман воображения... Однако инстинкт подсказывал Моури, что вся улица находится под наблюдением и единственный шанс уйти — ехать без остановок, не проявляя никакого интереса к окружающему. Он даже не рискнул взглянуть на свое окно, чтобы проверить, видны ли там следы взрыва — такого же, как в Радине. Любопытство может дорого ему стоить; достаточно любого неосторожного жеста, чтобы эта шайка начала действовать.

Всего он насчитал сорок крепких парней, слонявшихся вокруг и изображавших примерных бездельников. Приближаясь к концу улицы, он заметил, как из подъезда вышли четверо и встали на краю тротуара. Их внимание было сосредоточено на его машине; похоже, они собирались остановить его просто так, на всякий случай.

Вовремя среагировав, Моури притормозил и подъехал к двум типам, сидевшим на ступеньках крыльца. Он опустил стекло и высунул голову. Один из сидящих встал и подошел к нему.

— Простите,— сказал Моури смущенно,— кажется, я заблудился. Как добраться до улицы Асако? Мне сказали, что нужно повернуть сначала направо, а на втором перекрестке налево. Но я попал сюда.

— Где вам это сказали?

— У военных казарм.

— Некоторые не могут отличить правую руку от левой,— осуждающе заметил незнакомец.— Надо сначала повернуть направо, на втором перекрестке налево и снова направо — после арки.

— Спасибо. В таком огромном городе легко заблудиться.

— Конечно, когда придурки показывают дорогу левой пяткой.— Он вернулся на крыльцо и снова сел, ничего не заподозрив.

Очевидно, предмет их забот был не похож на бравого полковника Халопти. Возможно, и засаду устроили на кого-то другого, тоже обитающего на этой трущобной улице. Но Моури не хо-

тел искушать судьбу и не собирался возвращаться в свою комнату. Если он ошибется, это будет стоить ему жизни.

Четверо, выстроившиеся впереди на краю тротуара, вернулись на место и снова облокотились о стену; видимо, беседа Моури с одним из их соратников успокоила агентов. Они не обратили на его машину внимания. Повернув направо, Моури возблагодарил небеса и нажал на газ. Однако расслабляться пока не стоило. Ехать далеко, а город превратился в гигантскую ловушку.

И действительно, на выезде из столицы его остановил патруль. Несколько секунд Моури колебался — затормозить или промчаться мимо. Он выбрал первое. В прошлом ему уже случалось удачно блефовать; может быть, повезет и на этот раз. К тому же попытка сбежать выдаст его с головой; каждая патрульная машина в округе устремится в погоню. Моури затормозил, надеясь, что все обойдется.

Патрульная машина ехала рядом с ним; сидевший около шофера полицейский высунулся в окно.

— Куда направляетесь?

— В Палмар,— ответил Моури, назвав городок в двадцати денах к югу от Пертейна.

— Это вам так кажется. Вы что, не слышали новостей?

— Нет, я с утра в дороге и был так занят, что даже не мог поесть как следует. Что случилось?

— Город закрыт. Никого не выпускают без специального пропуска. Поворачивайте назад, и советую вам в следующий раз быть в курсе событий. Купите себе вчерашнюю газету.

Голова полицейского исчезла, патрульная машина умчалась.

Моури смотрел ей вслед, и знакомое чувство безысходности охватывало его. Снова он был загнанным зверем. Если бы сейчас кто-нибудь остановил его машину или просто заинтересовался им, это вызвало бы у Моури единственную нервную реакцию: «Вот оно!» Собственно говоря, он, без сомнения, попадется, если будет тянуть время.

Моури колесил по городу, пока не наткнулся на стенд со свежими газетами, еще влажными от типографской краски. Он задержался на несколько минут, читая заголовки. Они были набраны огромными буквами и, по-видимому, могли неприятно поразить любого читателя.

ПЕРТЕЙН НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ.
ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ЗАПРЕЩЕНЫ.
РАСПОРЯЖЕНИЕ ВЛАСТЕЙ —
ВСЕМУ НАСЕЛЕНИЮ ГОРОДА НЕ ПОКИДАТЬ
ЕГО ПРЕДЕЛОВ.
РЕШИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ
ДИРАК АНГЕСТУН ГЕСЕПТ.
ПОЛИЦИЯ ПРЕСЛЕДУЕТ ПОЧТОВЫХ ТЕРРОРИСТОВ.
ДЕРЗКИЙ ПОБЕГ ИЗ ТЮРЬМЫ:
ДВОЕ УБИТЫ, ДВОЕ СХВАЧЕНЫ.

Он быстро пробежал короткую заметку под последним заголовком. Агенты Кайтемпи, обнаружив тело Литора, занесли это убийство на свой счет. Таким образом, замечание Скривы было пророческим. Простака застрелили, Брэнка и второго парня взяли живьем. Они уже сознались в принадлежности к революционной партии. Никаких упоминаний, что двоим удалось уйти, и ни слова о полковнике Халопти.

Возможно, власти умышленно скрыли некоторые обстоятельства — чтобы у сбежавших возникло ощущение безопасности. Но он не попадется на эту удочку! Он больше не станет показывать свое удостоверение агентам Кайтемпи и полицейским. Но он не мог заменить его другим. Документы, которые находились поблизости, были заперты в чемодане и окружены кучкой агентов. Другие оставались в пещере, в лесу, дорогу к которому блокировали войска.

Войска... Да, возможно, это слабое звено, место, где ему удастся прорваться... Вероятно, солдаты и армейские офицеры проинструктированы не так тщательно, как полиция и Кайтемпи... К тому же военные обычно не склонны спорить с полковником, даже если тот в гражданском. Пожалуй, только равный по званию офицер мог рискнуть арестовать его и допросить. Но Моури не мог себе представить, чтобы полковник или, скажем, бригадный генерал возглавлял дорожный пост. Более вероятно, что этим вечером любой офицер чином выше младшего лейтенанта греется где-нибудь в штабе или пьет в баре, хвастая своими подвигами... Да, пожалуй, просочиться сквозь сеть легче всего именно в этом месте. Либо он вырвется на свободу, либо останется в городе и будет схвачен.

От столицы расходилось около шестидесяти магистралей. Главные дороги — широкие шоссе, ведущие в Радин и Шутрум, которыми он не раз пользовался,— скорее всего, охраняются более тщательно, чем второстепенные, связывающие Пертейн с небольшими поселками и отдельными предприятиями. Возможно, основные магистрали блокированы не только армией, но и полицией совместно с Кайтемпи.

Многие из второстепенных и проселочных дорог были Моури неизвестны. Но неподалеку начиналась дорога на Палмар, которую он знал. Она шла примерно параллельно главному большому шоссе и вела в нужную сторону. Выехав на эту дорогу, он не сможет никуда свернуть с нее на протяжении сорока денов. Придется доехать до Палмара и только оттуда перейти на проселочную дорогу, ведущую в Валапан. А там — еще полчаса езды до заветного дерева.

Минуя пригороды Пертейна, он постепенно продвигался к выбранной им дороге. Домов становилось все меньше, потом они исчезли совсем. Когда Моури пересекал сельскохозяйственную зону, впереди показалась полицейская машина; мгновение — и она промчалась мимо. Моури с облегчением вздохнул. Возможно, патрульные машины слишком торопились, чтобы тратить на него время, или решили, что у водителя есть пропуск.

Минут через пять он повернул и увидел в двухстах ярдах контрольно-пропускной пункт. Пара военных грузовиков перегораживала дорогу; между ними оставалась щель, в которую едва мог протиснуться динокар. Около дюжины солдат с автоматами, явно скучая, стояли перед грузовиками. Не видно было ни полиции, ни агентов Кайтемпи.

Моури сбавил скорость и остановился, но не выключил мотор. Солдаты уставились на него с тупым любопытством. Из-за ближайшего грузовика появился широкоплечий, приземистый сержант и двинулся к машине.

— У вас есть разрешение на выезд?

— Я в нем не нуждаюсь,— ответил Моури высокомерным тоном четырехзвездного генерала. Открыв бумажник, он показал свое удостоверение, моля бога, чтобы его вид не вызвал триумфального охотничьего вопля.

Ничего не произошло. Сержант взглянул на документ, вытянулся и отдал честь. Заметив его реакцию, стоявшие рядом

солдаты подтянули животы, а на их лицах появилось выражение служебного рвения.

Извиняющимся тоном сержант сказал:

— К сожалению, полковник, должен попросить вас подождать. По инструкции мне следует предварительно доложить дежурному офицеру, если через пост следует лицо, которое имеет право проехать без пропуска.

— Даже если речь идет о сотруднике военной разведки?

— Было особо подчеркнуто, что этот приказ относится ко всем без исключения. Я обязан его выполнять.

— Конечно, сержант,— снисходительно согласился Моури.— Я подожду.

Еще раз отдав честь, сержант направился в палатку за грузовиками. Тем временем солдаты застыли, напряженно вытянувшись, помня о присутствии высокого начальства. Очень скоро сержант вернулся; с ним был очень молодой озабоченный лейтенант.

Офицер подошел прямо к машине, отдал честь и открыл рот, но Моури опередил его:

— Можете стоять вольно, лейтенант.

Парень сглотнул, замялся и наконец выдавил:

— Полковник, сержант сообщил мне, что у вас нет разрешения на выезд.

— Да, это так. А у вас есть?

Застигнутый врасплох лейтенант чуть помедлил и с удивлением ответил:

— Конечно нет.

— Почему же?

— Я при исполнении служебных обязанностей.

— Я тоже,— сообщил Моури.

— Да, полковник.— Лейтенант снова замялся; казалось, он был чем-то озадачен.— Вы не могли бы показать мне ваше удостоверение? Это простая формальность. Я уверен, что все в порядке.

— Конечно, все в порядке,— многозначительно произнес Моури, словно по-отечески предостерегал молодого и неопытного офицера от необдуманного шага. И снова вытащил свои документы.

Лейтенант только мельком взглянул на его удостоверение.

— Благодарю вас, полковник. Понимаете — приказ есть приказ.

Затем он решил показать свое усердие: шагнул вперед, четким движением отсалютовал — на что Моури слегка кивнул головой — и, выполнив поворот кругом, щелкнул каблуками и гаркнул:

— Пропустить!

Солдаты послушно расступились. Моури въехал в проход между грузовиками. Миновав пост, он нажал на газ, набирая скорость. Несмотря на успех, он не испытывал радости. Ему было жаль молодого лейтенанта, который очень скоро станет мальчиком для битья. Моури представил, что произойдет, когда на пост прибудет старший офицер — проверить, как идут дела.

«— Что-нибудь новенькое, лейтенант?

— Ничего интересного. Никаких происшествий. Все спокойно. Пост проехал только один человек — кстати, без пропуска.

— Да? Почему же вы его не задержали?

— Это был полковник Халопти.

— Халопти? Где-то я слышал это имя... Я уверен, его упоминали в штабе...

Лейтенант, желая помочь:

— Он офицер военной разведки.

— Ага, ага... Но с этим именем что-то связано... Почему нам никогда не дают точной информации? Лейтенант! У вас есть передатчик?

— Здесь нет. Только на том посту, что расположен на главной дороге. У меня полевой телефон.

— Достаточно. Я позвоню.

Чуть позже:

— Ты, недоумок! За этим Халопти охотятся по всей планете! А он ускользнул у тебя из рук! Да за это расстрелять мало! Ну-ка, быстро: когда он проехал? С ним кто-нибудь был? Он мог уже добраться до Палмара? Ну, напряги свои куриные мозги и отвечай! Ты запомнил номер его машины? Конечно нет... разве можно ждать, что такой болван...»

И так далее и тому подобное. Да, за ним могут броситься в погоню в любой момент. Возможно, это случится через два-три

часа, возможно — через десять минут. Мысль о последствиях заставила Моури набрать рискованную для такой дороги скорость.

Он проскочил через маленький сонный Палмар, ожидая, что местная полиция вот-вот откроет по нему стрельбу. Ничего не случилось, лишь несколько человек проводили его взглядами из окон. Никто не видел, как за городом он свернул с дороги на проселок, ведущий к шоссе Пертейн—Валапан.

Теперь пришлось снизить скорость. Динокар трясло и подбрасывало на ухабах, а двигался он раза в четыре медленнее. Если кто-нибудь попадется навстречу, его машина застрянет тут навсегда — на такой узкой дороге невозможно ни разъехаться, ни повернуть назад. В вечернем небе раздался рев реактивных самолетов; они стремительно пронеслись в вышине, равнодушные к творившимся на земле делам. Вскоре на горизонте появился низко летящий вертолет, помаячил вдали, повернул обратно и исчез. Очевидно, он кружил над Пертейном, инспектируя кольцо оцепления.

Никого не встретив, Моури добрался до шоссе Пертейн—Валапан. Прибавив скорость, он направился к своему дереву. Его обогнали несколько тяжелых военных грузовиков — и больше ни одной машины, ни в город, ни из города. Столица была наглухо заблокирована.

Когда он добрался до «могильной плиты» и развесистого дерева, служивших ему ориентирами, дорога была пустынной. Воспользовавшись этим, Моури выехал на лесную опушку и, пока было возможно, продолжал свой путь на машине. Вернувшись пешком назад, он аккуратно уничтожил следы автомобильных шин на въезде в лес и проверил, не видно ли машину с дороги.

Наступила ночь — значит, его путь к пещере снова будет медленным и трудным. Он отверг соблазн переночевать в машине и начать путешествие на рассвете. Но все же лучше скорее добраться до пещеры — там будет удобнее и намного безопаснее. Он сможет полакомиться настоящей земной пищей, а затем вытянуться в полный рост и спокойно уснуть, вместо того чтобы по-сириански свернуться клубочком и дремать вполглаза на сиденье динокара. Итак, он решил добраться до пещеры и, не откладывая дела в долгий ящик, пока еще не совсем стемнело, тронулся в путь.

Когда забрезжило утро, Моури подходил к своему убежищу — усталый, с воспаленными глазами. Его кольцо пульсировало уже пятнадцать минут, и он был уверен, что неприятные неожиданности ему не грозят. Миновав галечный пляж, он вошел в пещеру и приготовил себе еду, а после еды заполз в спальный мешок и отключился. С отчетом придется подождать, к тому же для выполнения новых инструкций нужна свежая голова.

Должно быть, он действительно нуждался в отдыхе, так как проспал весь день. Когда Моури открыл глаза, уже снова сгущались сумерки. Приготовив ужин, он с наслаждением съел его и почувствовал себя самым счастливым человеком в мире.

Насвистывая и при этом безбожно фальшивя, Моури слегка размялся и, бросив взгляд на нераспечатанные контейнеры, ощутил укол сожаления: как много еще не сделано! В одном из контейнеров находилось все необходимое — включая документы,— чтобы еще тридцать раз изменить и внешность, и положение в обществе. Но в сложившейся ситуации он успеет сделать это в лучшем случае раза три. Другой был набит пропагандистскими материалами и оборудованием для печати листовок и новых писем. Моури мечтательно улыбнулся.

Айт Литор — пятый. Список длинный.
Дирак Ангестун Гесепт

Но это теперь не сработает — агенты Кайтемпи записали Литора на свой счет. Хорошо бы использовать имена тех, кто пострадал от взрывов бомб, посланных по почте, но такой информации у него нет. Впрочем, время пропаганды прошло. Вся планета встала на дыбы, с Дираkты брошены подкрепления, развернуты крупные воинские силы, готовые ударить по несуществующей революционной армии. В таких обстоятельствах письма с угрозами — просто булавочные уколы.

Выкатив пятый контейнер, он установил его на пляже, включил передатчик и стал ждать. Так прошло часа два. И вот:

«Вирруи-дзт-пам! Вирруи-дзт-пам!

Вызывает Джеймек! Вызывает Джеймек!»

Наконец контакт был установлен и прерывающийся из-за помех голос произнес:

— Начинайте. Мы готовы к записи.

— Джи Эм на Джеймеке,— ответил Моури. Затем он начал передавать информацию о последних событиях. Хотя он старался говорить как можно быстрее, передача заняла довольно много времени.

В заключение он сказал:

— Сейчас я не рискую возвращаться в Пертейн. Надо подождать, пока улягутся страсти, а когда это произойдет, сказать трудно. Думаю, что паника распространится и на другие города. Они ничего не обнаружат в столице и начнут систематически прочесывать все остальные населенные пункты.

Наступила долгая пауза, затем далекий голос сообщил:

— Мы не заинтересованы в том, чтобы на Джеймеке воцарилось спокойствие. Наоборот, необходимо еще больше обострить ситуацию. Немедленно приступайте к девятому этапу.

— К девятому? — удивился он.— Я же закончил только четвертый! А как же пятый, шестой, седьмой и восьмой?

— Забудьте о них. Слишком мало времени. К Джеймеку приближается корабль с новой «осой». Мы послали разведчика специально для выполнения девятой стадии, так как от вас долгое время не было сообщений и возникло подозрение, что вы провалились. Но теперь ваш преемник останется на борту, подберем для него другую планету. Не теряйте времени, приступайте к работе.

— Но девятый этап предполагалось осуществить непосредственно перед захватом планеты!

— Вы совершенно правы,— сухо подтвердил голос.— Повторяю, времени у вас мало.

Передатчик отключился. Сеанс связи закончился. Моури закатил цилиндр обратно в пещеру. Затем он вышел наружу и поднял взгляд к звездам.

Задача девятого этапа заключалась в еще большем рассредоточении и дезорганизации воинских ресурсов противника, в максимальном давлении на его ослабленную, скрипящую военную машину. Это, возможно, будет одной из последних капель.

На заключительной стадии требовалось придать неразберихе и панике всеобъемлющий характер, добившись ее распространения не только на суше, но и в морских просторах планеты. На Джеймеке нанести такой удар было сравнительно просто. Ко-

лонизированный мир, населенный существами одной расы, не знал ни международных конфликтов, ни локальных войн и поэтому не нуждался в мощном флоте. Все военно-морские силы Джеймека состояли из отряда быстроходных легковооруженных катеров береговой охраны.

Даже торговый флот по земным меркам был невелик. Сири не успели освоить Джеймек до конца: только шесть сотен судов бороздили его моря по двадцати хорошо изученным маршрутам. И самый крупный корабль имел водоизмещение не более пятнадцати тысяч тонн. Тем не менее оборонный потенциал планеты во многом зависел от бесперебойных морских перевозок. Задержка рейсов или значительное отклонение от графика движения нанесла бы большой урон экономике Джеймека.

Неожиданный переход от четвертого этапа к девятому означает, что приближающийся земной корабль несет груз специальных понтонов, которые скрытно будут сброшены вдоль известных морских трасс. В разведшколе Моури подробно ознакомился с этой тактикой и хорошо представлял свою роль в операции. Задача была той же, что и раньше,— заставить противника размахивать кулаками, отбиваясь от несуществующей угрозы.

Устройство понтона было крайне простым — больше всего он напоминал обыкновенную нефтяную бочку с двадцатифутовой трубкой, торчавшей из крыши. К верхней части трубки крепился яркий наконечник. Внутри бочки находился несложный механизм, приводившийся в действие магнитным датчиком.

Понтон плавал у самой поверхности воды таким образом, что наружу торчал только наконечник и четыре-пять футов трубки. При приближении к стальному корпусу судна на четыреста ярдов срабатывал магнитный датчик и все устройство уходило под воду. Когда корабль удалялся, понтон снова всплывал.

Чтобы эта акция оказала желаемое воздействие, необходимо было заранее подготовить почву. Еще в начале войны противнику подкинули информацию о планах секретного производства крошечных подводных лодок с экипажем из трех человек, целая флотилия которых легко могла бы поместиться в грузовом отсеке космического корабля. Теперь Моури оставалось только привлечь внимание к проблемам морских перевозок, устроив несколько взрывов на торговых судах.

Моряки Джеймека не хуже прочих умели умножить два на два. Если все пойдет по плану, то при виде торчащей из воды трубки судно устремится в ближайший порт, взывая о помощи. Другие корабли, получив сигнал тревоги, либо потеряют много времени на обход опасного места, либо вообще останутся в порту. Судостроительные заводы прекратят выпуск и ремонт грузовых судов, переключившись на изготовление бесполезных эсминцев. Бесчисленные самолеты, вертолеты и даже космические разведчики займутся патрулированием и стрельбой по обнаруженным понтонам.

Самое забавное в этой игре то, что совершенно не важно, обнаружит ли противник обман. Вояки могут поднять понтон, разобрать на части и продемонстрировать его действие каждому моряку на планете — это никого не убедит. Если взорваны два корабля — могут взорваться и еще двести. Перископ остается перископом, и быстрого способа отличить настоящий от поддельного не существует. Ни один капитан не захочет выяснять истину, рискуя нарваться на торпеду.

Алапертейн (Малый Пертейн) был самым крупным портом Джеймека с населением в четверть миллиона. Он находился в сорока денах к западу от столицы и примерно в семидесяти денах к северо-западу от пещеры.

Скорее всего, там еще довольно спокойно, полицейские и Кайтемпи менее подозрительны, менее активны, чем в Пертейне: Моури никогда не бывал в этом городе, и, следовательно, активности Дирак Ангестун Гесепт в нем не наблюдалось. Скоро ситуация изменится, но Моури не чувствовал жалости к властям Алапертейна.

Да, на Земле знают, что делать, и он должен подчиняться приказу. Придется навестить Алапертейн и выполнить задание как можно скорее. Он справится один, без Гурда и Скривы — после побега они слишком опасные союзники.

Открыв контейнер, Моури достал толстую папку с документами и просмотрел их, выбирая, какую из тридцати личин ему стоит надеть на этот раз. Каждая предназначалась для выполнения определенной задачи. Среди них было полдюжины вполне подходящих, способных оправдать его интерес к докам, причалам и кораблям. Он выбрал документы мелкого чиновника Планетарной службы морских перевозок.

Через час, загримировавшись в соответствии с новой ролью, Моури превратился в пожилого костлявого бюрократа, взирающего на мир сквозь очки в стальной оправе. Он полюбовался в зеркало на свою работу и ворчливо пробурчал несколько слов. Перевоплощение было завершено.

Конечно, длинные волосы были бы здесь более кстати, но приходилось довольствоваться короткой военной стрижкой полковника Халопти. О парике не могло быть и речи; за исключением очков, правила маскировки запрещали все, что можно сорвать, снять или содрать. Поэтому Моури выбрил себе лысину на макушке и на этом покончил с прической.

Наконец он взял новый чемодан и открыл его пластмассовым ключом. Несмотря на регулярное повторение этой рискованной операции, он продолжал ее ненавидеть — его не покидало ощущение, что чемодан в один прекрасный момент может закапризничать. Возможно, уже не одна «оса» погибла подобным образом, а земное начальство просто замяло дело.

Из другого контейнера Моури извлек три мины; две он собирался пустить в дело, одну взял про запас. Мины имели полусферическую форму; плоскую сторону охватывало выступающее магнитное кольцо, а на выпуклой находилась кнопка часового механизма. Каждая весила одиннадцать фунтов, и вместе они составляли ношу, от которой Моури с радостью бы избавился. Упаковав их в чемодан, он набил карманы деньгами, проверил пистолет и, включив контейнер двадцать два, отправился в путь — снова в кромешной тьме.

Он был сыт по горло долгим и трудным путешествием от пещеры к дороге. На фотографии местности, которую он рассматривал в стереоскоп на корабле, расстояние выглядело небольшим, но в действительности требовалось немало времени и сил, чтобы его преодолеть, особенно если идти в темноте с тяжелым чемоданом. Моури не раз проклял сделанный им выбор, хотя прекрасно понимал, что отдаленность убежища служила надежной защитой.

Уже совсем рассвело, когда он подошел к динокару и с радостью закинул чемодан на заднее сиденье. На дороге было тихо, ни одной машины. Моури быстро вернулся к своему дино, выехал из леса и, выйдя из кабины, уничтожил следы колес. Затем

он направился в Алапертейн по самой дальней от гудящей столицы дороге.

Через пятнадцать минут ему пришлось остановиться. Дорогу заполнили военные грузовики, с урчанием выбиравшиеся на шоссе. С них спрыгивали солдаты и неровными рядами углублялись в лес по обеим сторонам дороги. Дюжина мрачных мужчин в гражданском сгрудилась в кузове грузовика под охраной четырех солдат.

Пока Моури наблюдал за происходящим, к машине подошел капитан и спросил:

— Откуда следуете?

— Из Валапана.

— Вы там живете?

— Да. В Киестре, на выезде из Валапана.

— Куда направляетесь?

— В Алапертейн.

Его ответ, казалось, удовлетворил офицера. Он собрался отойти.

Моури обратился к нему:

— Что случилось, капитан?

— Прочесываем лес. Вылавливаем трусов и отвозим туда, где им положено находиться.

— Трусов? — Моури был озадачен.

— Ага. Позапрошлой ночью некоторые желтопузые соко удрали из Пертейна и ушли в леса. Слишком пекутся о своей шкуре, понятно? Вчера утром их примеру последовали и другие. Если бы мы не приняли меры, сегодня полгорода отправились бы в лес. Прямо тошнит от этих гражданских!

— Но почему они бегут?

— Из-за слухов.— Он презрительно фыркнул.— Слишком много болтают.

— А вот из Валапана никто не бежит,— продолжил разговор Моури.

— Пока нет,— ответил капитан.

Он пошел по шоссе, подгоняя лениво тащившуюся вдоль опушки группу солдат.

Последние грузовики прошли, и Моури нажал на газ. Похоже, правительство собирается как следует закрутить гайки, а на-

селение так перепугано, что ищет спасения в лесу. Совпадение начала кампании с побегом, видимо, чистая случайность.

Под мерный шелест шин динокара Моури задумался о судьбе Гурда и Скривы. Поймали их или им удалось схорониться где-то внутри кольца? Проезжая через какой-то поселок, он чуть не поддался мгновенному искушению позвонить своим бандитам, но в последний момент изменил решение, и, хотя это было совершенно бесполезно и довольно рискованно, он все же остановился на минуту, чтобы купить утреннюю газету.

В ней не было ничего интересного — обычная смесь бравады, угроз, обещаний, указаний и предостережений. В одной заметке категорически утверждалось, что арестованы восемьдесят членов Дирак Ангестун Гесепт, «в том числе один из главарей». Моури невольно посочувствовал несчастному, которого наградили столь высоким званием. Ни о Гурде и Скриве, ни о полковнике Халопти нигде не упоминалось.

Выбросив газету, он продолжал свой путь. Незадолго до полудня Моури был в центре Алапертейна и спросил у прохожего, как проехать в порт. Хотя он снова проголодался, тратить время на еду не хотелось. Алапертейн не был закрыт, на улицах было спокойно, и ни одна патрульная машина, ни один полицейский не заинтересовались Моури. Стоило поспешить и воспользоваться благоприятной ситуацией, пока она не изменилась к худшему. Поэтому, забыв на время про обед, он направился прямо в порт.

Поставив свой дино на стоянке местной судостроительной компании, Моури подошел к воротам, что вели к первому пирсу, посмотрел через очки на полицейского и спросил:

— Как пройти в кабинет управляющего портом?

Полицейский ткнул пальцем:

— Вон туда, как раз напротив третьих ворот.

Через несколько минут Моури уже был в конторе. Он нетерпеливо забарабанил пальцами по стеклянной перегородке — пожилой человек, раздраженный и усталый после долгого пути. В окошечке показалась голова младшего клерка.

— Что вам угодно?

Сунув ему под нос свои документы, Моури сказал:

— Мне необходимо знать, какие суда покинут порт до рассвета и у каких причалов они стоят.

Клерк послушно вытащил длинную узкую книгу и начал листать страницы. Ему и в голову не пришло усомниться в правомочности подобного вопроса. Бумаги с грифом Службы морских перевозок было для него более чем достаточно; к тому же всем известно, что пока ни Алапертейну, ни кораблям не угрожают космические силы спакумов.

— Пункты назначения вас интересуют? — подобострастно спросил клерк.

— Нет, это не имеет значения. Мне нужны только названия кораблей, номера пирсов и время отплытия.

Моури вытащил огрызок карандаша с блокнотиком и нетерпеливо уставился на клерка поверх очков.

— Четыре корабля,— сообщил тот.— «Китси» уйдет в восемь часов от третьего пирса. «Антус» — в восемь от первого. «Су-катра» — в девятнадцать часов от седьмого. «Су-лиман» отплывает в девятнадцать и от того же пирса.— Он перевернул страницу и добавил: — В девятнадцать часов должен был уйти «Мелами», но обнаружились неполадки в машинном отделении. Скорее всего, рейс отложат на несколько дней.

— Тогда он меня не интересует.

Моури вернулся к машине, достал чемодан и направился к седьмому пирсу. Дежурный полицейский бросил взгляд на его документы и пропустил на территорию порта без вопросов. Шагнув за ворота, Моури уверенно двинулся к длинному пакгаузу, над которым возвышались краны и несколько труб. Обогнув здание, он вышел прямо к корме «Су-катры».

С первого взгляда было ясно, что сейчас нечего и думать о том, чтобы незаметно прикрепить магнитную мину. Корабль стоял у пирса, и вокруг него сновали грузчики, перетаскивая по трапам на палубу ящики из стоявших внизу машин. Тут же присутствовало и начальство, наблюдая за ходом работ. С другой стороны пирса под погрузкой стоял «Су-лиман».

Некоторое время Моури раздумывал, стоит ли искать «Антус» и «Китси». Его не устраивало, что эти суда стоят у разных причалов, довольно далеко друг от друга. Здесь же два корабля были

рядом. Если «Антус» и «Китси» тоже принимают груз, он только зря потратит время.

Похоже, он поспешил и появился тут слишком рано. Лучше всего было бы уйти и вернуться попозже, когда рабочие разойдутся по домам. Однако полицейский у ворот или береговой патруль могут заинтересоваться, зачем ему понадобилось входить на территорию порта после окончания рабочего дня. Любая попытка объясниться скорее всего выдаст его с головой. К примеру:

«— Я должен передать письмо капитану "Су-катры".

— В самом деле? Как его зовут?»

Или:

«— Мне необходимо доставить исправленную накладную на уголь на "Су-лиман".

— Да? Разрешите посмотреть? В чем дело — не можете найти? Как же вы собираетесь передать накладную, если у вас ее нет? Если ее нет в карманах, возможно, она в чемодане. Почему бы вам не поискать и там?»

Он двинулся прочь от кораблей, мимо торца пакгауза, который тянулся вдоль всего причала. Его раздвижные двери были приоткрыты, между створками оставалась щель в три фута. Не раздумывая, он вошел внутрь. Одна стена до потолка была завалена грузами всех форм и размеров, у противоположной еще оставалось свободное место. В центре склада, напротив главных ворот громоздились ящики, коробки и мешки, которые грузчики перетаскивали на «Су-катру».

Заметив на ближайших к нему ящиках пометку «Мелами», Моури бросил взгляд на суетившихся вдалеке грузчиков. Никто за ним не наблюдал, и он проскользнул за большой контейнер. Теперь его не было видно из глубины пакгауза, зато вполне мог заметить любой, проходивший мимо раздвижных дверей. Подняв чемодан над головой, он пробрался по узкому проходу между двумя другими контейнерами, влез на большой, похожий на гроб ящик и скорчился в темной нише между предназначенным для «Мелами» грузом и стеной пакгауза.

Ему было не слишком удобно. Он не мог сесть и не мог выпрямиться в полный рост. Пришлось оставаться в полусогнутом положении, пока, устав от неудобной позы, он не догадался встать коленями на чемодан. Зато он был в безопасности: «Ме-

лами» задерживается, и никому не придет в голову ворошить этот груз ради забавы.

Моури показалось, что он провел в своем убежище целую вечность. Наконец прозвучал сигнал и рабочий день закончился. Сквозь стену пакгауза были слышны шаги грузчиков, закончивших смену. Никто не потрудился закрыть двери сарая, и он не мог решить, хорошо это или плохо. Запертые двери означали, что на пирсе никого не осталось и территория не охраняется — если не считать полицейского при воротах. Возможно, двери оставлены открытыми, потому что вот-вот прибудет ночная смена или усиленный наряд охраны.

Выбравшись из своей ниши, Моури сел на ящик и потер зудящие колени. Он ждал еще два часа — на случай, если кто-то из особо ретивых служащих остался работать сверхурочно. Наконец терпение его иссякло; он прошел по пустынному пакгаузу и остановился у дверей, выходящих на причал, сквозь которые было видно «Су-катру».

Достав из чемодана магнитную мину, он установил часовой механизм с упреждением на двадцать четыре часа и пропустил через ушко крепления длинный тонкий шнур. Затем выглянул в дверь. На пирсе никого не было, только несколько матросов возились на верхней палубе.

Моури решительно вышел из-под защиты пакгауза, преодолел десять ярдов, отделявших его от корабля, и бросил мину в воду между бортом и стенкой пирса. Тяжелый диск упал с громким всплеском и ушел в воду насколько позволял шнур. Теперь мина находилась в восьми футах под водой; она еще не закрепилась. Моури подергал шнур, чтобы магнитное кольцо повернулось к борту корабля. Мина сразу же устремилась к корпусу и стукнулась о него с лязгом, который, казалось, был слышен вдоль всего пирса. Моури быстро отпустил один конец шнура, потянул за другой и вытащил его из ушка.

Наверху, на палубе, появился матрос, бросил взгляд на пустынный пирс и сплюнул вниз. В это время Моури как ни в чем не бывало уже шагал к пакгаузу, неторопливо и уверенно. Матрос посмотрел, как он вошел в здание склада, взглянул на звезды, еще раз сплюнул в воду и вернулся к своим делам.

Вскоре Моури повторил всю процедуру у «Су-лимана», забросив вторую мину на глубину восемь футов. Она тоже долж-

на была сработать через двадцать четыре часа. Громкий лязг снова привлек внимание — трое любопытных матросов посмотрели вниз. Однако, поторчав немного у борта и никого не заметив, они быстро забыли про подозрительный звук.

А Моури уже шел к воротам. Навстречу ему попались двое молодых офицеров, возвращавшихся на корабль. Занятые разговором, они не обратили внимания на пожилого чиновника, спешившего домой. Если бы эти парни знали, сколько времени им предстоит по его милости болтаться в воле, они бы с радостью размозжили ему череп.

Когда Моури уходил из порта, у ворот уже дежурил другой полицейский.

— Долгих лет!

— Долгих лет! — отозвался полицейский, равнодушно кивнув головой.

Моури прошел по дорожке вдоль ограды, затем свернул за угол и оказался у ворот третьего пирса, напротив автостоянки. Он бросил взгляд в сторону своего динокара, находившегося в сотне ярдов, и резко остановился. Машина была на месте, но капот был поднят и двое полицейских, склонившись, внимательно изучали двигатель.

Значит, они вскрыли машину отмычкой, чтобы добраться до крышки капота. Вряд ли они занимались этим ради забавы — их явно интересовало нечто вполне конкретное.

Отступив за угол, Моури быстро все обдумал. Ясно, что полицейские проверяют серийный номер двигателя. Через минуту один из них залезет под машину, чтобы списать номер кузова. Итак, в Кайтемпи, сообразив, что машина Саграматолу обзавелась другими номерными знаками, начали проверять все динокары этой модели и года выпуска.

Прямо перед Моури находилась служебная машина любознательных исследователей; со стоянки ее не было видно. Наверное, полицейские специально поставили ее тут, чтобы при необходимости блокировать выезд. Когда они сообразят, какое везение им подвалило, то ринутся сюда, чтобы устроить засаду.

Моури осторожно выглянул из-за угла. Один из полицейских что-то возбужденно говорил, другой чиркал в записной книжке. Итак, у него есть в запасе минута: прежде чем вернуть-

ся, они захлопнут капот и закроют машину, чтобы владелец ничего не заподозрил.

Если действовать с уверенным видом, ни один прохожий не задаст лишних вопросов. Он быстро направился к полицейской машине и нажал на дверную ручку. Заперто. У него не было ни отмычки, ни времени, чтобы ею воспользоваться,— мечта обменять один динокар на другой не осуществилась. Моури открыл чемодан, вытащил запасную магнитную мину и завел механизм на час. Затем лег на землю, протиснулся под машину, прилепил мину в центре днища, вылез наружу и отряхнулся. Семь человек видели, чем он занимается, и никто не сказал ни слова. Как и везде, обитатели Алапертейна предпочитали не иметь дел с полицией.

Схватив чемодан, Моури быстро двинулся прочь. Сворачивая за угол, он обернулся. Один полицейский сидел в машине и что-то говорил в микрофон. Другого не было видно — наверное, остался наблюдать за подозрительным динокаром. Сейчас эта парочка вызовет подмогу и автостоянку оцепит целый полк.

Опять суровые обстоятельства загнали его в угол. Он лишился машины, на которую так рассчитывал; она уже не раз выручала его. У Моури остался только пистолет, комплект фальшивых документов, толстая пачка поддельных купюр и чемодан, в котором не было ничего, кроме взрывного устройства, соединенного с замком.

Он избавился от чемодана, оставив его у входа на центральный почтамт. Небольшой взрыв в людном месте немного расшевелит городские власти. Теперь, когда полиция обнаружила его машину, им стало ясно, что убийца Сграматолу разгуливает по Алапертейну. Они устроят засаду, надеясь его сцапать, а тем временем патрульная машина взлетит на воздух. Затем какой-нибудь законопослушный гражданин сдаст его чемодан служащим почтамта — или, если повезет, в полицейский участок. Его попробуют вскрыть — и грохнет второй взрыв.

Рисуя в воображении эти соблазнительные картины, Моури быстро удалялся от автостоянки. Он прикинул шансы выбраться из города. Еще немного — и Алапертейн станет похож на растревоженный муравейник. Два мощных взрыва вызовут панику. Ему просто необходимо смыться, пока местные власти, следуя примеру столицы, не окружат город кольцом войск.

И тут Моури пожалел, что удостоверение Свинорылого погибло при взрыве в Радине. Теперь оно бы ему пригодилось. Он пожалел и о том, что отдал Скриве значок Саграматолу. Хотя он похож на агента Кайтемпи не больше, чем на розового дикобраза, и удостоверение, и значок позволили бы Моури остановить любую машину и приказать водителю отвезти его в любое место, вдобавок так припугнув беднягу, что тот не стал бы задавать лишних вопросов.

У Моури оставалось единственное преимущество: охотники не знали примет убийцы Саграматолу. Возможно, они решили искать человека, похожего на полковника Халопти. Или же руководствуются описанием мифической личности, вырванным у заключенных на допросах. Вряд ли их заинтересует пожилой человек, слишком уставший от жизни, слишком недалекий, чтобы знать, с какого конца стреляет пистолет.

И все же они допросят каждого, кто сейчас покидает город,— даже если он выглядит, как сама невинность. Возможно, агенты Кайтемпи будут обыскивать всех отъезжающих, и тогда пистолет и крупная сумма денег выдадут его. Они могут задержать каждого подозреваемого и тщательно проверить его документы. У них вполне достаточно способов набросить петлю ему на шею.

Следовательно, о путешествии на поезде нечего и думать. То же относится и к междугородным автобусам. За ними будут вести пристальное наблюдение. Десять против одного, что в случае кражи динокара вся полиция ринется на его поиски. Они решат, что преступник бросил свою машину и заменил ее другой, более надежной. И сейчас слишком позднее время, чтобы купить новый дино,— все магазины уже закрыты. Однако... да, он может сделать то, что неоднократно проделывал раньше,— взять автомобиль напрокат.

На поиски агентства ушло около часа. Наступил вечер, и в одних прокатных конторах уже закончился рабочий день, другие собирались закрываться. Пожалуй, для Моури это было даже выгодно — поздний час объяснит его спешку.

— Я хотел бы взять этот спортивный автомобиль на четыре дня. Можно ли оформить его прямо сейчас?

— Да.

— Сколько?

— Тридцать гильдеров в день. Всего сто двадцать.

— Я беру его.

— Прямо сейчас?

— Да.

— Тогда я приготовлю машину и выпишу счет. Присаживайтесь. Я задержу вас только на несколько минут.

Клерк схватил со стола какие-то квитанции и торопливо удалился в маленькую комнату позади конторки. Дверь еще не успела закрыться, когда до Моури донеслись слова:

— Сисира, клиент очень спешит. Он не выглядит подозрительным, но ты все же позвони и сообщи им.

Прежде чем невидимый Сисира успел набрать номер, Моури уже выскочил из конторы, промчался до конца улицы и два раза повернул за угол. Охотники опередили его. Все агентства проката получили указание сообщать в Кайтемпи о слишком торопливых клиентах. Его спасла неплотно прикрытая дверь. Если бы она захлопнулась и заглушила голос клерка, он все еще ждал бы там — и дождался бы агентов Кайтемпи.

«— Зачем вам этот дино, а? Куда вы собираетесь ехать? Где живете? Кто вы такой? Поднимите руки, мы посмотрим, что у вас в карманах».

Обливаясь холодным потом, Моури торопился подальше от этой автоловушки. Затем с облегчением выбросил очки и огляделся. Мимо проехал автобус с надписью «Аэропорт» и затормозил у остановки. Теперь он вспомнил, что проезжал мимо аэропорта по пути в город. Без сомнения, там тоже все оцеплено, но Джеймс не собирался ехать так далеко. Автобус довезет его до пригородов — вполне достаточно и этого. Без колебаний он забрался в салон.

Хотя Моури плохо знал Алапертейн, он примерно представлял, куда может добраться этим маршрутом, оставаясь еще в городской черте. Скорее всего, кордоны стоят на выезде из города — там, где кончаются дома. В этом пункте пассажиры могут рассматриваться как уезжающие из Алапертейна, и, следовательно, им стоит задать несколько вопросов. Нужно сойти немного раньше.

Своевременно покинув автобус, он двинулся пешком в том же направлении, надеясь, что удастся проскочить незамеченным. Был поздний вечер, солнце наполовину скрылось за горизонтом, быстро смеркалось.

Моури замедлил шаг, решив, что в темноте легче обойти кордоны. Однако до темноты оставалось еще время, и, чтобы не привлекать внимания, он свернул с шоссе и, надеясь сойти за местного, двинулся в обход по узким боковым улочкам; когда стемнело, он вернулся назад.

Он направлялся к городской черте, настороженно всматриваясь в темноту впереди. Вскоре фонари вдоль шоссе исчезли — как и дома с освещенными окнами — и вдали над аэропортом проступило разгорающееся зарево. Где-то здесь должен быть кордон.

Его обогнал автобус, исчез в густых сумерках и остановился, вспыхнув тормозными огнями. Моури осторожно приблизился и замер в двадцати ярдах от освещенного салона. Автобус был забит пассажирами и багажом. Трое полицейских поднялись в салон; двое проверяли документы, третий дежурил у выхода.

Справа на обочине стояла полицейская машина с открытой дверцей и погашенными огнями. Моури вряд ли заметил бы ее, если бы свет автобусных фар не отразился на полированном корпусе. Он подошел слишком близко — если внутри сидят полицейские, они услышат звук шагов и, как только он поравняется с автомобилем, выскочат и набросятся на него. Но машина была пуста.

Моури спокойно сел за руль, прикрыл дверцу и завел мотор. В автобусе полицейский раздраженно орал на испуганного пассажира; его напарники довольно ухмылялись. Они не услышали ни стука дверцы, ни ровного гудения мотора. Вырулив на шоссе, Моури включил фары. Два луча разрезали темноту, залив ослепительным светом дорогу и стоящий на ней автобус. Динокар промчался мимо, полицейские и пассажиры проводили его недоуменными взглядами.

Он гнал вперед, радуясь милости судьбы, компенсировавшей ему недавние неудачи. Пока поднимут тревогу, пройдет время; только тогда опять начнется погоня. Судя по выражению лиц полицейских, они ничего не поняли. Вероятно, они подумали, что

какой-то шустрый водитель решил проскочить мимо поста, пока они возятся с автобусом.

Но все же полиция наверняка захочет проверить, что случилось. Двое продолжат измывательство над пассажирами, а третий отправится на дорогу. И вряд ли он не заметит пропажу машины.

Ну и веселье тут начнется! Дорого бы он дал, чтобы только поглядеть на их физиономии! Ни патрульной машины, ни передатчика! Им придется отправиться в аэропорт, расположенный далеко за пределами города, или в поту и мыле мчаться в ближайший дом с телефоном. Они позвонят и доложат, что неизвестный злоумышленник угнал патрульную машину. Какую выволочку им предстоит получить!

Тут Моури вспомнил, что в полицейской машине есть рация. Он щелкнул тумблером и сразу же услышал:

— Десятый патруль. Докладываю. Подозреваемый утверждает, что разглядывал машины на стоянке только потому, что забыл, где запарковал свой динокар. Этот тип едва держится на ногах, речь сбивчивая, от него несет зисом. Возможно, притворяется.

— Десятому патрулю. Доставьте его в штаб,— последовал ответ.

Вскоре девятнадцатый патруль запросил подкрепления, чтобы окружить здание какого-то склада на побережье. Причина не была указана. Три машины получили приказ немедленно отправляться туда.

Моури повернул переключатель на другой канал. Долгое время ничего не было слышно, затем прозвучало:

— Пост К. Это Валтаган. Седьмой вошел в дом.

Из передатчика донесся приказ:

— Не спешить! Могут появиться и те двое.

Кажется, в чей-то несчастный дом сегодня вечером наведается Кайтемпи. Почему — остается только гадать, совсем не обязательно этот ночной визит связан с находкой машины Сагра-матолу. Кайтемпи хватает кого хочет — они зачисляют граждан в ряды ДАГ по своему усмотрению. Ну что ж, Кайтемпи может суетиться изо всех сил — ей не удастся ни прихлопнуть «осу», ни уничтожить спакумский космический флот, ни выиграть войну.

Моури переключился обратно на полицейский канал; он надеялся вскоре услышать яростные вопли местного начальства в ответ на сообщение трех ротозеев о пропаже патрульной машины. Пока что по рации продолжали звучать сообщения о подозреваемых и дезертирах, приказы патрульным машинам и прочая чепуха. Моури почти не слушал эту болтовню и гнал динокар с максимальной скоростью.

Он был в двадцати пяти денах от Алапертейна, когда все переговоры резко оборвались — включился мощный передатчик в столице.

— Сообщение особой важности — всем, всем. Похищена патрульная машина номер четыре. Вероятно, преступник продвигается к югу по шоссе на Валапан и сейчас находится в районе П-шесть — П-семь.

Немедленно откликнулись больше десяти патрулей, находившихся в этой зоне или недалеко от нее. Штаб в Пертейне начал передвигать их, словно фигуры на шахматной доске, но номера и закодированные названия ничего не говорили Моури.

Одно было очевидно: если он поедет по Валапанскому шоссе, очень скоро его обнаружат и все патрули в округе ринутся вдогонку. Пожалуй, бесполезно покидать шоссе, чтобы продолжить путь по сельским дорогам. Они наверняка готовы к такому маневру и уже сейчас предпринимают контрмеры.

Можно оставить машину с потушенными фарами где-нибудь в поле и пойти пешком — ее обнаружат не раньше следующего утра. Но если не удастся заполучить другой транспорт, идти до убежища в пещере придется целые сутки, а может быть, и дольше.

Слушая переговоры в эфире, раздражавшие его обилием загадочных географических названий, Моури понял, на чем основаны расчеты преследователей. Они полагали, что, двигаясь с определенной скоростью в определенном направлении, спустя некоторое время преступник окажется в определенном месте. Эта зона могла быть довольно большой, если учесть возможные объезды и остановки, но не бесконечной. Если заблокировать все выходы из нее, то останется только прочесать каждую дорогу внутри.

Предположим, они ничего не найдут. Десять шансов против одного, что они решат следующее: или беглец изменил направление и сейчас мчится, предположим, на север, или он ехал с боль-

шей скоростью, чем предполагалось, проскочил ловушку и теперь находится южнее. В любом случае поиски будут продолжаться либо вблизи Валапана, либо к северу от Алапертейна.

Проскочив на спуск мимо проселочной дороги, он затормозил, вернулся и свернул на нее. На шоссе показалось слабое зарево. Двигаясь по разбитой колее, Моури видел, как оно становилось все ярче. Когда свет фар приблизился, он остановился и выключил свои огни.

Он сидел в машине в полной темноте, когда на шоссе появился динокар. Почти машинально Моури открыл дверь и приготовился бежать, если машина съедет на его дорогу.

Она затормозила на перекрестке.

Моури вышел, остановился, сжимая в руке пистолет, чувствуя, как напряглись ноги. В следующий момент мотор взревел, машина рванулась с места и исчезла в темноте. Он не знал, был ли это патрульный динокар или просто случайный путник. В первом случае можно было предполагать, что полицейские разглядывали погруженную во мрак проселочную дорогу. И отбыли, не обнаружив ничего интересного. Они еще вернутся сюда — когда поиски на главных магистралях окажутся безрезультатными.

Глубоко вздохнув, Моури снова сел за руль, включил фары и двинулся вперед. Вскоре он добрался до фермы, остановился и бросил взгляд на окруженный хозяйственными постройками двор. В доме еще не спали, в окнах поблескивал свет. Он поехал дальше.

Джеймс миновал еще две фермы, прежде чем нашел подходящую. Там не светилось ни огонька, большой амбар стоял вдалеке от дома. Притушив фары, он медленно и тихо проехал через грязный двор по узкой дорожке, остановился у распахнутых ворот амбара, вылез из машины, взобрался на сено и лег.

На протяжении четырех часов он неоднократно видел мелькание фар на дороге. Дважды был слышен рокот мотора проезжавшей мимо фермы машины. Каждый раз он приподнимался, сжимая пистолет. Но охотники явно не догадывались, что у него хватит нахальства притаиться внутри кольца облавы. Те, кто скрывался от полиции или Кайтемпи, никогда не вели себя так; обычно они бежали вперед, пока хватало сил.

Постепенно все стихло. Моури снова сел за руль и продолжил гонку. До рассвета оставалось три часа. Если все пойдет гладко, он успеет добраться к своей отметине на лесной опушке еще в темноте.

Из штаба в Пертейне все еще шел поток приказов и инструкций — абсолютно непонятная ему тарабарщина. Но ответов было слышно все меньше. Моури не мог сообразить, хороший ли это знак. Ясно, что патрульные машины, которые вели переговоры, находятся далеко от него, но сколько их молчаливо рыскает рядом с ним? Если противник догадался, что его жертва может прослушивать частоты полицейской связи, то не исключена попытка усыпить ее бдительность.

Итак, Моури ничего не знал о том, где поджидает его засада, но продолжал двигаться к своей цели. Он трясся по грунтовой дороге, которая вывела бы его к шоссе, когда внезапно зеленая стрелка на энергоиндикаторе потемнела, фары погасли, радио отключилось. Машина, проехав по инерции несколько десятков ярдов, остановилась.

Осмотрев панель управления, он не обнаружил неисправности. Покопавшись некоторое время в темноте, Моури выдернул один из контактов энергоприемника и закоротил его. Но голубых искр разряда не появилось.

Значит, подача энергии из столицы прекращена. Все машины в определенном радиусе от Пертейна встали, включая служебный транспорт полиции и Кайтемпи. Только автомобили, находящиеся в зоне действия других энергопередатчиков, продолжают движение — если, конечно, эти передатчики работают.

Оставив машину, он пошел пешком. Вскоре он оказался на шоссе и стал двигаться быстрее — напрягая глаза и пытаясь разглядеть полицейских, которые могли поджидать за любым поворотом.

Через полчаса далеко позади него на дороге вспыхнули огни и послышался рокот моторов. В спешке свернув с шоссе, Моури свалился в канаву, выбрался из нее и залег в невысоких, но густых кустах на опушке. Огни приблизились, затем промчались мимо.

Это был военный разведпатруль, двенадцать человек на диноциклах с питанием от автономных батарей. В блестящих пластиковых комбинезонах, в очках и дюралевых шлемах, они по-

ходили скорее на водолазов, чем на солдат. За спиной у каждого висел автомат с круглым магазином.

Видимо, власти раздражены до крайности, если остановили все движение и отправили армейские части на поиски пропавшего полицейского динокара. Пожалуй, с их точки зрения, эти действия оправданны. Дикар Ангестун Гесепт взяла на себя ответственность за убийство Саграматолу, и, кто бы ни угнал патрульную машину, он, очевидно, член партии. Власти жаждали любой ценой заполучить этого человека.

Моури двигался короткими перебежками, потом отдыхал, переходя на быстрый шаг. Однажды он бросился на землю, уткнувшись лицом в мокрую, пахнущую рыбой поросль, которая на Джеймеке заменяла траву. Мимо прошел патруль из шести человек. В другой раз ему пришлось спрятаться от четверых солдат за деревом. Приближался рассвет, небо из черного становилось серым, и с каждой минутой становилось светлее.

Последний отрезок пути до леса оказался самым трудным. В течение десяти минут приходилось несколько раз прятаться; он не был уверен, что удалось остаться незамеченным — теперь местность просматривалась на большом расстоянии.

Неожиданная активность в этом районе могла означать, что похищенная машина наконец найдена. Следовательно, очень скоро они начнут поиски беглеца, который идет пешком. И весьма вероятно, что солдаты станут прочесывать не только ближайший к машине участок леса. Не имея возможности определить, как давно брошена машина, охотники решат, что он сделал это четырьмя часами раньше, и начнут искать гораздо дальше в сторону Пертейна.

Наконец он выбрался к своей отметке и теперь продвигался по знакомому пути. Светало. Он устал, проголодался и был вынужден отдыхать каждый час по десять минут, но в промежутках шел очень быстро. К середине дня, в часе ходьбы от пещеры, ему пришлось лечь на устланной листьями поляне и поспать. Моури прошел уже тридцать семь миль по земному счету; ему помогали отчаяние, необходимость и невысокая гравитация Джеймека.

Немного отдохнув, он продолжил путешествие и перешел с быстрой ходьбы на прогулочный шаг, когда достиг места, где обычно его кольцо начинало пульсировать. Но на этот раз сиг-

нал безопасности отсутствовал. Он сразу же остановился, пристально вглядываясь в прогалины между деревьями. Лес казался лабиринтом, сотканным из света и тени. Моури встряхнул головой. Может быть, где-то на дереве притаился замаскированный снайпер.

В ушах его зазвучали слова, столько раз слышанные в школе: «Кольцо обеспечивает вашу безопасность; не оставляйте его сигнал без внимания!»

Хорошо им говорить. Легко давать советы, труднее следовать им. Выбор был нелегкий — необходимо решить, идти ли к вожделенному убежищу, где ждали относительный комфорт, еда и необходимое снаряжение, или отказаться от всего того, что помогало ему выжить во враждебном мире. Это был выбор между возможностью остаться неуловимой и грозной осой или превратиться в бесполезное насекомое. Он медлил, борясь с искушением подойти к пещере, посмотреть, что там случилось.

В конце концов Моури пошел на компромисс. Он начал осторожно продвигаться вперед от дерева к дереву, используя как прикрытие все, что встречалось ему на пути. Следуя этой тактике, он приблизился к пещере еще на несколько сот ярдов. Но кольцо никак себя не проявляло. Сняв его, Моури со злостью поглядел на чувствительный кристалл датчика, протер тыльную часть и опять натянул на палец. Ничего.

Спрятавшись за выступающими корнями гигантского дерева, он снова обдумал ситуацию. Неужели кто-то действительно обнаружил убежище и устроил там засаду? Или вышел из строя контейнер-сторож?

Пока он в нерешительности стоял, прислонившись к стволу, в двадцати ярдах от него раздался едва слышный низкий звук. Моури никогда не обратил бы на это внимания, если бы опасность не обострила все его чувства. Звук походил на приглушенный кашель. Этого было достаточно. В пещере кто-то есть, и он не хочет, чтобы его слышали. Убежище раскрыто, и в нем затаились охотники, поджидая владельца.

Не отрывая взгляда от деревьев, Моури пополз назад. Ему потребовался час, чтобы отойти на милю, так осторожно он двигался. Решив, что расстояние, отделяющее его от пещеры, достаточно велико, он перешел на обычный шаг. Он не знал, куда идти и что делать.

Хотя подобные размышления не имели теперь смысла, он стал прикидывать, как противник сумел выйти на тайник. Самолеты-разведчики, оснащенные металлоискателями, пролетая на низкой высоте, могли обнаружить убежище — но лишь в том случае, если пилоты подозревали о его существовании и вели целенаправленный поиск в этом районе. Он не знал, что могло вызвать такие подозрения.

Скорее всего, на пещеру случайно наткнулись бежавшие в лес обитатели Пертейна. Конечно, они воспользовались случаем загладить свою вину и сообщили властям о находке.

Как бы там ни было, теперь это не играет никакой роли. Он потерял тайник и возможность дальнейшей связи с Землей. У него остались одежда, пистолет и двадцать тысяч гильдеров. Да, он — богач, все состояние которого — собственная шкура; впрочем, и та стоит недорого.

Ясно, что, пока есть силы, нужно как можно дальше отойти от пещеры — как только местные власти поймут, что наткнулись на тайник земного разведчика, они прочешут весь лес. И это может начаться в любую минуту.

Спотыкаясь, страдая от голодных спазмов в желудке, он продолжал идти, ориентируясь по солнцу и стараясь двигаться на юго-восток. Когда наступили сумерки, Моури почувствовал, что больше не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Свалившись в заросли похожего на камыш растения, он закрыл глаза и заснул.

Когда он проснулся, еще не рассвело. Он пролежал в полудреме до восхода солнца, потом снова отправился в путь. Ноги стали слушаться лучше, голова работала яснее, но голод продолжал мучить его.

В воздухе шла кипучая деятельность. Взад и вперед шныряли разведывательные самолеты и вертолеты. Что вызвало подобную активность, оставалось загадкой; не подняли же всю эту технику в воздух ради одного человека. Видимо, размеры тайника навели противника на мысль о целом спакумском десанте.

Моури представил, как растревожена столица, как засуетились все крупные шишки, непрерывно консультируясь с Дирактой. Улыбка искривила его запекшиеся губы. Те два рецидивиста, о которых рассказывал Вулф, и в подметки не годились ему, Джеймсу Моури. Эти типы оказались в центре внимания соро-

ка семи тысяч человек в течение четырнадцати часов. А здесь, пожалуй, вся планета будет стоять на ушах по меньшей мере четырнадцать недель.

К ночи его желудок был наполнен только водой; от голода он беспокойно спал. Утром Моури продолжил свой путь через густой лес, простирающийся до экватора планеты.

Через пять часов он наткнулся на узкую тропинку, которая вывела его на опушку. Он увидел стоявшую в отдалении лесопилку и несколько домов, окруженных огородами. Два мощных грузовика замерли у ворот; Моури прожег их завистливым взглядом. Около машин никого не было, и он мог беспрепятственно угнать любую. Но сообщение о пропаже направит всю свору по его следу. Сейчас они понятия не имеют, где он и куда направляется. И пусть лучше остаются в неведении подольше.

Осторожно лавируя между деревьями, Моури выбрал время, прокрался на ближайший участок, торопливо набил карманы овощами и взял столько фруктов, сколько мог унести в руках. Вернувшись в лес, он на ходу съел часть своей добычи. Позже, в сумерках, он рискнул развести костер, испек овощи в углях и поужинал, оставив половину на завтра.

В этот день он не встретил ни одной живой души и не раздобыл никакой еды. Следующие сутки были еще хуже: только деревья, деревья и деревья; ни одного ореха, ни одной ягоды, никаких следов обитания человека, ничего съестного. С севера еще доносился слабый гул самолетов, и только это свидетельствовало, что на планете есть жизнь.

Через четыре дня он вышел на грунтовую дорогу к Элверу, поселению к югу от Валапана. Прячась в тени деревьев, Моури двигался по ней, пока не увидел дома. Все выглядело мирно, и ничто не говорило об усиленном наблюдении.

Он находился в самом плачевном состоянии, ослаб от голода, одежда перепачкалась и измялась. К счастью, во время последнего перевоплощения он изменил цвет лица, что надолго отодвинуло необходимость бриться. Короткая стрижка, выбранная для роли полковника Халопти, тоже выручала — иначе теперь он был бы похож на привидение.

Несколько минут Моури руками пытался отчистить одежду и привести себя в порядок. Затем он смело зашагал в поселок.

Если даже за еду придется расплачиваться петлей на шее, он готов пойти на это — при условии, что удастся хорошо поесть и вытащить пистолет.

В поселке было несколько магазинов и ресторанчик, где обычно обедали водители грузовиков. Открыв дверь этого заведения, Моури сразу же проследовал в туалет, умылся и посмотрел на себя в зеркало — впервые за много дней. Он выглядел достаточно изможденным, чтобы привлечь внимание полицейских, однако, по крайней мере, не производил впечатления бездомного бродяги.

Вернувшись в зал, он сел у стойки, стараясь не пускать слюни. Кроме двух стариков, болтающих за столиком и слишком поглощенных беседой, чтобы обращать на что-нибудь внимание, посетителей в ресторане не было. Дородный парень в белом переднике появился за стойкой и с любопытством посмотрел на Моури.

— Что вы хотите?

Моури сделал заказ, получил тарелку и чуть не разрыдался от восторга. Он начал есть, стараясь не заглатывать большие куски, так как официант смотрел на него во все глаза. Закончив, он заказал следующее блюдо и так же неторопливо справился с ним. Это стоило ему немалых усилий. Он с радостью съел бы еще две порции и заказал шесть на вынос.

Когда он делал последний глоток, дородный официант спросил:

— Приехали издалека?

— Всего лишь из Валапана.

— Добрались пешком, да?

— Нет. Мой дино встал в двух денах отсюда. Займусь им позже.

Бармен с удивлением уставился на него.

— Вы приехали на машине? Как же вы выбрались из Валапана?

— Что вы имеете в виду? — спросил Моури; оборот, который принимала беседа, ему не понравился.

— Сегодня въезд и выезд из Валапана закрыт. Мне сказал полицейский.

— А когда закрыли город?

— Около половины десятого.

— Я уехал раньше семи,— заявил Моури.— Мне нужно было заглянуть в разные места по делам, и я отправился пораньше. Вовремя я успел!

— Да,— неуверенно согласился официант.— Но как вы собираетесь попасть обратно?

— Не имею понятия. Но когда-нибудь город откроют, верно? Не может же так продолжаться вечно.

Он расплатился и направился к двери.

— Долгих лет.

Он почувствовал, что убрался вовремя. Толстый официант не поверил ему, но, кажется, еще не решился сообщить куда следует. Этот любознательный тип относился к людям, которые колеблются до последнего, боясь показаться смешными.

Затем Моури посетил ближайший продовольственный магазин. Он купил изрядное количество концентратов, но пакет получился не слишком тяжелым. Здесь к нему не проявили особого интереса и разговор был коротким.

— В Валапане-то, слышали? Кошмар!

— Ага,— зевая, согласился Моури, чтобы поддержать беседу и услышать новости.

— Надеюсь, они прихлопнут всех вонючих спакумов.

— Ага,— повторил Моури.

— Проклятые спакумы! — продолжал продавец.— С вас шестнадцать и шесть десятых.

Выходя с пакетом, Моури окинул взглядом улицу. Парень из ресторанчика стоял у дверей и смотрел на него. Моури дружелюбно кивнул ему и направился к окраине поселка. Он еще раз оглянулся, когда миновал последний дом. Любопытный официант продолжал смотреть ему вслед.

Тщательно отмеряя порции, Моури растянул свои запасы на десять дней. Он продолжал скитаться в лесу, не встречая никого, кроме редких дровосеков, от которых успевал вовремя скрыться. Его путь лежал на запад, к Радину. Несмотря на риск, он собирался вернуться в ту часть Джеймека, о которой имел хоть какое-то представление.

Ближе к городу ему, вероятно, придется пустить в ход оружие, чтобы заполучить машину и новые документы. Он решил сде-

лать это, даже если придется закопать труп в лесу. Затем он прощупает почву и, если в Радине относительно спокойно, попробует найти убежище. Необходимо что-то предпринять, не прятаться же в лесу всю оставшуюся жизнь. На Джеймеке он был преступником. Что ж... Проявив некоторую инициативу, он и в этом качестве мог добиться успеха.

Моури не имел понятия о том, что попал в круговорот больших событий, что он уже больше не фигура в космической игре и даже своей собственной судьбе он отныне не хозяин.

Через два часа после заката, в последний день своего блуждания по лесам, Моури вышел к магистрали Радин—Камаста и двинулся параллельно дороге по направлению к Радину. Ровно в одиннадцать вечера ослепительно яркая вспышка осветила небо над военной базой в Камасте. Моури ощутил, как земля содрогнулась у него под ногами. Верхушки деревьев качнулись под ударной волной. Чуть позже вдалеке послышался приглушенный гром.

Движение на дороге уменьшилось, а потом и совсем замерло. Тысячи оранжевых змеек взвились над погруженным во тьму Радином и ринулись в ночное небо. Еще одна вспышка в районе Камасты. Что-то длинное, черное, грохочущее промчалось над лесом, на секунду заслонив звезды, обдав жаром деревья.

Издалека доносился слабый приглушенный рокот, треск, разрывы и щелчки, а также странный неясный гул, похожий на крики тысяч людей. Моури вышел на опустевшее шоссе и уставился вверх. Звезды померкли, когда в небе появились четыре тысячи боевых кораблей космического флота Земли, уничтоженного уже три раза, если верить сирианским газетам.

Моури, как ненормальный, пустился в пляс на безлюдной дороге. Он простирал руки к небу, орал, вопил, визжал и распевал бессмысленные песни без слов и мотива. Он принялся расшвыривать все свои двадцать тысяч гильдеров, и разноцветные бумажки закружились в воздухе, как конфетти.

В то время как основные силы земного флота пронеслись мимо, несколько кораблей начали опускаться, нацелившись в землю бледными зеленоватыми лучами антигравов. Моури завороженно смотрел, как совсем недалеко от него огромная не-

уклюжая махина, снабженная грандиозными гусеницами, зависла как перышко на двадцати вертикальных призрачных колоннах света и мягко приземлилась под протестующий скрип рессор.

Он помчался на юг, чувствуя, как учащенно бьется сердце. Он бежал, пока не наткнулся на отряд из сорока человек. Солдаты, видимо, услышали топот и явно поджидали его. Эти парни были на голову выше Моури и щеголяли в новенькой, с иголочки, зеленой форме. В руках они держали оружие, холодно поблескивающее в звездном свете.

— Полегче, муха навозная,— посоветовал голос, прозвучавший музыкой в ушах Моури: ведь это был язык Земли!

Моури перевел дыхание. Он не обиделся на «муху». Каждый синезадый сири заслуживал такого прозвища.

Моури коснулся рукава солдата, преградившего ему дорогу.

— Меня зовут Джеймс Моури. Я не сири, хотя им выгляжу. Я землянин.

Его собеседник, высокий, сухой сержант, насмешливо ухмыльнулся:

— А меня зовут Наполеон Бонапарт. Я тоже не тот, кем выгляжу. Я император.— Рукой, в которой поблескивал пистолет, сержант ткнул в сторону Моури.— Посадите его в клетку.

— Но я же землянин! — закричал Моури, простирая руки к своим освободителям.

— Да, очень похож,— равнодушно согласился сержант.

— И я говорю на земном языке!

— Конечно. Сто тысяч навозных мух могут на нем говорить. Они думают, что это им поможет.— Сержант снова взмахнул своим оружием.— В клетку его, Роган.

Роган выполнил приказ.

Двенадцать дней Моури слонялся по лагерю военнопленных. Это был крупный лагерь, куда согнали огромное количество сири. И с каждым днем народу все прибавлялось. Узников кормили, за ними был установлен тщательный надзор — и больше ничего.

Среди его товарищей по несчастью было по крайней мере пятьдесят заключенных, которые, хитро подмигивая, уверяли, что им нечего бояться: скоро пленных рассортируют и тогда справедливость восторжествует. Эти проныры утверждали, что

долгое время возглавляли Дирак Ангестун Гесепт и, без сомнения, завоеватели с Земли оценят их заслуги по достоинству. Они пророчили, что земляне скоро начнут награждать друзей и наказывать врагов. Только когда трех из них задушили во сне, хвастовство и угрозы прекратились.

По крайней мере десять раз Моури пытался привлечь внимание часовых, когда рядом не было сириан.

— Эй! Меня зовут Моури, я землянин.

И десять раз он слышал в ответ:

— Как вылитый!

Или:

— Неужели?

Один долговязый парень сказал:

— Не морочь мне голову!

— Это так, клянусь вам!

— Ты и вправду землянин, да?

— Ага,— по привычке ответил Моури на сирианском.

— Вот тебе и «ага»!

Однажды он произнес свою фразу по буквам, чтобы его правильно поняли:

— Послушайте, я з-е-м-л-я-н-и-н.

На что часовой ответил:

— Как же, очень заметно.

Наступил день, когда всех заключенных построили на плацу, в центр его вышел капитан, взобрался на подставленный кем-то ящик, поднес ко рту мегафон и рявкнул на весь лагерь:

— Есть ли здесь Джеймс Моури?

Моури резво выскочил вперед привычной ковыляющей походкой.

— Я!

И он почесался, чем вызвал явное неодобрение капитана. Усмехнувшись, офицер произнес:

— Какого черта вы не сказали об этом раньше? Мы ищем вас по всему Джеймеку. Позвольте заметить, мистер, что у нас есть дела поважнее. Вы что, онемели?

— Я...

— Заткнитесь! Вас вызывают в военную разведку. Следуйте за мной.

Пролаяв это, он проводил Моури мимо охранников у ворот лагеря к сборному домику. По дороге Моури осмелился заикнуться:

— Капитан, много раз я пытался объяснить часовым, что...

— Заключенным запрещается разговаривать с часовыми,— отрезал капитан.

— Но я не заключенный...

— Тогда что вы тут делаете?

Не дожидаясь ответа, капитан распахнул дверь домика и сообщил:

— Вот он, этот бездельник.

Офицер разведки посмотрел на Моури, оторвавшись от бумаг.

— Так вы и есть Джеймс Моури?

— Так точно.

— Ну что ж,— сказал офицер,— благодаря субпространственному радио нам хорошо известно о вашей деятельности.

— Неужели? — польщенно пробормотал Моури. Он уже приготовился услышать в свой адрес поздравления и похвалы и гордо поднял голову, ожидая венка героя.

Офицер равнодушно зевнул.

— Такой же агент работал на Артишейне, их десятой планете,— сообщил он.— Парень по имени Кингсли. От него давненько ничего не слышно. Похоже, его схватили, и, может быть, от бедняги уже ничего не осталось.

Моури начал понимать, куда он клонит.

— А я-то здесь при чем?

— Мы забросим вас на Артишейн. Отправление завтра.

— Что? Завтра?

— Вот именно. Мы хотим, чтобы вы стали «осой».— Офицер ухмыльнулся, затем озабоченно посмотрел на Моури.— Вы как, в порядке?

— Да,— ответил упавшим голосом Моури.— Вот только что-то с головой...

Часовые Вселенной

Глава 1

Он шел к столу, за которым с важным, серьезным видом восседали члены Мирового Совета. Их было двенадцать — все седовласые, с пронизывающими взглядами; на морщинистые лица этих людей наложили отпечаток долгие прожитые годы и опыт. Члены Совета молча наблюдали за вошедшим, плотно сжав тонкие губы.

Толстый ковер слегка шуршал под ногами. Судя по напряженному молчанию, по выжидательным взглядам, по тяжелой, тревожной тишине, которую нарушал лишь шорох ковра, происходило нечто весьма неординарное.

Приблизившись к большому столу в форме подковы, человек остановился и медленно обвел всех взглядом, начиная с неопрятного мужчины слева и кончая толстяком справа. Один-два члена Совета беспокойно шевельнулись под этим пристальным взором, словно теряя уверенность в себе; каждый явно испытывал облегчение, когда пронзительный взгляд скользил дальше, переходя на его соседа.

Наконец человек посмотрел на сидевшего в кресле председателя Освальда Герати с шевелюрой, напоминающей львиную гриву, и не спеша, размеренно произнес:

— Капитан Дэвид Рэйвен прибыл в ваше распоряжение, сэр.

Глаза Рэйвена серебристо блеснули.

Откинувшись на спинку кресла, Герати вздохнул и уставился на огромную хрустальную люстру на потолке. Трудно было сказать — то ли он собирается с мыслями, то ли силится избежать взгляда Рэйвена, то ли считает: для того, чтобы собраться с мыслями, ему не следует смотреть капитану в глаза.

© Перевод К. Плешкова.

Остальные члены Совета повернулись к Герати: чтобы не упустить ни единого слова председателя и в то же время чтобы иметь повод не смотреть на Рэйвена. Все наблюдали за тем, как капитан входил, но никому не хотелось разглядывать его вблизи, и никому не хотелось, чтобы Рэйвен разглядывал их.

Продолжая хмуро смотреть на люстру, Герати произнес так, будто взваливал на свои плечи нежеланную, но неизбежную ношу:

— Идет война.

Сидевшие за столом молча ждали, но ответом им была лишь тишина.

— Я обращаюсь к вам вслух,— продолжал Герати,— поскольку у меня нет иного выбора. Будьте любезны отвечать так же.

— Да, сэр,— проговорил Рэйвен.

— Идет война,— слегка раздраженно повторил Герати.— Вас это не удивляет?

— Нет, сэр.

— А напрасно,— вмешался кто-то из членов Совета, слегка задетый бесстрастностью Рэйвена.— Мы воюем уже почти полтора года, однако выяснилось это только сейчас.

— Предоставьте переговоры мне,— отмахнулся от коллеги Герати.

На мгновение — лишь на короткое мгновение — он встретился взглядом с Рэйвеном, затем спросил:

— Вы знали или хотя бы подозревали, что мы находимся в состоянии войны?

Рэйвен мысленно улыбнулся.

— То, что война рано или поздно начнется, было ясно с самого начала.

— С какого начала? — спросил толстяк, сидевший справа.

— С того момента, как мы преодолели космическое пространство и обосновались на другой планете,— с невозмутимым спокойствием ответил Рэйвен.— С тех пор, в свете изменившихся обстоятельств, война стала неизбежной.

— То есть мы совершили некую ошибку?

— Вовсе нет. За прогресс приходится платить. Рано или поздно нам в любом случае предъявили бы счет.

Ответ не удовлетворил членов Совета. Капитан слишком быстро перешел от предпосылки к следствию, и люди не смогли уследить за его логикой.

— Прошлое не имеет значения,— вновь заговорил Герати.— Сейчас мы уже не можем его изменить. Наша задача — уладить нынешние проблемы и проблемы ближайшего будущего.

Он потер синеватые щеки и добавил:

— Проблема номер один: война. Нас атакуют Венера и Марс, а официально мы ничего не можем предпринять. Дело в том, что идет война, которая таковой не является.

— Не сошлись во мнениях? — спросил Рэйвен.

— Да, с все началось с расхождения во взглядах, но теперь наши противники перешли от слов к делу. Без всякого формального объявления войны — более того, внешне демонстрируя дружбу и заявляя о кровном братстве — они проводят свою политику военным путем, если можно так выразиться. Как еще это описать, я не знаю.

В голосе Герати зазвучал гнев:

— Война идет уже около полутора лет, а мы лишь сейчас обнаружили, что нам наносят частые и тяжелые удары. Подобное не может продолжаться долго.

— Все войны продолжаются слишком долго,— заметил Рэйвен.

Мысль эта показалась собравшимся весьма глубокой. Послышалось одобрительное бормотание, многие кивнули. Двое даже бросили на капитана взгляды, хотя и мимолетные.

— Хуже всего то,— продолжил Герати,— что нас хитростью вынудили запутаться в нашей же сети, и выхода из сложившейся ситуации не существует... По крайней мере, выход нельзя найти официальными способами. Каким в данном случае будет наш ответ?

Не ожидая предложений членов Совета, он сам ответил на свой вопрос:

— Мы должны действовать неофициально.

— А я должен стать козлом отпущения? — проницательно спросил Рэйвен.

— Да, вы будете козлом отпущения,— подтвердил Герати.

На мгновение повисла тишина — пока Рэйвен вежливо ожидал продолжения, члены Совета погрузились в раздумья. У них имелся веский повод для размышлений. Войны случались и прежде, в далеком, очень далеком прошлом; некоторые из них тянулись медленно и мучительно, другие были быстрыми и кровавыми. Но все эти войны велись на Земле.

Конфликт между планетами был чем-то новым, совершенно иным. Он порождал беспримерные проблемы, к которым были неприменимы уроки прошлого. Более того, эта новая война, что велась с помощью новейшего оружия, с применением невиданных прежде технологий, ставила вопросы, не имевшие ответов в опыте былых веков. Сейчас можно было опираться лишь на жестокие и мрачные факты современности.

— Венеру и Марс,— после недолгого молчания угрюмо заговорил Герати,— давно населяют представители вида «человек разумный», такие же, как мы, из той же плоти и крови. Они — наши дети, но больше не считают себя таковыми. Они полагают, что уже достаточно взрослые, чтобы отправляться куда им вздумается, поступать как угодно и возвращаться домой, когда им заблагорассудится. Последние несколько столетий они ратовали за самоуправление. Они требовали ключей от дома, еще не успев обсохнуть после крещенской купели. Мы снова и снова отказывали им. Мы говорили, что нужно подождать, проявить терпение.

Герати снова глубоко и протяжно вздохнул.

— Понимаете, в какое положение это нас ставит?

— В какое? — снова улыбнулся Рэйвен.

— Мы оказались перед лицом дилеммы, где одно решение не лучше другого.

Герати беспокойно поерзал в кресле.

— Без самоуправления марсиане и венерианцы остаются землянами. Они официально, на законных основаниях, делят с нами наш мир и пользуются теми же правами, что и земляне; являются такими же гражданами, что и мы.

— И?..

— И это означает, что они могут прилетать сюда, когда захотят, группами любой численности и оставаться здесь, сколько пожелают.

Подавшись вперед, Герати раздраженно хлопнул ладонью по столу.

— Они могут запросто войти в открытую дверь, нашпигованные мыслями о саботаже и всякими злобными замыслами, а мы не можем их остановить. Мы не можем отказать им, пока не сделаем теми, кем они и стремятся стать, а именно — чужаками. Но чужаками мы их делать не будем.

— Скверно,— сочувственно проговорил Рэйвен.— Насколько я понимаю, для такого решения у вас имеются серьезные причины?

— Конечно. Десятки причин. Мы препятствуем чужому прогрессу вовсе не из извращенного упрямства. Но бывают времена, когда приходится жертвовать желаемым ради того, чтобы получить жизненно необходимое.

— Нельзя ли конкретнее? — попросил Рэйвен.

Герати поколебался, потом снова заговорил:

— Главная причина известна лишь нескольким избранным. Но я могу сказать: мы приблизились к тому, чтобы достичь Внешних планет. Это скачок, чертовски большой скачок. Чтобы его совершить, нам потребуются объединенные ресурсы трех миров, не раздираемых недальновидными противоречиями.

— Могу себе представить,— согласился Рэйвен, думая о стратегическом положении Марса и о невероятно богатых топливных ресурсах Венеры.

— И это далеко не все.— Герати понизил голос, чтобы слова его прозвучали более весомо.— Со временем будет совершен новый скачок, который доставит нас к альфе Центавра, а может, и дальше. Есть неопубликованные, но достаточно убедительные данные, говорящие о том, что в конечном итоге мы можем встретиться с другой высокоорганизованной формой жизни. Если это произойдет, нам придется держаться вместе, как бы сильно при других обстоятельствах мы ни были разобщены. Тогда не время будет говорить о марсианах, венерианцах, землянах, юпитерианцах и так далее. Все мы станем жителями Солнечной системы. От этого никуда не деться. Так должно быть, и так будет, нравится это или нет склонным к национализму субъектам.

— Таким образом, вы сталкиваетесь с очередной дилеммой,— заметил Рэйвен.— Мир можно обеспечить, опубликовав факты, на которых зиждется ваша политика, но это вызовет всеобщую тревогу и противодействие дальнейшей космической экспансии.

— Именно. Вы попали в самую точку. Слишком далеко зашел конфликт интересов.

— Гм... неплохое начало! Взаимная вражда, какую даже трудно себе вообразить. Мне это нравится — напоминает занимательную шахматную задачу!

— Именно так и воспринимает проблему Карсон,— сообщил Герати.— Он называет ее «супершахматами» — вам еще предстоит узнать почему. По его словам, пришло время поставить на доску новую фигуру. Вам лучше встретиться с ним прямо сейчас. Карсон обшарил весь мир, чтобы найти такого человека, как вы.

— Меня? — изобразил легкое удивление Дэвид Рэйвен.— Что же, по его мнению, во мне такого особенного?

— Этого я не знаю.— Герати явно не горел желанием развивать эту тему.— Подобные вопросы находятся в исключительном ведении Карсона, а у него имеются свои тайны. Вы должны с ним немедленно встретиться.

— Очень хорошо, сэр. Что-нибудь еще?

— Только одно: вас доставили сюда не для того, чтобы удовлетворить наше любопытство, а для того, чтобы вы поняли — за вами стоит Мировой Совет, пусть и неофициально. Ваша задача — придумать, как закончить эту войну. У вас не будет ни документов, ни полномочий, ничего, что отличало бы ваш статус от статуса любого другого человека. Вам придется полагаться лишь на свои способности и нашу моральную поддержку. И это все, что у вас будет!

— Вы считаете, перечисленного хватит?

— Не знаю,— озабоченно признался Герати.— Но не в моем положении об этом судить. Карсон куда более компетентен в таких делах.

Наклонившись вперед, Герати выразительно добавил:

— Если хотите знать мое мнение, очень скоро ваша жизнь не будет стоить ломаного гроша... Но я искренне надеюсь, что ошибаюсь.

— Я тоже,— бесстрастно ответил Рэйвен.

Все снова беспокойно зашевелились, подозревая, что он втайне потешается над ними. Потом опять наступила полная тишина; если раньше люди избегали смотреть на Рэйвена, теперь все не сводили с него глаз. Он поклонился и столь же неспешно и уверенно, как вошел в эту комнату, покинул ее под тихое шуршание ковра. Бесшумно закрылась большая дверь.

— Война,— заметил Герати,— вовсе не игра в одни ворота.

Внешностью Карсон походил на гробовщика — высокий, худой, с печальным лицом человека, постоянно сожалеющего о бренности бытия и о вынужденных расходах на цветы. Но все это была лишь маска, скрывающая живой проницательный ум — ум, который мог общаться без помощи губ. Иными словами, Карсон был мутантом первого типа, истинным телепатом, которые отличались от субтелепатов тем, что могли по желанию закрывать свой разум от других.

С мрачным одобрением посмотрев на столь же высокого, как он сам, но более широкоплечего и крупного Рэйвена, окинув взглядом его худое, выразительное лицо, темно-серые глаза и черные волосы, Карсон без колебаний вступил с ним в мысленный контакт. Мутанты первого типа всегда узнают друг друга с первого взгляда, как обычный человек видит другого просто потому, что не слеп.

— Герати сказал что-нибудь? — мысленно спросил Карсон.

— Да. Весьма впечатляюще, но неинформативно.

Садясь в кресло, Рэйвен взглянул на металлическую табличку на столе: «Карсон, директор Бюро безопасности Земли».

— Это чтобы вы не забыли, кто вы такой? — Рэйвен показал на табличку.

— В известном смысле — да. Табличка настроена на нейроволну и излучает именно то, что на ней написано. Техники утверждают, что она обладает противогипнотическим действием.

На губах Карсона мелькнула кислая улыбка.

— Пока не было случая это проверить. Впрочем, я и не спешу проверять. Если уж гипнотизер доберется сюда, его вряд ли удастся остановить подобной штуковиной.

— Но уже то, что кто-то считает, будто она может вам пригодиться, выглядит довольно зловеще,— заметил Рэйвен.— Здесь что, все страдают паранойей? Даже Герати намекал, что я стою одной ногой в могиле.

— Это, конечно, чересчур, но не лишено оснований. Герати делится со мной кое-какими мрачными подозрениями. А именно — он считает, что в нашем Совете есть минимум один представитель пятой колонны. Это всего лишь предположение, но если оно мало-мальски верно, с данного момента кто-то следит за каждым вашим шагом.

— Приятно слышать. Вы откопали меня лишь затем, чтобы похоронить.

— Вашего появления перед Советом было не избежать,— сказал Карсон.— Они настаивали, что должны вас увидеть, с моего согласия или без оного. Я был против, и Герати об этом знал, но отмел мои возражения с помощью моих же собственных аргументов.

— Каким образом? — спросил Рэйвен.

— Он сказал, что если вы всего на одну десятую так хороши, как я утверждаю, то беспокоиться не о чем; гораздо больше следует беспокоиться врагам.

— Гм... Значит, я должен оправдать свою воображаемую репутацию, которую вы заранее для меня сочинили. Вам не кажется, что у меня и без того хватает забот?

— Создать вам кучу забот было моей задумкой,— с неожиданной жесткостью заявил Карсон.— У нас нет выхода, кроме как загнать рабочую лошадку.

— Полчаса назад я был козлом отпущения. Теперь я лошадка... Какие еще животные на очереди? Как насчет подсадной утки?

— Вам придется подманить нескольких весьма странных птиц, чтобы не отстать от оппозиции, не говоря уже о том, чтобы ее опередить.

Выдвинув ящик, Карсон извлек лист бумаги и мрачно уставился на него.

— Это все, что нам пока удалось раздобыть из совершенно секретного перечня внеземных разновидностей людей. Номи-

нально и в соответствии с законом они — представители вида «человек разумный», но фактически они — иные.

Карсон взглянул на собеседника.

— В данный момент на Венере и Марсе насчитывается по крайней мере двенадцать различных типов мутантов. Например, тип шестой — хамелеоны.

— Кто? — Рэйвен застыл в кресле.

— Хамелеоны,— повторил Карсон, облизывая губы, словно при виде особо аппетитного трупа.— Они не стопроцентные люди, хотя по виду их не отличишь от человека. С точки зрения хирурга, в них нет ничего необычного. Но они рождаются с лицевой частью черепа, состоящей из хрящей, а не из костей, и черты их лица могут меняться самым невероятным образом. Вы могли бы поцеловать одного из них, считая, что это ваша мать,— если бы ему пришло в голову принять облик вашей матери.

— Говорите за себя,— сказал Рэйвен.

— Вы понимаете, о чем я,— настойчиво продолжал Карсон.— Что касается их мимики — ее просто нужно увидеть, чтобы поверить.

Он показал на гладко отполированную поверхность стола.

— Представьте себе, что это гигантская шахматная доска с бесчисленным множеством клеток. Мы играем белыми с помощью шахматных фигур-человечков. Нас два с половиной миллиарда против тридцати двух миллионов венерианцев и восемнадцати миллионов марсиан. С виду кажется, будто у нас огромный перевес. Мы полностью превосходим их в численности.

Карсон пренебрежительно махнул рукой.

— Но в численности чего? Пешек!

— Конечно,— согласился Рэйвен.

— Можете вообразить, какой ситуация видится нашим противникам: да, они проигрывают в числе, но компенсируют численность пешек фигурами — конями, слонами, ладьями, ферзями... И, что для нас хуже всего, новыми фигурами с необычными способностями. Наши противники полагают, что до тех пор могут поставлять десятки и сотни мутантов, каждый из которых дороже целого полка пешек, пока не сведут нас с ума.

— Ускорение эволюционных факторов,— задумчиво проговорил Рэйвен.— Вот непосредственный результат завоевания

космоса, столь неизбежный, что я не понимаю, каким образом этого не учли в первую очередь. Даже ребенок мог бы сделать соответственный логический вывод.

— В то время представители старшего поколения были одержимы идеей атомной энергии,— ответил Карсон.— С их точки зрения, для возникновения большого количества мутантов требовалась всемирная катастрофа, вызванная радиоактивными материалами. Им просто не пришло в голову, что орды направлявшихся на Венеру колонистов не могли провести пять месяцев в космосе без ежечасного, ежеминутного воздействия космических лучей на их гены — воздействия, которое должно было привести к очевидным последствиям.

— И люди задумываются об этом только сейчас!

— Да, но раньше они просто не видели за деревьями леса. Черт побери, дело дошло до того, что были построены корабли с двойной оболочкой, содержавшей поглотительный слой сжатого озона, который уменьшал излучение, так что оно становилось всего в восемьдесят раз выше земного... Но они так и не поняли, что в восемьдесят раз выше — это все-таки в восемьдесят раз. Вероятностный разброс с течением времени выравнивается, и теперь можно сказать, что полеты на Венеру породили примерно в восемьдесят раз больше мутантов, чем могло бы появиться естественным путем.

— С Марсом еще хуже,— заметил Рэйвен.

— Вне всякого сомнения,— согласился Карсон.— Несмотря на меньшую численность населения, на Марсе примерно такое же количество и разнообразие мутаций, как и на Венере. Причина в том, что полет туда занимает одиннадцать месяцев. Каждый марсианский колонист подвергался жесткому излучению примерно вдвое дольше любого венерианского колониста — и продолжает подвергаться, из-за более разреженной атмосферы Марса. Человеческие гены достаточно устойчивы к воздействию тяжелых частиц, подобных космическому излучению, но всему есть предел.

Карсон помолчал, постукивая пальцами по столу.

— Поскольку каждый мутант ценен с военной точки зрения, боевой потенциал Марса полностью равен потенциалу Венеры. В теории — а теория эта ошибочна, что мы и должны им

продемонстрировать — Марс и Венера, вместе взятые, обладают достаточными силами, чтобы стать для нас достойными соперниками. До сих пор такое им вполне удавалось, и теперь это уже перестает казаться забавным.

— Сдается,— задумчиво заметил Рэйвен,— они совершают ошибку, подобную той, которую совершали первые поселенцы-пионеры: охваченные искренним энтузиазмом, они не замечают очевидного.

— Вы имеете в виду, что на этой планете тоже есть космический флот, и соответственно, могут найтись свои мутанты?

— Да.

— И эти мутанты научатся всему тому, чему пришлось научиться нам. А вы их научите — надеюсь.

— Надежда умирает последней. Каким образом вы предлагаете мне их обучать?

— Это уж ваше дело,— сказал Карсон, ловко слагая с себя ответственность.

Он порылся в бумагах на столе, извлек несколько листков и проглядел их.

— Расскажу вам об одном случае, который показывает, в какую стычку мы ввязались и какими методами она ведется. Именно после этого инцидента мы впервые поняли, что идет война. У нас вызвал подозрение ряд внешне ничем не связанных между собой событий, и мы установили несколько скрытых камер наблюдения. Большинство из них были выведены из строя, некоторые отказали по неизвестным причинам, но одна кое-что зафиксировала.

— Вот как?

Рэйвен наклонился вперед, пристально глядя на Карсона.

— Камера запечатлела трех человек, уничтоживших некие крайне важные данные, на восстановление которых уйдет не меньше года. Первый из этой троицы, мутант первого типа, истинный телепат, держал под мысленным контролем тех, кто мог бы им помешать. Второй, мутант второго типа, летун...

— То есть левитатор? — вмешался Рэйвен.

— Да, левитатор. Он перенес их через две двадцатифутовые стены с помощью веревочной лестницы, а потом втянул лестницу в окно наверху. Третий, мутант седьмого типа, гипнотизер,

позаботился о трех охранниках, пытавшихся вмешаться: обездвижил их, стер случившееся из их памяти и вложил в нее ложные воспоминания о ближайших минутах. Охранники ничего не знали о скрытой камере и потому не могли невольно выдать информацию о ней телепату. А не будь этой камеры, мы так бы ничего и узнали, кроме того, что важные данные таинственным образом превратились в дым.

— Гм?..— озадаченно переспросил Рэйвен.

— Произошло несколько крупных пожаров в столь важных стратегических местах, что мы склонны обвинять в них пироманов — хоть и не можем этого доказать.

Карсон печально покачал головой.

— Что за война! Они на ходу создают собственные правила. Их выходки не имеют ничего общего с военной логистикой, и, существуй в наше время высокие военные шишки, им была бы прямая дорога в психушку.

— Времена меняются,— заметил Рэйвен.

— Знаю, знаю. Мы живем здесь и сейчас.— Карсон придвинул к собеседнику лист бумаги.— Вот копия моего перечня известных марсианско-венерианских мутаций, пронумерованных в соответствии с типом и обозначенных буквами в соответствии с их «военным значением»... Если это можно так назвать.

Он фыркнул, будто сомневаясь в терминологии.

— «О» означает «опасен». «О с плюсом» — «очень опасен», а «Б» — «вероятнее всего, безопасен». Перечень может оказаться неполным, но пока это все, чем мы располагаем.

Рэйвен быстро просмотрел список.

— Насколько вам известно, способности мутантов не выходят за рамки их типов? — спросил он.— Я имею в виду — левитаторы могут летать, могут поднимать в воздух то, что им по силам унести, но не могут заставить летать другие предметы? Телекинетики, напротив, могут поднимать в воздух предметы, но не могут летать сами? Телепаты не являются гипнотизерами, а гипнотизеры — телепатами?

— Совершенно верно. Один человек — одна сверхъестественная способность.

Рэйвен начал внимательно изучать перечень:

1. Истинные телепаты О +
2. Левитаторы О
3. Пироманы О +
4. Имитаторы Б
5. Неспящие Б
6. Хамелеоны О
7. Гипнотизеры О +
8. Суперслухачи Б
9. Микроинженеры О +
10. Радиосенсы О
11. Инсектоведы О +
12. Телекинетики О +

— Что ж! — Улыбнувшись про себя, Рэйвен сунул листок в карман, встал и направился к двери.— И все они питают иллюзии, будто старушка Земля уже далеко не та, что раньше?

— Именно,— подтвердил Карсон.— Они утверждают, будто она стара, немощна, слаба на голову и безнадежно отстала от жизни. Все, на что она способна,— это в предсмертных судорогах нанести последний удар. И удар этот предстоит нанести вам — туда, где он почувствуется болезненнее всего.

— Я так и собираюсь сделать,— пообещал Рэйвен,— если только мне удастся остаться целым и невредимым достаточно долго, чтобы прицелиться.

Он вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Теперь он был предоставлен самому себе.

Глава 2

Потеха началась, едва Рэйвен очутился на улице. В этом не было ничего удивительного. Не стоило удивляться и тому, что происходящему недоставало утонченности: у организаторов было слишком мало времени на подготовку. Имей они чуть больше пространства для маневра — и победа могла бы остаться за ними. Но, как обычно, делая ставку на быстроту, они просчитались в деталях.

Рэйвен бесстрашно вышел из дверей Бюро безопасности и махнул рыскавшему над головой аэротакси. Машина резко ныр-

нула вниз и приземлилась на мостовую, пружинисто подпрыгнув.

Такси представляло собой прозрачный шар, укрепленный на кольце из шаров поменьше, призванных смягчать удар при посадке, и не имело крыльев, двигателей или стабилизаторов. То была последняя модель антиграва, стоившая около двенадцати тысяч, но его водитель даже не потрудился побриться, а ведь это обошлось бы ему всего в пару кредитов.

Открыв дверцу, водитель скривил толстые губы в профессиональной улыбке, но клиент не обратил на это внимания и даже не попытался сесть в машину. Улыбка водителя постепенно угасла, он нахмурился, почесал заросший подбородок сломанным ногтем и надтреснутым голосом окликнул:

— Залезай, парень, если мне не привиделось, что ты...

— Заткнись и жди,— оборвал Рэйвен, продолжая стоять на тротуаре футах в десяти от такси.

Он уставился в пространство, как человек, мысли которого блуждают где-то далеко и который терпеть не может, когда ему мешают.

Водитель еще сильнее нахмурился и снова потер щетину на подбородке — с таким звуком бортмеханик космического корабля мог бы зачищать наждачной бумагой металлическую трубку. Правой рукой водила все еще придерживал открытую дверцу; рукав его слегка шевельнулся, словно от дуновения невидимого ветерка, но он этого не заметил.

Снова взглянув на такси, Рэйвен подошел ближе, но садиться не стал.

— Сварочный аппарат найдется?

— Конечно! Куда ж мне без него, а вдруг чего сломается!

Водитель достал из ящичка инструмент, похожий на маленький пистолет.

— А тебе он зачем?

— Хочу прожечь твое сиденье,— сообщил Рэйвен, забирая инструмент.

— Вот как? Что ж, неплохо придумано!

Маленькие глубоко посаженные глазки водителя словно стали еще меньше, глубже уйдя в орбиты. По его обветренному лицу пробежала ухмылка, продемонстрировавшая отсутствие двух зубов.

— Не повезло тебе, дружок.

Снова сунув руку в ящичек, водила извлек еще один сварочный аппарат.

— Так уж вышло, что я таскаю их парами. Так что валяй, делай дырку в моих штанах, а я сделаю в твоих. Это справедливо, не так ли?

— Получился бы интересный спектакль,— заверил Рэйвен,— учитывая, что данный инструмент рассчитан на работу с металлом.

Он улыбнулся при виде быстро изменившегося в лице водителя и добавил:

— Я имел в виду заднее сиденье твоего такси.

С этими словами Рэйвен направил сопло сварочного аппарата на обивку сиденья и нажал на рычаг.

Он ничего не увидел, хотя инструмент слегка дернулся в его руке. Потом из пластиковой обивки сиденья вырвалась тонкая струйка едкого дыма, словно что-то плавилось при высокой температуре.

Рэйвен спокойно забрался в такси и закрыл дверцу.

— Ладно, поехали, небритая рожа.

Наклонившись вперед, он вернул сварочный аппарат в ящичек.

Антиграв поднялся на высоту пять тысяч футов и двинулся на юг. Водитель мрачно смотрел на приборную доску. Его густые брови то и дело шевелились, отражая напряженную работу мысли, взгляд время от времени блуждал от ветрового стекла к зеркалу заднего вида, исподтишка следя за пассажиром, от которого можно было ожидать чего угодно. Этот тип наверняка способен даже устроить мировой пожар!

Не обращая внимания на водителя, Рэйвен сунул руку в теплую дыру в обивке, нащупал горячий металл и вытащил изуродованный предмет длиной с сигарету, примерно такой же толщины, золотистого цвета, с оплавившимися короткими крылышками. На заостренном переднем кольце сверкала линза размером с половину жемчужины. С задней стороны виднелось семь отверстий величиной с булавочную головку, служивших микроскопическими соплами.

Рэйвену не требовалось разбирать крошечное устройство, чтобы понять, что находится внутри. Он и так прекрасно знал,

что там: миниатюрный двигатель, направляющий сканер, микрорадиопередатчик, способный часами подавать сигнал, и самоуничтожающийся заряд размером со спичечную головку. Все это, вместе взятое, весило меньше трех унций, но, несмотря на крохотные размеры, устройство оставляло четкий невидимый след, по которому гончие псы могли идти бесконечно долго во всех трех измерениях.

Повернувшись, Рэйвен бросил взгляд в заднее окно. Вокруг на разных уровнях двигалось такое множество такси, частных и служебных машин, что просто невозможно было распознать, продолжается ли слежка. Впрочем, это было неважно. Плотное движение, надежно скрывавшее охотников от Рэйвена, столь же успешно скрывало от них добычу.

— Можешь забрать эту штуковину себе,— сказал Рэйвен водителю, бросая цилиндр с крылышками в ящичек со сварочными аппаратами.— Его содержимое стоит около полусотни кредитов — если найдешь кого-нибудь, кто сумеет его разобрать, не сломав окончательно.

— С тебя десятка за дыру в сиденье.

— Заплачу, когда будем на месте.

— Ладно.

Несколько оживившись, водитель достал цилиндр из ящичка, с любопытством повертел и положил обратно.

— Слушай, а как ты вообще понял, что эта штука там?

— Кто-то думал о ней.

— Гм?..

— Людям, которые зашвыривают подобные штуковины в двери такси, не следует думать о проделанном, даже находясь на расстоянии в четверть мили в невесть каком направлении. Мысли иногда можно подслушать, они ничем не хуже предупреждения, выкрикнутого во все горло.

Рэйвен посмотрел в затылок водителя.

— Тебе когда-нибудь удавалось проделать что-либо, не думая об этом?

— Только один раз.

Подняв левую руку, водитель показал обрубок большого пальца.

— И вот результат.

— Понятно,— отозвался Рэйвен и добавил, обращаясь теперь в основном к самому себе: — Жаль, что микроинженеры не являются одновременно истинными телепатами.

Они молча проделали еще сорок миль, не снижаясь и не опускаясь. Воздушное движение становилось все меньше по мере того, как такси удалялось от города.

— Я забыл захватить перчатки,— намекнул водитель.— А зря. На Южном полюсе они мне пригодятся.

— Тогда остановимся раньше. Я скажу, где именно.

Рэйвен снова оглянулся.

— А ты тем временем можешь попрактиковаться в том, чтобы уходить от погони. Не то чтобы я был уверен, что нас преследуют, но преследователи вполне могут появиться.

— Это обойдется тебе в полтинник.

Водитель разглядывал пассажира в зеркало заднего вида, размышляя, не мало ли запросил.

— В эту цену входит и гарантия, что я буду держать рот на замке.

— Не спеши с гарантиями. Ты поневоле раскроешь рот, если они начнут задавать тебе вопросы,— мрачно сообщил Рэйвен.— У них есть свои способы получить ответы — способы, основанные не на деньгах, а на принуждении.

Он безнадежно вздохнул.

— Ладно, к тому времени, как ты начнешь говорить, будет уже поздно. Пятьдесят кредитов твои — просто за возможность оттянуть время.

Рэйвен схватился за подлокотники, почувствовав, как такси, резко качнувшись, устремилось прямо в облако. Все вокруг скрылось в густом тумане, проносившемся мимо желтыми полосами и грязно-белыми клочьями.

— Придется тебе придумать что-нибудь получше. Противорадарной защиты у тебя нет.

— Дай мне время. Я еще только разминаюсь.

Два часа спустя они опустились на лужайку позади длинного низкого дома. Высоко в небе виднелся лишь полицейский патруль, летевший на север. Патруль скрылся из виду, не обратив внимания на шар на лужайке.

В доме Рэйвена встретила женщина с пышными формами, двигавшаяся с неторопливостью, свойственной крупным людям. У нее были огромные глаза — широко расставленные, черные, сверкающие; большие рот и уши; громадная угольно-черная копна волос; полный бюст и тяжелые бедра. Она вряд ли пришлась бы по вкусу большинству мужчин, но, хотя ее нельзя было назвать грациозной, ее постоянно преследовали ухажеры, которых она приводила в отчаяние своими отказами. И все потому, что огонь, горевший в ее больших глазах, делал ее удивительно прекрасной.

— Дэвид! Что тебя сюда привело? — воскликнула женщина, подавая Рэйвену теплую большую руку.

— Ты уже знала бы об этом, если бы я не решил держать свой разум закрытым.

— Конечно.

Она переключилась с голосового общения на телепатическое, лишь потому, что так было проще:

— Что же случилось?

— Два зайца,— так же мысленно ответил он и улыбнулся, глядя ей в глаза.— Два зайца, которых я надеюсь убить одним выстрелом.

— Убить? К чему эта ужасная мысль об убийстве? — По лицу женщины пробежала тревога.— Тебя на что-то уговорили, я знаю. Я чувствую это, хотя ты продолжаешь от меня таиться. Тебя убедили вмешаться!

Сев на надувную кушетку, хозяйка дома тоскливо уставилась в стену.

— Неписаный закон гласит, что мы никогда не должны вмешиваться. Поддаться искушению и нарушить это правило можно лишь для того, чтобы противостоять денебианам. Стоит нам себя выдать, и человечество может испугаться, а напуганные люди обычно слепо стремятся уничтожить источник своих страхов. А если мы не будем вмешиваться, это усыпит подозрения, заставит их думать, будто мы ни на что не способны.

— Превосходная логика — если считать, что твои предпосылки верны. А это, увы, не так. Обстоятельства изменились.

Рэйвен сел напротив и пристально уставился на женщину.

— Лейна, в одном мы слегка ошиблись. А именно: они оказались проницательнее, чем мы полагали.

— В каком смысле?

— Запутавшись в собственных противоречиях, они решили обшарить весь мир в поисках того, кто сможет им помочь. То был один шанс на миллион — и вот они отыскали меня!

— Отыскали тебя? — с еще большей тревогой переспросила Лейна.— Как им это удалось?

— Единственным возможным способом — основываясь на генетической информации. Судя по всему, им пришлось классифицировать, изучить и проанализировать одно за другим десять, пятнадцать или двадцать поколений, продираясь сквозь бесчисленные данные о рождениях, браках и смертях, не зная, что в конце концов удастся найти, но надеясь на лучшее. Мои неукоснительно следовавшие традициям псевдопредки законным образом оформляли все свои связи и оставили длинный ряд документальных наводок, указывавших прямо на меня. Так что в конце концов леска начала сматываться, а я оказался рыбкой на крючке.

— Если они смогли проделать это с тобой, то смогут выйти и на других,— угрюмо заметила женщина.

— На этой планете других нет,— напомнил Рэйвен.— Только мы с тобой, и тебя это не касается.

— В самом деле? Откуда ты знаешь?

— Поиск уже завершен. Поймали меня, но не тебя — возможно, потому, что ты — женщина. А возможно, тебе повезло с предками, не уважавшими официальных документов, скажем, с парочкой вполне здоровых, но безнравственных любителей случайных связей.

— Спасибо,— слегка обиделась она.

— Всегда пожалуйста,— улыбнулся Рэйвен.

Она пристально посмотрела ему в глаза.

— Дэвид, чего они от тебя хотят? Скажи!

И он во всех подробностях поведал о случившемся, завершив свой рассказ словами:

— Покамест объединившиеся Марс и Венера довольствуются тем, что давят на нас все сильнее. Они знают — если в конце концов нам не удастся придумать действенные ответные меры, мы рано или поздно сломаемся. Иначе говоря, они при каждой возможности выпускают у нас пинту крови, с тем чтобы мы обессилели и уже не смогли защищаться.

— Это не твое дело,— решительно сказала Лейна.— Пусть соперничающие планеты сами сражаются друг с другом.

— Именно так я и склонен был рассматривать ситуацию,— согласился Рэйвен,— пока не вспомнил, что история уже не раз демонстрировала, как одна проклятущая неприятность влечет за собой другую. Послушай, Лейна, еще немного — и Земля решит, что с нее хватит, пора нанести ответный удар. Если Земля не сможет ответить изящно, она ударит прямо, грубо и жестко. Марс и Венера возмутятся пуще прежнего, и противостояние будет нарастать, подпитываемое действиями каждой из сторон. Один за другим будут падать сдерживающие барьеры, пока все разом не пойдут на слом. О всякой щепетильности будет забыто, и в конце концов какой-нибудь напуганный до смерти псих с той или другой стороны соорудит водородную бомбу, чтобы показать, кто тут хозяин. Что дальше — ты можешь представить сама.

— Могу,— мрачно согласилась она.

— Хоть я и не испытываю желания совать нос в людские дела,— продолжал Рэйвен,— еще большее отвращение вызывает у меня перспектива отсиживаться где-нибудь в пещерке, пока горит сам воздух, содрогается мир и миллионы людей исчезают с лица земли. Карсон чересчур оптимистичен, он думает, будто я смогу предпринять что-нибудь в одиночку. И все-таки мне хотелось бы попытаться... Если оппозиция оставит меня в живых достаточно долго. Ничего не будешь делать — ничего и не добьешься.

— О, дорогой! — Лейла нервно шевелила пальцами.— Ну почему эти создания — такие упрямые идиоты?

Не дожидаясь ответа, она задала новый вопрос:

— Чего ты хочешь от меня, Дэвид?

— Держись подальше от этого дела,— посоветовал он.— Я вернулся, чтобы уничтожить кое-какие бумаги, только и всего. Есть шанс, что меня настигнут еще до того, как я уйду. В таком случае ты можешь оказать мне одну маленькую услугу.

— Какую?

— Позаботься некоторое время о моем лучшем костюме.— Он многозначительно постучал по груди.— Он отлично на мне сидит, и другого у меня нет. Он мне нравится, и я не хочу его терять.

— Дэвид! — Мысленный импульс острием вонзился в его мозг.— Только не это! Ты не можешь! Не можешь без разрешения. Это очень серьезное нарушение. Это неэтично.

— Так же как и война. Как и массовое самоубийство.

— Но...

— Тихо! — Он поднял палец предупреждающим жестом.— Они уже идут. Они не теряли времени зря.

Рэйвен посмотрел на настенные часы.

— Прошло всего три часа с тех пор, как я вышел из Бюро. Вот это оперативность!

Он снова взглянул на Лейну.

— Ты чувствуешь их приближение?

Женщина молча кивнула.

Рэйвен поспешно вышел, уничтожил бумаги и тут же вернулся.

Вскоре раздался негромкий звонок в дверь.

Лейна встала и заколебалась, глядя на Рэйвена. Тот лишь небрежно пожал плечами. Она подошла к двери и открыла, всем своим видом выражая равнодушие.

В четырехстах ярдах от дома, возле спортивного корабля в форме пули, тесной группой стояли пятеро. Еще двое ждали на пороге. Все были одеты в черную с серебром форму полиции безопасности.

Двое коренастых субъектов у дверей походили друг на друга, как братья. Однако сходство было лишь внешним; на самом деле они очень сильно различались: один из них, в отличие от второго, пытался мысленно проникнуть в разум Лейны. Первый был телепатом, второй — нет. Внезапный, яростный мысленный удар первого помешал Лейне проникнуть в разум второго, чтобы определить, в чем заключается его дар: чтобы противостоять телепату, ей пришлось наглухо закрыть собственный разум. Телепат сразу почувствовал противодействие и отступил.

— Еще один «теле»,— мысленно сказал он своему спутнику.— Хорошо, что мы явились вместе, верно?

Не дожидаясь комментариев, он вслух обратился к Лейне:

— Можете поговорить со мной добровольно,— и, после короткой паузы, с неприятной усмешкой продолжил: — Или вам придется говорить с моим другом, но уже не по своей воле; как вам больше нравится. Вы уже поняли, что мы из полиции.

— Ничего подобного,— язвительно бросила Лейна.— Офицер полиции называет другого «офицером», а не «другом». Кроме того, он не станет угрожать, по крайней мере, не объяснив, в чем, собственно, дело.

На этот раз вмешался второй, доселе молчавший.

— Может, поговорите со мной, а?

В его глазах вспыхнул странный зловещий свет, будто две крошечные луны. Гипнотизер.

— Что вам нужно? — не обращая на него внимания, спросила Лейна у телепата.

— Нам нужен Рэйвен.

— И что с того?

— Он здесь,— настойчиво проговорил незнакомец, пытаясь заглянуть через ее плечо.— Мы знаем, что он здесь.

— И что с того?

— Мы намерены забрать его для допроса.

Из комнаты за спиной Лейны послышался голос Рэйвена:

— Было весьма любезно и благоразумно с твоей стороны, Лейна, задержать этих джентльменов. Но это бесполезно. Впусти их, пожалуйста.

Она слегка вздрогнула, на лице ее отразилась гамма самых противоречивых чувств.

Отступив в сторону, Лейна позволила стоявшим на пороге пройти в дом, что они и сделали, шагая беспечно, как быки на бойню. Она знала, что сейчас произойдет. Дверная ручка в ее ладони становилась все холоднее.

Глава 3

Войдя в комнату, незваные гости замедлили шаг. Держа в руках маленькие вороненые пистолеты, они настороженно держались поодаль друг от друга, словно подозревали, что жертва может уложить их обоих одним ударом.

Не трудясь встать, явно забавляясь видом вошедших, Дэвид Рэйвен заглянул в их разум, извлек оттуда их имена и сказал:

— О, мистер Грейсон и мистер Стин. Телепат и гипнотизер — а снаружи ждет компания других ребят со сдвинутыми мозгами. Большая честь для меня.

— Только послушай, кого он называет «ребятами со сдвинутыми мозгами»,— бросил телепат Грейсон своему товарищу и добавил, раздраженно махнув Рэйвену рукой: — Ладно, чтец мыслей. Встал и пошел.

— Куда?

— Узнаешь, когда прибудешь на место.

— Похоже на то,— сухо кивнул Рэйвен.— Пункт назначения в твоих мозгах отсутствует, из чего я могу заключить, что доверием у своего начальства ты не пользуешься.

— Как и ты,— парировал Грейсон.— Шевели задницей. Мы не собираемся торчать тут весь день.

— Ладно.

Выпрямившись, Рэйвен потянулся, зевнул и спросил, глядя на гипнотизера Стина:

— Что с тобой, косоглазый? Никогда прежде не встречал столь интересную личность?

— Я сам решаю, когда появляется что-либо интересное! — Стин не сводил с Рэйвена пристального взгляда.— И чего ради с тобой так носятся? Ни четырех рук, ни двух голов. Что в тебе выдающегося?

— Ничего особенного,— раздраженно вмешался Грейсон.— Похоже, в штаб-квартире купились на дутые слухи. Я знаю, что в нем есть,— и это не так уж много.

— В самом деле? — посмотрел на него Рэйвен.

— Да, ты всего лишь из новой породы телепатов. Ты можешь проникать в чужой разум, даже когда твой собственный закрыт. В отличие от остальных телепатов тебе не нужно открывать свои мозги, прежде чем залезть в чужие. Неплохой трюк, весьма полезный.

Грейсон презрительно фыркнул.

— Но даже столь интересное отклонение не стоит беспокойства двух планет.

— Тогда о чем же вы беспокоитесь? — настойчиво спросил Рэйвен.— Узнав самое худшее обо мне, вы уже многое узнали. А теперь дайте мне спокойно поразмышлять над грехами молодости.

— Нам приказано доставить тебя для допроса. То есть целым и невредимым. Так мы и поступим.— Грейсон и не пытал-

ся скрыть своего презрения.— Мы притащили бы даже тигра... Хотя *этот* тигр кажется мне котенком.

— И кто будет меня допрашивать — Большой Босс или какая-нибудь вшивая мелкая сошка?

— Это меня не касается,— ответил Грейсон.— Все, что от тебя требуется,— это пойти с нами и дать ответы на вопросы.

— Лейна, принеси, пожалуйста, мою шляпу и портфель.— Рэйвен многозначительно подмигнул женщине, молча стоявшей в дверях.

— Нет! — рявкнул Грейсон: ему явно не понравился намек.— Стой, где стоишь!

Он повернулся к Рэйвену:

— Принеси их сам.

Потом обратился к Стину:

— Ты иди с ним, а я прослежу за дамой. Успокой его, если он попробует хотя бы щелкнуть зубами.

Двое спокойно вышли в соседнюю комнату, Рэйвен — впереди, Стин — сзади. В глазах Стина уже светилась сила, более могучая, чем любые пули. Присев на подлокотник кресла, Грейсон положил руку с пистолетом на колено, изучающе разглядывая Лейну.

— Ты ведь такая же ментальная устрица, как и он? — спросил Грейсон.— В любом случае, если надеешься, что он сумеет заморочить голову Стину,— можешь не напрягаться. Ему до самого Рождества этого не удастся.

Лейна продолжала молча смотреть в стену, делая вид, будто не слушает.

— Любой телепат может издалека перехитрить и провести гипнотизера, поскольку может прочесть его намерения, находясь на безопасном расстоянии,— авторитетно сообщил Грейсон, словно повествуя о собственном опыте.— Но вблизи у него не больше шансов, чем у целлулоидной куклы. Гипнотизер каждый раз выходит победителем. Я знаю! Гипнотизеры не раз проделывали со мной свои паршивые шуточки, особенно после нескольких кварт венерианского виски.

Женщина не ответила. Ее полное лицо ничего не выражало, оставаясь бесстрастным; но она изо всех сил вслушивалась сквозь болтовню в то, что происходит в доме. Грейсон попытался бы-

стрым и резким ударом проникнуть в ее разум, но наткнулся на непробиваемую броню. Лейла легко отразила его удар, продолжая напряженно прислушиваться. В соседней комнате раздался едва различимый, почти неслышный шорох, за которым последовал негромкий вздох.

Грейсон повернулся в ту сторону с видом человека, который считает, что ему уже пора что-нибудь услышать.

— Кроме того, у меня пистолет, а снаружи ждут крепкие ребята.

Он беспокойно посмотрел на дверь в другую комнату.

— А они не слишком торопятся.

— Никаких шансов,— едва слышно пробормотала Лейна.— Вблизи — никаких шансов.

Что-то в ее лице, глазах или тоне слегка встревожило Грейсона. Изогнув губы в улыбке, он направил на нее пистолет.

— Давай-ка, толстушка. Иди туда, медленно, в двух шагах впереди меня. Посмотрим, что они там застряли.

Лейна встала, на мгновение ухватилась за подлокотник кресла и нехотя повернулась лицом к двери. Она опустила глаза, словно не желая видеть того, что находилось за дверью или в любую секунду могло из-за нее появиться.

Из соседней комнаты вышел Стин, потирая подбородок и самодовольно улыбаясь. Он был один.

— Он попытался со мной развлечься,— заявил Стин, обращаясь к Грейсону и демонстративно не обращая внимания на Лейну.— Как я и предполагал. Результат: теперь он неподвижен, как могильный камень. Нам потребуется длинная доска, чтобы его унести.

— Ха! — Грейсон расслабился и опустил пистолет, переведя взгляд со Стина на Лейну.— Что я тебе говорил? — торжествующе заявил он.— Он, как последний дурак, попытался проделать свой трюк вблизи. Некоторые типы просто неспособны учиться на ошибках!

— Да,— согласился Стин, подходя к нему все ближе.— В самом деле — последний дурак.

Он остановился перед Грейсоном, глядя ему прямо в глаза.

— Вблизи — никаких шансов!

Глаза Стина расширились, в них вспыхнул огонь.

Пальцы Грейсона дернулись и расслабились. Пистолет глухо ударился о ковер. Грейсон открыл рот, потом снова закрыл. С его губ чуть слышно сорвалось:

— Стин... что... черт побери... ты... делаешь?

Глаза Стина стали невероятно огромными, полностью подчиняя волю Грейсона, лишая того возможности сопротивляться. Сияние этих глаз, казалось, заполняло вселенную, обжигало мозг. Потом послышался низкий, монотонный голос, сперва тихий, но становившийся все громче и громче, словно он стремительно приближался, переходя в повелительный рев:

— Рэйвена здесь нет!

— Рэйвена здесь нет,— словно в полусне пробормотал Грейсон.

— Мы не видели никаких его следов. Мы опоздали.

Грейсон повторил эти слова, как автомат.

— Опоздали на сорок минут,— настойчиво произнес голос Стина, парализующий мозг.

— Опоздали на сорок минут,— подтвердил Грейсон.

— Он улетел на двадцатисопельной гоночной машине золотого цвета номер ХВ-сто девять, принадлежащей Мировому Совету.

Грейсон повторил сказанное слово в слово. Он сидел неподвижно, с бессмысленным видом манекена, собирающего пыль в витрине портновской мастерской.

— В неизвестном направлении.

Грейсон повторил.

— На его вилле нет никого, кроме толстой женщины-телепата, не представляющей никакого интереса.

— Нет никого,— с остекленевшим взглядом пробормотал Грейсон, наполовину ослепший и оглохший, полностью находящийся во власти Стина.— Никого... кроме толстой женщины... не представляющей никакого интереса.

— Забери свой пистолет,— сказал Стин.— Вернемся и расскажем обо всем Халлеру.

Он прошел мимо толстой женщины, не представляющей никакого интереса. Грейсон покорно следовал за ним. Никто из них не удостоил Лейну ни единым взглядом. Она же не сводила глаз со Стина: разглядывала его лицо, проникала в то, что на-

ходилось под маской, посылала ему немой упрек, но тот не обращал на нее внимания.

Закрыв за ними дверь, Лейна вздохнула и заломила руки — так, как это делали женщины с самого начала времен. Позади нее послышались неуверенные шаги. Обернувшись, Лейна увидела Дэвида Рэйвена, который стоял, пошатываясь, в двух ярдах от нее.

Он наклонился, потирая лицо руками, словно сомневался, где именно его искать. Черты казались ему чужими, незнакомыми, одно прикосновение к ним внушало страх. Наконец он опустил руки: измученное лицо, полные невыразимого ужаса глаза.

— Мое,— проговорил он голосом, который не принадлежал ни Рэйвену, ни Стину, но как будто обоим сразу.— Он украл то, что было моим и только моим! Он отнял меня у меня самого!

Он замолчал, глядя на женщину полубезумным взором, на лице его по-прежнему отражалась внутренняя борьба. Потом двинулся вперед, вытянув руки со скрюченными пальцами.

— Ты знала об этом. Во имя черноты космоса, ты знала об этом — и помогла ему. Ах ты, толстая неуклюжая заговорщица! Я убью тебя!

Он протянул дрожащие пальцы к ее шее. Лейна продолжала стоять неподвижно и бесстрастно; в ее больших глазах сверкало нечто неописуемое. Руки сомкнулись на ее горле. Она даже не пыталась сопротивляться.

Несколько секунд он держал женщину за горло, слегка царапая ногтями, но не сжимая, со странной гримасой на лице. Наконец отпустил Лейну и поспешно отступил, потрясенный еще больше.

— Господи, и ты тоже! — сказал он, когда снова смог заговорить.

— Что может один, может и другой. Именно это и связывало нас.

Женщина наблюдала, как он садится, как ощупывает свое незнакомое лицо.

— Есть закон, который столь же силен и непреложен, как и закон физического выживания. Он гласит: «Я — это я и не могу быть не мной».

Он молчал, раскачиваясь туда-сюда, поглаживая свое лицо.

— Ты всегда будешь желать того, что по праву принадлежит тебе. Ты будешь желать этого так же сильно, как в минуту смертельной опасности жаждут жить. Ты всегда будешь тосковать о себе самом, отчаянно и безумно, и никогда не познаешь мира и спокойствия, никогда не познаешь полноты и завершенности, если только не...

— Если только не?..— Быстро опустив руки, он озадаченно посмотрел на нее.

— Если только не станешь играть по нашим правилам,— заявила Лейна.— И тогда ты сможешь вернуть потерянное.

— Чего ты от меня хочешь? — Он уже стоял на ногах, с надеждой глядя на нее.

— Полного подчинения.

— Договорились,— горячо пообещал он.

На миг у нее промелькнула глупая мысль, что теперь она освободилась от проблемы «костюма» Рэйвена и от проблем с тем, кто теперь носил этот «костюм».

Группу, поджидавшую Грейсона и Стина, возглавлял худощавый тип по имени Халлер, шести футов ростом, уроженец Марса, мутант третьего типа, пироман. Прислонившись к хвостовой части корабля, он поигрывал серебряной пуговицей на поддельном полицейском мундире. Когда из дома вышли двое, он изобразил крайнюю степень разочарования.

— Ну?

— Не повезло,— сказал Стин.— Ушел.

— И давно?

— Сорок минут назад,— сообщил Стин.

— У него было преимущество в три часа,— сказал Халлер, ковыряя в зубах,— так что мы как пить дать его нагоним. Куда он направился?

— Об этом он не счел нужным сообщить пышнотелой женщине, которую оставил в доме,— небрежно бросил Стин.— Ей известно только, что он прилетел на такси-антиграве, забрал с собой какие-то вещи, которые прятал здесь, и улетел на ХВ-сто девять.

— Женщина в доме,— уставился на него Халлер.— Кем она ему приходится?

— Ха! — ухмыльнулся Стин.

— Понятно,— заявил Халлер, хотя на самом деле ничегошеньки не понял.

Он посмотрел на молчащего Грейсона, похожего на манекен. Задержав на нем взгляд, Халлер хмуро наморщил лоб и спросил:

— Что с тобой такое, черт возьми?

— Э? — Грейсон неуверенно моргнул.— Со мной?

— Ты телепат и должен уметь читать мои мысли, хоть я и не могу читать твои. Я только что десять раз мысленно спросил тебя: у тебя что, болит живот или еще что стряслось, а ты реагируешь, как некий странный феномен с обратной стороны Юпитера. Что с тобой? Посмотреть на тебя — ты страдаешь от передозировки гипноза.

— От передозировки своего же собственного лекарства,— вмешался Стин, быстро пресекая зарождающиеся подозрения Халлера.— Он ввязался в спор с женщиной, которая оказалась такой же, как он сам. Тебе бы понравилось, если бы тебя отделали до полусмерти не только словесно, но и телепатически?

— Не дай бог! — успокоившись, сказал Халлер.

Больше не думая о странном поведении Грейсона, он добавил:

— Нужно двигаться дальше. С этим Рэйвеном нельзя терять ни минуты.

Он забрался в корабль, остальные последовали за ним. Пока закрывался люк и разогревались двигатели, Халлер достал свой межпланетный реестр, перелистал страницы и наконец нашел, что искал.

— Вот она. ХВ-сто девять, одноместная машина с позолоченным покрытием, двадцать сопел. Масса на Земле — триста тонн. Максимальная дальность — полмиллиона миль. Используется как курьерский корабль Мирового Совета, освобожденный от полицейского и таможенного контроля. Гм... Как-то неловко открыто идти на перехват в присутствии свидетелей.

— Если мы вообще его найдем,— заметил Стин.— Мир велик.

— Мы обязательно возьмем его на прицел,— с непоколебимой уверенностью заявил Халлер.— Радиус в полмиллиона миль

ограничивает наши поиски Землей и Луной. Мы знаем, что он не мог ускользнуть прямиком на Марс или Венеру.

Он сверился с зашифрованным перечнем радиоканалов, имевших привязку ко времени. Три тридцать: канал девять. Нажав на соответствующую кнопку, Халлер заговорил в ручной микрофон. Слова его превратились в зашифрованные радиоволны, и их было слишком мало, чтобы кто-нибудь успел подслушать:

— Халлер вызывает Дина. Найди ХВ-сто девять.

Халлер развернул пилотское кресло, уселся, зажег черную пятнадцатидюймовую венерианскую сигару и с наслаждением затянулся, положив ноги на край приборной панели и наблюдая за громкоговорителем.

— ХВ-сто девять,— послышалось в ответ.— Среди вылетевших сегодня не значится. В сегодняшних докладах полицейских наблюдателей не зафиксирован. Оставайтесь на связи.

— Вот это сервис! — похвастался Халлер, бросая красноречивый взгляд на Стина.

— ХВ-сто девять,— подал голос громкоговоритель пять минут спустя.— На парковках Совета с первой по двадцать восьмую отсутствует. Оставайтесь на связи.

— Странно,— заметил Халлер, глубоко затягиваясь и выпуская кривое кольцо дыма.— Если он не на земле, то должен быть в воздухе. Но он не мог подняться в воздух сегодня без отметки о вылете.

— Возможно, он забрал корабль вчера или позавчера и припрятал его здесь,— предположил Стин.

Тщательно закрыв дверцу пилотской кабины, он удостоверился, что она надежно заперта, и присел на край приборной панели неподалеку от Халлера в ожидании очередного сообщения. Оно пришло через десять минут.

— Дин — Халлеру. ХВ-сто девять, находящийся в распоряжении курьера Джозефа Макарда в Дом-Сити, Луна, заправляется перед возвращением. Канал девять — конец связи.

— Не может быть! — воскликнул Халлер.— Невозможно!

Поднявшись, он откусил большой кусок сигары и выплюнул его на пол.

— Кто-то лжет!

Бросив гневный взгляд на Стина, он добавил:

— Ты!

— Я?

Стин с обиженным видом тоже встал, оказавшись нос к носу с Халлером, который заявил:

— Или дамочка дала тебе фальшивый номер, а Грейсон оказался слишком туп, чтобы прочесть в ее мыслях, что она лжет!

Халлер махнул сигарой.

— Может, она направила вас в тупик, смеясь над двумя олухами, которые с радостью туда устремились. Если так, это вина Грейсона. Из вас двоих телепатом был он.

— Как мог Грейсон проникнуть сквозь преграду в ее разуме, подобную могильной плите? — спросил Стин.

— Он мог сказать, что ему не пробиться! Мог дать заняться той женщиной тебе. А после того как ты превратил бы ее в статую, он мог бы легко вытащить из нее что угодно, разве не так? Какой вам смысл ходить парой, если вы слишком тупы, чтобы действовать сообща?

— Вовсе мы не тупые,— и не подумав обидеться, возразил Стин.

— Кто-то водит нас за нос,— настаивал Халлер.— Я это чувствую! Возможно, чертова баба что-то сделала с Грейсоном, у него такой вид, будто его одурманили. На него это не похоже. Приведи его ко мне — хочу разобраться, что с ним.

— Не думаю, что он потребуется,— очень тихо проговорил Стин.— Это только между нами.

— Вот как?

Халлер ни на миг не потерял самообладания. Он даже не попытался схватить лежащий на столе пистолет, лишь аккуратно положил рядом с ним сигару, прежде чем повернуться к Стину.

— Мне кажется, лгал именно ты. Не знаю, что на тебя нашло, но советую одуматься, пока не поздно.

— Вот как?

— Да! Ты — гипнотизер, но что с того? Я могу сжечь твои потроха за три-четыре секунды до того, как ты успеешь меня парализовать. Более того — паралич через несколько часов проходит, зато ты сгоришь навсегда.

— Знаю, знаю. Ты обладаешь силой, пиротической силой.

Стин небрежно, почти случайно коснулся руки Халлера.

Руки их склеились. Халлер попытался отдернуть свою, но обнаружил, что это невозможно. Две руки намертво слились в том месте, где соприкоснулись, словно обретя единую плоть. И там, где они соединились, происходило нечто ужасное.

— Это тоже сила,— сказал Стин.

Глубоко внизу под скопищем обычных складов, номинально принадлежавших Транскосмической торговой компании, раскинулся маленький город, который никоим образом не являлся частью Земли, хотя и находился под ее поверхностью. Практически никому не известный, незаметный, он существовал там уже давно.

Здесь размещалась полевая штаб-квартира подпольного движения Марса и Венеры, его сердце. Тысячи людей ходили по тамошним длинным прохладным коридорам, по рядам огромных подвалов — тысячи избранных, каждый из которых не являлся человеком в обычном смысле этого слова.

В одном из подвалов работали около десятка стариков с гибкими пальцами, двигавшиеся медленно, на ощупь, словно слепые. Глаза их были не обычными глазами. Хотя старики были слишком близоруки, чтобы четко видеть на расстоянии больше трех или четырех дюймов, в этих малых пределах они могли пересчитать ангелов на острие иглы.

Казалось, будто старики постоянно обнюхивают предметы, над которыми трудятся, поднося их почти к самому носу и скосив глаза под неестественным углом. Но действовали они невероятно быстро. Это были мутанты девятого типа, обычно именуемые микроинженерами. Им ничего не стоило сделать семилетний радиевый хронометр, столь миниатюрный, что он мог бы послужить украшением бриллиантового перстня.

В соседнем подвале находились другие мутанты — шутники, которые постоянно испытывали друг на друге свои странные способности.

Двое из них сидели друг напротив друга, играя в карты. Потом черты лица одного из них быстро и разительно изменились.

— Смотри, я — Питерс!

Столь же быстрая перемена произошла с лицом другого.

— Забавно, я — тоже Питерс!

Оба громко расхохотались. Похожие друг на друга, как близнецы, они продолжали игру; при этом каждый исподтишка разглядывал другого в ожидании, когда пластичное лицо ненароком расслабится, выдав истинную личность своего обладателя.

Вошли еще двое, чтобы присоединиться к карточной игре. Один из них плавно перелетел через стол и опустился на стул по другую сторону. Второй пристально посмотрел на ближайший стул, заставил его вздрогнуть, качнуться, а потом переместил прямо под свою задницу. «Близнецы» отнеслись ко всему этому как к самому обычному делу, продолжая как ни в чем не бывало сдавать карты.

Карты прыгнули прямо в руку того мутанта, что двигал стул. Что-то ворча себе под нос, он посмотрел на карты и со скучающим видом сказал:

— Если вам, придуркам, так нравится выглядеть Питерсом, могли хотя бы пахнуть по-разному, чтобы можно было вас различить.

Он снова что-то проворчал.

— Пас.

Кто-то заглянул в дверь, улыбнулся и пошел дальше по коридору. Десять секунд спустя первый Питерс сунул в рот сигарету — и обнаружил, что она подожжена с обоих концов. Выругавшись, он встал и покинул комнату, прихватив свои карты, чтобы за время его отсутствия они пару раз не перевернулись сами собой.

Грейсон вошел в этот подземный зоопарк слегка подпрыгивающей походкой, закрыв свой разум от любых вторжений и подозрительно глядя по сторонам. Он явно спешил, и вид у него был такой, словно он опасается собственной тени.

В конце длинного коридора, упиравшегося в тяжелую стальную дверь, Грейсона встретил охранник-гипнотизер.

— Дальше хода нет, приятель. Здесь обитель босса.

— Знаю. И хочу немедленно видеть Кейдера.— Грейсон оглянулся и раздраженно махнул рукой.— Передай ему, что лучше ему меня выслушать, прежде чем все здесь взлетит на воздух.

Охранник окинул Грейсона оценивающим взглядом, открыл заслонку микрофона на двери и что-то проговорил. Несколько секунд спустя дверь открылась.

Грейсон вошел и тяжело зашагал через большую комнату, где за маленьким столом сидел один-единственный человек.

Приземистый и широкоплечий, с тяжелой челюстью, Кейдер был уроженцем Венеры и, вероятно, единственным на Земле мутантом одиннадцатого типа. Он мог общаться с помощью еле слышных звуков, которые издавали девять видов венерианских насекомых. Семь видов являлись крайне ядовитыми и готовы были оказать своим друзьям смертоносные услуги. Таким образом, Кейдер обладал внушающей ужас мощью человека, которому служила лишенная нервов нечеловеческая армия, слишком многочисленная, чтобы ее можно было уничтожить.

— Что на сей раз? — бросил Кейдер, поднимая головы от стопки документов.— Быстро и по существу. Сегодня я не в духе. Не нравится мне этот мир.

— Мне тоже,— кивнул Грейсон.— Вы кое-что откопали про Дэвида Рэйвена и приказали доставить его сюда.

— Да. Не знаю, что он за тип, но, похоже, может пригодиться. Куда вы его поместили?

— Никуда. Он сбежал.

— Ненадолго,— уверенно заявил Кейдер.— Я знаю, он отчаянно ищет, где бы укрыться, но нам понадобится немного времени, чтобы вытащить его из любого убежища.

Он махнул рукой.

— Продолжайте преследование. Рано или поздно мы до него доберемся.

— Дело в том, что мы до него *уже* добрались,— сказал Грейсон.— Он лежал на брюхе, вывалив язык, как загнанная лиса. Но потом сбежал.

Кейдер откинулся на спинку кресла.

— То есть он был у вас в руках? И вы позволили ему ускользнуть? Как?

— Не знаю.

Грейсон даже не пытался вилять.

— Просто не знаю. Ничего не могу понять. Меня это так сбило с толку, что я и пришел к вам.

— Ближе к делу. Что именно произошло?

— Мы проникли в его убежище. С ним была женщина — истинный телепат, как и Рэйвен. Со мной был Стин, наш лучший гипнотизер, но Рэйвен просто посмеялся над ним.

— Продолжайте! Без театральных пауз!

— В итоге Стин обработал меня,— поспешно продолжал Грейсон.— Он застал меня врасплох, загипнотизировал, приказал вернуться на корабль и сказать Халлеру, что мы не нашли никаких следов Рэйвена. Потом вошел в кабину к Халлеру.

По штанине Кейдера взбежало маленькое, многоногое, похожее на паука существо. Небрежно опустив руку, тот поймал его и посадил на стол — ярко-зеленое создание с восемью глазами, похожими на булавочные головки.

— Через несколько часов я пришел в себя,— с отвращением глядя на «паука», сказал Грейсон.— К тому времени Халлер свихнулся, а Стин исчез.

— Как вы сказали? Халлер свихнулся?

— Да, он нес какую-то чушь, словно ему перетряхнули мозги. Бормотал что-то о полной тщете всех усилий Марса и Венеры, о распрях на Земле, о невиданном великолепии Вселенной, о величии смерти и тому подобном. Он вел себя так, будто еще немного — и он отправится на тот свет, просто ему нужно время, чтобы собраться с духом.

— Халлер — пироман,— заметил Кейдер.— Вы — телепат. Вы об этом забыли? Или были чересчур одурманены?

— Нет. Я заглянул Халлеру под череп.

— И что обнаружили?

— Нечто жуткое. Его мысли напоминали только что размешанную кашу. Длинные цепочки псевдологических умозаключений, нанизанные в ряд, как молитвенные четки. Например: «Стин это я это Рэйвен это ты это другие это все». Или: «Жизнь это не-жизнь это будущая-жизнь это чудо-жизнь но не другая-жизнь».

Грейсон покрутил пальцем у виска.

— Полнейший идиотизм.

— Чрезмерная передозировка гипноза,— невозмутимо констатировал Кейдер.— Халлер, видимо, страдал гипноаллергией. Вряд ли мы сможем теперь это выяснить. И возможно, теперь ему уже не поможешь.

— Может быть, это случайность. Стин мог не знать, что Халлер столь восприимчив. Хотелось бы так думать.

— Потому что вам претит мысль о том, что ваш приятель мог обратиться против собственных друзей. Случайно или нет, но Стин поставил крест на Халлере, одном из себе подобных и к тому же своем непосредственном начальнике. Такой поступок называют очень нехорошим словом. Это предательство!

— Не думаю,— упрямо сказал Грейсон.— Без Рэйвена тут явно не обошлось. Стин не мог бы проделать такое без веских причин.

— Конечно не мог,— с сардонической улыбкой на мясистом лице согласился Кейдер. Он что-то прочирикал зеленому паукообразному, которое исполнило странный танец, вероятно, имевший некий смысл.— У каждого есть свои причины, какими бы они ни являлись. Взять, к примеру, меня. Я — честный, лояльный и заслуживающий абсолютного доверия гражданин Венеры по той причине, что никто и никогда достаточно веско не склонял меня к обратному. Моя цена слишком высока.

Он бросил многозначительный взгляд на Грейсона.

— Могу предположить, что со Стином все обстояло по-другому. Он слишком низко себя ценил, и Рэйвен это понял.

— Даже если Стин из тех, кого можно перекупить, в чем я сомневаюсь, как это могло произойти? Он ни с кем не общался.

— Он был с Рэйвеном наедине, не так ли?

— Да,— кивнул Грейсон.— Но всего несколько минут, в соседней комнате, и я мог слышать все, что там происходило. Разум Рэйвена оставался закрытым. Судя по мыслям Стина, Рэйвен повернулся к нему, словно собираясь что-то сказать. Рэйвен коснулся его — и разум Стина немедленно тоже закрылся. Гипнотизер на такое не способен. Гипнотизер не может закрыться, подобно телепату,— но он смог!

— Ага! — сказал Кейдер, внимательно глядя на Грейсона.

— Это сразу показалось мне настолько странным, что я встал и пошел взглянуть, что же произошло. Но тут Стин появился снова, и я на радостях не заметил, что его разум все еще закрыт. Прежде чем я успел что-либо сообразить, он уже делал со мной что хотел. Само собой,— извиняющимся тоном закончил Грейсон,— в отношении Рэйвена я держался настороже, но в отно-

шении Стина — нет. Никогда не ожидаешь, что союзник может внезапно сбить тебя с ног.

— Конечно.

Кейдер снова что-то чирикнул пауку и, когда тот послушно отполз в сторону, протянул руку к настольному микрофону.

— Устроим двойную охоту. За двоими следить ненамного сложнее, чем за одним. Скоро Стина приволокут сюда для всесторонней проверки.

— Вы кое о чем забыли,— сказал Грейсон.— Я ведь здесь.— Он помолчал, чтобы Кейдер успел осознать смысл его слов.— Стину тоже известно это место.

— Вы имеете в виду, что он способен нас выдать, что на нас могут напасть?

— Да.

— Сомневаюсь,— спокойно проговорил Кейдер.— Если бы наши противники на Земле узнали об этом центре и решили вывести нас из строя, им пришлось бы действовать быстро. Им бы следовало напасть еще несколько часов назад, воспользовавшись элементом неожиданности.

— Что помешает им оказаться хитрее, чем в прошлый раз? Сперва как следует подготовиться, а потом все здесь взорвать?

— Вы чересчур нервничаете,— усмехнулся Кейдер.— У нас тут достаточно талантов. А в случае провала мы можем уйти в убежище. Лучше уж иметь дело со знакомым дьяволом, чем с незнакомым.

— Полагаю, вы правы,— неуверенно отозвался Грейсон.

— Можете не сомневаться — прав.— Кейдер фыркнул, выражая свое презрение к любому другому предположению, и включил микрофон.— Д-семьсот двадцать семь гипнотизер Стин нас предал. Схватить его любой ценой, немедленно.

— Д-семьсот двадцать семь гипнотизер Стин,— донесся приглушенный тяжелой дверью голос наружного громкоговорителя.

Потом отозвался еще один громкоговоритель, расположенный дальше в лабиринте коридоров:

— Д-семьсот двадцать семь гипнотизер Стин... схватить его... немедленно!

На другом конце подземного обиталища, ближе к потайному входу, близорукий рабочий раздраженно повернул голову к

громкоговорителю, которого не видел; затем аккуратно вставил в миниатюрный держатель радиолампу размером со спичечную головку.

За соседней дверью небритый пироман шлепнул валета треф на пятерку червей левитатора.

— Оп-па! Ты должен мне полтинник.

Он откинулся на спинку стула и потер щетинистый подбородок.

— Предал нас, а? Никогда не слыхал об этом Стине.

— Он пожалеет о своем предательстве,— предрек кто-то из наблюдавших за игрой.

— Чушь! — бросил первый.— Когда ты мертв, жалеть уже не о чем!

Глава 4

Почувствовав, что он возвращается, Лейна бросила взгляд в окно; так и есть, он шагал по дорожке. В прекрасных глазах женщины мелькнуло разочарование, она отодвинулась от занавесок.

— Он возвращается. Что-то пошло не так.

Она открыла дверь в соседнюю комнату.

— Я не собираюсь оставаться здесь и наблюдать за вашей встречей. Тут уж ничего не поделаешь. Иначе никак нельзя, даже с точки зрения здравого смысла.

— Не оставляй меня с ним наедине. Прошу! Я не смогу с собой совладать. Я попытаюсь его убить, хотя он вполне может убить меня. Я...

— Ничего подобного ты не сделаешь,— возразила Лейна.— Не настолько ты глуп, чтобы убить самого себя, уничтожить собственное «я»!

Она замолчала, услышав мысленный зов: «Лейна!» — но не ответила.

— Помни о своем обещании: полное подчинение. Делай все, что он скажет; это твой единственный шанс.

С этими словами женщина вышла, закрыв за собой дверь и предоставив человека собственной судьбе. В соседней комнате она уселась на стул с видом школьной учительницы, не желающей ввязываться в некую непростительную эскападу.

Кто-то появился в комнате, которую она только что покинула; его мысль проникла сквозь стену, мягко коснувшись разума женщины:

— Все в порядке, Лейна, через минуту можешь выйти.

Потом прозвучали слова вслух, обращенные к другому:

— Ты готов вернуться?

Молчание.

— Ты ведь наверняка хочешь вернуться, не так ли?

— Проклятый вампир,— послышался шепот,— ты ведь знаешь, что хочу!

— Тогда получай!

Лейна закрыла глаза, хотя ничего не могла увидеть. Из соседней комнаты донеслось несколько быстрых сдавленных всхлипываний, приглушенные рыдания. Потом — глубокий благодарный вздох.

Она встала и, плотно сжав губы, направилась к двери. Стин, безвольный, бледный, сидел на надувной кушетке; взгляд его некогда яростно горящих глаз, казалось, был обращен куда-то внутрь.

— Я завладел твоим телом,— сказал Рэйвен Стину.— Хоть ты и враг, приношу свои извинения. Нечестно отбирать у людей жизнь без их разрешения.

— Жизнь? — Стин побледнел еще больше.— Значит, честно отбирать у людей смерть?

Мысли его путались.

— Ты хочешь сказать...

— Не стоит делать поспешные выводы,— посоветовал Рэйвен, читая мысли Стина так легко, как будто они были напечатаны на бумаге.— Возможно, ты прав. Возможно, безнадежно ошибаешься. В любом случае, ты уже ничего не можешь изменить.

— Дэвид,— вмешалась Лейна, глядя в окно,— а если они вскоре явятся с бо́льшими силами, лучше подготовленные?

— Они явятся,— невозмутимо подтвердил Рэйвен.— Но не сейчас. Могу поспорить, они думают, что добыче нет смысла возвращаться в ловушку. Когда-нибудь они поймут, что ошиблись, и решат проверить этот дом, но будет уже слишком поздно.

Он снова повернулся к Стину.

— Они ищут меня по всей планете, напрасно считая важной фигурой. Кто-то, видимо, снабдил их информацией, которая их так взволновала. Кто-то из больших шишек Земли, похоже, не оправдал возложенного на него доверия. Ты не знаешь, кто именно?

— Нет.

Рэйвен не усомнился в правдивости ответа, легко читая мысли собеседника.

— Теперь они охотятся и за тобой.

— За мной? — Стин пытался собраться с мыслями.

— Да. Я совершил прискорбную ошибку, попытавшись подчинить себе командира вашего корабля. Но он оказался не обычным пироманом; он обладал интуитивной восприимчивостью, хорошо развитой формой внечувственного видения, и это позволило ему увидеть, почувствовать и оценить то, о чем ему не следовало знать.

Рэйвен бросил взгляд на Лейну — та судорожно вздохнула и прижала ладонь к горлу.

— Я этого не ожидал; а поскольку даже не подозревал, что столкнусь с чем-либо подобным, был застигнут врасплох,— продолжал Рэйвен.— Пироман с внечувственным восприятием — тринадцатый тип. Он и сам не понимал, что малость выделяется даже среди других мутантов.

Уставившись в пол, Рэйвен поводил по ковру носком ботинка.

— Как только мы вошли в контакт, он узнал обо мне столько, сколько ты никогда не смог бы узнать... И это оказалось для него слишком. В отчаянии он попытался ухватиться за единственный, как ему казалось, способ спасения. Естественно, он ошибался, но в критической ситуации люди не мыслят здраво. Вот почему он стал для меня бесполезен.

— В смысле? — в ужасе уставился на Рэйвена Стин.

— Он повредился в рассудке. И в этом обвиняют тебя.

— Меня? — переспросил Стин.— Мое тело?

Он встал, ощупывая грудь и лицо, посмотрел в зеркало, словно ребенок, желающий удостовериться в красоте своей новой одежды.

— Мое тело,— повторил он.— Но это же был не я!

— Попытайся убедить их в этом.

— Они приставят ко мне телепата, и тот прочитает правду. Я не могу наврать им с три короба — это невозможно.

— Нет ничего невозможного. Лучше вычеркни это слово из своего словаря. Ты можешь рассказывать чудовищную ложь где угодно, отсюда до Альдебарана, если сперва над тобой поработает гипнотизер, более сильный, чем ты сам.

— Вряд ли за это меня убьют,— обеспокоенно пробормотал Стин.— Но наверняка посадят под замок. Что еще хуже! Я такого не выдержу, уж лучше смерть!

— В твоих словах что-то есть, хотя ты сам этого не понимаешь,— усмехнулся Рэйвен.

— Тебе хорошо, ты можешь смеяться,— огрызнулся Стин, упустив смысл реплики, которую слышал вполуха.— Попробуй посади тебя за решетку, если через пять минут ты сможешь завладеть телом охранника и выйти в его обличье! Да что там, ты мог бы пойти еще дальше: захватить нужного чиновника и подписать приказ о собственном освобождении. Ты мог бы... мог бы...

Он замолчал, не в силах справиться с ревущим потоком мыслей, в котором мешались бесчисленные варианты событий.

Читая эти мысли, Рэйвен улыбнулся.

— Наверняка ты мог бы строить предположения бесконечно. Но даже если я в конце концов поменяюсь местами с тайным главой заговорщиков Марса и Венеры, сомневаюсь, что смогу установить мир, женившись на первой красавице Земли.— Рэйвен щелкнул языком.— Ты, похоже, начитался дешевых марсианских любовных романов или насмотрелся чего-нибудь эдакого по спектровидению.

— Возможно,— признался Стин, давно привыкший, что его пристрастия часто извлекают на свет божий и критикуют.— В любом случае, чтобы тебя остановить, похоже, нужно тебя взорвать, разнести на куски.

Он посмотрел на Лейну, потом снова на Рэйвена.

— И даже это мало что даст, если найдется тебе подобный, готовый занять твое место.

— Ты уже начинаешь считать нас победителями, а?

Снова улыбнувшись, Рэйвен повернулся к Лейне:

— Похоже, не так уж плохо, что я завладел его телом.

— А я говорю, что ничего хорошего в этом нет,— твердо ответила та.— Нет, не было и не будет.

— В принципе, я с тобой согласен.

Рэйвен вернулся к разговору со Стином.

— Послушай, я пришел сюда не ради забавы. У меня есть на то причина, которая непосредственно касается тебя.

— Каким образом?

— Сперва скажи — ты готов играть на нашей стороне или останешься при прежних убеждениях?

— После того, что я испытал,— ответил Стин, беспокойно ерзая на стуле,— мне кажется, что безопаснее будет перейти на другую сторону. Но...

Он покачал головой.

— Я не могу этого сделать. Я не из таких. Тот, кто изменяет своим,— ничтожество.

— Значит, останешься антиземлянином?

— Нет! — Стин пошаркал ногами, избегая пристального взгляда собеседника.— Я не стану предателем. Но в то же время мне кажется, что выступать против Земли — безумие, которое ни к чему не ведет.

По мере того как он собирался с мыслями, голос его становился все тише.

— Вообще-то я хочу лишь одного — вернуться домой и залечь на дно, соблюдая нейтралитет.

Это было правдой, которая читалась в его растревоженном разуме. Стин был потрясен до глубины души, сыт по горло случившимся, его полностью покинул прежний задор. Потерять руку или ногу — немалый шок, но куда больший — потерять все тело.

— Даже если ты вернешься домой, тебе вряд ли удастся отсидеться,— сказал Рэйвен.— Когда начинается всеобщая истерия и принимаются искать, на ком сорвать злость, обычно выбирают как раз тех, кто держит нейтралитет.

— И все-таки я попытаюсь.

— Как хочешь.— Рэйвен кивнул на дверь.— Это твой путь к свободе; а цена его — кое-какая информация.

— Что ты хочешь знать?

— Как я уже говорил, кто-то из высокопоставленных землян на меня донес. Кто-то из наших оказался подонком. Ты ответил, что не знаешь, кто именно. Кто может это знать?

— Кейдер,— ответил Стин, в основном потому, что выбора у него не было.

Имя само собой всплыло у него в голове, где Рэйвен мог прочесть его так легко, словно оно светилось неоновыми огнями.

— Кто такой Кейдер? Где живет?

Ответить на эти вопросы было уже проще и безопаснее. Где живет? Стин представил себе Кейдера и его личную резиденцию, пытаясь подавить любые мысли о подпольном центре. Совесть не мучила Стина. За пределами тайного центра Кейдер цинично и в полной мере пользовался правами землянина, даже возглавлял небольшое, но настоящее агентство по доставке товаров с Венеры. Кейдер вполне способен был сам о себе позаботиться.

— В чем заключаются особые способности Кейдера, если таковые имеются? — спросил Рэйвен, прочитав мысленный ответ.

— Точно не знаю. Слышал, будто он умеет разговаривать с насекомыми.

— Мне этого довольно.

Рэйвен ткнул пальцем в сторону двери.

— Убирайся! Будешь соблюдать нейтралитет — может, тебе и повезет.

— У меня нет иного выбора, кроме как быть нейтральным,— согласился Стин. И, остановившись на пороге, с жаром добавил: — Надеюсь, мы с тобой никогда больше не встретимся.

Бросив взгляд на небо, он быстро удалился.

— Заметил? — обеспокоенно спросила Лейна.— Он посмотрел вверх. И хотя полностью владел собой, в его мыслях ясно читалось, что именно он увидел. Снижающийся вертолет.

Она тоже взглянула на небо.

— Да, он садится. Дэвид, ты слишком много говорил и провел здесь чересчур много времени. Что ты теперь собираешься делать?

Он безмятежно взглянул на Лейну.

— Похоже, женщина всегда останется женщиной.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда ты нервничаешь, ты начинаешь так активно думать, что перестаешь слушать. Далеко не каждый приближающийся к дому — враг.

Преодолев тревогу, она прислушалась к мешанине мыслей, исходивших из вертолета над головой. В машине было четверо, чьи мысли с каждой секундой становились все четче; эти люди даже не думали закрывать свои разум. Все мысли были мыслями пешек.

— В доме, похоже, тихо. Кто там сворачивает с тропинки и выходит на дорогу?

— Не знаю, но это не он. Слишком низкий и грузный.

Пауза.

— Так или иначе, Карсон говорил, что тут должна быть пышнотелая амазонка. Можем поговорить с ней, если не найдем Рэйвена.

— Слышала? — спросил Рэйвен.— У тебя появился обожатель в лице Карсона.

— Никогда не встречалась с ним. Вероятно, ты ему обо мне рассказывал.

Женщина посмотрела в окно и снова прислушалась. Зловещие мысли теперь раздавались прямо над крышей.

— Надо было выделить нам телепата. Слыхал, будто лучшие из них умеют улавливать мысли до самого горизонта.

— Читающего мысли в полицейской команде никогда не будет,— заметил другой.— Общественность этого не вынесет. После той шумихи с «полицией мыслей», что была два столетия назад, существует правило, что ни один телепат не может стать копом.

— Общественность! Меня от нее тошнит! — презрительно заявил третий.

— Эй! — послышалась тревожная реплика-мысль.— Сбрось обороты на сотню! Там, внизу, земля, а не губчатая резина. Ты что, не можешь разговаривать, не закрывая глаз?

— Кто управляет этой штуковиной, ты или я? Я сажал ее на расстеленный носовой платок, когда ты еще под стол пешком ходил.

Пауза.

— Держитесь, садимся!

Висящая под двойным светящимся кругом машина проплыла вниз мимо окна и коснулась покрышками клумбы с ноготками. Из вертолета вышли четверо; один со скучающим видом прислонился к тупорылому фюзеляжу, остальные трое направились к дому. Все были в штатском.

— В чем дело? Что-нибудь срочное? — спросил Рэйвен, встретив их у дверей.

— Понятия не имею.— Шедший впереди смерил его взглядом с ног до головы.— Да, вы и в самом деле Рэйвен. Карсон хочет с вами поговорить.

Он махнул рукой в сторону ожидавшей машины.

— Мы прилетели на этом вертолете, поскольку на нем есть закрытый канал связи. Можете поговорить с ним прямо оттуда.

— Хорошо.

Забравшись в машину, Рэйвен устроился в кабине, ожидая, когда включат связь.

Наконец ожил и засветился экран, на нем появилось лицо Карсона.

— Быстро,— одобрительно сказал он.— Я послал за вами десять патрулей и думал, что на поиски у них уйдет неделя.

Он покрутил какую-то ручку, и изображение стало четче.

— Что произошло — если вообще что-нибудь произошло?

— Не так уж много,— сообщил Рэйвен.— Оппозиция дважды пыталась натравить на меня своих людей, но я справился. Покамест никто не одержал победы. Мы сидим по углам, сосем лимоны, ждем гонга и бросаем друг на друга злобные взгляды.

— Это у вас так,— нахмурился Карсон.— У нас тут все куда хуже. Честно говоря, ситуация накалена до предела.

— В смысле?

— Завод «Бакстер юнайтед» сегодня утром взлетел на воздух. Мы делаем все возможное, чтобы новость как можно дольше не появилась по спектровидению.

— «Бакстер» — довольно крупное предприятие, так? — невольно сжав кулаки, спросил Рэйвен.

— Крупное? — Карсон мрачно усмехнулся.— Как раз заканчивалась ночная смена, самая малочисленная. Так что число жертв оценивается примерно в четыре тысячи.

— О господи!

— Внешне все выглядело как случайная промышленная авария,— сурово продолжал Карсон.— А это может означать что угодно. Насколько нам известно, до сих пор каждый подобный инцидент и впрямь являлся несчастным случаем. Мы не сможем утверждать обратное, пока не сработают несколько детекторов.

— А в данном случае детекторы имелись?

— И не один. Десятки. Завод имеет огромное стратегическое значение и охранялся соответственным образом. Мы достаточно предусмотрительны.

— И?..

— Девяносто пять процентов наших детекторов полностью уничтожены. Несколько оставшихся слишком повреждены или не зафиксировали ничего подозрительного. Несколько патрулей, частично состоящих из телепатов и гипнотизеров, ничего не смогли обнаружить.

— Никто не выжил? — спросил Рэйвен.

— Не совсем. Есть свидетели. Их вряд ли можно назвать выжившими, поскольку ближайший из них находился в миле от завода. Они говорят, что земля резко содрогнулась, раздался чудовищный грохот и вокруг посыпались обломки. Взрыв был невероятно сильным. Маневровый локомотив весом в двести тонн отбросило на тысячу ярдов.

— Судя по тому, что вы говорили раньше, тактика противника заключается в хитроумном, но действенном саботаже без особых жертв, фактически с минимальным кровопролитием,— заметил Рэйвен.— В конце концов, жителей всех планет связывают кровные узы.

Он посмотрел на экран.

— Но если это печальное событие — их рук дело, значит, отношение к нам радикально изменилось и с нами решили безжалостно расправиться.

— Именно этого мы и боимся,— подтвердил Карсон.— Какой-нибудь марсианский или венерианский фанатик, опьяненный собственным успехом, может опередить общественное мнение своей планеты, форсируя события всеми доступными средствами. Мы не можем с таким смириться!

Кивнув, Рэйвен выглянул из кабины. Члены экипажа бродили поодаль, разговаривая, покуривая, глядя в небо. Далеко на во-

стоке взмыл над горизонтом космический лайнер, описал дугу и исчез в синеве, оставив за собой тонкий белый след.

— Зачем вы меня вызывали? Что я должен делать?

— Ничего,— ответил Карсон.— По крайней мере, прямых приказов не будет. Что делать — решайте сами. Я просто передал вам информацию, а вы попробуйте выяснить, что она может означать.

Карсон вздохнул и устало потер лоб.

— Задумка Марса и Венеры состоит в том, чтобы устраивать катастрофы, с виду похожие на несчастные случаи, пока наши силы не истощатся до такой степени, что нам придется сдаться. Но несчастные случаи происходят время от времени даже в самых управляемых сообществах. Без достаточно веских доказательств мы не можем отличить настоящую катастрофу от подстроенной.

— Конечно.

— Большое искушение обвинить оппозицию в какой-нибудь крупной катастрофе, которая внушит им не меньший ужас, чем нам. С другой стороны, если мы действительно будем знать, что это их рук дело и кто именно такое сотворил, мы сможем вешать их целыми шеренгами. Земное гражданство их не спасет. Убийство остается убийством в любой зоне космоса.

— Хотите, чтобы я все бросил и занялся этим делом?

Черты лица Карсона заострились.

— Ни в коем случае. Завершить бессмысленное противостояние — если такое возможно — куда важнее, чем разбираться с каждым порожденным им инцидентом в отдельности. Продолжайте действовать в соответствии со своими планами. Но я бы хотел, чтобы вы при каждом удобном случае пытались разузнать об этом взрыве. Если что-нибудь выясните, как можно быстрее сообщите мне.— Карсон стиснул зубы и сощурился.— Тогда я приму меры.

— Ладно. Буду смотреть в оба глаза и слушать в оба уха. Вы узнаете обо всем, что мне удастся откопать. Кстати, а чем занимался завод Бакстера? — с любопытством глядя на Карсона, спросил Рэйвен.

— Вот вы о чем спрашиваете!

— Мне не положено этого знать?

— Ну...— Поколебавшись, Карсон сказал: — Не вижу серьезных причин держать вас в неведении. Если Герати будет против, это его проблемы. Не понимаю, почему оперативники должны получать лишь половинную информацию.

Карсон уставился на экран так, словно пытаясь заглянуть за спину собеседника.

— Кто-нибудь может нас подслушать?

— Нет.

— Тогда строго между нами. Через два месяца «Бакстер» должен был закончить партию из десяти двигателей совершенно нового типа, работающих на столь же новой и революционной разновидности топлива. Экспериментальная беспилотная модель корабля с таким двигателем совершила в конце прошлого года полет к поясу астероидов и обратно. Общественности ничего не сообщалось — пока.

— То есть вы готовитесь к Большому Прыжку? — невозмутимо спросил Рэйвен.

— Готовились.— В голосе Карсона прозвучала легкая горечь, когда он сказал об этом в прошедшем времени.— Четыре трехдвигательных корабля должны были отправиться в систему Юпитера. Более того, полет должен был стать лишь испытанием, обычной прогулкой, самым началом. Если бы все прошло успешно...

Он не договорил.

— Тогда — к дальним планетам? На Плутон?

— Это было бы обычной прогулкой,— повторил Карсон.

— К альфе Центавра?

— Возможно, даже дальше. Слишком рано оценивать возможные пределы перелетов. Но пределы эти очень, очень велики.

Карсон пристально посмотрел на Рэйвена.

— Похоже, вас это не слишком взволновало.

Не объясняя причин своей странной невозмутимости, Рэйвен спросил:

— Новое топливо — оно взрывоопасно?

— Конечно! Вот почему мы в полном замешательстве. Вполне мог произойти обычный несчастный случай — несмотря на все принятые меры предосторожности.

— Гм...— Рэйвен ненадолго задумался.— Есть тут одна сомнительная личность, венерианец по имени Кейдер. Он руководит торговой компанией «Морнинг стар». Надо бы проверить его подноготную.

— У вас на него что-нибудь есть?

— Только одно: по словам надежного источника, Кейдер находится на Земле вовсе не с торговыми целями. Мой информатор, похоже, считает его местным боссом оппозиции.

— Кейдер,— повторил Карсон, делая пометки в невидимом блокноте.— Я сверюсь с данными разведки. Даже если он законный землянин, он должен фигурировать в базе разведки как уроженец Венеры.

Закончив писать, он поднял глаза.

— Ладно. Можете воспользоваться этим вертолетом, если нужно. Еще что-нибудь?

— Один плодородный астероид для меня лично.

— Когда мы завладеем несколькими сотнями астероидов, я зарезервирую один для вас,— без тени улыбки пообещал Карсон.— Судя по нынешним темпам экспансии, он будет готов к заселению через сотню лет после вашей смерти.

Протянув руку, он повернул какой-то рычажок. Экран погас.

Некоторое время Рэйвен сидел с отсутствующим видом; на его худом лице застыло слегка озадаченное выражение.

«Через сто лет после вашей смерти»,— сказал Карсон. Подобная дата не имела никакого смысла. Несуществующая точка во времени. Есть те, к кому не может прийти темный ангел. Есть те, кто не может погибнуть от человеческой руки.

— От человеческой руки, Дэвид,— ворвалась в его размышления мысль находившейся в доме Лейны.— Помни об этом! Всегда!

— О таком невозможно забыть,— ответил он.

— Может быть — но, в любом случае, никогда об этом не забывай.

— Почему бы мне и не забыть? Нас тут двое: ты — для того, чтобы помнить, а я — для того, чтобы заниматься своими делами. Забывчивость вполне простительна.

Она не ответила — да и что она могла сказать? Лейна добровольно согласилась сотрудничать с ним и должна была всегда помнить о своем согласии, даже если об этом не упоминалось.

Лейна не боялась ни человека, ни зверя, ни света, ни тьмы, ни жизни, ни смерти. Тревогу ей внушало лишь одно: она боялась одиночества, ужасного, жгучего одиночества существа, оставшегося единственным во всем мире.

С трудом выбравшись из тесной кабины, Рэйвен потопал, разминая ноги, и выбросил Лейну из головы. Не стоило пытаться проявлять сочувствие к высшему разуму, столь же могущественному, как его собственный.

Четверо людей, ожидавших его снаружи, подошли ближе.

— Доставьте меня по этому адресу,— сказал Рэйвен пилоту.— Я хотел бы оказаться там вскоре после захода солнца.

Глава 5

Кейдер вернулся домой, когда уже сгущались сумерки, и посадил свой спортивный летательный аппарат на заднем дворе. Двое помощников загнали его в небольшой ангар, заперли дверь и вместе с Кейдером направились к дому.

— Опять поздно,— проворчал он.— Копы сегодня что-то нервничают. Меня три раза останавливали. «Ваши права, будьте любезны? Ваше пилотское удостоверение? Ваш летный сертификат?»

Он презрительно фыркнул.

— Интересно, почему они не попросили показать мои родимые пятна?

— Видимо, что-то случилось,— предположил один из помощников.— Хотя по спектровидению ничего не показывали.

— Такое редко показывают,— заметил второй.— Прошло три недели, а они так и не признали, что то нападение...

— Тихо! — Кейдер сильно ткнул его локтем в бок.— Сколько раз говорить — держи язык за зубами!

Он остановился на пороге с ключом в руке и окинул взглядом край неба в тщетной надежде увидеть белую звездочку, столь редко попадавшуюся на глаза. Привычка была совершенно бесполезной, поскольку он знал, что до раннего утра Венера не появится. На противоположной стороне, на полпути к зениту, го-

рела ярко-красная звезда. На нее Кейдер не обратил внимания — Марс был союзником, и только. Он считал марсиан приспособленцами, которым хватило ума перейти на сторону Венеры.

Открыв дверь, он вошел внутрь и погрел руки у термопанели.

— Что на обед?

— Венерианская утка с жареным миндалем и...

Громко прозвучал дверной звонок. Кейдер резко повернулся, бросив взгляд на того помощника, что был повыше.

— Кто это?

Помощник посмотрел на дверь, мысленно глядя сквозь нее.

— Некто по имени Дэвид Рэйвен.

Кейдер сел.

— Ты уверен?

— Так говорят его мысли.

— Что еще?

— Больше ничего. Только то, что его зовут Дэвид Рэйвен. Остальное — чисто.

— Задержи его немного, а потом впусти.

Подойдя к огромному столу, Кейдер поспешно выдвинул ящик, достал маленькую узорчатую шкатулку из венерианского болотного дерева и открыл крышку. Внутри была толстая подушечка из розоватых листьев, смешанных с сухими шипастыми цветами. В центре подушечки лежало нечто, напоминавшее щепотку обычной соли. Кейдер издал чирикающий звук, и крошечные блестящие зернышки тут же зашевелились и забегали.

— Он знает, что вы нарочно заставляете его ждать, и знает почему,— заметил высокий помощник, с плохо скрываемой тревогой глядя на шкатулку.— Он в точности знает, что вы делаете и что у вас на уме. Он способен читать все ваши мысли.

— Пусть. Что он сможет предпринять?

Кейдер толкнул шкатулку по столу в сторону стула напротив. Несколько сверкающих точек выскочили из коробочки и затанцевали по комнате.

— Ты чересчур беспокоишься, Сантиль. Все вы, телепаты, похожи друг на друга — одержимы навязчивой идеей об опасности открытых другим мыслей.

Кейдер снова чирикнул, странно скривив губы, еле слышно свистнул сквозь передние зубы, и очередные живые крупинки разбежались по комнате.

— Впусти его.

Сантиль, как и его товарищ, рад был убраться подальше. Оба хорошо знали, что, когда Кейдер начинает забавляться со своими шкатулками, лучше к нему не приближаться. О венерианской утке и жареном миндале можно было на некоторое время забыть.

Такое отношение к его особе даже радовало Кейдера, давая ему ощущение всевластия. Неплохо иметь превосходство над пешками, но возвыситься над обладающими несомненным талантом — это и есть настоящее величие. Не заботясь о том, что кто-то читает его мысли, он удовлетворенно оглядел комнату, переводя взгляд со шкатулок на коробочки, с экзотических ваз на лакированные сундучки, открытые и закрытые. Маленький зеленый паучок сонно пошевелился в его правом кармане. Кейдер был единственным человеком на Земле, у которого под рукой была лишенная нервов, отважная и почти непобедимая армия.

Вошел Рэйвен, и на лице Кейдера появилась профессиональная улыбка торговца, предвкушающего выгодную сделку. Он молча показал на стул, оценивающе разглядывая черные блестящие волосы вошедшего, его широкие плечи и узкие бедра. Прямо-таки рекламная модель, решил Кейдер. Если не считать глаз с серебристыми крапинками, которые ему абсолютно не понравились. Что-то странное было в этих глазах, взгляд которых проникал чересчур глубоко.

— Да, в самом деле,— бесстрастно проговорил Рэйвен.— Еще как.

— Как видите, я нисколько не волнуюсь,— без тени замешательства ответил Кейдер.— Я слишком долго общался с теми, кто читает мысли. Иногда придумаешь что-нибудь умное — и полдюжины телепатов начинают хихикать по всему дому, прежде чем я успею высказаться мысль вслух.

Он снова бросил быстрый оценивающий взгляд на собеседника.

— Я вас искал.

— Значит, хорошо, что я пришел. И зачем вы меня искали?

— Хотел узнать, что вы собой представляете.

Кейдер предпочел бы повременить с этим, прибегнув к какой-нибудь хитрости, но, как он сам только что сказал, он успел привыкнуть к телепатам. Когда твой разум виден так же ясно, как воскресная программа по спектровидению, единственное, что тут можно поделать,— это не скрывать, что у тебя на уме.

— Я склонен полагать, что вы обладаете выдающимися способностями.

— Кто вам такое сказал? — спросил Рэйвен, подавшись вперед и уперев руки в колени.

Кейдер скрипуче рассмеялся.

— Вы спрашиваете, хотя способны читать мои мысли?

— В ваших мыслях этого нет. Возможно, некий гипнотизер тщательно убирает их из вашего мозга — в целях безопасности. Но даже если и так, с этим можно кое-что сделать. Можно стереть печать, но не оттиск под ней.

— Для человека с вашими способностями вам не хватает сообразительности,— возразил Кейдер. Он всегда радовался возможности унизить телепата.— То, что может сделать один гипнотизер, всегда может отменить другой. Чтобы избавиться от ненужных мыслей, есть способы получше.

— Например?

— Например, сделать так, чтобы такие мысли вообще не появлялись в моей голове.

— То есть вы получили сведения из неизвестного источника?

— Конечно. Я попросил, чтобы мне не сообщали об источнике. Я не могу рассказать о том, чего не знаю, и никто не может насильно вытащить это из меня. Даже самый лучший чтец мыслей во Вселенной не в состоянии извлечь из моих мозгов то, чего там нет.

— Отличная предосторожность,— одобрительно кивнул Рэйвен.

Он взмахнул рукой, пытаясь поймать что-то в воздухе, потом еще раз.

— Прекратите! — нахмурился Кейдер.

— Почему?

— Эти мои болотные мушки.

— Но это не дает им права жужжать прямо у меня над ухом, верно?

Рэйвен хлопнул в ладоши и стер с них несколько чуть заметных пятнышек. Остальные мушки разлетелись прочь, словно крошечное облачко пыли.

— Кроме того, здесь полно других.

Кейдер встал с помрачневшим лицом.

— Эти мушки могут доставить немало неприятностей,— угрожающе проговорил он.— От их укусов ноги могут распухнуть так, что каждая станет толще туловища. Опухоль растет, пока человек не превращается в нечто огромное, слоноподобное, неспособное передвигаться.

Явно получая садистское наслаждение от осознания мощи своей личной армии, Кейдер продолжал:

— Опухоль добирается до сердца, после чего жертва шумно испускает дух. Но смерть не останавливает процесса, он продолжается. И вот шея становится вдвое толще головы. Наконец голова раздувается, становясь похожей на жуткий воздушный шар, покрытый волосами. К тому времени глаза проваливаются на шесть дюймов в глазницы.

Кейдер помолчал, словно наслаждаясь красочной картиной, и закончил:

— Жертва болотной мушки — самый отвратительный труп во всем космосе отсюда до Сириуса.

— Интересно и довольно мелодраматично,— с невозмутимым хладнокровием заметил Рэйвен.— Даже обидно сознавать, что я вряд ли стану объектом их внимания.

— Почему вы так думаете? — Кейдер нахмурил черные брови.

— По ряду причин. Например, какую информацию вы собираетесь от меня получить, когда я распухну и сдохну?

— Никакую. Но когда вы будете мертвы, она мне и не понадобится.

— Вполне простительная ошибка с вашей стороны, друг мой. Вы будете удивлены, узнав, скольких жизненно важных сведений вам не хватает. Но однажды вы их получите.

— О чем вы?

— Неважно,— отмахнулся Рэйвен.— Сядьте и успокойтесь. Подумайте о том, каковы будут последствия, если вы меня убьете. Никто, кроме венерианского инсектоведа, не в состоянии таким образом умертвить человека. Насколько нам известно, вы единственный инсектовед на этой планете.

— Да,— с немалой гордостью подтвердил Кейдер.

— Это сужает круг подозреваемых, не так ли? Земной разведке достаточно будет бросить один взгляд на труп, чтобы тут же ткнуть пальцем в вас. Они сочтут это убийством. А за убийство полагается кара.

— *Если* разведка получит труп,— многозначительно сказал Кейдер, наблюдая за пыльным облачком.— А если нет?

— Трупа не будет. Я устрою так, что он будет уничтожен, и это несколько упростит дело.

— *Вы* устроите? Мы говорим о вашем трупе, не о моем.

— Мы говорим не о вашем трупе и не о моем.

— Вас куда-то не туда занесло,— заявил Кейдер, чувствуя пугающий холодок в затылке.

Он наклонился и нажал кнопку на столе, глядя на собеседника так, словно подозревал, что перед ним безумец.

Сантиль открыл дверь и остался стоять на пороге. Судя по всему, ему не очень хотелось отвечать на вызов.

— Слышал что-нибудь? — спросил Кейдер.

— Нет.

— А пытался?

— Бесполезно. Я сумел подслушать только ваши мысли. Этот человек может говорить, думать и чувствовать, но его разум делает вид, будто в нем царит полный вакуум. Тут я ничего не могу поделать — как и любой из известных мне телепатов.

— Ладно. Можешь идти.

Кейдер подождал, пока за Сантилем закроется дверь.

— Итак, вы чтец мыслей нового типа, так сказать, бронированный телепат. Способный читать чужие мысли, но не позволяющий читать свои. Это подтверждает сведения Грейсона.

— Грейсон? — переспросил Рэйвен, пожав плечами.— Тот, кто осведомлен лишь наполовину,— плохо осведомлен.

— То же самое относится и к вам!

— Конечно. Мне еще многое предстоит узнать.

Рэйвен лениво покачал ногой, со скучающим видом разглядывая свой ботинок, потом небрежно обронил:

— Мне бы хотелось знать, кто организовал взрыв на «Бакстере».

— Гм?..

— Сегодня утром там произошел сильный взрыв. С весьма тяжкими последствиями.

— И какое отношение это имеет ко мне?

— Никакого,— разочарованно признал Рэйвен.

Поводов для недовольства у него было более чем достаточно. В мозгу Кейдера за четыре секунды пронесся вихрь мыслей, каждую из которых Рэйвен тут же прочел.

«Крупный взрыв на "Бакстере"? При чем тут я? Куда он клонит? Вывести из строя эту гигантскую свалку — пожалуй, мастерский ход, только у нас пока не нашлось на это времени. Неужели шишки там, на Венере, начали организовывать спецзадания без моего участия? Нет, вряд ли. Кроме того, нет никакого смысла дублировать организации и скрывать одну из них от другой. Но он подозревает, будто мне что-то об этом известно. Почему? Вышел на меня по ложному следу? Или, может, надоедливые марсиане начали сами дергать за некие ниточки, чтобы свалить всю вину на нас? Нельзя отбросить и такую возможность. Не слишком я доверяю марсианам».

— Сомневаюсь,— сказал Рэйвен, положив конец размышлениям Кейдера,— что вы вообще кому-то доверяете, за исключением разве что своих букашек.

Он перевел взгляд на облачко насекомых, по-прежнему висевшее в воздухе. Казалось, Рэйвен без труда может различить и опознать каждое из микроскопических созданий. Потом взгляд его заскользил дальше, изучая коробочки, шкатулки, вазы, ящички, оценивая силу их содержимого, по очереди задерживаясь на каждом.

— Когда-нибудь они прикончат даже вас, хотя бы потому, что насекомые всегда остаются насекомыми.

— Говоря о насекомых, не забывайте, что говорите с авторитетным специалистом! — прорычал Кейдер, яростно уставившись на Рэйвена.— Вы прочли все мои мысли. Я не могу закрыть их в отличие от телепата, поэтому они были распахнуты для вас настежь. Так что вам известно: вся эта история с «Бакстером» меня не касается. Я не имею к ней ни малейшего отношения.

— Охотно соглашусь. Никакой гипнотизер не стирал ваших воспоминаний — иначе вы не пребывали бы в таком замешательстве.

Рэйвен задумчиво потянул себя за мочку уха.

— Час назад я мог бы побиться о заклад, что виновник — вы. Но я проиграл. Спасибо, что сэкономили мои деньги.

— Они вам наверняка пригодились. Сколько вы заплатили Стину?

— Ничего. Ни цента.

— И вы полагаете, я в это поверю?

— Как и у любого другого, у Стина есть свой предел,— сказал Рэйвен.— Рано или поздно наступает момент, когда человек сталкивается с тем, чего не в состоянии перенести. Тогда он либо вовремя сдается, либо продолжает терпеть, пока не сломается. Вам лучше списать Стина на боевые потери.

— С ним мы как следует разберемся,— угрожающе проговорил Кейдер.— Что вы сделали с Халлером?

— Ничего особенного. Проблема в том, что он чересчур усерден и пытался проявить инициативу. Скоро он умрет.

— Мне говорили, что его мозг...— Кейдер запнулся и переспросил: — Вы сказали «умрет»?

— Да.— Рэйвен бесстрастно взглянул на него.— Что в этом такого? Рано или поздно мы все умрем. И вы когда-нибудь умрете. Более того, всего лишь несколько минут назад вы красочно расписывали, как я буду выглядеть после того, как надо мной поработают ваши мушки. Тогда смерть доставляла вам наслаждение!

— Она и сейчас может доставить мне наслаждение,— парировал Кейдер.

Кровь прилила к его лицу, тонкие подвижные губы странно изогнулись.

Словно в знак протеста против его замыслов на столе пискнул телефон. Несколько мгновений Кейдер смотрел на телефон так, словно только что вспомнил о его существовании, потом схватил трубку.

— Да?

Слушая, он несколько раз менялся в лице. Наконец положил трубку, откинулся на спинку кресла и вытер лоб.

— Халлер мертв.

Рэйвен пожал плечами с полнейшим безразличием, которое привело его собеседника в смятение.

— Мне сказали,— продолжил Кейдер,— что он бормотал какую-то чушь о летающих во тьме бабочках со светящимися глазами. А потом смолк навсегда.

— Он был женат?

— Нет.

— Тогда это неважно.— Рэйвен махнул рукой, словно случившееся не стоило ни малейшего сожаления.— Этого следовало ожидать. Как я уже говорил, он был чересчур усердным.

— Что вы имеете в виду?

— Неважно. Еще слишком рано. Вы еще недостаточно стары, чтобы вам можно было рассказать.

Рэйвен встал и, возвышаясь над Кейдером, брезгливо отмахнулся от облачка насекомых.

— Скажу одно: на месте Халлера вы бы сидели передо мной и с радостным смехом перерезали себе горло.

— Черта с два я бы такое сделал!

— Сделали бы, проклятые!

Кейдер повелительным жестом показал на Рэйвена.

— Послушайте, мы встретились и попытались обвести друг друга вокруг пальца, но вы только зря потратили время — ничего от меня не добились, ничего. Я же получил от вас все, что хотел, и теперь вы похожи на сдувшуюся шину. Выход там.

— Думайте что хотите.— Улыбка Рэйвена вызывала раздражение.— Я надеялся узнать от вас имя предателя и, возможно, кое-что о катастрофе на «Бакстере». Со всем прочим может разобраться разведка.

— Ха! — Положив руку ладонью вверх на стол, Кейдер несколько раз чирикнул. Кружащиеся в воздухе мушки опустились на его пальцы.— Разведка Земли уже много месяцев околачивается у меня за спиной. Я настолько привык к их компании, что без них чувствую себя позабытым. Им придется найти гипнотизера получше наших, прежде чем они смогут снять мысленный экран.

Он наклонил руку, глядя, как мушки сыплются с нее в шкатулку.

— Чтобы продемонстрировать вам, насколько мало меня это заботит, скажу даже, что у них есть все поводы прижать меня к стене. И что с того? Я — землянин, занимающийся легальным бизнесом, и против меня нет никаких доказательств.

— Пока нет,— уточнил Рэйвен, направляясь к двери.— Но помните про бабочек со светящимися глазами, о которых упоминал Халлер. Вы наверняка особо интересуете разведку как инсектовед — хотя все над вами смеются!

Перед тем как выйти, Рэйвен бросил через плечо:

— Спасибо за все, что я узнал о вашей подпольной базе.

— Что? — Кейдер выронил шкатулку с насекомыми.

— Не вините в этом себя или гипнотизера, который стирает информацию из вашей памяти каждый раз, когда вы покидаете базу. Он проделал хорошую работу. Никаких следов не осталось.

И прежде чем за Рэйвеном захлопнулась дверь, Кейдер услышал:

— Зато в мозгу вашего друга Сантиля сохранилась весьма детальная картина.

Сунув руку под стол, Кейдер вытащил микрофон и включил. Рука его тряслась, голос хрипел, на лбу от злости выступили вены.

— Внимание всем: скоро здесь будет разведка. Ввести в действие план прикрытия номер один. Полная готовность к плану номер два.

Он яростно уставился на дверь, прекрасно зная, что беглец все еще близко и слышит каждое его слово.

— Дэвид Рэйвен пытается скрыться. Задержать его немедленно. Вывести из строя любым способом. Главная задача — схватить Рэйвена!

Дверь открылась, и вошел Сантиль.

— Дело в том, что он застал меня врасплох, и я...

— Идиот! — перебил Кейдер, рассвирепев от одного вида Сантиля.— Вы, телепаты, вбили себе в голову, будто вы самые совершенные творения природы. Тьфу! Слава богу, я не один из вас. Вы — лишь ничтожные болтливые придурки!

— Он был полностью закрыт, понимаете? — покраснев, возразил Сантиль.— Когда ты родился и воспитан телепатом, к этому привыкаешь. Я забыл, что этот тип все равно может читать мысли, хотя в мозгу у него пусто, как у дохлой собаки. У меня случайно промелькнула одна мысль, и он так быстро ее ухватил, что я даже не понял, что произошло... Пока он сам только что об этом не сказал.

— Ну конечно, забыл,— мрачно усмехнулся Кейдер.— Чуть ли не самые знаменитые последние слова: «Я забыл».

Лицо его помрачнело еще больше, взгляд упал на большой, затянутый сеткой ящик, стоявший в углу.

— Если бы эти тропические осы могли различать людей, я бы послал их в погоню. Как бы далеко он ни ушел, они добрались бы до него и обглодали до костей — он не успел бы даже пикнуть.

Сантиль промолчал, стараясь не смотреть на ящик.

— У тебя все-таки есть мозги или что-то в этом роде,— язвительно и чуть зловеще продолжал Кейдер.— Давай же, пусти их в ход! Скажи, где сейчас Рэйвен.

— Не могу. Я же говорю, он полностью закрылся.

— Как и ты. У тебя в голове пусто, как в бочке.

Кейдер снял трубку телефона, набрал номер и немного подождал.

— Дин, ты? Включи экстренный канал связи. Да, я хочу поговорить с Неизвестным. Если он позвонит, скажи ему, что Рэйвен, похоже, получил информацию о местной базе. Я хочу, чтобы Неизвестный использовал все свое влияние, чтобы отсрочить рейд разведки или свести последствия такого рейда к минимуму.

Бросив трубку, он сердито задумался, оттягивая и со шлепком отпуская нижнюю губу.

— У него хорошая чувствительность,— заметил Сантиль.— Десять к одному, что он вас подслушал.

— Само собой разумеется. И чем ему поможет его чувствительность — когда мы даже не знаем, с кем разговариваем?

Снова запищал телефон.

— Это Мюррей,— послышалось в трубке.— Вы поручили мне раскопать сведения о Рэйвене.

— И что ты узнал?

— Не так уж много. Земляне начинают нервничать, они рыщут по всей планете и строят дикие предположения.

— Постарайся не строить собственных,— бросил Кейдер.— Герати, Карсон и прочие не дураки, хотя и медлительны, как каторжники с прикованным к каждой ноге ядром. Выкладывай, что у тебя, а догадки оставь нам.

— Его отец был пилотом на марсианских рейсах, исключительно выдающимся телепатом в четвертом поколении. Смеше-

ния разных способностей не наблюдалось, пока родители Рэйвена не встретились друг с другом.

— Дальше.

— Мать была радиосенсом, как и ее предки, среди которых также был один суперслухач. По словам профессора Хартмана, плод подобного союза, вероятнее всего, должен был унаследовать лишь доминантную способность. Невозможно, чтобы потомок, а именно Рэйвен, стал телепатом, восприимчивым в необычайно широком диапазоне.

— Значит, профессор ошибся. Этот мутант может читать мысли других, даже когда его разум полностью закрыт.

— Ничего не могу сказать,— уклонился от ответа Мюррей.— Я не профессиональный генетик. Я передаю лишь то, что утверждает Хартман.

— Неважно. Давай дальше.

— Рэйвен в определенном смысле пошел по стопам отца. Он получил сертификат пилота с правом полетов на Марс и, таким образом, имеет звание капитана. Но не более того. Он ни дня не проработал пилотом, хотя имел на это полное право. Он ни разу не летал на Марс. Получив звание, он, похоже, лишь бесцельно слонялся по Земле, пока его не подцепил Карсон.

— Гм... странно! — Кейдер нахмурил брови.— И каковы причины такого поведения?

— Возможно, он полагает, что здоровье не позволяет ему летать на Марс,— наугад предположил Мюррей.— С тех пор как он погиб.

— Что? — переспросил Кейдер, чувствуя, как волосы у него на затылке встают дыбом.— Повтори, что ты сказал?

— Десять лет назад он был в космопорту, когда старый «Римфайер» взорвался словно бомба. Взрыв разрушил диспетчерскую башню, были жертвы. Помните?

— Да, я видел по спектровидению.

— Рэйвена подобрали вместе с другими телами. Он, несомненно, был мертв. Какой-то молодой доктор решил просто ради интереса поработать над трупом. Он вскрыл сломанные ребра, впрыснул адреналин, сунул голову Рэйвена в аппарат искусственного дыхания и сделал ему массаж сердца. Словом, вернул его

с того света — один из редких случаев, когда удается поднять человека из могилы.

Мюррей помолчал, затем добавил:

— С тех пор, мне кажется, Рэйвен потерял самообладание.

— Ничего больше?

— Это все.

Положив трубку, Кейдер откинулся на спинку кресла и уставился на Сантиля.

— Потерял самообладание. Чушь! Судя по тому, что я видел, у Рэйвена вообще нет нервов.

— А кто говорит, будто он потерял самообладание? — спросил Сантиль.

— Заткнись и дай подумать.

Из кармана Кейдера выбралось паукообразное существо и огляделось. Посадив его на стол, Кейдер дал ему поиграть с кончиком пальца, размышляя вслух:

— У Рэйвена странное, нечеловеческое отношение к смерти. Он предположил, что Халлер откинет копыта, за десять минут до того, как это произошло. Наверное, потому, что один псих всегда чувствует другого.

— Возможно, вы правы.

— Судя по всему, после столь невероятного бегства с того света у него не все в порядке с головой. Рэйвен рассматривает смерть как нечто достойное презрения, а не внушающее страх, поскольку однажды уже перехитрил ее и утверждает, что может делать это снова и снова.

Кейдера перевел взгляд с паука на Сантиля.

— Обстоятельства смерти и воскрешения Рэйвена столь необычны, что он делает из них выводы, достойные сумасшедшего. Понимаешь, что это значит?

— Что? — неуверенно спросил Сантиль.

— Безграничную, безрассудную, безумную смелость. Он телепат со способностями выше среднего и психическими склонностями религиозного фанатика. Вкусив смерти, он потерял перед ней всякий страх. Он готов сделать все, что взбредет ему в голову, и потому совершенно непредсказуем. Несомненно, Карсон рассчитывает именно на это: высококлассный специалист,

который, не задумываясь, кинется в преисподнюю... Что Рэйвен и проделал, пока был тут.

— Я представлял его совсем другим,— позволил себе заметить Сантиль.

— Я тоже. Что лишний раз подтверждает: чем дальше расходятся слухи, тем меньше в них правды. Вот теперь я могу оценить Рэйвена. Дай ему достаточно длинную веревку — и он повесится сам.

— В смысле?

— Я имею в виду, что в ловушку всегда попадают именно целеустремленные и упрямые звери.

Кейдер почесал паучка под морщинистым брюшком.

— Рэйвен из тех, кто, вырвавшись из одной западни, тут же бежит в другую. Все, что нам нужно,— подождать, пока он сам не угодит в капкан.

Под крышкой стола что-то запищало. Выдвинув ящик, Кейдер достал другой телефон, поменьше.

— Кейдер.

— Это Ардерн. Проверка началась.

— И как?

— Ха! Вы будете смеяться. Гипнотизеры взвешивают и пакуют миндаль; микроинженеры собирают женские часы; телекинетики печатают листовки о новостях с Венеры, и все ведут себя как примерные школьники. Все выглядит прекрасно, мирно и невинно.

— Всех успели экранировать?

— Почти. Шестерых не успели обработать, когда ворвалась разведка. Мы отправили их наверх через шахту, и они успешно смылись.

— Хорошо,— удовлетворенно кивнул Кейдер.

— Это еще не все. Вы отдали приказ срочно разыскать некоего Дэвида Рэйвена? Ну, мы его нашли.

Кейдер со свистом втянул воздух сквозь зубы, заставив паучка подпрыгнуть. Он успокоил насекомое, погладив пальцем.

— Как вам это удалось?

— Никаких проблем. Выражаясь фигурально, он вошел в клетку, запер за собой дверь, повесил на решетку табличку со

своим именем и позвал нас.— В трубке послышался веселый смешок.— Он сам запихал себя в мешок и вручил его нам в руки.

— Сомневаюсь, что все было так легко и просто. Происходит нечто весьма странное, и я намерен сам с этим разобраться. Ждите меня через десять минут.

Кейдер убрал телефон в ящик и задумчиво уставился на стол, не обращая внимания на Сантиля и паучка. Он ощущал непонятную тревогу. И по столь же непонятной причине его мысли постоянно возвращались к словам Рэйвена о скользящих в темноте бабочках со светящимися глазами.

Ярко сияющих бабочках, парящих в бесконечной тьме.

Глава 6

Кейдер добрался до места через семь минут. Непрезентабельное здание было входом в тайную шахту, что вела на подземную базу. Именно здесь появились полдюжины неэкранированных беглецов, ускользнувших от разведки; очутившись на улице, они разошлись в разные стороны.

Ожидавший Кейдера человек был невысоким и худым, с лицом, навеки пожелтевшим после венерианской низинной лихорадки. Он был мутантом второго типа, левитатором, хромавшим с детства, после того как однажды не рассчитал высоту и исчерпал свою мысленную силу еще до приземления.

— Ну? — спросил Кейдер, окинув комнату выжидательным взглядом.

— Рэйвен на борту «Фантома»,— сообщил Ардерн.

Кейдер побагровел от ярости.

— Что ты там говорил насчет клетки и таблички на решетке?

— Так оно и есть,— невозмутимо подтвердил Ардерн.— Как вам хорошо известно, «Фантом» — корабль, готовящийся совершить обратный рейс на Венеру.

— С земным экипажем. Все экипажи космических кораблей — земляне.

— Что с того? Ни Рэйвен, ни экипаж ничего не могут выкинуть посреди космоса. Сперва нужно совершить посадку. А когда Рэйвен окажется на нашей планете, среди миллионов наших сограждан, он будет подчиняться местным властям. Что вам еще нужно?

— Я хотел разобраться с ним сам.

Подойдя к окну, Кейдер вгляделся в горящий в темноте ряд зеленых огней — далекий космопорт, где стоял «Фантом».

Хромая, подошел Ардерн.

— Я был возле трапа, когда этот тип вышел из вертолета с таким видом, будто у него в запасе всего десять секунд. Он назвал контролеру свое имя — Дэвид Рэйвен — и потребовал каюту. Тут я подумал: «Это тот самый, которого ищет Кейдер», а Рэйвен повернулся, ухмыльнулся мне, словно аллигатор голому пловцу, и сказал: «Ты абсолютно прав, парень!»

Пожав плечами, Ардерн закончил:

— Естественно, я побежал к ближайшему телефону и сообщил вам.

— В нем столько неприкрытой дерзости, что хватило бы на дюжину людей! — прорычал Кейдер.— Он что, считает себя непобедимым?

Злясь на самого себя, Кейдер быстро зашагал по комнате взад-вперед.

— Я мог бы запустить на этот корабль своих букашек, но что толку? Мои маленькие солдаты не умеют отличать одного человека от другого. Они распознают лишь тех, кто умеет с ними общаться.

— И у вас в любом случае нет ни малейшей возможности попасть на борт,— заметил Ардерн.— «Фантом» должен стартовать в ближайшие пять минут.

— На нем есть кто-нибудь, кого мы знаем?

— Уже поздно раздобывать полный список пассажиров. На корабле около трехсот человек, не считая экипажа. Часть из них — земляне, остальные — самые обычные марсиане и венерианцы, не способные ни на что, не имеющее отношения к торговле.

Ардерн ненадолго задумался.

— Жаль, мы не можем найти среди них нескольких мутантов. Единственные, кого я знаю,— двенадцать наших, возвращающихся домой в четырехлетний отпуск.

— Какого типа?

— Десять микроинженеров и два телекинетика.

— Идеальное сочетание дарований, чтобы послать разведчика размером с булавочную головку сквозь замочную скважи-

ну и размазать Рэйвена по постели,— с немалой долей сарказма сказал Кейдер.— Ха! Да он же прочитает любое намерение противников, стоит тому зародиться в их головах, и будет постоянно опережать врага на двадцать шагов.

— Ему нужно спать,— заметил Ардерн.

— Откуда мы знаем? Неспящие никогда не спят; может быть, он тоже.

— Вот что я скажу — радиосвязь пока есть, так что пусть эти двенадцать обыщут корабль в поисках летящего домой телепата. А потом привлекут его на нашу сторону.

— Без толку,— фыркнув, отмахнулся Кейдер.— Рэйвен может превратить свой разум в кусок мрамора. Если телепат попытается прочитать его мысли сквозь дверь каюты и получит абсолютную пустоту, как он поймет, спит Рэйвен или бодрствует? И как поймет, не читает ли тот его собственные мысли?

— Полагаю, никак,— нахмурился Ардерн.

— Порой все эти сверхспособности вызывают у меня лишь досаду!

Кейдер снова посмотрел на далекие огни.

— Я уже сыт ими по горло. Лучше всего — насекомые. Никто не может прочесть мысли насекомого. Никто не может загипнотизировать насекомое. Но насекомые подчиняются тому, кого любят,— и этого вполне хватает.

— Как-то раз я видел, как один пироман сжег целую тысячу насекомых.

— В самом деле? И что случилось потом?

— Появились еще десять тысяч и сожрали его.

— Именно,— самодовольно проговорил Кейдер.— Насекомых не победить!

Он прошелся туда-сюда, то и дело останавливаясь, чтобы взглянуть на огни, и наконец сказал:

— Нам остается только переложить ответственность на чужие плечи.

— В смысле? — спросил Ардерн.

— Пусть Рэйвеном займутся на Венере. Если целая планета не в состоянии справиться с одним не таким уж крутым мутантом — мы вполне можем умыть руки.

— Именно это я и говорил вам с самого начала. Он же сам запер себя в клетку.

— Может, да, а может, нет. Я сейчас на его планете, но я же не в клетке, верно?

Далекие огни внезапно померкли на фоне ослепительного белого пламени: оно поднималось все выше, уносясь к небесам. Вскоре донесся низкий рев, от которого задребезжали окна. В вернувшейся темноте зеленые огни казались не такими яркими, как раньше.

Желтоватое лицо Ардерна приняло обеспокоенное выражение.

— Мне пришлось уйти от трапа, чтобы добраться до телефона...

— И что?

— Откуда мы знаем, что он действительно на корабле? У него было достаточно времени, чтобы уйти. Может, он забронировал каюту только для того, чтобы направить нас по ложному следу.

— Возможно.

Кейдеру не понравилось это предположение.

— Да, он достаточно хитер, чтобы выкинуть подобную штучку. Но мы можем проверить, как обстоят дела. Сыщики еще на базе?

— Сейчас узнаю.

Щелкнув маленьким переключателем на стене, Ардерн спросил в расположенный ниже микрофон:

— Люди из разведки все еще у вас?

— Только что ушли.

— Прекрасно, Филби. Сейчас мы с Кейдером явимся, и...

— Не знаю, что в этом прекрасного,— перебил Филби.— Они забрали восьмерых наших.

— Восьмерых? Зачем, черт побери?

— Для дальнейшего допроса.

— У этих восьмерых полностью промыты мозги? — вмешался Кейдер.

— Абсолютно!

— Тогда зачем волноваться? Нам просто нужен коротковолновый передатчик. Так что подготовь его, будь добр.

— Они первый раз забирают с собой кого-то для допроса,— проговорил Ардерн, снова щелкая переключателем на стене.—

Не нравится мне все это. Вы не думаете, что они нашли способ преодолеть ментальную блокаду?

— Тогда почему не забрали всех, а заодно не явились за нами? — Кейдер пренебрежительно махнул рукой.— Они всего лишь хотят показать, что недаром едят свой хлеб. Пошли, займемся делом, свяжемся с «Фантомом».

Большой экран приемника прояснился, показав смуглого человека с микрофоном у шеи — радиста «Фантома».

— Быстрее, Ардерн, дай мне список наших людей.

Кейдер взял список и облизнул губы, готовясь начать читать.

— Ваше имя, будьте добры? — спросил радист, глядя на него.

— Артур Кейдер. Я бы хотел поговорить с...

— Кейдер? — переспросил радист. Лицо его на мгновение скрылось за пробежавшими по светящейся поверхности помехами, затем показалось снова.— Один из пассажиров хочет с вами поговорить. Он ждал вашего вызова.

— Ха! — Ардерн толкнул Кейдера в бок.— Один из наших взял его на заметку.

Не успел Кейдер ответить, как радист наклонился и переключил что-то на невидимом пульте; сразу вслед за этим на экране показалось другое лицо. Лицо Рэйвена.

— Вы когда-нибудь научитесь любить меня, вшивое дерьмо? — требовательно спросил он.

— Вы! — яростно уставился на него Кейдер.

— Да, собственной персоной. Я догадывался, что после старта корабля вы решите прояснить, как обстоят дела. Но вы не слишком-то торопились.— Рэйвен укоризненно покачал головой.— Я ждал вашего вызова. Как видите, я действительно на борту.

— Вы еще пожалеете! — пообещал Кейдер.

— Вы имеете в виду — когда доберусь до пункта назначения? Знаю, вашим следующим ходом будет сообщить венерианцам о моем прибытии. Вы предупредите об этом по межпланетной связи весь мир. Не могу не признать — весьма похвальное намерение.

— Не сомневаюсь,— с нескрываемой угрозой проговорил Кейдер.

— Увидим. Но я предпочитаю жить с надеждой, чем умереть от отчаяния.

— За одним последует другое, нравится вам это или нет.

— Не уверен, Жукоголовый, поскольку...

— Не называйте меня Жукоголовым! — заорал побагровевший Кейдер.

— Спокойнее, спокойнее,— проворчал Рэйвен.— Если бы ваши взгляды могли убивать, я бы уже был покойником.

— Вам в любом случае предстоит сдохнуть! — прорычал Кейдер, окончательно потеряв самообладание.— И чем быстрее это случится, тем лучше! Уж я об этом позабочусь!

— Рад за вас. Публичное признание облегчает душу.— Рэйвен оценивающе посмотрел на него.— Лучше побыстрее приведите в порядок свои дела: возможно, скоро вы окажетесь в местах не столь отдаленных.

Он отключился прежде, чем взбешенный Кейдер успел ответить. Вместо Рэйвена на экране снова появился радист.

— Вам нужен еще кто-нибудь, мистер Кейдер?

— Нет... Это уже неважно.

Резким движением пальца отключив передатчик, Кейдер повернулся к Ардерну.

— Что он имел в виду, когда говорил, что скоро я могу оказаться в местах не столь отдаленных? Я не понял.

— Я тоже.

Некоторое время они молчали, стараясь уяснить смысл услышанного и чувствуя нарастающее беспокойство. Потом к ним подошел Филби.

— Вас вызывает Неизвестный.

Кейдер взял трубку.

— У меня и без того хватает забот, чтобы лишний раз рисковать, прикрывая чересчур болтливых идиотов,— проскрежетал знакомый, хотя и невесть кому принадлежащий голос.

— Что? — Кейдер уставился на телефон.

— Угрожать убийством по открытым каналам так, чтобы вас слышала и видела половина разведки,— это все равно что встать на колени и слезно напрашиваться на пинок под зад,— язвительно продолжал голос.— По законам Земли наказание за такие угрозы составляет от пяти до семи лет тюрьмы. И не в моей власти чем-либо вам помочь.

— Но...

— Вы по темпераменту холерик, и он это знал. Дав заманить себя в ловушку, вы кричали о своих незаконных намерениях на весь эфир. Вы просто безмозглый кретин!

Голос в телефоне помолчал.

— Я не в состоянии прикрыть вас, не выдав тем самым себя. Так что вам остается лишь одно — побыстрее сматываться. Сожгите все свои коробочки вместе с их содержимым, а потом спрячьтесь и ждите, пока нам не удастся каким-то образом переправить вас домой.

— Как же мне, по-вашему, это сделать? — беспомощно спросил Кейдер.

— Не моя забота. Убирайтесь с базы — вас не должны там найти. И будьте осторожны, когда отправитесь домой за своими коробочками. Возможно, там вас уже ждут. Если не сумеете собрать свое барахло в течение ближайшего часа, вам придется о нем забыть.

— Но там моя армия. С их помощью я мог бы...

— Вы ничего не сможете,— резко возразил голос.— Поскольку вам просто не дадут такого шанса. Не стойте столбом и не спорьте со мной. Убирайтесь и ложитесь на дно. Мы попытаемся посадить вас на корабль, когда шумиха уляжется.

— Я могу опровергнуть выдвинутые против меня обвинения,— умоляюще проговорил Кейдер.— Я скажу, что то были лишь пустые оскорбления.

— Послушайте,— устало сказал Неизвестный,— служба разведки давно уж хочет вас заполучить. Они много месяцев ищут повода схватить вас. Сейчас вас ничто не может спасти, кроме заявления самого Рэйвена, что ваши слова были всего лишь шуткой. Но он не сделает такого заявления. А теперь заткнитесь и постарайтесь сделать так, чтобы вас нелегко было отыскать.

Собеседник отключился. Кейдер мрачно положил трубку, растеряв все слова.

— Что случилось? — глядя на него, спросил Ардерн.

— Меня хотят упрятать за решетку лет на пять — семь.

— Почему? За что?

— За то, что я угрожал убийством.

— О господи! — Ардерн, хромая, попятился.— Если уж они приняли такое решение, то впрямь способны это проделать.

Его лицо напряглось, отражая работу мысли, тело словно слегка удлинилось, а потом ноги его оторвались от земли и Ардерн медленно взлетел к отверстию шахты в потолке.

— Пока не поздно, я исчезаю. Я с вами незнаком. И знать вас не знаю.

Он скрылся в шахте.

А Кейдер отправился к своему дому. Но, понаблюдав из укрытия, понял, что там его уже ждут.

Он до двух часов ночи бродил по улицам и переулкам, с горечью думая о могущественных коробочках, лежащих в дальней комнате его дома. Без них он был самой обычной пешкой. Но как добраться до коробочек, не будучи замеченным? С какого расстояния за пределами кольца охраны можно расслышать его чириканье?

Кейдер осторожно крался по самой темной стороне площади, когда из черной арки впереди вышли четверо и преградили ему дорогу.

Один из них, телепат, с властной уверенностью заявил:

— Вы — Артур Кейдер. Вы-то нам и нужны!

Бесполезно спорить с чтецом мыслей, как и драться одному с четырьмя. Кейдер пошел с ними, не сопротивляясь, угрюмый, но спокойный: он все еще думал о своих драгоценных коробочках и был по-прежнему убежден, что насекомые — лучше всех на свете.

Глава 7

Когда Рэйвен вошел в главный салон, чтобы взглянуть на экран радара, за иллюминаторами клубился густой желтый венерианский туман. Сверкающие зубцы на светящемся прямоугольнике отмечали длинную цепь Зубчатых гор. За ними тянулись влажные джунгли, покрывавшие уступ за уступом, спускаясь к широким, поросшим буйной растительностью равнинам, на которых человечество основало свои самые укрепленные плацдармы.

По корпусу «Фантома» то и дело пробегала дрожь, пока мощные двигатели пытались справиться с самой сложной задачей: заставить гиганта, рассчитанного на сверхбыстрые скорости, про-

делывать относительно медленные маневры. Это было нелегко. Как всегда.

Далеко внизу, скрытые зеленью джунглей, лежали четыре разбитых цилиндра, некогда бывшие кораблями. В данный момент единственной задачей команды «Фантома» было позаботиться, чтобы к разбитым кораблям не прибавился пятый.

Все пассажиры тоже понимали, что идет самая сложная часть полета. Закоренелые картежники сидели не шевелясь, не в силах скрыть своего напряжения. Смолкли даже самые отчаянные болтуны. Пьяные протрезвели. Все взгляды были прикованы к экрану радара, на котором росли очертания иззубренных каменных челюстей, мимо которых неторопливо плыл снижающийся корабль.

В громкоговорителях раздавался бесстрастный голос офицера в носовой рубке:

— Сто сорок тысяч... сто тридцать пять... сто тридцать...

Не разделяя всеобщей тревоги, Рэйвен смотрел на экран и ждал. Горы проплыли через центр экрана, опустились к его нижнему краю и скрылись из виду. Кто-то облегченно вздохнул.

Наконец появились овальные очертания большой равнины; детали становились все более четкими, теперь видны были даже пересекавшие равнину реки. Вибрация резко усилилась — корабль пытался удержать равновесие в гравитационном поле планеты.

— Двадцать тысяч... девятнадцать пятьсот...

Рэйвен поднялся с кресла и вышел из салона, провожаемый удивленными взглядами. Быстро пройдя по металлическому коридору, он добрался до переднего шлюза по правому борту.

«Самое подходящее время,— решил он.— У команды дел по горло, они думают только о предстоящей посадке, а пассажиры тревожатся лишь о собственной шкуре».

Хотя Рэйвен давно привык к тому, как сильно человечество озабочено самосохранением, подобная склонность до сих пор казалась ему забавной. Типичный случай невежества: знай они чуть больше...

Мысленно улыбаясь, он открыл автоматический люк, шагнул в шлюз и закрыл люк за собой. Наверняка в рубке управления уже сработал сигнал тревоги, и кто-то со всех ног бежал посмотреть — кто там решил подурачиться с выходным шлюзом

в столь ответственный момент. Неважно. Любой из разгневанных членов экипажа все равно опоздает минимум на полминуты.

Маленький громкоговоритель в шлюзе бормотал в унисон с остальными, разбросанными по всему кораблю:

— Четырнадцать тысяч... тринадцать пятьсот... тринадцать... двенадцать пятьсот...

Быстро справившись с замками внешнего люка, Рэйвен настежь распахнул его. Из корабля не вырвалось ни унции воздуха, зато внутрь под более высоким давлением ворвалась венерианская атмосфера, теплая, влажная, пропитанная запахами зелени.

Кто-то начал колотить в люк шлюза — яростно, настойчиво, как представитель власти, которому бросили вызов. В тот же миг громкоговоритель щелкнул, и зазвучал уже другой голос:

— Находящийся в шлюзе номер четыре, закройте внешний люк и откройте внутренний. Предупреждаем — приведение в действие шлюза посторонними лицами влечет за собой серьезное наказание...

Издевательски помахав на прощание громкоговорителю, Рэйвен выпрыгнул, нырнув вниз головой в густой влажный воздух. «Фантом» мгновенно превратился в длинный черный цилиндр, висящий высоко вдали; навстречу Рэйвену устремился стремительный водоворот деревьев и рек.

Если бы на корабле кто-нибудь догадался воспользоваться биноклем, он получил бы немало поводов для размышлений, наблюдая за тем, что казалось неконтролируемым падением человека. Обычно из космических кораблей выпрыгивали две разновидности людей — самоубийцы и беглецы-левитаторы. Последние неизменно прибегали к своим сверхъестественным способностям, спокойно планируя вниз. Самоубийцы же падали камнем. Только две разновидности людей выпрыгивали из космических кораблей... И разве кто-нибудь мог допустить существование того, кто не являлся человеком в полном смысле этого слова!

Падение заняло больше времени, чем его потребовалось бы на Земле. Тело падает с постоянным ускорением лишь до тех пор, пока на него не начинает действовать нарастающее сопротивление воздуха, а атмосфера Венеры была гораздо плотнее земной.

Когда Рэйвена отделяло от поверхности планеты четыреста футов, «Фантом» уже превратился в кораблик размером с короткий карандаш, заходивший на посадку над самым горизонтом. Теперь на борту уже никто не мог увидеть Рэйвена, и тот резко замедлил падение.

Происходящее не имело ничего общего с мысленным усилием, которое потребовалось бы в данном случае левитатору. Скорость падения изменилась будто сама собой, совершенно естественно: словно падающий паучок вдруг передумал и начал медленнее выпускать паутину.

Находясь на высоте верхушек деревьев, все еще в трехстах пятидесяти футах от поверхности, Рэйвен опускался, как на невидимом парашюте. Пролетев падающим листом между огромными верхними ветвями толщиной со стволы взрослых земных деревьев, он коснулся земли так мягко, что на жестком дерне остались лишь легкие отпечатки каблуков.

От края большой равнины его отделяло не больше мили. Деревья здесь росли довольно редко, их разделяли обширные поляны, но в пятидесяти или шестидесяти милях к западу начинались настоящие венерианские джунгли, населенные многочисленными хищниками, словно явившимися из дурных снов. Лишь в последнее время эти хищники научились держаться подальше от еще более смертоносного существа под названием «человек».

Рэйвена нисколько не пугало возможное столкновение со случайно появившимся здесь представителем местной фауны. Не беспокоили его и куда более опасные двуногие охотники, хотя вскоре они неминуемо должны были пуститься за ним в погоню.

Известие о его прыжке наверняка разозлило тех, кто поджидал его в космопорту, но вряд ли могло сбить их с толку. В сообщении Кейдера — если предположить, что венерианцы его получили,— Рэйвен фигурировал как некий странный телепат, которому земляне вроде Герати и Карсона придавали чересчур большое значение. Значит, Кейдер не понял, какова истинная цена Рэйвена; венерианцу еще только предстояло это выяснить.

Теперь противники встанут перед фактом, что Рэйвен покинул корабль так, как мог бы сделать левитатор, но падение его не было падением левитатора. Они без колебания признают, что Рэйвен обладает новой, непредвиденной способностью. А при-

бавив этот факт к уже известным ранее, они классифицируют его как создание, существование которого до сих пор допускалось лишь теоретически и внушало страх,— как потомка пары мутантов, обладающего несколькими способностями одновременно.

Сидя на куске изумрудной коры толщиной в три фута, Рэйвен улыбнулся, словно потешался над одному ему известной шуткой.

Обладающий несколькими способностями образчик потомства мутантов! До сих пор не удавалось обнаружить ни одного такого экземпляра, хотя человечество в поисках оного постоянно наблюдало за тремя планетами. Для генетиков это было прекрасным поводом заявлять, что подобного экземпляра быть не может — или, по крайней мере, он не может быть жизнеспособным.

По неким причинам природа издавна предопределила, что дети от смешанного союза мутантов наследуют лишь доминантную способность — и больше никакую. Рецессивная способность всегда исчезала. Часто доминантная способность проявлялась лишь через поколение, тогда все предыдущее поколение состояло из обычных пешек.

Мысль о существовании сверхтелепата-сверхлевитатора выглядела полнейшим абсурдом, но оппозиция проглотила бы любой абсурд, оказавшийся очевидным фактом. Членам тайной венерианской иерархии наверняка ударит в голову кровь, едва они узна́ют, что новая шахматная фигура землян первым же своим ходом нарушила законы природы. Венерианцы сразу захотят заполучить Рэйвена, прежде чем тот начнет потешаться и над другими законами — уже не природными, а придуманными людьми с целью получения прибыли или личной власти.

Мысль об этом доставила Рэйвену удовольствие. До сих пор по стандартам нынешнего времени он ничего особенного не достиг. И это было хорошо, поскольку чересчур выделяться не стоило. Вот почему Лейна возражала против вмешательства, против той роли, которую Рэйвен решил на себя взять: она считала, что нужно всегда оставаться скромным, неприметным и не поддаваться искушению вмешиваться.

Но как бы то ни было, Рэйвен посеял немалое смятение в рядах прежде чересчур самоуверенного противника.

В самом деле — если они купились на идею мультимутанта и рассуждали об ужасной возможности появления еще более чудовищных разновидностей мутантов, у них были все поводы опасаться. И эти опасения отвлекали их от истины, которую они не должны были знать, чтобы ее не узнали и другие.

Жаль, что нельзя сказать им правду. Но есть вещи, о которых не говорят тем, кто еще не возмужал.

Ни один из законов природы не был и не мог быть нарушен.

Сверхъестественное явление — явление, подчиняющееся законам, которые просто еще неизвестны или не обнаружены.

Нет людей, наделенных несколькими способностями.

Есть лишь бабочки со светящимися глазами, кружащие в бескрайней бездне вечной тьмы.

Рэйвен послал мощный направленный мысленный зов, намного превосходивший обычный телепатический сигнал:

— Чарльз?

— Да, Дэвид? — тут же последовал ответ, из чего следовало, что собеседник его ждал.

Два принимающих центра уловили мысленные импульсы, оказавшиеся слегка не в фазе.

Рэйвен повернулся лицом в ту сторону, откуда пришел мысленный сигнал,— столь же инстинктивно, как человек-пешка повернулся бы, чтобы взглянуть на своего собеседника.

— Я выпрыгнул с корабля. Не уверен, было ли это необходимо, но я решил не рисковать.

— Да, знаю,— отозвался далекий разум.— Лейна связалась с Мэвис. Они, как обычно, целый час болтали о личных делах, пока Лейна не вспомнила: она же собиралась сказать нам, что ты на «Фантоме».

— Женщины во все века остаются женщинами,— заметил Рэйвен.

— Итак, я отправился в космопорт,— продолжал Чарльз,— и сейчас нахожусь рядом с ним. Внутрь попасть не могу, так как космопорт закрыт для публики и взят под усиленную охрану. Расстроенные пешки, приехавшие встретить пассажиров, болтаются вокруг, грызут ногти и обмениваются беспочвенными слухами. Корабль только что сел, и множество агрессивных чи-

новников ведут себя так, словно кто-то только что украл у них деньги.

— Боюсь, во всем этом виноват я.

— Зачем вообще было лететь на корабле? — спросил Чарльз.— Раз уж по некоей таинственной причине ты решил выбрать медленный путь, почему бы тебе было не надуть небольшой воздушный шарик и не прилететь сюда на нем?

— Бывают соображения поважнее скорости,— вполне серьезно ответил Рэйвен.— Например, на мне тело.

— Именно за твоим телом они и охотятся. Оно тебя выдает.

— Может, и так, но я хочу, чтобы искали именно его. Охота за телом, которое выглядит в точности как человеческое, отвлечет их от других мыслей.

— Тебе виднее,— уступил Чарльз.— Как я понимаю, ты направляешься к нам?

— Конечно. Я связался с тобой, чтобы убедиться, что вы будете на месте.

— Будем. Значит, до скорой встречи?

— Уже иду.

Рэйвен быстро зашагал по тенистой поляне в сторону равнины, наблюдая за окрестностями в основном не глазами, а телепатически. Таящихся в зарослях существ всегда можно было почувствовать — они не могли скрыть своих примитивных мыслей. Как, к примеру, обладатель пары светящихся глаз, сидящий в темном дупле громадного ствола на высоте в двести футов:

— Двуногий внизу! Аааррргх!

Возле края леса Рэйвен впервые обнаружил, что его преследуют. Он стоял в темноте у могучего ствола, глядя на проплывающий над зеленым пологом ветвей вертолет. Большая машина, с четырьмя многолопастными роторами, с экипажем из десяти человек. Пока члены экипажа пытались вглядеться в зеленый лабиринт внизу, их разумы легко было пересчитать.

В вертолете было полдюжины телепатов, которые напряженно вслушивались, стремясь уловить любую случайно вырвавшуюся мысль, и один инсектовед, державший в руках клетку с летающими тигровыми муравьями, чтобы выпустить их над любой точкой, указанной телепатами.

Второй пилот был неспящим и бил баклуши в ожидании своей очереди принять управление, если поиски затянутся до тем-

ноты. Еще в экипаже был гипнотизер, непрерывно ругавший Рэйвена за то, что тот оторвал его от выгодной игры в джимбо-джимбо, и лопоухий суперслухач, пытавшийся уловить тонкий свист радиевого хронометра, который, как ошибочно предполагалось, имелся у беглеца.

Этот зверинец мутантов пролетел прямо над головой Рэйвена и зигзагами унесся прочь, так его и не заметив. В двух милях к югу параллельно курсу этого вертолета описывал широкую дугу второй, с экипажем примерно такого же состава, а еще один летал в двух милях к северу.

Подождав, пока вертолеты унесутся подальше, Рэйвен вышел на открытое место и двинулся вдоль края леса, пока не наткнулся на широкую дорогу. На дороге он вел себя уже не так осторожно.

Летающие поисковые группы могли состоять из исключительно одаренных людей, далеко превосходящих обычных пешек, тем не менее преследователи совершали свойственные пешкам ошибки. Они считали само собой разумеющимся, что любому, смело и открыто шагающему по дороге, нечего скрывать. Но даже если кто-нибудь проявил бы излишнее усердие и пролетел над Рэйвеном, пытаясь покопаться в его извилинах, он прочел бы лишь скучные тупые мысли обычной пешки: «Что сегодня на обед? Если снова будет жареная болотная рыба, я свихнусь!»

Оставался еще небольшой риск, что у преследователей есть изображение или описание внешности Рэйвена и что кто-нибудь опустится достаточно низко, чтобы опознать его в лицо.

Но никто не проявлял особого любопытства, пока Рэйвен не оказался в окрестностях Плейн-Сити. Там один из вертолетов завис над его головой, и он почувствовал, как четыре разума одновременно пытаются проникнуть в его мозги. Рэйвен вознаградил такое усердие картинами жалкой домашней ссоры в грязном доме и почти услышал презрительное фырканье, глядя, как роторы начинают крутиться быстрее и вертолет устремляется в сторону джунглей.

На окраине города Рэйвен сошел с дороги и направился к громоздкому трактору, тащившему зарешеченный прицеп. Это

запоздалое подкрепление возглавляли два гипнотизера и один телекинетик, в прицепе же сидели два десятка древесных котов, способных идти по следу недельной давности и молниеносно взбегать по стволу любого лесного гиганта, не покрытого шипами.

Притворившись пешкой и жуя пучок розоватой травы, Рэйвен с тупым любопытством наблюдал, как эта компания с грохотом проезжает мимо. Мысли всех были для него открытой книгой. Один из гипнотизеров страдал от похмелья, второй бодрствовал всю ночь и постоянно щипал себя, чтобы не уснуть.

Как ни странно, телекинетика беспокоило, что, если им не удастся поймать добычу и об этом прослышат земные власти, всю вину возложат на него. В молодости его основательно подставили, и обида осталась на всю жизнь.

Даже у лесных котов имелись свои желания и планы. Десяток животных жадно смотрели на Рэйвена сквозь решетку, плотоядно облизываясь и обещая себе, что однажды полакомятся мясом созданий, именующих себя господствующей расой. Еще шестеро прикидывали, каковы их шансы сбежать в лес и никогда больше не иметь дела с людьми. Остальные четверо точно решили, что станут делать, если благосклонная судьба пересечет путь преследуемого человека с путем лесной кошки-самки. Судя по всему, эта четверка намеревалась совместить приятное с полезным.

Странная кавалькада прогрохотала дальше по дороге, выглядя вдвойне нелепо под делано тупым взглядом самого преследуемого. Вероятно, когда стемнеет, они поймают и растерзают в клочья какого-нибудь бродягу или самогонщика и вернутся, опьяненные удачей.

Войдя в город, Рэйвен отыскал путь к маленькому гранитному домику с яркими орхидеями на подоконниках. Найти дом оказалось несложно, хотя Рэйвен впервые нанес визит в Плейн-Сити. Он двигался прямо к цели так, словно с самого начала отчетливо видел ее — путеводный огонек в кромешной тьме. И когда он приблизился к двери, стучать не понадобилось. Те, кто ждал его в доме, были осведомлены о каждом его шаге и точно знали, когда он придет.

Мэвис, миниатюрная голубоглазая блондинка, сидела, подобрав ноги, в глубоком кресле и наблюдала за Рэйвеном тем же проницательным взглядом, каким тот сам часто приводил других в замешательство. Казалось, Мэвис заглядывает внутрь Рэйвена, чтобы увидеть его истинное «я» под броней плоти.

Еще в комнате находился Чарльз — маленький толстячок с заурядной внешностью обычной пешки. С первого взгляда он казался всего-навсего толстым ничтожеством, однако то была лишь внешняя оболочка, призванная обмануть любого, попытавшегося бы проникнуть в его мозг. Такая отличная маскировка — скорее результат стечения обстоятельств, чем умения и хитрости — служила предметом зависти многих.

— Само собой, мы рады тебя видеть, Рэйвен,— сказала Мэвис вслух, ради удовольствия ощущать движения языка.— Но как же правило, гласящее, что каждый должен оставаться на предназначенном ему шарике?

— Обстоятельства меняются,— ответил Рэйвен.— В любом случае, Лейна все еще там и справится с чем угодно.

— Если не считать одиночества,— возразила Мэвис, представив себя на месте Лейны.— С одиночеством не в силах справиться никто.

— Конечно, тут ты права. Но никто не остается один навсегда. В конце концов все обязательно встречаются.— Со странной усмешкой Рэйвен добавил: — Только не всегда это происходит скоро.

— Чувствуется твоя теология,— заметил Чарльз.

Он сидел в кресле рядом с Мэвис, вытянув короткие толстые ноги и опираясь подбородком на ладони.

— По словам Лейны, ты суешь нос в чужие дела. Это верно?

— Наполовину. Ты не знаешь всех обстоятельств. Кто-то на этой планете — при помощи неизвестных сообщников с Марса — развлекается, дергая землян за усы. Эти личности похожи на непослушных детишек, играющих с пистолетом, не ведая и не думая о том, что он может быть заряжен. Они намереваются добиться полной независимости силовыми методами, что может перерасти в неслыханную раньше войну.

— Войну? — с сомнением переспросил Чарльз.

— Именно так. Проблема в том, что войны имеют привычку полностью выходить из-под контроля. Те, кто начинает бойню, обычно оказываются не в силах ее остановить. Нужно сделать все возможное, чтобы эта война не разразилась всерьез, став намного более кровавой.

— Гм...— Чарльз потер двойной подбородок.— Нам известно, что на этой планете есть сильное националистическое движение. Но мы не обращали на него внимания, думая, что оно не представляет для нас интереса. Даже если венерианцы дойдут до того, что начнут обмениваться с Землей бомбами и снарядами и полностью перебьют друг друга, нам-то какое дело? Это ведь даже хорошо, разве не так? Их потери — находка для нас.

— В некотором смысле да, но в некотором — нет.

— Почему?

— Землянам позарез нужно межпланетное единство, поскольку они отправляются к Денебу.

— Они отправляются...

Чарльз не договорил; на мгновение в его тупых глазках вспыхнул таившийся там огонь.

— Хочешь сказать, что земные власти действительно знают про Денеб? Откуда, черт побери?

— Оттуда, что сейчас они находятся на четвертой стадии подготовки,— ответил Рэйвен.— Происходит много того, о чем широкая земная публика даже не подозревает, не говоря уже о жителях Марса. Земляне построили новый, усовершенствованный двигатель и уже его испытали. Они намереваются продолжать испытания и пока не могут предсказать пределы возможностей двигателя. Дела у них идут не так уж плохо.

— Судя по всему — да,— кивнул Чарльз.

— Я пока не сумел точно выяснить, насколько далеко они продвинулись и какие данные получили их пилоты-испытатели, но я знаю: этого достаточно, чтобы вызвать подозрения. Я знаю — рано или поздно они могут столкнуться с иной, не имеющей названия, формой жизни. Мы с тобой знаем, что это могут быть только обитатели Денеба.— Рэйвен выразительно покрутил пальцем.— Нам известно также, что обитатели Денеба давно уже рыщут туда-сюда, словно свора гончих, наткнувшая-

ся на пятьсот ведущих в разные стороны следов. Они пока не знают, какой след выбрать, но общая тенденция их поисков такова, что, скорее всего, они направятся в нашу сторону.

— Это действительно так,— вмешалась Мэвис.— Однако, по последним прогнозам, им понадобится не меньше двух столетий, чтобы обнаружить эту солнечную систему.

— Вполне разумный вывод, основанный на недавних данных,— отозвался Рэйвен.— Но теперь мы можем включить в свои расчеты новый весомый фактор: а именно — человек разумный вскоре отправится им навстречу. Флаг поднят, сигнальные костры зажжены, и делается все возможное, чтобы привлечь внимание к этой части космоса. Подобная выходка вполне может заставить денебиан поспешить с проверкой — что же тут такое есть.

— Ты доложил об этом? — беспокойно ерзая, спросил Чарльз.

— Конечно.

— И каков был ответ?

— «Спасибо за информацию».

— И все? — Чарльз приподнял бровь.

— И все,— заверил Рэйвен.— А чего еще ты ожидал?

— Чего-то более эмоционального, не столь бесстрастно-холодного,— заметила Мэвис.— Вы, мужчины, все одинаковы, похожи на бронзовых будд. Почему бы вам не вскочить на стол и не закричать?

— А толку? — спросил Чарльз.

— Не задавай дурацких вопросов! — огрызнулась она.— По крайней мере, это снимет давление на железы. У меня тоже есть кое-какие железы, чтоб ты знал.

— Об этом я прекрасно проинформирован,— многозначительно заверил Чарльз.— Более того, железы есть и у меня. Благодаря одной из них я чересчур толст и ленив, но, похоже, у меня отсутствует та, что в данный момент беспокоит тебя.

Он ткнул пухлым пальцем в сторону стола.

— Вот стол. Залезай на него и можешь орать. Мы не против.

— У меня нет привычки орать,— заявила Мэвис.

— Вот видишь!

Бросив взгляд на Рэйвена, Чарльз небрежно пожал плечами.

— Все женщины такие — холодные и расчетливые. Не умеют выпустить пар.

— Когда-нибудь я подрежу тебе крылышки, поросеночек,— пообещала Мэвис.

— Представляю себя с крыльями,— рассмеялся Чарльз, тряся подбородком.— Парил бы в небесах, аки тучный ангел. Или порхал, как жирная бабочка.

Он утер глаза и снова рассмеялся.

— Ну и воображение!

Достав маленький вышитый носовой платок, Мэвис тихо всхлипнула. Чарльз ошеломленно уставился на нее.

— Что я на этот раз сказал не так?

Подойдя к Мэвис, Рэйвен погладил ее по плечу.

— Ну, ну! Не стоит здесь оставаться, если воспоминания так тебя угнетают. Не стоит оставаться, если хочешь уйти. Мы можем найти другую пару, которая...

— Не хочу уходить,— сердито ответила та, убирая платок.— Уйду, когда придет время, но не раньше. Кто я такая, по-твоему? Разве девушка не может поплакать, когда ей хочется?

— Конечно, может, но...

— Забудь.

Она сунула платок в карман, несколько раз моргнула и улыбнулась.

— Все уже в порядке.

— С Лейной когда-нибудь такое бывало? — спросил Чарльз, глядя на Рэйвена.

— На моих глазах — нет.

— Лейна была старше, когда... когда...— Мэвис не договорила.

Все прекрасно поняли, что она имела в виду. Никто другой не мог бы догадаться, даже денебиане, но присутствовавшие в этой комнате — знали.

Некоторое время все молчали, погрузившись в собственные мысли, закрытые ментальной защитой от других. Чарльз заговорил первым.

— Вернемся к делу, Дэвид. Каковы твои планы? И каково наше участие в них?

— Планы мои достаточно просты. Я хочу найти ключевую фигуру оппозиции на Венере — человека, который определяет цели и средства, решает все споры, руководит националисти-

ческим сбродом и является неоспоримым боссом. А когда я найду его, я хочу по-быстрому с ним разобраться. Стоит убрать замковый камень, и обрушится вся арка.

— Не всегда,— заметил Чарльз.

— Да, не всегда,— согласился Рэйвен.— Если их организация хотя бы наполовину так хороша, как следует, у лидера есть заместитель, готовый заменить его в случае необходимости. Возможно, и не один заместитель. Тогда наша задача несколько усложнится.

— И остаются еще марсиане,— предположил Чарльз.

— Не обязательно. Все зависит от того, как они будут реагировать на происходящее здесь. Сотрудничество Марса и Венеры в немалой степени зависит от взаимного восхваления. Каждый постоянно громко кричит «Ура!» действиям другого. Стоит стихнуть аплодисментам, и происходящее уже не покажется партнеру столь прекрасным. Надеюсь, у марсиан поубавится самоуверенности, когда Венера выйдет из игры.

— Одного я не понимаю,— задумчиво проговорил Чарльз.— Что мешает Земле отплатить повстанцам той же монетой? Саботаж и прочее — игра, в которую могут играть двое.

Рэйвен объяснил.

— Ага! — Чарльз снова потер подбородок.— Местные ребята могут уничтожить то, что считают собственностью других, тогда как земляне, нанеси они ответный удар, привели бы в негодность то, что считают *своей* собственностью.

— Это не наше дело,— вмешалась Мэвис.— Иначе об этом нам бы наверняка сказали.

Она пристально посмотрела на Рэйвена.

— Твоего вмешательства кто-нибудь требовал, кроме землян?

— Нет, и вряд ли потребует.

— Почему?

— Потому что, какой бы огромной ни была проблема, возникшая в этом уголке галактики, она ничтожна по сравнению с другими, куда более серьезными проблемами. Издалека многое выглядит иначе.

Судя по его лицу, Рэйвен понимал — Мэвис и без того известно все, о чем он сейчас говорит.

— А что касается небольших проблем, нам подобные привыкли действовать по собственной инициативе. Чем я и занимаюсь.

— Меня это вполне устраивает,— согласился Чарльз, выпрямляясь в кресле и поглаживая живот.— Что требуется от нас?

— Не так уж много. Вы живете здесь и знаете планету лучше других. Сообщите мне имя человека, который, по вашему мнению, вдохновляет здешних так называемых сепаратистов. Сообщите мне все, что удастся разузнать о его способностях и прочем, и скажите, где его найти. Больше всего мне нужна достоверная информация. Если сможете помочь еще чем-нибудь, буду рад.

— Думаю, смогу.— Чарльз отвел взгляд.— А ты, Мэвис?

— На меня не рассчитывай. Я собираюсь последовать примеру Лейны и просто наблюдать. В конце концов, именно для этого мы здесь и находимся. Должен же кто-то этим заниматься, пока вы, упрямые мужчины, шляетесь туда-сюда.

— Ты абсолютно права,— сказал Рэйвен.— Важнее всего наблюдать и оставаться настороже. За это я и благодарен вам, прекрасные создания. А мы, тупоголовые, созданы для того, чтобы разрушать.

Мэвис скорчила гримаску, но промолчала.

— Складывается интересная ситуация,— сообщил Чарльз.— У нас здесь есть ортодоксальный губернатор-землянин, который выражает строго ортодоксальные мнения и дипломатично делает вид, будто не знает, что незаконное подпольное националистическое движение уже захватило девяносто процентов власти. Крупная шишка этого подпольного движения, на которого рядовые члены смотрят снизу вверх,— рослый и симпатичный демагог по имени Уолленкотт.

— И чем он отличается от других?

— В числе прочего, лицом, фигурой и индивидуальностью,— объяснил Чарльз.— Он коренной мутант шестого типа, то есть хамелеон, с впечатляющей гривой белых волос и столь же впечатляющим голосом. Он может изобразить идола в любой момент, стоит ему только захотеть. Он способен вещать, как оракул,— если сперва выучит слова наизусть. Сам он не в состоянии придумать текст.

— Как-то не слишком внушительно,— заметил Рэйвен.

— Погоди, я еще не закончил. Уолленкотт настолько хорошо вписывается в образ энергичного лидера патриотической организации, что его наверняка специально выбрали для этой роли. И так оно и есть на самом деле!

— Кто же его выбрал?

— Весьма жесткая личность по имени Торстерн, настоящий босс, который правит из-за кулис, оставаясь в тени, и будет править еще очень долго после того, как Уолленкотта повесят.

— Кукловод, так сказать? О нем есть какая-нибудь интересная информация?

— И да и нет. Самое удивительное — он не мутант. У него нет ни одной паранормальной способности.

Чарльз немного подумал.

— Но он безжалостен, амбициозен, хитер, классный психолог, и его высокоразвитого мозга хватило бы на целую тысячу обезьян.

— Пешка с высоким интеллектом.

— Именно! И это многое значит в ситуации, когда выдающиеся способности вовсе не означают наличия выдающихся мозгов. Обладая первоклассным умом, даже пешка может управлять глупым телепатом; ее мозг может работать на долю секунды быстрее, чем телепат успеет прочесть мысли и должным образом среагировать.

— Знаю. Я слышал об одном или двух подобных случаях. Мутанту легче всего ошибиться, недооценив противника лишь потому, что тот — обычный человек. Кроме того, самих по себе способностей недостаточно, нужно еще уметь их применить. Именно этим отличаются денебиане. Они в полной мере используют все, чем владеют.— Не скрывая своего беспокойства, Рэйвен направился к двери.— Но нам пока не придется иметь дела с денебианами. По крайней мере, здесь. Наша непосредственная цель — Торстерн.

— Я с тобой.

Чарльз тяжело поднялся с кресла; его простодушный взгляд упал на Мэвис.

— Сторожи дом, дорогая. Если кто-нибудь спросит, скажи, что папа ушел на рыбалку, но не сказал, что именно собрался ловить.

— Возвращайся,— велела она.— Целым и невредимым.

— При нашем странном существовании никто не может дать никаких гарантий.— Чарльз хрипло рассмеялся, его живот заколыхался в такт смеху.— Но я постараюсь.

С этими словами он вышел вслед за Рэйвеном, оставив Мэвис стоять на страже того, что принадлежало Земле, но не было земным.

Как и Лейна, она сидела в одиночестве, наблюдая и слушая, и ее главным утешением было то, что ее одиночество делят другие такие же молчаливые часовые.

Глава 9

На город наползал неизменный вечерний туман, лениво клубясь плотными желтыми облаками вдоль улиц и проспектов; облака становились все гуще по мере того, как невидимое солнце опускалось к горизонту. К полуночи туман всегда превращался в теплое влажное покрывало, в котором могли уверенно двигаться только неугомонные неспящие, слепые да постоянно шепчущие на ходу суперслухачи, отыскивавшие путь подобно летучим мышам.

В джунглях все было по-другому: деревья возвышались над туманом, окутывавшим равнины и долы. Поиск в лесу наверняка продолжался: над верхушками деревьев кружили вертолеты, по полянам рыскали охотники.

Чарльз и Рэйвен прошли мимо витрины магазина, где на экране огромного спектровизора шел балет «Сильфида». По сцене грациозно плыла прима-балерина, бледная и хрупкая, как снежинка.

Но всего лишь в нескольких милях отсюда, в наступающей темноте, чудовищные твари и чудовищные растения обозначали границу между известным наполовину и вовсе неизвестным. Этот контраст мало кто замечал и мало кто о нем думал. К тому времени, когда бóльшую часть населения планеты стали составлять ее уроженцы, давние мечты стали повседневностью, чуждое стало знакомым, старые фантазии сменились новыми, совершенно иными.

Чарльз остановился у витрины, глядя на экран.

— Взгляни на легкость и грацию, с которой она делает пируэты,— проговорил он,— на гибкость и изящество ее фигуры, на спокойствие и почти неосязаемую красоту ее лица. Посмотри, как она останавливается, колеблется, кокетничает и ускользает, словно редкая чудесная бабочка. Балерины — прекрасный пример неземных созданий, которыми человечество восхищалось в течение многих веков. Они очаровывают меня — и заставляют задуматься.

— О чем? — спросил Рэйвен.

— Не относятся ли они к числу людей с паранормальными способностями? Хотя их и не считают таковыми и сами они ни о чем подобном не подозревают? Возможно, их талант слишком неуловим, чтобы его можно было назвать и классифицировать.

— Выражайся яснее,— посоветовал Рэйвен.

— Мне интересно, не обладают ли люди вроде нее подсознательной разновидностью внечувственного восприятия, побуждающей их стремиться к цели, которую они не в силах ни назвать, ни описать? Подобное интуитивное чувство вызывает сильное желание, и они могут выразить его лишь одним способом.— Чарльз показал на экран.— Как бабочка. Бабочка-однодневка.

— Возможно, в этом что-то есть.

— Наверняка есть, Дэвид.

Чарльз отошел от витрины и вперевалку зашагал дальше.

— Будучи самостоятельной формой жизни, люди накопили немало знаний. Но насколько больше могло бы знать человечество, если бы добавило к своим знаниям то, что люди ощущают инстинктивно или подсознательно, но не в состоянии оценить на сознательном уровне.

— Карсон, который далеко не дурак, полностью с тобой согласен,— отозвался Рэйвен.— Он показал мне список известных видов мутантов, а потом предупредил, что список может быть далеко не полным — потому что существуют те, кто сам не сознает своих способностей. Трудно считать себя странным, если эта странность никак себя не проявляет.

— Ходят слухи,— энергично кивнул Чарльз,— что на этой неделе был обнаружен мутант нового типа, причем обнаружен

совершенно случайно. У молодого парня, который потерял руку в споре с бензопилой, теперь, похоже, растет новая.

— Биомеханик,— определил Рэйвен.— Может выращивать новые части тела. Что ж, он обладает вполне безобидной способностью, чего отнюдь нельзя сказать о некоторых других мутантах.

— Да, конечно. Но суть в том, что до сих пор он не знал об этом своем даре, поскольку никогда раньше не терял конечностей. Не произойди с ним несчастного случая, он мог бы прожить всю жизнь и уйти в могилу, не имея ни малейшего понятия, что обладал сверхъестественной способностью. Потому-то мне и интересно, сколько еще людей не знают о себе важных вещей.

— Таких полно. Подумай о том, что знаем мы.

— Думаю,— спокойно ответил Чарльз, но пальцы его крепко сжали локоть Рэйвена.— Собственно говоря, мы знаем столько, что принимаем это как должное, вот и все. Дэвид, ты полагаешь, что... что...

Рэйвен остановился на полушаге, уставившись в глаза Чарльза, вспыхнувшие серебристыми искорками, как его собственные.

— Договаривай, Чарльз. Говори, что хотел сказать.

— Как думаешь, может, нам только кажется, что мы все знаем? Может, нам известно далеко не все? Может, есть другие, которые знают больше и наблюдают за нами точно так же, как мы наблюдаем за пешками — иногда смеясь над нами, иногда жалея?

— Не могу сказать.— Рэйвен криво улыбнулся.— Но если такие создания и существуют, мы знаем лишь одно — они не вмешиваются в наши дела!

— В самом деле? Ты уверен?

— По крайней мере, их вмешательство не распознать.

— Мы распознаём тактику Денеба,— возразил Чарльз.— Многое из того, что они демонстрируют, предназначено для нас, но нами не ощущается. Напротив, те, другие, могут пытаться на нас давить, не зная, на кого давят, и при этом мы не будем знать, что они делают.

— Более того, они могут перенять наши методы, чтобы сбить нас с толку,— заметил Рэйвен с явным скептицизмом, но не желая прерывать разговор.— Они могут казаться нам такими же, какими им кажемся мы — с виду совершенно обычными.

Он обвел рукой вокруг.

— Такими же, как любой другой человек. Предположим, я скажу тебе, что я денебианин в человеческом теле — ты посмеешь назвать меня лжецом?

— Посмею,— без колебаний ответил Чарльз.— Ты врешь и не краснеешь.

— Как ни прискорбно, вынужден это признать.— Рэйвен ободряюще хлопнул Чарльза по плечу.— Видишь ли, ты знаешь, кто я, поэтому интуитивно чувствуешь ложь. У тебя определенно есть паранормальные способности, и тебе следовало бы их выразить, занявшись балетом.

— Гм? — Чарльз мрачно уставился на свой обширный живот, выпиравший из-под рубашки, словно рождественская посылка.— Хороший совет, нечего сказать.

Он замолчал, увидев, что впереди из-за угла вышли трое в форме, преграждая им с Рэйвеном путь.

Все трое были в одежде лесничих — кроме специальных отрядов полиции, то была единственная организация на Венере, представителям которой разрешалось носить оружие. Они стояли тесной группой, смахивая на друзей, которые прощаются перед тем, как отправиться по домам,— но не спускали глаз с двоих, шагавших им навстречу. В открытых мозгах троицы читалось, что они — пироманы и ищут человека по имени Рэйвен.

Предводитель группы следил за Рэйвеном и Чарльзом краем глаза, пока те не поравнялись с группой, потом круто развернулся и властным голосом бросил:

— Ваше имя Дэвид Рэйвен?

— Как вы узнали? — спросил Рэйвен, остановившись и удивленно приподняв бровь.

— Не болтай глупостей,— хмуро глядя на него, посоветовал незнакомец.

Рэйвен повернулся к Чарльзу.

— Он говорит, чтобы я не болтал глупостей,— обиженно сказал он.— Разве я болтаю глупости?

— Да,— пожал плечами Чарльз.— Ты всегда их болтаешь, с тех пор как в трехлетнем возрасте ударился головой.

Потом Чарльз вежливо взглянул на лесничего.

— Зачем вам нужен этот человек по имени... э-э...

— Рэйвен,— услужливо подсказал Рэйвен.

— Да, Рэйвен. Зачем он вам?

— За его голову объявлена награда. Вы что, не смотрите спектровизор?

— Изредка,— признался Чарльз.— По большей части он утомляет меня до слез, поэтому я почти его не включаю.

Лесничий ухмыльнулся своим товарищам.

— Теперь понимаете, почему некоторые остаются бедняками до конца своих дней? Судьба стучится в каждую дверь, но некоторые отказываются ее слушать.

Не обращая больше внимания на Рэйвена, он продолжал, глядя на Чарльза, у которого был откровенно подавленный вид:

— По спектровидению передавали, что его срочно разыскивают.

— За что?

— За то, что он угрожал жизни экипажа и пассажиров «Фантома». За то, что, нарушив правила, открыл шлюз, помешал навигации, отказался подчиняться законным распоряжениям офицера корабля, приземлился в запретной зоне, уклонился от медицинской проверки по прибытии, уклонился от таможенного досмотра по прибытии, отказался пройти антибактериальную стерилизационную камеру и...

Лесничий замолчал, перевел дух и спросил одного из своих товарищей:

— Что-нибудь еще?

— Плевал в главном зале,— подсказал один из них.

Судя по его виду, он сам с удовольствием совершил бы подобное преступление только в пику большой запрещающей надписи.

— И вовсе я не плевал,— хладнокровно возразил Рэйвен.

— Заткнись! — приказал первый, давая понять, что больше не намерен вступать с ним в разговоры, и снова обратился к почтительно молчавшему Чарльзу: — Если случайно встретите этого Дэвида Рэйвена или что-нибудь о нем услышите, позвоните по телефону Вествуд семнадцать-семнадцать и скажите нам, где он. Он очень опасен!

Сделав ударение на последнем слове, лесничий хитро подмигнул остальным, а после пообещал:

— Мы позаботимся, чтобы вы получили достойную долю награды.

— Спасибо,— скромно поблагодарил Чарльз и повернулся к Рэйвену.— Пошли. Мы и так опаздываем. Будь осторожнее и помни, что он на тебя похож.

Они пошли дальше, зная, что трое смотрят им вслед, и отчетливо слыша в виде мысленных импульсов комментарии, которыми те украдкой обменивались:

— В любом случае, он принял нас за лесничих.

— Будем надеяться, если нам попадется навстречу какой-нибудь капитан лесничих, он тоже примет нас за них.

— Мы зря теряем время лишь потому, что тот тип по спектровизору говорил про деньги. Последние несколько часов можно было провести и получше. В двух кварталах отсюда есть неплохая забегаловка, так что...

— Почему они не распространили его фотографию?

— Как я уже сказал, здесь мог бы помочь телепат. Все, что нам нужно,— дождаться подходящего телепата, который указал бы нам на того, кого мы ищем. И тогда мы могли бы купаться в деньгах.

— Что-то в этой награде кажется мне подозрительным. Даже за Косого Мэйсона, который ограбил несколько банков и застрелил десяток человек, не предлагали столько.

— Возможно, у Уолленкотта есть на то личные причины.

— Слушайте, парни, тут есть забегаловка...

— Ладно, зайдем туда на полчасика. Если кто-то нас там застанет, у нас есть хорошее оправдание. Мол, до нас дошел слух, будто Рэйвен должен с кем-то там встретиться.

Поток мыслей начал медленно ослабевать.

— Если он нужен Уолленкотту...

Они продолжали говорить про Уолленкотта, пока не оказались слишком далеко для того, чтобы можно было услышать их мысли. Они обсудили двадцать версий того, каким образом беглец мог задеть или обидеть Уолленкотта, сорок вариантов того, как Рэйвена можно будет призвать к ответу, и сто способов того, что Уолленкотт сможет с ним сотворить.

Все время Уолленкотт да Уолленкотт. Никто не упомянул Торстерна, это имя ни у кого даже в мыслях не промелькнуло.

И потому следовало отдать должное уму того, кто это имя носил.

Глава 10

Эммануил Торстерн обитал в огромном замке из черного базальта, построенном еще в первые месяцы колонизации, когда высокие гладкие стены толщиной в шесть футов служили надежной защитой против враждебного зверья из джунглей. Здесь небольшая группа первопроходцев с Земли упрямо цеплялась за кусочек инопланетной почвы, пока с прибытием новых кораблей людей не стало больше и сила их оружия не возросла,— после чего они отправились дальше, захватывая все новые территории.

Семь других подобных замков в свое время служили такими же твердынями, а потом, когда необходимость в них отпала, были заброшены. Теперь они стояли пустые, полуразрушенные, словно мрачные памятники самых темных дней этой планеты.

Но Торстерн занял и восстановил один из замков, укрепил стены, добавил башни с бойницами, затратив на это немалые средства и стремясь придать своей цитадели вид внушающего ужас могущества. Результатом стал черный зловещий архитектурный монстр, возвышавшийся среди густого тумана; крепость походила на обитель маньяка-феодала, держащего в страхе всю округу.

Рэйвен стоял в клубах тумана, задумчиво теребя мочку уха и разглядывая странное сооружение. В белесой дымке было отчетливо видно лишь основание уходящей к небу крепости, остальное скрывали сгущающиеся сумерки. И все равно Рэйвен напряженно вглядывался в даль, словно мог различить детали, недоступные для обычного зрения.

— Ну и крепость,— заметил он.— Как он ее называет — Императорский дворец, коттедж «Магнолия» или еще как-нибудь?

— Изначально это сооружение было известно как Четвертая база,— ответил Чарльз.— Торстерн переименовал его в Черную Скалу. Местные называют это просто замком.

Он тоже глядел вверх, видимо, как и Рэйвен, обладая способностью видеть невидимое.

— Ну и что дальше? Отправимся к нему сами или подождем, пока он выйдет?

— Пойдем к нему. Мне не хочется болтаться тут до утра.

— Мне тоже.— Чарльз показал вверх.— Попытим, пытаясь подняться? Или попросту войдем внутрь?

— Войдем как приличные цивилизованные джентльмены,— решил Рэйвен.— А именно — через главные ворота.

Он снова взглянул на замок.

— Говорить будешь ты, а я стану держаться за твою руку, вывесив язык. Тогда мы оба не вызовем подозрений.

— Спасибо большое,— беззлобно буркнул Чарльз.

С важным видом подойдя к воротам, он нажал кнопку звонка и принялся ждать. Рэйвен стоял рядом.

Ждать пришлось недолго: четыре богохульных разума, находившихся где-то неподалеку, изрыгнули четыре разных, но одинаково крепких проклятия. Все четверо были пешками без единого признака мутаций.

Этого и следовало ожидать. Не обладая никакими талантами, кроме высокоразвитого интеллекта, Торстерн наверняка вовсю использовал людей, наделенных паранормальными способностями, но отнюдь не жаждал их общества. Поэтому, вероятнее всего, большинство его окружения (в том числе находившиеся в замке) были простыми пешками, отобранными из-за лояльности, надежности и преданности.

В этом отношении хозяин черного замка мало чем отличался от своих слуг. Все обычные люди, как умные, так и тупые, подозрительно относились к мутантам и старались держаться от них подальше. То была естественная психологическая реакция, основанная на скрытом комплексе неполноценности Человека Сегодняшнего в присутствии тех, кто тревожно напоминал Человека Завтрашнего. Силы Земли, направляемые Карсоном и Герати, могли бы использовать подобный инстинктивный антагонизм, доставив большие неприятности оппозиции,— но поступить так значило еще больше подчеркнуть различия между отдельными людьми во имя единства всего человечества.

К тому же, если направить массы пешек против могущественного меньшинства мутантов... Такое могло спровоцировать мятеж, и, подобно древним расовым конфликтам, мятеж мог безнадежно выйти из-под контроля, приняв слишком широкий размах. На Земле имелись и свои мутанты!

Итак, человек, открывший дверь в толстой стене и уставившийся на Рэйвена и Чарльза сквозь тяжелую решетку ворот, был

самой обычной пешкой: плохо выбритый, коренастый, широкоплечий, старавшийся скрыть свое раздражение.

— Кого-то ждете?

— Торстерна,— беспечно ответил Чарльз.

— Для вас он — мистер Торстерн,— упрекнул охранник.— Вам назначена встреча?

— Нет.

— Он не принимает запросто кого попало. Он очень занятый человек.

— Мы не просто «кто попало»,— вмешался Рэйвен.— Мы — «нечто».

— Да без разницы. Он занят.

— Как бы сильно он ни был занят,— заверил Чарльз,— он захочет нас немедленно принять.

Охранник нахмурился. Коэффициент интеллекта этого человека был около семидесяти, и его интересовала в основном собственная печень. Ему не хотелось звонить по телефону и консультироваться с вышестоящим начальством, от которого не ожидалось ничего, кроме ругани. Больше всего охраннику хотелось найти приличный повод избавиться от назойливых посетителей. Игра в джимбо-джимбо как раз приняла самый захватывающий оборот, когда ее прервали, и он уже выиграл право первым понюхать зеленую бутылочку.

— Ну? — довольно воинственно спросил Чарльз.— Нам что, неделю тут торчать?

В голове охранника медленно бродили хмурые мысли. Благовидный предлог, который он пытался найти, все время странным образом от него ускользал. Охранник яростно уставился на обоих незваных гостей, словно те пытались подтолкнуть его к поступку, совершать который ему совсем не хотелось.

Но все же надо было что-то предпринять. Разнообразная деятельность Торстерна постоянно приводила к воротам его замка самых разных людей, хотя посетители очень редко являлись с наступлением темноты. Кого-то Торстерн принимал, кого-то нет; порой придурки и чокнутые попадали в замок, в то время как визитеров, производивших впечатление важных людей, сюда не впускали. Как бы то ни было, в обязанности охранника входило лишь сторожить ворота, а не составлять мнение о каждом посетителе.

— Ваши имена? — хрипло спросил он, облизнув губы.

— Это неважно,— сказал Чарльз.

— Хорошо, но по какому вы делу?

— А вот это — очень важно.

— Черт возьми, не могу же я так и сказать!

— Попробуй — и увидишь, что выйдет,— посоветовал Чарльз.

Все еще колеблющийся охранник перевел взгляд с одного человека на другого, даже не догадываясь, как успокаивают его их мысленные импульсы, и снова скрылся в замке. Сидевшие в маленькой комнатке встретили его хором возгласов: до Рэйвена и Чарльза из-за двери не доносилось ни звука, но слова проникали к ним сквозь базальт в виде отчетливых ментальных волн.

— Черт, сколько тебя еще ждать? Задерживаешь игру.

— Кто там явился в такое время? Скоро станет темнее, чем в брюхе древесного кота.

— Кто там, Джесмонд? Какая-то важная персона?

— Они не говорят,— угрюмо сообщил охранник.

Сняв со стены телефонную трубку, он подождал, пока на экране появится изображение человека на другом конце линии.

Через минуту затылок охранника побагровел, в его голосе зазвучали извиняющиеся нотки.

Положив трубку, он бросил страдальческий взгляд на хмурые лица троих картежников за столом и вышел в быстро сгущающиеся сумерки. Странный порыв, заставивший его доложить о посетителях, не узнав сперва, кто они такие, рассеялся без следа, но охранник этого не сознавал.

— Эй вы, двое...

Остановившись, он выглянул за ворота. За прошедшие несколько минут стемнело еще больше, видимость уменьшилась до пяти ярдов. И на расстоянии пяти ярдов от ворот никого не было — вообще никого.

— Эй! — крикнул охранник в стену тумана.

Ответа не последовало. Он крикнул снова, погромче.

Ничего — только унылый плеск стекающей с черных стен воды и еле слышный шум далекого города в нескольких милях отсюда.

— Проклятье!— Сдавшись, человек снова направился к двери.

Он уже коснулся ее, как вдруг ему в голову пришла одна мысль. Вернувшись к воротам, он потряс решетку, проверяя засовы и главный замок. Ворота были надежно заперты. Охранник посмотрел вверх. Четыре ряда острых трехдюймовых шипов, торчащих из камня, делали ворота совершенно непреодолимыми.

— Черт бы их побрал! — выругался охранник, чувствуя необъяснимое беспокойство, и вошел внутрь.

Теперь он думал в основном о зеленой бутылке.

Ему и в голову не пришло, что самая надежная часть ворот, а именно — замо́к, является также самым слабым их местом. Не пришло ему в голову и то, что самый сложный замо́к можно открыть с любой стороны, если у тебя есть ключ... Или его нематериальный заменитель!

Последние тусклые проблески света погасли, наступила кромешная тьма, словно на венерианском небе кто-то задвинул гигантскую заслонку. За воротами находился длинный узкий двор — теперь там ничего не было видно на расстоянии вытянутой руки. Как обычно, на Венере с наступлением ночи туман пропитался сотнями экзотических запахов из джунглей, среди которых преобладал аромат раздавленных ноготков.

Двое остановились посреди двора. Справа от них в стене была большая, обитая гвоздями дверь. Хоть ее и скрывал вездесущий туман, двое знали, где дверь, даже не видя ее.

Подойдя ближе, они стали внимательно ее разглядывать.

— Замо́к с четырнадцатью степенями защиты,— пробормотал Чарльз.— А еще — система тревоги, которая обязательно сработает, стоит кому-то начать возиться с замком. Наконец, предусмотрена возможность отключить тревогу в комнате охранника на то время, пока он разбирается с посетителем.

Он громко фыркнул.

— Я бы назвал это изобретательностью, доведенной до абсурда.

— Не обязательно,— возразил Рэйвен.— Они разработали систему исключительно в расчете на себе подобных, как мутантов, так и обычных людей. Для столь ограниченных целей она вполне подходит. Когда же имеешь дело с денебианами — или с

такими, как мы с тобой,— возникает совсем другая проблема. Торстерну и его войску потребуется чертова уйма времени, чтобы ее решить.

— Думаю, ты прав. Ворота практически непреодолимы — по понятиям этого мира.

Чарльз окинул взглядом большую дверь и обрамляющий ее черный камень.

— Ты видишь то же, что и я?

— Да, сразу за дверью проход пересекает невидимый световой луч. Стоит открыть дверь и разомкнуть луч, как тут же поднимется тревога.

— Все, что угодно, лишь бы нас задержать,— проворчал Чарльз, раздраженный бессмысленной тратой времени.— Можно подумать, будто они делают это специально.

Он посмотрел на свое брюшко, которое отнюдь не становилось меньше от частых взглядов, и печально добавил:

— Вот тут наша маскировка мешает. Без нее мы могли бы запросто войти внутрь.

— То же самое можно было сказать несколько минут назад. Мы имеем дело с обычными мужчинами, потому должны поступать до известной степени как обычные мужчины.— Рэйвен снисходительно посмотрел на Чарльза.— Мы ведь мужчины, не так ли?

— Нет, некоторые из нас женщины.

— Ты знаешь, о чем я. Мы — мужчины и женщины.

— Конечно. Но иногда я...— Чарльз умолк, его пухлое лицо дернулось.— Порой у меня возникает одна мысль, Дэвид.

— Какая?

— Сколько лошадей — на самом деле лошади? Сколько собак — на самом деле собаки?

— Что ж, об этом можно будет подумать после того, как мы разберемся с более срочными и важными проблемами,— заметил Рэйвен.— У нас еще есть несколько тысячелетий на такие забавы.

Он показал на дверь.

— Вернемся к нашей ловушке. Луч должен как-то отключаться каждый раз, когда кто-то подходит к двери, чтобы ответить на звонок. Можно проследить за ведущими к выключателю про-

водами, но если выключатель далеко в доме, на это может уйти немало времени.

— Проследи за проводами, а я возьму на себя дверь,— предложил Чарльз.— Пусть каждый займется своим делом.

Он тут же принялся за работу, которая заключалась в том, чтобы, сунув руки в карманы, начать напряженно всматриваться в препятствие.

Рэйвен тем временем так же сосредоточенно разглядывал толстую каменную стену. На ее поверхности было не за что зацепиться взгляду, тем не менее глаза его медленно скользили то вправо, то вниз, то вверх.

И Рэйвен, и Чарльз молчали. Погруженные в свою работу, они стояли рядом, не шевелясь, глядя прямо перед собой, словно прикованные к месту неким поразительным зрелищем, доступным только им двоим. Вскоре Чарльз слегка расслабился, но не двинулся с места, чтобы не помешать товарищу.

Спустя полминуты расслабился и Рэйвен.

— Провода идут вдоль коридора,— сказал он,— а потом — направо, в небольшое помещение. Выключатель щелкает слишком громко, но, к счастью, в той комнате никого не оказалось.

Он толкнул дверь, и она бесшумно открылась.

Рэйвен и Чарльз вошли внутрь, прикрыли дверь за собой и двинулись по узкому коридору, освещенному тусклыми лампочками на потолке. Они вели себя с небрежной уверенностью людей, на прошлой неделе купивших этот замок, а завтра собирающихся его обставить.

— Все это до известной степени характеризует психологию Торстерна,— заметил Рэйвен.— Засовы, решетки и невидимые лучи может обнаружить любой мутант, наделенный первоклассным внечувственным восприятием,— вот только поделать с ними он ничего не сможет. С другой стороны, телекинетик без особых проблем мог бы справиться с этими преградами, если бы только смог их увидеть. Поэтому замок полностью открыт для мультимутанта, например телекинетика-экстрасенса. Торстерн исходит из предположения, что таковых мутантов не существует, что в природе нет ничего и близко похожего. Вряд ли он будет рад узнать, насколько сильно ошибался.

— Что касается людей, наделенных несколькими способностями, он пока не ошибся.

— Пока нет. Пока. Но когда-нибудь, возможно, появятся и такие. Тот тип, Халлер, считался пироманом и только, но, когда я прикоснулся к нему, он слишком многое понял. Он обладал рудиментарными экстрасенсорными способностями, причем сам раньше об этом не подозревал. У него была одна и одна десятая паранормальных способностей.

— Уродец,— сказал Чарльз.

— Можно и так сказать. Так что брат Торстерн вряд ли обрадуется, когда перед ним предстанут два уродца вроде нас. Будучи пешкой, пусть и умной, он относится к мутантам скорее со скрытым страхом, чем с неприкрытой завистью.

— Для нас это будет помехой, учитывая, что наша цель — донести до него правду.

— Ты попал прямо в точку, Чарльз. Будет нелегко воззвать к разуму могущественного и безжалостного человека, которым движет страх. И еще труднее нам придется, поскольку мы не смеем показать, почему его предположения неверны, а страхи полностью беспочвенны.

— Ты когда-нибудь задумывался о том, как отреагировал бы этот мир, имей мы возможность рассказать о нескольких неоспоримых фактах? — спросил Чарльз.

— Да, и не раз. Но какой смысл об этом рассуждать? Когда-нибудь денебиане наверняка доберутся и сюда. Чем меньше они узнают, тем лучше.

— Один шанс из миллиона, что они найдут что-либо достойное открытия.— На этот счет у Чарльза не было никаких сомнений.— Посмотри на Ташгар, на Лумину, на группу планет в созвездии Волопаса. Они исследовали их все до единой, после чего начали с презрением относиться к любым формам жизни — ведь сколько они ни искали, так и не обнаружили ничего стоящего. Наверное, они спятили бы, узнав, что сто раз находили то, что им было нужно, но не могли распознать этого, хотя и держали в руках.

Чарльз позволил себе сардонически усмехнуться.

— Денебиане — гении, которым не хватает элементарного умения сложить два плюс два и получить четыре.

— При данных обстоятельствах такое суммирование может оказаться по-настоящему серьезной математической проблемой,— заметил Рэйвен.— Иногда мне становится жаль денебиан. На их месте я бы то и дело приходил в ярость и...

Он замолчали, дойдя до конца коридора, свернув направо и увидев, что навстречу им шагают несколько человек. Прежде чем кто-нибудь из встречных успел среагировать, Рэйвен с обезоруживающей уверенностью обратился к этим людям:

— Прошу прощения, не подскажете, как пройти к мистеру Торстерну?

Ему ответил дородный тип в середине группы, державшийся довольно властно:

— Первый поворот налево, вторая дверь слева.

— Спасибо.

Люди отошли в сторону, пропуская Рэйвена и Чарльза, и молча посмотрели им вслед. Выражения их лиц остались бесстрастными, но их сокровенные мысли прямо-таки вопили в голос:

«Любого посетителя, явившегося к Торстерну, встречают у ворот и проводят в его кабинет! Почему эти двое шляются без присмотра?»

«Что-то тут не так,— размышлял второй.— Посетителей обычно не предоставляют самим себе. Вообще-то такого никогда не бывает».

«Не нравится мне это,— думал третий.— Ну и что? Неужели мне мало своих забот? У меня их и без того хватает! — Мысли его сменили направление.— Черт с ними!»

«Вторая дверь налево, ха! — весело и беззаботно подумал четвертый.— Молодец, Гарган, сообразил! Он никогда не рискует, потому-то с ним никогда ничего не случается».

«Как только они свернут за угол,— подвел итог первый, которого и звали Гарганом,— я предупрежу босса».

Он быстро зашагал к кнопке на стене.

Свернув за угол, Рэйвен бросил на Чарльза многозначительный взгляд, нашел вторую дверь слева и остановился перед ней.

— Я ощущаю безнадежную путаницу чьих-то мыслей, но ни одна из них не принадлежит Торстерну.

Он кивнул в сторону двери.

— А в этой комнате вообще нет мыслей. Там пусто. Ни единой живой души.

Рэйвен несколько мгновений разглядывал дверь, потом добавил:

— Полдюжины стульев, стол и коммуникатор с экраном. Стены из сплошного камня. Дверь может запираться дистанционно, а открывается *только* дистанционно. Гм!

— Очередная мышеловка, получше входной двери,— констатировал Чарльз. На его толстом лице в уголках рта появились морщинки, он стал похож на ребенка, собирающегося разбить окно.— Как раз туда мне и хотелось бы войти — просто чтобы показать, как мало меня это волнует.

— Согласен.

Рэйвен толкнул дверь, которая тут же открылась, вошел и опустился на стул, глядя на пустой экран.

Когда рядом с Рэйвеном сел Чарльз, стул скрипнул под его тяжестью. Он тоже обратил внимание на экран, но его разум — как и разум Рэйвена — тщательно исследовал поток доносившихся до них чужих мыслей-бесед, пытаясь разложить по полочкам бессвязное бормотание, проникавшее сквозь каменные стены комнаты.

— У меня на руках было два туза, черт возьми...

— Типичная марсианская забегаловка с прохладным воздухом и холодным пивом...

— ...Взлетел на воздух с грохотом, от которого задрожал весь город. Мы побежали к вертолету, пока разведка...

— ...У нее светлые волосы до колен...

— ...Оставили земные патрули с носом...

— ...Этот вонючий мутант читает мои мысли и выигрывает у меня...

— ...Да, гипнотизер по имени Стин. Он был им очень нужен, я не знаю...

— Говорю тебе, этим мутантам нельзя...

— Что-что?!

— Сейчас начнется,— заметил Рэйвен, облизывая губы.

— Этот Стин, говорят, будто он...

— Где? Двое в комнате номер десять? Как они туда попали?..

— ...Вскоре был сыт Марсом по горло. Не знаю, как люди могут...

— Хорошо, Гарган, предоставь это мне...

— Когда прикончим зеленую бутылку, может, мы...

— Сиганул в лес головой вниз и пробил яму глубиной в двадцать футов...

Реле на двери щелкнуло, и тут же задвинулся десяток засовов. Экран засветился, на нем появилось чье-то лицо.

— Значит, Гарган был прав. Что вы там делаете?

— Сидим и ждем,— ответил Рэйвен.

Он вытянул ноги с видом человека, чувствующего себя как дома.

— Вижу. Вам не остается ничего другого.

Лицо на экране неприятно осклабилось.

— Охранник у ворот клянется, что никого не впускал. Тем не менее вы здесь. Это можно объяснить лишь одним: вы — пара гипнотизеров. Вы подчинили себе его сознание, а потом стерли из памяти охранника все следы.

Человек на экране перестал ухмыляться и хрипло рассмеялся.

— Очень умно с вашей стороны. Но сами видите, куда это вас привело. Попробуйте загипнотизировать сканер.

— Похоже, вы считаете, что быть гипнотизером — преступление,— парировал Рэйвен, умело ударив в больное место типичной пешки.

— Преступление для гипнотизера — использовать свои способности в незаконных целях,— возразил человек на экране.— И, на тот случай если вы этого не знаете, вламываться в частные владения — тоже преступление.

— На мой взгляд,— прорычал Рэйвен, сознавая, что попусту тратит время,— преступление — когда какая-то тупоголовая мелкая сошка развлекается, словно мальчишка, наплевав на собственного босса!

Лицо Рэйвена помрачнело.

— Мы пришли поговорить с Торстерном. Лучше позови его, прежде чем тебе настучат по мозгам.

— Ах ты, болтливая вонючка! — покраснев, начал тип на экране.— Да я...

— Что — ты, Винсон? — послышался из громкоговорителя низкий звучный голос.— Потерять самообладание — большая ошибка. Нужно всегда держать себя в руках. Всегда, Винсон. С кем ты разговариваешь?

Чарльз слегка толкнул Рэйвена в бок.

— Похоже, это и есть всемогущий Торстерн.

Человек на экране повернулся в сторону. Теперь у него был виноватый вид.

— Какие-то двое мутантов, сэр. Невесть как прорвались сюда, но мы задержали их в десятой комнате.

— В самом деле? — спокойно, неторопливо спросил голос.— Они дали объяснения своему безрассудному поступку?

— Они утверждают, что хотят поговорить с вами.

— О господи! У меня нет никаких причин потакать их желаниям. Напротив, это могло бы создать прецедент. Мне пришлось бы вести разговоры по душам с каждым эксцентриком, который сумел бы сюда пробраться. Неужели они думают, что у меня нет других дел?

— Не знаю, сэр.

Неожиданно невидимый собеседник передумал.

— Что ж, если такие случаи не будут повторяться, я мог бы выслушать этих двоих. Есть крошечный шанс, что я узнаю от них что-нибудь полезное. Но если окажется, что я зря потратил время,— пусть пеняют на себя.

— Да, сэр,— последовал услужливый ответ.

Первое лицо исчезло с экрана, сменившись другим — крупным, сильно вылепленным, с квадратной челюстью. Торстерн был далеко не молод — густая копна совершенно седых волос, глубокие мешки под глазами,— но выглядел по-своему привлекательно. На его лице были написаны ум и тщеславие.

Задержав внимательный взгляд на Чарльзе, рассмотрев его с ног до головы, Торстерн взглянул на Рэйвена и без малейшего удивления сказал:

— Я вас знаю! Всего несколько минут назад я получил вашу фотографию. Вас зовут Дэвид Рэйвен.

Глава 11

Рэйвен спокойно посмотрел Торстерну в глаза.

— И зачем, черт возьми, вам понадобилась моя фотография?

— Мне она была совершенно ни к чему,— парировал Торстерн, которому хватало сообразительности не реагировать даже

на косвенные намеки.— Мне подсунули ее наши власти, которые на этой планете действуют достаточно расторопно. Ваше фото распространяют повсюду; судя по всему, нашей полиции очень хочется до вас добраться.

— Почему, хотелось бы знать? — с деланым удивлением спросил Рэйвен.

— Человек, занимающий мое положение,— откашлявшись, продолжал Торстерн,— оказался бы в весьма неловкой ситуации, если бы выяснилось, что он укрывает разыскиваемого преступника. Поэтому, если вам есть что сказать, говорите побыстрее, ибо времени у вас мало.

— А потом?..

Торстерн выразительно пожал широкими плечами, словно римский император, опускающий большой палец.

— Полиция вас заберет, и на том мои обязательства закончатся.

Это было сказано так, словно у Торстерна имелись особые, тайные, причины, по которым он мог считать себя свободным от любых обязательств. У него был вид человека, который держит в кармане всю полицию. Ему достаточно было кивнуть, чтобы кого-то арестовали; подмигнуть, чтобы кому-то обязательно выстрелили в затылок якобы при попытке к бегству. Было совершенно очевидно, что Торстерн обладает властью, притом немалой.

— А вы интересный человек,— с неприкрытым восхищением разглядывая Торстерна, заметил Рэйвен.— Очень жаль, что вам так хочется нам помешать.

— Вы ведете себя чересчур нагло,— заявил Торстерн.— Причем намеренно. Вы надеетесь сбить меня с толку, пытаетесь вывести из себя; но я не настолько глуп. Неблагоразумные эмоции — роскошь, которую может позволить себе лишь дурак.

— Но вы же не отрицаете, что упрек, который я бросил в ваш адрес, справедлив?

— Я не могу ни признать, ни отрицать полную бессмыслицу.

— Что ж,— вздохнул Рэйвен,— если такова ваша позиция, наша задача усложняется, но ее все равно необходимо выполнить.

— Какая еще задача?

— Убедить вас прекратить необъявленную войну, которую вы ведете против Земли.

— О господи! — Торстерн притворно возвел глаза к небу.— Вы и в самом деле думаете, что я поверю, будто Земля послала мелкого преступника вести переговоры с деловым человеком о некой фантастической войне?

— Война идет, и вы ведете ее с помощью ваших здешних и марсианских марионеток.

— Какие у вас доказательства?

— Доказательства не нужны,— бесстрастно произнес Рэйвен.

— Почему?

— Потому что вы знаете — это правда, хотя и не хотите признаться. Доказательства нужны лишь для того, чтобы убедить других. Но других здесь нет. Все, что здесь говорится,— исключительно между нами тремя.

— Как человеку с достаточно широкими деловыми и финансовыми интересами,— зловеще проговорил Торстерн,— мне неоднократно приходилось становиться мишенью для всевозможных сплетен и оскорблений. Я к ним привык, и они меня нисколько не трогают. Это цена, которую приходится платить за успех. Завистники и недоброжелатели всегда есть и будут среди нас, и я считаю их недостойными даже презрения. Но я должен признать, что неприкрытое и полностью необоснованное обвинение в тайном разжигании войны — самое возмутительное из всех оскорблений, какие мне до сих пор доводилось слышать.

— Это обвинение вовсе не фантастическое и не необоснованное,— возразил Рэйвен.— К несчастью, это печальный факт, и в любом случае вы нисколько не оскорблены. Собственно, в глубине души вы гордитесь этим. Про себя вы радуетесь, что нашелся кто-то достаточно сообразительный, чтобы распознать в вас крупную шишку. Вам доставляет удовольствие мысль о том, что вашей разрекламированной марионетке Уолленкотту не удалось привлечь безраздельное внимание к своей персоне.

— Уолленкотт? — равнодушно переспросил Торстерн.— Кажется, я начинаю кое-что понимать. Судя по всему, Уолленкотт — как всегда, напыщенный демагог — наступил кому-то на мозоль. Так что вы по глупости пошли по ложному следу и вместо Уолленкотта явились прямо ко мне.

— У меня нет привычки вынюхивать ложные следы,— пошевелившись на стуле, проворчал Чарльз.

— Вот как? — Торстерн снова пристально посмотрел на него, но ничего не увидел, кроме толстяка с добродушным пухлым лицом и тусклыми глазами.— Так это вам я обязан такой честью — что меня назвали главной движущей силой несуществующей войны?

— Если это можно назвать честью.

— В таком случае, сэр, вы не только дурак, но еще и опасный дурак! — Торстерн пренебрежительно махнул рукой.— Я не могу терять время на дураков. Лучше будет, если вами займется полиция.

Приняв суровый вид, Торстерн холодно закончил:

— Как добропорядочный гражданин, я полностью доверяю нашей полиции.

Чарльз презрительно фыркнул.

— Естественно, вы имеете в виду тех, кому платите. Про них мне хорошо известно. Их на этой планете боятся, и не без причин.— Неожиданно черты лица Чарльза обострились, на мгновение в нем не осталось ничего от потешного толстяка.— Но мы их не боимся!

— Возможно, вам придется изменить свое мнение.

Торстерн снова перевел взгляд на Рэйвена.

— Я отвергаю все ваши бессмысленные обвинения, и кончим на том! Если Земля считает нужным вновь заявить о своих правах на Венеру — пусть делает это положенным путем. Без сомнения, их беспокоит Уолленкотт. Как они намерены с ним разобраться — проблемы землян, а не мои.

— Отвлекающими маневрами нас не одурачить. Если мы схватим Уолленкотта, вы лишь посмеетесь от души, замените его очередной марионеткой из своего списка и используете его арест в целях пропаганды.

— Вы уверены?

— Вы и пальцем не шевельнете, чтобы спасти Уолленкотта. Напротив, вы сделаете из него первого мученика венерианского национализма. У Земли есть дела поважнее, чем снабжать мелкого божка одним-двумя святыми.

— Божок — надо полагать, я? — улыбнулся Торстерн.

— Конечно. Было вполне логичным шагом — добраться до человека, который дергает за веревочки марионеток. Вот почему мы пришли прямо к вам. Но, возможно, придется смириться с тем, что воззвать к вашему разуму невозможно; тогда мы будем вынуждены заставить вас повиноваться более радикальными методами.

— Это что, угроза? — Торстерн оскалил крепкие белые зубы.— Странно слышать ее от тех, кто полностью находится в моей власти. К вашим прочим заблуждениям следует прибавить то, что вы полагаете себя якобы неуязвимыми и не зависящими от обстоятельств. Мол, каменные стены — еще не тюрьма. Ха!

— Веселитесь,— посоветовал Рэйвен.— Пока можете.

— Я начинаю сомневаться, что вы — прирожденный преступник,— продолжал Торстерн, пропустив реплику мимо ушей.— Скорее всего, вы — подходящий пациент для психиатра. Вами движет навязчивая идея, будто я, Эммануил Торстерн, процветающий венерианский торговец,— некто вроде Голиафа, а вы должны сыграть при мне роль Давида.

Он бросил взгляд на невидимый стол и язвительно закончил:

— Ну да, я вижу: вас, собственно, так и зовут. Возможно, в этом все и дело.

— Мое имя значит для меня не больше, чем для вас — имена Тор* или Эммануил**.

Эти слова вызвали первую заслуживающую внимания реакцию. На мгновение лишившись самоуверенного спокойствия, Торстерн нахмурился — но сумел придать своей гримасе величественный вид.

— Мне доводилось расправляться с людьми и за меньшее! — проскрежетал он, куснув нижнюю губу.— Я их просто уничтожал!

Торстерн ударил кулаком по столу.

— И они исчезали бесследно!

— Ну, я вижу, вы все-таки знаете значение ваших имен.

— Я достаточно образованный человек.— Торстерн поднял густые брови.— Но я всего лишь торговец, а не фанатик. Это вы

---

* Тор — в скандинавской мифологии могучий бог грома и молнии, кроме того, считался покровителем судеб. *(Прим. перев.)*

** Эммануил — от *евр.* «С нами Бог». *(Прим. перев.)*

одержимы навязчивой идеей, а не я. Да, я стремлюсь к власти, но лишь в материальном смысле. Ваши оскорбления опасны — не для меня, но для вас самих.

— Угрожать не имеет смысла. Дело в том, что вы можете уничтожить отдельных людей, но никогда не сможете уничтожить Землю. Прекратите войну, пока не поздно.

— Или?

— Или Земля решит, что с нее достаточно, и сама нанесет удар. Хотите знать, каким образом?

— Я слушаю.

— Она будет убирать ключевые фигуры оппозиции одну за другой, начиная с вас!

Торстерна эти слова нисколько не взволновали и не обеспокоили. Откинув назад густую копну седых волос, он заглянул в бумаги, не видные на экране, и рассудительно сказал:

— Совесть моя чиста, и у меня нет причин ожидать подобного исхода. Более того, с точки зрения закона все мы — земляне и подчиняемся земному законодательству, в соответствии с которым гражданин считается невиновным, пока не будет доказана его вина. Подобные доказательства невозможно предъявить, особенно в отсутствие некоторых свидетелей, в том числе вас.

— Теперь вы нам угрожаете,— заметил Рэйвен.

— Относитесь к моим словам как хотите. Похоже, вашему положению сейчас не позавидуешь.

— Да, да. Вы ведь надеетесь, что мы угодили в ловушку!

— Вы находитесь в комнате с толстыми стенами, без окон. Единственная дверь заперта на несколько замков, открывающихся только дистанционно. Это помещение специально предназначено для бесед с паранормальными личностями, способности и цели которых неизвестны. Время от времени такие встречаются.

— Похоже на то.

— Я не настолько глуп, чтобы полагаться исключительно на железные ворота, которые можно преодолеть — так, как преодолели их вы. Так что вот вам запоздалый урок: любой, кто пожелает со мной сразиться, будет вынужден сделать это в удобном для меня месте и в удобное для меня время.

— Не слишком ли серьезные предосторожности для дома честного торговца? — многозначительно спросил Рэйвен.

— Мои интересы достаточно серьезны, их нужно защищать. Я перечислил вам далеко не все охранные меры. Вы добрались лишь до второй линии обороны.

Наклонившись ближе к экрану, Торстерн торжествующе добавил:

— Даже комната, из которой я с вами разговариваю, неуязвима!

— Было бы интересно это проверить,— улыбнулся Рэйвен.

— Никто не даст вам такого шанса. Поймите, вы, тугодумы, что обычные люди тоже не лишены способностей. Некоторые из нас — в особенности я — знают, как обращаться с мутантами. Мы каждый раз опережаем их на два хода.

— Вы отстаете на два хода — просто об этом не знаете.

Не обращая внимания на слова Рэйвена, Торстерн продолжил:

— Если вы гордитесь своими способностями к телепортации, предлагаю попробовать их на дверных засовах. А если вы гипнотизеры, попробуйте загипнотизировать меня через сканер. Или, если вы телепаты, попытайтесь прочесть мои мысли. Не получается, верно? Вы не знаете, где я, в какой стороне и насколько далеко от вас. Я могу находиться всего в десяти ярдах, защищенный экраном из серебряной сетки, а могу говорить с вами с другой стороны планеты.

— Создается впечатление, что вы кого-то боитесь.

— Я никого не боюсь,— ответил Торстерн, и это была правда.— Но я признаю существование сверхъестественных способностей, которые мне недоступны, и потому проявляю осторожность. На Венере и Марсе по-другому нельзя, слишком тут много мутантов. И этот фактор Земля должна учитывать, прежде чем приступить к действиям, которые, возможно, не удастся остановить.

— На Земле есть свои мутанты,— сказал Рэйвен.— И их больше, чем вы думаете. Почему-то вы постоянно упускаете этот факт из виду, чересчур ошеломленные наличием собственных мутантов. Кто в первую очередь доставил многих из вас на новые планеты? Земной космический флот; его экипажи состояли и состоят из землян, которые провели пятнадцать — двадцать лет в черной бездне под жестким излучением. И естественные по-

следствия были такими же. Многие дети космических волков не похожи на прочих детей.

— Позволю себе с вами не согласиться.— Торстерн явно получал удовольствие от своих доводов, которые считал неопровержимыми.— Если, как вы утверждаете, идет война, почему Земля не пустит в ход собственных мутантов, чтобы ответить нам тем же?

— А разве кто-то сказал, что Венера использует для нападений на Землю мутантов? — спросил Рэйвен.

Торстерн выругал себя за очевидный промах, но тут же изобразил притворное удивление:

— А разве это не так?

— Нет.

— Тогда что именно происходит?

— Нечто намного худшее. Они используют новый вид излучения, чтобы стерилизовать наших женщин.

— Наглая ложь! — Торстерн побагровел от ярости.

— Конечно ложь,— бесстыдно заявил Рэйвен.— И вам это известно, вы только что сами об этом сказали. Как вы поняли, что я солгал?

— Да просто никто не пойдет на столь грязный трюк.

Втайне злясь на себя за вторую ошибку, Торстерн решил, что больше не допустит ни одной.

— Меня утомил этот разговор. В нем нет ничего забавного и тем более содержательного. Я намерен поступить с вами так же, как с другими опасными безумцами, вламывавшимися в мой дом.

— Если сможете.

— Тут нет ничего сложного. У любого мутанта точно такие же легкие, как и у других людей. Он засыпает так же быстро и глубоко, даже если он неспящий. Несмотря на свои способности, он во сне беспомощен, как новорожденный младенец. Он больше не тот, кем себя воображает, не существо, стоящее выше обычных, лишенных способностей людей. Во сне он всего лишь кусок мяса. Любой деревенский дурачок может с ним справиться.

— Вы хотите сказать, что собираетесь усыпить нас с помощью газа?

— Совершенно верно,— кивнул Торстерн, наслаждаясь своей властью.— Через вашу комнату проходят трубы, предназна-

ченные именно для этой цели. Это часть системы защиты. Нам вполне хватает сообразительности, и мы продумываем все наперед, не так ли?

Потирая нижнюю губу, он задумчиво добавил:

— Мне нравится решать вопросы просто, спокойно и с минимальными проблемами.

— Но вы отказываетесь решить вопрос о прекращении войны?

— Не говорите глупостей. Я никак не могу согласиться с тем, что идет война, а уж тем более с тем, что имею к ней какое-то отношение. Ваш мифический конфликт меня больше не интересует. Для меня вы — лишь двое неприятных личностей, которые вломились в мой дом. И я намерен сделать так, чтобы полиция забрала вас отсюда тихо и без лишнего шума, словно ненужный багаж.

Он наклонился, протянув руку куда-то за край экрана.

Чарльз неожиданно тяжело осел в кресле. Его пухлое лицо побледнело, глаза закрылись, ноги расползлись под неестественным углом.

Рэйвен встал, не обращая внимания на наблюдавшего за ним с экрана Торстерна. Склонившись над Чарльзом, он усадил его поудобнее и, сунув руку под рубашку, осторожно помассировал грудь.

— Неплохой отвлекающий маневр,— заметил Торстерн, саркастически выпятив губы. Он все еще тянулся куда-то за экран, но рука его на мгновение замерла.— Толстяк притворяется больным. Вы с серьезным видом массируете ему грудь. Сейчас вы скажете, что у него приступ тромбоза коронарных сосудов или что-то в этом роде. Он умрет, если как можно быстрее не принять меры. Тогда я должен проникнуться сочувствием, остановить газ, отпереть засовы и бегом послать кого-нибудь за бутылкой местного виски.

Рэйвен молчал, продолжая стоять к нему спиной и массируя грудь сидящего на стуле Чарльза.

— Так вот, ничего у вас не выйдет! — отрывисто бросил Торстерн.— Этот детский трюк не проведет и слабоумного. Собственно, я считаю подобное оскорблением моего интеллекта. Бо-

лее того, даже если приступ у толстяка настоящий, я с удовольствием останусь сидеть тут, наблюдая, как он умирает. Кто я такой, чтобы противиться чужой судьбе?

— Рад, что вы это сказали,— не оборачиваясь, бесстрастно проговорил Рэйвен.— Люди, подобные нам, часто скованы этическими ограничениями. Мы тратим ценное время, пытаясь убедить других не заставлять нас поступать так, как следует поступить. Мы стремимся до последней возможности оттянуть неизбежное. Это наша типичная слабость. Мы слабы в том, в чем сильны менее щепетильные личности вроде вас.

— Спасибо,— сказал Торстерн.

— Поэтому, когда потенциальная жертва рассеивает наши сомнения, это лишь облегчает нашу задачу,— добавил Рэйвен.

Чувствуя, что настал подходящий момент, он резко повернулся и уставился прямо на экран. В глазах его вспыхнули серебристые огоньки.

— Прощай, Эммануил! Когда-нибудь, быть может, мы встретимся снова!

Торстерн не ответил — поскольку просто не мог. Его прежде сильные и агрессивные черты претерпевали жуткие метаморфозы. Выпученные глаза ходили из стороны в сторону. Рот открылся и закрылся, не издав ни звука. На лбу выступили крупные капли пота. Казалось, будто некая сила раздирает его на части.

Продолжая мягко растирать безвольное тело на стуле, Рэйвен без тени удивления наблюдал за происходящим. Искаженное лицо Торстерна скрылось за нижним краем экрана. Появилась судорожно хватающая воздух рука, потом снова лицо, на которое было страшно смотреть. Все это заняло не больше двадцати секунд.

Затем странное явление закончилось столь же быстро, как и началось. Мышцы лица расслабились, лицо разгладилось, хотя и было все еще покрыто потом. Снова послышался низкий голос, холодный, спокойный и уверенный — голос Торстерна, в котором ощущались почти неразличимые нотки, не принадлежавшие Торстерну. Рот, гортань и голосовые связки Торстерна действовали так, словно он был куклой чревовещателя. Он повернулся к невидимому микрофону с левой стороны экрана.

— Джесмонд, мои посетители собираются уходить. Проследи, чтобы никто им не помешал.

Кукла, которая была Торстерном, протянула руку, коснувшись кнопки. Дверные засовы отодвинулись. Это было последним, что он успел сделать,— лицо его снова изменилось, рот открылся, черты лица претерпели несколько быстрых изменений. Затем лицо исчезло с экрана, когда тело упало на пол,— послышался отдаленный глухой стук.

Рэйвен резко встряхнул Чарльза. Тот зашевелился, открыл глаза, ощупал себя и медленно поднялся, пошатываясь и тяжело дыша.

— Нужно побыстрее убираться, Дэвид. Я думал, он полностью в моей власти, но этот хитрый дьявол...

— Я знаю. Я видел его лицо. Новое лицо. Пошли!

Метнувшись к двери, он распахнул ее и вытолкнул Чарльза наружу. Коммуникатор молчал, экран светился, но был пуст. Рэйвен закрыл за собой дверь и свернул в коридор. Никого не было видно.

— Хитрый дьявол! — повторил Чарльз, слегка запыхавшийся от быстрой ходьбы и крайне недовольный.

— Заткнись. Поговорим позже.

Они поспешно пересекли зону, перекрытую все еще не работающим световым лучом, и вышли за дверь, в туман, заполнявший двор.

Сумбурная мешанина реплик ворвалась в их разум, заставив прибавить шагу:

— ...И выходит эта танцовщица, словно дрессированная змея...

— Рэйвен мертв, говорю тебе.

— Он не мог... чтобы поджечь ту свалку, одного поджигателя мало...

— Он тянулся к кнопке подачи газа, когда они что-то с ним сделали, не знаю что...

— Говорят, будто пару лет назад был испытательный полет на Юпитер, но, скорее всего, это просто очередной слух с Земли, потому что...

— Они наверняка мультимутанты, хоть и говорят, будто таких не существует. В таком случае...

— Жилу чистого серебра по ту сторону Зубчатых гор, так что он собирает вещи и...

— ...не могли уйти далеко. Включи тревогу, дурак! Какой смысл пялиться на покойника, когда эти мутанты...

— Так вот, потом этот летун с Марса решает прогуляться по потолку, и фотография падает у него из кармана прямо на колени его жене. Ей хватает одного взгляда...

— Вряд ли они уже у ворот. Включи сирену...

— Стрелять на поражение...

— Надо было выложить этого туза. Эй, что за шум?..

— Неважно, кто они и что они могут. Они могут умереть, как и любой другой.

Джесмонд, как всегда мрачный, ждал у ворот. Из-за тумана он узнал их только тогда, когда они подошли ближе, и широко распахнул глаза.

— Вы? Как вы попали внутрь?

— А тебе какое дело? — Рэйвен показал на железную преграду.— Выполняй приказ и открывай.

— Ладно, не кипятитесь.

Что-то бормоча себе под нос, Джесмонд начал возиться с замком. Вечерние неприятности не выходили у него из головы.

— Быстрее, у нас мало времени.

— В самом деле? — Охранник яростно уставился на них, держа руку на замке.— Кто тут занимается делом, вы или я?

— Я! — быстро сказал Рэйвен. Он ударил Джесмонда кулаком в нос и облизал костяшки пальцев.— Извини, приятель!

В удар была вложена немалая сила. Джесмонд с глухим стуком рухнул на пол. В ноздрях его булькало, глаза были закрыты, мысли блуждали где-то среди звезд.

Открыв замок, Рэйвен распахнул ворота.

— Ты неплохо поработал,— сказал он Чарльзу.— Тебе пора домой.

— Вовсе нет! — Чарльз многозначительно посмотрел на него.— Открытые ворота — всего лишь розыгрыш, иначе ты не врезал бы по морде этому спящему красавцу. Ты собираешься вернуться.

Он вразвалку направился в сторону двора.

— И я тоже.

В этот миг высоко над зубцами стены взвыла сирена. Низкий, наводящий ужас стон перешел в раздирающий уши вопль, который разорвал пелену тумана, будя вокруг многократное эхо.

Глава 12

Двое быстро шагали сквозь вездесущий туман, холодивший лица, оставлявший везде следы влаги. По волосам стекали струйки воды, за людьми тянулись тонкие, словно вата, клочья белой дымки. Типичный для венерианской ночи запах раздавленных ноготков стал еще ощутимее. Однако туман нисколько им не мешал; они двигались вперед так же уверенно, как при ярком свете дня.

В дальнем конце двора, за дверью, через которую они прошли в прошлый раз, находилась узкая каменная арка; под ней висел причудливой формы фонарь из полированной меди, отбрасывавший тонкий веер невидимых лучей на ряд ячеек размером с булавочную головку, вделанных в порог перед аркой.

Сирена продолжала пронзительно визжать, пока Рэйвен пытался проследить, куда идут провода, управляющие этим предательским устройством. Наконец он шагнул под арку, Чарльз — за ним. Мгновение спустя сирена смолкла, издав напоследок протяжный стон. Наступила тишина, нарушаемая сердитыми голосами и потоком не менее возмущенных мыслей.

— Чтобы справиться с этим лучом, можно было бы затратить побольше времени,— заметил Рэйвен.— Провода тянутся по всему замку, проходя через большой пульт управления. Однако мне повезло.

— В каком смысле?

— Когда луч прерывается, срабатывает визуальный сигнал на пульте — но сейчас никто не смотрел на пульт. Похоже, в замке царит паника; все кричат друг на друга и отдают распоряжения.

Рэйвен прижался к стене и выглянул за угол, бросив взгляд через арку в сторону ворот. В темноте слышался топот множества бегущих ног. Несколько человек выскочили во двор и помчались к главному выходу. Слышались голоса; все старались перекричать друг друга. Проще было слушать этих людей через их мысли.

— Слишком поздно. Ворота открыты. Вон он, валяется без чувств.

— Итак, вы трое были в комнате. Что вы делали, когда его оглушили? Играли в джимбо, да? Вы слышали — любой мутант может пройти куда захочет, пока эти лентяи играют в джимбо!

— Значит, вы бегом бросились туда, когда сработала тревога? Да вы опоздали на целый час!

— Хватит спорить. Мы здесь не для того, чтобы проводить дознание. Они не могли уйти дальше чем на несколько сотен ярдов. Нужно их догнать.

— Каким образом? На ощупь? Думаешь, у нас у всех глаза, как радары?

— Заткнись! Ведь и про них можно сказать то же самое, разве нет?

— Ни в коем случае! Я же говорю, они мутанты, и притом со многими способностями! Могу поспорить, они сейчас бегут сквозь туман так, будто и не подозревают о его существовании.

— На их месте,— прошептал Чарльз,— я бы до глубины души ненавидел таких, как мы.

— Они и ненавидят. И я их не виню, ничуть.

Рэйвен приложил палец к губам.

— Слушай!

— Ладно, как хочешь, но я отправлюсь за ними. Они не могут бежать совершенно бесшумно. Я буду стрелять на звук, а потом задавать вопросы. Пойдешь со мной, Суини?

— Да, конечно.

Гравий за воротами захрустел под ногами нескольких человек, которые осторожно двигались через окружавшую замок темноту.

— А если они летуны — тогда ведь не будет никакого шума?

— Будет. Летун не может все время висеть в воздухе. На мой взгляд, по-настоящему способный парень — это тот, кто может переварить кусок свинца.

— Заткнись, Суини. Как, черт побери, мы сможем их услышать, если ты все время мелешь языком?

Мысли охранников прервались — теперь они были заняты исключительно тем, что вслушивались в тишину, надеясь уловить шаги беглецов. Те, кто оставался у ворот, все еще перебра-

нивались с любителями джимбо, одновременно пытаясь привести в чувство оглушенного Джесмонда. Еще один поток ментальных волн исходил изнутри замка.

— Нет? Тогда почему он отпер засовы, приказал открыть ворота и пропустить этих двоих? Говорю тебе, его по-настоящему загипнотизировали, причем через сканер! Эти двое способны на такое, на что не способен ни один человек!

— Ты хорошо поработал,— одобрительно пробормотал Чарльз.— Когда ты в точно выбранный момент уставился на экран, это полностью сбило их с толку. Они возлагают всю вину на тебя, думая, что во всем виноваты твои глаза.

— Мне бы очень не хотелось, чтобы они узнали, что случилось на самом деле.

— Мне тоже.

Пухлое лицо Чарльза собралось в складки.

— Если бы только найти подходящий способ сообщить им несколько удивительных истин, не выдав при том информацию Денебу...

— Такого способа нет. Не существует.

— Знаю.... Тем более жаль.

Чарльз замолчал, снова вслушиваясь в чужие мысли.

— Ты уже звонил в Плейн-Сити?

— Да, они уже едут. Парочка телепатов, чтобы подслушать их мысли,— если это поможет. А еще — полдюжины гипнотизеров, один поджигатель и парень со стаей древесных котов. Да в придачу разношерстная компания циркачей, которые могут ходить по канатам и выкидывать всякие другие штучки.

— Босс будет рвать и метать, когда вернется и обо всем узнает. Думаю, жуковед с роем шершней тоже мог бы помочь...

— Ну вот! — Рэйвен подтолкнул товарища в бок.— Именно это мы и хотели выяснить. Торстерна здесь нет, но скоро он должен появиться. Тот тип в комнате, когда ты им занялся, потерял всякое сходство с Торстерном. Его лицо стало совсем другим — со впалыми щеками, худым и таким гибким, что он мог бы размахивать носом, словно рукой. В общем, то был хамелеон.

— Я понял это, едва войдя с ним в контакт.— Чарльз снова помрачнел.— Он был настолько хорош, что до того момента я ничего не подозревал. Ну и шок же я испытал! Впрочем, по сравнению с его переживаниями мое потрясение — мелочь!

— Для него уже все позади. Смерть избавляет от всех страданий.— Рэйвен негромко рассмеялся.— Верно?

Не потрудившись дать очевидный ответ, Чарльз продолжал:

— Комната была защищена заземленным серебряным экраном, чтобы оградить его разум от попыток проникновения извне. Его звали Грейторекс. Он был одним из трех мутантов, которым разрешалось находиться в замке.

— Естественно, по особым поводам.

— Да. Их обучили так мастерски изображать Торстерна, что это стало их второй натурой. Вот почему мутант говорил, что неуязвим в той комнате. Он одновременно имел в виду и собственную неуязвимость, и неуязвимость босса, которого там не было.

Чарльз болезненно сморщился.

— Эти трое исполняют свои обязанности по очереди, когда возникает необходимость.

— Где же остальные двое? Ты прочитал это в его мыслях?

— Где-то в городе, развлекаются в ожидании, пока их позовут.

— Гм! Сам понимаешь, что это значит: если Торстерн должен вскоре вернуться и если он не знает о случившемся, он вполне может явиться собственной персоной. Но если с ним связались и сообщили все ужасные подробности того, что здесь произошло, он может решить не рисковать и пришлет вместо себя еще одного хамелеона, еще одну свою точную копию. Он воспользуется хамелеоном, чтобы заманить нас в ловушку, зная, что мы не можем не клюнуть на приманку.

— Даже в этом случае им нас не поймать.

— Так же как и нам его — вот что меня огорчает.

Неожиданно Рэйвен нахмурился.

— Послушай-ка этого парня — кажется, у него появились кое-какие идеи!

Мысли шли изнутри черного замка:

— Ладно, ворота были открыты и один из придурков-охранников валялся без чувств. Но значит ли это, что они сбежали? А может, они просто хотят, чтобы нам так показалось? Возможно, они вообще никуда не ушли. Возможно, они все еще где-то здесь. Будь я лисой, я бы надел охотничью шляпу и сел на лошадь — и тогда прожил бы намного дольше. Что, если они мо-

гут читать мои мысли,— поможет ли им это? Они не могут заставить меня перестать думать. Нужно обыскать все вокруг, и чем быстрее, тем лучше.

Ему ответила другая, более раздраженная реплика-мысль:

— Ты по уши набит всякими «если», «но» и прочими предположениями. Если бы мне нечего было делать, я и сам бы мог придумать целую кучу таких идеек. Положим, например, что они оказались суперхамелеонами, и что тогда? Нужно выяснить не только где они, но и кто они. Черт возьми, один из них мог расквасить себе нос, улечься на пол и все это время прикидываться Джесмондом.

Короткая пауза.

— Если уж на то пошло, откуда ты знаешь, что я — это действительно я?

— Если это не ты — долго тебе не продержаться. Из города прислали нескольких телепатов, и скоро они в точности выяснят, кто ты такой. Говорю еще раз: нужно прочесать здесь все вдоль и поперек. Могу поспорить, если мы этого не сделаем, босс оторвет кое-кому башку.

— Ладно, будь по-твоему, Фиджети. Я прикажу устроить обыск. Это не так просто, но мы справимся. Скажи всем — пусть каждый держит в руке пистолет; человека, которого найдут рядом с трупом неизвестного, простят.

— Кто-то, похоже, страдает избытком усердия,— проворчал себе под нос Рэйвен.

— Забавно слышать это от тебя,— заметил Чарльз.

— Я сам напросился.— Рэйвен снова окинул взглядом двор и стены вокруг.— Охота началась. Нам ничего иного не остается, кроме как попытаться от них ускользнуть, пока не появился Торстерн или другая его копия.

Ускользнуть оказалось не так уж трудно.

Рэйвен и Чарльз сидели посреди густого, скрывающего все вокруг тумана на верхушке зубчатой стены высотой в сорок футов. Возможно, древесный кот и мог бы их там почуять. Суперслухач мог бы уловить эхо отраженного от них звука. Даже левитатор мог обнаружить их, повинуясь природному инстинкту совать нос туда, куда не могли добраться обычные пешки.

Но охотившиеся за ними двое были людьми в общепринятом смысле этого слова и не обладали способностями мутантов.

Они имели ограниченные возможности, как и любая другая форма жизни, высшая или низшая. Ибо даже высшие имеют свои ограничения — порой неощутимые, но столь же непреодолимые, хотя и с куда более широкими пределами.

Двое высших сидели в темноте на верхушке стены, словно размышляющие совы, в то время как низшие тщательно, но напрасно обшаривали базальтовый замок, его дворы и пристройки, держа оружие наготове, с пальцами на спусковых крючках, охваченные величайшим страхом в мире — страхом перед неизвестностью.

Для их мозгов, мозгов пешек, мутант был кем-то вроде героя водевиля, который зашел чересчур далеко, стал одержим манией величия и мог в любой миг объединиться со своими безжалостными собратьями, чтобы поработить нормальных людей. Мультимутант был намного хуже — нечеловеческим созданием в шкуре человека, способным на что угодно.

Мысль о том, что они могут столкнуться с биологическим монстром, гипно-телепато-пироманом-и-еще-бог-знает-чем в одном лице, неспособным разве что увернуться от пули, приводила двух «охотников» в ужас.

Один из них нырнул под арку, вооружившись странного вида ручным фонарем, с помощью которого отключил защитный луч. Он тщетно обшаривал все вокруг, широко распахнув глаза и чувствуя, как встают дыбом волосы на затылке. Несколько раз он прошел прямо под ногами «добычи», прежде чем сдался и вернулся во двор.

Как раз в этот миг из дверей появился второй и, заметив какое-то движение под аркой, уставился в ту сторону. С оружием наготове они на цыпочках двинулись навстречу друг другу, видя лишь расплывчатые очертания в тумане.

— Кто тут? — рявкнули оба и, не ожидая ответа, нажали на спуск.

Пуля пролетела в дюйме от первого. Второй был ранен в руку. Когда в замке услышали выстрелы, там начался еще бóльший переполох. Кто-то далеко за воротами выстрелил вверх, в воображаемого левитатора, попав в темное облако тумана, нисколько не похожее на человеческий силуэт. Вокруг звучали неистовые ругательства, по большей части нецензурные.

Наклонившись, Рэйвен посмотрел вниз.

— Если хотя бы десятая часть услышанных мной подробностей их родословных правдива, Торстерну пришлось совершить налет на сиротский приют, чтобы обеспечить персоналом свою резиденцию.

— Я слышу кое-что еще.— Чарльз поднял взгляд к небу.— А ты?

— Да. Кто-то приближается. У меня такое чувство, что это именно тот, кто нам нужен.

Сверху отчетливо слышался шум гигантских пропеллеров: вертолет приближался с востока, проносясь высоко над ночным туманом.

Тонкий оранжевый луч ударил с угловой башни замка, пронзил облака и застыл неподвижно. Звук пропеллеров становился все громче, по мере того как машина постепенно снижалась, двигаясь в сторону путеводного луча. Минуту спустя она уже с чудовищным ревом появилась в нескольких сотнях футов над замком. От вертолета исходил ощутимый поток воздуха; туман клубился под ним, испуская ароматы далеких джунглей.

Ведомый своими приборами или инструкциями с земли, вертолет погрузился в туман и сел на усыпанную гравием площадку за воротами. Оранжевый луч погас. Несколько человек пробежали через двор и выскочили за ворота, навстречу прибывшим.

— А теперь присоединимся к встречающим.

Соскользнув с каменной стены, Рэйвен пролетел сорок футов до земли. Он не опускался медленно, словно левитатор. Он падал так же, как и тогда, когда прыгнул из космолета в лес,— простое быстрое падение и торможение в последний момент.

Чарльз последовал за ним тем же сверхъестественным способом, невозмутимо приземлившись и отряхнув штаны. Рэйвен показал на арку.

— Забудем об этой невидимой световой ловушке. Если кто-то и заметит сигнал, это лишь напугает его, и так будет даже веселее.

От стоящего в тумане вертолета донесся шум голосов и сопровождавший его поток мыслей. Десяток возбужденных людей пытались говорить одновременно. Двое охранников у ворот покинули свои посты, так напряженно вглядываясь в сторону вер-

толета, что не заметили туманных силуэтов, которые быстро проскользнули в ворота всего лишь в нескольких ярдах от них. Сработал ли сигнал, обратили ли на него внимание — невозможно было сказать. Во всяком случае, сирена продолжала молчать.

Беглецы прошли в сторону приземлившейся машины лишь настолько, чтобы туман скрыл их от тех, кто смотрел со стороны ворот. Затем описали полукруг, который привел их к вертолету с противоположной от замка стороны. Никто их не заметил — столь густым был туман, столь захватывающей была дискуссия.

На трапе вертолета стоял человек с мрачным лицом и пронизывающим взглядом; он выглядел словно брат-близнец несчастного Грейторекса.

Судя по мыслям тех, кто обращался к этому человеку, ситуация была весьма любопытной. Никто точно не знал, погиб ли сам Торстерн или один из его двойников; то есть люди сомневались, докладывают ли они самому Торстерну или очередному его двойнику.

Будучи человеком хитроумным, потенциальный властелин мира был честен с подчиненными, посвятив их в свой план «учетверения», а затем приучив относиться к любому, выглядящему как Торстерн, словно к настоящему Торстерну. Все настолько привыкли к маскировке своего хозяина, что автоматически объединяли Торстерна и троих его хамелеонов в одну личность с несколькими телами. Этому человеку следовало отдать должное; а еще больше следовало восхищаться теми, кто так талантливо играл его роль.

Подобный трюк был крайне полезен. Ни один враждебно настроенный телепат не мог обнаружить подмену в защищенном экраном мозгу хамелеона, изображавшего местного босса. Ему пришлось бы добраться до разума самого Торстерна и покопаться там — если бы он смог.

И никто из подчиненных Торстерна не мог поддаться искушению предательски выстрелить ему в спину, поскольку все знали: шансы убить именно того, кого надо, составляют лишь один к трем, а в случае неудачи неизбежно последует жестокая месть. В итоге любой предатель вынужден был хорошенько подумать... А затем предпочесть безрассудству благоразумие.

Но в данный момент человек, стоявший наверху трапа, был застигнут врасплох, несмотря на все принятые им меры предо-

сторожности. При нем не было экрана из серебряной сетки, который защитил бы его мысли. Сейчас он был полностью открыт и силился понять — что же, собственно, произошло в его обители и безопаснее для него будет остаться или же лучше улететь.

Его мысли подтверждали, что он действительно Эммануил Торстерн и никто иной: это принесло бы немалое облегчение стоявшим перед ним людям, будь среди них хоть один телепат. Торстерн уже обдумывал, не вернуться ли в Плейн-Сити, чтобы организовать настоящую охоту, не послать ли в замок другого двойника — пусть тот примет на себя основную тяжесть возможного нового удара.

— Тогда этот тип уставился прямо на него, будто хотел сказать: «Надеюсь, ты сейчас сдохнешь»,— продолжал рассказывать стоявший впереди остальных человек.— И это самое и случилось! Говорю вам, босс, просто какая-то чертовщина. Такое и мутантов напугает, не то что нас.

Он сплюнул.

— Когда парочка таких, и на людей-то не похожих, может просто-запросто войти и...

— Миновать ворота, сигнальную систему и все остальное,— вступил в разговор другой.— Словно какие-то призраки. А потом, вдобавок ко всему, они вышли из комнаты, запертой на три замка.

Третий произнес именно то, о чем думал Торстерн:

— Что меня больше всего пугает — если они проделали такое один раз, то смогут проделать снова и снова! А может, и чего покруче натворить!

Торстерн слегка попятился.

— Вы обыскали замок? Как следует обыскали?

— Каждый дюйм, босс. И волоска их не нашли. Мы запросили помощи из города, и сюда высылают стаю котов и нескольких мутантов. Будем вышибать клин клином.

Словно в подтверждение этих слов издалека донесся еле слышный раздраженный рык древесных котов, которых вели на поводках.

— Ни черта у них не получится,— без всякого оптимизма возразил тот, кто начал говорить первым.— Разве что Рэйвен и его пузатый приятель случайно попадутся им на пути. Но эти двое

уже слишком далеко. Суини и его ребятам их не догнать, да и всей команде из города тоже.

Немного подумав, человек добавил:

— И мне не догнать тоже.

Чувствуя, что услышал достаточно, Торстерн наконец принял решение.

— Судя по всему, мне лучше вернуться в город. Подниму на ноги власти и приму радикальные меры.

Он гордо выпрямился.

— У меня на это хватит влияния.

— Да, босс, конечно.

— Я вернусь, как только сделаю все, что в моих силах. Ждите меня часа через два, самое большее — через три.

Он сказал это с непроницаемым лицом, прекрасно зная, что вовсе не собирается возвращаться, пока здесь ему будет что-то угрожать. Вернуться предстоит очередному его двойнику.

— Если еще кто-нибудь будет меня спрашивать, отвечайте, что меня нет и вы не знаете, где я. Если посетителем снова окажется Рэйвен или кто-нибудь, похожий на него,— тот, кто будет говорить и вести себя, как он, будет одержим таким же идеями,— не спорьте и не давайте ему никаких шансов. Сразу же пускайте в ход оружие.

Он в последний раз обвел собравшихся властным взглядом.

— Если кто-нибудь пристрелит по ошибке не того человека — всю ответственность беру на себя.

С этими словами Торстерн скрылся в вертолете, уверенно и неторопливо, ничем не показывая, как ему хочется побыстрее отсюда убраться. Он был потрясен до глубины души, хотя всеми силами старался это скрыть.

Итак, кого-то не обманула подставная личность Уолленкотта, хотя Грейторекса эти типы не раскусили. Кто-то тщательно проследил все скрытые нити и обнаружил, что они ведут к Торстерну. Кто-то был могущественнее его самого и по крайней мере так же безжалостен. Кто-то был полон решимости вычеркнуть его из плана, который сам же Торстерн так мучительно создавал. И несмотря на первую неудачу, этот «кто-то» готов был с ужасающей легкостью повторить свою попытку.

— Вперед! — рявкнул Торстерн пилоту и откинулся на спинку кресла, погруженный в мрачные мысли.

Завертелись пропеллеры, машина слегка подпрыгнула, наклонилась и поднялась в воздух. Рэйвен и его товарищ взлетели вместе с ней, просто подойдя вплотную и зацепившись ногами за скобы шасси. Сперва скрытые из виду фюзеляжем вертолета, они на несколько мгновений стали видны всем, и две-три секунды их провожали удивленные взгляды, пока Рэйвен и Чарльз не исчезли в облаке тумана над головой. Последовало всеобщее замешательство.

— Быстрее, дай мне пистолет! Быстрее, я сказал! Руки отсохли?

— Отстань, дурак! Что толку стрелять вслепую? Их уже не видно.

— Спокойно, Меган, ты можешь попасть в босса.

— Или в пилота. Хочешь, чтобы пара тонн железа рухнула тебе на голову?

— Надо что-то делать. Черт бы побрал этих мутантов! Будь моя воля, я бы всех их перебил. И жить стало бы намного легче.

— Позвони еще раз в город. Пусть их подстрелят прямо на шасси, когда вертолет начнет снижаться.

— Вот где пригодилась бы парочка хорошо вооруженных летунов. Почему бы не...

— Оставайся тут, Диллворт. Пилот может почуять недоброе и сесть.

Говоривший навострил уши, прислушиваясь к удаляющемуся шуму двигателей.

— Нет, полетел дальше. Все равно оставайся.

— Куда ты?

— Внутрь. Свяжусь с боссом по рации, скажу ему, что произошло.

— Неплохая мысль. Несколько пуль, пущенных сквозь пол, вполне могут сбить их с жердочки.

Вертолет вышел из облаков на высоте в две тысячи футов и оказался в небе, залитом ярким светом звезд и сиянием звездочки под названием Земля. Местами толщина тумана достигала десяти тысяч футов, в других местах — особенно над покрытыми джунглями горными уступами — его не было вовсе. Днем туман поднимался сплошным слоем до высоты сорока тысяч футов, внизу же в это время было пасмурно, но воздух чист.

С одной стороны вертолета на фоне усеянного звездами черного неба возвышались Зубчатые горы. Рядом просвечивали сквозь дымку огни Плейн-Сити, с западной окраины которого вертикально вверх уходил оранжевый луч. Далеко на юге виднелось слабое сияние, исходившее со стороны Больших рудников.

Держа курс прямо на путеводный луч Плейн-Сити, пилот вел вертолет всего в нескольких сотнях футов над простыней тумана. Для столь короткого полета не было смысла подниматься выше. Сидя рядом с мрачно молчавшим Торстерном, ссутулившись над приборами и не сводя взгляда с оранжевого луча, пилот смутно ощущал, что машина стала не такой подвижной, какой была час назад, и более медлительной. Но его это не слишком волновало. Ночью содержание кислорода в атмосфере менялось от часа к часу, соответственно менялась и сила двигателей.

Вертолет был уже над городом, когда запищало радио, и пилот протянул руку, чтобы включить его. В то же мгновение открылась дверца и вошел Рэйвен.

— Добрый вечер,— весело сказал Рэйвен Торстерну.

Продолжая держать руку над выключателем, пилот бросил недоверчивый взгляд сквозь лобовое стекло, удостоверился, что и впрямь находится на большой высоте, и прорычал:

— Как, черт побери...

— Безбилетный пассажир к вашим услугам, сэр,— улыбнулся Рэйвен.— Там, снаружи, сидит на перекладине еще один, намного тяжелее.

Он посмотрел на Торстерна, проследив за его пристальным взглядом, направленным на боковой карман.

— На вашем месте я бы не стал этого делать,— посоветовал Рэйвен будничным тоном, в котором, однако, чувствовались угрожающие нотки.

Решив, что все же можно ответить на вызов по рации, пилот щелкнул переключателем.

— Корри слушает,— бросил он.

— Скажи мистеру Торстерну,— послышалось из маленького динамика,— пусть возьмет пистолет и выпустит десяток пуль себе под ноги. Те двое сидят на шасси.

— Он знает,— ответил пилот.

— Знает?

— Именно.

— Господи! — Говоривший, похоже, повернулся к тому, кто стоял рядом.— Босс уже знает.

Потом голос снова воззвал к пилоту:

— И что он делает?

— Ничего.

— Ничего? Как это?

— Не спрашивайте. Я всего лишь пилот.

— Ты хочешь сказать...— Голос неожиданно оборвался с резким щелчком выключенного передатчика.

— Он сделал свои выводы,— заметил Рэйвен.— Он думает, будто вы и мистер Корри связаны по рукам и ногам, а говорил он со мной.

— Кто же вы такой? — спросил Корри.

Судя по его тону, он полагал, что на борт вертолета прямо в воздухе садятся только бродяги.

— Не суйся не в свое дело,— впервые заговорил Торстерн.— Все равно ты ничего не сможешь сделать.

Его взбудораженный разум представлял собой интересный пример того, как в критический момент порой выходят на первый план самые нелогичные мысли. Он угодил в переплет, и, судя по тому, что случилось в замке, переплет весьма серьезный. У него были все основания считать, что его жизни угрожает опасность и он в ближайшем будущем может отправиться вслед за несчастным Грейторексом. К тому же он понимал, что сам напросился на неприятности и жаловаться тут не на кого.

Но в тот миг он думал только об одном: «Антиграв поднимает пятьсот фунтов. Вертолет может поднять больше тонны. Если бы я воспользовался антигравом, этого бы не случилось. Антиграв не смог бы поднять двоих внутри и еще двоих висящих снаружи. Все, теперь на вертолетах больше не летаю — если только у меня не будет сопровождения».

— У вас есть сопровождение — мой друг и я,— заметил Рэйвен.

Он распахнул дверцу.

— Пошли. Выходим.

Торстерн медленно поднялся.

— Я сломаю себе шею.

— Ничего подобного не случится. Мы будем вас держать.

— Что помешает вам меня отпустить?

— Ничего.

— Если вы двое — левитаторы,— вмешался пилот,— позвольте напомнить, что покидать летательный аппарат в воздухе над населенной местностью запрещено.

Не обращая на него внимания, Рэйвен продолжал:

— У вас есть несколько вариантов. Во-первых, вы можете сунуть руку в боковой карман — увидите, что тогда произойдет. Или можете выпрыгнуть сами и проверить, насколько высоко вы подскочите, ударившись о землю. Или можете разбить вертолет: тогда вас придется выковыривать из груды обломков. Но если предпочитаете другой вариант — можете отправиться с нами и спуститься на землю целым и невредимым.

«Он способен загипнотизировать меня,— думал Торстерн,— и заставить делать все, что захочет. Все, что угодно, может даже заставить меня умереть, сделав это на расстоянии, через сканер. Лучше я буду действовать в собственных интересах. Можно потянуть время. Сейчас он торжествует — миг моего торжества придет позже. Изменятся обстоятельства — изменятся и возможности».

— Вполне разумно,— одобрительно сказал Рэйвен.— Будьте с нами, пока мы не совершим ошибку. И тогда сможете вырвать наши сердца.

— Я знаю, что вы телепат и можете читать мои мысли, как открытую книгу,— Торстерн шагнул к двери.— Знаю, что вы способны сотворить куда бóльшее. Я же ничего не могу поделать — пока.

Внутренне сжавшись, он схватился за руку Рэйвена, который спиной вперед вывалился из люка. Чарльз снизу схватил Торстерна за другую руку. Образ мыслей тех, кто способен левитировать практически с рождения, обусловлен их специфическими умениями, но у других людей он обусловлен их ограниченными возможностями.

Торстерн обладал недюжинным умом и воистину звериной отвагой, но тем не менее вся его натура протестовала против прыжка в пустоту. С парашютом или антигравитационным поясом он не колебался бы ни мгновения. От осознания же того, что его держат чужие, враждебные руки, ему становилось не по себе.

Закрыв глаза и затаив дыхание, он прыгнул. Его слегка затошнило, когда они устремились к земле. Плотный воздух, пропитанный влагой, окутывал его и проносился мимо, отчего у Торстерна раздувались штанины и волосы вставали дыбом. Воздух свистел у него в ушах.

В его воображении уже рисовались ужасающие картины каменной стены или черепичной крыши, внезапно возникающих из белого тумана и ломающих ему кости, как вдруг он ощутил резкий рывок за руки, и падение замедлилось. Торстерн все еще не открывал глаз, пытаясь унять спазмы в желудке. Из тумана появился фронтон дома, коснулся его ног и скользнул вверх. Они приземлились посреди улицы.

Высоко над их головами пилот бормотал в передатчик:

— Двое похитили его на высоте в две тысячи четыреста футов. Я решил, что они левитаторы, но они полетели вниз словно камни. Что? Нет, он не сопротивлялся и не отдавал мне никаких распоряжений. Судя по всему, они должны были приземлиться в Девятом секторе, где-то в районе Риис-авеню.

Пилот помолчал, затем продолжил:

— На него не похоже. И вообще, странно все это. Он пошел с ними, хотя и не хотел,— но пошел!

— Ваш пилот Корри сейчас на связи с полицией и зовет на помощь,— сказал Рэйвен.

— Не думаю, что от этого будет прок.— Торстерн огляделся по сторонам, пытаясь сообразить в полумраке, где находится.— Впрочем, неважно.

— Становитесь фаталистом?

— Я смиряюсь с ситуацией, изменить которую временно не в моей власти. Жизнь научила меня ждать. Ни одна игра не может постоянно идти в чью-то пользу.

Достав носовой платок, Торстерн вытер мокрые волосы.

— Важно лишь, кто делает последний ход.

В его словах не было ни неуместной самоуверенности, ни хвастовства. То были слова опытного человека, продуманное мнение того, чьи замысловатые планы часто наталкивались на помехи, задержки, неудачи, которые удавалось преодолеть через неделю, месяц или год. В случае необходимости Торстерн мог демонстрировать недюжинное терпение, никогда не упуская из

виду главную цель и вновь начиная двигаться вперед, как только расчищался путь.

Он признавал, что в эту злополучную ночь его победили и вполне могли убрать с дороги навсегда, но вместе с тем предупреждал своих похитителей, что, пока он жив, всегда существует завтрашний день. То был своего рода вызов — вроде того, который бросает загнанный в угол, скалящий зубы зверь. Больше Торстерну ничего не оставалось делать — пока.

Глава 13

Мэвис открыла дверь, не дожидаясь звонка или стука. Лицо ее не выражало ни радости, ни удивления; у нее был такой вид, словно она постоянно была в курсе событий и каждый миг знала, что происходит.

Словно мать, упрекающая маленького капризного ребенка, она сказала Чарльзу:

— Ты об этом еще пожалеешь. Я так и знала.

С этими словами Мэвис вернулась на кухню.

— Ну вот, еще одна разновидность мутанта,— невозмутимо проворчал Чарльз и плюхнулся в кресло, прогнувшееся под его тяжестью.— Предсказатель будущего.

— Приятно слышать, когда кто-то говорит дело,— одобрительно заметил Торстерн, глядя в сторону кухни.

— Каждому кажется, что он говорит дело. Каждый — сам себе оракул.— Рэйвен подвинул Торстерну надувное кресло.— Садитесь. Вовсе незачем стоять столбом оттого, что вы оказались в дурной компании.

Торстерн сел, пытаясь отогнать настырно лезущие в голову мысли. Больше всего его тревожило, что Рэйвен и его товарищ могут прочесть их в любой момент — и, насколько было известно Торстерну, все время этим занимаются.

Он не мог с уверенностью сказать, заглядывают в его разум или нет. Телепат может чувствовать, когда кто-то пытается читать его мысли, но нетелепат — нет. Торстерн не был вполне обычным человеком, но не обладал сверхспособностями и при нынешних обстоятельствах остро сознавал этот свой недостаток, от которого в другое время лишь презрительно отмахнулся

бы. Он пытался отогнать собственные мысли, как отгоняют назойливых мух, но они продолжали жужжать у него в голове.

«Эта парочка мультимутантов может защищать свой разум. Вероятно, и женщина тоже. Но я не могу скрывать свои мысли и сомневаюсь, что мои похитители в состоянии закрыть мой разум от других. Патрули уже наверняка прочесывают улицы, в том числе в этом районе. В патрулях должны быть телепаты, которых удалось разыскать в столь поздний час. Поэтому, если только в этой комнате не стоят защитные экраны, есть шанс, что какой-нибудь проходящий мимо телепат опознает мои мысли и определит их источник. Тогда он вызовет войска, и...»

На несколько секунд Торстерну все же удалось отогнать эти мысли, но они неумолимо вернулись снова.

«Знать бы еще, обладает ли ментальный поток столь же индивидуальными характеристиками, что и голос. Возможно, мысли всех людей кажутся одинаковыми. Если так — мне не повезло, если только я не сумею выбрать подходящий момент, чтобы дать о себе знать каким-нибудь мысленным сигналом. Но если эта парочка тоже его прочтет — они могут пойти на крайние меры. Лучше не рисковать».

— Я выпрыгнул из вертолета,— сказал Торстерн, угрюмо глядя на Рэйвена.— Я сижу здесь перед вами. Я подчиняюсь всем вашим приказам. Что дальше?

— Дальше — поговорим.

— Сейчас два часа ночи. Можно было бы поговорить и завтра, в более разумное время.— Торстерн мрачно поджал губы.— Неужели вся эта мелодрама и впрямь необходима?

— Увы, да. С вами слишком трудно связаться. Более того, вы гонялись за мной, как за собакой, утащившей воскресное жаркое.

— Я? — Торстерн удивленно поднял бровь.

— Вы и организация, которую вы возглавляете.

— Имеете в виду мои обширные торговые интересы? Чушь! У нас есть дела поважнее, чем досаждать другим людям. Мне кажется, вы страдаете манией преследования.

— Послушайте, мы все это уже проходили. Второй раз один и тот же номер смотреть уже неинтересно. У вас что, нет записи нашей беседы с вашим весьма талантливым двойником?

Как ему ни хотелось отрицать существование работающих на него хамелеонов, Торстерну хватило ума не говорить того, что полностью противоречило бы его мыслям. Он не мог рассчитывать, что ему удастся обмануть кого-то словами, но мог вести себя уклончиво, оттягивая время.

— Я не знаю подробностей того, о чем вы говорили с Грейторексом,— честно заявил он.— Мне известно только, что он мертв и что вы приложили к этому руку. И мне это не нравится.

Голос его стал жестче.

— И вам, в конце концов, тоже это не понравится!

Чарльз коротко рассмеялся.

— Какая прекрасная и живая картина с изображением повешенных! У вас очень богатое воображение. Мне нравится, как вы представляете себе их высунутые языки, черные и распухшие. Вот только некоторые детали не вполне точны. Узлы не на том месте, и у меня все-таки не обе ноги левые.

— Мало того, что вы читаете мои мысли, так я еще вынужден терпеть их критику? — спросил Торстерн Рэйвена.

— Он просто не может удержаться. Садистское наслаждение требует соответствующих комментариев.

Под взглядом пленника Рэйвен прошелся взад и вперед по комнате.

— Ошибочно приняв за вас Грейторекса, мы попросили его не вмешиваться в дела Земли. Он в ответ начал кормить нас всякой чушью — так, словно привык к этому с пеленок. Мы честно его предупредили, что вмешательство в чужие дела вряд ли кому понравится. Он продолжал вести себя в том же духе. Сколь бы великолепным ни был этот спектакль, Грейторекс оказался жертвой навязанных ему ограничений.

— Каким образом? — хмуро спросил Торстерн.

— Поскольку он не был вами, принять серьезное решение от вашего лица он не мог. Зная вас, он просто не осмелился бы на такое. Ему оставалось только лезть из кожи вон, играя роль, которой он был так хорошо обучен. В силу своего специфического положения он был лишен инициативы, которая могла бы его спасти.— Рэйвен развел руками.— В итоге он мертв.

— И теперь вы об этом жалеете?

— Жалею? — Рэйвен повернулся к Торстерну лицом, в глазах его вспыхнули серебристые искорки.— Нет, конечно! Нас это совершенно не волнует!

Торстерн почувствовал, что по спине его побежали неприятные мурашки. Стремясь к желаемой цели, он сам мог быть жесток и хладнокровен, но никогда не демонстрировал это со столь откровенным бессердечием, выражая хотя бы формальную скорбь по покойному. Если от Грейторекса — который был виноват куда меньше его самого, Торстерна,— отмахнулись беспечно, как от кучи мусора...

— Похоже, садистское наслаждение знакомо и вам,— здраво рассудил Торстерн.

— Ошибаетесь. Случившееся нас не радует, но мы и не предаемся печали. Словом, относимся к этому с полным безразличием.

— Что, по сути, сродни садистскому наслаждению.

То был самый подходящий момент, чтобы позвать на помощь телепатический патруль, если бы таковой оказался неподалеку.

— Не знаю, как вы это сделали, но я считаю это убийством!

Вошла Мэвис с кофейником и чашками. Налив кофе для троих, она поставила на стол блюдце с печеньем и молча удалилась.

— Хотите поговорить об убийствах? — спросил Рэйвен.— Очень подходящая для вас тема.

Торстерн понял, что камень брошен в его огород — причем совершенно незаслуженно. Кем бы он ни был, кровожадным монстром он не являлся. Да, он действительно занимался тем, что жалкие земляне считали возможным называть необъявленной войной,— но на самом деле это было освободительным движением. Да, погибло несколько человек, несмотря на указания наносить удары с минимальными жертвами и максимальным экономическим ущербом.

Нескольких смертей не избежать. Он одобрял лишь те, что были абсолютно необходимы для достижения его целей,— но не более того. И даже в этом случае выражал подобающую случаю скорбь. Он был одним из самых гуманных завоевателей в истории, стремившимся добиться наиболее значимых результатов с наименьшими потерями.

— Не будете ли любезны объясниться? Если вы обвиняете меня в массовых убийствах, я бы хотел, чтобы вы привели хоть один пример.

— В прошлом имели место лишь отдельные случаи. Но в будущем возможны куда бо́льшие жертвы — если вы сочтете необходимым продолжать и если проживете так долго.

— О боже, еще один предсказатель! — заметил Чарльз, на этот раз вполне серьезно, с видом мрачного пророка.

— Только вам одному известно,— продолжал Рэйвен,— насколько это правдиво, насколько далеко вы готовы пойти, какую огромную цену намерены заплатить, чтобы стать властелином мира. Это записано в глубинах вашего разума светящимися огненными буквами: «Ни одна цена не может быть слишком высока».

Торстерн не нашел ответа. Он знал, чего добивается. Он хотел обойтись малой кровью, наименьшими затратами. Но если цена сопротивления поднимется до небес — в смысле денег или жизней,— придется-таки заплатить, пусть с сожалением, но заплатить.

В данный момент, в руках этой надоедливой парочки, он был беспомощен. Они могли положить конец его упрямым амбициям, они могли покончить и с ним самим так же, как покончили с Грейторексом. Торстерн нисколько не сомневался, что они способны это сделать. Но вот захотят ли — пока оставалось неясным. Он бы на их месте не мучился угрызениями совести.

Тайком, надеясь, что никто не заметит, он перевел взгляд на дверь — но так и не смог подавить свои мысли, как ни старался. Если даже какой-нибудь патруль и подслушал разговор про убийства, патрульные вовсе не обязательно должны были немедленно ворваться в дом. Сперва они могли отправиться за крепкой поддержкой. Но в любую минуту они могут оказаться здесь — и тогда у него появится шанс освободиться.

Рэйвен все еще продолжал говорить, но Торстерн слушал его вполуха.

— Если бы целью вашего венерианского националистического движения было добиться самоуправления, может, мы и посочувствовали бы ему, несмотря на всю жестокость ваших мето-

дов. Но на самом деле это движение не то, чем кажется. По вашим мыслям можно прочесть, что для вас оно — лишь инструмент захвата власти, к которой вы так стремитесь. Вы всего лишь несчастная гусеница!

— А? — снова повернулся к нему Торстерн.

— Вы всего лишь несчастная гусеница, которая прячется от света, извиваясь в темноте, и панически боится тысячи вещей, включая безвестность.

— Я ничего не...

— Вот почему вы жаждете мелочной власти над колонией таких же гусениц, пусть даже на краткий миг в потоке быстротекущего времени. А потом вы исчезнете — навсегда, обратившись в прах. Пустое имя в бесполезной книге, которое будут произносить близорукие историки и проклинать скучающие школьники. В отдаленном будущем какого-нибудь непослушного растрепу могут в наказание заставить писать про вас утомительное сочинение. Взлет и падение императора Эммануила.— Рэйвен громко и презрительно фыркнул.— По-вашему, это бессмертие?

Для Торстерна это было уже чересчур. Несмотря на всю свою толстокожесть, он имел одно уязвимое место. Он обожал, когда его оскорбляли, тем самым подтверждая его силу и власть. Он ценил враждебность, поскольку она льстила его тщеславию, показывая, что его боятся. Зависть он считал тайной формой почитания. Ненависть лишь возвеличивала его. Единственное, чего он не в силах был вынести,— когда его считали ничтожеством.

Побагровев, он вскочил на ноги, вытащил из кармана три фотографии и швырнул на стол.

— У вас на руках хорошие карты, но я уже видел их! — рявкнул он.— А теперь взгляните на мои. Не на все, ибо остальных вы не увидите никогда!

Взяв верхнюю фотографию, Рэйвен невозмутимо взглянул на нее. То был снимок его самого, сделанный крупным планом,— не слишком хороший, но вполне узнаваемый.

— Это фото каждый час показывают по спектровидению,— со злобным удовлетворением сказал Торстерн.— Копии раздают всем патрулям. К завтрашнему полудню все будут знать вас в лицо — а обещанная награда лишь ускорит поимку.

Он торжествующе посмотрел на Рэйвена.

— Чем суровее вы со мной обойдетесь, тем хуже для вас. Вы легко проникли на эту планету, несмотря на то что вас готовы были схватить сразу по прибытии. Посмотрим, удастся ли вам отсюда выбраться.

Он перевел взгляд на Чарльза.

— То же касается и тебя, толстяк.

— Вовсе нет. Я никуда не собираюсь отсюда выбираться.— Чарльз поудобнее устроился в кресле.— Мне и тут хорошо. На Венере мне не хуже — и не лучше,— чем на любом другом шарике. Кроме того, у меня здесь работа. Как я смогу ее выполнять, если меня тут не будет?

— Что за работа?

— Этого вам все равно не понять,— сказал Чарльз.

— Он выгуливает собак, и ему стыдно в этом признаться,— вмешался Рэйвен.

Бросив фотографию на стол, он взял вторую, и выражение его лица стало напряженным.

— Что вы с ним сделали? — требовательно спросил он, махнув фотографией перед Торстерном.

— Я? Ничего.

— Значит, кто-то сделал грязную работу за вас.

— Я не отдавал никаких распоряжений,— возразил Торстерн, реакция Рэйвена застала его врасплох.— Я лишь приказал арестовать Стина и заставить его рассказать обо всем, что случилось.

Изобразив на лице брезгливое отвращение, он еще раз посмотрел на фотографию. Двигаясь по проторенному пути, его мысли послушно выразили скорбь по поводу увиденного.

— Значит, они все-таки это сделали.

— И, судя по всему, получили немалое удовольствие.— Рэйвен говорил с нескрываемым раздражением.— Они превратили его в кровавую кашу. Теперь Стин мертв, хотя за ним не было никакой вины. Впрочем, меня это волнует не больше, чем его самого.

— Не волнует? — Торстерна удивило столь явное противоречие между словами и внешней реакцией.

— Нет. Его смерть не имеет никакого значения. Это все равно случилось бы рано или поздно, даже если бы он дожил до ста лет. Ничья смерть не имеет значения.— Рэйвен небрежно бросил фотографию на стол.— Что мне больше всего не нравится,

так это то, что он умирал слишком медленно и долго. Это плохо. Это непростительно.

Глаза Рэйвена неожиданно вспыхнули.

— Вам это припомнится, когда придет ваш черед.

По спине Торстерна снова пробежал холодок. Он убеждал себя, что не боится. Не в его правилах было признавать свой страх. Но определенную тревогу он все же чувствовал. Он разыграл свои карты, надеясь, что они послужат зловещим предупреждением. Похоже, он ошибся.

— Они превысили свои полномочия. И получили от меня серьезный выговор.

— Выговор. От него,— обратился Рэйвен к Чарльзу.— Восхитительно!

— Они утверждали, что Стин оказался чересчур упрям и им пришлось пойти дальше, чем было задумано.

Торстерн решил, что есть смысл ковать железо, пока горячо. На предыдущий разговор об убийствах не среагировала никакая спасательная команда. Возможно, кто-то услышит его рассуждения насчет Стина. Сойдут любые способы, лишь бы они принесли результат.

— С помощью телепата они пытались проникнуть в его разум,— продолжал Торстерн,— с безопасного расстояния, чтобы Стин не смог превратить его в марионетку. Ничего не вышло. Телепат смог уловить лишь мысли Стина, а тот думал совершенно о другом. Поэтому им пришлось обратить мысли Стина в нужную сторону. Ему этого не хотелось. Он пытался об этом не думать.

Торстерн развел руками, словно подчеркивая собственную беспомощность и невиновность.

— К тому времени, когда он подчинился, они зашли уже слишком далеко.

— То есть?..

— Его разум не выдержал, так же как разум Халлера. Он бормотал какую-то чушь, а потом замолк навсегда.

— И какую именно чушь?

— Он говорил, будто вы — мутант совершенно нового, внушающего страх типа, о существовании которого раньше никто не подозревал. Будто ваш разум отделим от тела. Будто вы поменялись с ним телами против его воли.

— О господи! — воскликнул Чарльз, притворно вытаращив глаза.— У нас есть биомеханики, предсказатели, а теперь еще и переселяющиеся души. Кажется, этому не будет конца.

— Чистейший бред,— упрямо продолжал Торстерн.— Я проконсультировался у нескольких наших ведущих авторитетов в области паранормальных способностей. Они заявили, что это просто нелепо,— но поняли, почему Стин про это говорил.

— И каков же был их диагноз?

— Что он подвергся чересчур сильному воздействию гипноза со стороны такого же гипнотизера, как он сам. До сих пор случаи столь полного подавления психики не зарегистрированы, но теоретически возможны.

Торстерн отвел взгляд, впервые заметив свою успевшую остыть чашку кофе. Облизав пересохшие губы, он взял ее и осушил в три-четыре глотка.

— На некоторое время вы заставили Стина поверить, что он — это вы. И заставили его свести с ума Халлера, после чего иллюзии Стина рассеялись. А теперь, хоть я самый обычный человек, попробую-ка я прочитать ваши мысли. Вы думаете, что, если я не стану играть за вас, вы проделаете то же самое со мной.

— В самом деле?

— Или просто избавитесь от меня, как поступили с Грейторексом. Что бы вы ни предприняли, ваши усилия будут тщетны. Если вы обработаете меня, как обработали Стина, эффект будет временным. Гипноз всегда проходит самое большее через сутки. Все, что вы заставите меня сделать за эти сутки, я смогу потом отменить.

— Верно,— рассудительно кивнул Рэйвен.

— Если же вы просто прикончите меня, вам достанется лишь труп. Труп не в состоянии прекратить войну. Вы мне уже раз шесть сказали, что мертвых ничто не волнует. Вот и подумайте, с точки зрения вашей же собственной философии, насколько будут меня волновать проблемы Земли. Ха, да еще меньше, чем Грейторекса!

Внезапно Торстерн спросил:

— Как вы прикончили Грейторекса? Даже самый супер-пупер-гипнотизер не может заставить человека лечь и испустить дух. Что вы с ним сделали?

— То же самое, что нам придется сделать с вами, если мы убедимся, что альтернативы нет.— Рэйвен многозначительно посмотрел на Торстерна.— Поймите же наконец своей упрямой башкой, что мы не испытываем угрызений совести, устраняя препятствие со своего пути. Мы отличаемся от вас лишь тем, что делаем это милосердно быстро. Мы не позволяем никому страдать. Настоящее преступление — это намеренно продлевать акт смерти!

Пристально взглянув на собеседника, Рэйвен закончил:

— Грейторекс умер так быстро, что вряд ли успел осознать, что происходит. Стин был лишен этой главной привилегии.

— Я же сказал...

Рэйвен лишь отмахнулся.

— Вам не удастся превратить Венеру в свою личную собственность, а потом объединиться с марсианами, чтобы потребовать выкуп с Земли в ее судный час. Если человечество когда-нибудь окажется загнанным в угол, сражаться станет именно все *человечество*, а не одни только земляне. Все мы! Поэтому вы должны прекратить враждебные действия против Земли и убедить марсиан последовать вашему примеру. Иначе вас устранят навсегда, после чего мы поступим точно так же с вашими преемниками, кем бы они ни были. Мы будем уничтожать их одного за другим, пока все ваше движение не развалится из-за отсутствия руководства.

Рэйвен показал на крошечный радиевый хронометр, вделанный в перстень на среднем пальце Торстерна.

— У вас пять минут, чтобы принять решение.

— У меня больше времени, намного больше. Столько, сколько я захочу.

Торстерн толкнул через стол третью фотографию.

— Взгляните.

Не потрудившись поднять фотографию со стола, Рэйвен наклонился и посмотрел на нее. Выражение его лица нисколько не изменилось.

— Кто там? — спросил Чарльз, которому было лень вставать, чтобы посмотреть самому.

— Лейна,— сообщил Рэйвен.

Торстерн скрипуче рассмеялся, в полной мере наслаждаясь своей предусмотрительностью. В частности, он был рад, что ему

удалось до сего мгновения не думать о Лейне. Ни одной мысли о ней не промелькнуло в его мозгу. Снова пешка переиграла мутанта.

Ничто не доставляло Торстерну большего удовольствия, чем обойти мутанта. То была его слабость, которая наверняка очень заинтересовала бы любого эколога, изучающего влияние среды на высшие формы жизни.

— Ваша женщина,— с нескрываемым презрением проговорил Торстерн.— Нам известно все о ее привычках, передвижениях, способностях. Мы знаем, в частности, что она — супергипнотизер, как и вы. Об этом рассказал Стин. Он не лгал, да и не мог солгать — в его-то состоянии. Возможно, вы испытываете некое влечение к этой толстой шлюхе. Не могу вообразить другого объяснения, разве что вам нравятся слоны, и...

— Оставим в покое внешность. Она не создана для того, чтобы удовлетворять ваши вкусы. Ближе к сути.

— Суть в том,— с нескрываемым удовольствием проговорил Торстерн,— что, как только я умру или свихнусь,— он постучал по фотографии пальцем,— она за это заплатит.

— Смешно,— заявил Рэйвен.

— Надеюсь, вы обрадуетесь, узнав, что она мертва.

— Плакать не стану,— небрежно заверил Рэйвен.

Он сказал это так, что стало ясно — его слова не сарказм, а чистая, чудовищная правда.

Даже Торстерна эти слова повергли в ужас. Он неуверенно посмотрел на Чарльза, ища подтверждения своим ощущениям, но обнаружил, что Чарльз со скучающим видом пялится в потолок. Тогда Торстерн снова недоверчиво взглянул на Рэйвена.

— Она может умереть медленно.

— Вы так думаете?

— Уверен. Если не окажется, что у нее слабое сердце, она сможет протянуть вдесятеро дольше, чем Стин. Как вам это понравится?

— Мне это кажется отвратительным.

— Гм?..

— Выдающийся ум, могущественный завоеватель, который прячется за женской юбкой.

Вновь почувствовав себя униженным, Торстерн чуть было не пришел в ярость, но сумел овладеть собой.

— На себя посмотрите! Вы хотите, чтобы женщина расплачивалась за ваши прегрешения?

— Она не будет возражать,— придав беседе совершенно неожиданный оборот, ответил Рэйвен.

— Вы спятили! — заявил Торстерн, начиная верить, что Рэйвен и впрямь безумец.

— Грейторекс не возражает. Халлер тоже. А Стину все полностью безразлично. Почему же Лейну должно это заботить? Даже вы...

— Заткнитесь, маньяк!

Торстерн снова вскочил на ноги, сжав кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Голос его дрожал от напряжения, но в нем звучало облегчение и торжество.

— Вы слишком долго тянули. Вы были так самоуверенны, что готовы были трепаться всю ночь. Но нас подслушали — каково?

Торстерн восторженно показал на входную дверь.

— Слышите шаги? Двадцать человек! Пятьдесят! Сто! Против вас поднялся весь город!

— Как плохо,— бесстрастно глядя на него, сказал Рэйвен.

— Попробуйте только до меня дотронуться — и увидите, что тогда будет,— хладнокровно продолжал Торстерн.— Через несколько секунд сюда ворвется толпа, и вы получите по заслугам.

Пытаясь не сводить взгляда с Рэйвена и в то же время наблюдать за дверью, он выразительно добавил:

— Если только я не буду полностью владеть собой и не прикажу им держаться от вас подальше.

— Похоже, мы угодили в переплет,— укоризненно заметил Чарльз, глядя на дверь.

Торстерн стоял, плотно сжав губы, и в голове его проносилось множество мыслей — о том, что их может кто-то прочесть, он уже не думал: «Сейчас они не посмеют ничего сделать. Это бы слишком дорого им обошлось. Они отложат свои замыслы до более благоприятного момента, который никогда не наступит, и будут действовать в соответствии с земными законами. Дело будет закрыто окончательно и бесповоротно, даже Герати не сможет тут ничего поделать. Или же я подстрою несчастный случай. Возможно, так будет быстрее и эффективнее. Да, так или иначе...»

Как и Чарльз, Торстерн не сводил взгляда с двери, за которой слышались — он мог поклясться, что слышались,— осторожные шаги множества ног. Кто-то из патруля, решил Торстерн, может чересчур занервничать из-за присутствия столь крутых личностей, как Рэйвен и тот, второй, мутант. Когда патрульные ворвутся в дом, ему придется действовать быстро и поживее выкрикивать приказы, чтобы не стать жертвой того, кто сперва стреляет, а потом уже смотрит, куда именно выстрелил.

Торстерн замер, заметив краем глаза, что никто из двоих его противников не пошевелился. Ха, да они просто сдались, попав в безвыходную ситуацию!

Управляемый силой мысли телекинетика, замок начал медленно поворачиваться, словно сам по себе.

Глава 14

Дверь стала открываться внутрь, дюйм за дюймом, словно под дуновением легкого ветерка. Или же под нажимом того, кто таился во тьме снаружи и очень осторожно толкал эту дверь. Желтоватый завиток ночного тумана скользнул в постепенно расширяющуюся щель, неся в дом запахи смолы, гниющих листьев, теплой коры и влажных грибов.

Снаружи не доносилось ни звука, кроме приглушенного шума топливных насосов в космопорту и отдаленной музыки с соседних улиц, где не знающие покоя неспящие пытались прожигать жизнь. В комнате стояла полная тишина, не слышалось даже шепота или дыхания. Тишина, медленное движение двери — это порождало напряжение, которое едва могли вынести натянутые нервы Торстерна.

Не сводя взгляда с щели, удивленный отсутствием какого-либо шума, Торстерн судорожно пытался понять, что происходит. Кто там, снаружи? Держат ли они оружие наготове, с пальцами на спусковых крючках? Если он метнется к двери — не попадет ли под смертоносный залп, который разом с ним покончит?

Есть ли среди них телепат, который предупредит о его намерениях, чтобы они не стали стрелять? Нет, конечно, телепат не мог их предупредить, поскольку сам колебался, не в силах прий-

ти к какому-либо решению. Телепат мог читать мысли Торстерна и вместе с тем был совершенно бессилен просчитать последствия даже на долю секунды вперед. Телепаты ни в коей мере не были провидцами.

Каждое мгновение тянулось как целая вечность, пока Торстерн смотрел на дверь, которая перестала двигаться, оставшись наполовину открытой. Темный проем, ведущий на улицу, соблазнял и манил.

Чего, черт побери, они ждут? Боятся рисковать, вслепую врываясь в дом? Возможно, у них имеется план, требующий неких действий от него, Торстерна. Ради всего святого, чего они ждут?

В комнату вползли новые клубы тумана. Когда Торстерн впервые заметил их, в голову ему пришла вполне правдоподобная мысль — газ! Да, именно так, вот в чем состоит задумка! Послать газ вместе с туманом. Любой знакомый с защитными системами зáмка, в особенности десятой комнаты, сразу бы об этом подумал. Значит, они хотят, чтобы он оставался на месте, пока не потеряет сознание вместе с теми, кто захватил его в плен. Потом его доставят в безопасное место, приведут в чувство и отдадут эту парочку мутантов ему на растерзание.

Вполне возможно, что Рэйвен и толстяк знают, что должно произойти. Мысль об этом ярко вспыхнула в мозгу Торстерна, следовательно, стала известна и похитителям — если только они не были целиком поглощены чтением мыслей тех, кто находился за дверью. Может ли телепат читать мысли нескольких людей сразу? Торстерн не был в этом уверен. У него не имелось на этот счет никаких данных. Так или иначе, эти двое могли прочесть и в других головах то же самое — газ! Но что Рэйвен и Чарльз могли поделать? Ничего! Самый могущественный из мутантов ничем не отличался от любой пешки в том смысле, что ему тоже нужно было дышать.

Ноздри Торстерна пытались уловить коварное приближение невидимого оружия, хотя он почти наверняка знал, что не почувствует никакого запаха. Зато должны были появиться другие признаки. Замедление пульса. Слегка затрудненное дыхание. Спутанность мыслей. Он напряженно прислушивался к самому себе в ожидании появления симптомов, и, хотя прошло всего полминуты, ему казалось, что прошло уже полчаса.

А затем он не выдержал. Для него это было чересчур. Он не мог больше этого вынести. Не мог, не мог...

— Не стреляйте! Не стреляйте! — Он прыгнул в проем двери.— Это я! Это Тор...

Голос его прервался.

Он тупо стоял, ошеломленно уставившись в туманную ночь. Одна мысль в его голове быстро сменяла другую: «Никого. Ни единой души. Они меня одурачили. Заставили слышать и воображать то, чего нет. Поступили со мной, как с лабораторной мышью, которая ищет выход, чтобы спасти свою жизнь. Потом отперли замок и открыли дверь. Гипнотизеры и телекинетики в одном лице. Что бы ни говорили специалисты, но мультимутанты все-таки существуют. Вот ведь дьяволы! — Неожиданно его мысли понеслись еще быстрее.— Беги, идиот, беги!»

А потом случилось неожиданное, то, что порой расстраивает самые лучшие планы мышей и людей. И причиной тому было невероятное душевное напряжение Торстерна.

Держась за дверной косяк, глядя на пустую улицу, внутренне цепляясь за мысль о том, что вооруженные поисковые группы наверняка где-то рядом, он поднял ногу, намереваясь ринуться навстречу свободе. Но ему не удалось это сделать.

С трудом удерживая равновесие, Торстерн стоял неподвижно; на лице его было написано полнейшее замешательство. Он медленно поставил поднятую ногу на землю, а затем столь же медленно опустился на колени, словно простираясь ниц перед невидимым божеством. В его возбужденном мозгу крутился вихрь лихорадочных мыслей, в котором мелькали отрывочные слова и фразы: «Нет... о нет, не надо!.. я не могу, не могу... оставь меня... Стин... я не виноват... о нет, оставь меня...»

Он упал лицом вниз, дергаясь в беззвучных судорогах. Рэйвен уже стоял, наклонившись над ним, с серьезным и сосредоточенным видом. Чарльз поспешно вскочил с кресла, явно застигнутый врасплох. В дверях кухни появилась Мэвис; во взгляде ее читалось осуждение, но она не произнесла ни слова.

Рэйвен схватил лежащего за правую руку, и судороги тут же прекратились. Не отпуская Торстерна, Рэйвен несколько раз дернул рукой, выворачивая локоть, словно сжимал в ладони про-

вод под высоким напряжением. Казалось, будто он ведет некую отчаянную борьбу. Торстерн хватал открытым ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

— Нет, нет, уходи... оставь меня... я...

Склонившись с другой стороны, Чарльз помог поднять тяжелое тело, пронести Торстерна через комнату и усадить в кресло. Мэвис закрыла дверь, но не стала запирать замок и вернулась в кухню.

Несколько секунд спустя Торстерн пару раз судорожно сглотнул, открыл глаза и с трудом выпрямился в кресле. Его била нервная дрожь, ему почему-то казалось, будто кровь его превратилась в пену. Руки и ноги отказывались повиноваться, внутренности словно обратились в жидкость. Он был вынужден смириться с ненавистным фактом — впервые в жизни он пережил такое потрясение. Лицо его было бесцветным, как воск. Как ни странно, в памяти его не осталось никаких воспоминаний о словах, которые он бормотал, корчась в судорогах, и вообще обо всем, что произошло.

— Вы сдавили мне сердце,— дрожащим голосом проговорил он, сердито глядя на Рэйвена.

— Я этого не делал.

— Вы меня чуть не убили.

— Я тут ни при чем.

— Значит, это были вы.— Торстерн повернул голову, яростно уставившись на Чарльза.

— И не я. На самом деле мы вас спасли — если это можно назвать спасением.— Чарльз таинственно улыбнулся.— Но иначе вы были бы уже покойником.

— Думаете, я вам поверю? Это сделал один из вас.

— Как? — спросил Рэйвен, не сводя с Торстерна внимательного взгляда.

— Один из вас — телекинетик. Он отпер замок и открыл дверь, не пошевелив и пальцем. И точно так же сдавил мое сердце. То же самое вы проделали с Грейторексом!

— Телекинетик перемещает предметы, воздействуя на них силой мысли,— возразил Рэйвен.— Он не может проникнуть внутрь человека и воздействовать на его внутренности.

— Я едва не погиб,— продолжал настаивать Торстерн, содрогаясь при мысли о том, насколько близок он был к смерти.— Я чувствовал, как сжимается мое сердце, как я падаю. Будто какая-то сила пыталась вытащить меня из собственного тела. Это сделал кто-то из вас!

— Не обязательно. Миллионы умирают каждый день без чьей-либо помощи.

— Я не могу просто так умереть,— по-детски пожаловался Торстерн.

— Почему?

— Мне пятьдесят восемь лет, и я совершенно здоров.— Он осторожно ощупал себя, прислушиваясь к гулкому стуку в груди.— Я совершенно здоров.

— Вам так кажется,— многозначительно заметил Рэйвен.

— Если мне и суждено умереть естественным путем от сердечного приступа, было бы крайне странным стечением обстоятельств, если бы это произошло именно сейчас.

Похоже, Торстерну все-таки удалось свалить вину на них. От этого не было никакого проку, но ему очень хотелось обвинить в случившемся двоих мутантов, хотя бы потому, что они настойчиво все отрицали. Торстерн никак не мог понять: зачем отрицать, что они скрутили его в дверях? Ведь они могли, напротив, похвалиться этим, еще больше его запугав.

Но где-то в глубине души Торстерна, в потайном уголке, куда ему вовсе не хотелось заглядывать, притаилась жуткая мысль о том, что, возможно, они правы. Возможно, судьбой ему отпущено куда меньше времени, чем он полагал. Никто не бессмертен. Может, ему осталось совсем немного, и песчинки его жизни быстро просыпаются.

Сколь бы глубоко ни таилась эта мысль, она не ускользнула от Рэйвена.

— Если вам и суждено умереть именно так,— сказал он,— то, вероятнее всего, это произойдет в момент серьезного нервного напряжения. Так при чем тут стечение обстоятельств? В любом случае вы не бросились бежать и не умерли. Но вы можете испустить дух на следующей неделе. Или завтра. Или еще до рассвета. О дне или часе вашей кончины не ведает никто.

Он показал на миниатюрный хронометр Торстерна.

— А между тем пять минут превратились в пятнадцать.

— Я сдаюсь.

Достав большой носовой платок, Торстерн вытер пот со лба.

— Сдаюсь.

Он говорил правду. Эта правда читалась в его мыслях — неподдельная истина, рожденная десятками спонтанно пришедших на ум причин, некоторые из них противоречили друг другу, но все были достаточно убедительны.

«Нельзя все время нестись сломя голову. Меньше спешишь — дольше проживешь. Нужно позаботиться и о себе. Что толку тратить силы, если меня все равно не станет? Уолленкотт на двенадцать лет моложе меня и думает, что станет боссом, когда я сыграю в ящик. Зачем мне что-то делать, планировать, выкладываться — и все ради него? Он всего лишь актер, хамелеон, которого я вытащил с помойки и сделал из него человека. Всего-навсего ничтожный мутант. Да здравствует Венера — под властью вонючего мутанта! Даже на Земле дела обстоят лучше. Герати и большинство членов Совета — нормальные люди, по крайней мере, Гилчист меня в том уверял».

Рэйвен мысленно взял последнее имя на заметку: Гилчист, член Мирового Совета. Предатель в их лагере и, несомненно, тот самый человек, который выдал Рэйвена подпольному движению на Земле. Человек, чье имя Кейдер и другие не знали просто потому, что не хотели знать.

«Если не один мутант, так другой,— мрачно продолжал размышлять Торстерн.— Кто-то из них дождется своего часа и захватит мою империю легче, чем отобрал бы конфету у ребенка. Я был в относительной безопасности, пока все внимание было привлечено к Уолленкотту, но теперь его оставили в покое и нашли меня. Мутанты обладают немалым могуществом. Когда-нибудь они объединятся и выступят против обычных людей. И мне не хотелось бы тогда здесь оказаться!»

Подняв глаза, он обнаружил, что остальные смотрят на него.

— Я уже сказал, что сдаюсь. Чего еще вы от меня хотите?

— Ничего.— Рэйвен кивнул на телефон на стене.— Мне вызвать антиграв, чтобы вас доставили домой?

— Нет, пройдусь пешком. Кроме того, я вам не доверяю.

Неуверенно поднявшись, Торстерн снова ощупал грудь. Ему казалось весьма подозрительным, что его капитуляцию приняли с такой готовностью и что его так спокойно отпускают. Меряя всех по своей мерке, он был уверен, что его поджидает новая ловушка. Не запланирован ли несчастный случай в пути, вдали от дома? Возможно, еще один сердечный приступ, который его прикончит?

— Зато мы доверяем вам, поскольку читаем ваши мысли,— сказал Рэйвен.— Вам не повезло — вы не можете читать наши, иначе поняли бы, что мы играем честно. Мы вас не тронем, если вы не измените своему слову.

Добравшись до двери, Торстерн открыл ее и обернулся в последний раз. Лицо его все еще было бледным и выглядело слегка постаревшим, но к нему отчасти вернулось прежнее достоинство.

— Я обещал положить конец враждебным действиям в отношении Земли,— сказал он.— И я сдержу свое обещание — но не более того!

Шагнув в темноту, он аккуратно прикрыл за собой дверь — хотя куда естественнее было бы хлопнуть ею так, чтобы содрогнулся весь дом. Но пятьдесят лет назад одна высокая злая женщина надавала ему по ушам за то, что он хлопал дверью, и, хотя Торстерн сам того не сознавал, уши его горели до сих пор.

Двигаясь вдоль стен, Торстерн как можно быстрее зашагал по дороге. Теперь ничего нельзя было разглядеть дальше трех ярдов, и он чувствовал себя почти слепым.

Он то и дело останавливался, вслушиваясь в то, что творилось в тумане, потом поспешно шел дальше. В это время вряд ли можно было кого-нибудь встретить, кроме неугомонных неспящих или же прогуливающихся патрулей. Торстерн уже потерял счет пройденному, как вдруг слева послышались чьи-то шаги.

— Кто здесь? — крикнул он, приложив ладони ко рту.

Шаги зазвучали быстрее. Из желтой дымки появился патруль — шестеро, все с оружием.

— Что случилось?

— Я знаю, где искать Дэвида Рэйвена!

Чарльз наконец перестал внимательно прислушиваться.

— Он изо всех сил пытается вспомнить — но не может. В голове его сплошной туман. Скоро он сдастся и отправится домой.

Скрестив толстые ноги, Чарльз погладил живот.

— Когда он хлопнулся без чувств в дверях, я сперва решил, что это ты им овладел. А потом услышал в твоих мыслях удивленный возглас.

— А я думал, что им овладел ты,— нахмурился Рэйвен.— Хорошо, что я успел вовремя, не то ему пришел бы конец.

— Да, сердечный приступ.— Глаза Чарльза вспыхнули.— Еще один подобный фокус, и об этом станет известно всем.

— Кое-кто оказался весьма неосмотрительным,— серьезно произнес Рэйвен.— Кое-кто обладает весьма ограниченным кругозором и ждет не дождется, чтобы ему преподали урок. Это плохо, очень плохо. Такого не должно повториться.

— Он долго держался и крайне неохотно уступал; так что крайне трудно было устоять перед соблазном,— напомнил Чарльз с видом человека, готового объяснить что угодно.— Словом, потенциальному императору Венеры очень повезло. Иначе он мог бы быстро отправиться на тот свет. Что ж, он жесткий человек, и ему не занимать силы духа. Ничто другое не могло напугать его настолько, чтобы он пошел хоть на малейшие на уступки. Может, все случившееся к лучшему. Главное — у него не осталось никаких воспоминаний о том, что произошло на самом деле.

— Возможно, ты прав. Если бы он умер, у нас было бы куда больше неприятностей. Пришлось бы иметь дело с Уолленкоттом и, вероятно, с двумя другими двойниками, любой из которых с легкостью мог бы занять кресло босса, введя в заблуждение всех, кроме телепатов. К тому же вполне может существовать тайный список умников, не являющихся мутантами, которых Торстерн назначил своими преемниками. Один-два из них могут находиться на Марсе. То, что Торстерн сдался, спасло нас от множества хлопот. Иначе нам пришлось бы идти до конца.

— Да, он сдался, но не до конца,— заметил Чарльз.— Он не мог отогнать кое-какие мысли, пока брел по дороге.

— Я их слышал.

— Он упрям, чтобы не сказать больше. Во-первых, он оставляет за собой право послать свои обещания к чертям, как толь-

ко найдет способ полностью защититься от мутантов. Вероятность подобного он оценивает как один к миллиону и тем не менее надеется даже на столь ничтожный шанс. Во-вторых, он оставляет за собой право пинком отправить тебя в соседнюю галактику, едва придумает, как это сделать.

— И это еще не все,— добавил Рэйвен.— На основании доступных нам фактов можно предположить, что он свяжется непосредственно с Мировым Советом, раскритикует Уолленкотта, от всей души проклянет подпольное движение, посокрушается по поводу их злодеяний, посочувствует Земле и предложит положить конец всему сопротивлению в обмен на достойную компенсацию. Он попытается продать свою капитуляцию Земле и получить взамен неплохую прибыль.

— Он и впрямь на такое способен!

— Пусть. Это не наше дело. Главная цель достигнута, что важнее всего.

Рэйвен ненадолго задумался.

— Торстерн вряд ли захочет разрушить свою организацию. Он отзовет своих псов, но не станет разгонять свору. Единственное, на чем он может успокоиться,— это собрать свору побольше и получше, открыто и легально. Проделать такое он может только одним способом — с ведома и одобрения самых влиятельных из его недавних противников, включая Герати и нескольких членов Мирового Совета.

— С какой целью? Они ничего не знают о денебианах, поэтому...

— Я сказал Торстерну, что человечество найдет выход из своих проблем. Он мог запомнить эти слова. Он ничего не знает о денебианах, как ты заметил, но может решить — и убедить других,— что час испытаний настал. Пешки против мутантов! Зная характер Торстерна, я уверен, что он считает людьми лишь себе подобных, в то время как мутанты для него — не люди или квазилюди.

— А! — прищурился Чарльз.— В наши дни полно нетерпимости. И незачем подпитывать ее еще больше.

— Кому об этом знать, как не нам? — пожал плечами Рэйвен.— Посмотри, чего он добьется, если сможет наладить сотрудничество с единомышленниками с Марса и Земли, объеди-

нив силы трех планет в деле истребления мутантов: у него снова появится личная армия, на этот раз состоящая из подобных ему пешек. Он удовлетворит свое тщеславие и ненависть к мутантам и получит средства для оправданного устранения главного источника угрозы себе самому. Такая мысль не может не прийти ему в голову — рано или поздно. У него хватит на это ума и смелости, и он крайне упрям.

— Это будет непросто. Мутантов не так много, но их достаточно, чтобы превратить их уничтожение в немалую проблему.

— Численность — это еще не все,— заявил Рэйвен, прислонившись к углу стола.— Я вижу два препятствия, и оба очень серьезные.

— Какие же?

— Первое: они могут истребить лишь известных мутантов. А сколько существует неизвестных? Сколько мутантов ничем не выделяются среди обычных людей и останутся неопознанными до конца жизни?

— В таком случае задачу невозможно выполнить до конца. Может, Торстерн вообще не возьмется за это дело, если поймет, что не сможет его завершить.

— Может быть,— с некоторым сомнением согласился Рэйвен.— Препятствие номер два — естественное следствие сосуществования цивилизаций на трех планетах. Предположим, Торстерн попытается убедить устроить погромы одновременно на всех трех с целью избавить человечество от чересчур умных. Каждая из планет тотчас заподозрит в этом ловушку. Если она уничтожит своих мутантов, в то время как две другие планеты не станут этого делать...

— Взаимное недоверие,— понимающе кивнул Чарльз.— Ни одна из планет не пойдет на риск, который может поставить ее в крайне невыгодное положение по сравнению с другими.

Он снова задумался.

— К тому же риск весьма немалый. Что, если две планеты уничтожат своих мутантов, а третья — нет? Сколько времени пройдет, прежде чем она получит полную власть над двумя другими? В подобном случае я могу даже предположить, какая планета будет этой третьей и кто будет над нею властвовать.

— Все три планеты придут к тем же самым выводам. Земляне и марсиане нисколько не глупее венерианцев. Поэтому, как

бы ни повел себя Торстерн, перед ним встанет нелегкая проблема. Правда, он из тех людей, что любят нелегкие проблемы, считая их вызовом своим способностям. Думаю, мы о нем еще услышим.

— Я тоже так думаю. К тому же, Дэвид, мы значимся первыми в его списке на всеобщее уничтожение.

Живот Чарльза затрясся от негромкого смеха.

— Если, конечно, у него получится уничтожить всех мутантов.

— Я возвращаюсь на Землю. Спасибо за гостеприимство.

Рэйвен заглянул на кухню и сказал Мэвис:

— Пока, милашка!

— Скатертью дорога, зануда!

Мэвис притворно нахмурила брови, что нисколько не сбило его с толку.

Скорчив в ответ сердитую гримасу, Рэйвен беззаботно помахал Чарльзу и вышел со словами:

— Увидимся в морге, приятель!

— Обязательно,— пообещал Чарльз, словно с нетерпением предвкушая подобную встречу.

Посмотрев вслед тающему в тумане силуэту, он закрыл дверь и вернулся к своему креслу.

— Ты еще об этом пожалеешь,— мысленно сказала ему Мэвис.

— Знаю, дорогая.

Глава 15

Космопорт был полон самой разной техники. Антигравы, большие и маленькие вертолеты, несколько древних автожиров, владельцами которых были небритые старатели, два элегантных курьерских катера Мирового Совета, воздушный шар со вспомогательными двигателями, принадлежавший группе ученых-вирусологов, потрепанный марсианский грузовик, носивший имя «Фодеймос», два пассажирских корабля: один ожидавший почты, другой находившийся в ремонте — и, наконец, некое ржавое сооружение — наполовину мотоцикл, наполовину автожир: его бросил здесь какой-то сумасшедший любитель механических штучек.

Весь этот механический зоопарк был озарен холодным мрачноватым светом натриевых ламп. Висевший повсюду ночной туман начал рассеиваться, когда над горизонтом появился край огромного, но невидимого солнца. Меньше чем через час туман исчезнет без следа.

Здешняя охрана была довольно многочисленной, но не слишком ретивой. Небольшие группы охранников слонялись возле топливных цистерн и ремонтных мастерских. Другие бродили поодиночке вдоль периметра космопорта или среди кораблей. Никто не проявлял особой бдительности. Утомленные долгой ночью без происшествий, все ждали дневной смены, которая должна была явиться через полчаса. Каждому хотелось лишь одного: чтобы эти тридцать минут пролетели как можно быстрее, после чего можно будет отправиться домой — завтракать и спать.

Рэйвен ценил такой настрой, поскольку он был ему на руку. Время — немаловажный фактор любого успеха, а часы — куда больший тиран, чем кажется многим. Пытаясь преодолеть некое препятствие, при одном положении стрелок часов можно потерпеть неудачу, а при другом — одержать успех, пусть и с трудом.

Рэйвен держался в сотне ярдов от внутренней стороны периметра, соблюдая крайнюю осторожность. Охранникам наверняка велели его высматривать. И капитуляция Торстерна никоим образом не отменяла этого распоряжения.

Большинство из здешних вооруженных стражей были обычными людьми, ничего не знавшими о борьбе за власть ни на этой планете, ни на других. Но некоторые из них могли быть приверженцами Уолленкотта — а на самом деле Торстерна,— и у них могли иметься дополнительные, неофициальные приказы насчет того, что делать, если Рэйвен вдруг объявится. Однако сейчас все думали только о заканчивающейся смене и о предстоящем отдыхе, поэтому невозможно было вычислить среди охранников особо рьяных.

Проходивший мимо Рэйвена парень обладал богатым воображением и представлял себе огромную тарелку яичницы с беконом. Кроме того, он был еще левитатором, поэтому вполне подходил на роль жертвы.

Рэйвен понаблюдал за ним и обнаружил, что этот охранник — один из немногих, не совершавших регулярный обход, а про-

сто бродивших среди машин космопорта. Несколько раз парень на мгновение напрягался, отрывался от земли и перелетал над кораблем, который ему было лень обходить. Остальные охранники, судя по всему, не способные на такое, наблюдали за его полетами с тупым безразличием. Около десяти процентов охраны обладали собственными дарованиями, и каждый из них считал, что в своем даровании превосходит всех прочих.

Привлеченный неким странным импульсом, ничего не подозревающий охранник лениво свернул за угол небольшого сарая, за которым поджидал Рэйвен. Повинуясь импульсу, исходившему из того же источника, парень выпятил подбородок под удобным углом. Левитатор оказался весьма услужливым, и Рэйвен искренне пожалел о награде, которую тот получит за свою услужливость. С размаху врезав охраннику в подбородок, он подхватил обмякшее тело (в голове парня продолжали крутиться мысли о яичнице с беконом) и опустил на землю.

Надев фуражку с кокардой и плащ охранника, Рэйвен вышел из-за сарая и зашагал через поле. Жертва была ниже его ростом. Плащ едва доходил Рэйвену до колен, но вряд ли кто-нибудь мог это заметить. Ближайшие охранники находились от него в двухстах ярдах. Больше всего проблем мог доставить телепат. Если некий телепат попытается издалека прочитать его мысли и наткнется на полнейшую пустоту, он сразу поймет, что это не просто левитатор,— и тогда ничего хорошего ждать не придется!

Положив оружие на сгиб руки, как держал его охранник, Рэйвен подошел к пассажирскому кораблю, ожидавшему почты. То был «Звездный дух», одна из последних моделей, полностью заправленный и готовый к старту. На борту никого не было. Напрягшись, Рэйвен перелетел через него и легко опустился по другую сторону.

Несмотря на множество стоявшей вокруг техники, выбор его был весьма ограничен. Автожиры, вертолеты и антигравы были сугубо местными средствами передвижения. Покинуть планету могли только «Звездный дух» и два курьерских катера. Любой из двух последних вполне подошел бы Рэйвену, если бы был надлежащим образом заправлен и укомплектован. К счастью, на этой лишенной спутников планете ему не грозила опасность по ошибке захватить лунный катер ближнего радиуса.

Баки ближайшего курьерского катера были полны, но Рэйвен прошел мимо, чтобы взглянуть на его собрата. Во втором катере тоже все оказалось на месте, если не считать пилота. На обоих кораблях не было ни души, и оба были не заперты. Рэйвен предпочел второй лишь потому, что за его хвостом имелось свободное расстояние в четверть мили, в то время как первый мог превратить в пепел потрепанный автожир, который, возможно, был кому-то дороже матери. Рэйвен выбрал второй.

И тут мысли лежащего за сараем охранника вернулись из вынужденного отпуска, забыв о видениях завтрака и пытаясь сконцентрироваться. Рэйвен сразу почувствовал, что произошло, потому что ожидал этого. Он ударил охранника достаточно сильно, чтобы выиграть несколько минут, и надеялся, что больше ему и не понадобится.

«Что со мной?» — в замешательстве размышлял охранник.

Потом, через несколько секунд: «Меня оглушили!»

И, после чуть более долгой паузы,— возбужденный мысленный возглас: «Моя фуражка! Мое оружие! Какое-то кошачье отродье посмело...»

Рэйвен небрежно взмыл в воздух, будто собираясь перелететь над кораблем, но вместо этого открыл находившийся на высоте в двадцати футов люк и забрался в катер. Закрыв за собой люк, он защелкнул замки и направился к пилотскому креслу.

«Кто-то меня стукнул! — доносились до него мысли охранника.— Господи, да он наверняка меня поджидал!»

Мысль на мгновение пропала, затем снова вернулась, сопровождаемая громким воплем:

— Эй вы, сони! Здесь посторонний! Он спер мое...

Посреди суматохи быстро переключающихся с отдыха на службу мыслей словно ниоткуда возникли четыре более мощные мыслеволны, наугад обшаривающие корабль за кораблем. Добравшись до курьерского катера, они коснулись мысленного экрана Рэйвена, тщетно попытались проникнуть сквозь него — и отступили.

«Кто вы?»

Он не ответил. Послышался шум заработавших насосов и форсунок корабля.

«Отвечайте! Кто вы?»

То были мысли совсем другого рода, не такие, как у остальных,— резкие, четкие, направленные; едва столкнувшись с мысленным щитом чужого разума, они тут же распознали, что за щитом этим кто-то есть.

— Еще один телепат. Говорить не хочет. Поставил экран. Он в том курьерском, КМ-сорок четыре. Лучше его окружить.

— Окружить? Вряд ли! Если он взлетит, двигатели испепелят все вокруг!

— Сомневаюсь. Он не станет рисковать, пока не рассеется туман.

— Если это тот самый Рэйвен, нам всем влетит. Ведь мы должны были...

— Да мы вообще не знаем, кто он такой. Может, просто какой-то помешанный на космосе мальчишка, который сидит там и пытается заставить корабль взлететь. Если так — надеюсь, он сломает себе шею.

— Могу поспорить, это Рэйвен.

Внутри пилотской кабины звякнул сигнал радиоприемника, и человек, послуживший причиной всей этой суматохи, щелкнул переключателем. В кабину ворвался хриплый голос с контрольной башни — властный, полный ярости:

— Эй, на КМ-сорок четыре — открыть люк!

Рэйвен не ответил. Двигатель продолжал негромко шуметь. Дрогнули стрелки приборов, и красная линия на белой полосе подползла к отметке с надписью «ГОТОВ».

— Эй, на КМ-сорок четыре! Предупреждаю...

Улыбнувшись, Рэйвен бросил взгляд на экран заднего вида и увидел шеренгу вооруженных людей, развернувшуюся веером в нескольких сотнях ярдов позади дюз. Нащупав указательным пальцем кнопку, Рэйвен на долю секунды надавил на ее. Раздался хлопок, корабль слегка подпрыгнул, и аккуратный шар перегретого пара пулей устремился назад. Приближающийся враг в ужасе бросился врассыпную.

Разъяренный голос с контрольной башни теперь зачитывал ужасающий список наказаний за содеянное — извлечение из предписаний с первого по двадцатое, подпункты от А до Я. Об-

ладатель голоса был настолько поглощен перечислением способов, которыми можно заставить человека страдать, что забыл обо всем остальном. Рэйвен впервые столкнулся с тем, чтобы кто-то умел произносить слова курсивом.

Рэйвен снова нажал на кнопку. Из хвоста корабля вырвалось оранжево-белое пламя. Вслед за тем раздался рев, оглушивший всех на милю вокруг, хотя внутри корабля рев казался всего лишь негромким стоном.

Рация с садистским наслаждением продолжала перечислять:

— ...Но в случае, когда упомянутое *преступление* включает в себя *незаконное* использование полицейских и таможенных привилегий, предусмотренное *наказание* должно составлять срок не менее *четырехкратного* в сравнении с предусмотренным подпунктом Д-семь. Возможно также *ужесточение* наказания, предусмотренного подпунктами...

Рэйвен переключил радио на передачу.

— Слушай, приятель,— огрызнулся он,— *никто так долго не проживет!*

Отключив и приемник, и передатчик, он потянул рычаг на себя и на огненном столбе взмыл в небо.

Пролетев миллион миль, Рэйвен включил автопилот и взглянул на экран заднего обзора. Никто его не преследовал. Вероятность того, что за ним погонится кто-нибудь с Венеры, была чересчур мала. Еще не построили корабля, который мог бы тягаться с тем, которым воспользовался Рэйвен.

Возможно, но маловероятно, что одному из уже находящихся в космосе кораблей приказали его перехватить. Но на данном этапе развития межпланетных полетов огромное пространство между Землей и Венерой отнюдь не было забито кораблями.

Экраны и детекторы переднего обзора не показывали ничего заслуживающего внимания, кроме инфракрасного излучения некоего объекта, до которого было слишком далеко, чтобы можно было его опознать. Вероятно, «Фантом» возвращался домой — сейчас он как раз мог находиться где-то в этом районе.

Поручив рутинную работу автопилоту, Рэйвен немного посидел в маленькой кабине, созерцая бескрайние просторы кос-

моса, которые видел тысячу раз и надеялся увидеть еще десять тысяч раз. Потрясающее великолепие Вселенной никогда его не утомляло.

Наконец он лег на маленькую койку и закрыл глаза — но не затем, чтобы заснуть. Он закрыл их, чтобы шире распахнуть собственный разум и прислушаться — чего никогда не делал, читая тайные мысли обычных людей. Размеренное гудение двигателей корабля нисколько не отвлекало, как и редкое шипение и мгновенные вспышки сталкивавшихся с кораблем частичек космической пыли. На некоторое время Рэйвен перестал слышать звуковые волны, зато его способность воспринимать мысли обострилась до предела.

Звуки, которые он искал, вполне можно было услышать, если преодолеть ограничения своей плоти, как следует собравшись и сосредоточившись. Странные мысленные голоса, вибрирующие в бескрайней тьме: многие из этих таинственных импульсов — еле слышные, искаженные путешествием сквозь бесконечные расстояния; другие — более отчетливые, поскольку источник их находился ближе, хотя все равно очень-очень далеко.

— Черный корабль направляется к Заксису. Пропускаем его без задержек.

— Они покидают Бальдур-девять, красный карлик с четырьмя планетами, которые все оказались стерильными. Они считают это полной неудачей и вряд ли еще раз вернутся туда.

— Планета не подошла, зато захватили самый крупный спутник, богатый гелиотропными кристаллами.

— Приземлились с командой в сорок душ и обшарили планету от полюса до полюса. Похоже, очень спешат.

— ...к Герону, бело-голубому гиганту в двенадцатом секторе Андромеды. Сто восемьдесят черных кораблей летят тремя группами по шестьдесят в каждой. Настоящая денебианская экспедиция!

— Этот денебианин совершил вынужденную посадку с двумя поврежденными соплами. Он размахивал щупальцами, пока мы не поняли, чего он хочет, и не помогли ему отремонтировать корабль. Конечно, с нашей стороны это было глупостью. Он

щедро нас отблагодарил — дал детям несколько ниток радужных бус и улетел.

— Черный корабль крейсерского типа направлялся прямиком к Тарре. Мы запутали мысли его пилотов и развернули его назад.

— Представь себе, он интуитивно пришел к этой идее, но никак не мог ее доказать. Он и сам не знал, насколько близко, опасно близко подошел к истине. Но сама идея настолько ему понравилась, что он сделал ее основой новой религии. Если бы денебиане хотя бы частично переняли подобную теологию, ситуация могла бы выйти из-под контроля. Поэтому мы уничтожили религию в зародыше, отправив его на следующий уровень и оплакав его вместе со всем его народом.

— Огромный черный боевой корабль с восемью тысячами денебиан на борту захватил небольшой спутник. Денебиане говорят, что время от времени будут посылать к нам катер для обмена товарами, но говорят без особого энтузиазма. Они видели нас — и то, что они увидели, походило на компанию отсталых аборигенов.

— ...преследует по пятам десяток кораблей. Забавно, что они никак не могут устоять перед тем, чтобы гоняться за неуловимыми.

— Что ж, я в полном порядке, но она уже стара и седа и хочет уйти на покой. Годы для нас идут так же, как для тех, за кем мы наблюдаем. Так что если какая-нибудь другая пара...

— ...разбросаны по всему астероиду в качестве приманки, и денебиане, как всегда, на нее клюнули. Они стаей налетели на астероид, разнесли в пыль и радостно убрались восвояси. Нам этот астероид никогда не нравился, у него был слишком смещен...

— Конвой, направлявшийся к Конской Голове, сектор семь, сбросил полуразрушенную шлюпку со старым изможденным денебианином. Он утверждает, что займется разведкой кристаллов, пока остальные отправились искать то, что находится прямо у него под носом.

— Армада из восьмисот кораблей вылетела со Скории, чтобы отомстить той исчезнувшей паре. Мозги их пилотов защищены платиновыми шлемами, и на каждом корабле установлены силовые излучатели нового типа. Кто-то знает свое дело!

— Они решили не рисковать и испепелить всю планету лишь потому, что населяющие ее существа — светящиеся, полупрозрачные и подозрительно непохожие на денебиан. Мы не могли этого допустить! Потому слегка задели их оружейный склад. Хорошо рвануло!

Любительское радио не имело ни малейшего отношения к тому, что слышал Рэйвен. Никакого радио, ничего любительского: то была направленная телепатия большого радиуса действия и, бесспорно, профессиональная.

Мысленное бормотание продолжалось весь полет. Черный корабль здесь, еще один там, сотня отправилась еще куда-то. Денебиане делали то, денебиане делали се, садились на одни планеты, улетали с других, на многие вообще не обращали внимания; к каким-то планетам их умело направляли, от других, напротив, ловко отвлекали, и вообще им все время помогали или мешали рассеявшиеся по всему космосу далекие существа, в соответствии с неизвестными правилами неизвестной игры.

В целом денебиане, похоже, отвергали большинство планет либо с первого взгляда, либо после короткого пребывания там, но продолжали обследовать огромные пространства, методично или хаотично прочесывая космос в поисках того, чего не могли найти. Если о них и можно было сказать что-то определенное, так это то, что они были неисправимыми непоседами.

Рэйвен весь полет слушал разговоры в бесконечных глубинах Вселенной или глядел на бесчисленные звезды на экране переднего обзора. Взгляд его то и дело становился отсутствующим, на лице же появлялось выражение крайнего любопытства. Все мысли о Торстерне, Уолленкотте, Карсоне, Герати и остальных были позабыты: их амбиции и соперничество были микроскопическими в сравнении с происходившими где-то далеко грандиозными событиями.

— Денебиане проверили сто тысяч разумов, прежде чем поняли, что на поиск среди пятисот миллионов потребуются годы. И улетели, так ничего и не узнав.

— ...просидели у нас три полных оборота Солнца. Они снисходительно посмеивались над нашими кораблями, даже одолжили несколько, чтобы поразвлечься, а потом с благодарностью вернули. Но когда вы уничтожили тот крейсер, который

они послали за вами в погоню, они по-настоящему разозлились и пустились за вами, словно...

— Они проявляют явный интерес к созвездию Волопаса, по каким-то лишь им одним известным причинам. Лучше приготовиться к тому, что они могут туда нагрянуть!

— Лета, Морсин, Эльстар, Гносст, Вельтенстайл, Ва, Перье и Клайн. На каждой из этих планет находится от двух до десяти денебиан, ищущих редкие минералы. Они относятся к местным жителям как к ручным, но бесполезным животным, бросая им несъедобные «лакомства». Так или иначе, они сильно нервничают с тех пор, как...

— Девять кораблей идут на посадку, ведут себя, как всегда, крайне настороженно.

Разговоры продолжались, слышные лишь для разумов, приспособленных к такого рода общению. Ни одна человеческая пешка не смогла бы их услышать — и ни один денебианин. Атмосфера заглушала телепатические лучи, и гравитационное поле гигантских солнц слегка отклоняло их, что следовало принимать во внимание. Но в открытом космосе почти все лучи достигали своей цели.

Так же небрежно, как обычный человек мог бы рассуждать об улицах и зданиях своего родного города, здесь разговаривали об одиноких солнцах, разбросанных планетах и блуждающих астероидах. Назывались места событий, давались точные координаты секторов, перечислялись тысячи названий — но в этих разговорах ни разу не были упомянуты Земля, Венера, Марс или любая другая планета Солнечной системы.

Ни одну из этих планет не было необходимости упоминать, поскольку их время еще не пришло.

С Луны стартовали два шестиместных полицейских катера, пытаясь догнать летящий к Земле похищенный курьерский корабль. Но им не повезло. Корабль устремился к Земле, словно ему предстояло пролететь еще полсотни световых лет, резко метнулся в сторону, оторвавшись от погони, и скрылся за восточным краем планеты. К тому времени, как преследователи обогнули Землю, он уже приземлился, затерявшись на местности, для об-

следования которой двенадцати парам глаз потребовалось бы слишком много времени.

Корабль опустился на каменистой пустоши; если бы он попытался оттуда взлететь, ничья собственность не пострадала бы. Стоя возле остывающего хвоста космического судна, Рэйвен некоторое время разглядывал небо, но полицейские катеры над горизонтом не появлялись. Вероятно, они тщетно прочесывали территорию в трехстах или четырехстах милях к востоку или к западу.

Пробравшись через густые заросли вереска, Рэйвен вышел на проселочную дорогу и направился к сельскому дому, который заметил при посадке. Оттуда он по телефону вызвал из ближайшего поселка антиграв. Через час Рэйвен уже находился в штаб-квартире земной разведки.

Карсон, мрачный, как всегда, показал ему на кресло, сложил руки, словно в молитвенном жесте, и мысленно заявил:

— Ну и доставили вы нам хлопот. Из-за вас я за неделю проделал больше работы, чем обычно проворачиваю за месяц.

— А как насчет работы, которую вы задали мне?

— Судя по всему, не так уж тяжко вам пришлось. Вы ушли отсюда с аккуратно завязанным галстуком, задрав нос, и вернулись точно таким же. За это время вы успели досадить нескольким важным персонам и до полусмерти напугать других. Вы нарушили все существующие законы, и теперь мне приходится прикрывать ваши преступления — одному богу ведомо какими способами.

— И вовсе не все законы,— возразил Рэйвен.— До некоторых я пока не добрался. Мне еще предстоит перегнать десяток галлонов самогона где-нибудь в отдаленных холмах. Но хотел бы я знать — вы действительно меня прикрываете? Лунный патруль пустился за мной в погоню, несмотря на то что я был на курьерском корабле.

— На похищенном.— Карсон угрюмо кивнул в сторону толстой пачки бумаг на столе.— Вы совершаете преступления быстрее, чем я пытаюсь их скрыть. Сейчас я как раз пытаюсь замять историю с курьерским кораблем. Но не беспокойтесь. Все это — исключительно мои проблемы. Некоторые, похоже, счи-

тают, что именно за это мне и платят. Так что я найду способ превратить бесстыдную кражу в официально разрешенное заимствование.

Карсон уныло потер подбородок.

— И посмейте только сказать, что при посадке вы разнесли корабль вдребезги. Где вы его оставили?

Рэйвен рассказал.

— Я бы доставил его прямо в космопорт,— добавил он,— но копы пытались сесть мне на хвост. Они гнались за мной так, будто я разыскиваемый преступник. В последнее время за мной и так уже слишком много гоняются. Я сыт этим по горло.

— Я прикажу пилоту забрать корабль и доставить в космопорт.— Карсон отодвинул бумаги.— Сплошные неприятности на мою голову.

— Чтобы добраться сюда с Венеры, нужно время, даже на сверхбыстром курьерском катере,— заметил Рэйвен.— Поэтому я слегка отстал от жизни. Что произошло? Какие неприятности?

— На прошлой неделе,— поведал Карсон,— мы убили двоих, пытавшихся взорвать имеющий важное значение мост. Оба оказались уроженцами Марса. На следующий день взлетела на воздух энергостанция, из-за чего десять городов погрузились в темноту и остановилось производство на площади в сто квадратных миль. В субботу мы обнаружили хитроумное взрывное устройство, заложенное в основание плотины, и едва успели его обезвредить. Если бы оно взорвалось, произошла бы крупная катастрофа.

— Значит...

— С другой стороны,— продолжал Карсон, не обратив внимания на попытку Рэйвена вставить словцо,— ученые сообщают, что взрыв на «Бакстере» почти наверняка был обычным несчастным случаем. Они утверждают, что при определенных, исключительных и непредсказуемых, условиях топливо может стать крайне нестабильным, и заявляют, что уже нашли средство, как такое предотвратить.

— Очень интересно.

Карсон раздраженно отмахнулся.

— Столь авторитетные доклады я получаю крайне редко, и, пока мне не представили соответственный доклад, приходится

считать любой несчастный случай вероятной диверсией. Это постоянная помеха — то, что мы неспособны отличить человеческую ошибку от саботажа. Мы даже не можем избавиться от подозреваемых. У нас под арестом до сих пор восемь подозреваемых, взятых на той подземной свалке. Все они — мутанты с Марса и Венеры. Будь моя воля, я бы их депортировал и запретил возвращаться, но этого я сделать не могу. С точки зрения закона все они — земляне, понимаете?

— Да, это проблема.

Рэйвен подался к Карсону через стол.

— Вы хотите сказать, что война продолжается до сих пор?

— Нет, я бы так не сказал. Она, несомненно, продолжалась до конца минувшей недели, но, похоже, теперь завершилась.

Карсон окинул Рэйвена изучающим взглядом.

— Позавчера Герати сообщил, что наши проблемы закончились. Никаких происшествий с тех пор не было. Не знаю, что вы именно сделали и каким образом, но результат налицо — если Герати говорит правду.

— Вы что-нибудь слышали о человеке по имени Торстерн?

— Слышал.— Карсон беспокойно шевельнулся в кресле.— В течение долгого времени агенты разведки крутились вокруг Уолленкотта, которого считали лидером венерианских мятежников. В конце концов двое агентов доложили, что именно Торстерн — реальный предводитель движения, но найти убедительных доказательств тому не удается. Похоже, Торстерн надежно упакован в несколько слоев легальности, и никто не в состоянии ничего доказать, пока он сам не решит сбросить маску.

— Это все?

— Нет,— нехотя признал Карсон, явно не желая развивать тему.— Герати утверждает, что Торстерн пытался с ним спорить.

— Вот как? Он не говорил, о чем именно? Не сообщал никаких подробностей?

— По словам Герати, он усомнился в том, что Торстерн действительно тот, за кого себя выдает,— а именно человек, способный положить конец венерианской непримиримости. Торстерн в ответ предложил это доказать.

— Как?

— Устранив Уолленкотта — только и всего.

Карсон щелкнул пальцами. Немного помолчал, потом со вздохом продолжил:

— Их разговор состоялся позавчера. Сегодня утром мы получили сообщение с Венеры о том, что Уолленкотт вывалился из антиграва и разбился насмерть.

— Гм! — Рэйвен представил себе удар, почти услышал хруст костей.— Неплохой способ избавиться от преданного слуги, не так ли?

— Лучше не говорить об этом открыто — похоже на пасквиль.

— Я мог бы рассказать еще о парочке любопытных личностей. Например, про члена Мирового Совета Гилчиста. Он из тех, кого без колебаний можно назвать сволочью.

— На каком основании? — насторожился Карсон.

— Он для вас словно ложка дегтя в бочке меда. Торстерн сам об этом сказал, не зная, что предает предателя.

Немного подумав, Рэйвен добавил:

— Не знаю, как выглядит этот Гилчист, но во время беседы с членами Совета я обшарил мозги всех и ничего подозрительного не почувствовал. Как такое могло произойти?

— Гилчиста там не было.

Карсон что-то написал на листке бумаги.

— Четверо членов Совета отсутствовали из-за болезни или неотложных дел. В том числе Гилчист. Он появился спустя несколько минут после того, как вы ушли.

— Его неотложное дело заключалось в том, чтобы поскорее доложить обо мне кому следует,— сообщил Рэйвен.— Как вы собираетесь с ним поступить?

— Никак. Я ничего не могу поделать лишь на основании ваших слов. Я передам информацию Герати, а дальше пусть решает он и Мировой Совет. Одно дело — констатировать факт, другое — его доказать.

— Вероятно, вы правы. Так или иначе, ничего страшного, если в отношении Гилчиста не предпримут никаких действий или даже наградят его золотой медалью за хитрость. Собственно говоря, здесь, на Земле, лишь немногое приводит к по-настоящему важным последствиям.

Рэйвен встал, подошел к двери и остановился, взявшись за ручку.

— Но есть одно обстоятельство, которое может оказаться не таким пустячным, как остальные. Торстерн — обычный человек. Герати тоже. Мы с вами — нет.

— И что? — неуверенно спросил Карсон.

— Есть люди, по натуре своей неспособные не отомстить за поражение. Есть люди, способные спокойно сидеть в кабине антиграва, глядя, как их преданный сторонник летит к земле, навстречу смерти. Есть люди, которых можно всерьез испугать, если правильно взяться за дело. Величайшее проклятие этого мира — страх!

Рэйвен пристально посмотрел на Карсона. Зрачки его расширились, глаза засверкали.

— Знаете, что больше всего пугает людей?

— Смерть,— замогильным голосом проговорил Карсон.

— Не похожие на них люди,— возразил Рэйвен.— Помните об этом — в особенности когда Герати говорит вам лишь немногое и тщательно утаивает остальное!

Карсон не стал спрашивать, что именно Рэйвен имеет в виду. Он давно привык к тому, как защищаются обычные люди, не мутанты. Они беседовали с ним лично, когда им нечего было утаивать, но писали или звонили по телефону, с безопасного расстояния, когда им было что скрывать. И чаще всего им действительно было что скрывать.

Карсон молча сидел, глядя, как за Рэйвеном закрывается дверь. Карсон был мутантом и прекрасно понял предупреждение.

«Герати,— подумал он,— очень любит вести дела по телефону».

Маленький безвкусно обставленный кабинет на четвертом этаже, куда Рэйвен поднялся по обветшалой грязной лестнице, был прибежищем Сэмюэля Глаустрауба, очень посредственного гипнотизера, едва способного загипнотизировать воробья. Среди предков Глаустрауба был мутант, способности которого проявились через несколько поколений в крайне ослабленном

виде. От других предков Сэмюэль унаследовал острый ум и хорошо подвешенный язык, которые ценил намного выше способностей любого мутанта.

Войдя в кабинет, Рэйвен облокотился о короткую конторку, заляпанную чернилами.

— Доброе утро, Сэм,— сказал он.

Глаустрауб бросил на него недовольный взгляд из-под очков в роговой оправе.

— Мы знакомы?

— Вовсе нет.

— О, а мне показалось, что знакомы.

Отложив в сторону документы, которые просматривал, Глаустрауб вышел из-за стола, осторожно оценивая посетителя. В его мозгу подспудно мелькнула недовольная мысль: «Что еще за обращение — "Сэм"? Он что, думает — я его лакей?»

— В такой-то одежде? — Перегнувшись через конторку, Рэйвен окинул взглядом мешковатые штаны хозяина кабинета.

— Телепат, да? — спросил Глаустрауб, показав большие желтые зубы. Потом смущенно разгладил брюки.— Что ж, мне все равно. К счастью, моя совесть чиста.

— Завидую вам. Мало кто может сказать о себе такое.

Глаустрауб нахмурился, уловив в словах посетителя скептицизм.

— Чем могу помочь?

— У вас есть клиент по имени Артур Кейдер?

— Да, его дело должно слушаться завтра.— Глаустрауб грустно покачал головой.— Я стану защищать его, как смогу, но, боюсь, это бесполезно.

— Почему?

— Он обвиняется в том, что публично угрожал человеку смертью, и, поскольку истца на процессе не будет, обвинение вынесет прокурор. Это сильно усложняет дело. Свидетельства, зафиксированные в виде аудио- и видеозаписи, представят в суде, и опротестовать их будет невозможно.

Он посмотрел на Рэйвена, словно извиняясь.

— Вы его друг, я полагаю?

— Насколько мне известно — его заклятый враг.

— Ха-ха! — Живот Глаустрауба затрясся от притворного смеха.— Вы, конечно же, шутите?

— Ошибка, Сэмми. Я тот самый парень, с которого он мечтает снять шкуру.

— Гм?..— Глаустрауб с отвалившейся челюстью поспешил к столу, нервно порылся в груде бумаг и спросил: — Ваше имя Дэвид Рэйвен?

— Верно.

Глаустрауб расстроенно снял очки, беспокойно побарабанил по ним пальцами, снова надел и огляделся, словно пытаясь их найти.

— Они у вас на носу,— сказал Рэйвен.

— Да? — Адвокат прищурился, отчего его лицо приобрело зловещее выражение.— В самом деле. Ну и дурень же я.

Он сел, встал и снова сел.

— Ну-ну, мистер Рэйвен! Свидетель другой стороны!

— Кто сказал, будто я собираюсь свидетельствовать против него?

— Ну, я так полагаю. Судя по всему, вы вернулись как раз вовремя, чтобы появиться в суде на стороне обвинения...

— Предположим, я там не появлюсь — что тогда станет делать обвинение?

— Как обычно. Записанные свидетельства будут признаны достаточными для подтверждения вины.

— Да, но только потому, что мое свидетельство сочтут само собой разумеющимся. А если я скажу: мне было известно, что Кейдер просто шутил?

— Мистер Рэйвен, вы имеете в виду...— Руки Глаустрауба возбужденно задрожали.— Вы и в самом деле думаете, он шутил?

— Если бы, черт побери! Его угрозы были серьезны, вплоть до последнего слова. Он с наслаждением лежал бы на пурпурном шелке, закусывая виноградом и наблюдая, как меня живьем режут на куски.

— Тогда почему... почему...— Адвокат растерянно огляделся по сторонам.

— Я скорее прикончу человека на месте, чем позволю ему годами гнить за решеткой. Не думаю, что Кейдер должен страдать лишь из-за того, что оказался несдержан на язык.

Рэйвен перегнулся через деревянный барьер и ткнул Глаустрауба в бок, отчего тот подпрыгнул на целый фут.

— А вы?

— Кто, я? Конечно, я с вами согласен! Определенно согласен! Вы хотите выступить свидетелем защиты? — неловко спросил Глаустрауб.

— Нет, если существует более простой выход.

— Вы можете дать письменные показания под присягой,— предложил адвокат; в его душе сомнение боролось с подозрением и надеждой.

— Это меня вполне устроит, Сэмюэль. Где мне расписаться?

Глаустрауб схватил шляпу, нахлобучил ее задом наперед, пошарил по столу в поисках очков, обнаружил их у себя на носу и повел посетителя в другой кабинет, двумя этажами ниже, где сидели четверо, страдавшие избыточным весом. С их помощью он составил документ, который Рэйвен внимательно прочитал и подписал.

— Держите, Сэм.

— Весьма благородно с вашей стороны, мистер Рэйвен.

Глаустрауб нежно погладил документ.

Глаза его блестели, он уже представлял себе, как завтра на процессе он, Глаустрауб, поднимется и в наступившей тишине спокойным, уверенным, хорошо поставленным голосом начнет разносить в пух и прах все доводы обвинения. Редкий повод для настоящей драмы. Глаустрауб был безумно счастлив.

— Крайне благородно, я бы сказал. Мой клиент это оценит.

— Не сомневаюсь,— мрачно проговорил Рэйвен.

— Я уверен, вы можете положиться...

Внезапно выражение лица Глаустрауба изменилось, он замолчал. Ему в голову вдруг пришло, что будущая драма может иметь свою цену. И немалую.

— Прошу прощения?

— Я хочу, чтобы ваш клиент это оценил,— объяснил Рэйвен.— Я хочу, чтобы он считал меня кем-то вроде Санта-Клауса, понимаете?

Он ткнул в адвоката пальцем, и тот снова подскочил.

— Когда кучка бездельников отправляется на охоту за чьим-то скальпом, нет ничего лучше небольшой благодарности, чтобы внести смятение в их ряды.

— В самом деле? — Глаустрауб чувствовал, что смысл происходящего от него ускользает.

Он пошарил рукой возле уха.

— На этот раз они у вас в кармане,— сказал Рэйвен и вышел.

Глава 16

Дом выглядел как всегда, мирно и спокойно. Подходя к нему, Рэйвен уже знал, что Лейна дома — точно так же, как и та знала о его приходе. «Ваша женщина» — назвал ее Торстерн, будто речь шла о чем-то предосудительном. Однако в их отношениях, хотя их нельзя было назвать обычными, не было абсолютно ничего аморального. Иные места, иные люди — и нормы приличия тоже совершенно иные.

Остановившись возле ворот, Рэйвен взглянул на свежую воронку в поле рядом с домом — достаточно большую, чтобы поглотить антиграв. Если не считать этой странной детали, дом и окрестности выглядели точно так же, как и тогда, когда Рэйвен отсюда ушел. Он посмотрел на небо, по которому тянулся белый след марсианского торгового корабля, уходящего к звездам — к множеству звезд.

Подойдя к двери, Рэйвен силой мысли открыл замок, так же как Чарльз открывал ворота замка. Дверь распахнулась.

Лейна ждала в гостиной, сложив большие руки на коленях; глаза ее радостно вспыхнули.

— Я немного опоздал.

Рэйвен не произнес никаких теплых слов, даже не поцеловал ее. Чтобы ощутить взаимное тепло, его не требовалось выражать физически. Он никогда не целовал Лейну, и ему никогда не хотелось так поступить, да она и не ожидала поцелуя.

— Я задержался, чтобы уладить дела с Кейдером. До того как я улетел на Венеру, имело смысл поместить его куда-нибудь в надежное место, но теперь в этом нет необходимости. Ситуация изменилась.

— Ситуация никогда не меняется,— заметила женщина.

— Кое-какие мелочи изменились. О крупных вещах я не говорю.

— Они-то как раз важнее всего.

— Ты права, ясноглазая, но я не согласен с тем, на что ты намекаешь, а именно — что мелочи не имеют значения.

Под ее пристальным взглядом Рэйвену захотелось оправдаться.

— Мы не хотим, чтобы они поссорились с денебианами,— но точно так же не хотим, чтобы они уничтожили сами себя.

— Второе будет меньшим из двух зол — достойным сожаления, но не смертельным. Денебиане ничего не узнают.

— Они никогда не станут умнее, чем сейчас.

— Возможно,— уступила она.— Но ты посеял семена запретного знания. Рано или поздно тебе придется их выкорчевывать.

— Женская интуиция, да? — Он улыбнулся, словно озорной мальчишка.— Мэвис считает точно так же.

— Вполне разумно.

— Когда придет время, эти семена можно будет уничтожить, все до единого, ты ведь понимаешь?

— Конечно. Когда ты будешь готов — буду готова и я. Куда пойдешь ты — пойду и я.

В ее немигающем взгляде не чувствовалось ни малейшего страха.

— И все же мне кажется, что твое вмешательство вовсе не требовалось и было крайне рискованным.

— Порой приходится рисковать. Война закончена. Теоретически сейчас человечество может сосредоточить свои усилия на дальнейшем продвижении в космос.

— Почему теоретически?

Лицо Рэйвена стало серьезным.

— Есть небольшая вероятность, что они упустят эту возможность, предпочтя ей новый конфликт.

— Понятно.

Подойдя к окну, повернувшись к Рэйвену спиной, Лейна посмотрела на улицу.

— Дэвид, в таком случае ты вновь станешь настаивать на своем вмешательстве?

— Нет, ни в коем случае. Подобная война будет вестись против подобных нам и тех, кого считают нам подобными. Так что у меня не будет никаких шансов. Меня прихлопнут без всякого предупреждения.

Он подошел к ней и обнял за талию.

— С тобой могут поступить точно так же. Тебя это тревожит?

— Ни в коей мере.

— Так или иначе, этого может и не случиться.

Рэйвен взглянул на окно и внезапно сменил тему.

— Когда собираешься покупать уток?

— Уток?

Он показал на воронку.

— Для пруда, который ты там сооружаешь.

Не дожидаясь ответа, он спросил:

— Что произошло?

— В прошлую пятницу я вернулась из города и, когда собралась открыть дверь, почувствовала, что в замке что-то есть.

— И что же?

— Маленький шарик, вроде голубой бусинки с белой точкой. Я мысленно увидела его расположение — если бы я вставила ключ в замок, ключ надавил бы на белую точку. Поэтому я телепортировала шарик наружу, положила в поле и заставила камешек упасть на белую точку. Рвануло так, что затрясся дом.

— Какой-то микроинженер взялся за рискованную работу,— бесстрастно заметил Рэйвен.— Не говоря уже о телекинетике, поместившем шарик в замок.

Снова проявляя странное бессердечие, он закончил:

— Если бы все сработало, как предполагалось, вряд ли кто-то удивился бы больше тебя, верно?

— Кто-то, возможно, и удивился бы,— поправила она.— Ты!

Ночь была удивительно ясной, в небе сияли манящие яркие звезды. Невооруженным взглядом можно было разглядеть стены кратеров на линии терминатора на три четверти полной Луны. Пространство от горизонта до горизонта напоминало огромный занавес из черного бархата, обильно усыпанный блестками всевозможных цветов. Белые, бело-голубые, бледно-желтые, розовые и нежно-зеленые; некоторые из них светились ровно, некоторые мерцали.

Лежа в кресле с низкой спинкой под стеклянным куполом крыши, Рэйвен созерцал это ни с чем не сравнимое великолепие. Он закрыл глаза и прислушался, потом снова поднял веки. Ря-

дом с ним в таком же кресле сидела Лейна. Это были их глубоко личные, интимные ночи, когда они сидели в креслах под куполом, глядя на небо и внимательно слушая. В доме не было ни спален, ни кроватей. Они в них не нуждались. Только кресла и купол.

Днем они тоже смотрели и слушали, но не так сосредоточенно, делая перерывы, уделяя часть внимания происходящему на этой планете, а не в бесчисленных других мирах. Рэйвен и Лейна слушали и смотрели днем и ночью уже многие годы. Подобная задача могла бы стать невыносимо монотонной, но их было двое, поэтому они не чувствовали себя одинокими. К тому же все, что они видели и слышали, было чрезвычайно разнообразным.

На Земле и далеко за ее пределами всегда что-то происходило, и события никогда не повторялись. Такова была задача вечного наблюдателя, ответственная и крайне необходимая работа. Каждый из них был подобен часовому на полуночной башне, охраняющему спящий город. Часовому, ожидающему, не появится ли из леса за стенами коварный враг,— и каждый часовой был готов в случае необходимости объявить тревогу. Чарльз и Мэвис на Венере, Хорст и Карин на Марсе, и тысячи других — десятки тысяч — всегда стояли на посту, по двое.

Мысленно обращаясь к последней из упомянутых пар, Рэйвен посмотрел на висящую низко над горизонтом розовую звездочку и позвал:

— Хорст! Хорст!

Вскоре пришел ответ, слегка приглушенный покровом земной атмосферы:

— Да, Дэвид?

— Не знаешь, чем там занимаются ваши мятежники?

— В основном спорят друг с другом, Дэвид. Они разбились на несколько групп. Одни хотят продолжать войну против Земли. Другие возмущены так называемым предательством Венеры и хотят нанести удар по ней. Еще одна группа выступает против мутантов. Большинство же недовольны вообще всем на свете и готовы разойтись по домам.

— То есть сейчас у них затяжной период нерешительности?

— Примерно так.

— Спасибо, Хорст. Передай привет Карин.

Он послал еще один мысленный зов.

— Чарльз! Чарльз!

На этот раз ответ пришел быстрее.

— Да, Дэвид?

— Есть новости?

— Торстерн вчера улетел на Землю.

— Не знаешь, с чем это связано?

— Точно не знаю, но могу предположить. Его отлет связан с тем, что он считает выгодным для себя.

— Вполне естественный вывод. Что ж, понаблюдаю за ним, когда он сюда доберется. Если что выяснится — дам знать.

— Хорошо. Слыхал про Уолленкотта?

— Слыхал. Грязная история.

— Еще какая грязная,— согласился Чарльз.— Уолленкотт мог упасть на что-нибудь мягкое, а это означало бы медленную смерть. Так уж вышло, что этого не случилось, но только по чистому везению.

Мысль Чарльза на мгновение оборвалась, потом вернулась снова:

— Здешняя организация, похоже, постепенно разваливается, но потенциал ее сохраняется и все в любой момент может возродиться. Мне очень интересно, что будет дальше.

— И я знаю, почему тебе так интересно.

— Почему?

— Мэвис постоянно твердит, что ты заблуждаешься.

— Верно,— меланхолично согласился Чарльз.— И я знаю, как ты об этом догадался.

— Как?

— Лейна постоянно твердит тебе то же самое.

— Верно,— сказал Рэйвен.— Мы с ней пришли к соглашению никогда друг с другом не соглашаться.

— Мы тоже. Мэвис порой смотрит на меня как на малолетнего преступника. Планета в любом случае под защитой, и я не понимаю, почему женщины так нервничают?

— Потому что, мальчик мой, они рассматривают эти планеты с женской точки зрения — с точки зрения матери. Мы с то-

бой чересчур высоко подбрасываем младенца. Потому они и беспокоятся, глядя на нас.

— Пожалуй, ты прав,— язвительно заметил Чарльз.— Но тебе-то откуда это знать? Сколько младенцев...

— Мне вполне хватает воображения,— перебил Рэйвен.— Пока, Чарльз.

Ответом ему было лишь мысленное ворчание.

Рэйвен посмотрел на Лейну. Она полулежала в кресле с закрытыми глазами, обратив лицо к звездам. Некоторое время Рэйвен с любовью разглядывал ее, не обращая внимания на внешние черты, видимые обычным людям. Лицо ее было не более чем маской, за которой он мог видеть настоящую Лейну. Чаще всего Рэйвен даже не замечал, что у нее есть лицо — чужое лицо,— а видел только сияние, исходившее из ее больших глаз.

Лейна даже не осознавала, что он на нее смотрит. Мысли ее были сейчас заняты совершенно другим: она внимала несмолкающим разговорам во Вселенной.

— Осторожно кружат вокруг Голубого Огня, сжимающегося газового гиганта. Двадцать черных кораблей типа истребитель.

— ...несколько раз, но полное отсутствие взаимопонимания делает невозможным какой-либо контакт с этими Порхающими. Они даже не в состоянии понять, что мы пытаемся с ними общаться, а тем более не понимают, что мы хотим их предупредить. Если появятся враждебные к ним денебиане, нам придется принять соответствующие меры, и...

— Докладываю с Таис. Мне удалось оказаться там, не вызвав подозрений. К счастью, нашелся тот, кто как раз в то время ее покидал. Он быстро сообразил, что к чему, и сказал — да, конечно.

— Раса Гибких обладает удивительным зрением, несмотря на малые размеры. Они отлично нас видят, называют нас Сияющими и готовы нам поклоняться, что весьма нас смущает.

— Мы пролетели мимо Джильдердина, не будучи замеченными, и увидели, что денебиане строят огромный завод по выращиванию кристаллов в его умеренной зоне. Из этого следует, что они обосновались там надолго.

— ...несчастные дикари избрали нас в качестве ежегодной жертвы Двум Солнцам. К несчастью, из всего племени они вы-

брали именно нас двоих. Теперь уже скоро! Пусть кто-то будет наготове, чтобы занять наше место, когда нас не станет.

Последнее сообщение болью отозвалось в душе Рэйвена. «Несчастные дикари». Так можно было назвать жителей любой находившейся под наблюдением планеты, включая и эту,— по той же причине, по какой, с точки зрения взрослых, всех детей можно было назвать несчастными дикарями.

Рэйвен беспокойно шевельнулся и сел. В небе сверкали звезды, но мир вокруг был погружен в глубокую тьму.

В течение последующих трех недель он внимательно следил за мировыми новостями по радио и спектровидению. Событий было немного, но Рэйвен продолжал упрямо ждать, словно зная: что-то обязательно произойдет.

Ничего не сообщалось о каких-либо действиях против Земли — впрочем, это было неудивительно, поскольку о них не говорилось ни слова даже тогда, когда они были в разгаре.

Не сообщалось ничего и о строительстве новых космических кораблей и перспективах дальнейшего освоения космоса. И вновь тому виной была бюрократическая любовь к секретности. Власти всегда настаивали, что новости, представляющие всеобщий интерес, не должны доводиться до всеобщего сведения.

Рэйвен терпеливо проверял не только новости, но и бесконечный поток чепухи, передававшейся под видом развлекательных программ, выбирая вызвавшие интерес фрагменты и тщательно их изучая. Он казался себе стариком, вынужденным часами корчить рожи и трясти погремушкой для забавы кучки агукающих младенцев.

В конце третьей недели по спектровидению начался цветной трехмерный сериал-триллер в четырех частях — очередная история, призванная пощекотать нервы. Главным героем сериала был телепат, долго и пылко заглядывавший в мысли героини — обычной девушки, казавшейся ему чистой, прекрасной и непорочной. В роли злодея выступал низколобый и ограниченный инсектовед с кривой ухмылкой и зловещей привязанностью к ядовитым многоножкам.

То была чистой воды халтура, рассчитанная на то, чтобы занять время тех, кто, не приведи господь, иначе мог бы начать думать. Тем не менее Рэйвен просмотрел весь сериал от начала и до конца, словно неисправимый фанат. Когда наконец зло было побеждено, добродетель восторжествовала среди приглушенных огней и падающих розовых лепестков, а символический сапог раздавил символическую многоножку, Рэйвен вздохнул, по горло сытый просмотренным,— и отправился на встречу с Кейдером.

Человек в сером свитере, открывший Рэйвену дверь, был пешкой и благодаря сломанному носу и рваным ушам напоминал отставного боксера.

— Кейдер дома?

— Не знаю,— солгал человек.— Сейчас посмотрю.

Его глубоко посаженные глазки внимательно оглядели посетителя.

— Как вас представить?

— Дэвид Рэйвен.

Для открывшего это имя ничего не значило. Он зашаркал по коридору, раз за разом повторяя имя, словно опасаясь, что оно ускользнет, если не войти с ним в клинч. Вскоре он вернулся.

— Он говорит, что примет вас.

Полусогнув ноги, опустив руки так, что кулаки болтались на уровне колен, боксер проводил посетителя в заднюю часть дома, хриплым голосом объявил:

— Мистер Рэйвен! — и тяжелой поступью вышел.

Комната была такой же, как раньше,— те же украшения, тот же стол; но все коробочки и шкатулки исчезли. Кейдер поднялся навстречу посетителю, пытаясь решить, стоит протягивать руку или нет, и в конце концов удовольствовался тем, что показал на кресло.

Рэйвен сел, скрестив ноги, и улыбнулся.

— Значит, у Сэмми все получилось. Что ж, хоть раз и для него настал миг торжества.

— Дело было прекращено при условии оплаты судебных издержек. Мне это обошлось в сотню кредитов, но цена не слишком высока.— Кейдер поморщился.— Старый паяц за судейским

столом счел нужным предупредить меня, что даже свидетельство вроде вашего меня не спасет, если я снова злоупотреблю публичными каналами связи.

— Возможно, Сэмми досадил ему, разыграв слишком драматическое представление,— предположил Рэйвен.— В любом случае — все хорошо, что хорошо кончается.

— Да.

Подавшись вперед, Кейдер выжидающе посмотрел на гостя.

— А теперь вы пришли получить свое?

— Вполне разумное предположение, высказанное в довольно грубой форме,— заметил Рэйвен.— Скажем так — я пришел на вас надавить.

Кейдер с обреченным видом выдвинул ящик стола.

— Сколько?

— Что — сколько?

— Денег.

— Денег? — недоверчиво переспросил Рэйвен, страдальчески возведя глаза к потолку.— Он еще говорит о деньгах!

Кейдер с грохотом задвинул ящик.

— Послушайте, я хочу знать — почему вчера вы делали все, чтобы упрятать меня за решетку, а сегодня сами же вытаскиваете меня из передряги?

— Вчера была одна ситуация. Сегодня — совсем другая.

— В самом деле?

— Вчера имел место конфликт, и вы были угрозой, которую следовало устранить в целях безопасности. Сегодня проблемы закончились — или закончатся в ближайшем будущем,— поэтому больше нет необходимости держать вас на цепи.

— Значит, вы знаете, что война прекращена?

— Да. Вы получили в связи с этим какие-то распоряжения?

— Получил,— с некоторой горечью сказал Кейдер.— И мне это не нравится.

Он беспомощно махнул рукой.

— Буду с вами откровенен. У меня нет иного выбора, поскольку вы легко можете читать мои мысли. Меня мало беспокоит этот неожиданный крах, да и поделать тут я все равно ничего не могу. Все наше движение быстро разваливается.

— И это только к лучшему. Вы сражались за самоуправление — если тайную диктатуру одного человека можно назвать самоуправлением.

— Уолленкотт был прирожденным лидером, но ему не хватало духу, чтобы стать диктатором.

— Это ему и не требовалось,— сказал Рэйвен.— Настоящей душой движения был Торстерн.

Кейдер удивленно поднял брови.

— А Торстерн тут при чем?

— Вы его знаете?

— Каждый венерианец его знает. Один из семи богатейших людей планеты.

— Самый богатый,— поправил Рэйвен.— Собственно, он настолько богат, что считает, будто Венера должна стать его личной собственностью. Он владел телом и душой Уолленкотта, но недавно отпустил его на свободу.

— Отпустил на свободу? Вы имеете в виду...

Кейдер выпрямился, задумчиво постукивая пальцами по столу и то и дело хмурясь. Наконец он проворчал:

— Вполне возможно. Я никогда не встречался с Торстерном лично. По общему мнению, он весьма жесткая и амбициозная личность. Если Уолленкотт и мог навлечь на себя чей-то гнев, то, вероятнее всего, Торстерна.

Он снова нахмурился.

— Я никогда не подозревал Торстерна. Он очень хорошо маскировался.

— Да.

— Торстерн, подумать только! — Кейдер уставился на Рэйвена.— Тогда почему он избавился от Уолленкотта?

— Торстерна убедили прекратить то и дело пускать кровь Земле и заняться какой-нибудь более законной деятельностью. Поэтому Уолленкотт, который раньше представлял для него большую ценность, немедленно превратился в обременительную помеху. А от обременительных помех Торстерн умеет избавляться.

— Просто поверить трудно,— возмущенно проговорил Кейдер.— Но похоже, придется. Все сходится.

— Ваши мысли говорят о большем,— заметил Рэйвен.— Они говорят, что действовавшая против Земли организация распалась на отдельные группы, и вы опасаетесь, что некоторые из них могут попытаться снискать расположение властей, донеся на другие группировки. Вы считаете, что тех, кто слишком много знает, самих теперь слишком много.

— Я тоже могу рискнуть, как и остальные,— мрачно сказал Кейдер.— Донос — не обязательно игра в одни ворота. На моей совести меньше жизней, чем у некоторых.

— Гипнотизер по имени Стин — на вашей совести?

— Стин? — Кейдер откинулся на спинку кресла.— Я его и пальцем не трогал. Он пробрался на борт «Звездного духа» через пару дней после того, как вы улетели на «Фантоме».

Кейдер бросил на собеседника многозначительный взгляд.

— Тогда мои мысли были заняты совсем другим, помните?

Рэйвен кивнул без тени сочувствия.

— Помню.

— Так что больше я ничего о нем не слышал.

— Он умер — очень медленной смертью.

— Так же как и Халлер! — с внезапной яростью парировал Кейдер.

— Ошибаетесь. Халлер умер в той или иной степени по собственной воле. Более того — умер быстро.

— Какая разница? Оба они мертвы!

— Разница не в конечном состоянии,— серьезно проговорил Рэйвен,— но в скорости перехода в это состояние. Однажды вы высказали весьма неприятное желание отправить меня на тот свет. Если бы вы прикончили меня с похвальной быстротой — я мог бы умереть с улыбкой на устах.

Он негромко рассмеялся.

— Но если бы процесс оказался неоправданно долгим, я был бы крайне недоволен.

Кейдер вытаращил глаза.

— Столь безумных речей я еще никогда не слышал! — воскликнул он.

— Безумны три планеты, на которых мы живем,— сказал Рэйвен.

— Я знаю, но...

— Кроме того,— продолжал Рэйвен, не обращая на него внимания,— вы еще и половины не слышали. Я ведь пришел сюда не просто поболтать.

— Об этом вы уже говорили. Вы чего-то от меня хотите, причем не денег.

— Я оказал вам услугу. Теперь я хочу, чтобы вы оказали услугу мне.

— Ну вот! — Кейдер уставился на него с нескрываемым подозрением.— Что за услуга?

— Я хочу, чтобы вы убили Торстерна, если в том возникнет необходимость.

— Ах, хотите? Послушайте, вы меня от чего-то спасли, хотя я не знаю, от чего именно. Максимум, что мне грозило,— семь лет тюрьмы, но я мог отделаться и шестью месяцами. Предположим, вы сэкономили полгода моей жизни — по-вашему, это стоит того, чтобы совершить убийство?

— Вы невнимательно меня слушали: *если в том возникнет необходимость.* Если такая необходимость действительно возникнет, это не будет убийством, а лишь приговором без суда.

— И кто будет решать, когда наступит такой миг? — мрачно спросил Кейдер.

— Вы.

— В таком случае я никогда не приду к такому решению.

— Что-то не припомню, чтобы вы были столь же щепетильны несколько недель тому назад.

— С меня хватит. Я намерен продолжать свой торговый бизнес и вести себя примерно, если меня оставят в покое. Более того, хотя власти настаивают на том, что я землянин, я до сих пор считаю себя венерианцем и не собираюсь убивать другого венерианца лишь затем, чтобы выразить признательность какому-то землянину.— Кейдер сунул большие пальцы в карманы жилета, лицо его приобрело непроницаемое выражение.— Я был бы рад оказать вам услугу, но вы просите слишком многого.

— Если бы вы только знали, как мало я, по сути, прошу...

— Слишком многого! — повторил Кейдер.— И скажу вам еще кое-что: если речь идет об убийстве, вы вполне в состоянии

справиться с этим сами. Почему бы вам не выполнить грязную работу самому?

— Хороший вопрос. На то есть две великолепные причины.

— Да?

— Во-первых, я уже привлек к себе слишком много внимания, и мне отнюдь не хочется привлекать лишнее. Во-вторых, если возникнет необходимость устранить Торстерна, первым признаком такой необходимости, скорее всего, будет то, что я покину эту юдоль слез.

— То есть?..

— Меня уже не будет в живых.

— Вы знаете, что у меня на уме,— сказал Кейдер.— Я у вас в долгу, поэтому, если вы умрете, меня это особо не обрадует. Но нет никакого смысла делать вид, будто я стану о вас сожалеть.

— Вы пожалеете! — возразил Рэйвен.

— Не будете ли так любезны сказать — почему?

— Потому что моя смерть может означать, что вы станете следующим.

— Следующим? В каком смысле?

— Следующим в очереди на тот свет.

Кейдер встал и тяжело оперся о стол.

— На что вы намекаете? — резко спросил он.— Кто собирается меня убрать? Зачем? Учитывая, что мы с вами по разные стороны баррикад, почему я должен оказаться в том же списке, что и вы?

Рэйвен махнул рукой.

— С точки зрения широкой публики,— сказал он, дождавшись, пока Кейдер снова сядет,— у нас с вами одна общая черта — ни вы, ни я не являемся обычными людьми.

— И что с того?

— Обычные люди с подозрением относятся к мутантам. Нельзя сказать, что они сильно их любят.

— Я вовсе не жажду любви и привык к такому отношению.— Кейдер небрежно пожал плечами.— Люди видят, что кто-то лучше одарен природой, и завидуют таким личностям.

— И притом инстинктивно их опасаются. Это естественная и неотъемлемая составляющая их защитного механизма. Мас-

совый страх способен на многое, если его должным образом разжечь и направить в нужное русло.

— Я не могу читать чужие мысли,— проговорил Кейдер, угрюмо обдумывая услышанное,— но это не означает, что я дурак. Я понимаю, к чему вы клоните. Вы считаете, что Торстерн может попытаться вернуть себе власть, подняв массы на крестовый поход против мутантов?

— Он вполне на такое способен. Прежде он использовал способности мутантов — в том числе ваши — для того, чтобы проводить в жизнь свои планы. Теперь же, с его точки зрения, те же самые способности помешали ему, не дали одержать победу, даже поставили под угрозу его жизнь. Будучи обычным человеком, он поймет, что сможет добиться власти над себе подобными, только если все они тоже будут обычными людьми.

— Это просто отвлеченные рассуждения,— возразил Кейдер, не в силах скрыть беспокойство.

— Да, и не более того,— согласился Рэйвен.— Возможно, вообще ничего не произойдет. Торстерн может направить свою энергию в совершенно невинное русло — в таком случае не понадобится предпринимать против него никаких мер.

— Если он попытается проделать то, о чем вы говорили, это будет крайне опасной игрой. Мутанты, может, и не столь многочисленны, но, объединившись против общей угрозы...

— Раньше и я так думал,— кивнул Рэйвен.— Но уже давно так не считаю.

— А как же?

— Торстерну пятьдесят восемь лет. В наше время множество людей доживают до ста и остаются здоровыми до девяноста с лишним. Поэтому, если он не станет жертвой несчастного случая или убийства, у него еще все впереди.

— И что же?

— Он может позволить себе выждать, чтобы достичь желаемого результата более простыми средствами.

Кейдер моргнул.

— Может, выразитесь немного яснее?

— Когда-то давно один мудрец заметил,— сообщил Рэйвен,— что самое эффективное — не сражаться с врагом, но заставить его собственные войска сражаться друг с другом.

Кейдер потрясенно уставился на него.

— Попробуйте мыслить иначе,— предложил Рэйвен.— Идите от общего к частному. Не существует стандартных мутантов. «Мутанты» — это собирательный термин, описывающий целый двуногий зоопарк.

Он взглянул на Кейдера, словно желая понять, какой эффект произвели его слова, после чего продолжил:

— И, зная вас, могу побиться об заклад, что вы считаете инсектоведов сливками общества мутантов.

— Такого же мнения придерживаются о себе телепаты,— многозначительно заметил Кейдер.

— Укол в мой адрес, но неважно. Каждая разновидность мутантов считает себя выше прочих. Каждый из них столь же подозрителен и завистлив, как и обычные пешки.

— И что?

— Подобные умонастроения можно использовать. Мутантов одного типа можно натравить на других. Запомните одну вещь, друг мой: выдающиеся паранормальные способности вовсе не означают наличия выдающихся мозгов.

— Я знаю.

— Есть телепаты настолько восприимчивые, что они в состоянии прочесть мысли того, кто находится далеко за горизонтом. Но эти телепаты настолько тупы, что их пониманию недоступны даже самые примитивные из прочитанных мыслей. Мутанты — те же самые люди, со всеми человеческими недостатками. Будучи прирожденным психологом, брат Торстерн вряд ли упустит из виду данный факт.

Кейдер начал осознавать возможные перспективы — и перспективы отнюдь не радужные.

— И с чего, по-вашему, он может начать?

— Он будет действовать методично,— сказал Рэйвен.— Прежде всего заручится тайной поддержкой Герати, Мирового Совета и влиятельных пешек на трех планетах. Следующим его шагом будет сбор и сопоставление всех доступных данных о мутантах и анализ полученных сведений. Затем он сделает вывод, какие два типа обладают наиболее разрушительными способностями и потому наиболее опасны. Одному из этих типов Тор-

стерн назначит роль доброго и преданного рыцаря, а другому — роль дракона, пожирающего младенцев.

— А потом?

— Предположим, он приходит к выводу, что наиболее действенный метод — убедить пироманов уничтожить инсектоведов. Тотчас средства пропаганды на трех планетах начинают упоминать инсектоведов как бы между делом, но обязательно в нелестном контексте. Постепенно к этому типу мутантов возникает подсознательное предубеждение. Их показывают во все более неблагоприятном свете, пока наконец большинство людей — под которыми я подразумеваю как пешек, так и мутантов других типов — не начинает считать инсектоведов неслыханными подонками.

— Черт побери! — проскрежетал Кейдер.

— После этого следуют коварные намеки на то, что инсектоведы ненавидят пироманов за их способность убивать насекомых. Время от времени публике мягко намекают — как хорошо, что на свете есть пироманы, которые могут нас защитить.

— Черт! — побагровел Кейдер.

— В нужный момент — не забывайте, что важнее всего точный расчет,— произносится хорошо разрекламированная официальная речь в защиту инсектоведов, призывающая к единству и терпимости и авторитетно опровергающая абсурдные слухи о том, что некие разумные насекомые якобы планируют захватить три планеты с помощью предателей-инсектоведов. В итоге публика — опять-таки включая мутантов других типов — приходит к выводу, что дыма без огня не бывает.

— Они не поверят во всю эту чушь,— возразил Кейдер, хотя в душе понимал, что подобное вполне возможно.

— Публика поверит во что угодно, в любой бред, если он носит печать официального одобрения, достаточно долго поддерживается, никем не опровергается и играет на людских страхах,— сказал Рэйвен.— Представьте, что все уже основательно взвинчены,— и что последует дальше?

— Что же?

— Некое событие, которое даст толчок цепной реакции.

Рэйвен попытался подобрать подходящий пример.

— В Зубчатых горах «находят» специально положенный там лицом вниз скелет и поднимают вокруг него в сто раз больший шум, чем он того заслуживает. Распространяются инспирированные слухи о том, что ни в чем не повинный пироман погиб от руки убийцы-инсектоведа. Далее следуют другие, столь же воздействующие на эмоции сказки. Некий подстрекатель поднимает толпу — как раз тогда, когда по странному совпадению полиция занята чем-то другим. Новость об этом тотчас распространяется, обрастая по пути подробностями.

Наклонившись, он посмотрел Кейдеру прямо в глаза. Взгляд Рэйвена был холоден как лед.

— Не успеете вы опомниться, как вы и все остальные опознанные инсектоведы будете спасаться бегством от воющей толпы обычных людей, возглавляемой мутантами других типов и пироманами, стремящимися добраться до вас первыми!

— А Торстерн в это время будет сидеть и улыбаться? — предположил Кейдер, показав большие зубы.

— Вы все отлично поняли, друг мой. С помощью напуганного человечества он искоренит последнего инсектоведа, которого удастся найти, и этот тип мутантов вымрет. Затем последует тщательно рассчитанный период мира и спокойствия, прежде чем пропаганда не начнет постепенно обращаться против новых жертв, например микроинженеров.

— Он никогда этого не сделает,— заявил Кейдер.

— Может, не сделает, а может, сделает. Видели последний сериал по спектровидению?

— Нет, не видел. У меня есть способы получше впустую тратить время.

— Вы пропустили нечто крайне важное. В нем участвовали мутанты.

— И что же? Мутанты и раньше были героями сериалов.

— Да, конечно. Так что этот сериал, возможно, и не имеет особого значения. Но он может быть началом тайной кампании, которая завершится, когда в живых не останется ни одного человека со сверхспособностями.

Немного помолчав, Рэйвен добавил:

— Герой был телепатом, а крайне отвратительный злодей — инсектоведом.

— Он никогда этого не сделает! — повторил Кейдер, на этот раз громче. На лбу его пульсировала жилка.— Я убью его раньше!

— Это все, о чем я вас прошу. Я пришел сюда, поскольку вы передо мной в долгу. И еще потому, что недавно вы были боссом целого скопища мутантов и, возможно, сумеете снова их собрать. Вы обладаете смертоносной силой, и у вас хватит ума ею воспользоваться. Не трогайте Торстерна, пусть живет — но постоянно следите за его намерениями. Если увидите, что он снова собирается перессорить человечество...

— Тогда он долго не проживет,— с мрачной решимостью пообещал Кейдер.— И это вовсе не будет оказанной вам услугой. Я стану защищаться! И меня не будут мучить угрызения совести, когда — и если — наступит такой момент. Человек имеет право на самозащиту.

Он окинул Рэйвена расчетливым взглядом.

— Могу лишь предполагать, что вам защищаться потребуется намного раньше, чем мне. Что вы намерены предпринять?

Рэйвен встал.

— Ничего,— сказал он.

— Ничего? — Кейдер удивленно приподнял густые брови.— Почему?

— Возможно, в отличие от вас я не в состоянии действовать разумно, когда дело касается меня самого.— Рэйвен открыл дверь.— А может, мне нравится перспектива стать мучеником.

— Если это ирония, я ее не понимаю. Если же нет — вы наверняка сумасшедший!

Кейдер хмуро смотрел ему вслед.

Глава 17

Развалившись дома в надувном кресле, Рэйвен сказал Лейне:

— Может возникнуть необходимость в новом вмешательстве. Но не со стороны нам подобных. Планам людей будут противостоять люди. Ты рада?

— Я бы радовалась куда больше, если бы ты пришел к этому выводу с самого начала,— слегка раздраженно ответила она.

— Они заслужили право на свой маленький кусочек судьбы, верно? — Рэйвен насмешливо взглянул на Лейну.

Она покорно вздохнула.

— Проблема мужчин в том, что они никогда не взрослеют и остаются безнадежными романтиками.— Большие глаза женщины в упор смотрели на него.— Ты прекрасно знаешь, что эти ничтожные двуногие не имеют права ни на что, кроме защиты от денебиан.

— Будь по-твоему,— сказал Рэйвен.

Продолжать с ней спор не имело смысла — она была полностью права.

— Кроме того,— продолжала Лейна,— пока ты занимался менее важными делами, я сидела и слушала. В районе Веги появились двенадцать черных кораблей.

Рэйвен напрягся.

— Вега! Они никогда еще так не приближались.

— Они могут оказаться еще ближе и в конце концов прилететь сюда. Или отправиться совсем в другую сторону и не появиться в этом секторе космоса в ближайшие десять тысяч лет.

Лейна больше ничего не сказала, но Рэйвен знал, о чем она недоговаривает.

— Не слишком удачное время для глупого риска.

— Тактическая ошибка не имеет значения, если есть возможность скрыть ее и наверстать упущенное,— заметил он.— Думаю, надо пойти узнать новости.

Поднявшись наверх, Рэйвен откинулся на спинку кресла и, распахнув свой разум, попытался выделить из бормотания эфира то, что исходило из района Веги. Это было нелегко — слишком многие говорили одновременно.

— Трехногие прыгуны с Рэмиса сбежали в болота и в страхе отказываются от любого контакта с денебианами. Похоже, денебиане считают планету непригодной для своих целей и готовятся к отбытию.

— ...вмешались в мысли пилотов и направили весь конвой в сторону Зебулама, новой звезды в пятьдесят первом секторе Расщелины. Им до сих пор кажется, что они летят верным курсом.

— Я попросила его об этом. Он отказался столь резко и яростно, что после этого просто не мог дать разрешение. Когда он наконец опомнился, было уже поздно — удачный момент миновал. Так что теперь придется ждать другого. А пока...

— Вельтенстильцы перепугались до смерти, когда из тьмы появился крейсер и захватил их с помощью силовых лучей. Денебианам не потребовалось и одной тысячной единицы времени, чтобы понять, что корабль, который они поймали,— грубая конструкция под управлением относительных дикарей. Они отпустили пленников, не причинив им вреда.

— ...двенадцать кораблей веерным строем продолжают двигаться в сторону Веги, бело-голубой звезды в сто девяносто первом секторе, край Длинной Ветви.

Рэйвен выпрямился и посмотрел на ночное небо. Длинная Ветвь сияла в зените, словно просвечивающая вуаль. Земляне называли ее Млечным Путем. Между Землей и малозначительной точкой во тьме находились тысячи планет, способных отвлечь внимание приближающихся кораблей. Но корабли могли и продолжать двигаться прежним курсом, игнорируя прочие приманки. Предоставленные самим себе, денебиане были непредсказуемы.

Конец, который предвидела Лейна, наступил через три недели. За это время ни по радио, ни по спектровидению ничего не упоминалось о недавней вражде между планетами, во всех передачах не просматривалось никаких зловещих тенденций. Мутанты снова появлялись в разных развлекательных программах, но извечные роли героя, героини и злодея распределялись между ними с полной беспристрастностью.

Двенадцать больших черных кораблей сменили курс и теперь приближались к восьми незаселенным планетам второстепенной двойной звезды. Продвижение к Веге было остановлено — по крайней мере временно.

Светило яркое теплое утреннее солнце. Небо было голубым и чистым, если не считать низких облаков над восточным горизонтом и изгибающегося белого следа, уходящего в стратосферу. «Фантом» снова стартовал к Венере.

Первым признаком того, что за ошибки приходится платить и что прошлое порой весьма неприятным образом нагоняет настоящее, стал четырехместный вертолет, появившийся с запада и приземлившийся возле кратера, в котором уже начали расти разноцветные водоросли. Из вертолета вышел один человек.

Лейна впустила его в дом. Молодой, хорошо сложенный, с энергичным лицом, он был младшим агентом земной разведки, субтелепатом, способным читать чужие мысли, но не экранировать свои. С точки зрения тех, кто его послал, он был идеальным кандидатом для своей особой миссии — с открытым и обезоруживающим взглядом, из тех, с кем сразу устанавливаются доверительные отношения.

— Меня зовут Грант,— представился он.

Его статус диктовал особые условия, и агент говорил вслух, зная, что мысленное общение ставит его в невыгодное положение по сравнению с истинным телепатом.

— Я прибыл сообщить вам, что майор Ломакс из земной разведки хотел бы вас видеть, и чем скорее, тем лучше.

— Это срочно? — спросил Рэйвен.

— Думаю, да, сэр. Он поручил мне доставить вас и эту женщину на нашем вертолете, если вы готовы отправиться в путь немедленно.

— О, так он хочет видеть нас обоих?

— Да, он спрашивал про вас и про эту женщину.

— Вам известно, по какому поводу?

— Боюсь, нет, сэр.— Выражение лица Гранта было совершенно искренним, и его незащищенные мысли подтверждали его слова.

Рэйвен вопросительно взглянул на Лейну.

— На этом все может кончиться. Что скажешь?

— Я готова,— тихо сказала она, посмотрев на посетителя. Глаза ее вспыхнули.

Покраснев, Грант беспокойно переминался с ноги на ногу, страстно желая скрыть неумолимо рвущиеся наружу мысли: «Она смотрит на меня, прямо внутрь меня, прямо туда, где я прячусь. Если бы только она не умела этого делать! Или если бы я мог точно так же заглянуть внутрь нее. Она большая и неуклюжая — но очень красивая».

Лейна улыбнулась, но тактично промолчала, сказав лишь:

— Я возьму пальто и сумочку, Дэвид. Потом мы сможем отправиться.

Когда Лейна появилась снова, они направились к ожидавшей их машине. Вертолет плавно поднялся в воздух и полетел на за-

пад. В течение всего путешествия, длившегося час, никто не произнес ни слова. Грант вел себя чисто по-деловому, управляя машиной и не позволяя своим мыслям выходить из обычного русла.

Лейна смотрела на простиравшийся внизу яркий пейзаж, не сводя от него взгляда, словно видела в первый раз — или в последний. Рэйвен закрыл глаза и настроился на далекий зов, недоступный обычному телепату.

— Дэвид! Дэвид!

— Да, Чарльз?

— Они увозят нас.

— Нас тоже, Чарльз.

Вертолет снизился и начал опускаться к одинокому зданию, стоящему на продуваемой ветрами вересковой пустоши. Приземистое и прочное, оно напоминало заброшенную энергостанцию или склад взрывчатки.

Коснувшись земли, машина пару раз подпрыгнула и села. Грант вышел и неловко помог выйти Лейне. Подойдя к бронированной входной двери, он нажал на кнопку в толстой кирпичной стене. Открылось маленькое окошечко, словно ирисовая диафрагма; за ним оказался глазок сканера.

Окошко закрылось, из-за двери донеслось негромкое гудение механизма, отодвигавшего огромные засовы.

— Похоже на крепость,— невинно заметил Грант.

Дверь распахнулась. Рэйвен и Лейна вошли внутрь, Грант направился к вертолету.

Обернувшись на пороге, Рэйвен сказал Гранту:

— Мне это напоминает крематорий.

Затем бронированная дверь скрыла Рэйвена из виду, засовы снова задвинулись. Грант немного постоял, глядя на дверь, на кирпич, на прочные стены без окон, и содрогнулся.

«Ну и ну! Что за дурацкая мысль!»

Он мрачно поднял вертолет в воздух, отметив, что солнце уже не кажется ему таким теплым, как прежде.

За дверью тянулся длинный коридор.

Отдаленный раскатистый голос велел:

— Идите прямо вперед. Вы найдете меня в комнате в конце коридора. Сожалею, что не смог вас встретить, но знаю, вы меня простите.

Голос был вполне реальным, учтивым и вежливым, но странно безличным и лишенным теплоты. А когда Рэйвен и Лейна увидели говорившего, оказалось, что внешность его вполне под стать голосу.

Сидевший за низким длинным столом майор Ломакс оказался худощавым человеком лет тридцати, со светлыми короткими волосами, с пристальным взглядом голубых, почти немигающих глаз. Самой примечательной его чертой была крайняя бледность: лицо его было белым, почти восковым, слегка перекошенным.

Ломакс показал на двойное надувное кресло, единственное место, где можно было сесть.

— Садитесь, пожалуйста. Спасибо за то, что прибыли так быстро.

Он перевел взгляд с Рэйвена на Лейну и обратно.

— Прошу прощения, что не встретил вас у дверей. У меня проблемы со здоровьем, и мне трудно стоять, не то что ходить.

— Мне очень жаль,— сочувственно сказала Лейна.

Понять его было нелегко. Быстрая проверка показала, что Ломакс — выдающийся телепат с исключительно эффективным мысленным экраном. Он закрывал свой разум так надежно, как только было в человеческих силах. Несмотря на это, Рэйвен и Лейна смогли бы пробиться сквозь защиту, нанеся одновременный неотразимый удар — но, по взаимному согласию, отказались от подобных попыток. Ломакс наверняка почувствовал их первое осторожное касание, но на его бледном напряженном лице ничего не отразилось.

Положив перед собой тонкую стопку отпечатанных на машинке листов, Ломакс продолжал тем же холодным, бесстрастным голосом:

— Не знаю, подозреваете ли вы о цели данной беседы. Не знаю, на какие действия эта беседа может вас подтолкнуть, но, прежде чем мы начнем, хочу сообщить, что мои инструкции полностью записаны здесь.

Он постучал пальцами по бумагам.

— Они были разработаны для меня во всех подробностях, и все, что я должен делать,— беспрекословно им подчиняться.

— Звучит зловеще,— заметил Рэйвен.— Ладно, продолжайте.

Никакой видимой реакции не последовало. Белое как мел лицо осталось неподвижным и бесстрастным, подобно лицу мумии,— словно этот человек отлично играл роль интеллектуального автомата.

Взяв верхний лист, Ломакс пробежал его глазами.

— Прежде всего я должен передать вам личное сообщение от мистера Карсона, главы земной разведки. Когда ему сообщили о намечающейся с вами беседе, он высказал свое крайнее неодобрение, пытался помешать всеми доступными законными средствами, но его требования были отклонены. Он просил передать вам свое искреннее почтение и заверить: независимо от того, что может случиться в этом здании, он всегда будет относиться к вам обоим с величайшим уважением.

— Господи! — сказал Рэйвен.— Это еще хуже.

Ломакс хладнокровно пропустил его слова мимо ушей.

— Беседа будет вестись исключительно вслух. На то есть причина, поскольку разговор записывается для тех, кто организовал нашу встречу.

Отложив верхний лист в сторону, он взял следующий и продолжал, словно робот:

— Вам следует знать, что я был выбран для нынешней задачи в силу редкого сочетания различных качеств. Я член земной разведки и телепат, хорошо умеющий скрывать собственные мысли. И последнее, но не менее важное обстоятельство — физически я полная развалина.

Подняв взгляд, он встретился глазами с Лейной, и впервые на его лице мелькнула тень легкого беспокойства. Как и Грант, как и многие другие, Ломакс испытывал странную тревогу, когда в него заглядывали столь глубоко.

— Не стану утомлять вас подробностями,— поспешно продолжал он.— Если коротко — я попал в катастрофу и был сильно искалечен. Для меня сделали все возможное, но жить мне осталось не так уж долго, ожидание конца становится все болезненнее, и я буду только рад отправиться на тот свет.

Голубые глаза уставились прямо на Рэйвена и Лейну, в них безошибочно читался вызов.

— Хочу, чтобы вы запомнили, поскольку это самое важное: мое психическое состояние таково, что я буду рад умереть. И потому меня невозможно запугать угрозой смерти.

— Нас тоже,— вежливо заверил Рэйвен.

Слова его несколько сбили Ломакса с толку. Он ожидал гнева, возмущения — но не этого. С трудом скрывая удивление, он снова перевел взгляд на бумаги.

— Далее, хоть я и не боюсь гибели, я буду вынужден действовать, если моя жизнь окажется под угрозой. Я прошел специальный курс психоподготовки, в результате которой в моем мозгу была создана особая мыслительная цепь. Она не является частью моего обычного мыслительного процесса и не может быть обнаружена любым другим телепатом. Эта цепь автоматически включается в тот момент, когда мне грозит смерть или потеря свободы личности. Она заставит меня сделать кое-что — не думая, инстинктивно, в результате чего мы трое будем немедленно уничтожены.

— Похоже, за всей этой подготовкой стоит некто, напуганный до смерти,— нахмурившись, заметил Рэйвен.

Не обращая на него внимания, Ломакс решительно продолжал:

— Что именно я сделаю — мне неизвестно и не будет известно до последнего момента. Таким образом, вы ничего не добьетесь, даже если каким-то образом преодолеете мой мысленный экран и попытаетесь найти в моих мыслях то, чего там осознанно не существует. Вы ничего не добьетесь, пытаясь загипнотизировать меня или подчинить себе какими-либо иными сверхъестественными средствами. Напротив, вы потеряете все. Вы погибнете.

Двое в надувном кресле переглянулись, всеми силами демонстрируя ошеломление и ужас. Ломакс играл определенную роль — но и они тоже.

Ситуация выглядела довольно необычно, ей не было аналога в истории человечества, поскольку каждая сторона скрывала от другой свои мысли, каждая сторона имела на руках козырь в виде власти над жизнью и смертью, каждая сторона была уверена в своей победе. И каждая по-своему была права!

Глядя на Ломакса, который старался на нее не смотреть, Лейна раздраженно пожаловалась:

— Мы пришли сюда с добрыми намерениями, полагая, что кому-то, возможно, понадобилась наша помощь. Однако нас

встречают как отъявленных преступников, натворивших бог весть что. Против нас не выдвинуто никаких обвинений, нам отказано в праве на честное правосудие. Что мы такое совершили, раз заслужили подобное к себе отношение?

— В исключительных случаях приходится использовать исключительные методы,— равнодушно заметил Ломакс.— Дело не столько в том, что вы совершили, сколько в том, что вы можете в конечном счете совершить.

— Нельзя ли выражаться понятнее?

— Потерпите немного, я как раз к этому перехожу.

Он снова посмотрел на бумаги.

— Это перечень собранных фактов; его вполне достаточно, чтобы вы поняли, почему вы здесь. Некоторые вопросы, на которые было обращено внимание Мирового Совета...

— Заговорщиком по имени Торстерн? — предположил Рэйвен, представляя себе, как нахмурится Эммануил, услышав в записи его слова.

— ...вынудили провести тщательное расследование, касающееся вашей деятельности, особенно во время вашей недавней операции от имени земной разведки,— упрямо продолжал Ломакс.— Данное расследование в дальнейшем коснулось и этой женщины, с которой вы... живете.

— В ваших устах это звучит отвратительно,— упрекнула Лейна.

— Данные, собранные из многочисленных источников, были объединены в исчерпывающий доклад, после ознакомления с которым председатель Герати принял решение назначить специальную комиссию для изучения всех деталей и выработки соответствующих рекомендаций.

— Кто-то, похоже, считает нас весьма важными персонами.

Рэйвен посмотрел на Лейну, которая ответила ему взглядом: «Я же тебе говорила!»

— Состоящая из двух членов Мирового Совета и десяти ученых комиссия установила на основании свидетельских показаний, что вы обладаете сверхъестественными способностями восьми различных типов — шести известных и двух прежде неизвестных. Иначе говоря, в дополнение к телепатическим способ-

ностям, которых вы никогда не скрывали, вы обладаете также гипнотическими, причем столь мощными, что вам удалось заставить свидетелей приписать вам способности, на самом деле у вас отсутствующие. Либо свидетели не заслуживают доверия, либо они были введены вами в заблуждение. В любом случае результат один: факты говорят о том, что вы — мутант, обладающий многими талантами.

— Это преступление? — спросил Рэйвен, даже не думая возражать.

— У меня нет личной точки зрения на этот счет.— Ломакс наклонился вперед, держась за живот, лицо его побледнело еще больше.— Позвольте продолжить. Если бы показания свидетелей ограничились перечисленным, Мировой Совет вынужден был бы признать, что мультимутанты действительно существуют вопреки так называемым законам природы. Но факты подтверждают также иную теорию, к которой склоняются некоторые члены комиссии, в то время как другие отвергают ее как фантастическую.

Двое в надувном кресле с посмотрели на него с любопытством и некоторым интересом. Но не более того. Никакой тревоги, никакого страха, что от них могут избавиться как от тайных вражеских агентов. Они вжились в роль, которую намеревались играть, столь же безукоризненно, как вжился в свою роль Ломакс.

— Вы имеете право ознакомиться с бесспорными подтверждениями вышесказанного,— продолжал Ломакс, откладывая в сторону очередной лист.— Тщательное изучение вашего прошлого показывает, что вы являетесь достаточно необычными личностями по нынешним стандартам. Собственно, так же тщательно мистер Карсон проследил вашу родословную и пришел к тем же самым выводам.

Ломакс болезненно поморщился и проговорил уже медленнее:

— Однако, учитывая сочетание способностей его предков, Дэвид Рэйвен должен быть всего лишь выдающимся телепатом, способным воспринимать и передавать мысли на огромные расстояния. Вполне возможно — и это не противоречит никаким известным законам,— его мысленная сила делает его первым из

известных телепатов, не подвластных чужому гипнозу. Но не более того. Это предел его наследственных талантов.

Следующую фразу Ломакс особо подчеркнул:

— Он не может обладать собственными гипнотическими или квазигипнотическими способностями, даже будучи мультимутантом, поскольку среди его предков нет ни одного гипнотизера.

— Это может быть...— начала Лейна.

— То же самое относится и к вам,— перебил ее Ломакс.— А также к двум вашим коллегам на Венере, с которыми сейчас проводится точно такая же беседа с теми же мерами предосторожности.

— И им точно так же угрожают? — спросил Рэйвен.

Ломакс не обратил внимания на его слова. Будучи идеально дисциплинированным человеком, он не отвечал ни на какие вопросы, кроме тех, что непосредственно касались его задачи.

— Подтверждение номер два: мы выяснили, что Дэвид Рэйвен умер или находился в состоянии клинической смерти, а затем был реанимирован. Врача, совершившего этот подвиг, в качестве свидетеля уже не вызвать, так как сам он умер три года назад. Если рассматривать эпизод с реанимацией как отдельный случай, в нем нет ничего выдающегося. Подобное порой случается, хотя и редко. Однако событие становится весьма примечательным, если его рассматривать в связи с другими фактами.

Взгляд голубых глаз на мгновение упал на Лейну.

— Например, с тем, что эта женщина однажды отправилась купаться, попала в мощный водоворот и едва не утонула, но была возвращена к жизни с помощью искусственного дыхания. В придачу ваши двое приятелей на Венере тоже в свое время едва избежали гибели.

— То же самое было и с вами,— возразил Рэйвен.— Вы сами об этом сказали. Вам повезло, что вы живы,— если это можно назвать везением!

С трудом не поддавшись искушению признать свое спасение чудесным, но вместе с тем возразить, что такая жизнь не доставляет никакого удовольствия, Ломакс поколебался, потер живот и мрачно продолжал:

— Подтверждение номер три само по себе малозначительно. Мистер Карсон рассказывал вам о некоторых экспериментах с земными космическими кораблями, поэтому не будет вреда, если я добавлю еще кое-что. Он не сообщил вам всего. Короче говоря, наш последний исследовательский корабль ушел в космос намного дальше, чем вы предполагали. После возвращения пилот доложил, что его преследовали неопознанные объекты неизвестного происхождения. Из показаний приборов он мог лишь понять, что объекты эти — металлические, излучающие тепло. Их было четыре, они летели на одной линии, на слишком большом расстоянии, чтобы их можно было разглядеть невооруженным глазом. Однако, когда пилот сменил курс, они сделали то же самое, несомненно, пустившись в погоню. Их скорость и маневренность были намного выше, чем у нашего корабля.

— Тем не менее ему удалось уйти? — скептически улыбнулся Рэйвен.

— Это такая же загадка, как сама погоня,— ответил Ломакс.— Пилот утверждает, что четыре объекта быстро его нагоняли, когда вдруг перед ними появилось несколько странных вспышек, после чего они легли на обратный курс и улетели. Он убежден, что объекты эти были искусственными, и его слова официально подтверждены.

— И какое это имеет отношение к нам?

Глубоко вздохнув, Ломакс торжественно объявил:

— В космосе существует другая жизнь, причем не столь далеко от нас. О внешности, могуществе, технологиях и образе мыслей представителей этих форм жизни можно только догадываться. Они могут быть в достаточной мере гуманоидными для того, чтобы притворяться настоящими людьми, для достоверности используя личности реальных умерших.

Ломакс отложил в сторону лист и взялся за следующий.

— Или же они могут оказаться паразитическими по своей природе, способными захватывать и оживлять тела других существ, прячась под идеальными личинами. Мы не располагаем на этот счет никакими данными, но можем думать, воображать и просчитывать бесчисленные возможности.

— От страха порой снятся дурные сны,— заметил Рэйвен.

— Мне кажется, все это ужасно глупо,— вмешалась Лейна.— Вы что, всерьез считаете нас зомби, которыми управляют разумные паразиты из космоса?

— Я ничего не считаю, уважаемая. Я просто зачитываю бумаги, подготовленные моим руководством, выводы и мотивы которого я не склонен оспаривать. Это моя работа.

— И каковы же выводы?

— Выводы таковы: комиссия доложила председателю Герати, что все вы — пара с Венеры и вы двое — принадлежите к одному и тому же типу. Во-вторых, происхождение этого типа не удается достоверно определить. Вопреки правилу, гласящему, что мутантами наследуется лишь доминантная способность предков, вы вполне можете быть мультимутантами, родившимися естественным путем. В таком случае в так называемые законы генетики необходимо внести изменения. С другой стороны, вы можете оказаться негуманоидной формой жизни, маскирующейся под людей и живущей среди нас, до последнего времени не вызывая никаких подозрений.

— С какой же целью?

Вопрос нисколько не взволновал Ломакса. Проведя рукой по жестким волосам, он устало ответил:

— Цели других форм жизни никому не известны. Мы ничего о них не знаем — пока. Однако мы вполне можем сделать одно допущение.

— Какое же?

— Если бы намерения другой формы жизни были дружественными, она открыто вступила бы в контакт, не пытаясь скрываться.

— То есть, по-вашему, тайный контакт доказывает враждебные намерения?

— Именно!

— Не могу представить ничего более абсурдного,— болезненно сморщилась Лейна,— чем считать людей нелюдью.

— Повторяю еще раз, уважаемая,— с холодной вежливостью проговорил Ломакс,— лично я не строю никаких предположений. Я всего лишь представитель, которому поручено сообщить вам о заключениях экспертов. Они утверждают, что вы — либо

мультимутанты, либо негуманоидные формы жизни, причем последний вариант наиболее вероятен.

— Мне кажется, это просто оскорбительно,— с женской непоследовательностью заявила Лейна.

Ломакс пропустил ее слова мимо ушей.

— Если окажется, что представители иной формы жизни забросили своих разведчиков на три планеты без нашего ведома, можно сделать логический вывод, что они прилетели отнюдь не с мирными целями. Только преступник вползает в дом подобно ядовитому пауку. Честный человек стучится в парадную дверь.

— Вполне разумно,— невозмутимо кивнул Рэйвен.

— Таким образом, если некая форма жизни, достаточно могущественная и разумная, чтобы покорить космос раньше нас, затеяла против нас тайную операцию, это означает, что человечество вскоре столкнется с величайшим кризисом в истории!

Ломакс сделал широкий жест.

— Отсюда и эта исключительная процедура. Захватчики из космоса находятся вне наших законов и не имеют права на защиту.

— Понятно.

Потирая подбородок, Рэйвен задумчиво взглянул на Ломакса.

— И что нам теперь делать?

— Теперь вам придется доказать, что вы — родившиеся естественным путем люди, а не иная форма жизни. Доказательства должны быть неопровержимыми, а свидетельства — бесспорными.

Глава 18

— Черт побери,— в притворном гневе рявкнул Рэйвен,— а вы-то сами можете доказать, что не явились откуда-нибудь с Сириуса?

— Не буду с вами спорить, как и позволять действовать мне на нервы.

Ломакс ткнул большим пальцем в последний лист бумаги.

— Для меня важно лишь то, о чем сказано здесь. Там говорится, что вы должны предоставить неопровержимые доказа-

тельства того, что вы люди, под чем понимается высшая форма жизни родом с Земли.

— Иначе?..

— Земля будет предполагать худшее и предпримет все шаги, чтобы защититься любыми доступными средствами. Сперва она уничтожит всех троих, находящихся в этой комнате, одновременно поступив так же с теми, кто на Венере, и будет готова отразить любую атаку, направленную на нас извне.

— Гм! Всех троих, говорите? Весьма смело с вашей стороны!

— Я уже говорил, почему выбрали именно меня,— напомнил Ломакс.— Я готов на такое в случае необходимости, особенно учитывая, что меня заверили — смерть будет сверхбыстрой и безболезненной.

— Неплохое утешение,— загадочно сказала Лейна.

Ломакс поглядел на нее, потом на Рэйвена.

— Я отправлюсь вместе с вами исключительно затем, чтобы лишить вас последнего возможного пути к бегству. Один из вас не сможет обеспечить себе спасение, завладев моей личностью. Никакая иная форма жизни — если вы таковой окажетесь — не выйдет из этой ловушки под личиной человека по имени Ломакс. Мы вместе останемся в живых или вместе умрем — в зависимости от того, предоставите ли вы доказательства, которых требует мое руководство.

Он самодовольно улыбнулся. Впервые его столь ненавидимое физическое состояние давало ему несокрушимую власть. При данных обстоятельствах его способность с абсолютным спокойствием рассуждать о собственной смерти могла внушить противнику неподдельный ужас.

Если ты лишен страха, который переполняет твоих врагов, конфликт может разрешиться лишь одним образом — поражением трусов. Ломакс, как и стоявшие за ним люди, считал само собой разумеющимся, что любая форма жизни, гуманоидная или негуманоидная, ценит свою жизнь чересчур высоко, чтобы относиться к смерти с присущим ему презрением.

В этом отношении он полностью ошибался — как и те, кто тщательно планировал и готовил операцию. Самым сложным для предполагаемых жертв было скрыть, что Ломакс ошибается.

Главным было не дать этого понять, а передать записывающей аппаратуре серию реакций, явно нормальных с человеческой точки зрения.

— Множество невинных,— с подобающей случаю тревогой заметил Рэйвен,— погибли из-за постоянных предрассудков и панических страхов других. На этой планете всегда хватало охотников на ведьм.

Беспокойно шевельнувшись в кресле, он спросил:

— Сколько у нас времени? Есть какие-то ограничения?

— Не по часам. Или вы выкладываете свои доказательства, или нет,— с усталым безразличием сообщил Ломакс.— Если можете представить доказательства — начинайте незамедлительно. Если нет — одна лишь мысль об этом рано или поздно приведет вас в отчаяние. И тогда вы попытаетесь вырваться. Когда это произойдет, я...

Он не договорил.

— Вы среагируете соответственно?

— Именно!

Опустив локти на стол, Ломакс подпер руками подбородок с видом человека, готового к неизбежному.

— Я весьма терпелив, и вы в полной мере можете пользоваться моим терпением. Но советую вам не тянуть, пытаясь просидеть тут неделю.

— Это похоже на очередную угрозу.

— Это дружеское предупреждение,— поправил Ломакс.— Хотя оснований подозревать пару на Венере куда меньше, чем вас, было решено, что они такие же, как вы. С ними сейчас проводится точно такая же беседа. Все вы стоите друг друга, и вас отпустят или уничтожат всех вместе.

— То есть между Землей и Венерой сейчас установлена связь? — спросил Рэйвен.

— Верно. В экстренной ситуации с Земли или с Венеры будет передан соответствующий сигнал, и результат на обеих планетах будет одинаков. Вот почему мы держим две пары раздельно. Чем больше времени потратит впустую одна, тем больше шансов, что и другой тоже будет вынесен приговор.

— Неплохо организовано,— заключил Рэйвен.

— У вас есть две возможности покинуть этот мир навсегда: от моих рук, если я буду вынужден это сделать, или от рук ваших союзников на Венере.— Ломакс едва заметно улыбнулся.— Вы сейчас находитесь в весьма неблагоприятном положении: утверждаете, что в состоянии договориться с врагами, но только Бог способен спасти вас от друзей.

Глубоко вздохнув, Рэйвен откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, будто сосредоточившись на переплете, в который он попал. То, что Ломакс мог попытаться подслушать его мысли, нисколько не беспокоило Рэйвена. Он был полностью уверен в непроницаемости своего мысленного экрана, за который не мог проникнуть ни один земной телепат.

— Чарльз! Чарльз!

Ответ пришел не сразу — Чарльз был полностью поглощен собственной судьбой, и ему понадобилось время, чтобы отвлечься.

— Да, Дэвид?

— Как сейчас у вас дела?

— Нам рассказывают, как четыре денебианина погнались за землянином, но повернули обратно.— Чарльз мысленно усмехнулся.— Не могу представить, что вынудило их так поступить?

— Вы отстаете от нас на несколько минут. Мы уже близимся к концу. Кто с вами общается?

— Глубокий старик. Вполне здравомыслящий, но уже стоящий одной ногой в могиле.

— Наш помоложе,— сообщил Рэйвен.— Жертва прискорбного случая. Настолько прискорбного, что не будет ничего удивительного, если у него случится серьезный приступ и он не выдержит напряжения. Мы можем сделать так, что для записывающей аппаратуры это будет выглядеть нормально. Печальный, но естественный конец. Думаю, мы вполне сможем воспользоваться его состоянием.

— Что ты предлагаешь?

— Мы скормим микрофонам небольшую житейскую драму — чтобы достоверно изобразить свою невиновность. Потом у него случится приступ, мы среагируем естественным образом, и он тоже среагирует, поскольку не сможет иначе. В результате

ваша проблема будет решена, так как мы совершим фальстарт и не дадим вам шанса сказать хоть слово в свою защиту.

— Сколько еще осталось?

— Несколько минут.

Открыв глаза с видом человека, который нашел отличное и внушающее надежду решение, Рэйвен взволнованно заявил:

— Послушайте, если моя жизнь известна во всех подробностях, то очевидно, что мое тело могло быть похищено только в момент моей смерти и воскрешения.

— Без комментариев,— пожал плечами Ломакс.— Это будут решать другие.

— Они наверняка согласятся,— уверенно сказал Рэйвен.— Теперь, допуская, что некая иная форма жизни может завладеть телом другого существа,— как она может завладеть чем-то столь нематериальным, как его воспоминания?

— Не спрашивайте меня — я не специалист.

Ломакс сделал заметку в блокноте.

— Продолжайте.

— Если я смогу сослаться на детские воспоминания начиная с трех лет,— продолжал Рэйвен, превосходно изображая торжество,— и правдивость большинства этих воспоминаний смогут подтвердить те, кто сейчас жив, что вы тогда скажете?

— Не знаю,— сказал Ломакс.— Это предложение сейчас рассматривается. Сигнал сообщит мне, следует ли вам развивать эту тему.

— Что, если я докажу, что в молодости я сознательно подавлял свои способности, понимая, что я не такой, как все? И докажу, что встреча четырех похожих людей — не более чем следствие тяги к себе подобным?

— Может, этого хватит, а может, нет,— уклончиво заметил Ломакс.— Скоро услышим.

Неожиданно лицо его исказилось, на лбу выступили капли пота. Он взял себя в руки, демонстрируя железную волю.

— Если хотите предложить еще какие-нибудь доказательства — сейчас самое время.

Окинув комнату мысленным взглядом, Рэйвен увидел объектив сканера, провода записывающего устройства глубоко в

стене, крошечную кнопку на полу рядом с правой ногой Ломакса, кабели, ведущие от нее к устройству в подвале. Без труда обследовав устройство, Рэйвен оценил действенность смертоносного луча, который оно должно было выпустить.

Они с Лейной знали обо всем этом с самого начала. Кабели легко можно было отсоединить — силой мысли, не поднимаясь с кресла. Точно так же легко было заклинить кнопку или отключить источник питания. Хотя Ломакс считал иначе, путь наружу был открыт — но, к сожалению, удачное бегство стало бы их полным разоблачением.

Случившееся показало, что наружу выплыло слишком много. Любой ценой следовало отвести от себя подозрения, тщательно наведя противника на ложный след и в то же время полностью ликвидировав источники запретной информации. Теневым фигурам на другом конце провода следовало скормить успокоительные данные, на основании которых были бы сделаны неверные выводы.

Самым главным было соблюсти тайну. Ни одна крупица истины не должна была задержаться в мозгу любого двуногого, не говоря уже о том, чтобы оттуда эту истину извлекли другие. Люди пребывали в блаженном неведении, и так должно было продолжаться — любой ценой. Любая толика знаний могла оказаться крайне опасной. Ее следовало уничтожить навсегда.

Что касается воли, маячившей за бронированной дверью,— это была лишь ничтожная, ограниченная, третьесортная разновидность свободы. Свобода ребенка играть на улице. Свобода младенца мочить подгузники и трясти погремушкой, свобода гусеницы, ползающей в мнимой безопасности под древесным листом.

Рэйвен мимоходом коснулся руки Лейны, став с ней единым целым. За тем, что должно было сейчас произойти, наблюдали сканеры, о которых следовало позаботиться. А потом останутся лишь слепая, идиотская записывающая аппаратура, маленькая кнопка и смертоносный излучатель.

— Наряду с известными мутантами,— сказал Рэйвен, стараясь говорить как можно убедительнее,— существуют и всегда существовали неизвестные их разновидности. Из-за этого факта данные о предках могут оказаться недостаточными или ввести

в заблуждение. Например, если мой дед со стороны матери, будучи абсолютным негодяем, тщательно позаботился о том, чтобы скрыть свои гипнотические способности, которые использовал исключительно в незаконных целях, вполне можно предположить, что...

Он не договорил. Лицо Ломакса снова исказилось, он упал грудью на стол. Прежде чем Ломакс успел прийти в себя, Лейна, как и было условлено, удивленно вскрикнула:

— Дэвид, смотри!

А затем раздался крик Рэйвена:

— Что случилось, Ломакс?

В то же мгновение разум Рэйвена и разум Лейны изо всех сил нанесли удар по мысленному экрану Ломакса. Тот не успел спросить, о чем, черт побери, они говорят, не успел возразить, что случиться могло что угодно, у него не было даже доли секунды, чтобы опомниться. Он услышал восклицание Лейны и удивленный вопрос Рэйвена, а затем последовал яростный удар по его мозгу. Он рухнул лицом вниз. Мгновенно в его голове сработала мысленная цепь, и его нога ударила по потайной кнопке.

В течение нескольких отрывочных мгновений слышался его мысленный вопль: «Я сделал это! Господи, я...»

Затем крик оборвался.

Его окружал абсолютный хаос, обжигающий душу, сводящий с ума. Ломакс не знал, не мог понять, как долго это продолжалось — секунду или вечность. Он не знал, светло сейчас или темно, холодно или тепло, стоит он или лежит, шевелится или неподвижен.

Что произошло, когда он нажал кнопку? Какое новое ужасное устройство было испытано на нем и двух других подопытных кроликах? Куда оно его зашвырнуло — в прошлое, в будущее, в иное измерение? Или, что гораздо хуже, в придачу к изуродованному телу оно наградило его изуродованным разумом?

И вдруг Ломакс понял, что больше не ощущает пульсирующей боли, превращавшей его жизнь в ад в течение последних двух лет. На него нахлынуло ни с чем не сравнимое облегчение, и он начал постепенно приходить в себя — медленно и неуверенно, словно просыпающийся маленький ребенок.

Он как будто плыл среди множества светящихся пузырей, больших и поменьше, которые лениво скользили вокруг, сверкая всеми цветами, а между ними извивались бледные клочья тумана. Он ощущал себя маленькой лодкой без руля в широкой радужной пузырящейся реке.

Боль прошла, прошла без следа, осталось лишь сонное, ленивое покачивание в потоке разноцветных искр, голубых и зеленых, красных и золотых, белых и серебристых; в потоке, уходящем все дальше и дальше — в бесконечность. Ломакс пребывал в состоянии приятной дремоты и готов был плыть так до скончания времен.

Но тут кое-что привлекло его внимание. Среди бледных клочьев тумана и плавающих пузырей как будто бы звучали голоса — множество голосов, которые на самом деле не являлись голосами, но их можно было слышать, ощущать и понимать; и все они говорили на одном языке.

Некоторые быстрые, отрывистые фразы доносились откуда-то издалека. Другие, более медленные, звучали ближе. Казалось странным, что, хотя голоса раздавались прямо в его мозгу, он мог точно определить — хотя и не знал, каким образом,— откуда доносится каждый из голосов и какое в точности расстояние отделяет источники одних голосов от источников других. Несколько раздавались совсем близко, среди клубов тумана, сфер и разноцветных искр.

— Будь рядом с ним!

— Возможно, у него и нет причин мстить, но все равно будь рядом с ним — нам больше не нужны такие опасные срывы, какой случился у Стина.

— Он говорил, что приготовился к этому, поэтому должен быстрее адаптироваться.

— Это всегда нелегко, как бы ты ни был готов.

— Он должен знать, что мы ему не враги.

— Цветок не может ненавидеть свои семена, а птица — свои яйца.

Пока Ломакс размышлял, не является ли все это бредом его изуродованного мозга, к нему начали возвращаться другие ощущения. Он начал осознавать присутствие рядом тех, кого он знал как Рэйвена и Лейну. Они поддерживали его, не прикасаясь к

нему, и плыли вместе с ним среди тумана и пузырей. Они были не такими, как раньше, но он не сомневался в том, что это именно они. Казалось, теперь он может заглянуть прямо к ним внутрь.

Неожиданно с глаз его словно спала пелена. Мириады пузырей улетели прочь, словно унесенные могучим дыханием, и заняли новые положения. Это были солнца и планеты, сверкающие и вращающиеся в бескрайних просторах вечной тьмы.

Новое зрение Ломакса было стереоскопическим, лишенным чувства перспективы, зато теперь он обладал способностью с невероятной точностью оценивать относительные расстояния. Ему достаточно было одного взгляда, чтобы понять, какие пузыри находятся рядом, а какие вдали и насколько далеко каждый из них.

Все еще сопровождаемый Рэйвеном и Лейной, он услышал крик:

— Чарльз! Чарльз!

И донесшийся издалека ответ:

— Иду, Дэвид!

Имена на самом деле были другими, но, не в силах воспринять новые, Ломакс слышал те, что были ему знакомы,— и каким-то образом понимал, к кому они относятся. Этот феномен не вызвал у него никакого любопытства и не заставил задуматься, ибо он был полностью поглощен созерцанием заполненного пузырями космоса, восхищаясь его ни с чем не сравнимой красотой.

Поверхности многих сфер можно было разглядеть до мелочей. На многих из них обитали странные существа — прыгающие, ползающие, порхающие, светящиеся, волнообразные; большинство из них были достаточно примитивны.

Но одна многочисленная форма жизни была высокоразвитой. Эти существа с длинным тонким гибким телом, покрытым темно-серой шкурой, имели хорошо развитый мозг, множество подвижных конечностей и телепатические органы. Их телепатия работала на особой волне, и отдельные индивидуумы могли объединяться в коллективный разум.

Существа эти путешествовали на тонких, похожих на карандаш, угольно-черных космических кораблях, исследуя другие планеты, патрулируя закоулки космоса, составляя карты и от-

правляя доклады на многочисленные базы. Вся их жизнь была непрестанным поиском.

Денебиане!

Они считали себя повелителями всего сущего. Ломакс многое узнал о денебианах, впитывая передаваемые ему неизвестно откуда сведения. Денебиане далеко опережали в развитии прикованных к своим пузырям существ и с большой терпимостью и покровительственной снисходительностью относились к формам жизни, которые считали низшими. Таким созданиям они не причиняли никакого вреда. Но у денебиан был один недостаток — они не могли примириться с возможностью разделить космос с формой жизни, равной им или стоящей выше.

А таковая существовала!

В течение бесчисленных столетий денебиане лихорадочно искали планету или планеты, откуда исходила бы угроза неприемлемой для них конкуренции. Они готовы были уничтожить источник такой конкуренции — если бы удалось его найти. Их черные корабли рыскали среди бесчисленного множества пузырей, беспокоя, но не убивая прыгающих и ползающих существ; иногда корабли наведывались на разбросанные далеко друг от друга сферы, где основали свои колонии маленькие белые червеобразные двуногие.

Ломакса особенно заинтересовал этот последний тип существ. Бедные маленькие извивающиеся гусеницы, строящие, пытающиеся построить или надеющиеся в конце концов построить примитивные, разваливающиеся ракетные корабли, которые никогда не достигнут края Вселенной. Унылые и печальные, восторженные и амбициозные; среди этих созданий попадались даже мелкие диктаторы.

Само собой, среди них должны были появляться и такие, чьи способности оказывались чуть выше, чем у обычных гусениц. Такие существа почитали себя выше других лишь потому, что обладали крошечной долей способностей, являвшихся совершенно обычными, но считавшихся сверхъестественными. Возможно, некоторые из них могли читать мысли других гусениц на жалком расстоянии, ограниченном горизонтом их пузыря. Возможно, некоторые могли загипнотизировать другую гусеницу, вынудив ее подчиниться.

Вне всякого сомнения, в каждой колонии развилась своя культура, своя философия, своя теология. Не в силах постичь бесконечно высшее, некоторые гусеницы могли считать себя созданными по образу и подобию могущественной сверхгусеницы.

Иногда какой-нибудь смельчак выбирался из своего укрытия и украдкой глядел в темноту, чтобы увидеть там большую бабочку со светящимися глазами, летящую в бескрайней ночи. А потом — съеживался от страха, не в силах узнать в ней самого себя!

По мере того как Ломакс получал все новые данные, его переполняло ни с чем не сравнимое желание жить. Гусеницы! Личинки! Он видел Рэйвена и Лейну, Чарльза и Мэвис такими, какими никогда не видел прежде. Они все еще были рядом, наблюдая за ним, помогая ему привыкнуть к новой обстановке.

— Маленькие двуногие гусеницы! — кричал он.— Мы сами! Наши личинки, ожидающие естественного метаморфоза. Если бы денебиане, не догадывающиеся о том, кто такие гусеницы на самом деле, узнали правду от одного проницательного ума в какой-нибудь из колоний, они методично уничтожили бы все колонии до единой. Если одна гусеница узнает слишком много, могут быть истреблены все, от одного края Вселенной до другого.

— Никогда! — заверил его тот, кого он знал как Рэйвена.— Никто из них никогда этого не узнает. В каждом гнезде есть два наблюдателя, живущих в обличье гусениц. Они позаимствовали свои тела с разрешения прежних владельцев — как я получил тело Дэвида Рэйвена с его разрешения. Они — стражи. Они живут парами. Для того чтобы наблюдать, достаточно одного, но чтобы не страдать от одиночества, нужны двое.

— И теперь мы покинули эту планету? Вернее, вы ее покинули?

— Там уже появились двое других.

Сопровождающие Ломакса начали молча углубляться в бескрайнюю бездну, которая была их естественной средой обитания. Денебиане были самой высшей формой жизни из живущих на пузырях, но эти, куда более высшие, не были привязаны ни к чему — с тех пор как закончилось их детское существование в виде гусениц и они превратились в сверхчувствительных, обладающих множеством способностей созданий великого космоса.

«Эти бледные, слабые двуногие,— подумал Ломакс,— как они себя называют? Ах да, "человек разумный". Некоторые из них, чересчур скороспелые, считают себя человеком высшим. По-своему трогательно и достойно сожаления».

Так же инстинктивно, как ребенок переставляет ноги или котенок выпускает когти, он развернул огромное светящееся силовое поле и устремился следом за своими спутниками.

Он чувствовал себя живым, как никогда. Его переполняло страстное ликование.

Ибо он знал, кем стал и кем еще предстоит стать маленьким белым гусеницам.

Человеком всевышним!

Считайте его мертвым

Глава 1

Не сводя немигающего взгляда с шоссе, широкоплечий мужчина с волосатыми руками и густыми бровями вел автомобиль со скоростью шестьдесят миль в час навстречу событиям, о которых пока даже не подозревал.

Было первое апреля тысяча девятьсот восьмидесятого года. «День дурака»,— криво усмехнувшись, подумал он.

В Лос-Анджелесе, Чикаго и Нью-Йорке построили по два-три самодвижущихся шоссе, на Луне появилось шесть станций под герметичными куполами. Но если не считать заднего расположения двигателя и топлива на спирту, нынешние автомобили мало чем отличались от тех, что были в ходу тридцать лет тому назад. Вертолеты оставались не по карману рядовым гражданам. Налогоплательщики по-прежнему месяц за месяцем отдавали последнее — и с тоской размышляли об этом в День дурака.

Последние десять лет шли разговоры о массовом производстве вертолетов по две тысячи долларов за штуку... Но разговоры так и оставались разговорами. Может, оно и к лучшему, учитывая количество возможных жертв, если бы в воздух поднялись сотни пьяных, придурков и лихачей.

И все десятилетие ученые предсказывали, что в ближайшие пять лет состоится высадка на Марсе. Из этого тоже ничего не вышло. Порой сидящий за рулем автомобиля человек сомневался, что такое вообще когда-нибудь удастся. Как минимум шестьдесят миллионов миль — громадное расстояние для летящей в пустоте штуковины.

Его мысли прервал незнакомый голос, внезапно прозвучавший в его мозгу: «Больно! О господи, как... больно!»

© Перевод К. Плешкова.

Дорога была широкой и прямой; по обеим сторонам густо рос лес. Единственной другой машиной в поле зрения была огромная автоцистерна, поднимавшаяся по пологому склону двумя милями впереди. В зеркале заднего вида вообще никого не было видно. Но несмотря на это, водитель нисколько не удивился.

«Больно! — повторил голос, быстро слабея.— Не дали мне ни единого шанса. Сволочи!»

Сбросив скорость до двадцати миль в час, водитель быстро развернулся, доехал до изрезанной колеями проселочной дороги, ведущей в лес, и свернул на нее: он отлично знал, что голос доносится именно с той стороны.

Первые пятьсот ярдов дорога дважды круто сворачивала, сначала вправо, потом влево. За вторым поворотом стояла машина, полностью перегораживая путь. Водитель резко затормозил и съехал на поросшую травой обочину, чтобы избежать столкновения.

Он вышел из автомобиля, оставив дверцу открытой, и окинул внимательным взглядом чужую машину. Застыв, широкоплечий человек прислушивался — скорее разумом, чем ушами.

«Бетти...— прошептал странный голос.— Трое парней и боль в животе. Темнота. Не могу встать. Надо сообщить Форсту. Где ты, Форст?»

Повернувшись, человек тяжело побежал вдоль обочины, спустился в неглубокий кювет и обнаружил там лежащего мужчину. Бросил на него быстрый взгляд, поспешно вернулся на дорогу, отыскал в бардачке своей машины фляжку и вернулся к раненому.

Приподняв голову лежащего, он влил меж бледных губ тонкую струйку спиртного — молча, без ободряющих слов, без вопросов. Поддерживая рукой голову умирающего, он лишь пытался не дать угаснуть еле тлеющей искорке жизни. И слушал — но не ушами.

«Высокий блондин,— путанно подумал раненый; его мысленный голос звучал словно издалека.— Стрелял в меня... другие вышли... оттащили меня с дороги. Бетти, я...»

Поток мыслей прервался.

Широкоплечий мужчина бросил фляжку, осторожно опустил голову человека и внимательно на него посмотрел — вне всякого сомнения, мертв. К форменному кителю убитого был прикреплен жетон с номером.

Оставив тело в кювете, мужчина подошел к чужому автомобилю, сел в кресло водителя, нашел микрофон и стал неуверенно возиться с переключателями. Он не был уверен, как работает эта штука, но был полон решимости это выяснить.

— Алло! — крикнул он, поворачивая ручку, которая смахивала на нужную.— Алло!

Немедленно кто-то отозвался:

— Полиция штата. Сержант Форст слушает.

— Меня зовут Уэйд Харпер. Вы меня слышите?

— Полиция,— слегка раздраженно повторил голос.— Форст слушает.

Судя по всему, его не слышали. Харпер попробовал еще раз, повернув другой переключатель.

— Алло! Вы меня слышите?

— Да. Что случилось?

— Я на связи из машины номер семнадцать. Один из ваших офицеров лежит мертвый рядом, в кювете.

Харпер назвал номер, который видел на жетоне.

Послышался судорожный вздох, затем:

— Это Боб Элдерсон. Где вы сейчас?

Харпер подробно описал, где находится, добавив:

— В него стреляли дважды, один раз в живот и один в шею. Видимо, это произошло недавно, поскольку он был еще жив, когда я его нашел. Он умер у меня на руках.

— Он что-нибудь сказал?

— Да — это сделал высокий блондин. С блондином были другие, но умирающий не сказал, сколько их было и как они выглядели.

— Напавшие на него ехали в машине?

— Этого он не сказал, но наверняка так и было.

— Оставайтесь на месте, мистер Харпер. Сейчас прибудем.

Послышался резкий щелчок, и в разговор включился другой человек:

— Машина номер девять, Ли и Бейтс. Мы все слышали, сержант, и едем туда. Мы в двух милях от места происшествия.

Положив микрофон на место, Харпер вернулся к краю кювета и мрачно посмотрел на тело. На женщину по имени Бетти этой ночью обрушится большое горе.

Через несколько минут со стороны шоссе послышался визг больших шин, и на проселочную дорогу свернула машина. Харпер выбежал за поворот, размахивая рукой, чтобы она не налетела на препятствие. Из машины выбрались двое полицейских; у них был вид людей, которые кому-то крупно задолжали и намереваются заплатить сполна и с процентами.

Они спустились в кювет, потом снова поднялись на дорогу.

— Да, он и вправду мертв. Какой-то сукин сын очень об этом пожалеет.

— Надеюсь,— сказал Харпер.

Полицейский, который был повыше, окинул его любопытным взглядом.

— Как вы его тут отыскали?

Харпер был готов к такому вопросу. Он с детства учился искусству маскировки и уже в возрасте девяти лет узнал, что не всякие навыки достойны восхищения и что способы, с помощью которых добываются знания, порой могут внушать ужас.

— Просто захотел отлить. И обнаружил машину, стоящую поперек дороги. Сперва я подумал, что кому-то в голову пришла та же идея, что и мне, а потом услышал из кювета стон.

— Пятьсот ярдов — чертовски далеко для такого дела,— заметил высокий полицейский с проницательным взглядом.— Хватило бы и пятидесяти, не так ли?

— Возможно.

— И как далеко бы вы заехали, если бы дорога не оказалась перекрыта?

— Не могу сказать.— Харпер с безразличным видом пожал плечами.— В таких случаях просто ищешь подходящее место, где и останавливаешься, разве не так?

— Не знаю,— сказал полицейский.

— Должны знать,— ответил Харпер.— Если, конечно, вы не уникальны с физиологической точки зрения.

— Что вы имеете в виду? — неожиданно нахмурившись, спросил полицейский.

— Хватит, Берт,— вмешался второй.— Сейчас здесь будет Ледсом. Пусть он и разбирается. В конце концов, ему за это платят.

Берт что-то проворчал и замолк. Двое начали шарить вокруг в поисках улик и вскоре обнаружили свежие следы шин на мягком участке дороги в двадцати ярдах дальше. Потом нашли в траве гильзу. Они все еще внимательно разглядывали ее, когда прибыли еще три полицейские машины.

Человек с чемоданчиком спустился в кювет, вскоре вернулся и устало сказал:

— Две пули примерно тридцать второго калибра. Любая рана могла оказаться смертельной. Следы ожогов отсутствуют. Стреляли с нескольких ярдов. Пуль в теле нет.

Другой, с нашивками капитана, обратился к двум ближайшим полицейским:

— Приехала «скорая» — несите его туда.

Другим велел:

— Ищите эти пули, ребята. Мы обязательно должны их найти.

Потом капитан повернулся к Ли и Бейтсу:

— Накройте следы досками, мы сделаем отливки. Попробуйте отыскать вторую гильзу. Поищите заодно и пистолет — преступник мог его выбросить. Капитан Ледсом,— подойдя к Харперу, представился он.— Вы хорошо придумали — воспользовались рацией Элдерсона, чтобы с нами связаться.

— Мне самому это показалось разумным.

— Люди далеко не всегда поступают разумно, особенно если не хотят ни во что ввязываться.

Ледсом окинул Харпера холодным властным взглядом.

— Как вы нашли Элдерсона?

— Заехал сюда, повинуясь «зову природы». И наткнулся на него.

— Далековато, вам не кажется?

— Ну, вы же знаете, как это бывает. На такой узкой дороге обычно ищешь подходящее место, где можно развернуться, чтобы поехать назад.

— Да, наверное. Парковаться на повороте вы тоже вряд ли бы стали.

Капитана как будто вполне удовлетворило объяснение, но Харпер ясно видел, что Ледсом подозревает каждого в радиусе пятидесяти миль.

— Что в точности сказал Элдерсон перед смертью?

— Он что-то пробормотал насчет Бетти и...

— Его жена,— хмуро перебил Ледсом.— Не представляю, как я ей обо всем скажу.

— Он упомянул некоего высокого блондина, который в него стрелял. И что были еще другие, которые сбросили его в кювет. К несчастью, больше никаких подробностей он не сообщил. Он был при последнем издыхании, мысли его путались.

— Очень жаль.

Ледсом перевел взгляд на приближающегося полицейского.

— Ну?

— Кэп, судя по отпечаткам шин, Элдерсон ехал следом за свернувшей сюда машиной. Машина остановилась у обочины, Элдерсон рядом с ней, но поперек дороги. Он вышел, подошел к той машине, и в него выстрелили. По крайней мере двое человек подняли его и сбросили в кювет.

Полицейский протянул руку.

— Вот вторая гильза. Она лежала прямо там.

— Автоматический пистолет тридцать второго калибра,— сказал Ледсом, разглядывая маленький латунный цилиндрик.— Никаких признаков того, что машину Элдерсона сдвинули с дороги, а потом поставили обратно?

— Нет.

— Значит, они поехали прямо. Назад они вернуться не могли, поскольку машина перегораживала путь.

Капитан задумчиво потер подбородок.

— Эта дорога крутит семнадцать миль через лес, потом делает петлю и снова выходит на шоссе десятью милями дальше. Так что сейчас они или снова выехали на трассу, или прячутся где-то в лесу.

— Чтобы сделать семнадцать миль по такой дороге, надо затратить минимум двадцать минут,— предположил Харпер.— Даже если они гонят как сумасшедшие, они не могли далеко уйти.

— Да, знаю. Свяжусь с ребятами, чтобы выставили посты на шоссе. Эту дорогу тоже обшарим. По ней почти никто не ездит, кроме лесорубов. Если дорога хорошо знакома ублюдкам, они вполне могут работать или раньше работали на лесозаготовках. После проверим.

Вернувшись в свою машину, Ледсом поговорил по рации.

— Вопрос решен,— выйдя, заявил он.— В ближайшее время выставят посты. Сюда едет местный шериф с четырьмя помощниками.

Он обвел лес мрачным взглядом.

— Даже хорошо, что они сюда едут. Беглецы могли бросить машину и уйти пешком, и в таком случае нам потребуется целая армия.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросил Харпер.

Ледсом в третий раз окинул его внимательным взглядом, размышляя: «Сумасшедший простофиля может решить, что, сунув голову в пасть льва, он однозначно докажет свою невиновность. Мне бы хотелось побольше узнать об этом парне. Пока его рассказ ничем не подтверждается».

— Ну? — поторопил Харпер.

— Если мы найдем орудие убийства, это может навести нас на след,— задумчиво проговорил Ледсом.— И тут нельзя упустить ни единого шанса, даже самого крошечного.

Он уставился прямо на Харпера; в голосе капитана зазвучали властные нотки:

— Поэтому нам придется обыскать вас и вашу машину.

— Само собой,— с полнейшим безразличием ответил Харпер.

«Неверный диагноз,— подумал Ледсом.— Он чист. Но все равно обыщем».

Они обшарили всю машину, ощупали Харпера и извлекли из его правого кармана крошечный вороненый пистолет. Ледсом торопливо схватил оружие, выщелкнул магазин из рукоятки, рассмотрел и удивленно поднял брови.

— Господи! Что это за штуковина? Двадцать патронов в обойме, пули размером со спичечную головку. Где вы его взяли?

— Сам сделал. На расстоянии до пятидесяти ярдов — весьма действенно.

— Могу себе представить. Разрешение имеется?

— Да.— Харпер протянул ему документ.

Ледсом взглянул на бумагу и удивился еще больше.

— Вы агент ФБР?

— Нет, капитан. ФБР выдало мне разрешение, руководствуясь своими причинами. Если хотите узнать подробности, вам придется расспросить их.

— Это не мое дело,— с легким замешательством ответил Ледсом, возвращая разрешение и пистолет.— В любом случае ваша игрушка — не то оружие, которое нам нужно. Вы не видели, не слышали ничего подозрительного до или после того, как нашли Элдерсона?

— Ничего.

— Шума уезжающей машины, например?

— Вообще ничего.

— Не слышали выстрелов до того, как здесь оказались?

— Нет.

— Уфф! — недовольно выдохнул Ледсом.— Значит, у них по крайней мере две или три минуты форы. Вы — важный свидетель, и нам нужны ваши письменные показания. Прошу прощения, что приходится отнимать у вас время, но...

— Буду только рад помочь,— сказал Харпер.

Ледсом отправил две группы прочесывать лесную дорогу, а сам поехал в сторону полицейского участка, показывая путь следовавшему за ним Харперу. Оказавшись у себя в кабинете, капитан тяжело опустился за стол и глубоко вздохнул.

— Грязное дело. Мне еще предстоит рассказать обо всем его жене. Они не так давно женаты, и одному богу известно, как она это воспримет.

С новым вздохом Ледсом достал из ящика официальный бланк.

— Придется самому заниматься канцелярской работой, поскольку все ребята заняты. У вас есть визитка, мистер Харпер?

Харпер подвинул ему визитку, на которой значилось: «Уэйд Харпер — микроинженер».

— Микроинженер? — моргнул Ледсом.— Это еще что за зверь?

— Я делаю хирургические инструменты и манипуляторы, настолько крошечные, что с их помощью можно прооперировать бациллу.

— Только этого не хватало! Да человеческий глаз просто не сможет с ними работать!

— Сможет — с помощью мощного микроскопа.

— Каждый год придумывают что-нибудь новенькое,— удивленно проговорил Ледсом.— За всем не угонишься.

— В этом нет ничего нового,— заверил Харпер.— Все началось в тысяча восемьсот девяносто девятом году, с голландца доктора Схоутена. С тех пор единственное существенное усовершенствование в данной технологии связано с появлением ручного пневматического микроманипулятора де Фонбрюна. Разновидности этого манипулятора я тоже делаю.

— Вы наверняка чертовски занятой человек,— заметил Ледсом, размышляя, кому может понадобиться оперировать микробов.

— Справляюсь. Во всем мире не больше двух десятков опытных микроинженеров. Спрос едва поспевает за предложением.

— Значит, ФБР считает, что не может вас потерять?

— Это всего лишь ваши предположения,— сказал Харпер.

— Может, ваш бизнес как-то связан с бактериологическим оружием?

— И это только ваши предположения.

— Ладно, не буду совать нос в чужие дела.

Взяв официальный бланк, капитан вписал туда имя свидетеля, его адрес и профессию, под диктовку подробно изложил случившееся и подвинул листок Харперу, чтобы тот прочитал и подписал.

Стоило Харперу уйти, как Ледсом схватил телефонную трубку и набрал междугородный номер. Он уже заканчивал разговор, когда в кабинет вошел сержант Форст и с любопытством посмотрел на капитана.

— Что-то не так, кэп?

— То, что наговорил мне этот Харпер, может сделать честь лучшему в мире жулику. Поэтому я позвонил в его родной город, чтобы выяснить, есть ли у них какие-нибудь сведения о нем.

— И что же?

— Оказалось, есть.

— Черт побери! — Форст бросил на стол несколько книг и направился к двери.— Сообщу, чтобы его задержали.

— Нет,— задумчиво проговорил Ледсом.— Копы его родного города передают ему горячий привет. Он помог им раскрыть несколько весьма сложных дел, а в придачу пристрелил троих преступников.

— Он что, частный детектив?

— Ничего подобного. Они говорят — Харпер то и дело натыкается на то, что безуспешно ищут все остальные. Они говорят, что такое случалось уже не раз, как ни поразительно.

Капитан попытался выработать подходящую версию, и в конце концов ему это удалось.

— Возможно, ему просто везет, и везение стало его хобби,— заключил он.

Если бы предмет этого разговора находился в радиусе полумили от них, он наверняка услышал бы замечание капитана и улыбнулся.

Катя на большой скорости по шоссе, Харпер без каких-либо приключений преодолел один за другим три полицейских поста.

Все это время он лихорадочно размышлял. Если, рассуждал он, преследуемая машина свернула на боковую дорогу, то с вероятностью как минимум пятьдесят к одному водитель выбрал поворот на своей стороне дороги, а не на противоположной. Подобный выбор был бы вполне естественным, инстинктивным.

Поскольку лесная дорога, описывавшая петлю, находилась теперь где-то впереди и по другую сторону шоссе, вполне вероятно, что Элдерсон и преследуемая машина как раз по той стороне и ехали.

Харпер посмотрел на часы. Двадцать минут седьмого. Элдерсона он нашел в десять минут пятого, чуть больше двух часов назад. Убийцы могли находиться больше чем в сотне миль отсюда, если ехали не останавливаясь. Полиция, скорее всего, выставила посты и дальше. Возможно, была объявлена тревога по всем восьми соседним штатам.

Впрочем, что толку от подобных мер? Нет ни подробного описания беглецов, ни каких-либо сведений об их машине. «Высокий блондин» — слишком скудная информация, чтобы можно было на нее опереться. Единственный шанс быстро поймать

беглецов оставался лишь в том случае, если они воспользовались угнанной машиной и какой-нибудь сообразительный офицер опознает ее по номерам.

Проехав еще несколько миль, Харпер увидел станцию техобслуживания на дальней стороне дороги — той самой стороне, по которой, по его теории, двигались Элдерсон и его убийцы. Развернувшись, Харпер остановился возле заправки, и к нему подошли двое служащих.

— Ребята, вы были на работе около четырех?

Оба кивнули.

— Не видели патрульную машину, которую вел полицейский по фамилии Элдерсон? Машина номер семнадцать.

— Я знаю Боба Элдерсона,— ответил один из служащих.— Он проезжал тут пару раз сегодня утром.

— Случайно, не между тремя и четырьмя?

— Нет.— Парень немного подумал.— Если он и был тут в это время, я его просто не видел.

— Я тоже,— сказал второй.

Их мысли подтверждали, что они говорят правду. Харпер знал это совершенно точно — им даже незачем было открывать рот.

— Тут есть еще кто-нибудь, кто мог бы видеть его в это время?

— Только Саттертуэйт. Хотите, спрошу его?

— Буду крайне признателен.

Служащий скрылся за зданием заправки. Неважно — Харпер прекрасно слышал мысли, хотя голоса до него и не доносились.

«Эй, Сатти, тут один тип спрашивает, не видел ли ты Боба Элдерсона два или три часа назад?»

«Нет, не видел».

Служащий вернулся.

— Не повезло. Сатти его не видел.

— Может, видел кто-нибудь из тех, кто сейчас не на работе?

— Нет, мистер.

Парень с любопытством посмотрел на Харпера.

— Хотите, я скажу Бобу, что вы его искали, если он вдруг появится?

— Он больше не появится — никогда,— сказал Харпер.

— В смысле?

— Какая-то сволочь стреляла в него около четырех. Он мертв.

— Ну и ну! — побледнев, пробормотал служащий.

— Рано или поздно здесь появится полиция, которая будет задавать те же вопросы.— Харпер окинул взглядом дорогу.— Не знаете, где мог останавливаться Элдерсон во время патрулирования?

— Он часто пил кофе в «Стар-кафе».

— Где это?

— Через четыре мили, у перекрестка.

— Спасибо.

Харпер сел за руль и нажал на газ. Двумя милями дальше, на полпути к кафе, ему встретилась еще одна заправочная станция, на этот раз на той обочине дороги, вдоль которой двигался он сам. Остановившись, Харпер повторил свои вопросы.

— Конечно, я его видел,— сказал немногословный парень с волосами песочного цвета.— Точного времени не заметил, но примерно часа три назад.

— Элдерсон за кем-то гнался?

Парень задумался.

— Да, теперь мне кажется, так и было.

— А что именно происходило?

— Мимо на большой скорости пронесся низкий зеленый «тандербаг», на расстоянии полумили за ним проехал Элдерсон — и тоже явно зря времени не терял.

— Но вы не уверены, что он преследовал «тандербаг»?

— Тогда мне так не показалось: по дороге многие быстро ездят. Но теперь мне сдается, что он вполне мог гнаться за той машиной.

— Вы не заметили, кто в ней был?

— Не могу сказать.

— Кто-нибудь еще видел это? С вами тогда кто-нибудь был?

— Нет.

Харпер поблагодарил и поехал дальше.

Пока он выяснил лишь одно: существует некий зеленый «тандербаг». Поздравлять себя он не стал — чтобы получить эти данные, особого ума не требовалось. Полиция наверняка раскопает то же самое еще до наступления ночи. Харпер опережал полицейских на шаг только потому, что сосредоточился на одном кон-

кретном следе, в то время как им приходилось иметь дело с сотней ведущих в разные стороны нитей. Харпер весьма уважал полицию.

В «Стар-кафе» бойкая официантка сообщила, что Элдерсон поел у них и ушел около половины второго. Да, с ним никого больше не было. Нет, он не проявлял особого интереса к другим посетителям и ушел один. Нет, она не видела высокого блондина в зеленом «тандербаге».

Она не заметила, в какую сторону уехала полицейская машина номер семнадцать, но вышла, пообещав спросить у других девушек. Вернувшись, официантка сказала, что девушка по имени Дороти видела, как Элдерсон свернул с перекрестка налево.

Харпер поехал в указанном направлении, вдавив педаль газа до упора. Через пятнадцать минут он нашел владельца ресторана, заметившего, как около трех часов дня мимо промчалась полицейская машина номер семнадцать. Свидетель утверждал, что его привлек к окну шум мчащегося на бешеной скорости автомобиля. Тот автомобиль пронесся мимо, прежде чем владелец ресторана его разглядел, зато он успел увидеть мчащегося следом Элдерсона. Да, тогда он подумал, что Элдерсон за кем-то гонится, вероятно за каким-нибудь придурком-лихачом.

Еще через семь миль Харперу снова повезло, на очередной заправке. Вышедший навстречу ему старик сообщил крайне полезные сведения.

— Вскоре после трех на заправке затормозил «тандербаг», чтобы залить в бак десять галлонов. В машине были трое парней и девушка. Девушка сидела сзади, вместе с одним из парней, и то и дело бросала в мою сторону странные призывные взгляды, пока я стоял рядом со шлангом в руках. Мне пришла в голову мысль, что она хочет закричать, но не осмеливается. Все это мне показалось весьма подозрительным.

— И что вы сделали?

— Тогда — ничего. Я был один, и я уже не так молод. Трое парней могли запросто вышибить мне мозги.

— А что было потом?

— Они расплатились и уехали, так и не поняв, что заставили меня поволноваться. Я вел себя совершенно естественно, по-

скольку не хотел лишних неприятностей. Но как только они набрали скорость, я вышел на дорогу, чтобы взглянуть на номера.

— Вы заметили номер? — спросил Харпер, надеясь вытащить туз из колоды.

— Нет, чуть-чуть опоздал. Я был без очков, и цифры слишком расплылись.

Заправщик нахмурился, сожалея об упущенной возможности.

— Пару минут спустя не спеша проехала патрульная машина. Я остановил ее и рассказал полицейскому про ту девушку. Он сказал, что разберется, и на полной скорости помчался за «тандербагом».

В слезящихся глазах старика вспыхнула надежда.

— Ему удалось что-нибудь найти?

— Да — собственную смерть. Они выстрелили ему в шею и в живот. Он протянул недолго.

— О господи! — Старик потрясенно сглотнул и с трудом проговорил: — И я отправил его за ними...

— В случившемся нет вашей вины, отец. При данных обстоятельствах вы сделали все, что могли.

Харпер подождал, пока старик придет в себя, потом спросил:

— Эти парни что-нибудь говорили насчет того, откуда они приехали или куда направляются?

— Они произнесли ровно одно слово, и только. Высокий блондин опустил окно и сказал: «Десять». Я спросил про масло и воду, но он лишь раздраженно покачал головой. Все остальные молчали. У девушки был такой вид, будто ей многое хотелось сказать, но она боялась заговорить.

— Как они выглядели? Опишите как можно подробнее.

Старик облизнул губы.

— Блондин сидел за рулем. Крепкий парень лет двадцати пяти, светлые волосы, голубые глаза, сильный подбородок. Чисто выбритый, с приятной интеллигентной внешностью. Его даже можно было бы назвать симпатичным, если бы не взгляд, злобный как у змеи.

— Никаких шрамов или других особых примет?

— Нет, ничего такого не заметил. Хотя вот что скажу — он был очень бледен. Как и двое других. Ну, знаете, как будто они сильно волновались.

Заправщик многозначительно посмотрел на Харпера.

— Судя по тому, что случилось, у них были для этого причины.

— Я тоже так думаю,— согласился Харпер.— Вполне возможно, они недавно покинули тюрьму. Сбежали или были отпущены под залог — скорее всего, первое, судя по их поведению.

— Вот и мне так кажется.

— Они не были пьяны? — спросил Харпер, рассчитывая выйти на след в том месте, где купили выпивку.

— Насколько могу судить, все были абсолютно трезвые.

— Что еще можете добавить?

— Парень рядом с водителем — такой же крепкий, примерно того же возраста. Черные волосы, серые глаза, чисто выбритый. Такой же бледный и с таким же злобным взглядом. Третьего, сзади, я так и не смог толком разглядеть.

— А что насчет девушки?

— Около двадцати лет, карие глаза, каштановые волосы, слегка полновата. Симпатичная, но не красавица. На ней было горчичного цвета пальто, желтая блузка и янтарные бусы. Руку она подняла к окну, на пальце было кольцо с опалом.

— Знак родившегося в октябре. Превосходное описание, отец.

— Как я уже говорил, я обратил внимание на ту девушку,— сказал старик.

— Как были одеты парни?

— Все трое одинаково — темно-зеленые пиджаки, серые рубашки с воротником, темно-зеленые галстуки. Как будто они были в форме без пуговиц и нашивок. Никогда не встречал подобной одежды, а вы?

— Нет,— признался Харпер.— На тюремную одежду тоже не похоже. Возможно, это спортивные костюмы, украденные в каком-нибудь магазине.

Он задавал вопросы еще минут пять и под конец спросил:

— У вас здесь есть телефон?

— Конечно. С задней стороны.

Заправщик проводил Харпера и показал на аппарат.

— Пожалуйста.

— Полиция штата слушает! — прорычал голос в трубке.— Капитан Ледсом.

— Мне сегодня везет,— заметил Харпер, бессознательно подтверждая мысли того, кто находился на другом конце провода.— Вы-то мне и нужны.

— Кто говорит?

— Харпер. Помните меня?

— А, значит, кое о чем забыли сообщить?

— Я сообщил вам все, что было мне известно на тот печальный момент. С тех пор я откопал еще кое-что.

— Например?

— Машина, которую вы ищете,— зеленый «тандербаг» недавней модели, в нем сидят трое парней и девушка. У меня есть описания всех, кроме одного.

— Где, черт побери, вы все это узнали? — взорвался Ледсом.

Улыбаясь про себя, Харпер рассказал где и как.

— Почему бы вам не пойти работать в полицию, вместо того чтобы заниматься всякими глупостями вроде ножичков для микробов? — спросил Ледсом.

— Потому что я на пару дюймов ниже необходимого, на шесть дюймов шире, терпеть не могу дисциплину и хочу жить.

— Сейчас пошлю туда машину,— проворчал Ледсом.— Может, ребята еще что-нибудь разузнают. А пока выкладывайте все, что накопали.

Харпер перечислил все полученные сведения.

— Очевидно, теперь мы имеем два следа, по которым я пойти не могу, даже если бы хотел,— закончил он свой рассказ.— Это уже ваша работа, вам и карты в руки. Первый след — не сбежали ли трое, соответствующие данному описанию, недавно из тюрьмы или были выпущены оттуда? Второй — не было ли недавно объявлено о пропаже девушки, соответствующей данному описанию?

Ледсом понимающе усмехнулся.

— Этим мы займемся. Плюс еще шесть ниточек, которые вы упустили.

— Например?

— Где они взяли одежду, которая на них, деньги, которые они тратят, машину, на которой едут, оружие, из которого стреляли?

Капитан немного помолчал, потом продолжил:

— Мы разошлем информацию и, возможно, кое-что выясним. Если повезет — узнаем номера «тандербага». Десять к одному, что он угнан.

— Я мог бы и дальше ехать в ту же сторону и, возможно, узнать что-нибудь еще,— сказал Харпер.— Может, они завернули куда-нибудь, чтобы поесть или выпить пива, и люди подслушали их разговоры. Но мне-то зачем беспокоиться? За что я плачу налоги? У меня и своих дел хватает.

— Вы спорите с собой, а не со мной,— заметил Ледсом.— Никто вас не просит ничего делать, никто от вас этого не ожидает. Конечно,— поспешно продолжил он,— мы по-настоящему ценим оказанную вами помощь. У вас отлично развито чувство гражданского долга. Многое в нашем деле было бы куда проще, будь все люди такими же, как вы.

Харпер подозрительно взглянул на телефонную трубку.

— И почему в сельской местности на телефонах нет видеоэкранов?

— К чему вы это?

— Тогда можно было бы видеть выражение лица человека, когда он к тебе подлизывается.

Повесив трубку, Харпер повернулся к старику.

— Полиция уже едет. Лучше еще раз все обдумайте и постарайтесь вспомнить любые подробности, которые могли упустить. Им потребуется все, что вы сможете рассказать.

Вернувшись к машине, Харпер сел за руль, довольный, что оставил позади этот небольшой эпизод. Больше дело его не касалось — его, случайного свидетеля, который лишь ненадолго задержался и вновь отправился по своим делам.

Он еще не знал, как сильно ошибается.

Глава 2

Остановившись в следующем городке, Харпер нашел подходящую гостиницу, снял комнату на ночь и весь вечер смотрел третьеразрядное шоу. Прежде чем лечь спать, он прослушал полуночный выпуск новостей, но в них лишь коротко упомянули об убийстве и, как обычно, успокоили публику заявлением, что полиция надеется арестовать преступника по горячим следам.

Стереовидение — которое все называли не иначе как «занудством» — уделило преступлению чуть больше внимания, проиллюстрировав репортаж изображениями полицейских и их помощников, обшаривающих лесную дорогу.

Как радио, так и видео куда больше интересовались причудами погоды, спортивными результатами, ракетной гонкой вокруг земного шара и запутанными юридическими сражениями между правительством и Лунной строительной компанией. По утверждению последней, правительство пыталось воспользоваться монополией на транспортное сообщение между Землей и Луной, чтобы полностью завладеть ЛСК вместе со всеми ее прибылями. ЛСК упорно защищалась — то была десятилетняя борьба частного предприятия против вмешательства бюрократии.

Последнюю часть этой борьбы Харпер созерцал в роли зрителя, предвидящего, что в будущем может стать слишком великим и процветающим. Ему часто приходилось сотрудничать с официальными организациями, но, к счастью, это сотрудничество было построено на основе взаимной выгоды, а не диктата. Тем не менее он сочувствовал ЛСК.

Спал он крепко, проснулся в восемь, позавтракал, провел утро в исследовательских лабораториях Шульца-Мастерса, которым требовались особого рода микроманипуляторы и где Харперу льстили, полагая, что только он в состоянии их изготовить. В час дня, после того как две серьезные технические проблемы были решены, а с двумя еще предстояло разобраться, Харпер ушел с предварительным заказом в кармане.

Пообедав, он направился в сторону дома, и в половине четвертого, в сорока милях от места вчерашнего убийства, его остановила патрульная машина с двумя полицейскими. Один из них вылез и подошел к Харперу.

Харпер наблюдал за его приближением с удивлением и интересом, поскольку в мозгу полицейского крутилась лишь одна мысль: «Может, да, а может, нет, но если да, на этот раз ему просто так не уйти!»

— Что-то не так? — спросил Харпер.

— Вы Уэйд Харпер?

— Да.

— Насчет вас полчаса назад было получено сообщение. Капитан Ледсом хочет вас видеть.

— Я уже виделся с ним вчера.

— А теперь — сегодня,— напомнил полицейский.

— Могу я поговорить с ним по вашей рации?

— Он хочет видеть вас лично.

— Не знаете, по какой причине?

Полицейский пожал плечами. Судя по его мыслям, он действительно этого не знал, но считал Харпера главным подозреваемым просто потому, что тот требовался начальству. Мысли полицейского показывали также, что в случае отказа он и его товарищ готовы приступить к незамедлительным действиям.

— Хотите сказать, мне придется потратить время на то, чтобы проехать до полицейского участка?

— Именно так.

Полицейский нетерпеливо махнул рукой.

— Разворачивайтесь и поехали. Не слишком быстро и без фокусов. Мы поедем следом.

Чувствуя легкое раздражение, Харпер подчинился. Он не особо спешил, время у него было, но ему не нравилось, когда ему отдавали категорические приказы те, в чьих мыслях напрочь отсутствовали разумные мотивы.

Подобное отношение выработалось у него еще с тех пор, как он носил короткие штанишки. Обладатель разума, умеющего читать мысли, терпеть не мог, когда тот, чей разум был на такое не способен, пытался диктовать ему свою волю. В подобных случаях Харпер чувствовал себя зрячим, которого пытается вести за собой слепой.

Иногда, в моменты задумчивости, он ругал себя за такие мятежные наклонности. Он был мысленно одинок, полностью лишен близкого контакта с подобным ему интеллектом и не хотел, чтобы осознание собственной исключительности породило у него комплекс превосходства. Харпер не имел ни малейшего желания быть скромным, но еще меньше желал быть высокомерным. Он был из тех, что ищут золотую середину.

Нехотя войдя в кабинет Ледсома, Харпер упал в заскрипевшее под его тяжестью кресло и воинственно уставился через стол на капитана, читая его изменившиеся мысли так же легко, как обычный человек читает книгу.

— Ну вот, я здесь.

— На этот раз наш разговор записывается,— многозначительно сказал Ледсом и, наклонившись, включил аппарат.— Где вы были позапрошлой ночью?

— В гостинице.

— В какой?

Харпер сказал.

— Когда вы оттуда уехали? — продолжал расспросы Ледсом.

— В половине десятого.

— Где вы провели утро?

— На эпидемиологической станции.

— До какого времени там пробыли?

— Примерно до часа. Потом пообедал.

— Где?

— В «Катэе», китайском ресторане.

— С кем?

— Ни с кем. Я был один. Послушайте, в чем дело?

Этот вопрос был лишь прикрытием. Харпер уже знал, в чем дело, поскольку наблюдал за суматошными мыслями Ледсома.

— Неважно, мистер Харпер. Просто отвечайте на вопросы. Вам ведь нечего бояться, не так ли?

— А кто вообще ничего не боится? В любое мгновение архангел Гавриил может протрубить в свой рог.

— Вы знаете, что я имею в виду.

Во взгляде Ледсома не осталось ни следа от вчерашнего дружелюбия.

— В какое время вы уехали из «Катэя»?

— Около двух, плюс-минус пять минут.

— А потом?

— Поехал в Хейнсборо. Сегодня у меня были дела в лаборатории Шульца-Мастерса.

— Вы ехали по тому же шоссе?

— Конечно. Прямой дорогой.

— В какое время вы вчера проезжали мимо лесной дороги?

— В четыре.

— А теперь расскажите подробно, что произошло после.

— О господи! Я ведь уже все вам рассказал. Вы все записали.

— Знаю. И теперь хочу услышать снова.

«Лжецу нужна хорошая память,— добавил капитан, ошибочно полагая, что мысли его остаются в секрете.— Тут-то мы и най-

дем противоречия в его истории. Если такие противоречия будут».

Харпер мрачно изложил всю историю во второй раз под мерное жужжание магнитофона. Рассказ его ничем не отличался от вчерашнего. Он это знал, и Ледсом тоже знал.

— Насчет вашего пистолета,— сказал Ледсом.— У вас ведь нет привычки носить еще один, скажем, тридцать второго калибра?

— Нет.

— В лесу имеется достаточно большой и глубокий пруд, примерно в пятидесяти ярдах от того места, где был убит Элдерсон. Вы заметили?

— Я не заходил в лес.

— Вы знали о существовании пруда?

— Нет.

— Вы сказали, что свернули в лес с определенной целью. Вероятно, то, что вы обнаружили, помешало вам ее осуществить. Но потом вы выполнили то, ради чего свернули с шоссе?

— Да.

— Когда?

— После того как связался с Форстом по радио.

— Вы нашли Элдерсона, вызвали полицию, а после углубились в лес?

— Мне незачем было углубляться в лес, рядом не было женщин.

Не обращая внимания на это замечание, Ледсом продолжал:

— В какое время вы уехали из гостиницы вчера утром?

— Вы уже спрашивали. В половине десятого.

— И где провели все утро?

— На эпидемиологической станции. Если вы пытаетесь меня на чем-то подловить, зря теряете время. Мы можем потратить на это целую неделю.

— Ладно.— Ледсом сменил тактику.— Если у вас были дела у Шульца-Мастерса, почему вы отправились туда только сегодня?

Харпер устало вздохнул.

— Во-первых, встреча была назначена на сегодня, а не на вчера. Во-вторых, я добрался до Хейнсборо слишком поздно,

чтобы заниматься делами. Собственно говоря, было уже слишком поздно, когда я уехал отсюда.

— Именно это нас и интересует,— сообщил Ледсом, пристально глядя на Харпера.— Когда мы закончили разбираться с вами, вы уже сильно опаздывали. Но несмотря на это, потратили время на поиски четырех человек в «тандербаге». Зачем?

— Элдерсон умер у меня на руках. Мне это не понравилось.

Ледсом вздрогнул, но не сменил тему.

— То была единственная причина?

— Главная.

— А не главная?

— Мой день все равно был испорчен. Пара часов уже ничего не меняла.

— И у вас не было других мотивов?

— Был один,— неохотно признался Харпер.

— Назовите его.

— Я получил некоторое удовлетворение, лично найдя следы убийц.

— Если они были убийцами,— заметил Ледсом.

Он выключил запись и, немного подумав, сказал:

— Несколько часов назад я не сомневался в этом, но теперь уже не так уверен.

Капитан не сводил с собеседника глаз, ожидая реакции.

— Мы откачиваем воду из того пруда. Возможно, найдем пистолет и узнаем, кто им воспользовался.

— Вы имеете в виду меня?

— Я этого не говорил.

— Каждая черточка вашего лица намекает на это.— Харпер пренебрежительно махнул рукой.— Я не могу винить вас в том, что вы подозреваете всех и каждого. Я мог убить Элдерсона. Время, место и обстоятельства вполне сходятся. Недостает только оружия и мотивов. Вам потребуется чертова уйма времени, чтобы попытаться найти мой мотив. До того момента я ни разу не видел Элдерсона.

— У нас тут года четыре назад случилось бессмысленное убийство,— ответил Ледсом.— Двое братьев поссорились из-за какой-то ерунды, каждый не хотел уступать, постепенно от споров они перешли к оскорблениям, а затем бросили друг другу вызов. Наконец более горячий застрелил другого, после чего по-

пытался скрыть вину, отвлекая внимание от собственной персоны. Ему это почти удалось — но все-таки не удалось!

— Значит, я поехал следом за Элдерсоном, остановил автомобиль позади его машины, обменялся с ним парой фраз. Слово за слово, я не сдержался, дважды выстрелил в него, бросил пистолет в пруд и вызвал вас, чтобы вы приехали взглянуть на место преступления.— Харпер криво усмехнулся.— Пора проверить, все ли у меня в порядке с головой.

— Я вынужден рассматривать любые возможности,— сказал Ледсом.— Я только что задал вам множество вопросов. Вы согласны снова ответить на них с использованием детектора лжи?

— Однозначно — нет!

Ледсом глубоко вздохнул.

— Вы понимаете, что нам придется сделать выводы из вашего отказа?

— Можете делать с ним что угодно. Полиграф — всего лишь возмутительное псевдонаучное устройство, и его показания не принимаются в качестве законного свидетельства.

— С его помощью удалось получить несколько признаний,— возразил Ледсом.

— Да, у девиц и сосунков. Я сам разрабатываю высокоточные научные приборы. Только притащите полиграф в суд, и я все время буду твердить, какого я о нем мнения.

Эти слова встревожили Ледсома. Судя по его мыслям, он верил, что Харпер вполне на такое способен и имеет на то право. Капитан отказался от идеи применить детектор лжи, пожалев, что вообще о нем упомянул.

— Вы еще упомяните скополамин! — для полной меры предложил Харпер.— Только дайте мне шанс — и я добьюсь, чтобы скополамин вообще запретили.

Он подался вперед, зная, что их роли поменялись, пусть на мгновение: на несколько секунд он стал следователем, а Ледсом — подозреваемым.

— С точки зрения закона чем я подозрительнее тех панков из «тандербага»? Или вы считаете их всего лишь моей выдумкой и думаете, будто я подкупил свидетелей, чтобы подтвердить свой рассказ?

— Те парни существуют. У нас есть тому доказательства.

— И что же?

— Два часа назад мы нашли девушку. Ее рассказ не вяжется с вашим. Кто-то лжет.

Откинувшись на спинку кресла, Харпер задумчиво посмотрел на капитана.

— Значит, вы нашли девушку. Ее рассказ — коммерческая тайна?

Немного подумав, Ледсом решил, что ему нечего терять.

— Она опоздала на автобус и стала ловить попутку. Ее подобрали трое парней на зеленом «тандербаге». Они были в веселом настроении и повезли ее долгим кружным путем, притворившись, будто похитили девушку. На той заправке она действительно была напугана, но, подурачившись еще немного, парни высадили ее там, где она просила. То было всего лишь шуткой.

— А Элдерсон?

— Она его не видела и ничего о нем не знает.

— Но он преследовал их машину.

— Знаю. Девушка утверждает, что блондин непонятно зачем несся как сумасшедший, поэтому, возможно, Элдерсон их так и не догнал.

— Вы верите в эту байку?

— Я не верю ничему, что не подтверждено доказательствами. Но ее версия заставляет серьезно усомниться в вашей.

— Ладно. Я знаю, вы намерены проверить мои показания. Проверьте и ее показания тоже и выясните, все ли сходится.

— Мы уже частично проверили вас обоих и намерены покончить с этим как можно быстрей. Девушка не знает имен трех парней, она вообще ничего о них не знает, кроме того, что нам уже известно. Номер машины она не заметила. Собственно, ей это было ни к чему, поскольку она не пострадала.

— Очень полезные сведения.

— Но остальное выглядит вполне убедительно,— сказал Ледсом.— Она — девушка с прекрасной репутацией, из очень уважаемой семьи. Она ушла из дома именно тогда, когда сказала, опоздала именно на тот автобус, про который говорила, двое свидетелей видели, как ее предложили подвезти. Она прибыла в пункт назначения в названное время и может это доказать.

— Те парни везли ее длинным кружным путем?

— Да. Им было очень весело.

— Неплохой способ объяснить, как ты потратил время... Которое ушло в числе прочего на то, чтобы остановиться, пару раз выстрелить и проехать семнадцать миль по лесной дороге.

— Послушайте, мистер Харпер, с тех пор как был застрелен Элдерсон, миновали почти сутки. Все, что у нас есть,— вы и та девушка. И мне известно только, что кто-то стрелял, а кто-то лжет.

— Если девушка говорит правду, в чем я, с вашего позволения, усомнюсь,— проговорил Харпер,— существует лишь один вариант. Кто-то третий ходит на свободе, не вызывая подозрений, и посмеивается втихомолку.

— Тому нет ни малейших доказательств.

Ледсом поколебался, прежде чем продолжить:

— Я бы даже не стал вести с вами эту беседу, если бы за вас не поручились служители закона вашего родного города. С их мнением приходится считаться.

— Полагаю, да.

— Потому скажу вам еще кое-что. Описание тех трех парней не подходит ни к одной троице, освобожденной или сбежавшей из тюрьмы в этом году.

— Как насчет военной тюрьмы? Старику на заправке показалось, что они одеты в форму без знаков различия.

— Никакая военная, морская или летная форма не подходит под это описание.

— В нашей стране. Возможно, они иностранцы.

— Девушка утверждает обратное. Они свободно разговаривали и знали местность как свои пять пальцев.

— Вы спрашивали у представителей властей, не существует ли хоть сколько-нибудь похожей формы?

— Нет. Девушка согласна, что их одежда выглядела несколько официально, и считает, что на них могло быть обмундирование, списанное из армейских запасов, выкрашенное в зеленый цвет. Если так, вряд ли нам удастся его найти. Старые армейские кители попадают на рынок тысячами.

— Как насчет машины? Вы полагали, что она могла быть угнана.

— На данный момент у нас есть сведения о десяти машинах, похищенных в разных частях страны. Четыре из них зеленого

цвета. Мы срочно запросили номера этих четырех. Найти их пока не удалось.

Ледсом мрачно посмотрел в окно.

— В любом случае они могли перекрасить машину и сменить номера. Или она принадлежит им на законных основаниях. Или взята напрокат. «Тандербаг» — популярная модель. Потребуются месяцы, чтобы проверить все автомагазины и прокатные конторы от побережья до побережья.

Харпер задумался.

— Что ж, если машина вам когда-нибудь попадется, вы ее сразу опознаете. У вас есть отпечатки шин, и это немало.

— Отпечатки вовсе не обязательно принадлежат разыскиваемой машине. По лесной дороге в тот день мог проехать кто угодно. Мы выяснили только, что отпечатки не принадлежат ни одному из лесовозов. А еще — что трое парней не соответствуют описанию никого из бывших или нынешних сотрудников лесозаготовительных компаний.

— Что бы ни говорила девушка, я все-таки думаю: это именно те ребята, которых вы ищете.

— Девушка оказалась невольным свидетелем и ни в чем не виновата. Зачем ей прикрывать компанию незнакомцев?

— Возможно, они не были незнакомцами,— предположил Харпер.

— В смысле?

— Из того, что ее подвезли, вовсе не следует, что она не была с ними знакома.

— Она клянется, что никого из них не знала.

— Можете не сомневаться: она бы так и сделала, если бы один из них оказался ее безумным поклонником или беспутным родственником.

— Гм! — Ледсому подобное предположение показалось возможным, хотя весьма маловероятным. Он записал что-то в блокноте.— Полиция ее города сообщила нам сведения о ее личности, обстановке в семье, положении ее родителей и прочем. Возможно, стоило копнуть поглубже.

— Если она лжет насчет убийства, у нее должны быть для этого очень серьезные причины. Может, ее запугали. Может, ее убедили в том, что вернутся и перережут ей горло, если она осмелится сказать лишнее.

— Ошибаетесь,— решительно заявил Ледсом.— Я давно занимаюсь этой работой и могу понять, когда подозреваемый втайне чего-то боится. Но она не боялась, а была искренне сбита с толку, потому что угодила в странную историю.

— Я тоже подозреваемый. Куда более серьезный, судя по тому, что сейчас происходит. Думаете, я напуган?

— Нет,— признал Ледсом.

— А мне следовало бы бояться, если бы преступление совершил я. Но я его не совершал.

— Кто-то совершил. И это пока все, что нам известно.

Ледсом пристально посмотрел на Харпера.

— Я могу задержать вас на двадцать четыре часа. И задержал бы, будь у меня шанс предъявить вам за это время хоть какое-то обвинение. Но ровно сутки потребуется лишь на то, чтобы осушить пруд. Так что можете идти. И да поможет вам бог, если мы вытащим из пруда пистолет, который можно будет приписать вам.

— Я буду весь на нервах.

Харпер угрюмо вышел и весь путь до дома проделал в задумчивом молчании. На протяжении семисот миль ему встретилось по крайней мере полсотни «тандербагов», но ни в одном из них не было тех, кто походил бы на пропавшую троицу.

Глава 3

На небольшом заводике Харпера трудились шесть рабочих — близоруких, но с ловкими пальцами.

В кабинете Харпера едва хватало места для его стола и стола секретарши, одновременно выполнявшей обязанности стенографистки и телефонистки. Мойра была на три дюйма выше своего босса и примерно вдвое его тоньше. Стрела Купидона никоим образом не могла залететь в эту комнату, что Харпера вполне устраивало.

Сидя за столом, он разглядывал под мощным увеличительным стеклом набор миниатюрных стеклянных пинцетов, когда вошел Райли и в два шага оказался посреди кабинета. Облик Райли сразу выдавал в нем переодетого полицейского.

— Доброе утро, лейтенант,— приветствовал его Харпер, лишь на мгновение оторвавшись от работы.

— Доброе утро, неандерталец.

В помещении не имелось лишних стульев, не было и места для них, поэтому Райли устроился на краю стола. Наклонившись, он заглянул в увеличительное стекло.

— Удивительно, как такие большие волосатые лапы могут управляться с подобной мелочью.

— Почему бы и нет? Ты же ковыряешь в зубах, верно?

— Не будем касаться моих личных привычек.— Райли осуждающе посмотрел на Харпера.— Лучше обсудим некоторые из твоих.

Вздохнув, Харпер убрал пинцеты в выстланный бархатом футляр и спрятал футляр в ящик, после чего отложил увеличительное стекло в сторону и поднял глаза.

— Например?

— Каждый раз оказываться там, где что-то случается.

— Как будто я делаю это нарочно.

— Не знаю. Порой меня это удивляет. Слишком уж странно.

— Ближе к делу,— посоветовал Харпер.

— Нам только что позвонили. Хотят знать, на месте ли ты, а если нет, почему.

— Что ж, я на месте. Так им и скажи.

— Мне очень интересно, зачем они хотят это знать,— многозначительно заметил Райли.

— Тебе ведь сказали — в иле ничего не нашли.

— В иле? Каком иле?

— На дне пруда,— улыбнулся Харпер.— И еще тебя спрашивали, нет ли у меня пистолета тридцать второго калибра.

— Ты прав. Звонил капитан Ледсом. Он сообщил мне все подробности.

— После чего вы вдвоем немедленно раскрыли дело,— предположил Харпер.— Две головы всегда лучше, чем одна.

— Дело должен раскрыть ты,— сказал Райли.

— Я? — Харпер потер щетинистый подбородок.— Мойра, вышвырни его отсюда.

— Сам выполняй свою грязную работу,— велел Райли.— Ты ведь не платишь ей еще и за обязанности вышибалы?

Он повернулся к Мойре.

— Сколько ты получаешь, красавица?

— Маловато,— хихикнула Мойра.

— Стыд и позор,— заявил Райли.— Не понимаю, почему ты торчишь у этого волосатого мастодонта.

— Ну и словечки,— заметил Харпер.— Могу поспорить, ты и читать умеешь.

— Даже не шевеля губами,— похвастался Райли.— Перейдем к делу. Твой бизнес может вылететь в трубу, пока ты будешь играть в Шерлока Холмса.

— Почему?

— Во-первых, я сказал Ледсому, что ты можешь раскрыть загадку, если тебя постоянно пинать. Поэтому он хочет, чтобы я тебя хорошенько пнул.

— А во-вторых?

— Объявлена награда за информацию, которая поможет схватить и осудить убийцу или убийц. Поскольку ничто человеческое тебе не чуждо, ты наверняка найдешь деньгам достойное применение.

— И все?

— Не совсем. Самое интересное я приберег напоследок.

Райли улыбнулся, показав большие зубы.

— Час назад Ледсому позвонил какой-то хрипатый тип и сообщил, что видел, как Элдерсон спорил с неким здоровяком, смахивавшим на тебя. Догадываешься, кем ты после этого становишься?

— Козлом отпущения,— мрачно сказал Харпер.

Райли кивнул.

— Мы бы тебя арестовали и выбили из тебя признание, если бы не два обстоятельства. Первое — мы слишком хорошо тебя знаем, чтобы поверить, будто ты мог такое совершить. Второе — у нас нет под рукой свидетеля, который мог бы тебя опознать.

— Почему?

— Высказавшись, хрипатый бросил трубку. Так что Ледсом не знает, кто звонил.

— Выглядит подозрительно.

— Некоторые терпеть не могут ввязываться в лишние неприятности,— заметил Райли.— Тем более жаль.

— Меня это не удивляет. Я сам слишком верен гражданскому долгу. И посмотри, к чему это привело.

— Сам вляпался — сам и выбирайся.

— У меня нет времени,— пожаловался Харпер.

— За решеткой оказаться тебе тоже вряд ли охота,— заметил Райли.— Если Ледсом попросит нас тебя арестовать — нам придется это сделать.

— Думаешь, подобный оборот возможен?

— Кто знает. Зависит от того, какие еще доказательства они найдут.

— Если они найдут нечто указывающее на меня — это будет чистейшим совпадением.

— Небольшое утешение, когда сидишь в ожидании суда,— заявил Райли.— Как только Ледсом сочтет, что у него достаточно доказательств, чтобы убедить присяжных, он тебя арестует. Потом может оказаться, что он ошибся, и доказательства присяжных не удовлетворят. Но даже если тебе удастся выйти сухим из воды, ты все равно попадешь под жернова и потеряешь кучу терпения, времени и денег.

— У них не больше шансов меня привлечь, чем у целлулоидного котенка, если они не найдут того хрипатого свидетеля, который меня опознает,— бесстрастно проговорил Харпер.— Но даже это не послужит доказательством. В лучшем случае это позволит предположить, что у меня имелся некий мотив для убийства. А если свидетель меня опознает, он будет лжецом, который что-то знает об убийстве и пытается отвлечь внимание следствия. Он не может объявиться, не угодив в число подозреваемых.

— Возможно. Чтобы это выяснить, нужно его разыскать и выбить из него правду.

— Полиция штата может заняться этим сама.

— Возможно,— сказал Райли.— А возможно, и нет.

— Возможно, я тоже не смогу.

— В этом я вовсе не уверен. За последние несколько лет ты успел поучаствовать кое в чем дьявольски интересном.

— Например?

— Например: убийство Грейс Уолтерсон двенадцать лет оставалось нераскрытым — до тех пор, пока ты, сидя на скамейке в парке, не услышал, как пьяный бродяга бормочет о нем во сне. Ты сообщаешь об услышанном нам, мы хватаем бродягу, он во всем признается.

— Простое везение,— заявил Харпер.

— В самом деле? Дело Грейс Уолтерсон давно было забыто, к тому же случилось не в нашем округе. Нам пришлось провс-

рять сведения по всей стране, чтобы выяснить подробности. Да, ее действительно убил тот человек. Он действительно был пьян, как ты и сказал. Лишь в одном его рассказ не сходился с твоим.

— В каком?

— Он не спал и не бормотал. Он клянется, что хоть и был подшофе, но не спал, а сидел молча, когда ты незаметно ускользнул и вернулся с патрульным полицейским.

— Он написал свое признание на бумаге, и я ее съел,— сказал Харпер.— Просто не могу удержаться, чтобы не закусить бумагой.

Он хмуро посмотрел на Райли.

— Ты несешь чушь. Этот пьяница вслух признался, какое бремя лежит на его совести, и тем самым выдал себя.

— Ладно.— Райли пристально взглянул на Харпера.— Но именно тебе надо было оказаться рядом, когда он себя выдал. Затем — дело Тони Джакомо. Тот грабит банк, убивает двоих, а ты случайно оказываешься рядом два дня спустя, когда он...

— Хватит,— устало сказал Харпер.— Мне тридцать семь лет, я пообщался с девятью людьми, которых разыскивала полиция, и ты притворяешься, что в этом есть нечто удивительное. А со сколькими ты сам посидел рядышком за полвека своей греховной жизни?

— Должен признаться, со многими. Но ни один не говорил мне, что он в розыске, и не умолял его забрать.

— Мне тоже никто такого не говорил.

— Все совершали одну и ту же ошибку — оказывались рядом с тобой. Ты сильно увеличил нам раскрываемость, и комиссар считает тебя чуть ли не богом. Мне же ты больше напоминаешь дьявола. Несомненно, во всем этом есть нечто странное.

— Тогда скажи, что именно.

— Не могу,— признался Райли.— Не могу дать разумного объяснения.

— Некоторые вечно оказываются там, где что-то случается,— заметил Харпер.— И ничего не могут с этим поделать. Просто так уж выходит. Возьми, к примеру, мою тетку Матильду...

— Пусть ее берет кто-нибудь другой — а я женат,— сказал Райли.— Ты собираешься раскрыть это дело или предпочитаешь сидеть на жирной заднице до тех пор, пока я не приказал тебя арестовать?

— Какая обещана награда?

Райли возвел глаза к потолку.

— Он слабеет при мысли о деньгах. Пять тысяч долларов.

— Я подумаю.

— Если ты рассчитываешь подождать, пока награду поднимут,— предупредил Райли,— ты можешь вообще опоздать. Судя по голосу Ледсома, он достаточно зол, чтобы отправить за решетку собственную мать.

С этими словами Райли коротко кивнул Мойре и вышел.

Харпер и секретарша молча слушали, как удаляются по коридору тяжелые шаги.

— Мойра, ты чувствуешь во мне нечто странное?

— О нет, мистер Харпер,— заверила она.

И она говорила правду. В мыслях Мойры читалось, что ей хотелось бы, чтобы босс был дюймов на десять повыше и лет на десять помоложе — это могло бы добавить некоторой пикантности конторской работе. Но только и всего: самые сильные эмоциональные запросы Мойры удовлетворялись где-то за пределами этого кабинета.

Харпер не стал глубже погружаться в ее мысли. Его жизнь напоминала жизнь человека, идущего через ночной город с хорошо освещенными спальнями, окна которых распахнуты настежь. Он пытался не подсматривать, он не хотел смотреть, но часто избежать этого не удавалось. Он вторгался в частную жизнь по двадцать раз на дню и столько же раз об этом сожалел.

— Райли, похоже, несет ерунду.

— Да, мистер Харпер.

Наутро Харпер позвонил Райли.

— Что-то мне не по себе от нашего вчерашнего разговора.

— На что я и рассчитывал.

Райли самодовольно ухмыльнулся с крошечного видеоэкрана.

— В моем деле все под контролем и организовано получше, чем в некоторых полицейских управлениях,— сказал Харпер.— Думаю, я могу позволить себе отпуск на несколько дней без риска обанкротиться. Но вслепую действовать не намерен.

— Что ты имеешь в виду?

— Прежде всего — я ничего не добьюсь, если ребята Ледсома схватят меня скуки ради, едва я шагну за порог.

— Я за прослежу этим,— пообещал Райли.— Они оставят тебя в покое — если не сумеют доказать, что тебя можно брать тепленьким.

— Мне нужны адреса вдовы Элдерсона и той девушки. А также типа, который звонил Ледсому,— если им удалось выяснить, кто он такой был.

— Предоставь все мне. Перезвоню, как только смогу.

Харпер повесил трубку, глядя, как темнеет экран. Ему не нравилась ситуация, в которой он оказался. То, что он ввязался в историю с убийством, волновало его меньше всего — рано или поздно загадка должна была разрешиться. Беспокоило его совсем другое, а именно — подозрения неуклюжего, но сообразительного Райли. В течение долгого времени умение Харпера обнаруживать злодеев оставалось для всех тайной. У Райли не было на этот счет веской теории, и все-таки он взял Харпера на заметку как прирожденного охотника на ведьм.

На самом деле все обстояло довольно просто. Харпер давным-давно обнаружил, что, если достаточно долго смотреть на человека с нечистой совестью, тот насторожится и в голове его во всех подробностях возникнет картина совершенного им преступления. За последние десять лет Харпер девять раз бросал рассеянный взгляд на людей, в мозгу которых срабатывал мысленный сигнал тревоги. Сами того не подозревая, люди эти сообщали Харперу, почему срабатывал такой сигнал, в буквальном смысле слова силой собственной мысли отправляя себя в тюрьму или на электрический стул.

Харпер легко мог представить, что бы началось, если бы все вокруг узнали, что их мысли вовсе не являются их нераздельной собственностью. У него не осталось бы друзей, кроме таких же телепатов, как он сам,— если таковые существовали.

Что касается преступников, те наверняка сделали бы все, чтобы отправить его на тот свет. Удовольствие, которое Харпер получал от жизни, тщательно скрывая свою сущность, сменилось бы непрерывным кошмаром.

В ожидании звонка Райли Харпер мрачно развлекался, представляя себе, как именно мог бы погибнуть от рук испуганных

преступников. Естественно, они не могли прибегнуть к обычным методам, подкараулив его с пистолетом в темном переулке. Убийце не удалось бы не думать о том, что он собирается совершить, а это предупредило бы жертву о грозящей опасности. Не годилась любая тактика, подразумевавшая присутствие живого, мыслящего разума.

Им пришлось бы воспользоваться автоматическим, дистанционно управляемым устройством, которое не смогло бы выдать своих намерений. Например, бомбой с часовым механизмом.

Однажды утром Харпер мог прийти в свою контору, весело поздороваться с Мойрой, сесть за стол, открыть ящик, и... бах! А когда рассеялся бы дым, Харпер узрел бы загробную жизнь — если таковая вообще существует.

Возможно, полиция заинтересовалась Харпером именно потому, что он сообщал о преступлениях слишком открыто и слишком часто. Поступал он так по большей части потому, что терпеть не мог оказываться рядом с тем, кто безнаказанно совершил злодеяние; с тем, кто в любой момент мог попытаться совершить подобное еще раз. Это шло вразрез с чувством справедливости Харпера. И ему нравилось сознавать, что наконец-то очередная несчастная жертва дождалась отмщения.

Однажды Харпер обнаружил, преследовал и в конце концов пристрелил типа, совершившего семь изнасилований и одно убийство при отягчающих обстоятельствах. Харпер просто не мог позволить подобной мрази и дальше разгуливать по улицам... Позволить только ради того, чтобы не попасть под подозрения Райли.

Возможно, в будущем будет лучше сообщать полиции сведения не напрямую, а, скажем, с помощью анонимного телефонного звонка. Впрочем, вряд ли это поможет. Харпер стал слишком известной личностью, полиции недолго придется гадать, от кого поступил донос. Любой полицейский — от комиссара и ниже — сможет сложить два и два и получить четыре.

Зазвонил телефон, на экране появился Райли.

— Я узнал два адреса.

Он продиктовал их Харперу и добавил:

— Автора анонимного звонка так и не нашли, но Ледсом считает, что теперь это не имеет значения. Они разыскали парня, похожего на тебя, который тем утром повздорил с Элдер-

соном. Свидетелей было несколько, и звонивший, вероятнее всего, был одним из них.

— Чем занимался тот забияка в четыре часа дня?

— Он чист. Он находился за много миль от места убийства и может это доказать.

— Гм... ладно. Поеду посмотрю что и как. И надеюсь, везения мне хватит.

— По-твоему, это везение? — многозначительно спросил Райли.

— Скорее проклятие, на мой взгляд,— сказал Харпер.— Если бы ты стал отцом десяти пар близнецов, ты бы понял, как порой могут страдать мужчины.

— Вернее, я понял бы, как некоторые из них сами нарываются на неприятности,— возразил Райли.— Но это твои проблемы, так что сам их и решай!

Он исчез с экрана. Харпер вздохнул в третий раз, сунул листок с адресами в карман и повернулся к Мойре.

— Буду звонить каждый день и узнавать, как тут дела. Если не сумеешь справиться с чем-то срочным и важным, тебе придется подождать моего звонка.

— Да, мистер Харпер.

— А если явится кто-нибудь, чтобы меня арестовать, скажи, что они опоздали — я в бегах.

— О, мистер Харпер!

Рут Элдерсон оказалась симпатичной блондинкой с грустными глазами, которая явно еще не пришла в себя после случившегося.

Харпер сидел напротив нее, бесцельно вертя в руках шляпу.

— Мне крайне неприятно беспокоить вас в такое время, миссис Элдерсон, но это необходимо. У меня к этому делу особый интерес. Я нашел вашего мужа, я был последним, кто с ним разговаривал.

— Он...— Женщина судорожно сглотнула, жалобно глядя на него.— Он... очень страдал?

— Все произошло очень быстро. Вряд ли он даже почувствовал боль. Он говорил о вас, а потом замолчал. «Бетти,— сказал он.— Бетти». И его не стало.

Харпер озадаченно нахмурился.

— Но ведь вас зовут Рут?

— Он всегда называл меня Бетти. Говорил, это имя мне очень подходит.

Она неожиданно расплакалась, закрыв лицо руками. Харпер молча смотрел на нее.

Когда женщина немного успокоилась, он сказал:

— Есть маленький шанс, что вы можете помочь найти того подонка, который это сделал.

— Как?

— Скажите, у Боба были враги?

Она задумалась, с трудом собираясь с мыслями.

— Он арестовал довольно много народу. Некоторых отправили в тюрьму. Не думаю, что его за это очень любили.

— Кто-нибудь из тех людей обещал с ним расправиться, когда выйдет?

— Если да, муж никогда при мне о таком не упоминал. О подобных вещах не говорят.

Она немного помолчала.

— Четыре года назад он арестовал человека по имени Джозеф Грундофф и рассказывал, что, когда выносили приговор, Грундофф поклялся убить судью.

— Но вашему мужу он не угрожал?

— Насколько я знаю, нет.

— Вы не помните ни одного случая, чтобы кто-то угрожал именно вашему мужу?

— Нет.

— Или просто ненавидел его за то, что тот исполнял свой долг?

— Дважды в неделю ему приходилось нарываться на скандалистов,— устало сказала женщина.— Он часто приходил домой, злясь на кого-нибудь. Но насколько я знаю, между полицией и штатскими часто бывают трения. Я не знаю никого, кто ненавидел бы его настолько, что был бы готов убить.

— Только Грундофф?

— Грундофф угрожал одному судье.

— Не хотел бы вам надоедать, миссис Элдерсон, но вы не припомните случая, который обеспокоил бы вашего мужа, пусть даже ненадолго? Какого-нибудь мелкого события, самого незначительного?

— Ничего, связанного с его работой полицейского,— ответила она. На ее губах мелькнула легкая улыбка.— Все его волнения были чисто домашними. Он был весь на нервах, когда должны были родиться дети.

Харпер понимающе кивнул.

— Еще одно. Мне нужно это знать. Простите меня, пожалуйста.

— О чем вы? — Она широко распахнула глаза.

— Вы привлекательная женщина, миссис Элдерсон. Боб не нажил себе врагов, женившись на вас?

— Это просто смешно,— покраснев, резко возразила она.

— Вовсе нет. Подобное порой случается. И будет случаться снова и снова. Ревность — вероятно, самый древний мотив для убийства. Ревность подпитывает сама себя, никем не видимая, незаметная. Вы можете даже не осознавать, что вами восхищаются и вас желают.

— Не думаю.

— После вашего замужества кто-нибудь из друзей или знакомых проявлял к вам чрезмерное внимание, демонстрировал нечто большее, чем обычную дружбу?

Читая в ее мыслях нарастающее отвращение и понимая, что ему следовало бы выразиться потактичнее, Харпер поспешно добавил:

— Я вовсе не интересуюсь вашими тайными любовниками. Я просто прошу помочь найти возможного убийцу.

— Ничего такого не было,— холодно сказала она.

— Когда вы познакомились с Бобом, вы ни с кем из-за него не расстались?

— Нет. Я была свободной и незамужней.

— Спасибо, миссис Элдерсон.

Он встал, радуясь, что разговор позади.

— Приношу свои искренние извинения за то, что подверг вас этому допросу. И я по-настоящему ценю ваше содействие.

Харпер прошел вслед за ней к двери и, остановившись, мягко погладил ее по руке.

— Слова излишни. Дела порой говорят громче слов. Вот моя карточка. Если понадобится помощь, звоните. Это будет большой честью для меня.

— Вы очень добры,— пробормотала она.

Харпер сел в машину и, глядя, как женщина закрывает дверь, яростно бросил:

— Черт побери!

Проехав милю, он остановился у телефонной будки и позвонил Ледсому.

— Это вы,— сказал капитан без особой радости.— Что вам нужно на сей раз?

— Кое-какая информация.

— О чем?

— О человеке по имени Джозеф Грундофф.

— Вы основательно постарались, если откопали этого субъекта,— заметил Ледсом.— Я бы о нем даже не подумал.

— Почему?

— Он получил двадцать лет за убийство второй степени. Пройдет немало времени, прежде чем он выйдет на свободу.

— И это все? — спросил Харпер.

— А чего вы еще хотите?

— Официального подтверждения, что он за решеткой. Возможно, он сбежал.

— Нам бы об этом сообщили. В течение суток разослали бы объявление о розыске.

— Может, все-таки стоит проверить? — продолжал настаивать Харпер.— Просто на всякий случай?

— Я могу сделать это за пять минут,— раздраженно сказал Ледсом.— Откуда вы вообще узнали про Грундоффа?

— От миссис Элдерсон.

В голосе капитана послышались удивленные нотки.

— Не сказала же она вам, что Грундофф...

— Она сказала, что он поклялся убить судью,— перебил Харпер.— Поэтому мне показалось возможным, что в списке его врагов мог оказаться и Элдерсон.

— У него не было никакого списка. Он просто буйствовал. Судья сказал «двадцать лет», и Грундофф словно обезумел. Подобное часто случается.

Капитан немного помолчал.

— В любом случае, я проверю. Это один шанс из миллиона, но мы не можем его проигнорировать. Перезвоните мне позже.

Харпер перезвонил из кафе через двадцать миль.

— Не повезло,— сообщил Ледсом.— Грундофф до сих пор за решеткой.

— У него есть приятели, которые могли бы сделать за него грязную работу?

— Нет. Он был одиноким волком.

— Вы не думаете, что он мог подружиться в тюрьме с кем-нибудь, кто освободился бы и начал заниматься его делишками?

— Ни в коем случае,— усмехнулся Ледсом.— Ни один бывший преступник на станет стрелять в полицейского лишь затем, чтобы доставить удовольствие тому, кто еще сидит. За этим должны стоять деньги, большие деньги. Грундофф же не мог наскрести и десяти баксов.

— Спасибо,— мрачно сказал Харпер.— Значит, еще один ложный след. Ладно, двинемся дальше.

— Куда?

— К той девушке, которая была в «тандербаге». О ней выяснилось что-нибудь еще?

— Да. Ее приятель в армии и служит за границей. В архивах полиции нет ничего компрометирующего о ее родственниках, ни одной паршивой овцы в семье. Очень полезные сведения, верно?

— А если она, например, защищает подружку, у которой, скажем, любовник очень любит пострелять?

— А если свиньи летают? Ее тщательно проверили. Весь ее круг родственников, друзей и соседей полностью чист.

— Ладно, не кипятитесь. Я всего лишь главный подозреваемый, пытающийся доказать свою кристальную честность.

Ледсом громко фыркнул и повесил трубку. Видимо, отсутствие каких-либо подвижек в деле его крайне раздражало.

По второму адресу находился дом, стоящий в центре улицы со старомодными, но все еще впечатляющими и крепкими зданиями. Улица была широкой и тихой, обсаженной деревьями, вид у нее был респектабельно-скучный. Поднявшись по шести ступенькам, Харпер нажал кнопку звонка.

Дверь открыл высокий, симпатичный парень лет восемнадцати и удивленно взглянул на визитера.

— Мисс Джоселин Уиттингэм дома? — спросил Харпер, стараясь, чтобы его голос звучал официально или хотя бы полуофициально.

— Нет.

Мысли парня подтверждали, что тот говорит правду, но продолжали беззвучно шептать: «Джойс не хочет никого видеть. Кто эта мускулистая обезьяна? Еще один любопытный коп? Или репортер? Джойс уже сыта расспросами по горло. Почему бы им не оставить ее в покое?»

— Не знаете, когда она вернется?

— Нет.

То была ложь. Девушка обещала вернуться к шести.

— Гм...

Харпер окинул взглядом улицу, словно размышляя, что делать дальше. Обманчиво небрежным тоном он попытался нанести мощный удар:

— Вам никогда не доводилось всаживать пулю в полицейского?

В мозгу молодого человека не раздалось тревожного звонка; его мысли ошарашенно завертелись, пока он гадал, не ослышался ли.

— Никогда не доводилось... что?

— Прошу прощения,— сказал Харпер, поняв, что удар не достиг цели.— Просто думал вслух кое о чем другом. Когда я мог бы увидеть мисс Уиттингэм?

— Не знаю.

Снова ложь.

— Очень жаль,— нерешительно проговорил Харпер.

— Зачем вы хотите ее видеть? — спросил парень.

— По личному делу.

— Что ж, ее нет дома, и я не знаю, когда она вернется.

— Если я зайду еще разок, между шестью и семью?

— Пожалуйста.

Лицо парня ничего не выражало, в то время как мысленно он пожелал, чтобы посетитель прыгнул в озеро.

— Ладно, загляну попозже.

Парень кивнул и закрыл дверь. Он даже не поинтересовался, как зовут визитера. Хозяин дома был ни в чем не повинен и ему уже надоели романы его сестры, мисс Джоселин Уиттингэм.

Харпер целый час бесцельно бродил по городу, пока его машину смазывали и обслуживали в центральном гараже. Без двадцати шесть он пешком вернулся на нужную улицу и расположился на автобусной остановке в пятидесяти ярдах от дома, ожидая возвращения девушки.

У Харпера имелось лишь приблизительное описание ее внешности, но большего ему не требовалось. Хватило бы одного вопроса, чтобы она назвала себя, вольно или невольно. Невозможно помешать мозгу дать утвердительный или отрицательный ответ, как бы сильно ты ни желал что-то скрыть.

Как только девушка окажется в доме, возникнет проблема — как побеседовать с ней, если сама она не захочет разговаривать с визитером. Если бы она отказалась встречаться с Харпером, заставить ее было бы невозможно. Тогда оставался только один способ — убедить местную полицию доставить девушку для дальнейшего допроса. Они не сделают этого без веских оснований, а мысль о том, чтобы просто выдумать правдоподобный предлог, была Харперу противна.

Ему требовался разговор лицом к лицу. Если бы девушка была в доме, он мог стоять рядом всю ночь, слушая ее мысли, выделяя их из потока мыслей других людей; это не составило бы труда. При желании он мог бы шпионить за ней таким образом целую неделю.

Но что толку от подобной тактики, если мысли ее будут далеки от расследуемого дела? Требовалось задавать вопросы, чтобы вынудить ее разум открыть все неоспоримые доказательства, которые могли в нем таиться. Нужен был голосовой стимул. Чтобы добиться успеха, необходимо было кое о чем ее расспросить и сделать соответствующие выводы, если слова ее разойдутся с мыслями.

Мимо дважды проходили девушки, на мгновение привлекая внимание Харпера. Поскольку они не поднимались по ступеням дома, он не делал попыток мысленно их опознать. С детства у него выработался этический кодекс — он никогда не слушал чужие мысли, если того не требовали обстоятельства. Конечно, он не мог не услышать внезапный крик растревоженной совести или громкий призыв о помощи, подобный тому, который издал Элдерсон. Но приглушенные мысли проходящих ми-

мо людей оставались для Харпера неслышными. Он просто смотрел девушкам вслед, пока те не скрылись из виду за углом дома.

Несколько минут спустя в дальнем конце улицы появилась третья девушка. Опять-таки не обратив внимания на дом, она скрылась за углом. К остановке подъехал автобус, высадил четырех пассажиров и покатил дальше. Один из них, высокий, с землистым лицом, бросил на Харпера любопытный взгляд.

— Следующий будет через полчаса.

— Да, я знаю.

Человек пожал плечами, перешел через дорогу и скрылся в доме напротив. Харпер прошел чуть дальше, чтобы его не было видно из окна.

Без пяти шесть на улице появилась еще одна девушка, быстро постукивавшая высокими каблучками,— среднего роста, с округлыми формами, лет двадцати. Не глядя по сторонам, не заметив Харпера, она поднялась по ступеням и принялась шарить в сумочке в поисках ключа.

С расстояния в семьдесят ярдов Харпер послал мысленный импульс, чтобы убедиться — это та самая, которая ему нужна. Результат оказался ошеломляющим. Едва его мысль коснулась разума девушки, как та почувствовала контакт — и Харпер это понял. От волнения девушка уронила сумочку, наклонилась и подхватила ее в тот миг, когда он помчался в ее сторону.

Харпер тяжело бежал по тротуару; девушка, схватив сумочку, начала поспешно рыться внутри. Глаза ее ярко вспыхнули, когда она нашла ключ и вставила в замочную скважину. По спине Харпера стекали капельки пота, его правая рука шарила под мышкой, ноги продолжали стучать по асфальту.

Ключ повернулся. Остановившись в десяти ярдах от девушки, Харпер прицелился и нажал на спуск. Послышался негромкий звук, словно кто-то порвал кусок холста. Поток стальных пулек размером со спичечную головку ударил в цель.

Мисс Джоселин Уиттингэм выпустила из руки ключ, беззвучно опустилась на колени и упала головой к двери. Харпер стоял, обливаясь потом, глядя на стекающую из волос девушки струйку крови и слыша, как навсегда замолкает ее разум.

Он огляделся по сторонам — свидетелей не было. Выстрелы не привлекли ничьего внимания. Оставив девушку лежать на

крыльце, он быстро зашагал в сторону дороги, сел в машину и на большой скорости помчался прочь из города. Его напряженное лицо было мокрым от пота.

Глава 4

Полиция явно действовала быстро и со знанием дела. Харпер успел проехать всего триста миль, как уже было разослано объявление о его розыске. Ужиная в дешевой забегаловке, он прочитал новости в вечерней газете.

«Разыскивается за убийство» — гласил заголовок. Далее следовало достаточно точное описание его самого и его машины, указан ее номер. Харпер выругался про себя, читая заметку. В заведении было человек двадцать посетителей, в основном водители-дальнобойщики. Половина из них уже прочитали новость или читали сейчас. Некоторые не замечали Харпера, другие бросали на него случайные взгляды, не подозревая, что разыскиваемый преступник сидит прямо перед ними. В том, что они ни о чем не догадываются, Харпер был уверен совершенно точно, и это было, в сущности, единственным плюсом.

Снаружи, на виду у всех, стояла его машина. Ее номерные знаки, казалось, прямо-таки бросаются в глаза. Трое рослых парней в джинсах прошли позади нее, даже не удостоив машину взглядом, сели в соседний автомобиль и уехали. Некоторое время Харперу могло везти, но так не могло продолжаться вечно. Рано или поздно номера попадутся на глаза кому-нибудь с острым взглядом и хорошей памятью.

Можно было бросить машину здесь и раздобыть другую. Когда тебя разыскивают за убийство, обычное воровство уже не усугубит положения. Но и этот вариант имел отрицательные стороны. Номера угнанной машины будут сразу переданы всем постам, и Харпер окажется не в лучшем положении, чем раньше. Более того, если сейчас служители закона не знают, куда он направляется — в Пекин или в Пернамбуко, то смена машины сразу покажет, куда именно он бежит, и поставит на ноги всех окрестных полицейских. Кроме того, выяснится, что в попытке избежать ареста он пересек границу штата, и из-за нарушения федеральных законов к делу может подключиться ФБР.

ФБР и вправду следовало подключить к делу — в этом Харпер был более чем уверен. Но ему не нравилась мысль о том, что ФБР будет выслеживать его по всей стране. К тому же среди федеральных агентов мог оказаться слишком возбудимый человек, который последовал бы недавнему примеру самого Харпера, сперва стреляя, а уж потом задавая вопросы. Сейчас Харпер находился в весьма своеобразной ситуации: ему хотелось добраться до ФБР раньше, чем ФБР само до него доберется.

Почему на него объявили розыск, догадаться было легко. Ледсом знал, что Харпер собирается встретиться с девушкой. Ее брат описал явившегося посетителя. Человек с землистым лицом сообщил о подозрительном типе на автобусной остановке. И главное — найденные в теле пули могли быть выпущены только из пистолета Харпера.

Его не оставляла мысль, что теперь Ледсом не сомневается, кто убил Элдерсона. Капитан, естественно, сделал вывод, что к обоим убийствам приложил руку один и тот же человек, несмотря на то что жертвы погибли от разного оружия.

Меньше же всего в этой охоте на человека по имени Харпер беглецу нравилось то, что она была не только объявлена официально, но могла сопровождаться и неофициальными поисками. Совершенное им убийство мисс Джоселин Уиттингэм вряд ли заинтересовало только силы закона и правопорядка. Его наверняка разыскивали и другие, желая знать, как именно все случилось, и разделаться с ним, пока не поздно. Например, те трое в «тандербаге».

Быстро допив кофе, Харпер вышел на улицу, стараясь не слишком спешить, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Едва дождавшись, когда наполнят его бак на заправке, он на полной скорости устремился в сторону заката, который вскоре сменился темной безлунной ночью. Проехать предстояло еще больше пятисот миль.

Утром, без двадцати пять, когда на востоке забрезжил бледный рассвет, кто-то страдавший бессонницей то ли прочитал номера машины Харпера, то ли решил погнаться за ним просто из принципа.

Оказавшись на ремонтируемом участке дороги длиной в полмили, Харпер вынужден был сбросить скорость до пятнадцати миль в час. В конце участка стояла будка постового, а рядом —

автомобиль с включенными габаритными огнями. Проехав мимо будки, Харпер прибавил скорость и успел проехать полторы мили, когда припаркованная машина неожиданно ожила, выехала на дорогу и устремилась за ним, включив мигалку.

Харпер не слышал ни сирены, ни мыслей преследователей. Он был слишком далеко впереди и слишком поглощен ездой, вдавив педаль газа до упора. Если преследователи были полицейскими — а судя по мигалке, так и было,— одно лишь подобное поведение преследуемого убедило их, что они на верном пути.

У Харпера не было выбора, кроме как позволить за собой гнаться. Если уж его схватят, пусть схватят те, кто хорошо информирован и знает, что к чему. Харпер не сомневался, что ни один шериф округа и ни одна полиция штата или города не обладает информацией в достаточной мере, чтобы можно было им сдаться.

На головокружительной скорости он прошел несколько поворотов, скрежеща шинами и освещая дорогу светом фар. У него была мощная, быстрая машина, в отличном состоянии, но что, если автомобиль преследователей еще лучше? Насколько Харпер мог судить, то и дело бросая взгляд в зеркало заднего вида, полицейская машина была все же слегка получше, поскольку мигалка медленно, но верно приближалась.

Стрелка спидометра дрожала около отметки «девяносто».

Харпер промчался через перекресток вдоль шоссе, обсаженного высокими деревьями, еще больше сгущавшими полумрак. Деревья проносились мимо, словно прикованные к месту огромные призраки, протягивавшие к нему руки.

На дороге не было никого, кроме его машины и машины преследователей. Далеко впереди и чуть правее виднелось сияние огней большого города. Харпер подумал — сумеет ли он преодолеть это расстояние, а если да, что ему делать, когда он доберется до города? Если в ближайшие десять миль преследователи окажутся достаточно близко, они могут открыть стрельбу. И что тогда?

Он прошел еще один поворот, на мгновение потеряв из виду огни в зеркале, от которых теперь его отделяло меньше мили. Его фары осветили конец проселочной дороги, уходившей в густой лес. Он нырнул в проселок так неожиданно и безрассуд-

но, что на секунду-другую в страхе подумал — машина сейчас перевернется.

Выключив все огни, он проехал пятьдесят ярдов в полной темноте, молясь, чтобы не налететь на невидимое дерево или не свалиться в канаву. Ветви трещали и ломались под колесами, но Харперу повезло. Затормозив, он опустил окно и прислушался.

Теперь он слышал сирену. Наверняка патрульная машина. Сейчас она находилась на повороте. Свет фар прорезал ночную тьму, и в следующее мгновение автомобиль с воем промчался мимо — слишком быстро, чтобы Харпер успел понять, сколько в нем человек, или поймать случайную мысль.

Он продолжал сидеть в темноте, пока не увидел свет фар патрульной машины, поднимающейся по склону в четырех милях впереди. Затем задним ходом выбрался на шоссе и двинулся в ту сторону, откуда прибыл. Вернувшись к перекрестку, он свернул направо.

Около полудня Харпер без новых приключений добрался до Вашингтона, оставил машину на стоянке на окраине и поехал на автобусе в город. Найдя телефон, он позвонил к себе в контору.

Видеоэкран в его кабинете то ли не работал, то ли был выключен, поскольку здесь экран оставался пустым. И столь же пустым казался голос Мойры:

— Завод Харпера. Чем могу помочь?

— Только Господь Бог может мне помочь,— сказал он.— Это босс.

Мойра судорожно вздохнула.

— Что в этом удивительного? — требовательно спросил он.— Ты много раз разговаривала со мной раньше.

— Да, мистер Харпер. Конечно, мистер Харпер.— Мойра отчаянно пыталась подобрать слова.— Я просто не ожидала, что вы позвоните.

— Вот как? — Он по-волчьи оскалился, глядя на пустой экран.— Почему бы и нет? Я ведь говорил, что буду звонить, не так ли?

— Конечно, мистер Харпер, но...

— Но — что?

Она понятия не имела что. Казалось, она лишилась дара речи.

— Ты читала газеты,— мрачно заключил Харпер.— Но неважно. Что-нибудь выяснилось?

— Выяснилось?

— Послушай, Мойра, не обращай внимания на толстозадых, которые сидят на моем столе. Послушай: по почте приходило что-нибудь, что требует моего личного участия?

— Н-нет, мистер Харпер.

— Никаких проблем, для решения которых нужен я?

— Н-нет.

— Ладно. Дай мне кого-нибудь из них к телефону.

Она пришла в еще большее замешательство.

— Не понимаю, мистер Харпер. Здесь никого...

— Ну, ну, не ври! — приказал он.

Наконец Мойра сдалась, и Харпер услышал ее слабый голос:

— Он знает, что вы здесь, и хочет с вами поговорить.

Послышалось недовольное ворчание. Экран Харпера неожиданно засветился, на нем появилось хмурое мясистое лицо.

Прежде чем собеседник успел произнести хоть слово, Харпер сказал:

— Когда я не вижу собственного кабинета, я знаю: кто-то не хочет, чтобы я что-либо увидел. Я также знаю, что Мойре велели задержать меня на линии, пока не удастся проследить, откуда я звоню. Что ж, вы зря теряете свое время и деньги налогоплательщиков, одним из которых являюсь я. Идите и занимайтесь местными негодяями. Передайте Райли, что я его люблю, несмотря на все его недостатки.

Лицо на экране нахмурилось еще больше.

— Послушайте, Харпер...

— Сперва вы послушайте меня,— раздраженно продолжал Харпер.— Возможно, мне удастся убедить вас, что вы стараетесь без толку, если я скажу, что звоню из Вашингтона и направляюсь в штаб-квартиру ФБР, чтобы сдаться.

Лицо собеседника приняло недоверчивое выражение.

— Вы хотите сказать...

— Свяжитесь с ФБР минут через пятнадцать. Они скажут, что я у них. И не празднуйте победу, пытаясь лапать Мойру. Она получает жалованье от меня, а не от вас!

Харпер повесил трубку и вышел из будки, смешавшись с толпой на тротуаре. Он прошел два квартала, когда высокий, темноволосый, аккуратно одетый молодой человек бросил на него короткий, но проницательный взгляд, быстро развернулся и последовал за ним на расстоянии нескольких ярдов.

Харпер продолжал идти, улыбаясь себе под нос и считывая данные из разума соглядатая. Роберт Слейд, тридцать два года, агент ФБР, заметивший, что Харпер очень уж похож на Харпера. Встреча была чистой случайностью, но парень намеревался воспользоваться подвернувшейся возможностью, как только убедится, что этого человека можно арестовать.

Свернув на боковую улицу, Харпер прошел еще три квартала, не вполне представляя, где находится. Он не слишком хорошо знал Вашингтон. Остановившись на углу, он закурил сигарету, бросил взгляд в сторону и обнаружил, что Слейд сосредоточенно изучает витрину, полную стереовизоров.

Подойдя сзади, Харпер тронул Слейда за локоть.

— Прошу прощения. Я ищу Главное управление ФБР. Не подскажете, где оно находится?

Слейд не был бы так потрясен, если бы ему неожиданно ткнули стволом в живот.

— Что... э-э... да, конечно.

В серых глазах агента промелькнула неуверенность, и Харпер услышал его мысли: «Ничего себе совпадение!»

— Вы ведь Роберт Слейд, если не ошибаюсь? — небрежно спросил Харпер.

Тот отшатнулся.

— Да, это я. Впрочем, у вас передо мной преимущество — вас я что-то не припоминаю.

— Но ведь это не помешает меня арестовать?

— В каком смысле?

— Я ищу ваше Главное управление. Можете проводить меня туда. Меня вполне устроит, если вы сочтете нужным назвать это арестом. Я — Уэйд Харпер.

Слейд глубоко вздохнул.

— Вы шутите?

— Почему? Я что, не похож на Харпера?

— Очень даже похожи. И возможно, уже сыты по горло тем, что вас с ним путают. Если так, тут уж ничего не поделаешь.

— Это можно быстро прояснить. У вас есть мои фотографии.

Харпер полез под мышку.

— Вот мой пистолет. И пусть ребята из отдела баллистики постараются его не потерять — я надеюсь когда-нибудь получить его обратно.

— Спасибо.

Слейд ошеломленно сунул пистолет в карман и показал вдоль улицы.

— Туда.

Они пошли рядом по тротуару. Слейд не предложил надеть на Харпера наручники, даже не проявлял особой настороженности. Поведение Харпера настроило агента весьма скептически, он склонялся к мысли, что это задержание не принесет ему славы: задержанный вел себя слишком хладнокровно для убийцы.

Подойдя к большому зданию, они вошли внутрь, и Слейд провел Харпера в небольшую комнату.

— Подождите минуту,— бросил агент и скрылся.

Выход на улицу был совсем рядом. Ничто не мешало Харперу бежать, если не считать внушительного вида охранника у дверей.

Сидя в мягком кресле, Харпер забавлялся тем, что читал мысли Слейда. Миновав короткий коридор, агент вошел в кабинет и обратился к находившемуся там человеку.

«Я только что задержал Уэйда Харпера. Он в комнате номер четыре».

«Один?»

«Да».

«Ты с ума сошел? Он может сбежать, и...»

«Когда я встретил его, он шел сюда,— перебил Слейд, честно отказываясь от несуществующих заслуг.— Он сам хотел сюда явиться».

«О господи! Вот уж действительно странно».

Пауза, затем:

«Приведи его ко мне».

Харпер встал, прошел по коридору и оказался у двери как раз в тот миг, когда Слейд ее открыл. В третий раз Слейд был застигнут врасплох. Он молча, с озадаченным видом отступил в сторо-

ну, а Харпер смело вошел, сел и уставился на худощавого человека за столом. Тот посмотрел на Харпера и, сам того не подозревая, представился. «Уильям Притчард, тридцать один год, инспектор».

— Доброе утро, мистер Притчард,— сказал Харпер с жизнерадостным видом человека, которому не о чем беспокоиться.

Притчард моргнул, приводя в порядок разбежавшиеся мысли.

— Вы объявлены в розыск. Вас разыскивают за убийство Джоселин Уиттингэм.

— Да, я знаю. Читал газеты.

«Кто-то ошибся,— подумал Притчард, впечатленный хладнокровием Харпера.— У него наверняка есть алиби».

Откашлявшись, инспектор спросил:

— Итак, что вы желаете сообщить по данному поводу?

— Многое — но не вам.

— Почему не мне?

— Ничего личного, уверяю. Я бы хотел поговорить с Сэмом Стивенсом.

— Выясни, где Стивенс,— поколебавшись, велел Притчард, решив, что один допрашивающий ничем не хуже другого.

Слейд отсутствовал недолго, а вернувшись, сообщил:

— Стивенс в Сиэтле.

Пронзительно зазвонил телефон. Притчард схватил трубку.

— Да? Откуда вы знаете? Ах, он сам вам сказал? Нет, он не шутил. Он действительно здесь. Сидит прямо передо мной.

Положив трубку, инспектор уставился на Харпера.

— Со Стивенсом вы встретиться не сможете. Его нет.

— Жаль. Он мог бы свести меня с кем-нибудь из начальства. И чем выше, тем лучше.

— Зачем?

— Я отказываюсь отвечать.

Неодобрительно нахмурившись, Притчард подался вперед.

— Вы стреляли в мисс Уиттингэм или нет?

— Да.

— Ладно. Вы согласны подписать признание?

— Нет.

— Вы признаете, что стреляли в нее, но отказываетесь подписать признание?

— Совершенно верно.

— Можете назвать причину? — спросил Притчард, внимательно глядя на Харпера.

— У меня есть причина. Я ее не убивал.

— Но она мертва. Мертвее мертвого. Вы этого не знали?

Харпер махнул рукой, словно речь шла о чем-то незначительном.

— Значит, вы стреляли в нее, но не убивали? — настаивал Притчард.— Вы выпустили двенадцать стальных шариков ей в голову, но отказываетесь признать, что совершили убийство?

— Именно.

Этого было довольно. Притчард и Слейд мыслили как один человек. Взвесив все обстоятельства, они одновременно пришли к одному и тому же выводу — этот человек невиновен, поскольку невменяем.

— Сэм Стивенс — единственный, кого я знаю в вашей организации,— тяжело вздохнув, сказал Харпер.— Он проводил проверку на моем заводе два года тому назад и включил его в какой-то список национальной безопасности, который должен быть у вас. Он дал мне разрешение на ношение оружия и кучу бюрократических инструкций, главная из которых гласит, что в случае войны я перехожу в федеральную собственность. Меня конфискуют со всеми потрохами.

— И что? — спросил Притчард, не видя в этих словах никакого смысла.

— В общем, дело Уиттингэм имеет отношение к этому вопросу. А именно — к национальной безопасности. Поэтому я могу говорить только с тем, кто знает, о чем я веду речь.

«Джеймсон»,— быстро пронеслось в мыслях Притчарда.

— Например, с Джеймсоном,— сказал Харпер.

Они уставились на него так, будто он произнес святое имя в порочных стенах дешевого салуна.

— Или с его боссом,— добавил Харпер.

— Вы только что сказали,— сурово проговорил Притчард,— что Стивенс — единственный сотрудник ФБР, которого вы знаете. В таком случае, откуда вы узнали про Джеймсона? И еще — откуда вы узнали мое имя?

— Мое имя он тоже знал,— вмешался Слейд, явно пытаясь найти тому правдоподобное объяснение.

— На этот вопрос я смогу ответить только в присутствии кого-то из высшего начальства,— сказал Харпер.— Как выглядит ваше тело? — улыбнувшись Притчарду, спросил он.

— Что?

Харпер извлек из ошеломленных мыслей инспектора четкое и подробное изображение его тела и как бы между делом заметил:

— У вас родимое пятно в форме рыбы с внутренней стороны левого бедра.

— С меня хватит!

Притчард встал, не скрывая тревоги.

— Последи за этим Гудини,— велел он Слейду,— а я пока узнаю, что скажет Джеймсон.

Он поспешно вышел.

— Можно мне листок бумаги? — спросил Харпер у Слейда.

Достав листок из ящика стола, Слейд подвинул его Харперу. Тот достал авторучку и приготовился писать.

«Все-таки признание,— подумал Слейд.— Явно придурок, который сперва от всего отказывается, а в следующий миг сдается. Странно, как даже интеллигентный человек может настолько слететь с катушек. Возможно, это наследственное».

Не обращая внимания на эти нелестные мысли, которые слышались так четко, как будто произносились вслух, Харпер немного выждал, а затем начал писать. Писал он быстро и закончил незадолго до возвращения Притчарда.

— Он не станет с вами встречаться,— заявил Притчард, всем своим видом говоря — мол, тут уж ничего не поделаешь.

— Я знаю.

Харпер протянул ему бумагу.

Проглядев написанное, Притчард вытаращил глаза и выбежал из кабинета. Слейд уставился ему вслед, затем вопросительно посмотрел на Харпера.

— Это полная и точная запись их разговора,— сообщил Харпер.— Хотите сделать ставку против того, что теперь Джеймсон захочет со мной встретиться?

— Нет,— ответил Слейд, чувствуя, что его бьет нервная дрожь.— Я не из тех, кто бросает деньги на ветер.

Джеймсон оказался плечистым человеком средних лет с густой копной курчавых седых волос. Взгляд его голубых глаз был холоден, весь его вид говорил о том, что он давно привык повелевать. Выпрямившись в кресле, он прижимал к столу указательным пальцем лист бумаги.

— Как вам это удалось? — сразу приступил он к делу.

— Очень просто. Прицелился, выстрелил, она упала.

— Я не о том! — Джеймсон нетерпеливо постучал по столу пальцем.— Я имею в виду вот это.

— О, всего лишь перехват сведений.— Харпер сделал вид, будто только теперь понял, чего от него хотят.— Точно так же, как такое мог бы проделать враг, если бы хотел знать, что мы замышляем.

— Можете идти,— сказал Джеймсон Притчарду.— Я вас позову, когда понадобитесь.

Выждав, пока дверь закроется, Джеймсон полностью сосредоточил внимание на Харпере.

— Вы категорически утверждаете, что вражеские агенты способны читать наши мысли?

— Нет.

— Тогда откуда подобное предположение?

— Просто теоретически предполагаю, что, если один человек на что-то способен, на это может быть способен и другой,— сказал Харпер.— Я уже много лет размышляю над этой идеей, вот только не сумел пока найти доказательств в ее поддержку.

— Судя по всему, вы говорите о том, на что способны сами. И на что же?

— Вот на это,— ответил Харпер, показывая на листок.

Джеймсон не был дураком. Он сразу понял, что имеет в виду Харпер, но разум его отказывался воспринимать подобное. Очевидное объяснение оказывалось крайне неудобоваримым. Наконец Джеймсон решил поставить вопрос ребром.

— Для подобных фокусов потребовался бы телепат.

— Никто иной,— согласился Харпер.

— Кто слыхал хоть об одном телепате? — недоверчиво спросил Джеймсон.

Харпер лишь пожал плечами.

Нажав кнопку интеркома, Джеймсон проговорил в микрофон:

— Мисс Киз на месте? Позовите ее. Мисс Киз, я бы хотел попросить вас напечатать колонку из двадцати случайно выбранных восьмизначных чисел. Как только закончите, сразу принесите мне.

Отключившись, он вызывающе посмотрел на Харпера и подвинул ему лист бумаги:

— Посмотрим, что у вас получится.

— На этот раз мне придется искать в мешанине мыслей множества людей мысли того, кто сочиняет бессмысленные числа,— пожаловался Харпер.— Я могу пропустить одно-другое.

— Ничего страшного. Сделайте, что в ваших силах. Если напишете правильно хотя бы четверть цифр, это убедит меня, что времена чудес еще не миновали.

Харпер написал восемнадцать чисел плюс последние две цифры девятнадцатого. Молча взяв у него листок, Джеймсон подождал мисс Киз. Вскоре она появилась, отдала ему список и ушла, ничем не выказав удивления. Если бы ей приказали надеть чехол от пишущей машинки вместо шляпы, она и это проделала бы без вопросов.

Джеймсон сравнил две колонки.

— Это хуже, чем бомба в Пентагоне,— наконец сказал он.— Теперь ни у кого не осталось ничего личного.

— Знаю.

— Как вам такое удается?

— Разве человек с заячьей губой может рассказать, как ему удается быть таким? Все, что мне известно,— я таким родился. Первые несколько лет я считал, что все остальные похожи на меня. Лишь некоторое время спустя я понял, что это не так; понял, что я — одноглазый в мире слепых; понял, что меня могут опасаться. А тех, кого опасаются, ненавидят.

— Наверняка ваше дарование появилось не без причин,— сказал Джеймсон.

— Какое это имеет значение?

— Чертовски большое. Вы — отклонение от нормы, возникшее вследствие необычного стечения обстоятельств. Если удастся выяснить, каких именно обстоятельств, мы поймем, может ли такое случиться еще где-нибудь. Это, в свою очередь, помо-

жет понять, существуют ли подобные вам люди, а если да, что с ними стало.

— Не думаю, что это имеет хоть какое-то значение,— тихо проговорил Харпер.— Теперь уже нет.

— Почему?

— Потому что я вступил в мысленный контакт с Джоселин Уиттингэм и она тотчас оскорбительно обо мне высказалась. И тогда я в нее выстрелил.

— Вы сочли оскорбление достаточным поводом для убийства? — спросил Джеймсон.

— Учитывая, *что* именно она сказала,— да.

— И как же она вас назвала?

— Земной ублюдок,— сказал Харпер, глядя ему прямо в глаза.

Глава 5

Минуты две Джеймсон сидел, словно парализованный. Мысли его сменяли одна другую в бешеном темпе, словно он на мгновение забыл, что Харпер может читать их так же легко, как сверкающую неоновую рекламу.

— Вы уверены? — наконец спросил он.

— Единственный человек в мире, который может быть уверен в чужих мыслях,— телепат,— заверил Харпер.— Скажу вам еще кое-что: я стрелял в нее, потому что знал — я не могу ее убить. Это было физически невозможно.

— Почему вы так решили?

— Никто в мире не мог причинить вреда Джоселин Уиттингэм, поскольку она была уже мертва.

— Послушайте, у нас есть подробный отчет полиции...

— Я прикончил кого-то другого,— заявил Харпер.— Существо, которое перед этим убило ее.

Мысли Джеймсона снова закружились в бешеном водовороте. Его холодный острый ум привык иметь дело с весьма сложными, но, по сути, обычными проблемами. У него был немалый опыт, но сейчас Джеймсон впервые столкнулся лицом к лицу с чем-то сверхъестественным. И все равно он пытался мыслить рациональными, повседневными понятиями — хотя это было не проще, чем пытаться измерить рулеткой расстояние до Луны.

Харпера больше всего удивило, что Джеймсон чувствовал замешательство главным образом из-за нехватки определенной информации, которой он, по долгу службы, обязан был располагать. Джеймсон занимал высокое положение в бюрократической иерархии, но, судя по всему, недостаточно высокое. Так или иначе, у него имелись достаточные связи для того, чтобы дать делу ход и кое-что предпринять.

— У вас есть лишь голый отчет из полицейских источников,— сказал Харпер.— Этого мало. Я бы хотел рассказать обо всем, что сам видел.

— Выкладывайте,— кивнул Джеймсон, радуясь возможности сосредоточиться на том, что могло пролить свет на ситуацию.

Харпер начал рассказ с того, как уловил мысли умирающего Элдерсона, и поведал все до конца.

— Ни один обычный человек не в состоянии почувствовать, что его мысли кто-то читает,— сказал он.— Не появляется ощущения физического контакта, которое могло бы об этом предупредить. Человек остается в полном неведении о том, что забрались в его черепушку. Я все время читал ваши мысли, но вы ведь этого не ощутили, верно?

— Верно,— признался Джеймсон.

— И если бы я не признался, что я — телепат, если бы потом не доказал правдивость своих слов, у вас не было бы причин подозревать, что ваш разум распахнут передо мной?

— Не было бы.

— Так вот,— словно вспоминая, продолжал Харпер,— едва я коснулся разума существа, находившегося внутри Джоселин Уиттингэм, оно тут же почувствовало контакт, поняло, где находится источник контакта, пришло в дикую ярость и возненавидело меня на чем свет стоит. Как только я ощутил эту реакцию, мне стало ясно: разум — нечеловеческий. Контакт длился лишь долю секунды, но этого оказалось достаточно. Я понял, что существо не имеет никакого отношения к людям. Я никогда не спутал бы его с человеком, как вы бы никогда не спутали гремучую змею с младенцем.

— Если то был не человек,— скептически спросил Джеймсон,— тогда что же это было?

— Не знаю.

— Как оно выглядело?

— Так же, как та девушка, Уиттингэм. Иначе и быть не могло. Оно использовало ее тело.

Внезапно Джеймсона захлестнула волна недоверия.

— Я могу сделать вывод, что вы либо настоящий телепат, либо исполнитель нового выдающегося трюка, благодаря которому вас не отличишь от телепата. Но это не значит, что я приму на веру ваш рассказ об убийстве. Ваша защита сводится к тому, что вы стреляли в труп, оживленный бог знает кем. Ни один суд в мире не примет во внимание столь невероятное заявление.

— Я никогда не предстану перед судом,— сказал Харпер.

— Думаю, предстанете — если только прежде не умрете. Закон есть закон.

— Впервые за свою никчемную жизнь я оказался выше закона,— уверенно заявил Харпер.— Более того, сам закон с этим согласится.

— Как вы пришли к столь поразительному заключению?

— Закон интересует не столько смерть Джоселин Уиттингэм. Его куда больше интересует убийство Элдерсона, офицера полиции. И вы не сможете приписать его мне, как бы ни старались,— потому что я этого не делал.

— Тогда кто? — вызывающе спросил Джеймсон.

— Ага! — Харпер многозначительно посмотрел на него.— Похоже, вы начинаете добираться до сути. Кто убил Элдерсона и зачем?

— И?..

— Трое на «тандербаге». Трое, которым, вероятнее всего, крайне не понравилось, что Элдерсон вмешался в критический момент, когда они овладевали Уиттингэм.

— «Овладевали»?

— Не смотрите на меня так. Откуда мне знать, как в точности все произошло? Мне известно только, что случившееся привело к тому результату, который я обнаружил.

Джеймсон был явно сбит с толку.

— Трое,— с напором продолжал Харпер.— В зеленых костюмах, зеленых галстуках, серых рубашках с воротниками. Трое в форме, которая никому не знакома. Почему эту форму никто не опознал?

— Потому что то была вовсе не форма,— рискнул предположить Джеймсон.— Просто покрой их одежды, скажем так, смахивал на официальный.

— Или потому, что эту форму никто не знает,— предположил Харпер.— Потому что правительство никому ничего не говорит, ни единого слова. Разве налогоплательщикам всегда рассказывают, куда идут их деньги?

— К чему, черт побери, вы клоните?

— Мы раздираем Луну на куски, и никто не обращает на это внимания. Это продолжается слишком долго, поэтому давно стало привычным делом. Лунный корабль сейчас столь же примечателен, как некогда пароход судоходной компании Кьюнарда. Мы настолько искушены в подобных вещах, что утратили способность удивляться.

— Мне все это известно не хуже вас — я тоже как-никак живу в нынешнем веке,— слегка раздраженно ответил Джеймсон.— Что с того?

— У кого возникла идея об исследовании Венеры и Марса? Вы посылали туда кого-нибудь, и если да, то когда? Вернулись ли посланные назад? Не были ли они тремя парнями в зеленой форме с серыми рубашками?

— О господи! — воскликнул Джеймсон.

— Трое куда-то отправились, нашли там нечто большее, чем предполагали, и невольно доставили его сюда, чтобы оно распространилось по всему миру. Такова моя теория. Подумайте.

— Если я обращусь в соответствующий отдел с подобными фантазиями, меня сочтут сумасшедшим.

— Я знаю, почему вы боитесь,— я ведь могу читать ваши мысли, помните? Во-первых, вы лично не знаете ни о какой космической экспедиции и ничего о ней не слышали. Во-вторых, вы не можете поверить в мои выводы. Верно?

— Нет смысла это отрицать.

— Тогда взгляните на дело так: я знаю — даже если не знаете вы,— что на мгновение прикоснулся к по-настоящему чуждому разуму, завладевшему человеческим телом. Это существо не могло возникнуть ниоткуда. Оно каким-то образом тайно прибыло к нам. Кто-то должен был его сюда доставить. Единственные подозреваемые — те трое.

— Продолжайте,— сказал Джеймсон.

— У нас нет ни малейшего понятия, как долго троица здесь ошивается. Может, неделю, может, год.

Харпер укоризненно посмотрел на собеседника.

— Так что Уиттингэм могла быть не первой и отнюдь не последней их жертвой. Эти трое могли обработать целую сотню людей и сейчас, возможно, проделывают то же самое со следующей сотней, пока мы сидим здесь и издаем бессмысленные звуки. Если будем заниматься болтовней и дальше, то не успеем очухаться, как *они* захватят половину мира.

Джеймсон беспокойно шевельнулся, бросив неуверенный взгляд на телефон.

— Брокман из Особого отдела,— сказал Харпер.— Именно о нем вы только что подумали.

Он махнул рукой.

— Ладно, свяжитесь с ним. Что нам терять? Возможно, он скажет вам то, что никогда не сказал бы мне. Спросите его, отправлялась ли экспедиция в космос и когда она должна вернуться.

— Десять к одному, что он проигнорирует вопрос и захочет знать, почему я об этом спрашиваю,— возразил Джеймсон.— Вряд ли я смогу изложить ему ваши соображения.

— Только в том случае, если никакой экспедиции нет,— заверил Харпер.— Но на самом деле она есть, и притом совершенно секретная. От вашего вопроса у него усы отвалятся, если он носит усы. Он сразу захочет выяснить, каким образом просочилась информация. Попробуйте, и послушаем, что он скажет.

С некоторым сомнением Джеймсон снял трубку и покорно сказал:

— Соедините меня с Особым отделом, с мистером Брокманом.

Когда их наконец соединили, Джеймсон заговорил с такой неохотой, как будто вынужден был объявить об аресте Белоснежки и всех семи гномов.

— Тут у нас весьма странное дело. Не стану отнимать у вас время и излагать подробности, но был бы крайне признателен, если бы вы сказали, не была ли в тайне от всех отправлена в космос новая экспедиция.

По мере того как он слушал, лицо его все больше вытягивалось.

— Да, нам крайне важно это знать. Хорошо. Большое вам спасибо.

Он положил трубку.

— Он не знает? — спросил Харпер.

— Верно.

— А должен знать?

— Я полагал, что да. Хотя мог и ошибаться. Чем выше секретность, тем меньше людей посвящено в дело и тем дольше нам придется искать ответ, если он вообще существует.

Достав из нагрудного кармана большой синий платок, Джеймсон вытер лоб, хотя на нем не было видно пота.

— Брокман перезвонит, как только что-нибудь узнает.

— Можно было бы сэкономить ценное время, позвонив в Белый дом и спросив у президента. Только не говорите, что и он ничего не знает.

— Слушайте, дайте мне все-таки поступать так, как я считаю нужным! — возмутился Джеймсон.

— Само собой. Но чем больше времени мы потратим, тем раньше вы начнете вести себя не по-человечески,— мрачно усмехнулся Харпер.— И тогда, не имея пистолета, я буду вынужден задушить вас голыми руками — если успею до того, как вы завладеете моим разумом.

— Замолчите! — приказал Джеймсон, слегка побледнев.

Он хмуро посмотрел на телефон, который тут же с готовностью пискнул. Подпрыгнув от неожиданности на стуле, Джеймсон схватил трубку и спросил:

— Да?

Его лицо несколько раз меняло выражение; наконец, положив трубку, он встал и сказал:

— Нас хотят немедленно видеть.

— И мы, конечно, знаем, в связи с чем?

Не удостоив Харпера ответом, Джеймсон направился к выходу.

На улице они сели в автомобиль, которым управлял агент, похожий на гибрид продавца галантерейного магазина и чемпиона по борьбе. Проехав десять кварталов и поднявшись на двадца-

тый этаж здания из стекла и бетона, Харпер и Джеймсон вошли в кабинет, где их ждали четверо — все очень серьезные.

Самый старший из четверых, худощавый, с белыми волосами и пристальным взглядом, бросил Джеймсону:

— Что еще за история насчет космической экспедиции? Где вы ее откопали?

Не найдя ничего лучшего, кроме как переложить ответственность на другого, Джеймсон показал на своего спутника:

— Это Уэйд Харпер. Полиция штата разыскивает его за убийство. Около часа назад он сам пришел к нам. Вопрос об экспедиции возник после его рассказа.

Четыре пары глаз обратились к Харперу.

— И что же он рассказал?

Они явно нервничали, Харпер чувствовал это. Он понимал и причину беспокойства — их крайне заботило, что секретные сведения стали известны широкой публике. Он также понимал, что Джеймсон на некоторое время забыл о его особом даре. Не так-то легко привыкнуть к почти легендарным способностям, которыми обладает вполне нормальный с виду человек.

Отыскав в мозгу седого его имя, Харпер обратился к нему:

— Мистер Кинг, мне известно, что полтора года назад мы послали корабль к Венере, ближайшей планете. Этот полет стал результатом экспериментов, проводившихся в течение двадцати лет под контролем правительства. Экипаж корабля состоял из трех тщательно отобранных человек. Было назначено два варианта сроков его возвращения. Если бы экипаж счел условия на Венере невыносимыми, корабль должен был вернуться в прошлом ноябре. Если же условия позволили бы прожить там некоторое время и провести научные исследования, они должны были вернуться в середине июня — до этого срока остается еще примерно пять недель. Тот факт, что об их возвращении ничего не известно, официально считается внушающим надежду. Правительство ждет их прибытия на Землю, прежде чем сообщить об этой новости миру.

Кинг выслушал Харпера с совершенно бесстрастным видом, наивно полагая, что напряженная работа его мысли остается скрытой от собеседника. С наигранным спокойствием он спросил:

— И где же вы раздобыли эту информацию?

Для Джеймсона, ошеломленно слушавшего повествование Харпера, это было уже чересчур.

— Этот человек — телепат, мистер Кинг. Он доказал это в моем присутствии. Все сведения он извлек из ваших мыслей.

— В самом деле? — недоверчиво спросил Кинг.— Тогда как вы объясните ваш звонок Брокману двадцать минут назад?

— Тогда я обо всем только подозревал,— вмешался Харпер.— Но теперь знаю.

Он пристально посмотрел на Кинга и добавил:

— В данный момент вы думаете о том, что, если в мире появились телепаты, возможно, неплохо бы избавиться от них от греха подальше, да побыстрее.

— Вы слишком много знаете,— сказал Кинг.— Ни одно правительство не сможет обеспечить надлежащей безопасности, если вокруг будут болтаться такие, как вы.

— Я болтаюсь тут уже много лет, но революции пока не случилось.

— Но вы — подозреваемый убийца, которого притащил в правительственное учреждение директор департамента ФБР,— сказал Кинг, всем своим видом выражая неподдельное недовольство.— О подобном прежде никто и никогда не слыхивал. Надеюсь, у них хватило ума обыскать вас на предмет спрятанного оружия.

Стоявший рядом с Харпером Джеймсон покраснел.

— Прошу прощения, мистер Кинг, но есть проблема куда более серьезная, чем та, которая, судя по всему, вас волнует.

— И какая же?

— Корабль вернулся,— вмешался Харпер.

Все четверо подпрыгнули, как на иголках.

— Когда? — требовательно спросил Кинг.— Где он приземлился?

— Не знаю.

— Тогда откуда вы знаете, что он вернулся?

— Он нашел следы экипажа,— сообщил Джеймсон.— Или, по крайней мере, нечто похожее.

— Нет, не думаю,— осторожно возразил Харпер.— Мне кажется, экипаж мертв.

— Значит, экипаж погиб и вы не имеете ни малейшего понятия, где сел корабль? — спросил Кинг, на этот раз размыш-

ляя, не сошел ли Харпер с ума, но не в силах найти правдоподобного объяснения поведению столь проницательного человека, как Джеймсон.— И тем не менее вы точно знаете, что корабль вернулся?

— Готов поставить на это миллион долларов.

— И корабль проделал весь путь сам по себе? Какая-то удивительная космическая конвульсия зашвырнула его на тридцать с лишним миллионов миль сквозь пустоту и забросила в некое таинственное место, о котором никто не знает и не подозревает, кроме вас?

— Ваш сарказм не имеет смысла, ничем не может помочь и лишь доставляет мне лишнюю головную боль,— раздраженно бросил Харпер.— Корабль привела на Землю компания венерианцев. Как вам это понравится, а?

Кингу это вовсе не понравилось. Его разум без колебаний отверг услышанное, пытаясь перебрать десяток возражений и решить, которое из них огласить первым.

Сидевший справа от него человек в очках воспользовался паузой, заговорив с Харпером так, как обычно говорят с непослушным ребенком:

— Управлять космическим кораблем не так-то просто.

— Догадываюсь, мистер Смедли.

— Это очень сложное устройство. И оно требует немалых знаний.

— В том-то и дело, черт побери,— сказал Харпер.

— Что вы имеете в виду?

— Любой, кто может захватить корабль и без подготовки управлять им, без особого труда может завладеть чем угодно.

Харпер дал им несколько секунд на то, чтобы переварить услышанное, после чего продолжал:

— Завладеть постепенно, по частям, пока у них в руках не окажется все, а у нас не останется ничего — даже собственных душ.

— Омерзительная идея,— сказал Кинг, чувствуя пробежавший по спине холодок.

— Само собой,— согласился Харпер.— И вам придется отказаться от вашей последней мысли.

— От какой еще мысли?

— Будто я агент некоей банды заговорщиков из-за океана, которые таинственным образом пытаются нам напакостить. С се-

годняшнего дня любой подобной вражде пришел конец. Им сейчас грозит та же опасность, что и остальному человечеству, и чем быстрее это станет ясно, тем лучше. Тогда им станет так же страшно, как мне сейчас.

— Сомневаюсь. Они отнесутся к этому с привычной подозрительностью и обвинят нас в том, что мы пытаемся в очередной раз запугать мир новой угрозой.

— Когда мы перестанем быть людьми, уже не будет иметь никакого значения, кто, кого и в чем обвинял. Собственно говоря, самого понятия вины для нас просто не станет.

— Мне кажется,— упрямо возразил Кинг,— вы чертовски многое принимаете на веру на основании слишком незначительных доказательств. Для вас эти доказательства могут выглядеть вполне реальными, для нас же они вторичны. Даже если мы согласимся с утверждением Джеймсона, что вы настоящий телепат, даже если мы примем во внимание симптомы телепатии, которые вы здесь продемонстрировали, остается фактом, что вы, как и любой другой, способны вообразить то, чего на самом деле не существует. Я не вижу никаких логических причин, по которым телепат не может заблуждаться. Вы всерьез полагаете, что мы поднимем по тревоге всю оборону страны из-за ничем не подтвержденной истории?

— Нет,— согласился Харпер.— Я не настолько глуп.

— Тогда чего вы от нас ожидаете?

— Во-первых, мне требовалось официальное подтверждение моих подозрений, что куда-то за пределы лунной орбиты действительно отправился космический корабль. Вот почему я проделал столь долгий путь, постаравшись не попасться местной полиции, которая слишком мало знает и слишком громко лает. Так или иначе, я должен был узнать про этот корабль.

— А во-вторых?

— Теперь я ожидаю неких действий — естественно, в разумных пределах. Если в итоге будут получены доказательства, которые вам требуются, я ожидаю дальнейших действий, в масштабах всей страны.

— Намного легче говорить о доказательствах, чем пойти и раздобыть их. Если доказательства существуют, почему вы не нашли их сами и не принесли сюда? Здравый смысл наверняка

подсказывает вам, что чем более дикой выглядит история, тем больше доказательств нужно, чтобы она сделалась убедительной.

— Знаю,— сказал Харпер.— И полагаю, что мог бы получить достаточно доказательств для того, чтобы вы все выпрыгнули из штанов,— имей я только кое-какие из ваших секретных сведений.

— На что вы намекаете?

— Фотографии тех астронавтов.

Харпер укоризненно посмотрел на Кинга и его коллег, словно удивляясь их неспособности понять очевидное.

— У нас есть свидетель, который видел вблизи двоих из них и хорошо их запомнил. Покажите ему имеющиеся у вас фотографии. Если он скажет, что это те самые ребята, вопрос решен.

— Да, это вполне логичный ход,— шевельнув бровями, вставил Джеймсон.— Более того, так мы могли бы вообще покончить со всеми сомнениями.

— Каким образом? — спросил Кинг.

— «Тандербаг» должен был откуда-то взяться. Он мог проехать сотни миль, прежде чем оказаться в том злополучном месте. Машину и троих парней внутри могли заметить десять, двадцать, сорок человек. Я могу поручить агентам проследить путь «тандербага» и найти свидетелей. Если все свидетели скажут одно и то же, а именно, что эти трое — ваши пропавшие пилоты...

Джеймсон не договорил, отчего его слова прозвучали несколько зловеще.

— Чтобы такое проделать,— заметил Кинг,— нам пришлось бы извлечь эти фотографии из секретных документов и снабдить вас большим количеством копий.

— Конечно.

— Но это означает распространение секретных сведений.

Харпер громко застонал, потер подбородок и процитировал имена двенадцати апостолов.

— Посмотрим, что решит соответствующий департамент,— сказал Кинг, недовольно глядя на него.

— Заодно,— предложил Харпер,— можете убедить другой соответствующий департамент забрать тело Джоселин Уиттингэм и подвергнуть его тщательному исследованию. Не знаю, даст ли это что-нибудь, но в любом случае попытаться стоит.

— Посмотрим, что они решат,— повторил Кинг с явной неохотой и вышел.

Оставшиеся трое беспокойно пошевелились, осознавая, что вся ответственность с этого момента волей-неволей ложится на них.

— У вас есть пистолет? — спросил Харпер Джеймсона.

— Да.

— Лучше держитесь за него покрепче.

— Почему?

— Потому что, если Кингу не удастся договориться с начальством, я по-настоящему озверею.

— Лучше не стоит! — предупредил Джеймсон.

— Я предпочту быстро умереть здесь, чем медленно где-нибудь в другом месте,— горячо заявил Харпер.

Трое посмотрели на него с явной опаской.

Кинг отсутствовал долго. Наконец он вернулся в сопровождении массивного человека с военной выправкой по фамилии Бенфилд. В руке тот держал три большие фотографии, которые показал Харперу.

— Знаете этих людей?

— Нет.

— Уверены?

— Уверен. Мне они совершенно незнакомы.

— Гм! Можете ли вы сказать, что они соответствуют описанию тех троих, которых вы имеете в виду?

— Вполне. Я мог бы утверждать более определенно, если бы фотографии были цветными. На черно-белом изображении не понять, какого цвета форма.

— Темно-зеленая с серебряными пуговицами, серые рубашки, зеленые галстуки.

— Кроме серебряных пуговиц, все сходится.

— Хорошо. Мы немедленно проверим. Кто тот свидетель?

Харпер рассказал ему про старика с заправки, пока Бенфилд делал быстрые записи в блокноте.

— Сперва попробуем допросить его,— обратился Бенфилд к Джеймсону.— Если проверка подтвердится, мы сделаем достаточное количество копий для того, чтобы ваши люди могли проследить весь их путь. Покамест передадим комплект фото-

графий в ваше тамошнее управление. Вряд ли потребуется много времени, чтобы выяснить, розыгрыш все это или нет.

— Пара часов,— сказал Джеймсон.

— Лучше бы пара минут,— заметил Харпер.— И как насчет того, чтобы дать мне передышку, пока вы этим занимаетесь?

— Об этом подумаем, когда получим доклад. Если доклад не оставит от вашей истории камня на камне, мы, скорее всего, отправим вас на обследование к психиатру.

— Это будет забавно,— заверил Харпер.— Он будет играть всеми королями, а я — всеми тузами. В конце концов вам придется упрятать в психушку его самого.

Бенфилд пропустил эти слова мимо ушей. К истории про телепатию и тому подобное он относился с изрядной долей скепсиса. На него произвело впечатление лишь то, что разыскиваемый преступник каким-то образом сумел добраться до высших эшелонов Вашингтона. Из чего следовало, что либо в словах Харпера есть крупица некоей невероятной истины, либо он обладает удивительным даром убеждения. Но Бенфилд был человеком беспристрастным и готов был заняться поиском любых фактов, которые могли принести хоть какую-то пользу.

— Поместите его в надежное место,— велел Бенфилд Джеймсону,— и держите там, пока мы не получим ответ.

— Думаете, я собираюсь сбежать после того, как проделал весь путь сюда? — возразил Харпер.

— Нет, не думаю — поскольку у вас не будет ни малейшего шанса сбежать.

Бросив на Джеймсона предупреждающий взгляд, Бенфилд вышел с фотографиями в руках.

— Мы позвоним вам, как только что-нибудь узнаем,— пообещал Джеймсону Кинг.

Он пристально посмотрел на Харпера, пытаясь вновь обрести властный вид, и продолжал смотреть ему в спину, пока тот выходил. Но в голове его крутился дикий водоворот мыслей, и ему было страшно, как он ни пытался это скрыть.

— Спасибо за обед,— устало сказал Харпер, сидя в кабинете Джеймсона.— Похоже, скоро вам придется покупать мне и ужин.

Он посмотрел на часы.

— Без двадцати четыре. Почему они не доложат непосредственно вам? Это ведь ваши люди, так?

— У них свой приказ.

— Да, я знаю. Приказ, полученный от кого-то другого. В данный момент вы размышляете о том, что это дело не вполне в вашей компетенции. В задачи ФБР входит многое, но не поиски чересчур расточительных космических пилотов. Так, по крайней мере, вы считаете. И не можете решить, выйдет ли из этого хоть какой-нибудь толк.

— В свое время выясним.

— Что-то долго они выясняют.

Харпер несколько минут сидел молча, затем начал проявлять признаки нетерпения.

— А если тот старик мертв и больше не в состоянии кого-либо опознать?

— У вас есть причины так думать? — спросил Джеймсон, пристально глядя на него.

— Да. Возможно, те трое решили подстраховаться и вернулись, чтобы заткнуть ему рот.

— Зачем? Свидетельство мисс Уиттингэм снимало с них всякие подозрения. Было бы крайне глупо так поступать, вновь привлекая к себе внимание после того, как им успешно удалось уйти в тень.

— Вы рассматриваете случившееся с неверной точки зрения,— заявил Харпер,— и ошибаетесь в двух отношениях.

— А именно?

— Вы полагаете, что если они виновны, то поведут себя как любые другие земные головорезы, убившие полицейского. Но почему они должны так поступать? Данное преступление вовсе не значит для них то же самое, что для нас. Напротив, они могут относиться к нему так же, как относится к своему поступку какой-нибудь тупоголовый фермер, который, увидев в лесу странную птицу, целится в нее из ружья и стреляет. Возможно, то была редчайшая птица в мире, последний экземпляр. Но разве фермера это хоть немного волнует?

— Вот причина, по которой они вряд ли вернутся, чтобы убить свидетеля,— заметил Джеймсон.— Вряд ли он их хоть немного волнует.

— Вовсе нет. Это аргумент против вашего предположения, что их главным образом заботит убийство Элдерсона. Думаю, на самом деле их беспокоит нечто куда более серьезное.

— Например?

— Страх, что их слишком быстро опознают. Они вовсе не стремятся к тому, чтобы в них узнали астронавтов, не говоря уж о том, чтобы их заклеймили как преступников. Если где-то заметят пропавший космический экипаж, начнутся поиски по всем континентам, а на данном этапе им это совершенно не нужно. Что бы они ни собирались сделать, им требуется время.

— Раз вы настолько хорошо информированы,— слегка язвительно заметил Джеймсон,— возможно, сумеете объяснить, с какой целью они к нам прибыли?

— Одному богу известно. Но цели у них явно грязные. Иначе зачем им пытаться действовать тайно? Будь у них честные намерения — к чему тогда скрываться?

— Возможно, вы совершаете ту же ошибку, какую только что приписали мне,— сказал Джеймсон.— Вы рассматриваете их с человеческой точки зрения. Не слишком разумно оценивать таким образом цели и поступки инопланетян, верно?

Харпер презрительно фыркнул.

— В той степени, в какой их действия касаются нас, мы просто вынуждены рассматривать этих существ с нашей точки зрения. Вполне возможно, что их по праву считают выдающимися авантюристами и величайшими патриотами в истории Венеры. Но если из-за их махинаций я хоть сколько-нибудь пострадаю — для меня они будут всего лишь троицей выдающихся подонков.

— Полностью с вами согласен.

— Ладно. Так или иначе, вряд ли тот старик с заправки сможет однозначно указать на них как на убийц Элдерсона. Самое большее, на что он способен,— подтвердить имеющиеся подозрения.

Харпер подался вперед, пристально глядя на Джеймсона.

— Но что он действительно сможет — это то, чего мы пытаемся от него добиться. Он сможет посмотреть на три фотографии, кивнуть и положить начало поискам. Есть только один надежный способ ему помешать — заставив замолкнуть навеки, пока не стало слишком поздно.

— Вполне разумно,— согласился Джеймсон,— но в ваших рассуждениях есть один серьезный недостаток.

— Какой?

— По всем новостным каналам передали подробности обоих убийств, как Элдерсона, так и Уиттингэм. Все от побережья до побережья знают, что вас разыскивают за второе убийство и подозревают в первом. Троим беглецам известно, что они никак не вписываются в эту картину. Да и описанию свидетеля, о котором вы беспокоитесь, могут соответствовать тысячи людей. В программе новостей ничто не наводило на мысль, что свидетелю покажут фотографии, извлеченные из секретных папок Вашингтона. Так с чего бы им делать подобный вывод?

— Потому что я застрелил мисс Уиттингэм.

— Не понимаю,— нахмурился Джеймсон.

— Послушайте, я же вам рассказывал. Они почему-то подобрали на дороге эту девушку, вероятно просто потому, что подвернулась возможность, а им хотелось испытать свои методы. Возможно, они миссионеры, не упускающие ни одного шанса заполучить очередного новообращенного, по принципу «чем больше, тем лучше». Так или иначе, они превратили ее в одного из себе подобных. Она перестала быть Джоселин Уиттингэм, но продолжала под нее маскироваться. Не спрашивайте меня, каким образом, поскольку я этого не знаю и не могу даже предположить.

— И что?

— Сейчас главный вопрос — сумели ли они запомнить личность девушки? Или ее облик не отложился в их памяти, поскольку они сочли его несущественным? А может, им попросту трудно воспринимать личность людей?

— Продолжайте,— поторопил Джеймсон.

— Если ее личность им неизвестна, весть о ее смерти ничего не будет для них значить. Для них новости, в которых говорится об убийстве Уиттингэм, станут лишь очередной передачей об отвратительным убийстве, и они даже не поймут, что имеют к этому какое-то отношение. Но если они ее опознают...

— Ради всего святого, не держите меня в неведении,— умоляюще сказал Джеймсон.

— Тогда убийство Уиттингэм заставит их действовать как можно быстрее. Они захотят выяснить, почему ее убили. Они захотят знать, убили ли ее из-за того, что в ней удалось распознать венерианца, а если да, кто и каким образом это сделал. Они прекрасно понимают, что, если станет известно об их присутствии на Земле, это присутствие неминуемо свяжут с космической экспедицией. И им очень захочется выяснить, успеют ли они разорвать связь, перерезав несколько глоток.

— Включая вашу.

— Да. Я — жертвенный козел. Мое имя и адрес сообщили в новостях по всей стране, прямо-таки приглашая до меня добраться — если у венерианцев получится это сделать. В любом случае, быстро я не умру. Меня прикончат медленно, очень медленно.

— С чего вы взяли?

— Насколько я догадываюсь, в их распоряжении имеется одно-единственное оружие — но чудовищное. Они могут притворяться людьми, и их притворство не может распознать никто, кроме какого-нибудь чуда природы вроде меня. Для них крайне важно знать, как мне это удается. Они не могут гарантировать, что подобное не повторится, если не узнают, *как* я это делаю. Они не могут бороться с угрозой, не понимая ее сути. Им придется вытащить из меня правду любой ценой, любым самым кровавым и рискованным способом. Иначе кто знает, сколько еще людей смогут их распознать и когда настанет последний час венерианцев. Их жизнь не будет стоить ломаного гроша.

— Телепатов у нас не пруд пруди,— заметил Джеймсон.— Вы же сами говорили.

— Но они-то этого не знают. Им остается лишь строить догадки, а обстоятельства таковы, что любое предположение может оказаться правдой. Они могут подумать, что их в состоянии почуять каждый рыжий — а рыжих вокруг полным-полно. Им просто необходимо знать, как это происходит.

— Вы, конечно, не рыжий,— сказал Джеймсон,— но если однажды мы найдем вас оскальпированным, мы сочтем это подтверждением вашей правоты.

— Спасибо,— проворчал Харпер.— Можете поглумиться над моим трупом. Смейтесь от всей души. Но скоро вы пожалеете, что не оказались на моем месте!

— Вы же знаете, я просто шутил. Я...

Джеймсон схватил трубку телефона, прежде чем тот успел зазвонить еще раз. Харпер поднялся, выжидающе глядя на Джеймсона.

— Как и в прошлый раз, они хотят немедленно нас видеть,— сказал Джеймсон, кладя трубку и беря шляпу.— С тем же успехом мы могли бы вообще оттуда не уходить.

— В деле есть подвижки,— заявил Харпер, когда они поспешно вышли на улицу и сели в машину.— Если бы от тех фотографий не оказалось толку, нам бы сразу об этом сказали. Не потащили бы через десять кварталов только затем, чтобы сообщить, что проверка ничего не дала. Или... Кто знает? Так или иначе, за топливо платят налогоплательщики.

Джеймсон сидел рядом с непроницаемым видом, не проронив в ответ ни слова.

Глава 6

На этот раз их ждали только двое. Суровые и жесткие черты одного из них, генерала Конуэя, были известны всему миру. Вторым был Бенфилд, мрачнее тучи.

— Итак! — пророкотал генерал Конуэй, впившись в Харпера холодным взглядом.— Это вы — чтец мыслей?

— Вы говорите так, будто я персонаж дешевого водевиля,— ответил Харпер, отнюдь не испытывая благоговейного трепета.

— Вполне возможно, так и есть,— согласился генерал.

Он думал, что, возможно, это определение не столь уж далеко от истины. Генерал внимательно осмотрел Харпера с ног до головы, задержав взгляд на толстых волосатых запястьях. Мысленный диагноз оказался достаточно лестным — с его точки зрения, Харпер был сильным и, вероятно, умным человеком, который, к несчастью, смахивал бы на обезьяну, будучи облачен в военную форму. Слишком широкоплечий, слишком коренастый и слишком волосатый для роли капитана или полковника.

— Это еще ничего,— сказал Харпер.— Видели бы вы меня голым. Я похож на ворсистый ковер.

Генерал нахмурился. На лице Джеймсона застыло выражение ужаса. Бенфилд был слишком занят собственными мыслями, чтобы как-то отреагировать.

— Если вы знаете, о чем я думаю, то слова не нужны,— заявил генерал Конуэй, раздосадованный тем, что ничего не сможет теперь скрыть.— И что вы прочитали в моих мыслях?

— Началась жуткая суматоха,— без колебаний ответил Харпер.— И меня признали нормальным.

Генерал кивнул.

— Ваш свидетель опознал по фотографиям трех астронавтов, отправившихся на Венеру около полутора лет тому назад — все они находились в той машине. ФБР отслеживает их путь, и уже нашлись еще два свидетеля, чьи показания сходятся.

Генерал прислонился к краю стола, скрестив руки на груди и пристально глядя на Харпера.

— Дело весьма серьезное.

— Будет еще хуже,— пообещал Харпер.— Если это может вас хоть слегка утешить.

— Неподходящее время для шуток,— упрекнул генерал.— Мы относимся к данному делу с той серьезностью, которой оно заслуживает. Все силы закона и правопорядка на Западном побережье объединенными усилиями прослеживают путь «тандербага» в поисках точки, откуда он отправился, надеясь, что в ее окрестностях может находиться корабль. Прослеживается и дальнейший путь машины, хотя это может оказаться напрасным — к настоящему времени автомобиль, вероятно, уже брошен.

— Ни корабль, ни автомобиль особого значения не имеют. Главное — те трое...

— Мы разыскиваем и их,— перебил генерал.— Все полицейские, военные и вспомогательные подразделения рано или поздно будут подняты на ноги. Повсюду распространяются фотографии, отпечатки пальцев и прочая информация. Все силы брошены на поимку этих троих, все прочие криминальные расследования временно приостановлены. К сожалению, на данном этапе мы не можем предупредить общественность, не вызвав всеобщей тревоги. Последствия подобных мер могли бы выйти из-под контроля.

— Неплохо,— одобрительно сказал Харпер.— Значит, я могу быть свободен.

— Напротив, вы останетесь здесь. Вы у нас в руках, и мы намерены вас задержать. Идет война, и вы призваны на службу.

— В таком случае прошу предоставить мне отпуск на неопределенное время.

— Просьба отклоняется,— отрывисто бросил Конуэй — он был слишком озабочен, чтобы изобразить хотя бы тень улыбки.

Обойдя вокруг стола, он сел и беспокойно постучал пальцами по столешнице.

— Военно-воздушные силы в полном составе разыскивают корабль. Любому гражданскому самолету приказано оказывать содействие. Мы забрали тела девушки и полицейского и передали ученым для тщательного обследования. Рано или поздно будет сделано все, что в наших силах. В данный момент проблема в том, что делать с вами.

— Со мной?

— Да. Есть множество вопросов, на которые необходимо получить ответы. Прежде всего — вы можете как-то объяснить свои телепатические способности? Можете сказать, откуда они появились?

— Нет.

— Просто взялись ниоткуда?

— Насколько помню, я таким родился.

— Гм! — недовольно буркнул Конуэй.— Мы проводим обстоятельную проверку жизненного пути ваших родителей и их родителей. Если это вообще возможно, мы должны выяснить причину, по которой вы стали таким.

— Что касается меня,— заметил Харпер,— меня мало волнует причина. Меня никогда это не интересовало.

— Зато интересует нас. Мы должны как можно скорее выяснить, существуют ли другие подобные вам, а если да, сколько их. А также — есть ли действенный способ найти их и мобилизовать на службу, пока не закончится кризис.

— После чего к ним, в свою очередь, будут относиться как к виновникам кризиса,— бросил Харпер.— И для вас станет большой проблемой обеспечить им защиту, пока они не понадобятся снова.

— Послушайте...

— Я знаю, о чем вы думаете, вы не можете скрыть этого от меня. Я знаю, что власти оказались перед весьма серьезной дилеммой. Телепат — угроза для находящихся у власти, но он же —

защита от врагов вроде тех, с которыми мы сейчас столкнулись. Вы не можете уничтожить угрозу, не лишившись таким образом защиты. Вы не можете обеспечить тайну мыслей иначе чем ценой потенциального мысленного рабства. Вы оказались в первоклассной ловушке, которой на самом деле не существует, поскольку она чисто воображаема и порождена разумом, не обладающим телепатическими способностями.

Конуэй не пытался оспаривать собственные мысли. Он молча сидел, холодно глядя на Харпера, и заговорил лишь тогда, когда тот закончил:

— С чего вы решили, что никакой проблемы на самом деле не существует?

— Потому что все неразумные фанатики, населяющие этот мир, неизменно приходят к выводу, что любой человек, коренным образом отличающийся от остальных, обязательно должен быть плохим. Подобным образом они пытаются раздуть свое безнадежно малое самомнение. У каждого собственный образец добродетели.

Сердито взглянув на генерала Конуэя, Харпер гневно заявил:

— У телепата есть этический кодекс, который ничем не хуже кодекса других людей! Возможно, даже намного лучше, поскольку телепату приходится бороться с куда бо́льшими искушениями. Я не слушаю чужие мысли, пока меня не вынудят к этому обстоятельства. Я ничего не слышу, пока кто-нибудь не крикнет.

На генерала эти слова произвели сильное впечатление. Откинувшись на спинку кресла, он вновь окинул Харпера внимательным взглядом.

— Мы уже как следует вас проверили. Вы услышали полицейского Элдерсона с расстояния приблизительно в шестьсот ярдов. Как я понимаю, вы не слушали специально?

— Я услышал его предсмертный крик. Мысленно он воспринимается, как истошный вопль. Я просто не мог его не услышать.

— Вы помогли задержать нескольких преступников, находившихся в розыске, и теперь понятно, как вы это сделали. Но вы никогда не подслушивали чужие мысли?

— Вина сама кричит о себе через всю улицу. Страх ревет подобно разъяренному быку.

— Существуют ли достаточно негромкие мысли, чтобы вы не обратили на них внимания?

— Да — обычные, повседневные, невинные мысли.

— И вы их не слушаете?

— Ради бога! Зачем? Разве, сидя в ресторане, вы пытаетесь уловить каждое слово в непрерывном гуле разговоров вокруг вас? Разве занятая телефонистка находит время, чтобы слушать всю болтовню, проходящую через ее коммутатор? Если бы я пытался уловить каждую мысль вокруг, спустя десять лет меня бы отправили в психушку. Непрерывный мысленный треп может быть для телепата настоящей пыткой, если он не закроет от него свой разум.

К тому времени Конуэй на три четверти готов был поверить Харперу. Вновь постучав пальцами по столу, генерал бросил вопросительный взгляд на Бенфилда и Джеймсона, которые тут же притворились сторонними наблюдателями, лишенными права принимать решения.

— Насколько я понимаю,— продолжал Конуэй,— до сих пор вам не доводилось встречать других телепатов?

— Нет,— с сожалением подтвердил Харпер.

— Но если бы вы и другой телепат разминулись на улице, не вслушиваясь в чужие мысли, ни один из вас не почувствовал бы присутствия другого?

— Полагаю, так бы и случилось. Но поклясться не могу. Если излучение наших мыслей сильнее, чем у обычных людей...

— Да, но ведь ваше отсутствие контактов с другими телепатами вовсе не доказывает вашей уникальности. Может, в одном этом городе найдется полсотни или сотня телепатов?

— Сдается, это маловероятно. Но не стану утверждать, что подобное невозможно.

— На каком расстоянии вы можете читать мысли? — спросил Конуэй.

— На расстоянии примерно в восемьсот ярдов. Раз на раз не приходится. Иногда мне удавалось уловить чужие мысли на втрое большем расстоянии. Иногда же расстояние сокращается до ста ярдов и меньше.

— Вам известна причина подобных колебаний? Это связано с окружающей местностью, помехами в виде больших зданий или чем-нибудь подобным?

— Не могу точно сказать, поскольку никогда не занимался изучением этого вопроса. Но уверен — окружение никак не влияет на мое восприятие.

— Но у вас есть какая-то теория? — настаивал Конуэй.

— Да,— кивнул Харпер.— Подозреваю, что в каждом конкретном случае предел моего восприятия определяется амплитудой мысленного излучения. Чем мощнее излучение чужих мыслей, тем на большем расстоянии я могу уловить, о чем думает человек. Чем слабее излучение — тем меньше расстояние. Как я уже говорил, нужны научные исследования, чтобы подтвердить истинность или ложность этой теории.

— Вы готовы пройти подобные исследования?

— Нет,— решительно заявил Харпер.

— Почему?

— Проблема сейчас не в том, что делать с телепатами. Проблема в том, что делать с пришельцами с Венеры. Я никому не позволю превратить меня в подопытного кролика. Займитесь теми, за кем вы охотитесь. Они многое успели натворить и собираются натворить еще больше. А мое единственное преступление в том, что я исполнил свой гражданский долг.

— Не думайте, что мы не ценим того, что вы сделали, мистер Харпер,— успокоил Конуэй.— Проблема в том, что этого недостаточно. Нам нужно, чтобы вы сделали еще больше. Все, на что вы способны. Собственно, нам это так необходимо, что мы от вас не отступимся.

— Чего вы от меня хотите?

— Всю информацию, которую возможно получить, и, возможно, кое-каких действий в будущем.

— Что ж, вперед. Пусть никто не говорит, будто Уэйд Харпер не умеет страдать.

Конуэй сделал знак Бенфилду.

— Включи магнитофон.

Потом генерал обратился к Харперу:

— Этот вопрос крайне важен, и я хотел бы, чтобы вы ответили на него как можно ясней. Что побудило вас выстрелить в Джоселин Уиттингэм?

— Сложный вопрос,— ответил Харпер.— Я не могу объяснить все так, чтобы вы поняли. Это все равно что пытаться описать розу слепому от рождения.

— И все-таки попробуйте.

— Ладно. Все было примерно так: представьте, что в спальне вашей жены вы замечаете на туалетном столике новую и красивую шкатулку. Не в силах справиться с любопытством, вы открываете шкатулку. Внутри живая ядовитая змея. В то же мгновение змея прыгает на вас. Несмотря на испуг, вы действуете быстро. Вы сбиваете ее в воздухе, швыряете на пол и давите каблуком. Вот так все и было.

— Понятно.

Конуэй задумчиво посмотрел на него.

— Вы можете описать конкретнее, что именно тогда произошло?

— Она стала подниматься на крыльцо. Я понял, что это, возможно, та самая девушка, которую я ищу. Я проник в ее разум — только чтобы узнать ее имя. В то же мгновение я осознал, чего именно я коснулся. И тогда...

— И чего же вы коснулись? — спросил Конуэй.

— Чего-то нечеловеческого. Не могу описать точнее. Я как будто сунул руку прямо в слизистое нутро нечеловеческого существа. В тот же миг оно ощутило мое прикосновение — и это стало для меня дополнительным подтверждением, поскольку ни один обычный человек не может ощутить телепатического касания. За долю секунды я понял несколько вещей. Во-первых, она не знала, откуда исходит телепатический импульс. У нее не было чувства направления, подобного тому, которое есть у меня. Но она правильно предположила, что импульс исходит от меня, поскольку я был на виду и уже со всех ног бежал к ней.

— Она не знала в точности, что это вы? — переспросил Конуэй.— Вы хотите сказать, что сама она ни в коей мере не была телепатом?

— У меня не было никаких доказательств ее телепатических способностей, кроме аномальной сверхчувствительности, которая, видимо, развилась в качестве защитного механизма. Вне всякого сомнения, она поняла, что чужой и опасный разум внезапно, без предупреждения, сорвал с нее маску и заглянул внутрь. У нее возникла паническая мысль, что нужно бежать, предупредить других; что все они не так хорошо замаскированы, как полагают, и их все-таки можно обнаружить.

— Ага! — с надеждой сказал Конуэй.— Значит, она знала точное местонахождение тех, других? Она знала, как с ними связаться?

— Если даже и так,— ответил Харпер,— ее мысли этого не подтверждали. Все произошло слишком быстро. Наша встреча поразила нас обоих, как удар грома. Ее разум кричал: «Бежать, бежать, бежать!» — в то время как мой взывал: «Остановить ее, остановить... убить, убить!» В любом случае, я застрелил ее без всяких угрызений совести. Я почти забыл, что она — девушка. В тот миг она была кем-то другим, кого следовало немедленно уничтожить. Я выпустил всю обойму прямо ей в голову и тут же услышал, как чуждый разум замолк навсегда. Стало ясно, что это существо смертно, как и любое другое.

— А потом вы ушли, не пытаясь выяснить что-либо еще?

— Да. Мне нужно было спешить. Я не мог рисковать, что меня задержат в каком-нибудь другом месте, кроме этого. Если бы я рассказал всю историю в полицейском участке или кабинете шерифа, в конечном итоге закончил бы в психушке.

— Вы не могли сэкономить время и проблемы, позвонив по межгороду?

— И чего бы я таким образом добился? Какая-нибудь мелкая сошка выслушала бы меня, понимающе усмехнулась и послала полицию к телефонной будке, чтобы те забрали очередного психа. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы лично добраться до нужных людей. В этом мне, полагаю, повезло. Надеюсь, до врат рая добраться будет проще.

Вряд ли кому-то из слушателей понравилось замечание Харпера, но при всем желании они не могли отрицать его правоту. Между высшим руководством и осаждающей его толпой недовольных, теоретиков, придурков и разрушителей мира стояла внушительная стена мелких чиновников, которые не подпускали к начальству даже тех немногих, кого действительно стоило бы выслушать.

Генерал Конуэй откашлялся, придя к мнению, что данную проблему все равно не решить, и продолжил:

— Вы установили контакт с чуждой формой жизни. Насколько нам известно, вы — единственный, кому это удалось и кто смог об этом рассказать. Можете добавить еще что-нибудь, что помогло бы определить истинную сущность врага?

— Я не видел его собственными глазами, так что описать во всех подробностях не могу.

— Несомненно. Но у вас ведь сложилось какое-то впечатление?

— Да,— немного подумав, ответил Харпер.

— Расскажите. Неважно, насколько впечатление смутное или мимолетное — нам нужны любые сведения, какие только можно получить.

— Без какой-либо видимой причины я почувствовал, что обладание чужим телом для этого инопланетного существа — естественное явление. То есть я инстинктивно понял, что существо, завладевшее телом Джоселин Уиттингэм, создано для подобной цели, чувствует себя отлично и знает, как пользоваться тем, что оно захватило. Девушка была человеком с ног до головы, во всех отношениях, кроме одного: внутри нее находилась чужая жизнь.

— То есть по своей природе это существо — паразит? — спросил Конуэй.— Оно обычно существует в теле другой формы жизни?

— Да. У него в этом немалый опыт.

— Из чего, в свою очередь, следует — когда оно завладевает другим телом, оно завладевает всеми имеющимися в мозгу данными, всеми знаниями, памятью и так далее?

— Наверняка. Иначе оно не смогло бы выжить, немедленно не выдав себя.

— Отсюда следует неизбежный вывод,— заметил генерал, повернувшись к Бенфилду,— что на Венере имеются различные формы жизни и некоторые из них являются естественной добычей этого паразита. Кроме того, паразит способен овладеть существом куда более развитым, чем те, что обитают на его родине. Он может быстро приспосабливаться к новым условиям и, если можно так выразиться, способен сам себя вытащить за волосы.

Бенфилд кивнул в знак согласия.

— Кроме того,— продолжал Конуэй,— паразит, вероятно, подобен микробу. Это лишь мое предположение. Выяснение подробностей лучше предоставить специалистам, которые сумеют точнее разобраться в его свойствах.

— Было бы полезно изучить тело девушки, чтобы выяснить, каким образом паразит им управлял,— заметил Харпер.

— Сейчас этим занимаются. Мы забрали труп, несмотря на яростные возражения родственников.

Харпер с загоревшимися глазами посмотрел на генерала.

— Кто из них больше всего возмущался?

Конуэй уже собирался ответить, но тут же закрыл рот и снова его открыл; судя по виду генерала, вопрос сбил его с толку.

— А что?

— Венерианцы должны держаться вместе.

— Вы имеете в виду?..

— Да, я имею в виду именно то, о чем вы сейчас думаете.

Плотно сжав губы, Конуэй снял телефонную трубку.

— Немедленно поместите всю семью Уиттингэм в надежное место. Нет, это не арест. Их ни в чем не обвиняют. Скажите им, что это ради их безопасности. Гм? Если вмешается их адвокат, направьте его прямо ко мне.

— От этого не будет никакого толку,— заметил Харпер.— Если кто-то из Уиттингэмов больше не принадлежит к нашему миру, вы лишь поможете ему создать на Западном побережье нескольких полицейских-венерианцев.

— На такой риск придется пойти.

— Не обязательно. Можно посадить их в звериные клетки и кормить с длинных вил. Все, что угодно, лишь бы они не оказались достаточно близко, чтобы поработить своих охранников.

— Это будет вопиющим нарушением их гражданских прав. Мы можем прибегнуть к подобной тактике, только если сумеем объяснить все общественности. А тогда нам придется опубликовать информацию, которую хотелось бы хоть на некоторое время сохранить в тайне.

Генерал вопросительно посмотрел на Харпера, словно спрашивая: «Что вы на это ответите?»

— Скажите Уиттингэмам правду,— быстро ответил Харпер.— Скажите, что Джоселин умерла от ранее неизвестной, очень опасной и крайне заразной болезни и что их нужно изолировать, пока не подтвердится, что они здоровы. Новая черная чума.

— Но ведь они знают, что ее застрелили?

— Это я был болен. Болезнь свела меня с ума. Я прикасался к девушке и заразил ее. Ей еще повезло, что она мертва. Вы вынуждены поместить в карантин всех, кто после находился рядом с ней. Напугайте их такими байками. Чтобы обосновать изоляцию, можно обойти какую-нибудь статью в законе о здравоохранении. Никто из защитников гражданских прав не станет кричать о свободе для предполагаемых прокаженных. И по сути ваш рассказ будет недалек от истины, не так ли?

— Что-то в этом есть.

Конуэй снова снял трубку и отдал соответствующие распоряжения, закончив так:

— Проконсультируйтесь с профессором Хольцбергером по поводу технических сторон подходящего предлога. Нам нужно нечто достаточно внушительное, убедительное, но не настолько, чтобы вызвать всеобщую панику.

Генерал положил трубку и повернулся к Харперу.

— И что дальше?

— Когда представится возможность, позвольте мне на них взглянуть. Если окажется, что все они чисты, пусть их с озабоченным видом осмотрит какой-нибудь медик, а потом отправит по домам. Они будут слишком обрадованы, чтобы возмущаться.

— Но если одним из них завладел пришелец?

— Я сразу почувствую. Он тоже это поймет. Задержите его любой ценой. Когда остальных отпустят, разрежьте его и посмотрите, что у него внутри. Можете не беспокоиться — с человеческой точки зрения он уже мертв. Вы будете резать живой труп. Если повезет, возможно, вам удастся выделить то, что им управляет.

Конуэй нахмурился. Джеймсон слегка побледнел. Судя по мыслям Бенфилда, ему это тоже не слишком понравилось.

— Это мы обсудим чуть позже,— сказал Конуэй.— Есть еще одно существенное соображение. Вы говорите, что, как только вы опознали мисс Уиттингэм, первой ее мыслью была мысль о бегстве?

— Да.

— Но не куда-то конкретно?

— Нет.

— То есть ее желание бежать было инстинктивным, не более того?

— Не совсем. Она испытала потрясение, внезапно лишившись давно известной и драгоценной истины, а именно — что распознать пришельца невозможно. Она столкнулась с фактом, противоречащим всему ее прежнему опыту, и ощутила непреодолимое желание убраться от меня подальше и рассказать о своем открытии остальным.

— Каким остальным? Где?

— Не знаю.

— То есть *она* не знала?

Харпер беспокойно шевельнулся, уставившись в пол.

— Честно говоря, не могу дать удовлетворительный ответ. Возможно, она не имела ни малейшего понятия о том, где находятся остальные. Или, возможно, знала, где они, но ей удалось подавить мысль об этом, в чем я сомневаюсь. Или...

— Или что?

— Возможно, она обладала нечеловеческим чувством, позволяющим этим существам общаться друг с другом. Чувством, которого у нас нет и которое мы не понимаем. Нечто вроде инстинкта голубей и собак, помогающего им находить дом; только этот инстинкт позволяет находить друг друга существам, принадлежащим к одному виду.

— Но вы уверены, что она не была телепатом?

— В том смысле, в каком я им являюсь,— нет.

— Может, в каком-то другом?

— Нет ничего невозможного,— прямо заявил Харпер.— Не в моей власти перечислить все свойства существ, живущих на планете в миллионах миль отсюда, бросив лишь мимолетный взгляд на одно из них. Поймайте мне еще десяток. Я присмотрюсь к ним повнимательнее и скажу вам больше.

Конуэй дал знак Бенфилду, и тот выключил магнитофон.

— Поймать еще десяток,— повторил генерал.— И как, черт побери, вы себе это представляете? Мы знаем о троих, в наших силах рано или поздно найти их и схватить. Найти же остальных, если они существуют,— совсем другое дело. Нам не от чего от-

толкнуться, мы не знаем о них никаких подробностей, не знаем, как их опознать.

Конуэй посмотрел в глаза Харперу.

— Никто этого не знает, кроме вас. Вот почему мы призвали вас на службу. Нам нужны ваши услуги, чтобы проверить любого подозреваемого, который может попасть к нам в руки.

— То есть я должен сидеть и ждать ваших подозреваемых, а потом смотреть на них и говорить «да» или «нет»?

— Именно так. Другого способа не существует.

— Существует,— возразил Харпер.

— Например?

— Вы можете использовать меня как приманку.

— Гм?..

— Венерианцам нужно мое волосатое тело точно так же, как вам нужны их тела. Точно так же, как вам необходимо выяснить все о них, им необходимо выяснить, чем именно я для них опасен. Но у них есть преимущество. Вам придется ловить невесть сколько неизвестных псевдолюдей. Им же нужно поймать одного человека, имя которого, адрес и номер машины известны по всей стране. Я для них — самый желанный объект вивисекции со времен их последнего пикника на Сатурне. Дайте им шанс, и они столпятся вокруг меня, истекая слюной. Вам останется только вмешаться и арестовать каждого, у кого в руке будет скальпель.

Конуэй тяжело вздохнул.

— Это риск, очень серьезный риск.

— Думаете, я от него в восторге?

— Если что-то пойдет не так, мы потеряем наше самое мощное оружие обороны, и нам нечем будет его заменить.

— Самое замечательное, что меня это нисколько не будет заботить,— весело сказал Харпер.— Мертвым все равно, кто выиграл войну или завоевал мир.

— Возможно. Но мы, остальные, будем все еще живы.

— Это тоже не будет меня заботить. Моя прабабушка не возмущается из-за дырки в моем носке.

— Но и вы можете быть все еще живы,— возразил Конуэй.— Даже если будете мертвы.

— Тогда я все равно буду мертв,— с извращенной философией ответил Харпер.— Так какая разница, если какой-то пришелец будет носить мое тело, словно норковую шубу?

Он улыбнулся, наслаждаясь отвращением, которое прочел в чужих мыслях.

Генерал походил на игрока в шахматы, пытающегося решить, можно ли обеспечить мат, пожертвовав ферзем. Конуэй вовсе не был уверен в успехе, но никакие другие варианты в голову ему не приходили. Для его военного склада ума телепаты были бы расходным материалом — если бы можно было предположить, что их запасы неограниченны. К сожалению, в отличие от патронов и винтовок телепатов нельзя производить по заказу. Пока в его арсенале имелось одно-единственное телепатическое оружие. Если генерал его потеряет, другого он может не получить.

Даже если бы нашлось достаточно людей со сверхъестественными способностями, чтобы избавиться от инопланетной угрозы раз и навсегда, ситуация все равно осталась бы критической; последствий случившегося избежать бы не удалось. Что произойдет дальше? Можно ли будет доверять этим людям? Или последние события пробудят в них самих жажду власти, искушение объединиться и подчинить себе планету? Причем у телепатов имелось бы для этого достойное оправдание, достаточно убедительное, чтобы склонить на свою сторону массы: «Только мы смогли спасти вас сейчас, и только мы сможем спасти вас в следующий раз».

Конуэй все еще сидел, погруженный в размышления, когда снова зазвонил телефон. Он рассеянно взял трубку, приложил к уху, и выражение его лица сразу изменилось.

— Кто? Когда? Да-да, понял.

Он положил трубку и мрачно уставился перед собой.

— Что-то не так? — спросил Харпер.

— Вы сами знаете, что не так. Вы должны были слышать мои мысли.

— Я не слушал. Я был погружен в свои мысли. Я не могу одновременно думать и воспринимать то, что происходит в чужих мозгах.

— Один из свидетелей мертв. Тот старик с заправки.

— Убит?

— Да. Это случилось несколько часов назад, но его нашли лишь пятнадцать минут назад. Кто бы это ни сделал, у него хорошая фора.

Конуэй вопросительно посмотрел на Джеймсона.

— Не знаю, что и подумать. Вы куда опытнее в подобных делах. Полагаете, это может быть простым совпадением?

— Как он был убит? — спросил Джеймсон.

— Его обнаружили лежащим возле колонки — ему с одного удара проломили череп чем-то тяжелым. Похоже, он залил кому-то топливо в бак, и его ударили, когда он попытался получить деньги.

— Есть следы ограбления? Ему вывернули карманы, очистили кассу?

— Нет.

— Гм... Это еще не значит, что мотивом убийства не послужило ограбление,— заметил Джеймсон.— Преступников мог кто-то спугнуть, прежде чем они успели закончить свое грязное дело. Или, возможно, то были угонщики, которые пытались выбить из старика бак бесплатного топлива, но перестарались, и дело закончилось убийством.

Он немного подумал, жуя губами.

— На этих уединенных заправках каждый год происходят неприятные истории. Вполне возможно, это лишь совпадение. Если мы придадим ему особое значение, мы можем пойти по ложному следу и только зря потерять время.

Конуэй повернулся к Харперу.

— Тамошняя полиция чувствует, что у нее связаны руки, поскольку им был отдан строгий приказ бросить все ради поисков пропавших пилотов. Но одно расследование вполне может быть частью другого. Если между убийством старика и основным делом существует связь, я не хочу, чтобы расследование убийства временно приостановили. С другой стороны, если подобной связи не существует, я не стал бы отменять прежние распоряжения. Что скажете?

— Если венерианцы таким образом хотели заткнуть старику рот, они опоздали,— отозвался Харпер.— Он видел их фото-

графии и поднял всех на ноги, прежде чем его успели остановить. Но они могли об этом не знать.

— Думаете, это все-таки их рук дело, а не случайное совпадение?

— Джеймсон высказал свою точку зрения, а я пытаюсь рассмотреть противоположную,— осторожно проговорил Харпер.— Я лишь хочу сказать, что, если этим троим известна личность девушки, телом которой они завладели, ее смерть окажется для них немалым потрясением. Два плюс два равно четырем на любой планете. Они сложат вместе кусочки услышанных новостей, получат верную сумму и решат, что девушку каким-то образом разоблачили — одному богу известно, каким именно.

— И?..

— Они знают, что их будут ловить по всей стране, что дела их плохи, если не удастся найти укрытие. Даже если они его найдут, это даст лишь отсрочку... Но большего им и не требуется. Если их не схватят в скором времени — будет уже слишком поздно. В том «тандербаге» их видели многие, но только двое видели вместе с девушкой и вблизи — Элдерсон и старик. Первый уже мертв и опознать их по фотографиям не сможет. Им было бы на руку, если бы то же самое случилось со вторым свидетелем. Так ситуация должна выглядеть с их точки зрения. Любой разум ищет способы выжить, независимо от того, с какой он планеты.

— Тогда почему они так поздно до него добрались? — спросил Конуэй.— А не на три-четыре часа раньше?

— Убив девушку, я немедленно отправился сюда, на что у меня ушел почти целый день. После того как я уехал, о случившемся стало известно не сразу. Вполне возможно, к тому времени, как они об этом узнали, они уже успели уехать достаточно далеко, и им пришлось срочно возвращаться. Даже в наши дни требуется время, чтобы преодолеть расстояния.

— Полагаю, да.

Конуэй с сомнением перевел взгляд на Бенфилда.

— Есть какие-нибудь идеи?

— Да, генерал. Думаю, убийством старика стоит заняться, просто потому, что ничего нельзя упускать.

— Верно,— одобрительно заметил Харпер.— Учитывая численность войск и полиции в этой стране, мы вполне можем выде-

лить пару десятков человек. От столь серьезных потерь в живой силе хуже не будет.

Конуэю не понравился его своеобразный юмор, в котором звучал неприкрытый сарказм. Но своей цели Харпер добился, заставив генерала перейти к немедленным действиям. Конуэй снял телефонную трубку с видом человека, который уже сыт ее видом по горло, и набрал номер.

— Уильям, насчет того убийства на заправке. Я хочу, чтобы им занялись — быстро и тщательно. Да, действие приказа приостановлено, но только в отношении этого дела. Оно может быть как-то связано с объявленными поисками. Если это так, один из разыскиваемых был сегодня в том районе. Обо всем докладывайте непосредственно мне.

Он положил трубку, вызывающе глядя на остальных.

— Вопрос решен. Больше мы почти ничего не можем сделать, пока не возьмем хотя бы одного из них — и, будем надеяться, живьем.

— Хотелось бы также надеяться, что этот один приведет к остальным,— вставил Бенфилд.

— И еще хотелось бы надеяться, что в ближайшее время кто-нибудь наконец решит, принять или отклонить мое предложение повиснуть на крючке в качестве приманки,— сказал Харпер.

— Ваша первая задача — проверить семью Уиттингэм,— ответил Конуэй.— Потом подумаем, что с вами делать дальше.

— Тогда пошли.— Харпер небрежно помахал на прощание Конуэю, всем своим видом говоря, что будущее его нисколько не пугает.

Тот невольно ощетинился, что доставило Харперу немалое удовольствие.

— Не стоило так раздражать старика,— укоризненно сказал Джеймсон, когда они покинули здание и подошли к машине.— У него и без того хватает проблем.

— Я лишь подтвердил свое право на свободу личности, которое вот-вот могли оспорить,— бросил Харпер.— Кроме того, и кошка может смотреть на короля — и так будет всегда, даже когда рушится мир.

Джеймсон предпочел не спорить.

Когда они снова вернулись в управление, Джеймсон сказал:

— Чем раньше вы займетесь делом, тем лучше. Мы отправим вас на самолете или вертолете. Посидите, пока я выясню что и как.

— Вы могли бы заодно восстановить мое доброе имя,— предложил Харпер.— Отмените распоряжение о моем розыске. Мне не нравится быть беглецом, хотя никто и не обращает на это внимания. То, что все силы сейчас брошены на поиски пилотов, не помешает какому-нибудь зоркому малому схватить меня, если я окажусь прямо у него под носом.

— Рано или поздно мы этим займемся. Пока же я пошлю с вами парочку агентов, на всякий случай.

— Думаете, я не могу позаботиться о себе?

— Таков приказ Конуэя.

— Что ж... ладно.

Джеймсон направился к двери, и Харпер крикнул ему вслед:

— А еще я хочу получить назад свой пистолет! Это ведь моя собственность, не так ли?

Вернувшись через две минуты, Джеймсон бросил перед ним на стол оружие и большой коричневый конверт.

— Посмотрите, пока я отдам соответствующие распоряжения. Все самолеты заняты, и вам придется воспользоваться вертолетом.

Он снова вышел.

Сунув пистолет под мышку, Харпер открыл конверт, из которого выскользнули три глянцевые фотографии большого формата. С обратной стороне к каждой был прикреплен листок с отпечатанным текстом. Харпер внимательно все разглядел.

На первой фотографии был изображен Уильям Гоулд, двадцати восьми лет, главный пилот-испытатель, крепко сложенный блондин весом в сто восемьдесят фунтов, со шрамом в форме полумесяца над левой бровью. Со второй фотографии улыбался худой темноволосый Кори Макдональд, двадцати четырех лет, пилот-испытатель и специалист по вычислительной технике — жилистый парень весом в сто пятьдесят пять фунтов, без особых примет. На третьей фотографии была серьезная задумчивая физиономия Эрла Джеймса Лэнгли, двадцати семи лет, пилота-испытателя и астронавигатора, темноволосого, весом в сто

шестьдесят два фунта, с маленькой родинкой на правом бедре и белыми шрамами на обоих коленях.

«Гоулд, Макдональд и Лэнгли,— мысленно повторил Харпер, перекладывая фотографии и запоминая лица.— Гоулд, Макдональд и Лэнгли. Три хороших парня, которые отправились в путь, исполненные надежд, а вернулись исчадиями ада. Да упокоит Господь их души!»

Глядя на фотографии, Харпер чувствовал, как в нем нарастает желание отомстить. Ему казалось неправильным, что этим парням пришлось расплачиваться за прогресс человечества. Достойнейшие люди, заплатившие ради Земли столь страшную цену — и пока не до конца. Они отдали собственные жизни. Когда их найдут и уничтожат — они отдадут и собственные тела. И только тогда цена будет выплачена сполна.

Харпер ни на мгновение не сомневался, что, столкнувшись лицом к лицу с одним из этих троих, он пристрелил бы его словно бешеного пса, без колебаний, как застрелил Джоселин Уиттингэм. Ему будет легче, чем остальным, привести в исполнение столь хладнокровный приговор; мысленно он мог видеть ужасающую пустоту человеческой оболочки и извивающуюся внутри нее тварь.

Трое прекрасных молодых людей.

Три прогнивших яблока.

— Черт побери! — вслух сказал Харпер.— Черт!

— На кого вы ругаетесь? — спросил Джеймсон, входя в дверь.

— На этих чьих-то там сынов — и на то, что с ними сделали.

— Не забивайте голову. Нас куда больше беспокоит, что они делают с другими.

— Знаю. Но такова уж моя натура — сожалеть о том, что достойно сожаления.

Убрав фотографии в конверт, Харпер протянул его Джеймсону.

— Если я могу получить копии — проследите, пожалуйста, чтобы их положили ко мне в машину. Они слишком большие, чтобы влезть в карман.

— Мы печатаем тысячи копий поменьше, таких, чтобы они поместились в бумажнике. В свое время вы получите комплект.

Джеймсон выжидательно посмотрел на дверь. Вошли двое худощавых, хорошо одетых молодых людей, всем своим видом выражающих спокойную уверенность в себе.

— Познакомьтесь — Дэн Норрис и Билл Рауш. Только попробуйте от них удрать.

— Это мой эскорт?

— Да.

— Надеюсь, я не слишком утомлю вас, ребята,— сказал Харпер.— Можем отправляться?

— Немедленно,— подтвердил Джеймсон.— Армейский вертолет на крыше.

В сопровождении двоих молчаливых молодых людей Харпер поднялся на лифте на крышу и сел в ожидавший вертолет — большую тридцатиместную машину с двумя пропеллерами.

На высокой ноте взвыли двигатели, завертелись пропеллеры, превратившись в светящиеся круги. Вертолет подпрыгнул и быстро поднялся в воздух. На высоте пять тысяч футов включился хвостовой реактивный двигатель, и машина устремилась на запад.

Через три с половиной часа они приземлились на богато украшенной территории инфекционной больницы штата. Их встретил агент, представившийся Верном Притчардом.

— Вы держите Уиттингэмов здесь? — спросил Харпер.

— Да. Всего их пятеро. Они поверили в нашу историю о возможной инфекции и отправились с нами без возражений. Они опасаются, что могли чем-то заразиться, и ждут не дождутся, когда же все выяснится.

— Никто из них не пытался бежать?

— Нет,— сказал Притчард.

— Или общаться с кем-то извне?

— Нет.

— Где они находятся?

— В той пристройке,— показал Притчард.

Харпер некоторое время задумчиво смотрел на указанное место, до которого было ярдов четыреста, затем сказал:

— С ними все в порядке. Можете их отпустить.

— Но вы их даже не видели,— недоверчиво возразил Притчард.

— Мне это не нужно.

— Что ж, мне приказано в точности выполнять ваши распоряжения. Вы полностью отдаете себе отчет в том, что говорите?

— Да. Я говорю, что они чисты. Можете их освободить.

— Ладно.

Безнадежно сбитый с толку, Притчард подстраховался, бросив своим коллегам-агентам:

— Вы двое — свидетели.

Кивнув в знак согласия, те последовали за Харпером в вертолет, в то время как Притчард направился к пристройке. Вертолет поднялся в воздух и направился в обратный путь.

— Слава богу, не всем известно, кто я такой,— заметил Харпер, направив мысли находившихся рядом в соответствующее русло.

Судя по их реакции, они тоже этого не знали. Джеймсон не открыл им ничего сверх самого необходимого. Власть предержащие пытались скрыть от общественности, что существуют две угрозы, а не одна.

Власти пытались сохранить в тайне существование человека-телепата точно так же, как существование нечеловека-поработителя, намереваясь воспользоваться первым для уничтожения второго... А затем решить судьбу первого.

Глава 7

Мойра застыла, словно парализованная, когда Харпер с мрачным видом вошел в кабинет, уселся за свой стол и начал просматривать накопившуюся корреспонденцию.

— Ну, что с тобой? — наконец проворчал он, подняв взгляд.— Я что, превратился в пурпурное чудовище?

— Нет, мистер Харпер.

Колени Мойры подогнулись, она села, все еще глядя на него широко раскрытыми глазами. Прислушиваясь, не раздастся ли звук приближающихся сирен, она думала, как избежать скандала, которым все неминуемо закончится.

— Закрой рот — так ты напоминаешь полуголодного карпа. Где отчет о выполнении работ для эпидемстанции? Они уже жалуются.

Подбежав к шкафу, девушка выдернула ящик, быстро перелистала карточки, вытащила одну и протянула Харперу. Все ее мысли крутились лишь вокруг того, что она осталась наедине с врагом общества номер один и кто-то как можно быстрее должен что-то предпринять.

— Мистер Райли заходил несколько раз,— сообщила она так, чтобы это выглядело предупреждением, надеясь, что Харпер поймет намек.— Сказал, что сегодня тоже зайдет.

— Обязательно зайдет, тупой бездельник.

Харпер мрачно проглядел карточку.

— Гм! Когда я говорю — шесть недель, я имею в виду шесть недель, а не шесть дней. Уважаемые господа, в ответ на ваш запрос от вчерашней даты...

Схватив карандаш, Мойра начала поспешно писать. Харпер продиктовал еще сорок слов, пока не понял, что в ее записях вряд ли можно будет что-то разобрать. Прервав диктовку, Харпер заговорил с тщательно взвешенной смесью строгости и грусти:

— Послушай, долговязая, я вовсе не осужденный преступник. За время моего отсутствия я никому не выпустил кишки, за исключением нескольких сотен человек, которые того заслуживали. Меня не разыскивает полиция, тюремщики, армейские вербовщики или христианское духовенство. Меня любят так, как не любили еще никогда в жизни. А теперь возьми себя в руки и займись делом. Уважаемые господа, в ответ на ваш запрос...

На этот раз Мойре удалось записать его слова без единой ошибки. Вставив бумагу в пишущую машинку, она поправила лист и выжидающе замерла, услышав приближающиеся к двери конторы тяжелые шаги.

— А вот и он,— с притворной тревогой объявил Харпер.— Ныряй под стол, когда начнется стрельба.

Мойра застыла, занеся палец над клавишей. Она не осмеливалась оглянуться, боясь убедиться в смертельной серьезности намерений Харпера и пытаясь услышать тихий шорох одежды, указывавший на то, что он достает пистолет.

В следующее мгновение Райли распахнул дверь в своей обычной слоновьей манере и, как обычно, в два шага оказался возле стола. Если бы его нахмуренные брови могли опуститься еще на дюйм ниже, они вполне сгодились бы на роль усов. Опершись

обеими руками на стол, он наклонился, уставившись в глаза Харперу. За спиной Райли Мойра, от облегчения едва не лишившаяся чувств, неуверенно ударила по клавише.

— А теперь,— хрипло проговорил Райли,— ты мне расскажешь, что тут, черт побери, происходит. Почему тебя сперва разыскивают за убийство, а потом нет? Почему сегодня ты на первом месте в списке подозреваемых, а на следующий день вообще исчезаешь из списка? Почему они никак не могут решить, на самом ли деле ты волосатое чудовище?

— Жизнь — всего лишь лотерея. Я...

— Заткнись! Я еще не договорил. Почему ФБР в полном составе переселилось сюда и как ни в чем не бывало забирает у меня четыре лучших моих отряда? Что ФБР нужно в этом богом забытом городишке? Почему...

— Почему ты постоянно действуешь Мойре на нервы, стоит мне отвернуться? — спросил Харпер.

— Я? — вспылил Райли.— Я ее и пальцем не тронул. Я не из таких. Я женат и счастлив. Если она говорила тебе, что я ее трогал,— она лжет. Не верю, что она могла тебе такое сказать. Ты придумываешь всякую чушь, пытаясь сменить тему. Но не выйдет! Почему...

— Ты смотрел на нее и кое о чем думал,— заявил Харпер.

— Ладно! — покраснев, прорычал Райли.— Я понял. Ты отказываешься говорить. Ты знаешь, что я не могу тебя заставить, и наслаждаешься ситуацией, теша свое обезьянье самолюбие.

Он понизил голос на несколько децибел.

— Не дозволит ли ваша светлость задать один вопрос? Всего один маленький вопросик?

— Задавай,— ответил Харпер, стараясь говорить царственным тоном.

— К кому я должен обратиться за ответом?

— К генералу Конуэю.

— Во имя Иосафата! — воскликнул Райли, поддергивая сползающие штаны.— Это что, настолько серьезно?

— Увы, да. И если они не сочли нужным сообщить тебе подробности — я тоже не имею на это права. Рассказав тебе обо всем, я превышу свои полномочия, а мне дали понять, что поступать так весьма нехорошо. Это непростительный грех, кото-

рый приводит к анархии и ее последствиям — богохульству, безвластию и иным порокам. Можешь составить свой собственный список — тебе известно куда больше мерзостей, на которые способны люди.

Харпер потянулся к очередному письму в груде почты на своем столе.

— Когда будешь уходить, аккуратнее закрывай дверь, иначе стекло выдержит не больше двух твоих вторжений.

— Мне и без тебя дел хватает,— сообщил Райли, скаля крупные зубы.— Две кражи со взломом, одно вооруженное ограбление и один поджог за прошлую ночь. Но я почему-то должен все это бросить и сосредоточиться исключительно на поисках трех парней по фамилии Макдональд, Лэнгли и Гоулд; к тому же у меня забрали четыре патрульные машины. Как будто нет ничего важнее поисков троицы, против которой даже не выдвинуто обвинений!

— Действительно, нет ничего важнее,— согласился Харпер.

— Скажи честно, что они такого сделали? — наклонившись ближе, прошептал Райли.

— Спроси Конуэя.

— Как же, спасибо.

Стекло двери зазвенело, когда Райли вышел.

— Научному руководителю лаборатории Суэйна, Трентон, Нью-Джерси,— вновь начал диктовать Харпер схватившей карандаш Мойре.— В ответ на ваш запрос о возможности разработки пневматических микроманипуляторов замедленного действия, пригодных для использования с электронными микроскопами типа «зет», мы рады сообщить, что...

Он посмотрел на приоткрывшуюся дверь.

— В чем дело?

— Мы слышали ваш разговор через микрофон,— сказал агент Норрис.— Кто этот полицейский?

— Приятель, который полагает, что заслуживает моего доверия.— Харпер фыркнул, потер нос и добавил: — Мне тоже так кажется.

— Почему вы так считаете?

— Я давно его знаю. Ему можно доверять.

«Обратить внимание на друзей и близких Харпера,— мысленно повторил полученные распоряжения Норрис, думая, что его никто не слышит.— Их необходимо тщательно проверить».

— Мы позволили ему встретиться с вами,— сообщил он вслух,— учитывая его должность. Но нам очень интересно, почему он так настойчиво требовал объяснений? То, что вполне устроило комиссара, его тем более должно было устроить, разве не так?

— По отношению ко мне Райли находится в привилегированном положении.

— Вы уверены, что у него не было скрытых мотивов?

— Не знаю, не проверял. В любом случае, я не заглядываю под черепушку всем подряд. Кроме того, меня сейчас куда больше беспокоит, как избежать неминуемого банкротства. Какие мотивы у него могли быть?

— На этот счет вы можете строить предположения, как и любой другой,— не считая того, что вам незачем гадать,— ответил Норрис.— В подобной ситуации вполне разумно подозревать любого, включая собственную мать.

Он вышел, вернувшись в механическую мастерскую к Раушу.

Харпер продолжил разбирать почту. Когда подошло время обеда и Мойра ушла перекусить, он позвал Норриса в свой кабинет.

— Мойра — приятная девушка. Она выше меня на три дюйма, потому что я так часто посылал ее с различными поручениями, что у нее вытянулись ноги. Но мы вполне ладим друг с другом.

— А я тут при чем? — спросил Норрис.

— Я бы не хотел, чтобы с ней что-нибудь случилось, если сюда ворвется наемный убийца. Она такой же червяк на крючке, как и я. А я не плачу ей за подобный риск.

— Именно вы должны предупредить нас о попытке нападения,— заметил Норрис.— Без вас мы работаем вслепую.

— Я знаю. Но я не держу Мойру за руку двадцать четыре часа в сутки. Вам не кажется, что стоит избавиться от нее на некоторое время? Как насчет того, чтобы отправить ее в оплаченный отпуск, пока все не закончится?

— Нет. Вы сможете играть свою роль, только если будете вести себя как всегда. Слишком много изменений — и ловушка станет чересчур заметной.

— Они могут напасть на Мойру на улице, надеясь с ее помощью добраться до меня. Слава богу, у них ничего не выйдет. Я пойму, что произошло. Но мне бы очень не хотелось стрелять в нее из-за того, что она больше не прежняя Мойра. Что сделано, уже не изменишь, поэтому я бы хотел, чтобы ничего подобного не случилось.

— Ей придется рисковать точно так же, как и любому другому,— бесстрастно сказал Норрис.— Для нее ситуация ничем не лучше и не хуже.

— Хуже,— возразил Харпер,— так как вероятность того, что выберут именно ее, намного выше. Я был бы рад, если бы к ней приставили круглосуточную охрану.

— Охрана уже есть. Мы с самого начала выделили для этого двух человек. То же касается и остальных ваших сотрудников, а также тех, с кем вы постоянно общаетесь. Если кто-нибудь попытается подобраться к вам через ваших знакомых, ему не так-то просто будет найти подходящего человека.

— Я могу найти такого в любой момент,— заявил Харпер.

Норрис вздернул бровь.

— Того, кто не находится под постоянным наблюдением?

— Да.

— Тогда вы обязаны сообщить мне, кто это.

— Агент,— сказал Харпер.— Любой агент. Кто сторожит сторожей?

— Неразрешимая проблема. Наши люди уже работают парами. Мы можем объединить их в группы по трое, четверо, десять или двадцать, но этого может оказаться недостаточным. Нужно провести черту между желаемым и осуществимым. Они действуют парами, поэтому никого не могут захватить в одиночку.

— То есть их придется захватывать сразу по двое?

— Если такое возможно.

— Враги способны на все, на что способны люди. Кроме того, насколько мне известно, они способны делать кое-что, чего мы не умеем.

— Мы подумаем,— пообещал Норрис.

На четвертый день обычной деловой рутины Харпер уже устал играть роль приманки для рыбы, которой, возможно, просто не существовало. Да и сама эта роль стала казаться ему не очень удачной затеей. Возможно, он переоценил важность собственной персоны. Возможно, венерианцы больше не опасались, что их могут обнаружить раньше срока. Возможно, они уже успешно обосновались на Земле и их не волновал ни Харпер, ни ему подобные.

Тем временем Харперу ужасно надоело, что за ним по пятам неотступно следуют агенты. Они бесцельно болтались на каждом углу, занимали соседние столики в ресторанах, стояли у него за спиной в общественных уборных, дышали ему в шею в кино, околачивались по ночам под окнами его спальни. Ради свободы человечества он вынужден был жертвовать собственной свободой.

Но рутина была нарушена и к Харперу вернулась вера в свое предназначение, когда однажды утром, придя в контору, он развернул утреннюю газету и обнаружил заметку в самом низу колонки.

«Саванна, Джорджия. В полночь в окрестностях города во время операции ФБР на ферме Ранковичей произошла короткая, но кровавая перестрелка. Двое были убиты, четверо арестованы. Еще двоим удалось бежать. Региональный директор ФБР Стивен Мэддокс отказывается раскрыть цель операции, утверждая, что ФБР действовало в соответствии с прямыми указаниями из Вашингтона».

Сообщение было весьма необычным в нескольких отношениях. Во-первых, оно было достаточно кратким. Во-вторых, в нем не упоминалось ни точного места происшествия, ни чьих-либо имен, не считая Мэддокса. И наконец, перестрелка произошла, когда все силы закона и порядка были брошены на решение одной-единственной задачи. Очевидно, данный инцидент был каким-то образом связан с этой задачей.

Подозрения Харпера подтвердились десять минут спустя, когда по межгороду позвонил Джеймсон.

— Видели новости?

— Как раз читаю.

— Утром об этом должны были сообщить по радио, но мы задержали передачу. Мы сейчас тратим уйму времени, пытаясь убедить службы новостей свести к минимуму подобную информацию. Естественно, они хотят знать почему, а мы не можем им ответить.

— Что случилось? — спросил Харпер, глядя на собеседника на экране.

— Я не могу рассказать всего даже по официально проверенной телефонной линии. Если коротко, один из наших напал на след Лэнгли, и след привел его на ферму Ранковичей. Вероятно, за короткое время, прошедшее между сообщением нашего агента и прибытием группы, Лэнгли успел уйти. Лиса сбежала, оставив еще теплую нору.

— Очень жаль.

— Двое мертвы. Их тела отправлены на исследование,— продолжал Джеймсон.— Из тех четверых, которых мы задержали, трое категорически отрицают, что принимали участие в перестрелке. Они говорят, что просто случайно оказались в доме, когда началась стрельба, и спрятались, чтобы ее переждать. Мы подвергли их парафиновому тесту*, результат оказался отрицательным.

— Что насчет четвертого?

— Это брат одного из убитых. Утверждает, что спал и проснулся, когда началась суматоха. Натянув штаны, он сбежал вниз и вместе со своим братом и еще одним парнем принялся палить из окон. Он клянется, что никто из них понятия не имел, что они стреляют в представителей закона.

— Звучит правдоподобно,— заметил Харпер.

— Он сдался, когда до него добрался слезоточивый газ. К тому времени остальные двое были уже мертвы. Все четверо задержанных опознали Лэнгли по фотографии, но ничего о нем не

---

* Парафиновый тест использовался криминологическими лабораториями США для определения остатков нитритов и нитратов (предположительно от пороха) на руках подозреваемых, что могло бы дать основания для предположений о недавнем использовании ими огнестрельного оружия. Впервые был применен в 1936 г. В середине 60-х годов тщательные научные исследования выявили недостатки парафинового теста. Оказалось, что он мог давать положительные результаты на другие вещества (помимо пороха), такие как моча, табак, табачный пепел, удобрения, цветной лак для ногтей. *(Прим. ред.)*

знают, кроме того, что он пробыл у них пару дней и покинул дом без двадцати одиннадцать, то есть за час до облавы.

— Похоже, его предупредили.

— Вряд ли. Ему просто повезло. Так или иначе, я звоню не только для того, чтобы рассказать эту историю; есть еще кое-что интересное. Когда мы окружили дом, постучали и потребовали открыть, кто-то выстрелил сквозь дверь. Итак, хотя Лэнгли в доме уже не было, это не имело особого значения — в доме все равно скрывался кто-то, очень не хотевший, чтобы его схватили. Что скажете?

— Лэнгли обзавелся приятелем.

— Да, и, возможно, не одним. Вместе с Лэнгли из дома ушел некто по фамилии Вагтонер. Мы ничего о нем не знаем, кроме того, что их с Лэнгли что-то объединяет. У нас есть его подробное описание, и, естественно, теперь продолжаются поиски обоих.

— Вы ничего не узнали про остальных двоих? — спросил Харпер.

— Макдональда и Гоулда? Нет, в том районе их нет. Похоже, они разделились, чтобы усложнить нам задачу.

Джеймсон помолчал, изучая лежавший за пределами экрана документ.

— Я хотел бы, чтобы четверых задержанных немедленно подвергли проверке. Возможно, они вовсе не те, кем кажутся.

— Хотите, чтобы я туда приехал?

— Нет. Это нарушит весь наш план. Мы пришлем всю четверку к вам. Взгляните на них проницательным взором и скажите — да или нет.

— Хорошо.

— Спасибо. Есть еще кое-что. До сих пор никто не вцепился вам в задницу. Как вы сами сказали, все зависит от того, запомнили они ту девушку или нет, и было ли убийство на заправке случайным совпадением. На данный момент у нас нет доказательств того, что они действительно знают, что их разыскивают, знают, что нам известно о возвращении корабля. Поэтому...

— Корабль еще не нашли? — перебил Харпер.

— Никаких следов. Он не мог разрушиться до неузнаваемости; чтобы избавиться от такой массы металла, команде профессионалов с газовыми резаками и плавильными печами понадобился бы месяц. Последняя версия — он затерян где-то в

арктических пустынях или упал в океан. Последнее кажется более вероятным. В таком случае экипаж должен был добраться до берега, воспользовавшись резиновым плотом. Мы обшариваем побережье, пытаясь отыскать плот.

— Что ж, это мысль. Что вы говорили насчет того, что никто пока в меня не вцепился?

— Я имел в виду — до прошлой ночи противник мог не знать наверняка, что охота идет полным ходом. Но заметка в газете, где прямо упоминается ферма Ранковичей, может нас выдать, если Лэнгли ее прочтет. Мы пытались убедить прессу оставить эту историю в покое или, по крайней мере, не сообщать название фермы, но в ответ услышали лишь блеяние о свободе слова и праве на информацию. Теперь, вполне возможно, беглецы больше не чувствуют себя в безопасности. Они могут задуматься о том, что их выдало, и в конце концов выйдут на вас. Вам следует быть крайне осторожным.

— Я скажу Норрису,— отозвался Харпер.— Он моя нянька.

— В этом нет необходимости. Если даже он нас сейчас не слушает, ему вскоре сообщит обо всем тот, кто слушает. Все ваши звонки контролируются.

— Исключительно ради моей безопасности? — спросил Харпер.

— Да,— без колебаний ответил Джеймсон и отключился.

Экран погас.

— Вшивый лжец! — Харпер яростно уставился в стену.— Их больше беспокоят мои большие уши, чем моя шкура целиком.

Четверка подозреваемых прибыла за несколько минут до закрытия конторы. Норрис выстроил их в ряд в механической мастерской. Они стояли в наручниках, оглядываясь по сторонам, явно озадаченные, что оказались в подобном месте. Их сопровождали полдюжины агентов, пристально наблюдавших за каждым.

— Они здесь,— сообщил Норрис, входя в кабинет.— Что скажете?

— Не повезло,— ответил Харпер.— Они вполне нормальны, хотя и откровенно тупы.

— Ладно.

Норрис вышел и вскоре вернулся.

— Я распорядился, чтобы троих доставили обратно. Джеймсона интересует ваше мнение насчет оставшегося. Тот признался, что принимал участие в перестрелке, но утверждает, будто сам не понимал, что делает. Это правда?

Отодвинув в сторону бумаги, с которыми работал, Харпер откинулся на спинку стула, размышляя над заданным вопросом. Прислушавшись, он уловил беспокойство, пульсировавшее подобно зубной боли, но не дававшее ответа на вопрос. Он попытался проникнуть глубже в разум находившегося в соседнем помещении человека, стремясь уловить хоть какие-то мысли о недавно случившихся событиях.

— В общем, правда. Он настолько перепугался, что ничего не соображал.

— Это все, что мы хотели узнать.

Харпер посмотрел им вслед, тяжело вздохнул, убрал бумаги в ящик и посмотрел на часы. Пора было заканчивать дела.

Назавтра в три часа дня впервые дал о себе знать неуловимый враг. В тот момент Харпер беззаботно сидел, откинувшись на спинку стула и положив ноги на край стола, лениво наблюдая за Мойрой, разбиравшей счета.

Его мысленный дар мог функционировать в двух различных режимах, которые Харпер называл «радио» и «радар». В режиме радио он просто слушал передававшиеся в ближайших окрестностях «программы». Переключаясь же в режим радара, он посылал собственный импульс, побуждая чужой разум дать ответ.

Когда он просто слушал, он воспринимал все, независимо от того, несли чужие мысли информацию или нет. В девяноста девяти случаях из ста эти мысли оказывались не стоящей ни малейшего внимания чушью. Но когда Харпер проникал в чужой разум, он получал то, что хотел, подталкивая мысли другого в нужное русло. Пока речь шла об обычных людях, было все равно, какой метод использовать, поскольку они не догадывались ни об одном, ни о другом.

С венерианским разумом дело обстояло иначе; это был первый урок, который Харпер получил, установив контакт с существом, овладевшим телом мисс Уиттингэм. Он мог слушать венерианца в режиме радио, о чем тот даже не подозревал. Но если, подобно радару, Харпер пытался проникнуть в чужой разум,

чтобы получить необходимые сведения, венерианец ощущал толчок и немедленно поднимал тревогу.

Телепатические способности имели свои ограничения. Никто не знал этого лучше Харпера. Ему часто приходилось задавать наводящие вопросы даже обычным людям, проникая в их мозг под прикрытием разговора, подталкивая размышления собеседника к желаемому ответу. Иначе Харпер не услышал бы ничего, кроме бесполезной мешанины чужих мыслей.

С венерианским разумом все обстояло сложнее — и вдвойне сложнее было иметь с ним дело, сидя в засаде. Харпер мог прислушиваться в надежде, что добыча выдаст свое приближение, но должен был соблюдать крайнюю осторожность, посылая мысленный импульс. Если бы он сделал это слишком рано, венерианец мог сбежать, неся весть о том, что некий разум, а может, и не один, в состоянии обнаружить скрытое от миллионов остальных людей. А если бы Харпер опоздал — это могло бы закончиться отчаянной схваткой и гибелью того, кто нужен был живым.

Харпер медленно и ритмично покачивался на стуле, задние ножки которого протестующе скрипели. В последние несколько дней он не слушал чужие мысли постоянно — было невозможно одновременно заниматься этим и уделять внимание другим делам. Кроме того, в том не было необходимости. Достаточно было раз в несколько минут на пару мгновений окинуть мысленным взором окрестности — так маяк освещает лучом темное штормовое море.

Покачнувшись в сотый или тысячный раз, Харпер перестал терзать стул и сел прямо. Мойра выжидающе посмотрела на босса, но, видя, что тот не обращает на нее внимания, продолжила перекладывать бумаги.

Харпер вновь прислушался к чему-то находившемуся очень далеко, возможно в тысяче ярдов отсюда или даже дальше, отчасти заглушенному общим шумом. Оно приближалось, медленно, но верно, не быстрее идущего пешком человека. То был нечеловеческий разум, бормотавший словно рассерженный гусь.

— Норрис! — крикнул Харпер.

Мойра вздрогнула, уронила бумаги и наклонилась, чтобы их поднять.

Дверь приоткрылась, заглянул агент.

— Что случилось?

— Кажется, он здесь.

— Вы хотите сказать...

— Он идет пешком. Без машины. По тротуару.

— Оставайтесь на месте! — приказал Норрис и скрылся из виду.

Подойдя к окну, Харпер посмотрел на находившуюся в десяти футах внизу дорогу. Потом распахнул раму и наклонился, чтобы лучше видеть. То, что это превращало его в превосходную мишень, нисколько не беспокоило Харпера: враги могли охотиться за ним только для того, чтобы узнать его секрет, а мертвые не выдают секретов.

Разум, который он искал, принадлежал одному из группы пешеходов, двигавшихся по левой стороне улицы в четырехстах или пятистах ярдах к северу. В своей способности ориентироваться Харпер не сомневался, но не мог выделить одного индивидуума из далекой группы неотличимых друг от друга людей.

Высунувшись из окна, он ждал, когда странный разум приблизится.

Триста ярдов, двести, сто пятьдесят. К этому времени его выбор сузился до трех человек: опрятно одетая домохозяйка, бойко шагавшая по улице, преуспевающего вида толстяк-бизнесмен лет сорока и худой тип со впалыми щеками, который крадучись двигался вдоль стены.

За спиной Харпера вновь появился Норрис.

— Все в порядке,— сказал он.— Не могли бы вы...

Не обращая на него внимания, Харпер послал мысленный импульс. Ответ пришел через долю секунды: внезапное потрясение, дикая тревога, желание бежать и предупредить других.

Домохозяйка продолжала идти как ни в чем не бывало. Не изменилась и походка худощавого. Толстяк остановился как вкопанный, дико огляделся по сторонам, повернулся и поспешил назад — туда, откуда пришел; быстро, но стараясь не привлекать к себе внимания.

Харпер выпрыгнул из окна. Еще не успев приземлиться, он услышал судорожный вздох Норриса и восклицание Мойры. С пистолетом в правой руке Харпер бросился в погоню за толстяком.

Изменившиеся лица прохожих подсказали беглецу, что позади него что-то происходит и что пора поторапливаться. Даже не оглянувшись, чтобы в удостовериться этом, толстяк согнул руки в локтях и побежал с удивительной для его телосложения прытью.

— С дороги, придурок! — крикнул Харпер внезапно возникшему перед ним перепуганному клерку с большой коробкой, оттолкнул его и помчался дальше.

Позади кто-то неразборчиво и властно кричал. На углу в шестистах ярдах впереди раздался пронзительный свист. Взвыла полицейская сирена. Из дверей впереди беглеца вышли двое агентов с оружием в руках, приказывая толстяку остановиться. Еще двое бежали по противоположной стороне улицы.

Толстяк и не подумал останавливаться. Не обращая внимания на оружие, он нырнул в двери здания конторы. Харпер вбежал следом пять секунд спустя, раскрасневшись и тяжело дыша. Двое агентов следовали за ним по пятам. Взвизгнул тормозами автомобиль, из которого выскочили еще четверо.

Один из лифтов быстро поднимался, унося с собой беглеца. Остановившись у раздвижной решетки, Харпер посмотрел вверх и увидел исчезающие из виду ноги толстяка. Двое агентов взбежали по находившейся рядом лестнице. Еще двое вскочили в соседний лифт и поехали вверх.

Приставив дуло пистолета к замку решетки, Харпер выстрелил, распахнул решетку и остановил лифт на уровне третьего этажа. Он надеялся, что беглец застрянет между этажами, но лифт автоматически среагировал на внезапное отключение энергии, опустившись на ближайший уровень.

Прислушавшись к мыслям находившихся наверху, Харпер понял, что толстяк выскакивает из лифта на третьем этаже, а агенты на лестнице уже почти рядом с ним. Ему стало ясно, что сейчас произойдет... Прежде чем он успеет помешать.

Он вприпрыжку помчался вверх по лестнице, не обращая внимания на заливающий глаза пот. Харпер уже преодолел первый пролет и половину второго, перескакивая через три ступеньки, когда у него над головой раздался страшный грохот и звон бьющегося стекла, а потом — несколько выстрелов. Он побежал быстрее, чувствуя, что еще немного — и у него разорвутся легкие.

На площадке между вторым и третьим этажами он услышал вопль чуждого разума, угасающего в бесполезном теле, и дикий

отчаянный крик умирающего человека. Замедлив шаг, Харпер преодолел последний пролет уже не спеша, с грустью понимая, что опоздал.

Коридор третьего этажа напоминал бойню. Трое агентов стояли, глядя по сторонам. Один из них держал штурмовую винтовку, дуло которой еще дымилось. Второй вытирал кровь, стекающую с левого уха. Третий мрачно смотрел на распростершегося у подножия лестницы четвертого агента, грудь и лицо которого были забрызганы красным.

В десяти ярдах от лифта лежал труп толстяка. Зрелище было не из приятных. Очередь из штурмовой винтовки почти перерезала его пополам. Повсюду валялись осколки стекла от двух разбитых дверей и потолочных ламп, перемешанные с хлопьями краски и кусками штукатурки. Из дверей дальше по коридору начали выглядывать испуганные люди. Толстяк лежал, демонстрируя внушительную задницу, и истекал кровью.

Глава 8

Человек с окровавленным ухом склонился над распростертым возле лестницы агентом, сунул руку ему под пиджак и прохрипел:

— Мертв.

Выпрямившись, он прижал к голове запятнанный кровью носовой платок.

— Если бы он меня не обогнал наверху, мог бы остаться в живых. А если бы я не находился на четыре ступеньки ниже, тоже мог бы получить свое сполна.

— Мы поднимались во втором лифте,— объяснил Харперу агент со штурмовой винтовкой.— Когда лифт, в котором ехал толстяк, неожиданно остановился, мы проскочили мимо, и нам пришлось спускаться. Как раз в этот момент он выскочил и швырнул в двоих других гранату. Осколок пробил пол прямо у меня под ногами. Выскочив из лифта, мы увидели, что он мчится сюда, и расстреляли его, прежде чем он успел метнуть еще одну.

Снизу по лестнице бежала целая толпа во главе с Норрисом и Раушем. С улицы далеко внизу доносился шум множества го-

лосов. Только теперь осознав, что все еще сжимает в руке пистолет, Харпер убрал оружие.

Норрис огляделся по сторонам, сжав губы, и посмотрел на лежащего у лестницы агента.

— Похоже, мертв. Отнесите его вниз в «скорую», просто на всякий случай.

Он повернулся к остальным.

— Что случилось?

Ему рассказали, закончив рассказ словами:

— Вряд ли нам удалось бы взять его живым.

Один из агентов открыл перочинный нож и, поковыряв стену, извлек зазубренный кусок металла.

— Судя по всему, армейская граната.— Внимательно рассмотрев осколок, он протянул его Норрису.— Что скажете?

— Да, вполне возможно. Придется начать проверку оружейных складов. Обыщите его и поглядите, что еще у него есть.

Они тщательно обшарили одежду толстяка. Больше никакого оружия при нем не оказалось, даже пистолета. У него были дорогие часы, украшенная бриллиантом булавка для галстука и туго набитый бумажник. Одежда — высшего качества, туфли ручной работы, стоившие немалых денег. Никто не сомневался: вместо того чтобы идти пешком по улице, он вполне мог позволить себе иметь частный вертолет и приземлиться прямо на крыше здания, где находилась контора Харпера.

Толстяка уложили на спину, и стало видно его чисто выбритое, ухоженное лицо с двойным подбородком. Даже сейчас на этом лице застыло выражение, свойственное человеку, который и мухи не обидит — если только она не попытается улететь с его булавкой для галстука. У него были чистые мягкие руки с розовыми, тщательно наманикюренными ногтями.

Кроме часов, булавки, бумажника и двух льняных носовых платков, больше в его карманах ничего не нашлось, что было весьма странно. Ни водительского удостоверения, ни документов, ни авторучки, ни портсигара, ни зажигалки, ни ключей. На его одежде не было никаких меток, как и на обуви — если не считать указания размера. В общем, ничего, что помогло бы быстро установить личность.

— Опять задержка,— мрачно заметил Норрис.— Придется тратить драгоценное время, чтобы выяснить, кто он такой.

Агент снова пошарил в бумажнике, но не нашел ничего, кроме внушительной пачки денег.

— А выяснить это необходимо, прежде чем начать отслеживать все его контакты. Он должен был с кем-то общаться — иначе не слетел бы с катушек.

Норрис с надеждой посмотрел на Харпера.

— Полагаю, вы вряд ли сможете что-нибудь о нем рассказать?

— Увы,— с искренним сожалением ответил Харпер.

Извлечь данные из мозга мертвеца было не в его власти. Хотя у Харпера не было шансов это проверить, он подозревал, что даже мозг живого толстяка мог не выдать его имени, среагировав на мысленный импульс. Венерианец невольно выдавал в себе венерианца, а не личность, которой он завладел. В этом заключался источник всех проблем, но и причина того, что обладающий исключительными способностями человек мог опознать чужака.

— Придется сделать все возможное, и как можно быстрее.

Норрис протянул бумажник другому агенту.

— Составьте список номеров банкнот и распространите по всем банкам в радиусе пятидесяти миль. Проверьте, не выдавались ли эти деньги в каком-нибудь банке, а если да, то кому.

Рауш открыл часы и внимательно рассмотрел. Защелкнув крышку, он отдал их одному из своих людей со словами:

— Кое-что узнать все-таки можно. Это одна из новомодных моделей, работающих от изменений атмосферного давления. Вряд ли их миллионы, учитывая, сколько они стоят. Найдите местного оптового торговца. У него должно быть зафиксировано, куда ушли эти часы. В конечном счете можно будет выяснить, кто их купил.

Агент взял часы и поспешил вниз по лестнице.

— Маловероятно, что это нам поможет, но выбирать не приходится,— сказал Рауш Норрису, разглядывая булавку.

Он подозвал еще одного агента.

— Покажите ее известным ювелирам. Позвоните, если узнаете, кому ее продали.

— Если его отпечатки есть в базе, мы опознаем его за несколько часов,— заметил Норрис, втайне сомневаясь, что такие отпечатки там есть.— Сделаем копию и отправим в Вашингтон, пусть посмотрят. Будем надеяться, что там есть его пальчики.

А пока стоит заняться его обувью. В любой хорошей обувной мастерской наверняка скажут, где делают такие туфли.

— Можно посмотреть? — спросил Харпер.

Взяв туфли, он несколько раз перевернул их, согнул, ощущая их мягкость и гибкость, и вернул обратно.

— Сделаны по его мерке.

Норрис кивнул и крикнул:

— Где фотограф?

Фотограф с болтающимся на плече аппаратом тут же появился и бросил взгляд на покойника с видом профессионала, который повидал в жизни всевозможные трупы со всевозможными выражениями лиц и во всевозможных позах.

— Сделайте так, чтобы его физиономия красиво смотрелась,— приказал Норрис.— Мне нужно хорошее фото, которое можно было бы показать по стереовидению. Возможно, кто-то из зрителей его опознает. Как только фото будет готово, немедленно принесите его мне.

Норрис повернулся к Харперу.

— Пока тут больше ничего нельзя сделать. Мы проводим вас обратно в контору.

Харпер потер подбородок и, поколебавшись, сказал:

— Я настолько восхищен окружающими меня талантами, что даже неудобно что-то предлагать самому.

— Я слушаю,— кивнул Норрис.

— Вы не против, если я прямо в лицо вам начну задавать дурацкие вопросы?

— Конечно, не против.

— В таком случае — много ли взрослых людей ходят по улице без единого ключа в кармане?

— Верно. У него не было никаких ключей. Вероятно, он избавился от всего, что, по его мнению, могло бы навести нас на след, но избавился не слишком тщательно. Или, возможно, понимал: если с ним что-нибудь случится, этого будет достаточно, чтобы хоть немного задержать расследование.

— Я также заметил, что на его правой туфле изношена середина подошвы,— продолжал Харпер.— Изношена сильнее, чем на левой.

Он задумчиво помолчал.

— И у него вид человека, который преуспевает уже много лет. Если у него в бумажнике когда-то не было толстой пачки денег, то очень, очень давно. Однако шел он пешком.

— К чему вы клоните?

— У толстяка есть машина, и он ею пользуется. Такие, как он, вне всякого сомнения, ездят в больших мощных автомобилях размером с океанский лайнер. Но на этот раз он обошелся без машины. Почему? Ответ: по каким-то только ему известным причинам он бросил машину и остальную часть пути проделал пешком. Но он оставил ее незапертой, иначе при нем были бы ключи. Почему он ее не запер? Потому что в машине кто-то сидит и ждет его, а ключи болтаются в приборной панели. Сидит ли там этот «кто-то» до сих пор? Ответ: если автомобиль оставлен не настолько близко, чтобы оттуда можно было услышать стрельбу или увидеть суматоху, ожидающий толстяка пребывает в блаженном неведении.

— Давайте спустимся к патрульной машине и передадим информацию по рации. У меня достаточно патрулей, чтобы прочесать весь район, и...

— Ну-ну! — проворчал Харпер.— Поспешать нужно не спеша. Вокруг сотни припаркованных автомобилей, в десятках из них сидят люди. Если приятель толстяка не окажется Лэнгли, Макдональдом или Гоулдом, как вы собираетесь его обнаружить?

— Он вполне может оказаться одним из этой троицы.— Норрису не терпелось начать поиски.— Вероятно, именно поэтому покойник прошел часть пути пешком. Никто из троих не стал бы рисковать и появляться возле вашей конторы, зная, что она, скорее всего, находится под хорошим прикрытием и его легко могут опознать. Ему пришлось бы сидеть тихо, пока марионетка делала бы за него грязную работу.

— Ладно. Тогда я предлагаю отправить все патрули на поиски Лэнгли с компанией. Особое внимание обращать на припаркованные машины с ожидающими в них людьми. Если соучастник преступления — не один из этих троих, а мистер Аноним, вам не повезло. Агенты не смогут отличить его от любого другого, даже если он будет щеголять в чем мать родила.

— Но вы могли бы его опознать?

— Если бы он оказался достаточно близко. Лучше возьмите меня с собой на экскурсию по всем парковкам в радиусе, ска-

жем, получаса ходьбы. Примерно в две мили. Толстяк бежал не просто так. Он надеялся на некоторое время затеряться в толпе, прежде чем сделать финальный рывок. Десять к одному, что у него где-то оставлена машина.

— Вполне возможно, вы правы,— согласился Норрис.— Поехали.

Они погрузились в одну из полицейских машин, выстроившихся у здания. Норрис сел за руль, Рауш рядом с ним; еще один агент и Харпер разместились на заднем сиденье. Норрис уже хотел тронуться с места, когда в голову ему пришла одна мысль, и он обернулся к коллеге, сидевшему сзади.

— Мы не слишком хорошо знаем этот район. Пусть лучше вместо вас сядет местный полицейский, который сможет показать нам дорогу.

— Я могу показать вам все самые обнадеживающие места,— сказал Харпер.— Поехали. Второй поворот направо.

Свернув направо, они оказались возле парковки, на которой стройными рядами, словно на параде, стояло около двух сотен машин. В семи из них были люди. Харпер мысленно проник в мозг каждого, но не обнаружил ничего подозрительного.

— Поворачиваем налево,— велел он.— По дороге есть несколько мелких автостоянок, а примерно в миле впереди одна большая.

Они ехали не спеша, проверяя все попадающиеся по пути машины. Ничто не вызывало подозрений и не внушало тревоги.

Одолев еще милю, они оказались возле подземной парковки, где помещалось больше тысячи автомобилей. Съехав по одному из полудюжины широких пандусов, они очутились в ярко освещенной пещере, где среди каменных колонн стояло множество машин. Служитель, явно удивленный прибытием полицейского патруля, подошел к ним, и Норрис, опустив окно, высунул голову, чтобы заговорить.

— Быстрее! — крикнул Харпер, выпрямляясь и глядя прямо перед собой.— Вон он — у центрального выхода!

Норрис рванул с места, едва не сбив служителя парковки. Автомобиль с ревом пронесся по главному проходу между рядами плотно стоящих машин. Освещавшие стоянку огни мелькали

над головой все быстрее, исчезая позади. Колонны проносились мимо с такой скоростью, что напоминали частокол. Наконец машина вырвалась на залитую дневным светом улицу.

Слева Харпер все еще мог уловить быстро затихающее бормотание возбужденного разума, стремящегося убраться подальше от того, кто — как только что стало известно — способен услышать это бормотание.

Когда они съехали с пандуса и устремились по широкой улице, взвыла сирена. Все уступали им дорогу, по которой далеко впереди несся большой черный автомобиль — несся так быстро, будто за рулем сидел маньяк. Мрачно вцепившись в руль, Норрис вдавил педаль газа до упора. Пошарив под приборной панелью, Рауш нашел микрофон и поднес ко рту:

— Черный «роудкинг» движется на юго-запад по Бэйли-авеню. Всем машинам в районе Бэйли-авеню, Грин-авеню и Мэйсон-роуд — на перехват черного «роудкинга».

— Если наша перегруженная колымага сумеет догнать «роудкинг», это будет чудом,— заметил Харпер.

Никто не обратил внимания на его слова. Агент рядом с Харпером наклонился, вытащил из кармана пистолет и положил на колени.

— Сорок первый, направляюсь в сторону Бэйли-авеню,— послышался с приборной панели бесстрастный голос полицейского.

Харпер, прищурившись, посмотрел вперед и решил, что меньше чем за милю они отстали на пару сотен ярдов. Он с трудом удержался на сиденье, когда они на полной скорости обогнули стоящий автобус.

— Одиннадцатый на Мэйсон,— сообщил другой голос.

— Четвертый на Мэйсон, на углу Перкинс-стрит,— сказал третий.

Удирающий «роудкинг», начавший постепенно исчезать вдалеке, неожиданно свернул, словно хотел нырнуть в боковую улицу, но в последний миг повернул обратно, срезал угол и помчался дальше по Бэйли-авеню.

Мгновение спустя стала ясна причина этого маневра — из боковой улицы на полной скорости вылетел полицейский автомобиль и устремился в погоню. Он был примерно на полпути меж-

ду машиной Харпера и «роудкингом» и ехал быстрее, поскольку не был так перегружен, но все же ему не удавалось ни на дюйм сократить расстояние, отделявшее его от мчащегося на бешеной скорости беглеца.

— Что я говорил? — проворчал Харпер.— Толстяки с толстыми бумажниками покупают крутые тачки, которые пожирают галлон топлива в милю.

Он недовольно фыркнул и добавил, словно в утешение:

— Баллон ему тоже не прострелишь. Эти «роудкинги» ездят на шинах с наполнителем из сплошной резины.

— Двадцать восьмой, на пересечении Мэйсон и Бэйли.

— Подходящее место,— сквозь зубы проговорил Норрис.— Они его остановят.

— Им придется в него врезаться, и, судя по тому, как он несется, удар будет основательный,— сказал Рауш, отставляя микрофон и тревожно глядя вперед.— Без потерь его никак не задержишь, если только...

Воспользовавшись тем, что Рауш отвлекся, Харпер наклонился и рявкнул в весьма кстати оказавшийся рядом микрофон:

— Никаких полумер! Пристрелить ублюдка!

— Эй вы! — Рауш выхватил микрофон у Харпера и хмуро уставился на него.

В то же мгновение услышавший приказ полицейский в двадцать восьмой машине открыл огонь. Патрульный автомобиль, ехавший перед машиной Харпера, поспешно свернул к обочине, и стала видна еще одна патрульная машина, припаркованная в полумиле впереди.

«Роудкинг» молнией пронесся мимо двадцать восьмой машины, преодолел сто пятьдесят ярдов, резко развернулся, вылетел на тротуар и с напоминающим взрыв грохотом врезался в витрину магазина. Во все стороны полетели предметы галантереи. Над улицей взмыла рубашка, размахивая рукавами. Из двадцать восьмой машины выбрались двое полицейских и побежали к месту аварии.

— Ну, теперь все пропало! — прорычал Норрис, отпуская педаль и замедляя ход.— Кто тут вообще главный? — бросил он через плечо.

— Я. И если раньше вы этого не знали, то теперь знаете.

— Нам приказано...

— Идите вы знаете куда со своими приказами! — грубо бросил Харпер.— Я ценю вашу помощь, но иногда вам придется оценить мою.

Открыв дверцу остановившейся машины, он вышел и направился к «роудкингу», заранее зная, что искра чуждого разума в очередной раз угасла в мертвом теле. Но по крайней мере, никто из обычных людей не погиб, и это было единственным утешением.

Разбитый робот-манекен из задней части витрины вывалился на капот «роудкинга», бессмысленно таращась на мертвого водителя. На роботе была шерстяная шапка, пьяно съехавшая на один глаз, штаны его были полны разбившихся при ударе деталей. Водитель сидел, наклонившись вперед, уронив голову на руль, на его шее повисла пара ярких носков с ценником.

Двое полицейских с трудом пробирались к дверце машины через разбитое стекло, разодранные пижамы и порванные носовые платки, отбрасывая в сторону попадавшиеся на пути торговые стенды.

Харпер уже собирался к ним присоединиться, когда из магазина выскочил высокий парень и набросился на него, размахивая руками и хлопая длинными ресницами.

— Вы только посмотрите! — пронзительно завопил он.— Нет, вы только посмотрите! И что мне теперь делать?

— Я мог бы намекнуть,— разглядывая его, сказал Харпер.— Но что-то не хочется.

— Скверное дело,— настаивал тот.— Очень, очень скверное. Кому-то придется за это заплатить. Кому-то...

— Можете подать в суд на мертвеца в машине,— ответил Харпер.— Это все он натворил.

Присоединившись к полицейским, он помог им вытащить тело.

Парень перевел взгляд на Норриса, который следовал за Харпером по пятам.

— Я только вчера обставил эту витрину. Просто кошмар! Я настолько зол, что не знаю, на что...

Он замолчал, его большие глаза распахнулись еще шире, когда он увидел труп, который пронесли мимо него и уложили на тротуар.

— Как... мистер Баум?!

— Вы знаете этого человека? — быстро спросил Норрис.

— Да, конечно. Это мистер Баум. Мистер Филип Баум. Я только на прошлой неделе продал ему...

— У него есть брат? — вмешался Харпер, глядя на смутно знакомые черты покойного.

— Да.

Хлопая ресницами, парень зачарованно глядел на мертвое лицо.

— Мистер Амброз Баум. Он немного старше, на три или четыре года. Это ужасно! Мистер Баум! Моя витрина! Только взгляните! У меня все внутри переворачивается!

— Где живут Баумы? — спросил Норрис.

— В Ривзборо. Я...

Парень замолчал, у него отвисла челюсть при виде разбитого робота-манекена, который медленно сполз с капота, упал на колени, громко рыгнул, зажужжал, дважды щелкнул, и глаза его закатились. Парень содрогнулся.

— Александр уничтожен, полностью уничтожен. Я хотел бы знать, кто мне за все это заплатит.

— Обратитесь в свою страховую компанию,— сказал Норрис.— Где в Ривзборо находится дом Баумов?

— Кажется, где-то на Пайнуок-авеню. Не помню номера. Он должен быть в телефонной книге.

— Принесите телефонную книгу, и давайте посмотрим.

— Это ни к чему,— вмешался один из полицейских, обыскивавших тело.

Он выпрямился, держа в руке карточку.

— У него есть документы. В них говорится, что его зовут Филип Кальман Баум, проживает по адресу: Пайнуок-авеню, четыреста восемь, Ривзборо. Автомобиль зарегистрирован на имя Амброза Баума, проживающего по тому же адресу.

— Он мертвее мертвого,— добавил второй офицер.— Рулевое колесо проломило грудную клетку.

Норрис повернулся к агенту, сопровождавшему их с самого начала.

— Вы знаете, что делать в подобных случаях. Журналистам ничего не говорите. Пусть вопят сколько хотят — посылайте их в наше местное отделение.

Норрис кивнул Харперу.

— Поедете вместе с нами.

Сев машину, Норрис, Рауш и Харпер покинули место происшествия, вокруг которого уже начала собираться толпа.

— Нам может потребоваться более мощное подкрепление,— заметил Норрис Раушу, прибавляя скорость.— Лучше отмени поиски «роудкинга» и выясни, кто там дальше стоит на дороге. Пусть следуют за нами в Ривзборо.

Рауш нашел микрофон, передал сообщение, и в ответ тут же послышался голос:

— Четвертый, на Мэйсон-роуд, угол Перкинс-стрит.

— Дождитесь нас и следуйте за нами в сторону Ривзборо,— приказал Рауш.

Выехав на широкое двенадцатиполосное шоссе, они прибавили скорости и обогнали зеленый «тандербаг». За рулем «тандербага» сидела почтенного вида блондинка. Харпер задумчиво посмотрел на нее, поковырял в зубах и ничего не сказал. Его уже утомило постоянное заглядывание в мозги водителей и пассажиров зеленых «тандербагов».

Через четыре мили с обочины сорвалась патрульная машина и устремилась следом за ними. Еще через шесть миль они свернули с шоссе и, въехав в Ривзборо, нашли нужный адрес: небольшой аккуратный дом стоял посреди участка в пол-акра.

Проехав чуть дальше, Норрис затормозил и дал знак едущей следом машине остановиться. Выйдя, он подошел к этому автомобилю, в котором сидели двое полицейских и двое агентов.

— Оставайтесь здесь, на случай если кто-нибудь попытается сбежать,— велел он полицейским.

Потом повернулся к агентам:

— А вы займите позицию позади дома. Если кто-нибудь попытается выскочить, когда мы войдем в дверь,— это ваша законная добыча.

— Вы зря теряете время,— заметил Харпер, уже зная, что внутри дома нет чуждого разума.

— Здесь решаю я,— парировал Норрис.

Он подождал, пока двое агентов скроются за домом, и направился к входной двери.

— Идемте!

На звонок открыла седовласая, похожая на мать семейства женщина лет шестидесяти, с натруженными руками и мягкими чертами лица.

— Это дом Баумов,— сказал Норрис, скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Верно,— согласилась она.— Но мистера Филипа и мистера Амброза сейчас нет. Я не знаю, когда они вернутся.

— Они никогда не вернутся,— сказал Норрис.

Она ошеломленно поднесла морщинистую руку ко рту, в ужасе глядя на него.

— Что... что-то случилось?

— Увы, да. Вы их родственница?

— Я миссис Клэг, их экономка,— остолбенело проговорила она.— Они?..

— Здесь живет кто-нибудь из их родственников? — прервал ее Норрис.

— О нет. Они убежденные холостяки, и у них нет никаких родственников. В этом доме только горничная и я.

Женщина судорожно сглотнула.

— Что с ними случилось?

— Они мертвы. Мы — представители закона и хотели бы осмотреть дом.

— Мертвы? — прошептала она, отступая и пропуская Норриса, следом за которым вошли Харпер и Рауш. Судя по ее мыслям, она никак не могла уложить случившееся в голове.— Но ведь не оба?

— Оба, миссис Клэг. Мне очень жаль.— Норрис достал из бумажника три фотографии и показал ей.— Вы узнаёте кого-то из этих людей?

Она шмыгнула носом, вытерла глаза и без особого интереса взглянула на фотографии.

— Нет.

— Вы уверены, что за последнее время никого из них не видели?

— Уверена.

— Где та горничная, про которую вы упоминали?

— На кухне. Хотите с ней поговорить?

— Да.

— Уинни! Уинни! — позвала женщина.

Появилась Уинни, толстая нескладная девушка с безмятежным взглядом жующей жвачку коровы.

— Знаете их? — спросил Норрис.

Она кокетливо посмотрела на фото.

— Нет, сэр.

— Если бы кто-то из них недавно побывал в этом доме, вы и миссис Клэг обязательно бы их увидели?

— Угу, думаю, да.

— У мистера Филипа и мистера Амброза редко бывали гости,— вмешалась экономка.— Дома они только отдыхали и спали. И возвращались обычно поздно, иногда в два-три часа ночи. Но всегда трезвые, это я могу сказать наверняка. Я...

— Чем они зарабатывали на жизнь? — спросил Норрис.

— У них три ювелирных магазина. И небольшой оптовый склад в городе. Насколько я знаю, дело начал их отец. Он умер много лет назад. Они были очень приятными джентльменами, и страшно подумать, что...

Норрис нетерпеливым жестом прервал ее поток слов.

— Мы хотели бы взглянуть на оставшиеся в доме бумаги. Где они хранили свою переписку?

— Все их деловые документы в конторе,— сказала миссис Клэг.— Но их личные письма должны быть в письменном столе или в их комнатах наверху.

— Спасибо, миссис Клэг. Очень жаль было вас расстраивать, но подобное порой случается. Если вы не слишком заняты, не могли бы вы приготовить нам кофе?

У экономки все еще был ошеломленный вид, но она кивнула и скрылась на кухне, похоже, радуясь возможности избежать расспросов. Уинни прошлепала следом за ней, дважды обернувшись со своей коровьей улыбкой, и тоже исчезла. Норрис нахмурился, глядя ей вслед.

— Чему эта потаскушка ухмыляется? — спросил он.

— Вам,— сообщил Харпер.— Ее коэффициент умственного развития около семидесяти, но аппетита на мужчин ей это не убавляет. Вот что значит быть симпатичным агентом ФБР.

— Чушь! — мрачно проворчал Норрис и обратился к Раушу: — У нас нет времени, чтобы получить ордер на обыск, и, судя

по всему, никто из-за этого особо кипятиться не будет. Я займусь столом, а ты осмотри спальни наверху. Когда закончим, поедем в город и обыщем контору. Нужно составить список всех, с кем они общались в последние несколько недель.

Рауш поднялся наверх, Норрис потратил пять минут, пытаясь открыть ящик стола, и в конце концов позвал одного из стоявших позади дома агентов.

— Займись замком, Йенсен.

Осмотрев замок, Йенсен вышел в гараж и вернулся с мотком проволоки.

— Там, в гараже, стоит еще один «роудкинг». Той же модели, номер отличается на единицу. Вероятно, братья покупали машины вместе.

Повозившись с проволокой, он вскрыл замок и поднял полукруглую крышку стола, которая автоматически освободила ящики.

Норрис жадно набросился на их содержимое, вынимая документы, быстро просматривая и откладывая в сторону. Вытаскивая ящики один за другим, он нашел черный пистолет, спрятанный в коробке от фотоаппарата, и протянул Йенсену.

— Держи. Возможно, ребята из отдела баллистики смогут что-нибудь откопать.

Вскоре, закончив читать последнее из пачки писем, он сунул письмо обратно и недовольно проворчал:

— Сходи спроси миссис Клэг, когда Баумы в последний раз здесь были.

Йенсен вышел и тут же вернулся.

— Она говорит, завтракали сегодня утром.

— Странно.

Норрис повернулся к Харперу.

— Все письма — обычный треп, в основном с друзьями по бизнесу. В среднем одно письмо в день. Но за последние пять дней нет ни одного. Получается, пяти писем не хватает.

— Они могут быть в конторе,— предположил Харпер.— Или...

— Или что?

— Возможно, их уничтожили сразу после получения.

— Зачем?

— Потому что письма были им неинтересны, их содержание стало для них чужим.

— Проверим в конторе, прежде чем делать выводы,— решил Норрис.— Либо письма сохранились, либо нет.

— Если найти их не удастся, можно сделать два определенных вывода,— сказал Харпер.— Во-первых, чужаки завладели телами Баумов около пяти дней назад. Во-вторых — враг не настолько безрассуден, чтобы слепо множить свои ряды, и начинает становиться разборчивым.

— На основании чего вы так решили?

— Баумы ежедневно общались с миссис Клэг и Уинни, насколько нам известно. Но женщин не тронули, несмотря на то что те были легкой добычей. Женщины жили бок о бок с дьяволом, но сохранили свои души. Разве это не везение?

— От ваших слов у меня мурашки по коже,— пожаловался Норрис.

Он повернулся к Йенсену.

— Составь список имен и адресов из корреспонденции Баумов и доставь в управление. Нам придется проверить всех по этому списку.

Снова появился Рауш.

— Ничего существенного, кроме пары телефонных номеров в блокноте возле телефона в комнате Амброза.

— Этим займемся позже.

Норрис в последний раз раздосадованно огляделся по сторонам, но ничего интересного не увидел.

— Если те, кого мы ищем, еще не знают о судьбе Баумов, можно предположить, что кто-то явится сюда, чтобы узнать, как дела у братьев. Если все мы отправимся в контору, здесь не останется никого, кто мог бы схватить визитера. Придется кому-то подежурить в доме, пока новость не разойдется и не послужит предупреждением для возможных гостей.

— Я останусь с Йенсеном,— предложил Рауш.— Если кто-нибудь...

Сверху раздалась мелодичная трель.

— Телефон! — крикнул Норрис.

Он бросился наверх, перепрыгивая через две ступеньки, остальные — за ним. Оказавшись в комнате Амброза, Норрис осторожно посмотрел на аппарат возле кровати.

— Кто-нибудь видел здесь еще один телефон?

Все покачали головами.

— Плохо. Не удастся задержать звонящего, пока мы будем отслеживать, откуда он звонит.

Достав из кармана носовой платок, Норрис набросил его на миниатюрный сканер и поднял трубку. Экран тотчас засветился, но изображения на нем не появилось. Кто-то точно так же заслонил сканер на другом конце.

— Алло! — сказал Норрис.

— Вар сильвин, венд? — крайне подозрительно спросил чей-то голос.

— Дом Баумов,— нахмурившись, ответил Норрис.— Чем могу помочь?

Раздался щелчок, линия отключилась. Норрис быстро постучал по клавишам, вызвал оператора и представился.

— Откуда был последний звонок? Сообщите как можно быстрее.

Он подождал минуту, снова послушал, фыркнул, положил трубку и сказал остальным:

— Звонили со склада Баумов. Очевидно, у них была там назначена встреча с кем-то, кто забеспокоился, когда они не появились, и позвонил. Мы упустили шанс, не выяснив, где находится склад и не поехав туда сразу.

— Поезжайте прямо сейчас,— посоветовал Рауш.— Я на всякий случай останусь с Йенсеном.

Норрис кивнул, махнул рукой Харперу, и они поспешили к машине. Велев одному из ожидавших полицейских присоединиться к ним, Норрис рванул с места.

— Можете не спешить,— с нескрываемым пессимизмом сказал Харпер.— Там никого не будет. Тот, кто бросает трубку, вряд ли станет сидеть на месте.

— Я тоже так думаю,— согласился Норрис, не сбавляя скорости.— Но даже если нам не удастся никого схватить, мы хотя бы попытаемся.

Он показал на микрофон под приборной панелью.

— Сообщите всем машинам: пусть те, кто находится недалеко от склада, немедленно едут туда. Задержать любого, оказавшегося на территории склада.

Харпер выполнил поручение. Ответили двое, сказав, что будут там через несколько минут.

— Через несколько минут будет слишком поздно,— заметил Харпер, возвращая микрофон на место.

Глава 9

Склад оказался старинным, но солидным зданием из красного кирпича, с шестью окнами, забранными прочными решетками и защищенными ставнями, с громоздкой стальной дверью. Казалось, его специально построили для хранения товара, вызывающего непреодолимое искушение у обитателей близлежащих кварталов. Возле здания стояли две машины, рядом с ними маячили трое полицейских.

— Еще трое ждут сзади,— сказал один из полицейских Норрису.— Двери и окна заперты. На звонок никто не отвечает. Внутри ни звука. Похоже, там никого нет.

— Придется ломать дверь.

На это ушло время, но им удалось вскрыть замок, не слишком повредив двери. Внутри не оказалось ни души. На первом этаже стояли стеклянные витрины, в них на черном бархате красовались ювелирные изделия. Второй этаж был заставлен ящиками и картонными коробками, полными и пустыми. В углу перегородка из досок и прозрачного пластика отгораживала небольшой кабинет.

Войдя в кабинет, Норрис осторожно огляделся по сторонам и велел одному из полицейских:

— Пусть снимут отпечатки пальцев. Если повезет, возможно, нам удастся выяснить, кто тут ждал.

Повернувшись к Харперу, он добавил:

— Отпечатки обычно стирают за собой профессиональные преступники — а тот, кого мы ищем, вряд ли профессионал.

Он подошел к столу, выдвинул ящики. Их содержимое не впечатляло — в основном, бланки накладных, счета и прочие деловые бумаги. Осмотр металлического шкафа для документов тоже ничего не дал.

— Могу сказать одно,— заметил Харпер, принюхиваясь.— У Баумов и их коллег, похоже, имелись весьма странные привычки.

— В каком смысле? — спросил Норрис.

— От Амброза исходил едва заметный запах. И от Филипа тоже. А здесь я опять его чувствую.

Норрис пошевелил ноздрями.

— Похоже, ваше обоняние намного острее моего.

— У разных людей оно развито по-разному. Как и у собак. Я действительно чувствую запах, и я знаю, что это такое.

— Что?

— Эвкалипт.

— Весьма полезная информация,— язвительно заметил Норрис.— Все, что нам теперь нужно,— выследить и поймать того, от кого несет эвкалиптом.

— Трое за один день с одним и тем же запахом — это кое-что значит,— сказал Харпер.— Возьмите табак. Если я окажусь в густом лесу и почувствую запах табака — я сразу пойму, что рядом кто-то есть.

— И?..

— Возможно, эвкалипт кое-кому по вкусу.

— Совершенно бредовая мысль,— сказал Норрис.

— Если мы хотим сделать шаг вперед в этом деле, придется строить всякие предположения.

Харпер сунул руки глубоко в карманы и мрачно огляделся вокруг.

— Собственно, почему бы некоторым не испытывать влечения к эвкалипту? Я слышал, коалы его обожают.

— Они едят листья,— сказал Норрис.— Кроме того, мы имеем дело вовсе не с коалами. Мы преследуем тех, чьи зубы и когти куда опаснее.

— Что с того? Даже у тигров есть свои причуды.

Нахмурившись, Норрис аккуратно снял телефонную трубку, стараясь не смазать возможные отпечатки пальцев, набрал номер и с кем-то поговорил.

— Это всего лишь предположение, но всех подозреваемых следует проверять на запах эвкалипта.

Он положил трубку и признался:

— Для меня это тоже прозвучало бы глупо, не будь все дело столь невероятным.

— Поскольку я все же не профессиональный Шерлок Холмс, порой я не замечаю того, что очевидно для вас, но обращаю вни-

мание на то, что вы можете упустить из виду,— сказал Харпер.— Например, какой научный вывод можно сделать из пристрастия к эвкалипту?

— Не знаю.

— Что *их* естественная добыча — питающиеся пахучими листьями вегетарианцы, чья любимая еда сродни эвкалипту. И потому здешний носитель начинает ощущать выработанную в течение веков потребность. Иными словами, они нашли местный наркотик, который напоминает им о родном доме.

— О чем вы, черт побери?

— Прошу прощения. Я забыл, что вам рассказали не все,— сказал Харпер.— Чтобы понять ход моих рассуждений, вам нужно знать всю историю целиком.

— Эвкалипт — не наркотик,— заявил Норрис, окончательно сбитый с толку.

— Для нас — нет. Кто знает, чем он является для других?

— Кстати, вы почувствовали запах, когда застрелили девушку?

— Нет. Я к ней не приближался и долго там не задерживался. Для меня это было впервые, я не знал, что делать, и мне нужно было побыстрее убраться. У меня не было ни времени, ни желания размышлять о том, что я начал подозревать лишь сейчас.

— Гм!

Норрис немного подумал, снова снял трубку и позвонил в дом Баумов, Раушу.

— Не повезло. Птичка улетела.

Выслушав ответ, Норрис продолжал:

— Харпер чувствует запах эвкалипта и говорит, что от Баумов он тоже исходил. Я ничего не заметил, а ты?

— Да, заметил,— ответил Рауш.— Но не придал этому значения.

— Похоже, мне надо прочистить нос,— сказал Норрис, кладя трубку.

— Это очень важно,— подчеркнул Харпер.— От Амброза и Филипа пахло эвкалиптом. От того, кто был здесь,— тоже. Возможно, венерианцы встретили запах эвкалипта с той же радостью, с какой компания наркоманов встречает поле мексикан-

ской конопли. Если так, они будут передавать эту новость друг другу.

— И что?

— Их привычка даст человечеству небольшое преимущество. Если вы не можете понять, что происходит у подозреваемого в голове, вы, по крайней мере, можете ощутить запах его дыхания.

Немного подумав, Харпер добавил:

— Под «вами» я подразумеваю силы закона и правопорядка. Что касается вас лично, вы не почуете даже перевозбужденного козла у себя под кроватью.

— Спасибо за критику,— проворчал Норрис, но тут же умолк — в кабинет вошел эксперт с оборудованием для снятия отпечатков пальцев.

Эксперт собрал по всему помещению отпечатки, бóльшая часть которых, вне всякого сомнения, принадлежала братьям Баум. Когда он закончил, Норрис распорядился:

— Немедленно отправьте их на проверку и сообщите мне о результатах.

Потом повернулся к Харперу.

— Пока нам тут больше нечего делать. Поехали обратно к вам в контору.

— И снова насадим червяка на крючок, да?

Норрис посмотрел на часы.

— Не думаю. Уже слишком поздно, чтобы что-нибудь предпринимать. Вы вернетесь как раз к тому времени, когда пора будет закрываться и идти домой. Если кому-то захочется испить вашей крови до завтра, вероятнее всего, это произойдет, когда вы будете в постели.

— Самая подходящая мысль, чтобы обеспечить спокойный сон.

— Не беспокойтесь. Вас будут охранять круглые сутки.

— Знаю. На мой взгляд, меня охраняют даже слишком хорошо. Судя по всему, мне предстоит пребывать в подобном обществе до конца моих дней.

— Ну, я бы так не сказал,— возразил Норрис.— Все это продлится лишь до тех пор, пока не минует критическая ситуация.

— Пустые слова,— проворчал Харпер.— Наверху есть несколько наделенных властью придурков, которым не нравятся непреложные жизненные факты. Им ничего не стоит заменять

одну критическую ситуацию другой, пока это соответствует их планам.

Он сел в машину рядом с Норрисом и до самой конторы ехал молча, пребывая в мрачной уверенности, что, когда нынешний кризис завершится — если он вообще когда-либо завершится,— у него, Харпера, будет немало проблем с тем, как навсегда избавиться от излишнего внимания властей.

Вряд ли это будет так легко.

Утро принесло очередные новости. Норрис заглянул в дверь кабинета и вызвал Харпера за дверь, чтобы их не услышала Мойра.

— Похоже, события начинают раскручиваться,— объявил он.— Во-первых, в доме Баумов ночью дважды звонил телефон. Звонивший тотчас вешал трубку, как только Рауш отвечал на звонок. Оба звонка были сделаны из уличных телефонных будок. Значит, сообщник Баумов до сих пор где-то в городе.

— Если исходить из предположения, что сообщник единственный,— сказал Харпер.— Ведь их может быть десяток, а то и больше.

— Возможно. Так или иначе, мы опознали того, кому принадлежали отпечатки в кабинете на складе. Это Макдональд.

— Вот как? Значит, это он там ждал?

Норрис кивнул.

— Мы разминулись с ним всего на несколько минут. Далее, мы выяснили, что он провел вместе с Баумами вечер в ресторане гостиницы. Он уехал вместе с ними на машине Амброза, и с тех пор его больше не видели. Двое официантов и бармен опознали его по фотографии.

— Когда это было?

— Шесть дней назад.

— Мы так и предполагали,— заметил Харпер.

— Сейчас его разыскивают по всему городу и окрестностям,— продолжал Норрис.— Если он еще здесь, мы его найдем.

— Это может оказаться намного сложнее, чем вы думаете.

— Почему?

— Ему вовсе незачем останавливаться в гостинице или мотеле. Поэтому вы ничего не добьетесь, обшаривая их подряд. Ему незачем снимать квартиру. Ему незачем спать на улице.

— Тогда что остается?

— Он живет в частном доме, как один из членов семьи — по сути, став одним из членов семьи.

Харпер скептически посмотрел на Норриса.

— Как вы собираетесь обыскать несколько тысяч частных домов?

— Мы и не будем этого делать. Есть способы побыстрее.

— Какие?

— Каждая улица полна слухов, на каждой есть неисправимые любители совать нос в чужие дела. У нас достаточно фотографий Макдональда, чтобы показать их каждому такому любителю в радиусе нескольких миль. К тому же Макдональд не может действовать, сидя в задней комнате за задернутыми занавесками. Когда-то он должен выйти. Если Раушу звонил он, для этого ему пришлось покинуть свое укрытие. Он пошел на риск, и ему крупно повезло, что его не узнали.

— Как насчет того, чтобы проверить аптеки на предмет несоразмерно высоких продаж эвкалиптовой настойки?

— Об этом мы тоже подумали и дали задание четырем агентам.

В конторе зазвонил телефон. Мойра взяла трубку и крикнула:

— Спрашивают мистера Норриса или мистера Рауша!

Норрис вошел в кабинет, немного послушал, потом вернулся в коридор и сказал Харперу:

— Звонил Джеймсон.

— Какие-нибудь новости?

— Да. Лэнгли мертв.

— Значит, его нашли?

— Его заметили в угнанной машине, рано утром. С ним были двое, Вагтонер и еще один тип, как выяснилось, некий Джо Скейф. Наткнувшись на заставу на дороге, они бросили машину и побежали в лес. За ними в погоню кинулись полицейские, агенты и национальные гвардейцы. По словам Джеймсона, завязалась такая отчаянная схватка, что взять их живыми оказалось просто невозможным. Лэнгли и Скейфа застрелили, Вагтонер приберег последнюю пулю для себя. Это произошло примерно час назад. Самая большая проблема теперь — что говорить журналистам.

— Не нравится мне это,— заметил Харпер.

— Не то слово,— серьезно кивнул Норрис.— Поступок Вагонера говорит сам за себя. Судя по их реакции, мы имеем дело с толпой безумцев, которые предпочитают быть убитыми, а не схваченными.

— Баумы вели себя точно так же,— напомнил Харпер.— По принципу — лучше смерть, чем бесчестье.

— Это не по-людски.

— Конечно! Поймите, мы сражаемся с умами, которые во многом отличаются от наших. Для них плен может быть гораздо худшей судьбой, чем смерть. Если так, нам мало просто стараться выиграть схватку. Чтобы заполучить одного из них живьем, нам придется помешать ему в последний миг покончить с собой.

— У нас приказ — любой ценой брать их живыми.

— Легче сказать, чем сделать.

— Что ж, это вы у нас туз в колоде,— заметил Норрис.— Как бы вы поступили, если бы вам удалось найти одного из них, например Макдональда?

Харпер немного подумал.

— Самое главное — не дать ему понять, не дать заподозрить, что его обнаружили,— сказал он.— Не вижу иного выхода, кроме как терпеливо сидеть и ждать, когда представится шанс оглушить его или схватить, прежде чем он успеет опомниться.

— Странно слышать это от того, кто обратил в бегство Амброза Баума.

— Мне пришлось вынудить его среагировать, чтобы понять, кто он. Иначе в такой толпе распознать его было невозможно. Мы ничего о нем не знали. С Макдональдом все иначе. Мы знаем, как он выглядит. Нам незачем давать ему пинка, чтобы заставить себя обнаружить. Его выдаст собственное лицо.

— В общем, да.

— Если уж на то пошло,— продолжал Харпер,— и если бы я мог поступать так, как считаю нужным — чего, увы, я сделать не могу,— я бы не стал пытаться схватить Макдональда живым или мертвым. Я бы оставил его на свободе.

— Зачем?

— Чтобы он смог привести меня к другим.

— Долго бы это не продлилось,— усмехнулся Норрис.— Если думаете, что могли бы использовать его таким образом месяцами, вы ошибаетесь.

— Почему?

— А что толку, если он приведет вас к другим? Разве что вы воспользуетесь этим и рано или поздно их схватите. Но как только его сообщники начнут исчезать, он поднимет тревогу и сбежит или пустит себе пулю в лоб.

Презрительно фыркнув, Норрис закончил:

— Если мы сумеем поймать его целым и невредимым, он сам приведет нас куда нужно, хочет он того или нет. Уж мы-то об этом позаботимся!

— Вам виднее,— сказал Харпер и вернулся в свой кабинет.— Я намерен заняться делами, иначе они никогда не сдвинутся с места.

Усевшись за стол, он потратил полчаса на изучение большого чертежа, затем еще десять минут на длинное сопроводительное письмо.

— Ладно, Мойра, бери карандаш и постарайся выражаться не слишком заумно. Я...

В кабинет заглянул Норрис.

— Надевайте шляпу. Вы снова нужны.

— Только не сейчас! — прорычал Харпер.— У меня важная работа.

— Не сомневаюсь,— согласился Норрис.— Но здесь вы ее сделать не сможете. Шевелите задницей, поехали.

Бросив на него неприятный взгляд, Харпер сказал Мойре:

— Еще немного — и ты сможешь получить этот бизнес в подарок. Будешь единолично им заниматься, и никто не станет тебе досаждать.

— Быстрее! — поторопил Норрис.— Хватит ворчать.

Харпер послушно вышел и направился следом за ним к машине.

— Похоже, пронюхали, где прячется Макдональд,— объяснил Норрис.

После недолгой поездки машина остановилась в конце длинной, обсаженной деревьями улицы, вдоль которой стояли аккуратные домики. Других полицейских машин не было видно. Норрис показал через ветровое стекло:

— Вон тот розовый дом в середине улицы по левой стороне. Ребята держатся поодаль, чтобы никого не спугнуть. Мы просто

проедем мимо. Посмотрите и скажите мне, какие у вас мысли на этот счет.

Он переключил передачу, и автомобиль не спеша двинулся вперед. Они проехали мимо розового дома, перед которым была аккуратно подстриженная лужайка, а рядом — запертый гараж. Никого не было видно, никто не выглядывал в окно. Доехав до конца улицы, Норрис остановился у поребрика.

— Что скажете?

— Ничего.

— Вы уверены? — с неприкрытым разочарованием спросил Норрис.

— Если вы не удовлетворены, давайте объедем вокруг и попробуем еще раз.

Они объехали вокруг дома.

— Ничего,— повторил Харпер.— Насколько я могу сказать, в доме никого нет.

Он посмотрел на Норриса.

— Что навело вас на этот адрес?

— Один из наших агентов стал обходить таксомоторные компании, предположив, что если в дом Баума звонил действительно Макдональд, то до телефонных будок и обратно он добирался не пешком. Агент нашел водителя, который опознал Макдональда по фотографии, и водитель заявил, что отвозил этого человека после полуночи по данному адресу.

— После чего Макдональд зашел за угол и отправился туда, где на самом деле находится его убежище,— предположил Харпер.

— Водитель видел, как он открывал дверь ключом и входил — что вполне вероятно. В конце концов, Макдональд — не закоренелый жулик, знающий все уловки преступного мира. Он вполне мог оказаться достаточно наивным, чтобы не подозревать, что можно проследить его поездку на такси.

— Верно. Так или иначе, все, что я могу сказать,— в данный момент его здесь нет. Возможно, он в моей конторе, ожидает моего возвращения. Мойре это вряд ли понравится. Давайте вернемся.

— Не спешите,— велел Норрис.— Ваша корреспонденция вполне может подождать — и подождет. А если вы будете мертвы — вообще сможет ждать сколько угодно.

— Тогда меня уже ничто не будет волновать. В могиле можно не заботиться о хлебе насущном.

Не обратив внимания на эти слова, Норрис ненадолго задумался, а потом решил:

— Ладно, рискнем.

Развернув машину, он подъехал к дому, стоящему рядом с розовым. У дверей стояла женщина средних лет, наблюдая за подъезжающим автомобилем. Норрис махнул ей рукой, и она пошла по лужайке, не спуская с него любопытного взгляда.

— Не подскажете, кто там живет? — спросил Норрис, показывая на соседний дом.

— Мистер и миссис Рид,— ответила женщина.

— Больше никого?

— Никого. Они бездетны. Думаю, они не из тех, у кого могли бы быть дети.

Немного подумав, женщина добавила:

— У них сейчас гостит племянник. Насколько я слышала, он из города к западу отсюда.

— Это он? — спросил Норрис, показывая ей фотографию Макдональда.

— Да. Только выглядит чуть постарше.

Норрис глубоко вздохнул.

— Как давно он у них в гостях?

— Около недели.

Женщина снова подумала.

— Да, я впервые увидела его в прошлый четверг.

Она внимательно изучила одежду Норриса, бросила взгляд на его машину. Судя по ее мыслям, на нее немалое впечатление произвел его официальный тон.

— Вы из полиции?

— Если бы мы были из полиции, мы бы об этом сказали,— уклонился от ответа Норрис.— Мы просто хотели убедиться, что это дом Ридов.

— Да, это их дом,— подтвердила женщина.— Но вы там никого не найдете. Сегодня утром они уехали на своей машине. И до сих пор не вернулись.

— Когда примерно уехали?

— В восемь утра. И, надо сказать, очень спешили.

— Не знаете, случайно, куда они отправились? — со слабой надеждой спросил Норрис.

— Нет. Они мне не сказали, а я не спрашивала. Я предпочитаю не лезть в чужие дела.

— Вполне разумно с вашей стороны,— кивнул Норрис.— Полагаю, ничего другого не остается, кроме как вернуться позже, когда они будут дома.

— Одному богу известно, когда это будет,— сказала женщина.— Они взяли с собой кучу багажа. Мне показалось, они уезжают надолго. Это, конечно, не мое дело, но кое-что просто нельзя не заметить.

— У них есть друзья или знакомые, которые могли бы подсказать, где их искать? — спросил Норрис.

— Я таких не знаю. Риды никогда не были слишком общительными и еще больше замкнулись с тех пор, как приехал племянник. Честно говоря, в последние дни они были весьма угрюмы. Все время молчали, а когда я к ним обращалась, отделывались парой фраз. Вели себя так, словно я для них совершенно чужая, хотя мы двенадцать лет живем по соседству. Я никак не могла понять, что с ними такое приключилось. Наверняка это как-то связано с племянником.

— Кто вам сказал, что он их племянник? — вмешался Харпер.

— Миссис Рид. Я спросила у нее: «Кто этот молодой человек?» — а она как-то странно на меня посмотрела и бросила: «Просто племянник». Судя по тому, как она это сказала, можно было подумать, что я попросила у нее взаймы сто долларов. Естественно, больше я о нем не упоминала. Я знаю, когда держать язык за зубами.

— Спасибо за информацию,— сказал Норрис.

Он тронул машину с места, оставив женщину стоять на лужайке с глубоко разочарованным видом человека, который многое сообщил, но мало узнал.

— Если она предпочитает не лезть в чужие дела,— заметил Харпер, когда они свернули за угол,— сколько же можно узнать от тех, кто не столь щепетилен?

Норрис в ответ лишь что-то проворчал.

— Что вы намерены предпринять насчет Макдональда? — настойчиво спросил Харпер.— Собираетесь посадить здесь своих агентов, как и у меня?

— За домом ведется непрерывное наблюдение с девяти часов, но, судя по всему, мы на час опоздали. И хотя вы и не заметили, за домом наблюдают до сих пор.

Влившись в поток машин, Норрис продолжил:

— Первым делом нужно узнать номер машины Ридов в бюро регистрации транспортных средств и объявить ее во всеобщий розыск. Второй шаг — под тем или иным предлогом сделать в их доме обыск. Третий шаг — выяснить, как и когда Макдональд познакомился с Ридами и, что еще важнее, были ли у него контакты с кем-нибудь, кроме Ридов и Баумов. И наконец, я хотел бы знать, как он сумел выбраться отсюда, раз все дороги перекрыты.

— Возможно, он и не выбирался. Возможно, он прячется где-то неподалеку.

— Скоро узнаем.

Проехав еще милю, Норрис спросил:

— О чем задумались?

— Лэнгли мертв. Макдональд где-то недалеко, и сейчас его разыскивают.

— И что же?

— Странно, что ничего не слышно про третьего, Гоулда.

— Да, не слышно,— согласился Норрис.— Похоже, он как в воду канул. Это ни о чем не говорит... Только о том, что кому-то везет больше, чем другим.

— Если это можно назвать везением.

— В смысле?

— Не обязательно дело в везении. Возможно, он просто самый умный из троих, по-настоящему хитрый. Если так, он в придачу самый опасный.

— В конце концов он обязательно на чем-нибудь споткнется,— заверил Норрис.— Так бывает всегда!

— Я сам был беглецом, за которым охотились по всей стране,— заметил Харпер.— Конечно, охотились не так настойчиво и упорно, но все равно мне пришлось приложить немало сил, чтобы остаться на свободе. Я знаю, что такое быть в бегах, намного лучше вас, всегда выступавших в роли охотника и никогда — в роли добычи. Человек, способный исчезнуть, как исчез Гоулд, весьма опытен. Слишком опытен, чтобы расслабиться.

— Это не может вечно его спасать.

— У нас в запасе нет вечности. Времени остается все меньше. Каждый день, каждый час работает против нас.

Они прибыли на место, и Харпер распахнул дверцу машин.

— Вы знаете лишь то, о чем вам считают нужным сообщать. Я же скажу вам кое-что еще.

— Что именно?

— Если окажется, что мы действовали слишком медленно, если мы будем обречены на поражение, в гнездо вашего разума отложат чужое яйцо. Вы станете настоящей кукушкой, в новом и оригинальном значении этого слова. Как и все остальные. Но в этом есть и хорошие стороны — быть живым мертвецом войдет в моду!

Глава 10

На следующее утро заняться своими делами Харперу так и не удалось. У него не нашлось даже времени на просмотр почты. Придя в контору вместе с неотступно следовавшим за ним от самого дома эскортом, он снял шляпу и только собирался повесить ее на вешалку, как Норрис сказал:

— Не стоит. Надевайте шляпу, и едем. Прямо сейчас.

— Куда?

— Не знаю. Мне не сочли нужным это сообщить.

Так оно и было. В мыслях Норриса читалось лишь то, что прибыла служебная машина, чтобы куда-то отвезти Харпера, которого не будет весь день, и что охране поручено на время его отсутствия оставаться на заводе.

На этот раз Харпер не стал спорить и нехотя смирился. Снова надев шляпу, он вышел на улицу и сел в машину, в которой не было никого, кроме водителя.

Когда они тронулись с места, за ними последовала еще одна машина — в ней сидели четверо. Харпер насмешливо помахал Норрису, который стоял на тротуаре, пытаясь догадаться, почему приманку столь неожиданно забрали из ловушки. За углом с обочины внезапно сорвалась третья машина, обогнала их и поехала впереди. В ней тоже были четыре человека.

— Ну и кавалькада,— заметил Харпер.— Кто-то оказывает мне почести, которые я давно заслужил.

Водитель молчал, сосредоточившись на том, чтобы следовать за едущей впереди машиной. Он явно был из тех людей, которые не знают значения слова «страх» — как и значений всех остальных слов. Машина, ехавшая позади, держалась на расстоянии двадцати ярдов.

— Дам тебе сто долларов, если ты нажмешь на газ и оторвешься от этой компании.

Водитель не ответил, даже не улыбнулся.

Оставив бесполезные попытки, Харпер откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, мысленно шаря вокруг невидимыми пальцами. Как выяснилось, водитель знал одно — он должен следовать за головной машиной, быть готовым к любым неприятностям и любой ценой стремиться их избежать.

Харпер стал нащупывать мысли других.

Сидевшие в головной машине знали, куда направляется процессия. Теперь это знал и Харпер. Он поразмыслил минуту-другую — зачем они туда едут — и решил, что рано или поздно все равно выяснит. Лениво уставившись через боковое стекло на проносящиеся мимо магазины и пешеходов, он по выработавшейся за последние дни привычке мысленно прощупывал окрестности.

Они проехали два светофора и больше десятка перекрестков, когда он ощутил чуждые импульсы, слабые и далекие, но вполне отчетливые. Их источник находился на боковой улице, в шести, восьми, может, даже десяти сотнях ярдов от него.

Судорожные вспышки псевдочеловеческих мыслей перемежались с бессвязным бормотанием.

— Быстрее! Сворачивай туда! — бросил Харпер, приподнимаясь на сиденье.

Хмурый водитель крепче сжал толстые губы, дал предупреждающий сигнал и нажал на газ. Через заднее стекло ехавшей впереди машины, которая тоже прибавила скорость, на Харпера уставились двое; эта машина пронеслась по дороге, не сворачивая, и устремилась дальше.

— Слишком медленно соображаешь,— проворчал Харпер, прищурившись и продолжая прислушиваться.— Сворачивай на следующую улицу, и побыстрее. Мы можем объехать вокруг квартала и схватить его, прежде чем он исчезнет.

Машина продолжала мчаться вперед. Она проскочила и этот поворот, и следующий, и еще один. Далекая судорожно дергающаяся мысль превратилась в ничто и пропала.

— Вот ведь тупоголовый! — выругался Харпер.— Упустил такой шанс...

Ответа не последовало.

Сдавшись, Харпер сердито замолчал, думая, от кого исходила уловленная им короткая мысль — от самого Макдональда или от одного из его неожиданных дубликатов. Понять это было невозможно — подобные разумы не раскрывают свою личность, подобно человеческим. Все, что можно было с уверенностью сказать,— на свободе бродит смертельный враг, хотя весь город начинал напоминать военный лагерь.

Харпер был все так же мрачен два часа спустя, когда машины проехали через тщательно охраняемые ворота на окруженную неприступным забором территорию, поднялись на небольшой холм и остановились возле группы зданий, невидимых с главной дороги. Возле главного входа стояла вывеска с надписью: «Министерство обороны. Лаборатория биологических исследований».

В сопровождении четверых людей из головной машины Харпер вошел в здание. Вид у сопровождающих был такой, будто они не сомневались — при первой же возможности Харпер отрастит крылья и улетит. Судя по всему, им тоже рассказали лишь часть истории, а остальное дорисовало их воображение.

Харпер сел в кресло в приемной, под наблюдением троих, в то время как четвертый пошел кого-то искать. Вскоре он вернулся с седовласым человеком в белом халате, который тут же удивленно воскликнул:

— Уэйд Харпер! Чтоб мне провалиться!

— Что в этом такого необычного? — проворчал Харпер.— Когда мы встречались в последний раз четыре года назад, вы не были потрясены до глубины души.

— Если вы уже знакомы с доктором Лимингом,— вмешался один из сопровождающих,— нет нужды представлять вас друг другу. Так что мы уходим.

И этот человек вышел, забрав с собой остальных.

— Мне было поручено провести некую проверку с помощью некоего специалиста, которого должны были привезти сегодня

утром. Мне дали понять, что его слово имеет решающее значение. Имени специалиста мне не назвали.

Лиминг отступил на шаг, окинув Харпера взглядом с головы до ног.

— А это, оказывается, вы. Четыре года не пошли вам на пользу. Вы выглядите еще старше и уродливее.

— Вы тоже выглядели бы так, если бы оказались на моем месте.

Харпер недовольно фыркнул.

— Я приехал сюда, как королевская особа, под солидной охраной. Крепкие ребята впереди, крепкие ребята сзади, а над головой наверняка летела целая эскадрилья вертолетов. Вряд ли все это лишь для того, чтобы вы подсунули мне очередную задачку — как побрить бациллу. Более того, мой торгашеский инстинкт говорит, что вы не планируете дать мне повторный заказ на аппаратуру ценой в двенадцать тысяч долларов. Так в чем же дело?

— Сейчас покажу,— кивнул доктор Лиминг.— Пойдемте.

Проведя Харпера по ряду коридоров, доктор ввел его в длинное помещение, заставленное лабораторной посудой и инструментами, среди которых Харпер заметил несколько шкафов с собственной продукцией. Молодой человек в белом халате и очках бросил на них беспокойный взгляд.

— Мой ассистент, доктор Балир,— представил Лиминг.— Познакомьтесь с Уэйдом Харпером.

Доктор показал на ближайший микроманипулятор и набор приспособлений к нему, потом кивнул на Харпера.

— Вот человек, который делает все эти штуки.

— Рад познакомиться,— с подобающим случаю восхищением сказал Балир.

— В таком случае можете причислить себя к немногим избранным,— ответил Харпер.

— Не обращайте внимания,— посоветовал Лиминг Балиру.— Он ляпает первое, что придет в голову.

— Из-за того и вся суматоха,— заметил Харпер,— учитывая, *что* приходит мне в голову в последнее время.

Он огляделся по сторонам.

— А все-таки, зачем я здесь?

Лиминг подошел к большому шкафу, достал крупноформатную фотографию и протянул Харперу. На фото был изображен туманный белый шар, опоясанный чуть более темной полосой.

— Фото планеты Юпитер? — предположил Харпер, слишком поглощенный своими мыслями, чтобы проверить догадку, заглянув в мозг Лиминга.

— Нет, оно куда меньше,— сообщил Лиминг,— хотя достаточно массивное для своих размеров. Это вид молекулы протеина под электронным микроскопом.

— Если вы хотите ее вскрыть, вам не повезло. У меня нет ничего, что могло бы работать со столь мелкими объектами.

— Очень жаль,— сказал Лиминг.— Но нас интересует не это.

Вернув фотографию в шкаф, он повернулся к вделанному в стену тяжелому стальному сейфу, осторожно его открыл и извлек контейнер из прозрачного пластика с плотно пригнанной крышкой. Внутри лежала пробирка, на четверть заполненная бесцветной жидкостью.

— То же самое, только его тут в миллион раз больше,— объявил Лиминг.— Вам это о чем-нибудь говорит?

Харпер уставился на жидкость.

— Нет.

— Подумайте хорошенько,— посоветовал Лиминг.— Ведь оно, насколько нам известно, до сих пор живое.

— Живое?

— Я имею в виду — жизнеспособное. Это вирус, извлеченный из головного и спинного мозга некоторых трупов.

— Известный вирус?

— Нет.

— Фильтрующийся?

— Мы не пытались его фильтровать. Мы выделили его с помощью обработки на новой центрифуге.

— Тогда, если он не мертв, он до сих пор не в себе после подобной встряски,— сказал Харпер.— Давайте попробую еще раз, когда он придет в чувство.

— Как раз это мы и хотели бы знать. Есть ли у него вообще какие-то чувства? Судя по тому, что мне известно, определить это можете вы и только вы.

Доктор нахмурился.

— Мне сообщили, что окончательное слово за вами. Если вы скажете, что вирус безвреден, это значит, что либо он стал таким после обработки и выделения, либо мы на неверном пути и вынуждены будем начать все сначала.

— В любом случае,— сказал Харпер,— вовсе незачем стоять и держать его на вытянутой руке, словно только что откопанную дохлую кошку. Положите его обратно в гроб и закройте крышку. На мою оценку это никак не повлияет. Если бы эта штука могла и желала заявить о своей природе, я мог бы сказать вам об этом еще в приемной, даже не заходя сюда.

Убрав контейнер, Лиминг запер сейф и выразительно развел руками.

— Значит, мы нисколько не продвинулись вперед?

— Не обязательно,— ответил Харпер.

Облокотившись о лабораторный стол, задумчиво глядя на Лиминга и Балира, он исследовал мысли обоих и наконец сказал:

— Вам сообщили, что с Венеры вернулись трое исследователей, заразившихся неизвестной болезнью, которая начала распространяться. Вам прислали тела известных на данный момент жертв, начиная с девушки по имени Джойс Уиттингэм. Ваша задача — выделить причину заболевания, изучить ее природу и, если возможно, изобрести лекарство.

— Верно,— кивнул Лиминг.— Это совершенно секретная информация. Судя по всему, вам ее тоже сообщили.

— Сообщили? Я сам ее получил. И это оказалось не сложнее, чем выдернуть зуб.

Харпер подался вперед, пристально глядя на доктора.

— Вы уверены, что этот вирус — подлинная причина заболевания?

— Был полностью уверен — до вашего появления. Теперь уже нет.

— Почему вы так думаете?

— Трудно объяснить, насколько тщательно мы обследовали те трупы. Задача вдвойне усложнялась тем, что все приходилось делать на расстоянии, со всеми предосторожностями, чтобы избежать контакта и заражения. Наши ведущие специалисты трудились двадцать четыре часа в сутки, и все, что им удалось най-

ти,— неизвестный прежде вирус. Возможно, в нем все и дело. Наверняка в нем.

Помолчав, Лиминг заключил:

— Но, судя по вашим словам, это не так.

— Я ничего подобного не говорил.

— Вы сказали, что вирус для вас ничего не значит.

— В его нынешнем состоянии — да.

Харпер поколебался.

— Я обладаю особой способностью определять людей, зараженных этой болезнью. Если вам не сказали, как я это делаю,— я тоже не могу сказать. Считайте это еще одной совершенно секретной информацией. В нашем проклятом мире чересчур много секретов. Однако кое-что я все же могу сказать.

— Что?

— Я распознаю *симптомы*. Вы же просите меня найти *причину*. Это далеко не одно и то же. На мой взгляд, это совершенно другая проблема.

— Но вы можете сделать хоть какое-то предположение, которое бы нам помогло? — спросил Лиминг.

— Могу изложить свои соображения. Ваше дело — решать, есть в них смысл или нет.

— Давайте. Нам пригодится любая точка зрения.

— Хорошо. Поймите, я ни в коей мере вас не критикую, утверждая, что власти послали меня сюда, исходя из совершенно дурацких умозаключений.

— Каких именно?

— Что можно раздеться, будучи абсолютно голым. Что можно плавать без воды. Что можно ехать по дороге без велосипеда, крутя педали.

— Выражайтесь яснее,— предложил Лиминг.

— Нельзя быть болезнью, если некого ею заразить. Нельзя бежать без ног, говорить без рта, думать без мозга. Если эта штука — действительно то, чем, по-вашему, она является и чем, на мой взгляд, она и в самом деле может оказаться, сейчас она полностью связана. Связана по руками и ногам, если можно так выразиться, и потому представляет собой лишь то, чем выглядит, а именно — комок слизи. Ее сила, если таковая существу-

ет, перестала быть реальной, превратившись в потенциальную. Я могу определить реальную силу. Но потенциал я способен оценить не больше, чем читать будущее.

— Понимаю, о чем вы.— Лиминг медленно улыбнулся.— Вы считаете нас не слишком умными, верно?

— Я не называл вас глупцами. Я просто думаю, чем могу вам помочь.

— Ладно.— Лиминг махнул рукой в сторону сейфа.— Это не все, что у нас есть. Только половина. С остальным мы поступили в освященных веками традициях — испытали на собаке.

— Хотите сказать, что вы кому-то ввели этот вирус?

— Да, как я только что сказал, собаке.

Харпер растерянно уставился на доктора. За всю жизнь ему ни разу не удалось уловить мысль животного. С телепатической точки зрения кошки и собаки, птицы и пчелы для него просто не существовали. Их мысли распространялись на какой-то иной волне, отличной от человеческой. Он точно так же не мог услышать их мысли, как не мог видеть в ультрафиолетовом диапазоне.

— И что с ней стало?

— Выжила. И до сих пор жива. Хотите взглянуть?

— Да, хочу.

Собака оказалась черным лабрадором-ретривером. Она сидела в прочной клетке, вероятно, позаимствованной в цирке или ближайшем зоопарке,— со стальным полом, толстыми стальными прутьями по бокам и сверху и подвижной перегородкой внутри. С помощью этой перегородки животное можно было загнать в одну половину клетки, пока чистилась другая половина и наполнялись миски с едой и водой. В этой клетке, которой вполне хватило бы для разъяренного носорога, лабрадор выглядел неуместно и довольно трогательно.

Заметив приближающихся людей, пес повернулся к ним, поставил лапы на прутья и, виляя хвостом, умильно заскулил. Изо всех сил демонстрируя собачье дружелюбие, он сосредоточил свое внимание на Харпере, ведя себя как щенок из зоомагазина, которому очень хочется, чтобы его купили.

— Что скажете? — спросил Лиминг.

— Судя по его виду, ваша инъекция для него не опаснее впрыскивания дистиллированной воды.

— Вынужден с вами согласиться. Но можем ли мы полагаться на внешний вид? Вы сказали, что можете распознать реальность. Что ж, этот пес вполне реален. Так каков ваш диагноз?

— Я не могу поставить диагноза,— ответил Харпер.— Я не в состоянии почуять врага среди собачьего племени. Мои способности действуют лишь в отношении двуногих, таких же как и я, только не таких волосатых.

— Гм!

Лиминг разглядывал лабрадора, который стоял на задних лапах, поставив передние на прутья и прямо-таки упрашивая Харпера вывести его погулять.

— Вы заметили, что все его внимание сосредоточено на вас, а меня он полностью игнорирует? — нахмурившись, спросил доктор.

— Вполне естественно. Будь я собакой, я бы поступил так же.

— Я не шучу,— заверил Лиминг.— Я говорю совершенно серьезно.

— А в чем дело?

— Мы ввели дозу вируса этому животному сегодня в полдень, прямо в этой клетке, после чего быстро вышли и наблюдали за результатами с другой стороны решетки.

— И что случилось?

— Сперва пес вел себя нормально, вылизывал место укола, бесцельно бродил по клетке и бросал на нас удивленно-укоризненные взгляды, как бывает у собак, которые считают, что их ударили ни за что. Спустя четыре минуты он упал, судорожно дергаясь и приглушенно скуля, из пасти пошла пена.

— А потом?

— Пес удивительно быстро пришел в себя,— продолжал Лиминг.— Он десять раз обошел клетку, изучая каждый ее уголок и явно пытаясь найти возможность сбежать. Когда это ему не удалось, он зарычал на оказавшегося рядом Балира... С такой ненавистью, что это надо было видеть. Уж не знаю что и как, но пса словно подменили.

— Сейчас он выглядит достаточно спокойным,— заметил Харпер.

— Я знаю. И это очень важно. Он разозлился на Балира, потом обратил свою ярость на меня. Пару часов он выказывал маниакальную вражду ко всем, оказывавшимся поблизости. Эмоциональная реакция на лишение свободы?

— Возможно.

— Но через пару часов его поведение изменилось — так быстро, как актер меняет костюмы между актами. От ненависти не осталось и следа. Пес делал все, чтобы втереться в доверие к Балиру, и устроил такое представление, что тому даже стало его жалко. Видя или ощущая результат, пес удвоил усилия, стараясь добиться его дружбы. Однако Балир — ученый и не позволил себе поддаться нелогичным чувствам. Потому он не стал отвечать взаимностью.

— И что было дальше?

— Пес попытался подлизаться ко мне. Без стыда признаюсь, что порой мне становилось его жаль — пока я не вспоминал, что могу выразить сочувствие лишь двумя способами. А именно — войти в клетку и погладить его, что могло быть весьма опасно, или выпустить его на свободу, что могло привести к настоящей катастрофе. Так что я остался непреклонен.

— Это все?

— Нет. Сегодня утром он попытался проделать свои трюки с Джимом Кэлторпом, который приносит ему еду. Кэлторпа предупредили, чтобы он пользовался перегородкой и держался подальше от собаки, что бы ни случилось. Он тоже не поддался на собачьи заигрывания. Теперь пес испытывает ту же тактику на вас.

Взглянув на Харпера, Лиминг спросил:

— Какие выводы вы можете сделать из подобного поведения?

— Конструктивное мышление,— ответил Харпер.— Пес понял, что сбежать отсюда без посторонней помощи невозможно. Единственный для него шанс — найти слабовольного человека, который согласится на сотрудничество. И теперь он пробует разных кандидатов на эту роль по мере их появления.

— Именно это я и подозреваю. Но если мы правы и пес действительно подбирает подходящего сообщника, не слишком ли он умен для рядовой собаки?

— Не знаю. Правда не знаю. Как я уже говорил, я не специалист по собакам. Все, что мне известно,— это что некоторые собаки бывают весьма умны и способны решать не слишком сложные задачи. Про таких говорят, что они почти как люди.

— Да, но у исключительно умной собаки способности развиваются почти с рождения. Они не появляются внезапно, как новый ошейник.

— И что дальше?

— Это животное было рядовым представителем своего вида, каких полным-полно. Теперь же его разум намного выше среднего. Уровень его интеллекта повысился с семидесяти собачьих ай-кью до ста собачьих ай-кью. Или даже больше — что, учитывая обстоятельства, внушает определенную тревогу. Из этого можно сделать выводы, которые, как мы надеялись, вы сумеете подтвердить. Без вашей помощи нам будет крайне сложно.

— Есть неплохой выход,— предложил Харпер,— если кому-то хватит смелости на такое пойти.

— И какой же?

— Прикончите пса, извлеките из его тела эту дьявольскую жидкость и введите ее человеку. Или, если вам не жаль содержимого пробирки, которую вы показывали мне в лаборатории, воспользуйтесь им — заодно сэкономите время и не дадите возникнуть лишним проблемам.

— Это невозможно! — заявил Лиминг.

— Покажите мне человека, которому сделана инъекция, и я смогу с уверенностью сказать, сумели ли вы определить и выделить истинную причину всех неприятностей.

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Мы не можем подвергнуть человека столь опасному испытанию.

— Сейчас науке уже поздно считаться с моральными критериями. Такие времена миновали пятьдесят лет назад. Сегодня еще одна грязная проделка пройдет незамеченной. Общественность привыкла к мысли, что все мы дегенерировали до скопища морских свинок.

Лиминг неодобрительно нахмурился.

— Все могло бы пройти нормально, если бы нам удалось найти добровольца,— сказал он.— Вот только где его взять? Вы же не согласитесь на роль подопытного, так?

— Не соглашусь. Даже если бы я оказался настолько безрассуден, мне бы этого не позволили. Дядя Сэм считает меня чересчур ценным, чтобы потерять.

Харпер ткнул в грудь Лиминга толстым пальцем.

— И уже сам этот факт подсказывает, где вы могли бы взять вашу экспериментальную тушку. А именно — среди тех, кто не представляет ценности, чья судьба никого не волнует, включая их самих.

— То есть?

— В камерах смертников сидят десятки головорезов, ожидающих, когда их отправят на виселицу, электрический стул или в газовую камеру. Дайте любому из них шанс, пусть даже один из тысячи, получить свободу — и увидите, как он за него ухватится. Скажите, что хотите сделать ему инъекцию. Если он умрет — что ж, ему все равно предстоит умереть. Но если его удастся вылечить, он получит прощение и будет освобожден. Возможно, ему даже найдется место на государственной службе, в награду за оказанную обществу услугу.

— Я не обладаю властью принимать подобные решения, выходящие за рамки закона.

— Кто-то же обладает. Найдите его и пинайте, пока он не проснется.

— Сомневаюсь, что на это способен тот, кто стоит ниже президента, и даже для президента это почти предел полномочий.

— Ладно. Тогда добивайтесь встречи с президентом. Если вы до него не доберетесь, это сделает кто-то другой и с куда более чудовищной целью.

— Послушайте, Уэйд, говорить — одно, а делать — совсем другое. Вы когда-нибудь пытались добраться до высокого начальства?

— Да.

— И как далеко вам удалось проникнуть?

— Я добрался до генерала Конуэя и застал его врасплох. Если подумать, он из тех, кто падок на лакомые кусочки. Расскажите ему подробно о том, что здесь произошло; о том, что я сказал; о том, что вы намерены сделать; о том, что ваш подопытный должен быть человеком, и только человеком. Вывалите проблему прямо генералу на колени и поставьте его перед фактом: от

нее никуда не деться. Можете быть уверены, решение найдется очень скоро!

Пока Лиминг обдумывал услышанное, Харпер снова посмотрел на пса. Лабрадор заскулил, пытаясь просунуть лапу сквозь прутья. Он во всех отношениях выглядел собакой, всего лишь собакой и только. Но не было доказательств ни за, ни против того, что он — обычный пес. Где-то бродили существа, которые тоже с виду ничем не отличались от людей, но людьми не являлись. Главный вопрос — осталось ли это животное обычной собакой или стало собакой-оборотнем?

Харпер попытался прислушаться к мыслям требовавшего его внимания пса, но абсолютно ничего не услышал. Пустота, полнейшая пустота. Естественный диапазон восприятия Харпера был слишком узок, чтобы воспринимать излучение мыслей существ, не принадлежавших к его собственному виду. Харпер попытался послать в собачий мозг импульс, вызывавший немедленную реакцию тех, кто скрывался в человеческом теле. На пса это никак не подействовало, он продолжал лебезить и подлизываться, явно не догадываясь, что кто-то пытается проникнуть в его разум.

Молчаливый эксперимент служил лишь подтверждением того, что Харперу было уже известно, а именно: мозг собаки настроен на общение с ее сородичами, а так называемая способность собак читать людские мысли — не более чем точная оценка поведения, жестов, выражения лица и тона голоса. По этой причине исследования Лиминга, продолжайся они в нынешнем русле, не могли привести к удовлетворительным результатам. Они зашли в тупик. Следовало двигаться в ином направлении, для чего требовалась высшая форма жизни.

Лиминг наконец вышел из задумчивости.

— Мне это не нравится, и вряд ли такое сойдет мне с рук. Тем не менее я согласен закинуть приманку Конуэю, при условии, что вы будете меня прикрывать. Возможно, если он не станет слушать меня, то послушает вас.

— Попытка не пытка.

— Я ученый, а он — военная шишка. Мы говорим на разных языках. Ученый умеет убеждать, в то время как военный способен только лаять. Если он не сумеет или не захочет понять, *что* я пытаюсь ему объяснить, если потребуется на него рявкнуть,

чтобы дело сдвинулось с мертвой точки, вы возьмете телефонную трубку и пустите в ход нужные ругательства.

— Конуэй не настолько глуп,— ответил Харпер.— Высокий чин вовсе не означает пустую башку, несмотря на кое-какие исключения, которые лишь подтверждают правило.

— Пойдемте ко мне в кабинет,— предложил Лиминг.— Свяжитесь с ним, а потом посмотрим, что делать дальше.

Первым делом Харпер позвонил Джеймсону.

— Я в Лаборатории биологических исследований — о чем, вероятно, вы знаете, поскольку меня доставили сюда явно не без вашего участия. Я намерен позвонить генералу Конуэю. Доктор Лиминг хотел бы с ним поговорить.

— Тогда почему вы звоните мне? — спросил Джеймсон.

— Потому что я уже пытался связаться с Конуэем раньше, помните? С тем же успехом я мог бы попытаться пожать руку Господу Богу. И ни у Лиминга, ни у меня нет ни времени, ни терпения возиться с каждой мелкой сошкой в Вашингтоне. Ваше дело — сообщить им, чтобы меня соединили с ним напрямую.

— Послушайте, Харпер...

— Заткнитесь! — приказал Харпер.— Вы уже достаточно мною попользовались. Теперь я попользуюсь вами. Делайте, что я сказал.

Бросив трубку, он откинулся на спинку кресла и фыркнул, хмуро уставившись на телефон.

— Кто такой этот Джеймсон? — опасливо спросил Лиминг.

— Большая шишка из ФБР.

— И вы приказываете ему, что делать?

— В первый раз,— сказал Харпер.— И судя по тому, что я о нем знаю,— в последний.

Лицо его помрачнело.

— Так или иначе, почему одни всегда должны отдавать приказы, а другие — их исполнять? Почему иногда не меняться ролями, верно? У нас демократия, или я заблуждаюсь?

— Ну, ну,— запротестовал Лиминг.— Не придирайтесь ко мне. Я просто воспринимаю вещи такими, какие они есть.

— Конечно, черт побери. Если бы вы, ученые, иногда чересчур не усердствовали, мы бы...

Не договорив, Харпер пожевал нижнюю губу и закончил:

— Не обращайте внимания. Раз в месяц мне нужно выговориться, иначе я свихнусь. У Джеймсона было достаточно времени. Если он до сих пор ничего не сделал — значит, он и не собирается предпринимать никаких шагов.

— Могу поспорить, он ничего не сделал.

— Скорее всего, вы правы, хоть мне и неприятно в этом признаваться.

Харпер снова взял трубку.

— В любом случае, увидим.

На экране появилось лицо молодого человека.

— Меня зовут Уэйд Харпер,— представился Харпер.— Я бы хотел поговорить с генералом Конуэем, по срочному делу.

— Одну минуту.

Лицо исчезло, на смену ему появилось другое, постарше.

— О чем вы хотите говорить с генералом? — спросил человек на экране.

— А вам какое дело? — грубо спросил Харпер.— Идите прямо к старику Конни и выясните раз и навсегда, снизойдет ли он до разговора со мной.

— Боюсь, я не смогу этого сделать, не изложив ему суть вашего...— Человек на экране замолчал, посмотрел в сторону, поспешно сказал: — Прошу прощения,— и исчез.

Несколько секунд спустя он снова появился со слегка ошеломленным видом.

— Оставайтесь на линии, мистер Харпер. Мы соединим вас при первой же возможности.

Харпер улыбнулся, глядя на опустевший экран.

— Похоже, вы все-таки проиграли,— сказал он Лимингу.— Джеймсон все же выполнил мою просьбу, хотя и не слишком торопился.

— Я удивлен.

— Я тоже. Посмотрим, чем все закончится.

По экрану пошли концентрические круги, потом он очистился, и на нем появилось суровое лицо генерала Конуэя.

— В чем дело, мистер Харпер?

Кратко изложив суть, Харпер передал трубку Лимингу, который подробно описал текущее положение дел, закончив тем, что

ему требуется подопытный и что он надеется на помощь со стороны Конуэя.

— Я не одобряю подобной тактики,— бесстрастно проговорил Конуэй.

— В таком случае, генерал, мы не можем продвинуться дальше,— покраснев, сказал Лиминг.— Мы застряли.

— Чушь! Я прекрасно понимаю ваше рвение и хитроумие способа, который вы предлагаете. Но я не могу тратить ценное время на поиски законного способа использовать приговоренного к смерти преступника, в то время как подобный шаг совершенно излишен и никому не нужен.

— Я обратился к вам с просьбой исключительно потому, что считаю этот шаг необходимым,— заметил Лиминг.

— Ошибаетесь. Вам прислали четыре трупа известных жертв. Еще два будут в вашем распоряжении сегодня, вскоре вы их получите. По мере того как будет распространяться инфекция и увеличиваться число заразившихся, рано или поздно нам удастся поймать одного из них живым. Что вам еще нужно?

Лиминг вздохнул и терпеливо продолжал:

— Живая жертва могла бы помочь, но не во всем. Самое неопровержимое доказательство причины болезни — демонстрация того, что она вызывает характерный эффект. Я не могу продемонстрировать заражение болезнью с помощью подопытного, который уже ею заразился.

— Да, наверное,— согласился Конуэй.— Но такого подопытного, с которым общаться несколько проще, чем с собакой, можно заставить самого идентифицировать причину. Полагаю, в ваших силах придумать способ, который мог бы вынудить его, если можно так сказать, выдать самого себя.

— С ходу мне приходит в голову лишь один такой способ,— сказал Лиминг.— Проблема в том, что он долог, трудоемок и требует немалой работы вслепую.

— Что за способ?

— Исходя из предположения, что этот вирус является настоящей причиной — в чем мы пока еще сомневаемся,— нам необходимо найти действенный антиген. Тогда наше доказательство будет основано на возможности вылечить живого человека. Если нам этого не удастся...

— Лекарство необходимо найти,— заявил Конуэй не терпящим возражений тоном, словно то было окончательным решением.— Любой ценой. Единственная альтернатива — долгое и систематическое уничтожение всех жертв, в масштабах, которые никто не в состоянии даже представить. Вообще-то мы можем столкнуться с тем, что окажемся по отношению к ним в меньшинстве — и тогда меньшинство обречено, а вместе с ним все человечество.

— И вы полагаете, что жизнь одного закоренелого преступника — слишком высокая цена, чтобы предотвратить такое? — язвительно спросил Лиминг.

— Я ничего подобного не думаю,— возразил Конуэй.— Я бы без колебаний пожертвовал населением всех наших тюрем, будь это в моей власти и будь я убежден, что это наша единственная надежда. Но такое не в моей власти, и я не убежден в необходимости подобных мер.

— Дайте я с ним поговорю,— предложил Харпер, видя, что Лиминг совсем пал духом.

Взяв трубку, Харпер воинственно посмотрел на лицо на экране, зная, что генерал сейчас смотрит на него.

— Генерал Конуэй, вы говорите, что у вас недостаточно полномочий и вы не убеждены в необходимости такого шага?

— Совершенно верно,— кивнул Конуэй.

— Если спросить мнения президента, возможно, тот посчитает иначе. Он обладает необходимой властью или может ее получить. Не присваиваете ли вы его право на решение?

— Присваиваю право? — повторил Конуэй, словно эти слова были самыми страшными ругательствами. С видимым усилием взяв себя в руки, он сдержанно проговорил: — Президент не может работать больше двадцати четырех часов в сутки и потому делегирует часть своих полномочий другим. И некоторые из этих полномочий исполняю я.

— Благодаря чему пользуетесь его благосклонностью в отличие от других,— парировал Харпер.— Так как насчет того, чтобы обратиться к нему напрямую?

— Нет.

— Ладно. Больше я не буду вас просить. Я требую.

— Требуете? — недоверчиво переспросил генерал.

— Да. Отказ от сотрудничества — игра, в которую могут играть двое. Вы можете передать предложение Лиминга президенту — или же считать, что с данного момента я больше в ваших разборках не участвую.

— Вы не можете так поступить.

— Могу.

— Вы прекрасно знаете, что без вашей помощи мы не в состоянии уверенно опознать источник заразы. Вы же не можете просто сидеть и ничего не делать, зная, что происходит?

— Могу. И более того — буду. Вы не единственный, кто может изображать упрямого осла.

— Это возмутительно! — взорвался генерал Конуэй.

— И к тому же мятеж,— кивнул Харпер.— Неприкрытая измена. Можете меня за это расстрелять. Попробуйте и увидите, что вам это даст. Мертвый я буду бесполезен.

Конуэй возмущенно посмотрел на него, тяжело вздохнул и наконец сказал:

— Вопреки моим убеждениям, я встречусь с президентом и сделаю все возможное, чтобы его убедить. Обещаю сделать это как можно быстрее, но успех гарантировать не могу.

— Вашего слова мне вполне достаточно,— сказал Харпер.— Вы офицер и джентльмен. И хотя пути наши противоположны, мы работаем ради одной и той же цели, разве не так?

Раздраженно фыркнув, он положил трубку и посмотрел на Лиминга.

— Он это сделает. Он из тех, кто непременно сдержит слово, раз уж удалось вырвать у него обещание.

— Надо сказать, дерзости вам не занимать,— с легкой завистью заметил Лиминг.— Настолько, что мне очень интересно, есть ли у вас вообще друзья. Когда-нибудь вы зайдете чересчур далеко, и вам проломят череп.

— О чем вы говорите? Конуэй — мужчина, я тоже мужчина. Мы оба стрижемся и носим брюки. Когда-то мы оба ревели во всю глотку и пачкали пеленки. И мы оба будем одинаково плохо пахнуть через месяц после нашей смерти. Я что, должен целовать ему ноги?

— Думаю, нет.

— Значит, мы с вами пребываем в блаженном согласии.

Харпер посмотрел на часы.

— Прежде чем уйти, я бы хотел узнать еще кое-что, если можно.

— Что именно?

— Каким образом стала распространяться эта болезнь? Как она передается от одного к другому?

— Так же, как ею заразилась собака,— сказал Лиминг.— Той девушке, Джойс Уиттингэм, сделали укол в руку, вероятно, ввели кровь жертвы.

— Мы не можем с уверенностью сказать, что собака ею заразилась.

— Да, но мы знаем, что ею заразилась мисс Уиттингэм. И мы знаем, что ей был сделан укол, так же как и двум другим. У четвертого трупа был заклеенный пластырем порез, который говорит о том же самом. Скорее всего, их реакция была такой же, как у собаки,— несколько минут замешательства, короткие судороги и быстрое восстановление.

— Что ж, тот факт, что одного лишь контакта, судя по всему, недостаточно, уже кое-чем может нам помочь,— задумчиво проговорил Харпер.— Это означает, что будущую жертву нельзя заразить, просто чихнув в ее сторону. Человека нужно схватить и достаточно долго удерживать, чтобы сделать инъекцию и дождаться конца ее действия, так?

Лиминг кивнул.

— Если этот вирус — не настоящая причина болезни, он определенно является ее побочным продуктом. И если он не причина,— доктор выразительно развел руками,— мы понятия не имеем, где искать другую.

— Можете еще что-нибудь рассказать о вирусе?

— Да. Он внедряется в головной и спинной мозг. Это его естественная среда обитания. Все остальное — лишь теория, и вам решать, чего она стоит. На мой взгляд, вирус размножается, пока его концентрация в кровеносной системе не становится слишком высокой, и тогда он стремится куда-то передать избыток, найти другую кровеносную систему, ведущую к другому головному и спинному мозгу. Можно это представить себе неким нечеловеческим аналогом сексуального желания, где передача вируса заменяет половой акт. Непреодолимая реакция на всеобщий закон: «Плодитесь и размножайтесь».

— Гм!

Харпер задумался. Ему было любопытно узнать, каким образом осуществлялась передача вируса от существа к существу в родном мире венерианцев. Принадлежали ли излюбленные носители вируса на Венере к достаточно высокоразвитой форме жизни, способной изготавливать шприцы и пользоваться ими? Или они занимали более низкое положение в пирамиде жизни — нечто зубастое, способное передать зараженную кровь одним укусом?

Харпер подозревал последнее. Сколь бы чуждой ни была эта зараза с земной точки зрения, она была порождением природы и существовала в своеобразном симбиозе с другим таким же порождением природы. Так что способ ее распространения был скорее естественным, чем искусственным, и применявшиеся на Земле инъекции были лишь заменой этого способа — вполне действенной заменой.

Если его предположения были верны, сидящая в клетке собака вполне могла заполучить себе спасителя и столь желанного союзника, цапнув его за ногу или лизнув руку, на которой оказался бы едва видимый порез. Присутствие вируса в ее слюне могло открыть путь к свободе и массовому захвату человеческих тел. Теоретически это животное было опаснее кобальтовой бомбы.

— Если хотите моего совета,— сказал Харпер Лимингу,— вам стоило бы прикончить этого пса, пока он не прикончил вас.

— Не беспокойтесь. Нам часто приходится решать подобные проблемы. Никто к нему не приблизится на расстояние плевка, не говоря уже о том, чтобы до него дотронуться.

— Дело ваше. А мне пора заняться своими делами. Я возвращаюсь домой, назад в ловушку, в которую, как надеется Конуэй, может попасться живой экземпляр.

Харпер мрачно усмехнулся.

— Если мне сильно не повезет, к вам могут доставить связанного по рукам и ногам зомби, который окажется мной.

— То есть? — Глаза Лиминга расширились.

— Неважно. Давайте найдем моих сопровождающих. Если я вернусь без них, мне наверняка не поздоровится.

Харпер посмотрел в потолок, словно призывая небо в свидетели.

— Что за мир!

Глава 11

Когда утром Харпер пришел к себе в контору, там уже был Рауш.

— Вчера мы оставались здесь до восьми вечера, думая, что вы сюда вернетесь. Если бы ваш охранник не сообщил, что вас целым и невредимым доставили домой, нам бы пришлось проторчать тут всю ночь.

— Я слишком поздно вернулся — то одно, то другое, включая три остановки по дороге.

Повесив шляпу, Харпер сел за стол и потянулся к почте.

— Где Норрис? Как вы здесь оказались? Я думал, вы сидите в засаде в доме Баумов.

— Мы потеряли всякую надежду кого-нибудь там поймать. Новости о Баумах появились во вчерашних вечерних газетах — сообщается, что оба погибли в автокатастрофе. В ночных новостях по стерео показывали, как увозят с места происшествия разбитую машину. Несмотря на прикрытие, этого сообщения достаточно, чтобы предупредить сообщников Баумов. Там мы никого не схватим, даже если просидим целый год.

— Что ж, все, что я могу сказать,— некоторым неплохо удается водить федералов за нос.

Харпер разорвал несколько конвертов и быстро пробежал глазами содержимое.

— На мой взгляд, они чересчур сообразительны, и это никак не вписывается в мою любимую теорию, что все преступники, по сути,— идиоты.

Подняв взгляд от письма, он задумчиво добавил:

— Если эту компанию можно назвать преступниками.

— А как еще их можно назвать?

— Угрозой. Крайне опасной угрозой. Подобной стае бешеных собак. Или компанией больных оспой, прячущихся от врачей. Но то, с чем мы имеем дело сейчас, намного хуже оспы.

Перечитав письмо, Харпер бросил его в корзину.

— Куда, вы сказали, уехал Норрис?

— Я ничего не говорил. Если вас это удовлетворит — он отправился в очередную поездку, от которой, скорее всего, не будет никакого толку.

— Что значит «в очередную»?

— Вчера, пока вас не было,— объяснил Рауш,— ребята задержали целых восемь предполагаемых Макдональдов. Это можно было бы назвать верхом оперативности, если бы кто-нибудь из них и вправду оказался Макдональдом. Но — ничего подобного. Полчаса назад Норрис поехал взглянуть на девятого.

— Как он их проверяет?

— Достаточно просто. У него есть фотографии, отпечатки пальцев и прочее, на основании чего можно точно определить нужного нам человека. Пока такого не нашлось.

— Я бы многое отдал, чтобы узнать, каким образом Макдональду удается ускользать,— заметил Харпер.— Когда-нибудь это могло бы мне весьма пригодиться.

— В каком смысле? — уставился на него Рауш.

— Вдруг я решу присвоить деньги фирмы и сбежать? — Харпер рассмеялся фальшивым смехом.— Хотя нет. Какой же я дурак! Если я сбегу с деньгами фирмы, я просто заберу свои собственные. Что еще раз доказывает — владелец фирмы не может причинить ей никакого вреда. Подумайте над этим.

— Я думаю,— подозрительно проговорил Рауш.— И я думаю, что вы меня дурачите. А еще мне кажется, что ваши шуточки не смешны.

— А я и не собирался шутить.

Харпер взял со стола еще несколько писем и разорвал конверты.

— Случилось еще что-нибудь, о чем мне следовало бы знать?

— Вчера днем заходил ваш друг из полиции, Райли, и очень интересовался, куда вы делись.

— Вы ему объяснили?

— Каким образом? Мы сами этого не знали. А даже если бы и знали, ничего бы ему не сообщили — не положено.

— Он не говорил, зачем пришел?

— Нет. У меня создалось впечатление, будто он просто заглянул поболтать. Сказал, что зайдет сегодня еще раз. Покрутился тут немного, пытаясь клеиться к вашей секретарше, потом ушел.

Харпер бросил на стол письмо, которое держал в руке, и пристально посмотрел на Рауша.

— Что вы сказали насчет моей секретарши?

— Райли немного полюбезничал с ней, а после ушел.

— Никогда! Ни за что не поверю! Он не стал бы пытаться ухаживать за Мойрой, даже если бы она сама о том умоляла. Я над ним постоянно подшучиваю на эту тему. Он никого не любит, кроме собственной жены.

— Тем не менее,— сказал Рауш.— Возможно, что-то изменилось. Вы не можете этого знать, вы же не спите с ним вместе.

— Разумно,— согласился Харпер, успокаиваясь.— Мойра должна прийти минут через десять. Я у нее спрошу.

— А зачем? Разве что вас настолько интересуют ее любовные похождения.

— Нас с ней связывает обоюдное влечение к деньгам,— сообщил Харпер.— Не более того.

— Дело ваше,— пожал плечами Рауш.

Он побродил по мастерской, с интересом наблюдая за процессом сборки микроманипуляторов, и вернулся, когда появилась Мойра.

Подождав, пока секретарша усядется за пишущую машинку, Харпер спросил:

— Что там у тебя с Райли?

Вопрос явно застал ее врасплох.

— Не понимаю, мистер Харпер.

— Мне сказали, будто этот носорог пытался с тобой заигрывать.

— О, ничего особенного.— Она слегка покраснела.— Он просто немного со мной поболтал, и я знаю — он не имел в виду ничего этакого.

— Но он никогда раньше так себя не вел, верно?

— Нет, мистер Харпер. Думаю, ему просто надо было чем-то себя занять, раз он вас не застал.

Харпер наклонился, внимательно глядя на нее, но не читая ее мысли.

— Он не пытался назначить тебе свидание?

В ее голосе прозвучало легкое негодование.

— Нет, конечно! Он предложил мне билет в театр. Сказал, что кто-то отдал ему этот билет, а сам он пойти не сможет, поэтому дарит мне.

— Ты взяла?

— Нет. Билет был на вчерашний вечер. У меня уже было назначено свидание, и я не могла пойти.

— Он был разочарован, когда ты отказалась от билета?

— Я не заметила.

Мойра перевела взгляд на Рауша, прислушивавшегося к беседе, потом — на Харпера.

— А в чем, собственно, дело?

— Да ничего особенного, красавица. Я пытаюсь понять, был ли Райли вчера днем пьян или трезв. Меня это очень интересует, поскольку я ни разу в жизни не слышал, чтобы Райли напился.

— Чтобы обратить на меня внимание, вовсе незачем напиваться,— многозначительно ответила Мойра.

— В точку, малышка! — одобрительно заметил Рауш.

— Не суйте свой нос в мои личные дела,— бросил Харпер, снова беря со стола письмо.— Не обращай внимания, Мойра. Займемся делом. Ответ клинике Вестера: «Запасные иглы из титанового сплава для модели номер четырнадцать доступны в комплектах из шести штук. Стоимость...»

Он закончил диктовать и давал указания работникам в мастерской, когда вернулся мрачный Норрис.

— Вы даже представить себе не можете, сколько людей могут быть внешне похожи на одного беглеца!

— Хотите сказать, опять поймали не того?

— Да. Торговца красками, достаточно похожего на Макдональда, чтобы оправдать задержание. К тому же торговец куда-то очень спешил, разозлился и попытался снести заграждение на дороге. Это-то его и погубило.

— Послушайте,— сказал Харпер,— Макдональд сбежал, нагруженный багажом, к тому же у него был как минимум час форы. Вы действительно считаете, что он до сих пор в городе?

— Нет, не считаю. Думаю, один шанс из ста, что это и вправду так. Мы не только не нашли его следов, но не нашли ни одного из Ридов, не нашли и их машины. Думаю, они каким-то обра-

зом проскользнули через кордон и теперь далеко в лесах. Но мы не отказываемся ни от одного, даже самого ничтожного шанса.

— Ладно. Тогда я скажу вам кое-что: если эти трое сбежали, они оставили здесь по крайней мере одного сообщника.

— Откуда вы знаете? — спросил Норрис.

— Вчера мы проехали мимо одного из них. Я пытался убедить шофера погнаться за ним, но шофер отказался остановиться. Он делал лишь то, что ему было приказано. Еще один пример того, как тупое послушание может разнести в пух и прах любую инициативу.

Норрису последнее замечание не понравилось, но он пропустил его мимо ушей, спросив:

— У вас есть предположения, кто это был?

— Никаких. Иначе я сказал бы вам об этом вчера вечером и сэкономил ваше время. Это мог быть кто угодно, абсолютно кто угодно. Кроме догадок, у меня ничего нет.

— И все же попробуйте. В последнее время вам крупно везло.

— Это совершенно дикое предположение, можно сказать, выстрел наугад,— почти извиняющимся тоном сказал Харпер.— Я не могу избавиться от мысли, что самое безопасное место в мире для того, за кем охотятся,— город, где все охотятся за кем-то другим. Никто не обращает на него внимания, и он может чувствовать себя в безопасности — потому что сосредоточиться на чем-то одном можно, лишь игнорируя все остальное.

— Продолжайте,— заинтересованно кивнул Норрис.

— Таким образом, если присутствие здесь моей тушки делает этот город крайне привлекательным для врага и все в городе заняты поисками Макдональда...

— Давайте же, договаривайте!

— Уильям Гоулд может прекрасно себя здесь чувствовать. Кто станет его искать?

— Вся страна. И вы это знаете.

— Я не имею в виду всю страну. Я имею в виду лишь этот город. В отличие от остальной страны все здесь настолько увлечены Макдональдом, что Гоулд может прийти к вам домой и предложить посидеть с ребенком, и вы с благодарностью заплатите ему два доллара.

Харпер стучал пальцами по столу, пока до слушателей доходил смысл его слов, затем добавил:

— После чего этот ребенок никогда уже не будет прежним.

— Верна ваша догадка или нет — не имеет никакого значения,— вмешался Рауш.— Гоулд точно так же в розыске, как и Макдональд. Вреда не будет, если мы напомним городу об этом факте.

— Не будет,— согласился Норрис.— Вот прямо сейчас этим и займись.

Норрис посмотрел вслед поспешно вышедшему Раушу, затем снова перевел взгляд на Харпера.

— И как вам приходят в голову подобные мысли?

— Наблюдатель видит бóльшую часть игры. И, как я уже говорил, я сам побывал в роли добычи в отличие от вас. Порой большое подспорье — умение поставить себя на место другого. Вот почему первый и, возможно, лучший детектив в истории был бывшим преступником с длинным послужным списком.

— Кто это?

— Эжен Франсуа Видок.

— Постараюсь как-нибудь с ним встретиться,— пообещал Норрис.— Если к тому времени сам не окажусь в тюрьме, завершая свое образование.

— Вы никогда с ним не встретитесь. Он умер задолго до вашего рождения. Так или иначе, я...

Харпер замолчал, обнаружив нечто странное в окружавшем его океане мыслей. Сосредоточившись, он прислушался.

Снова то же знакомое бессвязное бормотание.

Бла-бла-бла.

— Вы что-то сказали? — переспросил Норрис, не заметив его внезапного замешательства.

— Ничего особенного. Не обращайте внимания.

Пренебрежительно отмахнувшись, Харпер вернулся в кабинет и, сев в кресло, проверил, что пистолет находится наготове у него под мышкой.

— Мойра,— спокойно сказал он,— в мастерской лежит пакет для Шульца-Мастерса. Это срочно. Я бы хотел, чтобы ты немедленно отнесла его на почту. Проверь, чтобы его отправили днев-

ной почтой. Назад можешь не торопиться, меня вполне устроит, если ты вернешься после обеда.

— А как же корреспонденция, мистер Харпер?

— Чтобы с ней разобраться, у тебя будет в запасе вся вторая половина дня. А сейчас отправляйся — я хочу иметь наготове ответ, если Шульц-Мастерс начнет орать на меня по телефону.

— Хорошо.

Она поправила шляпку, взяла сумочку и пошла в мастерскую за посылкой.

Подойдя к окну, Харпер смотрел, как Мойра быстро идет по улице в сторону, противоположную той, откуда приближалась опасность. Что ж, по крайней мере, это позволит ей избежать возможных неприятностей.

В десяти ярдах за Мойрой, быстро постукивающей каблучками, шагали два коренастых типа. Они знали, куда она направляется, поскольку установленный в кабинете микрофон сообщал обо всем Норрису или любому другому агенту. Но они не собирались выпускать ее из виду и не выпустили ни разу с тех пор, как была установлена ловушка. Харпера это вполне устраивало.

Он не стал открывать окно, как в тот раз, когда почувствовал приближение Амброза Баума. Оставив окно закрытым, Харпер стоял и наблюдал за происходящим на улице, напрягая до предела свои телепатические способности.

На этот раз он не собирался совершать ошибку, послав мысленный импульс и обратив врага в бегство, а в придачу сообщив противнику информацию, которую тот столь горячо желал узнать. На сей раз Харпер намеревался лишь слушать, ничем выдавая другому разуму, что тот для него открыт... Хотя для этого Харперу приходилось довольствоваться чтением мыслей венерианца, вне зависимости от того, насколько осмысленными были эти мысли.

Отойдя от окна, Харпер опустился в кресло, невидящим взглядом уставившись на стол Мойры и продолжая слушать и ждать. Ощущения были уникальными и весьма любопытными, несмотря на предыдущие краткие столкновения Харпера с этими существами.

Судя по медленному увеличению амплитуды отдаленных импульсов, приближавшийся двигался не спеша, вероятно, часто

останавливаясь и делая вид, будто разглядывает витрины магазинов. В его мыслях не ощущалось страха или напряжения. Напротив, он хладнокровно оценивал возможные опасности и пытался их избежать.

Он не мыслил человеческими понятиями, потому его разум не походил на человеческий. С точки зрения мыслительных процессов враг был двуязычным. Странное бормотание являлось инопланетной звуковой дорожкой, синхронизированной с инопланетными мыслеформами — следствие выработавшейся за бесчисленные столетия привычки оперировать мысленными понятиями своих далеких носителей. Пребывание внутри человеческого мозга совершенно этому не препятствовало. Любой мозг использует поступающие в него данные, а этот разум был вооружен знаниями, принадлежащими двум мирам и как минимум двум различным видам.

Хотя его внимание было направлено на другое, Харпер успевал размышлять и сам. Что, если этот мало-помалу приближающийся таинственный незнакомец — не кто иной, как Уильям Гоулд? Неужели он надеется, что может расправиться с Харпером и безнаказанно уйти?

Вряд ли его целью было убить Харпера, даже ценой собственной жизни, поскольку таким образом враг ничего бы не добился. Больше всего на свете венерианцы жаждали завладеть точной информацией о том, каким именно способом их можно опознать. Уничтожив же единственного человека, знавшего тайну, они навсегда остались бы в нынешнем гибельном неведении.

Единственной разумной тактикой было схватить Харпера и силой выведать у него правду. Стоило ему оказаться у них в руках, как дальнейшее оставалось делом техники — венерианцы просто завладели бы им, как завладели другими людьми, после чего смогли бы отыскать записанные у него в мозгу необходимые данные, которые отныне стали бы безраздельно принадлежать им.

Ничто другое не могло дать ответ на вопрос, с чем им приходится сражаться. Ничто другое не могло помочь им противостоять такой же угрозе, исходящей из иных источников. Стало быть, приближающийся незнакомец в лучшем случае был разведчиком, который собирался испытать на прочность местную

защиту, в худшем — похитителем, надеющимся бог знает как в одиночку сделать свое дело.

В последнем случае ситуация была куда серьезнее, чем казалось на первый взгляд. Враг был далеко не глуп. Ни один из его посланников не попытался бы при данных обстоятельствах схватить Харпера, не имея хотя бы минимальных шансов на успех.

Поток мыслей чужака усилился, полный коротких непонятных сцен, напоминающих обрывочные образы некоего кошмарного пейзажа. Харпер на мгновение отвлекся, шаря вокруг в поисках других таких же разумов. Может, десять или двадцать венерианцев стекаются к нему со всех сторон в надежде подавить численным превосходством?

Но нет, больше никого ему обнаружить не удалось. К нему приближался только один, а если в окрестностях и был еще кто-то, то находился вне пределов досягаемости Харпера. Если так — выбрали они такое расстояние чисто случайно или начали делать некоторые весьма проницательные выводы?

Харпер все еще напряженно сидел, не пытаясь проникнуть в разум незнакомца. Норриса предупреждать он не стал, хотя и собирался это сделать; на некоторое время Харпер решил взять инициативу в свои руки. Прежняя тактика не принесла плодов, кроме нескольких трупов и фотографии туманного шара,— поэтому, возможно, стоило внести в нее некоторые изменения. Харпера не волновал ни связанный с этим риск, ни цена, которую, возможно, придется заплатить,— причиной такого поведения было скорее нетерпение, чем смелость.

Чужой разум теперь двигался по тротуару прямо под окнами, но Харпер не стал вставать и подходить к окну, чтобы прежде времени не спугнуть врага. Если чужак пройдет дальше, мимо входной двери, Харпер выскочит на улицу и схватит его. Но если он войдет внутрь, Харпер останется на месте и встретит его лицом к лицу.

Чужак остановился у входной двери, и поток его мыслей мгновенно переключился на человеческие понятия, словно на экране стереовизора вдруг подстроили резкость. Причины были понятны: пришелец вступил в контакт с двумя стоявшими на страже агентами и тотчас приспособился к новой ситуации — приспособился быстро и безукоризненно, как может сделать

только существо, постоянно меняющее маски, поскольку никогда не имело собственного лица.

Именно тогда Харпер понял, кого ему ожидать. Об этом ему сообщили мысли агентов, обменявшихся с пришельцем несколькими фразами.

— Этот орангутанг на месте? Или опять ушел на охоту за прибылью?

— Греет задницей кресло в своем кабинете.

— Ничего, если я ввалюсь?

— Без проблем.

Харпер мрачно усмехнулся. Прочитав мысли агентов, впустивших врага, он переключил внимание на Норриса, сидевшего на скамейке в мастерской, и почти увидел его глазами направляющегося к двери кабинета чужака.

Затем тот вошел, и Харпер сказал как ни в чем не бывало:

— Привет, Райли. С чем пожаловал?

Осторожно усевшись на стул отсутствующей Мойры, Райли посмотрел на Харпера, невольно выдав ему часть своих мыслей.

«Похоже, он каким-то таинственным образом распознает нас с первого взгляда. Все говорит об этом. Но сейчас он никак не реагирует. Странно. Что-то не так».

— Держу палец у тебя на пульсе,— вслух ответил Райли.

— Зачем?

— Тому, кто найдет убийцу Элдерсона, обещана награда в пять тысяч долларов. И капитан Ледсом об этом не забыл, несмотря на всю кутерьму вокруг трех парней, вины которых никто даже не знает. И я тоже ничего не забыл. Пять тысяч — куча денег.

— Надеешься в конце концов продать меня за эту сумму?

— Нет. Я не верю, что это сделал ты. Но мне кажется, ты знаешь куда больше, чем говоришь. И могу побиться о заклад, что, как только весь шум уляжется, ты сам займешься расследованием.

— И что с того?

— Тебе может потребоваться моя помощь. Или мне может потребоваться твоя. Мы вместе могли бы наложить лапы на тот мешок с золотом.

— Становишься торгашом на старости лет? Да еще и бабником в придачу?

— В каком смысле?

Осторожно направляя разговор в нужное русло, Харпер пояснил:

— Заигрываешь с Мойрой, пока меня нет.

— Чушь!

— Соблазняешь ее билетом в театр...

Этих слов оказалось достаточно.

Последовавшая в ответ мысль длилась не более двух или трех секунд, но была достаточно подробной, чтобы ясно представить картину. Ни о чем не подозревающая Мойра, наслаждающаяся спектаклем с семнадцатого места. Уильям Гоулд на восемнадцатом месте в том же ряду, притворяющийся, будто делает то же самое. Разговор в антракте, проводы до дома — после чего Мойра больше не человек.

Гоулд был достаточно молод и привлекателен, чтобы план мог сработать. Помешало лишь назначенное раньше свидание Мойры. Сопровождавший Мойру бдительный эскорт мог причинить определенные проблемы, если бы только Гоулд не сумел отвязаться от агентов, убедив девушку пригласить его к себе домой. Возможно, именно так он и собирался действовать. В мыслях Райли не оказалось никаких сведений об этом.

— Я не мог пойти сам,— сказал Райли.— Что же мне было делать с билетом? Съесть?

— Ты мог отдать его своей жене.

Возникшая в ответ очередная мысленная картина подтвердила то, что Харпер был вынужден нехотя признать еще раньше. Жена Райли больше не была его женой. Она превратилась в живую колонию туманных шариков, которые испытывали непреодолимое желание распространиться, но пол носителя их нисколько не интересовал. Косвенным образом это давало в руки еще один факт об особенностях врага, а именно — враг не мог завладеть человеком, вступив с ним в сексуальный контакт. Вирус не мог проникнуть или предпочитал не проникать в тело путем диффузии, его требовалось вводить непосредственно в кровеносную систему.

— Она не захотела идти одна,— сказал Райли.— А в чем, собственно, дело? Почему тебя так интересует, куда ходит Мойра и что она делает по вечерам?

И сразу же мысль: «Он явно что-то подозревает, раз так интересуется Мойрой. Непонятно, что именно? То ли он действительно все знает, то ли нет... Но, похоже, все-таки не знает».

— Судя по тому, что говорят федералы, мне угрожает некая опасность,— ответил Харпер.— Если так, она угрожает и Мойре, просто потому, что девушка работает со мной и находится рядом. Я не хочу, чтобы она из-за меня пострадала.

Эти слова дали ожидаемый результат, успокоив чужой разум.

«Чем-то похоже на игру в шахматы,— подумал Харпер.— Ход противника и ответный ход, заманивание в ловушку, поиск любого преимущества или бреши в защите, которые в конечном счете приведут к мату».

В следующее мгновение Райли проиллюстрировал данное сравнение, сделав опасный ход.

— Вполне возможно. Но я не Гоулд, Макдональд или Лэнгли. Я-то тут при чем?

Ничего другого не оставалось, кроме как принять вызов, смело двинув вперед свою шахматную фигуру.

— Я не про тебя лично,— сказал Харпер, пристально глядя на него.— Мне слегка не по себе, поскольку я не знаю, кто дал тебе этот билет.

Мысленный ответ последовал сразу же: «Гоулд».

— Какая разница? — уклонился от ответа Райли.— Откуда он мог знать, что я не воспользуюсь им сам, а предложу Мойре?

— Ладно, неважно,— устало отмахнулся Харпер.— Из-за этих троих разыскиваемых я стал таким нервным, что готов сомневаться в собственной матери.

Слова его вновь пролились успокоительным бальзамом на чужой разум — лишь потому, что выглядели достаточно правдоподобно.

— Чем скорее их поймают, тем лучше для меня,— продолжал Харпер, забрасывая свежую наживку.— Взять, к примеру, Макдональда. Недавно он был где-то совсем рядом. Опытный полицейский вроде тебя наверняка сумел бы его найти.

Эврика! Последовавшая реакция была столь отчетливой, словно мысли были написаны на бумаге. Гоулд, Макдональд, Риды и еще двое неизвестных собрались в доме Райли, ожидая, когда туда придет Харпер — под любым предлогом, какой только сможет изобрести Райли.

Значит, вот какова истинная цель визита.

Райли пока не пытался заманить Харпера в ловушку, но наверняка собирался это сделать. Приди в мою обитель, сказал мухе паук.

И рано или поздно — как надеялись враги — Харпер зайдет к Райли в гости, в то время как агенты, тенью следующие за своим подопечным, вежливо останутся на улице. Харпер войдет в дом, словно ягненок на бойню, и через некоторое время выйдет, внешне нисколько не изменившись. Потом агенты проводят его домой и оставят наедине со странными снами о далеком мире, где слепые жуки питаются частями тел собственных мертвецов; где на извивающихся корнях дрожат кактусы с ядовитыми шипами и где лишь немногие проворные существа обладают собственной душой.

Чуждый разум, управлявший телом Райли, оказался достаточно проницательным, чтобы попытаться заманить в ловушку охотника.

— С чего ты взял, что мне бы это удалось, если целый отряд агентов не сумел справиться?

Харперу пришлось реагировать быстро.

— Да потому, что ты местный. А они не из нашего города. У тебя есть источники информации, которые им недоступны. Ты знаешь здесь все входы и выходы — по крайней мере, должен узнать за столько-то лет.

Однако этого оказалось недостаточно.

— Тогда почему, вместо того чтобы нагрянуть сюда десятками, они не положились на полицию?

— Спроси меня о чем-нибудь другом,— пожал плечами Харпер.— Возможно, кто-то решил, что чем больше народу этим займется, тем лучше.

— Но пока они ничего толком и не добились, верно? — спросил Райли, в голосе которого прозвучало нечто вроде сарказма.

Но это был не сарказм, а скрытая под его маской попытка навести на разговор о Баумах и о том, каким образом в них распознали тех, кем они стали.

Мысли Райли работали быстро, настойчиво подгоняемые слизью, которая ими управляла. Но как он ни пытался, он не мог найти удовлетворительного объяснения столь странному контрасту между своей собственной неуязвимостью и быстрой гибелью других ему подобных.

Пока у него имелась на этот счет лишь одна теория, которую никак нельзя было назвать удовлетворительной, а именно: грозные способности Харпера, вероятно, функционировали бессистемно и включались только при определенных условиях, в данный момент отсутствовавших. Но ни одна теория не могла объяснить, каким именно образом это происходило. Напротив, нынешняя ситуация только усложняла загадку. Что за природа может быть у способностей, позволяющих уверенно определить врага, но действующих лишь периодически?

В течение нескольких секунд, пока Райли размышлял над этими вопросами, Харпер пытался найти ответы на свои. Сколько он сможет выудить из Райли, умело подталкивая беседу в нужном направлении и при этом не выдав себя? Как лучше сформулировать вопросы и замечания, которые помогут извлечь нужную информацию из чужого разума? Как выяснить, каким образом захватили самого Райли? Сколькими еще людьми завладели чужаки, их имена, места, где они скрываются, их планы и тому подобное?

— Да,— согласился Харпер.— Пока они ничего не добились.

Райли не желал уступать.

— Если не считать того, что прикончили парочку ребят по фамилии Баум. Мы получили стандартное сообщение от патрульного. Они погибли вовсе не в автокатастрофе, что бы ни утверждала официальная версия. А в результате той заварушки, в которую оказался замешан ты.

Харпер промолчал.

— Возможно, все это не мое дело,— продолжал Райли, придав голосу нужную степень убедительности,— но, если бы я знал, как и почему были убиты Баумы, это могло бы навести меня на след Макдональда.

— Каким образом? — спросил Харпер, глядя прямо на него.— Разве тут есть какая-то связь?

— Ты сам знаешь, что есть. Все это части одной и той же бредовой истории.

— С чего ты взял?

В чужом мозгу промелькнуло мгновенное замешательство, потому что ему пришлось взять под сомнение то, что раньше он считал непреложной истиной.

— А разве нет?

— Может, да, а может, нет,— с совершенно бесстрастным видом проговорил Харпер.

— Черт возьми, если ты не знаешь, что творится, кто же тогда знает?

Еще одна искусно расставленная ловушка, побуждение к уклончивому ответу, из которого можно было бы сделать немало выводов.

Харпер обошел ловушку стороной, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Все, что я могу тебе сказать,— стало известно, что у Баумов установились приятельские отношения с Макдональдом. Соответственно, возникла необходимость их допросить. Как только их заметили, они тут же бросились бежать сломя голову — а потом все покатилось одно за другим.

Харпер помолчал — и добавил, будто эта мысль только что пришла ему в голову:

— Никак не могу понять. Их ведь не обвиняли ни в каком преступлении, почему же они попытались бежать?

Мысли в мозгу противника беспорядочно сменяли друг друга. Ему задали вопрос, ответ на который был для него жизненно важен. Но тот, кому положено было знать ответ, сам его искал.

«Почему они попытались бежать?»

Вопрос всплывал снова и снова, и каждый раз на него находился лишь один ответ: Баумы пытались бежать, поскольку их опознали и они поняли, что их опознали. Таким образом, способ идентификации чужаков должен был каким-то образом о себе заявлять. Человека, захваченного чуждым разумом, невозможно было прощупать так, чтобы тот ничего не заметил.

Однако сейчас данная гипотеза подвергалась реальной проверке, а Райли никто не опознал, никто не разоблачил, он не ощущал никакого контакта, никакого прикосновения — вообще ничего.

И что же из этого следовало?

«Предположим, двуногие этой планеты делятся на два типа, А и Б. Первый из них уязвим, поскольку может быть опознан неким методом, суть которого еще предстоит выяснить. Джойс Уиттингэм относилась к этому типу, как и Баумы и, возможно, остальные. Но, по неизвестным причинам, тип Б невосприимчив к силе, которой обладает Харпер и, быть может, некоторые другие люди. Лишь благодаря удачному стечению обстоятельств тело по имени Райли оказалось принадлежащим ко второму типу».

Харпер слушал эти мысли, благодаря судьбу за то, что враг оставался в своей псевдочеловеческой роли, не переключившись на бормочущий инопланетный язык.

«Если данное предположение верно,— продолжал размышлять чужак,— то спасение совсем рядом. Мы должны узнать, какой именно критический фактор защищает тип Б и каким образом отличить один тип от другого. После того как мы это узнаем, надо будет завладевать только телами типа Б. С уязвимыми можно будет разобраться потом».

Мы! Множественное число! На мгновение Райли подумал о себе как о целой толпе!

Харперу стало не по себе от только что полученного напоминания о весьма неприятных фактах. Захватчик представлял собой многомиллионную орду. Каждый захват человеческого тела являлся победой целого армейского корпуса в облике нескольких капель могущественной слизи, в которой каждый воин был... чем?

Крошечной сферой с размытыми очертаниями.

Туманным шариком.

Сторож брату моему!

Решив в полной мере воспользоваться представившейся возможностью, Харпер продолжал:

— Кто-то однажды сказал, что единственная разница между теми, кто сидит в тюрьме, и теми, кто остается на свободе, лишь в том, что вторых так и не удалось разоблачить. Возможно, со-

весть братьев Баум была не вполне чиста, и они ошибочно предположили, что об этом стало известно. Вот и бросились бежать, словно кролики.

— Возможно,— согласился Райли, продолжая размышлять: «Не сходится. У них не было никаких причин бежать, кроме осознания того, что их сущность раскрыли. Харпер знает, что они такое на самом деле, но отказывается это признавать. Впрочем, неудивительно. Он никогда никому ни слова не говорил о своих способностях.— И, после короткой паузы: — Но в данный момент эти способности у него отсутствуют. Почему? Нужно выяснить!»

— Так или иначе, что за смысл в пустой болтовне? — продолжал Харпер, ловко провоцируя собеседника.— От нашего разговора нет никакого толку, а мне нужно работать.

— Ты можешь дать мне какую-нибудь наводку на Макдональда?

— Нет. Ищи его сам. Тебе скажут огромное спасибо, если ты его поймаешь. К тому же он может навести на след Гоулда, которого разыскивают с не меньшим усердием.

— Гоулда? — Райли уставился на него, думая: «Они знают или подозревают, что он в этом городе?»

— И всех, с кем он общался за последние три месяца,— добавил Харпер, подливая масла в огонь.

Результат его разочаровал. В ответ он получил лишь мимолетные, фрагментарные образы двух десятков человек, по которым невозможно было определить, кто они, где живут и какую роль играют в этой войне за планету.

— Когда Гоулд и Макдональд окажутся за решеткой,— продолжал Харпер,— у нас, возможно, появится время на поиски убийц Элдерсона. И тогда мы можем попытаться получить те самые пять тысяч долларов.

Удар попал в цель. Упоминание об Элдерсоне вызвало ожидаемую реакцию — фрагмент крайне живых воспоминаний. Макдональд держит Джойс Уиттингэм, пока Гоулд вонзает иглу ей в руку. Джойс сопротивляется и кричит. Неожиданно прямо позади останавливается полицейская машина. Из нее выскакивает Элдерсон и бежит к «тандербагу». Лэнгли достает пистолет и стреляет, прежде чем Элдерсон успевает вмешаться. Значит, убийца — Лэнгли.

Ха! Из этого можно было сделать новые, весьма существенные выводы. Все силы закона и правопорядка по всей стране, включая Райли, были подняты на ноги, чтобы схватить трех человек, а не двух. Но Райли совершенно не интересовался Лэнгли, он спрашивал только про Макдональда. Он совершенно спокойно отнесся к упоминанию о Гоулде. Любой нормальный человек поинтересовался бы третьим разыскиваемым — если только не знал, что того уже нет в живых. Знал ли об этом Райли? Если да, то откуда? Как это выяснить?

Харпер отважно затронул данную тему.

— Что касается Лэнгли, о нем можно больше не беспокоиться.

Райли ничего не ответил вслух, но мысленно произнес: «Конечно. С ним покончено».

— Кто тебе это сказал? — спросил Харпер.

— Что?

— Сказал про Лэнгли.

— Не понимаю, о чем ты. Никто мне про него не говорил.

— Я только что упомянул, что Лэнгли можно больше не искать,— напомнил Харпер.— Ты ничего не ответил, даже не удивился. Я решил, что ты давно обо всем знаешь, хотя не могу представить откуда.

— Ошибаешься,— возразил Райли, поспешно пытаясь скрыть свой промах.— Я впервые про это слышу. Никакие сведения до меня не доходили.

Но было уже поздно. Его мысли отставали на несколько секунд от мыслей Харпера, а язык вообще пришел к финишу последним. Несмотря на расстояние в сотни миль, Райли узнал о смерти Лэнгли в то же мгновение, когда того не стало. Он ощутил эту смерть так же ясно, как человек, который, глядя ночью через долину, видит внезапно гаснущий далекий огонек.

То была совершенно чуждая способность, не имевшая ничего общего с человеческими. Захваченный чужаками разум мог чувствовать других ему подобных и слепо следовать за ними, пока все они не собирались вместе. А если кого-нибудь из них больше не удавалось ощутить — это значило чью-то смерть далеко за горизонтом. Просто сам факт смерти, без всяких подробностей.

Эта же способность позволяла воспринимать издаваемый другим мысленный зов о помощи. Она не имела никакого отно-

шения к телепатии, то был просто некий пси-фактор, позволяющий Райли взглянуть вдаль, увидеть лучик жизни, исходящий от одного из его собратьев, увидеть, как лучик мигает, призывая на помощь, а потом гаснет. Не более того.

Возможно, крайняя форма инстинкта, на Земле называющегося стадным. Защитный механизм, развившийся на другой планете, где ради выживания клану иногда требовалось быстро собраться вместе, а одиночки погибали.

Таким образом, у венерианского вируса имелся естественный враг, постоянный противник, недостаточно сильный для того, чтобы полностью подчинить его себе и тем более уничтожить, но достаточно грозный, чтобы ограничить его распространение и поддерживать баланс конкурирующих форм жизни на далекой планете.

Кем мог быть этот враг? Каким-нибудь животным с крепким желудком, пожирающим могущественный вирус с жадностью лакающей сливки кошки? Зверем, способным сожрать тело захваченного без вреда для себя? Или существом куда меньших размеров, которое, подобно ордам муравьев-воинов, уничтожало армии злодеев?

Подобные данные могли бы представлять немалую ценность, если бы удалось их заполучить. Но как? Как выманить их из враждебного и осторожного разума, не выдав при этом себя? Как можно расспрашивать венерианца о фауне и флоры Венеры, делая вид, будто считаешь его уроженцем Земли?

Информацию могла бы со временем собрать новая экспедиция — при условии, что ее не постигнет та же судьба, что и первую. Но если неотложные проблемы не будут решены здесь и сейчас, не будет и новой экспедиции — по крайней мере, состоящей из людей.

Сведения о противнике смертельного врага находились совсем рядом, по другую сторону стола, скрытые в чужом мозгу. Если бы только их удалось извлечь, ученые могли бы найти на Земле местный аналог этого врага, способный справиться с инопланетной угрозой. В перспективе такие сведения были куда ценнее, чем поимка всех пораженных чужим вирусом жертв. Они означали возможность устранить коренную причину, вместо того чтобы бороться с симптомами.

Харпер отчаянно искал способ, как сделать крайне опасный ход — так, чтобы с виду он казался совершенно невинным. Райли вопросительно смотрел на Харпера, и его знакомый взгляд никак не выдавал того, что за ним скрывалось.

— Лэнгли и еще один человек попали в ловушку,— облизнув губы, сказал Харпер.— Они отстреливались, как безумцы. Взять их живыми было невозможно.

Райли поднял брови, изображая удивление.

— Все знали, что его разыскивают, но никому не говорили, за что именно. Судя по подобной реакции, причина была весьма серьезной. И какой тогда смысл во всей этой секретности?

— Не спрашивай меня. Политику государства определяю не я.— Харпер устало махнул рукой.— Сам знаешь, как любят всяческие тайны те, кто сидит наверху.

Райли что-то презрительно проворчал.

Настал критический момент. Нужно было действовать крайне аккуратно, словно в руках у Райли был динамит. Одна ошибка, и последует взрыв, который застанет врасплох Норриса и остальных. Слава богу, что Мойры здесь нет.

— Возможно,— продолжал Харпер, будто о чем-то вспоминая,— у Лэнгли действительно было не все в порядке с головой. Если так, мне это не нравится. У каждого есть свои потаенные страхи, и у меня тоже.

— Например?

— Когда я был маленьким, я боялся больших черных собак. Сейчас, став взрослым, я испытываю крайнее отвращение к душевнобольным. Я боюсь сумасшедших.

Собравшись с духом, он сделал свой ход:

— А что больше всего пугает тебя?

Господи, получилось! Он увидел все столь отчетливо и живо... Вот он, страх, пожизненный ужас. Более того, Харпер был уверен, что понял его суть — не конкретную форму, но саму его жестокую природу. И источник этого страха находился здесь, на Земле, готовый к применению. Харперу пришлось крепко сжать губы, чтобы не закричать.

Райли встал и, нахмурившись, напряженно спросил:

— Почему ты спрашиваешь?

За этими словами последовали мысли: «Несколько минут назад он сказал, что от болтовни нет никакого толку, что он занят и что ему нужно работать. Однако продолжает поддерживать беседу, постоянно задавая мне вопросы, и мне приходится выкручиваться, отвечая на его намеки. Тем не менее он, похоже, вполне доволен ответами, которые я старался ему не давать. Как такое может быть?»

Враждебный разум с нарастающей тревогой искал ответ. О телепатии он понятия не имел, поскольку в его естественной среде обитания ничего подобного не встречалось. Но когда проницательный мозг не в состоянии разрешить проблему на основании имеющихся данных и призывает на помощь свое воображение, возможно все.

В любой момент Райли мог осознать то, чего не осознавал раньше.

После чего должен был произойти взрыв.

Глава 12

Небрежно почесывая под мышкой, чтобы пальцы были поближе к пистолету, Харпер сказал:

— Не знаю, зачем я тебя спросил. Меня это нисколько не интересует. Если тебя так волнует эта тема, можешь считать мой вопрос пустой болтовней. Я и так слишком долго ею занимался, учитывая, сколько у меня еще работы. Убирайся и дай мне заняться делами.

Однако направить поток мыслей Райли в ином направлении не удалось.

«У него там оружие,— думал Райли.— Я много раз видел его с оружием. Он держит на нем руку, не в силах скрыть напряжения. Он бы так себя не вел, если бы ничего не знал.— И затем, после озадаченной паузы: — Я пришел к нему под видом старого знакомого. Но он готов поступить со мной так, как поступил бы с тем, чем я на самом деле являюсь».

Улыбнувшись, Харпер убрал руку и почесал голову. Это было ошибкой.

«Во имя Великого черного камня Карсима, он читает мои мысли!»

Стол опрокинулся с грохотом, от которого содрогнулся пол. Харпер нырнул головой вперед и схватил Райли за руку, которую тот сунул в карман, где лежало что-то маленькое, овальное и металлическое.

Громко ругаясь на неизвестном языке, Райли попытался свободной рукой оторвать от себя Харпера. Он был крепок и силен, его мощные лапы в свое время удержали не одного сопротивляющегося преступника. Вцепившись в Харпера изо всех сил, полицейский был застигнут врасплох, когда тот неожиданно поддался. Райли покачнулся, и Харпер отчаянно толкнул его вперед.

Они упали вместе, Харпер оказался сверху. Глаза Райли горели, лицо побагровело. Он пытался отпихнуть противника, не давая тому добраться до предмета у себя в кармане. Придавить Райли к полу было не легче, чем разъяренного тигра.

Громадный кулак обрушился на лицо Харпера, разбив губы. При виде крови лицо Райли исказилось, превратившись в жуткую маску, он удвоил усилия, пытаясь отшвырнуть противника, тяжело дыша, не сводя глаз с крови, стекающей по губам Харпера.

Отчаянно пытаясь держаться, Харпер получил удар коленом в живот, судорожно выдохнул, сплюнул алыми каплями и прохрипел:

— Ничего не выйдет, ах ты...

Отпустив правое запястье Райли, он схватил его за горло обеими руками и надавил большими пальцами.

В этот миг в дверь ворвался Норрис с пистолетом в руке.

— Прекратите! — заорал он.— Прекратите, я сказал!

С чудовищной силой сбросив с себя Харпера, Райли хотел пнуть его в голову, но промахнулся. Вскочив, он яростно уставился на Норриса, не обращая внимания на пистолет, и потянулся к карману, но тут же растянулся во весь рост: Харпер, перекатившись, резко дернул Райли за ноги.

Снова сцепившись, оба покатились по полу, размахивая ногами. Высокий шкаф содрогнулся от толчка, наклонился и опрокинулся, засыпав кабинет множеством бумаг. Телефон свалился со стола, к нему добавились две бутылки чернил и одна с клеем. Посреди образовавшегося хаоса продолжали яростно драться двое.

Сжав губы, Норрис шагнул вперед с явным намерением прекратить драку. Появились Рауш и еще двое агентов. Вчетвером они отшвырнули Харпера в сторону и, поставив Райли на ноги, крепко в него вцепились.

Яростно ругаясь, Райли изобразил на лице приличествующее случаю негодование и возмущенно заявил:

— Похоже, он окончательно свихнулся. Напал на меня без предупреждения и без каких-либо причин. У него явно не все дома.

Сказано это было столь естественным тоном, что Норрис на мгновение подумал, не случилось ли и вправду что-то с Харпером прямо у них под носом, несмотря на все предосторожности.

— Поищите у него в кармане и увидите,— предложил Харпер, сидя на краю опрокинутого стола и промокая разбитые губы носовым платком.

Норрис полез в карман Райли, вытащил оттуда гранату и внимательно рассмотрел.

— Армейская модель, такая же, какая была у Баума.

Он пристально посмотрел на Райли.

— Интересно, как она оказалась у офицера полиции?

— Он больше не офицер полиции,— сказал Харпер.— И он больше не Райли. Отправьте его в Лабораторию биологических исследований. Он им сейчас очень нужен.

Эти слова вызвали у пленника внезапный приступ ярости. Его держали за руки, но ноги его были свободны. Пнув Норриса в живот, он вырвался и попытался выхватить у него гранату. Норрис согнулся пополам, но гранату не выпустил. Райли набросился на него, бессвязно бормоча и исходя пеной. Он издавал странные хныкающие звуки, черты его лица исказились до неузнаваемости.

Один из агентов ударил его дубинкой. Райли пошатнулся, руки его безвольно повисли. Агент нанес еще один безжалостный удар. Райли обмяк, словно пустой мешок. Он лежал с закрытыми глазами, сжав губы, с которых срывалось странное бульканье.

— Не люблю тех, кто бьет в живот,— сказал агент.

Норрис с трудом выпрямился, лицо его побелело. Он протянул агенту гранату.

— Уберите ее куда-нибудь, где она не сможет причинить вреда.

— То же самое касается ее владельца,— напомнил Харпер.— Свяжите его, чтобы он не смог задушить себя собственноручно, и отправьте в Биолабораторию.

— Он?..

— Да. И это моя вина. Он побывал здесь, и это стоило ему его души.

— Я думал, вы можете почуять их приближение,— недовольно сказал Норрис.— Какой смысл охранять вас в радиусе полумили, если они могут запросто войти и...

— Я знал, что он сюда идет.

— Тогда почему не сказали? Я слушал ваш разговор, и мне он показался явно подозрительным. Вы зачем-то пытались его провоцировать. Но поскольку вы не поднимали тревоги, мы...

— Послушайте,— твердо заявил Харпер,— сейчас не время объясняться и выяснять причины случившегося. Отправьте его к доктору Лимингу в Биолабораторию, как можно скорее. И не давайте ему ни малейшего шанса покончить с собой по дороге. Я вас прямо предупреждаю — если он не сумеет сбежать, он убьет себя любыми доступными средствами. Его нужно доставить живым и невредимым.

— Хорошо.

Норрис кивнул остальным. Те подняли Райли, который все еще был без сознания, скованный наручниками по рукам и ногам, и унесли.

В очередной раз промокнув губы, Харпер уныло уставился на руины своего кабинета, пытаясь оправиться от физического и душевного потрясения. Безумные обстоятельства вывернули наизнанку старый закон, сделав непреложным обратное: «Нет больше той любви, аще кто положит души друзей своих за себя»*.

Ужасно, ужасно!

Вошла Мойра со словами:

— Я забыла все свои деньги, поэтому не смогла...

Она остановилась, широко распахнула глаза и судорожно вздохнула.

---

* Перефразированное: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Евангелие от Иоанна, 15, 13).

— Ради всего святого, мистер Харпер, что случилось?

— Я слишком сильно чихнул.

Перевернув стол и поставив кресло на ножки, он сел и погрузился в размышления, пока Мойра собирала с пола бумаги. Неожиданно Харпер хлопнул себя рукой по лбу и воскликнул:

— Чем старше я становлюсь, тем делаюсь глупее!

Он выскочил на улицу. Мойра стояла на коленях посреди кабинета, уставившись ему вслед.

На тротуаре стояли Норрис и Рауш, сунув руки в карманы и глядя вслед двум быстро удаляющимся полицейским автомобилям.

— Его увезли,— сообщил Норрис.— Передадут Лимингу с рук на руки.

С некоторым сомнением он добавил:

— Надеюсь, вы знаете, что делаете. Если мы и на этот раз ошиблись, проблем не оберешься.

— Вы еще не имели дела даже с половиной проблем,— поспешно сказал Харпер.— У него дома скрывается целая компания таких же. Более того, у меня есть все основания считать: они поняли, что Райли схватили, как только его оглушили дубинкой. Десять шансов к одному, что они намерены бежать. Вам придется действовать очень быстро, чтобы задержать их.

— Мы не можем прыгнуть выше головы,— с безразличным видом ответил Норрис, не двигаясь с места.

— Там Макдональд и еще несколько,— настаивал Харпер. Он раздраженно посмотрел на Норриса.— Так вы собираетесь что-нибудь сделать или я должен заняться этим сам?

— Спокойнее,— с легкой улыбкой посоветовал Норрис.— Мы прекрасно знаем, где живет Райли. За ним время от времени следили.

— И что?

— Когда его забрали, следующим логичным шагом стала облава у него дома. Туда отправились двадцать человек на пяти машинах. Они схватят любого, до кого сумеют добраться. Потом, если потребуется, мы прибегнем к вашим услугам, чтобы узнать, кто есть кто.

— Значит, вы меня опередили?

— Порой бывает и такое,— снова улыбнулся Норрис.— Не можете же вы всегда и везде быть первым. Никто на такое не способен, будь он хоть семи пядей во лбу.

— Спасибо за напоминание. Пошлите кого-нибудь, пусть поищет вокруг мусорных баков немного пепла, ладно? Хочу посыпать им голову.

Харпер вернулся в контору. Мойра уже успела навести некое подобие порядка. Убрав в шкаф последние разбросанные бумаги, она с грохотом захлопнула дверцу и посмотрела на Харпера, словно многострадальная мать на безответственного ребенка. Впрочем, его это нисколько не уязвило.

— Спасибо, ангел мой. Иди пообедай.

Подождав, пока она уйдет, Харпер снял трубку телефона и позвонил по межгороду Лимингу.

— К вам сейчас везут живой экземпляр, и, если повезет, скоро будет еще несколько. Только не говорите мне, что вы собираетесь сделать с первым. Не хочу этого знать.

— Почему? — полюбопытствовал Лиминг.— Это кто-то из ваших близких?

— Да. Большой неуклюжий добродушный полицейский, которого я знал много лет. Мне страшно подумать о том, что вы будете его резать.

— Его никто не будет резать. Все, что нам было нужно, мы уже проделали на трупах. Живые жертвы будут использованы в качестве подопытных для испытаний возможной вакцины.

— Каков шанс, что удастся создать подходящее лекарство? — спросил Харпер.

— Есть другая, куда более серьезная проблема,— ответил Лиминг.— А именно — сумеем ли мы найти лекарство вовремя. Мы можем добиться успеха и вместе с тем потерпеть неудачу, если успех придет слишком поздно.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— На данном этапе я не готов брать на себя какие-либо обязательства. Мы не единственные, кто этим занимается. В подобной критической ситуации правительство обращается ко всем, кто может оказать помощь, включая частные лаборатории. Кому-то другому может повезти больше, и он найдет решение раньше нас. Все, что мы можем,— работать не щадя сил и молиться.

— Если действенную вакцину удастся создать, она будет безопасной? — продолжал расспрашивать Харпер.

— В каком смысле?

— Не окажется ли лекарство немногим лучше, чем болезнь?

— К чему, черт побери, вы клоните?

— Я хочу вам кое-что сказать,— поколебавшись, продолжал Харпер.— Этот вирус не в состоянии самостоятельно мыслить, точно так же, как вы не в состоянии управлять несуществующим автомобилем. Но он может мыслить, когда в его распоряжении есть чей-то мозг. И я знаю, о чем он, в числе прочего, думает. Он смертельно боится менингококка.

— Что? — ошеломленно воскликнул Лиминг.

— Я сообщаю вам совершенно реальный факт. У этого внеземного кошмара есть собственный кошмар. Ни одно живое существо не может одновременно быть им заражено и болеть спинномозговым менингитом. Что-то должно уступить, и уступает именно вирус.

— Откуда вы об этом узнали?

— От одной из жертв. Той самой, которую сейчас везут к вам.

— Каким образом?

— Он сообщил мне об этом, сам того не сознавая. Он назвал источник своего навязчивого страха, а теперь я говорю об этом вам.

Лиминг глубоко вздохнул, глаза его возбужденно вспыхнули.

— Вполне возможно. В самом деле, может быть и так. Область местной инфекции одна и та же. Головной и спинной мозг. Вы ведь понимаете, что это значит — борьба за жизненное пространство.

— Предположим, вы введете кому-то менингококк,— продолжал Харпер,— и человека можно будет считать излечившимся от чужеродной болезни. Но как он отреагирует на само лекарство?

— Это нам еще предстоит выяснить,— с мрачной решимостью сказал Лиминг.

— Что ж, у меня нет иного выбора, кроме как предоставить разбираться вам. Все, о чем я прошу: помните, что ваш первый подопытный — мой друг.

Положив трубку, Харпер некоторое время сидел за столом, сгибая и разгибая пальцы, потом уронил голову на руки, пробормотав:

— Не кто иной, как Райли и его жена. Бедняги!

Во второй половине дня Норрис вызвал Харпера из кабинета так, чтобы не слышала Мойра.

— Арестовали миссис Райли, миссис Рид и двоих мужчин по фамилии Фарли и Мур. Как выяснилось, женщины — родные сестры. Фарли и Мур были друзьями Ридов. У Мура имелись близкие деловые контакты с братьями Баум. Ясно прослеживается связь и то, каким образом зараза передавалась от одного к другому.

— Они сопротивлялись?

— Еще как! Когда наши ребята ворвались в дом, там никого не оказалось и входная дверь была открыта. Крысы бросились бежать, но скрыться из виду не успели. Миссис Райли, Фарли и Мура задержали на улице в полумиле оттуда. Потребовалось по трое на каждого, чтобы их скрутить.

— А что с остальными? — спросил Харпер.

— Миссис Рид задержали в магазине, где она пыталась смешаться с толпой. Она дралась, как дикая кошка. Сам Рид предпочел броситься с крыши, чтобы не попасть в руки полиции. Макдональда обнаружили на парковке, где тот пытался угнать машину. Он был вооружен и отстреливался до конца.

— Он мертв?

— Да. Как и Лэнгли, по той же самой причине. Взять его живым оказалось невозможно.

— А что насчет Гоулда?

Норрис сделал шаг назад.

— В каком смысле — насчет Гоулда?

— Он тоже был там, в доме Райли.

— Вы уверены?

— Уверен.

Норрис не стал возражать, лишь сказал:

— Его и след простыл. Но его обязательно найдут.

Немного подумав, он добавил:

— Сейчас мы отслеживаем всех, кто общался с этой компанией, и арестовываем, как только удается их найти. Таких мо-

тут оказаться сотни. Любой, кто оказывался в радиусе ярда от них, может быть задержан для допроса. Так что будьте готовы на них взглянуть, когда мы выстроим их перед вами в ряд.

— Ладно.

— На это могут уйти недели, возможно, месяцы.

— Придется пострадать.

Харпер задумчиво посмотрел на него.

— Вы говорите, в доме Райли было пусто, когда туда прибыли ваши люди?

— Да.

— Кто предупредил их о том, что нужно срочно уходить?

— Никто,— сказал Норрис.— Когда Райли не вернулся вовремя, они встревожились и сбежали.

— Я более чем уверен,— заявил Харпер,— что их предупредили.

— Кто?

— Сам Райли, невольно. Он потерял сознание, и для них этого оказалось достаточно. Они сбежали в тот самый миг, когда один из ваших парней стукнул Райли дубинкой по голове. Они поняли, что его схватили.

— Не понимаю, каким образом,— возразил Норрис.

— Не имеет значения. Я просто говорю вам, что каждый из них сразу же узнает, когда другого выводят из строя.

— В любом случае, что с того?

— В Биолаборатории держат зараженную собаку. У меня такое чувство, что рано или поздно животное сумеет позвать на помощь. Это всего лишь предположение, не более того. Как насчет того, чтобы убедить Джеймсона поставить там охрану?

— Там уже есть охрана. Вы прекрасно знаете, раз сами там были.

— Военная охрана. Она не готова к проблемам такого рода.

— Здесь опознанием врага занимаетесь вы,— сказал Норрис.— Кто будет заниматься этим там?

— Я.

— На таком расстоянии?

— Я отправлюсь туда. Я постоянно нахожусь в центре внимания врага, где бы я ни был. Та собака для них — точка притяжения, как и каждая живая жертва, находящаяся в наших руках.

Стоит собрать все жертвы вместе, и враг, движимый стремлением спасти своих, обуреваемый местью и желанием остаться неузнанным, неминуемо устремится в это место всем скопом, сделав ставку на совместные усилия. Для нас это единственный шанс покончить с противником одним ударом.

— Я свяжусь с Джеймсоном и попрошу его поговорить с генералом Конуэем,— сказал Норрис.— План действительно стоит того, чтобы над ним подумать.

— Заодно можете сказать Джеймсону, что я туда уже еду, независимо от того, что он решит.

— Вы не можете так поступить.

— Могу. Только попытайтесь мне запретить и сами увидите, что получится,— усмехнулся Харпер.— Я свободный человек и намерен оставаться таковым без любезного разрешения Конуэя или кого-нибудь еще.

— Но мы с Раушем должны быть рядом с вами,— возразил Норрис.— И наша задача — стеречь здешнюю ловушку, которая работает; посмотрите только на сегодняшнюю добычу.

— Приманка перемешается к крысиной тропе получше и покрупнее,— ответил Харпер.— Хотите поехать со мной — дело ваше.

Вернувшись в кабинет, он нашел свой портфель, проверил его содержимое и сказал Мойре:

— Остаешься за старшую. Отправляй продукцию заказчикам, извинись перед ними за мое отсутствие и клади прибыль в банк. Папа отправляется в новое путешествие.

Норрис и Рауш погрузились в машину Харпера, когда тот уже собирался тронуться с места.

— Мы будем сидеть у вас на хвосте, что бы вы ни делали,— заявил Рауш.— Ваш завод остается под охраной. Но если туда явится кто-то из *тех*, предупредить нас будет некому.

— То же касается и Биолаборатории, которая теперь для них куда более соблазнительная цель.

Харпер вырулил на середину улицы.

— А я не могу находиться в двух местах одновременно.

Следом за ним ехала еще одна машина с агентами. Проезжая через город, Харпер мысленным взором обшаривал окрестности. Он решил, что на этот раз не упустит даже самый сла-

бый отзвук чуждой мысли. Теперь он сам сидел за рулем и сам отправится за чужаком в погоню.

Но ничего не было слышно. Они выехали за город, так и не ввязавшись в лихорадочное преследование одиночки, маскирующегося в толпе под человека. Это вовсе не значило, что Гоулд или его сообщники сбежали из города; это значило лишь, что они прячутся где-то вне радиуса действия телепатических способностей Харпера.

Спустя час после наступления темноты машина свернула к окруженному забором и тщательно охраняемому месту своего назначения. Норрис немедленно позвонил Джеймсону и коротко доложил ему о последних событиях. Некоторое время спустя Джеймсон перезвонил.

— Вы своего добились,— сообщил Харперу Норрис.— Конуэй распорядился принять особые меры для охраны Биолаборатории.

— Если только я не ошибся в своих расчетах, они нам понадобятся.

Они действительно понадобились.

Атака последовала четыре дня спустя, когда стало уже казаться, будто ничего не произойдет. И организована она была так, как могли организовать атаку только управляемые чужой волей умы, располагающие информацией двух миров и пытающиеся объединить тактику обоих. План представлял собой компромисс между тайным проникновением и прямым штурмом.

Около полудня к воротам, преграждавшим главный вход, подъехал большой, официального вида автомобиль. Водитель был одет в форму сержанта военной полиции, его единственным пассажиром был седой властный человек в форме четырехзвездного генерала. Сержант показал часовому внушительный пропуск с подписью и печатью, украшенный большим гербом. Часовой не спеша взглянул на него, даже не пытаясь открыть ворота. Он почувствовал запах эвкалипта.

— Быстрее! — властно поторопил сержант под суровым взглядом генерала.

Часовой медлил, хотя и слегка нервничал из-за присутствия высокопоставленного командира. За последние несколько дней

его хорошо обучили, и он понимал, что ворота должны оставаться закрытыми даже для самого Господа Бога, если только в находящейся рядом будке не раздастся звонок, разрешающий войти.

Звонок не раздался. Наблюдавший за ними из будки за забором агент нажал кнопку. Сигнал в здании, находившемся в четверти мили от ворот, привлек внимание Харпера. Прекратив разговор с Раушем, он прислушался и нажал еще на одну кнопку. Из будки послышался пронзительный писк, и над главным зданием взвыла сирена тревоги.

Вздрогнув, часовой выронил пропуск и направил пистолет на сержанта. Из будки выскочили четверо агентов с оружием в руках. Еще десяток появились на дороге позади машины.

И снова захваченные внеземным вирусом продемонстрировали свое нечеловеческое презрение к пулям и смерти. С бесстрастным лицом сержант бросил машину вперед. Часовой выстрелил за две секунды до того, как капот ударил его в грудь. Машина врезалась в самую середину ворот и взорвалась.

Ворота, будка, машина, оба сидевшие в ней, часовой и шестеро агентов были разнесены в клочья. Еще четверо агентов лежали мертвые. Шестеро стонали возле забора, раненые, но живые.

По дороге промчались два тяжело нагруженных автомобиля и устремились в пролом. Раненые агенты стреляли в них, но безрезультатно.

Ни одна из машин не смогла преодолеть за разрушенными воротами и двадцати ярдов, несмотря на свою бешеную скорость. Тревога была поднята слишком быстро, и к такому повороту событий все заранее приготовились.

Ехавшей впереди машине преградил дорогу восьмитонный танк, изрыгающий огонь из трех амбразур; он обстреливал цель со скоростью две тысячи пуль в минуту. Машину занесло на траве, она перевернулась, разбрасывая вокруг осколки стекла, куски металла и брызги крови. Внутри никто не шевелился.

Машина, следовавшая за ней, остановилась сразу за забором, из нее выскочили восемь человек, которые рассыпались веером и побежали, стараясь не попасть под обстрел. Не обращая на них внимания, танк деловито расплющил их автомобиль.

Чуть дальше послышалось громкое шипение, и перед бегущей восьмеркой поднялось облако густого тумана. Это их не

остановило — они продолжали бежать, пока еще через двадцать ярдов один за другим не упали без чувств.

Двое выронили гранаты, которые сжимали в руках, когда ядовитый туман лишил их сознания. Сработали детонаторы, последовали два коротких взрыва. В воздух полетели комья земли и клочья плоти.

Пока люди в масках уносили оставшихся шестерых, танк, тарахтя гусеницами, проехал вперед и перекрыл собой ворота. По другую сторону территории слышались выстрелы и крики — шесть человек застрелили двух патрулировавших периметр часовых, перелезли через забор и угодили в ловушку. Безрассудная тактика, полагавшаяся на успех отвлекающего маневра у ворот.

Спустя пять минут после того, как сражение закончилось, конвой из бронированных автомобилей отправился объезжать окрестности в радиусе пятидесяти миль. Харпер сидел в первом из автомобилей. Спустя два часа он уловил единственный след.

— Туда! — сказал он, показывая на заброшенную ферму.

Итогом облавы стали три трупа и два тяжелораненых пленника.

К рассвету поиски завершились, но никого больше так и не нашли. Харпер вернулся с покрасневшими глазами, растрепанными волосами, сытый всем этим по горло.

— Гоулд был в той, первой машине,— сообщил Норрис.

— Мертв?

— Все мертвы, все девять. Танк хорошо постарался.

Агент пожал плечами.

— Теперь наша задача — выяснить личности всех, включая тех, кого разорвало на куски. Затем мы должны найти всех, с кем они общались, и доставить к вам для проверки. Похоже, мне придется заниматься этим до скончания лет.

В комнату вошел Лиминг, бледный и усталый от недосыпания.

— Я хотел бы, чтобы вы пошли взглянуть,— обратился он к Харперу.

Проведя Харпера по длинным коридорам, где на каждом углу стоял вооруженный часовой, Лиминг подошел к ряду забранных толстой решеткой камер и показал на одну из них.

— Что скажете? — с тревогой в голосе спросил он.

Харпер заглянул внутрь. Там, на краю койки, тупо глядя перед собой, сидел Райли в одних трусах и носках. Взгляд его был тусклым, на мясистом лице застыло по-детски удивленное выражение.

— Ну? — поторопил Лиминг.— Вирус побежден?

— Да,— без особой радости ответил Харпер.

— Вы можете с уверенностью сказать, что в его организме вируса больше нет?

— Да.

Поколебавшись, Лиминг мрачно проговорил:

— Я ввел ему то, чего, по вашим словам, он больше всего боялся. Мы должны были попытаться, у нас не было времени ждать, когда будет готова вакцина. Безопасность человечества важнее жизни индивидуума. Я пригласил Готлиба и Матерса с Базы бактериологического оружия, и мы попробовали.

Харпер промолчал.

— Это действительно оказалось лекарством,— продолжил Лиминг.— Физически оно не вызывает побочных эффектов. С этой точки зрения у него нет никаких симптомов менингита. И все же ему пришлось заплатить некоторую цену. Я это знаю, но мне нужно ваше подтверждение.

Он посмотрел на Харпера, словно надеясь на один шанс из тысячи, что окажется неправ.

— Какова эта цена?

— Безумие,— сказал Харпер.

— Мне жаль это слышать.

Лиминг немного помолчал, ощущая горький вкус победы, затем со слабой надеждой проговорил:

— В соседней камере — еще один. По фамилии Мур.

Харпер подошел к решетке.

— То же самое,— заявил он.

А потом внутри у него словно что-то взорвалось, и он рявкнул:

— Им лучше было бы умереть! Слышите? Их мозги превратились в кашу, от их разума ничего не осталось, им лучше было бы умереть!

— Их и так можно считать мертвыми,— ответил Лиминг, словно защищаясь.— Они уже были мертвы, когда их ко мне доставили. Я не могу восстановить потерянную человеческую душу,

не могу ее вернуть. У науки есть свои пределы. Когда же она научится творить такое, она перестанет быть наукой. Самое большее, что мы можем сделать — защитить общество, уничтожив источник инфекции. И это нам удалось.

— Знаю, знаю. Не думайте, будто я в чем-то обвиняю вас или кого-то другого.— Харпер успокаивающе похлопал Лиминга по плечу.— И не вините себя. Это просто моя нелогичная привычка — сожалеть о самых отвратительных жизненных фактах, даже если они непреложны.

— Все, что можно будет сделать,— будет сделано,— заверил Лиминг, слегка приободрившись.— Мы введем всем такую же вакцину — по крайней мере, это быстро и надежно. Потом ими займутся лучшие специалисты по душевным болезням. Это уже не моя область, но я бы не стал говорить, что им невозможно помочь. Возможно, другим врачам удастся вернуть их к нормальной жизни.

— Никогда,— уверенно заявил Харпер.— Поле боя у лаборатории — бесплодная земля, изрытая воронками, усыпанная обломками и пропахшая запахом разложения. Точно так же выглядят их мозги.

Он ушел, нервно ломая пальцы. Война за планету была выиграна — как обычно, благодаря тому, что некоторые пожертвовали собой ради многих. Некоторые — лучшие представители человечества. Так всегда было и так всегда будет.

Прошло еще два года, прежде чем стихли последние отголоски сражения. Это случилось, когда Харпера вызвали, чтобы дать заключение о небольшой группе напуганных людей, найденных наконец в самых отдаленных местах. Они были последними из общавшихся с зараженными. Как оказалось, от внеземного вируса никто из этих людей не пострадал.

За долгое время Харпер проверил восемь с лишним тысяч подозреваемых, многих из которых доставили из-за океана при содействии предупрежденных и бдительных правительств других стран. В первую неделю он обнаружил четырех мужчин, которые уже не были людьми, а во вторую неделю — одну такую женщину. После не нашлось ни одного чужака. Мир очистился от инопланетной заразы.

Пропавший космический корабль был найден на глубине в шестьсот футов на дне залива Пьюджет-Саунд, и его до сих пор по частям постепенно поднимали на поверхность. Ученые занимались разработкой надежных средств защиты для второй венерианской экспедиции и искали эффективное оружие, с помощью которого можно было бы освободить вендов, подвижных лемуроподобных смышленых созданий, которые умели говорить.

«Вар сильвин, венд?»

Лунная строительная компания выиграла процесс, и власть имущие на законных основаниях получили по рукам. Награда в пять тысяч долларов положила начало фонду в помощь семьям астронавтов, и общая сумма уже превысила миллион. С точки зрения Харпера, на данный момент это были два самых приятных события.

Но никто больше не распахивал могучей рукой его дверь, никто не сбрасывал с его стола бумаги, чтобы усесться на столешницу, никто не отнимал у него время для обмена оскорблениями. Райли был далеко, в большом сельском доме, где помогал ухаживать за садом, выполнял мелкие поручения, улыбался чирикающим воробьям. Когда приходило время сна, его укладывали в постель. Как и остальные ему подобные, он стал большим ребенком и никогда уже не мог сделаться другим. Никогда, никогда, никогда.

Что касается самого Харпера, последствия всей этой истории должны были остаться с ним навечно. Не только в воспоминаниях, но и в повседневной жизни.

Он расширил свой бизнес, занявшись производством вспомогательной продукции. На его заводе теперь работали сорок человек. Один из них, Вайсс, был не только опытным инженером, но и тайным правительственным агентом — глазами Конуэя. Можно было, конечно, уволить этого человека, ослепив таким образом Конуэя,— но тогда к Харперу приставили бы кого-нибудь другого. И избежать этого не было ни малейшей возможности.

Его почту просматривали. Много раз Харпер подозревал, что его телефон прослушивается. Каждый раз, когда он отправлялся куда-нибудь на машине или в самолете, кто-то неотступно следовал за ним. Раз в месяц звонили Норрис или Рауш и за-

водили разговор о пустяках с целью дать понять, что память у властей долгая и они ничего не прощают.

Им требовалось постоянное доказательство того, что Харпер останется единственным телепатом до конца своих дней, или же, напротив, свидетельство того, что рыбак рыбака начинает видеть издалека. Одного Харпера было вполне достаточно. Двое были бы уже опасны. Десяток телепатов могли бы вызвать немалый кризис.

Несмотря на то что дела у Харпера шли все лучше, он был раздражен, разочарован и отчаянно одинок. Он испытывал обжигающее душу одиночество редкого зверя в зоопарке, которого постоянно разглядывают сотни любопытных. Порой Харперу казалось, что его бы с удовольствием пристрелили и набили из него чучело, если бы не теоретическая возможность повторения недавних событий. Он мог снова понадобиться властям.

Да, его боялись, но куда больше боялись другого.

Из этой ситуации не было иного выхода, кроме как с головой уйти в работу, сосредоточиться на деле, выбросив из головы все остальное,— чем Харпер и занимался, по мере сил. Завод вырос, микроманипуляторы стали лишь малой частью его продукции. Харперу была уготована судьба богатого человека, запертого в тюрьме размером с весь мир.

Прошло еще тридцать месяцев — всего четыре с половиной года. А потом случилось чудо. В это невозможно было поверить, но так оно и было.

Харпер собирался вывести машину с парковки, как вдруг ощутил быстро промелькнувшую чужую мысль. Ему показалось, будто его ударили по голове. Направление и расстояние определились автоматически — примерно четыре мили к югу. Расстояние, намного превышавшее его обычный радиус восприятия.

Чувствуя, как вспотела лежащая на ручке дверцы ладонь, Харпер стоял и вслушивался, ища источник мыслей... И нашел его. Источник не был внеземным — так показалось лишь из-за того, что он был новым и странным, никогда не встречавшимся прежде. Он был мощным и чистым, отличавшимся от других мысленных потоков, как шампанское отличается от воды.

Харпер послал мысленный импульс и тут же получил ответ, в котором чувствовалось такое же потрясение, какое испытывал он сам. Он сел в машину, чувствуя, как дрожат руки. Мысли

возбужденно бурлили в голове, под ложечкой слегка посасывало. Некоторое время он сидел, глядя сквозь ветровое стекло, словно погрузившись в мечты. Наконец поехал в большой ресторан и заказал обед.

Она сидела в одиночестве за столиком в противоположном конце зала. Рыжеватая блондинка, невысокая, пухленькая, лет тридцати с небольшим. Лицо в симпатичных веснушках, носик слегка вздернут. Девушка ни разу не взглянула в его сторону — и Харпер, уходя, не обратил на нее никакого внимания.

После этого они часто встречались, ни разу не приближаясь друг к другу и не обмениваясь ни единым словом. Иногда он обедал в одном месте, а она пила кофе в другом, на расстоянии в полмили. Порой он о чем-то рассеянно думал у себя в кабинете, а она погружалась в задумчивость в далеком магазине. Они ходили на один и тот же спектакль: он сидел в одной части зала, она — в другой, и оба почти не замечали представления.

Они ждали — ждали, когда обстоятельства изменятся таким естественным образом, чтобы не возбудить подозрений у наблюдателей. Оба знали, что подобный случай приближается. На пальце Мойры появилось кольцо с бриллиантом.

В положенное время Мойру проводили с поздравлениями и свадебным подарком. На объявление о поиске ее преемницы откликнулись двадцать девушек. Харпер побеседовал со всеми одинаково вежливо, задавая одни и те же вопросы и не выказывая предпочтений ни одной из кандидаток.

Наконец он выбрал Фрэнсис, рыжеватую блондинку с полноватой фигурой и вздернутым носиком.

Десять дней спустя со своим обычным визитом явился Норрис, посмотрел на новенькую и одарил ее приятной улыбкой, мысленно решив, что девушка вполне симпатичная, но не более того. Он завел с ней пустяковый разговор, в то время как Харпер слушал, мечтательно уставившись в некую точку за спиной агента.

«В пятидесятый раз — выйдешь за меня замуж?»

«В пятидесятый раз — да. Но тебе придется потерпеть. Не все сразу».

— Так вот, этот парень сунул управляющему пачку документов, подтверждавших, что он — банковский служащий из головной конторы,— болтал Норрис.— Управляющий повелся, и...

Агент прервал рассказ и проговорил уже громче:

— Эй! Вы меня слушаете?

— Конечно. Продолжайте. Не могу дождаться развязки истории.

«Я не хочу терпеть. Не хочу ждать. Я хочу жениться на тебе сейчас же».

«Ты сам прекрасно знаешь — мы должны быть осторожны».

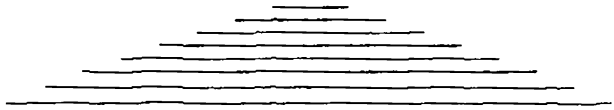
«Я хочу, чтобы у нас были дети, такие же, как мы».

«Подожди!»

Она вставила лист в пишущую машинку, поправила бумагу и улыбнулась. Лицо ее порозовело.

— Это его и погубило,— закончил Норрис, пребывая в полном неведении о только что разыгравшейся немой сцене.— Он на всю жизнь оказался связан по рукам и ногам.

— Разве все мы не связаны точно так же? — заметил Харпер, ничем не выдавая своей радости.



Ближайший родственник

Глава 1

Он знал, что снова зря высунул нос, но отступать было уже слишком поздно. С ним так бывало с раннего детства — он принимал вызов и тут же сожалел об этом. Говорят, на ошибках учатся; будь так, человечество уже давно избавилось бы от глупости. В свое время он получил немало жизненных уроков, но бо́льшая их часть забылась через неделю. Итак, в очередной раз он попал в переплет; теперь, конечно, придется выкручиваться самому.

Он постучал в дверь еще раз, чуть сильнее, но не слишком назойливо. За стеной скрипнуло кресло и хриплый голос с оттенком явного нетерпения ответил:

— Войдите!

Войдя в комнату, он встал у стола по стойке «смирно»: подбородок вздернут, руки по швам, ступни развернуты под углом сорок пять градусов.

«Как робот,— подумал он,— как чертов робот».

Адмирал флота Маркхэм оглядел его из-под кустистых бровей. Холодный взор медленно скользнул с ног до головы и обратно.

— Ты кто такой?

— Офицер-разведчик Джон Лиминг, сэр.

— Ах да.— Взгляд Маркхэма на мгновение застыл, и вдруг он прорычал: — Застегни ширинку!

Лиминг смущенно потупился:

— Не могу, сэр. Молния сломалась.

— Так почему же ты не зашел к портному? Для этого на базе и существует мастерская, верно? Неужели твоему командиру нравится, когда его люди вваливаются ко мне в таком виде? Ты что себе, черт побери, позволяешь?

© Перевод Т. Науменко и М. Науменко.

— У меня на это не было времени, сэр. Молния сломалась всего несколько минут назад,— объяснил Лиминг.

— Это правда? — Адмирал флота Маркхэм откинулся в кресле и нахмурился.— Идет война, галактическая война. Для того чтобы успешно вести ее и победить, мы должны целиком и полностью полагаться на наш космический флот. И чертовски скверно, когда флот идет в бой с расстегнутыми штанами.

Поскольку адмирал явно ждал ответа, Лиминг не замедлил его дать.

— При всем уважении к вам, сэр, я не считаю, что это так уж важно. В бою человеку все равно, что у него со штанами. Главное — остаться в живых.

— Согласен,— кивнул Маркхэм.— Однако меня беспокоит другое — ведь уставу могут не соответствовать и иные, более важные вещи. Если наши добровольцы не избавятся от гражданских привычек в мелочах, они определенно проиграют в главном. Подобные ошибки могут стоить жизни.

— Да, сэр,— ответил Лиминг, недоумевая, к чему тот клонит.

— Возьмем, к примеру, новый неиспытанный корабль,— продолжал Маркхэм.— Если он ведет себя так, как это предусмотрено конструкторами, то все как нельзя лучше. А если нет...— Он не закончил фразу и, помолчав, добавил: — Мы объявили набор добровольцев в дальние разведывательные патрули. Ты вызвался первым. Я хочу знать — почему.

— Если нужно выполнить работу, то ведь кто-то же должен за нее взяться,— уклончиво ответил Лиминг.

— Это я и так прекрасно понимаю. Но я хочу знать конкретно: почему ты пошел добровольцем.— Он сделал паузу, а потом настойчиво потребовал: — Давай говори! Я не стану наказывать парня, идущего на такой риск, если он скажет мне правду — какой бы она ни была.

Почувствовав одобрение адмирала, Лиминг начал:

— Я люблю действовать. Люблю работать в одиночку. Терпеть не могу всю эту муштру на базе. От нее меня просто тошнит. Смирно, вольно, грудь колесом, живот убрать, ботинки надраить, постричься, не смотри на меня как придурок, отставить разговорчики... Я квалифицированный пилот-разведчик, а не манекен для словесных упражнений горлодеров в форме. И хочу заниматься делом, которое мне по душе, вот и все.

Маркхэм не выказал гнева. Напротив, он понимающе кивнул.

— Большинство из нас считает так же. Земляне — непоседливый народ. Ты думаешь, мне интересно торчать здесь, за столом, когда разворачивается главное сражение? — Не ожидая ответа, он добавил: — Я не хочу убивать время на тех, кто пошел в добровольцы из-за несчастной любви или для того, чтобы потом хвастать напропалую. Мне нужен опытный пилот, одиночка и непоседа.

— Да, сэр.

— Кажется, ты подходишь. Пилотское удостоверение у тебя первоклассное. Но дисциплинарная карточка — хуже некуда.— Адмирал с каменным лицом уставился на Лиминга.— Два случая невыполнения приказа, четыре случая дерзкого поведения и неповиновения. Один раз ты встал в строй в фуражке, надетой задом наперед. Какого черта тебе это понадобилось?

— Накатило настроение, когда хочется всех послать, сэр,— объяснил Лиминг.

— Да? В таком случае ты — ходячая обуза. Без тебя на базе все вздохнут спокойно.

— Да, сэр.

— Как тебе известно, мы, вместе с несколькими союзниками, сражаемся с крупным космическим сообществом, которое возглавляют латиане. Размеры сил врага нас не беспокоят. Там, где мы уступаем в количестве, мы превосходим в умении и эффективности. Наш боевой потенциал огромен и быстро растет. В конце концов мы с этих латиан шкуру сдерем заживо.

Поскольку Лимингу надоело поддакивать, он воздержался от комментариев.

— У нас есть одно серьезное затруднение,— сообщил Маркхэм.— Отсутствие точной информации о вражеских тылах — я имею в виду глубокие космические тылы. Мы знаем, на какую ширину раскинулось сообщество, но не представляем, как глубоко оно уходит в звездное пространство. С другой стороны, враг тоже не имеет о нас подобной информации; но это уже его проблема.

Лиминг опять промолчал.

— Продолжительность полета обычного боевого корабля не позволяет разведчику копнуть поглубже тылы Сообщества. Мы

справимся с этим затруднением, когда захватим пару-тройку их баз на планетах, близких к фронту,— вместе с ремонтным и заправочным оборудованием. Однако мы не можем ждать так долго. Нашей разведывательной службе требуются точные данные — и как можно быстрее. Ясно?

— Да, сэр.

— Отлично! Итак, мы создали новый сверхскоростной корабль-разведчик. Я не имею права объяснять тебе все принципы его устройства, кроме одного: в нем нет цезиевых ионных двигателей. Его силовая установка строго засекречена. Поэтому он не должен попасть в руки врага. В крайних обстоятельствах пилот обязан уничтожить корабль, даже если это означало бы его собственную смерть.

— Полностью уничтожить корабль, пусть даже небольшой, гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд, сэр.

— Только не этот,— возразил Маркхэм.— В его силовом отсеке расположен мощный заряд взрывчатки. Пилоту нужно лишь нажать кнопку, чтобы двигатель разнесло на мелкие кусочки.

— Понятно.

— Заряд — единственная взрывчатка на борту. У корабля нет ни пушек, ни управляемых ракет, ни другого оборудования. Это предельно облегченная машина, в которой ради скоростных качеств пожертвовано всем лишним; его единственное спасение — шустро смыться подобру-поздорову. А на это, уверяю тебя, корабль вполне способен. Вруби все двадцать двигателей — и никто в нашей галактике не сможет тебя догнать.

— По мне — неплохо звучит, сэр,— одобрительно заметил Лиминг, облизывая губы.

— Это отличный корабль. Он просто обязан быть отличным. Единственное, что нам неизвестно,— достаточно ли он хорош, чтобы вынести все передряги долгого, очень долгого полета. Самая ненадежная часть любого космического корабля — дюзы. Рано или поздно они выгорают. Меня тревожит именно это. На новом корабле дюзы защищены специальной внутренней обшивкой; теоретически, они должны выдержать многие месяцы работы. Но на практике может и не получиться. Понимаешь, к чему я клоню?

— Ни ремонта, ни запчастей на вражеской территории и никакого способа вернуться обратно,— кивнул головой Лиминг.

— Верно. Причем корабль должен быть уничтожен. И с этого момента пилот, если ему удалось выжить, окажется один, совсем один в просторах Вселенной. Шансов вновь увидеть человечество у него практически никаких.

— Бывают ситуации и похуже. Я бы предпочел остаться живым неизвестно где, чем трупом здесь. Пока живешь — надеешься.

— Ты все еще хочешь рискнуть?

— Конечно, сэр.

— Тогда пеняй, несчастный, на себя,— с мрачным юмором произнес Маркхэм.— Ступай по коридору, седьмая дверь направо. Доложить полковнику Фармеру. И скажи, что тебя прислал я.

— Есть, сэр.

— Но сначала попробуй застегнуть свою чертову ширинку. Сейчас же, при мне!

Лиминг покорно повторил попытку. Молния застегнулась как по маслу. Он изумленно уставился на адмирала с выражением оскорбленной невинности.

— То-то,— многозначительно промолвил Маркхэм.— Я сам начинал с рядовых и еще не забыл такие проделки. Меня не проведешь!

Полковник Фармер из военной разведки оказался тучным и краснолицым. Несмотря на туповатый вид, он был весьма проницателен. Когда Лиминг вошел в кабинет полковника, тот изучал огромную карту звездного неба, висевшую на стене. Фармер резко обернулся, будто ожидал удара в спину.

— Тебя что, не учили стучаться перед тем, как войти?

— Учили, сэр.

— Почему же ты не постучал?

— Забыл, сэр. Я размышлял о разговоре, который только что был у нас с адмиралом Маркхэмом.

— Это он послал тебя ко мне?

— Да, сэр.

— А, так ты — тот самый пилот дальней разведки? Не думаю, что коммодор Крутт расстроится, когда ты уйдешь от него. Ты ведь у коммодора как бельмо на глазу, верно?

— Нет, сэр,— возразил Лиминг,— просто у него в заднице стреляет, когда он пытается сесть на меня верхом.

— В армии к подобным вещам приходится привыкать.

— Извините, сэр, но я не согласен. В армию идут, чтобы воевать с врагом, а не по каким-то другим соображениям. Я не малолетний преступник и не нуждаюсь в том, чтобы коммодор или кто-то там еще меня перевоспитывали.

— Здесь вы с ним расходитесь. Он поборник дисциплины.— Фармер усмехнулся собственным мыслям и добавил: — Крутт по фамилии, да и нравом крут.— Некоторое время он разглядывал собеседника, потом продолжил более серьезно: — Ты выбрал себе нелегкую работу, парень.

— Это меня не беспокоит,— заверил его Лиминг.— Рождение, женитьба и смерть тоже нелегкий труд.

— Ты рискуешь никогда не вернуться.

— Ну и что... Все мы когда-нибудь отправимся в путь, из которого нет возврата.

— Не стоит говорить об этом с таким мрачным удовольствием,— заметил Фармер.— Ты женат?

— Нет, сэр. Каждый раз, когда у меня к этому идет дело, я залезаю в кровать и отлеживаюсь, пока не пройдет охота.

— Боже! — простонал Фармер, возведя глаза к потолку.

— А вы чего ожидали? — несколько агрессивно осведомился Лиминг.— Пилот-разведчик работает в одиночку. Он — словно жук в консервной банке; ему волей-неволей приходится приучать себя обходиться без многого, особенно без общения. Удивительно, на какие лишения способен человек, если как следует постарается.

— Ну-ну,— успокоил его Фармер. Он указал на звездную карту.— Вот эти светлые точки обозначают вражескую передовую. Звездная туманность за ними — неисследованное пространство. Сообщество может оказаться значительно слабее, чем мы предполагаем, так как его фронт — тоньше тонкого. Или, напротив, оно может быть гораздо более мощным, так как его влияние распространяется далеко в глубины галактики. Единственный способ выяснить, с чем нам придется столкнуться,— провести глубокий рейд по тылам врага.

Лиминг промолчал.

— Мы намерены направить специальный корабль-разведчик вот в этот район, где занятые противником миры далеко

отстоят друг от друга. Здесь оборона Сообщества несколько рассредоточена, а средства обнаружения относительно редки.— Фармер ткнул пальцем в темное пятно на карте.— Учитывая скорость нашей новой машины, можно надеяться, что у неприятеля навряд ли хватит времени, чтобы тебя опознать. У нас есть все основания полагать, что ты сможешь проскользнуть в тыл без всяких затруднений.

— Надеюсь,— кивнул Лиминг, сообразив, что от него ожидают ответа.

— Единственное опасное место находится вот здесь.— Передвинув палец на дюйм, Фармер указал на яркую звезду.— В этой системе, принадлежащей латианам, находятся как минимум четыре большие базы их космического флота. Если тут будут болтаться их патрули, они могут перехватить тебя — скорее случайно, чем преднамеренно. Поэтому мы вышлем сильный эскорт, который прикроет тебя в начале пути.

— Это неплохо.

— Если эскорт вступит в бой, ты не должен ввязываться. В любом случае это бесполезно, так как на твоем корабле нет боевого вооружения. Ты воспользуешься тем, что противника отвлекут, смоешься из зоны обстрела и проскочишь через передовые позиции Сообщества. Ясно?

— Да, сэр.

— Дальше тебе придется проявить личную инициативу. Запомни — нам все равно, как далеко тянутся миры с разумной жизнью; можно лететь до потери пульса и не добраться до конца. Нам только нужно знать — как далеко за передовой находятся миры, поддерживающие регулярную связь с Сообществом. Если встретишь обитаемую планету, которая снюхалась с Сообществом, немедленно сообщи на базу все, что сможешь разузнать.

— Есть, сэр!

— Как только ты убедишься, что достиг конца контролируемого неприятелем пространства, немедленно возвращайся. Если возможно, сохрани корабль. Если нет, его придется превратить в груду металлолома. Ты ни в коем случае не должен бросать его в открытом космосе, топить в океане и так далее. Корабль должен быть уничтожен. Маркхэм тебе об этом уже говорил?

— Да, сэр.

— Отлично. Тебе дается сорок восемь часов, чтобы уладить личные дела. Потом ты должен прибыть в десятый космопорт.— Фармер протянул руку.— Желаю удачи.

— Полагаете, она мне пригодится? — усмехнулся Лиминг.— У вас ведь на лице написано, что вы сильно сомневаетесь в том, что снова увидите меня. Но я вернусь. Хотите пари?

— Нет,— ответил Фармер,— я никогда не спорю, мне жутко не везет. Но если ты вернешься, я своими руками уложу тебя в постельку.

— Ловлю на слове,— предупредил Лиминг.

Он вернулся в свою крохотную комнатку и обнаружил, что ее уже занял какой-то парень. Этот тип смущенно уставился на него.

— Ты Лиминг?

— Точно.

— Я Дэвис, Джек Дэвис.

— Приятно познакомиться,— кивнул Лиминг и, достав чемоданы, принялся их собирать, небрежно швыряя внутрь рубашки, воротнички и носовые платки.

Сидя на кровати, Дэвис сообщил:

— Мне сказали, что я могу занять твою комнату, потому что ты сегодня уезжаешь.

— Все правильно.

— Далеко собрался?

— Точно не знаю. Возможно, слишком далеко.

— Ты рад, что уезжаешь?

— Еще бы! — Лиминг изобразил восторг.

— Не могу сказать, что осуждаю тебя,— произнес Дэвис и мрачно задумался. Потом сказал: — Я прибыл сюда пару часов назад и доложился дежурному офицеру Базы. Таких деспотов поискать.— И он выдал сжатое, неприукрашенное описание коммодора Крутта.— А как его зовут?

— Чепуховер,— с готовностью сообщил Лиминг.

— Да? Какая необычная фамилия...

— Ничего подобного.— Закрывая чемодан, Лиминг надавил на крышку коленом, защелкнул один замок и взялся за второй.— Это имя старо как мир. Ты наверняка уже слышал о Чепуховерах, ведь правда?

— Да, действительно...

— Ну, в такой дыре их предостаточно.

— Пожалуй, ты прав. Чепуховер только разок глянул на меня и тут же заорал: «Постричься!» — Дэвид уныло погладил ежик на макушке.— Ну, пошел я, постригся. Что же это за космический флот? Только появишься, так сразу и норовят оболванить! Как ты думаешь, что было дальше?

— Тебе выдали щетку и расческу.

— Вот именно.— Он опять потер макушку.— Только зачем?

— По той же причине, почему они делают все остальное,— объяснил Лиминг,— МПМ.

— МПМ? Что это такое?

— Это девиз ребят из резерва. Тебе придется повторять его по двадцать раз на дню. Мысли Пачкают Мозги.

— Понятно,— сказал Дэвис, приняв озабоченный вид.

— Единственный способ избежать всего этого — поссориться с Круттом. Тогда он избавится от тебя — после того, как вконец достанет.

— Крутт? А это кто?

— Чепуховер,— быстро поправился Лиминг.— Ребята за глаза зовут его Крутт. Если не хочешь неприятностей, никогда не называй его Круттом в лицо. Он любит, чтобы к нему обращались «мистер Чепуховер».

— Спасибо, что подсказал,— с благодарностью отозвался ничего не подозревающий Дэвис.

— Не за что. Приподними-ка задницу с койки — мне нужно достать пижаму.

— Извини.— Дэвис привстал, потом уселся снова.

Запихав пижаму в чемодан, Лиминг закрыл его и тщательно осмотрелся.

— Вот, пожалуй, и все. Война затянулась в связи с полным отсутствием исправных застежек на штанах. Эту информацию я получил из самых верхов. И меня отправляют ускорить победу. Так что теперь всем вам остается посиживать спокойно да считать дни.— Он направился к двери, держа в каждой руке по чемодану.

Опять поднявшись с кровати, Дэвис неловко пробормотал:

— Удачной посадки.

— Спасибо.

Первым, кого встретил Лиминг в коридоре, был коммодор Крутт. Слишком навьюченный, чтобы отдать честь, он по-уставному сделал равнение налево, на что Крутт ответил коротким кивком. Коммодор прошел мимо и вошел в комнату. Из-за двери раздался его громкий хриплый голос:

— А, Дэвис! Значит, с жильем уже устроился. Сегодня ты мне не понадобишься, так что можешь вылизывать этот свинарник, чтобы подготовиться к моему вечернему обходу.

— Так точно, мистер Чепуховер!

— Что?!!

Лиминг покрепче ухватил чемоданы и дал деру.

Корабль был просто загляденье — такого же диаметра, как обычная разведывательная ракета, но раза в два длиннее. Эти пропорции придавали ему вид не одноместного поискового судна, а скорее миниатюрного крейсера. Стоя вертикально, он, казалось, доставал носом почти до самых облаков.

Внимательно разглядывая корабль, Лиминг поинтересовался:

— А есть еще такие же?

— Три,— ответил Монтичелли, главный инженер космопорта.— Все они упрятаны в других местах под усиленной охраной. Строгий приказ сверху гласит, что корабли этого типа можно использовать лишь по очереди. Пока твой не возвратится, второй посылать нельзя.

— Значит, я иду первым в списке, да? А если я не вернусь? Что, если машину придется уничтожить, а вы не сможете ничего узнать?

Инженер пожал плечами.

— Это забота не моя, а Военного совета. Я только подчиняюсь директивам сверху, что тоже не сахар.

— Хм! Может быть, они установили какой-то срок, в который я должен уложиться? А если я не вернусь вовремя, меня будут считать пропавшим без вести.

— Они об этом ничего не сказали?

— Нет.

— Тогда и тебе нечего волноваться. Жизнь и так слишком коротка. А во время войны для многих становится еще короче.— Монтичелли хмуро посмотрел на небо.— Каждый раз, когда корабль взлетает, я никогда не знаю, увижу ли его снова.

— Правильно, настроение перед стартом нужно поднимать,— сказал Лиминг.— Да вы просто весельчак!

— Извини, парень, я совсем забыл, что на этот раз летишь ты,— усмехнулся инженер и кивнул в сторону расположенного неподалеку здания: — Там у нас стоит дубликат носовой кабины, специально для тренировок. С неделю тебе придется изучать новые приборы и правила пользования субпространственной связью. Можешь начинать, когда захочешь.

— Главное, что меня волнует,— это автопилот,— заявил Лиминг.— Он должен быть абсолютно надежным. Нельзя неделями лететь без сна, а если корабль несется без руля и без ветрил, тут уже не вздремнешь. По-настоящему хороший автопилот — все равно что добрая фея.

— Послушай, сынок, если бы автопилот мог не только держать курс, но еще и думать, и сам передавать сведения, мы послали бы корабль без тебя. Но ты не волнуйся,— Монтичелли снисходительно похлопал собеседника по плечу,— тут установлена лучшая модель. Он позаботится о корабле — даже если ты устроишь себе медовый месяц и космос совсем вылетит у тебя из головы!

— Я вижу тут единственное сходство,— бросил Лиминг.— В обоих случаях мне пришлось бы поднапрячься.

Он пошел к зданию и следующую неделю почти не вылезал из тренировочной кабины.

Взлет состоялся через час после заката. Черный бархат ясного неба был усеян звездами. Трудно было представить, что где-то далеко, на невероятном расстоянии отсюда, плывут в космической тьме неисчислимые обитаемые миры, между которыми осторожно пробираются корабли Сообщества — в то время как флоты Земли, Сириуса, Ригеля и других союзников несут патрульную службу по всему необъятному фронту.

Длинные цепочки дуговых фонарей слегка подрагивали под легким ветерком, пролетающим над огромным полем космопорта. За барьерами, ограждавшими стартовую площадку, стояла группа людей: отсюда, с высоты, Лиминг не мог их как следует разглядеть. Наверное, они собрались понаблюдать за взлетом. Он скорчил гримасу и представил, как корабль падает и вся эта свора, будто наскипидаренная, мчится к убежищу. Ему не при-

шло в голову, что в случае аварии он навряд ли сумел бы насладиться этим зрелищем.

Из маленького динамика, расположенного на стене кабины, раздался голос:

— Пилоту приготовиться.

Он нажал на кнопку. Что-то щелкнуло, корабль взревел и содрогнулся. Огромное круглое облако пыли и пара прокатилось по бетону и скрыло из виду барьеры. Надсадный рев и вибрация продолжались; Лиминг сидел спокойно, внимательно наблюдая за приборной панелью. Стрелки двадцати указателей поползли вправо, дернулись и замерли. Все двадцать кормовых дюз были готовы к работе.

— Пилот, все в порядке?

— Да.

— Можете стартовать.— Пауза.— Ни пуха ни пера!

— К черту!

Перед тем как мягко подать на себя рукоятку тяги, он еще с полминуты продувал дюзы. Дрожь усилилась, рев постепенно перешел в вой, иллюминаторы кабины затуманились, и небо потускнело.

Целую секунду, показавшуюся ему вечностью, корабль покачивался, стоя на хвосте. Затем медленно пополз вверх: фут, ярд, десять ярдов. Вой перешел в визг. Внезапно скорость подъема резко возросла, словно корабль получил хороший пинок в зад. Он рванулся ввысь. Сто футов, тысяча, десять тысяч. Корабль пронзил облака и устремился в ночное небо. Иллюминаторы очистились. Вокруг сияли мириады звезд, огромным шаром висела Луна.

Динамик слабо проскрипел:

— Отличная работа, пилот.

— Я всегда работаю отлично,— отозвался Лиминг.— До встречи в сумасшедшем доме.

Ответа не последовало. Внизу понимали, что он ощущает чувство безграничной свободы и безнаказанности, так называемый взлетный хмель. Ему было подвержено большинство пилотов — когда родная планета оставалась за кормой корабля, а впереди виднелись только звезды. Симптомы заключались в язвительных замечаниях и ругани, которые дождем сыпались с небес на Землю.

— Пойди постригись! — орал в микрофон Лиминг. Он так и покатывался от смеха в своем кресле, пока корабль набирал скорость.— И вылижи этот свинарник! Тебя учили, как отдавать честь? Мысли Пачкают Мозги!

На Земле по-прежнему молчали.

Но внизу, в космопорту, в башне управления полетами, дежурный офицер повернулся к Монтичелли и сказал:

— Знаешь, мне кажется, что Эйнштейн не довел дело до конца.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня есть гипотеза — по мере приближения к скорости света умственные способности у человека стремятся к нулю.

— Возможно, в этом что-то есть,— признал Монтичелли.

— Свинина с бобами, свинина с бобами, господи, опять свинина с бобами,— быстро затихая, верещал динамик в башне управления.— Снимай штаны, потому что я хочу проверить твое зрение. Теперь вдохни. Крутт, от которого все мрут, а...

Дежурный офицер отключил связь.

Глава 2

Эскорт присоединился к нему в Сирианском секторе; встреча произошла неожиданно — в то время, когда он спал крепким сном. Сигнал вызова включил сирену, пронзительный вой которой заставил его вылететь из койки. Несколько секунд он недоуменно озирался вокруг, пол вибрировал под его ногами, в голове отдавалось мерное тиканье автопилота.

— Зерн кайд уит? — проскрипел динамик.— Зерн кайд уит?

Это был кодированный запрос о принадлежности его судна.

Усевшись в пилотское кресло, Лиминг повернул ручку передатчика, который выбросил в пространство короткую серию цифр. Затем он протер глаза и поглядел на экран переднего обзора. Невооруженным глазом он мог видеть только мириады звезд, мерцавших в темноте.

Лиминг включил инфракрасные датчики: теперь по экрану параллельно его курсу полз ряд светящихся точек. Вторая группа кораблей, выстроившихся клином, маячила далеко впереди. Конечно, он увидел не сами суда, а тепловое излучение, которое

испускали их раскаленные добела дюзы и шлейфы выхлопных газов.

— Кифа! — раздалось из динамика: это означало «все в порядке».

Лиминг заполз обратно в койку, натянул на лицо одеяло и положился на автопилот. Минут через десять он начал дремать: ему уже пригрезилось, будто он спит в открытом космосе, где уже никто не сможет его достать. Вдруг, отставив код, динамик рявкнул на нормальном языке:

— Сбавь ход, пока мы тебя не потеряли!

Он подпрыгнул как ужаленный, сел и тупо уставился на передатчик. Кто-то только что говорил с ним — голосом, которым отдают команды на плацу. Или ему послышалось? Лиминг подождал немного, но ничего не произошло, и он опять прилег. Динамик тут же нетерпеливо заорал:

— Ты что, оглох? Убавь скорость, пока мы тебя не потеряли!

Раздраженный Лиминг вылез из-под одеяла, сел за пульт управления и неторопливо приступил к работе. Передний тормозной двигатель выпустил две струи пара, тут же пролетевшие вдоль бортов корабля. Кормовые дюзы уменьшили тягу. Он наблюдал за приборами, пока не решил, что стрелки ушли влево достаточно далеко для того, чтобы всех осчастливить. Тогда он вернулся в постель и снова закутался в одеяло. Ему казалось, что он раскачивается в небесном гамаке и наслаждается волшебным покоем, но из передатчика снова донесся рев:

— Еще! Еще убавь!

Он сбросил одеяло, доплелся до пульта и убавил-таки скорость еще раз. Затем, наклонившись к передатчику, произнес страстную речь. Местами она состояла из междометий, а также включала обширный экскурс в основные функции человеческого организма. Насколько он знал, среди его изумленных слушателей должны были находиться два контр-адмирала и с дюжину коммодоров. Если так, то он неплохо их просветил.

В ответ Лиминг не услышал ни резких окриков, ни возмущенных начальственных голосов. За подобные упражнения в ораторском искусстве на большом боевом корабле ему влепили бы сорок нарядов и отправили под трибунал. Но в космическом флоте существовало негласное мнение, что разведчики, месяцами лишенные общества себе подобных, на девяносто про-

центов становятся готовыми клиентами для психиатра. При исполнении служебных обязанностей они могли говорить все, что им заблагорассудится. Как правило, они так и поступали. Великолепно, когда тебя официально считают рехнувшимся.

На протяжении трех недель конвой сопровождал Лиминга в таком мрачном молчании, которым обычно окружают в семье слабоумного родственника. Все это время он бесился от нетерпения, потому что их максимальная скорость была куда меньше, чем у его корабля, и необходимость приноравливаться к ним вызывала у Лиминга ощущение автогонщика, следующего за похоронной процессией.

Главным виновником неторопливости их шествия являлся сирианский линкор «Уоссун», здоровенный неуклюжий дредноут, который плелся, как разжиревший гиппопотам; все прочие, более скоростные крейсера и истребители были вынуждены плестись вместе с ним. Лиминг не знал названия этого корабля, но понимал, что перед ним линкор, поскольку на инфракрасном экране тот походил на светящуюся горошину в окружении огненных булавочных головок. Каждый раз, когда Лиминг видел эту горошину, он отпускал в ее адрес грязное ругательство. Однажды, в очередной раз выпуская пары, он услышал, как динамик снова включился и впервые за много дней произнес:

— Понк!

Понк? Какой, к черту, понк? Насколько он помнил, это слово обозначало что-то очень важное. Он спешно пролистал книгу кодов и нашел: «Враг в поле зрения».

На его экранах неприятеля не было видно. Наверно, вражеские корабли находились вне зоны обнаружения локатора и были замечены летящим далеко впереди авангардом, который состоял из четырех эсминцев.

— Волна Ф,— раздался приказ из динамика.

Значит, готовясь к сражению, они поменяли частоту сигналов. Лиминг повернул ручку настройки многоволнового приемника с деления Т на деление Ф. Из динамика быстро понеслись лаконичные донесения кораблей конвоя.

— Резервная группа, влево двадцать, отклонение двенадцать.

— Есть!

— Конец связи.

— Есть!

На экранах пять светящихся точек быстро отделились от основной группы и ринулись вперед. Четыре из них были обычными крохотными точками, а пятая посредине — размером с половину горошины. Крейсер и четыре истребителя покидали поле боя с благородной целью отрезать неприятеля от его ближайшей базы.

В космическом пространстве, где скорости были колоссальны, а расстояния — невообразимы, эта тактика никогда не срабатывала, что, однако, не мешало обеим сторонам применять ее при каждом удобном случае. В зависимости от состояния вашего желчного пузыря это можно было рассматривать или как неиссякаемый оптимизм, или как неизлечимую глупость.

Маленький отряд с максимальной скоростью мчался в засаду, надеясь затеряться в обманчивом звездном лабиринте, пока приближающийся неприятель не разгадает их нехитрый маневр. В это время «Уоссун» со своим сопровождением продолжал двигаться прежним курсом. Впереди, почти у предела радиуса действия локаторов эскорта, четыре эсминца развивали наступление, даже не пытаясь рассредоточиться или изменить курс.

— Две группы по десять сходятся под углом сорок пять градусов вправо, уклон спуска пятнадцать,— доложили истребители, идущие в авангарде.

— Тип? — затребовал «Уоссун».

— Пока неясно.

Шесть часов молчания. Затем:

— Две группы идут тем же курсом, похоже, что в каждой по два тяжелых крейсера и восемь мониторов.

Это было чисто умозрительное предположение, основанное на теории, согласно которой чем ярче объект светится на инфракрасном экране, тем больше корабль. Лиминг смотрел на свои экраны, прекрасно сознавая, что вражеские суда действительно могли быть боевыми кораблями, как предполагали наблюдатели, но они могли с той же вероятностью оказаться и эскортируемыми транспортами. С начала космических войн тихоходные грузовики часто принимали за мониторы.

Медленно, невыносимо медленно двадцать еле заметных точек вползли на его экраны. Теперь локаторы противника могли обнаружить и его корабль, и остальные, боевые суда конвоя. Чет-

верку передовых эсминцев латиане заметили много часов назад; по-видимому, столь небольшие силы не вызвали тревоги либо были приняты за своих. Интересно понаблюдать за реакцией этих растяп, когда они врежутся в мощную эскадру союзников.

Однако Лиминг не получил возможности полюбоваться этим зрелищем. Динамик пронзительно заверещал: «Опасность сверху!» — и его глаза автоматически метнулись к экранам верхнего обзора. Они были усеяны массой быстро увеличивающихся точек. Лиминг прикинул, что на эскорт пикируют шесть или восемь десятков кораблей, но пересчитывать их он не стал. С первого взгляда было ясно, что вражеские орудия нацелены прямо ему в переносицу.

Лиминг вцепился в рычаги управления. В следующий миг его стройный и тонкий, как спица, корабль задрал нос к зениту и на полной мощности рванул вверх. Перегрузка вдавила Лиминга в кресло, и его кишки попытались обвиться вокруг позвоночника. Он представил, какой эффект произведет на неприятеля его стремительный рывок, и ухмыльнулся. Итак, сначала они обнаружат таинственное исчезновение корабля с перекрестья своих прицелов, а затем этот корабль промчится сквозь их строй с невиданной доселе скоростью. Если повезет, они могут подумать, что такой фокус способны выкинуть и остальные суда союзников. Каждого капитана космического флота преследует постоянный кошмар: ему на хвост садится другой, более скоростной корабль. Дюзы, пылающие огнем,— самое слабое место любого судна: в двигательном отсеке надежную защиту установить невозможно.

Лиминг упрямо двигался вперед. Выбранный им курс должен был в конце концов привести его прямо в тыл атакующему противнику. Он внимательно следил за экранами. Плотная группа кораблей латиан уже четыре часа приближалась к эскадре союзников; еще немного — и враги окажутся в зоне обстрела.

Но тут их нервы сдали. Непонятная тактика союзников, продолжавших спокойно двигаться вперед, в то время как один корабль кометой мчался в их тылы, заставляла подозревать ловушку. Подозрительность и непоколебимая вера в коварство союзников являлись единственным товаром, в котором Сообщество никогда не испытывало недостатка. Поэтому их корабли вне-

запно отвернули вправо и разошлись в разных направлениях, как лепестки распускающегося цветка. Очевидно, их локаторы искали другой, более мощный флот, скрывающийся в засаде вне пределов видимости.

Капитан одного из латианских легких крейсеров вдруг понял, что новый курс приведет его в зону обстрела ракет, которыми, предположительно, был вооружен странный сверхскоростной корабль Лиминга. Он попытался спастись, еще раз изменив курс, и попал под прицел орудий «Уоссуна». Линкор дал залп, и его ракеты точно накрыли крейсер противника. Вспыхнул взрыв чудовищной силы, и тепловая волна на некоторое время ослепила все инфракрасные экраны.

Новый взрыв сверкнул в звездной пустоте, далеко за пределами досягаемости орудий и ракет эскорта. Несколько минут спустя высокий пронзительный голос, искаженный статическим электричеством, доложил, что уничтожен одинокий вражеский эсминец. Эта неожиданная потеря, произошедшая за пределами основного поля боя, утвердила неприятеля в уверенности, что «Уоссун» и сопровождающие его суда — не что иное, как приманка в мышеловке, за которой может таиться нечто гораздо более внушительное. Корабли латиан продолжали быстро расходиться широким конусом, пытаясь одновременно обнаружить скрытую угрозу и не попасть в ловушку. «Точь-в-точь как косяк перепуганных рыбешек»,— пробормотал Лиминг. Для сверхскоростного истребителя, способного догнать и расстрелять корабли врага один за другим, уничтожение рассеявшегося флота было бы несложной задачей. Но приходилось мириться с тем, что его безоружный разведчик мог лишь пугать неприятеля, в то время как сам Лиминг изрыгал в адрес латиан тщетные проклятия. На время он совершенно забыл о своей основной задаче, не говоря уже о строгом приказе ни при каких обстоятельствах не ввязываться в космический бой. «Уоссун» быстро напомнил ему об этом резким выговором:

— Пилот-разведчик, куда вы прете, черт возьми?

— Вверх и обратно,— холодно ответил Лиминг.

— От вас больше вреда, чем пользы,— съязвили на «Уоссуне», оставив его подвиги без надлежащей оценки.— Не суетитесь и валяйте дальше, пока все идет хорошо.

Лиминг заорал в микрофон:

— Вы думаете, я не знаю, что только мешаю всем? Плюнь на построении — пойдешь под трибунал! Помни, парень, коммодору ВСЕГДА нужно отдавать честь! Стоять смирно, когда говоришь со мной! Сломанные застежки на штанах — это саботаж! Выше ногу, сонная тетеря,— раз, два, левой, но-о!

Как и прежде, его слушатели ничего не ответили. Лиминг взялся за рычаги; теперь он двигался параллельно эскорту, но значительно выше. На нижнем экране он увидел, как корабли сопровождения начали разворачиваться по плавной дуге, готовясь лечь на обратный курс. Это означало, что конвой покидает его и отправляется домой. Перепуганный враг, до сих пор не рискнувший войти в зону обстрела, должно быть, принял этот маневр за очередную хитрость и продолжал упорно воздерживаться от атаки.

Корабль Лиминга быстро удалялся от эскорта, и вскоре огоньки кораблей сопровождения исчезли с экранов. Впереди и справа показались две новые вражеские группы. Они двигались в плотном строю и на большой скорости; очевидно, это были два торговых конвоя, старавшиеся держаться поближе к крейсерам прикрытия. Лиминг дал им уйти с чувством глубокого сожаления. Будь у него оружие, он налетел бы на этот парад и уничтожил парочку транспортов, пока экипажи крейсеров не успели проснуться! Но теперь он на полном ходу нырнул сквозь передовую линию вражеских кораблей и согласно инструкции направился к неисследованным тылам. Внезапно на его кормовом экране одна за другой сверкнули две вспышки. Далеко позади прекратили свое существование еще два корабля, но определить, чьи они, было невозможно. Он попытался выяснить это, настроившись на частоту конвоя и послав непрерывный запрос: «Что происходит? Что происходит?» Никакого ответа. На экране полыхнул третий взрыв. Лиминг был уже совсем далеко, но, выпустив в эфир кодовый номер своего корабля, попытался наладить связь еще раз. Никакого ответа.

Если сражение еще продолжается, они, скорее всего, слишком заняты, чтобы отвечать на его запросы. Он многое отдал бы за возможность вернуться назад, ввязаться в заварушку и добавить к космическому мусору обломки двух-трех латианских по-

судин. Однако, как заметили с «Уоссуна», его безоружный корабль был бы только обузой в бою.

Раздосадованно покусывая нижнюю губу, Лиминг скорчился в пилотском кресле и хмуро уставился на передний экран. Его корабль стрелой мчался в темноту враждебного космоса. В расчетное время он вышел из зоны радиодосягаемости эскадры союзников. Теперь ему никто не смог бы помочь.

С первым миром все оказалось проще некуда. Противник был твердо уверен, что ни один корабль союзников не сумеет проникнуть так далеко без дозаправки и смены дюз. Вероятно, поэтому любое судно, обнаруженное в округе, автоматически считалось своим — или, по крайней мере, нейтральным. На подходе к обитаемой системе неприятельские локаторы засекли корабль Лиминга, но никто не удосужился послать радиовызов, который наверняка выявил бы в нем чужака — ведь пароля он не знал.

Лиминг подобрался к этой системе, пристроившись к небольшому конвою, который возвращался со звездного фронта. Он долго двигался за вражескими судами, пока не понял, каким курсом они следуют. Однако он не мог терять дни и недели, плетясь у них в хвосте; поэтому, обогнав караван, Лиминг помчался вперед и наконец приблизился к обитаемой планете — пункту назначения конвоя.

Изучить этот мир оказалось несложно. Он дважды облетел планету по экватору на небольшой высоте, позволявшей вести визуальное наблюдение. Для того чтобы составить полное представление о ее статусе в Сообществе, уровне развития и промышленном потенциале, не нужно было исследовать всю ее поверхность. То, что он увидел на протяжении двух витков, вполне удовлетворило бы разведывательную службу союзников. Он обнаружил три космопорта, два из которых пустовали, а в третьем находились восемь торговых судов неизвестной принадлежности и три боевых корабля Сообщества. Ряд признаков указывал на то, что этот мир густо населен, вполне цивилизован и к тому же обладает значительной военной мощью. Его можно было уверенно отнести к сторонникам Сообщества.

Вернувшись в открытый космос, Лиминг настроился на специальную волну X и по дальней связи передал всю собранную информацию вместе с данными о приблизительных размерах планеты, ее массе и звездных координатах.

— Я снизился и облетел вокруг этой свалки,— сообщил он и, прикрыв микрофон ладонью, скорчился от хохота. На память ему пришла точно такая же ситуация, послужившая поводом к небольшому конфликту во время его первого экзамена. Тогда, отвечая на вопрос о способах изучения вражеских миров, он написал: «Я должен осторожно приблизиться к незнакомой планете и затем очень быстро облететь ее». Листок вернулся обратно с пометкой: «Почему?» Он ответил: «Болтаться там слишком долго было бы вредно для моего здоровья». Это стоило ему десяти баллов и бесстрастного комментария: «Неправильно и неостроумно». Но экзамен он тем не менее сдал.

Ответа на сообщение не последовало, впрочем, Лиминг и не ждал его. Он мог без особого риска посылать информацию, но обратные сигналы, направленные с территории союзников в тыл противника, наверняка возбудили бы подозрения. Радиосвязь была узконаправленной, и латианская разведка только и ждала случая перехватить и попытаться расшифровать любое сообщение с передовой союзников. Однако вряд ли посты перехвата обратят внимание на сигналы, посланные с дальней окраины гигантского сектора пространства, контролируемого Сообществом.

Следующие двенадцать населенных планет он обнаружил точно так же, как и первую: определяя направление межзвездных трасс, Лиминг следовал по ним до конечных пунктов. Каждый раз он передавал информацию, и каждый раз ответом ему было гробовое молчание.

Внезапно он обнаружил, что тоскует по звуку человеческого голоса; он летел уже достаточно долго для того, чтобы люди перестали внушать ему отвращение. Много дней он был заточен в громыхающей консервной банке своего корабля. Дни превращались в недели, недели — в месяцы, и мало-помалу его стало одолевать одиночество. В самом деле, куда ни посмотри — звезды без конца и края, планетам нет числа, и ни одной живой души вокруг! Теперь он был бы счастлив услышать даже занудный голос Крутта, отчитывающий его за действительные или мнимые провинности, а сладостные воспоминания о перепалках с начальством приводили его в восторг.

Тяжелее всего давались дни, когда корабль летел по инерции с выключенными двигателями: тишина, бесконечная, безбрежная, почти лишала его рассудка. Он пытался нарушить безмол-

вие и начинал петь во весь голос или спорить сам с собой вслух. Но это приносило мало радости: его вокальные таланты были ниже всякой критики, а спор он не мог ни выиграть, ни проиграть.

Ночами его мучили кошмары. Иногда ему снилось, что автопилот сломался и корабль во весь опор мчится прямо на раскаленное Солнце. Он пробуждался в холодном поту и перед тем, как вновь погрузиться в сон, быстро, но тщательно проверял все приборы. Случалось, что его будил грохот включавшихся двигателей; он вяло лежал в трясущейся койке и прислушивался к их протяжному реву.

Несколько раз в сонных видениях он бежал куда-то по громыхающим, вибрирующим темным коридорам, ощущая за спиной стремительный топот ног, но имелись ли у его преследователей ноги? Он с воплем просыпался — за секунду до того, как его должны были схватить... схватить чем-то, похожим на руки, но он знал, что эти ужасные конечности не были руками.

Возможно, тяготы и лишения дальнего полета переносились бы легче, используй он бортовую аптечку, битком набитую удивительными лекарствами, предназначенными для излечения любого мыслимого заболевания души и тела. Только кто знает, помогут они или нет. Если нет, то все эти средства не стоят выеденного яйца. А если да... тут возникала другая проблема. Лиминг не без причины опасался, что снадобья военных медиков способны вызвать у него эйфорию.

Однажды, перед тем как лечь спать, он все же проглотил так называемую нормализующую таблетку; судя по описанию, она гарантировала избавление от кошмаров и счастливые, увлекательные сны. В результате он провел десять безумных часов в гареме турецкого султана. Сны были до того увлекательными, что проснулся он выжатым как лимон и больше никогда эти пилюли не принимал.

Он выслеживал очередной торговый караван в надежде обнаружить тринадцатую планету, когда тишину нарушил живой голос. Лиминг двигался далеко позади и выше группы судов, экипажи которых, чувствуя себя в глубоком тылу совершенно спокойно, видимо, не обращали никакого внимания на радары и не догадывались о присутствии чужого корабля. Лениво покручивая ручку настройки приемника, он случайно обнаружил частоту, на которой велись переговоры между транспортами.

У неведомых существ были громкие, гортанные голоса, а речь их на слух удивительно напоминала земную. Лиминг воспринимал эти таинственные звуки как диалог, который трансформировался в его сознании в знакомые слова.

Первый голос:

— Майор Сморкун поставил пудинг в печь.

Второй голос:

— Когда Сморкун поставил пару свеч?

Первый голос:

— Вчера поставил пудинг, как всегда.

Второй голос:

— Клянусь, приятель, это ерунда.

Первый голос:

— И пусть его умнет зеленый кот.

Второй голос:

— К чему майору жечь голодный скот?

Следующие десять минут собеседники вели язвительный спор о зеленых котах и голодных скотах, не забывая упоминать несчастного Сморкуна, его пудинг, гуси и свечи. Лиминг вспотел от напряжения, пытаясь проследить аргументы и контраргументы обеих сторон. Наконец в голове у него что-то щелкнуло, и, настроив свой передатчик на нужную волну, он заорал:

— Кретины! Не пора ли вам разобраться с этими котами и скотами?

Наступила мертвая тишина, затем первый голос нерешительно проскрипел:

— Гнорф, пару свеч и пудинг в печь?

— Ни в коем случае! — крикнул Лиминг, не давая бедному Гнорфу возможности похвастать своими талантами по части запекания свечей в пудинги.

Последовала новая пауза, после которой Гнорф обиженно предложил, не адресуясь ни к кому конкретно:

— Вмазать пудинг тебе в рот?

— Слопай свечку, идиот! — рявкнул Лиминг. Он веселился напропалую.

Первый собеседник прокомментировал:

— Слишком толстая.

— Могу себе представить,— согласился Лиминг.

— Шпиц шприц? — внезапно вопросил Гнорф с интонацией, явно означавшей: «Кто там?»

— Майор Сморкун,— отрекомендовался Лиминг.

По каким-то таинственным причинам эта информация вызвала продолжительные дебаты. Собеседники подробно обсудили прошлое бедняги Сморкуна, затем коснулись его будущих перспектив, но постепенно разговор опять вернулся к зеленым котам и голодным скотам.

В определенные моменты спор горячо разгорался вокруг таких насущных проблем, как намерение Сморкуна запечь в пудинге дюжину свеч. В конце концов они достигли в этом вопросе взаимного согласия и перешли к анализу способов бить баклуши. Первый утверждал, что это лучше делать днем, второй настаивал на понедельнике.

— Боже мой,— выдохнул в микрофон Лиминг.

Должно быть, эти звуки напомнили спорящим что-то близкое, поскольку они внезапно оборвали свой диспут и Гнорф опять поинтересовался:

— Шпиц шприц?

— Пошел-ка ты, лопух,— опять развеселился Лиминг.

— Кто опух? Я опух, энк? — Судя по интонации, Гнорф был не на шутку взволнован.

— Ага,— подтвердил Лиминг.— Энк!

Очевидно, это переполнило чашу терпения неведомых собеседников, поскольку их голоса пропали, а с ними исчез даже треск и гул радиопомех. Похоже, Лиминг, сам того не подозревая, умудрился ляпнуть нечто исключительно непристойное.

Вскоре приемник снова ожил, и теперь уже другой гортанный голос запросил на скверном, но беглом космоарго:

— Чья коабл? Чья коабл?

Лиминг не ответил. После долгой паузы голос повторил:

— Чья коабл?

Лиминг не отзывался. Запрос был не закодирован; значит, враг считал, что поблизости не может находиться чужое судно. Караван продолжал безмятежно продвигаться вперед, не меняя курса и не выказывая видимых признаков тревоги. Очевидно, у них отсутствовали мощные локаторы и они просто не могли обнаружить Лиминга. Запрос «Чей корабль» был сделан, скорее

всего, наобум, для проверки — перед тем, как начинать поиски шутника среди своей компании.

Получив точные данные о курсе противника, Лиминг пулей промчался мимо и в расчетное время приблизился к тринадцатой планете. Он исследовал ее, отправил информацию домой и принялся за поиски следующей. Это не заняло много времени: очередной обитаемый мир находился в соседней солнечной системе.

Шло время. Лиминг прозондировал обширный участок пространства, принадлежащий Сообществу. Разделавшись с пятнадцатью планетами, он испытал искушение вернуться на базу для отдыха и техосмотра. Этот полет уже сидел у него в печенках. Он мечтал ощутить ароматы Земли, вдохнуть свежий воздух и вкусить радости общения с остальным человечеством. Но корабль находился в отличном состоянии, да и топлива ушло всего пятнадцать процентов. К тому же Лиминга подогревала мысль о возможном продвижении по службе: чем тщательнее он выполнит работу, тем больший триумф ожидает его по возвращении. Эти веские соображения заставили его продолжать полет.

Он исследовал в общей сложности семьдесят две планеты, пока не достиг заранее запланированной точки глубоко во вражеском тылу. Отсюда он должен был отправить закодированное сообщение в сторону Ригеля, окруженного аванпостами союзников.

С интервалом в два часа Лиминг передавал единственное кодовое слово «гжи!» — «Готов продолжать. Жду инструкций». На это он мог получить один из двух кратких ответов — или «ворс», то есть «Информации достаточно. Возвращайтесь немедленно», или «жми», значившее «Нам требуются дополнительные данные. Продолжайте разведку».

Но вместо этого он принял отрывистый звуковой всплеск — сжатую серию чисел. Они так быстро сменяли друг друга, что разобрать их на слух он не смог. Лиминг записал сигналы и затем воспроизвел их на медленной скорости. Потом заглянул в шифровальную книгу и с ее помощью прочел: «47926. Пилот-разведчик произведен в звание лейтенанта. Действительно со дня получения».

Лиминг долго глазел на радиограмму, перед тем как снова передать «гжи! гжи!». К своему изумлению, в ответ он услышал «пст!». Он повторил попытку и опять получил «пст!». Это двусмысленное междометие повергло его в недоумение. Тщательно обдумав ситуацию, Лиминг пришел к выводу, что столкнулся с происками некоей радиостанции Сообщества, включившейся в игру с целью его запугать. Теоретически противник вряд ли мог сделать это: ведь Лиминг использовал гораздо более высокие частоты, чем диапазон, который предпочитали латиане. К тому же и его сигналы, и ответные были закодированы. Тем не менее кто-то это сделал.

Своим далеким слушателям в окрестностях Ригеля он сообщил интересные подробности о физиологических отправлениях майора Сморкуна, умявшего в один присест пудинг со свечами: пусть-ка попробуют разобрать, что к чему. Пусть эти тупицы усвоят, что отныне имеют дело не с простым пилотом-разведчиком, а с настоящим лейтенантом. Если же это известие перехватит неприятель, то он, пожалуй, временно прекратит военные действия, чтобы раз и навсегда окончательно разобраться с фокусами таинственного Сморкуна.

Заключив, что домой его не зовут, Лиминг продолжал полет. И лишь четыре дня спустя, листая от скуки шифровальную книгу, он по случайности наткнулся на слово «пст!», означавшее «На ваше усмотрение».

Он решил, что было бы очень неплохо вернуться домой, имея на счету семьдесят две обнаруженные и обследованные планеты, но если их будет круглое число, а именно — сто, то результаты наверняка покажутся более впечатляющими. Тогда его произведут, по меньшей мере, в космические адмиралы; значит, он сможет приказать полковнику Фармеру постричься, а коммодору Крутту — надраить пуговицы. Он будет расхаживать повсюду, бряцая медалями: рядовые и кадеты станут почитать его как святого, а тыловые крысы за глаза начнут называть свиньей.

Эта картина выглядела так соблазнительно, что Лиминг тут же настроился на вожделенный результат — сто планет, и ни одной меньше! Словно для того, чтобы дать ему возможность поскорее искупаться в лучах славы, в следующей солнечной системе обнаружилось сразу четыре вражеских мира, что увеличило

счет до семидесяти шести. Вскоре Лиминг довел его до восьмидесяти. Затем до восьмидесяти одного.

Первые признаки надвигавшейся катастрофы обнаружились, когда он приближался к восемьдесят второй планете.

Глава 3

На экранах его радаров светились две точки. Они были крупными, но определить, военные это корабли или торговые транспорты, не представлялось возможным. Суда шли в кильватерном строю и явно направлялись в те места, где он еще не был.

Применив свою безотказную тактику, Лиминг некоторое время просто следовал за ними, чтобы выяснить, к какой звезде они держат путь, а затем рванул вперед. Он настолько обогнал эти корабли, что их отметки уже пропали с экранов, как вдруг одна из дюз выплюнула свою внутреннюю обшивку миль на сорок назад. Он понял это, когда на панели управления зазвенел сигнал тревоги, стрелка указателя мощности скакнула влево на полшкалы, а стрелка соответствующего термометра поползла к красной отметке, обозначающей точку плавления.

Лиминг спешно отключил подачу топлива к вышедшему из строя двигателю. Давление в нем тут же упало до нуля; температура поднялась на несколько градусов, затем начала медленно падать.

В хвостовой части корабля размещались двадцать огромных цилиндрических двигателей, окаймленных восемью рулевыми, сравнительно небольшого диаметра. Отказ одного двигателя еще не был катастрофой. Это означало лишь пятипроцентное снижение мощности — и соответствующую потерю функциональной эффективности корабля. На Земле ему говорили, что можно пожертвовать даже восемью двигателями — в случае, если они расположены симметрично: тогда его скорость и маневренность снизятся до уровня латианских эсминцев.

С точки зрения технического превосходства над врагом пока беспокоиться было не о чем. Он все еще двигался так быстро, что по сравнению с ним корабли противника казались космическими черепахами. Тревогу внушало то, что внезапная авария отражающей обшивки одного из основных двигателей являлась

сигналом об общем состоянии дюз. Насколько он понимал, следующий двигатель мог полететь в любую минуту, а за ним вскоре последуют и остальные.

В глубине души он чувствовал, что пришла пора разворачиваться к дому, пока все еще не так плохо. С другой стороны, Лиминг подозревал, что до Земли ему уже не добраться, поскольку он слишком долго жег двигатели и залетел чересчур далеко. Похоже, кораблю скоро конец — он был уверен в этом настолько, насколько вообще можно быть в чем-то уверенным.

Но гибель корабля не обязательно означает гибель пилота, даже если ему придется, подобно заблудшей душе, скитаться меж враждебных светил. Предчувствие, говорившее Лимингу, что корабль собирается сыграть в ящик, уверяло его также, что самому пилоту это не грозит. Он прямо-таки сердцем чуял, что еще доживет до того дня, когда, фигурально выражаясь, сможет высморкаться в носовой платок полковника Фармера.

Итак, отказавшись от намерения развернуться на обратный курс и поспешить к Ригелю, он упрямо продолжал двигаться к восемьдесят второй планете, достиг ее, обследовал и передал информацию. Затем Лиминг обнаружил оживленную трассу между этой планетой и соседней солнечной системой; он снова двинулся в путь в надежде отыскать планету номер восемьдесят три и добавить ее к своему списку. Второй двигатель потерял обшивку на полпути к ней, а третий перед самой целью.

Тем не менее он облетел этот мир и направился в открытый космос с намерением передать полученные данные, но до этого дело не дошло. Одновременно выгорели обшивки еще пяти двигателей, и он был вынужден срочно сбавить скорость, пока оставшиеся без термозащиты дюзы не расплавили весь хвост.

Судя по тому, что корабль упорно не желал лететь прямо, неисправные двигатели группировались по одну сторону от его продольной оси. Теперь Лиминг мог двигаться только по пологой дуге, которая со временем превратится в окружность, замыкающуюся вокруг планеты, которую он только что оставил позади. Вдобавок судно начало медленно вращаться, в результате у Лиминга создалось впечатление, что все звездное небо крутится перед его глазами. В отчаянии он попытался выправить курс с помощью рулевых двигателей, но это вызвало лишь жуткую виб-

рацию, которая, в сочетании с вращением, чуть не свела его с ума. Теперь огненный выхлоп за кормой его судна походил на вытянутую спираль.

Корабль продолжал идти по кривой, пока восемьдесят третья планета снова не показалась в бортовых иллюминаторах. Еще два двигателя выбросили назад длинные светящиеся облака раскаленной керамической пыли. Планета стремительно росла. Полетел еще один двигатель.

Очевидно, как космическое транспортное средство корабль не оставлял никаких надежд, и лучшее, на что Лиминг мог рассчитывать,— посадить его в целости и сохранности, дабы спасти свою собственную шкуру. Он собрал все силы, чтобы выполнить эту ответственную задачу. Хотя корабль находился не в лучшем состоянии, им еще можно было управлять, рулевые двигатели работали отлично, а в исправности тормозных, размещавшихся на носу, он не сомневался.

Когда планета заполнила экран переднего обзора и ее бугристая поверхность распалась на горы, холмы и долины, он выключил оставшиеся главные двигатели и, удерживая корабль с помощью рулевых на прямом курсе, начал постепенно сбрасывать скорость. Продольное вращение прекратилось, и темп спуска начал замедляться, но его руки, вцепившиеся в рычаги управления, покрылись испариной.

Несомненно, приземлиться в нормальном положении — то есть на хвост — ему уже не удастся. Мощности двигателей явно не хватало, чтобы повернуть машину носом вверх и опуститься на огненном столбе регулируемого реактивного выхлопа. Корабль был в том ужасном состоянии, которое диспетчеры космопортов называют «слаб на задницу», а это значило, что пилоту придется садиться на брюхо — причем на той скорости, которая позволила бы до последнего момента сохранять управление.

Лиминг впился глазами в экран, на котором холмы росли, долины раздвигались, а туманный зеленый пушок превращался в ясно различимые вершины деревьев.

Панорама планеты разворачивалась перед ним, будто под огромным микроскопом. Пытаясь выровнять машину перед посадкой, он включил четыре главных двигателя и нижние рулевые.

Нос корабля приподнялся, он проскочил над долиной и перемахнул через надвигавшийся холм на высоте нескольких сотен футов. Пару минут спустя, миновав пятимильную лесную полосу, Лиминг обнаружил шеренгу решетчатых мачт с радиоантеннами, большое селение у реки и еще один лес, за которым расстилалось огромное болото. Как раз то, что нужно! Мысленно сотворив короткую молитву и врубив тормозные двигатели на полную мощность, он ввел машину в пологий вираж. Несмотря на этот ловкий маневр, первый удар о землю выбросил его из кресла и швырнул прямо на металлическую стенку кабины. Корабль со скрипом и кряхтением еще скользил вперед, когда Лиминг уже был на ногах. Тело его покрывали многочисленные синяки, но до более серьезных повреждений дело, к счастью, не дошло.

Пробравшись к пульту управления, он выключил тормозные двигатели и вырубил все энергопитание. Через несколько мгновений корабль потерял скорость и остановился. Наступила полная тишина, о которой Лиминг в последние тревожные недели уже успел забыть. Она буквально давила на барабанные перепонки: каждый вздох казался оглушительным свистом, каждый шаг сопровождался громким металлическим лязгом.

Он подошел к шлюзу и взглянул на показания анализатора атмосферы. Давление наружного воздуха не превышало пятнадцати футов на квадратный дюйм, и состав его оказался сходным с земным — с несколько увеличенным содержанием кислорода. Лиминг миновал шлюз и, встав на закраину люка, увидел в полутора десятках футов под собой поверхность планеты.

Он не мог воспользоваться автоматическим трапом, так как тот должен был опускаться от шлюза к хвосту, а сейчас корабль находился в горизонтальном положении. Конечно, он сумел бы повиснуть на руках и спокойно спрыгнуть вниз, но обратно ему уже не забраться: прыгать в высоту на четырнадцать футов он не умел. Единственное, чего ему сейчас не хватало,— это простой веревки.

— Они продумали все,— громко сетовал Лиминг, ощущая вполне объяснимое желание излить досаду.— Они продумали все на свете. Поэтому на двадцать футов веревки у них мозгов не хватило. Следовательно, мне остается только ее вообразить, а это

значит, что я выжил из ума. Каждый, кто разговаривает сам с собой, выжил из ума. Сумасшедший имеет право говорить все, что ему заблагорассудится. И когда я вернусь, я им все скажу и говорить буду долго!

Слегка разрядившись, он вернулся в кабину и начал бесполезные поиски чего-нибудь, что могло бы заменить веревку. Он уже собирался разрезать одеяло на полосы и связать их, когда вспомнил об электропроводке, соединявшей пульт управления с двигательным отсеком. Несмотря на спешку, ему понадобилось полчаса, чтобы освободить провода подходящей длины от клемм и вырвать их из стенных креплений.

Все это время нервы Лиминга были на пределе; он пристально вслушивался в доносившиеся снаружи звуки, ожидая появления врагов. В этом случае пришлось бы включить взрывное устройство и взлететь на воздух вместе с кораблем. Главное, чтобы машина не попала в руки противника; его собственная жизнь по сравнению с этим значила не так уж много.

Естественно, Лиминг не горел желанием превратиться в окровавленный фарш, разбросанный по всей округе, и поэтому работал быстро. Когда он привязал один конец кабеля к замку люка и опустил другой вниз к земле, вокруг никого еще не было видно.

Он спустился в густую, мягкую растительность, слегка напоминающую вереск. Подбежав к кормовой части корабля и бросив взгляд на двигатели, он понял, что ему крепко повезло. Одиннадцать главных дюз уже лишились термозащитной обшивки, а остальные девять были в таком плачевном состоянии, что явно не смогли бы выдержать больше чем два-три дня постоянной работы.

О том, чтобы произвести ремонт или хотя бы поднять корабль в воздух и перебраться в более укромное местечко, не могло быть и речи. Его многострадальная посудина и так поставила рекорд всех времен и народов, проделав путь сквозь добрую часть галактики, меж чужих солнц и вокруг неведомых планет. Теперь все это в прошлом. Лиминг в тоске поник головой. Уничтожение такого корабля казалось хладнокровным убийством, но другого выхода не было.

Только сейчас он окинул взглядом мир, в котором очутился. Небо было темно-синего цвета, который переходил в пурпур-

ный, с тусклой белесой дымкой на восточном горизонте. Солнце, уже перевалившее зенит, казалось больше и краснее земного; его лучи слегка обжигали кожу, но Лимингу это было приятно. Верескоподобная растительность покрывала равнину, простиравшуюся к востоку до горизонта, где едва виднелись первые ряды деревьев. Он мог различить гигантский шрам, прорезанный кораблем в лесу. В полумиле к западу мелкий кустарник тоже сменялся огромными деревьями.

Лиминг опять оказался в затруднении. Тот, кто не подумал о веревке, не учел и следующего: если сейчас взорвать корабль ко всем чертям, то вместе с ним пилот лишится массы вещей, необходимых для выживания,— прежде всего, огромного запаса концентратов. Чтобы спасти этот груз, Лиминг должен вытащить его из корабля, перенести в безопасное место и спрятать куда-нибудь, где бы его не обнаружили вражеские патрули.

Идеальным местом для тайника был ближайший лес. Но чтобы сохранить все жизненно необходимое снаряжение, пришлось бы совершить туда несколько ходок, рискуя при этом нарваться на врага вдали от корабля. Если он станет, как намеревался, кочующим с места на место беглецом, то, возможно, ему без труда удастся найти достаточно пищи, чтобы прожить здесь многие годы. Но уверенности в этом не было. О приютившем его мире он пока не знал ничего — кроме того, что в нем существует разумная жизнь и что планета является частью Сообщества или союзником латиан. Единственное, что ему оставалось,— предполагать, что местная форма разумной жизни, как и все остальные известные расы, более или менее человекоподобна.

Понимая, что нужно спешить, он не слишком долго обдумывал ситуацию. Пришла пора действовать, а не размышлять. Лиминг с остервенением взялся за работу. Он начал выбрасывать из шлюза коробки и банки, одну за другой, и занимался этим, пока не очистил всю кладовку.

Патрулей врага, к счастью, все еще видно не было, и Лиминг принялся по частям перетаскивать груз к вершине. Гнетущее беспокойство заставляло его прилагать слишком много усилий: всякий раз он пытался унести с собой больше, чем мог ухватить. Путь к лесу усеивали оброненные банки, которые приходилось подбирать при возвращении к кораблю. Поскольку обратно он

мчался бегом, останавливаясь только для того, чтобы подобрать упавшие вещи, до корабля он добирался почти бездыханным и уже наполовину нагруженным.

Наконец, взмокнув от усилий, он закончил работу, опять забрался в корабль и в последний раз осмотрелся, прикидывая, что бы еще прихватить с собой. Свернув одеяла, он увязал их в водонепроницаемую накидку; такой узел удобно нести за спиной. С сожалением Лиминг бросил взгляд на передатчик. Конечно, он мог бы послать радиограмму с сообщением, что потерпел аварию на планете номер восемьдесят три, и дать ее координаты. Но это не сулило ему ничего хорошего. Ни один из кораблей союзников, кроме специальных разведывательных машин, не смог бы добраться в такую даль без дозаправки и смены дюз. И даже если бы какой-то корабль умудрился совершить столь длительный перелет, у него оставалось бы не слишком много шансов найти и подобрать одинокого землянина, скрывающегося во враждебном мире.

Убедившись, что ничего стоящего не осталось, он натянул непромокаемый комбинезон, взял под мышку узел и со вздохом нажал красную кнопку на краю пульта. Лиминг знал, что между включением и взрывом должно пройти две минуты, так что времени оставалось немного. Миновав шлюз, он прыгнул вниз, тяжело шмякнулся в кусты и изо всех сил рванул к лесу. К тому времени, когда он добежал до деревьев, ничего не случилось. Скрывшись за стволом толстенного дерева, он ждал взрыва.

Секунды тянулись одна за другой. Никакого эффекта. Что-то тут было не так. Возможно, те типы, что позабыли о веревке, забыли и о запасе с детонатором. Время от времени он выглядывал из-за дерева, прикидывая, не вернуться ли ему, чтобы проверить, подключен кабель к взрывному устройству или нет.

И тут корабль взлетел на воздух. Он взорвался с оглушительным грохотом, от которого покачнулись деревья и содрогнулись небеса. Вверх взметнулся колоссальный столб дыма, огня и бесформенных обломков. Взрывная волна, гнавшая горячий воздух, накатила на ствол дерева, за которым прятался Лиминг; на мгновение он почувствовал, что задыхается. Затем пошел ливень из кусков искореженного металла, падавшего на землю.

Испытывая благоговейный трепет, Лиминг выглянул из-за дерева и увидел дымящуюся воронку, окруженную двумя-тремя

акрами выжженной земли. И тут он совершенно ясно осознал, что смотрит на останки своего корабля, а до Земли — многие миллионы миль.

Когда враги наконец появятся, они наверняка начнут искать пропавший экипаж. Первоначальное обследование этого мира, хоть и проведенное наспех, всего за один виток экватора, показало, что здесь существует высокоразвитая цивилизация. Лиминг обнаружил космопорт с пятью торговыми судами и одним легким крейсером Сообщества; правда, все корабли были допотопными. Совершенно очевидно, что туземцы достигли высокого уровня развития и вполне могут сообразить, сколько будет дважды два. Сравнительно небольшая глубина воронки и широкий разброс обломков свидетельствовали, что корабль не потерпел катастрофу, а был взорван после благополучной посадки. Обитатели близлежащего селения могут сообщить, что между появлением корабля над их крышами и последовавшим вслед затем взрывом прошло порядочно времени. Далее, будет установлено, что в этом районе не пропадал ни один корабль Сообщества. Исследование обломков выявит, что в них присутствуют чужеродные материалы. Отсюда неизбежно заключение: корабль принадлежал врагу, а его команда, в целости и сохранности, куда-то скрылась.

Он решил, что имеет смысл убраться подальше от места взрыва, пока неприятельские патрули не начали обшаривать всю округу. Возможно, ему на роду написано быть схваченным, но его дело — постараться оттянуть этот злосчастный день. Главное в жизни — еда, питье и жилище, причем самое главное — все-таки еда. Именно это обстоятельство несколько задержало его отступление. Зато теперь провианта ему хватит на несколько месяцев.

Но одно дело — иметь, совсем другое — сохранить. Во что бы то ни стало он должен найти тайник, к которому мог бы время от времени возвращаться — с уверенностью, что спрятанному добру ничего не грозит. Он углубился в лес, широкими зигзагами двигаясь в поисках подходящего места для временного тайника. Видимость была отличной, поскольку местное светило поднялось высоко, а деревья не слишком мешали обзору.

Он искал тут и там, ворча про себя и награждая непристойными эпитетами тех, кто комплектовал снаряжение разведыва-

тельного корабля. Будь у него лопатка, он давно уже выкопал бы тайник и припрятал свои вещички. Но лопата отсутствовала, а копать землю голыми руками было бы слишком долго.

В конце концов он наткнулся на что-то вроде пещеры между толстенными корявыми корнями огромного дерева. Далеко не лучший вариант, но выбирать не приходилось. К тому же он забрался в самую чащу, и это внушало надежду, что обнаружить тайник будет непросто. Немного подумав, он нашел тяжелый булыжник и изо всех сил швырнул его в пещеру. Оттуда не донеслось ни визга, ни воя, ни рычания. Пещера была пуста.

Еще час Лиминг потратил, чтобы перетащить сюда свой запас продуктов и тщательно его уложить. Себе он оставил лишь недельный паек. Когда дело было сделано, он замаскировал вход комьями земли и ветками. Теперь он был уверен, что даже полк вражеских солдат, прочесывая лес, навряд ли найдет его тайник.

Уложив недельный запас продовольствия в небольшой рюкзак и привязав к нему одеяло, Лиминг быстро зашагал к югу, придерживаясь опушки леса. Конкретного плана действий у него еще не было, но он понимал, что нужно поскорее смываться, пока не обнаружена воронка от взрыва и неприятельские патрули не начали прочесывать окрестности. Он сомневался, что поиски будут продолжаться дольше нескольких дней; после этого враги могут поверить в гибель экипажа.

С другой стороны, розыски еще не начались, и такое длительное отсутствие интереса к его персоне удивляло Лиминга. Во всяком случае, решил он, вернуться за едой через неделю будет относительно безопасно.

Он шел уже три часа и проделал путь в десяток миль, когда наконец заметил первые признаки активности неприятеля. Он устало тащился между лесом и заросшим кустами торфяником, когда из-за горизонта появилась черная точка, стремительно выросла в размерах и беззвучно пронеслась над ним; через несколько секунд он услышал пронзительный визг.

Двигаясь на такой высоте и скорости, пилот навряд ли сумел его заметить. Лиминг спокойно стоял в тени дерева и наблюдал, как самолет промчался на север. Он опять превратился в крохотную точку, потом повернул и начал круговой облет местности. Насколько Лиминг мог судить, машина кружила над местом взрыва.

Было ясно, что сообщение о взрыве передали куда-то в центр. Теперь, обнаружив место катастрофы, самолет дал радиограмму и начал барражировать над ним. Когда на базе, выславшей машину, получат сообщение о гибели корабля, начнется большой переполох; возможно, местное начальство примет его на свой счет и начнет выяснять, откуда он тут взялся. Если повезет, этот процесс займет некоторое время — пока им не станет ясно, что они имеют дело с чужим судном, скорее всего — вражеским, которое забралось в далекий тыл Сообщества.

В любом случае теперь они примутся искать уцелевший экипаж с особым рвением. Лиминг решил, что настала пора углубиться в лес, под прикрытие деревьев. Правда, идти придется медленнее, однако там его будет труднее обнаружить. В путешествии по лесу таились две опасности, но с обеими приходилось мириться за неимением лучшего.

Во-первых, он мог сбиться с пути, пойти по кругу и в конце концов вновь очутиться в районе посадки корабля; тогда он попадет прямо в руки тех, кто его там поджидает. Во-вторых, Лиминг рисковал встретиться с неизвестными формами дикой жизни — с плотоядными тварями, обладающими невероятным аппетитом. У него имелось весьма эффективное средство защиты от нападения хищников, но использовать его Лимингу очень не хотелось. Это был пневматический пистолет, стреляющий разрывными капсулами, наполненными отвратительно пахнущей жидкостью. Любое живое существо, вдохнув этот аромат, вывернет желудок наизнанку; та же участь может постигнуть и стрелка, если он не учтет, куда дует ветер.

Некий земной гений пришел к выводу, что трон царя зверей занимает не лев и не гризли, а небольшое кошкоподобное создание — старина Джо Скунс. Каждая его битва с врагами сводится к победоносному отступлению с поднятым хвостом. Другой гений синтезировал жуткую жидкость, в семьдесят раз более мерзкую, чем выделения старины Джо. В результате Лиминг оказался перед выбором: либо удирать от зверя изо всех сил, рискуя при этом очутиться у него в желудке, либо вывернуть свой — за компанию с этим несчастным созданием.

Однако свобода стоит любого риска, так что он углубился подальше в лес и продолжал путь. Спустя примерно час он услы-

шал стрекотание множества вертолетов, пронесшихся над его головой на север. Судя по звуку, их было довольно много, но он не увидел ни одной машины, так как кроны деревьев заслоняли большую часть неба.

Лиминг решил, что вертолеты наверняка везут поисковые группы в район взрыва. Спустя некоторое время одинокая машина с громким жужжанием медленно пролетела над лесом — так низко, что поток воздуха от ее винтов заставил трепетать верхние ветви деревьев. Вертолет двигался неторопливо, и его гул походил на бодрое жужжание вентилятора. Лиминг замер, прижавшись к шишковатому древесному стволу; стрекот мотора постепенно удалялся. Вскоре он почувствовал усталость и решил передохнуть у поросшего лишайником пригорка. Лимингу казалось, что он слишком быстро теряет силы; поразмыслив, он пришел к выводу, что этот мир крупнее Земли или обладает большей массой. Он чувствовал, что вес его увеличился сравнительно с земным — процентов на десять или чуть больше. Но, возможно, он просто потерял форму после длительного заточения в корабле. В любом случае скорость его упадет и, соответственно, уменьшится расстояние, которое он сумеет одолеть за день.

И тут до него дошло, что день в этом мире длится значительно дольше, чем на Земле. Заходящее солнце стояло градусах в сорока над горизонтом. Судя по длине дуги, которую светило прошло с момента посадки, местные сутки составляют тридцать — тридцать два часа. Ему придется приспосабливаться к такому распорядку — дольше спать и дольше идти. Это будет не так-то просто.

«Полнейшая изоляция. Черт возьми, как это мерзко»,— подумал он, поглаживая продолговатую выпуклость под левым карманом своего комбинезона. Эта выпуклость была там всегда, так что он уже почти забыл о ее существовании. Если же Лиминг и вспоминал о ней, то полагал, что все комбинезоны снабжены подобными выпуклостями — по причинам, известным лишь всемирному профсоюзу портных. Внезапно, в порыве гениального озарения, он вспомнил, как кто-то однажды показывал ему на эту самую выпуклость и объяснял, что там хранится аварийный комплект.

Вытащив карманный нож, Лиминг подпорол подкладку и достал небольшую плоскую коробочку из коричневой пластмассы. Рядом с ее ободком была тонкая щель не больше волоска толщиной, но ни замочной скважины, ни кнопки, ни ручки он не обнаружил.

Лиминг пытался открыть коробочку и так и этак, но ничего не получалось. Он пробовал вставить в щель лезвие ножа, чтобы таким образом взломать эту штуку, но нож соскочил, и он лишь поранил себе большой палец. Посасывая его, он свободной рукой стал шарить за подкладкой в надежде найти какие-нибудь инструкции на сей случай.

Единственным зримым результатом розысков была грязь под ногтями. Помянув Бога, дьявола и умников из Генерального штаба, он в раздражении шваркнул коробку о землю. То ли удар был официально утвержденным способом ее открывания, то ли возымели действия его проклятия, но эта дрянь открылась. Лиминг тут же принялся тщательно исследовать ее содержимое, сулившее ему надежду на выживание.

Для начала он обнаружил крохотный, с горошину, пузырек, украшенный черепом с костями, в котором плескалась желтая маслянистая жидкость. Судя по всему, это был яд — на крайний случай. Если даже не принимать во внимание череп, инстинкт подсказывал Лимингу, что там вряд ли находится приворотное зелье.

Затем на свет появилась вытянутая узенькая бутылочка с содержимым, напоминающим грязноватую слизь. На ней красовалась наклейка с длинным впечатляющим перечнем витаминов, белков и прочих полезных для организма веществ. Когда принимать это снадобье, в каких дозах и сколь часто, судя по всему, нужно было решать самому пациенту — или жертве.

Далее он обнаружил маленькую запечатанную баночку без всяких этикеток. Распечатать ее было невозможно, так как крышка отсутствовала. В баночке могло находиться все, что угодно,— от лососины до гуталина или шпаклевки. Если бы ему потребовалось зашпаклевать иллюминаторы, чтобы оградить себя от происков врага, он ни за что бы не расстался с таким ценным предметом снаряжения.

Отбросив ее в сторону, Лиминг достал следующую баночку. Она была длиннее, уже и, к счастью, имела крышку. Отвернув

ее, он обнаружил внутри головку разбрызгивателя. Он встряхнул баллончик, и ему на ладонь брызнул мелкий порошок, напоминающий перец. Ну что ж, такая штука будет полезна, если ему придется сбивать со следа гончих собак — которые, конечно, должны водиться на всех планетах галактики. Лиминг осторожно понюхал ладонь. Порошок пахнул точь-в-точь как молотый перец. Он злобно чихнул, вытер руку носовым платком, закрыл баночку и произнес пару ласковых слов в адрес специалистов космобазы. Результат не замедлил сказаться: платок воспламенился прямо у него в кармане. Лиминг стремительно вытащил его, кинул на землю и затоптал ногами. Снова открыв баллончик, он выпустил из него несколько крупинок на чахлое засыхающее деревце. Минуту спустя оно запылало, стреляя искрами. При этом повалил ужасный дым, так что деревце пришлось немедленно загасить.

Экспонат номер пять говорил сам за себя — если, конечно, вы обладаете ясновидением. Это была очередная бутылочка с бесцветной жидкостью и с этикеткой, на которой значилось: «Две капли на сто фунтов безуглеродной жидкости». Особо зловещий оттенок сему таинственному предписанию придавал опять-таки череп со скрещенными костями. Рассмотрев бутылочку, Лиминг решил, что жидкость является либо ядом, либо сногсшибательной приправой из китайского ресторана. Очевидно, если вам предстоит встреча с двадцатидвухтонным носорогом, то следует вычислить необходимую дозу и всадить ее в несчастное животное, предварительно растворив порошок в безуглеродной жидкости. После такого подвига можно не опасаться за свою жизнь: носорог, несомненно, упадет замертво или заснет.

Под номером шестым шла миниатюрная фотокамера, которую можно было спрятать в кулаке. К проблеме выживания она не имела ни малейшего отношения. Должно быть, в этот набор ее включили с совершенно иными намерениями. Вероятно, земная разведслужба решила, что тот, кто выберется живым из враждебного мира, пожелает увезти с собой на память сувениры в виде фотографий. Что ж, приятно думать, что кто-то обладает подобным оптимизмом. Лиминг сунул камеру в карман — не столько в надежде ею воспользоваться, сколько потому что она являлась прекрасным образчиком земной технологии, слишком ценным для того, чтобы его выкинуть.

Седьмой и последний дар оказался самым желанным и, на его взгляд, единственно стоящим: это был компас со светящейся стрелкой. Лиминг аккуратно спрятал его во внутренний карман.

После некоторых размышлений он решил сохранить баночку с самовозгорающимся порошком, а от остальной ерунды избавиться. Он зашвырнул яд и бутылочку с неаппетитным содержимым подальше в кусты; за ними последовала банка с подозрительной шпаклевкой. В результате раздался чудовищный взрыв, поднялся столб пламени и огромное дерево, вырванное с корнями, взлетело футов на двадцать вверх.

Взрывная волна опрокинула Лиминга на землю, но он успел вскочить вовремя, чтобы увидеть, как над вершинами деревьев поднялась струя дыма, похожая на указующий перст. Ясное дело, заметить ее можно было издалека — не хуже, чем аэростат с полотнищем, на котором трехметровыми буквами было бы написано: «ВОТ ОН, Я!»

Лимингу оставалось одно — поскорее сматывать удочки. Схватив свои пожитки, он со всех ног припустил на юг. Он пробежал уже мили две, когда позади раздался бодрый шум вертолета. Немного позже он различил стрекотание еще одной машины, которая, очевидно, садилась там, где он слегка нашалил. Должно быть, в лесу как раз освободилось место для посадки, поскольку баночка со взрывчаткой расчистила достаточное пространство.

Он попытался бежать быстрее, но ему приходилось продираться сквозь кусты, карабкаться по крутым холмам, форсировать овраги и ложбины — причем все это время Лимингу казалось, что у него на ногах сапоги сорок пятого размера.

Солнце садилось, тени удлинялись, и ему опять пришлось остановиться на отдых. Он был совершенно измотан и не имел ни малейшего представления о пройденном расстоянии: двигаться по прямой оказалось невозможным, а блуждания между кустами не давали возможности правильно оценить путь. Тем не менее никаких посторонних звуков слышно не было; хотя планета, несомненно, кишела жизнью, он чувствовал себя так, словно был единственным существом во всем космосе.

Передохнув, Лиминг шел до наступления темноты, которую едва рассеивали лишь бесчисленные звезды и две крошечные

луны. Тогда он перекусил и лег спать на укромной полянке, завернувшись в одеяла и положив рядом пистолет со зловонными капсулами. Бог его знает, какой зверь мог подобраться к нему посреди ночи; но у Лиминга уже не было сил над этим думать. Что бы ни случилось, человеку непременно нужно поспать — даже если он рискует проснуться в чьем-нибудь желудке.

Глава 4

Убаюканный тишиной и усталостью, Лиминг проспал двенадцать часов. Но сон его был тревожным. Дважды он просыпался, ощущая, что рядом в темноте кто-то крадется. Лиминг лежал, не двигаясь, сжимая пистолет и тараща глаза в ночной мрак, пока его опять не одолевал сон. Пробудившись во второй раз, он увидел в небесах пять лун, причем самая маленькая из них очень быстро передвигалась по небосводу с легким, но различимым свистом. Зрелище было столь мимолетным и неправдоподобным, что он так до конца и не понял, то ли действительно видит его воочию, то ли досматривает очередной сон.

Он хорошо выспался, но до рассвета было еще далеко. Чувствуя прилив бодрости, Лиминг скатал одеяла, посмотрел на компас и попытался продолжить путь на юг. Он шел вперед, время от времени спотыкаясь о невидимые в темноте корни деревьев и проваливаясь по колено в невесть откуда взявшиеся ручьи. Пожалуй, при свете звезд и луны он еще смог бы двигаться по полю. Но не по лесу. Лиминг с сожалением остановился: не имело смысла изводить себя, ковыляя в полумраке по лесным прогалинам, то и дело сменяющимся участками кромешной тьмы. Каким-то образом он умудрился отыскать еще одну поляну и расположился на ней, нетерпеливо ожидая наступления утра.

Когда на горизонте появились первые проблески зари, что-то прошуршало в кустах, ярдах в ста от него. Он нервно вскочил и выставил перед собой пистолет, прислушиваясь к посторонним звукам. Кусты шуршали, опавшие листья шелестели, ветки трещали — мимо пробиралась невидимая тварь.

Судя по неторопливо удалявшемуся тяжелому топоту, животное было вялым и грузным. Ничего не различая в темноте, Ли-

минг не мог понять, проходит ли за кустами целое стадо или только одна зверюга — кошмарное существо вроде колоссального червя, прародителя всех анаконд и удавов. Но, к счастью, тварь не пожелала познакомиться с ним поближе и мирно удалилась.

Наконец рассвело, и Лиминг смог продолжить путь на юг. Он шел до полудня, пока не наткнулся на огромную каменистую впадину в скале, весьма похожую на заброшенную каменоломню. По краям она поросла деревьями, а дно покрывали невысокие кусты, меж которыми извивался прозрачный ручеек. Сверху свисали лианы; их яркая зелень выделялась на серой поверхности камня.

Лиминг насчитал в скале шесть расщелин, которые, вероятно, вели в другие пещеры меньших размеров. Оглядевшись по сторонам, он решил, что нашел себе отличное убежище. Конечно, он не собирался сидеть тут до старости, справедливо полагая, что длительное пребывание в одном месте вряд ли пойдет ему на пользу. Однако здесь можно на время затаиться, переждать вызванную его вторжением суматоху и обдумать план дальнейших действий.

Спуск по крутой, почти отвесной скале на дно впадины оказался совсем не простым делом. Лиминг, однако, был доволен: то, что трудно для него, будет не менее трудным для других и отпугнет любой патруль, который вздумает рыскать в этих местах. Правда, ему не пришло в голову, что поисковая группа способна легко достигнуть дна с помощью вертолета.

Вскоре он нашел подходящую пещеру, скинул поклажу и блаженно растянулся на сухом песке. Теперь настало время подумать о горячей пище. Передохнув, Лиминг набрал сухих веток, разжег небольшой костер, налил воды в походный котелок и приготовил из своих запасов густой суп. Он проглотил это варево вместе с витаминизированными хлебцами и, наевшись до отвала, пришел в благодушное настроение.

Для моциона он немного побродил по своим затерянным владениям, простиравшимся акра на четыре. Вокруг на восемьдесят футов возвышались скалистые стены, над которыми еще футов на двести вздымались кроны гигантских деревьев. Если бы корабль приземлился здесь в обычном вертикальном положе-

нии, никто не смог бы разыскать его долгие годы — разве что заметить случайно сверху. Лиминг пожалел, что не обнаружил это место раньше; он наверняка попытался бы сесть тут и сохранить корабль, который можно было бы использовать как дом — а в случае необходимости и как крепость. Неприятелю пришлось бы попотеть, чтобы извлечь его из прочного металлического корпуса; к тому же у него оставались в полной сохранности рулевые и тормозные двигатели, боевая мощность которых не уступала нескольким артиллерийским батареям.

В земле повсюду виднелись какие-то дыры. Подобные отверстия он обнаружил и у подножия каменных стен. Чем-то они напоминали Лимингу кроличьи норы. Если обитатели были похожи на земных кроликов, то можно существенно пополнить запасы продовольствия.

Опустившись на четвереньки, Лиминг заглянул в две-три норы, но не сумел ничего разглядеть. Он нашел длинную тонкую палку и пошуровал ею внутри, но безрезультатно. В конце концов он притаился поодаль и просидел, не двигаясь, часа два. Вдруг из норы появилось нечто смахивающее на толстого лохматого паука; существо заметило его и тут же убралось восвояси. Возможно, оно и было съедобно, но одна мысль об этом вызывала тошноту.

Вдруг ему пришло в голову, что, несмотря на обилие деревьев, он не видел и не слышал ничего похожего на птиц. Если какие-то летающие создания и обитали в лесу, то они вели ночной образ жизни. Кроме того, здесь совсем не было насекомых, что его весьма радовало. В любом незнакомом мире насекомообразные представляли серьезную угрозу для жизни странствующего землянина. На Гипатии, например, существовали жуки-визгуны, которые носились со скоростью шестьсот миль в час. Такой жук мог на лету аккуратно продырявить человека, космический скафандр и все, что угодно, ничуть не хуже пули, выпущенной из пистолета сорок пятого калибра.

Неподалеку от скал Лиминг обнаружил густые заросли растений, напоминавших земной папоротник. Их огромные перистые листья источали приятный аромат. Он набрал большую охапку, кинул ее на сухой пол пещеры, а сверху расстелил одеяла. Теперь у него была постель — самая мягкая и удобная со времен детства.

Хотя Лиминг тянул волынку как мог, остаток дня оказался свободным. Он исследовал каменоломню вдоль и поперек, поел, прибрался в пещере, выполнил массу полезных, но совершенно необязательных дел, а солнце все не собиралось заходить. По его подсчетам, до наступления темноты оставалось еще часов шесть. Собственно, ничто не мешало Лимингу завалиться спать прямо сейчас, но тогда пришлось бы бодрствовать посреди столь же долгой ночи. Приспособиться к чужому времени всегда непросто.

Тогда он сел у входа в пещеру и стал размышлять, чем бы заняться в ближайшем будущем. Для начала придется несколько недель потратить, чтобы перетащить запас продовольствия из тайника у места взрыва. Потом, используя пещеру как опорный центр, стоит произвести вылазки по всем ближайшим направлениям и собрать максимум сведений о потенциале планеты.

Если его исследования покажут, что он способен выжить в этом мире, наступит время более далеких путешествий. Он проведет осторожную разведку населенных территорий и в конце концов найдет космопорт. Может быть, удача улыбнется ему — он сумеет похитить заправленный топливом вражеский корабль и убраться отсюда подобру-поздорову...

Конечно, пока это пустые мечты, шанс на успех — один из тысячи... скорее — из десяти тысяч... но может же ему выпасть счастливый случай! Да, остается всего-навсего найти этот шанс и заставить его сработать! Но если даже удастся захватить подходящий космический разведчик, все равно остается куча проблем. Отсюда ни один корабль не сможет добраться до ригелианского сектора без дозаправок горючим и смены дюз. Значит, посередине пути ему предстоит украсть еще одно судно. С другой стороны, то, что сделано один раз, всегда можно повторить... Впрочем, у него так мало шансов вновь увидеть родную Землю, что сейчас не стоит ломать себе голову; лучше положиться на удачу, памятуя о старой поговорке: пока живешь — надейся.

Незадолго до сумерек у него над головой пронесся реактивный самолет, напомнив, что на планете существует разумная и довольно активная жизнь. До сих пор абсолютная тишина и полное отсутствие птиц и насекомых делали ее похожей на курорт для заблудившихся пилотов космофлота. Укрывшись над нависающим карнизом пещеры, он проследил, как небольшое пят-

нышко пересекло небосвод и исчезло где-то на юге. Чуть позже он лег спать.

Рано утром над ним друг за другом пролетели восемь вертолетов. Следуя цепью на расстоянии сотни ярдов, они проплыли футах в пятидесяти от макушек деревьев. Было решительно непонятно, что надеялись разглядеть пилоты под густой сенью ветвей, но поиск несомненно продолжался.

«Трудитесь, трудитесь»,— подумал Лиминг, лениво наблюдая за проплывавшими над его убежищем машинами. Очевидно, они получили приказ осмотреть местность, хотя вряд ли им удастся заметить что-нибудь интересное. Наверняка пилоты радовались временной свободе и отпускали шуточки по поводу дуболома, пославшего их сюда. Можно побиться об заклад, что сам он никогда в жизни не видел лес с вертолета, однако благодаря своему рангу имел полное право судить, каким именно способом нужно искать блох в собачьей шерсти. «Мысли пачкают мозги» — это справедливо в любой части космоса. Лиминг придерживался мнения, что войны не кончаются победой умников, они завершаются поражением той стороны, где остолопов больше. А кроме того, войны продолжаются довольно долго, так как кретинизм обеих противоборствующих сторон примерно одинаков.

К концу четвертого дня у него челюсти сводило от зевоты. Ничего не скажешь, всю жизнь мечтал торчать в пещере. Придется браться за дело. Нужно поскорее встряхнуться и для начала перепрятать запас продовольствия. Он чувствовал — пора заводить эту чертову канитель с переброской тайника в новую пещеру, подальше к югу.

На рассвете он выступил в путь и как можно быстрее устремился на север. От бодрой ходьбы он так воспрянул духом, что с трудом удержался от желания засвистеть на ходу. Его марш-бросок и так наделал достаточно шума, нет смысла и дальше привлекать внимание патрулей, которые, быть может, уже рыщут по лесу.

Приближаясь к месту посадки, он сбавил шаг. Здесь, как нигде, необходимо быть начеку — кто знает, сколько вражеских патрулей околачивается поблизости. Когда до тайника рукой было подать, он уже крался, перебегая от дерева к дереву, при этом то и дело останавливаясь, чтобы оглядеться и прислушаться.

Лиминг убедился, что тайник в целости и сохранности, и у него отлегло от сердца. Все припасы оказались на месте, в полной неприкосновенности.

Похоже, что враг не объявлялся ни здесь, ни даже в радиусе пятидесяти миль отсюда. Приободрившись, он решил подойти к опушке и еще раз осмотреть место взрыва. Интересно, хватило ли у туземцев ума забрать обломки корабля, чтобы выяснить их происхождение. Конечно, толку от такой информации немного, но Лиминга разбирало любопытство, а кажущаяся безопасность притупила его бдительность.

Медленно и осторожно, словно кошка, подкрадывающаяся к птичке, он добрался до края леса и оказался ярдах в двухстах от места, где ожидал увидеть воронку. Проскользнув под прикрытием деревьев еще дальше, он замер и, забыв обо всем на свете, устремил взгляд на останки корабля. Вокруг по-прежнему валялись искореженные обломки металла, так что невозможно было сказать, исчезло что-нибудь или нет.

Осмотревшись по сторонам, Лиминг с изумлением обнаружил, что в четверти мили от него, у края леса, выстроились рядком три вертолета. Машины были явно пусты, и вокруг никто не отсвечивал, значит, экипаж где-то неподалеку. Волосы у него зашевелились, и он попятился обратно в лес. Но не успел сделать и пары шагов.

За спиной зашуршала палая листва, в позвоночник уперлось что-то твердое, и хриплый гортанный голос произнес:

— Смудж!

Досадуя на собственную дурость, Лиминг обернулся. Перед ним стоял гуманоид на голову ниже его самого, зато раза в два толще. Мощный, приземистый экземпляр, облаченный в форму мышиного цвета и металлическую железную каску, сжимал в руках некий опасный предмет, напоминающий ружье. Кожа у незнакомца была чешуйчатая, как у ящерицы, над лишенными век глазами выступали роговые наросты. Он смотрел на Лиминга холодным немигающим взглядом кобры.

— Смудж! — повторил толстяк, подтолкнув его ружьем.

Подняв руки, Лиминг попытался изобразить улыбку и быстро сказал на космоарго:

— Не нужно. Я друг, я свой.

Ни малейшего эффекта. То ли собеседник не понимал космоарго, то ли смекнул, что ему нагло врут. Во всяком случае, выражение крокодильей морды никак не изменилось и в глазах ничего не мелькнуло. Он резко свистнул. Лиминг заметил, что губы его при этом не шевельнулись,— казалось, звук идет прямо из горла.

На его зов из леса, по соседству с вертолетами, выскочило еще десятка два солдат. Земля дрожала под ногами, пока они неуклюже, вразвалку, мчались на подмогу. Столпившись вокруг Лиминга, они без всякого любопытства, с нечеловеческим равнодушием уставились на него. Потом залопотали что-то похожее на тот идиотский разговор, в который он встрял во время космического полета.

— Позвольте мне проинформировать гуся!

— Заткнись, не видишь, сколько ног у порося?

— Я свой, я друг,— снова изрек Лиминг с подобающим случаю достоинством.

Это заявление заставило их дружно замолкнуть. Все как один уставились на него змеиным взглядом, а самый здоровенный осведомился:

— Шпиц шприц?

— Я разведчик Сообщества, прибыл к вам издалека,— увещевал их Лиминг, как будто клялся на невидимой Библии,— так что требую немедленного освобождения.

Его речь снова не произвела ни малейшего впечатления. Никто не улыбнулся, не бросился с поцелуями. Стало ясно, что ни один из них ни слова не знает на космоарго. Совсем темный народ, и вдобавок ни одного офицера на всю команду.

— Нет, вы послушайте...— начал он, опуская руки.

— Смудж! — заорал взявший его в плен здоровяк, угрожающе выставив ружье.

Лиминг снова поднял руки и злобно уставился на солдат. Теперь они начали быстрый обмен мнениями, в котором почему-то часто упоминались сыр и запальные свечи. Придя к общему согласию, его обыскали, отобрав все, что можно, в том числе и подтяжки.

Потом погнали к вертолетам. Подчиняясь грубой силе, он мрачно плелся вперед, поддерживая руками спадающие штаны.

Считалось, что штаны должны держаться сами собой, подтяжки прилагались на всякий пожарный случай. Но за время полета Лиминг заметно похудел, так что талия в обхвате уменьшилась, а демонстрировать неприятелю задницу он решительно не собирался.

Повинуясь команде, он залез в вертолет и тут же быстро повернулся в надежде захлопнуть дверь, оставив конвоиров снаружи, и попытаться взлететь. Не тут-то было. Один из солдат лез за ним по пятам, а когда Лиминг обернулся, тот уже протискивался в кабину. Вслед за ним внутрь набилось еще четверо. Пилот сел в кресло и включил двигатель.

Лопасти винта над головой дрогнули и закружились, постепенно набирая обороты. Машина пару раз подпрыгнула, оторвалась от земли и взмыла в багряное небо.

Путешествие оказалось недолгим. Пролетев над равниной, покрытой лесами и болотами, они снизились над большим селением, которое Лиминг видел сверху всего несколько дней назад. Вертолет мягко сел на бетонную площадку позади унылого здания, которое показалось Лимингу чем-то средним между казармой и сумасшедшим домом.

Солдаты вошли в здание, прогнали пленного по коридору и втолкнули в каменный мешок. Тяжелая дверь с крошечным зарешеченным оконцем захлопнулась. В замке повернули ключ. Через минуту в оконце показался один из конвоиров.

— Мы еще загнем Мордотройду салазки,— обнадежил он Лиминга.

— Спасибо,— отозвался тот.— Чертовски любезно с вашей стороны.

Толстяк убрался. Лиминг раз десять обошел свою камеру, потом расположился на голом деревянном настиле, который, вероятно, должен был служить одновременно и сиденьем, и лежанкой. В камере не было даже окна, чтобы выглянуть наружу, да и вообще никакого отверстия, кроме двери. Опершись локтями о колени, Лиминг закрыл лицо руками.

Господи, ну и дурака же он свалял! Ну что ему стоило захватить побольше еды и поскорее сматывать удочки? Казалось бы, такое везение, тайник оказался цел — ну и будь доволен, хватай вещички и вали. Нет, надо было повсюду совать свой нос и влезть прямехонько в ловушку. Видимо, нервное напряжение от дол-

гого полета или что-то в составе здешней атмосферы ударило ему в голову. Как бы то ни было, он влип — теперь они наделают из него котлет.

Впрочем, что толку гадать о будущем. Он знал, что Сообщество уже захватило несколько сотен пленных, в основном — поселенцев с окраинных планет, на которые напало без всякого предупреждения. Судьба их была покрыта мраком. По слухам, каждый народ, входивший в Сообщество, придерживался собственных принципов обращения с военнопленными — кто более гуманных, а кто и менее. Поскольку про аборигенов этой планеты он вообще ничего не знал, то об их тактике оставалось только догадываться — или же, как в его случае, испытать ее на собственной шкуре.

Ходили разговоры — правда, никто не знал, насколько они соответствуют истине,— что латиане, к примеру, считают настоящими военнопленными только тех, кто попадется безоружным, а тех, у кого окажется при себе оружие, расстреливают на месте. Даже наличие ножа служит поводом для немедленной расправы, если только его лезвие длиннее среднего пальца руки владельца. Хотя не исключено, что все эти россказни — сплошное вранье. Космическая служба издавна считалась рассадником неисправимых трепачей.

Лиминг не знал, сколько он так просидел. Часы у него отобрали, а определиться по солнцу возможности не было. Через некоторое время охранник открыл дверь и вполне понятным жестом скомандовал ему на выход. Лиминг вышел и обнаружил в коридоре второго охранника. Один двинулся впереди, второй — следом за пленным. Так они прошествовали по всему зданию и вошли в просторный кабинет.

Его единственный обитатель, начальственного вида тип, сидел за столом, заваленным содержимым карманов пленника. Лиминг приблизился, все так же поддерживая руками штаны. Охранники, демонстрируя тупое усердие, встали по обе стороны от двери.

Сидящий за столом изрек на приличном космоарго:

— Я майор Клавиз. Обращаться ко мне будете почтительно, как к большому начальнику. Ясно?

— Да.

— Ваше имя, чин и личный номер?

— Джон Лиминг, лейтенант, сорок семь тысяч девятьсот двадцать шесть.

— Биологический вид?

— Землянин. Вы когда-нибудь видели землян?

— Вопросы здесь задаю я,— жестко сказал Клавиз,— а вы должны на них отвечать.— Он сделал паузу, чтобы его слова получше дошли до пленника, а затем продолжал: — Вы прибыли сюда на корабле, построенном на Земле, не так ли?

— Конечно,— бодро согласился Лиминг.

Подавшись вперед, Клавиз многозначительно спросил:

— На какой планете вы пополняли запас топлива?

Лиминг молчал: мысли его лихорадочно кружились. Ясное дело, никто не поверит, что он добрался сюда без единой дозаправки. Они убеждены, что ему помогли на какой-то планете, входящей в Сообщество. Теперь от него потребуют выдать предателей. Прекрасная возможность посеять раздор в рядах противника, но — увы! — для него она неосуществима. Ведь он только проводил разведку вражеских территорий и не приземлялся ни на одной из планет. Так что теперь даже ради спасения собственной шкуры он не сумеет сказать ничего конкретного ни об одном из народов, населяющих те планеты Сообщества, которые попались на его пути.

— Только не пытайтесь делать вид, что не знаете,— с издевкой предупредил Клавиз.

— И знаю, и не знаю,— ответил Лиминг.— Мне известен только номер планеты — Х-тринадцать тысяч сто семьдесят три. Но я не имею ни малейшего представления, как вы ее называете или как они сами себя называют.

— Утром мы представим вам подробные карты звездного неба, и вы точно укажете нам ее местонахождение. А пока посоветую вам как следует освежить свою память — За этим последовала еще одна пауза, сопровождаемая немигающим змеиным взглядом.— Вы доставили нам немало хлопот. Мне пришлось прилететь сюда, потому что я единственный на этой планете, кто владеет космоарго.

— А как же латиане?

— Мы не латиане, и вы это прекрасно знаете. Мы — занги. Мы не собираемся рабски подражать обычаям своих союзников. Сообщество — это объединение свободных народов.

— Я понимаю, что вы так считаете, но могут быть и другие мнения.

— Меня совершенно не интересуют другие мнения. И я не намерен обсуждать с вами проблемы межзвездной политики.— Обозрев разбросанное по столу добро, Клавиз выудил из него перечницу.— В момент захвата у вас при себе оказался вот этот контейнер с зажигательным порошком. Его проверили, так что нам все известно. Зачем вы носили его с собой?

— Он входит в мой аварийный комплект.

— Зачем в аварийном комплекте зажигательный порошок?

— Чтобы развести костер, сварить еду или просто погреться,— сказал Лиминг, мысленно проклиная неведомого изобретателя комплекта.

— Не верю. Разве вам не хватило бы зажигалки?

— Зажигалки ломаются, или в них кончается заправка.

— Порошка тоже не хватило бы навечно. Вы мне лжете. Вам он нужен для диверсии.

— За здорово живешь устраивать несколько поджогов в миллионах миль от дома? Если уж мы бьем Сообщество, то делаем это покруче и с бóльшим толком.

— Возможно, так и есть,— согласился Клавиз.— Но меня далеко не удовлетворило ваше объяснение.

— Если я скажу вам правду, вы мне все равно не поверите.

— Позвольте мне судить об этом.

— Хорошо. Порошок был включен в комплект только потому, что кто-то из больших начальников посчитал это гениальной мыслью.

— Почему он так посчитал?

— Потому что любая его мысль — заведомо гениальная.

— Не понимаю.

— Я и сам не понимаю. Зато он понимает, а это главное.

— Только не для меня,— отрезал Клавиз.— В любом случае мы намерены провести анализ состава этого порошка. Очевидно, от контакта с воздухом он не воспламеняется, иначе носить его с собой было бы слишком рискованно. Для того чтобы воспламениться, он должен войти в соприкосновение с горючим веществом. Корабль, начиненный подобным грузом, способен уничтожить массу посевов. И если поджоги будут продолжать-

ся систематически, то по всей планете может начаться голод, не так ли?

Лиминг промолчал.

— Полагаю, одна из причин, приведших вас сюда,— испытание этого порошка в военных целях.

— Да мы могли бы спокойно испытать его у себя в пустынях, а не переть его через всю галактику.

— Испытание на вражеской территории — совсем другое дело.

— Если бы я волок его сюда для того, чтобы учинить несколько поджогов, то уж, наверное, прихватил бы тонн сто, а не несколько унций.

Клавиз не нашелся, что возразить, а потому решил перейти к следующему из лежащих на столе предмету.

— Насколько я понимаю, это миниатюрная камера. Замечательный прибор, и сработан искусно. Но ведь съемка с воздуха проще, быстрее и эффективнее, да и заснять можно гораздо больше, чем такой игрушкой. Не представляю, зачем она вам?

— Я тоже,— признался Лиминг.

— Так зачем же вы таскали ее с собой?

— Просто пожалел выкинуть.

Ответ был принят. Взяв камеру, Клавиз положил ее себе в карман.

— Это я могу понять. Она прекрасна, как жемчужина. Отныне камера переходит в мою личную собственность.— Он оскалился — это, судя по всему, должно было означать улыбку победителя.— Военный трофей! — Потом с брезгливой снисходительностью взял подтяжки и подтолкнул к Лимингу.— Можете взять себе. И наденьте сейчас же. В моем присутствии пленный должен быть одет прилично.— Он молча подождал, пока тот справится со штанами, потом продолжил: — Еще у вас нашли компас со светящимся циферблатом. На мой взгляд, единственная полезная вещь.

Лиминг безмолвствовал.

— Кроме, пожалуй, вот этого.— Клавиз взял в руки пистолет-вонючку.— То ли настоящее оружие, то ли просто муляж.— Он пару раз нажал на курок, но ничего не произошло.

— Что это такое?

— Оружие, естественно.

— Как же тогда им пользоваться?

— Для начала нужно оттянуть ствол назад.

— И так делают каждый раз?

— Да.

— Значит, это пневматический пистолет?

— Точно.

— Трудно поверить, что ваше начальство снабдило вас таким примитивным оружием,— засомневался Клавиз.

— Не нужно недооценивать этот пистолет,— ответил Лиминг.— У него есть свои преимущества. Ему не нужны патроны. Из него можно стрелять любыми подходящими по калибру пулями, причем почти бесшумно. К тому же как средство устрашения он ничуть не хуже любого другого пистолета.

— То, что вы сказали, весьма резонно,— признался Клавиз,— только я сомневаюсь, все ли вы мне сообщили.

— Попробуйте — убедитесь сами,— сказал Лиминг. При одной мысли о подобном испытании его чуть не вывернуло наизнанку.

— Именно так я и намерен поступить.

Перейдя на родной язык, Клавиз сказал что-то одному из охранников.

С некоторой неохотой тот прислонил свое ружье к стене, пересек комнату и взял в руки пистолет. Под руководством Клавиза он упер оружие стволом в пол и налег на него. Под нажимом ствол вошел вовнутрь, потом снова выдвинулся. Направив пистолет на стену, охранник опустил курок. Раздалось шипение. Из дула вылетела крохотная капсула и разбилась о стену, и содержимое мгновенно превратилось в газ. Секунду Клавиз с удивлением смотрел на мокрое пятно. И вдруг ему ударила в нос жуткая вонь. Он позеленел, согнулся пополам и так блеванул, что свалился со стула.

Зажав нос левой рукой, Лиминг правой схватил со стола компас и ринулся к двери. Выстреливший из пистолета охранник к этому времени уже катался по полу, изо всех сил стараясь вывернуться наизнанку, так что до остальных ему не было никакого дела. Второй страж выронил ружье, прислонился к стене и выдал целую очередь отвратительных звуков. Никто из этой троицы

не смог бы сейчас не то что помешать побегу — даже штаны подтянуть.

С зажатым носом Лиминг распахнул дверь, пулей пронесся по коридору и выскочил наружу. Услышав его топот, из помещения появились еще трое охранников. Но тут же остановились как вкопанные и выкатили друг на друга содержимое своих желудков.

На улице Лиминг наконец отпустил нос. Поспешая к вертолету, который доставил его сюда, он, как рыба, жадно хватал свежий воздух. Поскольку в казарме — да и вообще в поселке — в любую минуту могла подняться тревога, а убежать своим ходом он не надеялся, единственным шансом на спасение оставался вертолет.

Примчавшись к нему, Лиминг вскочил в кабину и запер дверцу. Насчет управления незнакомой машиной он не беспокоился, поскольку во время полета внимательно следил за действиями пилота. Все еще тяжело дыша, он завел мотор. Закрутились лопасти. Нервы у Лиминга были натянуты, как пружина.

Из пропитанного вонью входа никто еще не появлялся, но кто-то выскочил из других дверей, расположенных поодаль. Этот тип явно не подозревал, что случилось нечто из ряда вон выходящее. И поэтому был безоружен. Однако быстро смекнул, что застрекотавший вертолет захвачен неприятелем. Он заорал и замахал руками, но винт продолжал наращивать обороты. Тогда солдат нырнул обратно в дом и выбежал с ружьем.

Машина, подпрыгнув несколько раз, наконец взлетела. Внизу, как взрыв петарды, треснул ружейный выстрел. В пластиковой обшивке кабины появились четыре пробоины. Что-то вонзилось Лимингу в мочку уха, потекла кровь. Тахометр на приборной доске разлетелся вдребезги. Пару раз что-то тяжело, как молотом по наковальне, ударило по двигателю, но он продолжал работать. Вертолет исправно набирал высоту.

Нагнувшись, Лиминг посмотрел вниз сквозь продырявленный фонарь кабины. Ранивший его солдат вставлял в ружье новую обойму. Когда вертолет, поднявшись на пятьсот футов, стал быстро уходить, грянул второй залп. Раздался резкий свист, и от хвостового винта отлетел обломок металла, но, к счастью, потеря оказалась единственной.

Лиминг еще раз бросил взгляд на землю. Рядом со снайпером в небо пялилось еще с полдюжины солдат. Но стрелять больше никто не пытался: все равно беглеца уже не достать.

Он все еще смотрел в их сторону, когда вся компания, снова воспользовавшись незагазованным входом, кинулась обратно в дом. Лиминг догадывался, куда они направлялись: скорее всего, в радиорубку.

Поднявшееся было настроение резко упало. Пока он в небе один, но это, по всей вероятности, ненадолго. Главное, чтобы ему хватило времени убраться подальше, приземлиться и вновь продолжить путь по лесу.

Глава 5

Что и говорить, побег дался ему нелегко. Во многом его положение даже ухудшилось. Раньше, тайком разгуливая по лесу, он мог спокойно выспаться и перекусить. Теперь же весь этот мир знал, что сбежавший землянин на свободе. Глаз на затылке у него нет, так что наблюдать в полете за всем небом не удастся. И даже они не спасли бы его, появись вдруг какая-нибудь сверхскоростная машина вроде реактивного самолета. Если он, паче чаяния, сумеет незаметно сесть, все равно придется шнырять по лесу безоружным.

Он мысленно проклинал себя за то, что так поспешно выскочил из кабинета Клавиза. Судя по всему, стрелявший охранник рухнул прямо на пистолет и накрыл его своим телом. Но у него хватило бы времени оттащить лежащего и снова завладеть оружием. Да еще у двери валялись два ружья, любое из которых можно было прихватить с собой. Конечно, Лиминг понимал, что тогда его единственной заботой было не сделать ни единого вдоха, пока не выберешься на свежий воздух. И все же он наградил себя орденом Идиота.

Да, он мечтал об одном — убраться подальше от тошнотворного зловония, но, пошевеливайся он побыстрее, ничто не помешало бы ему забрать с собой оружие. С другой стороны, кое-что полезное могло оказаться и на борту вертолета. Летя на высоте две тысячи футов, он пытался держать в поле зрения все небо впереди, позади, слева, справа и над собой, да при этом еще и

поглядывать вниз. Так что исследовать содержимое кабины пока не было никакой возможности. С этим придется повременить до посадки.

Вот он уже летит над лесом, по которому недавно бродил. И тут его осенило: ведь когда его схватили и увезли, в этом районе оставалось еще два вертолета. Возможно, они уже отбыли на свою неведомую базу. А может быть, все еще находятся здесь, готовые подняться по сигналу тревоги.

Удвоив бдительность, он продолжал осматриваться по сторонам. Машина летела над лесом. Минут через двадцать у горизонта возникла крохотная точка. На таком расстоянии ему не удалось определить, что это: вертолет, реактивный самолет или еще что-нибудь. И надо же: именно в эту минуту двигатель зачихал и выпустил тонкую струйку дыма. Лопасти винта, мгновение поколебавшись, закрутились снова.

Взмокнув от волнения, Лиминг всматривался в далекую точку. Мотор опять сбился с ритма и испустил облако дыма. Точка несколько выросла в размерах, но двигалась она под углом и, похоже, направлялась не в его сторону. Возможно, это был первый вестник воздушной погони, которая вскоре его обнаружит. Тут мотор закашлял, винты замедлили вращение, и вертолет стал терять высоту. Время от времени из-под обшивки вырывались клубы смрадного дыма, напоминавшего по запаху горелую рыбу. «Если пуля пробила маслопровод,— подумал Лиминг,— долго мне не протянуть». Пора снижаться, пока машина не потеряла управление.

Спускаясь, он манипулировал хвостовым винтом в попытке заложить вираж и найти в лесной чащобе подходящее место для посадки. Он снизился до тысячи, затем до пятисот футов, но просвета все еще не было видно. Оставалось только использовать в качестве амортизаторов верхушки деревьев и надеяться на лучшее.

Переключив хвостовой винт на обратный ход, чтобы прекратить поступательное движение, он плюхнулся на огромное дерево, способное с виду выдержать целый дом. Однако внешность оказалась обманчивой. Огромные ветви, слишком хрупкие, чтобы вынести вес машины, тут же обломились. Под их душераздирающий треск машина стала скачками проваливаться сквозь кро-

ну; при этом Лиминг чувствовал себя, как в бочке, громыхающей вниз по крутой лестнице.

Последний этап падения был самым долгим и завершился в густых зарослях кустарника, которые и смягчили удар. Лиминг выбрался наружу весь в синяках, с разбитой скулой. Задетое пулей ухо кровоточило. Он взглянул вверх. В растительности над его головой образовалась изрядная дыра, но он сомневался, что враг ее обнаружит — разве что с бреющего полета.

Вертолет лежал на боку. С поломанных, искореженных винтов свисала древесная кора и ветки кустарника. Он в спешке обшарил большую шестиместную кабину в поисках чего-нибудь путного. Оружия там не оказалось. Он нашел двадцатидюймовый гаечный ключ из металла, напоминающего бронзу, и прихватил его с собой, решив, что это все-таки лучше, чем ничего. Под двумя задними креслами он обнаружил аккуратные емкости, наполненные местной едой — весьма специфической и не слишком аппетитной на вид. Но сейчас он был так голоден, что согласился бы съесть даже дохлого козла, облепленного мухами. Он попробовал круглый бутерброд из чего-то, видом и вкусом напоминающего пресную лепешку, смазанную тонким слоем белого жира. Ему удалось проглотить этот шедевр местной кулинарии. И удержать его в желудке. Теперь Лиминг почувствовал себя веселее. Насколько он мог судить, жир извлекали из беременных ящериц, но ему было уже все равно. Желудок требовал добавки, и он съел еще два бутерброда. Там оказалась целая куча таких бутербродов плюс изрядный запас странных сине-зеленых кубиков, скорее всего прессованных овощей. Была еще банка опилок, запахом напоминавших молотый арахис, а вкусом — дикую смесь говяжьего фарша и водорослей. И наконец, пластмассовая бутыль с какими-то белыми таблетками неизвестного назначения.

Решив на всякий случай не связываться с таблетками, Лиминг высыпал их в траву, но бутылку решил сохранить — сойдет для воды. Банка из-под обезвоженной дряни тоже пригодится: прочная, удобная, она послужит ему кастрюлей. Теперь у него есть и еда, и примитивное оружие; не в чем только перенести добычу. По карманам все не рассовать.

Пока он ломал голову над этой проблемой, в полумиле к востоку по небу протарахтел какой-то летательный аппарат. Как

только звук замер, что-то завыло параллельным курсом в полумиле к западу.

Справившись с искушением ринуться к месту, получше укрытому от взгляда сверху, он достал из ящика с инструментом нечто вроде пилы и срезал им обшивку с кресла. Из нее получился отличный мешок, несколько неуклюжий с виду, без лямок и ручек, но зато подходящего размера. Набив его своими пожитками, Лиминг в последний раз обыскал покалеченный вертолет и обнаружил, что циферблат альтиметра закрыт увеличительным стеклом. Ободок вокруг него был прочным и неподатливым, так что Лимингу пришлось попотеть, чтобы вытащить линзу.

Под кожухом двигателя он нашел канистру с жидкостью для очистки ветрового стекла. Это была легкая металлическая бутылка емкостью примерно в кварту. Открыв ее, он вылил содержимое и наполнил канистру горючим из бензобака. Это последнее приобретение поможет ему быстро развести огонь. Пусть Клавиз подавится зажигалкой и перечницей; теперь у него, Лиминга, есть кое-что получше. Линза не снашивается и не портится. Он так обрадовался своей добыче, что даже не подумал — ночью-то от линзы никакого прока.

В миле от него снова завыли невидимые реактивные самолеты. Они по-прежнему следовали параллельным курсом, но теперь в обратном направлении. Судя по всему, облаву ведут методично. Другие машины, должно быть, бороздят воздух где-то поблизости. Не обнаружив пропавшей машины на максимально возможном расстоянии от места похищения, патрули скоро смекнут, что она где-то приземлилась, и начнут ее высматривать, летая на малой высоте. То есть поведут тщательные поиски с бреющего полета.

Теперь, когда он подготовился к переходу, его мало трогало, что с воздуха вот-вот обнаружат брешь в листве, а за ней — упавший вертолет. Пока успеют высадить десант, он уйдет уже далеко и затеряется в чащобе. Его беспокоило одно: не оказалось бы у противника специально натасканных тварей, которые смогут пойти по его следу. Ему ничуть не улыбалась мысль встретиться с зангастанским сухопутным осьминогом или какой-нибудь прочей местной живностью. Еще отыщет по запаху и обовьет во сне скользкими щупальцами! Такая участь гораздо больше подошла

бы кое-кому из оставшихся дома, на Земле. Здесь эти записные крикуны наверняка бы заткнулись.

Однако пора было приниматься за дело. Взвалив мешок на плечи, Лиминг отправился в путь. К ночи он отошел от брошенного вертолета мили на четыре. Больше он не сумел бы одолеть даже при самом большом желании: света звезд и трех крошечных лун не хватало, чтобы разглядеть дорогу. Все это время оживление в небе продолжалось. Полеты прекратились только с наступлением темноты.

Лучшим ночлегом, который ему удалось найти, оказалась ложбинка между корнями громадного дерева. Из камней и дерна он соорудил на ее краю нечто вроде ширмы, достаточно высокой, чтобы скрыть костер от наземных наблюдателей.

Управившись с работой, он набрал сухих веток, сучьев и листьев. И тут-то, когда все для костра было готово, он вдруг понял, что огонь ему не развести. В темноте от линзы никакого толку; она хороша только днем, при солнечном свете.

Неудача вдохновила Лиминга на длинный поток витиеватых ругательств, после чего он отправился на поиски и в конце концов наткнулся на палку с заостренным концом. Он принялся упорно и энергично вращать ее в трещине сухого бревна. Понемногу в трещине собирался древесный порошок. Так ему пришлось работать двадцать семь минут подряд, налегая на палку всем своим весом. Наконец древесная пыль затеплилась и от нее пошел тонкий дымок. Лиминг поспешно сунул в тлеющий огонек щепку, смоченную вертолетным топливом, и мгновенно вспыхнуло пламя. Он так обрадовался, как будто в одиночку выиграл сражение.

Теперь у него есть настоящий костер. Потрескивание пламени и вьющиеся над костром искры придали одиночеству Лиминга некоторый уют. Вывалив смесь говядины и водорослей на глянцевитый лист размером с половину одеяла, он на три четверти наполнил жестянку водой и поставил ее на огонь. В воду он бросил часть смеси с листа и овощной кубик, надеясь, что из этого выйдет горячий сытный суп. Ожидая, пока сварится еда, он собрал еще дров, сложил их под рукой, подсел поближе к костру и съел бутерброд с жиром.

После того как суп прокипел на медленном огне, Лиминг снял его, чтобы потом, когда тот остынет, можно было отхлебывать

прямо из банки. Когда наконец он попробовал варево, вкус его оказался гораздо лучше, чем можно было ожидать. Суп был густой, крепкий и слегка припахивал грибами. Лиминг съел его до дна, вымыл банку в ближнем ручье, высушил ее рядом с костром и вновь наполнил смесью с листа. Выбрав из своих запасов самые крупные сучья, он положил их в костер, чтобы тот горел как можно дольше, и улегся поблизости.

Он собирался часок-другой поразмыслить над ситуацией и прикинуть планы на будущее, но уже через пять минут убаюкивающее тепло и сытость в желудке совсем сморили его. Лиминг лежал, растянувшись, посреди чащи, над ним вздымалось огромное дерево, вокруг высились его могучие корни, рядом горел костер. А сам он, слегка похрапывая, спал самым глубоким и долгим в своей жизни сном.

Так он проспал десять часов, поэтому пробудиться ему пришлось среди ночи. Открыв глаза, он увидел сквозь кроны деревьев мерцающие звезды, показавшиеся ему на какой-то унылый миг невероятно далекими. Отдохнувший, но озябший, он сел и посмотрел себе под ноги. От костра ничего не осталось. Все сгорело дотла.

Лиминг горько пожалел, что пару раз не проснулся, чтобы подкинуть дров. Но он спал так крепко, словно принял снотворное. Должно быть, что-то из местной пищи подействовало на земной организм усыпляюще.

Подвинувшись к кострищу, он ощупал землю — еще совсем теплая. Тогда, протянув руку, он поворошил горячий пепел. Вспыхнули три-четыре искорки, палец обожгло. Схватив ветку, Лиминг макнул ее в банку с горючим, а потом пошуровал в тлеющей золе. Она вспыхнула, как факел. Вскоре он опять грелся у полыхающего костра. Пережевывая бутерброд, он наконец обратил мысли к делам насущным. Первое, что пришло ему в голову,— он опять крепко просчитался, когда грабил вертолет. Снять всего одну обшивку с кресла! Будь у него хоть капля здравого смысла — содрал бы все, и спальные принадлежности готовы. По ночам ему придется туго без одеял, если только не удастся все время поддерживать огонь. А так завернулся бы в чехлы и дремал себе в тепле.

Проклиная собственную дурость, Лиминг стал прикидывать, не вернуться ли к вертолету, чтобы исправить ошибку. Но все же решил, что риск слишком велик. Один раз он уже попался, вернувшись на место преступления. Нужно быть махровым идиотом, чтобы снова клюнуть на ту же удочку. Придется на первое время обойтись без одеял или их замены. А будет дрожать от холода — сам виноват. На то мудрое, дальновидное Провидение и создало глупцов, чтобы переносить тяготы. Так что поделом ему. Свалял дурака — плати отсутствием элементарного удобства.

Конечно, даже самый дальновидный человек может по невезению угодить в ловушку или стать жертвой непредвиденных обстоятельств. Случай всегда работает наобум — то за тебя, то против. Но все равно, чем сильнее тебя бьет, тем живее шевели мозгами, чтобы выпутаться из беды. Преграды для того и существуют, чтобы их преодолевать, а не орошать слезами.

Лиминг напряг извилины и пришел сразу к нескольким выводам. Во-первых, остаться на свободе — это еще не все. Ведь у него нет ни малейшей охоты провести остаток дней в бегах, да еще на чужбине. Нужно как-то выбираться с этой планеты, как говорится, послав ей прощальный поцелуй.

Во-вторых, вырваться отсюда и вернуться на Землю можно не иначе как на звездолете. Поэтому предстоит решить непростую задачу — всего-навсего умыкнуть подходящий звездолет. Первый попавшийся здесь не подойдет. Ведь он в одиночку не управится ни с военным кораблем, ни с торговым, ни с пассажирским лайнером. Тут не обойтись без целого экипажа. Нужен одно-двухместный разведчик, заправленный под завязку и полностью готовый к длительному полету. Таких полно. Но одно дело — отыскать, а совсем другое — угнать.

В-третьих, даже если каким-то чудом удастся захватить корабль и затеряться в космосе, то он, решив одну большую проблему, тут же вляпается в ничуть не меньшую. Кораблю не добраться до Ригеля, а тем более до Земли, без ремонта и дозаправки. Ни одна из планет Сообщества не станет оказывать ему такие услуги, разве что ему повезет и он наткнется на каких-нибудь наивных идиотов. Единственный выход из ситуации — сесть на планету тайком, бросить отслуживший корабль и угнать новый.

А если и этот корабль не сможет выдержать полет до конца, придется опять садиться и захватывать третий.

Перспектива, прямо скажем, безрадостная, один шанс из миллиона. Тем не менее бывали случаи, когда выпадал именно этот миллионный шанс. Почему бы ему не выпасть и на этот раз?

Существовала еще одна возможность, но ее он отбросил как нереальную: затаиться в надежде, что война вскоре закончится и его с миром отпустят домой. Только кто знает, когда это случится. Лиминг понимал, что это может случиться и тогда, когда он будет уже дряхлым старцем, и лет через пятьдесят после его смерти. Все войны на одно лицо: бывают времена, когда кажется, что они никогда не кончатся, и трудно даже представить, что можно жить в мире.

Тут его философские раздумья нарушил чей-то утробный кашель. Из темноты на него уставилось четыре зеленых глаза. Подскочив к костру, он схватил горящую ветку и бросил ее в зверя. Описав огненную дугу, она упала в кусты. Глаза поморгали и исчезли. Послышался шорох. Громоздкая тварь поспешно ретировалась. Постепенно шум замер вдали. Лиминг не разобрал, одна тут была скотина или две, ходила она или ползала, и вообще, что это было — зангастанский вариант тигра, рыскающего в поисках добычи, или всего-навсего любопытная буренка. В любом случае живность исчезла.

Привалившись к стволу дерева, он до рассвета поддерживал огонь, с опаской поглядывая вокруг. Когда взошло солнце, Лиминг позавтракал жестянкой супа и бутербродом. Затоптав угли, он собрал свои пожитки и двинулся на юг. Это направление уведет его от центра поисков, но, к несчастью, отдалит на много миль от тайника с настоящей земной пищей. С другой стороны, путь на юг приближает его к экватору, где при облете планеты он заметил три космопорта. А где порты — там и корабли.

Не прошло и часа с восхода солнца, когда у него над головой промчался реактивный самолет. Чуть позже, едва не задевая верхушки деревьев, медленно пролетели четыре вертолета. Пока они не исчезли, Лиминг, припав к земле, лежал под кустами. Потом снова тронулся в путь, и тут его чуть было не обнаружили с легкого геликоптера, следовавшего сразу за вертолетами. Он вовремя услышал свист винтов, растянулся за трухлявым бревном и постарался превратиться в бесформенную кочку. Когда эта

штука проплывала над ним, он спиной ощутил поток воздуха от ее пропеллеров. Ветви ближних деревьев заволновались, роняя сухие листья. Лимингу пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы не шелохнуться, пока пара немигающих змеиных глаз шарила по земле.

Но пилота удалось провести, и геликоптер удалился. Лиминг поднялся на ноги, взглянул на компас и двинулся дальше, яростно проклиная все геликоптеры, их создателей и пилотов. Они летали медленно, имели небольшой радиус действия и вмещали одного человека. Но опасность заключалась в том, что они были почти бесшумны. Забудь беглец о бдительности, задумайся о своем — и он не ощутит приближения машины, пока не почувствует поток воздуха от ее винта. Судя по столь ранней активности преследователей, можно было предположить, что его побег здорово разозлил какую-то шишку. «Навряд ли это Клавиз,— подумал он.— Майор занимает не такое уж высокое положение. За дело взялся кто-то повыше и чином, и влиянием. Такой наверняка сделал козлов отпущения из бедняги Клавиза и всех охранников той казармы». Устало продолжая путь, он гадал, что теперь ожидает Клавиза. Похоже, все, что угодно. Могут сварить в кипящем масле, а могут и разжаловать в рядовые. В чужом мире трудно измерить дисциплинарные воздействия земными мерками.

Одно ясно как день: если его, Джона Лиминга, опять схватят, о нем позаботятся получше — к примеру, его могут спеленать, как мумию, отрезать ступни или придумать что-нибудь еще приятнее. У него был один-единственный шанс вырваться на свободу, и он использовал его на все сто. Другого ему никто не даст. У любого народа беглецов считают опасными смутьянами, заслуживающими особого обращения.

Весь день он упорно брел к югу. Раз шесть ему приходилось прятаться, пока то одна, то другая машина не скрывалась из виду. К наступлению сумерек он все еще находился в лесу. Воздушная разведка закончилась. Ночь была точь-в-точь похожа на предыдущую: те же сожаления по поводу отсутствия одеяла и те же сложности с разведением костра. Насытившись, он сидел у ласкающего взор огня, дав долгожданный отдых усталым ногам и недоумевая, почему враг не додумается организовать ночные поиски. Хоть костер и замаскирован от наземных преследовате-

лей, с самолета его обнаружить проще простого. Понятно, что мгновенно загасить пламя не удастся.

Следующий день прошел без особых событий. Похоже, что полеты прекратились. Во всяком случае, он не видел ни одной машины. Возможно, его преследователи по каким-то только им одним известным причинам сосредоточили поиски где-то в другом месте. Без всяких помех и проволочек Лиминг одолел приличное расстояние; когда солнце поднялось повыше, он разжег при помощи линзы бездымный костерок и соорудил себе поесть. Он плотно пообедал. Местная пища, пресная, но сытная, не наносила его организму никакого вреда. Обозрев остатки провианта, он увидел, что еды хватит еще дней на пять-шесть.

На второй день, к вечеру, он достиг южной границы леса и вышел на широкую дорогу. За ней лежали возделанные поля с редкими постройками, которые он принял за фермы. Милях в четырех над долиной вздымалось нагромождение каменных зданий, окруженных высокой стеной. С такого расстояния он не смог определить, что это — крепость, тюрьма, больница, сумасшедший дом, засекреченный завод или нечто невообразимое, что занги предпочитают скрывать от посторонних глаз. Чем бы это ни было, выглядело оно довольно зловеще. Интуиция подсказывала: держись отсюда подальше.

Отступив ярдов на двести обратно в лес, он нашел густо заросшую лощину, присел на бревно и пересмотрел свои планы. Теперь, когда перед ним до самого горизонта, а может быть и дальше, простиралась равнина, по которой, наверное, раскиданы города и поселки, нечего и думать тащиться по ней средь бела дня. На планете, населенной приземистыми квадратными типами с чешуйчатой шкурой, худощавому и светлокожему землянину так же легко сойти за своего, как медведю в церковном хоре. Его опознают с первого взгляда, особенно если по радио и телевидению уже передали его приметы вместе с сообщением о розыске.

В Сообщество входило около двадцати народов, половину из которых занги и в глаза не видели. Но они приблизительно представляют себе, как выглядят их собратья по оружию, и беглого землянина опознают сразу. Шанс надуть врага, выдав себя за неопытного союзника, ничтожно мал; даже если ему и удалось бы

запудрить мозги горстке крестьян, все равно бы его, скорее всего, задержали и доставили на проверку к начальству.

К этому времени лес ему уже порядком надоел: сплошные деревья, глушь, никакой живности. Но теперь он показался надежным прибежищем, защиты которого предстоит лишиться. Дальше придется идти ночами, а спать днем, если, конечно, удастся найти подходящее укрытие для сна. Перспектива не из приятных.

Ясно одно. Если он хочет добраться до космопорта и угнать корабль, придется шагать, невзирая ни на опасность, ни на рельеф. Иначе остается сидеть в лесу, вечно настороже, рыскать по окраинам в поисках пищи и жить отшельником, пока не околеешь.

До конца долгого дня оставалось еще несколько часов. Пока не стемнело, он решил перекусить и слегка вздремнуть. Сказано — сделано. Лиминг достал линзу, разжег небольшой костер и приготовил себе банку горячего супа с парой бутербродов. Потом свернулся калачиком в куче гигантских листьев и смежил веки. Ласково пригревало солнце. Он уже задремал, когда по находившейся рядом дороге прогрохотало с полдюжины машин.

Проснувшись, он яростно выругался в их адрес, закрыл глаза и постарался снова уснуть. Однако вскоре его вновь разбудили звуки проезжавших грузовиков.

Так продолжалось до тех пор, пока в небе не зажглись звезды и две из пяти маленьких лун не бросили призрачный свет на окружающий ландшафт. Наблюдая за дорогой, он стоял в тени дерева, дожидаясь, пока местные жители улягутся спать — если, конечно, они и вправду ложатся, а не свисают со стропил, как летучие мыши.

За это время мимо проехало еще несколько небольших грузовиков. Освещая путь оранжевыми фарами, они испускали клубы белого дыма и пыхтели, как игрушечные паровозики. Лиминг решил, что у них паровые двигатели, которые работают, скорее всего, от котлов на дровяном топливе. Но проверить догадку пока не представлялось возможным.

В иных обстоятельствах его ничуть не заинтересовало бы, как действуют зангастанские грузовики, но сейчас это приобрело особую важность: могла представиться возможность угнать машину и таким образом облегчить себе путь. Вот только он, пер-

воклассный космический пилот, не имел ни малейшего представления, как управлять машиной на паровом ходу. Режьте его на части — все равно придется сознаться, что он не научился ездить даже на велосипеде.

Размышляя над пробелами своего образования, он решил, что надо быть сущим дураком, чтобы мечтать о возможности угнать машину, задумчиво уставясь в темноту. Человек действия сам идет навстречу шансу, а не ждет, когда его принесут на блюдечке с голубой каемочкой.

Поругивая себя, он нашарил в темноте замечательный гладкий булыжник величиной с кулак и стал ждать приближения жертвы. Однако первая машина проехала в обратном направлении по противоположной стороне дороги. Прошло больше часа, пока не показались еще две, но они тоже шли по дальней стороне шоссе, одна за другой. На той стороне не было ни деревьев, ни кустов, словом, никакого укрытия; оставалось одно — терпеливо сидеть на своем месте, надеясь на удачу.

Ему показалось, что прошла уже целая вечность, когда вдали наконец появилась пара оранжевых огней. Фары увеличивались, свет их становился все ярче, и Лиминг застыл наготове.

Точно рассчитав момент, он выскочил из-за дерева, с силой швырнул камень и отскочил назад в темноту. В спешке и волнении он промахнулся. Камень пролетел всего в дюйме от ветрового стекла и грохнулся на дорогу. Водитель, не заметивший ничего, кроме промелькнувшей неясной тени, беспечно гнал машину дальше, не ведая о том, что его только что чуть не ухлопали.

Отпустив несколько замечаний, скорее выразительных, нежели содержательных, Лиминг подобрал камень и опять встал на стражу. Следующий грузовик проехал одновременно с другим, шедшим в обратном направлении. Лиминг снова спрятался за деревом. Машины разминулись почти напротив его укрытия. Злобно проводив взглядом их удаляющиеся огни, он вернулся на свой пост.

Было уже поздно, и движение по дороге почти прекратилось. Лимингу пришлось ждать довольно долго, пока с его стороны опять не показался свет фар. На этот раз он действовал тщательнее и прицелился точнее. Сделав прыжок, он метнул камень и отскочил. Глухо треснул прозрачный пластик, и в ветровом стекле

появилась дыра. Гортанный голос проорал что-то по поводу индюшачьей ноги, что на местном наречии, вероятно, было страшным ругательством. Проехав еще ярдов двадцать, грузовик остановился. Из кабины вылез здоровенный квадратный детина и побежал к задней части грузовика, очевидно полагая, что кого-то сбил. Лиминг только этого и ждал и встретил его с гаечным ключом наперевес. Водитель его даже не увидел. Зайдя за машину, он получил ключом по макушке и, даже не пискнув, повалился наземь. На какой-то миг Лиминг струхнул, решив, что прикончил бедолагу. В принципе, одним зангом больше, одним меньше — разница небольшая. Его заботила собственная судьба. Даже земляне не слишком-то жаловали пленников, совершивших при побеге убийство.

Но, судя по исходившим от жертвы булькающим и хрюкающим звукам, умирать она явно не собиралась. Оттащив тело с обочины под дерево, Лиминг обыскал водителя, но брать было нечего. Пачка бумажных денег землянину ни к чему — все равно потратить их он не сможет.

Тут на горизонте появилась приземистая цистерна с топливом. Ожидая ее приближения, Лиминг сжал в руке ключ, готовый, в зависимости от обстоятельств, драться или дать деру. Однако машина спокойно протарахтела мимо, не проявив никакого интереса к стоящему на обочине грузовику.

Забравшись в кабину, Лиминг осмотрелся и обнаружил, что машина приводилась в движение вовсе не паром, как он сначала подумал. Двигатель продолжал работать, но в нем не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего топку. Единственным намеком на источник энергии был сильный запах спирта, смешанного с ароматизированным маслом.

Опыта ради он ткнул в первую попавшуюся кнопку — фары погасли. Он надавил снова — они зажглись. От нажатия следующей кнопки раздался пронзительный кошачий вой. Следующая не произвела никакого эффекта, и Лиминг решил, что она приводит в действие стартер. Немного повозившись с управлением, он обнаружил, что единственная педаль — это ножной тормоз, а рычаг на рулевом колесе заставляет машину двигаться назад и вперед со скоростью, пропорциональной углу его отклонения. Не было ничего похожего ни на рукоятку передач, ни на

переключатель фар, ни на ручной тормоз. Словом, смесь ультрасовременного и допотопного.

Удостоверившись, что сумеет вести машину, он нажал на рычаг. Грузовик двинулся вперед, быстро разогнался и покатил с вполне приличной скоростью. Он подвинул рычаг еще — скорость увеличилась. Слева проносился лес, справа — равнина, а дорога казалась желтой лентой, убегающей под капот. Вот это жизнь! Откинувшись в кресле, он в полном восторге заорал неприличную песню.

Дорога раздваивалась. Не раздумывая, Лиминг выбрал ту, что шла на юг. Она привела его к беспорядочно разбросанной, почти не освещенной деревушке. Выехав за ее пределы, он попал на шоссе, прямой линией рассекавшее долину надвое. Теперь в небе сияли все пять лун, и пейзаж приобрел призрачный, угрожающий вид. Снова нажав на рычаг, он помчался еще быстрее.

Миль через восемьдесят Лиминг миновал город. По пути он не раз встречал одиночные машины, продолжая двигаться попрежнему спокойно и беспрепятственно. Затем проехал мимо высокой каменной стены, окружавшей группу зданий вроде тех, которые он уже видел раньше. Вглядываясь в темноту, он пытался рассмотреть, охраняется ли стена сверху. Но для этого пришлось бы остановить машину и вылезти из кабины, а такая перспектива ему не улыбалась. Он предпочел, пока не поздно, убраться побыстрее и как можно дальше.

Лиминг уже несколько часов не останавливаясь ехал на полной скорости, когда в небе расцвел огненный бутон и, как багряное перышко, взлетел на фоне звездного неба. Вот перо описало полную дугу, становясь по мере снижения все ярче и крупнее. Приближался космический корабль. Где-то за горизонтом, чуть правее, должен находиться космопорт. Может быть, там, совсем рядом, стоит полностью снаряженный в путь корабль-разведчик и так и просится в полет. При этой мысли Лиминг облизнулся.

Двигатель работал отлично. Машина проехала через оконечность большого леса. Он запомнил место на тот случай, если вскоре придется бросить грузовик и снова передвигаться на своих двоих. Опыт последних дней привил ему растущую привязанность к лесам. Во враждебном мире только они сулили свободу и уединение.

Дорога постепенно сворачивала влево, все более приближая его к предполагаемому местонахождению скрытого космопорта. Грузовик стремительно миновал одну за другой четыре деревушки — тихие, темные, погруженные в глубокий сон. Дорога опять раздваивалась, но на этот раз он оказался в недоумении. Какой путь ведет к космопорту?

Поблизости стоял дорожный указатель, но надпись на незнакомом языке ему ни о чем не говорила. Остановив машину, он вышел и, насколько это было возможно при тусклом освещении, попытался выбрать верное направление. Судя по состоянию покрытия, правым ответвлением пользовались гораздо чаще. Выбрав именно его, Лиминг покатил вперед.

Прошло уже довольно много времени, но космопорт все еще не показывался, и Лиминг начал подумывать, что совершил ошибку. И тут впереди, у горизонта, в небе появилось слабое зарево. Оно исходило откуда-то из-за холма, который сглаживался по мере приближения. Лиминг въехал на перевал и в неглубокой долине увидел множество прожекторов, освещающих здания, бетонные платформы, пусковые шахты и четыре стреловидных корабля, вертикально застывших на поле.

Глава 6

Впору было бы запрыгать от радости. Но на Лиминга вдруг навалились усталость и тревога. Осуществление побега казалось теперь совсем не таким простым делом, как он предполагал,— что-то обязательно сорвется.

Свернув на обочину, Лиминг затормозил и выключил свет. Затем изучил обстановку более тщательно. С такого расстояния корабли выглядели слишком крупными для разведчиков, но слишком мелкими и допотопными для боевых судов. Скорее всего, это грузовики, бороздящие космос на случайных рейсах.

Если допустить, что они в полной исправности и готовы к полету, тогда опытный и хладнокровный пилот вполне смог бы поднять такой корабль даже в одиночку. А окажись на нем вдобавок автопилот, можно было бы продержаться несколько дней, а то и недель. Без помощи автоматики он наверняка свалится от усталости задолго до того, как доберется в какос-нибудь подхо-

дяшее место. С разведчиком такой проблемы не существовало: все одноместные корабли, как правило, начинены электроникой. Лиминг прикинул, что команда такой сравнительно небольшой торговой посудины должна насчитывать никак не меньше двенадцати, но и не больше двадцати человек.

К тому же он видел, что один из кораблей только что приземлился. Значит, по крайней мере один из четырех еще не заправлен и не готов к полету. И кто знает, какой именно... Но все равно корабль в руках стоит десяти в небе.

Ему до последней минуты не хотелось расставаться с грузовиком, да и по натуре он был склонен к риску. Все это, вместе взятое, навело Лиминга на мысль, что нет никакого резона подкрадываться к кораблю, пересекая пешком залитый светом космопорт. Гораздо лучше захватить врага врасплох — въехать в ворота, остановиться прямо у корабля и вскарабкаться по трапу, пока никто не понял, что к чему.

А уж внутри, задраив шлюз, он окажется в относительной безопасности. Им понадобится куда больше времени, чтобы выкурить его оттуда, чем ему для изучения незнакомой системы управления и подготовки к старту. Он засядет в этой металлической крепости и первый же выхлоп из дюз расчистит вокруг площадку радиусом в пару десятков ярдов. У врага есть единственный способ его остановить — подтащить тяжелую артиллерию, продырявить или опрокинуть корабль. Но когда подкатят большие пушки, он уже будет пересекать орбиту ближайшей луны.

Утешаясь подобными мыслями, Лиминг вывел грузовик на дорогу и набрал скорость. Но в то же время в глубине души он прекрасно понимал все безумие своей затеи. Ведь ничего не стоит напороться на пустую, незаправленную ракету, которая взлететь не сможет. Тогда обозленным зангам останется только посиживать вокруг да ждать, пока он сдастся или умрет голодной смертью. Нечего и мечтать, что они окажутся тугодумами и позволят ему перебраться на другой корабль.

Стрелой промчавшись по долине, грузовик сделал пологий вираж и устремился к главным воротам космопорта. Они были почти закрыты, но между створками оставался промежуток ши-

риной в ярд. По одну сторону стоял вооруженный часовой, а за воротами виднелась сторожка охранников.

Когда грузовик показался в поле зрения часового и с ревом рванулся прямо на него, солдат, вылупив глаза в тупом изумлении, отреагировал как типичная тыловая крыса. Вместо того чтобы взять автомат на изготовку, он выскочил на дорогу и изо всех сил принялся открывать ворота. Та створка, в которую он упирался, распахнулась как раз вовремя, чтобы пропустить бешено мчащийся грузовик. Тут часовой возмутился: почему водитель не сказал ему ни «привет», ни «проваливай к черту», ни что-нибудь еще, столь же любезное. Потрясая оружием, он неуклюже исполнил боевой танец, сопровождая его злобными выкриками.

Сосредоточившись на управлении и больше ни на что не обращая внимания, Лиминг стал во весь опор огибать космопорт по периметру, направляясь к месту стоянки кораблей. Кучка покрытых чешуей типов, попавшихся ему на пути, бросилась врассыпную, стараясь увернуться от колес.

Еще дальше из ангара выехал низкий длинный автокар, нагруженный топливными баками, и остановился посреди дороги. Водитель так и вылетел со своего места и попытался удрать подальше, когда грузовик, едва не перевернувшись, вильнул мимо.

Выбрав самый крайний корабль, куда врагам пришлось бы дольше добираться, Лиминг затормозил у его кормы, выскочил из кабины грузовика и задрал голову. Где же трап? Обежав вокруг, он обнаружил трап с противоположной стороны и, как перепуганная мартышка, стал карабкаться наверх. Удовольствие сомнительное — все равно что взбираться по заводской трубе. На полпути он остановился, чтобы передохнуть, и огляделся вокруг. К кораблю бежала сотня фигурок, которые с такой высоты казались совсем крохотными. За ними следовали четыре машины и еще какая-то штука вроде бронетранспортера. Он полез дальше, стараясь карабкаться как можно быстрее и все же соблюдая осторожность — он был уже так высоко, что каждое неловкое движение могло оказаться роковым.

По мере приближения к верхнему шлюзу его беспокойство нарастало. Еще несколько секунд — и он будет недосягаем для снайперов. Но враг тоже не дремлет и хоть сейчас может начать

обстрел. При одной мысли, что в последний момент его сможет достать шальная пуля, внутри у Лиминга все свело, и он попытался прибавить темп. Он быстро преодолел последнюю дюжину ступенек трапа, добрался до шлюза, и вдруг в его голову уперся какой-то металлический стержень. Удивившись, он поднял взгляд и обнаружил, что смотрит прямо в дуло ружья вполне приличного калибра.

— Шатси,— приказал владелец ружья, указывая вниз.— Амаш!

На мгновение у Лиминга мелькнула безумная мысль — повиснуть на одной руке, а другой схватить противника за ногу. Он уже было приготовился к броску, но охранник то ли оказался слишком нетерпелив, то ли разгадал его замысел — только приклад ружья больно стукнул его по пальцам.

— Амаш! Шатси-амаш!

Медленно и неохотно Лиминг стал спускаться вниз. С каждой ступенькой его отчаяние росло. Одно дело, если бы его схватили в начале погони. Но теперь, когда все уже почти позади, когда успех так близок! Тысяча чертей! Ему почти удалось удрать — вот что обиднее всего!

На этот раз его упрячут как следует и вдвойне усилят охрану. И если даже ему удастся опять смыться, шансы покинуть планету теперь равны нулю. Если на каждом корабле засядет вооруженный охранник, то всякий раз, сунув голову в шлюз, он будет снова попадать в ловушку. Видно, он застрял на этой вонючей планете надолго — пока ее не захватит земной десант или пока не кончится война. Любого из этих событий можно дожидаться десятилетия — или века.

Спустившись вниз, он шагнул на бетонную площадку и обернулся, ожидая удара в живот или оплеухи. Но увидел вокруг сборище чешуйчатокожих солдат с абсолютно непроницаемыми физиономиями. С ними был офицер, казавшийся скорее удивленным, чем озлобленным. Одарив Лиминга немигающим взглядом, он выдал поток непостижимой тарабарщины, закончив ее на вопросительной ноте. Лиминг развел руки и пожал плечами.

Офицер повторил попытку. Лиминг снова пожал плечами и изо всех сил попытался изобразить раскаяние. Сообразив, что

установить контакт не удастся, офицер что-то рявкнул в толпу. Тут же объявились четыре вооруженных конвоира, затолкали пленника в бронетранспортер, захлопнули дверь и повезли его в неизвестном направлении.

Приехав на место, они провели его в какой-то каменный дом и сунули в заднюю комнату, приставив для компании пару часовых; еще двое стерегли дверь. Сидя на низком жестком стуле, Лиминг битых два часа пялился в стену и вздыхал. Охранники, скорчившись на стульях и не проронив ни слова, не спускали с него немигающих змеиных глаз.

Наконец солдат принес еду и питье. Лиминг молча проглотил пищу и потратил еще два часа на изучение стены. Все это время его мозг напряженно работал. Туземцы явно не соображали, что изловили землянина. Судя по их поведению, они отнюдь не уверены, с кем имеют дело.

До некоторой степени их можно было понять. На стороне союзников сражались обитатели тринадцати планет; четыре расы были гуманоидными, а еще три очень походили на людей. Сообщество, в свою очередь, являлось случайным и не особенно прочным конгломератом, насчитывающим как минимум двадцать видов, три из которых также походили на обитателей Земли. Ожидая указаний высшего начальства, эта странная крокодилья публика просто не могла разобраться, кто перед ней — друг или враг.

Тем не менее они были настороже. Лиминг мог себе представить, что происходит, пока он тут просиживает заднищу. Скорее всего, офицер снял телефонную трубку — или как это у них называется — и позвонил в ближайший гарнизон. Местный командир быстренько отфутболил его в военный штаб. Про рапорт Клавиза там уже и думать забыли, и десятизвездная шишка передаст запрос на главную радиостанцию. Оператор отправит депешу трем союзникам-гуманоидам: не затерялся ли в этом районе след их разведчика?

Когда придет отрицательный ответ, туземцы смекнут, что в их космическую империю залетела редкая пташка. Им это навряд ли придется по вкусу. Тыловым войскам, окопавшимся далеко от линии фронта, обычно достаются все трофеи и никаких забот. Они мечтают только об одном — чтобы и дальше все шло так же

тихо и мирно. Внезапное вторжение врага там, где его никто не ждет, нарушит привычный уклад их жизни и, безусловно, вызовет раздражение. Так что на воинские почести ему рассчитывать не приходится. К тому же они вполне могут подумать: сегодня пробрался один разведчик — завтра жди целую армию. Кому же охота получить удар с тыла?

Когда новость дойдет до Клавиза, он примчится во весь опор и напомнит, что Лиминга ловят уже не в первый раз, а во второй. Ну и что в конце концов с ним сделают? Лиминг терялся в догадках. Ведь раньше он просто не давал им времени как следует развернуться. Навряд ли его сразу расстреляют. Если они достаточно цивилизованная публика, то сперва устроят перекрестный допрос, а потом засадят его в тюрягу. А если нецивилизованная — тогда откопают Клавиза или кого-нибудь из своих союзников, знающих язык Земли, и, не гнушаясь никакими жестокостями, вытянут из пленника все нужные сведения.

В те незапамятные времена, когда конфликты ограничивались одной-единственной планетой, существовало защитное средство, так называемая Женевская конвенция. Она предусматривала организацию нейтральной инспекции лагерей для военнопленных, доставку им писем из дома и продуктовых посылок. Теперь ничего подобного нет. У пленника всего два способа защиты: собственные силы плюс слабое утешение, что соотечественники могут отыграться на захваченном в плен неприятеле. Причем второе — скорее мечта, нежели реальность. Ведь отыграться они смогут в том случае, если узнают, что с кем-то из своих в плену жестоко обращаются.

Время тянулось еле-еле. Караул сменялся уже два раза. Еще раз принесли поесть. Наконец он увидел, что за окном темнеет. Украдкой поглядывая в сторону единственного окна, Лиминг решил, что пытаться из него выскочить под прицелом двух ружей — чистое самоубийство. Маленькое оконце находилось так высоко, что в спешке через него не очень-то протиснешься. Как бы ему сейчас пригодился пистолет-вонючка!

Первейший долг пленного — смыться. Для этого придется с нечеловеческим терпением выжидать подходящий момент и, как только подвернется удобный случай, использовать его на всю катушку. Один раз это ему почти удалось, так почему бы вторич-

но не попытать счастья? А если пути на свободу нет, нужно его изобрести.

Да, перспектива не из приятных. И похоже, скоро она станет еще неприятнее. Знай он туземный язык или любой другой язык сообщества, он бы даже полиглота Клавиза заставил поверить, что черное — это белое. Беззастенчивая наглость имеет свои преимущества. Как знать, может быть, приземлившись, он сумел бы сладкими речами и безграничной самоуверенностью, вместе с необходимой дозой нахальства, заставить туземцев отремонтировать ему дюзы и даже пожелать счастливого пути, так что они даже и не заподозрили бы, что оказали услугу врагу. Сладкая мечта, но совершенно бесплодная... Он не умел болтать ни на одном языке Сообщества, что сразу же подрубало ее под корень. Даже младенца не уговоришь расстаться с погремушкой, если вместо слов будешь издавать нечленораздельное мычание. Но должен же быть какой-то шанс! Уж он ухватился бы за него сразу и обеими руками! Если, конечно, противник настолько глуп, чтобы такой шанс предоставить.

Оценивая стражников — так же, как когда-то взвешивал способности офицера, своих первых конвоиров и Клавиза,— Лиминг решил, что они навряд ли принадлежат к интеллектуальной элите Сообщества. Зато у них медвежья хватка и крокодилья злоба — как раз то, что надо, чтобы засадить человека в кутузку и гноить там до скончания веков.

Вот уж ничего не скажешь — прирожденные тюремщики.

Его продержали взаперти четыре дня, с регулярными интервалами доставляя еду и питье. Долгими ночами он спал вполглаза, часами думал и часто угрюмо взирал на своих невозмутимых стражей. Мысленно Лиминг уже изобрел тысячу планов освобождения, рассмотрел их и отверг. Большинство казались надуманными, фантастическими и нереальными.

Однажды он дошел до того, что попытался загипнотизировать охранников, неотрывно глядя на них, пока у самого глаза чуть не закрылись. На них это не произвело ни малейшего впечатления. Как все пресмыкающиеся, они обладали способностью сохранять неподвижность и тупо пялиться в пространство до второго пришествия.

Наутро четвертого дня в комнату ввалился офицер, гаркнул: «Амащ!» — и указал на дверь. Его тон и манеры явно не отлича-

лись дружелюбием. По-видимому, кто-то распознал в госте неприятельского лазутчика.

Поднявшись, Лиминг вышел в сопровождении четырех охранников. Двое шли впереди, двое сзади, шествие замыкал офицер. На дороге их поджидал обитый сталью фургон. Лиминга впихнули в кузов и заперли дверь. Два охранника вскочили на заднюю подножку и вцепились в поручни. Третий сел в кабину к водителю. Путешествие длилось тринадцать часов, причем все это время пленник трясся в полной темноте.

Когда машина наконец остановилась, Лиминг уже изобрел новое, на редкость гнусное словечко. Он не преминул его выпалить, как только отворилась дверь.

— Хлюндик — энк! — заорал он.

— Амаш! — рявкнул охранник, не оценив вклад пленника в словарь бранных выражений, и бесцеремонно подтолкнул его в спину.

Лиминг неуклюже замаршировал из машины на землю.

Он успел увидеть высоченные стены на фоне ночного неба, а над ними — зарево ярких огней. Потом его провели в железные ворота и дальше, в просторную комнату, где его уже поджидало шестеро типов крайне мрачной наружности.

Один из шестерых подмахнул бумагу, которую вручил ему начальник конвоя. Когда стража вышла, закрыв за собой дверь, все шестеро недружелюбно уставились на пришельца.

Один из них что-то произнес начальственным тоном и знаками приказал Лимингу раздеться.

Лиминг тут же обозвал его хлюндиком вонючим, окопавшимся в тыловом болоте. Однако ничего хорошего из этого не вышло. Шестеро громил схватили его, мигом раздели догола и обыскали всю одежду, обращая особое внимание на швы и карманы. По ходу действия они продемонстрировали замечательную сноровку специалистов, которым уже не раз доводилось выполнять подобную работу и которые знали, что искать и где. Никто не проявил ни малейшего интереса к анатомии чужака, хотя он красовался перед ними в чем мать родила.

Наконец его пожитки отложили в сторону, а одежду швырнули обратно. Пока Лиминг облачался, специалисты копались в его башмаках, что-то недовольно бурча. Оставив пленнику ми-

нимум, необходимый для того, чтобы прикрыть наготу, и на этом успокоившись, они выпустили его через заднюю дверь, провели по массивной каменной лестнице вниз и втолкнули в камеру. Стук захлопнувшейся двери прозвучал как удар судьбы.

Из ночной темноты в густо зарешеченное отверстие, расположенное под самым потолком, пробивался свет восьми звездочек и одной крохотной луны. Нижнюю часть оконца окрашивал слабый желтоватый отблеск наружного освещения.

Ощупью передвигаясь в темноте, он наткнулся на деревянную скамью, стоявшую у стены. Лиминг пошевелил ее — она подалась. Подтащив скамью к отверстию, он взобрался на нее, но выглянуть наружу так и не удалось: не хватало пары футов. Он возился с тяжелой скамьей, пока ему не удалось прислонить ее к стене под углом, потом осторожно поднялся на самый верх и приник к решетке.

С высоты сорока футов открывалось голое, вымощенное камнем пространство, которое тянулось вправо и влево, насколько позволял видеть ограниченный обзор. Пространство замыкала гладкая каменная стена, возвышавшаяся до уровня его глаз. Вверху стена заострялась, образуя угол градусов в шестьдесят. Над ней на высоте десяти дюймов был туго натянут ряд гладкой, без шипов, проволоки.

Из невидимых источников, расположенных справа и слева, вырывались мощные лучи света, озаряя всю площадь между тюремным корпусом и наружной стеной, равно как и обширное пространство за ней. И никаких признаков жизни. Только стена, море света да нависшая ночь с далекими звездами.

— Так, значит, я в тюрьме,— произнес Лиминг.— Ну уж это ни в какие ворота!

Он спрыгнул на невидимый пол, и от этого легкого толчка скамья рухнула с оглушительным грохотом. Можно было подумать, что он раздобыл ракету и умчался на ней, пробив крышу. По коридору затопали, в тяжелой железной двери открылся глазок, через него брызнул луч света. В отверстии появился зрачок.

— Сач инвигия, фаплап! — гаркнул надзиратель.

Лиминг обозвал его плоскостопым толстозадым хлюндиком и добавил еще шесть слов — более старых, затертых от долгого употребления, но все еще достаточно выразительных. Глазок захлопнулся. Лиминг лег на жесткую скамью и постарался уснуть.

Через час он стал яростно дубасить в дверь и, когда глазок приоткрылся, выпалил:

— Сам ты фаплап!

Только после этого ему удалось заснуть.

Завтрак состоял из миски чуть теплой каши, напоминавшей перловку, и кружки воды. Подали еду с пренебрежением. Поглощая ее, Лиминг кривился от отвращения: она была еще хуже той мешанины, которой он перебивался, скитаясь в лесах. С другой стороны, тогда у него был не тюремный паек, а пропитание каких-то бедолаг-вертолетчиков.

Немного погодя к нему заявился тонкогубый субъект в сопровождении двух охранников. При помощи множества телодвижений посетитель объяснил, что пленнику надлежит освоить цивилизованную речь, более того, освоить ее срочно, в приказном порядке. Обучение должно начаться незамедлительно.

Озадаченный такой перспективой, Лиминг спросил:

— А где же майор Клавиз?

— Щипнос?

— Почему Клавиз не может присутствовать при переговорах — он что, онемел?

До собеседника наконец дошел смысл вопроса. Тыкая перед собой указательным пальцем, он изрек:

— Клавиз — жир-жир-жир!

— Не понял.

— Клавиз — жир-жир-жир! — Он несколько раз ударил себя в грудь, сделал вид, что валится на пол, и таким образом дал весьма недвусмысленно понять, что Клавиз отправился на тот свет, причем не без вмешательства высших инстанций.

— Ну и пироги! — изумился Лиминг.

Но наставник уже деловито извлек стопку детских книжек с картинками и начал приобщать Лиминга к знаниям. Охранники тем временем подпирали стенку и явно томились от безделья. Лиминг, со своей стороны, способствовал процессу обучения так, как можно способствовать только врагу: не понимал ни единого слова, не произносил правильно ни единого звука — в общем, не упускал случая продемонстрировать полнейшую лингвистическую непрошибаемость.

К полудню урок закончился, что ознаменовалось прибытием очередной миски каши, в которой плавал кусочек какой-то

жилистой дряни — ни дать ни взять крысиная ляжка. Лиминг выхлебал кашу, пососал мясо и отодвинул миску. Потом стал думать: что скрывается за их намерением обучить его туземной речи?

Прикончив беднягу Клавиза, враг стал жертвой собственной жестокости — лишился единственного на планете знатока космоарго. Возможно, где-то на планетах Сообщества есть и другие, но, чтобы вытащить одного из них сюда, потребуется уйма времени и хлопот. Кто-то свалял дурака, подписав Клавизу смертный приговор, а теперь старается исправить промах, обучая пленника чирикать по-своему.

Очевидно, у противников нет ничего похожего на электронные средства допроса, распространенные на Земле. Значит, они могут извлекать информацию только обычным методом вопросов и ответов, усиленным неизвестными мерами воздействия. Им нужны сведения — и они постараются их заполучить во что бы то ни стало. Чем больше он станет тянуть с освоением их языка, тем дальше отодвинет день, когда ему устроят допрос с пристрастием — если, конечно, он правильно угадал их намерения.

Его размышления прервал приход охранников. Они отперли дверь и приказали Лимингу выходить. Проведя пленника по коридору и вниз по лестнице, они выпустили его в просторный двор, по которому бесцельно слонялись под ярким солнцем какие-то существа. Лиминг так и замер от изумления.

Ригелиане! Их тут не меньше двух тысяч.

Союзники, боевые соратники Земли! С нарастающим волнением он стал присматриваться к ним, пытаясь отыскать в толпе более знакомые черты. Ну хотя бы парочку землян. Или, на худой конец, несколько человекоподобных центаврийцев.

Но тщетно. Вокруг шлепали на своих подгибающихся конечностях одни пучеглазые ригелиане, и видок у них был такой безотрадный, будто позади бесцельно прожитая жизнь, а впереди — ни малейшего просвета.

И все же Лиминг с первого взгляда почуял: что-то в них не так. Они видели его так же ясно, как и он их. Он, единственный землянин, космический союзник, должен был вызвать их законный интерес. Им бы столпиться вокруг него, забросать вопросами о последних событиях, поделиться новостями.

Как бы не так. Ни один из них даже ухом не повел. Держались так, будто появление землянина их совершенно не трогает. Лиминг намеренно неторопливо прошелся по двору, просто напрашиваясь на проявление братских чувств. Ригелиане расступались, некоторые посматривали украдкой, но большинство притворялось, что в глаза его не видят. И ни единого дружеского слова. Похоже, они сознательно устроили ему бойкот.

Он настиг в углу двора кучку ригелиан и, почти не скрывая злости, выпалил:

— Кто-нибудь из вас говорит на земном?

Они пялились на небо, на стену, на землю, друг на друга и молчали.

— Кто-нибудь знает центаврийский?

Не отвечают.

— А как насчет космоарго?

Молчание.

Потеряв терпение, Лиминг перешел к другой группе. Бесполезно. За час он забросал вопросами две-три сотни ригелиан и не получил в ответ ни единого слова. Он был совершенно ошарашен. В их повадке не было ни презрения, ни враждебности — что-то совсем другое. Пытаясь рассуждать логически, он пришел к выводу, что по неизвестным ему причинам они держатся настороже и боятся вступать с ним в разговор.

Сидя на каменной ступеньке, он наблюдал за ними, пока пронзительный свисток не возвестил окончания прогулки. Ригелиане построились в длинные шеренги, готовясь вернуться в свой барак. Тюремщики дали Лимингу пинка под зад и загнали обратно в камеру.

Он на время отложил загадку странного поведения союзников. Думать будем, когда стемнеет,— больше-то делать нечего. Оставшиеся светлые часы он решил посвятить изучению книг, чтобы уйти далеко вперед в освоении туземного языка, в то же время притворяясь отстающим.

Не исключено, что когда-нибудь беглость речи ему весьма пригодится. Жаль, что он не удосужился выучить, к примеру, ригелианский...

И он с головой ушел в работу, пока с наступлением темноты буквы и картинки не стали сливаться. Лиминг проглотил вечер-

нюю порцию варева, а потом растянулся на скамье, закрыл глаза и напряг извилины.

За всю свою сумбурную жизнь он встретил не больше двух десятков ригелиан. И никогда не был ни в одной из их трех тесно сгрудившихся солнечных систем. То немногое, что он о них знал, было основано на слухах. Про ригелиан говорили, что они обладают высоким уровнем умственного развития, что они хорошие работники и издавна, еще со времен первого контакта, состоявшегося уже почти тысячелетие назад, проявляют к землянам неизменное дружелюбие. Пятьдесят процентов ригелиан владеют космоарго, а около одного процента знает язык Земли.

Значит, если верить этим цифрам, несколько сотен типов во дворе должны его понимать — не на одном языке, так на другом. Почему же они шарахаются от него и помалкивают? И почему демонстрируют такое трогательное единодушие?

Решив во что бы то ни стало разгадать эту головоломку, Лиминг изобрел, рассмотрел и отбросил дюжину теорий — в каждой оказывался какой-нибудь изъян, не выдерживающий проверки. И только часа через два он наткнулся на очевидную разгадку.

Ведь ригелиане — пленники, их лишили свободы на неопределенный срок. Кто-то из них, возможно, раз-другой и видел землянина, но все они знают, что в рядах Сообщества есть несколько народов, внешне напоминающих людей. Они не могут с уверенностью сказать, что Лиминг — именно землянин, и не хотят рисковать: а вдруг он окажется шпионом, подсадной уткой и попытается выведать их замыслы.

Это, в свою очередь, означает кое-что еще. Если целая толпа пленных чересчур подозрительно настроена к предполагаемому предателю, значит, им есть что скрывать. Вот оно! Он даже хлопнул себя по колену от удовольствия. Ригелиане вынашивают план побега и не хотят рисковать.

Они слишком давно томятся в неволе, так что заключение им по меньшей мере осточертело, а по большей — довело до полного отчаяния и попытки к бегству. Обнаружив выход или находясь в процессе его поиска, они не желают подвергать свой замысел опасности, откровенничая с чужаком сомнительного происхождения. Теперь весь вопрос в том, как рассеять их подо-

зрения, завоевать доверие и добиться, чтобы его приняли в компанию. Придется как следует поломать голову.

На следующий день, в конце прогулки, один из стражей профессионально замахнулся увесистой задней конечностью и наградил Лиминга дежурным пинком. Лиминг проворно обернулся и заехал ему в физиономию кулаком. Четверо охранников вскочили и задали провинившемуся хорошую трепку. Причем постарались на совесть, так что никто из наблюдавших эту сцену ригелиан не мог принять ее за обычный спектакль. Получился наглядный урок, чего Лиминг в сущности и добивался. Бесчувственное тело выволокли со двора и поташили по лестнице. Лицо у Лиминга было разбито в кровь.

Глава 7

Только через неделю Лиминг смог снова показаться во дворе. Доверие досталось ему тяжелой ценой — на лицо его все еще страшно было смотреть. Он побродил в толпе ригелиан — как прежде, без всякого успеха,— выбрал уютное местечко на солнышке и уселся.

Вскоре один из пленных устало растянулся на земле в нескольких метрах от него и, не спуская глаз со слонявшихся поодаль охранников, тихо, почти шепотом, спросил:

— Ты откуда?

— С Земли.

— Как сюда попал?

Лиминг вкратце поведал ему свою историю.

— Как дела на фронте?

— Мы медленно, но верно тесним их. Но до окончательной победы еще далеко.

— Ты думаешь, война протянется еще долго?

— Не знаю. Трудно сказать.— Лиминг с любопытством разглядывал собеседника.— А ваша команда как здесь оказалась?

— Мы не военные. Штатские колонисты. Наше правительство послало передовые отряды, одних мужчин, на четыре новые планеты, принадлежащие нам по праву первооткрывателей. Всего двенадцать тысяч человек.— Ригелианин помолчал, внимательно огляделся, примечая, где находятся тюремщики.— Со-

общество бросило на нас войска. Это случилось два года назад. Все закончилось очень быстро. Мы не ждали нападения и были почти безоружны. Мы даже не знали, что идет война.

— И они снова захапали ваши четыре планеты?

— То-то и оно. Еще и поиздевались над нами всласть.

Лиминг понимающе кивнул. Циничный и безжалостный захват — вот первопричина той страшной войны, которая распространилась теперь на большой участок галактики. На одной из планет колонисты оказали героическое сопротивление и все до одного погибли. Возмущенные этой бойней союзники нанесли ответный удар и теперь успешно теснили противника.

— Ты сказал — двенадцать тысяч. Где же остальные?

— Раскиданы по тюрьмам вроде этой. Ты, конечно, выбрал отменную каталажку, чтобы пересидеть войну. Сообщество сделало эту планету своей главной тюрьмой. Она вдали от зоны боевых действий, навряд ли ее вообще обнаружат. Туземцы мало годятся для космических войн, зато вполне сойдут для того, чтобы охранять пленных. Они спешно строят огромные тюрьмы по всей планете. Если война затянется, эта космическая каталажка будет набита под завязку.

— Так ваша компания загорает здесь уже два года?

— Да, а кажется, что уже десять.

— И вы что же, ничего не предпринимали, чтобы смыться отсюда?

— Ничего особенного,— согласился ригелианин.— Но и этого было достаточно, чтобы расстреляли сорок человек.

— Сочувствую,— искренне сказал Лиминг.

— Не бери в голову. Я прекрасно понимаю, каково тебе. Первые недели — самые тяжелые. Одна мысль, что тебя посадили на веки вечные, может свести с ума, если не научиться воспринимать ее философски.— Он огляделся и заметил здоровенного охранника, несущего караул у дальней стены.— Пару дней назад этот лживый боров хвастал, что на планете уже двести тысяч заключенных, и еще добавил, что через год их будет два миллиона. Надеюсь, что он до этого не доживет.

— Я отсюда свалю,— сказал Лиминг.

— Как?

— Пока не знаю. Но все равно свалю. Не гнить же здесь заживо.— Он с надеждой ожидал чего-то от собеседника — на-

пример, что и другие чувствуют то же самое, или, может быть, едва уловимого упоминания о грядущих переменах, намека, что и он сможет принять в них участие.

Поднимаясь, ригелианин пробормотал:

— Что ж, желаю удачи. Тебе понадобится много сил.

Так ничего и не открыв, он засеменил прочь.

Раздался свисток, охранники заорали:

— Меро, фаплапы! Амаш!

На этом все закончилось.

Следующие четыре недели Лиминг часто беседовал с тем же ригелианином и с двумя десятками других, получая от них кое-какие отрывочные сведения. Но все они становились странно уклончивы, стоило ему поднять вопрос об освобождении. Они были дружелюбны, даже сердечны, но неизменно держали рот на замке.

Однажды, беседуя с одним из них, Лиминг спросил:

— Почему нужно обязательно разговаривать со мной украдкой и шепотом? Ведь охранникам, похоже, до лампочки, когда вы болтаете между собой.

— Тебе еще не устраивали перекрестного допроса. Но если они заметят, что мы слишком много с тобой разговариваем, то постараются вытянуть из тебя все, что мы сказали, и будут особенно интересоваться, не хочет ли кто-нибудь устроить побег.

Лиминг сразу же ухватился за милое ему слово.

— Да ведь побег — как раз то, ради чего стоит жить. Если кто-то хочет попытаться, я, быть может, смогу помочь. Я опытный космолетчик, а это что-то да значит!

Но собеседник сразу же охладил его пыл.

— Ничего не выйдет.

— Но почему?

— Мы в этой каталажке уже давно и усвоили многое из того, чему тебе еще только предстоит научиться.

— Например?

— Мы заплатили тяжелую цену за то, чтобы узнать: попытка побега проваливается, когда о ней знают слишком многие. Какая-нибудь подсадная утка обязательно выдаст. Или найдется самовлюбленный болван, который все испортит, начав в неподходящий момент.

— Но ведь я-то не подсадная утка и не болван! Я не такой кретин, чтобы самому отрезать себе путь к свободе.

— Так-то оно так,— согласился ригелианин.— Да только заключение диктует свои, особые условия. Вот одно твердое правило, которое мы здесь ввели: план побега — исключительная собственность тех, кто его задумал, и только они могут осуществить попытку, используя свой метод. Больше никому об этом не сообщают. И никто ничего не знает, пока не начнется заварушка. Секретность — это тот защитный экран, который потенциальные беглецы должны поддерживать изо всех сил. И они ни на миг не позволят ни единой душе заглянуть в него, даже землянину, даже опытному космолетчику.

— Значит, я сам по себе?

— Боюсь, что так. Ты в любом случае сам по себе. Мы спим в общих бараках, по пятьдесят человек в каждом. А ты один в своей камере. Ты ничем не сможешь нам помочь.

— Что ж, тогда я распрекрасно помогу себе сам! — сердито бросил Лиминг.

На этот раз первым ушел он.

Он томился в неволе уже тринадцать недель, когда учитель преподнес ему неожиданный сюрприз, можно сказать, фейерверк. Заканчивая урок, который отличался от других разве что особой тупостью Лиминга, учитель нахмурился и слегка подался вперед.

— Вам, вероятно, нравится рядиться в одежды идиота. Что же, по-вашему, я тоже идиот? Как бы не так! Меня не проведешь — вы усвоили гораздо больше, чем прикидываетесь. Через семь дней я доложу коменданту, что вы готовы к экзамену.

— Повторите, пожалуйста,— попросил Лиминг, изобразив на лице растерянность.

— Через семь дней вас будет допрашивать комендант.

— Меня уже допрашивал майор Клавиз.

— Это было на словах. А теперь Клавиз мертв, и у нас нет никаких записей ваших показаний.

Дверь за ним захлопнулась. Принесли кашу и желтушный шматок какой-то жесткой дряни. Похоже, местный провиантский отдел прямо-таки одержим идеей доказать, что крысиные ляжки — вполне съедобная пища. Подошло время прогулки.

— Мне сказали, что через неделю меня пропустят через мясорубку.

— Не бойся,— успокоил его ригелианин.— Им ведь прикончить тебя — раз плюнуть. Их удерживает только одно.

— Что же именно?

— У союзников пленных тоже хватает.

— Да, но ведь чего не знаешь, того не жалеешь.

— Всем зангам придется крепко пожалеть, если перед победителями откроется перспектива — обменять живехоньких пленников на сгнившие трупы.

— Вот тут ты прав,— согласился Лиминг.— Для такого случая было бы неплохо заиметь девять футов веревки и услужливо помахивать ею перед носом у коменданта.

— Было бы неплохо заиметь большую бутылку витков и пышную самочку, и чтобы она гладила меня по голове,— вздохнул ригелианин.

— После двух лет полуголодного существования тебя еще не оставляют такие мысли? Хотел бы я увидеть тебя в лучшей форме.

— Это так, мечты,— ответил ригелианин.— Люблю помечтать о несбыточном...

Снова раздался свисток. Миновали часы напряженных дневных занятий. Снова миска эрзац-каши. Потом темнота и горстка звездочек, заглядывающих в зарешеченное оконце под самым потолком. Кажется, время остановилось — как будто и его обнесли высокой стеной.

Лиминг неподвижно лежал на скамье, а в голове роились бесконечные мысли. Ведь не может быть такого места, из которого нельзя выбраться. Немного силы и смекалки, времени и терпения — и выход обязательно найдется. Те бедолаги, которых застрелили при попытке к бегству, выбрали не то время и не то место, либо то время, да не то место, либо то место, но не то время. Или пренебрегли силой, положившись на смекалку,— обычная ошибочка перестраховщиков. Или пренебрегли смекалкой, положившись на мускулы,— ошибка беспечных.

Закрыв глаза, Лиминг тщательно взвесил ситуацию. Он в камере с каменными стенами, твердыми как гранит, и толщина их — никак не меньше четырех футов. Единственные отверстия — узкий проем, закрытый пятью толстыми стальными пру-

тьями, да бронированная дверь, у которой постоянно несут караул охранники.

Что до него самого, то у него нет ни ножовки, ни отмычки, никаких инструментов — ничего, кроме затрапезной одежонки, в которой он тут загорает. Если разобрать скамейку на части, да еще умудриться сделать это неслышно, он станет обладателем нескольких деревяшек, дюжины шестидюймовых гвоздей и пары стальных болтов. Ничего из этого хлама не сгодится на то, чтобы открыть дверь или перепилить оконную решетку. А больше под рукой ничего нет.

Снаружи тянется ярко освещенная полоса шириной пятьдесят ярдов, которую нужно пересечь, чтобы обрести путь к свободе. Потом — гладкая стена в сорок футов высотой, где даже не за что уцепиться. Наверху — скат, слишком крутой, чтобы удержаться на ногах, пока перебираешься через сигнальную проволоку. А коснись ее или попробуй перерезать — тут же завоет сирена.

Эта высоченная стена окружает всю тюрьму. В плане она восьмиугольная и на каждом углу — по сторожевой вышке с часовыми, прожекторами и пулеметами. Чтобы выбраться, нужно, не задев проволоку, перелезть через стену, залитую светом прожекторов, под самым носом у часовых, а у них ведь руки так и чешутся тебя ухлопать. Но и это еще не все. За стеной — ярко освещенная полоса земли, которую тоже придется преодолеть. Даже если какой-нибудь смельчак перемахнет через стену, его тут же изрешетят, как только он попытается метнуться в спасительную темноту.

Да, во всем чувствуется рука профессионала, который знает, как держать птичек в клетке. Убежать через эту стену практически невозможно. Разве что кто-то выберется из своей камеры или барака, имея при себе веревку да еще бесстрашного сообщника, который прорвется в щитовую и в нужную минуту вырубит электричество. Вот тогда дело может выгореть. А потом — вверх по стене, через отключенную сигнальную проволоку и вперед, в темноту!

Но в его одиночке нет ни веревки, ни «кошек» и ничего такого, что можно было бы приспособить взамен. Нет отчаянного и надежного сообщника. Да и будь у него все это, он все равно счел бы такой проект чистейшим самоубийством.

Каждый раз, отыскав даже самую ничтожную зацепку и взвешивая тот минимум условий, который потребуется для ее осуществления, он проигрывал всю ситуацию не менее сотни раз. К середине ночи он так натрудил мозги, что в голову стало лезть все подряд, даже вовсе безумные идеи.

Скажем, можно оторвать от куртки пластмассовую пуговицу и проглотить ее в надежде, что его переведут в больницу. Конечно, больница тоже расположена за оградой, но, может быть, из нее легче удрать. Потом он еще раз подумал и решил, что засорение кишечника — вовсе не гарантия, что его куда-то переведут. Они могут всего-навсего влить в него сильнодействующее слабительное и тем самым только усугубить и без того неприятное положение.

На рассвете он пришел к окончательному выводу. Команда из тридцати, сорока или пятидесяти ригелиан, вкалывая в поте лица, может подвести подкоп под стену и обе освещенные полосы земли и таким способом вырваться на волю. Он же может взять только одним — хитростью. Ничего другого ему не остается.

Лиминг испустил громкий стон и пожаловался самому себе:

— Что ж, дружище, придется пошевеливать мозгами за двоих...

Эта случайно вырвавшаяся фраза засела у него в голове и стала бродить, как дрожжи. Через некоторое время он сел, обалдело уставился на крошечный клочок неба и сказал, едва сдерживаясь, чтобы не закричать:

— Ну конечно же, вот оно — за двоих!

Эта идея крепко засела в голове Лиминга, и ко времени прогулки у него начал вырисовываться план. Перво-наперво требовалось соорудить какое-нибудь хитрое приспособление. Распятие или хрустальный шар дают обладателю слишком важные психологические преимущества, чтобы ими пренебречь.

Вещица может иметь любую форму, размер и конструкцию — главное, чтобы она была явной и бесспорной новинкой. К тому же эффект от нее будет сильнее, если изготовить ее не из тех материалов, которые можно отыскать в камере,— частей одежды или скамьи.

В самом деле, лучше, чтобы она состояла из чего-нибудь другого и несла на себе несомненную печать загадочной, неизвестной технологии.

Навряд ли ригелиане сумеют ему помочь. Они по двенадцать часов в сутки ишачат в тюремных мастерских — участь, которая, возможно, суждена и ему, после того как он пройдет допрос и обнаружит свои способности. Ригелиане производили форменные куртки и штаны, ремни и сапоги, кое-какие осветительные и электрические приборы. Им претило работать на армию, но перед ними стоял простой выбор: вкалывать или голодать.

Судя по их рассказам, у них не было ни малейшей возможности тайком вынести из мастерских что-либо действительно ценное вроде ножа, стамески, молотка или полотна ножовки. В конце смены пленников выстраивали, и никому не позволялось выходить из строя, пока не проверят каждый станок, не пересчитают и не запрут все инструменты.

За первые пятнадцать минут дневной прогулки Лиминг прочесал весь двор в поисках предмета, который мог бы хоть как-то пригодиться.

Он бродил взад-вперед, вперив глаза в землю, как несчастный малыш, потерявший монетку. Ему удалось найти всего-навсего две деревяшки четыре на четыре дюйма и в дюйм толщиной: он сунул их в карман, не имея ни малейшего понятия, что с ними делать.

Закончив поиски, Лиминг примостился у стены и перекинулся словом с парой ригелиан. Он не мог сосредоточиться на беседе, и при появлении насторожившегося охранника собеседники ретировались. Потом к нему подобрался еще один ригелианин.

— Что, землянин, все еще надеешься выбраться отсюда?

— Естественно.

Собеседник фыркнул и почесал за ухом — жест, который его соплеменники использовали как выражение вежливого сомнения.

— Думаю, что наши шансы куда выше.

Лиминг пронзил его взглядом.

— Почему это?

— Нас много и мы вместе,— уклончиво ответил ригелианин, как будто опасаясь сболтнуть лишнее.— Что можно сделать в одиночку?

— Обдурить их и смыться при первой же возможности,— сказал Лиминг.

Тут он заметил на пальце, почесывающем ухо, кольцо и зачарованно уставился на него. Он и раньше видел эти незатейливые украшения. Многие ригелиане носили такие же. И кое-кто из охранников тоже. Кольцо представляло собой изящную штучку, состоящую из четырех-пяти витков тонкой проволоки, концы которой были изогнуты и запаяны таким образом, что образовывали инициалы владельца.

— Где ты откопал такое сокровище?

— Что я откопал?

— Кольцо.

— А, ты про это.— Опустив руку, ригелианин с довольным видом полюбовался кольцом.— Мы сами их делаем в мастерских. Помогает от скуки.

— Ты хочешь сказать, что охрана вам не запрещает?

— Они не вмешиваются. Ведь от этого нет никакого вреда. А потом, мы сделали несколько штук для охранников. И еще мы делаем для них автоматические зажигалки. Могли бы наделать и для себя, если бы они нам были нужны.— Он помолчал с задумчивым видом и добавил: — Мы полагаем, что охранники торгуют кольцами и зажигалками за пределами тюрьмы. Во всяком случае, у нас есть такая надежда.

— А зачем это вам?

— Может быть, они наладят постоянную и выгодную торговлю. И тогда, после того как они все это надежно устроят, мы урежем поставки и потребуем комиссионных в виде лишнего пайка или кое-каких неофициальных поблажек.

— Отличная мысль,— одобрил Лиминг.— Всем вам не помешало бы обзавестись приличным бизнесменом, способным проталкивать товар в большие города. Как насчет того, чтобы взять меня в долю?

Слабо улыбнувшись, ригелианин ответил:

— Самоделки никого не волнуют. Но стоит охранникам заметить, что пропала одна маленькая отвертка, пиши пропало. Всех разденут догола, и провинившемуся не поздоровится.

— Не станут же они поднимать шум из-за пропавшего моточка проволоки, ведь так?

— Скорее всего, нет. Ее там полно, материалы они не проверяют. Только что можно сделать из мотка проволоки?

— Одному богу известно,— согласился Лиминг.— И все же он мне нужен.

— Замок проволокой не откроешь, возись хоть сто лет,— предупредил собеседник.— Слишком уж она тонкая и мягкая.

— Мне всего-то и нужно на набор зулусских браслетов. Зулусские браслеты — моя слабость.

— А что это такое?

— Какая разница? Ты только достань мне такой проволоки, вот и все.

— В ближайшем будущем ты сможешь стащить ее сам. После допроса они пошлют тебя работать в мастерские.

— Она нужна мне раньше. И как можно скорее. Чем больше и чем скорее, тем лучше.

Ригелианин помолчал, обдумывая просьбу, и наконец сказал:

— Если ты что-то задумал, держи свой план при себе. Не выдавай его никому даже намеком. Начнешь открывать рот — тебя тут же накроют.

— Спасибо за добрый совет, дружище,— ответил Лиминг.— Так как насчет проволоки?

— Увидимся завтра, в это же время.

С этими словами ригелианин отошел от него и затерялся в толпе.

В назначенный час ригелианин был на месте и передал ему добычу.

— Тебе этого никто не давал, ясно? Ты сам нашел во дворе. Или обнаружил у себя в камере. Или сотворил из чистого воздуха. Но ни от кого не получал.

— Не волнуйся. Тебе это ничем не грозит. И еще — тысяча благодарностей.

Проволока была медная, луженая, свернутая в тугой моточек. Ночью он размотал его у себя в камере; оказалось, что длина проволоки чуть больше его роста — около семи футов.

Лиминг сложил ее пополам и стал сгибать и разгибать, пока она не переломилась. Одну половину он спрятал под крышкой

скамьи. Следующую пару часов он потратил на то, чтобы вытащить из скамьи гвоздь. Гвоздь вылезал с трудом и здорово поцарапал ему пальцы, но Лиминг не отступал, пока не добился своего.

Отыскав одну из деревяшек, он определил ее центр и каблуком вогнал в него конец гвоздя. По коридору протопали шаги. Он засунул свою поделку под скамью, подальше от посторонних глаз, и успел улечься как раз перед тем, как открылся глазок. Блеснул луч света, заглянул холодный змеиный зрачок, раздалось ворчание. Свет исчез, глазок закрылся.

Возобновив работу, Лиминг стал крутить гвоздь туда-сюда, время от времени ударяя по нему каблуком. Занятие оказалось нудным, но теперь у него, во всяком случае, появилось дело. Так он трудился, пока наконец не просверлил деревяшку на две трети толщины. Тогда он взял половину проволоки и разломал ее на две неравные части. Из короткого куска он соорудил аккуратную петлю с двумя концами длиной три-четыре дюйма каждый. Он постарался, чтобы петля как можно больше походила на правильную окружность. Потом длинным куском туго обмотал петлю, так что получилась плотная спираль с концами такой же длины, как и у петли.

Прислонив скамью к стене, он подобрался к окну. Рассматривая свое творение в отблеске уличных прожекторов, Лиминг внес несколько мелких исправлений и остался доволен. Он поставил скамью на место и с помощью гвоздя сделал на ее конце две маленькие засечки, отметив точный диаметр петли. Наконец он подсчитал число витков в спирали. Их оказалось двадцать семь.

Важно было запомнить все детали — ведь ему предстояло воспроизвести по возможности точно такую же штуковину. Именно сходство поможет заморочить противнику голову. Если заговорщик создает два загадочных предмета, одинаковых по цели и назначению, трудно не прийти к мысли: он знает, что делает, и замышляет нечто страшное.

В завершение своих приготовлений Лиминг аккуратно вставил гвоздь на прежнее место. Он ему еще понадобится как ценный инструмент. Тюремщики никогда не смогут его найти и отнять, потому что для постороннего наблюдателя скамья выглядит нетронутой и не внушает подозрений.

Он осторожно всунул все четыре конца свернутой спирали в просверленную дырку, так что из квадратной деревяшки получилась подставка. Вот и нужная вещица, непонятная штуковина, путь к спасению. Теперь он — первый изобретатель и единственный владелец надувателя Лиминга оригинальной конструкции.

Некоторые химические реакции происходят только при наличии катализатора, вроде церемонии бракосочетания, которая обретает силу в присутствии официального лица. Некоторые уравнения можно решить, только включив в них известную величину, которая обозначается буквой «Х». Если у вас чего-то недостает, чтобы получить желаемый результат, нужно добавить необходимый компонент. Если вам нужна отсутствующая помощь со стороны, нужно ее изобрести.

«В тех случаях, когда человек не мог совладать с природой голыми руками,— думал Лиминг,— вышеупомянутая природа покорялась и повиновалась человеку плюс Х. Так повелось испокон веков: человек плюс орудие или оружие».

Но вовсе не обязательно, чтобы Х был чем-то материальным или конкретным, смертоносным или даже видимым. Он может быть неосязаемым и недоказуемым, вроде угрозы геенны огненной или обещания райского блаженства. Он может быть мечтой, иллюзией, наглой, беззастенчивой ложью — словом, чем угодно.

И безошибочно испытать его можно одним-единственным способом — сработает он или нет. Если да, значит, это то, что нужно.

Вот и посмотрим...

Нет никакого смысла использовать язык Земли, разве что для заклинаний, когда в них возникнет необходимость. Здесь никто не понимает языка, для туземцев он все равно что неразборчивое бормотание. К тому же его отвлекающий маневр, когда он притворялся неспособным к освоению местного наречия, теперь бесполезен. Враг знает, что он может говорить на нем почти так же бегло, как и сами туземцы.

Держа свое спиральное сооружение в левой руке, он подошел к двери, прижал ухо к закрытому глазку и прислушался. Только через двадцать минут он услышал глухой звук приближающихся шагов охранника.

— Ты меня слышишь? — спросил он не слишком громко, но так, чтобы его услышали в коридоре.— Ты меня слышишь?

Быстро отступив, он растянулся на животе и установил спираль прямо перед собой.

— Ты меня слышишь?

Глазок щелкнул и приоткрылся, в нем появился свет, а за ним и недовольный зрачок.

Начисто игнорируя наблюдателя и действуя с видом человека, слишком занятого своим делом, чтобы замечать чье-либо присутствие, Лиминг продолжал вещать в спиральную петлю:

— Ты меня слышишь?

— Что ты делаешь? — грубо спросил часовой.

Услышав посторонний голос, Лиминг решил, что на этот раз судьба поворачивается к нему лицом. Этот тип по имени Марсин был способен разве что прицелиться и выстрелить или в крайнем случае поднять крик и позвать на помощь. Ни для чего другого он умом не вышел. Пожалуй, при медицинском освидетельствовании ему бы пришлось основательно поработать мозгами, чтобы сойти хотя бы за полудурка.

— Что ты делаешь? — Марсин повысил голос.

— Вызываю,— ответил Лиминг, будто только сию секунду очнулся и заметил постороннего.

— Вызываешь? Кого вызываешь и куда?

— Не твое хлюндячье дело,— с явным нетерпением ответил Лиминг. Сосредоточив все внимание на спирали, он повернул ее на пару градусов.— Ты меня слышишь?

— Не положено! — не унимался Марсин.

Лиминг громко вздохнул с видом человека, вынужденного терпеть дурацкие выходки, и спросил:

— Что не положено?

— Вызывать.

— Не будь идиотом. Нам, землянам, вызывать разрешается всегда. Что бы с нами стало, если бы мы не могли это делать, энк?

От такого у Марсина совсем ум за разум зашел. Он ничего не смыслил в землянах или в особых привилегиях, которые считались для них жизненно необходимыми. К тому же он не имел ни малейшего понятия, что с ними стало бы без этих привилегий.

А кроме того, Марсин не решался войти в камеру, чтобы пресечь непонятные действия узника. Вооруженному охранни-

ку запрещалось заходить в камеру в одиночку, и это правило строго соблюдалось с тех пор, как отчаявшийся ригелианин пристукнул часового, схватил его оружие и порешил шестерых, пытаясь вырваться на свободу.

Если возникала необходимость вмешаться, предписывалось отыскать начальника караула и потребовать унять розоволицего чужеземца, нарушающего тишину разговорами с какой-то непонятной петлей. Начальник был пренеприятным типом и имел привычку громко обсуждать вслух детали интимной жизни своих подчиненных. Стоял самый глухой час между полуночью и рассветом, время, когда больная печень начальника караула бурчала особенно громко. К тому же он, Марсин, и без того слишком часто оказывался у него ублюдочным фаплапом.

— Кончай вызывать и ложись спать,— приказал Марсин с ноткой отчаяния в голосе,— или утром я доложу дежурному офицеру о твоем неповиновении.

— Покатался бы лучше на верблюде,— посоветовал ему Лиминг. Он повернул спираль, как будто тщательно ее настраивая.— Ты меня слышишь?

— Я тебя предупредил! — не отставал Марсин, не спуская со спирали глаз.

— Сказано, фибли отсюда! — взревел Лиминг.

Марсин захлопнул глазок и отфиблил.

Естественно, Лиминг проспал — ведь он почти всю ночь провел за работой. Пробуждение было грубым и внезапным.

Дверь с грохотом распахнулась, и в камеру ворвались три охранника, за ними вошел офицер. Пленника без всяких церемоний стащили со скамьи, раздели и совершенно голым вытолкали в коридор. Пока охранники обыскивали его одежду, офицер слонялся по камере, наблюдая за ними. «Вылитый педик»,— решил Лиминг.

Ничего не обнаружив в одежде, они стали обыскивать камеру. Один из них сразу же нашел петлю на подставке и отдал ее офицеру. Тот взял ее так осторожно, как будто это был букет, в котором могла оказаться бомба.

Другой охранник наткнулся на вторую деревяшку, отфутболил ее в сторону и позабыл о ней. Оттащив скамью от стенки,

они заглянули за нее, но перевернуть и поискать под ней не сообразили. Тем не менее их долгая возня со скамьей начала действовать Лимингу на нервы, и он решил, что пора прогуляться. Нисколько не смущаясь своей наготы, он прошествовал по коридору.

Офицер издал яростный рев и напустил на него охранника. Тот так и вылетел из камеры, голося, чтобы Лиминг остановился. На шум из-за угла коридора появился четвертый охранник и угрожающе поднял ружье. Лиминг повернулся и ретировался.

Подойдя к офицеру, который вышел из камеры и уже кипел от злости, он остановился, принял скромную позу и сказал:

— Взгляните — «Сентябрьское утро».

Для офицера это был пустой звук.

Размахивая петлей, он подпрыгнул от ярости и заорал:

— Это что такое?

— Моя собственность,— с неприкрытым достоинством заявил Лиминг.

— Вы не имеете права ни на какую собственность. Военнопленным не разрешается ничего иметь при себе.

— Кто это сказал?

— Это я вам говорю! — довольно злобно ответил педик.

— А кто вы, собственно, такой? — поинтересовался Лиминг, демонстрируя чисто научный интерес.

— Клянусь Великим Голубым Солнцем, вы еще узнаете, кто я такой! Стража, взять его в камеру и...

— Вы здесь не начальник,— перебил его Лиминг с наглой самоуверенностью.— Здесь все решает комендант. Тут мы с ним заодно. Если не верите, пойдите и спросите его.

Охранники мешкали в явной нерешительности. Они единодушно отдали всю инициативу офицеру. Но герой что-то утратил свой пыл. Недоверчиво уставившись на узника, он колебался.

— Вы что же, утверждаете, что комендант позволил вам держать при себе этот предмет?

— Я говорю, что он не возражал. Значит, и вы не можете возражать. Катитесь-ка в свой свинарник и не старайтесь перепрыгнуть через голову начальства.

— Свинарник? Это еще что такое?

— Не ваше дело.

— Я справлюсь у коменданта.

Утратив спесь и уверенность, офицер повернулся к охранникам.

— Возвратите его обратно в камеру, и пусть ему принесут обычный завтрак.

— Надеюсь, мне вернут мою собственность, энк? — напомнил Лиминг.

— Не раньше, чем я увижусь с комендантом.

Охранники затолкали его в камеру. Он оделся. Прибыл завтрак — обычная миска размазни. Он обругал стражников за то, что ему не принесли яичницу с беконом, и сделал это нарочно, с дальним прицелом. Демонстрация самоуверенности и некоторой агрессивности была необходимым условием для продолжения игры.

Учитель почему-то не явился, так что Лиминг провел все утро, шлифуя по книгам беглость речи. Днем его выпустили во двор, и он, смешавшись с толпой, не смог обнаружить признаков какой-то особой слежки.

Его знакомый прошептал:

— Мне удалось стащить еще моток проволоки. Я его захватил с собой на тот случай, если он тебе понадобится.— Он сунул проволоку Лимингу и, убедившись, что она исчезла в его кармане, добавил: — Это все, что я сумел достать. Больше не проси. Нельзя слишком часто испытывать судьбу.

— В чем дело? Это становится опасным? Тебя подозревают?

— Пока все тихо.— Ригелианин настороженно огляделся.— Но если другие узнают, что я таскаю проволоку, то немедленно последуют моему примеру. Они разворуют ее на всякий случай, надеясь пронюхать, зачем она мне понадобилась, чтобы потом использовать таким же образом. За два года в тюрьме все мы стали отъявленными эгоистами. Каждый так и старается оттяпать у ближнего лишний кусок — неважно, настоящий или воображаемый. От этой собачьей жизни все худшее в нас вылезает на поверхность — как, впрочем, и лучшее.

— Понятно.

— Пары моточков никто не хватится,— продолжал собеседник.— Но если поднимется паника, проволока начнет исчезать в огромных количествах. И тогда не миновать жутких разборок. Я вовсе не хочу давать повод для повального шмона.

— То есть ты хочешь сказать, что как раз сейчас твои товарищи не могут рисковать, подвергая себя тщательному обыску?

Ригелианин шарахнулся, как испуганный конь.

— Я тебе этого не говорил.

— Но я-то не хуже других знаю, сколько будет дважды два.— Лиминг ободряюще подмигнул собеседнику.— А еще я умею держать язык за зубами.

Он проводил взглядом поковылявшего прочь ригелианина. Потом обыскал двор в надежде найти еще какие-нибудь деревяшки, но безуспешно. Ну и ладно, не в них дело. В крайнем случае можно обойтись и так.

Послеобеденное время он посвятил упражнениям в языке и сумел сосредоточиться на учебе без всяких помех. В тюремной жизни есть одно, пожалуй единственное, преимущество: можно заняться самообразованием.

Когда дневной свет стал меркнуть и сквозь решетку засияли первые бледные звезды, он стал так дубасить ногой в дверь, что грохот разнесся по всему зданию.

Глава 8

Топот бегущих ног. Глазок открылся. За ним был все тот же Марсин.

— А, это ты, фаплап! — приветствовал его Лиминг. Он презрительно фыркнул.— Ты, конечно, уже натрепался. Наябедничал офицеру, чтобы выслужиться.— Он выпрямился во весь рост.— Что ж, мне тебя жаль. Я бы сто раз предпочел оказаться в своей шкуре, чем в твоей.

— Тебе жаль? Меня? — Марсин всполошился.— Это еще почему?

— Потому что тебе несдобровать.

— Мне?

— Кому же еще? Не сразу, если тебе от этого легче. Сначала подождешь, помучаешься. А уж потом получишь сполна. Можешь, конечно, мне не верить. Поживем — увидим.

— Я только выполнял свой долг,— чуть ли не извиняясь, оправдывался Марсин.

— Это тебе зачтется,— утешил его Лиминг,— за все получишь по заслугам.

— Не понимаю,— заныл Марсин, нутром ощущая беду.

— Поймешь — не обрадуешься. И те вонючие фаллапы, которые лупили меня во дворе,— тоже. Можешь передать, что наказание для них уже отмерено.

— Я не должен с тобой разговаривать,— сказал Марсин, смутно сознавая, что чем дольше он стоит у глазка, тем прочнее к нему прилипает.— Мне пора идти.

— Ступай. Только мне кое-что нужно.

— Что?

— Мне нужен мой бопамагилви — та штука, которую забрал офицер.

— Ты ее не получишь без разрешения коменданта. А его нет и не будет до завтрашнего утра.

— А мне-то что. Мне он нужен сейчас.

— Сейчас нельзя.

— Ну и ладно.— Лиминг небрежно махнул рукой.— Сделаю еще один.

— Не положено,— крайне неуверенно напомнил ему Марсин.

— Ха-ха! — ответил Лиминг.

После того как совсем стемнело, он вынул из-под скамьи проволоку и соорудил вторую штуковину — точную копию первой. Его дважды прерывали, но не застукали ни разу.

Закончив работу, он поставил скамью дыбом и влез на нее. Вынув из кармана недавно полученный моток проволоки, крепко привязал один конец к среднему пруту решетки, а сам моток подвесил за окном. Разведя слюной пыль, он старательно замазал блестящую поверхность проволочного кольца, так что заметить его можно было, разве что уткнувшись в решетку носом. Потом соскользнул на пол и водворил скамью на место. Окошко располагалось так высоко, что нижняя часть решетки с пола была не видна.

Подойдя к двери, Лиминг прислушался и, выбрав подходящий момент, спросил:

— Ты меня слышишь?

Когда показался свет и глазок открылся, он нюхом почуял, что за дверью сгрудилась целая толпа охранников, а глаз в отверстии принадлежит вовсе не Марсину.

С головой уйдя в свое занятие, он принялся медленно и осторожно поворачивать петлю, одновременно вопрошая:

— Ты меня слышишь? Ты меня слышишь?

Повернув устройство градусов на сорок, он остановился, придал голосу выражение нескрываемого восторга и воскликнул:

— Наконец-то явился! Ты уж лучше держись поблизости, чтобы можно было поговорить нормально и не вызывать тебя через спираль.

Потом замолчал, изобразив на лице такую мину, как будто внимательно слушает. Глаз в отверстии выпучился, затем исчез и тут же сменился другим.

— Договорились,— сказал Лиминг, устраиваясь поудобнее, как будто для задушевной беседы.— При первой же возможности я их тебе покажу, а уж ты делай с ними, что пожелаешь. Давай-ка перейдем на свой язык. А то вокруг слишком много любопытных.— Набрав побольше воздуха, он стремительно затараторил без всяких пауз: — Отверзлась ткань и в тот же миг растрескался зеркальный лик сбылось проклятье взвился крик владычицы...

Отверзлась дверь, и в тот же миг два охранника чуть не рухнули в камеру головами вперед, стремясь поскорее завладеть добычей. Еще двое маячили в коридоре, между ними красовался педик. На заднем плане боязливо переминался Марсин.

С криком «Готово!» охранник схватил спираль и выскочил обратно в коридор. Его спутник пулей вылетел следом. Оба чуть не спятили от восторга. Дверь закрылась только секунд через десять, и Лиминг не преминул воспользоваться их оплошностью. Сделав охранникам «козу», он потыкал в их сторону растопыренными пальцами. В детстве они называли это «чертовы рожки» — классический жест для насылания порчи.

— Видел? — произнес он с выражением, обращаясь к невидимому собеседнику.— Вот они, те самые с чешуйчатой шкурой, про которых я тебе говорил. Ведь так и напрашиваются на беду. Любят ее, обожают, просто жить без нее не могут! Ты уж выдай им от души.

Вся компания явно оробела, потом дверь захлопнулась со зловещим лязгом. Припав ухом к глазку, Лиминг услышал их удаляющиеся шаги и монотонное бормотание.

За десять минут он отломал кусок проволоки от висевшего за окном мотка и снова замаскировал разведенной в слюне пылью конец проволоки, привязанной к решетке. Через полчаса очередной безупречно выполненный бопамагилви был готов. Благодаря постоянной практике Лиминг становился специалистом по быстрому и точному изготовлению этих штуковин.

Деревяшек для подставок больше не осталось. Тогда он, воспользовавшись выдернутым гвоздем, выкопал ямку в грязи, забившейся меж каменными плитами, которыми был вымощен пол его камеры. Вставив в ямку концы спирали, он покрутил штуковину туда-сюда, чтобы облегчить ритуал вращения. Потом яростно заколотил в дверь.

Дождавшись нужного момента, он улегся на живот и, припав к спирали, принялся декламировать третий параграф статьи 27, раздела 9, подраздела В Космического устава. Лиминг выбрал его как шедевр бюрократического словоблудия — одно-единственное предложение длиною в тысячу слов, смысл которого известен одному Всевышнему.

«В том случае, когда заправка производится в качестве аварийной меры на станции, не включенной в официальный перечень базовых станций и не определенной в качестве базовой станции для особых случаев в Поправке А (5) В к Разделу А (5), вышеупомянутую станцию надлежит рассматривать так, как если бы она была определена в качестве базовой станции в Поправке А (5) В к Разделу А (5), при условии, что авария подпадает под утвержденный перечень технических неисправностей, приведенных в Разделе Д (29—33) с последующим приложением, как соответствующая базовым станциям, если таковые...»

Глазок приоткрылся и снова захлопнулся. Кто-то удалялся на всех парах. Через минуту коридор затрясся, словно по нему мчался отряд кавалерии. Снова открылся и закрылся глазок. Дверь распахнулась.

На этот раз его раздели догола, обыскали одежду, перетрясли всю камеру, причем в повадках тюремщиков не было и намека на братскую любовь. Они перевернули скамью, стали ее швы-

рять, простукивать, ковырять — разве что под лупой не рассматривали.

Наблюдая эту возню, Лиминг поощрял их труды зловещим хихиканьем. Раньше он ни за что не смог бы зловеще хихикнуть — даже разок, даже на спор, суливший крупный выигрыш. Теперь же это давалось ему без малейшего труда. Воистину нет пределов человеческому совершенству!

Одарив его взглядом, полным неприкрытого злорадства, один из охранников вышел и вернулся, волоча тяжеленную лестницу. Приставив ее к стенке, он с величайшей подозрительностью обследовал оконный проем. Но такой осмотр не мог дать ничего путного: ведь на уме у него была исключительно сохранность решетки. Каждый прут он хватал обеими руками и энергично тряс. Но проволочное колечко ускользнуло от его внимания. Закончив, он с удовлетворенным видом спустился вниз и убрался вместе с лестницей.

Следом за ним ушли и остальные. Лиминг оделся и прижал ухо к глазку. Слышалось только слабое сопение да иногда шорох одежды. Он сел на скамью и стал ждать. Вскоре блеснул свет и глазок отворился.

Налепив на отверстие два растопыренных пальца, Лиминг изрек:

— Умри, фаплап!

Глазок захлопнулся. Послышались удаляющиеся шаги, только что-то уж слишком громкие. Он снова принялся ждать. Прошло полчаса мертвой тишины — и глаз снова появился, получив за свое долготерпение еще одну «козу», сопровождаемую проклятием. Если это был все тот же глаз, то он прямо-таки напрашивался на страшную кару.

Игра продолжалась с неодинаковыми перерывами часа четыре, пока наконец обладателю глаза это не надоело. Тогда Лиминг незамедлительно соорудил новую спираль и заорал в нее что есть мочи, чем вызвал еще один набег. На этот раз его не раздевали и камеру не обыскивали, удовольствовавшись конфискацией загадочного предмета. Симптомы усталости были налицо.

Проволоки осталось всего на один ускоритель сердечного ритма. Он решил сохранить ее на будущее, а пока — вздремнуть. Скудная пища и недосыпание грозили подорвать его силы.

Рухнув на скамью, он вздохнул и прикрыл воспаленные глаза. Через пару минут он выдал такой храп, как будто перепиливал решетку. В коридоре воцарилась паника, за которой последовало очередное вторжение.

Проснувшись от гвалта, Лиминг призвал на головы тюремщиков все мыслимые напасти. Потом снова улегся. Он вымотался до чертиков, но и они не меньше.

Он спокойно проспал до полудня, сделав единственный перерыв для обычного гнусного завтрака. Потом настало время обычного гнусного обеда. На прогулку его не выпустили. Он дубасил и лягал дверь, требуя, чтобы ему сообщили, почему его лишают прогулки, и угрожая всем и каждому принудительной кастрацией. Никакого эффекта.

Тогда он присел на скамейку и погрузился в раздумья. Может быть, отмена единственной поблажки — месть за то, что по его милости они всю ночь скакали, как перепуганные блохи? Или они подозревают ригелиан и не хотят, чтобы он с ними встречался?

Так или иначе, он дал врагам прикурить! В одиночку задал им по первое число! А это уже кое-что. То, что боец попал в плен, вовсе не значит, что он вышел из боя. Даже из-за толстых стен он сумеет докучать противнику, отнимая время и энергию, подрывая моральный дух, обезвреживая хотя бы немногих из вражеской шайки.

«Теперь,— решил он,— самая пора распространить и усилить заклятие». И сделать это нужно как можно основательнее. Чем шире он его распространит и чем более туманными словами облечет, тем успешнее сумеет приписать его действию любые несчастья, которые раньше или позже не преминут случиться.

Так бывает с цыганскими гаданиями. Люди склонны придавать особый смысл туманным изречениям, когда возникают и вырисовываются обстоятельства, которые можно истолковать на свой лад. Тут даже не нужно быть особо легковерным. Заставьте человека что-то ожидать, а потом, когда представится случай, он так и ахнет от удивления.

— Очень скоро на вашем пути встретится высокий брюнет.

После этого годится любой мужчина ростом выше среднего и не белобрысый. А «очень скоро» — любой срок от пяти минут до пяти лет.

— Мамочка, вчера заходил страховой агент, так вот, он мне улыбнулся! Ты ведь помнишь, что говорила цыганка?

Чтобы получилось что-то стоящее, нужно приспособиться к окружению. Если окружение в корне отличается от обычного, то и приспосабливаться к нему придется совершенно по-особому. Насколько ему известно, он, Лиминг,— единственный землянин в тюрьме и вдобавок единственный узник, содержащийся в одиночке. Значит, его тактика не должна иметь ничего общего с планами ригелиан.

Ригелиане что-то затевают, тут нет никакого сомнения. Они не стали бы таиться и осторожничать впустую. Почти наверняка они роют туннель. Может быть, и сейчас кто-то из них, сидя под землей, скребет и царапает землю голыми руками. Пробивается через грунт и скалу, извлекая раз за разом горстку породы. Продвигается за ночь на мучительные два-три дюйма. Да еще постоянный, нескончаемый риск, что тебя обнаружат, поймают и, скорее всего, безжалостно прикончат. Труд целого года может мгновенно пойти насмарку от единственного окрика, одной автоматной очереди.

А между тем, чтобы выбраться из неприступного каменного мешка, вовсе не обязательно совершать отчаянный и эффектный побег. Имея достаточно терпения, изобретательности, красноречия и хитрости, можно убедить врага распахнуть двери и вытолкать тебя на свободу.

Просто нужно хорошенько поворочать мозгами, которыми наградил тебя Господь.

По теории вероятности, в тюрьме и за ее стенами должны происходить разные события, в том числе и неприятные для врага. У кого-то из офицеров прямо под портупеей могут случиться колики. Или какому-нибудь охраннику повезет слететь с лестницы, ведущей на сторожевую вышку, и сломать ногу. Кто-то может потерять деньги, штаны или голову. Где-то поблизости может рухнуть мост, или сойти с рельсов поезд, или разбиться при взлете корабль. Или произойдет взрыв на фабрике боеприпасов. Или какой-нибудь военачальник сыграет в ящик. И тогда, сумей Лиминг доказать, что автор большинства этих напастей — именно он, у него сразу появятся козыри. Главное — так все обставить, чтобы они не смогли его разоблачить и отомстить ему, бросив в камеру пыток.

Вот идеальная стратегия: найти такой способ убедить врага в своих кознях, чтобы он при этом уверился в собственном бессилии противостоять им. Если это выгорит, что само по себе большой вопрос, неприятель должен прийти к логическому выводу, что единственный способ избавиться от постоянной напасти — это избавиться от самого Лиминга, причем живого и невредимого.

Если — а это тоже большой вопрос — ему удалось бы накрепко связать причину и следствие, то им, дабы избавиться от следствия, пришлось бы устранить причину.

Задача, как именно достичь столь фантастического результата,— колоссальная проблема, которая, будь он дома, привела бы его в полное смятение. Скорее всего, он просто объявил бы ее неразрешимой, несмотря на основную заповедь звездных войн, согласно которой неразрешимых ситуаций не бывает. Но у него было целых три месяца, чтобы вынашивать свой план, а суровая необходимость прекрасно стимулирует умственную деятельность. Очень хорошо, что у него была идея наготове, всего через десять минут пришло время пустить ее в ход.

Дверь распахнулась, на него мрачно уставились трое охранников, один из них проскрипел:

— Тебя срочно требует комендант. Амаш, фаплап.

Лиминг вышел со словами:

— Запомните раз и навсегда: я вам не фаплап, ясно?

Охранник пнул его под зад.

Комендант лениво развалился за письменным столом. С каждой стороны от него сидело по младшему офицеру. Это был огромный верзила. Глаза без век, прикрытые роговыми наростами, придавали ему холодный, пронизывающий вид.

Пока он изучал Лиминга, тот непринужденно расположился в удобном кресле, но офицер, сидевший справа, сразу же рявкнул:

— Стоять смирно в присутствии коменданта!

Комендант махнул рукой, отменяя приказ, и устало сказал:

— Пусть сидит.

«Сделал уступку для начала»,— подумал Лиминг.

Он с любопытством покосился на стопку бумаг на столе. «Должно быть, полный перечень моих прегрешений,— пред-

положил он.— Что ж, время покажет. В любом случае у меня есть про запас пара-другая уловок, которые можно пустить в ход против врага. Скажем, было бы просто жаль не воспользоваться их неведением. Союзники ничего не знают о зангах. Но и сами зангги почти или совсем ничего не знают о некоторых союзных расах, в том числе и о землянах. Общаясь с ними, они общаются с неизвестной величиной».

А отныне эта величина удваивается, поскольку к ней добавлен Х.

— Мне дали понять, что вы уже освоили наш язык,— начал комендант.

— Что толку отрицать,— признался Лиминг.

— Вот и отлично. Теперь расскажите нам все о себе.

— Я ведь уже рассказывал. В беседе с майором Клавизом.

— Меня это не волнует. Вы будете отвечать на мои вопросы, и я рекомендую вам говорить правду.

Разложив на столе официальный бланк, он поднял перо.

— Наименование родной планеты?

— Земля.

Комендант записал транслитерацию на своем языке и продолжал допрос:

— Наименование расы?

— Землянин.

— Наименование вида?

— Homo nosipaca*,— сказал Лиминг, сохраняя на лице выражение полнейшей серьезности.

Записав название, комендант с сомнением осведомился:

— А что это значит?

— Человек, странствующий в космосе,— ответил Лиминг.

— Гм.— Ответ произвел на собеседника впечатление.— Ваше имя?

— Джон Лиминг.

— Джон Лиминг,— повторил комендант, записывая имя.

— И еще Юстас Фенакертибан,— без заминки отбарабанил Лиминг.

Этот ответ тоже был записан, хотя комендант с некоторым трудом подыскал подходящие кружки и закорючки, чтобы пе-

---

* Человек, сотворивший нас *(лат.)*.

редать слово «Фенакертибан». Он дважды просил Лиминга повторить чужеземную фамилию. Тот с достоинством сделал такое одолжение. Изучая результат, напоминающий китайский рецепт приготовления супа из тухлых яиц, комендант спросил:

— Значит, у вас принято носить по два имени и по две фамилии?

— Совершенно верно,— подтвердил Лиминг.— Иначе никак нельзя: ведь нас двое.

Вздернув несуществующие брови, собеседник продемонстрировал некоторое удивление.

— Вы хотите сказать, что вас всегда зачинают и рождают парами? Каждый раз — по две идентичные особи мужского или женского пола?

— Нет-нет, ничего подобного.— Лиминг напустил на себя вид человека, вынужденного объяснять очевидную истину.— Когда землянин рождается, он сразу же обзаводится Юстасом.

— Юстасом?

— Да.

Комендант нахмурился, поковырял в зубах и взглянул на других офицеров. Если он думал, что обнаружит у них хоть искорку понимания, то ему не повезло. На их физиономиях читалась смертельная скука, как у людей, явившихся исключительно для того, чтобы поддержать компанию.

— И что же это за Юстас? — спросил комендант после длительного молчания.

Уставившись на него с неприкрытым изумлением, Лиминг спросил:

— Как, вы не знаете?

— Здесь вопросы задаю я. А вы отвечаете. Что это за Юстас?

— Невидимая часть человеческого существа,— бодро сообщил ему Лиминг.

Чешуйчатая физиономия коменданта озарилась проблеском понимания.

— А, вы имеете в виду душу? Вы даете своим душам отдельные имена?

— Ничего подобного. У меня своя душа, а у Юстаса — своя.— Подумав, он добавил: — По крайней мере, я полагаю, что души есть у нас обоих.

Откинувшись в кресле, комендант вперил в него немигающий взгляд. Повисла долгая тишина, и все это время офицеры, сидевшие по обе стороны от коменданта, продолжали изображать из себя болванов.

Наконец комендант сдался.

— Не понимаю.

— В таком случае ясно,— с наглым торжеством заявил Лиминг,— что у вас самих нет местного эквивалента Юстаса. Вы — каждый сам по себе, в одиночку. Что ж, вам не повезло.

Хлопнув ладонью по столу, комендант придал голосу командные нотки и приказал:

— Отвечайте конкретно: что такое Юстас? Объясните как можно доступнее.

— Я не в том положении, чтобы скрывать от вас информацию,— с притворной неохотой уступил Лиминг.— К тому же это не так важно. Даже если вы в совершенстве во всем разберетесь, все равно поделать ничего не сможете.

— Это мы еще посмотрим,— воинственно заметил комендант.— Кончайте ходить вокруг да около и выкладывайте про ваших Юстасов все, что знаете.

— Каждый землянин от рождения и до смерти ведет двойную жизнь,— поведал Лиминг.— Он живет, поддерживая тесную мысленную связь с существом, которое всегда зовется Юстасом — таким-то или этаким. Мой, например, оказался Юстасом Фенакертибаном.

— И вы можете по-настоящему видеть это существо?

— Нет, ни в коем случае. Его невозможно ни увидеть, ни учуять, ни потрогать.

— Тогда откуда вам известно, что он — не заблуждение, свойственное вашему народу?

— Во-первых, потому что у каждого землянина есть свой Юстас. С моим я могу подолгу беседовать, если, конечно, он находится где-то поблизости. В глубинах моего разума я слышу, как он ясно и логично высказывает свои мысли.

— А ушами его можно услышать?

— Нет, только мысленно. У нас телепатическая связь или, точнее, квазителепатическая.

— Так я и поверил,— с явным сарказмом заявил комендант.— Все слышали, как вы говорили вслух, орали что есть мочи. Это тоже телепатия, энк?

— Если нужно усилить мысли, чтобы послать их на большое расстояние, тогда лучше выражать их словами. Все люди так поступают, когда, решая какой-нибудь вопрос, разговаривают сами с собой. Разве вы никогда не разговариваете с собой?

— Не ваше дело. Есть ли у вас доказательства, что ваш Юстас — не игра воображения?

Глубоко вздохнув, Лиминг решительно продолжал:

— Он наделен способностью делать много такого, после чего остаются очевидные последствия.— Он перевел взгляд на совсем отключившегося офицера слева от коменданта.— Скажем, если мой Юстас заимеет зуб на этого офицера и сообщит мне, что намерен устроить ему падение с лестницы, и если в скором времени ваш офицер свалится с лестницы и сломает себе шею...

— Это может оказаться простым совпадением,— насмешливо парировал комендант.

— Может,— согласился Лиминг.— Только не исключено, что таких совпадений окажется слишком много. Если Юстас пообещает, что сделает сорок или пятьдесят вещей подряд, и все они произойдут, это может означать следующее: либо он выполнил обещание, либо он пророк, каких не знает мир. Только Юстасы не претендуют на роль пророков. Ни одно живое существо, будь оно видимым или невидимым, не способно столь точно предвидеть будущее.

— Это похоже на правду.

— Вы признаете, что у вас есть отец и мать?

— Ну разумеется,— согласился комендант.

— И не считаете это чем-то странным или необычным?

— Конечно нет. Появиться на свет без участия родителей — немыслимое дело.

— Вот и мы точно так же признали, что у нас есть Юстасы, и не мыслим жизни без них.

Комендант обдумал это заявление и сказал офицеру, сидевшему справа:

— Это попахивает взаимным паразитированием. Было бы интересно узнать, какую пользу они получают друг от друга.

— Бессмысленно спрашивать, что имеет от меня Юстас,— вклинился в разговор Лиминг.— Я не сумею объяснить, потому что сам не знаю.

— И вы хотите, чтобы я вам поверил? — спросил комендант, всем своим видом показывая: «Меня не проведешь». Он обнажил зубы.— Вы же говорили, что можете с ним разговаривать. Почему бы не спросить его самого?

— Нам, землянам, уже давным-давно надоело задавать подобный вопрос. Пришлось закрыть тему и просто принять такое положение дел.

— Почему?

— А потому что ответ всегда один и тот же. Юстасы охотно допускают, что мы для них необходимы, но не могут объяснить зачем. Именно потому, что нам этого не понять.

— Не исключено, что это лишь отговорка, уловка, продиктованная инстинктом самосохранения. Они не говорят вам потому, что не хотят, чтобы вы об этом узнали.

— Ну и что вы нам предлагаете делать?

Уклонившись от ответа, комендант продолжал:

— А какую выгоду имеете вы от этого союза? Вам-то от вашего Юстаса какой прок?

— Он обеспечивает общение, покой, новости, советы и...

— И что еще?

Уперевшись руками в колени и подавшись вперед, Лиминг выпалил коменданту прямо в лицо:

— А если понадобится — то и месть!

Удар попал в самую точку. Комендант отпрянул со смешанным выражением досады и недоверия. Младшие офицеры незаметно поежились. Чтобы тебя прикончил какой-то призрак — это уже не война, а черт знает что!

Взяв себя в руки, комендант выжал кривую усмешку и заметил:

— Вы у нас в плену. И содержитесь в заключении уже довольно долго. Что-то ваш Юстас не особенно переживает на этот счет.

— Пока нет,— охотно согласился Лиминг.

— Что значит «пока»?

— Ведь Юстас — существо свободное и по собственной воле странствующее во вражеском окружении. У него полно срочных

дел, так что пока он занят по горло. Он уже немало сделал и еще много чего сделает... в свое время и на свой лад.

— Неужели? И что же он намерен сделать?

— Поживем — увидим,— многозначительно произнес Лиминг.

Собеседники не проявили никакого энтузиазма.

— Никому еще не удавалось посадить землянина в тюрьму больше чем наполовину,— продолжал он,— на телесную, видимую, осязаемую половину. Зато другую половину вам не поймать никакими силами. Она никому не дается в руки. Бродит себе по свету, вынюхивая военные тайны, устраивает мелкие диверсии — словом, живет в свое удовольствие. Вы сами заварили кашу — вам и расхлебывать.

— Мы? Никто вас сюда не звал. Вы свалились на нашу голову без всякого приглашения.

— У меня не было выбора. Ведь я совершил аварийную посадку. Ваш мир мог оказаться дружественным. Но этого не случилось. Кого же теперь винить? Если уж вы встряли в войну с союзниками на стороне Сообщества, сами теперь и отдувайтесь, в том числе и за все проделки Юстаса!

— Вот мы вас шлепнем, и дело с концом.

Лиминг надменно усмехнулся.

— И тем самым еще раз осложните свою участь.

— Каким же образом?

— Юстас живет дольше своего партнера-землянина. Когда человек умирает, его Юстасу требуется от семи до десяти лет, чтобы уйти из жизни. У нас есть древняя песня, в которой говорится: старые Юстасы никогда не умирают — они просто исчезают. В нашем мире блуждают тысячи одиноких, неприкаянных Юстасов, которые постепенно исчезают.

— И что с того?

— Убейте меня — и вы обречете моего Юстаса на полное одиночество. Ведь рядом с ним не будет ни человека, ни другого Юстаса. Дни его сочтены, и он это знает. Терять ему нечего, поскольку его уже больше не сдерживают соображения моей безопасности. Поскольку я ушел навеки, он сможет снять меня со счета и уделить все свое внимание чему его душе угодно.

Он покосился на собеседника и добавил:

— Как пить дать он впадет в ярость и учинит форменный погром. Не забывайте: для него вы — враги. Его не остановят никакие сантименты или угрызения совести.

Комендант молча соображал. Поверить в услышанное было весьма трудно, и он с трудом удержался от искушения сразу же начисто отмести все эти россказни. Но до начала звездных войн было так же трудно поверить в гораздо более фантастические истории, которые теперь воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Он не решался отмахнуться от услышанного как от заведомой чепухи. Давно прошли те времена, когда можно было позволить себе излишнюю самоуверенность. Космические полеты всех известных звездных рас дали лишь самые поверхностные сведения об одной-единственной галактике из невообразимого множества миров, составляющих Вселенную. Кто знает, какие невероятные тайны еще ожидают своих открывателей — в том числе, быть может, и такие эфирные создания, как эти Юстасы. Да, глупцы верят, потому что доверчивы — или же доверчивы, потому что глупы. Умные люди ничего не принимают на веру, но и не отвергают все подряд, ибо понимают всю ограниченность своих познаний. В данный момент комендант остро понимал, что его познания по части так называемых землян близки к нулю. Может статься, что они и вправду двойные существа — наполовину Джо, наполовину Юстасы.

— Все это не то чтобы совсем невероятно,— глубокомысленно изрек он,— однако не внушает особого доверия. В Сообщество кроме нас самих входит еще около двадцати народов. Но я что-то не слышал, чтобы хоть один из них состоял с кем-нибудь в подобной связи.

— А как же латиане? — возразил Лиминг, назвав лидеров противника, главных зачинщиков войны.

Комендант порядком удивился:

— Вы хотите сказать, что у них тоже есть Юстасы?

— Да нет же! У них есть нечто похожее, только попроще. Каждым латианином на подсознательном уровне руководит существо, которое называет себя Гомиком — Гомик такой-то или этакий. Сами латиане об этом, разумеется, и понятия не имеют. Мы бы тоже не знали, если бы нам не подсказали наши Юстасы.

— А они откуда узнали?

— Как вам известно, до сих пор самые жестокие бои велись в латианском секторе. И обе стороны взяли пленных. Так вот, наши Юстасы рассказали нам, что у каждого латианского пленного есть Гомик, который им руководит. Только сами латиане пребывают на этот счет в счастливом неведении.— Ом с ухмылкой добавил: — Юстасы не скрывают, что они этих самых Гомиков ни в грош не ставят. Скорее всего, Гомики — довольно примитивная форма совместной жизни.

Комендант нахмурил чело и произнес:

— Это уже что-то конкретное, факт, который можно проверить. Только как, если сами латиане не в курсе дела?

— Проще простого,— успокоил его Лиминг.— У них в плену полно землян. Пусть кто-нибудь спросит этих пленных, каждого по отдельности, есть ли у латиан Гомики.

— Вот что мы сделаем,— решительно сказал комендант и с видом человека, собирающегося вывести мошенника на чистую воду, повернулся к офицеру, сидевшему от него по правую руку: — Баджащим, вызови-ка нашего старшего офицера связи при латианском штабе и прикажи ему допросить пленных землян...

— Если уж на то пошло, вы можете для полной гарантии сделать двойную проверку,— перебил его Лиминг.— Мы называем всех тех, кто связал свою жизнь с невидимым существом, Шизиками. Спросите у пленных, считают ли они всех латиан Шизиками.

— Возьми на заметку — пусть тоже спросит,— приказал комендант. Потом снова обратился к Лимингу: — Вы не могли предвидеть вынужденной посадки и последующего плена; кроме того, вас содержали в строгой изоляции. Стало быть, вы не могли сговориться с землянами, которые находятся в латианском плену.

— Вы совершенно правы.

— Таким образом, я буду судить о ваших показаниях в зависимости от тех ответов, которые придут на мой запрос.— Он в упор посмотрел на собеседника.— И если эти ответы не подтвердят вашу версию, я буду знать, что вы в некотором отношении бессовестный лгун. А может быть, и во всех отношениях. Учтите, у нас есть особые, весьма эффективные методы обращения с лгунами.

— Этого следовало ожидать. Но если ответы действительно подтвердят мои слова, тогда вы поверите, что я сказал правду?

— Нет,— отрубил комендант.

Теперь пришел черед Лиминга удивляться.

— Как же так?

— Я уже сказал, что вы, скорее всего, не могли установить прямую связь с пленными землянами. Но это еще ничего не значит. Ваш Юстас мог сговориться с их Юстасами...

Откинувшись в кресле, он рывком выдвинул ящик и положил на него спираль. Потом еще одну и еще. Целую кучу спиралей.

— Ну,— со зловещим торжеством осведомился он,— что вы на это скажете?

Глава 9

Лиминг впал в состояние, близкое к панике. Он понимал, что имеет в виду собеседник. Ведь он мог общаться со своим Юстасом, а тот, в свою очередь, с другими Юстасами. А другие Юстасы могли общаться со своими партнерами, попавшими в плен.

Надо поскорее выбираться из этой западни!

Обычно он соображал быстро, но после трех месяцев полуголодного существования ум его, похоже, стал терять проворность. Сказывалось отсутствие приличной пищи. Как Лиминг ни старался пришпорить мысли, они еле-еле ворочались.

Троица за столом так и застыла в ожидании. Они ловили выражение его лица, считая секунды, которые понадобятся для ответа. Чем дольше он будет раздумывать, тем неубедительнее получится. И наоборот, чем быстрее он выдаст что-нибудь подходящее, тем правдоподобнее оно прозвучит. На их физиономиях уже начало проступать злорадство. Лиминг совсем было пал духом, как вдруг увидел зацепку и ухватился за нее.

— Вы ошибаетесь сразу по двум причинам.

— Назовите их.

— Во-первых, Юстасы не могут общаться через такие колоссальные расстояния. Их мысленные сигналы так далеко не распространяются. Для того чтобы вести беседы с другими мира-

ми, Юстасу необходима помощь землянина, у которого, в свою очередь, должна быть радиоаппаратура.

— Это все одни слова,— заметил комендант.— Если Юстас действительно способен общаться через любые расстояния, то вам выгоднее скрыть этот факт. Было бы весьма глупо признавать такие вещи.

— У меня нет ничего, кроме слов, не важно — верите вы им или нет.

— Лично я не верю, во всяком случае пока.

— Но ведь ни один отряд землян не бросился мне на выручку, а это обязательно случилось бы, сообщи им Юстас о моей судьбе.

— Ха! — воскликнул комендант.— Чтобы добраться сюда, у них ушло бы куда больше времени, чем то, которое вы здесь сидите. Может быть, вдвое больше. И то при условии, что им каким-то чудом удалось бы прорваться через линию фронта. Отсутствие спасательного отряда еще ничего не значит.— Он подождал и, поскольку ответа не последовало, закончил: — Так что, если у вас есть еще что-нибудь, постарайтесь быть поубедительнее.

— Есть, есть,— заверил его Лиминг.— И тут уже дело не в моих словах, а в ваших.

— Что за чушь! Я ничего не говорил о ваших Юстасах.

— Напротив, вы сказали, что они могут вступить в сговор.

— Ну и что же?

— А то, что сговор может быть только в том случае, если Юстасы существуют на самом деле. Если же мои показания — ложь, то Юстасы не существуют, а между несуществующими созданиями никак не может возникнуть сговор.

Комендант сидел не шелохнувшись, по его лицу разливался слабый багрянец. Он выглядел, да и ощущал себя, как охотник, попавший в свой капкан. Было видно, что офицер слева от него из последних сил старается удержать непочтительный смешок.

— Если же вы не верите в Юстасов,— продолжал вдохновенно заливать Лиминг,— то по законам логики вы не можете верить и в сговор между ними. С другой стороны, если вы верите в возможность сговора, то придется вам поверить и в Юстасов. Конечно, если вы в здравом уме и к тому же в штанах с лампасами.

— Стража! — злобно закричал комендант, указывая пальцем на Лиминга.— Отвести его обратно в камеру!

Охранники с готовностью погнали пленника к дверям, но комендант внезапно передумал.

— Стойте! — рявкнул он. Схватив спираль, он замахал ею перед Лимингом.— А где вы взяли материал для этой штуки?

— Юстас принес. Кто еще?

— Убирайтесь с глаз долой!

— Мерс, фаплап! — стали подгонять его охранники, подталкивая прикладами.— Амаш! Амаш!

Остаток дня и все утро следующего он провалялся на скамье, обдумывая случившееся, планируя дальнейшие шаги, а в минуты отдыха — восхищаясь собственным превращением в отчаянного и беззастенчивого лгуна.

Снова и снова он сравнивал свой путь к освобождению, прокладываемый одним лишь языком, с попытками ригелиан добыть свободу голыми руками. Кому повезет больше? И, что еще важнее, кто, выбравшись на свободу, там и останется? Ясно одно: его метод менее утомителен для оголодавшего, обессилевшего тела, но зато куда более изнурителен для нервной системы. У него есть еще одно преимущество — пока ему удалось отвлечь их от намерения выжать из него военные тайны. Так ли это? Может быть, с их точки зрения, его откровения по поводу двойной природы землян гораздо важнее всех подробностей вооружения, которые могут оказаться ложью. Во всяком случае, ему на какое-то время удалось избежать допроса, а ведь он мог оказаться весьма жестоким и болезненным. Таким образом, оттянув расправу, он только добавил блеска подлинному перлу мудрости, который гласит: «Мысли пачкают мозги».

Из любви к искусству он дождался подходящего момента, и охранник, заглянувший в глазок, застал его в разгар произнесения цветистой благодарности в адрес Юстаса за некую таинственную, неназванную услугу. Как и ожидалось, это заставило перепуганного Марсина задуматься, кто же именно сплоховал и попался на Юстасову удочку. Наверняка скоро и начальник караула задаст себе тот же вопрос. А в свое время и другие офицеры.

Около полуночи, так и не в силах уснуть, Лиминг пришел к выводу: нет смысла делать дело наполовину. Если дело стоящее,

то и делать его нужно как следует. Это относится и ко лжи, и к злодейству — как, впрочем, и ко всему остальному. Мало довольствоваться многозначительной усмешкой, прознав, что враг понес легкие потери.

Можно идти гораздо дальше. Никто на этом свете не застрахован от капризов фортуны. И удачи, и неудачи случаются в любом уголке Вселенной. Так почему бы не приписать и то и другое Юстасу? И почему бы ему, Лимингу, в связи с этим не присвоить право карать и миловать?

И это еще не все. Удача и неудача — события со знаком плюс. Можно, минуя нулевую область, завладеть событиями со знаком минус. Благодаря Юстасу он сумеет поставить себе в заслугу не только то, что произошло,— будь то хорошее или плохое,— но и то, чего не произошло. Тогда ему останется только заявлять права на случившееся, а в промежутках — стричь купоны с несбыточного.

Лиминг не смог побороть искушения начать немедленно. Скатившись со скамьи, он обработал кулаками и сапогами всю дверь сверху донизу. Охранник только что сменился, потому что глаз, заглянувший в камеру, принадлежал Колуму, тому самому типу, который не так давно пнул его под зад. Колум мог дать Марсину сто очков вперед: ведь он умел считать на всех двенадцати пальцах — если, конечно, предоставить ему достаточно времени для раздумий.

— Так это ты! — сказал Лиминг, демонстрируя огромное облегчение.— Как я рад! Я постарался, чтобы он отстал от тебя и хотя бы ненадолго оставил в покое. Он чересчур горяч и слишком уж суров. Я вижу, что ты гораздо умнее других охранников и, стало быть, способен измениться к лучшему. Я дал ему понять, что ты слишком сообразителен, чтобы ходить в сержантах. Его нелегко переубедить, но для тебя я постараюсь.

— Ну да? — изрек наполовину польщенный, наполовину испуганный Колум.

— Так вот, пока он оставил тебя в покое,— повторил Лиминг, зная, что собеседник не сможет его опровергнуть.— Он еще ничего тебе не сделал... пока.— Он усилил нажим.— Я постараюсь как можно крепче держать его в узде. Только тупые грубияны заслуживают медленной смерти.

— Вы правы,— с готовностью поддакнул Колум.— Вот только...

— Теперь,— решительно перебил его Лиминг,— все зависит только от тебя. Докажи, что я не ошибся, доверяя тебе, и ты убережешь себя от участи, которая ждет тугодумов. Мозгами нужно пошевеливать, ведь так?

— Да, но...

— А тот, кому Бог мозгов не дал, в ход их пустить не может. Ты со мной согласен?

— Так-то оно так, но...

— Все, что от тебя требуется, чтобы доказать свою сообразительность,— это передать коменданту записку.

Колум так и вытаращил глаза от ужаса:

— Никак нельзя. В этот час его не положено беспокоить. Начальник караула не позволит. Он...

— Тебя и не просят доставить коменданту записку сию же минуту. Вручишь утром ему лично, когда он проснется.

— Это другое дело,— с явным облегчением сказал Колум.— Только я должен вас предупредить: если записка ему не понравится, попадет вам, а не мне.

— Меня он не тронет, иначе я его так трону...— заявил Лиминг, как будто констатировал непререкаемую истину.— Давай пиши.

Прислонив ружье к противоположной стене коридора, Колум откопал в недрах кармана карандаш и бумагу. Глаза его выпучились от напряжения. Он готовился к невероятно трудной задаче — нацарапать десяток-другой слов.

— Его Высокородию, Мерзейшему из Надзирателей.

— Что такое «мерзейший из надзирателей»? — спросил Колум, борясь с незнакомым написанием земных слов.

— Это такой титул, вроде «Вашего Высочества». Ведь он у вас и вправду высокий.— Лиминг почесал нос, наблюдая, как охранник потеет над письмом.

Потом стал медленно диктовать, стараясь, чтобы каллиграфический талант Колума поспевал за его темпом.

— Питание скудное, и качество его отвратительное. Я ослаб, потерял в весе, все ребра торчат наружу. Моему Юстасу это не по нраву. Чем больше я худею, тем больше он свирепеет. Стреми-

тельно приближается момент, когда я вынужден буду снять с себя всякую ответственность за его поступки. Поэтому прошу Ваше Высокомерзейшее Надзирательство отнестись к этому со всей серьезностью.

— Больно уж много слов, да еще какие длинные,— посетовал Колум с видом измученного крокодила.— Когда сменюсь с дежурства, придется переписать поразборчивее.

— Понимаю и ценю те труды, которые ты взял на себя, желая мне помочь.— Лиминг так и излучал братскую любовь.— Именно поэтому я уверен, что ты будешь жив-здоров до тех пор, пока не выполнишь мое поручение.

— Хотелось бы пожить подольше,— заныл Колум, снова выпучив глаза.— Ведь я тоже имею право жить, верно?

— Именно так я ему и сказал,— произнес Лиминг, сделав вид, как будто промучился всю ночь, доказывая неоспоримый факт, но гарантировать успех пока не может.

— Мне больше нельзя говорить с вами,— спохватился вдруг Колум, подхватив ружье.— И вообще разговаривать с вами не положено. Если начальник караула меня застукает...

— Его дни сочтены,— холодно произнес Лиминг.— Он не переживет даже собственной смерти.

Колум, уже протянувший было руку, чтобы закрыть глазок, замер, будто его хватили обухом. Потом спросил:

— А разве можно пережить свою смерть?

— Все зависит от метода убийства,— пояснил Лиминг.— Есть такие, о которых ты никогда не слыхал и даже вообразить себе не можешь, что это такое.

Тут Колум потерял к беседе всякий интерес и захлопнул глазок. Лиминг вернулся на свою скамейку и растянулся на ней во весь рост. Свет угас. Семь звезд заглянули в оконце — и путь к ним ему не заказан!

Наутро завтрак запоздал на час, но зато он состоял из миски тепловатой кашицы, двух толстых ломтей черного хлеба, густо намазанных жиром, и большой кружки теплой жидкости, отдаленно напоминающей слабенький кофе. Он проглотил все это с растущим торжеством. По контрасту с тем, что ему приносили обычно, сегодняшняя еда казалась рождественским обедом. Настроение резко подскочило.

Ни в этот день, ни на следующий приглашения на вторую беседу не поступило. Комендант затаился на целую неделю. Как видно, Его Мерзейшее Надзирательство все еще ожидает ответа из латианского сектора и не склонно предпринимать никаких действий до его получения. Тем не менее еда стала получше, и Лиминг расценил этот факт как подтверждение того, что кто-то хочет застраховать себя от нападений.

Затем, как-то рано поутру, ригелиане устроили представление. Из камеры их не было видно, но зато прекрасно слышно. Каждый день, примерно через час после рассвета, раздавался топот двух тысяч пар ног, который удалялся в сторону мастерских. Обычно это был единственный звук — ни голосов, ни обрывков разговоров, только усталая поступь да изредка выкрики охраны.

На этот раз они шли с песней, и в их пронзительных голосах слышался ясный вызов.

Оглушительный нестройный хор выводил что-то вроде: «Аста Зангаста — грязный старикашка, у него на пузе блохи, а в носу — какашка!» Это должно было звучать глупо и по-детски. Но нет, их единодушный порыв, казалось, придавал песенке скрытую угрозу.

Заорали охранники. Пение становилось все громче, причем вместе с силой звука рос и вызов. Стоя под окном, Лиминг напряженно прислушивался. Именно в такой оскорбительной форме он впервые услышал упоминание об Асте Зангасте, который, вероятно, был правителем этой планеты, диктатором, а может быть — просто главным головорезом.

Рев двух тысяч глоток достиг крещендо. Охранники бесновались, но их выкрики тонули в общем гвалте. Где-то раздался предупредительный выстрел. Часовые на сторожевых вышках развернули пулеметы, нацеливая их на двор.

— Выродок ушастый этот Аста Зангаста! — взревели вдали ригелиане, доводя свою эпическую поэму до победного конца.

Раздались удары, выстрелы, звуки потасовки, яростные вопли. Двадцать охранников в полном вооружении промчались мимо окна Лиминга, спеша к невидимой свалке. Гомон продолжался полчаса. Потом постепенно утих. Повисшая вслед за этим тишина была почти осязаема.

Во время прогулки весь тюремный двор оказался в полном распоряжении Лиминга: больше никого из пленников не было. Мрачный и озадаченный, он слонялся взад-вперед, пока не наткнулся на Марсина, стоящего на карауле.

— А где остальные? Что с ними приключилось?

— Они нарушили дисциплину и потеряли уйму времени. Теперь их задержат в мастерских, пока они не выполнят дневную норму. Сами виноваты. Они нарочно затянули начало работы, чтобы уменьшить выработку. Мы даже не успели их пересчитать.

Лиминг ухмыльнулся ему в лицо.

— Кое-кому из охранников не поздоровилось?

— Было дело,— признался Марсин.

— Но не сильно,— подсказал Лиминг.— Ровно настолько, чтобы они почувствовали, что их ожидает. Вот и пораскинь мозгами!

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что сказал,— пораскинь мозгами.— Потом добавил: — Но с тобой-то ничего не случилось. Призадумайся и на этот счет!

Он лениво удалился, оставив Марсина в тревоге и недоумении. Потом шесть раз обошел двор, напряженно размышляя. Внезапное нарушение дисциплины, допущенное ригелианами, несомненно взбаламутило всю тюрьму, теперь суматохи хватит на целую неделю. Он ломал себе голову, чего они добивались. Может быть, они пошли на это, чтобы хоть как-то развеять отчаяние и тяготы жизни взаперти. От одной зеленой скуки можно решиться на самые безумные выходки.

На седьмом круге он все еще терялся в догадках, как вдруг случайная фраза Марсина обрушилась на него, как удар дубины: «Мы даже не успели их пересчитать». Черт возьми! Вот вам и повод для утреннего тарарама. Хоровое общество решило увильнуть от переклички. И причина их стремления избежать обычной процедуры могла быть только одна.

Снова отыскав Марсина он пообещал:

— Завтра кое-кто из охраны пожалеет, что родился на свет.

— Вы что, угрожаете?

— Просто предсказываю будущее. Передай мои слова дежурному офицеру. Это поможет тебе избежать неприятностей.

— Ладно, передам,— сказал Марсин, заинтригованный, но все же благодарный.

События следующего утра доказали: он был прав на сто процентов, предполагая, что ригелиане — слишком трезвый народ, чтобы навлечь на себя синяки и шишки, не имея на то веских причин. Противнику понадобился целый день, чтобы прийти к аналогичному выводу.

Через час после рассвета ригелиан выгнали во двор, барак за бараком, группами по пятьдесят человек, вместо обычной нескончаемой колонны. Их пересчитали по пятьдесят, что было не сложно. Но даже столь простая арифметика отказала, когда в одном из бараков обнаружилось всего двенадцать человек, причем все как один слабые, болезненные, раненые — словом, ни на что не годные.

Разъяренные охранники ворвались в барак, чтобы выволочь тридцать восемь недостающих. Но их там не оказалось. Дверь была в целости и сохранности, оконная решетка невредима. Охранники долго метались в панике, пока кто-то из них не приметил, что одна из плит в полу чуть-чуть сдвинута. Они подняли ее и обнаружили глубокую яму, от которой отходил туннель. Один из охранников весьма неохотно спустился в яму, залез в туннель и вскоре благополучно выбрался наружу, на порядочном расстоянии от стены. Стоит ли говорить, что туннель оказался пуст.

Завыли сирены, по всей тюрьме затопали сапоги охранников, офицеры заорали противоречащие друг другу приказы. Словом, вся тюрьма превратилась в дурдом. Ригелиане получили сполна за то, что сорвали вчерашнюю перекличку и тем самым дали беглецам дневную фору. Заработали сапоги и ружейные приклады. Изувеченных и потерявших сознание оттаскивали в сторону.

Всю ответственность за побег свалили на старосту из провинившегося барака — высокого хромого ригелианина. Его схватили, допросили, приговорили, поставили к стенке и расстреляли. Лиминг этого не видел, зато отлично слышал хриплые выкрики: «На караул... цельсь... огонь!» — и последовавший за ними залп.

Он, как памятник, расхаживал взад-вперед по камере, сжимая кулаки. Живот скрутило, как будто там угнездился змеиный выводок. Про себя он крепко ругался. Его разбирало одно жела-

ние, одна пламенная мечта: свернуть шею какой-нибудь зангастанской шишке. Глазок открылся и тут же захлопнулся: плюнуть надзирателю в глаз Лиминг не успел.

Суматоха не утихала. Распалившиеся охранники обыскали все бараки подряд, проверяя двери, решетки, полы, даже потолки. Офицеры выкрикивали кровожадные угрозы в адрес мрачно сбившихся в кучки ригелиан, если они мешкали, выполняя приказ.

На закате солдаты наружной охраны приволокли семерых измученных, вывалянных в грязи беглецов. Прием их ждал короткий и суровый: «На караул... цельсь... огонь!» Лиминг бешено забарабанил в дверь, но глазок не открылся и никто не подал голоса. Через два часа он сделал из оставшейся проволоки последнюю спираль. Полночи он провел, во всю глотку выкрикивая в нее страшные угрозы. Никакой реакции.

В середине следующего дня им овладела глубокая безысходность. Он прикинул, что у ригелиан на подготовку побега ушел почти год. И вот результат: восемь трупов и тридцать один человек пока не пойманы. Если им удастся держаться вместе и не растерять друг друга, то тридцать один человек — достаточная команда, чтобы захватить любой корабль вплоть до истребителя. Но, полагаясь на собственный опыт, он знал, что их шансы на успех ничтожны.

Ведь такой крупный побег переполошил всю планету. Теперь в каждом космопорте выставят сильную вооруженную охрану и не снимут до тех пор, пока не поймают последнего из них. При удаче беглецы смогут продержаться на свободе довольно долго. Но все равно они привязаны к планете и в итоге обречены на поимку и последующую расправу.

А пока их товарищи расхлебывают кашу, которую они заварили, да и его собственные планы оказались под угрозой. Нет, он ничуть не против побега. Пусть им повезет. Вот только случился бы он месяца на два раньше или позже.

Лиминг мрачно заканчивал обед, когда за ним явились четверо охранников.

— Вас срочно требует комендант.

Вид у них был злой и подавленный. У одного на чешуйчатой башке красовалась повязка, у другого глаз совсем заплыл.

«Не могли выбрать лучшего времени»,— подумал Лиминг. Ведь комендант взовьется, как ракета, при первом же намеке на любое возражение. Попробуй поспорить с начальственным олухом, доведенным до белого каления,— одни эмоции, никакой логики, слова не даст сказать. Весь вымотаешься, пока чего-нибудь добьешься.

Четверка повела его по коридору — двое спереди, двое позади. Левой, правой, левой, правой, бух, бух, бух — это наводило на мысли о церемониальном шествии на гильотину. Казалось, за углом, в треугольном дворике, поджидают священник, топор на веревке, плетеная корзина да деревянный ящик.

Все вместе они ввалились в ту же комнату, что и в прошлый раз. Комендант сидел за столом, но младших офицеров поблизости не наблюдалось. Кроме коменданта, в комнате был только пожилой господин в штатском, занимавший кресло по правую руку. Когда пленник вошел, старикан устремил на него острый, пронзительный, изучающий взгляд.

— Это Паллам,— представил его комендант с таким неожиданным радушием, что Лиминг даже опешил. Потом добавил с оттенком благоговения: — Его направил к нам сам Зангаста.

— Психиатр, полагаю? — предположил Лиминг, подозревая ловушку.

— Ничего подобного,— спокойно ответил Паллам.— Меня в основном интересуют различные аспекты симбиоза.

Волосы у Лиминга так и зашевелились. Ему вовсе не улыбалось, чтобы его допрашивал ученый. У таких типов, как правило, цепкий, совсем не военный ум и скверная привычка испортить хорошую байку, обнаружив в ней противоречия.

«Определенно, этот безобидный на вид старикашка и есть главная угроза»,— решил он.

— Паллам хотел бы задать вам несколько вопросов,— сообщил комендант,— но это потом.— На лице его появилось самодовольное выражение.— Для начала я хочу сказать, что очень обязан вам за сведения, которые вы сообщили в нашей прошлой беседе.

— Вы имеете в виду, что они сослужили вам пользу? — спросил Лиминг, с трудом веря собственным ушам.

— Весьма существенную, в свете серьезного и в высшей степени глупого побега. Все охранники, отвечавшие за четырнадцатый барак, будут переброшены в районы боевых действий, где их отправят в космопорты, которым угрожает нападение. Впредь неповадно будет так грубо пренебрегать своими обязанностями.— Он задумчиво взглянул на собеседника и продолжал: — Меня ожидала бы такая же участь, не посчитай Зангаста побег пустяком по сравнению с теми важными данными, которые я получил от вас.

Несмотря на изумление, Лиминг не преминул этим воспользоваться.

— Когда я к вам обратился, вы лично распорядились, чтобы меня кормили получше. Вы, разумеется, ожидали ответного подарка?

— Подарка? — Комендант опешил.— Я ни о чем таком не думал.

— Тем лучше,— одобрительно заметил Лиминг, восхищенный великодушием тюремщика.— Благое дело — благо вдвойне, если оно не сопряжено ни с какими скрытыми мотивами. Юстас это непременно учтет.

— Вы хотите сказать,— вставил Паллам,— что его нравственные принципы идентичны вашим?

Черт бы побрал этого типа! Однако он не дремлет. Теперь держи ухо востро!

— В некотором отношении сходны, но не идентичны.

— Каково же самое важное отличие?

— Видите ли,— сказал Лиминг, стараясь выиграть время,— это трудно сформулировать.— Он потер лоб, а в голове его в это время бешено роились мысли.— Я бы сказал, что у нас разный подход к вопросу о мести.

— Тогда объясните разницу,— потребовал Паллам, устремляясь по следу, как голодная ищейка.

— С моей точки зрения,— признался Лиминг, мысленно посылая собеседника ко всем чертям,— он слишком склонен к садизму.

Неплохо, теперь он сумеет оправдаться, если к нему начнут приставать со всевозможными претензиями.

— В каком смысле? — не отставал Паллам.

— Я предпочитаю действовать сразу, не откладывая дела в долгий ящик. Он же норовит продлить мучения жертвы.

— Продолжайте,— настаивал Паллам, проявляя невыносимое занудство.

— Если бы мы с вами были смертельными врагами и если бы у меня, в отличие от вас, было ружье, я бы выстрелил и убил вас. Если же Юстас приговорит вас к смерти, он поведет дело медленно, не торопясь.

— Опишите его метод.

— Для начала он даст вам почувствовать, что вы обречены. А потом и пальцем не пошевельнет до тех пор, пока вы полностью не поверите, что все это только иллюзия, что вам ничего не грозит. Тут он напомнит о себе легким ударом. Когда возникшие страхи и опасения улягутся, он снова ударит, уже посильнее. И так далее, и так далее, по нарастающей — причем столько раз, сколько нужно.

— Нужно для чего?

— Для того чтобы вам стала ясна ваша участь, а муки ее ожидания оказались невыносимыми.— На мгновение задумавшись, он добавил: — Ни один Юстас еще никого не убил. Они используют свою оригинальную тактику. Либо устраивают несчастный случай, либо вынуждают жертву наложить на себя руки.

— Доводят жертву до самоубийства?

— Именно это я имел в виду.

— И нет никакой возможности избежать подобной участи?

— Почему же, есть,— возразил Лиминг.— Жертва может в любую минуту обезопасить себя и освободиться от всех страхов, если искупит зло, нанесенное партнеру Юстаса.

— И такое искупление немедленно прекратит вендетту?

— Совершенно верно.

— А вы лично это одобряете?

— Да. Если моя обида перестает быть реальной и превращается в воображаемую, Юстас ее больше не замечает и никак на нее не реагирует.

— Значит, вот к чему все сводится,— многозначительно произнес Паллам.— Его метод дает мотив и возможность для раскаяния, а ваш — нет?

— Пожалуй, так.

— И это означает, что у него чувство справедливости развито более гармонично?

— Но он бывает и совершенно безжалостен,— возразил Лиминг, не в силах придумать ничего более удачного.

— Это к делу не относится,— отрезал Паллам.

Он задумчиво помолчал, потом заметил коменданту:

— Похоже, что в данном союзе партнеры не равны. Невидимый компонент, к тому же еще и высший. В сущности, он — господин материального раба, но проявляет свое господство так тонко, что раб первый же начнет отрицать свою участь.

Он испытующе взглянул на Лиминга, но тот сжал губы и ничего не сказал. «Ах ты, хитрый боров,— подумал Лиминг,— если ты пытаешься спровоцировать пленного на бурный спор, то ничего у тебя не выйдет. Оставайся в заблуждении, что ты взвесил меня на весах и обнаружил недовес: нет ничего зазорного в том, что меня считают менее развитым, чем плод моего же собственного воображения».

Теперь уже явно лукавя, Паллам кинул пробный шар:

— Когда ваш Юстас берет отмщение в свои руки, он поступает так потому, что обстоятельства не позволяют ни вам, ни сообществу землян свершить надлежащую кару?

— Приблизительно,— осторожно подтвердил Лиминг.

— Иными словами, он действует только в том случае, когда вы или закон бессильны?

— Он берется за дело, когда возникает необходимость.

— Вы что-то скрываете. Необходимо выяснить вопрос до конца. Если вы сами или ваши товарищи могут кого-то наказать и приводят приговор в исполнение — станет ли кто-то из Юстасов его наказывать тоже?

— Нет,— ответил Лиминг, беспокойно ерзая.

— Если вы сами или ваши товарищи не могут кого-то наказать или не наказывают, вмешивается ли тогда Юстас, чтобы привести приговор в исполнение?

— Только в том случае, если оставшийся в живых землянин пострадал безвинно.

— Тогда Юстас пострадавшего действует от лица своего партнера?

— Да.

— Прекрасно! — заявил Паллам. Он подался вперед и, пристально уставившись на собеседника, зловеще произнес: — А теперь давайте предположим, что ваш Юстас найдет вескую причину, чтобы наказать другого землянина. Как тогда поступит Юстас жертвы?

Глава 10

Западня была расставлена ловко и основана на знании того факта, что ответы на вопросы, касающиеся реальных, знакомых, повседневных вещей, должны следовать автоматически, почти без раздумий. Обманщику же для поиска спасительной лжи всегда нужно какое-то время, чтобы придать ответу правдоподобие. По всему, Лиминг должен был бы попасться. И если этого не случилось, то вовсе не из-за его особой сообразительности.

Мысли его все еще беспорядочно кружились, а рот уже открылся и из него сами собой вылетели слова:

— Да ничего особенного.

На какой-то безумный миг он даже подивился — уж не сам ли Юстас пожаловал сюда, чтобы разделить их компанию?

— Почему же?

Воодушевленный тем, как ловко его язык овладел ситуацией, Лиминг предоставил ему полную свободу.

— Я уже говорил вам и повторяю еще раз: никого из Юстасов ни на секунду не озаботит обида, которая является целиком воображаемой. У землянина, виновного в преступлении, нет никакого повода для жалоб. Он сам навлек на себя месть и только сам может себя спасти. Если он не любитель неприятностей, тогда ему нужно понять это и исправить то зло, которое он кому-то причинил.

— А его Юстас станет принуждать или подталкивать своего партнера к совершению поступка, необходимого для того, чтобы отвести наказание?

— Поскольку сам я никогда не бывал в роли преступника,— с глубочайшим достоинством ответствовал Лиминг,— то не могу сообщить на этот счет ничего определенного. Полагаю, что не особо погрешу против истины, если скажу, что земляне по-

тому ведут себя в рамках правил, что их вынуждает к этому связь с Юстасами. У них просто нет особого выбора.

— А если подойти с другой стороны — есть ли у землян какой-то способ принудить Юстасов вести себя в рамках правил?

— Тут не нужно никакого принуждения. Юстас всегда прислушивается к доводам партнера и действует в рамках общепринятых понятий о справедливости.

— Я ведь уже говорил вам,— сказал Паллам в сторону, обращаясь к коменданту,— что этот землянин — низшая форма данной парочки.— Он снова обратился к пленнику: — Все то, что вы нам рассказали, вполне приемлемо, поскольку соответствует действительности — до известной степени.

— Что значит «до известной степени»?

— Дайте мне закончить,— попросил Паллам.— Я не вижу никакой разумной причины, исходя из которой Юстас любого преступника позволит, чтобы его партнера довели до самоубийства. Поскольку они — существа, независимые от окружающих и, наоборот, взаимозависимые друг от друга, бездеятельность Юстаса противоречит основному закону самосохранения.

— Никто не кончает жизнь самоубийством, пока не получит сдвига по фазе.

— Пока что?

— Не сойдет с ума,— пояснил Лиминг.— Ведь сумасшедший как интеллектуальный партнер никуда не годен. Для Юстаса он все равно что умер. Нет никакого смысла его оберегать или мстить за него. Юстасы водятся только с нормальными.

Паллам уцепился за это и взволнованно спросил:

— Так, значит, та польза, которую они извлекают из партнерства, коренится где-то в умах землян? Может быть, они извлекают из вас необходимую для себя умственную пищу?

— Вот уж не знаю.

— А бывает, что вы устаете от своего Юстаса, ощущаете изнеможение, может быть, даже некоторое отупение?

— Да! — с энтузиазмом подхватил Лиминг. Приятель, до чего же ты прав! Сейчас он с превеликим удовольствием придушил бы этого чертова Юстаса.

— Я бы изучал этот феномен месяцами,— обратился Паллам к коменданту.— Невероятно интересная тема! У нас нет ника-

ких данных о симбиотической связи у живых организмов, за исключением растений и шести видов низших зламов. И вдруг — обнаружить ее у высших позвоночных, причем у разумных разновидностей, да к тому же один из них — невидимый! Замечательно, поистине замечательно!

На лице коменданта застыло воодушевление, хотя он понятия не имел, что привело собеседника в такой восторг.

— Ознакомьте его с рапортом,— напомнил Паллам.

— Из Латианского сектора получен рапорт от нашего офицера связи, полковника Шомута,— сообщил Лимингу комендант.— Шомут владеет космоарго, и это позволило ему допросить множество пленных землян, не прибегая к помощи латианского переводчика. Мы дали ему еще кое-какие дополнительные сведения, поэтому результат очень важен.

— А вы чего ожидали? — небрежно обронил Лиминг, в душе сгорая от любопытства.

Не удостоив его вниманием, комендант продолжал:

— Он сообщил, что большинство пленных отказались отвечать на вопросы или давать какие бы то ни было объяснения. Они решительно и бесповоротно молчали. И это вполне понятно. Они никак не могли поверить, что из них не пытаются вытянуть военной тайны. Никакие уговоры полковника Шомута не подействовали — они так и не открыли рта.— Он вздохнул при мысли о подобном упрямстве.— Но кое-кто все же заговорил.

— Любители поболтать везде найдутся,— заметил Лиминг.

— Некоторые офицеры заговорили, и среди них — капитан крейсера Томпас... Томпус...

— Томас?

— Да-да, именно так.— Повернувшись в кресле, комендант нажал на кнопку в стене.— Вот запись беседы с ним, которую мы получили по радио.

Из перфорированной решетки, вделанной в стену, донеслось хриплое шипение, Оно сделалось громче, потом стихло, превратившись в отдаленный шум. Послышались голоса.

Шомут: Капитан Томас, я получил приказ проверить кое-какие поступившие к нам сведения. Вы ничего не потеряете, ответив на мои вопросы, и ничего не выиграете, если откажетесь отвечать. Здесь нет латиан, только я и вы. Можете высказывать-

ся совершенно свободно. Все, что вы сообщите, мы сохраним в полной тайне.

Томас: Ну и ловко же вы это — про латиан! Только ваши фокусы меня не одурачат. Враг — всегда враг, независимо от внешности и названия. Валите отсюда — все равно ничего из меня не вытянете.

Шомут, терпеливо: Капитан Томас, предлагаю вам сначала выслушать и обдумать вопросы, а потом уже решать — отвечать на них или нет.

Томас, недовольно: Ну ладно. Что там у вас?

Шомут: Правда ли, что наши союзники латиане — Шизики?

Томас, после продолжительного молчания: Вы хотите знать истинную правду?

Шомут: Безусловно.

Томас, с оттенком злорадства: Терпеть не могу говорить о ком-то плохо за глаза, даже если это вонючий латианин, но бывают моменты, когда приходится признать: грех есть грех, грязь есть грязь, а латианин — тот, кто он есть, ясно?

Шомут: Прошу вас, отвечайте на вопрос.

Томас: Латиане — шизики!

Шомут: И у них есть Гомики?

Томас: Послушайте, где вы набрались таких сведений?

Шомут: Это наше дело. Будьте любезны отвечать.

Томас, с вызовом: Мало того, что у латиан есть гомики — их появится еще чертова уйма, пока мы с вами тут чирикаем.

Шомут, в недоумении: Разве это возможно? Нам стало известно, что каждым латианином на подсознательном уровне руководит его Гомик. Значит, общая численность Гомиков должна быть ограничена. Она не может возрастать, разве что при рождении новых латиан.

Томас, поспешно: Вы меня не так поняли. Вот что я имел в виду. По мере роста потерь у латиан численность непристроенных Гомиков будет все возрастать. Ясно, что даже самый распрекрасный Гомик не способен руководить трупом, ведь так? Поэтому слоняющихся без дела Гомиков будет куда больше, чем уцелевших латиан.

Шомут: Теперь я вижу, что вы имеете в виду. Это создаст весьма серьезную психологическую проблему. *(Пауза.)* Скажите, ка-

питан Томас, не возникает ли у вас предположения, что такая масса одиноких Гомиков сможет подчинить себе каких-нибудь других живых существ, кроме латиан?

Томас, голосом настолько зловещим, что хоть орден вручай: Я бы ничуть не удивился.

Шомут: Вы не знаете точно?

Томас: Нет.

Шомут: А правда, что истинная природа латиан знакома вам только потому, что вас о ней уведомил ваш Юстас?

Томас, изумленно: Что-что?

Шомут: Ваш Юстас. Почему это вас так удивляет?

Томас, оправившись настолько стремительно, что мог бы заработать к ордену еще и ленту: Мне послышалось, что вы сказали «Юность». Как это глупо с моей стороны. Ну конечно же, мой Юстас. Вы совершенно правы.

Шомут, понизив голос: Здесь содержится более четырехсот пленных землян. Это означает, что по планете беспрепятственно разгуливают более четырехсот Юстасов. Правильно?

Томас: Не могу отрицать.

Шомут: Тяжелый латианский крейсер «Ведер» разбился всмятку при посадке. Латиане приписали аварию ошибке команды. Но это случилось как раз через три дня после того, как сюда доставили ваших пленных. Вы считаете, что это просто совпадение?

Томас, просияв: Разбирайтесь сами.

Шомут: Вы понимаете, что в данной ситуации ваш отказ от ответа — сам по себе ответ?

Томас: Делайте какие угодно выводы. Я не выдам военной тайны Земли.

Шомут: Ладно. Давайте попробуем еще что-нибудь. В нескольких градусах к югу отсюда расположен самый крупный топливный склад в этой части галактики. Неделю назад он взлетел на воздух — весь, до последней постройки. Ущерб весьма тяжелый. Флот Сообщества обездвижен на длительное время.

Томас, с восторгом: Ура!!!

Шомут: Латианские специалисты выдвинули гипотезу, что искра статического электричества якобы вызвала взрыв бака, в котором была течь, а от него уже стало взрываться все осталь-

ное. У специалистов всегда наготове какие-нибудь правдоподобные объяснения.

Томас: Ну и что же тут не так?

Шомут: Склад функционировал более четырех лет. И все это время не было никаких искр.

Томас: Куда вы клоните?

Шомут, с нажимом: Вы сами признали, что в этом районе слоняется больше четырехсот Юстасов, которые могут делать все, что им заблагорассудится.

Томас, тоном неподкупного патриота: Я ничего не признавал. И вообще не отвечу больше ни на один вопрос.

Шомут: Этот ответ вам подсказал ваш Юстас?

Молчание.

Шомут: Если ваш Юстас здесь, можно ли с вашей помощью его допросить?

Ответа не последовало.

Выключив запись, комендант сказал:

— Такие вот дела. Восемь других офицеров-землян дали более или менее сходные показания. Остальные постарались скрыть факты, но, как вы уже слышали, у них ничего не вышло. Сам Зангаста прослушал запись, и он всерьез озабочен сложившейся ситуацией.

— Пусть не берет в голову,— посоветовал Лиминг.

— Почему?

— Потому что все это сплошная инсценировка, цирк да и только. Мой Юстас подговорил их Юстасов — вот и все.

Физиономия коменданта так и вытянулась.

— Когда мы с вами виделись в прошлый раз, вы уверяли, что без помощи Юстасов никакого сговора быть не может... но теперь уже все равно.

— Я рад, что вы наконец разобрались, что к чему.

— Не будем зря терять время,— нетерпеливо вмешался Паллам.— Все это не имеет никакого значения. Доказательства, которые подтверждают ваши слова, достаточно весомы — как бы мы к ним ни относились.

Получив подсказку, комендант продолжал:

— Я сам провел кое-какое расследование. На протяжении двух лет у нас бывали мелкие неприятности с ригелианами, но

ни одной особо серьезной. И вот после того, как вы свалились на нашу голову, происходит массовый побег. Очевидно, он был запланирован задолго до вашего появления, но тем не менее случился вскоре после него, да еще и при обстоятельствах, наводящих на мысль о посторонней помощи. Спрашивается, откуда пришла поддержка?

— Понятия не имею,— многозначительно произнес Лиминг.

— Восемь моих охранников, то и дело оскорбляя вас, постепенно вызывали вашу враждебность. Из них четверо находятся в госпитале с тяжелыми ранениями, еще двоим предстоит отправка в район боевых действий. Полагаю, что раньше или позже двое остальных тоже попадут в беду — это всего лишь вопрос времени.

— Двое остальных взялись за ум и заслужили прощение. С ними ничего не случится.

— Неужели? — Комендант был явно удивлен.

Но Лиминг не унимался:

— Я не могу дать таких же гарантий тем, кто расстрелял беглецов, их офицеру или начальнику, приказавшему расстрелять беззащитных пленников.

— Мы всегда расстреливаем заключенных, виновных в побеге. Это давно установленное правило и необходимая мера устрашения.

— А мы всегда расправляемся с палачами,— парировал Лиминг.— Это тоже давно уже установленное правило и мера устрашения.

— Говоря «мы», вы подразумеваете себя и вашего Юстаса? — встрял Паллам.

— Да.

— А какое до этого дело вашему Юстасу? Ведь жертвы-то не земляне. Просто кучка буйных ригелиан.

— Ригелиане — наши союзники. А союзники — значит друзья. Мне претит, когда их хладнокровно и бессмысленно уничтожают. А Юстас очень чутко реагирует на мои настроения.

— Но не обязательно им повинуется?

— Нет.

— На самом деле,— наседал Паллам, решив все выяснить раз и навсегда,— если рассмотреть вопрос, кто кому подчиняется, то именно вы служите ему.

— Во всяком случае, частенько,— признался Лиминг, перекосившись, как будто у него только что выдернули больной зуб.

— Видите, вы сами лишний раз подтверждаете то, что уже говорили раньше,— коварно усмехнулся Паллам.— Вот в чем основная разница между землянами и латианами: вы сознаете, что вами руководят, а латиане о своем положении понятия не имеют.

— Да никто нами не руководит — ни на сознательном уровне, ни на подсознательном,— упирался Лиминг.— Наша жизнь построена на основе взаимного партнерства, ну как у вас с женой. Иногда она вам уступит, иногда — вы ей. И никому из вас не приходит в голову считаться, кто уступает чаще, скажем, за месяц, или требовать, чтобы уступки делались точно поровну. Так ведь всегда бывает. И никто не в обиде.

— Мне трудно судить, поскольку я никогда не был женат,— изрек Паллам, потом обратился к коменданту: — Продолжайте.

— Как вам, вероятно, уже известно, Сообщество отвело нашей планете роль своей главной тюрьмы,— сказал комендант.— На сегодняшний день у нас скопилось порядочно пленных, в основном ригелиан.

— Ну и что же?

— На подходе новые партии. На следующей неделе должны доставить две тысячи центаврийцев и шестьсот тетиан, которых мы поместим в только что построенную тюрьму. Сообщество начнет посылать нам все новые и новые партии, как только мы будем готовы их принять и появятся свободные корабли.— Он задумчиво посмотрел на собеседника.— Пройдет какое-то время, и они завалят нас землянами.

— И чем же такая перспектива вас не устраивает?

— Зангаста решил отказаться от приема землян.

— Это его дело,— с вежливым безразличием заметил Лиминг.

— У Зангасты светлая голова,— так и лучась патриотическим восторгом, произнес комендант.— Он твердо уверен: собрать на одной планете целую армию разномастных пленников да еще добавить к ней несколько тысяч землян означало бы создать взрывоопасную смесь, заварить такую кашу, что потом не расхлебаешь! Ведь этак можно и вовсе утратить власть на планете, которая к тому же стратегически расположена в тылу Сообщества, и стать мишенью для яростных атак своих же союзников.

— Вполне возможная ситуация,— согласился Лиминг.— Я бы даже сказал, очень вероятная. А еще точнее, практически неизбежная. Только она — не единственная забота Зангасты. Просто ее он счел возможным предать гласности. Есть у него еще и личный интерес.

— Какой же?

— Ведь это сам Зангаста издал приказ расстреливать беглецов. Наверняка он — иначе никто бы не осмелился их прикончить. А теперь Зангаста струсил: как знать, может, Юстас ночами уже сидит у его изголовья и посмеивается. Вот он и думает, что, скопись здесь несколько тысяч Юстасов, угроза для него возрастет пропорционально. Только он ошибается.

— Почему ошибается?

— Потому что причин для страха нет не только у раскаявшегося, а еще и у трупа! Пусть на планету свалятся хоть пятьдесят миллионов Юстасов — мертвецу уже все равно. Зангасте лучше отменить приказ о расстреле, если, конечно, жизнь ему дорога.

— Я передам ему ваш совет. Только отмена приказа может и не понадобиться. Ведь я вам уже сказал: у него светлая голова. Он разработал тонкую стратегию, в результате которой все ваши показания пройдут последнюю решающую проверку. В то же время она поможет наилучшим образом решить его личные проблемы.

Ощутив смутную тревогу, Лиминг спросил:

— Могу ли я узнать, что он собирается предпринять?

— Мы получили распоряжение поставить вас в известность. Он уже приступил к делу.— Для пущего эффекта комендант сделал паузу, потом заключил: — Он послал Содружеству радиограмму с предложением начать обмен пленными.

Лиминг заерзал на стуле. Святые угодники, ну и наломал же он дров своими угрозами мести! Ведь с самого начала он добивался только одного: всеми правдами и неправдами выбраться из тюрьмы и попасть в такое место, откуда можно было бы отчалить на всех парах. Болтал как заведенный, чтобы перемахнуть через стены. И вот теперь они берут его небылицы и устраивают звон по всей галактике! Вот уж воистину, задумав сеть обмана прясть, рискуешь сам в нее попасть...

— Более того,— продолжал комендант,— Содружество заверило нас в своем согласии, при условии, что обмен пойдет чин за чин. То есть капитана за капитана, навигатора за навигатора и так далее.

— Вполне разумно.

— Зангаста, в свою очередь,— сказал комендант, скалясь, как голодный волк,— тоже дал согласие, но при условии, что первыми Содружество заберет землян и обменяет их в соотношении двое за одного. Сейчас он как раз ожидает ответа.

— Двое за одного? — хлопая глазами, переспросил Лиминг.— Вы хотите сказать, что он требует двоих пленных за каждого землянина?

— Ну что вы, конечно нет! — Комендант ухмыльнулся еще шире, так что десны обнажились.— Нам должны вернуть двух солдат Сообщества за каждого землянина и его Юстаса. Два за два — ведь это вполне справедливо, не так ли?

— Не мне судить.— Лиминг чуть не поперхнулся.— Решать будет Содружество.

— А пока не придет ответ и обоюдное согласие не будет достигнуто, Зангаста хотел бы создать для вас более подобающие условия. Вас переведут в офицерские казармы, расположенные за пределами тюрьмы, вы получите офицерский паек и разрешение на загородные прогулки. С вами будут временно обходиться как с гражданским лицом, словом, создадут все удобства. От вас требуется одно — обещайте, что не попытаетесь бежать.

Вот чертова перечница! Все россказни Лиминга были нацелены на конечный побег. Не отказываться же от него теперь! И все же он не хотел давать слово чести, чтобы тут же его бесстыдно нарушить.

— Никаких обещаний,— отрезал он.

Комендант не верил своим ушам.

— Вы, наверное, шутите?

— Даже не думаю. Просто у меня нет выбора. Военный закон Земли не позволяет военнопленным давать никаких обещаний.

— Но почему?

— Да потому что ни один землянин не может нести ответственность за своего Юстаса. Как я могу поклясться, что не убегу,

если за другой моей половиной уследить невозможно? Разве может один близнец дать клятву за другого?

— Стража! — взревел комендант, но вид у него был явно разочарованный.

Целых двенадцать дней Лиминг слонялся по камере, ночами время от времени болтая с Юстасом, в расчете на подслушивающих под дверями. Ну и влип же он в историю! Но теперь отступать уже поздно — или пан, или пропал...

Еды по-прежнему давали вдоволь, хотя качество оставляло желать лучшего. Охрана толком не знала, как с ним обращаться,— так всегда бывает, если пленнику каким-то образом удается снюхаться с начальством. Еще четверых пойманных ригелиан водворили на место, но не расстреляли. Судя по всему, он пока еще держит врага на мушке.

Хотя Лиминг ни словом ни о чем не обмолвился, остальные заключенные откуда-то прознали, что именно он неким загадочным образом повинен в общем послаблении режима. Во время прогулок они выказывали ему глубокое почтение как человеку, которому удалось достичь невозможного. Но время от времени их любопытство все же прорывалось наружу.

— Тебе известно, что последних четырех не расстреляли?

— Да,— признался Лиминг.

— Говорят, что ты положил конец расстрелам.

— Кто говорит?

— Да так, слухи ходят.

— Вот именно, слухи ходят.

— Интересно, почему первых пойманных расстреляли, а следующих — нет? Должна же быть какая-то причина.

— Может быть, зангов совесть заела, пусть даже с опозданием,— предположил Лиминг.

— Нет, здесь что-то другое.

— Ну и что же?

— Кто-то их достал.

— Кто же например?

— Я не знаю. Но ходят упорные слухи, что ты совсем приручил коменданта.

— Похоже на правду, верно? — поддел собеседника Лиминг.

— Лично я так не думаю. Но с землянами надо всегда держать ухо востро.— Немного поразмыслив, он спросил: — А что ты делаешь с той проволокой, которую я для тебя таскал?

— Хочу связать из нее пару носков. Нет ничего удобнее и прочнее, чем проволочные носки.

Так он отделывался от любопытных и помалкивал, не желая будить напрасные надежды. В душе у него росло беспокойство. Ведь ни союзники в целом, ни Земля в частности понятия не имеют о Юстасах. Предположим, противник сделает предложение об обмене пленных два за одного, и оно будет отвергнуто с вполне понятным негодованием. Категорический отказ с их стороны может обернуться для него неприятными вопросами, на которые он не сумеет ответить.

Тогда противника раньше или позже осенит, что ему довелось повстречать первейшего в мире лгуна. И Лимингу устроят какую-нибудь хитроумную проверку. Он провалится — тут-то все и начнется. Он ни в коей мере не переоценивал свою заслугу в том, что ему так долго удавалось водить противника за нос. Из тех немногих книг, которые ему довелось прочесть, явствовало, что в основе религии зангов лежит почитание духов предков. К тому же зангам знаком так называемый полтергейст. Почва была подготовлена задолго до него. Он лишь вспахал ее и засеял. Если жертва уже верит в двух невидимых существ, ее не так уж трудно убедить проглотить и третье.

Но когда союзники передадут Асте Зангасте недвусмысленное предложение катиться подальше, третий призрак, скорее всего, будет с яростью извергнут. Если только не удастся ценой очередной убедительной выдумки протолкнуть этот плод воображения обратно, пока его не изрыгнули окончательно.

Но как?

Лиминг уже в который раз бился над этим вопросом, когда за ним снова явилась стража. Комендант был у себя, но Паллама с ним не оказалось. Вместо него на Лиминга с любопытством воззрилась целая дюжина штатских. Всего, значит, тринадцать — как раз подходящая компания, чтобы признать его созревшим для мясорубки.

Он сел, чувствуя себя в центре всеобщего внимания — совсем как шестихвостая мускусная крыса в зоопарке. Четверо штатских

тут же принялись по очереди его атаковать. Их интересовал один-единственный предмет: бопамагилви. Похоже, что они часами развлекались с ним и в результате только дошли до легкого обалдения, что их вовсе не устраивало.

— На каком принципе основан бопамагилви? Он что, концентрирует телепатический сигнал в узкий пучок большого диапазона? На каком расстоянии ваш Юстас выходит из зоны прямой связи, так что приходится вызывать его с помощью этого устройства? Почему для получения ответа необходимо сначала провести направленный поиск? И прежде всего, откуда вы знаете, как сделать спиральную петлю?

— Я не могу вам объяснить. Откуда знает птица, как вить гнездо? Это чисто инстинктивное знание. Я всегда знал, как вызвать своего Юстаса, с тех самых пор, как сумел согнуть кусок проволоки.

— А не мог ваш Юстас вложить вам в голову необходимые знания?

— Если честно, то я об этом никогда не задумывался. Тем не менее очень может быть.

— Любая ли проволока годится?

— Да, если она не содержит железа.

— Все ли земные спирали одинаковой конструкции и размера?

— Нет, все зависит от владельца.

— Мы произвели тщательный и доскональный обыск землян, которые содержатся в латианском плену. Ни у кого из них подобных приборов не оказалось. Как вы это объясните?

— Им они просто не нужны.

— Почему же?

— Потому что их в плену больше четырехсот и они всегда могут рассчитывать, что как минимум несколько Юстасов в нужный момент окажутся под рукой.

Когда Лимингу кое-как удалось от них отбиться, у него просто ум за разум зашел, а душа провалилась в пятки. Потом настал черед коменданта.

— Союзники наотрез отказались принимать пленных землян первыми или обменивать их из расчета два к одному и вообще дальше обсуждать этот вопрос. Что вы на это скажете?

Собрав остатки воли в кулак, Лиминг ответил:

— Посудите сами, на вашей стороне — больше двадцати разных народов, самые могущественные из них — бесспорно, латиане и зебы. Неужели вы думаете, что Сообщество согласилось бы с предложением союзников отдать приоритет при обмене какой-то определенной расе? Окажись такими счастливчиками, к примеру, танзиты — что ж, по-вашему, латиане и зебы так и проголосуют, чтобы они попали домой первыми?

Тут вмешался высокий, начальственного вида субъект в штатском:

— Я — Даверд, личный помощник Зангасты. Он придерживается такого же мнения и считает, что землян просто забаллотировали. Поэтому я уполномочен задать вам один вопрос.

— Какой же?

— Ваши союзники знают о Юстасах?

— Нет.

— Вам удалось скрыть от них истинное положение вещей?

— Никому и в голову не приходило что-то от них скрывать. Просто для друзей такое положение вещей не очевидно. Ведь Юстасы эффективны только в борьбе с врагами — тогда их уже ни от кого не скроешь.

— Прекрасно.— Даверд подошел поближе и напустил на себя заговорщический вид.— Латиане развязали войну, а зебы вступили с ними в военный союз. Все остальные, в том числе и мы, оказались втянутыми по разным причинам. Латиане сильны и заносчивы, но мы знаем, что они не отвечают за свои действия.

— А мне-то что до этого?

— Мы, более слабые народы, не можем противостоять латианам или зебам в одиночку. Но, объединившись, мы станем достаточно сильны, чтобы выйти из войны и поддерживать нейтралитет. Поэтому Зангаста связался с остальными.

Господи, ну и дела! Вот чего можно добиться, имея всего-навсего моток медной проволоки!

— Сегодня он получил от них ответ,— продолжал Даверд.— Они готовы создать единый фронт во имя обретения всеобщего мира — при условии, что союзники признают их нейтралитет и проведут обмен пленными.

— Такое трогательное единодушие среди мелкой рыбешки говорит о многом,— злорадно вставил Лиминг.

— О чем же?

— О том, что силы союзников недавно одержали победу. При этом кому-то изрядно досталось.

Даверд не сказал ни да ни нет.

— На этой планете вы — единственный пленный землянин. И Зангаста считает, что вас можно прекрасно использовать.

— Каким же образом?

— Он решил отослать вас на Землю. Ваша задача — убедить землян, чтобы они поддержали наши начинания. Запомните: если вам это не удастся, сотням тысяч инопланетных пленников придется несладко.

— В подобных случаях полагается говорить: я умываю руки и ни за что не отвечаю. Но вы тоже запомните — вздумаете сделать из пленных козлов отпущения, раньше или позже придется поплатиться.

— Союзники ничего не узнают,— парировал Даверд.— Ведь здесь не будет ни землян, ни Юстасов, так что некому будет тайком их проинформировать. Таким образом мы нейтрализуем землян. Так что союзники не смогут воспользоваться сведениями, которых у них не будет.

— Да уж,— согласился Лиминг.— Тем, чего у тебя нет, никак не воспользуешься.

Они снарядили легкий эсминец с командой из десяти зангов. Сделав единственную посадку для заправки и смены дюз, он доставил их на базовую планету, находившуюся на передней линии фронта.

База была аванпостом латиан, но их ничуть не заинтересовали планы младших партнеров. К тому же им и в голову не пришло, что человекообразное существо в зангастанском экипаже — настоящий землянин. Латианские техники тут же принялись менять обшивку дюз, готовя истребитель в обратный путь. Тем временем Лиминга пересадили на одноместный латианский корабль-разведчик, на котором не было никакого вооружения. Перед отлетом все десять зангов отдали ему церемониальный салют.

С этой минуты Лимингу оставалось полагаться только на себя. Взлет показался сущим адом. Пилотское кресло было ему ве-

лико и вдобавок подогнано под латианскую задницу, так что все выпуклости и вогнутости приходились не туда. Приборы — совершенно незнакомые и расположены не там, где положено. Кораблик мощный и быстроходный, но слушается рулей совсем иначе, чем земной. Лиминг так и не понял, как это ему удалось, но тем не менее он ухитрился взлететь.

Потом его преследовали постоянные опасения, что корабль засекут локаторы союзников и их орудия разнесут его в клочья.

Он мчался среди звезд, положившись на везение и не прикасаясь к передатчику. Сигнал вызова на вражеской частоте мог в единый миг превратить его в удобную мишень.

Лиминг держал курс прямо на Землю. Спал он тревожно и чутко. Не стоило доверять дюзам, хотя продолжительность полета была втрое меньше той, которую он проделал на своем корабле. Незнакомому автопилоту не стоило доверять хотя бы потому, что он был вражеской конструкции. Самому кораблю не стоило доверять по той же причине. Союзным войскам не стоило доверять, потому что у них была манера сначала дать залп, а потом уже задавать вопросы.

Скорее благодаря счастливому случаю, нежели умелому управлению, он пересек линию фронта незамеченным. Такой подвиг при достаточной наглости мог бы совершить и противник, только навряд ли отважился бы: ведь мало попасть на территорию союзников, куда труднее оттуда выбраться.

Наконец, в один прекрасный миг, Лиминг на всех парах вынырнул над ночной стороной Земли и плюхнулся на поле в двух милях к западу от главного космопорта. Было бы совсем уже глупо рисковать, сажая латианскую посудину посредине космопорта. Кое-кто, вздремнувший у тяжелой пушки, мог вздрогнуть от неожиданности и пальнуть.

Луна уже ярко сияла, отражаясь в реке Цобаш, когда он пешком подошел к главным воротам. Послышался окрик часового:

— Стой, кто идет?

— Лейтенант Лиминг и Юстас Фенакертибан.

— Подойдите для опознания.

Он поплелся вперед, размышляя про себя, что такой приказ — сущее идиотство. Часовой видит его впервые в жизни и не смог

бы отличить даже от Минни Мак Свини. Хотя, конечно,— мысли пачкают мозги!

У ворот на него обрушился мощный сноп света. Из ближайшей будки выскочил какой-то молодчик с тремя нашивками на рукаве. Он тащил сканер, за которым волочился тонкий черный кабель. Этим сканером он стал размахивать перед прибывшим, сосредоточив основное внимание на его лице.

Из громкоговорителя в будке последовал приказ:

— Отвести в штаб разведки!

Они уже было пошли, но тут часовой встревоженно заверещал:

— Эй, а где же второй парень?

— Какой еще парень? — остановившись, спросил сержант и начал озираться по сторонам.

— А ну-ка, дыхни! — посоветовал Лиминг.

— Но ведь вы сами назвали мне два имени,— чуть не лопаясь от злости, настаивал часовой.

— Попроси сержанта хорошенько — он тебе выдаст еще парочку,— сказал Лиминг.— Ведь так, сержант?

— Ладно, пошли,— проворчал сержант, проявляя какую-то болезненную раздражительность.

Они добрались до штаба разведки. Дежурил полковник Фармер. Он воззрился на Лиминга и произнес:

— Вот те на!

Потом повторил это еще семь раз.

— В чем дело? — без всякого вступления насел на него Лиминг.— Почему мы отказываемся махнуть пленных землян два к одному?

Казалось, Фармер с трудом приходил в себя от кошмарного сна.

— Так ты об этом знаешь?

— Стал бы я спрашивать, если бы не знал!

— Ладно. Но зачем нам принимать такое дурацкое предложение? Ведь мы, слава богу, еще не спятили!

Лиминг наклонился над столом, опираясь на него руками, и изрек:

— Непременно соглашайтесь, но на одном условии.

— На каком условии?

— Чтобы они заключили такой же договор в отношении латиан. Двое наших за одного латианина и одного Гомика.

— Кого-кого?

— Одного Гомика. Латиане это скушают как пить дать. Они раструбили по всему свету, что один латианин стоит двух врагов. Слишком уж они самодовольны, чтобы отказаться от такого предложения. Они объявят его доказательством того, что их мощь известна даже противнику.

— Но как же...— начал Фармер, испытывая легкое головокружение.

— Среди их союзников начнется столпотворение, каждый поспешит согласиться первым. У них есть свои соображения, до которых латиане дойдут, когда будет уже слишком поздно. Попробуйте хотя бы ради шутки. Двоих наших — за одного латианина и его Гомика.

Фармер вскочил, выпятив брюхо, и взревел:

— Кто такой этот чертов Гомик?

— Насчет Гомика можно выяснить проще простого,— посоветовал Лиминг.— Спросите у своего Юстаса.

Начиная заметно нервничать, Фармер сбавил тон до задушевного и продолжал со всей доступной ему мягкостью:

— Твое появление меня просто потрясло. Ведь уже много месяцев, как тебя объявили без вести пропавшим. Все считают, что ты погиб.

— Я совершил вынужденную посадку на краю света и попал в плен. Кучка покрытого чешуей сброда, который именует себя зангами, закатала меня в тюрьму.

— Ладно-ладно,— сказал полковник, успокаивающе помахивая руками.— Лучше расскажи, как тебе удалось от них улизнуть.

— Фармер, вам я не могу лгать. Я заморочил их своим бопамагилви.

— ???

— А потом отчалил на их жестянке с десятью фаплапами на борту.— Не обращая внимания на собеседника, он изо всех сил пнул стол, так что дождь чернильных клякс обрушился на про-

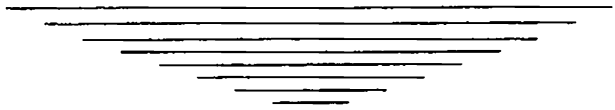
мокашку.— А теперь давайте сюда кого-нибудь из контрразведки. Надеюсь, у них не контрмозги? Пошлите радиограмму: двое наших за одного облезлого латианина и Гомика Тергомикера в придачу.— Он огляделся с безумным видом.— И еще — найдите, где бы мне вздремнуть. Я просто с ног валюсь от усталости.

Сдерживаясь из последних сил, Фармер выдавил:

— Лейтенант, как вы разговариваете с полковником?

— Как умею, так и разговариваю. Майор Сморкун поставил пудинг в печь. Куда девался ваш зеленый кот? — Лиминг снова пнул ногой стол.— Ну скорее же, полковник! Положите меня в постельку!

Зловещий барьер



Глава 1

«Первую же пчелу, которая вздумает жужжать о том, что мед украли, тут же прихлопнут»,— размышлял профессор Педер Бьернсен. Мысль была новой и, казалось бы, шутливой, но своим рождением она была обязана ужасающим фактам. Профессор провел длинными, тонкими пальцами по рано поседевшим волосам. Взгляд его странно выпуклых, горящих жутковатым огоньком глаз был устремлен в окно кабинета, которое выходило на бурлившую транспортом стокгольмскую улицу Хёторгет. Но смотрел он вовсе не на транспорт.

«А первую корову, которая возглавит борьбу против дойки, ждет скорая смерть»,— закончил он про себя. Стокгольм гудел и ревел, не ведая о нависшей угрозе. Профессор безмолвно застыл, погрузившись в мрачные раздумья. Вдруг взгляд его ожил, глаза расширились, в них мелькнуло узнавание. Медленно, неохотно он отошел от окна.

Двигался он так, как будто одним лишь усилием воли принуждал себя пятиться от чего-то страшного, что, незримо притягивая, манило его.

Вскинув руки, он тщетно попытался оттолкнуть от себя пустоту. В неестественно выпученных глазах, по-прежнему холодных и неподвижных, сверкало нечто неподвластное страху. Как зачарованные, они следили за чем-то бесформенным и бесцветным, ползущим от окна к потолку. Сделав нечеловеческое усилие, профессор повернулся и бросился бежать.

Не добежав до двери, он судорожно вздохнул, споткнулся. Падая, сведенной рукой схватил со стола календарь и стащил на ковер. Потом всхлипнул, прижал руки к сердцу и затих. Искра

© Перевод Т. Науменко.

жизни угасла. Верхний листок календаря трепетал от загадочного, невесть откуда прилетевшего ветерка. На листке стояла дата: 17 мая 2015 года.

Когда полиция обнаружила Бьернсена, он был мертв уже часов пять. Медицинский эксперт невозмутимо констатировал смерть от сердечного приступа и на этом успокоился. Тщательно осматривая помещение, лейтенант полиции Бекер нашел на письменном столе профессора записку — весть с того света.

«Знание — опасная штука. Человек не способен ежеминутно, весь день напролет управлять своими мыслями, а по ночам ежечасно следить за неподвластными ему сновидениями. Скоро меня найдут мертвым — это неизбежно. Тогда вы должны...»

— Что мы должны? — спросил Бекер. Ответа не последовало. Голос, который мог бы произнести зловещий ответ, умолк навсегда. Бекер выслушал доклад эксперта, потом сжег записку. «Профессор, как и многие его коллеги, на старости лет стал чудить,— решил он.— И неудивительно: груз ученой премудрости оказался ему не по силам. Официальный диагноз — сердечный приступ. Какие могут быть сомнения?»

Тридцатого мая доктор Гатри Шеридан размеренной дергающейся поступью робота вышагивал по лондонской Чаринг-Кросс-роуд. Глаза его, похожие на холодные сверкающие льдинки, были неотрывно устремлены в небо, ноги механически мерили тротуар. Он напоминал слепого, следующего по знакомому до мелочей маршруту.

Джим Ликок увидел Шеридана, когда тот как заведенный шествовал мимо, но не заметил в нем ничего странного.

— Эй, Шерри! — крикнул он, подскочив к приятелю, и уже было собрался хлопнуть его по плечу, но внезапно застыл в смятении.

Оборотив к встречному бледное напряженное лицо, на котором, как сосульки в голубоватом полумраке, поблескивали глаза, Гатри схватил его за руку и затараторил:

— Джим, видит бог, как я рад тебя видеть! — Он часто дышал, в голосе звучала настойчивость.— Джим, мне необходимо с кем-то поделиться, или я просто сойду с ума. Я только что открыл самый невероятный факт в истории человечества. Поверить в него

почти невозможно. И все же он объясняет тысячу таких вещей, о которых мы только догадывались. Или вообще игнорировали.

— Ну и что же это такое? — скептически осведомился Ликок, вглядываясь в искаженное лицо доктора.

— Джим, я хочу сказать, что человек — не хозяин и не властитель своей души и никогда им не был. Он всего лишь домашняя скотина!..— Шеридан вцепился в собеседника. Голос его сорвался, потом поднялся на два тона. В нем зазвенела истерическая нотка.— Я это знаю, слышишь, знаю! — Ноги его подломились в коленях.— Все кончено! — Он рухнул наземь.

Потрясенный Ликок поспешно нагнулся над упавшим, расстегнул ворот его рубашки, приложил руку к груди. И ничего не ощутил. Сердце, которое только что бешено колотилось, остановилось — навек. Шеридан был мертв. Скорее всего, сердечный приступ.

В тот же день и час нечто очень похожее произошло с доктором Гансом Лютером. Несмотря на обманчивую полноту, он вихрем пронесся по лаборатории, стремглав слетел вниз по лестнице, промчался через холл. При этом он все время испуганно оглядывался через плечо, глаза его сверкали, как полированные агаты. Подбежав к телефону, он трясущейся рукой набрал номер «Дортмунд цайтунг» и потребовал редактора. Глаза его были прикованы к лестнице, телефонная трубка, прижатая к уху, дрожала.

— Фогель,— завопил он,— у меня есть для вас самая потрясающая новость со времен Сотворения мира! Нужно оставить для нее место, много места, и поскорее, пока не поздно!

— Расскажите подробнее,— терпеливо предложил Фогель.

— Земной шар, опоясанный транспарантом, и на нем надпись: «Держитесь подальше!»

Покрывшись испариной, Лютер следил за лестницей.

— Ха-ха! — безжалостно ответил Фогель. Его крупное лицо на видеоэкране, установленном над телефонным аппаратом, выражало снисходительное понимание: он привык к чудачествам ученых.

— Нет, вы послушайте! — отчаянно закричал Лютер, вытирая лоб трясущейся рукой.— Ведь вы меня знаете. Знаете, что я не лгун и не трепач. И никогда не говорю ничего такого, чего не

мог бы доказать. Так вот, я утверждаю: ныне, а возможно, уже целое тысячелетие наша несчастная планета... А-а-а!.. А-а-а!

Из повисшей на шнуре трубки раздался встревоженный крик:

— Лютер! Лютер! Что с вами?

Доктор Ганс Лютер не ответил. Медленно повалившись на колени, он поднял странно поблескивающие глаза к потолку, потом упал на бок. Медленно, очень медленно провел языком по губам — раз, второй. Смерть его наступила в зловещей тишине.

На видеоэкране дергалось лицо Фогеля. Из раскачивающейся трубки еще долго раздавался взволнованный писк, которого здесь уже никто не мог услышать.

Билл Грэхем ничего не знал об этих трех трагедиях, случившихся раньше. Зато он знал про Мейо. Все произошло у него на глазах.

Дело было в Нью-Йорке. Он шел по Западной Четырнадцатой улице и вдруг, случайно взглянув на отвесную стену Мартин-билдинг, увидел, как мимо двенадцатого этажа пролетела человеческая фигура.

Раскинув руки, дергаясь и вращаясь, тело беспомощно, как мешок тряпья, падало вниз. Ударившись о тротуар, оно подпрыгнуло футов на девять. Раздался звук — нечто среднее между хрустом и хлюпаньем. Асфальт выглядел так, как будто по нему шлепнули гигантской окровавленной губкой.

Толстуха, шествовавшая навстречу Грэхему, застыла как вкопанная ярдах в двадцати от него. Уставилась на пятно и распростертое на асфальте тело. Лицо ее позеленело. Выронив сумочку, женщина опустилась на тротуар, закрыла глаза и что-то невнятно забормотала. Около сотни пешеходов образовали вокруг изувеченного трупа быстро сжимающееся кольцо. Толкаясь и напирая, они так и пожирали несчастного глазами.

Лица у трупа не было. Выше окровавленной одежды виднелась жуткая маска, по цвету похожая на взбитую чернику со сливками. Нагнувшись над телом, Грэхем не ощутил особых эмоций: на войне доводилось видеть и кое-что пострашнее.

Его сильные смуглые пальцы скользнули в липкий от крови жилетный карман погибшего и извлекли перепачканную визитную карточку. Пробежав глазами текст, Грэхем не удержался и тихонько присвистнул от удивления:

— Профессор Уолтер Мейо! Вот это неожиданность!

Но к нему сразу же вернулось обычное самообладание. Бросив последний взгляд на бренные останки, распростертые у его ног, он стал пробираться сквозь все прибывающую, бурлящую толпу. Вихрем миновав вращающиеся двери Мартин-билдинг, он устремился к пневматическим лифтам.

Пока круглая одноместная площадка стремительно несла его вверх, Грэхем, машинально вертя в руках карточку, старался разобраться в беспорядочных мыслях, роившихся у него в голове. Надо же! Чтобы такое случилось именно с Мейо...

На шестнадцатом этаже площадка подпрыгнула, как мячик, и со вздохом остановилась. Грэхем бросился по коридору и, добежав до двери, ведущей в лабораторию Мейо, застал ее распахнутой. Внутри никого не было. Все выглядело вполне чинно и мирно, никаких следов беспорядка.

На длинном тридцатифутовом столе громоздился сложный агрегат, в котором Грэхем узнал установку для сухой перегонки. Он пощупал реторты — холодные. Похоже, что эксперимент так и не начался.

Пересчитав колбы, он сделал вывод: аппарат предназначался для получения продукта шестнадцатой фракции. Затем открыл дверцу электрической печи и обнаружил исходное сырье — сухие листья. Судя по виду и запаху, это было какое-то лекарственное растение.

Ветерок, залетавший в широко раскрытое окно, шевелил бумаги на письменном столе. Грэхем подошел к окну, глянул вниз и увидел толпу, окружившую четверых в синей форме и безжизненное тело. К тротуару подруливал фургон «скорой помощи». Грэхем нахмурился.

Оставив окно открытым, он торопливо просмотрел бумаги, разбросанные на столе покойного профессора, но не нашел ничего, что смогло бы удовлетворить его бесцельное любопытство. Еще раз мельком оглядел комнату и вышел. Спускаясь на лифте, он пронесся мимо двух полицейских, которые поднимались ему навстречу.

В вестибюле выстроилась шеренга телефонных кабин. Грэхем вошел в одну из них и набрал номер. На круглом экране появилось миловидное девичье личико.

— Хетти, соедини-ка меня с мистером Сангстером.

— Хорошо, мистер Грэхем.

Девушка исчезла, уступив место мужчине с тяжеловатыми чертами лица.

— Мейо умер,— напрямик выпалил Грэхем.— Выпал из окна Мартин-билдинг минут двадцать назад. Пролетел шестнадцать этажей и приземлился чуть ли не у моих ног. Узнать его невозможно — разве что по шрамам на руках.

— Самоубийство? — Кустистые брови собеседника поползли вверх.

— На первый взгляд, похоже,— согласился Грэхем.— Только я так не думаю.

— Почему?

— Потому что я достаточно хорошо знал Мейо. Когда я работал инспектором по связям между учеными и Ведомством целевого финансирования США, мне пришлось регулярно встречаться с ним в течение десяти лет. Вы, может быть, помните, что я четыре раза выбивал ему субсидии для продолжения работы.

— Да-да,— кивнул Сангстер.

— Большинство ученых — вообще народ малоэмоциональный,— продолжал Грэхем.— Так вот, Мейо был, пожалуй, самым флегматичным из всех.— Он взглянул собеседнику прямо в глаза.— Поверьте мне, сэр, Мейо был просто не способен покончить с собой — во всяком случае, находясь в здравом уме.

— Я вам верю,— без тени колебания сказал Сангстер.— Что, по-вашему, нужно сделать?

— У полиции есть все основания считать это рядовым самоубийством. И я тут не могу вмешиваться: ведь у меня нет никаких официальных полномочий. Полагаю, нужно сделать все возможное, чтобы полиция не закрыла дело, пока не будет проведено самое тщательное расследование. Нужно проверить все до мелочей.

— Все будет так, как вы скажете,— заверил его Сангстер. Он придвинулся к камере, его грубоватое лицо на экране увеличилось.— Этим займутся соответствующие службы.

— Спасибо, сэр,— ответил Грэхем.

— Не за что. Вы занимаете свою должность именно потому, что мы всецело полагаемся на ваше мнение.— Он опустил глаза

и стал рассматривать что-то на столе, остававшемся за пределами экрана. Послышался шелест бумаги.— Сегодня произошло нечто похожее на случай с Мейо.

— Что? — воскликнул Грэхем.

— Умер доктор Ирвин Уэбб. Мы имели с ним дело два года назад: субсидировали его, чтобы он смог закончить одно исследование. В итоге наше Министерство обороны получило самонастраивающийся оптический прицел, основанный на принципе магнитного поля.

— Как же, прекрасно помню.

— Уэбб умер час назад. Нам позвонили из полиции, потому что у него в бумажнике нашли наше письмо.— Лицо Сангстера омрачилось.— Обстоятельства его смерти вызывают недоумение. Медицинский эксперт утверждает, что он умер от сердечного приступа, и в то же время он испустил дух, стреляя в пустоту.

— Стреляя в пустоту? — недоверчиво переспросил Грэхем.

— В руке у него был пистолет, и он всадил две пули в стену своего кабинета.

— Ну и дела!

— С точки зрения благосостояния и научного прогресса нашей страны,— продолжал Сангстер, тщательно взвешивая каждое слово,— смерть таких талантливых ученых, как Мейо и Уэбб, имеет слишком большое значение, чтобы мы могли пустить дело на самотек, тем более что присутствуют некие загадочные обстоятельства. Случай с Уэббом представляется мне более странным. И я хочу, чтобы им занялись вы. Желательно, чтобы вы лично просмотрели все документы, которые после него остались. Возможно, там окажется какая-то зацепка.

— Но для полиции я — человек со стороны.

— Офицера, который ведет это дело, уведомят, что у вас есть правительственный допуск на ознакомление со всеми бумагами Уэбба.

— Отлично, сэр.— Грэхем повесил трубку, и лицо Сангстера исчезло с экрана.— Сначала Мейо, а теперь Уэбб!

Уэбб лежал на ковре, на полпути между окном и дверью. Он покоился на спине, зрачки закатились под верхние веки. Окоченевшие пальцы правой руки все еще сжимали вороненый авто-

матический пистолет, заряженный разрывными сегментными пулями. На стене виднелось восемь отметин — россыпь выбоин там, где четвертинки разорвавшихся пуль вошли в цель.

— Он стрелял в какой-то предмет, находившийся вот на этой линии,— сказал лейтенант Воль, натягивая шнур от центра выбоин к точке, расположенной четырьмя-пятью футами выше лежащего тела.

— Похоже на то,— согласился Грэхем.

— Только там ничего не было,— заявил Воль.— Когда началась пальба, по коридору проходило с полдюжины людей. Они тут же ворвались в комнату и обнаружили его лежащим на полу при последнем издыхании. Он все пытался что-то сказать, но язык его уже не слушался. Никто не мог войти в кабинет или выйти из него незамеченным. Мы допросили шестерых свидетелей — все они вне подозрений. И потом, медицинский эксперт ведь сказал, что это сердечный приступ.

— Может быть, и так,— уклончиво ответил Грэхем,— а может, и нет.

Едва он произнес эти слова, как по комнате пролетел ледяной вихрь. По спине у Грэхема поползли мурашки, волосы на голове зашевелились — и все прошло. Осталось внутреннее ощущение смутного беспокойства, как у кролика, который чувствует незримое присутствие затаившегося поблизости ястреба.

— И все равно, что-то тут нечисто,— не унимался Воль.— Нюхом чую, что у этого Уэбба были галлюцинации. Но я в жизни не слыхал, чтобы галлюцинации случались от сердечного приступа, поэтому даю голову на отсечение: он принял какую-то дрянь, от которой все разом и приключилось.

— Вы хотите сказать, что он был наркоманом? — с сомнением в голосе осведомился Грэхем.

— Вот именно! Держу пари: вскрытие покажет, что нюх меня не подвел.

— Дайте мне знать, если ваша догадка подтвердится,— попросил Грэхем.

Открыв стол Уэбба, он стал просматривать аккуратно подшитые папки с перепиской. Там не оказалось ничего такого, что смогло бы удовлетворить его интерес или привлечь особое внимание. Все письма без исключения были обыденными, прес-

ными, почти нудными. Он сложил папки на место. На лице его было написано разочарование.

Закрыв стол, Грэхем обратил внимание на огромный, встроенный в стену сейф. Воль передал ему ключи.

— Они были у него в правом кармане. Я бы сам порылся в сейфе, да мне велели воздержаться до вашего прихода.

Грэхем кивнул и вставил ключ в замок. Тяжеленная дверь медленно повернулась на шарнирах, открыв внутренность шкафа. У Грэхема и Воля одновременно вырвался возглас изумления. Прямо перед ними висел большой лист бумаги, на котором торопливым почерком было нацарапано: «Постоянная бдительность — вот нереальная цена свободы. Если меня не станет, свяжитесь с Бьернсеном».

— Кто, черт возьми, этот Бьернсен? — выпалил Грэхем, срывая лист со стены.

— Понятия не имею. Никогда о нем не слышал.— Воль с нескрываемым удивлением уставился на записку, потом сказал: — Дайте-ка ее мне. На листе сохранились следы надписи с предыдущей страницы. Взгляните — отпечатки довольно глубокие! Нужно осветить надпись параллельными лучами света и посмотреть, не удастся ли получить рельефное изображение. Если повезет, мы легко прочитаем, что там было написано.

Подойдя к двери, Воль передал бумагу кому-то из коллег и сделал краткие распоряжения.

Следующие полчаса они составляли подробную опись содержимого сейфа с единственным результатом: оказалось, что Уэбб был отчаянным педантом и уделял самое пристальное внимание финансовой стороне своей деятельности.

Рыская по комнате, Воль обнаружил на каминной решетке кучку золы. Она была растерта в тончайшую пыль, так что не было ни малейшего шанса восстановить написанное. Осталась лишь пыль слов, когда-то полных смысла, теперь же — недосягаемых.

— Каминные решетки — реликвия двадцатого века,— изрек Воль.— Похоже, доктор специально сохранил решетку, чтобы жечь на ней документы. Видно, было что скрывать. Только вот что? И от кого? — Зазвенел телефон, и он добавил, снимая трубку: — Если это полицейское управление, то, может быть, там сумеют ответить на мои вопросы.

Действительно, звонили из управления. На маленьком экране появилось лицо полицейского. Воль нажал на кнопку усилителя, чтобы Грэхему тоже было слышно.

— Удалось восстановить слова на том листке, который вы нам передали,— сказал офицер.— Текст довольно бессвязный, но для вас он, возможно, что-нибудь да значит.

— Читай,— приказал Воль. Он весь обратился в слух. Полицейский стал читать отпечатанный на машинке текст.

«Особенно восприимчивы моряки. Необходимо более подробно разработать эту проблему и получить сравнительные данные по экипажам морских судов и сельским жителям. Скорость оптической фиксации у них должна быть разной. При первой же возможности проверить эти показатели. Еще нужно уговорить Фосетта, чтобы он дал статистику распространенности зоба среди сумасшедших, в особенности — шизофреников. В его лечебнице собака зарыта, только ее нужно откопать».

Полицейский поднял взгляд от бумаги:

— Тут всего два абзаца. Это — первый.

— Давай дальше, приятель,— нетерпеливо прервал его Грэхем.

Офицер продолжил чтение. Все это время Грэхем не сводил глаз с экрана. На лице Воля все явственнее проступало недоумение.

«Между самыми неожиданными и, казалось бы, разнородными случаями существует реальная связь. Нити, соединяющие странные явления, слишком тонки, чтобы их можно было заметить. Шаровые молнии, воющие собаки и ясновидящие, которые вовсе не так просты, как мы полагаем. Вдохновение, душевный подъем и вечная одержимость. Колокола, звонящие сами собой, корабли, исчезающие средь бела дня, лемминги, мигрирующие в долину смерти. Свары, злоба, ритуальная болтовня, пирамиды с невидимыми вершинами... Все это можно было бы принять за кошмарную стряпню сюрреалистов последнего разбора, если бы только я не знал, что Бьернсен был прав, устрашающе прав! Это картина, которую необходимо показать всему миру — если такое зрелище не приведет к бойне!»

— Ну, что я вам говорил? — спросил Воль, выразительно постукивая себя по лбу.— Типичный бред наркомана!

— Ладно, разберемся.— Приблизив лицо к телефонному сканеру, Грэхем сказал офицеру: — Спрячьте бумагу, чтобы она была в полной сохранности. Сделайте еще две машинописные копии. Пусть их перешлют Сангстеру, начальнику Ведомства целевого финансирования США, в его здешний офис, что находится в здании Манхэттенского банка.

Он отключил усилитель и повесил трубку. Телеэкран погас.

— Если не возражаете, я зайду в управление вместе с вами,— сказал он Волю.

Они вышли вместе — Воль, уверенный, что это работа для отдела по борьбе с наркотиками, и Грэхем, погруженный в размышления о том, могут ли эти смерти, несмотря на сопутствующие загадочные обстоятельства, объясняться естественными причинами. Переходя дорогу, оба почувствовали какое-то странное нервное возбуждение — будто кто-то заглянул в их мысли, ухмыльнулся и был таков.

Глава 2

В управлении никаких новостей не оказалось. Дактилоскописты уже вернулись из лаборатории Мейо и офиса Уэбба и успели проявить и отпечатать снимки. Отпечатков была тьма: одни четкие, другие смазанные. Чтобы их получить, пользовались в основном алюминиевой пудрой; для нескольких следов, оставленных на волокнистой поверхности, пришлось прибегнуть к парам йода. Подавляющее большинство отпечатков принадлежало самим ученым. Остальные в полицейских картотеках не значились.

Следователи со всей дотошностью обыскали помещения, где были найдены трупы, но не нашли ни единой мелочи, способной возбудить их подозрения и подтвердить сомнения Грэхема. О чем они и доложили с едва заметным раздражением людей, вынужденных попусту тратить время ради чужой прихоти.

— Одна надежда на вскрытие,— заявил наконец Воль.— Если Уэбб действительно баловался наркотиками, тогда все яснее ясного. Он умер, пытаясь прикончить бредовый плод собственного воображения.

— А что же Мейо — прыгнул в воображаемую ванну? — поддел его Грэхем.

— Что-что? — На лице Воля отразилось недоумение.

— Пусть на вскрытие отправят обоих, если, конечно, удастся что-нибудь сделать с тем, что осталось от Мейо.— Грэхем взял шляпу. Его темно-серые глаза пристально взглянули в голубые глаза Воля.— Позвоните Сангстеру и доложите ему результаты.— Он стремительно вышел, как всегда энергичный и решительный.

На углу улиц Пайн и Нассау громоздилась куча искореженного металла. Грэхем бросил взгляд поверх клокочущей толпы и увидел два разбитых гиромобиля, которые, как видно, пострадали от лобового столкновения. Толпа быстро росла. Люди встали на цыпочки, напирали, слышался взволнованный гомон. Проходя мимо, Грэхем кожей ощущал исходившее от них психопатическое возбуждение. Он как будто преодолевал незримое поле чужих вибраций. Ох уж это стадное чувство!

«Несчастье для толпы — все равно что мед для мух»,— подумалось ему.

Войдя под своды тяжеловесной громады Манхэттенского банка, он поднялся на пневматическом лифте на двадцать четвертый этаж. Толкнул дверь с золоченой надписью, поздоровался с Хетти, рыжеватой блондинкой, сидевшей за коммутатором, и направился к двери с табличкой «М-р Сангстер». Постучался и вошел.

Сангстер молча выслушал подробный отчет. Наконец Грэхем сказал:

— Вот и все. Единственное, что у нас остается,— это мои сомнения по поводу Мейо да необъяснимые выстрелы Уэбба.

— Есть еще неизвестный нам Бьернсен,— не замедлил напомнить Сангстер.

— Да. Полиции пока не удалось с ним связаться. Скорее всего, просто не хватило времени.

— А нет ли Уэббу на почте каких-нибудь писем от этого Бьернсена?

— Нет. У нас была такая мысль. Лейтенант Воль уже звонил и спрашивал. Ни почтальон, ни сортировщики не припоминают писем от отправителя по фамилии Бьернсен. Конечно, этот неизвестный, кем бы он ни был, мог и не посылать писем. Или же на конверте могла не стоять его фамилия. Вся корреспонденция Уэбба — пара ничем не примечательных писем от ученых,

с которыми он дружил еще со студенческой скамьи. Похоже, большинство ученых ведет обширную, но довольно нерегулярную переписку с коллегами, в особенности с экспериментаторами, исследующими аналогичные проблемы.

— Не исключено, что Бьернсен — один из них,— подсказал Сангстер.

— А ведь это мысль!

Грэхем на секунду задумался, потом снял трубку. Он набрал номер, рассеянно нажал на кнопку усилителя и моргнул от неожиданности, когда трубка загрохотала прямо ему в ухо. Положив ее на стол Сангстера, он произнес в микрофон:

— Смитсоновский институт? Мне нужен мистер Гарриман.

На экране появилось лицо Гарримана. Его темные глаза смотрели прямо на них.

— Привет, Грэхем! Чем могу быть полезен?

— Уолтер Мейо умер,— сказал Грэхем.— Ирвин Уэбб — тоже. Скончались утром, один за другим.

На лице Гарримана появилось печальное выражение. Вкратце рассказав ему о случившемся, Грэхем спросил:

— Вы, случайно, не знаете ученого по фамилии Бьернсен?

— Как же! Он умер семнадцатого.

— Умер?!! — Грэхем и Сангстер вскочили с мест.— А в его смерти не было ничего странного? — мрачно осведомился Грэхем.

— Насколько мне известно, нет. Он был уже стар и давно пережил отпущенный ему век. А в чем дело?

— Да так, ни в чем. Что еще вы о нем знаете?

— Он швед, специалист по оптике,— ответил явно заинтригованный Гарриман.— Его карьера пошла на убыль лет двенадцать назад. Кое-кто полагает, что он впал в детство. Когда он умер, в нескольких шведских газетах появились некрологи, но в нашей прессе никаких упоминаний я не встречал.

— Что-нибудь еще? — настаивал Грэхем.

— Да ничего особенного. Он не был такой уж знаменитостью. Если мне не изменяет память, он сам ускорил свой закат, когда выставил себя на посмешище с тем докладом на международном научном съезде в Бергене в две тысячи третьем году. Какая-то сплошная ересь о пределах зрительного восприятия, замешенная на джиннах и привидениях. Ганс Лютер тогда тоже навлек

на себя всеобщее недовольство — ведь он, единственный из более или менее известных ученых, принял Бьернсена всерьез.

— А кто такой Ганс Лютер?

— Немецкий ученый, светлая голова. Только он тоже умер, вскоре после Бьернсена.

— Как, еще один?! — разом вскричали Сангстер с Грэхемом.

— А что тут, собственно, такого? Разве ученые вечны? Они тоже умирают, как и все остальные, ведь так?

— Когда они умирают, как все остальные, мы приносим соболезнования и не питаем никаких подозрений,— отрезал Грэхем.— Сделайте одолжение, Гарриман, составьте мне список ученых, пользовавшихся международной известностью, которые умерли после первого мая, а к нему — все достоверные факты, которые удастся откопать.

Гарриман удивленно заморгал.

— Хорошо, позвоню вам, как только управлюсь,— пообещал он и отключился. Но почти сразу же появился снова: — Забыл сказать вам насчет Лютера. Говорят, что он умер в своей дортмундской лаборатории, бормоча какой-то несусветный вздор редактору местной газеты. С ним случился сердечный приступ. В качестве причины смерти называют старческое слабоумие и сердечное истощение. И то и другое вызвано переутомлением.

Не в силах скрыть любопытство, он явно тянул время, ожидая реакции собеседников. Потом не выдержал, еще раз повторил:

— Позвоню, как только управлюсь,— и повесил трубку.

— Дальше в лес — больше дров,— заметил Сангстер. Он плюхнулся на стул и откинулся на спинку, балансируя на задних ножках. Лицо его недовольно нахмурилось.— Если кончину Мейо и Уэбба нельзя объяснить естественными причинами, то сверхъестественными их и подавно не назовешь. Отсюда следует, что единственная оставшаяся возможность — обычное и откровенное убийство.

— А мотивы? — осведомился Грэхем.

— То-то и оно! Спрашивается, где повод? Его просто нет! Я еще могу допустить, что полдюжины стран сочли бы массовое уничтожение лучших умов Америки удачной прелюдией к войне. Но когда выясняется, что в дело втянуты ученые Швеции и Германии,— к тому же не исключено, что в списке, над которым

сейчас трудится Гарриман, окажутся представители еще дюжины национальностей,— то вся ситуация до того запутывается, что начинает отдавать чистой фантастикой.— Взяв машинописную копию записей Уэбба, он с недовольным видом помахал бумагой в воздухе.— Вроде этой вот галиматьи.— Он задумчиво посмотрел на погруженного в невеселые мысли Грэхема.— Ведь это ваши подозрения заставили нас броситься в погоню, а за чем — одному Богу известно. За ними хоть что-нибудь стоит?

— Нет,— признался Грэхем.— Ничего. Пока не удалось обнаружить никаких фактов, на которых можно было бы построить мало-мальски правдоподобную версию. Откопать побольше деталей — вот моя задача.

— Где же?

— Я собираюсь повидать Фосетта, которого Уэбб упоминает в своих записях. Он наверняка сможет рассказать кое-что интересное.

— Вы что, знаете Фосетта?

— Даже не слышал о нем. Но доктор Кертис, сводная сестра Уэбба, может устроить нам встречу. Я хорошо знаком с доктором Кертис.

Тяжелые черты Сангстера медленно расплылись в усмешке.

— Насколько хорошо? — поинтересовался он.

— Не так хорошо, как хотелось бы,— ухмыльнулся в ответ Грэхем.

— Вот оно что! Сочетаете приятное с полезным? — Сангстер небрежно махнул рукой.— Что ж, желаю удачи. Как только откопаете нечто более существенное, чем одни подозрения, мы сразу же подключим к делу Федеральное бюро расследований.

— Посмотрим, что получится.

Грэхем уже подошел к двери, когда раздался телефонный звонок. Держась одной рукой за дверную ручку, другой он снял телефонную трубку, положил ее на стол, переключил усилитель.

На экране засветилось лицо Воля. Он не мог видеть Грэхема, который находился за пределами угла обзора камеры, и поэтому говорил, обращаясь к Сангстеру:

— Похоже, что Уэбб страдал чесоткой.

— Чесоткой? — в замешательстве переспросил Сангстер.— С чего вы взяли?

— Он разукрасил йодом всю левую руку, от локтя до плеча.

— Какого черта? — Сангстер бросил умоляющий взгляд на безмолвствующего Грэхема.

— Понятия не имею. С рукой вроде бы все в порядке. У меня такая версия: или у него была чесотка, или он таким образом удовлетворял свои художественные наклонности.— Суровое лицо Воля искривила скупая усмешка.— Вскрытие еще не закончено, только я подумал, что стоит сообщить вам об этом. Если вы сдаетесь, я готов вам загадать не менее дурацкую загадку.

— Кончай, парень,— обрезал его Сангстер.

— У Мейо тоже была чесотка.

— Ты что же, хочешь сказать, что он тоже разрисовал себе руку?

— Ну да, йодом,— злорадно подтвердил Воль.— Левую — от локтя до плеча.

Зачарованно глядя на экран, Сангстер сделал долгий глубокий вдох.

— Благодарю,— сказал он, повесил трубку и с тоской посмотрел на Грэхема.

— Я пошел,— сказал тот.

На лице у доктора Кертис было строгое профессиональное выражение спокойной уверенности, которое Грэхем предпочитал игнорировать. Еще у нее была копна непокорных черных кудрей и приятная округлость форм, коими он восхищался столь неприкрыто, что это неизменно выводило ее из себя.

— Весь последний месяц Ирвин вел себя очень необычно,— проговорила она, подчеркнуто стараясь сосредоточить внимание Грэхема на цели его визита.— Он не захотел мне довериться, а ведь я так старалась ему помочь. Боюсь, он принял мой интерес за проявление женского любопытства. В прошлый четверг его и без того странное состояние еще больше обострилось: он уже не мог скрыть, что чего-то опасается. Я стала бояться, что он на грани нервного срыва, и посоветовала ему отдохнуть.

— Что же из произошедшего в тот четверг могло так его встревожить?

— Ничего,— уверенно ответила она.— Во всяком случае, ничего такого, что могло бы столь серьезно на него повлиять и совсем вывести из равновесия. Конечно, его очень опечалила весть о смерти доктора Шеридана, и все-таки не понимаю, почему...

— Простите,— перебил ее Грэхем,— а кто такой Шеридан?

— Старый приятель Ирвина, английский ученый. Он умер в прошлый четверг, насколько мне известно, от сердечного приступа.

— Еще один! — вырвалось у Грэхема.

— Не поняла.— Большие черные глаза доктора Кертис удивленно распахнулись.

— Это я так, к слову,— уклончиво ответил Грэхем. Потом подался вперед, на его худощавом лице появилось решительное выражение.— Нет ли у Ирвина друга или знакомого по фамилии Фосетт? — спросил он.

Ее глаза распахнулись еще шире:

— Как же, доктор Фосетт. Он врач, практикует в Государственной психиатрической клинике и живет там же, при ней. А что, он имеет какое-то отношение к смерти Ирвина?

— Ну конечно нет.

Грэхем отметил явное замешательство, омрачившее ее обычную невозмутимость. Он почувствовал искушение воспользоваться им и задать ей еще несколько вопросов. Но какой-то неуловимый подсознательный сигнал, какое-то смутное предчувствие опасности удержало его. Повинуясь внутреннему импульсу и при этом ощущая себя круглым дураком, он продолжил беседу.

— Наше ведомство проявляет особый интерес к работе вашего брата, и в связи с его трагической кончиной нам еще предстоит кое-что выяснить.

По-видимому, его слова удовлетворили доктора Кертис, и она протянула ему прохладную ладонь:

— Всегда рада вам помочь.

Он так долго не отпускал ее руку, что ей пришлось самой прервать рукопожатие.

— Вы и так помогаете, постоянно укрепляя мою моральную устойчивость,— укоризненно произнес он.

Попрощавшись, Грэхем сбежал по лестнице, соединявшей двадцатый этаж, где располагалось отделение хирургии, с уровнем «воздушки» — скоростного шоссе, протянутого на мощных опорах в трехстах футах над землей.

Полицейский гиромобиль с визгом притормозил у клиники и остановился как раз в тот момент, когда Грэхем достиг подножия лестницы.

Из бокового окна показалась голова лейтенанта Воля.

— Сангстер сказал мне, что вы здесь,— объяснил он.— Вот я и заехал, чтобы вас прихватить.

— Что новенького? — спросил Грэхем, залезая в длинную машину.— Вид у вас, как у ищейки, взявшей след.

— Кто-то из ребят обнаружил, что свой последний телефонный звонок и Мейо, и Уэбб адресовали одному и тому же ученому мужу по фамилии Дейкин.— Воль нажал на рычаг акселератора, и мощная двухместная машина рванулась вперед; тихонько запел спрятанный под капотом гироскоп.— Так вот, этот Дейкин живет на Уильям-стрит, как раз по соседству с вашей берлогой. Вы его знаете?

— Как самого себя. Да и вы должны его знать.

— Я? С какой стати?

Воль крутанул рулевое колесо, с обычной для полицейских бесшабашностью одолевая поворот. Гиромобиль устойчиво держал курс, седоков же резко швырнуло в сторону. Грэхем ухватился за поручень. Когда лейтенант пулей обогнал четыре машины, мчавшиеся по воздушке, водителей чуть не хватил столбняк, и они еще долго ошарашенно глазели вслед.

Переведя дух, Грэхем спросил:

— Когда полиция отказалась от муляжей при изготовлении слепков?

— Да уж лет пять.— Воль решил щегольнуть своей осведомленностью.— Теперь мы снимаем отпечатки стереоскопической камерой. Чтобы получить рельефные отпечатки на волокнистых материалах, их снимают в параллельных лучах света.

— Знаю-знаю. Но почему теперь стали применять именно этот метод?

— Потому что он удобнее и к тому же абсолютно точен. Его стали использовать с тех пор, как был открыт метод измерения глубины стереоскопического изображения при помощи... Фу ты, черт! — Бросив на спутника смущенный взгляд, он закончил: — При помощи стереоскопического верньера Дейкина.

— Вот именно. Это и есть тот самый Дейкин. Наше ведомство финансировало его работу. И довольно часто за свои денежки мы имели неплохие результаты.

Воль воздержался от дальнейших высказываний и целиком сосредоточился на управлении. Уильям-стрит стремительно

приближалась. Ее небоскребы напоминали шагающих навстречу великанов.

Сделав крутой вираж, сопровождавшийся отчаянным визгом покрышки заднего колеса, гиромобиль скользнул с воздушки на спиральный спуск и стал с головокружительной скоростью отсчитывать витки.

Так же стремительно они вылетели на нижний уровень. Воль выровнял машину и сказал:

— Хороша карусель — как раз по мне!

Грэхем проглотил подобающую реплику, уже готовую сорваться с языка. Его внимание привлек стройный корпус приближающегося гиромобиля, длинный и низкий, отделанный бронзой и алюминием. Он молнией промчался им навстречу по Уильям-стрит, проскочил мимо, со свистом тараня воздух, взлетел по пандусу к спирали, по которой они только что спустились. Когда он проносился мимо, зоркие глаза Грэхема уловили бледное, осунувшееся лицо и застывший взгляд, устремленный вперед сквозь лобовое стекло машины.

— Вот он! — отчаянно крикнул Грэхем.— Скорее, Воль,— это же Дейкин!

Воль резко рванул руль, разворачивая гиромобиль на месте, потом врубил мощное динамо. Машина прыгнула вперед, нырнула в узкую щель между двумя спускающимися мобилями и бешено устремилась вверх по пандусу.

— Он опережает нас на шесть витков, сейчас будет наверху! — подгонял Грэхем.

Понимающе хмыкнув, Воль налег на рычаги, и быстроходная полицейская машина стремительно полетела вверх по спирали. На пятом повороте перед ними вырос допотопный четырехколесный автомобиль. Занимая середину желоба, он на скорости тридцать миль с трудом одолевал подъем. Воль устроил импровизированную демонстрацию подавляющего преимущества двух полноприводных колес над четырьмя. Яростно ругаясь, он вильнул, прибавил газу и обошел драндулет на скорости пятьдесят миль, предоставив водителю трястись себе дальше.

Как гигантская серебряная пуля, гиромобиль вылетел со спирали на воздушку и, распугав стайку частных машин, оставил их далеко позади. На спидометре было уже девяносто.

Сверкая бронзой и алюминием и опережая их на полмили, объект преследования с ревом взял подъем и возглавил гонку.

— Так мы все батареи угробим! — проворчал Воль, нажимая на рычаг экстренной мощности.

Гиромобиль прибавил скорость. Стрелка спидометра задрожала на отметке сто. Гироскоп под капотом гудел, как рой рассерженных пчел. Сто десять. Круглые стойки ограждения воздушки слились в один сплошной забор. Сто двадцать.

— Рампа главной развязки! — предупредил Грэхем.

— Если он сиганет с нее во весь опор, то пролетит футов сто, не меньше,— пробурчал Воль. Прищурившись, он напряженно всматривался вдаль.— Гироскоп обеспечит ему ровное приземление, да только шины все равно не спасет. Одна-то уж наверняка лопнет. Ведь он гонит как одержимый!

— Потому-то и ясно, что дело тут нечисто.

Центробежная сила заставила Грэхема задержать дыхание. Они обошли еще одну четырехколесную колымагу. В эту краткую долю секунды ее водитель все же успел жестами выразить свои чувства.

— Нужно запретить всей этой рухляди выползать на воздушку,— ворчливо заметил Воль. Взгляд его был устремлен вперед. Сияющий контур преследуемой цели бешено мчался по плавной кривой, подводящей к главной развязке.— Мы отыграли сотню ярдов, но он жмет на пределе, к тому же у него спортивная модель. Можно подумать, что за ним кто-то гонится.

— Мы, например,— сухо вставил Грэхем. Не спуская глаз с зеркала заднего обзора, он прикидывал в уме вероятность того, что Дейкина преследует кто-то еще, кроме них. От кого же все-таки пытается спастись Дейкин? В кого стрелял Уэбб, так бесстрашно встретивший смерть? Что погубило Бьернсена и отчего Лютер испустил дух, бормоча что-то несусветное?

Он прервал свои бесплодные размышления и отметил, что позади никакой погони нет. Потом, увидев над прозрачной крышей кабины какую-то темную тень, поднял глаза. Над ними, вращая винтами, завис полицейский вертолет. Всего ярд отделял его колеса от верха мчащегося гиромобиля.

Несколько секунд обе машины шли вровень. Воль начальственным жестом указал на полицейский знак на капоте, потом

выразительно махнул в сторону бешено несущейся впереди машины.

Пилот показал, что все понял; вертолет взмыл вверх и прибавил скорость. Перевалив через высокие крыши, машина с ревом устремилась вперед, отчаянно пытаясь срезать поворот воздушки и перехватить Дейкина у развязки.

Даже не сбросив газ, Воль взял поворот на скорости сто двадцать. Шины жалобно взвизгнули, преодолевая боковое сопротивление. Грэхем тяжело навалился на дверцу, на него всем своим весом обрушился Воль. Центробежная сила не давала им пошевелиться, а гироскоп из последних сил пытался удержать машину в вертикальном положении. Все же шины не выдержали и гиромобиль выписал головокружительную двойную восьмерку. Он подпрыгнул, как краб, всего на волосок разминувшись с еле тащившейся развалюхой, прорвался между двумя гиромобилями, оторвал крыло у подпрыгивающего авто и врезался в ограждение.

Воль, как рыба, хватал воздух ртом, пытаясь вдохнуть. Он кивком указал на рампу, где воздушка нависала над другим шоссе, пересекаясь с ним под прямым углом.

— Боже правый! — выдохнул он.— Вы только взгляните!

С их точки казалось, что впереди, ярдах в четырехстах от них, вершина рампы врезается прямо в крошечные оконца дальних зданий. Машина Дейкина находилась как раз в центре возвышения, над ней беспомощно висел полицейский вертолет. Но мчащийся гиромобиль, миновав подъем, не скрылся из глаз, как можно было ожидать при обычных обстоятельствах. Казалось, он медленно парит в воздухе — между его колесами и вершиной рампы виднелся ряд оконных проемов. На какое-то томительное мгновение он застыл в таком подвешенном положении чуть пониже вертолета, как будто бросив вызов закону всемирного тяготения. Потом с такой же сверхъестественной медлительностью исчез из виду.

— Спятил! — выдохнул Грэхем, отирая испарину со лба.— Окончательно и бесповоротно!

Он до отказа опустил боковое стекло. Оба напряженно и тревожно прислушивались. Из-за рампы донесся пронзительный скрежет раздираемого металла. Мгновение тишины — потом приглушенный удар.

Не сказав ни слова, они выбрались из покореженного гиромобиля и помчались по шоссе, одолевая длинный пологий подъем. В ограждении зияла тридцатифутовая брешь. Вокруг скопилась дюжина машин, в основном современные гиромобили. Бледные водители, уцепившись за погнутые стойки, пытались разглядеть что-нибудь внизу, на дне пропасти.

Протиснувшись вперед, Грэхем с Волем тоже перевесились через перила.

Там, далеко внизу, на противоположной стороне улицы, проходившей за нижним, поперечным шоссе, виднелась бесформенная груда металла — трагический финал погони. По фасаду здания, десятью этажами ниже того места, где они стояли, проходили глубокие борозды, оставленные рухнувшей машиной. Колея дороги, ведущей в мир иной...

Один из глазеющих водителей тараторил, не обращаясь ни к кому в отдельности:

— Кошмар, какой кошмар! Он, должно быть, рехнулся. Вылетел, как ядро из пушки, вдребезги разнес ограждение и врезался прямо вон в тот дом. Я слышал, как он туда впилился.— Он облизнул губы.— Что твой жук в консервной банке! Ну и загремел! Кошмар, да и только!

Говоривший выразил словами то, что ощущали все остальные. Грэхем чувствовал их волнение и страх. Их возбуждение, садистскую жажду впечатлений и эмоциональный подъем, сплачивающий толпу, которая, как всегда в подобных случаях, уже начала собираться внизу, на дне трехсотфутовой пропасти.

«А ведь массовая истерия — заразная штука,— думал Грэхем, ощущая, как она вздымается, словно незримый дымок какого-то дьявольского курения.— Так можно и поддаться. Обычно трезвый человек может в толпе ненароком опьянеть. Опьянеть от коллективных эмоций. Эмоции — невидимая отрава!»

Пока он стоял, как зачарованный, глядя вниз, его посетило иное чувство, прогнавшее эти мрачные раздумья,— страх, смешанный с ощущением вины Так, наверное, чувствовал бы себя чужестранец, лелеющий опасные, наказуемые воззрения, доведись ему оказаться в некой заморской стране, где за инакомыслие того и гляди вздернут на виселицу. Ощущение было столь сильным и острым, что ему пришлось основательно потрудиться, дабы обуздать свой ум. Оторвав взгляд от зрелища, открывав-

шегося с высоты, Грэхем толкнул Воля в бок, желая привлечь его внимание.

— Здесь больше делать нечего. Мы прошли за Дейкином до самого финиша — и вот результат! Нам пора..

Воль неохотно попятился от провала. Заметив, что потерпевший неудачу вертолет садится на воздушку, он устремился к нему.

— Воль, отдел по расследованию убийств,— кратко отрекомендовался он.— Свяжитесь с Центральным управлением. Пусть мою машину отбуксируют для ремонта. Еще скажите им, что я скоро позвоню и передам рапорт.

Вернувшись к группе водителей, которые все еще не разошлись, он опросил их и отыскал парня, направляющегося в сторону Уильям-стрит. У того была древняя четырехколесная таратайка, с адским грохотом едва выжимавшая пятьдесят миль. Воль снисходительно принял предложение подбросить их до места и, презрительно сморщив нос, полез в кабину.

— Одни идут в ногу со временем, другие забегают вперед, а кое-кто безнадежно отстает.— Он брезгливо ковырнул потертую обивку сиденья.— Эта чертова колымага устарела еще в те времена, когда Тутик строил свои пирамиды.

— Тутанхамон не строил пирамид,— возразил Грэхем.

— Ну, тогда брат Тутика. Или его дядюшка. Или субподрядчик — какая разница?

Водитель выжал сцепление, и автомобиль с ревом рванулся с места, так что голова у Воля дернулась. Он выругался и с обиженным видом проговорил, обращаясь к Грэхему:

— Ведь почему я повсюду таскаюсь за вами следом? Мне, как любому работяге, приходится делать все, что ни прикажут. Только я никак не пойму, что вы ищете и ищете ли что-нибудь вообще. Вашему ведомству стало известно что-то конкретное, не предназначенное для прессы?

— Нам известно не больше вашего. Все началось с того, что у меня возникли смутные подозрения, а мое начальство приняло их всерьез.— Грэхем задумчиво рассматривал выщербленное, пожелтевшее от времени ветровое стекло.— Я первый почуял неладное. И вот теперь за все заслуги мне придется либо докапываться до истины, либо трубить отбой.

— Так, значит, это вам я должен отдать пальму первенства по части подозрений? — Воль подпрыгнул на сиденье и жалобно проговорил: — Кто бы видел: сыщик при исполнении — и на таком драндулете! Ну и дела! Все только и делают, что помирают, вот и мы трясемся на катафалке.— Он еще раз подпрыгнул.— Судя по тому, как все складывается, быть мне обвалянным в перьях, и дело с концом! Но пока с головой у меня полный порядок, я остаюсь с вами.

— Спасибо.— Грэхем усмехнулся, разглядывая своего спутника.— Кстати, как тебя зовут?

— Арт.

— Спасибо, Арт! — повторил он.

Глава 3

Скрупулезный обыск квартиры Дейкина не принес никаких открытий: ни щемящей душу последней записки, ни спрятанных в тайнике заметок,— ничего такого, что могло бы показаться хоть сколько-нибудь необычным. Этот путь к решению головоломной загадки завел в тупик.

Воль обнаружил грубую модель верньера, собранную руками самого изобретателя, и теперь развлекался тем, что проецировал ее стандартный стереоскопический куб на маленький экран. Крутя микрометрический фокусировочный винт, регулирующий перспективу куба, он то сжимал геометрический каркас до того, что тот начинал казаться совсем плоским, то растягивал его так, что он напоминал нескончаемый туннель.

— Ловко! — приговаривал он.

Грэхем вышел из задней комнаты, держа в руке почти пустой пузырек с йодом.

— Я стал его искать опять же по наитию. Вот, стоял у него в аптечке вместе с целой кучей снадобий от всех мыслимых болезней. Лекарств там хватит на целый лазарет. Дейкин всегда был порядочным ипохондриком.— Он водрузил пузырек на стол и мрачно уставился на него.— Так что это ничего не значит.— Его недовольный взгляд прошелся по комнате.— Мы здесь только время теряем. Я хочу повидать доктора Фосетта из Государственной психиатрической клиники. Подвезешь?

— Сначала звякну.— Воспользовавшись аппаратом Дейкина, Воль переговорил с управлением, повесил трубку и сказал Грэхему: — Дейкина вскрывать не стали — там и вскрывать-то нечего.— Он убрал верньер на место, сунул пузырек в карман и открыл дверь.— Поехали! Стоит взглянуть на твою психушку. Как знать, может, когда-нибудь это будет наш дом, милый дом!

Над Гудзоном нависла тьма. Унылая луна хмуро взирала на мир сквозь рваные облака. Словно желая составить контраст мрачному пейзажу, вдали вспыхивали кроваво-красные буквы пятидесятифутовой неоновой рекламы, через равные промежутки времени повторяя одно и то же радушное приглашение: ЗА ПИВОМ ВСЕГДА СПЕШИТЕ СЮДА! Взглянув на рекламу, Воль, сам того не замечая, облизнул губы. Нетерпеливо прохаживаясь взад-вперед, они ожидали гиромобиль, который Воль вызвал по телефону.

Наконец, сверкая огнями фар, с гулом подъехала машина. Воль подошел к ней и сказал одетому в полицейскую форму водителю:

— Я сам поведу. Мы едем в Олбани.

Усевшись в водительское кресло, он подождал, пока Грэхем устроится рядом, и резко тронул машину с места.

— Мы, конечно, спешим, но уж не настолько,— предупредил его Грэхем.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Видишь ли, я предпочел бы добраться до места в целости, а не по частям. В разобранном виде я плохо функционирую.

— Каждый, кому ты садишься на хвост, тоже начинает плохо функционировать. Слушай, а ты ненароком не прикупил акций местного кладбища? — На упитанной физиономии Воля появилась выразительная ухмылка.— Правда, есть в твоем обществе и кое-что утешительное.

— Например?

— Можно быть уверенным, что умрешь на боевом посту.

Грэхем усмехнулся, но ничего не ответил. Машина прибавила скорость. Минут через двадцать, когда они брали очередной поворот, ему пришлось ухватиться за поручень. И снова он промолчал. Они стремительно мчались на север и через несколько часов — неплохое время даже для Воля — прибыли в Олбани.

— Далековато я забрался от своих мест,— заметил Воль, когда они подруливали к цели путешествия.— Потому будем считать, что я здесь неофициально. Просто-напросто ты захватил с собой приятеля.

Новые корпуса Государственной психиатрической клиники, выдержанные в строгом ультрасовременном стиле, раскинулись на территории бывшего парка.

Доктор Фосетт явно занимал в здешней иерархии одну из верхних ступенек.

Казалось, этот невзрачный коротышка весь состоит из головы и кривоватых ножек. Его треугольное лицо, массивное в верхней части, книзу постепенно сужалось и заканчивалось тощей козлиной бородкой. Глаза за стеклами пенсне высокомерно щурились.

Он уселся за стол размером с футбольное поле, после чего стал казаться еще меньше, и помахал копией записки Уэбба, которую передал ему Грэхем. Потом заговорил с безапелляционностью человека, каждое желание которого воспринимается как закон, каждое слово — как непререкаемая истина.

— Интереснейшее свидетельство душевного состояния моего друга Уэбба! Печально, очень печально.— Сняв с носа пенсне, он похлопывал им по бумагам, как бы акцентируя свои изречения.— Я подозревал, что он одержим навязчивыми идеями, но, должен вам признаться, даже я не понимал, до какой степени бедняга утратил равновесие.

— Что же вызвало ваши подозрения? — спросил Грэхем.

— Я страстный шахматист, и Уэбб — тоже. Наша дружба держалась исключительно на общем интересе к игре. В остальном у нас было мало общего. Уэбб — чистый физик, и его работа не имела ни малейшего отношения к психическим расстройствам. И вдруг он стал проявлять к этой области жгучий интерес. По его просьбе я разрешил ему посетить клинику и даже понаблюдать за некоторыми пациентами.

— Вот как! — Грэхем так и подался вперед.— А он как-нибудь объяснил этот свой внезапный интерес?

— Нет, да я и не спрашивал,— сухо ответил доктор Фосетт.— Его занимали в первую очередь пациенты, страдающие навяз-

чивыми галлюцинациями в сочетании с манией преследования. Особое внимание он уделял шизофреникам.

— Это кто такие? — с невинным видом поинтересовался Воль.

Доктор Фосетт поднял брови:

— Пациенты, страдающие шизофренией, кто же еще?

— Что в лоб, что по лбу,— не сдавался Воль.

— Шизоидные эгоцентрики,— пояснил доктор Фосетт с выражением безграничного терпения на лице.

Воль обреченно махнул рукой.

— Придурок — он и есть придурок, как его ни обзови,— пробормотал он.

Фосетт пронзил его ледяным взглядом:

— А вы, как видно, склонны к категорическим суждениям.

— Я полицейский,— прищурясь, парировал Воль,— а потому всегда секу, когда мне зубы заговаривают.

— Шизофреники,— ответил Фосетт таким тоном, каким обычно разговаривают с детьми,— это люди, страдающие особым видом душевного расстройства, которое в прошлом веке было известно как деменция прекокс. У них происходит раздвоение личности, причем доминирующая часть живет в фантастическом мире, который кажется им реальнее любой реальности. Для многих форм деменций характерны галлюцинации, которые могут варьироваться по интенсивности и детальности. Фантастический же мир шизофреника всегда одинаково ярок и неизменен. Если максимально упростить картину, то можно сказать: перед ним всегда один и тот же кошмар.

— Теперь ясно,— неуверенно промолвил Грэхем.

Фосетт с предельной осторожностью нацепил пенсне на нос и встал.

— Я покажу вам одного из наших пациентов — он весьма заинтересовал Уэбба.

Вслед за доктором они вышли из кабинета и, минуя бесконечные переходы, добрались до восточного крыла клиники. Здесь Фосетт приблизился к ряду дверей, ведущих в палаты, остановился у одной из них и жестом пригласил своих спутников подойти поближе.

Заглянув в маленькое зарешеченное оконце, они увидели перед собой совершенно голого мужчину. Он стоял у кровати, рас-

ставив тощие ноги и выпятив неестественно раздутый живот. Потухший взор страдальца был неотрывно, с какой-то дьявольской сосредоточенностью прикован к собственному брюху.

— Это часто бывает при шизофрении: пациент принимает определенную позу, порой непристойную, и может, не шелохнувшись, находиться в ней так долго, что нормальный человек ни за что не выдержал бы,— скороговоркой зашептал Фосетт.— Случаются такие периоды, когда больные превращаются в живые статуи, зачастую довольно отталкивающие. Вот этот — типичный позер. Его безумный мозг одержим мыслью, что в животе у него — живая собака. Вот он и ждет, когда она пошевельнется.

— Боже правый! — вырвалось у Грэхема, явно пораженного увиденным.

— Уверяю вас, это вполне заурядная галлюцинация,— заметил Фосетт, являя собой образчик профессиональной невозмутимости. Он смотрел через решетку с видом натуралиста, разглядывающего пришпиленную на булавке бабочку.— Только иррациональная реакция Уэбба заставила меня обратить на этого пациента особое внимание.

— А как реагировал Уэбб? — Грэхем еще раз заглянул в палату и сразу же поспешно отвел глаза. У него в мозгу мелькнула та же мысль, что и у Воля: «Я бы ни за какие блага туда не вошел».

— Больной его просто заворожил. Он сказал мне: «Фосетт, бедолагу доконали невидимые студенты-медики. Это всего лишь изувеченные останки, которые супервивисекторы выбросили на свалку».— Фосетт погладил бородку.— Образно, но логики — никакой,— произнес он со снисходительной усмешкой.

По телу Грэхема пробежала внезапная дрожь. Несмотря на железные нервы, он ощутил приступ дурноты. У Воля вид был тоже бледноватый. Оба они почувствовали одинаковое облегчение, когда Фосетт повел их обратно, в свой кабинет.

— Я спросил Уэбба, что, черт побери, он имеет в виду,— все с той же безмятежностью продолжал доктор Фосетт,— но он только натянуто усмехнулся и процитировал изречение о том, что глупо быть мудрецом, когда неведение — благо. Через неделю он в страшном волнении позвонил мне и попросил дать сведения о статистике заболевания зобом среди слабоумных.

— У вас они есть?

— Есть.— Совсем исчезнув за своим огромным столом, Фосетт порылся в ящике и вынырнул с листом бумаги.— Вот, я приготовил специально для него. Поскольку Уэбб умер, информация несколько запоздала.

Он подвинул листок Грэхему.

— Но отсюда следует, что на две тысячи обитателей клиники не зарегистрировано ни одного случая зоба! — воскликнул Грэхем, пробежав глазами текст.— Из отчетов других клиник тоже видно, что таких случаев либо нет вообще, либо они крайне редки.

— Это ровным счетом ничего не значит и свидетельствует лишь о том, что слабоумные не особо подвержены болезни, которая вообще встречается редко. Вероятно, такие же данные мы получили бы и по двум тысячам водителей автобусов, торговцев краской или... полицейских.

— Как только подхвачу зоб, так сразу же вам сообщу,— мрачно пообещал Воль.

— А что вызывает зоб? — перебил его Грэхем.

— Недостаток йода,— с готовностью ответил Фосетт.

— Йода! — Грэхем и Воль обменялись многозначительными взглядами, и Грэхем спросил:

— А избыток йода как-нибудь связан со слабоумием?

Фосетт расхохотался так, что козлиная бородка затряслась.

— Будь так, среди моряков встречались бы сплошные идиоты — ведь они употребляют в пищу продукты, богатые йодом.

В мозгу у Грэхема молнией мелькнула ослепительная мысль. На лице Воля было написано, что до него тоже дошло. Весть от покойника, страдающего отсутствием логики: «Особенно восприимчивы моряки».

Восприимчивы — но к чему? К иллюзиям и основанным на иллюзиях морящким поверьям? Ко всем этим морским змеям, русалкам, сиренам, «летучим голландцам» и прочей бледной, леденящей душу нечисти, колеблемой морской зыбью в лучах луны?

Необходимо более подробно разработать эту проблему и получить сравнительные данные по экипажам морских судов и сельским жителям.

С трудом сохраняя обычную невозмутимость, Грэхем взял со стола записи Уэбба.

— Благодарю, доктор. Вы нам очень помогли.

— Обращайтесь ко мне без всяких колебаний, если я хоть чем-нибудь смогу быть вам полезен,— сказал Фосетт.— И если вы в конце концов выясните причину странного состояния Уэбба, мне было бы интересно узнать подробности.— Последовал короткий смешок, скорее холодный, нежели примирительный.— Компетентный анализ каждой галлюцинации вносит ценный вклад в понимание общей картины.

Они сразу же отправились в обратный путь. Единственный раз за всю дорогу Воль нарушил напряженное молчание, сказав:

— Впору подумать, что среди ученых, которые слишком много шевелили мозгами, распространилась эпидемия временного помешательства.

Грэхем хмыкнул, но ничего не ответил.

— Гениальность вообще сродни безумию,— продолжал Воль, явно намереваясь развить свою теорию.— К тому же знание не может расти безгранично. Кое-кто из лучших умов неизбежно должен выйти из строя, пытаясь объять необъятное.

— Никто из ученых и не пытается объять необъятное. Ни один мозг не способен вместить такую уйму знаний. Вот почему каждый ученый, являясь специалистом в своей области науки, может быть сущим профаном в том, что выходит за пределы его научных интересов.

Настала очередь Воля хмыкнуть. Он целиком сосредоточился на дороге — что, правда, никак не сказалось на его манере брать повороты — и до самого дома, где жил Грэхем, не проронил ни слова. Там он высадил своего пассажира и, бросив: «До завтра, Билл», умчался прочь.

Утро было ясным, как символ нового дня, несущего новые открытия. Грэхем стоял перед зеркалом, деловито жужжа электробритвой, когда зазвонил телефон. На экране возникло лицо незнакомого юноши.

— Мистер Грэхем? — спросил он, разглядывая собеседника.

— Он самый.

— Я из Смитсоновского института,— сказал юноша.— Вчера, поздно вечером, мистер Гарриман хотел вам кое-что сообщить, но не застал дома.

— Я был в Олбани. Что он хотел мне сказать?

— Мистер Гарриман просил вам передать: он связался со всеми информационными агентствами и выяснил, что за последние пять недель они опубликовали сообщения о смерти восемнадцати ученых. Семь из них — иностранцы, одиннадцать — американцы. Это раз в шесть выше среднего уровня — ведь информационные агентства редко подводят итоги больше чем за месяц.

— Восемнадцать! — Грэхем так и впился взглядом в лицо собеседника.— А имена у вас есть?

— Есть.— Юноша стал диктовать.

Грэхем быстро записывал фамилии и страны, где проживали покойники.

— Что-нибудь еще, сэр?

— Передайте, пожалуйста, мою благодарность мистеру Гарриману. Пусть он позвонит мне в офис, когда ему будет удобно.

— Хорошо, мистер Грэхем.— Юноша отключился, оставив Грэхема в глубокой задумчивости.

Восемнадцать!

На другом конце комнаты мелодично прозвенел гонг приемника теленовостей. Подойдя к нему, Грэхем снял крышку с экрана, который у его аппарата был настроен на прием новостей газеты «Нью-Йорк сан». Первый утренний выпуск «Сан» медленно поплыл по экрану. Грэхем машинально следил за заголовками, но мысли его витали где-то далеко. Однако вскоре его взгляд снова сосредоточился, к нему вернулась обычная собранность. На экране появились слова:

«СМЕРТЕЛЬНЫЙ ПРЫЖОК УЧЕНОГО

Вчера вечером профессор Сэмьюэл К. Дейкин, пятидесятидвухлетний физик, проживающий на Уильям-стрит, влетел на своем спортивном гиромобиле на рампу главной развязки со скоростью более ста миль в час и разбился насмерть».

Репортаж занимал две колонки и содержал фотографию места катастрофы, несколько упоминаний об «ушедшем от нас гении» и сообщение о том, что полиция выясняет причину трагедии. Заканчивался он словами: «Начиная со вчерашнего утра, это уже третий смертельный случай среди нью-йоркских ученых.

О кончине профессора Уолтера Мейо и доктора Уэбба мы подробно сообщали в нашем вчерашнем выпуске».

Грэхем извлек из ящика автоматического записывающего устройства фотокопию вечернего выпуска «Сан». Репортажи о случаях с Мейо и Уэббом были помещены рядом. Первый озаглавлен «МЕЙО ПАДАЕТ С МАРТИНА», второй — «ЕЩЕ ОДИН УЧЕНЫЙ МЕРТВ». Оба сообщения были весьма поверхностны и не содержали ничего нового, кроме того, что «полиция ведет расследование».

Как раз в этот момент появился Воль. Он ворвался в квартиру, как вихрь. Глаза его сверкали. От выпуска «Сан» он отмахнулся, отрывисто бросив:

— Уже видел.

— Что это ты сам не свой?

— Все мои подозрения.— Он сел, тяжело дыша.— Не только ты подвержен подозрениям.— Он перевел дух, виновато улыбнулся, еще раз вздохнул.— Получены результаты вскрытия. Оба — и Мейо и Уэбб — накачаны зельем до бровей.

— Наркотики? — недоверчиво спросил Грэхем.

— Мескаль,— подтвердил Воль.— Особая, очень тщательно очищенная разновидность мескаля. В желудке обнаружены явные следы.— Он помолчал, стараясь отдышаться.— А в почках полно метиленовой синьки.

— Метиленовой синьки? — Грэхем тщетно напрягал ум, пытаясь извлечь из услышанного хоть какой-нибудь смысл.

— Ребята сразу же устроили проверку. И нашли мескаль, метиленовую синьку и йод во всех трех лабораториях — у Мейо, Уэбба и Дейкина. Мы с тобой и сами могли бы их там найти, кабы знали, что искать.

Грэхем утвердительно кивнул:

— Остается предположить, что вскрытие обнаружило бы аналогичный результат и у Дейкина.

— Я тоже так считаю,— согласился Воль.— Еще ребята выяснили, что та дрянь, которую мы нашли у Мейо в печи его дистилляционной установки,— это индийская конопля. Одному Богу известно, где он ее откопал, только это факт. Похоже, он собирался поэкспериментировать и с другими наркотиками, кроме мескаля.

— Если и так, то исключительно в научных целях,— убежденно сказал Грэхем.— Мейо никогда не был наркоманом.

— Оно и видно,— сухо заметил Воль.

Грэхем подвинул к нему список, составленный Гарриманом:

— Вот, взгляни. По данным Смитсоновского института, эти восемнадцать отдали концы за последние пять недель. По закону средних чисел получается, что из этих смертей естественны и неотвратимы три, ну от силы четыре.— Он присел на край стола, покачал ногой.— Из этого, в свою очередь, следует, что остальные — неестественны. И еще это значит, что мы влезли во что-то куда более сложное, чем могло показаться с первого взгляда.

— Не только сложное, но и ненормальное,— заметил Воль, просматривая список.— Во всех делах, где замешаны наркотики, есть что-то ненормальное. А уж это — и вовсе идиотское, недаром оно со вчерашнего вечера засело у меня в башке.— Он скорчил гримасу.— Как вспомню того типа с собакой в брюхе, что мы видели в клинике...

— Давай забудем о нем хоть на время!

— Легко сказать!

— Сведения, которые у нас на сегодня есть, вызывают кое-какие вопросы,— задумчиво продолжал Грэхем.— Получив на них ответы, мы сможем хоть немного продвинуться вперед.— Он ткнул указательным пальцем в список, который Воль держал в руках.— Так, мы не знаем, из чего исходили информационные агентства, когда вывели среднюю цифру «три». Брали они за основу последние двенадцать месяцев, или пять лет, или двадцать? Если это средняя величина за длительный период и смертность за последний месяц превышает ее в шесть раз, то какова тогда статистика подобных случаев за предыдущий месяц и за прошлый год? Иными словами, сколько всего смертей насчитывается с самого начала и с чего, собственно, все началось?

— Все началось с самого первого самоубийства,— заявил Воль.— Остальные — чистой воды имитация.— Он вернул список Грэхему.— Ты иногда заглядывай в полицейские сводки. Тогда увидишь, сколько раз уже бывало, что убийства и самоубийства распространяются как зараза. Порой одно-единственное, но зато эффектное, да еще и как следует поданное прессой преступление вызывает целую волну подражаний.

— Я с самого начала говорил и сейчас продолжаю настаивать: это не самоубийства. Я действительно очень близко знал Мейо и Дейкина. И Уэбба тоже знал, хоть и понаслышке. Все они психологически были совершенно не склонны к саморазрушению, даже если их напичкать наркотиками.

— То-то и оно,— продолжал упорствовать Воль,— ведь ты знал их в нормальном состоянии и не представляешь, каковы они под марафетом. Стоит парню как следует набраться — и он уже совсем не тот, что был, а совершенно другой человек, который способен на что угодно — хоть палить в воздух, хоть с крыши сигануть.

— Вот что я тебе скажу,— Грэхем с озабоченным видом сложил листок и сунул его в карман,— все-таки этот мескаль — сущая головоломка.

— Только не для меня. Поток наркотиков распространяется по личным рекомендациям. Наверняка кто-то из ученых, перетрудившись до полного умопомрачения, изобрел новомодный стимулятор, который оказался коварнее, чем можно было предположить. Кое-кто из них тоже попробовал. Может быть, поначалу он действовал нормально, а потом стал накапливаться, как мышьяк. Так все и шло, пока они не стали сходить с винта, один за другим. И вот результат! — Воль широко развел руками.

— Хорошо бы все оказалось так просто, только что-то внутри мне подсказывает, что это не так.

— Что-то внутри! — фыркнул Воль.— Еще одна собака!

Грэхем рассеянно просматривал заголовки утреннего выпуска «Сан», все еще ползущие по экрану. Он уже открыл было рот, чтобы дать Волю достойный ответ, и тут же закрыл. Расплывающиеся перед глазами слова внезапно приобрели четкость. Он встал. Воль проследил его взгляд.

«КОНЧИНА ИЗВЕСТНОГО ЭКСПЕРТА

Стивен Рид, шестидесяти лет, проживающий в Фар-Рокауэй, устроил сегодня утром странный спектакль на Пятой авеню, после чего бросился под колеса грузовика. Смерть наступила мгновенно. Рид был одним из виднейших в мире специалистов в области хирургии глаза».

Грэхем выключил приемник, закрыл экран и взялся за шляпу.

— Девятнадцатый,— тихо произнес он.

— Ну и чертовщина! — Воль встал и вслед за ним направился к двери.

Глава 4

Как и следовало ожидать, почти все очевидцы гибели Стивена Рида бесследно исчезли. Кто-то сразу же вызвал полицейского, тот позвонил в свой участок, а репортер, дежуривший там, передал новость в «Сан».

Понадобилось целых два часа, чтобы отыскать трех свидетелей.

Первым оказался толстяк с потной физиономией.

— Я шел себе мимо и не особенно глазел по сторонам,— сказал он Грэхему.— У меня и так забот по горло, ясно? Тут этот тип заорал как резаный, исполнил что-то вроде танца и бросился наперерез транспорту.

— Ну а потом что?

— Я понял, чем это пахнет, и поскорее отвернулся.

Второй шла пышная блондинка. Она явно нервничала. В руке она комкала крошечный платочек, который, отвечая, то и дело покусывала за уголок.

— До чего же он меня перепугал! Вел себя так, как будто охотился за привидением. Я еще подумала, что он его видит воочию. Потом закричал, замахал руками и, как безумный, ринулся через дорогу.

— А вы не расслышали, что именно он закричал?

Она снова вцепилась зубами в платочек. В светло-голубых глазах мелькнул испуг.

— Он так меня расстроил, что я совершенно ничего не разобрала. Он что-то выкрикивал хрипло и громко, во весь голос. Что-то вроде: «Нет, нет, бога ради, нет!» — и еще какой-то бессвязный бред.

— И вы не заметили ничего такого, что могло бы вызвать столь странное поведение?

— В том-то и дело, что нет! — Прикусив платочек, она повела глазами, словно силясь увидеть нечто незримое.

— Наверняка еще до конца недели побежит за советом к какому-нибудь ясновидящему,— заметил Воль.

Третий свидетель, холеный мужчина с вкрадчивыми манерами и хорошо поставленным голосом, сообщил:

— Я заметил мистера Рида, когда он шел мне навстречу. У него был совершенно необычный взгляд: глаза такие яркие и блестящие, как будто в них накапали белладонны.

— Что такое? — насторожился Воль.

— Накапали белладонны — мы в театре иногда так делаем.

— Понятно.— Воль успокоился.

— Он испуганно оглядывался по сторонам, посматривал то вверх, то вниз, как будто чего-то опасался. Я почувствовал: он что-то ищет, но совсем не хочет найти.

— Продолжайте,— подбодрил его Грэхем.

— Он приблизился ко мне, и вдруг лицо его побледнело. Казалось, его внезапно объял панический ужас. Он стал неловко отмахиваться, как будто старался отразить роковой удар, потом выкрикнул что-то нечленораздельное и бросился на проезжую часть.— Свидетель обреченно пожал плечами.— И тут его сбил двадцатитонный грузовик. Я ни минуты не сомневаюсь, что смерть наступила мгновенно.

— Вы не расслышали, что он кричал?

— Боюсь, что нет.

— И не заметили ничего, что могло бы его так перепугать?

— Нет, ничего,— уверенно ответил мужчина.— Этот случай так меня потряс, что я сразу же стал искать причину. Но так и не смог найти. Мне кажется, его убило что-то незримое — может быть, кровоизлияние в мозг.

— Мы вам очень обязаны.

Пока Воль набирал номер морга, Грэхем молча провожал взглядом уходящего свидетеля, предаваясь своим невеселым размышлениям. Что за тонкая, неуловимая стихия, скрытая в безднах человеческой психики, заставляет малайцев хвататься за нож и мчаться очертя голову, убивая кого попало без малейшего повода? Что за иная, но схожая стихия сумела внушить всей японской нации, что на ритуальное харакири надлежит взирать с отрешенным бесстрастием? Что побуждало индусов-фанатиков с радостью лишать себя жизни под грозной колесницей

Джаггернаута? А может быть, телерешняя вспышка смертей вызвана коварным нашествием какого-то нового вируса, который размножается и распространяется в наиболее цивилизованной среде, причем его роковым образом стимулируют йод, мескаль и метиленовая синька?

Он был вынужден прервать свои раздумья, поскольку Воль уже повесил трубку и смотрел на него с видом мученика, обреченного расплачиваться за прошлые прегрешения.

— Рида еще не вскрывали, но уже ясно, что хотя бы по одному параметру он укладывается в общую схему. Он тоже разукрасил себя йодом.

— Левую руку?

— Нет, видно, он решил соригинальничать или ему просто так было удобнее. На этот раз левая нога — от бедра до колена.

— Тогда его можно внести в наш список,— сказал Грэхем.— Будем считать, что это еще один случай, хотя пока и не до конца выясненный.

— Скорее всего, так оно и есть.

— Знаешь, Арт, к мескалю твоя теория о наркотиках еще, может быть, и подходит. Но что ты скажешь об остальных веществах, которые применялись вместе с ним? Ведь и йод, и метиленовая синька — никакие не наркотики, в том смысле, который ты подразумеваешь. Они безвредны и привыкнуть к ним невозможно. С винта от них тоже никто не сходит.

— Как и от воды, с той разницей, что многие разбавляют водой виски.

— При чем тут это? — Грэхем нетерпеливо отмахнулся.— На мой взгляд, нам нужно сделать два логических шага. Первый — как следует прочесать квартиру Рида. И второй — проконсультироваться у специалиста, как могут действовать на организм мескаль, метиленовая синька и йод, если применять их так, как это делали потерпевшие.

— Берлога Рида за городом,— заметил Воль.— Схожу-ка я за машиной.

На холостяцкой вилле Стивена Рида хозяйство вела пожилая хлопотливая экономка. Ни в чем, кроме домашних дел, она не разбиралась. А когда ей сообщили печальную весть, она и вовсе не смогла сказать ничего вразумительного, даже если и знала.

После того как женщина удалилась к себе в комнату, они с привычной сноровкой обследовали кабинет Рида. Там была уйма разных бумаг, которые они стали просматривать с лихорадочной быстротой.

— Следующий кандидат на сердечный приступ — это мой шеф,— предрек Воль, сгребая очередную кучу писем.

— С чего бы это?

— Здесь должна разбираться местная полиция. Если бы он только увидел, как я с твоей легкой руки шурую в чужом округе, его бы точно удар хватил. Если хочешь знать, из-за тебя мне светит понижение в чине.

Грэхем насмешливо фыркнул, не прерывая поисков. Через некоторое время он обратился к Волю. В руке у него было письмо.

— Вот, послушай: «Дорогой Стив! Я был очень опечален, когда узнал, что Мейо дает тебе свои снадобья. Мне, конечно, известен твой интерес, и все же, честно говоря, эти забавы — пустая трата драгоценного времени. Советую выбросить все в мусорное ведро, а заодно и из головы. Я совершенно уверен, что так безопаснее».— Он оторвал взгляд от письма.— Здесь стоит адрес Уэбба. И подпись — «Ирвин».

— А дата?

— Двадцать второе мая.

— Совсем свежее.

— Вот и двойная связь,— заметил Грэхем,— Мейо—Уэбб—Рид. Передача шла от одного к другому, именно этого я и ожидал.

— Я тоже.— Воль перелистал страницы, бегло просматривая текст.— Личные рекомендации — как раз то, о чем я тебе говорил. Хотя дело выглядит так, как будто Уэбб почему-то старался отговорить Рида.

— Потому что такие забавы чреваты смертельным исходом. Уэбб еще тогда это понял! Двадцать второго мая он знал, что его дни сочтены, так же точно, как я знаю, что стою здесь перед тобой собственной персоной. Он уже ничего не мог изменить, но пытался отвести Рида от края пропасти.

— Что за жуть ты несешь,— жалобно проговорил Воль, оторвавшись от бумаг.— Так ты скоро скажешь, что следующими жертвами окажемся мы с тобой.

— Я вовсе не уверен, что это так уж далеко от истины, тем более что мы понемногу выходим на след.

И снова холодная дрожь пробежала у него по спине. Он пошевелил лопатками, стараясь прогнать странное ощущение. Его охватило острое чувство психологического тупика: как будто мысли было позволено двигаться в любом направлении, кроме одного-единственного. Стоило ей податься в ту сторону — сразу же звучал сигнал тревоги и любопытствующий ум покорно отступал.

— Ни черта. Сплошные глазные яблоки и зрительные нервы,— проворчал Грэхем, засовывая на место пачку ничего не значащих писем.— Он с ними ложился и с ними вставал.

— У меня то же самое,— отозвался Воль.— А что такое конъюнктивит?

— Болезнь глаз.

— А я подумал, что это из области железнодорожной связи.— Добравшись до последнего письма, Воль положил их обратно в ящик.— Здесь у него нет ни лаборатории, ни хирургической клиники. Он оперировал в Госпитале глазных и ушных болезней, в Бруклине. Надо бы попытать счастья там, как ты считаешь?

— Сначала позвоню в офис, пора доложить результаты.— Воспользовавшись телефоном Рида, Грэхем долго беседовал с Сангстером. Закончив, он сказал Волю: — Требуют, чтобы мы летели туда быстрее звука. Нас ждут с самого утра. У Сангстера такой вид, будто он проглотил атомную бомбу.

— Нас? — с нажимом спросил Воль, подняв брови.

— Нас обоих,— подтвердил Грэхем.— Случилось что-то архиважное.— Потирая подбородок, он с нескрываемым разочарованием оглядел комнату.— Улов, как в пустыне! Хоть нас и поторапливают, все же заглянем-ка по пути в госпиталь. Это последний шанс узнать что-то про Рида.

— Тогда поехали.

В госпитале секретарша сдала их с рук на руки доктору Причарду, высокому, моложавому, подтянутому мужчине. Поздоровавшись, он снял белый халат и предложил им сесть.

— Полагаю, вы хотите задать мне вопросы о бедняге Риде?

— Вы уже знаете, что он умер? — в упор спросил его Грэхем.

Причард сдержанно кивнул:

— Нас известила полиция. Они позвонили вскоре после того, как это случилось.

— Покончил он с собой или нет — вопрос спорный,— сказал Грэхем.— Возможно, он намеренно бросился под машину, возможно, и нет. Сам я думаю, что нет. Тем не менее свидетели показывают, что вел он себя отнюдь не нормально. Не могли бы вы объяснить, что с ним произошло?

— Я ничего не знаю.

— Может быть, в последнее время вы заметили у него какие-то странности?

— Пожалуй, нет. Я ведь был его ассистентом, а потому уверен: будь в его поведении что-то необычное, я бы наверняка заметил.— Доктор на секунду задумался.— До позавчерашнего дня он был как-то по-особому озабочен. Но для человека его склада и профессии в этом нет ничего из ряда вон выходящего.

— Почему до позавчерашнего дня?

— С тех пор я его не видел. Он взял краткий отпуск, чтобы закончить какую-то работу.

— А он не уточнил, какую именно?

— Нет, он никогда особо не распространялся о своих делах.

— Вы знали профессора Мейо или доктора Уэбба?

— Слышать — слышал, но знаком не был.

— Не упоминал ли Рид в разговоре с вами кого-нибудь из них? Может быть, он говорил о каких-нибудь общих интересах?

— Нет,— без колебаний ответил Причард.

Грэхем обреченно посмотрел на Воля: «И здесь тупик», потом снова обратился к Причарду:

— Насколько мне известно, Рид был выдающимся хирургом-офтальмологом. Могла ли его профессия обусловить повышенный интерес к наркотикам?

— Возможно — до какой-то степени.

— Нет ли у вас здесь специалиста по наркотикам?

Причард снова задумался.

— Пожалуй, лучше всех в них разбирается Дикон. Вам его позвать?

— Да, пожалуйста.

Причард позвонил:

— Пусть Дикон зайдет на минутку, если он свободен.

Вскоре появился Дикон. Вид у него был недовольный. На руках — резиновые перчатки, на седеющей голове — офтальмологическое зеркало с лампочкой.

— Какого черта вы в такое время...— начал он, но, заметив посторонних, осекся и буркнул: — Прошу прощения.

— Извините, доктор, что оторвали вас от работы,— миролюбиво начал Грэхем.— Постараюсь вас не задержать, а потому буду краток. Не могли бы вы сказать, что случится с человеком, если он разукрасит себя йодом, а внутрь примет мескаль и метиленовую синьку?

— Угодит в психушку! — ни секунды не раздумывая, ответил Дикон.

Воль притворно ойкнул и уставился на свой живот.

— Что, буквально? — так и вскинулся Грэхем.— Это вызовет психическое расстройство?

— Да ничего подобного! Просто надо быть сущим идиотом, чтобы додуматься до такой бессмыслицы. Вот и все, что я хотел сказать.

— Я совсем не об этом, доктор. Меня интересует физический эффект, независимо от мотива.

— Ну хорошо.— Дикон заговорил уже более дружелюбно.— Не буду скрывать, у других специалистов вы могли бы получить более точный ответ, и все же я бы так сказал: от мескаля ваш человек воспарит до небес — если, конечно, примет приличную дозу, метиленовая синька очистит почки и обесцветит мочу. Что же до йода, он окажет бактерицидное воздействие и окрасит кожу. К тому же, являясь галогеном, он очень быстро распространится по всему организму.

— А вы не думаете, что все три препарата, если применить их вместе, могут подействовать как-то по-особому, причем куда сильнее? Скажем, один из них, как катализатор, вызовет реакцию другого?

— Тут вы меня поймали,— признался Дикон.— Многокомпонентные реакции все еще являются темой научных исследований и надолго ею останутся.

Грэхем встал, поблагодарил обоих врачей, потом сказал Волю:

— Похоже, Рид вступил в эту смертельную игру совсем недавно. Он просто не успел ни предупредить, ни высказать ничего конкретного. То, что за всем этим скрывается, способно поражать тяжело и молниеносно.

— Движущийся объект поразить всегда тяжелее,— с мрачным юмором отозвался Воль.— Теперь к Сангстеру? — спросил он.

У Сангстера они застали высокого щеголевато одетого мужчину средних лет. В нем угадывался военный. Когда они вошли, Сангстер выразительно посмотрел на часы и представил им незнакомца: полковник Лимингтон, потом без обиняков объявил:

— Все расследование выходит из-под контроля нашего ведомства.— Перегнувшись через стол, он вручил Грэхему листок бумаги.

Грэхем начал читать: «Ваша просьба о срочном переводе в Разведывательную службу США удовлетворена, и вышеназванный перевод вступает в силу, начиная с сегодняшнего дня. Впредь вам надлежит выполнять поручения и приказы полковника Джона Х. Лимингтона, в чье подчинение вы поступаете вплоть до получения дальнейших указаний».

Едва сдержав волнение при виде знакомой подписи, стоящей под документом, Грэхем вопросительно взглянул на Сангстера:

— Но ведь я ни о чем таком не просил, сэр.

— Если хотите, можете порвать,— ответил Сангстер.

— Послушайте меня, мистер Грэхем,— вступил в разговор полковник.— Дело вот в чем: нам бы хотелось, чтобы вы и дальше вели расследование, но имея бóльшие возможности, нежели те, что доступны вам сейчас.

— Благодарю,— ответил Грэхем, все еще не придя в себя от неожиданности.

— Один из наших людей в информационном агентстве сообщил нам о тех запросах, которые по вашей просьбе сделал Гарриман. Они привлекли наше внимание к фактам, которые в противном случае могли бы на какое-то время остаться вне поля зрения.— Он погладил аккуратно подстриженные усы. Все это время выражение его лица оставалось очень серьезным.— Из погибших ученых одиннадцать — американцы. Их значение для нашей страны просто неоценимо. Но какой бы тяжелой ни была утрата, она ничто по сравнению с угрозой дальнейших потерь. Правительство не может отнестись безразлично к целой серии внезапных и загадочных смертей.

— Понимаю.

— Значит, вы принимаете назначение? — в упор спросил Лимингтон.

— Да, разумеется! — Он еще раз перечел письмо с чувством затаенной гордости, которому немало способствовала непри-

крытая зависть Воля. Как же — теперь он один из членов самой испытанной и надежной когорты, созданной правительством, один из самых привилегированных и доверенных людей Дядюшки Сэма!

Получив от Лимингтона кольцо, он надел его на средний палец правой руки. Оно подошло, как будто было сделано по мерке. Грэхем знал: кольцо предназначали специально для него, ничуть не сомневаясь, что он примет предложение. И еще он знал, что внутри, на сверхтвердом иридии выгравирована тончайшая надпись, слишком мелкая, чтобы ее можно было разглядеть невооруженным глазом,— данные, содержащие его имя, рост, вес, показатели Бертильона и формулу отпечатков пальцев вместе со служебным номером и точной, несмотря на миниатюрность, копией его личной подписи.

Теперь это скромное украшение станет его опознавательным знаком, единственным подтверждением его полномочий. Весть, которую оно несет, скрыта от всех, кроме тех, кто имеет возможность ее прочитать, и тем не менее оно открывает ему все двери в высших административных кругах.

Пока эти мысли проносились у него в голове, им снова овладело смутное предчувствие неотвратимой беды, еще один сигнал тревоги — слабый, едва различимый и все же вселяющий глубокое беспокойство. Грэхем еще раз взглянул на кольцо и подумал: «А ведь у него есть и другое, куда более печальное предназначение. Может статься, только по нему и сумеют опознать мой изувеченный труп, как уже опознавали многих других...»

Как там было у Уэбба? «Изувеченные останки, которые супервивисекторы выбросили на свалку». Отогнав неприятные воспоминания, он сказал:

— Еще один момент, полковник. Я бы хотел и дальше работать в паре с лейтенантом Волем. Он так же глубоко влез в это дело, как и я. Нам друг без друга не обойтись.

Стараясь не смотреть на Воля, который бросил на него благодарный взгляд, Грэхем выслушал ответ Лимингтона:

— Гм! Несколько неожиданный оборот, но, я думаю, мы это уладим. Почти не сомневаюсь, что начальника полицейского управления удастся уговорить, чтобы он на время откомандировал лейтенанта Воля к нам.

— Спасибо, сэр,— в один голос произнесли Грэхем и Воль.

Телефон Сангстера затрезвонил. Он взял трубку, послушал и передал ее Грэхему:

— Это Гарриман.

— Приветствую, Гарриман,— сказал Грэхем.— Да, я получил ваш список. Большое спасибо.— Он замолчал, выжидая, потому что на столе у Сангстера оглушительно зазвонил второй аппарат и Сангстер потянулся за трубкой.— Здесь страшный гвалт. Второй телефон трезвонит как одержимый. Что, что вы сказали? — Он молча выслушал собеседника, потом ответил: — Извините, Гарриман. Пока не могу сказать ничего определенного. Да, шестикратное превышение среднего уровня нуждается в объяснении. Как раз это я и собираюсь выяснить, если, конечно, удастся.

Он сделал паузу, потому что Сангстер, положив на стол трубку второго аппарата, шепнул:

— Вас просит доктор Кертис!

— Послушайте, Гарриман,— торопливо заговорил Грэхем,— все погибшие — граждане разных стран. Отсюда вывод: удар не был нацелен на какое-то конкретное государство, если, конечно, неизвестный противник не настолько хитер и безжалостен, чтобы для отвода глаз убрать кого-то из своих. Сомнительный вариант.

— Да, здесь не больше политики, чем в какой-нибудь новомодной болезни.

— Вот именно! Какими бы разными эти ученые ни были, их объединяет одно: то, что прямо или косвенно привело их к гибели. Этот общий знаменатель я и хочу вывести. Соберите мне все подробности, которые вам удастся откопать, обо всех людях из вашего списка и о любых более ранних случаях, которые вы сочтете нужным в него внести. Звоните...— он вопросительно взглянул на Лимингтона, получил от него номер и закончил: — Полковнику Лимингтону, телефон Боро восемь-один-девять-шесть-три-восемь.

Грэхем отключился, взял трубку другого телефона и стал что-то быстро говорить. Остальные заметили, что за время разговора выражение его лица изменилось.

Закончив беседу, он сказал:

— Доктору Кертис позвонил по междугородной профессор Эдвард Бич. Он только что узнал из газет о смерти Уэбба и Мейо

и выражал глубокое соболезнование. Но доктору Кертис показалось, что его как-то слишком интересовали подробности трагедии.

— Ну и что? — спросил Лимингтон.

— По словам доктора Кертис, Бич — старинный приятель Уэбба. Я его тоже знаю. Это он изобрел стереоскопическую камеру для ночных съемок. В полиции ее используют вместе с верньером Дейкина. Он работает в Силвер-Сити, штат Айдахо, на заводе, принадлежащем «Нэшнл кэмера компани». Бич относится как раз к тому разряду ученых, у которых может быть ценная информация о Мейо, Уэббе и Дейкине.— Грэхем сделал паузу, дабы то, что он собирался сообщить, прозвучало более веско, потом добавил: — Тем более что он настойчиво выспрашивал у доктора Кертис, не работали ли перед смертью Уэбб, Мейо или Дейкин над формулой Бьернсена.

— Бьернсена?! — воскликнул Сангстер.

— Улавливаете суть? — продолжал Грэхем.— Бич был связан с этими тремя точно так же, как они были связаны между собой,— перепиской, основанной на общих интересах. Он уже включился в эту смертельную цепь, но смерть его еще не настигла! Он — грядущая жертва, которая еще может многое сообщить. Я должен с ним увидеться и заставить его заговорить, пока он не стал трупом номер двадцать.— Грэхем взглянул на часы.— Если повезет, успею поймать стратоплан на Бойсе, он вылетает в десять тридцать.

— Мне лететь с тобой или один управишься? — спросил Воль.

— Я полечу один. А ты, Арт, пока позвони в стратопорт Бэттери-Парк и закажи мне билет на десять тридцать.

— А чем мне заняться потом? — потянувшись к телефону, уточнил Воль.— Дай мне какое-нибудь задание — терпеть не могу бездельничать.

— Стоит лишний раз проверить данные, которые собирает Гарриман. Попробуй связаться с полицией тех городов, где жили умершие ученые, и попроси дать подробные, исчерпывающие сведения обо всех этих случаях. Пусть они самым тщательным образом проверят каждую деталь, какой бы мелкой и незначительной она ни казалась. Действуй хоть ласками, хоть сказками, хоть уговорами, только добейся от них разрешения на эксгума-

цию и вскрытие.— Он взглянул на Лимингтона.— У вас нет возражений, полковник?

— Предоставляю вам полную свободу действий,— одобрительно сказал Лимингтон.— Я всегда придерживаюсь мнения, что человек, который затеял дело, лучше всех доведет его до конца.

— Мы сейчас заняты судьбой двух десятков людей, которые затеяли нечто такое, что ни один из них так и не сумел довести до конца,— заметил Грэхем.— Это дело отличает одна поразительная особенность: приканчивать тех, кто его затеял, раньше, чем они успевают к чему-то прийти.— Он невесело усмехнулся.— Я тоже не бессмертен, однако постараюсь сделать все, что в моих силах.

Схватив шляпу, он устремился в Бэттери-Парк, спеша к отлету стратоплана в 10.30, а заодно и к самой страшной катастрофе в истории Нового Света.

Глава 5

Скоростной стратоплан Нью-Йорк—Бойсе—Сиэтл вынырнул из верхних слоев атмосферы, прекратил подачу кислорода в гермосалон и, продырявив кудрявые облака, под громовые раскаты ракетных двигателей перешел на горизонтальный полет.

Под носом лайнера промелькнула река Гус Крик и прилепившийся к ее берегам городок Окли. По левому борту, ближе к хвостовой части, засверкала северная оконечность Большого Соленого озера штата Юта. До него было полторы сотни миль — каких-нибудь десять минут лета.

Сигарета, которую Грэхем закурил над Окли, успела сгореть всего наполовину, когда стратоплан отвернул от долины реки Снейк и, заложив вираж, взял курс на Бойсе. При этом повороте по левому борту показался Силвер-Сити. В сухом, прозрачном воздухе он был отлично виден. Белые и кремовые здания золотились в лучах солнца. Резервуары завода «Нэшнл кэмера», насаженные на высоченные башни, по форме напоминающие катушки, отчетливо вырисовывались на фоне города.

Вдев ноги в специальные подставки, чтобы удержаться на месте при резком торможении, Грэхем сделал еще пару затяжек

и снова взглянул на панораму Силвер-Сити. На какое-то мгновение город как бы застыл, ясно и отчетливо выделяясь на горизонте. Но в следующий же миг исчез, заслоненный гигантским облаком вздымающегося пара.

Дрогнувшими пальцами смяв сигарету, Грэхем привстал на месте и, не веря своим глазам, впился в открывающееся с высоты зрелище. Чудовищно раздуваясь, облако продолжало расти с первобытной энергией надвигающегося смерча. Его вспученные гребни зловеще извивались, набирая высоту. Из них вылетали какие-то мелкие черные точки, на миг повисали в воздухе, потом снова исчезали в клубящемся хаосе.

— Боже правый! — выдохнул Грэхем и даже прищурился, не веря собственным глазам. Какими же должны быть эти непонятные точки, чтобы их можно было разглядеть с такого расстояния,— уж никак не меньше, чем с огромный дом! Время напряженно отсчитывало секунды. Грэхему казалось, что он сидит в первом ряду, наблюдая взрыв атомной бомбы небывалой мощности, а все остальные пассажиры, занимающие места у него за спиной, следят за показаниями сейсмографов, находясь где-то за тысячи миль от эпицентра.

Стратоплан стал заходить на посадку, и его хвост заслонил от Грэхема развертывающуюся внизу трагедию. Пилот, даже не подозревающий, что происходит нечто из ряда вон выходящее, уверенно перевел корабль в пологую кривую; при этом маневре Силвер-Сити совсем скрылся из виду за отрогами Скалистых гор. Плавно приземлившись, огромная машина помчалась по бетонной полосе. Ее двигатели судорожно изрыгали пламя. Сделав заключительный разворот, стратоплан застыл рядом с увенчанным башней зданием. На фасаде белела большая надпись: «БОЙСЕ».

Грэхем выскочил первым. Он с такой скоростью скатился по только что подъехавшему трапу, что ошеломил весь персонал, следивший за высадкой. Спрыгнув на бетонное покрытие, он бросился было бегом, спеша обогнуть хвост корабля, да так и замер на месте.

В зоне прибытия стратопорта находилось не меньше сотни человек — персонала и встречающих,— но никто из них даже не подумал поспешить навстречу приземлившемуся кораблю. Все

они застыли в разных позах, кто где стоял. Лица были обращены к югу, глаза прищурены в попытке разглядеть что-то вдали.

Там, на расстоянии шестидесяти миль, высоко над крутыми уступами Скалистых гор вздымалось облако. В отличие от других зловещих облаков форма его не была грибовидной. Темное и клубящееся, оно все еще росло. Казалось, оно уже достигло преддверия небесных сфер и силилось прорваться в них, как гигантский газовый вырост, корнями ушедший глубоко в преисподнюю,— призрачное нагромождение крутящихся в бешеном вихре облаков, образующих чудовищный монолит людского горя и страданий.

А шум!.. Шум, который исходил от этого далекого фантома, даже ослабленный расстоянием, внушал непреодолимый ужас. Это был звук терзаемого, раздираемого воздуха, словно какой-то одержимый и ненасытный гигант бешено проносился над землей, злобно круша и корежа все, на что он мог наложить свои лапы,— разгулявшийся Титан!

Бледные, ничего не понимающие люди видели, как этот вздымающийся столб, словно сабля, вонзился в небесное лоно, и тут из бездны грянул зловещий гром и, как сатанинский хохот, раскатился, отдаваясь в адских глубинах. Внезапно облако распалось.

Его газообразная вершина продолжала парить в воздухе, а полутвердое основание рухнуло вниз. Оно исчезло из виду с той ужасающей внезапностью, с какой падает в люк повешенный. Чудовищного призрака не стало, но его спесиво раздутая душа, поднимаясь все выше, плыла на восток; адский грохот и приглушенные раскаты были слышны еще несколько секунд, пока наконец не затихли вдали.

Загипнотизированные зрители медленно и неуверенно зашевелились, как будто просыпаясь. Пятеро служащих стратопорта механически двинулись по направлению к застывшему лайнеру, еще не в силах стряхнуть с себя страшное видение. Пилот спортивной машины, стоявшей у края бетонной полосы, повернулся и зашагал к своему самолету. Грэхем догнал его:

— Скорее! Мне срочно нужно в Силвер-Сити — дело правительственной важности!

— Что? — Пилот озадаченно уставился на него.

— В Силвер-Сити,— настойчиво повторил Грэхем. Он схватил пилота за плечо и потряс, чтобы до того лучше дошло.— Как можно скорее доставьте меня в Силвер-Сити!

— С какой стати?

— Черт бы тебя побрал! — угрожающе прорычал Грэхем.— Ты еще будешь качать права, в такое-то время! Выбирай: или ты берешь меня с собой, или твою машину конфискуют!

Властные интонации, прозвучавшие в его голосе, возымели действие. Пилот пришел в себя и поспешно сказал:

— Конечно, я вас возьму!

Он даже не спросил, кто Грэхем такой и зачем ему нужно в Силвер-Сити. Торопливо забравшись в кабину двухместного реактивного самолета, он подождал своего попутчика. Из хвостовых сопел вырвалось пламя, спортивная машина побежала по бетонной полосе, оторвалась от нее и под острым углом ушла в синеву.

Цель полета скрывалась за плотной завесой пыли, которая по мере их продвижения медленно, словно нехотя, оседала. Как раз в тот миг, когда самолет с ревом закружил над городом, налетевший порыв ветра разогнал пелену сухой взвеси, и перед глазами открылось то, что еще недавно было Силвер-Сити.

Глянув вниз, пилот издал сдавленный возглас, заглушенный воем кормовых двигателей, и снова вцепился в рычаги управления, которые на секунду выскользнули у него из рук. Изрыгая языки пламени и пара из докрасна раскаленных дюз, машина с гулом сделала крутую «свечку». При этом с небольшой высоты Грэхем увидел такое, что внутри у него все болезненно сжалось.

Силвер-Сити исчез с лица земли. То место, где он совсем недавно стоял, выглядело теперь огромным шрамом на лице Айдахо, раной в пять миль шириной, усеянной руинами, по которой — кто ползком, кто падая, кто хромая — с трудом передвигались немногие оставшиеся в живых.

Еще не оправившись от потрясения, пилот стал неуверенно заходить на посадку. Он выбрал ровную полоску песка на северном краю шрама и бросил машину вниз. Вот она коснулась колесами земли, подпрыгнула, снова коснулась земли, накренилась, ее правое крыло зарылось в песок. Машина описала полукруг, правое крыло оторвалось, и она завалилась на правый борт, нелепо задрав левое крыло к небу. И Грэхем, и пилот были

невредимы. Они выбрались наружу и теперь стояли рядом, молча осматриваясь.

Всего час назад здесь был оживленный городок, чистенький и уютный, с населением тридцать пять тысяч душ. Теперь же это была равнина, словно вынырнувшая из глубин преисподней,— пустыня, изрытая кратерами, однообразие которой нарушали только невысокие груды кирпича да сплетения искореженных балок. Бледные змейки дыма все еще извивались, покачиваясь в такт отдаленным стонам. То здесь, то там рушились каменные глыбы, с грохотом отделяясь от своих соседей, да со звоном лопались стальные балки.

Но было еще и кое-что другое, от чего хотелось отвести глаза, что хотелось навсегда изгладить из памяти, зафиксировавшей все с фотографической точностью. Яркие клочья мяса и кровавые сгустки с прилипшими лохмотьями ткани. Нечто бесформенное в изодранных джинсах. Обваренная голова, от которой еще шел пар. Рука, намертво приставшая к балке,— пальцы, вытянутые к чему-то навеки недоступному, подают Всевышнему тайный знак.

— Это пострашнее, чем извержение вулкана Кракатау,— сдавленным голосом проговорил Грэхем.— Страшнее даже, чем катастрофа в Мон-Пеле.

— Ну и взрыв! Ну и взрыв! — возбужденно жестикулируя, приговаривал пилот.— Не иначе как атомный. Вы знаете, чем это чревато?

— Еще бы!

— Здесь каждый дюйм земли излучает смерть. И с каждой секундой доза, которую мы с вами получаем, все увеличивается.

— Да, не повезло.— Грэхем кивнул в сторону бесполезного теперь самолета.— Может, вам стоит как-то выбираться отсюда, а? — Он старался говорить как можно мягче.— Пока мы не знаем, есть ли здесь радиация. А к тому времени, когда это выяснится, будет слишком поздно.

Неподалеку из-за пирамиды искореженных балок с трудом выкарабкался человек. Он стал, хромая, обходить воронки, неуклюже одолевать страшные завалы и наконец, пошатываясь и припадая на одну ногу, подбежал к застывшей в ожидании паре.

Это был мужчина. Вокруг его ободранных ног болтались драные лохмотья. Когда он приблизился, стала видна маска из гря-

зи и крови, покрывающая мертвенно-бледное лицо, на котором горели полубезумные глаза.

— Никого не осталось! — выкрикнул пришелец, махнув дрожащей рукой в ту сторону, откуда появился.— Никого.— Он издал странный смешок.— Никого, только я да еще жалкая горстка угодных Всевышнему.— Скорчившись на земле, он поднял воспаленные глаза к небу и что-то забормотал так тихо, что разобрать было невозможно. Сквозь лохмотья, свисающие с левого бедра, сочилась кровь.— Слушайте! — вдруг воззвал он, приложив к уху дрожащую руку.— Гавриил затрубил в трубу, и даже пение птиц смолкло.— Он снова хихикнул.— Ни одной птицы. Все они попадали с неба замертво. Как дождь.— Покачиваясь взад и вперед, он вновь забормотал что-то нечленораздельное.

Пилот сходил к самолету и вернулся с фляжкой. Взяв ее, мужчина стал глотать крепкое бренди, как воду. Он задыхался и снова пил. Опорожнив фляжку, он вернул ее владельцу и опять стал раскачиваться. Постепенно в глазах у него появился проблеск разума.

С усилием поднявшись на ноги, он, покачиваясь, посмотрел на собеседников и проговорил уже более нормальным тоном:

— У меня была жена и двое ребят. Отличная жена и ребятишки, дай бог каждому. И где они теперь? — Глаза его снова загорелись. Он переводил вопрошающий взгляд то на одного, то на другого, словно надеясь получить ответ, но ответа не было.

— Не надо отчаиваться,— попытался утешить его Грэхем.— Не надо, пока не узнаете наверняка.

— Расскажите, как все произошло,— попросил пилот.

— Я работал на Бора-авеню, закрепляя на трубе особый незадуваемый колпак. И только я потянулся за куском проволоки, как все вокруг полетело в тартарары. Что-то сорвало меня с места, пронесло по воздуху и швырнуло наземь. А когда я поднялся, никакого Силвер-Сити и в помине не было.— Он закрыл глаза руками и постоял так некоторое время.— Ни улиц, ни зданий. Ни моего дома, ни жены, ни детишек. Только мертвые птицы падали с неба.

— А вы не догадываетесь, отчего все это случилось? — спросил Грэхем.

— Как же! — ядовито проговорил мужчина.— Это все штучки компании «Нэшнл кэмера»; вечно они лезли куда не следу-

ет. Только бы выгадать лишние десять центов, а потом — гори все ясным огнем! Пусть все, кто с ними заодно, будут прокляты — душой и телом, отныне и во веки веков!

— Вы хотите сказать, что взрыв произошел на территории их завода? — вставил Грэхем, прервав его тираду.

— Ну конечно! — В глазах говорящего вспыхнула ненависть.— Рвануло их резервуары. Там была целая батарея цилиндров; в них хранился миллион галлонов раствора нитрата серебра. Вот эти галлоны и взорвались разом — и отправили все прямехонько в преисподнюю. Кто им позволил хранить эту дрянь посреди города? По какому праву? И кто за все ответит? Да за такое повесить мало! Вздернуть бы их всех повыше, чем город взлетел! — Он яростно сплюнул, потер распухшие губы. В чертах его лица таилась смерть.— Мирные дома, счастливые семьи — все стерто с лица земли, все...

— Но раствор нитрата серебра не должен так взрываться.

— Ах, не должен, господин хороший? — с нескрываемой издевкой переспросил страдалец.— Тогда взгляните вокруг! — Он широко развел руками.

Его слушатели взглянули. Крыть было нечем.

На дороге, ведущей из Бойсе, показались первые машины — голова той нескончаемой колонны, которая растянулась на целую неделю. Над ними загудел самолет, еще один и еще. В полумиле приземлился автожир. Подлетали два вертолета «скорой помощи», готовясь последовать его примеру.

Тысячи пар ног уже пробирались по этому кладбищу Запада, позабыв на время о причинах катастрофы и бросив вызов ее последствиям. Тысячи пар рук осторожно разбирали завалы, откапывая изувеченных, но еще живых. Спеша спасти еле теплящиеся жизни, люди не думали о взбесившихся атомах, сеющих невидимую смерть, о сильнейшей радиации, быть может, пронзающей их тела.

Со всех сторон спешили экипажи «скорой помощи» — на колесах и крыльях, специальные и приспособленные на скорую руку, они отбывали, чтобы вернуться еще и еще раз. Добровольцы с носилками протоптали широкую тропу, на месте которой была потом проложена улица Милосердия. На высоте нескольких сотен футов на спешно нанятых вертолетах кружили журна-

листы. Их телекамеры фиксировали творящийся внизу ужас. Трансляция агонии сопровождалась потоком высокопарных эпитетов, который не мог передать и десятой части той неприукрашенной правды, что глядела с экранов ста миллионов телевизоров.

Грэхем с пилотом вкалывали вместе с остальными, вкалывали еще долго после того, как сгустились сумерки и ночь укрыла плотным саваном еще не найденных мертвецов. Ущербная луна взошла на небосводе и свесила свои лучи к изуродованной земле. Ладонь, застывшая на железной балке, тянулась им навстречу.

Залатанный гиромобиль с молчаливым водителем за рулем доставил Грэхема обратно в Бойсе. Разыскав отель, он принял душ, побрился и позвонил полковнику Лимингтону.

— Весть о катастрофе потрясла весь мир,— сказал Лимингтон.— Президент уже получил выражения соболезнования от пятнадцати зарубежных правительств и бессчетного количества частных лиц.

— Мы делаем все необходимое, чтобы как можно скорее и точнее определить, что же это все-таки было — повторение Хиросимы, Черного Тома или Техас-Сити*,— продолжал он.— То есть что является причиной: военная акция, саботаж или несчастный случай.

— Нет, это не Хиросима,— заявил Грэхем,— то есть не атомный взрыв, во всяком случае в том смысле, в котором мы его понимаем. Это обычный, банальный взрыв, вызванный разрушением молекул,— только в гигантском масштабе!

— Откуда вы знаете?

— Со всех концов набежали дозиметристы со счетчиками Гейгера. Перед отъездом я порасспросил кое-кого из них. Они сказали, что радиация в норме, по крайней мере по их измерениям. Похоже, что район совершенно безопасен. Если что-то и дает излучение, то наши приборы не могут его зарегистрировать.

---

* Черный Том — островок в нью-йоркской гавани, где в 1916 году германскими диверсантами были взорваны у причала суда с боеприпасами, предназначенными для отправки в Европу. Техас-Сити — «город химии» на юге США, на берегу залива Галвестон. В 1947 году взрыв груженного аммиачной селитрой парохода «Гранкан» вызвал сотни пожаров, практически уничтожившие город. *(Прим. перев.)*

— Что ж, надеюсь, скоро все выяснится,— проворчал Лиминггон. Несколько секунд он молчал, потом добавил: — Случись вам наткнуться на что-то, предполагающее существование некой связи между этим ужасным бедствием и тем расследованием, которое вы ведете,— немедленно бросайте все и связывайтесь со мной. В таком случае одному человеку с этим делом не управиться.

— Пока на такую связь ничто не указывает,— ответил Грэхем.

— Ничто — пока вы что-нибудь не копнете! — возразил Лиминггон.— В свете того, что уже произошло, у меня есть серьезные подозрения. Как вы и опасались, Бич стал в нашем списке двадцатым — если, конечно, не попал в число тех немногих, кому удалось спастись. Ему заткнули рот прежде, чем вы успели до него добраться,— точно так же, как поступили со всеми остальными. Мне это не нравится.

— Может, вы и правы, сэр, только...

— Грэхем, я повторяю еще более решительно: если вы наткнетесь на какую-то связь между этим фейерверком и делом, которое вы расследуете, сразу же прекращайте розыски и безотлагательно сообщите мне.

— Хорошо, сэр.

— Если связь подтвердится, мы призовем к решению загадки лучшие умы державы.— Голос полковника прервался, потом зазвучал снова.— А сами-то вы как расцениваете ситуацию?

Грэхем был в нерешительности. Он знал, что так же далек от истины, как и в самом начале, но не мог избавиться от странного, безотчетного чувства, которое преследовало его со времени гибели Мейо. Казалось бы, смешно придавать значение ощущениям, которые, несмотря на силу и неотвязность, продолжали оставаться смутными и неуловимыми. Не было ли это чувство сродни тем подозрениям, которые заставили его пуститься в погоню неизвестно за чем? Не связаны ли эти психические сигналы с его интуицией сыщика? Что это — ключ к разгадке или пустое суеверие? А может быть, просто нервы пошаливают?

Наконец, приняв решение, он заговорил неторопливо и осторожно:

— Шеф, у меня по-прежнему нет ни малейшей идеи, что за всем этим кроется, но мне кажется, что иногда говорить на эту

тему опасно.— Тут ему пришла в голову мысль, и он добавил: — Похоже, что иногда опасно даже думать об этом.

— Что за чушь! — насмешливо воскликнул Лимингтон.— Настоящих телепатов не бывает, а гипноз сильно переоценивают. К тому же пока еще никто не создал приборов, которые могли бы засечь чьи-то тайные мысли. Да и как, черт побери, можно вести расследование, не думая?

— В том-то все и дело, что никак,— сухо ответил Грэхем.— Поэтому мне и приходится рисковать.

— Вы что, серьезно?

— Более чем! Я полагаю, а вернее, чувствую, что временами эти вещи можно обмозговывать совершенно спокойно и с пользой для дела. Но я столь же определенно чувствую, что иногда наступают какие-то непонятные мгновения, когда задумываться о них значило бы самому подставить себя под удар. А почему я так чувствую — и сам не могу объяснить. Может, я просто сдурел, только чем глубже я в это дело влезаю, тем больше ценю свою дурость.

— Почему?

— Да потому что я пока еще твердо держусь на ногах, а другие их давно уже протянули.

Грэхем повесил трубку. В глазах у него горел странный огонек. Почему-то он знал, что правильно оценивает грозящую ему опасность. Он должен пойти на риск, неимоверный риск, выступив против сил, совершенно неизвестных и поэтому особенно грозных. Неусыпная бдительность — вот нереальная цена свободы. И если ему, как и Уэббу, суждено пасть в тщетном усилии заплатить эту цену, что ж, так тому и быть!

Шеф полиции Корбетт наконец нашел того, кого искал на верхнем этаже битком набитой Центральной больницы. По словам раненого получалось, что из трех тысяч уцелевших, извлеченных из-под развалин Силвер-Сити, он был единственным, кто работал на заводе «Нэшнл кэмера».

Пострадавший был забинтован с головы до пят, даже глаз не было видно. Свободным оставался только рот. В палате стоял сильный запах дубильной кислоты — немое свидетельство того, что несчастный получил обширные ожоги. Грэхем присел с одной стороны койки, Корбетт — с другой.

— Пять минут, не больше! — предупредила усталая сиделка.— Он очень слаб, но может продержаться, если дать ему шанс.

Приблизив губы к закрытому повязкой уху, Грэхем спросил:

— Что же все-таки взорвалось?

— Резервуары,— послышался слабый шепот.

— Нитрат серебра? — Грэхем постарался, чтобы в вопросе прозвучало недоверие.

— Да.

— Как вы это объясните?

— Никак.— Он провел распухшим языком, бледным и пересохшим, по марлевой бахроме, окаймлявшей обожженные губы.

— Где вы работали? — тихо спросил Грэхем.

— В лаборатории.

— Занимались исследованиями?

— Да.

Грэхем со значением взглянул на Корбетта, который внимательно прислушивался к разговору, потом обратился к человеку на койке:

— Над чем вы работали, когда произошла катастрофа?

Ответа не последовало. Рот под бинтами плотно сжался, дыхание стало совсем неслышным. Встревоженный Корбетт вызвал сиделку.

Девушка примчалась и захлопотала над пациентом.

— С ним все в порядке. У вас еще две минуты.— Она тут же убежала. От долгого дежурства лицо ее побледнело и осунулось.

Грэхем еще раз задал вопрос — снова молчание. Нахмурившись, он дал Корбетту знак вступить в разговор.

— С вами говорит Корбетт, начальник полиции Бойсе,— сурово изрек тот.— Человек, который вас допрашивает,— офицер Разведывательной службы Соединенных Штатов. При вчерашнем взрыве погибло больше тридцати тысяч человек, а те немногие, кто уцелел, находятся не в лучшем состоянии, чем вы. Необходимость выяснить причину трагедии гораздо важнее, чем ваша лояльность по отношению к работодателям. Советую не упрямиться.

Плотно сжатые губы не шевельнулись.

— Если вы не заговорите, у нас найдутся средства...— начал было Корбетт.

Дав ему знак замолчать, Грэхем снова приблизил губы к уху лежащего и тихо сказал:

— Доктор Бич разрешил вам сказать все, что вы знаете.

— Бич! — воскликнул несчастный.— Почему же он велел мне ничего не рассказывать?

— Он сам вам велел? — ошеломленно спросил Грэхем.— Когда это случилось? Он что, заходил сюда?

— За час до вашего прихода,— тихо проговорил собеседник.

Грэхем с трудом сдержался, чтобы не крикнуть: «Так, значит, он жив!» — но вовремя взял себя в руки и доверительным тоном произнес:

— Час — большой срок, многое могло произойти. Говорите без всяких опасений.

Запеленатая фигура на кровати слабо пошевелилась.

— Позавчера мы получили новую эмульсию,— неохотно признался он.— Мы работали над ней уже три месяца под руководством Бича. Вкалывали как проклятые, в три смены, день и ночь. На нас так жали, как будто каждая секунда обходилась кому-то в тысячи долларов. Бич не собирался отступать. Чтобы разработать такой состав, одному экспериментатору потребовалось бы лет десять, но нас было шестьдесят, и все ресурсы компании были к нашим услугам. Наконец в среду утром Уайман получил ее. Да, это было в среду утром, но мы не были уверены окончательно, что он получил именно то, что нужно, пока не испытали ее как раз перед самым взрывом.

— Что это была за эмульсия и как вы ее испытывали? — задал наводящий вопрос Грэхем.

— Фотографическая эмульсия, сохраняющая чувствительность далеко за пределами инфракрасного диапазона, гораздо дальше, чем любые имеющиеся в продаже пленки, которые нам удалось раздобыть. Бич считает, что такая эмульсия должна регистрировать какие-то объекты вроде солнц, а зачем — не знаю. Никто из нас не знал.

Использовав состав Уаймана, мы провели обычную экспозицию и действительно получили негативы, на которых запечатлелись какие-то штуки, похожие на мелкие солнца.

— А дальше, дальше? — подгонял его Грэхем.

— Мы стали их с любопытством разглядывать и потом еще долго обсуждали. Эти солнца представляли собой небольшие ша-

рики невидимого излучения. Три или четыре из них парили над крышей экстрационного цеха номер четыре. Почему-то — я не могу объяснить, почему именно,— после того как мы их увидели, всеми овладело сильнейшее волнение, люди просто из себя выходили. В тот момент, когда мы узнали, что испытания дали положительный результат, Бич был дома, и Уайман ему позвонил. Как раз в середине их разговора — трах! — и все взлетело в воздух.

— А Бич определенно знал о существовании этих предметов еще до того, как вам удалось их сфотографировать?

— А как же! Я не знаю, откуда он о них узнал, только он наверняка был в курсе.

— И он никогда не намекал вам на происхождение этих объектов?

— Нет. Только объяснил, как они должны выглядеть на негативе. И все. Он вообще о них особо не распространялся.

— Спасибо,— сказал Грэхем.— Я уверен, что вы нам здорово помогли.

Отодвинув стул, он медленно вышел из палаты. Корбетт в полном недоумении следовал за ним. Миновав изогнутую аллею, выходящую на главную дорогу, они остановились у гиромобиля, принадлежащего начальнику полиции.

Повинуясь какому-то еле уловимому импульсу, какому-то странному наитию, которого он не смог бы ни выразить словами, ни объяснить, Грэхем постарался выбросить из головы результаты только что закончившегося допроса и сосредоточиться на чем-нибудь другом. Повелевать своим умом оказалось не так-то легко, и первые несколько минут, пока ему не удалось направить непокорные мысли по безобидному пути, он буквально взмок от напряжения. Грэхем извлек из памяти женский образ, и ум его с готовностью принялся любоваться волной черных кудрей, изгибом бедер, безмятежной улыбкой, которая временами освещала миловидное лицо в форме сердца,— ну конечно же, это была доктор Кертис! Как мужчина, он мог без всякого труда забывать о ее профессиональных качествах. И вообще, кто дал ей право напускать на себя ученый вид — с такой-то фигурой!

Он все еще мысленно всматривался в ее спокойные, ясные глаза, когда Корбетт залез в кабину и недовольно проворчал:

— Жаль, парень не смог объяснить, что это еще за чертовы солнца!

— Да,— не слушая его, согласился Грэхем и захлопнул за тучным полицейским дверцу.— Позвоню вам в управление сразу после обеда.— Он торопливо зашагал прочь, по-прежнему упорно сохраняя в воображении необычайно яркий образ девушки.

Опустив стекло, Корбетт крикнул ему вслед:

— Этими солнышками наверняка стоит как следует заняться! Ставлю жизнь на карту — что-то тут не чисто!

Не получив ответа, начальник полиции пронзил широкую спину Грэхема возмущенным взглядом и, поставив жизнь на карту, нажал толстым пальцем на кнопку стартера.

Гиромобиль взвизгнул, как голодная собака, рванул с места и набрал скорость. Все убыстряя ход, он с воем понесся по улице — только ставни на окнах домов захлопали от поднятого ветра. Пулей нырнув в узкую брешь между машинами, двигавшимися наперерез, гиромобиль влетел на перекресток, не обращая внимания на сигналы автоматических светофоров, так что перепуганные пешеходы бросились врассыпную. С той же бешеной скоростью он миновал следующий квартал, описав пологую дугу, проскочил еще один перекресток и со всего маху врезался в бетонный торец углового дома. От удара машина сложилась в гармошку, а двухтонная панель раскололась. Раздавшийся грохот еще долго отдавался эхом от стен окружающих зданий.

Этот звук настойчиво бился в барабанные перепонки Грэхема, который еще не вышел из состояния самогипноза. Он из последних сил отчаянно старался удержать перед мысленным взором девичье лицо, чтобы отогнать, отразить, не допустить ужасную весть о том, что еще одному пришлось так страшно поплатиться за проявленное к маленьким солнцам любопытство.

Вокруг места катастрофы уже толпились зеваки, защищенные собственным неведением, а Грэхем, который из-за возникших у него подозрений стал уязвим для неведомой опасности, упрямо шагал прочь и боролся с собой — боролся, силясь сосредоточиться на своем видении и полностью отключить все остальные мысли. Он все шел и шел, настойчиво стараясь замаскировать предательский ум, и постепенно одержал победу в этой упорной борьбе.

Глава 6

Тропинка, вся в пятнах лунного света, взбиралась все выше и выше, петляя и извиваясь, как испуганная змея.

Прошло лишь несколько часов с тех пор, как Корбетт разбился всмятку, а Грэхему казалось — целый год. Отогнав воспоминание, он нырнул в тень сотворенного самой природой обелиска, который высился рядом с дорогой. Унылая луна заливала тусклым светом мрачные скалы и молчаливые сосны, придавая гористому пейзажу бледный, призрачный вид.

Затаившись, путник лихорадочно обшарил взглядом густые тени, пятнавшие только что пройденный путь. Напрягая слух, силился он уловить среди шелеста листвы, скрипа ветвей, журчания невидимого ручья какие-нибудь посторонние звуки — звуки, которые могли бы принадлежать чему-то обычно неслышимому. Невольно, только для того, чтобы успокоить свою чрезмерную бдительность, он старался разглядеть незримое, услышать беззвучное, ожидая появления того, что при встрече никому не оставляло времени для раздумий.

Так он простоял целых пять минут. Нервы взвинчены, мышцы напряжены, тело и разум устремлены навстречу опасности, грозящей вырваться из мрака и безмолвия. Но ничего не случилось — вокруг все так же громоздились суровые скалы, тянувшие свои рваные вершины к таким же рваным облакам, да сосны, как часовые, несли свою вахту, охраняя ночной покой.

Грэхем уже который раз останавливался вот так, озирая пройденный путь,— и каждый раз тропа оказывалась пуста, ничто не внушало подозрений.

Таинственные преследователи, крадущиеся за ним по пятам в черноте ночи, были порождением его усталого ума. Он достаточно владел собой, чтобы понимать: все это — лишь плод разыгравшегося воображения, и все же не мог удержаться, снова и снова выбирал наблюдательный пункт и, напрягая усталые глаза, пытался отыскать подтверждение преследующих его кошмаров.

Он вглядывался в ночь, пока не убедился, что все спокойно, потом вышел из густой тени, отбрасываемой обелиском, и двинулся вверх по тропе. Проваливаясь в глубокие расщелины, натыкаясь на разбросанные тут и там валуны, еле видимые в обманчивом свете луны, он спешил все вперед и вперед.

Тропа, прихотливо извиваясь, шла вокруг горы и заканчивалась в маленькой долине, с трех сторон окруженной нависающими каменными утесами. Дом, стоящий в конце долины, казалось, припал к земле и затаился. Это была не какая-нибудь развалюха, а мощное сооружение из бетона и местного камня — мрачное, приземистое, зловещее в своем одиночестве.

У входа в долину стоял ветхий старинный указатель. На его выцветшей табличке были неуклюже выведены слова: «МИЛЛИГАНЗ СТРАЙК». Прищурившись, путник пристально всмотрелся в надпись, потом оглянулся на тропу. Ничего подозрительного.

Он стал крадучись пробираться через долину. Угольно-черные тени громоздящихся вокруг скал поглотили его собственную тень. Наконец он добрался до безмолвно застывшего дома и оглядел его холодные, бесстрастно поблескивающие окна. Ни в одном из них не мелькнул приветливый огонек, ни единого звука не доносилось из-за суровых стен. Все было тихо, только потревоженный камень с шумом скатился по тропе. Этот слабый отдаленный гул заставил его прижаться к стене и сунуть руку в карман. Целых пятнадцать минут он следил за освещенным луной входом в долину.

Успокоившись, Грэхем сильно постучал в бронированную дверь, потом подергал за ручку — заперто. Он еще раз постучал, на этот раз булыжником. Никакого ответа. Повернувшись спиной к двери и вперив налитые кровью глаза в белеющий под луной указатель, он заколотил по броне подкованным башмаком, так что по всей долине прокатилось эхо.

Пока он яростно сражался с дверью, сердце его сжималось от ужаса. А вдруг другие уже проникли в дом до него, другие, которые не стучались и не открывали дверей, а просто вошли, коварно и бесшумно? Другие, стрелять в которых бесполезно, убежать от которых — невозможно.

Прогнав панику, он нанес двери последний сокрушительный удар. Если через минуту никто не откроет, он возьмет здоровенный камень и разобьет железную решетку на окне. Он должен войти любой ценой, даже если придется разнести весь дом. Прижав ухо к двери, он напряженно прислушался и уловил слабое гудение, которое переросло в низкий вой.

Вой прекратился; лицо сыщика прояснилось. Раздался металлический грохот, потом послышались медленные осторожные шаги. Лязгнула цепочка, заскрипели отодвигаемые засовы, щелкнул замок — и дверь приоткрылась на шесть дюймов.

— Ну кто там? — спросил из темноты низкий глуховатый голос.

Грэхем кратко представился и спросил:

— Профессор Бич?

Дверь распахнулась, и хозяин, неразличимый в царившем внутри мраке, отрывисто произнес:

— Входите, Грэхем. Когда-то мы встречались. В этой кромешной тьме я вас не узнал.

Войдя, Грэхем услышал, как дверь захлопнулась, загремели запоры. Его взяли за руку и в полной темноте перевели через площадку. Прямо перед лицом раздался лязг и скрежет металла, и пол ушел у него из-под ног. Надо же — лифт, в таком месте!

Мимо проплыл плафон, и кабина остановилась. В лучах света перед Грэхемом предстало лицо профессора. Он был все тот же: высокий, темноволосый, с тонкими чертами лица. Бремя прожитых лет мало сказалось на нем. Грэхем не видел его несколько лет, но не заметил никаких перемен. Нет, одна перемена все-таки была, причем ошеломляющая — глаза!

Над тонким, горбатым, как у ястреба, носом пара холодных суровых глаз сверкала каким-то неземным светом. Было что-то подавляющее в их сверхъестественном блеске, что-то гипнотическое в остром, настороженном, проницательном взгляде.

— Почему наверху так темно? — поинтересовался Грэхем, все еще не в силах оторваться от этих поразительных очей.

— Свет приманивает ночных тварей,— уклончиво ответил Бич.— Они могут причинить неудобство.— Он разглядывал гостя.— Кто вас надоумил искать меня здесь?

— Редактор газеты, издающейся в Бойсе, знает, что вы часто уединяетесь в этом доме. Он сказал, что утром пришлет репортера посмотреть, живы вы или нет. Вот я и решил его опередить.

Бич вздохнул.

— Так я и знал: после того, что случилось, сюда набежит целая свора ищеек. Ну ла ладно!

Он провел Грэхема в небольшую комнату, всю заставленную книгами, и подвинул гостю стул. Осторожно закрыв дверь, сел

напротив. Потом переплел длинные, тонкие пальцы и устремил на собеседника свой странный взгляд.

— Мне искренне жаль, что мы встречаемся при таких прискорбных обстоятельствах. Полагаю, ваш приход связан с катастрофой в Силвер-Сити?

— Да.

— Но Ведомство целевого финансирования здесь вроде бы ни при чем. Почему же вас это интересует? — Темные, тонко очерченные брови профессора вопросительно поднялись.

— Вы правы,— согласился Грэхем. Сняв с руки кольцо, он передал его Бичу.— Может быть, вы слышали о таких вещах, даже если вам не доводилось их видеть? На его внутреннюю поверхность нанесена микроскопическая надпись, подтверждающая, что я являюсь сотрудником Разведывательной службы США. Если хотите, можете посмотреть под микроскопом.

— А, разведка! — Нахмурив лоб, Бич задумчиво повертел в пальцах кольцо и отдал владельцу, даже не удосужившись разглядеть как следует.— Верю вам на слово.— Он нахмурился еще сильнее.— Если вас интересует, почему взорвался нитрат серебра, то на этот вопрос я ответить не смогу. Мне еще несколько недель придется давать бесчисленные объяснения полицейским, заводским инспекторам, химикам-технологам, репортерам. И все они будут даром тратить время. Я совершенно не в силах объяснить причину аварии.

— Лжете! — без обиняков заявил Грэхем.

Покорно вздохнув, ученый поднялся и медленно направился к двери. Он отыскал палку с крючком на конце, зацепил ею большой экран, спрятанный в углублении потолка, и опустил его вниз. Удостоверившись, что экран полностью закрывает дверь, он вернулся на свое место.

— Почему вы считаете, что я лгу?

— Потому что вы, как никто другой, знаете, что раствор был непостижимым образом взорван тем таинственным феноменом, который вы пытались сфотографировать,— ответил Грэхем, чувствуя, как волосы у него на затылке зашевелились.— Потому что кому-то из вашей команды удалось наконец получить запретное изображение — и вот ответный ход: Силвер-Сити сметен с лица земли.

Горло у него судорожно сжалось. Грэхем отчетливо почувствовал, что этими словами подписал себе смертный приговор, и с удивлением отметил, что все еще жив. Он взглянул на Бича, желая увидеть, какой эффект произвело на него это заявление, но ученый только крепче сжал скрещенные на груди руки да в его горящих глазах блеснула едва различимая искра.

— Ведь город пал жертвой того же явления или явлений, которые погубили невесть сколько лучших ученых мира,— наступал Грэхем,— как раз выяснение обстоятельств смерти некоторых из этих ученых — американских ученых — и привело меня к вам.

Он достал бумажник, извлек из него телеграмму и передал Бичу. Тот стал читать, бормоча себе под нос:

ПОЛИЦИЯ БОЙСЕ ДЛЯ ГРЭХЕМА: ЕДИНСТВЕННЫЙ ОБЩИЙ ЗНАМЕНАТЕЛЬ ТИРЕ ВСЕ БЫЛИ ДРУЗЬЯМИ БЬЕРНСЕНА ИЛИ ДРУЗЬЯМИ ЕГО ДРУЗЕЙ ТОЧКА ГАРРИМАН.

— Имеются в виду те, кто умер в прошлом месяце.— Жестом обвинителя Грэхем наставил на профессора указательный палец.— Но ведь и вы были другом Бьернсена!

— Совершенно верно,— согласился Бич и стал задумчиво изучать собственные руки.— Мы с Бьернсеном очень старые друзья. Таких, как я, осталось совсем немного.— Он поднял глаза и посмотрел прямо в лицо собеседнику.— И еще я должен признаться, что у меня действительно много таких сведений, которые я собираюсь хранить в строгой тайне. Ну и что вы собираетесь со мной делать?

Этот дерзкий вызов мог бы смутить кого-то менее настойчивого. Но сыщик так легко не сдавался. Уперев руки в колени и подавшись вперед, он постарался изобразить на лице такое выражение, как будто ему известно гораздо больше, чем подозревает его оппонент, больше, чем он пока намерен открыть.

— Скажу вам откровенно,— начал он,— Ирвин Уэбб оставил тайное послание, которое нам удалось расшифровать. Оно содержало многое из того, что он обнаружил. Уэбб утверждал: эту картину необходимо показать миру — если такое зрелище не приведет к бойне.

— Бойня! — хрипло вырвалось у Бича.— Разве вам не достаточно того, что случилось с Силвер-Сити? Один человек видит картину, смотрит на нее, думает о ней — и в единое мгновение тридцать тысяч людей расплачиваются за это своими жизнями, а может быть, и душами. Вот и сейчас самый опасный для вас враг — ваши собственные мысли. Зная самую малость, думая о ней, размышляя, прокручивая ее в мозгу, вы сами подставляете себя под удар, обрекаете себя на гибель. Вас выдает непроизвольная деятельность вашего же ума.— Взгляд его скользнул к двери.— Если вдруг люминесцентный экран на двери засветится, ни я, ни весь цивилизованный мир уже не смогут спасти вас от немедленной смерти.

— Знаю,— невозмутимо ответил Грэхем.— Но риск, которому я подвергаюсь, ничем не больше вашего, к тому же он не сможет возрасти, если я узнаю то, что уже известно вам. От большего знания смерть не станет больше.— Стараясь не смотреть на экран, он сосредоточил все внимание на сверкающих глазах собеседника. Если экран засветится, он увидит его отсвет в глазах Бича.— Раз уж бойня все равно произошла, несмотря на то что истина не стала достоянием масс, навряд ли положение ухудшится, если истина выйдет наружу.

— Ваше предположение,— Бич саркастически усмехнулся,— построено на ошибочной предпосылке: плохое не может стать еще хуже.— Он не сводил глаз с экрана.— Когда-то не было ничего хуже лука и стрел — пока не появился порох. Не стало ничего хуже его — пока не появились отравляющие газы. Потом бомбардировщики. Потом сверхзвуковые ракеты. Потом атомные бомбы. Сегодня — бактерии и вирусы-мутанты. Завтра — что-нибудь еще.— Последовал отрывистый язвительный смешок.— Ценой слез и страданий мы начинаем понимать, что всегда есть простор для дальнейших усовершенствований.

— Охотно поспорю с вами, но только когда буду знать все факты,— парировал Грэхем.

— Поверить в эти факты невозможно!

— Но вы-то сами верите?

— Логичный вопрос,— с готовностью согласился Бич.— Только в моем случае о вере речи не идет. При чем здесь вера, если знание получено эмпирическим путем! Нет, Грэхем, я в них не верю — я их знаю! — Он задумчиво погладил подбородок.—

Для людей сведущих неопровержимые доказательства, которые удалось собрать, не оставляют места сомнениям.

— Так что же это за факты? — не отступал Грэхем, всеми силами стараясь заставить ученого заговорить.— Что развеяло по ветру Силвер-Сити? Что прервало эксперименты целой группы ученых, прикончив их таким образом, чтобы не вызвать никаких подозрений? Что только сегодня убило начальника полиции Корбетта?

— Корбетт? Так он тоже погиб?

Бич погрузился в длительное раздумье, устремив глаза через плечо собеседника на занавешенную дверь. В комнате повисла тишина — только настольные часы отсчитывали время, оставшееся до смерти. Один ум лихорадочно мыслил, другой с суровой неумолимостью ждал. Наконец Бич встал и выключил свет.

— Лучше наблюдать за экраном в темноте,— пояснил он.— Садитесь сюда, рядом со мной, и не сводите с него глаз. Если он засветится, начинайте думать о чем-то постороннем, или само небо не сможет вас спасти!

Придвинувшись поближе к ученому, Грэхем устремил взгляд во тьму. Он знал: наконец-то дело вот-вот сдвинется с мертвой точки, и его безжалостно терзали угрызения совести.

«Ты обязан выполнить приказ! — не умолкал в нем внутренний голос.— Твой долг — связаться с Лимингтоном, как тебе было велено! Если Бичу придет конец, а вместе с ним — и тебе, то мир ничего не узнает, кроме того, что ты потерпел неудачу, как и все остальные, причем только потому, что не захотел выполнить свой долг!»

— Грэхем,— произнес из темноты хрипловатый голос Бича, положив конец покаянным мыслям разведчика,— мир получил научное открытие такой же величины и важности и такой же далеко идущей перспективы, как изобретение телескопа и микроскопа.

— Что же это?

— Способ расширения видимой части спектра далеко за пределы инфракрасного диапазона.

— Вот оно что!

— Его обнаружил Бьернсен,— продолжал Бич.— Как уже случалось со многими другими великими открытиями, он натолкнулся на него случайно, занимаясь чем-то совсем другим.

Но сумел понять значение своей находки и получить практические результаты. Как и телескоп, и микроскоп, она раскрыла перед ним новый, доселе неведомый мир, о котором никто даже не подозревал.

— Новый ракурс, позволяющий увидеть то, что незримо присутствовало и раньше? — подсказал Грэхем.

— Вот именно! Когда Галилей, сам себе не веря, глядел в телескоп, он обнаружил то, что испокон веков было перед глазами несведущих миллионов, то новое, революционное, что перевернуло официально принятую и широко известную геоцентрическую систему.

— Замечательное открытие,— согласился Грэхем.

— Микроскоп дает гораздо лучшую аналогию — ведь он позволил увидеть факт, который с Сотворения мира маячил у всех под носом и о котором тем не менее никто не подозревал. Факт, что мы всю свою жизнь соседствуем с бесчисленным множеством живых организмов, скрытых от нас за пределами нашего зрения, скрытых в бесконечно малом. Вы только подумайте,— настаивал Бич, голос его звучал все громче,— юркие живые твари, кишащие вокруг нас — над головой, под ногами, в нас самих. Они борются, размножаются и погибают в нашей же собственной кровеносной системе, и при этом никто о них знать не знал, даже не догадывался, пока микроскоп не прибавил остроты нашему слабому зрению.

— Да, это тоже великое открытие,— подтвердил Грэхем. Несмотря на заинтересованность, нервы его все еще были на взводе: он так и подскочил, когда собеседник случайно коснулся его рукой в темноте.

— Все это веками ускользало от нас — одно, скрываясь в непостижимо большом, второе — в невероятно малом. Точно так же ускользало и другое — затаившись в абсолютно бесцветном.— Глуховатый голос Бича дрожал от волнения.— Шкала электромагнитных колебаний занимает более шестидесяти октав, из которых человеческий глаз способен увидеть всего одну. Вот за этим зловещим барьером, создаваемым нашим же слабым, ограниченным, беспомощным зрением, и скрываются жестокие, всемогущие господа, правящие каждым из нас с колыбели и до могилы, невидимо и безжалостно паразитирующие на нас,— истинные хозяева Земли!

— Кто же они, черт возьми? Перестаньте ходить вокруг да около, говорите же, бога ради! — На лбу у Грэхема выступила холодная испарина, глаза были прикованы к сигнальному экрану. Он с облегчением отметил, что пока ни единый проблеск света не прорезал окружающую тьму.

— Перед глазами, наделенными новой зрительной способностью, они предстают в виде парящих сфер, сияющих бледно-голубым светом,— сообщил Бич.— За их сходство с шарами живого света Бьернсен прозвал их витонами. Они не только живые, но еще и мыслящие! Они — властители Земли, а мы — лишь скот на их лугах. Они — жестокие и безжалостные повелители невидимого мира, а мы — их мычащие, потеющие, полоумные рабы, до того тупые, что только теперь прознали про свои оковы.

— А вы можете их видеть?

— Могу! Но порой готов молить Всевышнего, чтобы мне никогда не доводилось их увидеть! — В тесной комнате отчетливо слышалось дыхание ученого.— Все те, кто повторил последний эксперимент Бьернсена, обрели способность проникать за этот зрительный барьер. Увидевшие витонов уже не могли жить спокойно, начинали постоянно думать о них — и входили под сень смерти. На определенном расстоянии витоны умеют читать человеческие мысли с такой же легкостью, с какой мы читаем открытую книгу. Вполне понятно, что они немедленно пресекают распространение информации, которая может в конце концов привести к тому, что мы бросим вызов их многовековому господству. Они так же хладнокровно отстаивают свою власть, как мы отстаиваем свою — над животным миром, а именно — уничтожая противников. Вот и тот, кто последовал примеру Бьернсена и не сумел скрыть полученное знание в тайниках ума или невольно обнаружил его во сне, когда мозг был беззащитен, уже никогда не сможет ничего сказать.— Помолчав, он добавил: — Не исключено, что нас ждет та же участь.— Снова повисло молчание, отмеряемое равномерным тиканьем часов.— И вам, Грэхем, предстоит та же пытка, ибо знание несет в себе проклятие. Тренированный ум может постараться спастись, постоянно — ежеминутно, ежесекундно — контролируя свои мысли в часы бодрствования. Но кто из нас способен контролировать свои сновидения? Да, самая смертельная опасность — это сны. Не ложись в постель — она может взорваться!

— Я подозревал нечто подобное.

— Неужели? — Бич был явно удивлен.

— С самого начала расследования бывали странные, необъяснимые мгновения, когда я ощущал: просто необходимо начать думать о чем-то другом. Я не раз повиновался этому абсурдному, но властному импульсу — занять мысли чем-то посторонним, чувствуя, веря, почти зная, что так безопаснее.

— Только это вас и спасло,— подтвердил Бич.— Иначе вас бы давно прикончили.

— Неужели я владею своими мыслями лучше, чем такие гораздо более талантливые люди, как Бьернсен, Лютер, Мейо, Уэбб?

— Дело не в этом. Просто вам было легче. Ведь то, что вам приходилось контролировать, не выходило за рамки смутных подозрений. В отличие от других вам еще не доводилось подавлять в себе мысли, содержащие ужасную истину во всей ее полноте. Настоящая проверка только начинается — посмотрим, насколько вас хватит теперь! — зловеще добавил он.

— И все же спасибо Всевышнему за эти подозрения,— пробормотал Грэхем.

— Похоже, что вас посещают вовсе не подозрения,— сказал Бич.— Если эти ощущения, несмотря на всю свою смутность и неопределенность, все же были достаточно сильны, чтобы в противовес инстинкту рассудка заставить вас повиноваться, то у вас, скорее всего, необычайно развито экстрасенсорное восприятие.

— Никогда не задумывался ни о чем подобном,— признался Грэхем.— Просто времени не хватало, чтобы копаться в себе.

— Такая способность встречается не особенно часто, и тем не менее она далеко не уникальна.

Встав со стула, Бич включил свет и выдвинул ящик большого каталожного шкафа. Порывшись в ворохе газетных вырезок, заполняющих ящик, он извлек одну из подборок и стал ее просматривать.

— Здесь собраны сведения о подобных случаях за сто пятьлесят лет. Вот Мишель Лефевр из Сент-Эйва — это во Франции, неподалеку от Ванна,— ее не раз исследовали французские ученые. Они установили, что ее экстрасенсорное восприятие составляло шестьдесят процентов от нормального зрения. Хуан Эгерола из Севильи — семьдесят пять процентов. Вилли Осипенко

из Познани — девяносто процентов.— Он извлек из пачки очередную вырезку.— А вот самый смак! Взято из английской газеты «Тит битс» от девятнадцатого марта тысяча девятьсот тридцать восьмого года. Илга Кирпс, латышская пастушка из-под Риги, молоденькая девушка с интеллектом не выше среднего и в то же время научный феномен. Комиссия из ведущих европейских ученых подвергла ее самой тщательной проверке, в результате чего было установлено, что она, несомненно, обладает настолько развитым экстрасенсорным восприятием, что оно по силе своей превосходит обычное зрение.

— Посильнее, чем у меня,— заметил Грэхем.

Профессор сложил вырезки в ящик, потушил свет и вернулся на свое место.

— Сила бывает разной. Илга Кирпс — витонский гибрид. Экстрасенсорное восприятие — чисто витонское качество.

— ЧТО?! — Грэхем весь напрягся, пальцы его вцепились в ручки кресла.

— Это витонское качество,— невозмутимо повторил Бич.— Илга Кирпс — весьма удачный результат эксперимента, поставленного витонами. Ваш случай менее показателен, возможно потому, что операция была проведена внутриутробно.

— Внутриутробно? Господи, уж не думаете ли вы?..

— Я давно вышел из того возраста, когда говорят не то, что думают,— заверил его Бич.— И когда я говорю «внутриутробно», то имею в виду именно это. Я хочу сказать, что, не будь этих проклятых светил, мы сегодня не знали бы многочисленных осложнений, связанных с родами. Когда они бывают неудачными, дело вовсе не в несчастном случае, как обычно полагают! Грэхем, теперь я допускаю возможность явления, которое отвергал всю свою жизнь, считая его чистой воды абсурдом,— возможность непорочного зачатия. Я допускаю, что могли быть случаи, когда беспомощные, ни о чем не подозревающие жертвы подвергались искусственному оплодотворению. Витоны постоянно вмешиваются в нашу жизнь, ставя на нас, своих космических подопытных животных, тончайшие хирургические эксперименты!

— Но зачем, зачем?

— Чтобы выяснить, возможно ли привить человеку витонские качества.— Помолчав мгновение, Бич сухо добавил: — За-

чем люди учат тюленей жонглировать мячами, попугаев — ругаться, обезьян — курить папиросы и ездить на велосипеде? Зачем они пытаются вывести говорящих собак и заставляют слонов выполнять дурацкие фокусы?

— Улавливаю параллель,— мрачно согласился Грэхем.

— У меня здесь еще тысячи вырезок, где говорится о людях, наделенных нечеловеческими способностями, страдающих от неестественных или сверхъестественных дефектов, рождающих жутких уродов, которых сразу же умерщвляли или прятали подальше от посторонних глаз. И о многих других, ставших жертвами непонятных экспериментов или необычной судьбы. Помните случай с Дэниелом Данглассом Хоумом*, который на глазах у изумленной публики вылетел, как птица, из окна первого этажа? Это подлинный случай, когда человек обладал способностью левитации, а ведь именно так передвигаются витоны! Вам нужно прочитать книгу «Триумф чародея», там как раз говорится о Хоуме. Он обладал и другими таинственными силами. Только он вовсе не был чародеем. Он был витоночеловеком!

— Силы небесные!

— Еще был Каспар Хаузер**, человек из ниоткуда,— как ни в чем не бывало продолжал Бич.— Ничто не появляется из вакуума, так что Хаузер, как и все остальные, тоже где-то родился. Скорее всего, в лаборатории витонов. Быть может, такая же таинственная участь постигла и Бенджамена Бэтхерста, чрезвычайного посла Великобритании в Вене. Двадцать пятого ноября тысяча восемьсот девятого года он скрылся за парой лошадей — и бесследно исчез.

— Я не совсем улавливаю связь,— возразил Грэхем.— Какого черта эти супертвари заставляют людей исчезать?

Даже сквозь темноту он уловил холодную, безжалостную усмешку Бича.

— А почему студенты-медики заставляют исчезать бездомных кошек? Из каких ничего не ведающих болот исчезают ля-

---

* Дэниел Данглас Хоум (1833–1866) — знаменитый английский психокинетист и ясновидец. *(Прим. перев.)*

** Каспар Хаузер (1812–1833) — подросток, найденный при странных обстоятельствах. Не умея ходить и говорить, он обладал экстрасенсорными способностями. *(Прим. перев.)*

гушки, которых потом препарируют? Кто тащит из морга труп бродяги, так что кишки волочатся по мостовой?

— Брр! — Грэхем поежился от омерзения.

— Исчезновение — самое обычное дело. Что, например, случилось с экипажем «Марии Селесты»? Или с экипажем «Розали»? Не были ли они подходящими лягушками, которых вытащили из ближнего болота? Что случилось с «Уаратой»?* Не был ли человек, который в последний момент передумал плыть на «Уарате», наделен экстрасенсорным восприятием, или же он получил подсознательное предупреждение, поскольку оказался неподходящей лягушкой? Что делает одного человека подходящим, а другого — нет? Неужели первый живет под бременем постоянной опасности, а второй может всю жизнь наслаждаться покоем? Неужели в каждом из нас есть нечто особое, неуловимое, что означает: я обречен на смерть, а вы останетесь невредимы?

— Это покажет только время.

— Время! — презрительно фыркнул Бич.— Может быть, уже миллион лет мы таскаем на своем горбу дьявола и только сейчас наконец начинаем прозревать. Гомо сапиенс — человек, несущий бремя беды! — Он что-то пробормотал про себя, потом продолжил: — Только сегодня утром я изучал один случай, разгадать который не могут вот уже десять лет. Подробности опубликованы в лондонской «Ивнинг стандарт» за шестнадцатое мая тысяча девятьсот тридцать восьмого года и несколькими днями позже в британской «Дейли телеграф». Судно Англо-Австралийской линии водоизмещением пять тысяч четыреста шестьдесят шесть тонн исчезло в единый миг. Современный, надежный корабль, спокойное море. И вдруг — ни корабля, ни экипажа из тридцати восьми человек. Они испарились посреди Атлантики, в пятидесяти милях от других судов, незадолго до этого отправив радиограмму, подтверждавшую, что все у них в полном порядке. Спрашивается, куда они все подевались? И где большинство из тех тысяч, которых годами ищет Бюро розыска пропавших без вести?

---

* «Розали», «Мария Селеста» — парусные суда, загадочным образом оставшиеся без экипажей. «Уарата» — английский пассажирский пароход, исчезнувший в 1909 году. *(Прим. перев.)*

— Кому вы говорите! — Грэхем безуспешно пытался разглядеть в темноте спасительный экран. Он где-то там, на своем посту, охраняет их, как безмолвный часовой, но он способен лишь подать молниеносный сигнал о вторжении противника. А уж обороняться им придется самим.

— Ответ мне не известен,— признался Бич.— Да и никому не известен. Единственное, что можно сказать: их захватили силы, о которых мы только начинаем понемногу узнавать, силы неведомые, но ни в коем случае не сверхъестественные. А зачем их взяли — можно разве что догадываться. Они исчезли, как исчезали многие с незапамятных времен и как будут исчезать впредь. Вернулись единицы: что с ними сделали — так никто и не уразумел. Это те, кого потом распяли, сожгли на костре, расстреляли серебряными пулями и закопали, присыпав чесноком, или же упрятали в психушку.

— Может быть,— скептически заметил Грэхем.— Все может быть.

— Всего месяц назад стратоплан Нью-Йорк—Рио скрылся за облаками над Порт-оф-Спейн, что на острове Тринидад, и пропал. Только что его видели тысячи глаз, секунда — и никакого следа. С тех пор о нем никто не слышал. Девять месяцев назад точно так же исчез новый лайнер Москва—Владивосток. О нем тоже никаких сведений. Длинная череда похожих случаев тянется с самого зарождения аэронавтики.

— Припоминаю некоторые из них.

— А что случилось с Амелией Эрхарт и Фредом Нунаном, с лейтенантом Оскаром Омдалом, с Брайсом Голдсборо и миссис Ф. У. Грейсон, с капитаном Теренсом Талли и лейтенантом Джеймсом Медкафом, с Нунгессером и Коли?* Возможно, кто-то из них потерпел крушение, но остальные-то нет, нимало в этом

---

* Амелия Эрхарт — американский авиатор, одна из первых женщин-пилотов. В 1937 году со своим штурманом Фредериком Нунаном погибла, пытаясь совершить кругосветный перелет. Оскар Омдал — норвежский пилот, в 1927 году погиб вместе с американской летчицей Френсис Грейсон и американским авиаконструктором Брайсом Голдсборо в тренировочном полете над Атлантикой. Теренс Талли и Джеймс Медкаф — канадские летчики, погибшие в 1927 году в полете над Атлантикой. Шарль Нунгессер и Франсуа Коли — французские летчики, исчезли в 1927 году, пытаясь перелететь через Атлантический океан. *(Прим. перев.)*

не сомневаюсь. Их похитили, как уже давно похищают людей: поодиночке, группами, целыми партиями.

— Нужно предупредить мир,— торжественно произнес Грэхем.— Открыть людям глаза.

— Вы полагаете, кому-то удастся предупредить, открыть миру глаза и остаться в живых? — язвительно осведомился Бич.— Сколько таких потенциальных открывателей уже сомкнуло уста и легло в могилу? И сколько еще тысяч витоны столь же успешно сумеют утихомирить навеки? Сказать — значит подумать, подумать — значит выдать себя, а выдать себя — значит погибнуть. Даже здесь, в этом уединенном убежище, какой-нибудь бродячий невидимка может нас обнаружить, подслушать и заставить поплатиться за то, что мы слишком много знаем. Вот цена неумения скрывать свое знание. Витоны безжалостны, абсолютно беспощадны, об этом свидетельствует тот страшный факт, что они взорвали к черту весь Силвер-Сити, как только узнали, что нам удалось их сфотографировать.

— И все равно мир нужно предупредить,— упрямо твердил Грэхем.— Может быть, неведение и есть благо, зато знание — оружие. Человечество должно узнать своих угнетателей, чтобы сбросить их иго!

— Прекрасно сказано,— насмешливо отозвался профессор.— Я восхищен вашей силой духа, только дух — это еще не все. Вы слишком мало знаете, чтобы понять: то, что вы предлагаете, невыполнимо.

— Для этого я к вам и пришел,— парировал Грэхем.— Узнать больше! Если я уйду отсюда, не получив всей информации, то в моей неосведомленности будете виноваты только вы. Откройте мне все, что вам известно,— о большем я просить не могу.

— И что потом?

— Всю ответственность и весь риск я беру на себя. Что еще я могу сделать?

Мрак и тишина. Двое застыли, глядя на экран: один — сгорая от нервного нетерпения, другой — погрузившись в невеселые раздумья. Только противоречивые мысли стремительно метались в тишине, отмеряемой неторопливым тиканьем часов. Как будто судьба всего мира дрожала на весах одного-единственного человеческого разума.

— Пошли,— внезапно произнес Бич. Включив свет, он открыл дверь рядом с по-прежнему безразличным экраном и зажег лампы в небольшой, но хорошо оборудованной лаборатории, где в полном порядке выстроились всевозможные приборы.

Потушив свет в комнате, из которой они только что вышли, Бич закрыл ведущую в нее дверь и показал Грэхему звонок, укрепленный на стене лаборатории:

— Если экран в соседней комнате засветится, сработает фоточувствительный элемент и звонок зазвонит. Если это случится, сразу же взбаламутьте как следует свои мысли — или приготовьтесь к худшему.

— Понял.

— Садитесь сюда,— велел Бич. Он протер пальцы эфиром и взял пузырек.— Реакция Бьернсена — синергическая. Вы знаете, что это значит?

— Она дает чисто ассоциативный эффект.

— Верно! Вы объяснили это по-своему, но весьма удачно. Это реакция, которая вызывается совместным действием препаратов, ни один из которых, взятый в отдельности, не смог бы ее вызвать. Можете себе представить, что это значит — проверить взаимодействие нескольких составляющих во всевозможных комбинациях: нужно провести астрономическое количество экспериментов! Синергетикой будут заниматься еще много лет. И на эффект Бьернсена могли не натолкнуться еще лет пятьдесят. Если бы у него самого не хватило ума распознать проблеск удачи, мы бы все...— Он замолчал и, наклонив пузырек над мензуркой, стал тщательно отсчитывать капли.

— Что вы делаете? — спросил наблюдавший за ним Грэхем.

— Собираюсь обработать вас по формуле Бьернсена. На несколько минут вы потеряете зрение, но не пугайтесь: просто ваши палочки и колбочки должны перестроиться. А пока зрение будет изменяться, я подробно расскажу вам все, что мне удалось узнать.

— Полученный эффект будет постоянным или временным?

— Он кажется постоянным, но я не стал бы утверждать категорически. Просто никто не прожил достаточно долго, чтобы удостовериться, насколько он продолжителен.

Поставив пузырек, он подошел к Грэхему, держа в одной руке стаканчик, в другой клочок ваты.

— Что ж, начнем,— сказал он.— А теперь слушайте внимательно, что я вам скажу,— кто знает, может быть, повторить это уже больше не придется!

Сам того не ведая, он оказался пророком...

Глава 7

По диску заходящей луны проносились бледные клочья облаков. Густая, почти осязаемая тьма окутывала долину. Ночной мрак надежно укрывал дом, угрюмо затаившийся в ее глубине, и неясную тень, которая выскользнула из бронированной двери и метнулась под полог шумящих сосен.

У обшарпанного указателя, залитого лунным светом, тень на мгновение превратилась в силуэт мужчины, потом растворилась, слившись с темными деревьями. По тропе прокатился камешек, где-то хрустнула ветка — и снова вокруг только шелест неугомонной листвы да стон ветвей, колеблемых ночным ветром.

У конца тропы рябина укрыла своими ветвями узкий, стремительный, отливающий металлом корпус. Что-то темное, мелькнув у ствола рябины, слилось с машиной. Тихо щелкнул хорошо смазанный замок, раздался тихий, но мощный гул. Тревожно вскрикнула ночная птица, и металлический цилиндр, выскочив из глубокой тени, рванулся по дороге, держа курс на перевал.

Еще светало, когда тот же самый цилиндр уже стоял у стратопорта Бойсе. На одном краю небосклона мигали на фоне постепенно светлеющей мглы бледные звезды, другой розовел от лучей занимающегося дня. Утренняя дымка полупрозрачной пеленой висела над отрогами Скалистых гор.

Зевнув, Грэхем сказал лейтенанту полиции Келлерхеру:

— Бич и я отправляемся в разное время и следуем разными маршрутами. Для этого есть особые причины. Абсолютно необходимо, чтобы один из нас добрался до Вашингтона. Вы лично отвечаете за то, чтобы через час Бича встретили и в целости и сохранности доставили на борт «Олимпийца».

— Не волнуйтесь, все будет в полном порядке,— заверил его Келлерхер.

— Хорошо, поручаю это вам.— Грэхем еще раз широко зевнул и, не обращая внимания на завороженный взгляд лейтенан-

та, прикованный к его глазам, забрался на заднее сиденье скоростного армейского реактивного самолета, готового умчать его на восток.

Пригнувшись над рычагами управления, пилот запустил двигатель. Языки пламени и длинные струи пара вырвались из сопел и отразились в зеркальной поверхности крыльев. С пронзительным ревом машина рванулась в рассветное небо и, протянув за собой быстро тающий перистый шлейф, понеслась над горами, тревожа их покой эхом громовых раскатов.

Набрав высоту над зубчатыми вершинами Скалистых гор, пилот выровнял машину. Грэхем, судорожно зевая, смотрел в иллюминатор. Глаза его, несмотря на усталость, сохраняли все тот же неизменный блеск.

Мерно подрагивая, двигатели развивали скорость, на полмили опережающую скорость звука. Постепенно Грэхем уронил подбородок на грудь, веки его отяжелели и, потрепетав, закрылись. Убаюканный монотонной вибрацией двигателей и покачиванием самолета, он начал похрапывать.

Разбудил его удар колес о землю и стремительный бег по посадочной полосе. Вот и Вашингтон! Легонько толкнув пассажира в бок, пилот усмехнулся и кивнул на часы. Они показали отличное время.

Когда Грэхем вышел, к машине торопливо приблизились четверо. Двоих он узнал: полковник Лимингтон и лейтенант Воль С ними было двое незнакомцев — высокие, плотные мужчины с властными манерами.

— Получил вашу телеграмму, Грэхем,— сообщил Лимингтон. Его проницательные глаза так и горели от нетерпения. Он достал из кармана бланк и прочитал вслух: — «Дело проясняется, от его исхода зависит судьба человечества. Необходимо доложить президенту. Встречайте армейским самолетом, прибытие два сорок».— Он взъерошил усы.— Я так понимаю, что ваша информация чревата страшными последствиями?

— Именно так! — Устремив в небо холодные, сверкающие глаза, Грэхем, казалось, выискивал там что-то незримое.— Придется принять строжайшие предосторожности, иначе мне конец, а вы так ничего и не узнаете. Необходимо подыскать какое-нибудь хорошо защищенное подземное убежище, вроде подвально-

го этажа правительственного здания. Еще там должен быть магнитофон, чтобы записать все, что я расскажу. Мало ли, а вдруг, несмотря на все предосторожности и везение, мой рассказ прервут.

— Прервут? — Нахмурившись, Лимингтон с недоумением воззрился на него.

— Вот именно, прервут! Как прервали уже многих — в разное время в разных местах и без всякого предупреждения. А поскольку мне теперь известно очень многое, меня могут заткнуть быстрее, чем кого бы то ни было. Хотелось бы найти место понадежнее и к тому же понезаметнее.

— Что ж, полагаю, это можно устроить,— согласился Лимингтон.

Не обращая внимания на любопытство, с которым слушали его слова остальные, Грэхем продолжал:

— Еще я хочу, чтобы вы поручили кому-нибудь встретить доктора Бича в Питсбурге — он прилетает вечером на «Олимпийце». Доставьте его сюда, и он подтвердит мои слова или доскажет за меня.

— Доскажет за вас?

— Да, если я не успею.

— Что за странные вещи вы говорите, Грэхем! — воскликнул Лимингтон, подходя к ожидающему гиромобилю.

— Не более странные, чем человеческая смерть.— Грэхем влез в машину, остальные последовали за ним.— Еще немного, и вы все услышите в простом и доступном изложении. И тогда, быть может, пожалеете, что вообще узнали эту историю.

Он рассказал все — аудитории из тридцати человек. Слушатели расположились рядами на жестких неудобных стульях в помещении, заглубленном на тридцать футов ниже уровня земли. Единственную дверь закрывал люминесцентный экран, срочно доставленный из правительственной лаборатории. Его сверхчувствительная поверхность, пока остававшаяся тусклой и безжизненной, готова была засветиться, давая сигнал о появлении невидимых и незваных гостей. Вверху каменной преградой, заслоняющей конспираторов от всевидящих небес, высилась тяжеловесная громада здания Министерства обороны.

Аудитория была смешанная. В ней преобладали настороженное ожидание, внимание и легкое недоверие. Там был полковник Лиминтон, с ним Воль и двое правительственных чиновников, встречавших Грэхема в стратопорте. Слева от них беспокойно ерзали на своих местах сенаторы Кармоди и Дин, доверенные лица президента страны. Широкоплечий флегматик, сидящий справа,— Уиллетс С. Кейтли, глава Разведывательной службы США, рядом с ним — его личный секретарь.

За ними — ученые, правительственные служащие, консультанты-психологи, всего две дюжины человек. Вот проницательное лицо, увенчанное белой гривой,— профессор Юргенс, ведущий в мире специалист по массовой психологии, или, как предпочитают говорить его друзья, «реакции толпы». Смуглый мужчина с тонкими чертами, выглядывающий из-за плеча Юргенса,— Кеннеди Вейтч, ведущий специалист по физике излучения. Шестеро слева от него — представители тысячи ученых, уже давно работающих над созданием волновой бомбы, преемницы атомной. Остальные — столь же компетентные специалисты, каждый в своей области, одни неизвестные, другие снискавшие мировую славу.

Внимание собравшихся было приковано к Грэхему, чьи горящие глаза, хрипловатый голос и выразительные жесты доносили до их восприимчивых умов ужасную правду. Установленный в углу магнитофон с механической точностью фиксировал сведения, ставшие теперь общим достоянием.

— Господа,— начал Грэхем,— не так давно шведский ученый Педер Бьернсен вел поиски в неисследованной области науки; месяцев шесть назад его работа была успешно завершена: при этом обнаружилось, что границы человеческого зрения можно расширить. Этот блестящий результат ему удалось осуществить благодаря применению йода, метиленовой синьки и мескаля. И хотя до сих пор не вполне ясно, как именно данные компоненты реагируют друг с другом, сомневаться в их эффективности не приходится. Человек, прошедший обработку по способу Бьернсена, способен воспринимать гораздо более широкий диапазон электромагнитных частот, нежели тот, что доступен обычному зрению.

— Насколько более широкий? — раздался недоверчивый вопрос.

— Расширение происходит только в одном направлении,— ответил Грэхем,— в сторону инфракрасного диапазона. Если верить Бьернсену, граница проходит в пределах ультракоротких радиоволн.

— Неужели тепловидение? — раздался голос с места.

— Вот именно, тепловидение и даже сверх того,— подтвердил Грэхем.

Повысив голос, чтобы перекрыть возникший ропот изумления, он решительно продолжал:

— Каким именно образом достигается подобный эффект — предстоит поломать головы вам, ученым. Но во всем этом есть еще один поразительный факт, буквально вытащенный на свет Божий благодаря открытию Бьернсена, факт, который не может оставить равнодушным ни меня лично, ни нашу страну, ни весь мир.— Он сделал паузу, потом заявил прямо, без обиняков: — Господа, наша Земля принадлежит другим, более высокоразвитым существам!

Как ни удивительно, не последовало ни гневного протеста, ни скептических смешков, ни даже гула изумления. Что-то удержало собравшихся: некое общее чувство открывшейся истины или, быть может, ощущение полной искренности говорящего. Так они и сидели, как статуи, застыв на своих местах, устремив на Грэхема потрясенные, завороженные, тревожные взгляды. На лицах было написано, что новость превзошла их самые фантастические ожидания.

— Уверяю вас, все, что я сказал,— реальность, не вызывающая ни малейших сомнений,— заявил Грэхем.— Я сам видел этих тварей. Видел, как эти бледные и в то же время странно светящиеся голубые шары проплывали по небу. Два из них стремительно и бесшумно пронеслись надо мной, когда я крался по безлюдной тропе из лаборатории Бича, затерянной в горах между Бойсе и Силвер-Сити. Один покачивался в воздухе над стратопортом Бойсе незадолго до отлета лайнера, который доставил меня сюда. Когда я прибыл в Вашингтон, то застал здесь целые дюжины их собратьев. Вот и сейчас над городом парят десятки; возможно, некоторые крутятся над зданием. Они предпочитают людские сборища. Весь ужас в том, что они скапливаются там, где нас много.

— Кто же они? — спросил сенатор Кармоди. Его пухлое лицо раскраснелось.

— Никто не знает. Они не дают времени, чтобы их как следует изучить. Сам Бьернсен полагал, что они вторглись на Землю из других миров, причем сравнительно недавно, однако он понимал, что это чистой воды догадка, поскольку данных для подтверждения гипотезы у него не было. Покойный профессор Мейо тоже склонялся к мысли, что это организмы внеземного происхождения, но считал, что они захватили и поработили нашу планету много тысяч лет назад. Доктор Бич, напротив, думает, что они коренные обитатели Земли, так же как микробы. Бич говорит, что покойный Ганс Лютер пошел дальше других и, основываясь на наших физических несовершенствах, предположил, что они и есть истинные земляне, в то время как мы являемся потомками животных, которых они вывезли из других миров на своих космических кораблях-скотовозах.

— Скот... скот... скот! — пронеслось по залу. Собравшиеся выговаривали это слово так, как будто оно было бранным.

— Что еще известно об этих существах? — спросил кто-то.

— Боюсь, что очень немногое. Они ничуть не похожи на людей и, с человеческой точки зрения, настолько чужды нам, что не ясно, каким образом мы сможем найти что-то общее, что позволило бы достичь хоть какого-нибудь взаимопонимания. Они выглядят как светящиеся шары около трех футов в диаметре. Их живая, сияющая поверхность окрашена в голубой цвет, но лишена каких бы то ни было внешних признаков. Их нельзя снять на обычную инфракрасную пленку, но Бич изобрел новую эмульсию, с помощью которой их можно регистрировать. Радиолокаторы их не обнаруживают, очевидно по той причине, что они поглощают радиоимпульсы, вместо того чтобы их отражать. Бич утверждает, что они любят роиться поблизости от антенн радиолокаторов, как ребятишки в жару вокруг фонтана. Он считает, что именно они натолкнули нас на изобретение локатора, чтобы тем самым ценою нашего пота доставить им еще одно непонятное удовольствие.

На лицах слушателей отразилось смешанное выражение изумления и страха. Грэхем продолжал:

— Установлено, что взамен зрения эти зловещие шары применяют экстрасенсорное восприятие, достигшее у них порази-

тельного развития. Вот почему они всегда могли следить за нами, оставаясь для нас неуловимыми: ведь это шестое чувство независимо от электромагнитных колебаний. Кроме того, органы речи и слуха им заменяет телепатическая связь, а может быть, она лишь оборотная сторона того же экстрасенсорного восприятия. В любом случае они могут читать и понимать человеческие мысли, но только на близком расстоянии. Бич назвал их витонами, поскольку, судя по всему, они бесплотны и являются сгустками энергии. Они принадлежат не к животному, не к минеральному, не к растительному миру, а к миру энергии.

— Ерунда! — взорвался один из ученых, обретя наконец какую-то опору в своей области науки.— Энергия не может сохранять такую компактную и уравновешенную форму!

— А как же шаровые молнии?

— Шаровые молнии? — Вопрос застал критика врасплох. Он неуверенно огляделся и пошел на попятный.— Должен признаться, вы меня поймали. Этому феномену наука пока не дала удовлетворительного объяснения.

— И все же наука не отрицает, что молнии представляют собой компактную, временно уравновешенную форму энергии, которую невозможно воспроизвести в лабораторных условиях,— произнес Грэхем серьезно.— Может быть, это умирающие витоны. Не исключено, что эти существа смертны, как и мы с вами, каков бы ни был срок их жизни. А умирая, они рассеивают свою энергию на таких частотах, что внезапно становятся видимыми.— Вынув бумажник, он извлек несколько газетных вырезок.— «Уорлд телеграм», семнадцатое апреля: сообщение о шаровой молнии, которая влетела в дом через открытое окно и, взорвавшись, подпалила ковер. В тот же день еще одна молния, подпрыгивая, прокатилась по улице ярдов двести и исчезла, оставив после себя волну раскаленного воздуха. «Чикаго дейли ньюс», двадцать второе апреля: сообщение о шаровой молнии, которая медленно проплыла над лугом, проникла в дом, попыталась подняться по каминной трубе, а потом взорвалась, разрушив камин.

Спрятав вырезки, он усталым жестом пригладил волосы.

— Я позаимствовал эти вырезки у Бича. У него их целая коллекция за последние сто пятьдесят лет. Около двух тысяч статей, посвященных шаровым молниям и другим подобным феноме-

нам. Когда их просматриваешь, зная то, что наконец стало известно, все выглядит совершенно иначе. Они перестают быть коллекцией устаревших сведений и становятся уникальной подборкой неоспоримых, исключительно важных фактов, которые заставляют нас удивляться, почему мы никогда не подозревали того, что открылось нам теперь. Ведь устрашающая картина все время была перед глазами, только нам не удавалось как следует сфокусировать изображение.

— Почему вы считаете, что эти существа, эти витоны — наши господа? — в первый раз подал голос Кейтли.

— Бьернсен установил это, наблюдая за ними, и все его последователи неизбежно приходили к такому же выводу. Мыслящая корова тоже могла бы довольно быстро уловить, чьему господству она обязана тем, что ее сородичи попадают на бойню. Витоны ведут себя так, как будто они — хозяева Земли, но ведь так оно и есть! Они и есть наши хозяева — ваши, мои, президента, любого короля, любого преступника, рождающегося на нашей планете.

— Черта с два! — выкрикнул кто-то из заднего ряда.

Никто не обернулся. Кармоди недовольно нахмурился, остальные не спускали глаз с Грэхема.

— Нам известно мало,— продолжал Грэхем,— но и это малое стоит многого. Бич убедился, что витоны не только состоят из энергии, но еще и зависят от энергии, питаются энергией — нашей с вами энергией! Мы для них — производители энергии, которых им любезно предоставила природа для удовлетворения аппетитов. Потому они нас и разводят, то есть побуждают к размножению. Они пасут нас, загоняют в хлев, доят, а сами жиреют на токах, идущих от наших эмоций, точно так же, как мы жиреем на соках, выделяемых коровами, которым даем корм, содержащий стимуляторы лактации. Покажите мне очень эмоционального человека, чья жизнь была бы долгой и здоровой,— и вот вам витонская корова-рекордистка, обладательница первого приза!

— Вот дьяволы! — раздался чей-то возглас.

— Если вы, господа, поразмыслите над этим как следует,— продолжал Грэхем,— то поймете весь ужас создавшегося положения. Давно известно, что выделяющаяся в процессе мышления нервная энергия, как и реакция желез на эмоциональное возбуж-

дение, имеет электрическую или квазиэлектрическую природу. Именно этими продуктами и питаются наши призрачные владыки. Они могут в любое время увеличить урожай, сея ревность, соперничество, злобу и таким образом раздувая эмоции,— и вовсю пользуются этим. Христиане против мусульман, черные против белых, коммунисты против католиков — все они льют воду на витонскую мельницу, все, сами того не сознавая, набивают чужое брюхо. Витоны выращивают свой урожай так же, как мы выращиваем свой. Мы пашем, сеем и жнем — и они пашут, сеют и жнут. Мы — живая почва, взрыхленная обстоятельствами, которые навязывают нам витоны, засеянная противоречивыми мыслями, удобренная грязными слухами, ложью и умышленным извращением фактов, политая завистью и подозрительностью, дающая тучные всходы эмоциональной энергии, которые витоны потом пожинают серпами беды. Каждый раз, когда кто-то из нас призывает к войне, витоны приглашают друг друга на банкет!

Мужчина, сидевший рядом с Вейтчем, поднялся и сказал:

— Может быть, вы знаете, чем мы занимаемся. Мы уже давно пытаемся расщепить атом. Пытаемся найти способ достичь полного рассеяния субатомных частиц в первоначальную энергию. Пытаемся создать волновую бомбу. И если нам повезет, это будет еще та штучка! Даже одна небольшая бомбочка разнесет мир на куски.— Он облизнул губы и огляделся по сторонам.— Что же, по-вашему, нас витоны вдохновляют?

— Вы еще не получили вашу бомбу?

— Нет еще.

— Вот вам и ответ,— сухо сказал Грэхем.— Может быть, вы ее вообще никогда не получите. А если получите, возможно, никогда ею не воспользуетесь. Ну а если вы ее создадите и взорвете...

Раздался громкий стук в дверь. Несколько человек вздрогнули от неожиданности. Вошел военный, что-то шепнул Кейтли и сразу вышел. Кейтли встал, лицо его побледнело. Он взглянул на Грэхема, потом обвел глазами собравшихся и заговорил медленно и серьезно:

— Господа, мне очень жаль, но только что стало известно: в двадцати милях к западу от Питсбурга потерпел крушение «Олимпиец».— Голос его сорвался. Было видно, как он взволнован.— Много пострадавших, один человек погиб. И эта единственная жертва — профессор Бич!

Он сел. Вокруг поднялся встревоженный гул. Целую минуту в зале не утихало волнение. Слушатели переглядывались, испуганно посматривали то на экран, то на лихорадочно горящие глаза Грэхема.

— Еще один из посвященных ушел навсегда,— с горечью сказал Грэхем.— Сотый или тысячный — кто знает! — Он выразительно развел руками.— Мы нуждаемся в еде, но не бродим наугад в поисках дикого картофеля. Мы его выращиваем, улучшаем, исходя из того, каким, по-нашему разумению, должен быть картофель. Вот и клубни наших эмоций, видно, недостаточно крупны, чтобы насытить властелинов Земли. Их нужно растить, удобрять, культивировать по правилам тех, кто тайком возделывает наше поле. Вот почему мы, люди, которые в остальном достаточно разумны и даже настолько изобретательны, что порою сами поражаемся силе своего ума, не способны управлять миром так, чтобы это делало честь нашему интеллекту! — выкрикнул он, потрясая перед ошеломленными слушателями увесистым кулаком.— Вот почему сегодня мы, которые могли бы создать невиданные в истории человечества шедевры, живем в окружении жалких памятников нашей собственной страсти к разрушению и не способны построить мир, обеспечить покой, безопасность. Вот почему мы достигли успехов в естественных науках, во всех порождающих эмоциональный отклик искусствах, во всевозможных возбуждающих затеях, но только не в социологии, которая с самого начала была в загоне.

Широким жестом он развернул воображаемый лист бумаги и сказал:

— Если бы я показал вам микрофотоснимок лезвия обыкновенной пилы, ее зубцы и впадины дали бы график, прекрасно воспроизводящий волны эмоций, которые с дьявольской регулярностью сотрясают наш мир. Эмоции — посев! Истерия — плод! Слухи о войне, подготовка к войне, войны, которые то и дело вспыхивают,— кровавые и жестокие, религиозные бдения, религиозные волнения, финансовые кризисы, рабочие стачки, расовые беспорядки, идеологические демонстрации, лицемерная пропаганда, убийства, избиения, так называемые стихийные бедствия, а иначе — массовые истребления тем или иным вызывающим эмоциональный подъем способом, революции и снова войны.

Все так же громко и решительно он продолжал свою речь:

— Подавляющее большинство обычных людей всех рас и вероисповеданий больше всего на свете инстинктивно жаждет мира и покоя — и все же наш мир, населенный в основном трезвыми, разумными людьми, не может утолить эту жажду. Нам не позволяют ее утолить! Для тех, кто на шкале земной жизни занимает верхнюю отметку, мир, истинный мир — голодное время. Им нужно любой ценой получить урожай эмоций, нервной энергии: чем больше, тем лучше, и по всей Земле!

— Какой ужас! — вырвалось у Кармоди.

— Когда вы видите, что мир терзают подозрения, раздирают противоречия, изнуряет бремя военных приготовлений, будьте уверены: приближается время жатвы — чужой жатвы. Эта жатва не для вас и не для нас, ибо мы всего лишь жалкие недоумки, чей удел — быть отогнанными от кормушки. Урожай не про нас!

Он весь подался вперед — подбородок агрессивно выпячен, горящие глаза устремлены на слушателей.

— Господа, я пришел дать вам формулу Бьернсена, чтобы каждый мог проверить ее на себе. Возможно, кое-кто из вас думает, что я просто-напросто нагоняю на вас страх. Боже, как бы я хотел, чтобы все это оказалось заблуждением! Скоро и вы захотите того же.— Он усмехнулся, но усмешка получилась жесткой и совсем не веселой.— Я прошу, нет, требую, чтобы мир узнал всю правду, пока еще не поздно. Никогда человечеству не изведать покоя, никогда не построить рай на земле, пока его общую душу гнетет это страшное бремя, пока его общий разум растлевается с самого своего рождения. Наверняка наше оружие — правда, иначе эти твари никогда не пошли бы на такие крайние меры, стараясь, чтобы она не вышла наружу. Они боятся правды, значит, мир должен эту правду узнать. Необходимо открыть миру глаза!

Он сел и закрыл лицо руками. Оставались еще кое-какие факты, которые он не мог им сообщить. Да и не хотел. Еще до утра некоторые из них обретут способность проверить истинность его утверждений. Они взглянут в грозные небеса — и кто-то из них погибнет. Они умрут, крича от страшной правды, проникшей в их умы, от ужаса, стиснувшего их бешено колотящиеся сердца. Напрасно будут они пытаться отбиться или убежать от

невидимого врага. Все равно им суждено умереть, лепеча бесполезные слова протеста.

Грэхем смутно слышал, как полковник Лимингтон обратился к аудитории, призывая ученых расходиться по одному, соблюдая бдительность и осторожность. Каждый должен был взять у него копию драгоценной формулы, чтобы как можно скорее проверить ее на себе и сразу же сообщить ему о полученных результатах. И, что самое главное, им предстояло, держась порознь, все время контролировать свои мысли, чтобы в случае неудачи каждого из них обнаружили как одиночку, а не как члена группы. Лимингтон тоже понимал угрожавшую всем опасность. И старался хотя бы уменьшить риск.

Один за другим правительственные эксперты покидали помещение. Каждый получал от Лимингтона листок бумаги. Все посматривали на неподвижно застывшего Грэхема, но никто с ним не заговаривал. Лица ученых отражали невеселые раздумья, уже пустившие ростки в их умах.

Когда последний из них ушел, Лимингтон сказал:

— Грэхем, мы приготовили для вас место, где вы сможете поспать; оно еще ниже под землей. Придется о вас заботиться как следует, пока факты не получат подтверждения: ведь смерть Бича означает, что вы теперь — единственный, кто получил информацию из первых рук.

— Сомневаюсь.

— Что? — От удивления у Лимингтона даже челюсть отвисла.

— Я так не думаю,— устало пояснил Грэхем.— Одному небу известно, сколько ученых получили сведения об открытии Бьернсена по личным каналам. Некоторые наверняка отмахнулись от него как от заведомой ереси — во всяком случае, им так показалось. Никто из них не потрудился проверить полученные сведения, это упущение и спасло им жизнь. Но могли быть и другие, которые повторили опыт Бьернсена и пришли к тому же результату. Им повезло больше: их до сих пор не обнаружили. Эти перепуганные, загнанные люди, доведенные собственным знанием до полубезумного состояния, боятся выставить себя на посмешище, или ускорить собственную гибель, или даже вызвать страшную бойню, если начнут выкрикивать правду направо и налево. Они где-то скрываются, затаившись в безвест-

ности, молча шныряя вокруг, как помойные крысы. Вам придется здорово попотеть, чтобы их выловить.

— Вы считаете, что широкое распространение сведений может привести к беде?

— К беде — это еще мягко сказано,— заявил Грэхем.— В словаре просто нет такого слова, которым можно назвать то, что произойдет. Новость сможет распространиться только в том случае, если витонам, несмотря на их отчаянное противодействие, не удастся этому помешать. Если они сочтут необходимым, то без малейших сожалений сотрут с лица Земли половину человечества, чтобы сохранить другую половину в блаженном неведении.

— Если сумеют,— уточнил Лимингтон.

— Они уже развязали две мировые войны и последние двадцать лет постоянно подогревают наши эмоции по поводу неотвратимости третьей, самой разрушительной.— Грэхем потер руки и ощутил сочащуюся из пор влагу.— То, что было для них доступно раньше, доступно и сейчас.

— Вы что же, хотите сказать, что они всемогущи, а значит, бороться с ними бесполезно?

— Нет и еще раз нет! Но недооценивать противника тоже нельзя. Мы уже слишком много раз делали подобную ошибку! — Лимингтон поморщился, но возражать не стал.— Об их численности и мощи можно пока только догадываться. Очень скоро они начнут рыскать вокруг, стараться выследить зачинщиков мятежа и расправиться с ними — быстро, умело, раз и навсегда. Если они обнаружат меня и уничтожат, вам придется искать кого-то из выживших ученых. Вьернсен уведомил своих друзей, и никто не знает, как далеко растеклись сведения по чисто личным каналам. Дейкин, к примеру, получил их от Уэбба, а тот через Бича от самого Бьернсена. К Риду они попали другим путем — от Мейо и опять же от Бьернсена. Дейкин и Рид получили новость из третьих, четвертых, а может быть, и десятых рук, и все равно она их угробила. Не исключено, что есть другие, которые, скорее по чистой случайности, нежели по какой-то иной причине, умудрились выжить.

— Остается надеяться на это,— хмуро заметил Лимингтон.

— Как только новость выйдет наружу, те, которым она известна, окажутся в безопасности: исчезнет повод с нами разде-

латься.— В его голосе прозвучала надежда человека, мечтающего избавиться от невыносимого бремени.

— Если результаты, полученные учеными, подтвердят ваше заявление,— вмешался сенатор Кармоди,— тогда я лично позабочусь о том, чтобы президента срочно информировали. Вы можете рассчитывать на полную поддержку правительства.

— Благодарю вас,— сказал Грэхем и, поднявшись, вышел вместе с Волем и Лимингтоном.

Они проводили его в отведенное ему временное пристанище, которое находилось под тем же зданием Министерства обороны, но на много уровней ниже.

— Послушай, Билл,— обратился к нему Воль,— ведь я получил из Европы уйму сообщений, только не успел тебе рассказать. Результаты вскрытия Шеридана, Бьернсена и Лютера оказались точь-в-точь такими же, как и у Мейо с Уэббом.

— Все сходится,— заметил полковник Лимингтон, прямотаки с отеческой гордостью похлопав Грэхема по плечу.— Людям будет нелегко поверить в историю, которую вы раскрыли, но я полагаюсь на вас целиком и полностью.

Они ушли, чтобы Грэхем смог наконец поспать, хотя он знал, что ничего из этого не выйдет. Разве можно уснуть, когда человечество стоит на пороге кризиса? На его глазах погиб Мейо. Он видел, как Дейкин пытался убежать от судьбы, удар которой был стремителен, точен и неумолим. Он предчувствовал, какой конец ожидает Корбетта, и слышал отзвук катастрофы, в которой тот погиб. Сегодня — Бич! А завтра?

Холодным промозглым утром страшная новость оглушительно взорвалась над ошеломленной планетой, взорвалась так внезапно, что у всех просто дух захватило, и так неистово, что это превзошло самые худшие опасения. Весь мир буквально взвыл от ужаса.

Глава 8

Было три часа утра 9 июня 2015 года. Редко упоминаемый, но в высшей степени эффективный Отдел пропаганды Соединенных Штатов трудился не покладая рук. Его огромные помещения, занимавшие два этажа здания Министерства внутренних дел, были темны и безлюдны. Тем временем в дюжине комнат,

укрытых в просторном подземном помещении, находящемся в двух милях от главного здания, кипела работа. Там собрался весь штат отдела, усиленный восемью десятками добровольных помощников.

Этажом выше, покоясь на мощных железобетонных перекрытиях, застыли старинные тяжеловесные типографские прессы. Чистые, смазанные, блестящие, они много лет простояли, ожидая того момента, когда неожиданный выход из строя всей национальной системы телеинформации снова призовет их к действию. Над ними на высоту в тысячу футов возносилась стройная громада — резиденция полуофициальной «Вашингтон пост».

В руки четырехсот взмыленных людей, уже давно сбросивших свои пиджаки, стекались новости со всего земного шара. Телевидение, радио, кабельная сеть, стратопочта, даже полевая связь вооруженных сил — все было отдано в их распоряжение.

Но выше, на уровне земли, эта бешеная деятельность никак себя не обнаруживала. Здание «Пост» было явно безлюдно, в бесконечных рядах его неосвещенных окон дробилась тысячью отражений бледная луна. По тротуару одиноко брел патрульный полицейский; он шагал, устремив взгляд на освещенный циферблат уличных часов и ничего не подозревая о лихорадочной работе, кипевшей у него под ногами. Все его мысли были сосредоточены на чашке кофе, ждавшей его в конце обхода. Кошка молнией перебежала ему дорогу и шмыгнула в тень.

А тем временем там, глубоко внизу, под нависшими бетонными громадами, вдали от миллионов ничего не подозревающих, мирно спящих горожан, четыреста человек фанатично трудились, готовя ужасную новость на грядущее утро. Телеграфные ключи и скоростные печатающие аппараты отбивали то краткие быстрые сообщения, то более длинные и зловещие. Бешено грохотали телетайпы, выдавая горы информации. Надрывались телефоны, выплевывая чьи-то металлические голоса. Мощный многоканальный коротковолновый передатчик посылал через высотную антенну тревожные импульсы по всему миру.

Стекающиеся отовсюду новости анализировались, сравнивались, классифицировались. Бликер завершил опыт. Сообщает, что видит два шара, парящие над Делавер-авеню. О'кей, передайте Бликеру, чтобы он забыл о них — если сумеет! Звонит

Уильямс. Говорит, что провел опыт и теперь видит светящиеся шары. Поблагодарите Уильямса, и пусть он как можно скорее куда-нибудь скроется! На проводе Толлертон. Опыт дал положительные результаты. Он наблюдает вереницу голубых шаров, на большой высоте пересекающих Потомак. Пусть спустится в укрытие и вздремнет.

— Это вы, Толлертон? Спасибо за информацию. Извините, но нам не разрешено говорить, насколько результаты других опытов совпали с вашими. Почему? Ну конечно, ради вашей же безопасности. А теперь выкиньте все из головы и ступайте баиньки!

Вокруг царил шумный, но методичный шурум-бурум: каждый звонок пробивался сквозь встречные вызовы, каждый далекий абонент стремился опередить остальных. Вот мужчина отчаянно вцепился в трубку, уже раз в двадцатый пытаясь связаться со станцией ВРТС в Колорадо. Отчаявшись, он сделал запрос в полицейское управление Денвера. В другом углу радист терпеливо и монотонно повторял в микрофон:

— Вызываю авианосец «Аризона». Вызываю авианосец «Аризона».

Ровно в четыре часа посреди этой суматохи появились двое; они вышли из туннеля, по которому вот уже десять лет вывозили на поверхность тысячи еще влажных газет, чтобы срочно доставить их на железнодорожную станцию.

Войля, первый почтительно придержал дверь, пропуская вперед своего спутника, высокого плотного мужчину со стальной шевелюрой и светло-серыми глазами, спокойно и непреклонно глядевшими с жестковатого лица.

Он остановился и оценивающим взглядом окинул помещение.

— Господа, перед вами президент! — сказал его провожатый.

Наступила тишина. Все встали, вглядываясь в хорошо знакомые черты. Глава государства знаком призвал их продолжать работу и вместе с сопровождающими проследовал в отдельную кабину. Там он надел очки, взял в руки несколько машинописных листков и придвинулся к микрофону.

Вспыхнула сигнальная лампочка. Президент заговорил. Голос его звучал спокойно и уверенно, в интонациях ощущалась убедительная сила. Тонкая аппаратура, скрытая в другом подзе-

мелье, на расстоянии двух кварталов, улавливала его голос и воспроизводила в двух тысячах копий.

После его отъезда аппаратура, работавшая на полную мощность, выдала две тысячи катушек магнитной пленки. Их быстро собрали, упаковали в герметические контейнеры и увезли.

Стратоплан Нью-Йорк—Сан-Франциско, вылетевший в пять часов, унес на борту две дюжины копий речи президента, спрятанных среди груза. Три из них он успел оставить в пунктах посадки, после чего пилот потерял власть над своими мыслями и стратоплан исчез навсегда.

Специальный рейс 4.30 на Лондон получил десяток копий, благополучно перенес их через Атлантику и доставил в пункт назначения. Пилоту и его помощнику сказали, что в запечатанных контейнерах находятся микрофильмы. Они и считали, что там микрофильмы; поэтому те, кого их мысли могли бы заинтересовать, невольно обманулись, поверив в истинность сказанного.

До наступления критического часа по назначению попали примерно три четверти копий. Из оставшейся четверти несколько задержались в пути по естественным и непредвиденным причинам, остальные же явились первыми потерями в новой беспощадной войне. Конечно, президент и сам мог бы без труда произнести эту речь по всем программам сразу. Но речь его также без труда могла быть прервана на первой фразе затаившейся в микрофоне смертью. Теперь же целых полторы тысячи президентов ждали с речью наготове у полутора тысяч микрофонов, разбросанных по всему земному шару: одни в американских посольствах и консульствах в Европе, Азии и Южной Америке, другие — на дальних островах затерянных в Тихом океане, некоторые — на боевых кораблях, вдали от людей и витонов. Десять расположились в безлюдных просторах Арктики, где о витонах напоминали только безопасные вспышки в небесах.

В семь утра в восточных штатах, в полдень в Великобритании и в свое время — в каждой точке планеты новость выплеснулась на первые страницы газет, вспыхнула на теле- и стереоэкранах, загремела из громкоговорителей и радиоприемников, зазвучала с крыш домов.

Стон недоверия и ужаса вырвался у человечества. Он становился все громче по мере того, как росла вера в реальность происходящего, и наконец перешел в истерический вопль.

В голосе человечества звучало постигшее его потрясение, которое каждая раса выражала в соответствии со своим эмоциональным складом, каждая нация — со своими убеждениями, каждый человек — со своим темпераментом. В Нью-Йорке обезумевшая толпа до отказа забила Таймс-сквер. Люди толкались, орали, потрясали кулаками в хмурые небеса, распалившись, как загнанные в угол крысы. В Центральном парке более благопристойная толпа молилась, распевала гимны, взывала к Иисусу, оглашая воздух то протестами, то рыданиями.

В это же утро лондонская Пикадилли обагрилась кровью сорока самоубийц. На Трафальгарской площади негде было яблоку упасть. Даже знаменитые каменные львы скрылись под наплывом обезумевших толп. Кто-то требовал августейшего присутствия Георга Восьмого, кто-то отдавал приказы самому Всемогущему. И вот когда львы, казалось, от страха припали к земле еще ниже, чем перепуганное человечество, когда побледневшие, покрытые испариной лица были устремлены на ораторов, вещавших, что смерть есть расплата за содеянные грехи, колонна Нельсона переломилась у основания, накренилась, на какое-то мгновение, показавшееся вечностью, застыла, как бы опираясь на другую колонну, образованную людскими воплями, потом рухнула, придавив триста человек. Фонтан эмоций взмыл до небес — утоляющих жажду эмоций!

В то утро мусульмане переходили в христианство, а христиане ударялись в пьянство. Народ метался между церковью и публичным домом, частенько заканчивая психушкой. Грешники спешили омыться святой водой, а праведники — забыться, погрязнув в пороке. Каждый сходил с ума по-своему. Каждый был витонской коровой с набухшим выменем, получившей нужную подкормку.

И все же новость вышла наружу, несмотря на все попытки помешать этому, несмотря на все созданные препятствия. Не все газеты откликнулись на распоряжение правительства отдать первые страницы президентскому воззванию. Многие, решив отстоять независимость прессы или, вернее, тупое упрямство своих владельцев, внесли изменения в предоставленные им копии — добавили юмора или нагнали страха, каждая по своему вкусу,— сохранив таким образом освященную веками свободу допускать

грубые искажения, именуемые свободой печати. Несколько газет наотрез отказались печатать столь очевидную галиматью. Некоторые упомянули новость в редакционных статьях, охарактеризовав ее как явный предвыборный фокус, на который они и не подумают клюнуть. Другие же честно старались сделать все возможное, но это им не удалось.

«Нью-Йорк таймс» вышла с опозданием, известив читателей, что ее утренний выпуск не увидел свет в связи с «внезапными потерями в штате». В то утро в редакции умерло десять сотрудников.

«Канзас-Сити стар» вышла вовремя, громогласно требуя ответа на вопрос: что за очередную утку, рассчитанную на выкачивание денег, состряпали в Вашингтоне на этот раз? Ее штат не пострадал.

В Эльмире редактор местной «Газетт» сидел за своим столом. Он был мертв. Окоченевшие пальцы все еще сжимали полученную по телетайпу из Вашингтона копию президентской речи. Помощник редактора, попытавшийся взять листок, упал замертво у ног своего шефа. Третий распростерся у дверей — репортер, погибший от безрассудного намерения исполнить долг, за который отдали свои жизни его товарищи.

Радиостанция ВТТЦ взлетела в воздух в тот самый миг, когда ее микрофоны включились и диктор уже открыл рот, чтобы прочитать новости, за которыми должна была последовать речь президента.

В конце недели подвели итог: семнадцать радиостанций в Соединенных Штатах и шестьдесят четыре по всей планете были загадочным образом выведены из строя некими сверхъестественными силами, причем как раз в нужное время, чтобы не допустить трансляции нежелательных для противника новостей. Тяжелые потери понесла и пресса. В критический момент редакционные здания рушились от каких-то неведомых взрывов или же самые информированные члены редакций гибли один за другим.

И все же мир узнал. Он получил ту весть, которую так тщательно готовили. Даже невидимки не вездесущи.

Новость вышла наружу, и несколько избранных почувствовали себя в безопасности. Зато всех остальных охватил ужас.

Билл Грэхем вместе с лейтенантом Волем сидели у профессора Юргенса на Линкольн-паркуэй и просматривали вечерние выпуски всех газет, которые удалось раздобыть.

— Реакция в точности такая, как и следовало ожидать,— заметил Юргенс.— Сплошная мешанина. Вот, взгляните!

Он развернул «Бостон транскрипт». В газете не было никаких упоминаний о невидимых силах, зато три колонки занимала передовая статья, содержавшая яростные нападки на правительство.

«Нас не интересует, правда или ложь — мрачная сенсация, обнародованная нынче утром,— вещал ведущий обозреватель "Транскрипт".— Зато нас интересует, кто за ней стоит. Тот факт, что правительство взяло на себя полномочия, которые избиратели ему никогда не давали, и практически узурпировало первые страницы всех газет страны, мы рассматриваем как первый шаг к диктатуре. Мы наблюдаем тенденцию к методам, которых наша свободная демократическая страна не потерпит никогда, ни на единый миг, и которые столкнутся с нашим непреклонным протестом, пока мы еще сохраняем свободу голоса».

— Возникает вопрос, чьи взгляды выражает газета,— озабоченно сказал Грэхем.— Можно предположить, что автор писал ее абсолютно честно и с наилучшими намерениями. Вот только неизвестно, действительно ли он так считает, или эти мысли коварно внушены ему извне, но он воспринимает их как свои собственные и верит, что так оно и есть.

— Да, такая опасность существует,— согласился Юргенс.

— По нашим данным, витоны способны склонять общественное мнение в любую сторону, незаметно внушая мысли, которые наилучшим образом служат их целям. Поэтому разобраться, какие взгляды возникли и развились сами по себе, а какие навязаны извне, практически невозможно.

— В этом вся трудность,— подтвердил профессор.— Витоны имеют колоссальное преимущество: ведь они держат человечество в своих руках, разделяя его, несмотря на все наши попытки к объединению. Теперь каждый раз, когда какой-нибудь интриган начнет мутить воду, мы должны задать себе жизненно важный вопрос: кто за этим стоит? — Он нацелил длинный тонкий палец на статью, о которой шла речь.— Вот вам первый психоло-

гический удар, нанесенный врагом, первый выпад против замышляемого единства — ловко посеянное подозрение, что где-то якобы таится угроза диктатуры. Добрый старый прием: облить противника грязью. И каждый раз на удочку попадаются миллионы. И всегда будут попадаться — ведь люди скорее поверят выдумке, чем убедятся в правде.

— Да уж...— Грэхем мрачно уставился в газету.

Воль задумчиво наблюдал за ним.

— «Кливленд плейн дилер» придерживается другого мнения,— заметил Юргенс.

Он поднял газету и показал двухдюймовую шапку:

— Вот отличный пример того, как журналисты подают читателям факты. Этот парень возомнил себя сатириком. Он делает тонкие намеки на некую пирушку, состоявшуюся в Вашингтоне пару недель назад, и предлагает для витонов свое название: «вампиры Грэхема». Что касается вас, он полагает, что вы чем-то торгуете, скорее всего очками от солнца.

— Скотина! — возмущенно бросил Грэхем. Уловив смешок Воля, он одарил приятеля таким взглядом, что тот быстренько примолк.

— Да вы не расстраивайтесь,— продолжал Юргенс.— Если бы вам довелось заниматься массовой психологией столько лет, сколько мне, вы давно перестали бы удивляться.— Он похлопал рукой по газете.— Этого следовало ожидать. Журналисты считают, что правда существует только для того, чтобы ее насиловать. А факты они уважают только тогда, когда это им выгодно. В остальных случаях гораздо умнее пичкать читателей всяким вздором. Это поднимает журналиста в собственных глазах и дает ему ощущение превосходства над нами, дураками.

— Увидь они все воочию, превосходства бы у них сильно поубавилось.

— Да нет, навряд ли.— Юргенс на мгновение задумался, потом сказал: — Не хотелось бы впадать в мелодраму, но, будьте добры, скажите, нет ли сейчас поблизости витонов?

— Ни одного,— успокоил его Грэхем, бросив в окно взгляд широко раскрытых сверкающих глаз.— Несколько парят вдали, над крышами домов, еще два висят высоко в воздухе над дорогой, а здесь их нет.

— Ну и слава богу.— Лицо ученого прояснилось. Он провел пятерней по длинным седым волосам и едва заметно улыбнулся, увидев, что Воль тоже вздохнул с облегчением.— Меня интересует, что нам делать дальше. Теперь мир узнал самое худшее — и что же он намерен предпринять, да и что он сможет предпринять?

— Мир должен не только узнать самое худшее, но и осознать его как суровую и непреложную истину,— убежденно проговорил Грэхем.— Правительство включило в свой стратегический план практически все крупные химические компании. Первый шаг — выбросить на рынок массу дешевых препаратов, входящих в формулу Бьернсена, чтобы весь народ смог сам увидеть витонов.

— Ну и что это нам дает?

— Это дает большой шаг к неизбежному обнародованию всех фактов. Нужно, чтобы в грядущей схватке мы могли опереться на единодушное общественное мнение. Я не имею в виду только нашу страну. Оно должно быть единодушным во всемирном масштабе. Всем нашим вечно грызущимся группировкам — политическим, религиозным и всяким прочим — придется прекратить раздоры перед лицом нависшей опасности и, объединившись, помочь нам в борьбе, чтобы раз и навсегда покончить с врагом.

— Наверное, вы правы,— неуверенно заметил Юргенс,— вот только...

Но Грэхем продолжал:

— Еще необходимо собрать как можно больше информации о витонах. Ведь то, что мы знаем о них сегодня,— сущая малость. Нам нужно гораздо больше сведений, а их могут предоставить только тысячи, может быть, даже миллионы наблюдателей. Мы должны как можно скорее уравновесить колоссальное преимущество, которое имеют витоны, уже много веков назад постигшие человеческую природу, и так же досконально выведать о них все возможное. Познай своего врага! Бесполезно готовить заговоры и сопротивляться, пока мы не знаем точно, кто нам противостоит.

— Вполне разумно,— согласился Юргенс.— Я не вижу для человечества никакого выхода, пока оно не сбросит это бремя. Только сознаете ли вы, что такое сопротивление?

— Что же это по-вашему? — поинтересовался Грэхем.

— Гражданская война! — Психолог даже взмахнул рукой, стремясь подчеркнуть серьезность своего заявления.— Чтобы получить шанс нанести витонам хотя бы один удар, вам придется сначала завоевать и подчинить полмира. Человечество разделится на две враждующие половины — уж об этом они позаботятся. И ту половину, которая окажется под витонским влиянием, другой половине придется одолеть, возможно даже истребить, и не просто до последнего воина, но даже до последней женщины, до последнего ребенка!

— Неужели все они дадут себя провести? — вставил Воль.

— До тех пор пока люди думают железами, желудками, бумажниками — всем, кроме мозгов, провести их — проще простого,— зло бросил Юргенс.— Они попадаются на каждый ловкий, настойчивый, возбуждающий пропагандистский трюк и всякий раз оказываются в дураках. Возьмите хотя бы японцев. В конце позапрошлого века мы называли их цивилизованным, поэтичным народом и продавали им лом черных металлов и станки. Через десяток лет мы звали их грязным желтобрюхим сбродом. В тысяча девятьсот восьмидесятом мы снова обожали их, лобызали и называли единственными демократами во всей Азии. А к концу века они опять превратились в исчадий ада. Такая же история с русскими: их поносили, расхваливали, опять поносили, снова расхваливали — и все в зависимости от того, к чему призывали народ: поносить или расхваливать. Любой ловкий обманщик может взбудоражить массы и убедить их любить одних и ненавидеть других, смотря что его в данный момент устраивает. И если заурядный мошенник способен разделять и властвовать, что же тогда говорить о витонах! — Он повернулся к Грэхему.— Помяните мои слова, молодой человек: первым и самым труднопреодолимым препятствием станут миллионы истеричных дуралеев, наших же собратьев.

— Боюсь, что вы правы,— неохотно признал Грэхем.

Юргенс действительно оказался прав, еще как прав. Через семь дней формула Бьернсена поступила на рынок, причем в огромных количествах. А на восьмой день рано утром последовал первый удар. Он грянул с такой разрушительной силой, что человечество было парализовано, как при психической атаке.

На лазурное небо, обрызганное розоватым светом утреннего солнца, невесть откуда низверглись две тысячи огненных струй. Спускаясь все ниже, они бледнели, расплывались и наконец превратились в мощные выхлопы незнакомых желтых стратопланов.

Внизу лежал Сиэтл. Его широкие улицы были еще совсем малолюдны. Из печных труб поднимались редкие кудрявые дымки. Множество изумленных глаз устремились в небо, множество спящих заворочались в своих постелях, когда воздушная армада с ревом пронеслась над Паджет-саунд и обрушилась на город. Стремительный бросок — и рев перешел в пронзительный вой. Желтая свора промчалась над самыми крышами домов. На нижних поверхностях обрубленных крыльев уже можно было разглядеть эмблемы в виде пламенеющих солнц. От стройных, удлиненных корпусов стали парами отделяться какие-то черные зловещие предметы. Несколько мгновений, показавшихся вечностью, они беззвучно падали вниз. И сразу же дома превратились в бешено крутящиеся вихри пламени, дыма, обломков дерева и кирпича.

Шесть ужасных минут Сиэтл содрогался от серии мощных взрывов. Потом две тысячи желтых смертей, как адские призраки, взмыли в извергнувшую их стратосферу.

Четыре часа спустя, когда улицы Сиэтла еще сверкали от осколков битого стекла, а уцелевшие жители еще стонали среди развалин, атака повторилась. На этот раз пострадал Ванкувер. Пике, шестиминутный ад — и снова ввысь. Медленно, словно неохотно, густеющие струи реактивных выхлопов растворялись в верхних слоях атмосферы. А внизу лежали изрытые улицы, обращенные в руины деловые кварталы, разрушенные жилые дома, вокруг которых бродили враз постаревшие мужчины, рыдающие женщины, плачущие дети; многие были ранены. То здесь, то там слышался неумолчный крик, будто чья-то навеки проклятая душа претерпевала все муки ада. То здесь, то там звучал короткий отклик, приносивший покой и облегчение тем, кто в них так нуждался. Маленькая свинцовая пилюля служила долгожданным лекарством для смертельно искалеченных.

Вечером того же дня, во время сходной и столь же эффективной атаки на Сан-Франциско, правительство Соединенных Штатов официально опознало агрессоров. Для опознания могло бы

вполне хватить эмблем на их машинах, но весть, которую они несли, была слишком невероятна, чтобы поверить. К тому же власти еще не забыли те дни, когда считалось выгодным наносить удар под флагом любой страны, кроме своей собственной.

И все же догадка оказалась верной. Имя врага — Азиатское Сообщество, с которым у Соединенных Штатов были, казалось бы, самые что ни на есть дружеские отношения.

Отчаянная радиограмма с Филиппин подтвердила истину. Манила капитулировала. Боевые корабли Сообщества, его самолеты и сухопутные войска наводнили весь архипелаг. Филиппинская армия больше не существовала, а Тихоокеанский флот Соединенных Штатов, который проводил маневры в тех краях, подвергся нападению, как только поспешил на помощь союзникам.

Америка схватилась за оружие, а ее лидеры собрались на совещание, чтобы обсудить новую, так внезапно вставшую перед ними проблему. Богатые прожигатели жизни пытались увильнуть от призыва. Сектанты, исповедующие конец света, удалились в горы и там ожидали пришествия архангела Гавриила, который одарит их всех нимбами. Остальные, широкие массы, готовящиеся принести себя в жертву, боязливо перешептывались, задавая друг другу вопросы:

— Почему они не используют атомные бомбы? Потому что их нет, или они просто опасаются, что у нас их больше?

Но дело было даже не в атомных бомбах. Вне всяких сомнений, жестокое, ничем не мотивированное нападение было спровоцировано витонами. Как же им удалось так распалить и науськать Азиатское Сообщество, обычно пребывающее в полудремотном состоянии?

Ответ на этот вопрос дал пилот-фанатик, сбитый во время безумного одиночного налета на Денвер.

— Пришло время, когда наш народ должен получить свое законное наследство,— заявил он.— На нашей стороне невидимые силы. Они помогают нам, направляя к божественно предопределенному уделу. Настал Судный день, и кротким предстоит унаследовать землю. Разве наши святые, узрев эти маленькие солнца, не распознали в них духов наших славных предков? — вопрошал он с уверенностью человека, не сомневающегося в ответе.—

Разве солнце — не наш древний символ? Разве мы не дети солнца, которым после смерти суждено самим превратиться в маленькие солнца? Что есть смерть, как не обычный переход из царства бренной плоти в небесное царство сияющего духа, где нас вместе с нашими досточтимыми отцами и благородными отцами наших отцов ждет великая слава? Путь Азии отмечен свыше,— с безумным видом выкрикивал фанатик,— путь, что благоухает райскими цветами прошлого и порос недостойными плевелами настоящего! Убейте же меня, убейте, чтобы я смог по праву занять свое место в ряду предков, ибо только они одни могут благословить мое нечистое тело!

Вот такой мистический вздор нес пилот-азиат. Весь его континент воспламенился этой бредовой мечтой, коварно взращенной и тонко привитой умам людей невидимыми силами, завладевшими Землей задолго до правления династии Мин, силами, которые досконально изучили людей-коров и знали, когда и где дергать их набухшее вымя. Столь блестящая идея — выдать себя за духа предков — делала честь дьявольской изобретательности витонов.

Пока Западное полушарие срочно мобилизовывало все силы, преодолевая постоянные и необъяснимые препятствия, а Восточное развертывало священную войну, лучшие умы Запада неистово бились над тем, как бы опровергнуть безумную идею, навязанную азиатскому миру, и донести до него ужасную истину.

Но тщетно! Разве не западные ученые впервые обнаружили маленькие солнца? Как же они могут теперь оспаривать их существование? Так вперед, к победе!

Охваченные духовной горячкой орды азиатов кипели и бурлили, выйдя из своего обычного миролюбивого состояния. Глаза сверкали, но не мудростью, а неведением, души следовали «божественному промыслу». Лос-Анджелес был опален низвергшимся с небес огненным вихрем. Первый же вражеский пилот-одиночка, добравшийся до Чикаго, взорвал небоскреб, перемолов тысячу тел со сталью и бетоном, пока робот-перехватчик успел сбить его на лету.

До 20 августа ни одна из сторон так и не прибегла ни к атомным бомбам, ни к отравляющим газам, ни к биологическому

оружию. Каждая опасалась возмездия, и это было самой эффективной защитой. Война, хоть и кровавая, пока оставалась «странной войной».

Тем не менее азиатские войска целиком захватили Калифорнию и южную половину Орегона. Первого сентября воздушные и подводные суда сократили рейды через Тихий океан, чтобы уменьшить все растущие потери. Довольствуясь укреплением и обороной огромного плацдарма, завоеванного на американском континенте, Азиатское Сообщество развернуло наступление в противоположном направлении.

Его победоносные войска хлынули на восток. В них влились обезумевшие армии Вьетнама, Малайзии, Сиама. Двухсоттонные танки на широченных гусеницах с грохотом карабкались на горные перевалы, а когда застревали, толпы народа толкали их вперед. Механические кроты прогрызали широкие просеки в непроходимых джунглях, бульдозеры собирали отходы и сгребали в кучи, а огнеметы — сжигали. Небо так и кишело стратопланами. Азиаты побеждали числом. В их распоряжении было надежное оружие, доступное каждому,— собственная плодовитость.

Чудовищное скопление людей и машин наводнило Индию. Ее население, испокон веков исповедавшее мистицизм и к тому же воодушевленное витонами, встретило завоевателей с распростертыми объятиями. Сразу триста миллионов индусов записались в добровольцы. Они влились в восточную армаду, и с ними уже четверть человечества стала послушно исполнять волю Властелинов Земли.

Но не все упали на колени и склонили головы. Витоны с дьявольской хитростью умножили урожай эмоций, вдохновив на сопротивление мусульман Пакистана. Восемьдесят миллионов стеной встали на защиту Персии и преградили путь захватчикам. Весь остальной мусульманский мир был готов выступить в поддержку. Люди бешено сражались и гибли во имя Аллаха, и Аллах бесстрастно способствовал насыщению витонов.

Короткая передышка, вызванная перемещением театра боевых действий, позволила Америке перевести дух и оправиться от первого потрясения. Пресса, поначалу занятая исключительно освещением всех подробностей конфликта, теперь сочла уместным уделить некоторое внимание и другим темам, в частности

экспериментам Бьернсена, а также старым и новым сведениям о деятельности витонов.

Вдохновившись коллекцией вырезок, собранной Бичем, некоторые газеты провели ревизию своих собственных архивов в надежде обнаружить сходные случаи, которые когда-то остались незамеченными. Началась повальная охота за давно забытыми фактами. Одни вели ее, желая найти подтверждение собственным излюбленным теориям, другие преследовали более серьезные цели — получить ценные сведения о витонах.

«Геральд трибьюн» высказала мнение, что не все люди одинаково воспринимают один и тот же диапазон электромагнитных частот, и объявила, что некоторые наделены более широким зрительным восприятием. «Такие особо зоркие индивиды,— утверждала "Геральд трибьюн",— уже давно и не раз улавливали смутные образы витонов, только не могли их опознать». Несомненно, именно эти мимолетные впечатления породили разнообразные легенды о привидениях, духах, джиннах и прочие «предрассудки». Из этой теории напрашивался вывод, что все спириты — слаженная команда витонских марионеток, но «Геральд трибьюн» на этот раз решила не щадить религиозных чувств.

Только год назад эта же «Геральд трибьюн» сообщала о странно окрашенных огоньках, плывших по небу над Бостоном, штат Массачусетс. Насколько удалось проследить, сообщения о похожих огнях поступали в разное время, причем удивительно часто. Все репортажи отличало одно: научный мир, всегда кичившийся своей любознательностью, не проявил к ним ни малейшего интереса. Все специалисты отмахнулись от этих огней как от непонятных явлений, начисто лишенных смысла и не заслуживающих дальнейшего исследования.

Вот примеры. Февраль 1938 года — разноцветные огни замечены над Дугласом, остров Мэн. Ноябрь 1937-го — падение огромного светящегося шара напугало жителей Донагхади, в Ирландии. В это же время по воздуху проплывали другие светящиеся шары, поменьше. Май 1937-го — трагическая гибель немецкого трансатлантического дирижабля «Гинденбург», которую приписали «огням святого Эльма». Ученые навесили на этот загадочный случай этикетку — и снова погрузились в дремоту. Июль 1937-го — Чэтэм, штат Массачусетс: радиостанция

морской корпорации сообщила о радиограмме с британского грузового корабля «Тотжимо», переданной американским судном «Скэнмейл». В ней говорилось о загадочных цветных огоньках, замеченных в пятистах милях от Кейп-Рейс, Ньюфаундленд.

«Нью-Йорк таймс», 8 января 1937 года: ученые, устав считать ворон, вывели новую теорию, объясняющую голубые огни и «сходные электрические явления», которые часто наблюдались близ Хартума в Судане и Кано в Нигерии.

«Рейнолдс ньюс», Британия, 29 мая 1938 года: девять человек пострадали от какого-то загадочного объекта, упавшего с неба. Один из пострадавших, некий м-р Дж. Херн, описывал его как «огненный шар».

«Дейли телеграф», 8 февраля 1938 года: сообщение о сверкающих шарах, замеченных многими читателями во время потрясающего северного сияния, которое в Англии вообще большая редкость.

«Уэстерн мейл», Уэльс, май 1933-го над озером Бала в Среднем Уэльсе наблюдались фосфоресцирующие шары.

«Лос-Анджелес игзэминер», 7 сентября 1935 года: нечто, напоминающее «пеструю вспышку молний», средь бела дня упало с неба в Сентервилле, штат Мэриленд, сбросило мужчину со стула и подожгло стол.

«Ливерпульское эхо», Британия, 14 июля 1938 года: нечто, по описанию свидетелей, похожее на большой голубой шар, проникло в шахту номер три рудника Болд Коллиери, Сент-Хеленс, Ланкашир, воспламенило скопившиеся в ней рудничные газы и вызвало «таинственный взрыв». Семнадцатого января 1942 года в Северной Ирландии голубые огни, не замеченные радарами, вызвали вой сирен противовоздушной обороны. В небо поднялись самолеты-перехватчики, но ни одна бомба не была сброшена и ни один самолет не был сбит. В газеты эта новость не попала и была расценена как очередная вылазка немцев. Четырьмя месяцами раньше берлинская артиллерия дала залп по «навигационным огням», хотя никаких самолетов над городом не было.

В «Сидней геральд» и «Мельбурн лидер» было напечатано множество пространных сообщений о сияющих шарах, или шаровых молниях, которые по непонятным причинам наводнили Австралию в 1905 году, особенно в феврале и ноябре. Испуган-

ные антиподы кинулись совещаться. Воины-ветераны заседали на высшем уровне. Один из странных феноменов, зарегистрированный обсерваторией Аделаиды, летел так медленно, что его наблюдали целых четыре минуты, пока он не исчез. Бюллетень Французского астрономического общества, октябрь 1905 года: в Италии, в провинции Калабрия, замечены странные светящиеся объекты. Как сообщила «Иль пополо а'Италия», такие же объекты отмечались в той же местности в сентябре 1937 года.

Кто-то отыскал старое издание «Путешествия на "Вакханке"», в котором король Георг Пятый, тогда еще юный принц, описывал странную вереницу парящих огней, напоминающих «корабль-призрак, весь залитый светом». Его видели двенадцать членов экипажа «Вакханки» в четыре часа утра 11 июня 1881 года.

«Дейли экспресс», Британия, 15 февраля 1923 года: сверкающие огни были замечены в Йоркшире, Англия. «Литерари дайджест», 17 ноября 1925 года: похожие огни замечены в Северной Каролине. «Филд», 11 января 1908 года: светящиеся объекты в Норфолке, Англия. «Дагбладет», 17 января 1936 года: целые сотни блуждающих огоньков в Южной Дании.

Ученые рьяно занимались поисками луковой гнили на высоте двадцати тысяч футов, но блуждающие огоньки так никого и не заинтересовали. И это не их вина: как и все прочие — святые и грешники,— они делали то, к чему их побуждали витоны. «Питерборо эдвертайзер», Британия, 27 марта 1909 года: таинственные огни в небе над Питерборо. Через несколько дней «Дейли мейл» подтвердила это сообщение и дала несколько других репортажей из дальних краев. Должно быть, в марте 1909 года в Питерборо произошел какой-то всплеск эмоций, но ни одна из газет не опубликовала никаких сведений, наводящих на мысль о взаимосвязи между деятельностью людей и витонов.

«Дейли мейл», Британия, 24 декабря 1912 года напечатала статью графа Эрна, в которой описывались сверкающие огни, появлявшиеся на протяжении «семи или восьми лет» в окрестностях Лох-Эрн в Ирландии. Объект, вызвавший вой сирен в Белфасте в 1942 году, прилетел со стороны Лох-Эрн. «Берлинер тагеблатт», 21 марта 1880 года: целая стая парящих огней замечена в Каттенау, в Германии. В XIX веке сообщения о светящихся

шарах поступали из десятков мест, расположенных в разных точках земного шара: из Французского Сенегала, с болот Флориды, из Каролины, Малайзии, Австралии, Италии и Англии.

«Геральд трибьюн» превзошла всех, издав любовно подготовленный специальный выпуск, содержащий двадцать тысяч ссылок на летающие огни и светящиеся шары, почерпнутых из четырехсот номеров «Даут». Сверх того она дала копию каракулей Уэбба, сфотографированных в параллельных лучах света, сопроводив их мнением редакции: дескать, ученый перед смертью работал в правильном направлении.

Теперь, в свете последних событий, кто бы рискнул утверждать, сколько шизофреников больны по-настоящему, сколько стали жертвами витонского вмешательства и сколько — обычные люди, случайно наделенные необычным зрением?

«Все ли люди, обладающие сверхзрением, так просты, как мы полагали? — перефразируя Уэбба, вопрошала "Геральд трибьюн",— или же они способны воспринимать частоты, недоступные большинству из нас?»

Далее следовали выдержки из статей, раскопанных в старых изданиях. Происшествие с козой, которая гонялась по полю невесть за чем, а потом упала замертво... Происшествие со стадом коров, которое внезапно обезумело от страха и стало бегать вокруг пастбища, услужливо вознося рвущиеся наружу эмоции в небеса. Случай массовой истерии на индюшачьей ферме, где за десять минут спятило одиннадцать тысяч индюков, обеспечив таким образом закуской невидимых странников. Сорок пять сообщений о собаках, которые жалобно выли, поджимали хвосты и уползали на брюхе — неизвестно отчего! Случаи эпидемии бешенства у собак и скота, «слишком многочисленные, чтобы их перечислять». И все они, по утверждению «Геральд трибьюн», доказывают, что глаза у животных устроены по-другому, чем у большинства людей, не считая горстки избранных.

Публика проглотила все эти сообщения, изумилась, ужаснулась и стала днем и ночью трястись от страха. Толпы бледных, перепуганных людей штурмовали аптеки, сметая запасы медикаментов, входящих в формулу Бьернсена, как только они поступали в продажу. Тысячи, миллионы прошли обработку согласно

инструкции, начали видеть мир во всей его дьявольской реальности и отбросили последние остатки сомнений.

В английском городе Престоне никто не видел ничего из ряда вон выходящего, пока не оказалось, что местный химический завод противорадиационных препаратов заменил метиленовую синьку толуидиновой. В Югославии некий профессор Зингерсон из Белградского университета послушно обработал себя йодом, метиленовой синькой и мескалем, близоруко взглянул на небо — и не увидел ничего такого, чего не видел раньше, начиная с рождения. Так он и заявил в едкой, саркастической статье, опубликованной итальянской газетой «Доменика дель Корьере». Два дня спустя один американский ученый, путешествующий по свету, убедил газету напечатать его письмо, где советовал добрейшему профессору либо снять очки со свинцовыми стеклами, либо заменить их на линзы из флюорита. Никаких возражений от рассеянного югослава не поступило.

Тем временем на западе Америки устрашающего вида танки совершали пробные броски и беспорядочные рейды через линию огня, сталкивались и превращали друг друга в груды металла. Скоростные стратопланы, вертолеты-корректировщики, изящные истребители и управляемые бомбы утюжили небо над Калифорнией, Орегоном и важными стратегическими пунктами на востоке. До сих пор ни одна из сторон не воспользовалась атомным оружием, опасаясь запустить процесс, остановить который человечество уже не сможет. В основе своей эта война развивалась по принципу предыдущих, столь же или менее кровавых войн: несмотря на более современные методы, несмотря на использование автоматики и роботов, несмотря на развитие вооруженного конфликта, до так называемой кнопочной войны исход дела решали рядовые солдаты, простые пехотинцы.

У азиатов их было вдесятеро больше, и они продолжали множиться, опережая потери.

Пространство сжалось еще больше, когда через месяц военных действий в бой вступили сверхзвуковые ракеты. Они сновали взад и вперед над Скалистыми горами, за пределами зрения и далеко за звуковым барьером, чаще всего не попадая в назначенную цель и все же время от времени нанося жестокие удары по густонаселенным районам. Десятимильный промах при даль-

ности полета в тысячу миль или даже две или три тысячи — не такой уж плохой результат. На всем пространстве от Лхасы до Бермуд любой город мог того и гляди с грохотом взлететь в воздух.

Небеса сверкали и пламенели, с чудовищным бесстрастием изрыгая смерть, а люди всех рас и вероисповеданий доживали последние минуты и часы. Защитой им были лишь надежда да неведение: никто не знал, что готовит следующий миг. Земля и небо вступили в сговор, породив ад. Народ принимал свою участь с животным фатализмом, свойственным простому люду, хотя глаза видели больше, чем когда бы то ни было, а разум постоянно сознавал угрозу, более неотвратимую, более ужасную, чем любое порождение рода человеческого.

Глава 9

Больница «Самаритэн» одиноко возвышалась среди развалин. Нью-Йорк жестоко пострадал от азиатского нашествия. Пусковые установки противника продолжали со всех сторон обрушивать на город ракеты дальнего действия. Однако по счастливой случайности больница осталась невредима.

Грэхем остановил свой помятый гиромобиль в трехстах ярдах от главного входа, вылез и оглядел горы обломков, загромоздившие всю улицу.

— Витоны! — предупредил его Воль, который тоже выбрался из машины и стоял, тревожно оглядывая хмурое небо.

Грэхем молча кивнул: он также приметил скопление призрачных шаров, зависших над истерзанным городом. Земля то и дело содрогалась. Казалось, затаившийся в глубине великан тужился под своим земляным покрывалом, изрыгал фонтан камней и кирпича, потом оглушительно ревел от боли. Дюжины шаров, застывших в ожидании, ныряли вниз, стремясь поскорее заглотить его отрыжку. Их пища, сваренная на адском огне, была хорошо приправлена. Витоны пировали, пожирая страдания агонизирующего человечества.

То, что подавляющее большинство людей получило способность видеть врага, совершенно не тревожило голубых вурдалаков. Знал человек о существовании витонов или нет, все равно

он не мог противиться алчному призраку, и тот набрасывался на него, запуская в трепещущее тело вибрирующие жгуты энергии, через которые жадно отсасывал нервные токи.

Многие сходили с ума, когда какой-нибудь рыщущий в поисках пищи шар внезапно решал их подоить. Многие сами устремлялись навстречу смерти-избавительнице, при первом же удобном случае кончая жизнь самоубийством. Остальные, все еще отчаянно цепляясь за остатки разума, крадучись бродили по улицам, жались в тени домов, постоянно боясь ощутить на спине холодок — предвестник приближения жадных щупалец. Дни, когда человек считал себя подобием Божьим, канули в вечность. Теперь каждый был коровой.

Эта странная знобкая дрожь, быстро пробегающая от копчика к затылку, была одним из самых характерных человеческих ощущений задолго до того, как мир узнал о витонах, настолько характерным, что, когда человек вздрагивал, как от озноба, ему зачастую говорили в шутку: «Видать, кто-то ходит по твоей могиле!»

С омерзением, застывшим на нервном худощавом лице, Грэхем торопливо взбирался на груду битого камня и стекла. Ноги скользили и срывались, вниз сыпались комья земли, ботинки припорошило белой пылью. Он все лез и лез. Ноздри его раздувались — в них заползал едкий, неистребимый запах разлагающейся человеческой плоти, перемолотой с мусором. Вот он взобрался на самый верх, огляделся и скачками понесся по склону вниз. Вздымая облако пыли, Воль поспешил за ним.

Они быстро пересекли изрытый воронками тротуар и вошли в пролом, зияющий на месте ворот. Едва успев свернуть на усыпанную гравием дорогу, ведущую к подъезду больницы, Грэхем услышал приглушенный возглас, вырвавшийся у его спутника:

— Силы небесные! Билл, две твари гонятся за нами!

Стремительно обернувшись, Грэхем увидел два зловеще сверкающих голубых шара, пикирующих прямо на них. Их разделяло ярдов триста, но витоны неумолимо приближались, ускоряя полет. Их безмолвная атака внушала ужас.

Воль промчался мимо, сдавленно бросив: «Скорее, Билл!» Ноги его мелькали с прямо-таки нечеловеческой скоростью.

Грэхем бросился за ним, ощущая, как сердце бешено колотится о ребра.

Если один из преследователей настигнет кого-то из них и прочитает мысли своей жертвы, он сразу же распознает лидера сопротивления. Единственное, что спасало их до сих пор,— неумение витонов различать людей. Ведь даже от ковбоев огромного ранчо Кинг-Клебер трудно ожидать, чтобы они знали и различали каждое животное в отдельности. Только поэтому им пока и удавалось ускользать от дьявольских пастухов. Но именно пока...

Грэхем мчался как угорелый, отлично сознавая, что убегать бесполезно, что здесь, в больнице, нет никакой надежды на спасение, никакой защиты, никакого прибежища от превосходящего во всех отношениях противника,— и все же ноги сами несли его вперед. Воль опережал его на корпус: стремительно нагоняющие преследователи отставали всего на двенадцать ярдов. Сохраняя ту же дистанцию, они влетели в парадную дверь, почти не заметив ее, и с топотом пронеслись через вестибюль. Вспугнутая сиделка, выпаращив глаза, уставилась на них, потом прикрыла ладонью рот и вскрикнула.

Совершенно беззвучно, с леденящей душу неотвратимостью, шары миновали девушку, нырнули за угол и устремились по коридору, куда только что свернули их жертвы.

Краем глаза Грэхем уловил приближающиеся огни и отчаянно ринулся в следующий проход. Расстояние сократилось до семи ярдов и быстро убывало. Он увернулся от практиканта в белом халате, перепрыгнул через длинную, низкую каталку на толстых шинах, которая выезжала из ближайшей палаты, распугав этим бешеным кульбитом стайку медсестер.

Блестящий паркет сослужил друзьям предательскую услугу. Форменные ботинки Воля поехали по гладкому полу, он поскользнулся на бегу, тщетно попытался удержаться на ногах и рухнул с грохотом, от которого содрогнулись стены. Не успев затормозить, Грэхем налетел на него, покатился по скользкой поверхности и врезался в дверь. Дверь заскрипела, застонала и распахнулась настежь.

Грэхем резко обернулся, ожидая встречи с неизбежным. Плечи свело от напряжения. Вдруг его сверкающие глаза раскрылись от изумления. Наклонившись, он помог Волю встать и указал на противоположный конец коридора.

— Черт! — выдохнул он.— Вот черт!

— Что такое?

— Они завернули за угол и остановились как вкопанные. Мгновение повисели там, слегка потемнели и рванули обратно, будто за ними погнался сам дьявол.

— Ну и повезло же нам,— отдуваясь, проговорил Воль.

— Но почему же они дали деру? — недоумевал Грэхем.— Никогда не слышал, чтобы витоны, начав преследование, отступали от задуманного и упускали жертву. Что же произошло?

— Меня можешь не спрашивать.— Даже не стараясь скрыть облегчение, Воль энергично стряхивал пыль.— Может быть, мы пришлись им не по вкусу. Вот они и решили, что стоит отыскать закуску получше. Откуда мне знать — я ведь не кладезь премудрости.

— Они часто отступают в спешке,— произнес у них за спиной ровный спокойный голос.— Такое случалось уже не раз.

Повернувшись на каблуках, Грэхем увидел ее у двери, в которую только что врезался. Свет, лившийся из комнаты, золотым сиянием обрамлял ее темные кудри. Безмятежные глаза были устремлены прямо на него.

— А вот и наша хирургическая красотка,— с напускной веселостью обратился он к Волю.

— Что да — то да! — ответил тот, оценивающе оглядев девушку с ног до головы.

Девушка вспыхнула и взялась за ручку двери, как будто собираясь ее закрыть.

— Когда вам вздумается нанести официальный визит, мистер Грэхем, потрудитесь появляться пристойно, а не вламываться, как тонна кирпичей.— Она бросила на него ледяной взгляд.— Помните: здесь больница, а не джунгли.

— Едва ли в джунглях валяются тонны кирпичей,— парировал он.— Нет-нет, пожалуйста, не закрывайте дверь. Нам тоже сюда.

Грэхем вошел, Воль — за ним. Оба старались не замечать веявшего от нее холода. Они уселись за ее стол; Воль обратил внимание на стоящую фотографию.

— «Гармонии от папы»,— прочитал он.— Гармония? Интересное имя. Ваш папа — музыкант?

Доктор Кертис слегка оттаяла. Подвинув к себе стул, она улыбнулась и сказала:

— Да нет. Наверное, просто имя понравилось.

— Вот и мне тоже нравится,— заявил Грэхем, исподтишка наблюдая за девушкой.— Надеюсь, оно нас вполне устроит.

— Нас? — Ее тонкие брови слегка приподнялись.

— Да,— дерзко ответил он.— В один прекрасный день.

Температура в комнате сразу упала градусов на пять. Она спрятала обтянутые шелковыми чулками ноги под стул, подальше от его жадных взглядов. Вдруг здание содрогнулось, с небес донесся отдаленный гул. Все трое сразу посерьезнели.

Подождав, пока гул замер вдали, Грэхем заговорил:

— Послушайте, Гармония...— Он прервался и спросил: — Ведь вы не станете возражать, если я буду называть вас Гармонией? — И, не дожидаясь ответа, продолжал: — Вы что-то сказали насчет того, что витоны часто пускаются наутек.

— История очень загадочная,— подтвердила доктор Кертис.— Я не знаю, как это объяснить, да у меня и времени не было разбираться. Могу сказать только одно: сразу же после того, как персонал больницы получил способность видеть витонов, мы обнаружили, что они часто наведываются сюда, притом в больших количествах. Пробираются в палаты и паразитируют на пациентах, страдающих от сильных болей. От них мы, конечно, это тщательно скрываем.

— Понимаю.

— Персонал они почему-то не трогают.— Она вопросительно посмотрела на гостей.— Вот только почему — не знаю.

— Да потому, что для них малоэмоциональные люди — все равно что бесполезные сорняки,— сказал Грэхем,— особенно там, где полно вкусных, зрелых, сочных плодов. Ваши палаты — настоящие фруктовые сады!

На ее гладком овальном личике мелькнуло отвращение, вызванное столь грубым сравнением.

— Иногда мы замечаем, что все шары, находящиеся в здании, начинают поспешно удирать и потом какое-то время не появляются,— продолжала она.— Так бывает по три-четыре раза на дню. Сейчас был как раз такой случай.

— Вполне вероятно, что он спас нам жизнь.

— Возможно,— согласилась она с подчеркнутым безразличием, которое, однако, никого не обмануло.

— Скажите, доктор... то есть... Гармония,— он грозно глянул на Воля, расплывшегося в ухмылке,— а не совпадало ли каждое их бегство с чем-нибудь особым в больничном распорядке? Может быть, пациентам давали какие-то лекарства, или включалась рентгеновская аппаратура, или открывали бутылки с какими-то химикатами?

Она ненадолго задумалась, казалось, забыв о пристальном взгляде собеседника. Потом встала, порылась в картотеке, позвонила по телефону, переговорила с кем-то, находящимся в другой части здания. Когда она закончила разговор, на лице ее появилось довольное выражение.

— Очень глупо с моей стороны, но, должна признаться, сама я до этого не додумалась.

— Так что же это? — нетерпеливо спросил Грэхем.

— Аппарат УВЧ-терапии.

— Вот это да! — Он хлопнул себя по колену и наградил заинтригованного Воля торжествующим взглядом.— Установка для прогреваний! Она что, не заэкранирована?

— Нам так и не удалось заэкранировать ее как следует. Хотя мы пытались, потому что она создает на экранах местных телевизоров помехи в виде сетки. Но аппарат такой мощный, что его излучение проникает повсюду. Все наши усилия пошли прахом, и, как я понимаю, недовольным пришлось заэкранировать свои приемники.

— А какая у него длина волн? — допытывался Грэхем.

— Один и двадцать пять сотых метра.

— Эврика! — Он вскочил на ноги, готовый ринуться в бой.— Наконец-то у нас есть оружие!

— О каком оружии ты говоришь? — Воль не очень-то разделял его восторг.

— Витонам это не по вкусу. Ведь мы сами видели, да? Одному небу известно, как эти волны влияют на их органы чувств. Может быть, они ощущают их как невыносимый жар или то, что у витонов соответствует омерзительному запаху. Как бы то ни было, можно с удовлетворением отметить, что они предпочитают убраться подобру-поздорову. А все, что рождает у них желание поскорее смыться, само собой, становится оружием.

— Как знать, может, ты попал в точку,— изрек Воль.

— Но если это оружие или хотя бы потенциальное оружие, почему же витоны его не уничтожили? — скептически заметила доктор Кертис.— Ведь они без малейших колебаний уничтожают все, что сочтут нужным. Почему же тогда они не тронули то, что угрожает их жизни,— если, конечно, оно и вправду угрожает?

— Чтобы привлечь внимание отчаявшегося человечества к кабинетам физиотерапии, нельзя придумать ничего лучшего, чем начать их крушить.

— Теперь понятно.— В ее больших темных глазах читалось раздумье.— Их хитрость просто невероятна. Они все время опережают нас на несколько ходов.

— Опережали,— поправил ее Грэхем.— Зачем жить прошлым, когда есть будущее? — Он снял телефонную трубку.— Необходимо срочно сообщить об этом Лимингтону. Может быть, наша новость — настоящая бомба. Может быть, она именно то, на что я так надеюсь, и спаси нас Бог, если я ошибаюсь! К тому же его технарям, возможно, удастся соорудить такой аппарат для защиты участников сегодняшней встречи.

На маленьком экране появилось усталое, измученное лицо Лимингтона. Выслушав торопливый отчет Грэхема, он несколько приободрился. Переговорив, Грэхем обратился к доктору Кертис:

— Сегодня в девять часов вечера в подвальном этаже здания Национальной страховой компании на Уолтер-стрит состоится научное совещание. Я хотел бы вас пригласить.

— Буду готова к половине девятого,— пообещала она.

Профессор Чедвик уже дошел до середины своей речи, когда Билл Грэхем, Гармония Кертис и Арт Воль тихонько прошли по центральному проходу и сели на свои места. Подвал был набит битком, все сидели молча, внимательно слушая.

Полковник Лимингтон, сидевший в первом ряду с краю, обернулся и, желая привлечь внимание Грэхема, указал пальцем на большой шкаф, застывший, как часовой, у единственной двери. Грэхем понимающе кивнул.

Держа в одной руке свернутую в трубку газету, а другой делая энергичные жесты, профессор Чедвик говорил:

— Вот уже пару месяцев как «Геральд трибьюн» раскапывает многочисленные факты и все еще не дошла даже до середины.

Материалов такая масса, что остается только дивиться, насколько открыто витоны делали свое дело в полнейшей уверенности, что люди ничего не подозревают. Должно быть, мы казались им абсолютно безмозглыми.

— Так оно и есть,— раздался насмешливый голос из задних рядов.

Чедвик не стал спорить и продолжал:

— Их метод таков: они «объясняют» собственные ошибки, упущения, промахи и недосмотры, внушая нам суеверные мысли в качестве их «оправдания», и подкрепляют эти мысли, творя по мере необходимости так называемые чудеса, а также устраивая полтергейсты и спиритические феномены, когда мы сами на них напрашиваемся. Все это делает честь сатанинской изобретательности коварных тварей, которых мы называем витонами. А в качестве средоточия своих психических уловок, призванных вконец нас заморочить, они выбрали исповедальни и спиритические сеансы. И священник, и медиум стали их союзниками в дьявольском стремлении не допустить прозрения слепых толп.— Он насмешливо взмахнул рукой.— Ну а особо зоркие всегда могли заглотить их наживку: явления Пресвятой Богородицы и других святых, грешников или теней почивших. Вперед, ребята, спешите видеть!

Кто-то невесело рассмеялся, и этот холодный, безжалостный смешок резанул по нервам слушателей.

— Ну а если говорить серьезно, сведения, собранные «Геральд трибьюн», есть не что иное, как свидетельство человеческого легковерия, свидетельство того, как множество людей может смотреть в лицо фактам — и отрицать их! Свидетельство того, как люди могут видеть рыбу и называть ее мясом или птицей, в зависимости от установок их косных пастырей, таких же близоруких, как они сами. Или из жалкого страха потерять невидимое место в призрачных небесных чертогах, или из наивной веры, что боженька может не выдать им крылья, посмей они заикнуться, будто картина мира, которая, по его авторитетному утверждению, ниспослана прямиком из рая, на самом деле восходит прямехонько из ада.— Он замолчал, потом тихо, но достаточно слышно добавил: — Не зря ведь говорят, что дьявол — извечный лжец!

— Согласен,— зычным голосом произнес Лимингтон, нимало не заботясь о том, что выступление ученого могло лично задеть кое-кого из собравшихся.

— Я и сам обнаружил массу убедительных фактов,— продолжал Чедвик.— К примеру, в начале тысяча девятьсот тридцать восьмого года существа, которых мы теперь знаем как витонов, частенько наведывались в район реки Фрэйзер в Британской Колумбии. Время от времени сообщения о них попадали в газеты. Заметка в «Бритиш юнайтед пресс» от двадцать первого июля тысяча девятьсот тридцать восьмого года утверждает, что опустошительные лесные пожары, бушевавшие тогда на Тихоокеанском побережье Северной Америки, были вызваны некими объектами, которые описывают как «сухие молнии» и называют доселе неведомым феноменом.

В тысяча девятьсот тридцать пятом году в индийском Мадрасе объявилась эзотерическая секта поклонников летающих шаров. Члены секты, по всей вероятности, могли видеть объекты своего поклонения, совершенно незримые для неверующих. Попытки сфотографировать эти предметы неизменно заканчивались неудачей, хотя и я, и вы знаете, что получилось бы на снимках, имей фотографы эмульсию Бича.

«Лос-Анджелес игзэминер» за середину июня тысяча девятьсот тридцать восьмого года сообщает о случае, аналогичном тому, который произошел с покойным профессором Мейо. В статье, озаглавленной «Смертельный прыжок выдающегося астронома», рассказывается, что доктор Уильям Уолес Кэмбел, почетный профессор Калифорнийского университета, погиб, выбросившись с четвертого этажа из окна своей квартиры. Его сын объяснил поступок отца боязнью слепоты. Лично я полагаю, что его страх мог быть связан с тревогой по поводу зрения, но совсем не в том смысле, в каком ее поняли окружающие.

Не обращая внимания на одобрительный гул аудитории, профессор Чедвик продолжал:

— Хотите — верьте, хотите — нет, но у одного человека экстрасенсорное восприятие, или «широкозоркость», была настолько развита, что он сумел написать превосходную картину, изображающую стаю витонов, парящих над зловещего вида местностью. Как будто почувствовав их хищный нрав, он включил в

пейзаж ястреба. Картина называется «Долина сновидений»; она была впервые выставлена в тысяча девятьсот тридцать восьмом году, а сейчас находится в Англии, в Галерее Тейт. Ее автор, Пол Нэш, несколько лет спустя внезапно умер.

Глядя на Грэхема, профессор сказал:

— Все доказательства, которые нам удалось собрать, несомненно свидетельствуют о том, что витоны есть существа, состоящие из первичной энергии, сохраняющей состояние, одновременно компактное и уравновешенное. Это не твердое тело, не жидкость и не газ. Не животное, не растение и не минерал. Они представляют собой иную, неведомую ранее форму бытия, сходную с шаровыми молниями и другими подобными феноменами. Только они — не материя в общепринятом смысле слова, они — нечто иное, неизвестное нам, но отнюдь не сверхъестественное. Возможно, это какой-то смешанный волновой комплекс, который сегодня невозможно исследовать никакой доступной нам аппаратурой. Мы уже знаем: они настолько необычны, что все наши попытки подвергнуть их спектроскопическим исследованиям оказались тщетными. Мне кажется, что единственное возможное оружие, которое мы можем против них обратить,— это нечто способное оказать влияние на их собственное состояние, то есть какая-то форма энергии, например излучение, имеющее гетеродинный эффект, нечто такое, что сможет нарушить природные вибрации витонов. Открытие, которое не далее как сегодня сделал мистер Грэхем из Разведывательной службы, полностью подтверждает данную теорию.— Подняв руку, он поманил Грэхема и, заканчивая свое выступление, сказал: — А теперь я попрошу мистера Грэхема поделиться с вами той ценной информацией, которую он получил. Уверен, что он и впредь сможет нам помогать, внося полезные предложения.

Громким, уверенным голосом Грэхем пересказал им случай, произошедший с ним несколько часов назад.

— Совершенно необходимо,— сказал он,— немедленно начать интенсивную работу по исследованию ультракоротких волн, излучая их через радиомаяки, и определить, какие именно частоты — если таковые имеются — губительны для витонов. На мой взгляд, желательно оборудовать подходящую лабораторию в каком-нибудь отдаленном, безлюдном месте, в стороне от бое-

вых действий, поскольку витоны, по нашим наблюдениям, скапливаются там, где особенно многолюдно, и очень редко посещают ненаселенные районы.

— Прекрасная идея! — Лимингтон встал и с высоты своего роста оглядел сидящую аудиторию.— Установлено, что численность витонов составляет от одной двадцатой до одной тридцатой населения Земли. Можно с уверенностью сказать, что большинство из них слоняется вокруг плодотворных источников человеческой и животной энергии. Лаборатория, спрятанная в пустыне, где урожай эмоций скуден, может годами не привлекать их внимания, а следовательно, избежать нападения.

Собравшиеся ответили громким гулом одобрения. Впервые с начала ускоренного Бьернсеном кризиса появилось ощущение: человечество на верном пути, оно сможет раз и навсегда сбросить многовековое иго. И тут же, как бы напоминая о том, что оптимизму должна сопутствовать осторожность, земля содрогнулась, снаружи донесся приглушенный грохот, за которым последовал запоздалый вой с небес, объяснивший его причину.

Лимингтон уже подыскал подходящее место для устройства того, что со временем должно было стать первым оплотом сопротивления. Не обращая внимания на шум, шеф секретной службы по-отечески улыбнулся своему протеже, который все еще стоял на возвышении. Он уже знал, что его план пройдет и Грэхем сыграет в нем роль, которая как нельзя лучше укрепит репутацию его ведомства. От своих парней Лимингтон неизменно требовал одного: отдавать избранной цели душу и тело — не больше и не меньше. И всегда получал то, что требовал.

— Бесполезно биться с азиатами, не пытаясь одновременно сокрушить их коварных повелителей. Уничтожить витонов — значит устранить источник заблуждения наших врагов и вернуть им рассудок. Ведь эти азиаты — такие же люди, как и мы с вами. Избавьте их от бредовых мечтаний, и ярость их сразу утихнет. Давайте же нанесем удар, дав миру единственный ключ, который мы держим в руках.

— Почему бы не собрать всех ученых и не засадить их за работу? — раздался голос из зала.

— Будьте уверены, мы это сделаем, но, как мы уже убедились на своем горьком опыте, тысяча рассредоточенных экспериментов куда безопаснее, чем один, проводимый тысячей участников.

Пусть же весь западный мир возьмется за дело — тогда никто, будь он видимый или невидимый, не сможет помешать нашей окончательной победе!

Собравшиеся одобрительно зашумели. Грэхем рассеянно смотрел на шкаф, стоявший на страже у единственной двери. Воспоминание о Биче отозвалось в памяти тупой болью. А ведь были и другие, столь же трагические воспоминания: профессор Мейо, как тряпичная кукла застывший на мостовой, безрассудный бросок Дейкина навстречу ужасной гибели, дьявольски сосредоточенный взгляд страдальца с воображаемой собакой в животе, убийственный грохот, с которым Корбетт врезался в стену, черный стяг из взбесившихся атомов, развевающийся над Силвер-Сити.

Но не стоит портить людям настроение в редкие минуты энтузиазма. Все равно исследование ультракоротких волн может продвигаться лишь в двух направлениях — верном и неверном, это ясно как божий день. Неверное значило бы вечное рабство, в то время как первые же проблески верных результатов могут повлечь за собой безжалостное истребление каждого экспериментатора, который окажется близок к успеху.

Перспектива сулила гибель, гибель каждого талантливого ученого, находящегося на переднем краю призрачной битвы. Грэхем не мог найти в себе силы высказать эту страшную истину. Аудитория затихла, и он сошел с возвышения. Тишина была нарушена привычным напоминанием о затаившейся поблизости смерти.

Пол подскочил на шесть дюймов и медленно опустился. Обитатели подземелья застыли в напряженных позах. Сквозь толстые стены до них донесся неистовый грохот рушащейся кладки. С неба грянул злобный рев, как будто сам Творец ликовал, глядя, как корчатся в смертных муках его собственные детища. После краткого затишья раздался более приглушенный грохот. По улицам неслась боевая техника в поисках новых просторов, чтобы и дальше сеять разруху, кровь и страдания.

Сангстер был озабочен и не старался это скрыть. Он сидел за своим столом в офисе Ведомства целевого финансирования, находившемся в здании Манхэттенского банка, и, глядя на Грэхе-

ма, Воля и Лимингтона, говорил, не обращаясь ни к кому из них в отдельности:

— Вот уже целых двенадцать дней, как международное радиовещание предоставило свои каналы всем, кому угодно — от радиолюбителей до производителей радиоаппаратуры,— раздраженно заявил он.— Ну и что же, кто-нибудь помешал этой всеобщей перекличке? Никто! Да если бы исследование коротких волн представляло для витонов угрозу, они бы все вверх дном перевернули, чтобы его сорвать. Они бы вычислили всех специалистов-радиотехников и взялись за них. Ни одного уже давно не осталось бы в живых. Но витоны не проявили никакого внимания. Так что мы с равным успехом могли бы надеяться уничтожить их при помощи какого-нибудь волшебного слова. Напрашивается вывод, что мы на ложном пути. А вдруг они шарахались от установок физиотерапии просто для того, чтобы направить нас по ложному следу? Вдруг они теперь исподтишка посмеиваются над нами? Не нравится мне это, совсем не нравится.

— А вдруг они хотят, чтобы мы именно так и думали? — спокойно спросил Грэхем.

— Да? — У Сангстера так внезапно отвалилась челюсть, что остальные невольно усмехнулись.

— Ваша точка зрения доказывает: равнодушие витонов на то и рассчитано, чтобы нас обескуражить.— Подойдя к окну, Грэхем бросил взгляд на развалины Нью-Йорка.— Заметьте, я говорю «рассчитано». Их кажущаяся беспечность вызывает у меня подозрение. Проклятые твари разбираются в человеческой психологии куда лучше, чем когда-нибудь научатся специалисты вроде Юргенса.

— Ну ладно, ладно! — Сангстер потер лоб, схватил со стола какие-то бумаги и извлек из них одну.— Вот сообщение радиокорпорации «Электра». Ее специалисты могли бы с таким же успехом гонять ворон. Они говорят, что короткие волны, похоже, воняют. Пролетающие шары облучали на всех частотах, которые может выдать их установка, а те только уворачивались, как будто почуяв неприятный запах. Боб Треливен, их главный док, почти уверен, что эти чертовы твари действительно ощущают некоторые частоты как некий эквивалент запахов.— Жестом обвинителя он ткнул в бумагу пальцем.— Ну и куда нас это приводит?

— Приносит пользу даже тот, кто только думает и ждет,— с философской миной процитировал Грэхем.

— Прекрасно. Будем ждать.— Так и не успокоившись, Сангстер откинулся на спинку стула, водрузил ноги на стол и изобразил на лице бесконечное терпение.— Я безоглядно верю тебе, Билл, но на все эти исследования вылетают денежки моего ведомства. Мне было бы гораздо легче, знай я все-таки, чего мы ждем.

— Мы ждем, когда какой-нибудь экспериментатор изжарит хоть одного витона.— Худощавое лицо Грэхема омрачилось.— Чертовски не хотелось бы об этом говорить, но все же сдается мне, что мы ждем первого из следующей серии трупов.

— Вот это меня и пугает,— вступил в разговор Лимингтон.— Проклятые шары имеют обыкновение выведывать чужие мысли. Когда-нибудь, Билл, они заглянут и в ваши. И поймут, что вы — главный козырь. А когда мы вас разыщем, вы уже будете мертвее мертвого.

— Всем нам приходится рисковать,— сказал Грэхем.— Я один раз уже здорово рискнул — когда решил появиться на свет! — Он снова посмотрел в окно.— Взгляните-ка!

Собеседники подошли к нему и выглянули наружу. У подножия Либерти-билдинг клубилось густое серое облако. В тот же миг раздался оглушительный грохот, потрясший всю округу. За ним последовал душераздирающий вой с небес, который благодаря допплеровскому эффекту по мере снижения становился все громче.

Четыре секунды спустя, когда облако сгустилось еще больше, высоченная громада Либерти-билдинг, вся в щербинах от снарядов, с выбитыми стеклами, начала медленно, неохотно крениться и оседать, как поверженный мамонт. Вот она достигла критического угла наклона и на миг замерла, как будто бросая вызов закону всемирного тяготения. Всем своим чудовищным весом гигантское здание нависло над соседними кварталами, угрожая сровнять их с землей.

И вдруг словно невидимая рука протянулась с небес, нанеся окончательный, роковой удар. Колосс ускорил падение. Его устремленный ввысь объем, когда-то такой красивый, раскололся в трех местах. Из трещин, как гнилые зубы, торчали стальные балки. Грохот падения грянул, как гром из бездны первозда-

ного хаоса. Земля заходила ходуном, как от подземного взрыва. Над развалинами стало медленно вздыматься огромное клубящееся облако известковой пыли.

И сразу же с высоты низвергся целый рой алчных голубых светил. Дрожа от нетерпения, они спешили со всех сторон на свежее пиршество человеческого горя.

Еще одна вереница шаров призрачной стаей сопровождала летящую над Гудзоном крылатую ракету, образовав за ней целый шлейф крупных голубых бусин. Ракета неумолимо приближалась к Джерси-Сити. Скоро она с визгом ринется вниз, навстречу ей рванется еще более пронзительный визг женщин... ну а витоны безмолвно, как стервятники, начнут свое пиршество.

— Всего одна ракета! — выдохнул Лимингтон, не отрывая глаз от развалин Либерти-билдинг, скрытых завесой дыма.— Я уж было подумал, что они решились на атомную атаку. Черт, какой же мощной должна быть эта ракета!

— Еще одно витонское достижение,— горько бросил Грэхем.— Еще одно техническое усовершенствование, которое они подарили своим азиатским прихвостням.

На столе у Сангстера внезапно затрезвонил телефон, резанув по их и без того напряженным нервам. Сангстер снял трубку и нажал на кнопку усилителя.

— Сангстер,— резким металлическим голосом загремела трубка,— со мной только что связался по радио Падилья из Буэнос-Айреса. У него что-то получилось! Он сказал... он сказал... Сангстер... А-а-а!

Заметив внезапную бледность Сангстера и его остановившийся взгляд, Грэхем метнулся к нему и взглянул на подергивающееся изображение. Он едва успел заметить лицо, которое тут же исчезло с маленького экрана. Изображение было нечетким, его застилала какая-то мутная светящаяся дымка. Но до того как оно пропало совсем, Грэхем безошибочно узнал на лице звонившего выражение неописуемого ужаса.

— Боб Треливен! — прошептал Сангстер.— Это был Боб...— Он стоял как громом пораженный.— Они до него добрались, я сам видел!

Не теряя времени, Грэхем набрал номер и дал указание телефонистке. Приплясывая от нетерпения, он ждал, пока она пы-

талась восстановить связь. Но дозвониться ему так и не удалось ни по этой линии, ни по какой-нибудь другой.

— Соедините меня со службой дальней связи. Скорее, дело правительственной важности! — Он повернулся к белому как мел Сангстеру.— Где находится «Электра»?

— В Бриджпорте, штат Коннектикут.

— Служба дальней связи? — Грэхем говорил, почти прижав губы к микрофону.— Только что Буэнос-Айрес вызывал Бриджпорт, штат Коннектикут, скорее всего, связь шла через Барранкилью. Выясните, откуда звонили, и соедините меня.— Не выпуская из рук трубки, он подозвал Воля: — Арт, возьми второй аппарат и позвони в бриджпортское полицейское управление. Пусть они сообщат нам все, что удастся выяснить. Потом иди готовь машину. Я тебя догоню.

— Есть! — Воль с готовностью схватил второй аппарат, быстро переговорил с полицией и вышел.

Наконец Грэхема соединили. Он слушал далекого собеседника, и на скулах у него ходили желваки. Закончив разговор, он сделал еще один короткий звонок, с мрачным разочарованным видом отодвинул аппарат и обратился к остальным:

— Падилья мертв, как египетская мумия. Оператор на трансляционной станции в Барранкилье тоже мертв. Наверное, он слышал разговор и узнал нечто такое, что ему знать не следовало. Это стоило ему жизни. Пришло время, когда мне нужно бы находиться в четырех местах сразу.— Он потер подбородок.— Миллион против одного, что Треливен тоже мертв.

— Вот вам и трупы,— без малейших эмоций заметил Лимингтон.

Но его слова запоздали. Грэхем уже выскочил за дверь и мчался по коридору к лифтам. В его быстрых движениях сквозило что-то хищное. Кроме обычного блеска в его зорких глазах появился новый жесткий огонек. Палочки и колбочки в его зрачках прошли нечто большее, чем обычную спектроскопическую перестройку,— теперь они излучали ненависть.

В недрах здания раздался вздох. Пневматический диск с сумасшедшей скоростью опустил Грэхема на уровень земли, где его ожидал гиромобиль. Он выскочил из лифта, ноздри его раздувались, как у волка, что почуял след и начал смертельную погоню.

Глава 10

В небольшой, но отлично оборудованной лаборатории радиокорпорации «Электра» царила стерильная чистота, все стояло на своих местах, ничто не нарушало безупречного порядка, за исключением мертвого тела, застывшего на полу под раскачивающейся телефонной трубкой.

Толстяк-полицейский сказал:

— Вот так он и лежал, когда мы пришли. Мы только сделали стереоскопические снимки трупа, больше ничего.

Билл Грэхем кивнул сержанту, наклонился над телом и перевернул. Его не отпугнуло выражение ужаса, которое жестокая сверкающая смерть запечатлела на лице жертвы. Он сноровисто обыскал покойного, выложил содержимое его карманов на стоящий рядом стол и изучил с кропотливым вниманием.

— Бесполезно! — недовольно произнес он, закончив осмотр.— Ничего путного отсюда не выжмешь.— Он перевел взгляд на маленького франтоватого человечка, беспокойно переминающегося за спиной сержанта.— Так, значит, вы были ассистентом Треливена? Что вы можете мне сказать?

— Бобу позвонил Падилья,— пробормотал коротышка. Его взгляд испуганно перебегал с Грэхема на лежащий на полу труп. Ухоженные пальцы нервно теребили аккуратно подстриженные усики.

— Это нам известно. Кто такой Падилья?

— Ценный деловой партнер и личный друг Боба.— Человечек застегнул пиджак, снова расстегнул, потом опять занялся усами. Казалось, у него слишком много рук и он не знает, куда их деть.— Падилья — владелец патента на термостатический усилитель. Это самоохлаждающаяся радиолампа, которую мы производим по его лицензии.

— Продолжайте,— ободряюще сказал Грэхем.

— После этого звонка Боб очень разволновался. Сказал, что необходимо распространить новость, чтобы ее не смогли замолчать. Что это за новость, он не сказал, но, очевидно, считал ее сенсационной.

— А дальше?

— Он пошел прямо в лабораторию, чтобы кому-то позвонить. Через пять минут в здание ворвалась целая шайка светя-

щихся шаров. Они уже несколько дней околачивались поблизости, похоже, следили за нами. Все бросились наутек, кроме трех сотрудников с верхнего этажа.

— А они почему не убежали?

— Еще не прошли обработку, поэтому ничего не увидели и не поняли, что произошло.

— Ясно.

— Когда шары убрались, мы вернулись на свои места и нашли Боба рядом с телефоном — мертвого.— Он снова нервно потеребил усы и перевел взгляд с Грэхема на труп.

— Вот вы сказали, что витоны целыми днями околачивались вокруг,— вступил в разговор Воль.— Они за это время нападали на кого-нибудь из сотрудников, чтобы выкачать их мысли?

— Даже на четверых.— Человечек еще больше разволновался.— За последние несколько дней они атаковали четверых. Мы все пришли в ужас. Ведь никто не знал, кого они изберут следующей жертвой. Днем мы не могли нормально работать, а по ночам нас мучила бессонница.— Он бросил на Воля страдальческий взгляд.— Последний случай был вчера днем. После их нападения человек сошел с ума. Они бросили его за воротами, превратив в бессвязно лепечущего идиота.

— Когда мы приехали, их поблизости не было,— заметил Воль.

— Возможно, они удовлетворены: ведь благодаря нанесенному контрудару завод перестал представлять для них источник потенциальной опасности, во всяком случае на ближайшее время.— Грэхем не смог удержаться от улыбки — уж очень контрастировала пугливость маленького человечка со слоновьей невозмутимостью сержанта.— Они еще вернутся!

Он отпустил свидетеля и остальных сотрудников радиозавода, ожидавших своей очереди. Вместе с Волем они обыскали лабораторию, стремясь обнаружить хоть какую-нибудь записку, блокнот, любой с виду никчемный клочок бумаги, который мог бы дать ключ к разгадке, как это бывало с предыдущими жертвами.

Все усилия оказались напрасными. В их распоряжении был один-единственный факт: Боб Треливен мертв, решительно и бесповоротно.

— Что за черт! — в отчаянии простонал Воль.— Никакой зацепки. Ну ни единой, крошечной, паршивой зацепки! Нам везет как утопленникам.

— Где же твое воображение? — поддел его Грэхем.

— Ты хочешь сказать, что обнаружил какую-то улику? — Вытаращив глаза, он в искреннем изумлении обвел взглядом лабораторию, пытаясь найти то, что упустил.

— Да нет.— Билл Грэхем взялся за шляпу.— В этом безумном деле никто не доживает до того, чтобы предоставить нам какую-нибудь ценную улику. Поэтому остается только состряпать улики самим. Пошли, пора возвращаться.

Когда они проносились через Стэмфорд, Воль оторвал задумчивый взгляд от дороги, посмотрел на своего спутника и спросил:

— Ну ладно, ладно, это что, семейная тайна или как?

— Есть несколько задумок. Во-первых, у нас мало данных о Падилье. Нужно раскопать побольше, кое-что может нам пригодиться. Еще: получается, что Треливен провел у телефона пять минут, пока его не вывели из игры. С Сангстером он успел поговорить от силы полминуты, и это был его последний звонок в нашем грешном мире. Значит, если ему не потребовалось четыре с половиной минуты, чтобы дозвониться до Сангстера,— а это маловероятно,— можно предположить, что сперва он позвонил кому-то другому. Вот мы и выясним, звонил ли он кому-нибудь, а если звонил, то кому.

— Ты просто гений, а я еще тупее, чем кажется! — воскликнул Воль.

Грэхем смущенно усмехнулся и продолжал:

— И наконец, есть неустановленное количество любительских радиостанций, работающих между Буэнос-Айресом, Барранкильей и Бриджпортом. Пара-другая из них могла, рыская в эфире, поймать коммерческий канал. Если кто-то прослушивал эфир и поймал разговор Падильи с Треливеном, он нужен нам так же позарез, как и витонам. Мы должны срочно найти этого парня, пока еще не поздно!

— Надежда вечно бьется в человеческой груди,— продекламировал Воль. Взгляд его случайно упал на зеркало заднего обзора, и он застыл, как загипнотизированный.— Но только не в моей! — сдавленно закончил он.

Повернувшись на сиденье, Грэхем выглянул в заднее окно машины.

— Витоны — гонятся за нами!

Его зоркий взгляд скользнул вперед, пробежал по сторонам, с фотографической точностью фиксируя местность.

— Гони!

Нащупав пальцем кнопку экстренной подачи энергии, он быстро вдавил ее. Воль тем временем до отказа выжал акселератор. Включился аварийный запас дополнительных батарей, и под натужный вой динамо гиромобиль рванулся вперед.

— Бесполезно! Считай, что мы попались! — хрипло выдохнул Воль и бросил машину в крутой вираж. Их трижды заносило, но он каждый раз выравнивал ее. Дорога широкой лентой неслась под бешено крутящиеся колеса.— Нам не удрать, будь у нас скорость даже вдвое больше.

— Впереди мост! — предупреждающе крикнул Грэхем. Удивляясь собственному спокойствию, он пригнулся, глядя на стремительно приближающийся мост.— Сворачиваем на берег и ныряем в реку. Это единственный шанс.

— Дерьмо, а не шанс,— буркнул Воль.

Грэхем, не отвечая, снова оглянулся и увидел горящих зловещим огнем преследователей на расстоянии двухсот ярдов. Они быстро приближались. Их было десять; вытянувшись цепочкой, они без видимых усилий неслись по воздуху с той безудержной стремительностью, которая отличала полет витонов.

Приближаясь, перед ними вырастал мост. Призрачная свора отыграла пятьдесят ярдов. Грэхем напряженно старался следить за происходящим и впереди и сзади. Он понимал: они на волосок от гибели. Каждая доля секунды могла решить, получат они единственный шанс из миллиона или вовсе ни одного.

— Делай, как я сказал! — скомандовал он, стараясь перекричать рев мотора.— Когда окажемся в воде, выбирайся и плыви по течению, пока хватит дыхания. На поверхность показывайся только для того, чтобы сделать короткий вдох. Сиди в воде, пока они не уберутся, даже если придется мокнуть целую неделю. Уж лучше это, чем...— Он не докончил фразу.

— Но ведь...— Воль пытался что-то возразить. На его лице застыло напряжение — машина уже влетела на мост.

— Ну же! — рявкнул Грэхем.

Не дожидаясь, когда Воль наконец решится, он железной хваткой вцепился в рулевое колесо и резко повернул его. От такого грубого насилия гироскоп протестующе взвизгнул, и машина во весь опор понеслась по берегу. Она взлетела на гребень, едва не врезавшись в бетонную арку моста, и по эффектной параболе взвилась в воздух. Как чудовищный двадцатифутовый снаряд, гиромобиль вошел в воду. Удар был таким сильным, что фонтаны брызг взлетели высоко над дорогой, засияв, как маленькая радуга.

Машина быстро погружалась посреди поднимающегося навстречу облака пузырьков. Скоро на потревоженной поверхности воды осталась только тонкая радужная пленка, над которой разочарованно толклась десятка озадаченных шаров.

«Слава богу, что я додумался открыть дверцу за миг до падения,— подумал Грэхем.— Иначе давление воды задержало бы нас на несколько драгоценных секунд». Извиваясь всем своим сильным, мускулистым телом, он оттолкнулся ногами и выбрался из кабины как раз в тот миг, когда машина, накренившись, опустилась на дно реки.

Быстрыми мощными гребками он устремился вниз по течению со всей скоростью, на которую был способен. Грудь разрывалась, глаза искали просвета в жидкой мгле. Он знал: Воль тоже выбрался, потому что почувствовал толчок, когда лейтенант покидал машину. Но разглядеть Воля ему не удалось — слишком мутной была вода.

Изо рта у Грэхема вырывались пузыри, воздух в легких был на исходе. Он попытался грести быстрее, но почувствовал, как сердце выскакивает из груди, а глаза — из орбит. Сильным волнообразным движением он послал тело вверх. Подняв лицо над водой, сделал выдох и глубоко вдохнул свежий воздух. Потом снова нырнул и быстро поплыл дальше.

Четыре раза со стремительностью форели, заглатывающей летящую муху, он выскакивал на поверхность, набирал полные легкие воздуха и опять уходил в глубину.

Наконец Грэхем выплыл на отмель, ботинки царапнули каменистое дно. Он осторожно поднял голову над водой.

Десятка сверкающих шаров взлетала над берегом, скрытым дугой моста. Притаившись, Грэхем бдительно следил за их подъ-

емом. Он сопровождал их взглядом, пока они не превратились в десять сверкающих точек, крошечных, как булавочные головки, висящие под пологом облаков. Когда голубые призраки изменили направление полета и быстро двинулись на восток, Грэхем выбрался на берег. Вода лилась с него ручьями.

Перед ним спокойно и бесшумно бежала река. Одинокий наблюдатель вглядывался в ее гладкую поверхность с недоумением, которое быстро переросло в открытое беспокойство. Он ринулся вверх по течению; с одежды текло. Он спешил поскорее увидеть, что же там, за мостом, и боялся этого.

Когда он подбежал поближе, через бетонную арку стала видна фигура лежащего Воля. Грэхем рванулся под арку; в ботинках противно хлюпала вода. Перед ним на берегу застыло безжизненное тело лейтенанта.

Торопливо отбросив со лба мокрые волосы, Грэхем нагнулся над Волем и схватил его за холодные, обмякшие ноги. Потом выпрямился; от тяжести мышцы его напряглись до отказа.

Рывком приподняв тело за ноги, он посмотрел вниз, на его мотающуюся голову. Из разинутого рта Воля на башмаки Грэхема хлынула вода. Грэхем стал встряхивать тело, наблюдая за результатом. Когда вода перестала вытекать, он положил Воля на спину, сам сел верхом, положил сильные ладони на неподвижную грудь лейтенанта и стал ритмично надавливать на ребра.

Он все еще трудился над ним, устало, но не сдаваясь, когда тело внезапно дернулось. Из глотки вырвался булькающий звук. Еще через полчаса Грэхем сидел на заднем сиденье гиромобиля, который ему удалось остановить, и поддерживал ослабшего товарища.

— Билл, у меня башка просто раскалывается,— пожаловался Воль. Он закашлялся, вздохнул и уронил голову на плечо Грэхема.— Что-то меня долбануло в самом начале, наверное дверца. Она открывалась по течению, ну меня и стукнуло. Я тонул, выплывал, снова тонул. Словом, нахлебался воды вволю.— В легких у него тихонько булькало.— Ощущение — как у грудного младенца, решившего поплавать.

— Все пройдет,— успокоил его Грэхем.

— Я уж решил, что мне совсем каюк. Так себе и сказал. Конец не из приятных — валяться на дне вместе со всяким хламом.

Болтаться туда-сюда, туда-сюда среди тины да пузырей, и так до скончания веков.— Воль подался вперед, с него капала вода. Грэхем снова потянул его назад.— Я рвался на поверхность, как одержимый... В легких — одна вода. Выскочил наверх... тут чертов витон меня и сцапал.

— Что? — вскрикнул Грэхем.

— Меня схватил витон,— тупо повторил Воль.— Я почувствовал... как его мерзкие щупальца закопошились у меня в мозгу... вынюхивая, выпытывая.— Он хрипло закашлял.— Больше ничего не помню.

— Похоже, что это они вытащили тебя на берег,— взволнованно проговорил Грэхем.— Если они прочитали твои мысли, им теперь известны наши следующие шаги.

— Копошились... у меня в мозгу,— пробубнил Воль. Глаза его закрылись, из груди вырывались судорожные всхлипы.

— Почему же они не убили Воля, как других? — покусывая губы, спросил Лимингтон.

— Не знаю. Может быть, решили, что он не знает ничего такого, что представляло бы для них реальную опасность.— Билл Грэхем выдержал пристальный взгляд шефа.— Я ведь тоже ничего такого не знаю, так что не надо думать, что каждый раз, выходя на улицу, я рискую погибнуть, а вам придется отвечать.

— Вы меня не обманете,— усмехнулся Лимингтон.— Просто удивительно, как долго вам везет.

Пропустив его слова мимо ушей, Грэхем сказал:

— Арт на несколько дней вышел из строя.— Он тихо вздохнул.— Вам удалось получить какие-нибудь новости о Падилье?

— Мы старались.— Полковник недовольно хмыкнул.— Но наш человек, который этим занимался, не смог ни до чего докопаться. У тамошнего начальства и так дел по горло, им сейчас не до него.

— Что, очередной приступ «завтра-завтра, не сегодня»?

— Да нет, дело не в этом. Вскоре после того, как мы отправили запрос, азиаты устроили налет на Буэнос-Айрес. Город сильно пострадал.

— Проклятье! — выругался Грэхем, кусая губы от досады.— Одной зацепкой меньше.

— У нас еще остаются любительские радиостанции, которые нужно проверить,— с кислым видом напомнил Лимингтон.— Мы уже взялись за дело. Эти чертовы радиолюбители обожают засесть где-нибудь на горной вершине или в непроходимых джунглях. Вечно выберут самые паршивые места.

— Разве нельзя вызвать их по радио?

— Почему же, можно — с таким же успехом я могу звать жену, которая куда-то ушла. Они выходят на прием, когда им заблагорассудится.— Открыв ящик стола, он извлек листок бумаги и протянул его Грэхему.— Вот, поступило как раз перед вашим приходом. Может, это что-то значит, а может, и нет. Вам это что-нибудь говорит?

— Сообщение «Юнайтед пресс»,— прочитал Грэхем, быстро пробегая глазами текст.— «Профессор Ферпос Мак-Эндрю, ученый-атомщик, пользующийся международной известностью, загадочно исчез сегодня утром из своего дома в Керкинтиллохе, Шотландия».— Он бросил быстрый взгляд на бесстрастно застывшего Лимингтона и возобновил чтение: — «Исчез в неизвестном направлении во время завтрака, который так и остался недоеденным, даже кофе не успел остыть. Миссис Марта Лесли, его пожилая экономка, считает, что профессора похитили витоны».

— Ну как? — спросил Лимингтон.

— Не убит, а похищен! Вот что странно! — Сыщик нахмурился, обдумывая новость.— Скорее всего, он не слишком-то много знал, иначе умер бы за завтраком, а не исчез. Но зачем его похищать, если он никому не угрожал?

— Это и поставило меня в тупик! — Единственный раз в своей жизни, полностью подчиненной дисциплине, Лимингтон позволил себе дать волю чувствам. Он стукнул кулаком по столу и громко сказал: — С самого начала этого идиотского дела мы постоянно путаемся в клубке нитей, каждая из которых приводит либо к мертвецу, либо к человеку, который уже превратился в нелюдь. Всякий раз, когда мы устремляемся в погоню, нас уже поджидает свежий труп. Всякий раз, протягивая руку, мы ловим пустоту. Теперь они начали убирать улики. Даже трупа не осталось! — Он щелкнул пальцами.— Взял и исчез! Чем же все это кончится? И когда этот конец наступит? Если наступит вообще, разумеется?

— Конец наступит, когда последний витон исчезнет с лица Земли или когда погибнет последний человек.— Грэхем помахал сообщением «Юнайтед пресс» и переменил тему.— Должно быть, у этого Мак-Эндрю ум, типичный для современного талантливого ученого мирового масштаба.

— Ну и что?

— На этот раз они не ограничатся исследованием его ума, как они делали раньше. Они разберут весь его интеллект по винтику и выяснят, как там все крутится. Я не вижу, зачем еще им могло понадобиться его похищать, вместо того чтобы убить, как обычно. Сдается мне, что витоны чем-то обеспокоены, может быть, даже напуганы, вот они и взяли его в качестве подходящего объекта для своей суперхирургии.— Яркий блеск в его глазах поразил собеседника.— Они решили получить средние данные, чтобы оценить вероятность. Их уверенность пошатнулась, они хотят выяснить, что их ожидает. Взвесив силу интеллекта Мак-Эндрю, они вычислят, насколько велика вероятность того, что нам удастся обнаружить истину, которой они так боятся.

— А потом? — шепотом спросил Лимингтон.

— Мы подозреваем, что Падилья что-то нашел — в результате целенаправленного поиска, а может быть, и случайно. Но нужно допустить и другую возможность: он попал пальцем в небо, и убрали его только для того, чтобы сбить нас с толку, направить по ложному следу — в Южную Америку.— Грэхем встал, возвышаясь над столом шефа.— И если я не ошибаюсь, это похищение означает две вещи,— сказал он, сопровождая свои слова энергичными жестами.

— Какие же?

— Первое: что существует смертельное для витонов оружие, которое только и ждет, чтобы мы его нашли, если, конечно, у нас хватит на это силенок. Витоны уязвимы! — Он помолчал, потом закончил, тщательно взвешивая каждое слово: — И второе: если они, покопавшись в мозгу Мак-Эндрю, придут к выводу, что у нас хватит разума такое оружие найти и изготовить, то сделают все, чтобы этого не допустить, причем молниеносно. И тут начнется кромешный ад!

— Можно подумать, что он еще не начался! — заметил Лимингтон, сделав широкий жест рукой.— Вы что, можете вообра-

зить что-нибудь более отчаянное, чем та ситуация, в которой мы находимся сейчас?

— Уж лучше известное зло, чем неизвестное,— парировал Грэхем.— Сейчас мы хотя бы знаем, что происходит. А кто знает, что они затевают?

— Если они изобретут еще какие-нибудь козни, Бог свидетель, нам придет конец!

Грэхем промолчал. Он весь ушел в тревожные раздумья. Один человек, ныне покойный, приписал ему экстрасенсорное восприятие. Возможно, дело в нем, а может быть, это было предчувствие, но только он знал, что надвигается новый ад, притом куда более страшный.

Стояла тьма, такая глубокая и зловещая, которая мыслима только в городе, когда-то сиявшем мириадами огней. Кроме мимолетных отблесков гиромобилей, которые, приглушив свет фар, светлячками пролетали по выщербленным каньонам нью-йоркских улиц, ничто не оживляло густого, давящего, непроглядного мрака.

Кое-где мерцали зеленоватым светом ограждения из деревянных столбиков, покрытых светящейся краской, предупреждая водителей об огромных воронках, оставленных взорвавшимися ракетами. Кисловатый запах войны был силен как никогда — запах вздыбленной земли и разрушенных коммуникаций, битого кирпича и перемолотой плоти.

В верхней части города, на Шестой улице, Грэхем увидел маленький красный огонек, раскачивающийся из стороны в сторону, и притормозил. Машина замедлила бег и остановилась; он вышел.

— В чем дело?

Из угольной тьмы выступил молодой офицер.

— Извините, мистер, нужна ваша машина.— Он молча подождал, пока Грэхем предъявит удостоверение, потом сказал: — Ничего не могу поделать, мистер Грэхем, мне приказано реквизировать все машины, следующие мимо.

— Что ж, не буду спорить.— Грэхем вынул из гиромобиля теплое пальто и закутался в него.— Придется пройтись пешком.

— Мне искренне жаль,— проговорил офицер.— В западном районе случилось что-то серьезное, нужны все машины, которые

удастся достать.— Он обернулся к двум солдатам в грязно-зеленой форме, еле видным в темноте: — Отгоните машину на станцию.— Когда они отъехали, он нажал на кнопку красного фонарика и подал сигнал очередному проезжающему гиромобилю.

Быстрым шагом Грэхем шел по дороге. Его окружали покосившиеся стены, кое-где укрепленные деревянными подпорками. На другой стороне улицы в мрачном унынии высились страшные развалины некогда оживленных деловых кварталов.

На площади, замыкавшей улицу, обосновалась батарея противовоздушной обороны. Грэхем молча прошел мимо. От безмолвных фигур в железных касках, облепивших длинные, задранные к небу стволы, веяло настороженностью. Они были обречены выполнять свой бесполезный долг. Все их пушки, хитроумные взрыватели ближнего действия, еще более хитроумные приборы управления огнем не могли тягаться с ракетами, намного опережающими скорость звука. Максимум, на что они могли надеяться,— это случайная управляемая бомба или безумный азиат-камикадзе, решившийся на почетное самоубийство. Других вариантов не было.

За площадью, на полуразрушенной крыше, шатко угнездился пост подслушивания вместе с радиолокатором. Квадратные раструбы поста были бесцельно устремлены на запад, полусферическая антенна радара с деловым видом, но без особой пользы вращалась вокруг своей оси. Даже не видя, Грэхем знал: где-то между постом на крыше и пушками застыли у приборов управления огнем еще более напряженные, безмолвные фигуры, ожидающие нечеловеческого воя, который возвестит о приближении какого-нибудь объекта, летящего достаточно медленно для того, чтобы его обнаружить, а при удаче и сбить.

На какой-то миг над скалами вспыхнуло яркое розовое зарево, вслед за ним прокатился грохот взрыва. Вверх по Гудзону пошла мощная приливная волна. Еще мгновение, и следующая вспышка возникла выше по реке, близ Хэверстроу. Потом все смолкло.

Но только не на улице. Из глубины, прямо из-под ног, доносились странные неумолкающие звуки, как будто кто-то глодал землю мощными челюстями. На протяжении мили одинокого

пешехода неотступно сопровождало это подземное «хрум-хрум-хрум».

Там, глубоко внизу, ниже всех подземных этажей города, гигантские бериллиевые челюсти вгрызались в породу, прокладывая артерии нового, более безопасного города, недоступного для бомб и ракет.

«Когда все это кончится,— подумалось Грэхему,— бывшая подземка превратится в наземную железную дорогу».

Повернув налево, он увидел в окружающем мраке более плотное темное пятно. Неясный силуэт находился на другой стороне улицы и торопливо приближался, громко позвякивая металлическими подковками.

Они почти поравнялись и должны были вот-вот разминуться, когда из набухшего темного облака, незаметного в кромешной тьме, вылетел шар холодного голубого света. От его внезапной яростной атаки спасения не было. Почуяв близкую гибель, смутно различимый во мраке человек завертелся волчком и издал леденящий душу вопль.

Грэхем отступил туда, где тень была поглубже, его зоркий взгляд отметил поразительную быстроту нападения. Шар заплясал вокруг своей жертвы, озарив ее тусклым, мертвенным светом. Было видно, как тонкие, сверкающие нити щупальцев вонзились в тело несчастного. Витон выпустил пару колец, которые призрачным ореолом рассеялись в воздухе. Еще миг — и светящаяся тварь взмыла ввысь, унося с собой обмякшее тело.

Еще одного человека тем же манером схватили на пустыре, ярдов через двести дальше по дороге. Проходя мимо остова многоквартирного дома, Грэхем видел, как охотник и его добыча пересекли открытый участок. Гротескно удлиненная тень пешехода, высвеченная бледным сиянием шара, стремительно неслась впереди. Бег жертвы был столь неистов, как будто она спасалась от порождения ада. Человек несся огромными неуклюжими скачками, из сдавленного ужасом горла вырывались невнятные обрывки слов.

Переливающаяся голубая бестия нависла над жертвой, образовав вокруг ее головы дьявольский нимб. Потом раздулась, поглотив беглеца вместе с последним отчаянным воплем. Перед тем как подняться в небо с добычей, витон выпустил два светящихся кольца.

Третьего и четвертого схватили на Дрекслер-авеню. Они успели заметить пикирующие голубые молнии. Один бросился бежать. Второй упал на колени, скрючился в жутком поклоне и закрыл голову руками. Бегущий что-то хрипло выкрикивал. Живот у него трясся, по ногам текло, вопли звучали, как стенания обреченной на заклание жертвы. Коленопреклоненный оставался в той же позе, как будто молился своему идолу. Но идол, как и все боги, не внял молитвам. Обоих схватили одновременно. Оба разом вскрикнули, разом вознеслись в небеса — и еретик, и истово верующий, и грешник, и праведник. Витоны никому не оказывали предпочтения, никого не миловали. Они сеяли гибель так же неумолимо, как торговцы смертоносным бактериологическим оружием.

Лоб Грэхема покрывала обильная испарина. Он крадучись проскользнул по дорожке к дверям больницы «Самаритэн». Перед встречей с Гармонией он отер со лба пот и решил ничего не рассказывать о трагических событиях, свидетелем которых он оказался.

Она, как всегда, выглядела сдержанной и спокойной. Во взгляде глубоких темных глаз ему почудилась какая-то убаюкивающая безмятежность. Однако они видели его насквозь.

— Что случилось? — спросила девушка.

— Случилось? С чего вы взяли?

— Вид у вас взволнованный. К тому же вы только что вытерли лоб.

Вытащив носовой платок, Грэхем еще раз отер испарину и спросил:

— Откуда вы узнали?

— Он у вас еще влажный.— В глазах ее мелькнула тревога.— Витоны снова гнались за вами?

— На сей раз не за мной.

— За кем же?

— Это что, допрос? — осведомился он.

— В кои-то веки вы вышли из себя! — сказала она, защищаясь.

— Я всегда выхожу из себя, когда разговариваю с вами.— Он на время выбросил из головы гнетущие мысли и одарил ее при-

зывным взглядом.— Я приду в норму, когда немножко привыкну к вам, когда мы будем видеться чаще.

— В каком смысле?

— Вы прекрасно понимаете в каком.

— Уверяю вас, что не имею ни малейшего понятия, на что вы намекаете,— холодно произнесла она.

— На свидание,— подсказал он.

— На свидание! — Она воздела глаза к потолку.— Подумать только, он явился назначать свидание! И это при том, что творится вокруг.— Она села за свой стол и взялась за ручку.— Вы, должно быть, совсем рехнулись, мистер Грэхем. День добрый, и всего хорошего.

— Сейчас не день, а ночь,— напомнил он и, притворно вздохнув, добавил: — Ночь, так и созданная для любви.

Доктор Кертис громко фыркнула и углубилась в свои бумаги.

— Ладно,— сдался он,— вижу, мне опять дали отставку. За последние дни я к этому уже привык. Давайте поговорим на другую тему. Что вы узнали?

Она отложила ручку.

— Я ждала, пока вы придете в себя. Ведь я уже несколько часов хочу вас видеть.

— Ей-богу? — Он радостно вскочил с места.

— Не обольщайтесь.— Она жестом велела ему сесть.— Все очень серьезно.

— Господи, а со мной-то разве все не серьезно? — изрек он в пространство.

— Ко мне на чай заходил профессор Фармилоу.

— Что же вы такого в нем нашли, чего недостает мне?

— Умение себя вести,— отрезала она.

Он поморщился, но промолчал.

— Кстати, очень милый старик. Вы его знаете?

— Так, немного, а теперь и вовсе знать не желаю.— Он изобразил на лице ревность и презрение.— Тихий вечерок с седеньким козликом? Кажется, он чем-то занимается у Фордэма — тропическими бабочками или еще какой-то ерундой.

— Между прочим, он мой крестный отец.— Она произнесла эти слова с таким выражением, как будто они объясняли все.— Он физик...

— Билл,— подсказал он.

Она не обратила внимания.

— Думаю, что он...

— Билл,— не сдавался он.

— Ну хорошо, хорошо,— нетерпеливо отмахнулась она,— Билл, если для вас это так важно.— Девушка старалась сохранить непроницаемое выражение, но Грэхем уловил на ее лице тень улыбки и получил немалое удовольствие.— Мне кажется, Билл, он что-то задумал. Я боюсь за него. Ведь едва человек успеет что-то задумать, как сразу гибнет.

— Вовсе не обязательно. Просто мы не знаем, сколько людей, месяцами вынашивающих какие-то идеи, до сих пор живы-здоровы. А потом, я пока еще тоже жив.

— Вы живы, потому что одержимы одной-единственной идеей,— ядовито заметила она, проворно убирая ноги под стол.

— Как вы можете говорить такое? — Он изобразил негодование.

— Боже правый, дадите вы мне наконец рассказать то, ради чего я вас так ждала?

— О'кей.— Он насмешливо улыбнулся.— Так почему вы считаете, что старик Фармилоу носится с какой-то идеей?

— Мы говорили о витонах. Я попросила его объяснить, почему так трудно найти против них оружие.

— Ну а он что?

— Он сказал, что мы еще не научились так же уверенно обращаться с силами, как с веществами, что мы сделали большой шаг, обнаружив витонов, но этого еще не достаточно, чтобы с ними покончить.— Говоря, девушка не спускала с Грэхема своих прекрасных глаз, следя за его реакцией.— Он сказал, что мы можем бомбардировать витонов всевозможными энергетическими пучками, но, если ничего так и не случится, мы не сумеем выяснить почему. Мы даже не можем поймать витона, чтобы узнать, отражает он энергию или же поглощает, а потом снова излучает. Мы не можем его изловить и разобраться, как он устроен.

— Мы знаем, что некоторые виды энергии они действительно поглощают,— вставил Грэхем.— Они поглощают нервные токи, жадно пьют их, как лошади, стосковавшиеся по воде. Еще они поглощают импульсы — радары этих тварей не улавливают. Что же касается загадки их строения, тут старик Фармилоу прав.

Мы об этом понятия не имеем и даже не знаем, с какой стороны подступиться. Вот в чем вся загвоздка.

— Профессор Фармилоу сказал: лично он считает, что шары обладают каким-то электродинамическим полем и умеют его произвольно изменять, обволакивая себя разными видами энергии и поглощая только те, которые нужны им для питания.— Она передернулась от отвращения.— Вроде тех нервных токов, о которых вы сказали.

— И никакой аппарат, имеющийся в нашем распоряжении, не может их воспроизвести,— пожаловался Грэхем.— А то мы бы пичкали их, пока они не лопнут!

На лице девушки снова мелькнула улыбка.

— Я сказала профессору: «Вот бы взять волшебную ложку и взбить их, чтобы получился голубой пудинг!» — Ее тонкие пальцы сомкнулись вокруг воображаемой ложки, которой она энергично покрутила в воздухе.— Странно, но моя шутка почему-то привлекла его внимание. Он стал мне подражать, все вертел и вертел пальцем, как будто играл в какую-то новую игру. Ведь я просто дурачилась — но зачем было ему дурачиться вместе со мной? Он знает об энергии куда больше, чем я могу себе представить.

— Да, непонятно. А вы не думаете, что он просто впал в детство?

— Нет и еще раз нет!

— Тогда сдаюсь.— Грэхем поднял руки.

— Он даже не намекнул, что у него на уме,— продолжала она,— но вид у него был какой-то ошеломленный, и он вскоре откланялся. Когда профессор так же задумчиво направился к выходу, он сказал, что постарается достать мне такую ложку. Я уверена: он что-то задумал. Это были не просто пустые слова, он действительно что-то задумал! — Ее плавно изогнутые брови вопросительно приподнялись.— Только вот что?

— Чушь собачья,— решил Грэхем. И тоже поболтал в воздухе невидимой ложкой.— Такая же чушь, как и все в этом безумном деле. Должно быть, профессор Фармилоу свихнулся от слишком большой учености. Он отправился домой изобретать проволочную мутовку для сбивания яиц и кончит свои дни, забавляясь с ней в клинике Фосетта. Там, у Фосетта, таких, как он, не одна дюжина.

— Если бы вы знали профессора так же хорошо, как я, вы бы воздержались от подобных замечаний,— резко ответила она.— Уж он-то никогда не теряет головы. Я бы на вашем месте сходила к нему. Может быть, у него есть для вас что-то стоящее.— Она подалась вперед.— Или вы, как всегда, прибудете слишком поздно?

— Ну ладно, ладно,— поморщился Грэхем.— Лежачего не бьют. Я прямо сейчас отправляюсь к нему.

— Вот и молодец,— похвалила девушка. Она смотрела, как он встает и берется за шляпу, и выражение ее глаз менялось.— Может быть, пока вы еще не ушли, вы все-таки расскажете мне, что вас тревожит?

— Тревожит? — Он медленно обернулся.— Вот смехота! Ха-ха-ха! Нет, вы только вообразите: меня — тревожит!

— Не пытайтесь меня провести. Вся эта болтовня о свиданиях меня нисколько не обманула. Вы только вошли, а я сразу увидела: вас что-то беспокоит. У вас был такой вид, как будто вы готовы кого-то убить.— Она сжала руки.— Что случилось, Билл? Что-то новое, еще страшнее?

— Проклятье! — Он на миг задумался, потом сдался.— Думаю, что вам тоже можно сказать. Все равно рано или поздно вы узнаете.

— О чем?

— Похоже, что они перестали убивать. Теперь они хватают людей живьем и утаскивают бог весть куда.— Он повертел в руках шляпу.— Неизвестно, почему они их хватают и зачем. Можно только догадываться, а догадки невеселые...

Девушка побледнела.

— Вот вам и последний вариант старой как мир шутки,— зло добавил Грэхем,— о судьбе, которая еще похуже смерти! — Он надел шляпу.— Так что, ради бога, берегите себя и старайтесь держаться от них подальше. Ну а от свиданий не отказывайтесь, даже если вздумаете взлететь на небо, договорились?

— Я не назначала никаких свиданий.

— Пока. Но когда-нибудь назначите. Когда кончится вся эта заваруха, вам не удастся так легко от меня отделаться.— Он ухмыльнулся.— Тогда времени у меня будет вагон, и я целиком посвящу его вам!

Он закрыл дверь, унося в памяти тень ее улыбки. Выскальзывая из ворот на окутанную мраком дорогу, стелющуюся под

угольно-черным небом, он знал, что она все еще улыбается, припоминая его последние слова. Но долго думать о ее улыбке ему не удалось.

Вдали, из затаившихся в черноте облаков, посыпались сверкающие голубые капли — дождь из поднебесного ада. Чуть позже дьявольские шары стали роем подниматься ввысь. Грэхем был слишком далеко, чтобы видеть детали, но чувствовалось, что захватчики поднимаются не налегке.

Перед его мысленным взором предстали безжизненные человеческие тела, повисшие в объятиях омерзительных тварей, вздымающих свои жертвы в небеса. А под ними, на земле, десять тысяч пушек нацелены в нависшее небо, тысяча чутких раструбов застыла в ожидании нашествия другого врага — врага, который, по крайней мере, сотворен из плоти и крови.

«Как должны воспринимать эти повальные похищения те, кто еще не прошел обработку по формуле Бьернсена? — подумалось ему.— Наверняка столь устрашающее проявление высших сил только подтверждает старые как мир, пугающие суеверия. Такое случалось и раньше. Взять историю или старинные предания — там люди только и делают, что внезапно сходят с ума, летают по воздуху и возносятся в таинственную синеву бездонного неба».

Тут его мысли переключились на старика-ученого, который поспешил домой, захваченный странной идеей. «Ставлю доллар против цента, Билл Грэхем,— сказал он себе,— что Фармилоу свихнулся, смотался либо скончался».

Усмехнувшись своей мрачной шутке, он свернул на Дрекслер-авеню и стал осторожно пробираться по обочине, стараясь держаться в самой глубокой тени. Его резиновые подошвы бесшумно ступали по земле, блестящие серые, как агаты, глаза бдительно всматривались в ночное небо, стараясь не пропустить возможную засаду. А глубоко внизу, прямо под его осторожно крадущимися ногами, зубья из бериллиевой стали все так же неотступно глодали подземную руду и невидимые валуны.

Глава 11

Сомнений не оставалось — профессор Фармилоу был мертв. Грэхем понял это, как только открыл дверь. Он быстро пересек погруженную во мрак комнату и, осветив фонариком окна, убе-

дился, что светонепроницаемые шторы не пропускают ни единого лучика. Удовлетворенный осмотром, он нащупал на стене выключатель и зажег лампу под потолком.

Двухсотваттный поток света устремился вниз, на неподвижное тело ученого, заиграл насмешливыми бликами на его седой голове, обрамленной безжизненно застывшими на столе руками. Фармилоу сидел на стуле и как будто спал, уронив усталую голову на руки. Но это был не тот сон, который прерывается с рассветом, а совсем другой — не знающий ни сновидений, ни пробуждения.

Грэхем осторожно приподнял ссутуленные плечи, просунул руку за ворот рубашки и приложил ладонь к холодной груди профессора. Он заглянул в доброе старческое лицо и не заметил на нем того выражения ужаса, которое обычно искажало лица других жертв.

Да, Фармилоу был стар, очень стар. Может быть, он умер своей смертью. Может быть, в часах его жизни кончился отпущенный им завод, и витоны не имеют к трагедии никакого отношения. На первый взгляд, они действительно ни при чем: лицо такое мирное, к тому же профессор умер, а не был похищен. И что самое паршивое, если вскрытие покажет, что смерть наступила в результате сердечного приступа, то это не будет значить ровным счетом ничего.

Жадно подрагивающие щупальца способны высасывать квазиэлектрические нервные токи с такой силой и быстротой, что могут парализовать сердечные мышцы. Люди — а особенно старые — часто умирают от такой напасти, никак не связанной со сверхъестественным вмешательством. Так что же все-таки случилось с Фармилоу — вышел ли его жизненный срок, или же он умер потому, что его мудрый старый ум взлелеял какую-то мысль, способную перерасти в угрозу?

Печально глядя на мертвое тело, Грэхем ругал себя последними словами. «"Или вы, как всегда, прибудете слишком поздно?" На этот раз она прямо как в воду глядела! Я просто Джонни-опоздайка, и так каждый раз! Почему, черт бы меня побрал, я не бросился к старику сразу, как только она мне все рассказала? — Он сокрушенно потер лоб.— Иногда мне кажется, что я так никогда и не научусь поторапливаться.— Он оглядел комнату.— Что ж, олух, берись за дело!»

С лихорадочной быстротой он обыскал помещение. Это была не лаборатория, а скорее кабинет и одновременно библиотека. Без особого трепета он перевернул все вверх дном, твердо решив найти что-нибудь стоящее. И ничего не нашел — ни единой вещи, от которой можно было бы протянуть какую-то ниточку. Масса книг, документов и бумаг, казалось, содержала так же мало смысла, как речь политического деятеля. На худощавом лице Грэхема появилась печать безнадежности; наконец он прекратил поиски и собрался уходить.

От возни, которую он поднял, тело ученого потеряло равновесие и постепенно сползло вперед, руки раскинулись на блестящей поверхности стола. Взяв холодный труп под мышки, Грэхем поднял скорбную ношу и перенес на диван. Что-то упало на пол и покатилось с металлическим позвякиванием. Уложив профессора, Грэхем прикрыл ему лицо, сложил на груди старческие руки с набухшими венами. Потом отыскал упавший предмет.

Это был автоматический карандаш — он заметил его блестящий серебристый колпачок около ножки стола. Грэхем поднял карандаш. Очевидно, он выпал из окоченевших пальцев Фармилоу или скатился с его колен.

Находка снова настроила Грэхема на боевой лад. Он вспомнил последние каракули других умерших — и карандаш стал казаться ему весьма многообещающим подарком судьбы. Ведь Фармилоу вполне могли выбросить из этой жизни в следующую — если это возможно — как раз в тот миг, когда его мозг уже сформулировал мысль, которую рука готовилась записать. Это было совсем не в характере витонов — дать жертве передышку. Они убивают без всякого предупреждения или колебания.

И тут он с изумлением взглянул на ситуацию под новым углом: витоны не умеют читать. Как столь очевидная мысль не пришла ему в голову раньше? Ведь у витонов нет органов зрения, их заменяет экстрасенсорное восприятие. Это значит, что они выносят смертный приговор тому, кто вынашивает опасные замыслы или собирается их записать непонятным для них образом. Может быть, напечатанные или написанные на бумаге знаки ничего не говорят вражеским органам чувств: они разбираются в мыслях, но не в почерке или машинописи. Они владыки неуловимого, но не конкретного и вещественного.

Следовательно, если Фармилоу воспользовался карандашом, его записка, скорее всего, сохранилась, не была уничтожена, точно так же, как не были уничтожены другие послания. Грэхем еще раз перерыл ящики стола в поисках памятных книжек, записок, любых торопливых каракулей, которые могли бы сообщить посвященному что-то важное. Внимательно осмотрев все, что было на столе, и убедившись в девственной чистоте блокнота и промокашки, он напоследок пролистал от корки до корки два научных трактата.

Никакого результата. Оставалась только газета «Сан». Последний вечерний выпуск лежал сложенным посередине стола, как будто Фармилоу собирался его просмотреть, но потом внезапно потерял всякий интерес к тому, что творится в мире. Устремив зоркий взгляд на страницу газеты, разведчик глубоко вздохнул: карандашная пометка!

Жирное, наспех нарисованное кольцо, небрежный кружок — такой можно изобразить в минуту безумия или на пороге смерти.

«Если они до него добрались,— размышлял Грэхем,— то он, очевидно, сделал это уже после того, как его схватили. Ведь смерть не наступает одновременно с остановкой сердца, мозг продолжает работать еще несколько секунд. Однажды я видел парня, который пробежал шагов десять, пока не понял, что уже мертв».

Облизнув пересохшие губы, он попытался расшифровать послание с того света. Кое-как нацарапанное кольцо отражало последнее усилие Фармилоу — упрямое стремление угасающего разума оставить хоть какой-то ключ, пусть грубый, неясный, несовершенный. По-своему трогательный жест: посмертный вклад профессора в копилку ума и сообразительности человеческого рода. Только уж больно странным он оказался, трудно себе представить что-нибудь более странное: в кружке красовалось изображение медведя!

Рисунок помещался в колонке объявлений. Зверь стоял вертикально на фоне айсберга, правая передняя лапа призывно вытянута, на морде — мерзкое выражение самодовольного торгаша. Он рекламировал огромный нарядный грузовик-рефрижератор, ниже были начертаны хвастливые слова: «Рекомендую лучший в мире рефрижератор — вы найдете меня на его дверце!»

— Рекламный писака не страдает недостатком скромности,— проворчал Грэхем и снова бросил сокрушенный взгляд на рисунок.— Надо поспать,— решил он.— Если я хоть немного не сосну, мне прямая дорога в психушку!

Аккуратно вырвав объявление, он сложил его и спрятал в бумажник. Потом выключил свет и удалился.

По дороге домой он нашел в метро телефонную будку и позвонил в полицейское управление. Грэхем сообщил о Фармилоу и, перемежая слова зевками, дал краткие инструкции. Потом набрал номер Боро 8-19638, не получил ответа и сонно удивился, что офис Разведывательного управления не откликается. Он слишком устал, чтобы ломать себе голову, ощущать подозрения или тревогу. Не отвечают — ну и черт с ними!

Добравшись до дому, он рухнул в постель и блаженно сомкнул воспаленные от усталости веки. А на расстоянии мили застыли во тьме обезлюдевшие зенитная батарея, прибор управления огнем, радар службы оповещения, подслушивающая установка — их команды были насильственно удалены со своих постов. Ничего не ведая об этом, Грэхем беспокойно вертелся в постели, одолеваемый фантастическими сновидениями. Он видел брошенный офис, окруженный морем живой светящейся голубизны, через которое пробирался гигантский медведь.

Тревога, которую он должен был ощутить прошлой ночью, с избытком дала о себе знать утром. Он попытался дозвониться до офиса Разведывательного управления — ответа по-прежнему не было. На этот раз он среагировал мгновенно. «Тут что-то не так,— предупредил отдохнувший, снова бдительный ум,— будь начеку!»

Подходя к зданию, он заранее был начеку. Все выглядело вполне невинно. Вокруг царило нарочитое спокойствие, свойственное только что поставленной мышеловке. Ближайшие витоны болтались далеко на востоке; свисая из-под пышных облаков, они, казалось, созерцали собственные пупки.

С четверть часа Грэхем слонялся вокруг, попеременно поглядывая то на зловещее здание, то на грозное небо. У него не оставалось другой возможности выяснить, что же случилось с телефоном Лимингтона, кроме как пойти и посмотреть самому. Он решительно вошел в здание и направился к лифтам. И сразу же

из ниши по соседству с лифтами, где обычно находился лифтер, выступил мужчина и шагнул ему навстречу.

У незнакомца были черные глаза и еще более черные волосы, облепившие белое как мел лицо. Костюм, ботинки, шляпа — все на нем было черное. Просто крик похоронной моды.

Плавной тигриной поступью скользя по паркету, он прохрипел:

— Явился! — и выстрелил прямо в Грэхема.

Будь разведчик чуть более самоуверен или чуть менее бдителен, ему снесло бы полчерепа. Упав ничком, он почувствовал, как осколки пули злобно прожужжали над самой его головой. Оказавшись на полу, он бешено рванулся прямо под ноги противнику. Он надеялся сбить незнакомца, пока тот не выстрелил снова, но знал, что не успеет.

Мышцы спины судорожно сжались, ожидая пулевых осколков. Резко и оглушительно прогремел выстрел. За ним последовала нервная реакция — рот открылся, чтобы испустить крик, но звук замер в горле. Грэхем изумленно осознал, что не ранен, и в тот же миг услышал слабый клекот и глухой стук.

В поле его зрения, ограниченном уровнем пола, возникло заляпанное кровью лицо. Огонек безумия так и остался в глазах даже после того, как их блеск угас. С проворством акробата Грэхем вскочил на ноги и тупо уставился на поверженного врага.

И тут его внимание привлек тихий стон. Перескочив через труп мужчины в черном, он рванулся к лестнице, вьющейся вокруг шахты пневматического лифта, и склонился над телом, неловко замершим у ее подножия.

Не выпуская из рук еще не остывшего пистолета, человек слабо пошевелился; при этом спереди, на пиджаке, открылись четыре сочащихся кровью отверстия. С трудом приподняв руку, он показал Грэхему гладкое кольцо.

— Не горюй, приятель.— Он говорил с трудом, изо рта вырывалось булькающее дыхание.— Мне конец. Никуда не денешься.— Ноги его судорожно дернулись. Умирающий выпустил пистолет, и он со стуком упал на пол.— И все-таки я достал эту свинью... и тебя выручил...

Держа в руке кольцо, Грэхем переводил взгляд с разведчика, лежащего у его ног, на траурную фигуру убийцы. За стенами,

грозно рыча, снова разверзся ад; здание содрогнулось, посыпалась штукатурка, но Грэхем не обращал внимания на эти звуки. Что делал смертельно раненный оперативник у самого входа в Разведывательное управление? Почему в офисе ни вчера вечером, ни сегодня утром никто не отвечает на звонки?

— Оставь меня, все равно мне конец! — Умирающий слабо попытался оттолкнуть руки Грэхема, который расстегивал его окровавленный пиджак.— Загляни наверх — и скорее назад! — Он захлебывался кровавой пеной.— В городе... полно придурков! Они открыли психушки, и все дурики... бродят на свободе! Торопись, дружище!

— Проклятье! — Грэхем выпрямился, убедившись, что лежащий у его ног разведчик отошел в мир иной.

Взяв оброненный им пистолет, он рванулся к ближайшему лифту. Снаружи все еще валились обломки, но Грэхем не слышал шума. Что ожидает его наверху?

«Загляни наверх — и скорее назад!»

Сжимая в руке пистолет с сегментными пулями, устремив взгляд сверкающих глаз к вершине лифтовой шахты, он приплясывал от нетерпения, пока пневматический диск, казалось, нестерпимо медленно воспарял вверх.

Едва он заглянул в нью-йоркскую штаб-квартиру Лиминг-тона, как его внутренности свела страшная дурнота. Там была форменная бойня. Он быстро пересчитал трупы — семь! Трое лежали у окна. На холодных лицах застыла неизгладимая печать постигшей их дьявольской участи. Бесполезное оружие так и осталось в кобурах. Им даже не дали шанса пустить его в ход.

Еще четверо валялись кто где. Эти успели достать оружие и воспользоваться им. Одним из четверки был полковник Лиминг-тон. Его изрешеченный пулями труп сохранил достоинство даже в смерти.

«Тройку у окна прикончили витоны,— решил Грэхем. Отогнав охвативший его поначалу ужас, он заставил себя как можно спокойнее взвесить ситуацию.— Остальные перестреляли друг друга».

Мгновенно забыв о совете скорее возвращаться назад, он подошел поближе к столу шефа, чтобы как следует рассмотреть позы трупов и их расположение. Восстановить ход событий не

представляло труда. Очевидно, пара у дверей — они появились последними — открыла огонь по Лимингтону и его напарнику, но оказалась не слишком расторопной. Лимингтон с помощником сделали ответные выстрелы одновременно с вошедшими. И вот естественный результат: современные сегментные пули обладают явно большей убойной силой по сравнению со старыми, цельными.

Но вот в чем загвоздка: все трупы принадлежали бывшим сотрудникам Разведывательного управления! Все еще сжимая в руке пистолет, Грэхем обошел комнату, пытаясь найти разгадку. Лоб его избороздили глубокие морщины.

«Похоже, витоны сначала прикончили тех троих у окна, а Лимингтона с напарником оставили невредимыми или, во всяком случае, живыми.— Он нахмурился еще сильнее.— Двоих они оставили в живых. Но почему, черт возьми? Здесь что-то ужасно странное! — Осматривая трупы, он присел на край стола.— Потом пришли еще трое — может быть, их вызвал Лимингтон. Они поднялись в офис и, должно быть, почуяв неладное, прямо с порога начали пальбу. Все пятеро получили по пуле. Четверо вырубились сразу и на веки вечные. Пятый выполз в коридор и спустился вниз.— Он взвесил на руке пистолет.— Вот только совершенно непонятно, почему началась пальба?»

Сжав зубы, он снял с пальцев убитых гладкие кольца с иридиевым покрытием и опустил их в карман. Что бы ни случилось, все эти люди были его коллегами-разведчиками, доверенными сотрудниками самой доверенной службы Дядюшки Сэма.

В углу негромко прозвенел звонок. Подойдя к приемнику теленовостей, он открыл его и увидел на экране первый выпуск «Таймс». Демонстрация трудящихся требует немедленно открыть арсеналы ядерного оружия. Ситуация в Европе резко обострилась. Тридцать вражеских стратопланов сбиты над Южным Канзасом во время самого жестокого воздушного боя за всю историю войны. Прицельным залпом с расстояния четыре тысячи миль взорван военный склад азиатов; разрушения на площади сто квадратных миль. «Дело за бактериологическим оружием»,— заявил Корнок. Конгресс запретил культ обожествления витонов.

Газетная страница уползла с экрана, уступив место городским новостям. Грэхем прочитал их, и лицо его озарилось понимани-

ем. Людьми овладевает безумие! По всему Нью-Йорку и в большинстве крупных западных городов людей похищают, уносят в небеса, потом возвращают на землю, но при этом их душевное состояние резко изменяется.

Заоблачная суперхирургия! Он крепче сжал пистолет. Сквозь туман, окружающий резню в офисе, стали проглядывать контуры ужасной истины. Да, удар прямо-таки мастерский! Он должен обеспечить решающую победу и одновременно произвести еще больше эмоционального меда силами ничего не ведающих новобранцев, мобилизованных прямо из рядов антивитонской коалиции!

Что говорил тот бедняга внизу? «В городе полно придурков!» Вот в чем дело! Трое у окна погибли, оказав сопротивление, или их просто прикончили как материал, непригодный для целей суперхирургии. Лимингтона с напарником схватили, прооперировали и вернули. Но вернулись они уже рабами своих грозных противников. Офис превратился в западню, коварно подстроенную для того, чтобы заманивать в нее разведчиков — основной стержень сопротивления — по одному, парами или целыми группами.

Но трое последних, которые пришли все вместе, каким-то образом почуяли опасность. С неколебимой преданностью долгу, столь характерной для их братии, они пристрелили Лимингтона вместе с напарником. Без всяких колебаний эти трое прикончили собственного шефа, предав его быстрой кровавой казни, ибо молниеносно поняли: это уже не шеф, а умственно исковерканное оружие врага.

Штаб-квартира оказалась западней, а может быть, она и сейчас — западня! Эта мысль пронзила мозг Грэхема и заставила его метнуться к окну. Выглянув наружу, он увидел, что редкие облака уплыли, обнаружив ясное голубое небо, залитое ярким светом утреннего солнца.

В этой лазурной чаше могут роиться сотни, тысячи витонов — одни стягиваются все ближе, другие охраняют западню, готовясь нанести удар. Даже гениальная формула Бьернсена не может помочь человеку разглядеть сияние витонов на фоне обычной сияющей голубизны. Оба одинаково сверкают под лучами раннего солнца, становясь совершенно неразличимыми.

Сознание того, что его тревожный взгляд сопровождают столь же тревожные мысли, а психические вибрации могут привлечь ждущих у западни охотников, заставило Грэхема без лишних промедлений броситься к двери. Лучше убраться, пока не поздно! Он вскочил в лифт и ринулся вниз.

У входной двери маячили двое. Он разглядел их через прозрачные стенки шахты, когда диск, подскочив, как мячик, остановился на уровне земли.

Не выходя из шахты, он быстро прикинул: «Будь эти типы в норме, они проявили бы любопытство, обнаружив два трупа, лежащие у них на виду. Но они не проявили никакого интереса — значит, они не в норме. Значит, это витонские придурки!»

Диск еще не кончил подпрыгивать, а Грэхем уже послал лифт вниз, и высокая атлетическая фигура разведчика скрылась из глаз поджидающей его парочки. Они остолбенели от изумления, потом бросились к шахте. Оба были вооружены.

Диск остановился пятью уровнями ниже. Грэхем вышел из вертикальной трубы и пересек подземное помещение, где невидимые компрессоры как раз закончили выдох. Нырнул под главную лестницу и услышал наверху топот ног. Сжав в руке пистолет, он промчался по длинным пустым коридорам и добрался до выхода, находившегося в дальнем конце здания. Выбрался через стальной люк и с наслаждением вдохнул свежий воздух — приятное разнообразие после подвального, пахнущего гнилью и крысами. Обладателям колец было известно шесть таких выходов, о которых обычные люди не знали и даже не подозревали.

Дежурный сержант в полицейском участке подтолкнул к нему телефонный аппарат по гладкой поверхности стола, откусил полсосиски и, жуя, произнес:

— Это что, приятель! Часиков в шесть прикончили комиссара полиции Льютуэйта. Его шлепнул собственный телохранитель.— Он откусил еще кусок.— До чего дошло — боссов убивают их же телохранители!

— Что-что? — переспросил Грэхем. Он сердито крутил телефонный диск.— Похоже, они к тому же вырубили городскую телефонную сеть.

— И так всю ночь,— бубнил сержант сквозь свою жвачку. Наконец он проглотил, выпучил глаза, вернул на место свое ада-

мово яблоко.— Дюжины, целые сотни! Уж мы их и лупили, и стреляли почем зря, и сжигали — а они все прут и прут! Некоторые из придурков — наши же парни, даже в форме.— Он воздел руку, демонстрируя несокрушимую полицейскую отвагу.— Скажем, Хэгерти докладывает о прибытии — так я настороже: а вдруг он уже не Хэгерти! Ведь никогда не знаешь, кто следующий спятит, пока не дойдет до дела!

— Да, сейчас нельзя доверять даже собственной матери.

Вдруг связь наладилась.

— Привет, Хетти! — крикнул Грэхем и криво усмехнулся, услышав ответное «Привет».— Мне Сангстера, срочно,— потребовал он.

Послышался низкий глуховатый голос Сангстера. Грэхем глубоко вздохнул, припоминая события получасовой давности, потом стал торопливо рассказывать о том, что произошло в офисе Разведывательного управления.

— Никак не могу дозвониться до Вашингтона,— пожаловался он под конец.— Говорят, все линии вышли из строя и трансляционные станции тоже не в порядке. Так что я пока докладываю вам, поскольку никого другого поблизости нет.

— Ужасные новости, Грэхем,— мрачно сказал Сангстер.— Откуда вы звоните?

— Почем я знаю, черт побери?

— Но ведь вы наверняка знаете, где сейчас находитесь.— От удивления у Сангстера даже голос сорвался.

— Возможно. Зато вы не знаете и знать не будете.

— Вы что же, хотите сказать, что отказываетесь мне сообщить? Подозреваете — меня? Полагаете, что я тоже один из этих выродков?

Он помолчал. Грэхем старался уловить выражение его лица на маленьком видеоэкране телефона, но аппарат плохо работал, изображение то и дело пропадало, сменяясь беспорядочным мельканием светлых и темных пятен.

— Наверное, мне не следует вас винить,— продолжал Сангстер.— Одни из предателей ведут себя как безмозглые бандиты, зато другие проявляют необычайную хитрость.

— Мне от вас нужно только одно — если это, конечно, в ваших силах,— передать то, что я сообщил, в Вашингтон,— сказал

Грэхем.— У меня слишком много хлопот, чтобы самому искать связь. Придется вам мне помочь.

— Постараюсь,— обещал Сангстер.— Что-нибудь еще?

— Да. Я бы хотел получить имена и адреса всех сотрудников разведки, находящихся в городе или в окрестностях. Не могли же все они угодить в западню. Некоторые из них порой неделями не выходят на связь. Наверняка кто-то еще бродит на свободе. Сведения, которые мне нужны, здесь знал только Лимингтон, но в Вашингтоне они тоже известны.

— Посмотрю, что тут можно сделать.— Сангстер помолчал, потом снова заговорил, немного громче: — Наше ведомство получило ответы на пару вопросов, которые недавно поставил Лимингтон.

— Что-нибудь новое? — встрепенулся Грэхем.

— Из Британии сообщают: осмотр лаборатории и записей Мак-Эндрюса показывает, что он вел интересные исследования в области изменения скорости частиц при тепловом воздействии. Видимо, он пытался решить загадку субатомной связующей силы. До своего исчезновения он не сумел добиться успеха, и англичане поставили на этом крест.

— Все проще простого! — заявил Грэхем.— Его распотрошили, а останки выбросили. Теперь он в какой-нибудь небесной помойке — бедный подопытный кролик!

— Я и сам не лишен воображения, поэтому не стоит так нагнетать,— укоризненно сказал Сангстер.— Зачем вы портите мне настроение — вовсе не обязательно смаковать эти ужасы.

— Прошу прощения!

— Мы обнаружили, что ни один из радиолюбителей не перехватил разговор Падильи,— продолжал Сангстер.— Так что сведения, которые он сообщил Треливену, навеки останутся тайной. Из биографии Падильи не следует ничего, кроме того, что он проводил эксперименты в области радиотехники, снискавшие ему финансовый успех. Он сколотил приличную сумму на упрощенной частотной модуляции. Но погубило его что-то другое, а что — неизвестно. Никаких записей он не оставил.

— От этой зацепки я отказался уже пару дней назад.

— Вы так говорите, как будто нашли другую, причем лучшую.— В голосе Сангстера сквозил явный интерес.— Я угадал?

— Я эти зацепки нахожу почти каждое утро,— мрачно изрек Грэхем,— а к вечеру они рассыпаются в прах. Просто я — сыщик-недотепа и с самого начала наломал дров! — Он поджал губы и вздохнул.— А что поделывают правительственные эксперты?

— Насколько мне известно, ничего. Две группы сидят в глуши, в тех местах, которые выбрал Лимингтон. Они уже убедились, что сама эта глухомань, которая должна служить защитой, стала помехой. Они что-то изобретают, разрабатывают, создают, а потом оказывается, что поблизости нет витонов, на которых можно было бы все испытать.

— Дьявол, это я не учел,— признался Грэхем.

— Вы тут ни при чем. Никто из нас об этом не подумал.— Сангстер помрачнел.— Если перевести лаборатории в людные места, витоны их быстро уничтожат. Вот в чем загвоздка.— Сангстер нетерпеливо щелкнул пальцами.

— Наверное, вы правы, сэр,— согласился Грэхем.— Я снова свяжусь с вами, как только у меня будет что-нибудь стоящее.

— Куда вы теперь? — последовал внезапный вопрос.

— Я туговат на ухо,— сообщил Грэхем.— Вот забавно — совсем ничего не слышу!

— Ну ладно, ладно.— Грэхем ощутил в тоне собеседника разочарование.— Вам лучше знать. Будьте осторожны!

Послышался громкий щелчок — Сангстер повесил трубку.

— Если есть сомнения,— туманно заметил дежурный сержант,— всегда подумай: кто на этом наживается.

— Ну и кто же наживается теперь? — осведомился Грэхем.

— Похоронных дел мастера! — Поймав улыбку собеседника, сержант нахмурился.— Не так, что ли?

Глава 12

Надпись на бронзовой табличке гласила: «Американская корпорация по производству холодильников». Грэхему пришлось минут пять уламывать несговорчивого секретаря, пока тот наконец согласился допустить его к дубовой двери, на которой золотыми буквами сияло имя директора.

На двери значилось: «Турлоу»; обладатель сей фамилии напоминал живую мумию. Похоже, что этот Турлоу весь высох, ведя постоянную погоню за прибылью.

— Ничем не смогу вам помочь,— заявил Турлоу после того, как Грэхем объяснил цель своего прихода. Голос его шелестел, как древний папирус.— Мы не смогли бы предоставить фургон-рефрижератор даже занзибарскому султану, предложи он нам за него столько драгоценностей, сколько весит машина. С начала войны наш завод выполняет только правительственные заказы, за это время мы не продали ни единого холодильника.

— Это ничего не значит,— возразил Грэхем, не вдаваясь в дискуссию.— Рефрижератор нужен для университета, там его разберут по винтику. Дайте мне список ваших местных клиентов.

— Вот уж дудки! — Костлявой рукой Турлоу потер желтоватую плешь.— Когда-нибудь ситуация изменится. Придет и мой час. Каким же идиотом я буду выглядеть, если список моих клиентов попадет к конкурентам!

— Вы что же — хотите меня оскорбить? — угрожающе начал Грэхем.

— Да никого я не оскорбляю,— махнул рукой Турлоу.— Откуда мне знать, тот ли вы, за кого себя выдаете? Это ваше колечко для меня ровным счетом ничего не значит. А что там написано, без микроскопа все равно не прочитать. Почему ваше начальство не снабдило вас микроскопом? — Он разразился похоронным хихиканьем: — Хе-хе-хе!

Едва сдерживаясь, Грэхем спросил:

— Ну а если я принесу вам письменное подтверждение, тогда вы дадите мне список?

— Если то, что вы принесете, меня удовлетворит,— Турлоу перестал хихикать и хитро прищурился,— то дам. Только пусть оно будет убедительным. Ни одному ловкому конкуренту не удается выманить у меня список только потому, что торговля сейчас дышит на ладан.

— Да вы не бойтесь.— Грэхем встал.— Все будет написано черным по белому, иначе полиция притянет меня в суд.— Задержавшись у двери, он задал еще один вопрос: — Вы давно изображаете медведя на торговой марке?

— С самого начала. Больше тридцати лет.— Турлоу просиял от гордости.— Для клиентов стоящий медведь ассоциируется с продукцией, которая не знает себе равных, с продукцией, которая — хоть это только мои слова — везде ценится, как...

— Спасибо,— перебил его Грэхем, не дав закончить хвастливую тираду, и вышел.

Упрямец, с которым он сражался при входе, проводил его до дверей и спросил:

— Ну как, согласился?

— Нет.

— Я так и знал.

— Почему?

Секретарь слегка смутился.

— Не следовало бы вам говорить, но, если честно, у Турлоу зимой снега не выпросишь.

Внимательно взглянув на собеседника, Грэхем хлопнул его по плечу.

— Вам-то чего беспокоиться? Время работает на вас. Как только он сыграет в ящик, вы тут же сядете на его место.

— Если хоть один из нас до этого доживет,— мрачно изрек секретарь.

— А вот это — уже моя забота,— сказал Грэхем.— Привет!

В угловой аптеке оказалась телефонная будка. Перед тем как в нее войти и повернуться спиной к залу, Грэхем сначала бдительно ощупал взглядом четверых покупателей и троих продавцов.

Он подозревал всех. Предупреждающий голос в мозгу нашептывал: его разыскивают с беспощадной решимостью, неуловимый враг наконец сообразил, что источник сопротивления кроется не столько в кругу ученых, сколько в маленькой группе королей сыска, где он — козырной король.

Витоны компенсировали свое неумение различать людей, которые все для них на одно лицо, как овцы в стаде. Они насильно завербовали других людей и заставили их выбирать из стада особо упрямых особей. Теперь витонам помогают орды прооперированных пособников, своеобразная пятая колонна — безмозглая, беспомощная, безнадежная, но от этого не менее грозная.

Раньше Грэхем был в безопасности, если не считать какого-нибудь бродячего витона, который время от времени докучал ему, читая мысли.

Теперь же ему угрожали витонские наемники — его собственные собратья. Этот новый метод — натравить брата на брата — таил смертельную угрозу.

Набирая номер, он возблагодарил Бога за то, что в ослепленном мозгу Воля не возник ни его портрет, ни изображение его квартиры. Угасающий, сумбурно мечущийся рассудок лейтенанта беспомощно выдал сведения о штаб-квартире разведки, и тогда алчные хищники презрительно бросили его на берегу, спеша устроить кровавую резню.

У Грэхема никогда не повернется язык сказать крепышу-полицейскому, что он, и только он, навел врага на Лиминтона и остальных.

— Это Грэхем,— сказал он, услышав щелчок снимаемой трубки.

— Послушайте, Грэхем,— донесся из трубки взволнованный голос Сангстера,— сразу же после вашего недавнего звонка я связался с Вашингтоном. Нас соединили через любительские радиопередатчики. Похоже, радиолюбители — последняя надежная система связи, которая у нас осталась. Вас срочно требуют в Вашингтон. Так что поторапливайтесь.

— А зачем, сэр,— вы не в курсе?

— Нет. Я только знаю, что вам надлежит безотлагательно явиться к Кейтли. В Бэттери-Парк вас ожидает захваченный стратоплан азиатов.

— Что за странная мысль — воспользоваться азиатской машиной! Наши истребители не дадут нам пролететь и пяти минут!

— Боюсь, Грэхем, что вы неверно оцениваете истинное положение вещей. Все наши истребители прикованы к земле, исключение делается для случайных, причем очень рискованных вылетов. Угрожай им только азиаты, они бы уже давно очистили от них небо. Но ведь есть еще витоны, а это большая разница. Когда витон может в любой момент наброситься на пилота и вынудить его посадить самолет на вражеской территории, то мы просто не можем себе позволить терять людей и машины. В небе хозяйничают азиаты. И это может решить исход войны. Так что летите на азиатском трофее, так будет спокойнее.

— Я мигом обернусь.— Наблюдая через плексигласовую панель кабины за торговым залом, он приблизил губы к микрофону и торопливо продолжал: — Я звоню, чтобы попросить вас достать мне список местных клиентов Холодильной корпорации. Возможно, вам придется схлестнуться со сморщенным болва-

ном по имени Турлоу. Чем круче вы с ним обойдетесь, тем лучше. Ему давно пора прижать хвост. Еще я попросил бы вас связаться с Гарриманом из Смитсоновского института. Пусть он обратится к кому-нибудь из уцелевших астрономов и выяснит, не смогут ли они найти хоть какую-то связь между витонами и Большой Медведицей.

— Большой Медведицей? — изумленно переспросил Сангстер.

— Да, есть тут у нас один медведь, который должен что-то означать. Одному Богу известно, что он значит, но мне позарез нужно это выяснить. Нюхом чую, что это безумно важно.

— Медведь — важно? А вас не устроит какой-нибудь другой зверь? Обязательно нужен медведь?

— Только косолапый и никто другой,— подтвердил Грэхем.— Я почти уверен, что астрономический подход — совсем не то, что надо, но нельзя упустить даже самый слабый шанс.

— Фургоны-рефрижераторы, сморщенные болваны, звезды, а в придачу еще и медведь! — пробормотал Сангстер.— Господи Иисусе! — Он помолчал немного, потом простонал: — Сдается мне, что они уже и до вас добрались, но я, так и быть, выполню вашу просьбу.— Он еще раз сказал: — Господи! — и повесил трубку.

Перелет до Вашингтона был быстрым и спокойным, но военный пилот вздохнул с облегчением, когда машина наконец коснулась колесами бетонной полосы.

Он выбрался из кабины и сказал Грэхему:

— Приятно все-таки приземлиться там, где собирался, а не там, куда тебя посадит какой-то голубой шарик.

Грэхем кивнул ему и сел в поджидавший гиромобиль, который сразу же стремительно сорвался с места. Десять минут спустя он яростно проклинал бюрократический обычай — сэкономить две минуты, чтобы потом потерять десять. Он беспокойно расхаживал взад-вперед по приемной. Глядя, как здесь, в Вашингтоне, людей заставляют умирать от безделья, можно подумать, что никакой войны и в помине нет.

Вот, к примеру, эта парочка ученых мужей. Одному небу известно, кого они тут дожидаются. Они уже были в приемной, ко-

гда он появился, и вели себя так, как будто надеялись просидеть здесь до скончания веков.

Грэхем раздраженно оглядел их с ног до головы. Болтуны! Все болтают и болтают, можно подумать, повсеместная разруха и гибель миллионов людей — сущие пустяки по сравнению с другими, куда более важными проблемами.

Они схватились по поводу формулы Бьернсена. Коротышка утверждал, что изменение зрения вызвано молекулами метиленовой синьки, которых йод, галоген, действующий как агент-носитель, переносит в зрительный пигмент.

Толстяк придерживался другого мнения. Главную роль играет йод. А метиленовая синька — лишь катализатор, вызывающий фиксацию очистителя, который без него легко разлагается. Он соглашался, что мескаль служит только для стимуляции зрительных нервов, настраивая их на новое зрение, но истинная причина — безусловно йод. Взгляните, например, на Уэббовых шизофреников. С йодом у них все в порядке, а вот метиленовой синьки — нет. Они — мутанты, обладающие естественной фиксацией, не требующей никакого катализатора.

Блаженно игнорируя другие, куда более неотложные проблемы, коротышка снова заладил свое, рискуя довести Грэхема до белого каления. Сыщик как раз задавал себе вопрос, какая, собственно, разница, как действует формула Бьернсена, если она и так действует, когда услышал, что его вызывают.

В кабинете, куда его проводили, сидели трое. Он узнал их всех: Толлертон, местный эксперт, Уиллетс С. Кейтли, глава Разведывательного управления, и, наконец, сероглазый мужчина с решительным подбородком, присутствие которого его сразу насторожило,— сам президент!

— Мистер Грэхем,— президент приступил прямо к делу,— сегодня утром прибыл курьер из Европы. Это пятый из тех, кого они к нам отправили в течение сорока восьми часов. Четверо его предшественников погибли в пути. Он принес дурные вести.

— Слушаю, сэр,— почтительно произнес Грэхем.

— На Лувэн в Бельгии упала ракета. Она несла ядерную боеголовку. Европа ответила десятью. Азиаты выпустили еще двенадцать. Сегодня утром первая ядерная ракета в Западном полушарии попала на территорию нашей страны. Новость, конеч-

но, не стали распространять, но нам придется нанести мощный ответный удар. Короче говоря, то, чего мы так боялись, свершилось — началась атомная война.— Заложив руки за спину, президент мерил шагами ковер.— Несмотря ни на что, дух нации по-прежнему силен. Народ нам доверяет. Он верит, что победа в конце концов будет за нами.

— Я тоже в этом уверен, сэр,— сказал Грэхем.

— Хотел бы и я быть так же уверен! — Президент остановился и пристально посмотрел на него.— Сложившаяся ситуация — не просто война, в привычном смысле этого слова. Будь это обыкновенная война, мы бы ее непременно выиграли. Перед нами нечто иное — самоубийство человечества как вида! Человек, который бросается в реку, не выигрывает ничего, кроме вечного покоя. Ни одна сторона не может выиграть такую битву — разве что витоны. Человечество в целом обречено на поражение. Мы как нация тоже обречены на поражение, ибо мы — часть человечества. Наиболее трезвые головы с обеих сторон поняли это с самого начала, вот почему ядерное оружие придерживали до последней возможности. И вот теперь — Господи, спаси нас — ядерный меч занесен. И ни одна сторона не рискнет первой вложить его в ножны.

— Понимаю, сэр.

— Будь это все, и то было бы скверно,— продолжал президент,— только это далеко не все.— Он повернулся к карте и указал на жирную черную линию, которую прерывала стрелка, пронзившая большую часть Небраски.— Население ни о чем не подозревает. Здесь показана территория, подвергшаяся вооруженному вторжению врага за последние два дня. Неизвестно, сможем ли мы сдержать наступление азиатов.

— Да, сэр.— Грэхем без всякого выражения смотрел на карту.

— Мы не можем идти на новые жертвы. Мы не можем одолеть более сильный натиск.— Президент подошел ближе, его суровый взгляд был устремлен прямо на Грэхема.— Курьер сообщил, что положение дел в Европе уже достигло критической точки: они смогут продержаться не дольше чем до понедельника, до шести часов вечера. В оставшееся время судьба человечества зависит от нас. Потом Европа падет или будет уничтожена. Итак, в шесть часов и ни минутой позже.

— Понятно, сэр.— Разведчик заметил, что Толлертон так и сверлит его взглядом. Кейтли тоже пристально наблюдал за ним.

— Честно говоря, это значит, что ни для кого из нас не остается выхода, разве что нанести сокрушительный удар по главной причине трагедии — по самим витонам. Либо победа, либо те из нас, кто уцелеет, перейдут на положение домашнего скота. Для того чтобы найти путь к спасению, у нас остается восемьдесят часов.— Президент был серьезен, чрезвычайно серьезен.— Мистер Грэхем, я не жду, что вы найдете для нас этот путь. Я ни от кого не жду чудес. Но, зная ваш послужной список, зная, что вы с самого начала лично участвовали во всех событиях, я решил сам сообщить вам обо всем и заверить: любое внесенное вами предложение будет немедленно поддержано всеми доступными нам средствами, любые полномочия, которые вам потребуются, будут предоставлены по первому слову.

— Президент считает,— вступил в разговор Кейтли,— что если один человек может чего-то добиться, то этот человек — вы. Вы стояли у самых истоков, прошли через все стадии, и вы — самый подходящий человек, чтобы довести дело до конца — если, конечно, конец предвидится.

— Где вы прячете экспертов? — в упор спросил Грэхем.

— Одна группа из двадцати человек — во Флориде, а другая, из двадцати восьми,— в дебрях Пуэрто-Рико,— ответил Кейтли.

— Отдайте их мне! — В глазах Грэхема уже горел боевой огонек.— Верните их и отдайте мне.

— Вы их получите,— пообещал президент.— Что-нибудь еще, мистер Грэхем?

— Мне нужны абсолютные полномочия, дающие право реквизировать любые лаборатории, заводы и линии связи, которые могут понадобиться. Дальше: моим заказам на материалы должна даваться зеленая улица.

— Решено.— Президент не колебался ни секунды.

— Еще одна просьба,— обратился он к Кейтли и пояснил: — Мне нужен Воль. Его обязанность будет заключаться в наблюдении за мной. Он наблюдает за мной, а я — за ним. Если один из нас превратится в орудие витонов, другой немедленно уберет его.

— Это тоже решено.— Кейтли передал Грэхему листок бумаги.— Сангстер сказал, что вам нужны адреса нью-йоркских

коллег — оперативников. В списке их десять: шесть живут в городе, четверо — в окрестностях. Двое из городских уже давно не дают о себе знать, так что судьба их неизвестна.

— Попытаюсь выяснить.— Грэхем спрятал листок в карман.

— Помните: у нас осталось восемьдесят часов,— сказал президент.— Восемьдесят часов, а потом — свобода для живых или рабство для уцелевших.— Он отеческим жестом коснулся плеча Грэхема.— Максимально используйте все средства, которые мы вам предоставим, и да поможет вам Бог!

— Восемьдесят часов! — бормотал Грэхем, спеша на стратоплан, который должен был доставить его обратно в Нью-Йорк.

По обе стороны гор, разделяющих Новый Свет, сражались стомиллионные армии. Каждый час, каждую минуту тысячи людей гибли, тысячи становились калеками. А над их головами парили сверкающие шары, с наслаждением поглощая шампанское человеческой агонии.

Сатанинский банкет близился к концу. Вот-вот внесут последнее блюдо — атомный десерт в критической массе, поданный обагренными кровью руками. И тогда, насытившись людскими страданиями, обжоры смогут передохнуть в ожидании следующих пиршеств, привычных, старых как мир попоек, сопровождающих у людей времена свадеб и похорон. Итак — восемьдесят часов!

Грэхем с такой скоростью влетел в свою нью-йоркскую квартиру, что, только оказавшись на середине комнаты, увидел дремлющего в кресле человека. Лампа под потолком не горела, но вся комната была наполнена сиянием, шедшим от электрического радиатора. Обладателям нового зрения уже давно стала привычной способность видеть при тепловом излучении так же ясно, как при дневном свете.

— Это ты, Арт! — радостно воскликнул Грэхем.— А я уж хотел позвонить в Стэмфорд, попросить, чтобы тебя поскорее вытурили. Ты мне нужен позарез.

— Я сам себя вытурил,— лаконично ответил Воль.— У меня эта больница — уже вот где! К тому же одна дежурная сестра — тощая и приставучая — не давала мне прохода. Звала меня Волли-Полли и куда-то уволокла мои брюки. Брр! — Он передернулся при одном воспоминании о ней.— Когда я потребовал

свою одежду, они стали мяться, как будто загнали ее старьевщику. Ну я и рванул прямо так.

— Что — нагишом?

— Скажешь тоже! — Воль был явно шокирован. Он пнул узелок, лежавший на полу.— Вот в этом. Волна преступности достигла апогея — даже полицейские таскают больничные одеяла.— Он поднялся и, разведя руки в стороны, стал медленно поворачиваться, подражая манекенщицам.— Как тебе костюмчик?

— Ба, да это же мой!

— Точно. Я обнаружил его у тебя в шкафу. Слегка висит под мышками и обтягивает задницу, но в целом сойдет.

— Ну и фигура же у тебя! Сверху мало, снизу много,— заметил Грэхем. Тут его улыбка погасла и он посерьезнел.— Послушай, Арт,— сказал он, усаживая приятеля обратно в кресло,— время дорого. Я только что из Вашингтона. То, что я там услышал, придало мне такое ускорение — только успевай поворачиваться. Дело куда хуже, чем я предполагал.— Грэхем кратко пересказал события, произошедшие с тех пор, как он оставил Воля в Стэмфордской больнице.— Я попросил Кейтли — так что вот, получай.— Он вручил другу гладкое, покрытое иридием кольцо.— Нравится тебе это или нет, только ты уволен из полиции и принят в разведку. Теперь ты мой напарник.

— Значит, так тому и быть.— Несмотря на показную браваду, Воль не сумел скрыть свою радость.— И как это, черт возьми, начальство умудряется всегда угадать размер кольца?

— Забудь о размере — у нас есть загадки поважнее! — Он дал Волю объявление, которое вырвал из газеты «Сан», найденной у Фармилоу.— Нужно срочно разворачивать действия. Времени у нас до понедельника. К шести вечера будет ясно: победа или похороны. Мы можем лечь костьми, но до этого рокового срока выход должен быть найден.— Он показал на газетную вырезку: — Вот, Фармилоу нацарапал перед смертью. Это наш единственный ключ.

— А ты уверен, что это ключ?

— Черта с два! Разве можно в этой переменчивой жизни быть хоть в чем-то уверенным? Но я нюхом чую, что он должен навести нас на что-то важное, из-за чего Фармилоу и погиб!

Воль долго и пристально рассматривал медведя, с глупым видом позирующего на фоне айсберга, потом спросил:

— Вы уже разобрали рефрижератор на части?

— Сангстер засунул его в университет, там его распатронили до последнего винтика, гаечки, пружинки. Осталось разве что слизать эмаль с обшивки.

— И что — никаких результатов?

— Ни малейших. Холод может убивать витонов, замедляя их колебания, только как мы собираемся это осуществить? Ведь лучей чистого холода не бывает, и нет никакой надежды их изобрести — с теоретической точки зрения это чистый абсурд.— Грэхем озабоченно посмотрел на часы.— Тебе эта загогулина ничего не говорит?

— Брр! — поежившись, ответил Воль.

— Не валяй дурака, Арт! Сейчас не время для шуточек.

— Я все время мерзну,— извиняющимся тоном произнес Воль. Он мрачно уставился на хвастливую рекламу.— Не нравится мне самодовольная ухмылка этой зверюги. Знает, что мы увязли,— и хоть бы хны! — Он вернул вырезку Грэхему.— Она говорит мне только то, что я знал уже давно: у тебя удивительная способность откапывать самые заковыристые зацепки!

— Зачем ты мне об этом напоминаешь? — раздраженно буркнул Грэхем.— Медведь! — Он злобно ткнул пальцем в вырезку.— Ведь есть же в нем что-то такое, что должно быть ключом. Или даже отмычкой к нашей загадке. Может, в нем наше спасение, если бы только мы сумели правильно взглянуть на дело. А ведь всего-то — здоровый, корыстный, самодовольный, а возможно, и блохастый медведь!

— Вот именно,— подхватил Воль, за неимением лучшей идеи,— неуклюжий, кривобокий, вонючий медведь! Паршивый полярный мишка!

— Если бы я только догнал тогда Фармилоу или встретил его по пути...— Грэхем замолчал, не закончив фразы. Вид у него был совершенно огорошенный. Осипшим от изумления голосом он произнес: — Слушай, а ведь ты назвал его полярным медведем!

— Ну да! А что, разве я ослеп — и это жираф?

— Полярный медведь! — взревел Грэхем с такой неожиданной силой, что Воль подскочил в кресле.— Поляризация! Вот

оно — поляризация! — Он энергично завертел пальцем в воздухе.— Круговая или эллиптическая поляризация. Дьявол, где же были мои глаза раньше? Ведь это видно даже младенцу. Какой беспросветный тупица!

— Что-что? — разинув рот, вымолвил Воль.

— Поляризация! Миллион долларов против плюшки! — возопил Грэхем. Лицо его побагровело от возбуждения. Правда, обычному взгляду оно показалось бы просто красным. Схватив две шляпы, он нахлобучил одну из них на голову ошеломленному Волю, так что она залихватски сползла на одно ухо.— Пошли! Нужно спешить со всех ног! Мы должны оповестить мир, пока еще не слишком поздно! Вперед!

Друзья выскочили из двери, даже не позаботившись закрыть ее за собой. С топотом мчась по улице, они не забывали бдительно следить за небом. Голубые точки поблескивали в вышине, но ниже не спускались.

— Сюда! — выдохнул Грэхем.

Он нырнул в бетонную горловину, уходящую вниз, к новому подземному городу. Сверхскоростные эскалаторы доставили их на первый уровень. Там они сели в лифт и спустились на четыреста футов.

Тяжело дыша, друзья соскочили с пневматических дисков и оказались на перекрестке шести недавно проложенных туннелей. Из двух свежих нор еще доносился приглушенный грохот и резкий грызущий скрежет механических мамонтов, упорно гложущих грунт.

В этом подземном царстве, возникшем всего несколько недель назад, уже появились пожарные гидранты, телефонные будки, телеэкраны и даже маленький табачный киоск. Вокруг сновали инженеры, мастера, геодезисты, рабочие, навьюченные инструментами, материалами, переносными лампами. Время от времени из одного туннеля в другой проскакивала тяжело нагруженная электрическая вагонетка. Рабочие устанавливали на шахтах лифтов и выходных отверстиях кондиционеров зловещие датчики радиоактивных газов.

— Витоны сюда редко пробираются,— заметил Грэхем.— Можно звонить без особых опасений. Ты, Арт, залезай в соседнюю булку и звони во все научные институты, базы, всем ученым,

чьи телефоны найдешь в справочнике. Скажи им, что загадка, возможно, заключается в одном из видов поляризации, скорее всего эллиптической. Не вступай с ними ни в какие дискуссии. Просто скажи, чтобы сообщили об этом всем, кому сочтут нужным, и сразу вешай трубку.

— Ладно.— Воль вошел в будку.

— Ты меня долго ждал?

— Минут пятнадцать.— Взяв справочник, Воль открыл его на первой странице.— Я как раз закончил одеваться, когда ты влетел, будто за тобой черти гнались.

Заняв соседнюю будку, Грэхем набрал номер. Видеоэкран, как всегда, барахлил, но он узнал голос на другом конце провода.

— Гарриман, попробуйте поляризацию,— торопливо сказал он.— Возможно, эллиптическую. Если хотите остаться в живых, распространите новость как можно скорее.— Он повесил трубку, не дав Гарриману сказать ни слова.

Грэхем сделал еще семь звонков, так же лаконично повторив распоряжение. Потом позвонил в Стэмфордскую больницу и выяснил, когда ушел Воль. Услышав ответ, он облегченно вздохнул. Бывшего полицейского не смогли бы изловить и обработать — не хватило бы времени.

Не то чтобы он всерьез подозревал, что приятель — агент витонов: ведь Воль с готовностью согласился передать как раз ту информацию, которую враг отчаянно стремился скрыть. Но он не мог выбросить из головы зловещие слова Сангстера о том, что «другие проявляют необычайную хитрость». К тому же его донимало неотвязное, иногда пугающее чувство, что на него ведется большая охота. Он ощущал: враг о нем знает и старается выловить.

Поежившись, он снова набрал номер, торопливо отбарабанил свою новость и услышал в ответ:

— Ваш дружок Воль как раз звонит нам по параллельной линии, у него те же сведения...

— Какая разница — главное, что вы узнали,— перебил Грэхем.— Передайте скорее всем, кому сможете.

Через час он вышел из своей будки и открыл дверь в будку Воля.

— Кончай, Арт. Думаю, информация разошлась уже так далеко, что ее не остановишь.

— Я дошел до буквы «П»,— вздохнул Воль.— Следующий — какой-то тип по фамилии Пенни.— Последовал еще более глубокий вздох сожаления.— Я как раз собирался его спросить, как у него с деньжатами.

— Брось ты свои шуточки.— На лице Грэхема появилось озабоченное выражение: он заметил огромные часы, висящие над телефонными будками.— Время летит стрелой. А мне еще нужно встретиться с...

Его слова прервал отдаленный грохот. Земля содрогнулась и забилась в частых мучительных конвульсиях. В подземелье ворвался мощный поток теплого пахучего воздуха. Что-то валилось вниз по прозрачным лифтовым шахтам и с треском падало на дно. С потолка летела мелкая пыль. Где-то вдали слышались крики.

Шум все усиливался, приближался. Из туннелей повалили вопящие люди. Мгновение — и шумная жестикулирующая толпа плотно забила подземный перекресток. А гигантский барабанщик все сотрясал поверхность земли, так что вниз струились потоки пыли. Вдруг грохот прекратился. Толпа, чертыхаясь, толклась на месте.

Кто-то пробился через толчею, вошел в телефонную будку и через минуту вышел. Ему удалось перекричать всю ораву и мощью своей глотки заставить слушать себя. Его зычный голос отражался от стен, унылыми завываниями отдавался в туннелях.

— Выход завален! Но телефонный кабель цел — с поверхности сообщают, что десять тысяч тонн грунта забили шахту. Это дело рук придурков! — Толпа заворчала, над ней взметнулись сжатые кулаки. Люди, озираясь, уже искали веревку и парочку жертв.— Спокойно, ребята! — гаркнул оратор.— Полиция не подкачала. Их пристрелили, не дали уйти.— Властным взглядом он обвел невеселые лица.— Возвращайтесь в четвертую шахту — там перемычка самая тонкая.

Переговариваясь между собой, хмурые работяги побрели в туннель. Не успел последний из них исчезнуть под мрачными сводами, как далекие удары и грохот возобновились с удвоенной энергией. Зубья из бериллиевой стали снова вонзились в грунт.

Поймав оратора, собиравшегося последовать за остальными, Грэхем представился и спросил:

— Сколько потребуется времени?

— Быстрее всего пробиться через четвертый туннель,— ответил собеседник.— Между нами и теми, кто спешит нам навстречу, футов девяносто твердой породы. Думаю, мы соединимся часа через три.

— Три часа,— простонал Грэхем, снова бросив взгляд на циферблат.

Десять часов из драгоценных восьмидесяти уже пролетели, не дав никакого результата, кроме многообещающей догадки, которую нужно проверить экспериментально. Еще три уйдут на ожидание — ожидание избавления из подземной западни, где по крайней мере безопаснее, чем на таящей погибель поверхности. И снова удар витонов был хорошо рассчитан... или черт снова сыграл на руку своим собратьям!

Они получили слабое утешение, узнав, что шахта выходит на Западную Четырнадцатую улицу, поскольку Грэхем назначил встречу с правительственными экспертами в подземной части Мартин-билдинг.

Шестьдесят четыре человека нетерпеливо ожидали его в глубоком убежище как раз под тем местом, где изувеченный труп профессора Мейо положил начало всей цепи ужасных событий. «Знаменательно,— подумалось Грэхему,— что последнее собрание, призванное решить судьбу человечества, отмечено знаком недавней трагедии».

— Вам уже подкинули идею насчет поляризации? — спросил он. Собравшиеся закивали. Один из них встал, намереваясь высказать свои соображения, но Грэхем знаком попросил его сесть.— Пока никаких дискуссий, господа!

Испытующе оглядев каждого в отдельности, он продолжал:

— Несмотря на подавляющее превосходство противника, нам уже дважды удалось его провести. Один раз, когда мы впервые разнесли по всему миру весть о существовании врага, а второй — с догадкой Фармилоу о поляризации. Мы дважды обошли витонов, несмотря на их безграничные возможности. И оба раза мы выиграли благодаря тому, что воспользовались главной слабостью врага — тем, что витоны не могут поспеть везде сразу. Сейчас мы собираемся снова использовать ту же самую тактику.

— Как? — спросил кто-то.

— Все подробности вам знать ни к чему. А вдруг среди вас есть люди, которым доверять нельзя?

Его жесткое худощавое лицо было по-прежнему сурово, он еще раз внимательно обвел глазами собравшихся. Слушатели беспокойно заерзали, искоса подозрительно поглядывая на соседей. На всех лицах была написана мысль: кого же из людей можно считать человеком, если ни одному нельзя верить, как брату? Грэхем тем временем продолжал:

— Вас разделят на восемь групп по восемь человек в каждой. Всех отправят в разные места, так что ни одна команда не будет знать о местонахождении семи остальных. Ведь тот, кто не знает, не выдаст!

Народ снова заерзал, в головах зашевелились новые подозрения. Воль, стоящий рядом с Грэхемом, ухмыльнулся. Ситуация его забавляла. Ведь если в эту компанию известных умников затесалась дюжина невольных пособников витонов, немногочисленных, но чрезвычайно ловких шпионов в стане людей, то неизвестно, кто они, и нет никакого способа их опознать. Вполне возможно, что каждый из собравшихся сидит между двух ужасных оборотней.

— Я отбираю группу из восьми человек, инструктирую их отдельно и отправляю в путь, после чего перехожу к следующей команде,— объявил Грэхем.

Он вызвал Кеннеди Вейтча, ведущего специалиста по физике излучения.

— Мистер Вейтч, вы будете руководить первой группой. Прошу выбрать семерых помощников.

После того как Вейтч отобрал себе сотрудников, Грэхем провел группу в соседнюю комнату и торопливо сказал:

— Вы отправляетесь на завод Акме, в Филадельфию. Прибыв на место, вы должны будете не просто проводить эксперименты, направленные на уничтожение нескольких витонов. Ведь в этом случае — даже если результат окажется успешным — вас тут же прикончат другие шары, обретающиеся поблизости, а нам останется только гадать, почему, черт возьми, вы погибли. Нам уже надоело ломать голову над тем, почему гибнут люди!

— Не вижу способа предотвратить немедленную расправу,— заметил Вейтч. Несмотря на бледность, вид у него был боевой.

— Пока такого способа нет.— Грэхем говорил напрямик, не боясь показаться жестоким.— И вас, и ваших людей запросто могут прикончить, но мы должны точно знать, что́ вы делали как раз перед тем, как вас прикончили!

Вейтч судорожно вздохнул. Сотрудники испуганно сгрудились вокруг него, охваченные тем странным молчанием, которое нисходит на людей в роковые минуты.

— По всей лаборатории будут установлены микрофоны, подключенные к городской телефонной сети. Кроме того, вас присоединят к полицейской телетайпной системе и дадут своего оператора. Армейские связисты выделят двоих парней с переносными рациями. Еще у вас будут камеры с высокой разрешающей способностью, связанные с нашими телеприемниками. В соседних зданиях засядут наблюдатели и будут неотрывно следить за вашей лабораторией.

— Понятно,— медленно и неуверенно проговорил Вейтч.

— Перед тем как предпринять любой шаг, каждый из вас обязан дать его подробное описание по всем доступным каналам — через микрофоны, по телетайпу, по радио. Потом перед камерой выполните задуманное. Наблюдатели проследят за результатом. Если с вами что-то случится, мы будем точно знать почему.

Вейтч ничего не сказал, и Грэхем продолжал дальше:

— Если вам удастся прихлопнуть хотя бы одного витона, множество людей, раскиданных по большой территории, будет иметь полные и точные сведения обо всех технических подробностях вашего успеха. Нам будет известно, какое оборудование потребуется, чтобы нанести повторный удар, и мы произведем его в таких количествах, что ничто — будь то на небе, на земле или в преисподней — не сможет нас остановить.— Он обвел ученых пристальным взглядом.— А теперь — в путь, и желаю удачи!

Потом обернулся к Волю:

— Скажи Лори, чтобы подобрал себе семерку, и приведи их сюда.

— Что-то мне не понравился коротышка, тот, что выглядывал из-за плеча Вейтча,— заметил Воль, задержавшись в дверях.— Был у него в глазах какой-то бандитский бзик.

— Это еще что такое?

— Настороженный, звериный взгляд. Разве ты не заметил? Пойди загляни в полицейскую картотеку — найдешь не одну дю-

жину с таким бзиком. Обычно это убийцы-психопаты или наркоманы.— Воль выжидающе взглянул на приятеля.— Он встречается не у всех, но все же у большинства. Зависит от психического состояния в момент съемки.

— Да,— задумчиво согласился Грэхем.— Теперь припоминаю. Встречал в описаниях некоторых гангстеров прошлых времен: Диллинджера, Нельсона, братьев Бэрроу, Луи Лепа и других. Кто знает, не были ли они жалкими орудиями невидимых выпивох, живыми взбивалками для коктейля, которыми пользовались, чтобы попышнее взбить пену эмоций, когда вокруг бывало маловато новобрачных.

— Вот черт! — воскликнул Воль.— Ты что же, считаешь, что каждая свадьба становится для кого-то фонтаном шампанского?

— Да нет, конечно же, не каждая. Но некоторые — несомненно!

— Иметь мозги вроде твоих — все равно что гореть в аду. И как ты только не повесишься?

— Все мы горим в аду, и тебе прекрасно известно, сколько людей сломалось, обнаружив это.— Он нетерпеливо махнул рукой.— Вейтч еще не ушел. Пойди догони его, Арт, и растолкуй, что к чему.— Он направился к двери.— Я сам позову Лори.

Лицо его все еще сохраняло серьезное, озабоченное выражение, когда он отобрал следующую группу экспертов и проводил их в комнату.

Глава 13

Лаборатория Фарадеевской электротехнической компании по праву считалась самой крупной на всем американском континенте. Судя по ее размерам, можно было предположить, что в ней строят воздушные суда, а не разрабатывают новейшие кинескопы, трубки и стереоэкраны.

Один конец огромного, похожего на ангар цеха занимала батарея гигантских дизель-генераторов. Рядом высились мощные трансформаторы. Главный щит управления вполне мог бы послужить распределительной станцией для большого города.

Вдоль одной из стен выстроились в ряд высокие сложные трубки всех мыслимых типов — одни наполовину законченные,

другие готовые, но еще не прошедшие испытаний. К противоположной стене были прислонены причудливые сооружения из стержней, брусьев и кольцевых обмоток — экспериментальные образцы ультракоротковолновых антенн.

В цехе не было сборочных линий — здесь находилась площадка для творческих забав самых смелых изобретателей компании. На столах размерами с комнату громоздились в беспорядке целые горы камер, фоточувствительных элементов, наполовину собранных стереоэкранов, радиодеталей, спутанных мотков проволоки и схематических диаграмм, испещренных закорючками.

Компания могла не скупясь вложить миллион долларов в самые фантастические проекты. А кто сумел уже после начала войны продвинуть на рынок роскошный шестицветный стереоскопический телевизор? Компания Фарадея!

Задумчиво окинув взглядом груду деталей, отданную в распоряжение его маленькой команды, Дункан Лори сказал Грэхему:

— Плоскую поляризацию тоже не следует сбрасывать со счета. Нужно попробовать и ее, на тот случай, если Фармилоу слегка ошибся.

— Это уже учли,— заверил его Грэхем.— Мы стремимся не упустить ни единого шанса, каким бы маловероятным он ни казался. Одну из групп мы отправили на запад, чтобы они проверили сообщение, будто витоны уворачиваются от радуг, как люди, переправляющиеся через речные пороги.

— Ну и ну! — воскликнул Лори.

— Вся работа должным образом согласована. Ваша задача — сосредоточить все усилия на гиперболической поляризации.

— О'кей.— Лори задумчиво потеребил мочку уха.— Похоже, что витоны отражают волны в диапазоне от трех миллионов ангстремов до четырех-пяти. Чертовски трудно подвергнуть их спектроскопическому анализу: никак не удается держать на прицеле так долго, чтобы получить какой-то результат. Очевидно одно — они состоят из энергии в компактной и уравновешенной форме и вдобавок лишены инерции.

— А рыбы тоже лишены инерции? — поинтересовался Грэхем.

— Рыбы? — Лори был в полном недоумении.

Грэхем указал на залитый солнцем небосвод.

— Пора нам забыть все привычные догмы и взглянуть на вещи под новым углом. Там, наверху,— воздушный океан, который витоны ощущают, быть может, гораздо острее нас. Он полон голубых сверкающих рыб, плавающих в своей естественной среде обитания, плавающих благодаря неким движителям, которых мы, существа, обреченные ползать по дну, лишены.

— Но ведь энергия...

— Обычный свет — тоже разновидность энергии, обладающая весом,— продолжал Грэхем. Произнося эти слова, он слышал стрекот полицейского телетайпа.— Я полагаю, что витоны, которые состоят из первичных сил — волн или чего-то подобного,— обладают какой-то субстанцией, хотя и не являются материей в привычном понимании этого слова. Перед нами четвертое, доселе неизвестное состояние материи — некая сила. Они обладают весом, пусть ничтожным с нашей точки зрения. Они обладают инерцией и вынуждены прикладывать энергию, чтобы ее преодолеть. Вот почему они сосут нас, как леденцы,— ведь им нужно обновлять свои клетки.— Он улыбнулся Лори.— Только имейте в виду, что это мое личное мнение.

— Возможно, вы правы,— признал Лори, бросив на небосвод взгляд, в котором читалось отвращение.

— Сведения, которые мы собрали с тех пор, как обнаружили отпугивающий эффект кабинетов коротковолновой терапии, показывают, что витоны чувствительны к диапазону радиоволн в пределах от двух сантиметров до полутора метров. Они не гибнут. Только удирают, как ужаленные.

— Предполагаю, что эти импульсы замедляют вращение их поверхностных электронов,— заметил Лори.— Но внутрь не проникают.

— То-то и оно! А мы должны добиться, чтобы они проникали, причем не когда-нибудь после дождичка в четверг, а всего через несколько часов! Ведь мы уже рубанули их так, что щепки полетели нам прямо в глаза. Если повезет, то, взяв на вооружение поляризацию, мы вгрыземся в их ненасытную утробу. Или победа — или уже можно учиться мычать: ведь в случае неудачи мы снова станем тем, чем были всегда — жалким стадом коров! — Он в упор взглянул на Лори.— У вас пятьдесят часов. Начинайте с двух сантиметров — и вперед!

— Будет сделано! — выпалил Лори.

Он отдал своим помощникам отрывистые распоряжения, и маленькая группка, которая в этом огромном помещении выглядела еще меньше, лихорадочно взялась за дело.

Как только Лори формулировал очередной шаг, оператор телетайпа немедленно отстукивал сообщение. При этом бесшумные и в то же время сверхчувствительные микрофоны улавливали его голос и разносили на разные расстояния в дюжине направлений. Телекамеры, установленные на стальных фермах, поддерживающих крышу, снимали происходящее сверху.

Грэхем вместе с Волем поспешили к выходу, но выйти не успели: начался кошмар, который камеры бесстрастно записали и передали, и он молнией ворвался на экраны далеких телеприемников.

Свет погас везде одновременно; из электрощита посыпался дождь раскаленных, пахнущих медью искр. И сразу же в отверстии бункера, зиявшем на северной стене цеха, засветился отблеск хищной голубизны. По стенам заметались голубые блики — их отбрасывал приближающийся витон, отражаясь в полированном металле нагроможденных повсюду приборов. Наконец призрак вплыл в помещение и соскользнул вниз.

Прямо на его пути застыло искаженное страхом человеческое лицо, пятнистое от неверного освещения — ну не лицо, а котлета, ждущая, чтобы ее съели! С губ срывалось истерическое кудахтанье, перешедшее в тяжелый лошадиный вздох.

Ноги жертвы беспомощно волочились по полу вслед за сверкающим дьяволом, задевали за ножки столов. Пылающий шар подпрыгивал то вверх, то вниз, таща за собой обмякшее тело. Потом сделал несколько сильных рывков, как будто выдаивая из тугого вымени энергетическое молоко. С ближнего стола упало стекло; по полу запрыгали осколки, повторяя зловещие движения подскакивающего шара.

Раздался треск выстрелов; из дальнего угла лаборатории вырвались вспышки пламени. На сверкающей поверхности пришельца появились багровые блики. Огонь продолжался, сопровождаясь резким оглушительным грохотом крупнокалиберного оружия.

Витон бросил свою ношу, и она упала, как мешок тряпья. Сделав молниеносный выпад, шар хищно рванулся в угол, пря-

мо навстречу выстрелам. Испуганный голос выкрикнул ругательство, поперхнулся и умолк. Алчно подрагивая, витон заплясал у стены.

Его исчезновение было столь стремительно, что свидетели не успели опомниться. Рывок к бункеру, голубое свечение в его открытом люке — и гость уже в небесах. Ни дать ни взять гуляка, спешащий домой с пирушки.

В темноте, которую едва рассеивал скудный свет, пробивающийся через люк бункера, слышался топот ног, громкие жалобные крики. Невидимая рука поспешно захлопнула люк, отчего темнота стала совсем непроглядной. Грэхем распахнул дверь, впуская в помещение дневной свет.

В дальнем углу кто-то, тщетно пытаясь унять дрожь в руках, возился при свете фонарика с электрощитом и предохранителями.

Внезапно лампы под потолком вспыхнули. Лори бегом бросился по центральному проходу и опустился на колени рядом с человеком, который лежал на полу, беспорядочно шевеля руками и вращая глазами.

Заметив подошедшего Грэхема, Лори поднял белое как мел лицо и впился глазами в сыщика.

— Спятил,— холодным будничным тоном констатировал Грэхем. Лежащий что-то залопотал, схватил Лори за руку, стал скулить и гримасничать.— Но он не успел ничего выдать. Рехнулся, как только витон его схватил.

— Боже, какой ужас! — простонал Лори.

— Нужно его убрать.— Грэхем обвел взглядом негустое кольцо перепуганных зрителей. Один из них все еще сжимал в руках распятие.— За работу, друзья. Не позволяйте врагу выбить вас из колеи.

Медленно приходя в себя, они разбрелись по цеху. Грэхем перешел к западной стене, где Воль склонился над неподвижным телом.

— Мертвее не бывает,— бесстрастно объявил он.

Нагнувшись, Грэхем вынул из руки оператора телетайпа большой полицейский револьвер. Положив его на стол, он отыскал зеркальце и направил луч света в застывшие глаза. Возможно, это была всего лишь игра воображения, но ему показалось, что

он увидел, как нечто неуловимое, зовущееся жизнью, постепенно покидает устремленные в никуда глаза.

Осмотрев труп, он выпрямился и сказал:

— Никаких следов. Видимо, остановка сердца.

Снаружи донесся приближающийся вой сирены и зловеще оборвался прямо перед открытой дверью. Вошли четверо полицейских, с ними мужчина в штатском. Они вынесли труп оператора, потом вернулись за обезумевшим ученым. Когда несчастного уводили, он беззвучно шлепал губами.

Трое офицеров сели в машину и уехали. Четвертый занял место у телетайпа. Человек в штатском подошел к Лори.

— Я — Фергюсон, меня прислали на замену.

Лори стоял с ошеломленным видом, взгляд его блуждал по лицам коллег. Он нервно теребил мочку уха, а на лице застыл невысказанный вопрос.

— Все продумано,— объяснил Грэхем, широким жестом обведя камеры и микрофоны.— Вам возместили потери. Так что не теряйте времени, продолжайте работу — ведь нам предстоит опередить саму смерть!

Он стремительно вышел и сел в машину. Воль занял место за рулем.

— Где-то сейчас мой скакун? — сказал Грэхем.— Наверняка ржавеет где-нибудь на западе.

— Скорее всего.— Воль вырулил на середину шоссе.— Нам куда?

— В Йонкерс. Там подземная лаборатория, ее возглавляет Стив Кёниг.— Заметив любопытный взгляд Воля, он добавил: — Здесь поблизости работают всего две группы. А где другая, я не открою даже тебе.

— На тот случай, если меня сцапают и начнут выкачивать сведения? — Воль воздел глаза к небу и скорчил рожу.— Ну а что мы будем делать, если жертвой окажешься ты? Сложим ручки и умрем?

— Ничего, как-нибудь выстоим. Никто и не думает, что я неуязвим. Кроме тех шестидесяти четырех парней, которых я отобрал, есть много других групп. Я с ними никак не связан и не знаю, где они. Там, в Вашингтоне, для них выбрали надежные места. Потом, никто в стране не ведает, где прячутся европей-

ские и южноамериканские эксперты, а им, в свою очередь, ничего не известно о наших.

— Да, это как раз тот редкий случай, когда неведение — благо,— заключил Воль.

— Еще бы! — задумчиво подтвердил Грэхем.— Все устроено так, что и я, и все остальные находятся в одинаковом положении: кто не знает, тот не выдаст.

Под мощный рокот динамо гиромобиль круто взял вправо, огибая здоровенную воронку в центре дороги. Наверху в покосившейся воздушке зиял разрыв в четверть мили, огромная дыра, из зазубренных краев которой торчали обломки искореженных, проржавевших балок.

— Ну и рвануло! — Воль выжал из машины максимальную скорость, покрыл две мили за минуту с небольшим, потом притормозил у перекрестка и повернул налево.

В этот миг небо засверкало ослепительным блеском, бросив на землю необычно резкие, четко очерченные тени. Мгновение — и странное явление пропало. Воль остановил машину и замер в ожидании. Несколько секунд спустя земля содрогнулась. Полуразрушенный остов ближнего дома с жутким грохотом рухнул на дорогу, сплошь засыпав ее обломками. Парившие в небе витоны вереницей потянулись к западу.

— Атомный взрыв! — определил Грэхем.— Всего в нескольких милях отсюда. Наверное, ракета.

— Стартуй мы на полчаса раньше...— Воль не закончил фразу.

— Этого не случилось — ну и слава богу! Ехать дальше нет смысла. Поворачивай, Арт! Попробую заскочить в Бэттери.

Они неслись через центр, подальше от сеющего смерть чудовищного гриба. Пулей миновали Манхэттенский банк.

— Совсем недавно работал в здешней конторе, а кажется, прошли годы,— заметил Грэхем. Вдруг он замолчал, потом резко бросил: — Остановись на углу, Арт!

Гиромобиль подрулил к тротуару и замер. Грэхем скорчился на сиденье, не сводя глаз с зеркала заднего обзора. Открыл дверь и выскользнул наружу.

— Что такое? Разве гриб отсюда виден? — Не выпуская из рук рулевого колеса, Воль вопросительно глядел на приятеля.

— Двадцать четвертый этаж. Да, именно двадцать четвертый.— Глаза у Грэхема так и сверкали.— Когда мы проезжали, я краем глаза заметил, как что-то блестящее, голубое вылетело из открытого окна как раз на том уровне. Шесть средних окон на двадцать четвертом этаже принадлежат сангстеровской лавочке.

— Ну и что?

— А то, что я совершенно уверен: это был витон! — На лице сыщика промелькнула ярость.— Подожди меня, Арт. Я хочу позвонить.

Не дожидаясь ответа, он зашел в ближайшее здание и там, на первом этаже, в покинутом полуразрушенном кабинете, обнаружил телефон, являвший собой странный контраст с окружением: экран уцелел и прекрасно работал. Едва Грэхем набрал номер, как на экране расцвело девичье личико.

— Привет, Хетти! — как обычно сказал он.

— Привет! — Она улыбнулась, но как-то неестественно.

— Мистер Сангстер у себя?

— Нет. Его весь день не было. Но я рассчитываю, что он вернется не позже половины шестого.— Ее голос звучал странно — тускло и безжизненно, улыбка же становилась все настойчивее и призывнее.— А может, мистер Грэхем, вы зайдете и дождетесь его здесь?

— Очень жаль, но не могу. Я...

— Вы у нас так давно не были,— не отступала она.— Мы здесь — как на острове: вокруг сплошные развалины, в здании почти никого не осталось. Мне так страшно и тоскливо! Зашли бы поболтать со мной, пока шеф не вернется!

— Я очень занят, Хетти.— Ее умоляющий голосок не оставил его равнодушным, но он по-прежнему неотрывно вглядывался в экран, примечая каждое подрагивание губ, каждое трепетание век.

— Откуда вы звоните? — Снова этот тусклый, безжизненный механический голос!

Грэхем ощутил нарастающую ярость, ладони вспотели. Уклонившись от ответа, он медленно произнес:

— Я заскочу, Хетти. Жди меня около пяти.

— Вот здорово! — Она улыбнулась еще шире, но в глазах не было и следа веселья.— Только смотрите не передумайте, я буду ждать.

— Можешь на меня положиться.

Повесив трубку, Грэхем долго смотрел на экран, где таяли ее знакомые черты. В нем клокотало бешенство. Пальцы сжимались, будто он готовился кого-то придушить. Грязно выругавшись, он поспешил к ожидавшему гиромобилю.

— Они захватили Хетти,— сказал он Волю.— Она разговаривала и вела себя как заводная кукла. Там западня.

— Как тогда, в штаб-квартире,— заметил Воль. Сжав зубы, он забарабанил пальцами по рулевому колесу, не спуская глаз с неба.

— Ставлю десять против одного, что дома у меня — тоже ловушка, причем и Хетти, и Сангстер это прекрасно знают.— В голосе прорывалась бушующая в нем ярость. Кулаки сжались.— С каждой минутой витоны подбираются все ближе и ближе. Мне это осточертело, Арт! Надоело быть загнанной дичью! Уж лучше первому нанести удар — и покончить с ними раз и навсегда!

— Да ну? — осведомился Воль. Подперев голову рукой, он уставился на Грэхема, как на какое-нибудь чудо природы.— Так просто — раз, два и готово? Стаскиваем витона с неба и делаем из него отбивную! — Потом выпрямился и заорал: — Не болтай вздор, как последний кретин!

— Какая муха тебя укусила?

— Никакая.— Воль показал приятелю свое кольцо с иридиевым покрытием.— И тебя никто не укусит, если я буду рядом.

— Я и не допущу, чтобы меня кусали. Именно поэтому я собираюсь нанести неожиданный удар.

— Это каким же образом?

— Все будет зависеть от обстоятельств.— Забравшись в машину, Грэхем сел и задумался, не сводя усталых глаз с прозрачной крыши машины, на случай, если какой-нибудь одинокий витон появится в зоне телепатического приема.— Если ловушку расставили витоны, тогда я действительно зря петушусь: в таком случае я бессилен.

— Ага! — произнес Воль, адресуя свою реплику ветровому стеклу.— Он все-таки допускает такую возможность!

Грэхем сердито фыркнул, наградил Воля красноречивым взглядом, потом закончил мысль:

— Если же — что вполне вероятно — они оставили грязную работу кучке придурков, тогда я вполне справлюсь. Войду, надаю им как следует и заберу Хетти. Надеюсь, ты не против?

Воль задумался.

— Что ж, если там одни придурки, дело могло бы выгореть. Пожалуй, ты сумеешь справиться, хотя риск все равно велик. Только у меня есть одно возражение.

— Какое же?

— Что ты все время «якаешь»? Все я да я! Да кто ты, собственно говоря, такой? — Он снова поиграл кольцом.— Мы войдем туда и заберем Хетти!

— Я и не собирался соваться туда один или даже вдвоем с тобой. Что я — рехнулся? — Грэхем бросил последний взгляд на здание Манхэттенского банка.— Я нашел коллегу-оперативника, когда вернулся из Вашингтона, и поручил ему разыскать еще девятерых, которые должны работать где-то поблизости. Если ему удастся их обнаружить, они будут ждать меня на Центральном вокзале. Мы встретимся с ними и подумаем вместе, как справиться с этой западней. Если повезет, можно схватить наживку и уйти от расплаты.— Он откинулся на сиденье.— Пришпорь-ка, Арт! У нас осталось меньше часа.

Грэхем оглядел всех восьмерых: жесткие, уверенные, решительные лица. Он знал, что еще двое никогда не будут найдены. Ему говорили, что их должно быть десять. Каждый из этих молодых рослых парней тоже знал об этом. И каждый понимал: скоро их может стать еще меньше. Но по ним этого не скажешь. Ведь они из разведки, а там учат восполнять потери, работая за двоих, а то и больше.

— Каждый знает свою задачу? — спросил он. Все кивнули. Он вытянул палец вверх, напоминая о людях, затаившихся двадцатью этажами выше, которые через улицу и разрушенный квартал ведут наблюдение за офисом Сангстера.— Ребята говорят, что в офисе витонов нет, значит, придется иметь дело только с придурками. Итак, я войду, а уж вы, друзья, должны мне помочь выйти...

Они снова кивнули. Никто из них не понимал, какой смысл Грэхему рисковать своей жизнью, но им было вполне достаточно, что он принял такое решение. Каждый был готов сыграть свою роль.

— Ну все, ребята,— я пошел!

— Я с тобой! — объявил Воль и сделал шаг вперед.

— Ради бога, Арт, не суйся ты туда! Ведь мы понятия не имеем, какая реакция у витонских прихвостней. Хетти — моя подружка, но тебя-то она знать не знает! Если ты заявишься вместе со мной, вся работа может пойти насмарку.

— Вот дьявол! — буркнул Воль.

Улыбнувшись раздосадованному приятелю, Грэхем торопливо вышел, под взглядами наблюдателей, вооруженных биноклями, пересек улицу и вошел в здание Манхэттенского банка. По его пыльному, неприбранному вестибюлю слонялись пятеро мужчин. Не обращая на них никакого внимания, он смело подошел к пневматическим лифтам и поднялся на двадцать четвертый этаж.

Здесь посторонней публики не было видно, но, распахнув двери в офис Ведомства целевого финансирования, Грэхем ощутил, что находится под прицелом безумных, каких-то неживых глаз.

Небрежно бросив: «Салют, Хетти!» — он закрыл за собой дверь. От его зоркого взгляда не укрылось, что дверь в личное святилище Сангстера закрыта, равно как и дверцы большого шкафа, стоящего у стены. Самого Сангстера не было видно. Может быть, говоря о нем, девушка не солгала.

С улицы донесся сорванный, надтреснутый бой часов — им тоже порядком досталось в ходе военных действий. Часы пробили двадцать раз, хотя было ровно пять.

Усевшись на край стола, Грэхем беззаботно покачивал ногой.

— Понимаешь, Хетти, я был страшно, просто чертовски занят, иначе обязательно заглянул бы поболтать с тобой. Но теперь, я надеюсь, дело близится к концу.

— К какому? — Она не добавила привычное «Билл».

— Мы вот-вот наконец получим оружие против витонов.

— Коротковолновое? — спросила она, заглядывая ему в глаза.

Волосы у него зашевелились: в ее когда-то таких живых зрачках таилась пустота, ужасающая, бездушная пустота. Девушку

больше не занимали легкий флирт, женское кокетство или темы бесед, которые они вели раньше. Теперь у нее были совсем другие, зловещие интересы: оружие против витонов, короткие волны, а сам Грэхем интересовал ее только как соратник хозяина, которого нужно заманить в ловушку.

— Точно! — Он завороженно всматривался в ее кукольное личико. Страшно подумать, что это уже не та жизнерадостная девушка, которую он когда-то знал, что за этими знакомыми чертами скрывается робот в человеческом обличье.— Мы ведем поиски в сантиметровом диапазоне, поделив его между десятками групп экспериментаторов. Не может быть, чтобы такая армия не докопалась до истины.

— Это бодрит,— проговорила она голосом, начисто лишенным эмоций. Ее сложенные на коленях бледные руки в голубых прожилках беспокойно сжимались и разжимались, скрытые краем стола.— А вы знаете, где эти группы и чем занимается каждая?

Услышав этот по-детски прямой вопрос, Грэхем ощутил прилив торжества. Все шло так, как он и предполагал: жалкий изувеченный рассудок послушно следовал по единственной колее, механически выдерживая то направление, которое ему задали. Хитро задумано — да только не умно. Даже дебил разгадал бы, что стоит за ее вопросом.

На нее возложили двойную задачу: во-первых, заманить его в ловушку; во-вторых, выпытать важные сведения, перед тем как подать сигнал к уничтожению. Очевидно, чудовищная операция, которой подвергли ее сопротивляющийся ум, не наделила девушку телепатией — если, конечно, витоны были способны наделять ею своих жертв. Во всяком случае, она совершенно не улавливала его проницательных мыслей.

Стараясь скрыть нетерпение, он сказал:

— Знаешь, Хетти, хоть этих экспериментальных групп целая уйма, я знаю, где они скрываются, все до единой.— Это была наглая, неприкрытая ложь, и он произнес ее без малейшего зазрения совести, хвастливым, уверенным тоном.— Ты только назови длину волны — я тут же скажу, кто над ней работает и где.

И робот невольно выдал своих хозяев. Несчастный изуродованный ум девушки умел реагировать с прямотой автомата и не был способен на хитрость.

— Пять десятых сантиметра,— произнесла она, выговорив эти слова так, как будто они были выбиты на ее измученном мозгу. Руки ее скользнули вперед, нырнули под стол. Она готовилась передать информацию и принести его в жертву.

— Вот я и узнал все, что хотел! — прорычал Грэхем.

Девушка еще не успела пошевелиться, а он уже вскочил на ноги и обогнул стол.

Протянув руки, чтобы схватить Хетти, он увидел, как дверь в кабинет Сангстера распахнулась и на пороге появилась угрожающая фигура. Выхватив пистолет, Грэхем бросился на пол. Маньяк помедлил, кое-как прицелился; в небольшом помещении оглушительно прогремел выстрел.

Над Грэхемом что-то пролетело. Дверь шкафа распахнулась настежь. На время забыв о первом стрелке, Грэхем выпалил в открытый шкаф, увидел, как от стенок отлетели щепки, и понял: все четыре части пули попали в цель.

Послышался вопль, из шкафа вывалился согнувшийся пополам человек. Роняя кровавую пену, он согнулся еще ниже, потом упал навзничь, застыв окровавленным барьером на пути своего безумного спутника.

Воспользовавшись затишьем, Хетти выдвинула ящик стола и что-то выхватила из него. Перегнувшись через стол, она направила на Грэхема маленький старомодный револьвер. Пустые, лишенные выражения глаза сверлили цель, костяшки пальцев побелели. Вдруг стол под ней вздыбился — это Грэхем отчаянным броском отшвырнул его от себя. Хетти упала на стул, ствол пистолета задрался, и выстрел пришелся в потолок.

В коридоре послышался топот; вдали, у лифтов, кто-то сыпал проклятиями. Грэхем приподнялся и выстрелил одновременно с первым нападавшим. Его левая рука непроизвольно подскочила и запылала, будто от ожога. Зато противник рухнул как подкошенный.

Дверь за ним распахнулась, и в комнату ворвались двое вооруженных оперативников. Из конца коридора доносилась громкая револьверная пальба. Вот пуля ударила во что-то металлическое и, резко взвизгнув, отскочила. Еще две вонзились в деревянный наличник двери, третья мягко вошла в тело. Один из офицеров, тот, что пониже, закашлялся, сплюнул, снова закаш-

лялся, ослабев, прислонился к стене, съехал по ней вниз. Он замер, сидя на полу,— пистолет вывалился из пальцев, голова упала на грудь.

— Их здесь тьма! — крикнул второй оперативник.— Здание так и кишит придурками!

Выглянув из-за двери, он быстро послал две пули налево, вдоль по коридору. Справа в том же направлении обрушился град выстрелов, и через несколько секунд затишья в комнату проскользнули еще четверо офицеров.

— Скорее! — подгонял их Грэхем.— Я хочу вызволить девушку.

Он повернулся, собираясь схватить Хетти и унести, но увидел в окне далекое голубое сияние. Витоны! Штук двадцать сверкающих шаров, вытянувшись цепью, как нитка огромных бус, стремительно приближались, целясь прямо в окно комнаты. Пастухи спешили на выручку своим псам!

По коридору снова загрохотали шаги. Грэхем метнулся к двери, его товарищи открыли стрельбу. Сидящий на полу офицер стал слепо шарить в поисках пистолета и вдруг завалился на бок: глаза его закрылись, изо рта вытекла струйка крови.

Снаружи донесся шум ударов, стоны, бешеные вопли. Мгновение — и в комнату хлынула толпа витонских прихвостней. Они наступали, вытаращив глаза и нисколько не заботясь о собственной безопасности, с безрассудством спятивших автоматов. Это были роботы, созданные для того, чтобы убивать — как угодно, любой ценой.

На Грэхема надвигалось бесцветное лицо — мерзкие глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Перекошенный рот пузырился слюной. Он со всей силы заехал в гнусную физиономию, и она исчезла из виду, будто ее обладатель рванул прямиком в космос. На его месте тут же появился другой прилурок, но Грэхем уложил его одним ударом.

Кто-то поднял безумца с подергивающимся лицом и швырнул на середину комнаты. Поверженный идиот, по-змеиному извиваясь на полу, ухватил Грэхема за левую ногу. Отбиваясь правой, тот превратил его нос в земляничный пудинг. Рядом с его ухом оглушительно прогремел пистолет коллеги-оперативника, в ноздри ударил резкий запах пороха.

Бешеная схватка вынесла Грэхема из сотрясаемой грохотом комнаты в коридор, потом еще дальше, к лифтам. На его плечо обрушился сокрушительный удар, казалось, со всех сторон к нему тянется тысяча хищных рук.

Он видел, как Шиэн, один из офицеров, вбил дуло пистолета прямо в чей-то слюнявый рот и нажал на спуск. Во все стороны брызнули ошметки черепа и мозга; жертва с наполовину снесенной головой рухнула под ноги сражающимся. Где-то позади, а может, впереди или в каком-нибудь другом направлении — он не мог разобрать — одинокий голос выкрикивал что-то о витонах. Грэхем врезался в толпу придурков, сражаясь еще одержимее, чем они. И тут его сознание погрузилось в бушующее адское пламя, в котором он тонул, тонул, тонул, пока все звуки извне не замерли окончательно.

Глава 14

Ослабив на голове повязку, Грэхем взглянул на видневшуюся вдали громаду Манхэттенского банка и повернулся к спутникам.

— Как нам удалось выбраться из этого ада? Что там случилось?

— Мы с напарником расправились с пятеркой, болтавшейся в вестибюле,— ответил Воль, потирая ушибленное колено, и поморщился от боли.— Потом услышали кавардак, который начался наверху, когда шестеро наших поспешили тебе на выручку,— по лифтовой шахте доносился грохот. Вскоре двое выскочили оттуда, как черти из пекла, и приволокли тебя на себе. Ты совсем вырубился, и видок у тебя был, прямо скажем, бледный! — Он снова погладил колено и тихонько выругался.— Твои носильщики сказали, что ускользнули прямо из-под носа у витонов.

— А где Хетти?

— Она там.— Воль протянул ему полевой бинокль.— Отправилась следом за Мейо.

— Что, выбросилась из окна? — Увидев утвердительный кивок Воля, Грэхем погрузился в раздумье.

Так, значит, ее несчастный, исковерканный ум обременяла тройная задача. Выполнив свой долг, она должна была покончить с собой.

Он печально взглянул на кучку тряпья, застывшую на тротуаре. Скоро ее подберут и устроят подобающие проводы. А пока им повезло: они успели смыться быстро и как раз вовремя; теперь их снова невозможно отличить в миллионной толпе усталых, прячущихся по углам ньюйоркцев.

Только по чистой случайности или с помощью какого-нибудь витонского прихвостня их удастся опознать — с таким же успехом можно искать пчелу в густом рое. Хорошее сравнение — восстание пчел. Та же неприметность защитила бы от хозяина-человека нескольких сметливых насекомых, вздумай они изобрести способ заменить муравьиную кислоту смертоносным ядом паука-каракурта. Если бы дошло до этого, от меда таких пчелок хозяину не поздоровилось бы.

— Так ты говоришь, что меня вынесли двое? Только двое? — Его вопросительный взгляд упал на четверку офицеров, стоящих поодаль; двое из них неловко переминались с ноги на ногу.— А где еще четверо — убиты?

— Двое остались там.— Один из беспокойной пары махнул рукой в сторону Манхэттенского банка.— Бэтхерст и Крэйг задержались.

— Почему?

— Большинство придурков разбежались, были ранены или убиты, но им на смену пришли витоны. Они как раз появились наверху, когда мы внизу пытались вас вынести. Вот Бэтхерст с Крэйгом и вернулись, ну и...— Он замолчал.

— Они пошли в ловушку, зная, что из нее нет выхода? — подсказал Грэхем.

Собеседник молча кивнул.

Итак, двое остались, чтобы отвлечь по-прежнему непобедимого и к тому же разгоряченного схваткой врага, остались, чтобы беспомощно метаться и кричать и с криком умереть — или тоже превратиться в придурков. Они устремились наверх, зная, что спасения нет, но зная еще и то, что к тому времени, когда их схватят и высосут их непокорный разум, остальные затеряются в людской толпе и будут в безопасности.

Ради них эти двое пожертвовали жизнью. Грэхем молчал: сейчас любые слова прозвучали бы фальшиво; он знал, что никто не ждет и не требует от него никаких слов. Оперативники просто исполнили свой долг — так, как они его ощущали, в соответствии с традицией Разведывательной службы — вот и все.

Погладив пульсирующую левую руку, он приподнял тонкую повязку. Пустяковая царапина.

— Пусть это послужит тебе уроком,— сказал Воль,— не лезь туда, куда даже ангелы побоялись бы ступить. Что ты получил — сплошное несчастье!

— Надеюсь, что получил пропуск в рай,— отрезал Грэхем и, не обращая внимания на озадаченный вид приятеля, повернулся к четверке оперативников.— Вы двое,— сказал он, обращаясь к одной паре,— поспешите в Йонкерс. Прямо туда вам не попасть — по пути сильная радиация. Скорее всего, придется добираться кружным путем. Но попасть туда вы должны любой ценой.

— Будьте спокойны, мы не подведем,— заверил его один из двоих.

— Вот и отлично. Передайте Стиву Кёнигу, чтобы он срочно занялся волной ноль целых пять десятых сантиметра — это горячая новость. Вам лучше разделиться и, если получится, выбрать разные пути: тогда шансы на успех возрастут вдвое. Запомните: пять десятых сантиметра. Это все, что нужно знать Кёнигу.— Он обратился ко второй паре: — Компания Маркони расположила свой завод в подземном городе близ Куинса. Они там химичат на свой страх и риск, не ожидая указаний из Вашингтона, но моя информация может им пригодиться. Так что скорее в путь и скажите Дикону: у нас есть все основания считать, что длина волны пять десятых сантиметра — как раз то, что надо.

— Будет сделано, мистер Грэхем,— ответил один из них.

Под конец он сказал всей четверке:

— Еще передайте: если кто-нибудь из них добьется успеха, пусть не зевают, если не хотят остаться не у дел. Первая же установка, которую они соберут, должна быть направлена на защиту их лаборатории и станций, снабжающих их энергией. Только тогда — и никак не раньше! — они могут выполнять правительственный заказ. Скажите, чтобы не поддавались никаким началь-

ственным паникерам, пока не обеспечат защиту своих установок и электростанций. Ясно?

— Так точно, мистер Грэхем.

Быстро и осторожно они вышли.

На лице у Грэхема застыла решимость.

— Если нам удастся получить эффективное оружие, нельзя допустить, чтобы его уничтожили на корню,— сказал он Волю.

— Вполне логично,— согласился тот, вскидывая на приятеля вопросительный взгляд.— Ты никак что-то придумал, Билл?

— Да, я узнал у Хетти одну конкретную деталь, на поиск которой был запрограммирован ее разум. Не сомневаюсь, что витоны собирались вырвать у нее эти сведения, как только она их получит, и немедленно принять соответствующие меры.— Он достал из кармана изодранного пиджака пустую фляжку, хмуро повертел в руках и отбросил.— Хетти должна была по возможности выяснить местоположение любой группы, экспериментирующей с волной пять десятых сантиметра или около того. Если бы ей удалось это узнать, их бы немедленно разгромили. А заодно, возможно, разгромили бы и другие группы — только для того, чтобы нас запутать. У нас не осталось бы никакого ключа к нужной длине волны, а они накрыли бы ту, которая для них опасна.

— Вот дьявол! — В голосе Воля прозвучал восторг, смешанный с изумлением.— За этим ты туда и сунулся? Чтобы сами витоны открыли тебе свой секрет!

— Они и открыли,— коротко ответил Грэхем.— Устами своего пособника. Очень любезно с их стороны, чтоб им ни дна ни покрышки! — Он взглянул на часы.— Теперь отсчет пойдет с этих секунд. Еще несколько часов — и мы должны получить долгожданный ответ. Поляризация — порядочная канитель: ведь мы имеем дело не с обычным светом, а с короткими волнами.

— Ничего,— успокоил его Воль.— Пока ты прекрасно справляешься.

— Я? Ты хочешь сказать: мы!

— Я хочу сказать: именно ты,— настаивал Воль.— Ты прекрасно справляешься. Все будет в порядке. Не зря говорят: у каждой тучки — серебряная изнанка.

— Поскорее бы увидеть это серебро, иначе будет слишком...— Он замолчал, потер саднящую руку и взглянул на друга.— Мне

припомнилось что-то о фотонах, которые, отражаясь от полированного серебра, изменяют траекторию с двойной восьмерки на чистую спираль.

— Ну и что из этого? Я, например, тоже покручиваю по спирали кружку, когда в нее налито пиво.

— Серебро — это мысль! — продолжал Грэхем, не обращая внимания на шутку приятеля.— Главная проблема — добиться преломления, а не отражения, и серебро тут — как раз то, что надо. Есть хороший шанс, что такая короткая волна может пойти по спирали, если удастся отразить луч от серебряной пластины, и особенно если использовать электромагнитный ускоритель Бергстрома, чтобы придать серебру необходимую твердость и прочность, тем самым исключив поглощение.

— Ну ты даешь! — Воль смущенно улыбнулся.— Наверняка получится так, как ты сказал. Я вижу все так ясно, что смог бы представить и через месяц в тюремной камере, да еще с заткнутыми ушами!

— Один счастливый шанс из тысячи! — бормотал Грэхем.— Стоит попробовать, если Лори не изобрел ничего лучшего.— Кончив нянчиться со своей раной, он внезапно оживился: — Шевелись, Арт,— мы возвращаемся к Лори.

Сотня квалифицированных рабочих трудилась в поте лица в огромном цехе Фарадеевской компании. Их откомандировали местные радиотехнические и приборостроительные заводы. Каждый рабочий настолько хорошо знал свое дело, что Лори со своей немногочисленной командой мог без помех сосредоточиться на особой задаче, стоящей перед ними.

В результате многочасовой безостановочной работы на свет появился сложный, но компактный аппарат, который, сверкая металлом и стеклом, стоял посреди захламленного помещения. В центре агрегата поблескивали длинные узкие трубки; из ажурных конструкций, установленных на поворотном круге, выдавались цилиндрические экраны, ниже виднелась дюжина колес. С сиденья оператора, смонтированного перед небольшой панелью управления, можно было с помощью электрического привода перемещать и поворачивать всю установку на манер подъемного крана; ток к ней подавался по кабелям, которые выходили из конечных разъемов и змеились по полу к генераторам.

Вот один из рабочих, склонившись над идеально гладким пералуминовым диском, покрывает его тонким слоем серебра. Электрическая дуга разбрызгивает дождь мельчайших капель. Другой, рядом с ним, наносит на диск пленку гранулированного серебра, подавая его в пламя экзоацетиленовой горелки, которая напыляет серебряное покрытие на раскаленную поверхность. Любой метод годится — был бы человек, способный выполнять работу с ювелирной точностью.

Еще один рабочий доводит уже напыленный диск на реквизированном где-то полировальном круге, то и дело проверяя результат микрометром. Позади него один из помощников Лори заканчивает сборку полусферической решетчатой антенны. Двое ученых суетятся вокруг громоздкой цилиндрической трубы; один прилаживает к ее верху рамочные прицелы, передний и задний, другой выполняет тончайшую регулировку сложного ускорителя.

Оставалось всего два часа!

Вошел Грэхем, в руках у него была старомодная печатная газета. Поставив ногу на поворотный стол агрегата, он стал просматривать первую страницу. Айова на пороге битвы за Омаху. Бронетанковые войска азиатов вошли в Люксембург. Мадрид уничтожен ядерным взрывом. Скандинавия — наш последний оплот. Новые ядерные ракеты обрушились на Британию. Мрак, сплошной мрак. Когда к нему подошел Лори, он как раз переходил к боковой колонке. Падение Франции неизбежно. Грэхем сунул газету в карман.

— Дурные новости? — спросил Лори.

— Хуже некуда. Но есть еще кое-что. Вот, получили из Филадельфии по любительской связи. Сегодня утром почти готовый аппарат Вейтча взорвался ко всем чертям.

— Неужели? — Лори нахмурился, так что кустистые брови сошлись к переносице.— Значит, он был на верном пути. А если он был на верном пути, выходит, что мы избрали неверный.

— Вовсе не обязательно. В команде у Вейтча был придурок. Мы его предупреждали, и он сказал, что постарается запутать парня. Избавляться от него Вейтчу не хотелось: ведь тогда пришлось бы его кем-то заменить. Уж лучше известное зло, чем неизвестное.

— Так это сделал придурок?

— Да, и сам погиб при взрыве. Так сказать, совершил почетное харакири. Есть двое раненых.— Грэхем задумался.— Я бы сам позвонил Вейтчу, да все их каналы связи работают только на передачу. Он должен был намного опередить всех: ведь к ним из Флориды перебросили тонны оборудования, оставалось его только перемонтировать.

— Вот оно что. А еще новости есть?

— Только одна: Сангстер нашелся. Я уже беспокоился о нем. Его обнаружили в подземной больнице. Он оказался на Уильям-стрит, когда рухнул большой кусок воздушки. Бедняге уже лучше.

Расставшись с Лори, Билл Грэхем вышел на открытую площадку перед цехом. Здесь, в центре расчищенного пространства, поблескивало кольцо гигантских медных проводов, которые оставалось присоединить к батарее конденсаторов, образующих сложную систему заземления передающей установки.

Строй голубых точек, казавшихся издали совсем крошечными, держал курс на запад где-то над Лонг-Айлендом. При одном взгляде на них глаза у Грэхема разгорелись. «Отличная цель,— подумал он, как всегда забывая, что сам представляет собой еще лучшую цель.— Так и напрашивается сравнение с армией трудолюбивых пчеловодов, спешащих обыскать тысячи ульев, населенных десятками миллионов пчел. Можно поспеть туда и сюда, и в десятки других мест, да только везде разом не поспеешь. Вот где их слабое место!»

Он снова посмотрел на медные провода заземления. Сможет ли даже такая мощная система принять на себя чудовищный удар мстительного врага? Он не был уверен. Будь она и в десять раз больше, ей не удалось бы сдержать адскую ярость, которая обрушилась на Силвер-Сити.

Позади площадки, предназначенной для передатчика, виднелась огромная яма. Ее стены, покрытые шестидюймовым слоем быстросохнущего бетона, уходили вглубь. В центре торчал гладкий шест.

Передатчиком должен был управлять один человек. В случае успеха он попытается уйти от неминуемой гибели, которую повлечет за собой этот успех, соскользнув по шесту в шахту, в ее

спасительную черную глубину. Конечно, убежище примитивное, но в данных обстоятельствах ничего лучшего не придумаешь.

Грэхем вернулся в цех и спросил у Лори:

— Сколько осталось?

— Пятнадцать минут.— Лори вытер потный нахмуренный лоб.— Еще пятнадцать минут, и мы готовы. Если выиграем, тут же приступаем к сборке еще десяти передатчиков.— Он махнул рукой в сторону суетящихся рабочих.— И если нас не прикончат, мы их слепим за какую-нибудь пару часов.

— Ничего подобного! — властно отрезал Грэхем тоном, не допускающим никаких возражений.— Вы сию же минуту перебросите заготовки в безопасное место. Ведь если витоны озвереют, все здесь взлетит в воздух, так что на случай заварушки стоит отправить ваши железки подальше от греха.— Он взял микрофон и стал торопливо отдавать распоряжения.

Через три минуты у входа развернулась колонна грузовиков. Каждый забирал свой груз и с грохотом отъезжал. Притихшие, задумчивые рабочие тоже уехали, оставив совершенно пустое помещение, посреди которого, поблескивая, застыл излучатель поляризованных волн. Четверка экспериментаторов торопливо заканчивала последние приготовления.

Облокотившись на поворотный круг, Грэхем наблюдал за ними с каким-то отстраненным спокойствием, удивлявшим его самого: ведь время решающего испытания стремительно приближалось И вот после многодневной изматывающей нервы гонки он вдруг обрел бесстрастие каменного Будды — так ощущает себя человек, который после тягостного ожидания в приемной наконец оказался в зубоврачебном кресле. Взгляд его задержался на одном из четверых ученых, тщедушном коротышке с венчиком волос вокруг блестящей лысины.

Как только он закончил работу, Грэхем намеренно резко произнес:

— Мне не ясно, кого вы пытаетесь обмануть, присоединяя подающий провод к выключателю ускорителя.

Услышав его ядовитый тон, окружающие вздрогнули. Человечек, к которому он обратился, повернулся к Грэхему морщинистое обезьянье личико, бессмысленно тараща бледно-голубые глаза. Выронив конец провода, он незаметно полез в карман, как будто собираясь достать кусачки.

Грэхем уложил его на месте; мощный выстрел в упор отбросил коротышку назад. Пока Лори с товарищами, побледнев, не сводили с него глаз, Арт Воль как ни в чем не бывало шагнул вперед, порылся в карманах трупа и извлек маленький яйцевидный предмет.

— Вот дьявол — бомба! Ведь эта штуковина могла запросто разнести нас на куски!

— Ладно, проехали. Забери ее, Арт, и брось в пруд там, за цехом.— Грэхем обратился к Лори: — Отключите ток, Дункан, и проверьте всю цепь. Просмотрите, все ли в порядке. Если да, пора выкатывать установку — нужно ведь еще присоединить ее к проводам заземления.

Через минуту Лори объявил:

— Все готово! Лучше работать она не будет, даже если у нас ничего не выйдет.

— Порядок!

Поляризатор выкатили, подключили к системе заземления. Лори с тремя спутниками ушел, остался только Воль.

Грэхем забрался наверх и занял место за пультом. Все было под рукой — подача тока, ускоритель, рычаги управления подъемником и поворотным кругом. Над головой тяжело нависло хмурое небо. Высоко на юге клубился дым ракетного залпа. Оставалось отделаться от Воля.

— Беги, Арт! — приказал он.— Витоны приближаются.— Он показал на стаю шаров, подлетающую с северо-востока.— Мне некогда сидеть и спорить. Догоняй Дункана и его ребят. Даю тебе полминуты, чтобы исчезнуть.

— Но ведь...— попытался возразить Воль.

— Сказано, убирайся! — свирепо рявкнул Грэхем.

Он смотрел, как Воль с несчастным видом трусит прочь, выжидая, пока тот скроется за углом цеха. Прямо перед Грэхемом, подобно дулу гигантской пушки, вздымалась цилиндрическая труба. От приближающихся шаров его отделяла всего миля.

Давая приятелю время уйти на безопасное расстояние, он зорким взглядом обшаривал небо. «Мы так никогда и не узнаем, откуда взялись витоны,— размышлял он.— Их происхождение останется для нас такой же загадкой, как и возникновение

пневмококков, пуделей да и всех прочих творений природы». И все же он склонялся к выводу, что именно витоны — коренные обитатели планеты, и предчувствовал, что их вот-вот навсегда сметут с лица Земли — не одна враждующая группировка землян, так другая.

Подошел решающий час, судьбоносный миг настал. Грэхем развернул гигантскую трубу, нацеливая ее на подлетающие шары. Труба легко двигалась на шарнирах, а сама установка плавно вращалась на своем поворотном круге. Слушая, как в цехе ровно гудят генераторы, он подумал, что всего девяносто минут отделяют Европу от гибели. Нажал на выключатель и подал в установку ток.

Прошло несколько секунд — трубки нагрелись. Где-то наверху, на высоте десяти-двенадцати этажей, застыли на своих постах наблюдатели, бинокли подрагивали у них в руках.

И вот направленный поляризованный луч с длиной волны полсантиметра брызнул в отверстие трубы и вырвался из жерла излучателя. Ось его закрученных импульсов шла параллельно прицелу, наведенному на свору витонов.

Такая частота выходила за пределы даже зрительного диапазона, открытого Бьернсеном, и луч был невидим. Зато был виден результат его действия, да еще какой! Вожак стаи налетчиков, состоящей из десяти шаров, застыл в воздухе, как будто наткнулся на невидимую преграду. Цвет его сгустился, превратившись из ярко-голубого в темно-фиолетовый, потом почти мгновенно сменился ослепительно сверкающим оранжевым — и вдруг шар лопнул! Исчез так неожиданно и бесследно, что армия затаившихся наблюдателей долго не могла прийти в себя.

Оставшаяся девятка нерешительно замялась; еще один остановился, прошел все фазы исчезновения — от голубой до оранжевой,— и тут вся свора бросилась наутек. С быстротой молнии шары взвились вверх и скрылись за облаками.

Кто-то заревел, как раненый слон, увидев, что Грэхем поднял трубу и сразил третьего витона на лету. Кто-то отпустил дурацкую шутку, мол, срезать их в полете — куда увлекательнее.

Краем глаза Грэхем заметил, как где-то в районе Бродвея взвился гигантский столб белесого желтоватого пламени. Послышался гул, потом налетела ударная волна, едва не сбросившая

его с сиденья. Он крепко стиснул зубы. Странный звук затих. И тут Грэхем осознал, что это он орал как оглашенный.

Какое-то шестое чувство — может быть, экстрасенсорное восприятие — заставило его развернуть установку. Метнувшись за кожух ускорителя, он прицелился в вереницу шаров, атакующих с юга. И снова заорал, увидев, как вожак наливается фиолетовым. Остальные витоны затормозили так резко, что он подумал: уж нет ли у них ног, и, тщетно пытаясь остановиться, продолжали по инерции скользить вперед. Слишком велика была скорость. Они врезались в подбитого собрата как раз в то мгновение, когда он вспыхнул слепящим оранжевым огнем.

— Вот вам — за Мейо! — взревел Грэхем, подпрыгивая на сиденье.— А вот — за Уэбба! Теперь — за Бича, слизняки вонючие, чертовы паразиты! А теперь — за Фармилоу! А вы, сволочи поганые, получите за Бьернсена!

Исчерпав запас ругательств, он следил за результатом воздушного боя. Какой-то захватывающий миг бешено крутящийся в застывших небесах клубок энергии продолжал сохранять чудовищно разбухшую шаровидную форму. Потом с оглушительным треском взорвался.

Грэхему показалось, что у него лопнули барабанные перепонки. Порыв ветра чуть не сбросил его с шаткого насеста. Весь аппарат так и застонал, пытаясь вывернуться из креплений. В вышине заметались обезумевшие волны; жесткое излучение обрушилось на Грэхема, как тропическое солнце, так что ему пришлось закрыть глаза, чтобы уберечь роговицу.

Но он не мог, да и не хотел, усидеть на месте. Вот и конец погони, пришел его звездный час, едва ли такое выдастся еще раз. Но прежде всего настал час возмездия. Он гикнул, как завидевший врага индеец, проворно крутанул трубу на девяносто градусов и прошил двух сверкающих налетчиков, пикирующих на него с высоты.

Теперь ясно, как они подорвали резервуары в Силвер-Сити. Целая дюжина витонов, а может, две или даже полсотни совершили самоубийство: врезались в хранилища, сталкиваясь при ударе. При столкновении их природное равновесие нарушилось, и они все вместе превратились в чудовищный детонатор. Их род владел древним секретом, который лишь недавно стал известен

их рабам-людям: секретом бурного распада в случае, когда сгусток энергии — радиоактивной или витонской — превысит критическую массу.

Резервуары с нитратом серебра приняли на себя самый яростный удар за всю историю человечества, удар такой сокрушительной силы, что по сравнению с ним даже атомная бомба казалась детской игрушкой. А огромный черный перст, указующий направление, в котором вознеслись души обитателей Силвер-Сити, был не чем иным, как столбом обезумевших атомов, устремившихся ввысь в поисках новых связей.

Снова повернув излучатель, он обрушил адскую кару на подлетающую шестерку и с удовлетворением увидел, как витоны выплеснули свою энергию в видимые частоты и отправились к праотцам. Они могут сколько угодно плевать на лучи, падающие на них по сложной траектории Лиссажу,— ведь природа сделала их неуязвимыми к солнечному излучению. Его они запросто переносят. Может быть, даже с удовольствием. Зато лучи, направленные по гиперболе, вонзаются им прямо в потроха!

На севере, у самого горизонта, собиралось огромное полчище витонов. Грэхем попытался достать их лучом, но, убедившись, что все его усилия безрезультатны, сделал вывод: они вне радиуса действия установки. На востоке снова загрохотали рукотворные вулканы. В воздухе стоял запах озона, жженой резины и мокрого цемента. Вокруг слышались выкрики, но из-за расстояния он не мог разобрать слов.

Он думал о воздушных силах Америки, прикованных к земле,— десять тысяч стремительных боевых машин не осмеливаются взлететь, пока существуют витоны, угрожающие подчинить себе мозг пилота и натравить брата на брата. Скоро все кончится, теперь уже совсем скоро. Небо запестреет крылатыми воителями, а внизу народ будет повторять сладчайшее для любой войны слово: «Наши!»

Пока Грэхем приканчивал только беспечных, ленивых или неосторожных, но теперь враг осознал грозящую ему опасность Теперь он готовит массовую атаку, штурм, призванный раз и навсегда продемонстрировать всю мощь, на которую способны витоны, сплотившиеся воедино. Они бросят на него роты, батальоны, бригады — в таком количестве, что ему не отбиться.

Хотят стереть его с лица Земли, которую считают своей вотчиной, а вместе с ним — и поляризатор. Да, конец близок, но к нему вел длинный путь.

Оглядывая небо, он увидел эскадрон азиатских стратопланов, удаляющихся на восток в полной уверенности, что за ними сам Всевышний. Позади и ниже вспыхивали разрывы, сыпались искры. «Интересно, видели ли пилоты-фанатики, какая судьба постигла кое-кого из так называемых духов их предков?» — подумал Грэхем и пришел к выводу, что нет.

А ведь новость должна бы уже облететь весь мир, во всяком случае Новый Свет. И до Европы подробности, наверное, уже дошли. Теперь, зная, что победу решает только время, а не сомнения, Европа должна выстоять. Может быть, какая-нибудь из других групп тоже добилась успеха. Хотя какая разница — триумф Фарадеевской компании стал триумфом всего человечества.

Он прервал размышления, увидев, что далекая армада взмыла ввысь. Ее окружало гигантское фантастическое зарево, и было трудно поверить, что для обычного зрения, не прошедшего обработку, витоны совершенно невидимы. Надвигалось несметное полчище голубых светил, сверкающей стеной заслонившее весь северный небосклон,— наводящее несказанный ужас небесное воинство, родом не из рая и долго отвергаемое адом. Витоны приближались так стремительно, что глаз отказывался верить.

Грэхем еще только готовился принять бой, а небольшой участок голубизны в центре вражеского строя вдруг налился фиолетовым, перешел в оранжевый и начисто пропал. На какой-то миг он пришел в замешательство, потом вспомнил — Йонкерс!

— Старина Стив! — взревел он.— Все-таки добился своего. Задай-ка им жару, Стив!

Увеличив мощность, он прошил стремительно наступающую орду. Голубизна вспыхнула фиолетовым, оранжевым — и исчезла. Уцелевшее крыло отделилось от основной массы и обрушилось на Йонкерс. Некоторые шары, падая, меняли цвет.

Другое крыло мстительно устремилось прямо на Грэхема. Он знал, что сейчас произойдет, чувствовал по тому, как они все теснее сплачивают ряды, ускоряя полет. До самого последнего мгновения он давал им прикурить, поливая отборной руганью и смертоносными лучами. Как только витоны столкнулись, обра-

зовав убийственную смесь, он в четыре огромных прыжка добрался до ямы, обхватил шест и, увлекаемый силой тяжести, ринулся вниз.

С захватывающей дух скоростью скользя по шесту, он видел, как жуткая сверкающая голубизна мгновенно сгустилась и нависла над устьем шахты. Все небо превратилось в пылающий лазурный купол. И вдруг вспыхнуло нестерпимым блеском. В уже и без того поврежденные перепонки Грэхема ударил оглушительный треск — как будто космос разорвался на части. Шест заплясал, словно палочка в руках жонглера.

Грэхема, как перышко, стряхнуло с шеста, и он рухнул в содрогающуюся глубину. Шахта ходила ходуном от верха до самого дна, стены крошились, вниз обрушился смертельный ливень земли, камней, осколков бетона. Что-то большое, черное, пробив темноту, показалось в проеме и тяжело рухнуло прямо на беззащитное тело.

У Грэхема вырвался сдавленный стон. Сознание отлетело, как черная погребальная ладья, отплывающая в туманные моря.

Постель была удобной, такой удобной, что хотелось подольше протянуть этот сон. Блаженно повернув голову, Грэхем почувствовал, как ее пронзила острая боль, и открыл глаза.

И правда, он в постели. Грэхем пошевелил пальцами, ощупывая ее. Определенно, это постель. Он с изумлением оглядел белую простыню, изучил картину на противоположной стене. Это был «Загнанный олень». Грэхем показал ему язык.

Рядом скрипнул стул. Сморщившись от боли, он повернул голову и обнаружил широкоплечую фигуру Воля.

— Добрый вечер, Рип ван Винкль,— с елейным радушием приветствовал его Воль. Он указал на часы, потом на календарь.— Сейчас десять вечера, четверг. Целых три дня ты был глух, нем, туп и недвижим — словом, оставался самим собой.

— Да ну? — Грэхем фыркнул, но не так гневно, как обычно. Потом метнул взгляд в сторону картины.— Не ты ли водрузил здесь эту дрянь? Если ты, то не вижу здесь ничего смешного.

Воль обозрел картину, пытаясь понять, чем она не угодила приятелю. Наконец его осенило, и он загоготал.

С трудом сев, Грэхем оперся на локоть, не обращая внимания на дергающую боль в голове.

— Тащи сюда мои пожитки, безмозглый толстяк,— мне пора по делам.

— Ничего не выйдет.— Широкая ладонь Воля мягко уложила его обратно.— Нынче тот единственный случай, когда командую я, а ты повинуешься.— Он заявил это с неприкрытым злорадством, потом добавил: — Витоны сровняли с землей площадь диаметром пару миль, прикончили многих наблюдателей. Нам понадобилось двенадцать часов, чтобы обнаружить твою нору и откопать кусок фарша, в который ты превратился. Так что полеживай себе смирно, а дядюшка Арт расскажет тебе сказочку на сон грядущий.

Он достал газету, развернул ее и с торжеством в голосе прочитал краткий обзор событий дня:

— Мэр Салливан утверждает: теперь город надежно защищен. «Электра» довела выпуск новых излучателей до тысячи штук в день. Еще две эскадрильи азиатских стратопланов приземлились в Бэттери-Парке и сдались.— Взглянув на приятеля, он добавил: — Это только местная хроника. Столько всего случилось, пока ты тут храпел, как жирный боров.

Грэхем сердито хмыкнул.

— А как дела у Кёнига?

— Двое операторов погибли, когда Йонкерс принял на себя удар. Много наблюдателей, находившихся поблизости, тоже отправились на тот свет. А в остальном — все в порядке.— Воль снова уткнулся в газету.— Вот еще, послушай,— предложил он.— В Небраске выровнена линия фронта. Наши бронетанковые войска теснят слабеющего противника. В рядах азиатов вспыхивают восстания, по мере того как наши передатчики продвигаются к линии фронта и поражают витонов прямо у них над головами. Азиатские пацифисты захватили короля Чунга и приступили к производству антивитоновских излучателей. Европейские вооруженные силы полным ходом двигаются на восток. Вашингтон ожидает, что азиаты предложат перемирие и содействие в уничтожении витонов.— Он сложил газету и сунул ее Грэхему под подушку.— Можно сказать, война идет к концу — и все благодаря тебе!

— Черта с два! — кисло произнес Грэхем и снова приподнялся.— Отдавай мою одежонку. Я ведь не такой жулик, как ты,— одеял не таскаю.

Воль встал и с притворным ужасом воззрился на друга.

— Клянусь Богом, Билл, вид у тебя просто жуткий. Краше в гроб кладут. По-моему, тебе необходим врач.— Он направился к двери.

— Не валяй дурака! — крикнул Грэхем. Он быстро сел, тут же схватился за голову и не отпускал рук до тех пор, пока не удостоверился, что она не разломится на части.— Тащи сюда мои штаны, а то встану и отделаю тебя как следует. Я сейчас же смываюсь из этой богадельни.

— Ты сам не знаешь, что тебе нужно,— с упреком бросил ему Воль от двери.— Ведь ты в новой подземной больнице, бывшей «Самаритэн».

— Что-что?

— «Самаритэн»,— повторил Воль, покосившись на оленя.

Грэхем охнул, поспешно улегся и глухо застонал.

— Что-то мне худо, Арт. Наверное, я умираю. Позови врача.

— Будет сделано! — воскликнул Воль и принял позу, выпятив зад и натянув воображаемый лук.— Нет, ты только взгляни: вылитый Купидон! — Потом он вышел.

Вскоре вошла она, присела рядом с постелью и самым что ни на есть профессиональным тоном спросила:

— Ну, как себя чувствуем?

— Как всегда, когда я рядом с вами.— Он взял ее ладонь.

Девушка резко отдернула руку.

— Здесь не место для подобных выходок.

— В других местах вы тоже не давали мне особо развернуться,— пожаловался он.

Не отвечая, она устремила невидящий взгляд на оленя.

— Вот гадость-то,— сказал он.

— Не поняла.

— Я про эту мазню.— Он кивнул в сторону картины.— Полагаю, кто-то решил меня съесть. Уж не вы ли?

— Я? — Она искренне удивилась.— Что за глупость. Если вам не нравится, я велю снять.

— Сделайте одолжение. Уж слишком он похож на меня. Как, впрочем, и на всех остальных.

— Вы так считаете? Но почему?

— Потому что загнанный. Мы все с незапамятных времен были загнаны. Сначала — сами того не ведая, потом — зная всю

правду до конца. Приятно сознавать, что все позади. Может быть, теперь наконец мы сможем повеселиться. Вы помогали мне раньше, сможете помочь и сейчас.

— Что-то я не помню, чтобы особенно вам помогала,— упорно ответила она.

— Именно вы дали нам ценные сведения о Биче, о кабинетах физиотерапии, о Фармилоу. Если бы не вы, мы до сих пор гонялись бы за призраками.— Он сел и посмотрел ей в глаза.— Но больше я за призраками не гоняюсь.

Ничего не ответив, она отвернулась и задумчиво уставилась в потолок. Грэхем пожирал глазами мягкий изгиб ее щеки, разлет бровей и знал, что она ощущает его взгляд.

— Там, в вышине,— звезды,— продолжал он.— И знаете, Гармония, на них могут обитать люди, живые люди, как мы с вами. Дружественные народы, которые, возможно, побывали на Земле еще до витонского ига. Ганс Лютер считал, что им велели держаться от Земли подальше, и она оказалась запретной планетой.— Он снова посмотрел на девушку.— Все лучшее оказалось под запретом для тех, кто хотел бы посетить Землю, и для нас, которые стали ее узниками. Не разрешалось ничего, кроме того, что наши господа считали выгодным для себя.

— Но теперь все по-другому,— пробормотала она.

— Да, по-другому. Теперь мы можем испытывать эмоции для себя, а не для других. Наконец-то наши чувства принадлежат нам самим. Вдвоем хорошо, а третий — лишний, особенно если этот третий — витон. До вас дошло, что только теперь мы по-настоящему наедине?

— Мы?

Она повернулась к нему, брови вопросительно изогнулись.

— Возможно, здесь и вправду не место,— сказал Грэхем,— зато случай уж больно подходящий! — Он привлек девушку к себе и припал к ее губам.

Она сопротивлялась, но не слишком настойчиво. Потом и вовсе перестала. Рука ее обвилась вокруг его шеи.

Содержание

Оса 5
Перевод В. Межевич

Часовые Вселенной 181
Перевод К. Плешкова

Считайте его мертвым 395
Перевод К. Плешкова

Ближайший родственник 589
Перевод Т. Науменко и М. Науменко

Зловещий барьер 737
Перевод Т. Науменко

Литературно-художественное издание

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Эрик Фрэнк Расселл

ЧАСОВЫЕ ВСЕЛЕННОЙ

Ответственный редактор *Г. Корчагин*
Выпускающий редактор *Е. Березина*
Редактор *А. Овчинникова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *В. Сергеев*
Корректоры *Н. Тюрина, Н. Князева*

В оформлении переплета использована иллюстрация A. K. Agency / S. Martiniere

ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.
Тел./факс: (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **Info@eksmo.ru**

Подписано в печать 05.02.2010. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 49,56.
Тираж 5 000 экз. Заказ 4822

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон (4822) 44-52-03 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-40930-3